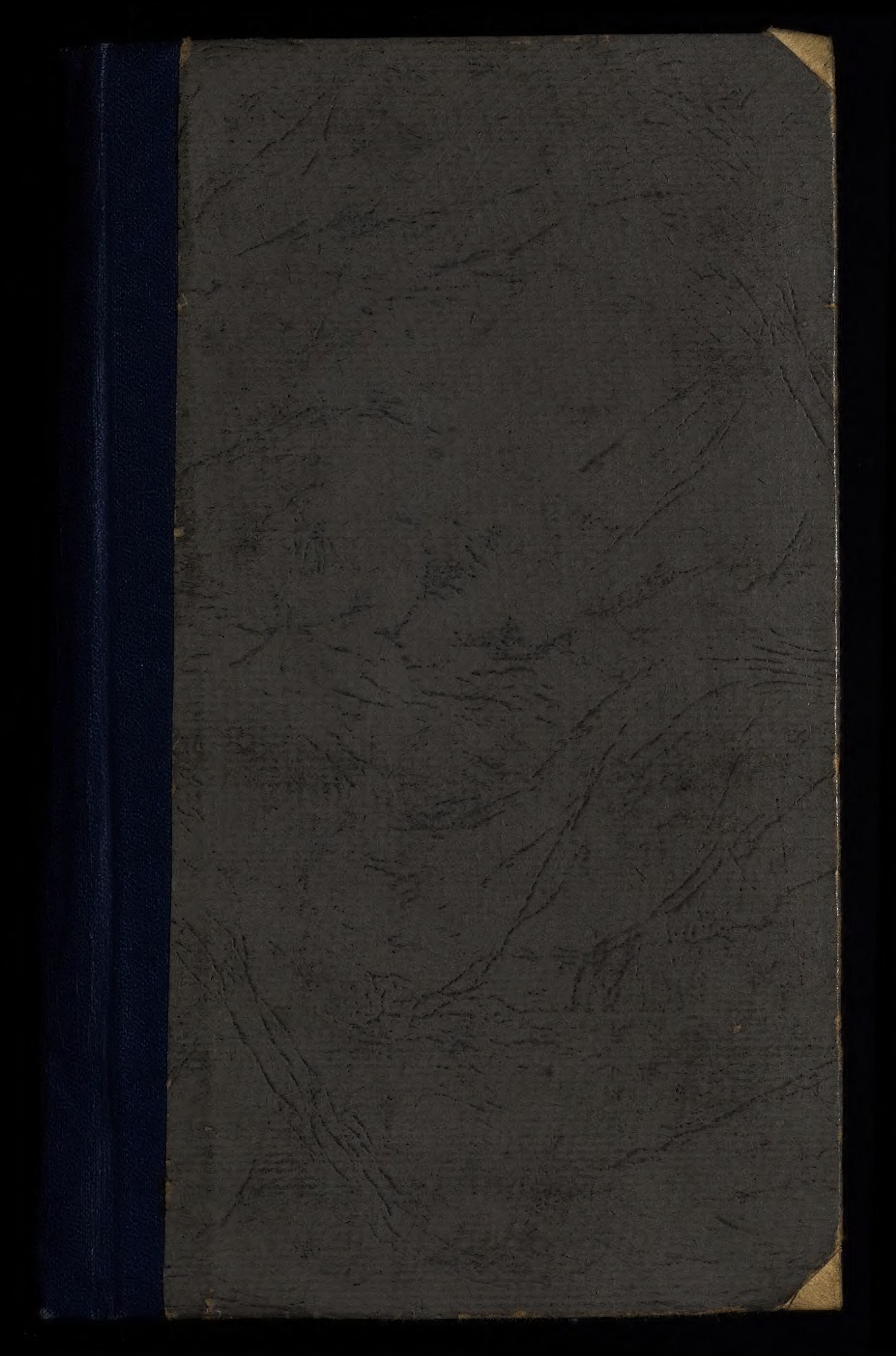
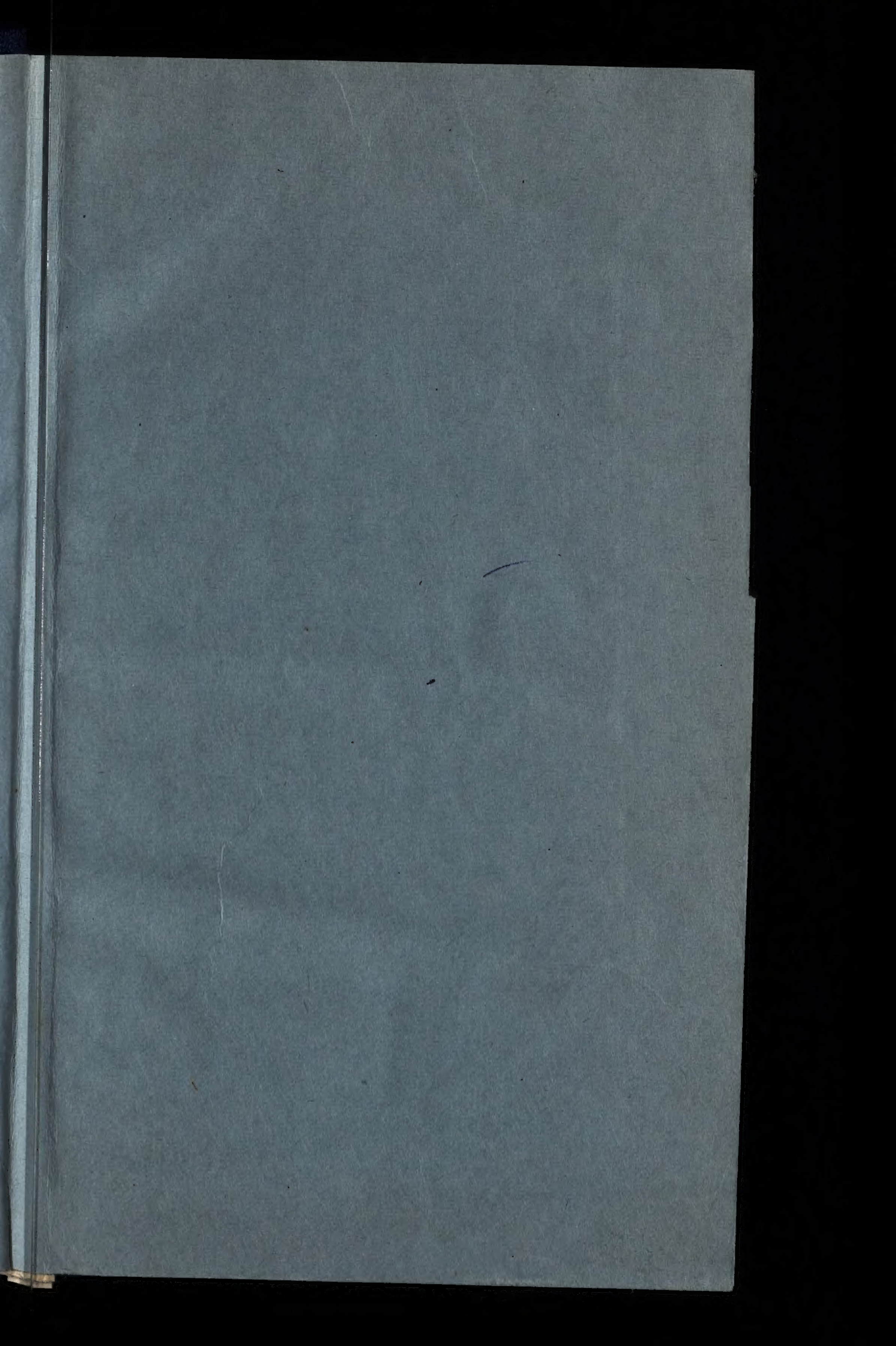
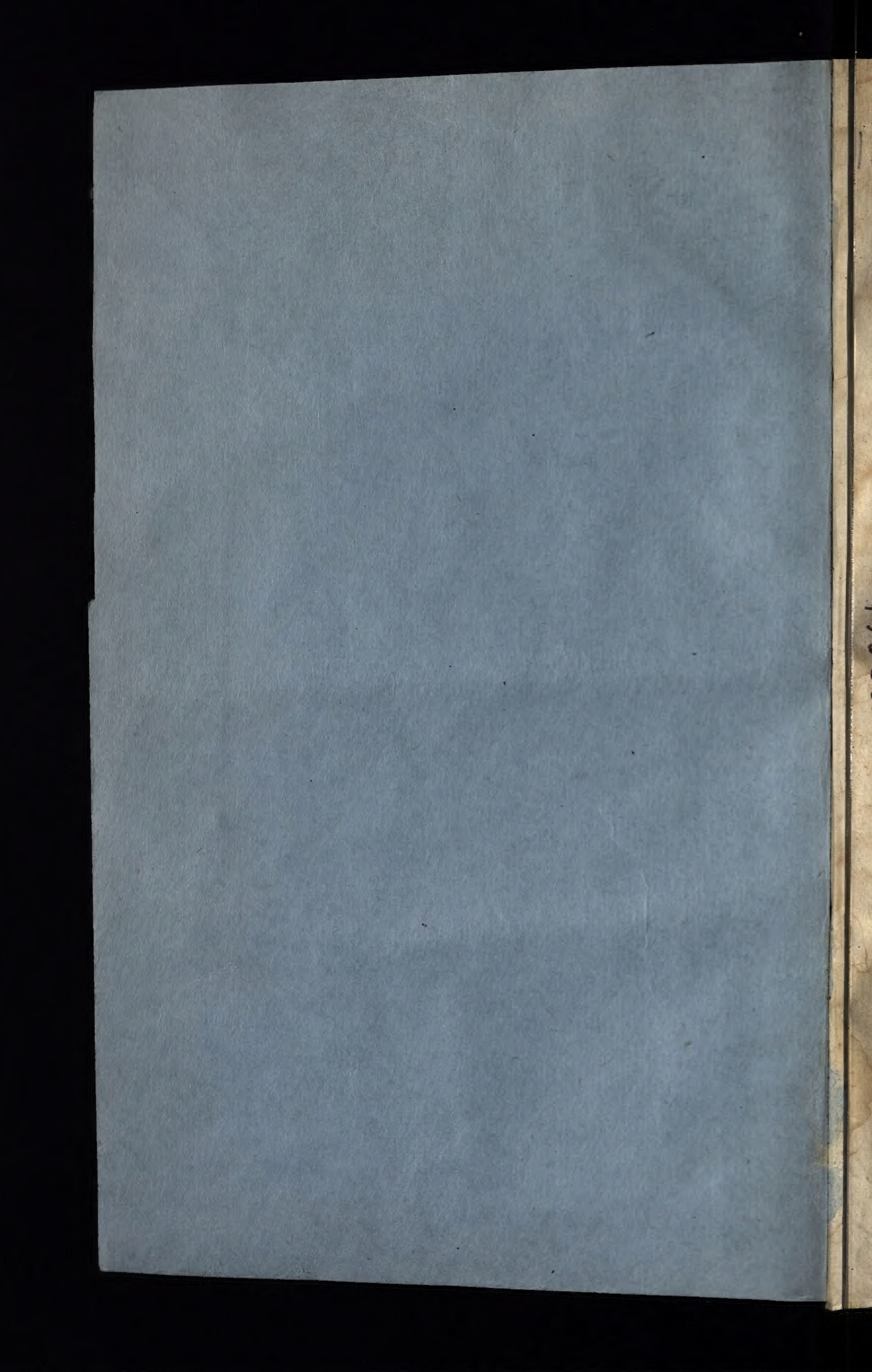

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ
ІЕРЕМІИ БЕНТАМА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

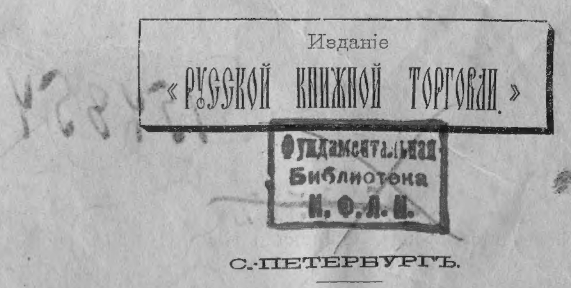
1. ВВЕДЕНІЕ
ВЪ ОСНОВАНІЯ НРАВСТВЕННОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

2. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКАГО КОДЕКСА.

3. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА УГОЛОВНАГО КОДЕКСА.

ПЕРЕВОДЪ
(по англійскому изданію Боуринга и французскому, Дюмона)
А. Н. ПЫПИНА и А. Н. НЕВѢДОМСКАГО.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Ю. Г. ЖУКОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1867.

Содержатель Типографіи Николай Андреяновичъ Неклюдовъ жительство имѣетъ по Фонтанкѣ между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, д. № 87-й.

Типографія и Литографія Н. Тиблена и Комп. (Н. Неклюдова).
Вас. Остр. 8 л., № 25.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Съ тѣхъ поръ, какъ русская жизнь, отказавшись отъ своей средневѣковой исключительности, сдѣлала свои первые шаги къ сближенію съ Европой, европейскія вліянія играютъ несомнѣнную и очень важную роль въ ея развитіи. Какъ правительство заимствовало у западныхъ сосѣдей многія внѣшнія формы управленія и организаціи народныхъ силъ, какъ болѣе или менѣе образованная часть общества заимствовала внѣшнія формы нравовъ и общежитія, такъ и въ умственной жизни происходило тоже заимствованіе и усвоеніе европейскихъ формъ и содержанія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи воспринятіе европейскихъ вліяній естественно всего позднѣе приняло характеръ нѣсколько общаго и сознательнаго явленія. Первыя завоеванія науки были такимъ же непосредственнымъ результатомъ самодержавной воли, какъ введеніе внѣшнихъ пріемовъ европейскаго государственнаго механизма и новыхъ обычаевъ: сознательная умственная дѣятельность прививается медленнѣе, и съ нѣкоторой прочностью она установляется собственно только со второй половины XVIII-го вѣка. Въ литературѣ является стремленіе организоваться аналогично съ тѣмъ, что̀ наши писатели находили въ литературахъ европейскихъ; въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка является обширное количество переводовъ изъ знаменитѣйшихъ писателей и философовъ европейской литературы. Было бы исторической несправедливостью сказать, что это явленіе (въ которомъ послѣ стали нѣкоторые видѣть только забвеніе народныхъ началъ и вредную подражательность) осталось безплоднымъ для развитія русскаго образованія. Напротивъ, невозможно отвергать, что эти порывы къ изученію содержанія европейской мысли, какіе мы можемъ наблюдать особенно въ царствованіе Екатерины II и въ первую эпоху императора Александра I, — хотя и имѣли свои неизбѣжныя слабыя стороны, но въ цѣломъ производили благотворное дѣйствіе на умственную жизнь; и теперь, когда мы нѣсколько больше прежняго знакомимся съ исторіей нашего XVIII-го

вѣка и получаемъ возможность ближе вглядываться въ лучшихъ людей этого періода, мы убѣждаемся, что изъ-за этихъ порывовъ они вовсе не переставали быть совершенно русскими людьми и не переставали быть горячо преданными дѣлу русскаго развитія и образованности.

Едва ли кто въ состояніи отвергнуть, что тоже дѣйствіе европейскихъ вліяній продолжалось и послѣ, продолжается и до сихъ поръ, и продолжается даже въ тѣхъ самыхъ лагеряхъ, которые хотятъ теперь заподозрить европейское развитіе и выдѣлить русское развитіе изъ общаго европейскаго теченія. Масса переводовъ, составляющихъ огромную долю нашей литературы, достаточно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Нельзя не признать съ другой стороны, что съ тѣхъ поръ, какъ научная дѣятельность, въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ знанія, стала пріобрѣтать у насъ извѣстную самостоятельность, является и болѣе самостоятельности въ общихъ теоретическихъ представленіяхъ; поэтическая литература почти вполнѣ освобождается отъ господства, прежде обязательныхъ, «образцовъ» и, сохранивъ европейскія формы, влагаетъ въ нихъ болѣе самобытнымъ образомъ содержаніе русской національной жизни. Для того, чтобы эта умственная самостоятельность стала полной, русскому научному мышленію предстоитъ еще громадный трудъ. Этотъ трудъ имѣетъ двѣ стороны: во первыхъ, русская научная мысль еще далеко не обнимаетъ всего содержанія знаній о человѣкѣ и природѣ, какое въ настоящее время разработывается европейской наукой, — мы еще не имѣемъ цѣлыхъ огромныхъ отдѣловъ европейскаго знанія, не касались вовсе до цѣлыхъ областей науки, которыя еще не были до сихъ поръ возможны отчасти по внѣшнимъ причинамъ, (на которыя, впрочемъ, мы предпочитаемъ ссылаться гораздо меньше, чѣмъ какъ это часто дѣлается), а еще больше по недостаточности общаго господствующаго уровня знаній и понятій,— потому что такой недостаточный уровень имѣетъ свойство стѣснять и ограничивать научную и философскую мысль старыми привычками и предразсудками, и затѣмъ, косвенно, но сильно, стѣснять и ея внѣшнее распространеніе; во вторыхъ, это долженъ быть трудъ изученія прошедшаго, изученія исторіи человѣческаго мышленія, потому что только этимъ путемъ можно пріобрѣсти прочную опору для самостоятельной работы.

Къ сожалѣнію, относительно этого послѣдняго предмета въ понятіяхъ, находящихся въ нашемъ обыкновенномъ литературномъ обращеніи, есть много большихъ заблужденій. Мы, въ сущности не имѣя на то достаточнаго права, привыкли слишкомъ легко судить объ этомъ прошедшемъ, свысока относиться къ идеямъ, будто бы пережитымъ, къ именамъ, будто бы для насъ исторически безполезнымъ,—между тѣмъ

какъ на дѣлѣ нашему умственному развитію, чтобы быть вполнѣ самостоятельнымъ, необходимо еще много работы надъ тѣмъ, что уже дѣйствительно пережито другими... Упомянутые порывы были остановлены и охладѣли въ концѣ прошлаго вѣка; они оживились снова при Александрѣ. Десятые и двадцатые года нынѣшняго столѣтія, какъ извѣстно, повлекли сильную реакцію противъ стараго просвѣщенія и вмѣстѣ противъ того развитія мысли, которое въ XIX-мъ столѣтіи продолжало установленіе новыхъ понятій. Имена дѣятелей просвѣщенія, которые нѣкогда были предметомъ удивленія и даже дружбы коронованныхъ особъ, стали синонимами буйныхъ нарушителей общественнаго спокойствія и враговъ общественной нравственности. Такъ это было въ извѣстныхъ слояхъ европейскаго общества; но всего дольше эти взгляды удержались у насъ,—хотя мы собственно меньше всѣхъ знакомы были съ трудами этихъ дѣятелей. Въ настоящее время есть возможность понимать источникъ этихъ понятій, но большинство до сихъ поръ остается безсознательно подъ внушеніями стараго обскурантизма, и, спутывая свои представленія объ исторіи человѣческой мысли, запутываетъ свои собственныя понятія и даже собственныя искреннія усилія найти себѣ истинную дорогу въ массѣ накопляющихся доктринъ. Эта неясность представленій, распространяясь по различнымъ сферамъ общества, затрудняетъ наконецъ и самое изученіе; наша литература, только слабо отражая современное научное содержаніе, не знаетъ и нерѣдко почти пугается тѣхъ великихъ произведеній, какія отмѣтили старый историческій ходъ развитія общечеловѣческой мысли. Самое изданіе книгъ этого рода, къ которымъ однако любила обращаться наша литература временъ Екатерины и Александра I, стало въ настоящее время по разнымъ отношеніямъ крайне затруднительно.

Между тѣмъ, пока собственная научная и философская дѣятельность еще слаба, мы по-прежнему обречены на зависимое положеніе, и—если только мы хотимъ не на пескѣ строить новую цивилизацію, о которой мы такъ охотно и такъ рѣшительно говоримъ въ своемъ глубокомъ самообольщеніи—единственнымъ путемъ къ нашей умственной независимости остается упорный трудъ въ тѣхъ двухъ его сторонахъ, о которыхъ мы выше упоминали.

Имѣя въ виду указанную потребность въ историческомъ изученіи, мы намѣревались издать переводы нѣсколькихъ знаменитѣйшихъ произведеній такъ-называемыхъ «классическихъ» западно-европейскихъ писателей, преимущественно старыхъ. Намѣреніе это еще недавно было въ насъ весьма живо; но въ послѣднее время намъ приходилось думать, что обстоятельства неблагопріятствуютъ выполненію нашего пла-

на, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его частностяхъ. Мы должны были усмотрѣть, что ни внѣшнія условія нашей печати, ни, можетъ быть,—замѣтимъ съ сожалѣніемъ—даже существующіе вкусы публики не обѣщаютъ успѣха нашему предпріятію; и вслѣдствіе этого мы намѣрены ограничиться изданіемъ только того, что было уже нами заготовлено. Къ числу этихъ изданій принадлежитъ настоящее изданіе сочиненій Бентама.

Первый томъ, выпускаемый нами теперь и который можетъ составить особое цѣлое, заключаетъ въ себѣ три изъ главнѣйшихъ произведеній Бентама, представляющихъ развитіе его основныхъ воззрѣній въ области права и нравственности. Во 2-мъ и 3-мъ томахъ мы надѣялись бы познакомить читателей съ Книгой Софизмовъ, съ Констит. кодексомъ, съ Философскимъ Изслѣдованіемъ Награды, съ статьями о печати и о присяжныхъ, съ Деонтологіей, съ письмами Бентама къ имп. Александру и др., словомъ, съ главнѣйшими характеристичными произведеніями этого писателя, выбранными изъ обширнаго многотомнаго изданія Боуринга и извѣстной французской редакціи Дюмона *),—сопровождая это объяснительными статьями, необходимѣйшими библіографическими указаніями и біографіей Бентама.

Таковъ планъ нашего изданія, разсчитываемый на удовлетвореніе потребностей серьезнаго читателя. Намъ хотѣлось бы думать, что предпринимаемое изданіе встрѣтитъ поддержку, которая необходима для самаго его продолженія: въ противномъ случаѣ, намъ приходилось бы думать, что мы ошиблись, и что этотъ «герой логики», какъ называетъ Бентама извѣстный Робертъ Моль, есть писатель — излишній для русскаго читателя.

Матерьялы для втораго тома частью уже готовы, и выходъ въ свѣтъ 2-го и 3-го томовъ будетъ зависѣть отъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ. На удовлетворительный сбытъ обоихъ этихъ томовъ мы не можемъ разсчитывать, и потому намѣрены издать ихъ только тогда, когда получимъ нѣкоторую увѣренность, что въ публикѣ есть желаніе имѣть на русскомъ языкѣ «Избранныя Сочиненія Бентама», въ трехъ томахъ.

---

*) The Works of Jeremy Bentham. published under the superintendence of his executor, John Bowring. Edinburgh. MDCCCXLIII. XI vols.

Oeuvres de Jérémie Bentham, jurisconsulte anglais. Troisième édition. Bruxelles. 1840. III vols. — Первое, болѣе краткое изданіе Дюмона послужило оригиналомъ для русскаго перевода, явившагося при Александрѣ I.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

От ъ издателей. —

Предисловіе Ю. Г. Жуковскаго . . . . XXIII—LXII

ВВЕДЕНІЕ ВЪ ОСНОВАНІЯ НРАВСТВЕННОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА. (стр. 1—315; переводъ А. Н. Пыпина).

ГЛАВА I.

О принципѣ пользы. Человѣчество управляется страданіемъ и удовольствіемъ. Что такое *принципъ пользы?* Что такое *общественный интересъ?* Что такое дѣйствіе, или мѣра правительства, сообразныя съ принципомъ пользы? Законы или требованія пользы. Что такое *хорошій, дурной?* Доказывать справедливость этого принципа и ненужно и невозможно. Онъ рѣдко былъ послѣдовательно выполняемъ, никогда не могъ быть правильно опровергнутъ. Что надо сдѣлать, чтобы побѣдить предразсудокъ, который можетъ существовать противъ него. . . . 1 — 7

ГЛАВА II.

О принципахъ, противоположныхъ принципу пользы. Всѣ другіе принципы, кромѣ принципа пользы, должны быть ложны. Принципъ *аскетизма*; его происхожденіе, иногда философское, иногда религіозное; онъ не былъ вполнѣ прилагаемъ къ дѣлу управленія ни той ни другой стороной. Что такое принципъ *симпатіи и антипатіи?* Это есть скорѣе отрицаніе всякаго принципа, чѣмъ что-нибудь положительное. Системы, составленныя для опредѣленія мѣрки хорошаго и дурнаго (standard of right and wrong), всѣ могутъ быть сведены къ этому принципу. (Различныя фразы, служившія характеристическими признаками различныхъ мнимыхъ системъ: *нравственное чувство*, *здравый смыслъ*, *разумѣніе*, *«правило справедливости»*,

Стр.

«сообразность вещей», *законъ природы*, и проч.; вредъ, производимый этими фразами). Этотъ принципъ часто совпадаетъ съ принципомъ пользы. Онъ всего больше способенъ заблуждаться въ сторону суровости; но иногда заблуждается и въ сторону снисходительности. *Теологическій* принципъ. . . . 7 — 19

Отвѣтъ на возраженія противъ принципа пользы. . . . 19 — 22

ГЛАВА III.

О четырехъ санкціяхъ, или источникахъ страданія и удовольствія. Связь этой главы съ предъидущей. Четыре источника удовольствія и страданія: санкція *физическая*, *политическая*, *нравственная* (популярная) и *религіозная*. Удовольствія и страданія, принадлежащія къ религіозной санкціи, могутъ относиться къ настоящей или къ будущей жизни: тѣ, которыя относятся къ настоящей жизни, отличаются только обстоятельствами ихъ совершенія; тѣ, которыя относятся къ будущей жизни, специфически неизвѣстны. Физическая санкція заключается въ каждой изъ трехъ остальныхъ. Примѣненіе этой главы . . . . 22 — 26

ГЛАВА IV.

Какъ можно измѣрить цѣнность извѣстнаго количества удовольствія или страданія. *Польза этой главы. Обстоятельства*, которыя надо брать въ разсчетъ при опредѣленіи цѣнности удовольствія или страданія, разсматриваемыхъ относительно *одного лица* и *сами по себѣ*,— или разсматриваемыхъ въ связи съ другими удовольствіями или страданіями, — или относительно *многихъ* лицъ. Способъ опредѣленія *стремленія* какого-нибудь акта или событія; его польза; онъ примѣняется также къ *добру* или *злу*, *пользѣ* или *вреду*, и ко всѣмъ другимъ видоизмѣненіямъ удовольствія и страданія. На практикѣ люди слѣдуютъ этой теоріи. . . . . 26 — 29

ГЛАВА V.

Удовольствія и страданія; ихъ роды. *Они бываютъ простыя* и *сложныя;* ихъ изчисленіе. Аналитическій обзоръ удовольствій и страданій. *Удовольствія*: 1) чувствъ; 2) богатства, т. е. владѣнія или пріобрѣтенія; 3) искусства; 4) дружбы; 5) хорошаго имени; 6) власти; 7) благочестія; 8) благосклонности; 9) неблагосклонности; 10) памяти; 11) воображенія; 12) ожиданія; 13) ассоціаціи; 14) облегченія. — *Страданія*: 1) лишенія, включающія въ себѣ страданія желанія, разочарованія, сожалѣнія; 2) страданія чувствъ (никакое положительное страданіе не соотвѣтствуетъ удовольствію половаго чувства); 3) неловкости (никакія положительныя страданія не соотвѣт-

Стр.

ствуютъ удовольствію новизны, и удовольствію богатства): есть ли это особое положительное страданіе или только страданіе лишенія? 4) вражды; 5) дурнаго имени; 6) благочестія; 7) благосклонности; 8) неблагосклонности; 9) памяти; 10) воображенія; 11) ожиданія; 12) ассоціаціи. Удовольствія или страданія бываютъ или такія, которыя имѣютъ внѣшнее отношеніе (extraregarding) или личныя (self-regarding).—Какое отношеніе имѣетъ законъ къ перечисленнымъ страданіямъ и удовольствіямъ? . . . . 29 — 37

ГЛАВА VI.

Объ обстоятельствахъ, имѣющихъ вліяніе на чувствительность. Страданія и удовольствія не имѣютъ однообразной пропорціи съ ихъ причинами. Что такое степень или *количество* чувствительности? Что такое *наклонность* чувствительности? Возбуждающія причины, пріятныя и тягостныя. Изчисленіе обстоятельствъ, *имѣющихъ вліяніе на чувствительность* (обширность и трудность этого предмета): 1) здоровье; 2) сила; 3) крѣпость; (разница между силой и крѣпостью); 4) тѣлесное несовершенство; 5) количество и качество *знанія;* 6) сила умственныхъ способностей; 7) *твердость характера*; 8) постоянство характера; 9) направленіе наклонностей; 10) нравственная чувствительность; 11) нравственныя наклонности; 12) религіозная чувствительность; 13) религіозныя наклонности; 14) чувствительность симпатіи; 15) наклонности симпатіи; 16) чувствительность антипатіи; 17) наклонности антипатіи; 18) безуміе; 19) обыкновенныя занятія; 20) денежныя обстоятельства; 21) связи черезъ симпатію; 22) связи черезъ антипатію; 23) основной складъ тѣла; 24) основной складъ духа. *Второстепенныя* вліяющія обстоятельства: 25) полъ; 26) возрастъ; 27) общественное положеніе; 28) воспитаніе; 29) климатъ; 30) племенное происхожденіе; 31) форма правленія; 32) религіозное исповѣданіе. Въ какой степени могутъ приниматься въ разсчетъ эти обстоятельства; къ какимъ возбуждающимъ причинамъ они могутъ всего больше прилагаться? Аналитическій обзоръ обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на чувствительность. 37 — 60

Практическое приложеніе предъидущихъ замѣчаній. . . 60 — 65

ГЛАВА VII.

О человѣческихъ дѣйствіяхъ вообще. Потребность въ наказаніи зависитъ отчасти отъ *стремленія* (тенденціи) совершаемаго акта; это стремленіе опредѣляется его *послѣдствіями*. Важны только *существенныя* (матеріальныя) послѣдствія; они зависятъ отчасти отъ *намѣренія;* намѣреніе зависитъ отъ *пониманія* и *воли*. Въ дѣйствіи надо разсматривать: 1) актъ; 2) обстоятельства; 3) намѣренность; 4) сознательность; 5) мо-

Стр.

тивы; 6) расположеніе. Акты положительные и отрицательные (отрицательные могутъ быть выражены положительно, и обратно); внѣшніе и внутренніе; акты разговора; переходные и непереходные; преходящіе и продолжительные (различіе между повтореніемъ акта и привычкой, или обыкновеніемъ); дѣлимые и нераздѣльные. Что такое *обстоятельства?* Обстоятельства матеріальныя и не матеріальныя. Обстоятельство можетъ быть поставлено въ причинное отношеніе къ событію какимъ-нибудь изъ четырехъ способовъ: 1) способомъ причины; 2)—происхожденія; 3)—боковой связи; 4)—соединеннаго вліянія. Примѣръ: убійство Бокингама. Не всякое событіе имѣетъ обстоятельства, относящіяся къ нему всѣми этими способами. . . 65 — 74

ГЛАВА VIII.

О намѣренности. Намѣреніе можетъ относиться 1) къ акту; 2) къ послѣдствіямъ. Актъ можетъ быть намѣреннымъ безъ намѣренныхъ послѣдствій; послѣдствія акта не могутъ быть намѣренны безъ того, чтобы самый актъ не былъ намѣреннымъ, по крайней мѣрѣ въ *первой* его степени. Послѣдствія могутъ быть намѣренными: прямо или косвенно; окончательно или посредственно (mediately); исключительно или неисключительно; соединительно, раздѣльно или безразлично, — когда раздѣльно, то съ предпочтеніемъ, или безъ предпочтенія. Примѣръ. Неправильное пониманіе «хорошихъ» или «дурныхъ» намѣреній. . . . . 74 — 79

ГЛАВА IX.

О сознательности. Связь этой главы съ предъидущей. Акты обдуманные и необдуманные. Обдуманность и необдуманность могутъ относиться или къ существованію обстоятельства, или къ его существенности (materiality); обстоятельство можетъ быть настоящее, прошедшее или будущее. Актъ необдуманный бываетъ неожиданный или не-неожиданный; актъ дурно обдуманный, и ошибочный разсчетъ. Продолженіе примѣра изъ предъидущей главы. Въ какомъ случаѣ сознательность распространяетъ намѣренность отъ акта на послѣдствія? Продолженіе того же примѣра. Дурно обдуманный актъ можетъ быть безразсуденъ или не-безразсуденъ. Намѣреніе можетъ быть *само по себѣ* хорошо или дурно, независимо отъ *мотива* и отъ происходящихъ послѣдствій; не слѣдуетъ вообще смѣшивать намѣренія съ мотивомъ. Примѣръ. Въ какихъ случаяхъ намѣреніе можетъ быть невинно? Какъ говорится о намѣренности и сознательности въ римскомъ правѣ . . . . 79 — 86

ГЛАВА X.

Стр.

О мотивахъ. § 1. *Различныя значенія слова «мотивъ».* Здѣсь важны не мотивы умозрительные, а мотивы, дѣйствующіе на волю. Фигуральный и не-фигуральный смыслъ этого слова. Мотивы внутренніе и внѣшніе; мотивы in prospectu и in esse; непосредственные и отдаленные. Какъ мотивы, ограничивающіеся пониманіемъ, могутъ дѣйствовать на волю . . . . . 86 — 90

§ 2. *Нѣтъ мотивовъ, которые бы всегда были хороши или всегда дурны.* Всякій мотивъ есть собственно ожиданіе удовольствія или страданія. Никакой родъ мотивовъ не бываетъ самъ по себѣ дуренъ; неточность выраженій «хорошій» или «дурной» въ примѣненіи къ мотивамъ. Всякій родъ мотива можетъ породить всякаго рода актъ. Трудность анализа этого предмета. . . . . 90 — 93

§ 3. *Каталогъ мотивовъ, соотвѣтствующій каталогу удовольствій и страданій.* «Физическое желаніе» соотвѣтствуетъ удовольствіямъ чувствъ; мотивъ, соотвѣтствующій удовольствіямъ нёба; «половое желаніе» соотвѣтствуетъ удовольствіямъ половаго чувства и т. д. Мотивы могутъ быть дурны только смотря по тому, каковъ всего чаще бываетъ характеръ ихъ дѣйствій. Почему сластолюбіе, скупость и т. д. всегда бываютъ «дурнымъ» мотивомъ? Съ этими оговорками, мотивы могутъ быть раздѣлены на хорошіе, дурные и нейтральные, или безразличные. Неудобства этого дѣленія. Мотивы могутъ быть хороши или дурны только въ *индивидуальныхъ* примѣрахъ. Мотивы дѣлятся на общественные, не-общественные и личные (self-regarding); и общественные—на чисто-общественные и полуобщественные . . . . 93—108

§ 4. *Порядокъ преимущества между мотивами.* Требованія благосклонности (понимая, что требованія исходятъ изъ мотивовъ) всего скорѣе совпадаютъ съ требованіями пользы; однако не во всѣхъ случаяхъ. Далѣе стоятъ — требованія любви къ репутаціи; потомъ желаніе дружбы; — трудность опредѣлить мѣсто религіознаго мотива. Дальше личные мотивы, и наконецъ, мотивъ недовольства. . . . . 108—113

§ 5. *Столкновеніе между мотивами.* Что такое мотивы побуждающіе и воздерживающіе? Примѣръ для объясненія столкновенія между мотивами. Практическое примѣненіе указаннаго выше изслѣдованія мотивовъ. . . . . 113—116

ГЛАВА XI.

О человѣческихъ расположеніяхъ вообще. Что такое расположеніе? Вредное и похвальное расположеніе; опредѣленіе

Стр.

расположенія человѣка можетъ быть только предположительное; оно зависитъ отъ того, какимъ актъ *кажется* человѣку. Свойство расположенія можетъ быть опредѣлено: 1) изъ видимой *тенденціи* акта; 2) изъ свойства *мотива* . . . . . 116—119

Случай 1. Тенденція—хорошая, мотивъ—личный. Случай 2 Тенденція—дурная, мотивъ—личный. Случай 3. Тенденція—хорошая, мотивъ—добрая воля. Случай 4. Тенденція—дурная, мотивъ.—добрая воля (этотъ случай не невозможенъ; примѣры). Случай 5. Тенденція — хорошая, мотивъ—любовь къ репутаціи (большинство людей наклонно дурно цѣнить этотъ мотивъ), Случай 6. Тенденція—дурная, мотивъ — честь (примѣры). Случай 7. Тенденція — хорошая, мотивъ — религія. Случай 8. Тенденція — дурная, мотивъ — тотъ же. Случай 9. Тенденція—хорошая, мотивъ — дурная воля (примѣръ). Случай 10. Тенденція—дурная, мотивъ—дурная воля (примѣръ). 119—126

Задача—измѣрить *испорченность* расположенія у человѣка. Расположеніе у человѣка опредѣляется суммой его *намѣреній*, а эти происходятъ отъ *мотивовъ*. Что такое мотивъ *соблазняющій* и *предохраняющій?* Эти послѣдніе бываютъ постоянные или случайные. *Постоянные* предохраняющіе мотивы суть: 1) добрая воля; 2) любовь къ репутаціи; 3) желаніе дружбы; 4) религія. *Случайно предохраняющимъ* можетъ быть всякій мотивъ; особенно способны дѣйствовать въ этомъ смыслѣ: 1) любовь къ покою, 2) самосохраненіе. Опасности, которыя можетъ всего больше имѣть въ виду самосохраненіе, суть: 1) опасность чисто физическая; 2) опасность уличенія. Эта послѣдняя можетъ происходить: 1) отъ сопротивленія при самомъ совершеніи акта; 2) послѣдующаго наказанія. Сила двухъ постоянныхъ предохраняющихъ мотивовъ—любви къ репутаціи и желанія дружбы основывается на уличеніи. Что такое *сила искушенія*? Правила для измѣренія испорченности расположенія, указываемой преступленіемъ. Примѣненіе этой главы. . . . . 126—135

ГЛАВА XII.

О послѣдствіяхъ вреднаго акта. § 1. *Формы, въ которыхъ можетъ обнаружиться вредъ акта.* Вредъ акта есть собраніе его вредныхъ послѣдствій. Вредъ первоначальный и вторичный. Первоначальный бываетъ: оригинальный и производный. Вторичный вредъ есть: 1) тревога, или 2) опасность. Примѣръ. Прошедшее преступленіе не даетъ никакого пріятнаго мотива для будущаго, но оно внушаетъ идею объ новомъ совершеніи, и ослабляетъ силу воздерживающихъ мотивовъ. Какъ говорятся, оно дѣйствуетъ вліяніемъ *примѣра*. Тревога и опасность, хотя имѣютъ связь между собою, но

Стр.

должны быть различаемы; обѣ могутъ относиться къ тому же лицу или къ другимъ лицамъ. Первоначальныя послѣдствія акта могутъ быть вредны, а вторичныя — благотворны.

Анализъ различныхъ способовъ, которыми можетъ обнаруживаться вредъ акта, — въ примѣненіи къ предъидущимъ случаямъ;—къ примѣрамъ другихъ случаевъ, гдѣ вредъ менѣе замѣтенъ. Примѣръ 1) опьяненіе; примѣръ 2) неплатежъ податей. Тревоги не бываетъ, когда она не имѣетъ своимъ предметомъ какого-нибудь извѣстнаго (опредѣленнаго) лица. 135—145

§ 2. *Какъ намѣренность и проч. могутъ вліять на вредъ акта.* Вторичный вредъ зависитъ отъ состоянія духа дѣйствующаго человѣка: случай 1) невольность; случай 2) необдуманность или невнимательность; случай 3) дурная обдуманность, и когда нѣтъ безразсудства; случай 4) дурная обдуманность только отчасти, и когда нѣтъ безразсудства; случай 5) дурная обдуманность и безразсудство; случай 6) послѣдствія вполнѣ намѣренныя, и свободныя отъ дурной обдуманности.

Свойство мотива не уничтожаетъ вреда вторичныхъ послѣдствій, и не уничтожаетъ ихъ благотворности; оно можетъ усилить вредъ, когда онъ есть; но это усиленіе не зависитъ отъ наибольшаго дурнаго качества мотива. Усиленіе всегда бываетъ соотвѣтственно тенденціи мотива производить такіе акты,—а эта тенденція зависитъ отъ его силы и постоянства.

Какъ измѣряется общая *дѣйствительность* (efficacy) какого-нибудь мотива? Вредный актъ бываетъ болѣе вреденъ, когда исходитъ изъ *личнаго* мотива, чѣмъ когда исходитъ изъ мотива *необщественнаго*, — и даже, когда онъ исходитъ изъ мотива *религіи*. Какимъ образомъ вторичный вредъ зависитъ отъ расположенія? Связь этого съ предъидущей главой. . . . 145—150

ГЛАВА XIII.

Объ обстоятельствахъ, оказывающихъ вліяніе на степень тревоги. I. Положеніе преступника. . . . . . . 150—152

II. Легкость или трудность предупрежденія преступленій. . 152—153

III. Большая или меньшая легкость, съ которой преступникъ можетъ скрыться. 153

IV. Характеръ преступника. . . . . 153—159

Случай, въ которомъ не бываетъ тревоги. . . . . . . 159—160

Случай, гдѣ опасность больше тревоги. . . . . 160—161

ГЛАВА XIV.

Причины—считать извѣстныя дѣйствія преступленіями. 161—166

ГЛАВА XV.

Стр.

§ 1. *Общій обзоръ случаевъ, не подлежащихъ наказанію.* Цѣль закона — увеличивать счастіе общества. Но наказаніе есть зло; и цѣль его есть устраненіе какого-нибудь бо́льшаго зла. Потому оно не должно быть допускаемо: 1) когда оно неосновательно; 2) недѣйствительно; 3) неприбыльно; 4) ненужно. 166–168

§ 2. *Случаи, въ которыхъ наказаніе неосновательно.* 1) Гдѣ не было никакого вреда, какъ въ случаѣ согласія; 2) гдѣ вредъ былъ перевѣшенъ, какъ въ случаѣ предосторожности противъ бѣдствія, и при исполненіи власти; 3) гдѣ есть несомнѣнное и равномѣрное вознагражденіе. 168–169

§ 3. *Случаи, въ которыхъ наказаніе должно быть недѣйствительно.* 1) Когда уголовное предусмотрѣніе (provision) является слишкомъ поздно,—какъ въ законахъ ex-post-facto и въ приговорахъ, выходящихъ за предѣлы закона; 2) или когда оно не сдѣлано извѣстнымъ, — какъ въ законѣ, недостаточно обнародованномъ; 3) или гдѣ оно не можетъ отклонить воли отъ какого-нибудь дѣйствія, — какъ въ дѣтствѣ, въ безуміи, въ опьянѣніи; 4) или не можетъ отклонить отъ извѣстнаго индивидуальнаго акта, — какъ въ случаѣ ненамѣренности, несознательности, дурнаго предположенія; 5) или гдѣ оно подвергается дѣйствію противоположной высшей силы, — какъ въ случаѣ физической опасности, въ случаѣ угрожающаго вреда; 6) или когда физическія способности не въ состояніи слѣдовать рѣшеніямъ воли, — какъ въ случаѣ физическаго принужденія. 169–171

§ 4. *Случаи, въ которыхъ наказаніене прибыльно.* 1) Гдѣ при обыкновенномъ случаѣ наказаніе произвело бы больше зла, чѣмъ преступленіе. Зло, производимое наказаніемъ, дѣлится на четыре вѣтви: a) зло принужденія; b) зло предвидѣнія; c) зло перенесенія; d) зло производное. 2) Или въ индивидуальномъ случаѣ, вслѣдствіе — a) большаго числа преступниковъ; b) чрезвычайной цѣнности заслугъ преступника; c) неудовольствія народа; d) неудовольствія иностранныхъ державъ. 171–173

§ 5. *Случаи, гдѣ наказаніе ненужно.* Гдѣ вредъ можетъ быть предотвращенъ болѣе дешевой цѣной, напр. образованіемъ народа. 173–173

ГЛАВА XVI.

О пропорціи между наказаніями и преступленіями. Четыре цѣли наказанія. 1) предотвратить всѣ преступленія;

Стр.

2) предотвратить худшія преступленія; 3) ограничить вредъ преступленія; 4) дѣйствовать сколько возможно дешевле.
Правила пропорціи между наказаніями и преступленіями. Правило 1. Перевѣшивай наказаніемъ прибыль отъ преступленія (прибыль можетъ быть не только денежная, но и всякое удовольствіе и выгода). Правило 2. Дѣйствуй сильнѣе противъ большаго, чѣмъ противъ небольшаго преступленія. Правило 3. Дѣлай такъ, чтобы меньшее преступленіе было предпочитаемо. Правило 4. Наказывай особо за каждую часть вреда (примѣръ). Правило 5. Не дѣлай наказанія больше, безъ особенной причины. Правило 6. Обращай вниманіе на обстоятельства, дѣйствующія на чувствительность.—Сравнительный обзоръ приведенныхъ правилъ. Въ цѣнность наказанія должна входить его недостаточность относительно несомнѣнности и близости; въ опредѣлимую цѣнность вреда, и прибыли отъ преступленія, должны входить вредъ и прибыль отъ другихъ преступленій, совершаемыхъ по той же привычкѣ.—Правило 7. Недостатокъ несомнѣнности наказанія долженъ быть восполненъ его объемомъ. Правило 8. Точно также недостатокъ близости. Правило 9. За акты, указывающіе на привычку, наказывай какъ за привычку. — Остальныя правила менѣе важны. Правило 10. По обстоятельствамъ качества, увеличивай количество наказанія. Правило 11. Въ частности, для нравственнаго урока. Правило 12. Обращай вниманіе на обстоятельства, которыя могутъ сдѣлать наказаніе безполезнымъ. Правило 13. Для простоты, мелкія непропорціональности могутъ быть опускаемы. — Почему въ наказаніяхъ не должно быть принимаемо содѣйствіе физической, нравственной и религіозной санкцій. — Общій обзоръ предъидущаго.— Защита этой мелочной осторожности противъ обвиненія въ безполезности . . . . 173—183

ГЛАВА XVII.

О томъ, какія свойства должна имѣть доля наказанія. Свойства должны быть управляемы пропорціей. Свойство 1. Измѣняемость. Свойство 2. Равномѣрность. Наказанія, которыя могутъ быть недостаточны въ этомъ отношеніи. Свойство 3. Соразмѣрность съ другими наказаніями. Свойство 4. Характеристичность. Самое характеристичное наказаніе есть возмездіе (retaliation). Свойство 5. Примѣрность. Самое дѣйствительное средство сдѣлать наказаніе примѣрнымъ есть его аналогичность съ преступленіемъ. Свойство 6. Умѣренность. . . . . 184—189

Другія свойства менѣе важны. Свойство 7. Содѣйствіе къ исправленію; — въ примѣненіи къ преступленіямъ, происходящимъ отъ дурной воли, и къ преступленіямъ, происходя-

Стр.

щимъ отъ соединеннаго вліянія лѣни и денежнаго интереса. Свойство 8. Дѣйствительность наказанія въ отнятіи способовъ къ преступленію (disablement). Замѣчаніе о смертной казни. Свойство 9. Удобство для воздаянія. Свойство 10. Популярность. — Вредъ, происходящій отъ непопулярности наказанія: неудовольствіе въ народѣ, и слабость закона; это свойство предполагаетъ предразсудокъ, который законодательство должно бы исправить. Свойство 11. Отмѣняемость. Чтобы пріобрѣсти всѣ эти свойства, наказанія должны быть смѣшанныя.—Общій обзоръ предъидущаго. Связь этой главы съ послѣдующей. 189—196

ГЛАВА XVIII.

Раздѣленіе преступленій. § 1. *Разряды преступленій.* Методъ, принятый въ послѣдующемъ дѣленіи. Различіе между актами, которые *суть* преступленія или *должны быть* ими. Никакой актъ *не долженъ* быть преступленіемъ, если онъ не вреденъ для общества; а для этого онъ долженъ быть вреденъ одному или многимъ изъ членовъ общества: эти лица могутъ быть извѣстны, или нѣтъ; если извѣстны, то это—или сами преступники, или другіе люди. Разрядъ 1) частныя преступленія. Разрядъ 2) полу-публичныя. Разрядъ 3) личныя (self-regarding). Разрядъ 4) публичныя. Разрядъ 5) многообразныя, или разнородныя, именно a) преступленія посредствомъ обмана и b) противъ довѣрія. . . . . 197—200

§ 2. *Дѣленія и подраздѣленія.* Дѣленія 1-го разряда: 1) преступленія противъ личности; 2)—репутаціи; 3)—собственности; 4)—житейскаго положенія; 5)—личности и репутаціи вмѣстѣ; 6)—личности и собственности вмѣстѣ.

Дѣленія 2-го разряда 1) преступленія посредствомъ бѣдствія; 2) преступленія посредствомъ чистаго правонарушенія.

Дѣленія 3-го разряда совпадаютъ съ дѣленіями 1-го.

Дѣленія 4-го разряда.—Уклоненіе отъ исчерпывающаго метода. Связь девяти первыхъ дѣленій между собою; связь преступленій противъ религіи и національнаго интереса съ остальными преступленіями. . . . . 200—209

Дѣленія 5-го разряда. 1) Подраздѣленія преступленій посредствомъ обмана: въ чемъ эти преступленія сходны и въ чемъ различны? Эти подраздѣленія опредѣляются дѣленіями другихъ разрядовъ. Преступленія этого разряда иногда мѣняютъ свое названіе, иногда нѣтъ. 2) Что такое довѣріе? Какъ распредѣляются въ разряды преступленія противъ довѣрія, житейскаго положенія и собственности? Связь преступленій противъ довѣрія, между собою. Подраздѣленія преступленій противъ довѣрія также опредѣляются дѣленіями предъиду-

Стр.

щихъ разрядовъ. Связь между преступленіями посредствомъ обмана и преступленіями противъ довѣрія . . . . 210—225

§ 3. *Роды I разряда.* Подраздѣленіе на роды проводимое только въ 1-мъ разрядѣ.—Преступленія противъ индивидуума могутъ быть по своимъ дѣйствіямъ простыя или сложныя. Преступленія противъ личности, ихъ роды;—противъ репутаціи;—противъ собственности;—противъ личности и репутаціи вмѣстѣ; — противъ личности и собственности. . . 225—237

— Противъ житейскаго положенія. Положенія домашнее и гражданское. Домашнія положенія, которыя основываются на естественномъ родствѣ. Домашнія отношенія, происходящія отъ чисто законодательнаго установленія. Преступленія, касающіяся положенія господина. Различные роды служебности. Преступленія, касающіяся положенія слуги. . . . . . . 237—247

Что такое опекунство? Необходимость этого учрежденія. Какая должна быть его продолжительность. Какая можетъ принадлежать ему власть, и какія съ нимъ должны быть связаны обязанности? — Преступленія, касающіяся положенія опекуна;—касающіяся положенія питомца;—положенія родителя;—касающіяся филіальнаго положенія. . . . . . . 247—258

Положеніе мужа. Какія могутъ быть связаны съ нимъ власть, обязанности и права? Преступленія, касающіяся положенія мужа;—положенія жены. (Каталогъ низшихъ дѣленій преступленій публичныхъ). Гражданскія положенія . . . . 258—275

§ 4. *Выгоды настоящаго метода.* Общая идея принятаго здѣсь метода. Его выгоды: 1) онъ удобенъ для пониманія и для памяти; 2) онъ даетъ мѣсто для общихъ положеній; 3) онъ указываетъ основанія (резоны) законовъ; 4) онъ одинаково примѣнимъ къ законамъ всѣхъ націй. . . . . 275—280

§ 5. *Относительныя черты пяти разрядовъ.* Какъ по указанному выше методу выводятся отличительныя черты разрядовъ? Ихъ изчисленіе для пяти разрядовъ . . . . 281—287

ГЛАВА XIX.

§ 1 Границы между ученіемъ о Частной Нравственности и искусствомъ Законодательства. . . . . 287—301

§ 2. Юриспруденція, ея отрасли. . . . . 301—306

Прибавленіе, 1789 г. . . . . 306—315

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ГРАЖДАНСКАГО КОДЕКСА. (стр. 317—470; перев. А. Н. Невѣдомскаго).

ЧАСТЬ I.

ПРЕДМЕТЫ ГРАЖДАНСКИХЪ ЗАКОНОВЪ.

ГЛАВА I.

Стр.
О правахъ и обязанностяхъ. . . . . 317—322

ГЛАВА II.

Различныя цѣли гражданскихъ законовъ. . . . . . . 322—323

ГЛАВА III.

Отношеніе между различными цѣлями гражданскихъ законовъ. 324—325

ГЛАВА IV.

О законахъ относительно средствъ существованія. . . . 326

ГЛАВА V.

О законахъ относительно довольства. . . . . 327—328

ГЛАВА VI.

Предложенія патологіи, на которыхъ основывается польза равенства . . . . 328—335

ГЛАВА VII.

О безопасности. . . . . 335—337

ГЛАВА VIII.

О собственности. . . . . 337—339

ГЛАВА IX.

Стр.

Отвѣтъ на одно возраженіе. . . . . 339—340

ГЛАВА X.

Анализъ зла, истекающаго изъ нападеній на собственность. 340—344

ГЛАВА XI.

Безопасность и равенство.—Ихъ противоположность. . 345—347

ГЛАВА XII.

Безопасность и равенство. — Средство къ ихъ примиренію. 347—349

ГЛАВА XIII.

Жертвы безопасностью ради безопасности. . . . . . 349—350

ГЛАВА XIV.

Спорные случаи. § 1. О бѣдности. . . . . 351—357
§ 2. О расходахъ на общественное богослуженіе. . . . 357—359
§ 3. О развитіи наукъ и искусствъ. . . . . 359—361

ГЛАВА XV.

Примѣры нарушенія безопасности. . . . . 361—360

ГЛАВА XVI.

О насильственныхъ обмѣнахъ. . . . . 369—371

ГЛАВА XVII.

Вліяніе законовъ на ожиданіе. . . . . 372—380

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

О способахъ пріобрѣтенія права собственности. 1. Дѣйствительное владѣніе. 2. Старинное добросовѣстное (bona fide) владѣніе. 3. Владѣніе тѣмъ, что *содержится* въ землѣ и что *производится* землею. 4. Владѣніе тѣмъ, что земля *кормитъ*, и тѣмъ, что земля *получаетъ*. 5. Владѣніе сосѣдней землей.

Стр.

6. Улучшеніе предметовъ собственности. 7. Совмѣстное владѣніе и добросовѣстное улучшеніе. 8. Разработка руды въ чужой землѣ. 9. Свобода рыболовства въ большихъ водахъ. 10. Свобода охотиться на земляхъ, никому не принадлежащихъ. . . . . 381—39

ГЛАВА II.

Другой способъ пріобрѣтенія — согласіе. § 1. (Обмѣнъ). § 2. Причины недѣйствительности обмѣна. § 3. О препятствіяхъ къ отчужденію земель. . . . . 391—400

ГЛАВА III.

Третій способъ пріобрѣтенія права собственности — наслѣдство. . . . . 400—406

ГЛАВА IV.

О завѣщаніяхъ. . . . . 406—410

ГЛАВА V.

Право на услуги. Способъ ихъ пріобрѣтенія. 1. Высшая нужда. 2. Предшествующая услуга. 3. Соглашеніе или договоръ. — Общее замѣчаніе. . . . . 410—417

ГЛАВА VI.

Общность имущества. — Ея неудобства. . . . . 417—419

ГЛАВА VII.

О распредѣленіи утратъ. 420

ЧАСТЬ III.

О ПРАВАХЪ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ РАЗЛИЧНЫХЪ ЧАСТНЫХЪ ПОЛОЖЕНІЙ.

Введеніе. 421

ГЛАВА I.

Господинъ и слуга. . . . . 421—422

ГЛАВА II.

Рабство. . . . . 423—430

ГЛАВА III.

Стр.
Опекунъ и питомецъ. . . . . 431—434

ГЛАВА IV.

Родители и дѣти. . . . . 434—436

ГЛАВА V.

Бракъ. § 1. Между какими лицами бракъ долженъ быть дозволенъ? — Таблица супружествъ, которыя должны быть запрещаемы. 436—442
§ 2. На какой срокъ? Изслѣдованіе развода. . . . . . 442—449
§ 3. На какихъ условіяхъ? § 4. Въ какомъ возрастѣ. § 5. Кто долженъ выбирать? § 6. Сколько договаривающихся сторонъ? § 7. Съ какими формальностями? . . . . 449—455

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О системѣ имущественнаго равенства. . . . . . 456—470

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА УГОЛОВНАГО КОДЕКСА.

(стр. 471—678, по изложенію Дюмона; перев. А. Н. Пыпина).

ЧАСТЬ I.

О ПРЕСТУПЛЕНІЯХЪ.

Введеніе. 473

ГЛАВА I.

Классификація преступленій. . . . . 473—474

ГЛАВА II.

Подраздѣленія преступленій. . . . . 475—477

ГЛАВА III.

О нѣкоторыхъ другихъ дѣленіяхъ. . . . . 477—479

ГЛАВА IV.

О злѣ втораго порядка. 480

ГЛАВА V.

Стр.

О злѣ перваго порядка. . . . . 481—482

ГЛАВА VI.

О злонамѣренности. . . . . 482—484

ГЛАВА VII.

Положеніе преступника: какъ оно дѣйствуетъ на тревогу (эта глава уже заимствована отсюда во «Введеніи», гл. XIII, § 1).

ГЛАВА VIII.

О вліяніи мотивовъ на степень тревоги. . . . . 484—487

ГЛАВА IX.

Легкость или трудность предупрежденія преступленій,—обстоятельство, вліяющее на тревогу;—

ГЛАВА X.

Большая или меньшая легкость, съ которой преступникъ можетъ скрыться, — обстоятельство, вліяющее на тревогу; —

ГЛАВА XI.

Вліяніе характера преступника на тревогу; —

ГЛАВА XII.

Случаи, въ которыхъ не бываетъ тревоги; —

ГЛАВА XIII.

О случаяхъ, гдѣ опасность больше тревоги (эти пять главъ также были уже заимствованы отсюда во «Введеніи», гл. XIII, въ концѣ).

ГЛАВА XIV.

Средства оправданія. . . . . 488—492

ЧАСТЬ II.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА ПРОТИВЪ ЗЛА ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

ГЛАВА I.

Предметъ этой книги. . . . . 493—494

ГЛАВА II.

Стр.

О прямыхъ средствахъ для предупрежденія преступленій. . . . . 494—496

ГЛАВА III.

О преступленіяхъ хроническихъ. . . . . 497—499

ГЛАВА IV.

Средства прекращенія для хроническихъ преступленій. 499—500

ГЛАВА V.

Замѣчаніе о военномъ законѣ. . . . . 500—502

ГЛАВА VI.

Свойства удовлетворенія. . . . . 502—503

ГЛАВА VII.

Причины, на которыхъ основывается обязанность удовлетворенія 503

ГЛАВА VIII.

О разныхъ родахъ удовлетворенія 504

ГЛАВА IX.

О количествѣ доставляемаго удовлетворенія. . . . . . 504—505

ГЛАВА X.

О несомнѣнности удовлетворенія. . . . . 505—507

ГЛАВА XI.

О денежномъ удовлетвореніи. . . . . 507—508

ГЛАВА XII.

О возвращеніи натурой. . . . . 509—512

ГЛАВА XIII.

Объ удовлетвореніи посредствомъ свидѣтельства. . . . 512—515

ГЛАВА XIV.

О почетномъ удовлетвореніи. . . . . 515—525

ГЛАВА XV.

Стр.

Средства противъ преступленій нарушенія чести. . . 525—528

ГЛАВА XVI.

Объ удовлетвореніи мщеніемъ. . . . . 529—530

ГЛАВА XVII.

Объ удовлетвореніи субститутивномъ или на счетъ третьяго лица. 1) Отвѣтственность господина за слугу; 2)—опекуна за питомца; 3)—отца за дѣтей; 4)—матери за дѣтей; 5)—мужа за жену; 6) отвѣтственность невиннаго лица, которое получаетъ прибыль отъ преступленія. . . . . . . 530—536

ГЛАВА XVIII.

Вспомогательное удовлетвореніе на общественный счетъ. 536—540

ЧАСТЬ III.

О НАКАЗАНІЯХЪ.

ГЛАВА I.

О наказаніяхъ не-должныхъ. 1. Наказанія неосновательныя. 2. Наказанія недѣйствительныя. 3. Наказанія излишнія. 4. Наказанія слишкомъ дорогія. . . . . 541—543

ГЛАВА II.

О соразмѣрности между преступленіями и наказаніями. 543—546

ГЛАВА III.

О давности въ дѣлѣ наказаній. . . . . 546—547

ГЛАВА IV.

О наказаніяхъ ошибочныхъ или неумѣстныхъ. . . . . 547—551

ГЛАВА V.

О порукѣ. 551—554

ГЛАВА VI.

Стр.
О выборѣ наказаній. . . . . 554—558

ГЛАВА VII.

Раздѣленіе наказаній. . . . . 558—560

ГЛАВА VIII.

Оправданіе разнообразія наказаній. . . . . 561—563

ГЛАВА IX.

Изслѣдованіе нѣкоторыхъ употребительныхъ наказаній. Наказанія опечаливающія;—неизгладимыя;—позорящія;—хроническія;—денежныя;—просто удерживающія;—смертная казнь. 563—570

ГЛАВА X.

О правѣ помилованія. . . . . 570—572

ЧАСТЬ IV.

О НЕПРЯМЫХЪ СРЕДСТВАХЪ ПРЕДУПРЕЖДЕНІЯ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.

Введеніе. . . . . 573—577

ГЛАВА I.

Средства отнять физическую возможность вредить. . . 577—580

ГЛАВА II.

Другое непрямое средство—воспрепятствовать людямъ пріобрѣтать знанія, которыя они могли бы употребить во вредъ. . . . . 580—585

ГЛАВА III.

Непрямыя средства предотвращать волю отъ совершенія преступленій. . . . . 585—586

ГЛАВА IV.

Отвести путь опасныхъ желаній и направить наклон-

Стр.

ности къ развлеченіямъ, всего болѣе сообразнымъ съ общественнымъ интересомъ. . . . . 586—593

ГЛАВА V.

Сдѣлать такъ, чтобы данное желаніе удовлетворялось безъ ущерба или съ наименьшимъ возможнымъ ущербомъ: 1) мщеніе; 2) бѣдность; 3) любовь. . . . . . 593—604

ГЛАВА VI.

Не давать поощренія преступленіямъ. 1) Злостное задержаніе собственности. 2) Незаконное разрушеніе. 3) Предательство. 4) Расхищеніе денегъ. 5) Злоупотребленіе довѣріемъ государя. 6) Преступленія всякаго рода. 7) Преступленія рефлективныя или противъ самого себя. . . . . . . 604—608

ГЛАВА VII.

Увеличить отвѣтственность лицъ тѣмъ больше, чѣмъ больше они подвергаются искушенію вредить. 608

ГЛАВА VIII.

Уменьшить чувствительность къ искушенію. . . . . . 609—610

ГЛАВА IX.

Усилить впечатлѣніе наказаній на воображеніе. . . . . 610—612

ГЛАВА X.

Облегчить знаніе совершеннаго преступленія. 1) Требовать письменныхъ документовъ. 2) Требовать, чтобы на документахъ выставлялись имена свидѣтелей. 3) Установить регистры для внесенія въ нихъ документовъ. 4) Способъ предупрежденія подлога актовъ. 5) Учрежденія для регистраціи событій, служащихъ доказательствомъ документовъ. 6) Предостерегать народъ противъ различныхъ преступленій. 7) Публиковать цѣны товаровъ, противъ вымогательства торговцевъ. 8) Публиковать права вѣдомствъ. 9) Публиковать счеты, въ которыхъ заитересована нація. 10) Установленіе образчиковъ количества. — Вѣсы и мѣры. 11) Установленіе образчиковъ качества. 12) Установить штемпели для засвидѣтельствованія количества или качества вещей, которыя должны были изготовляться по извѣстному образцу . . . . 612—624

ГЛАВА XI.

Помѣшать преступленію, давая многимъ лицамъ прямой интересъ его предупреждать. . . . . 625—926

ГЛАВА XII.

Стр.

Облегчить средства узнать и найти индивидуумовъ. . . 626—628

ГЛАВА XIII.

Увеличить для правонарушителей трудность бѣгства. . . . 628

ГЛАВА XIV.

Уменьшить сомнительность судопроизводства и наказаній. 629—632

ГЛАВА XV.

Запретить преступленія добавочныя, чтобы предупредить главное преступленіе. . . . . 633—636

ГЛАВА XVI.

Воспитаніе чувства благосклонности. . . . . 636—640

ГЛАВА XVII.

Употребленіе мотива чести, или популярной санкціи. . 641—642

ГЛАВА XVIII.

Употребленіе мотива религіи. . . . . 642—650

ГЛАВА XIX.

Польза, какую можно извлечь изъ наставленія . . . . 650—653

ГЛАВА XX.

Употребленіе, какое можно сдѣлать изъ силы воспитанія. 653—656

ГЛАВА XXI.

Общія предосторожности противъ злоупотребленія власти. 1) Раздѣлить власть на отдѣльныя отрасли. 2) Раздѣлить частныя отрасли власти, каждую между разными участниками. — Выгоды и неудобства этой политики. 3) Отдать власть увольненія въ другія руки, чѣмъ власть назначенія. 4) Не допускать, чтобы областные правители долго оставались въ тѣхъ же областяхъ. 5) Обновлять управляющія корпораціи перемѣщеніемъ. 6) Допустить тайныя освѣдомленія. 7) Введеніе жребія для просьбъ, адресуемыхъ къ государю. 8) Свобода печати. 9) Обнародовать соображенія и факты,

Стр.

служащіе основаніемъ законамъ и другимъ актамъ администраціи. 10) Устраненіе произвола. 11) Направлять дѣйствія власти правилами и формальностями. 12) Установить право ассоціаціи, т. е. собраній гражданъ для выраженія ихъ чувствъ и желаній по поводу общественныхъ мѣропріятій правительства. . . . . 656—672

ГЛАВА XXII.

Мѣры противъ дурныхъ послѣдствій уже совершеннаго преступленія. — Заключеніе книги. . . . . 673—678

ОПЕЧАТКИ.

	Напечатано:	*Читай:*
Стр. 197 (въ заглавіи)	Глава XVII.	Глава XVIII, Раздѣленіе преступленій.
» 279 (въ примѣч.)	delieta	delicta
» 319 (въ загл.)	of fhe	of the
» 570 (въ загл.)	Глава V.	Глава X.
» 623 (въ загл.)	11) Установленіе образчиковъ *количества*	*качества*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о томъ, чтó должно быть принято за критеріумъ права или *нравственности*; гдѣ то начало, на основаніи котораго человѣческіе поступки могутъ быть различаемы на доброкачественные и злокачественные,—начало, которымъ долженъ руководиться законъ въ своихъ опредѣленіяхъ и согласно съ которымъ должны быть устроены общественныя отношенія,—составлялъ издавна вопросъ спорный.

Можетъ ли быть представлено такое начало, и если можетъ, то одно ли оно для законодательства, нравственности и всѣхъ человѣческихъ дѣйствій вообще, или различно для отдѣльныхъ родовъ дѣяній, — всѣ эти вопросы давно составляли предметъ научнаго любопытства и рѣшались весьма разнообразно. Человѣчество имѣло извѣстныя правила нравственности, извѣстныя правила законодательныя:—но какимъ путемъ оно пришло къ нимъ; какимъ руководящимъ началомъ были они созданы?

Источники этихъ правилъ морали и самаго законодательства у первобытныхъ народовъ имѣютъ вообще характеръ миѳологическій, т. е. начало законодательства терялось во мракѣ первобытнаго баснословія; вслѣдствіе того эти первыя начала законодательства представлялись данными извнѣ, а не созданными

самими народами. Когда свѣтская наука приступила къ разъясненію этого вопроса, то она отбросила это чуждое происхожденіе закона и старалась объяснить это происхожденіе закона проще, найти источникъ его въ самомъ человѣчествѣ и его природѣ.

Съ этою цѣлью она построила гипотезу о прирожденныхъ человѣку правилахъ добра и естественныхъ началахъ общежитія, орудіемъ которыхъ называла то совѣсть, то разумъ, то чувство правды. Съ этими объясненіями долго мирилось знаніе: но, принимая ихъ, оно не могло примириться съ тѣмъ фактомъ, что дѣйствительныя отношенія людей не соотвѣтствовали врожденнымъ началамъ; ни умозаключить, что это-то противорѣчіе между дѣйствительностью и этими началами доказывало, что эти начала не были врожденными и руководившими дѣйствительностью; что они были вѣроятно болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ дѣйствительность; что человѣчество прежде жило и потомъ пришло къ этимъ правиламъ, а не прежде имѣло готовыя правила, чѣмъ начало жить.

То, что философы называли врожденными правилами, съ этой другой точки зрѣнія представлялось уже результатомъ человѣческой жизни и опыта, болѣе позднимъ результатомъ, чѣмъ сама дѣйствительность, и потому столь трудно осуществимымъ результатомъ. Эти соображенія привели наконецъ къ тому третьему и послѣднему воззрѣнію, въ силу котораго всѣ объясненія, основанныя на гипотезѣ врожденныхъ правилъ, были отброшены и всѣ правила названы простыми выводами человѣческаго опыта; и опытъ признанъ за единственный настоящій и общій критеріумъ законодательства и морали.

Такимъ образомъ три различныя воззрѣнія на происхожденіе и начала законодательства дѣйствовали до сихъ поръ въ человѣческомъ обществѣ. Первое, въ силу котораго человѣкъ признавался неспособнымъ самъ-собою различать доброе отъ злаго и законодательство считалось даннымъ ему извнѣ. Второе, въ силу котораго законодательство считалось выраженіемъ врожденныхъ человѣку отъ самой природы основныхъ правилъ или заповѣдей нравственности, и—Третье, въ силу котораго законодательство и рѣшенія человѣка о добромъ или зломъ признавались результатомъ человѣческаго опыта о полезномъ и вредномъ. Каждое изъ этихъ воззрѣній имѣло свое время и свой періодъ, когда оно было господ-

ствующимъ. Первыя два воззрѣнія принадлежатъ прошлому времени; послѣднее принадлежитъ текущему столѣтію.

Каждое изъ этихъ воззрѣній дѣйствовало своимъ особымъ образомъ на общее настроеніе умовъ и направленіе историческихъ событій въ данный періодъ. Первое изъ этихъ воззрѣній имѣло въ новой европейской исторіи свою литературу и свой періодъ, называвшійся схоластическимъ. Опираясь на признаваемую a priori неспособность человѣка рѣшать между добромъ и зломъ, средневѣковая литература создала извѣстную систему воззрѣнія на общественныя отношенія въ быту частномъ и политическомъ, въ силу которой всѣ отношенія признавались тѣмъ даннымъ откровеннымъ порядкомъ, которому людямъ оставалось только безропотно подчиняться. Такимъ способомъ права королевской власти, власти князей и бароновъ, безпомощное положеніе земства находили свое удовлетворявшее объясненіе на языкѣ схоластической литературы: человѣкъ, встрѣчавшій въ чемъ либо сомнѣніе, зналъ, куда обратиться за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній. Ему стоило раскрыть схоластическія книги или еще проще—обратиться къ духовнику-схоластику и онъ могъ быть увѣренъ, что его *сомнѣнія* будутъ разъяснены, что онъ получитъ отвѣтъ на языкѣ для него совершенно понятномъ и убѣдительномъ. Вліяніе такого воззрѣнія было очевидно крайне успокоивающее, оптимистическое; оно заглушало всякое сознаніе, всякое самостоятельное сужденіе въ обществѣ и предупреждало всякую критику, всякій протестъ или сомнѣніе насчетъ разумности существующаго.

Но механизмъ неприкосновенныхъ средневѣковыхъ отношеній оказался самъ-собою непрочнымъ; въ немъ возникли прежде всего недоразумѣнія между утвердившимися властями, и начались вражда и броженіе въ высшихъ слояхъ общества, — броженіе, въ которое стали втягиваться и слои общества болѣе подчиненные. Среди такого броженія одни права за другими стали спорными, а вмѣстѣ съ тѣмъ стали и предметомъ обсужденія. Права римской церкви, права князей и бароновъ прежде всего были сокрушены при помощи королевской власти; но вскорѣ столь же спорнымъ стало положеніе и королевской власти. Падающія власть и право бароновъ повлекли за собой возвышеніе средняго сословія и городскаго права, и это среднее сословіе, сокрушивъ при помощи

королевской власти право бароновъ, первое обратилось противъ королевской власти. Послѣдняя въ свою очередь стала предметомъ такого же спора и должна была доказывать свои права свѣтскими аргументами передъ свѣтской наукой, пока права средняго сословія въ свою очередь не стали предметомъ такого же спора и критики. Полтысячелѣтія проходило въ такомъ взаимномъ сокрушеніи властей. Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ ослабѣли сами собою прежде твердыя убѣжденія и общество должно было искать въ своихъ собственныхъ средствахъ, въ собственномъ сознаніи, основанія для объясненія свѣтскаго порядка и общественныхъ отношеній. Послѣ паденія каноническаго права, послѣ того, какъ реформація отняла у схоластической литературы даже право вмѣшиваться въ объясненіе свѣтскихъ отношеній, формальная независимость свѣтской литературы вынуждала ее выставить свое воззрѣніе на смѣну устарѣвшаго. Это-то воззрѣніе, соотвѣтствующее истинѣ и интересамъ человѣчества, свѣтская наука и думала найти во взглядѣ на человѣческую природу какъ на живую книгу, гдѣ отъ самаго рожденія написаны тѣ истины, которыя должны руководить отношеніями людей вообще, и имя которымъ справедливость.

Такое воззрѣніе по своему вліянію на направленіе умовъ и настроеніе обществъ было уже совершенно иного характера, чѣмъ воззрѣніе схоластическое. Если одно было крайне успокоивающее, заглушающее всякія сомнѣнія и всякій споръ, то другое было крайне революціонное, крайне критическое. Одна власть, одинъ порядокъ за другимъ могли быть призываемы на судъ такого воззрѣнія и не выдерживали передъ нимъ критики. Передъ судомъ такого воззрѣнія могли быть осуждены не только власть феодальная и крѣпостныя отношенія, не только права на лица, но и права на вещи, на сколько они вели къ различію положеній въ обществѣ. Словомъ, съ точки зрѣнія такого формальнаго воззрѣнія политическая литература могла придти и дѣйствительно пришла къ осужденію всего, что̀ создала цивилизація, и произносила предпочтеніе дикаго состоянія. Таково дѣйствительно стало настроеніе умовъ и политической литературы въ концѣ прошлаго вѣка. Трудно было жить съ спокойной совѣстью въ такомъ обществѣ; но еще труд-

нѣе было управлять обществомъ, проникнутымъ такими сомнѣніями.

Среди столь критическаго направленія умовъ положеніе законодателя становилось также крайне критическимъ. Какъ можно было сравнить это положеніе съ тѣмъ временемъ, когда общество должно было оставаться довольнымъ или учиться быть довольнымъ всѣмъ, что бы ему ни было дано. Теперь, онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ одной стороны передъ крайне взыскательными требованіями общества, остававшагося всѣмъ недовольнымъ, и съ другой передъ невозможностью удовлетворить этимъ требованіямъ, имѣя противъ себя цѣлую исторію, цѣлую часть общества, кровью связанную со всѣми историческими остатками и готовую защищать ихъ до послѣдихъ силъ, точно также какъ другая часть общества готова была неуклонно искать осуществленія идеаловъ справедливости. Поставленный въ такое-то затруднительное положеніе, законодатель редактировалъ знаменитую декларацію правъ человѣческихъ, въ которой и думалъ выразить основанія политической религіи, составлявшей цѣль стремленій общества, и относительно которой тогда же было замѣчено, что совершенно напрасно было взводить народъ на гору и показывать ему оттуда роскошныя земли, имѣя въ виду сейчасъ же свести его затѣмъ подъ гору.

Въ это-то время крайняго развитія и господства разсматриваемаго воззрѣнія началъ писать Бентамъ. Полагалъ ли онъ, что натянутое положеніе, въ которомъ находилось общество, зависѣло отъ той системы воззрѣнія, подъ вліяніемъ которой оно жило, или нѣтъ, — но онъ счелъ нужнымъ отнестись критически къ этой системѣ независимо отъ тѣхъ крайнихъ послѣдствій, къ какимъ она вела, уже вслѣдствіе недостатковъ самой системы, и вмѣстѣ съ тѣмъ считалъ возможнымъ представить систему воззрѣнія, болѣе приближающуюся къ истинѣ и не столь исключительную по своему вліянію. Въ тоже время онъ признавалъ, что и натянутое положеніе, въ которомъ находилось общество, и критическое положеніе, въ которомъ находился законодатель, столь же немало зависѣли отъ вины самого законодателя. Если требованія общества становились слишкомъ взыскательны вслѣдствіе ошибочности основнаго воззрѣнія на вопросъ законодательства, то законодатель въ тоже время былъ, по его мнѣнію, слишкомъ невзыскате-

ленъ и, полагаясь на помощь схоластики, исторически уклонялся отъ своей настоящей роли и обязанностей. Поэтому, критическое положеніе, въ которомъ находилось общество, могло быть измѣнено, по мнѣнію Бентама, подъ условіемъ перевоспитанія не только общественныхъ воззрѣній, но перевоспитанія самого законодателя. Исправить нравственное міровоззрѣніе общества было *одной* частью задачи, возвысить законодателя до уразумѣнія своего настоящаго назначенія и вывести его изъ исторической апатіи было другой частью той же задачи, которую онъ считалъ еще важнѣе первой и настоятельнѣй. Бентамъ справедливо полагалъ, что каковы бы ни были воззрѣнія общества, они становились бы тѣмъ менѣе предосудительны по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ дѣятельнѣе, прогрессивнѣе и внимательнѣе къ нуждамъ общества сталъ бы законодатель. Реформаторская дѣятельность послѣдняго должна была предупредить и упразднить революціонную дорогу, на которую вступало общество, настолько же недовольное дѣйствительностью, насколько возбужденное радикальнымъ характеромъ своего нравственнаго міровоззрѣнія. Эта дѣятельность нуждалась для своей основательности, настолько же какъ и общество для болѣе спокойнаго настроенія, прежде всего въ новой и болѣе истинной основной системѣ воззрѣнія на вопросъ законодательства, для того чтобы не вращаться по прежнему между крайностями полной апатіи и декларацiями правъ. Съ этой цѣлью Бентамъ предпринялъ изложить полный курсъ права отъ самыхъ основныхъ началъ до спеціальныхъ отдѣловъ законодательства. Сперва во «В в е д е н і и въ о с н о в а н і я Н р а в с т в е н н о с т и и З а к о н о д а т е л ь с т в а» и потомъ въ «Д е о н т о л о г і и», онъ изложилъ свой взглядъ на настоящія начала нравственности и законодательства и положилъ здѣсь основаніе новому опытному воззрѣнію на нравственный порядокъ, основаніе опытной философіи права.

Сочиненія Бентама обнимаютъ собою почти всѣ отдѣлы права отъ самыхъ общихъ до самыхъ спеціальныхъ. Но то, что насъ интересуетъ въ нихъ, — это не частныя подробности, не развитіе и примѣненіе общихъ положеній къ тѣмъ или другимъ спеціальностямъ, а общій духъ, общее воззрѣніе, проникающее всѣ отдѣльные труды. Примѣненія и подробности написаны были для своего времени; съ тѣхъ поръ многое измѣнилось и по-

тому въ этомъ отношеніи многое можетъ быть признано устарѣвшимъ и неудовлетворительнымъ; но общее воззрѣніе, проникающее всѣ труды Бентама, осталось господствующимъ и потому мы на немъ и сосредоточимъ все наше вниманіе.

Два существенные вопроса, собственно говоря, опредѣляютъ сущность всякаго воззрѣнія на общій вопросъ права: — вопросъ о критеріумѣ или основаніи для различенія поступковъ на доброкачественные и недоброкачественные, и вопросъ о границахъ законодательнаго вмѣшательства въ человѣческія дѣйствія, о сферѣ законодательства. Характеръ философской системы совершенно опредѣляется тѣми отвѣтами, которые эта система даетъ на эти вопросы. Поэтому и сущность опытной философіи Бентама опредѣлится для насъ совершенно, если мы узнаемъ его воззрѣнія на тотъ и другой вопросъ.

Приступая къ построенію своего воззрѣнія на вопросъ о критеріумѣ права, Бентамъ прежде всего отбросилъ всякое представленіе о готовыхъ врожденныхъ отвлеченныхъ началахъ или правилахъ морали или законодательства; онъ отбросилъ всякую необходимость прибѣгать къ построенію произвольныхъ предположеній для объясненія системы человѣческихъ дѣйствій, — пока не было доказано, что человѣческая дѣятельность не можетъ быть объяснена помимо такихъ предположеній путемъ однихъ опытныхъ и неоспоримыхъ данныхъ. Онъ отбросилъ необходимость раздѣленія морали и права, пока не было доказано, что и мораль и право не могутъ быть объяснены одними и тѣми же началами. Онъ поставилъ себѣ задачей: 1) искать не частнаго основанія какого-либо отдѣльнаго рода человѣческихъ дѣйствій, а общаго основанія человѣческихъ дѣйствій вообще — относятся ли они къ отдѣлу права, морали или куда бы то ни было; 2) искать этого основанія не въ какихъ-либо спеціальныхъ свойствахъ человѣческой природы, а въ общихъ свойствахъ этой природы. Такимъ путемъ онъ надѣялся придти къ построенію системы воззрѣнія, самой простой по своимъ основаніямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самой всеобъемлющей.

Общее основаніе, руководящее человѣческими поступками вообще, и притомъ всѣми поступками безразлично, по мнѣнію Бентама, не только дѣйствительно существуетъ, но могло быть указано безъ труда. Всѣ человѣческія дѣйствія руководятся безразлично однимъ

и тѣмъ же стремленіемъ, одинаковымъ по своей сущности, но выражаемымъ только различными словами.

Когда моралистъ,—пишетъ Бентамъ,—развалившись въ креслѣ, съ самодовольствомъ начинаетъ проповѣдывать противъ наслажденій, слушатели его начинаютъ зѣвать, и это потому, что въ то время, какъ онъ толкуетъ о лишеніяхъ, всякій думаетъ только о самоохраненіи, о своей личной пользѣ, о своемъ личномъ счастіи и наслажденіи. Мы напрасно бы стали скрывать или игнорировать такое явленіе; ибо оно составляетъ прямое и откровенное свойство человѣческой природы и основнаго закона этой природы, управляющаго человѣческой дѣятельностью, — закона, котораго мы не въ силахъ ни измѣнить, ни обойти, ни уничтожить, и потому всякое отрицаніе его съ нашей стороны было бы напраснымъ лицемѣріемъ. Наша дѣятельность принуждена самой природой совершаться и совершается подъ вліяніемъ двухъ началъ: у д о в о л ь с т в і я и н е у д о в о л ь с т в і я. Мы ищемъ наслажденій и избѣгаемъ неудовольствія, ищемъ здоровья, счастія, довольства, веселья, и избѣгаемъ болѣзни, страданія, нужды и горя. Сколько было бы безразсудно сказать, что человѣкъ созданъ для того, чтобы искать болѣзней, столько же безразсудно сказать, что онъ долженъ искать неудовольствій. Принципъ, лежащій въ основаніи такого закона, управляющаго человѣческими дѣйствіями, переводится однимъ общимъ словомъ п о л ь з а. Поэтому,—говоритъ Бентамъ,—мы можемъ сказать, что принципъ пользы руководитъ всѣми дѣйствіями каждаго человѣка въ отдѣльности, что онъ руководитъ и совокупной жизнью цѣлаго общества и составляетъ о с н о в н о е н а ч а л о, по которому должны оцѣниваться поступки людей, опредѣляться общественныя и политическія отношенія. Право, нравственность и политика не могутъ имѣть другаго руководителя и все, что̀ можетъ быть поставлено иного на мѣсто принципа п о л ь з ы,—все будетъ только его парафразой, скрывающей за собой такъ или иначе понятый принципъ п о л ь з ы.—То, что̀ положительный законъ или здравый смыслъ называетъ нашимъ правомъ, не можетъ имѣть другаго основанія называться и признаваться такимъ, кромѣ принципа пользы. Мы не имѣемъ другаго критеріума для различенія добра отъ зла. Весь нравственный и политическій міръ не имѣетъ другаго критеріума, другаго начала кромѣ принципа пользы. Въ немъ

скрыта вся исторія человѣчества, начиная съ борьбы дикаго человѣка за существованіе до самыхъ совершеннѣйшихъ отношеній и счастливѣйшихъ періодовъ, могущихъ когда-либо наступить въ исторіи человѣчества. У насъ нѣтъ другой мѣрки, нѣтъ другой точки опоры для добросовѣстнаго и зрѣлаго разсужденія о нравственныхъ вопросахъ. *Всякая* теорія права и нравственности можетъ *начинаться только съ разсужденія* о пользѣ.

Моралисты и философы прежняго времени не хотѣли признать этого положенія, потому что принципъ пользы казался имъ принципомъ эгоизма; а эгоизмъ—чувствомъ непохвальнымъ, источникомъ недобрыхъ поступковъ. Добродѣтель представлялась не иначе, какъ въ формѣ принесенія въ жертву своего эгоизма, и потому чѣмъ-то прямо противоположнымъ эгоизму и его естественному спутнику, разсчету и личной пользѣ.—Они не могли примирить начала полезности съ добродѣтелью: первое казалось имъ низкимъ, пошлымъ, матеріальнымъ; другое слишкомъ возвышеннымъ для того, чтобы совпадать съ первымъ.

Но, разсматривая теоріи, придуманныя старыми моралистами, *философами или юристами*, въ которыхъ тщательно обходится, выставляемый *на первый планъ Бентамомъ*, принципъ пользы, не трудно убѣдиться, что имъ не доставало только немного больше глубины, немного больше размышленія для того, чтобы придти къ тому же началу пользы и увидѣть въ немъ не только нѣчто не противоположное добродѣтели, но нѣчто только и дающее возможность существовать понятію добродѣтели.

Всѣ теоріи, придуманныя старыми моралистами и философами, могутъ быть сведены, по мнѣнію Бентама, къ двумъ категоріямъ. *Одни вмѣсто* принципа пользы признаютъ за критеріумъ *нравственности* принципъ *аскетизма*; *другіе—начала симпатіи или* антипатіи. Не трудно показать, что тѣ и другіе вращаются около того же принципа пользы, какъ бы они ни желали избѣжать его.

Теорія аскетическая съ перваго взгляда есть антитезисъ теоріи пользы, есть перевернутое на изнанку начало полезности или возведенное въ теорію начало безполезности. Но, если вникнуть въ нее глубже, то окажется совершенно иное, окажется, что аскетическая мораль основывается на томъ же началѣ. Если аскетическая философія проповѣдуетъ мораль самоотреченія и

вреда, то вѣдь не иначе, какъ обѣщая въ замѣнъ настоящихъ лишеній вознагражденіе въ будущемъ болѣе щедрыми наградами. Если аскетъ предается воздержанію, то не иначе какъ въ видахъ собственной пользы, которой ожидаетъ отъ воздержанія въ будущемъ, точно также какъ воздерживается и терпитъ больной, имѣя въ виду получить здоровье. Никто не скажетъ о послѣднемъ, что онъ терпитъ извѣстныя лишенія не въ видахъ своей личной пользы; точно также никто не можетъ сказать собственно и объ аскетѣ, что онъ терпитъ лишенія ради самыхъ лишеній, а не ради пользы, которой ожидаетъ для себя въ будущемъ отъ этихъ лишеній. Онъ можетъ заблуждаться насчетъ пользы тѣхъ или другихъ лишеній — въ такомъ случаѣ его аскетическій принципъ будетъ дурно понятымъ принципомъ пользы; но никто не вправѣ отрицать присущаго аскетизму принципа пользы. И такъ какъ для всякаго явленія невольно слѣдуетъ искать разумнаго основанія, то слѣдуетъ думать, что и мораль аскетизма возникла первоначально вслѣдствіе того вреда и тѣхъ болѣзней, которыя терпѣло человѣчество вслѣдствіе своей невоздержности въ наслажденіяхъ. Она имѣла цѣлью обуздать страсти тамъ, гдѣ они вмѣсто наслажденія становились источниками вреда.

Нужно замѣтить впрочемъ, что аскетическая мораль имѣла лишь весьма исключительное и ограниченное вліяніе, распространявшееся только на отдѣльныя лица, и никогда на цѣлое общество. Какъ общество въ цѣлости, такъ и правительства руководились совершенно противоположнымъ началомъ и стремились къ силѣ, могуществу и богатству. Такъ что вообще теорія воздержанія можетъ быть по справедливости названа частнымъ случаемъ теоріи пользы, справедливой тамъ, гдѣ самая польза требуетъ воздержанія или пожертвованія меньшимъ интересомъ большему. Если разсматривать всю систему человѣческихъ дѣйствій въ сложности, основанную на началѣ пользы, какъ въ сферѣ личной, такъ и общественной, то слѣдуетъ придти неизбѣжно къ тому заключенію, что такая система дѣйствій постоянно должна быть основана на выборѣ между выгодами и на пожертвованіи меньшей выгоды для большей. Польза и воздержаніе суть стало быть два начала совершенно неразрывныя—и только отдѣляя ихъ, принимая воздержаніе за на-

чало самостоятельное, независимое отъ пользы, возводя его въ общій принципъ, предписывая не относительное, а абсолютное воздержаніе, мы приходимъ къ теоріи аскетизма, которая никогда и нигдѣ не могла стать общимъ правиломъ въ дѣйствительной жизни, которая слѣдовательно настолько же непримѣнима въ гражданскомъ быту, насколько противоестественна взятая въ исключительномъ смыслѣ, и которую мы вслѣдствіе этого вправѣ назвать теперь дурно понятой *теоріей пользы*. Зная эту связь между пользой и воздержаніемъ, мы можемъ объяснить себѣ настоящій смыслъ добродѣтели, представляющейся для насъ теперь съ одной стороны воздержаніемъ и жертвой нашихъ интересовъ, съ другой стороны такой жертвой, которая вызывается не иначе какъ тѣмъ же началомъ пользы. Жертвы безусловной, такой жертвы, которая никому не полезна — мы не вправѣ назвать и добродѣтелью, ибо такая жертва вредитъ и нашему личному счастью и счастью человѣчества.

Такимъ образомъ начало пользы обнимаетъ собой начало воздержанія, опредѣляетъ его настоящій смыслъ и границы. Тоже самое должны мы сказать и о другихъ системахъ.

Системы втораго рода всѣ могутъ быть приведены, по мнѣнію Бентама, къ *началу симпатіи и антипатіи*, хотя философы этой категоріи отличались разнообразіемъ основаній. Одни ссылались на врожденное нравственное чувство—совѣсть; другіе на «общій смыслъ» людей; третьи на чистую справедливость или законъ вѣчной правды; четвертые на естественное право и т. д. Въ сущности, общія понятія о томъ, что́ считать дурнымъ или хорошимъ, были у всѣхъ этихъ философовъ одинаковы, какое бы они понятіе ни принимали за нравственный критеріумъ—совѣсть, правду или общій смыслъ. Слѣдуетъ предполагать, что эти понятія о качествѣ тѣхъ или другихъ поступковъ установились между людьми раньше, чѣмъ появились философы, а вмѣстѣ съ ними и такія утонченныя обобщенія, какъ вѣчный законъ правды или нравственное чувство. Слѣдуетъ полагать, что человѣческое общество имѣло возможность раньше выучиться оцѣнивать свои поступки, чѣмъ выучилось философскимъ отвлеченіямъ. Это и заставило философовъ предположить существованіе врожденныхъ отъ природы нравственныхъ критеріумовъ, которые они только называли разнообразными именами. Но дѣло въ томъ, что нѣтъ вовсе нужды прибѣгать къ предпо-

ложенію особыхъ врожденныхъ орудій тамъ, гдѣ вопросъ можетъ разрѣшаться гораздо проще на основаніи болѣе простыхъ, неоспоримыхъ данныхъ. Притомъ такое предположеніе находится въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что человѣчество не имѣло и не имѣетъ готовыхъ отвѣтовъ насчетъ доброкачественности или злокачественности всѣхъ дѣяній и только послѣдовательно и постепенно приходитъ къ убѣжденію во вредности или несправедливости того или другаго дѣянія. Рядъ дѣяній, кажущихся безразличными для одного времени, впослѣдствіи оказывается предосудительнымъ. Это показываетъ, что самыя единодушныя рѣшенія о добротѣ или злѣ дѣяній являются не иначе какъ плодомъ о п ы т а. И разъ мы допустимъ о п ы т ъ какъ средство, при помощи котораго человѣчество приходитъ къ сознанію нравственности или безнравственности тѣхъ или другихъ поступковъ, мы не будемъ нуждаться уже ни въ какихъ предположеніяхъ особыхъ врожденныхъ чувствъ и способностей кромѣ тѣхъ, при посредствѣ которыхъ образуется въ человѣкѣ сознаніе, т. е. способности воспринимать, удерживать и комбинировать внѣшнія впечатлѣнія. Единственный критеріумъ, данный отъ природы человѣку для опредѣленія своего отношенія къ этимъ впечатлѣніямъ, есть чувство удовольствія или боли отъ впечатлѣнія, и этого критеріума будетъ совершенно достаточно для опредѣленія качества дѣянія, смотря по тому, какое впечатлѣніе оно производитъ на насъ самихъ или на другихъ людей. Если мы съумѣли опредѣлить качество этого впечатлѣнія — мы съумѣли оцѣнить и самое дѣяніе въ частности, какъ доброе или злое. Но одни дѣянія таковы, что вредъ или дурное впечатлѣніе, ими производимые, выражаются непосредственно и очевидно: эти дѣянія, поэтому, прежде всего и могли быть признаны всѣми за злыя. Въ другихъ же случаяхъ связь между дѣяніемъ и его послѣдствіемъ не столь пряма и очевидна, чтобы мы не могли отнести дурнаго послѣдствія къ какой-либо другой причинѣ; и что̀ еще важнѣе, есть много случаевъ, гдѣ тягость непосредственнаго впечатлѣнія вознаграждается выгодой слѣдующихъ за нимъ результатовъ и даетъ такимъ образомъ право признавать лишенія за добро; а это право влечетъ за собой обширную возможность злоупотребленія и примѣненія этого частнаго условія ко всякому злу, возможность объ-

ясненія всякаго зла какъ зла необходимаго и полезнаго. Вслѣдствіе этихъ двухъ причинъ, изъ которыхъ одна устраняется только опытомъ и наблюденіемъ, другая требуетъ болѣе энергическихъ и сложныхъ мѣръ для своего устраненія,—рѣшенія совѣсти и справедливости ростутъ въ человѣческомъ обществѣ только постепенно, и то, чтó мы называемъ нравственнымъ чувствомъ, закономъ *правды*, *естественнымъ* закономъ, въ сущности оказывается *лишь* отвлеченной формой, въ которую укладываются частныя рѣшенія нашего опыта о полезности или вредѣ тѣхъ или другихъ дѣяній. Все, чтò мы узнали о добрѣ или злѣ, все мы узнали изъ опыта. Природа дала намъ два впечатлѣнія, одно—пріятное, другое — непріятное. Мы должны были укладывать всѣ наши впечатлѣнія въ одну изъ этихъ категорій. Привычка класть ихъ то въ одну, то въ другую сторону, то направо, то налѣво, родила въ сознаніи два общихъ представленія о правомъ и лѣвомъ, о добрѣ и злѣ. Собственно въ природѣ нѣтъ ни того, ни другаго; то и другое есть прямое созданіе или продуктъ вымысла нашего сознанія, продуктъ цѣлаго ряда предварительныхъ впечатлѣній и опыта. А *критеріумомъ при такомъ различеніи было одно это чувство удовольствія или неудовольствія, переводимое иначе словомъ* польза.

Такимъ образомъ принципъ пользы, по идеѣ Бентама, обнимаетъ собой и утверждаетъ всѣ вышепоименованныя начала, и вовсе не отрицаетъ ихъ. Послѣдователь принципа пользы можетъ точно также говорить о своей совѣсти, о нравственномъ чувствѣ и началѣ добра, какъ и вышеприведенные философы и даже немного лучше ихъ; ибо онъ лучше ихъ знаетъ, чтò разумѣется подъ этими выраженіями, откуда они взялись, и не имѣетъ необходимости для разъясненія ихъ прибѣгать къ предположенію безотчетнаго чувства.

Изъ сказаннаго должно слѣдовать, что частныя рѣшенія начала пользы должны весьма часто совпадать съ тѣми рѣшеніями, которыя представляются у философовъ какъ данныя совѣстью, началомъ правды и проч. Оно въ дѣйствительности такъ и есть. Поэтому казалось бы, что въ дѣйствительности все равно, чтó ни принимать за критеріумъ — пользу или начала, предлагаемыя другими философами. Пока рѣчь идетъ о такихъ дѣяніяхъ, относительно которыхъ мнѣнія могутъ быть признаны совершенно установившимися, до тѣхъ поръ дѣйствительно нѣтъ большаго различія, на-

зовемъ ли мы тѣ или другія рѣшенія рѣшеніями начала пользы или совѣсти. Но мы упомянули о существованіи такихъ явленій, такихъ дѣяній, относительно которыхъ мнѣнія не могутъ быть признаны вполнѣ установившимися. Есть множество дѣяній, кажущихся намъ совершенно безразличными, и которыя и философамъ кажутся ни хорошими, ни дурными. Сами по себѣ они дѣйствительно безразличны, какъ всякое дѣяніе само по себѣ безразлично. Свою оцѣнку эти дѣянія могутъ получить въ данномъ случаѣ только въ зависимости отъ вреда или пользы, ими причиняемой. Сказать — дурны или хороши эти дѣянія, не можетъ готовый уже опытъ, обратившійся въ общеизвѣстную истину; сказать это можетъ только начало пользы, и весьма часто довольно трудно дать скорый отвѣтъ на вопросъ, даже опираясь на это категорическое начало. Приходится прослѣдить сложные ряды причинъ и слѣдствій, для того чтобы выяснить настоящіе результаты дѣянія. Такая работа весьма часто должна быть сопряжена съ спеціальнымъ знаніемъ той сферы явленій, къ которой относится дѣяніе. А потому много дѣяній въ сферѣ человѣческихъ отношеній остаются до сихъ поръ не вполнѣ извѣстными и изслѣдованными, признаются за справедливыя и добрыя только потому, что они казались безразличными въ то время, когда человѣческій опытъ былъ слишкомъ несовершененъ для того, чтобы оцѣнить вполнѣ ихъ настоящія послѣдствія. Къ такому разряду сложныхъ и трудныхъ для оцѣнки дѣяній относится большая часть вопросовъ въ сферѣ юриспруденціи, положительнаго права и политики.

Есть другой рядъ дѣяній, тяжкихъ по ближайшимъ, и благодѣтельныхъ по конечнымъ результатамъ, оцѣнка которыхъ еще труднѣе и насчетъ которыхъ поэтому не утвердилось до сихъ поръ общаго единодушнаго рѣшенія. Этого рода дѣянія относятся также цѣликомъ къ сферѣ права и политики.

Отдавать этого-то рода дѣянія на судъ тѣхъ началъ, которыя указываются философами, Бентамъ полагаетъ однозначащимъ съ предоставленіемъ ихъ оцѣнки личному произволу, личной симпатіи или антипатіи, такъ какъ эти начала не заключаютъ въ себѣ никакой мѣрки для оцѣнки этихъ дѣяній, никакого критеріума. Относительно этой-то части дѣяній весьма важно указать и найти

прочный и неизмѣнный критеріумъ, который бы сдѣлалъ возможнымъ ихъ рѣшеніе, сообразное съ благомъ человѣчества, и этотъ-то критеріумъ, по мнѣнію Бентама, не можетъ быть иной какъ принципъ пользы: ибо этотъ принципъ обнимаетъ собою все, что̀ только нужно человѣчеству.

До сихъ поръ, чрезъ устраненіе начала пользы, этотъ многочисленный и важнѣйшій рядъ актовъ юридическихъ, политическихъ и экономическихъ былъ тѣмъ самымъ лишенъ всякаго критеріума и предоставленъ личному произволу и всякаго рода случайностямъ въ своей оцѣнкѣ; въ этомъ отдѣлѣ актовъ царствовало безначаліе и анархія и эту-то анархію, это-то безначаліе въ дѣлѣ нравственныхъ опредѣленій, Бентамъ называетъ предоставленіемъ рѣшенія нравственныхъ вопросовъ личной симпатіи или антипатіи людей, отъ которыхъ можетъ зависѣть это рѣшеніе. Слово «симпатія и антипатія» Бентамъ принимаетъ здѣсь въ самомъ обширномъ смыслѣ; къ источникамъ симпатіи и антипатіи онъ относитъ въ настоящемъ случаѣ не только согласіе или несогласіе извѣстнаго дѣянія съ нашими положительными и матеріальными интересами, но и все, что̀ производитъ на насъ хорошее или дурное впечатлѣніе, безразлично. Къ источникамъ симпатіи и антипатіи онъ относитъ все, что̀ ласкаетъ или оскорбляетъ нашу гордость, самомнѣніе, наше властолюбіе, что̀ возбуждаетъ нашу зависть, наконецъ все, что̀ по какой бы то ни было случайной ассоціаціи представленій вяжется или напоминаетъ намъ явленія пріятныя или противныя.

Какъ велико противорѣчіе личныхъ интересовъ; какъ велико вообще людское самолюбіе и жажда властолюбія; какъ велики и глубоки предразсудки, проистекающіе изъ нашего самолюбія; какъ обыкновенна въ насъ зависть и сколь разнообразна и нелогична ассоціація личныхъ представленій, столь же шатка должна быть мораль и правда, основанная на такихъ началахъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ скрытымъ руководителемъ является очевидно то же начало пользы, но только личной, исключительной пользы того, кто рѣшаетъ вопросъ, и притомъ еще пользы, часто весьма дурно понятой даже въ чисто личномъ отношеніи. Нужно сознаться вообще, что даже свою личную пользу люди понимаютъ довольно плохо; что даже имѣя полную возможность выбирать самое выгодное и полезное для насъ въ жизни, мы, въ силу неумѣнья разсчитывать

и вслѣдствіе случайности и нелогичности нашихъ антипатій, предпочитаемъ вздорныя, но блестящія выгоды — существеннымъ. Нужно прибавить, что большей частью общая выгода кажется намъ противорѣчащею нашей личной пользѣ только вслѣдствіе этого неумѣнья разсуждать и разсчитывать; и тогда легко понять, какой безпорядокъ, какое зло должно вносить съ собою начало личной симпатіи въ сферу права и политики, если ему будетъ предоставленъ здѣсь рѣшающій голосъ.

Начало пользы, какъ нѣчто всего менѣе исключительное, вполнѣ обязательное для всѣхъ и совершенно категорическое, имѣетъ цѣлью устранить эту неопредѣленность, безначаліе и анархію въ нравственныхъ рѣшеніяхъ. Для того, чтобъ выполнить это, оно должно только внести порядокъ въ наши представленія о нашей личной выгодѣ, дисциплинировать наши личныя симпатіи и антипатіи такимъ образомъ, чтобы мы дорожили тѣмъ, что́ для насъ дѣйствительно полезно; оно должно усовершенствовать и образовать нашъ взглядъ на жизнь, придать этому взгляду разумность и отчетливость, опредѣлить удѣльный вѣсъ всякой выгоды и лишенія. Въ этомъ умѣньи понимать свою личную выгоду оно научаетъ искать соглашенія личной пользы съ пользой общей, ибо начало общей пользы означаетъ ни что иное какъ пользу каждой единицы въ отдѣльности, и то, что́ мы называемъ въ частности личной жертвой, есть въ сущности ни что иное какъ жертва меньшей и болѣе близкой пользой для пользы, болѣе существенной, но столько же личной. Такое начало должно вполнѣ удовлетворить человѣческую природу, ибо оно вполнѣ у нея заимствовано; оно всегда было единственнымъ началомъ, управлявшимъ, хотя и безсознательно, человѣческими дѣйствіями. Указывая на это начало, Бентамъ только констатируетъ фактъ, имѣющій вслѣдствіе своей всеобщности силу закона, отвергать который было бы не только вредно для человѣчества, но совершенно напрасно и противно законамъ природы, его установившей. Несправедливо было бы думать, что допустивъ начало пользы, мы приведемъ немедленно въ совершенный порядокъ отношенія человѣческаго общества и откроемъ готовыя рѣшенія на всѣ вопросы; вопросы эти, какъ мы упомянули выше, могутъ быть въ высшей степени сложны и самое рѣшеніе ихъ зависѣть отъ степени развитія чело-

вѣческаго знанія. Но во всякомъ случаѣ одно соглашеніе нравственной философіи относительно основнаго руководящаго начала можетъ считаться уже весьма важнымъ и достаточнымъ пріобрѣтеніемъ, особенно въ виду тѣхъ софистическихъ нареканій, которыя до сихъ поръ мѣшаютъ утвердиться началу пользы, какъ общему началу.

Три главные упрека поддерживали до сихъ поръ нерасположеніе къ началу пользы и препятствовали его всеобщему признанію—это упрекъ въ эгоистичности, упрекъ въ матеріализмѣ и упрекъ въ опасности начала пользы. Мы должны разсмотрѣть эти два возраженія, потому что они до сихъ поръ являются на первомъ планѣ, когда заходитъ рѣчь о началѣ пользы.

Что касается перваго упрека, то онъ весь основывается на игрѣ словъ, разоблачивъ которую нетрудно будетъ убѣдиться, что начало пользы составляетъ начало, прямо противоположное эгоизму. Прежде всего противникамъ пользы слѣдуетъ поставить слѣдующій вопросъ: что они разумѣютъ подъ эгоизмомъ, жертву ли чужой и общей пользы своему личному интересу, или вообще всякую личную пользу? считаютъ ли они поэтому дурнымъ и предосудительнымъ только то, что, принося выгоду одному, вредитъ другимъ, или они считаютъ безнравственнымъ все вообще полезное? Человѣкъ можетъ принудить трудиться вмѣсто себя другаго; это—эгоизмъ, именно преслѣдуемый началомъ пользы какъ явленіе вредное; но человѣкъ можетъ самъ трудиться и пріобрѣтать себѣ кусокъ хлѣба для себя—будетъ ли это эгоизмъ и будетъ ли это безнравственно, по мнѣнію противниковъ пользы? Кажется, можно отвѣтить за нихъ, что эгоистомъ можно назвать только перваго человѣка и никто не назоветъ такимъ втораго. На чемъ же основывается упрекъ въ эгоистичности, дѣлаемый началу пользы, если оно именно преслѣдуетъ жертву общихъ интересовъ личному какъ безнравственную,—какъ не на смѣшеніи такой исключительной пользы съ пользой вообще, какъ не на игрѣ словъ? Я граблю человѣка, это мнѣ кажется выгоднымъ, но оно вредно всѣмъ; другой трудится, это также выгодно, и не только ему, но всѣмъ. Кажется, между пользой въ томъ и въ другомъ случаѣ есть малая разница. Нѣтъ,—должны сказать противники начала пользы,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ можно употребить слово выгода, слѣ-

довательно начало пользы оправдываетъ какъ трудъ, такъ и грабежъ. Только такое пониманіе начала пользы можетъ приводить къ смѣшенію его съ эгоизмомъ, а такое пониманіе есть очевидный абсурдъ, основанный на игрѣ словъ. Итакъ, только исказивъ начало пользы до очевиднаго абсурда, можно упрекать это начало въ оправданіи эгоизма, только смѣшавъ грабежъ съ пользой можно оспаривать начало пользы съ точки зрѣнія эгоизма. А между тѣмъ только такимъ, очевидно нелѣпымъ смѣшеніемъ поддерживалось все нерасположеніе къ началу пользы его противниками. Въ сущности же очевидно, что начало пользы, все основанное на подчиненіи меньшей пользы большей пользѣ, только и призывается для противодѣйствія эгоизму и господству частныхъ интересовъ надъ общими.

Второй упрекъ, въ матеріализмѣ, основывается на подобномъ же пріемѣ, пошломъ и довольно общемъ въ дѣлѣ софистики. Есть здѣсь столь же старый пріемъ, заключающійся въ перенесеніи качества части явленій на цѣлый разрядъ явленій. Польза очевидно обнимаетъ весьма обширный рядъ человѣческихъ интересовъ; въ томъ числѣ есть интересы и наслажденія чисто матеріальные, какъ пища, жилище и проч., и есть интересы и наслажденія нравственные и психическіе, доставляемые знаніемъ, искусствами и пр. Законодательство, ради устройства котораго призывается начало пользы, болѣе всего имѣетъ дѣло съ имущественными или экономическими отношеніями, т. е. съ отношеніями матеріальными. Въ дѣлѣ матеріальныхъ отношеній ищется естественно матеріальная польза. Слѣдовательно,—заключаютъ противники начала пользы,—польза вообще есть начало матеріальное.—Въ человѣческой природѣ есть свойство, называемое ассоціаціей представленій. Человѣкъ, шедшій по дорогѣ и споткнувшійся въ то время, какъ съ нимъ поровнялась корова, вспоминая фактъ споткновенія, весьма легко можетъ въ тоже время вспомнить корову. Двѣ вещи, не имѣющія между собой ни малѣйшаго отношенія, весьма легко связуются вмѣстѣ въ его памяти. Человѣкъ такъ много хлопочетъ о своей матеріальной пользѣ, что вспоминая слово польза, онъ въ тоже время вспоминаетъ рядъ матеріальныхъ цѣлей, которыя связались съ этимъ понятіемъ въ его памяти, и такимъ образомъ слово «польза» получаетъ въ его представленіи матеріальный характеръ даже въ томъ слу-

чаѣ, когда въ сущности дѣло идетъ о пользѣ вовсе не матеріальной.

Этой-то шаткостью и нелогичностью представленій софистика и пользовалась для поддержанія въ общемъ мнѣніи грубаго заблужденія о матеріальности начала пользы вообще и безразлично, о какого бы рода пользѣ ни шла рѣчь.

Наконецъ, есть еще третье возраженіе, заключающееся въ политической опасности этого начала. Это возраженіе, по мнѣнію Бентама, самое слабѣйшее; сказать, что принципы пользы опасны, значило бы тоже, что назвать противнымъ пользѣ начало пользы. Люди, дѣлающіе это возраженіе, поступаютъ однако всего откровеннѣе. То, чего они опасаются, заключается повидимому не въ началѣ пользы, а въ опасеніи тѣхъ слишкомъ рѣшительныхъ измѣненій или домогательствъ такихъ измѣненій въ законодательствѣ, которыя могутъ быть внушены началомъ пользы; но эти опасенія находятъ свой естественный успокоительный отвѣтъ въ томъ же началѣ пользы.

Такимъ домогательствамъ можно отвѣчать тѣмъ же началомъ пользы, и почему, спрашивается, противники этого начала считаютъ общество болѣе обезпеченнымъ отъ такихъ домогательствъ, когда, *устраняя начало пользы, они допускаютъ на его мѣсто начало естественнаго закона и вѣчной правды? Вѣдь именно на основаніи этихъ послѣднихъ понятій были написаны* въ XVIII в. планы идеальнаго общественнаго устройства и редактирована знаменитая декларація человѣческихъ правъ. Кто возражалъ противъ этихъ системъ и этой декларацiи правъ; въ комъ оно встрѣтило перваго и рѣшительнаго критика? Въ то время, какъ эта декларація восхищала собой философовъ естественнаго права въ Германіи, которыхъ никто не считаетъ болѣе опасными, противъ этой деклараціи первый *возсталъ проповѣдникъ* теоріи пользы, *Бентамъ*. Итакъ слѣдуетъ думать, что философія пользы самыми фактами отвѣчала довольно вразумительно на существующія противъ нея опасенія. Взявъ въ разсчетъ все это, едвали не слѣдовало опасаться иного: не исключительныхъ выводовъ, а слишкомъ большой гибкости этого начала пользы, которая можетъ стать опаснымъ орудіемъ въ рукахъ противниковъ пользы, когда бы они сами захотѣли дѣйствовать подъ ея знаменемъ.

Итакъ, начало пользы можетъ быть, кажется, признано зако-

подателями за начало всѣхъ *нравственныхъ* опредѣленій совершенно безбоязненно.

Но начало пользы не есть начало только определяющее.

Для того, чтобы объяснить многостороннюю выгоду, представляемую этимъ началомъ, мы должны сказать нѣсколько словъ и о тѣхъ задачахъ, которыя представляетъ вопросъ права въ его элементарномъ видѣ. Вопросъ права, вопросъ поступка есть вопросъ двусторонній. Намъ мало знать, что̀ должно дѣлаться, какъ должно поступать и какъ не должно, намъ необходимо въ тоже время имѣть обезпеченіе въ томъ, чтобы дѣлалось то, что̀ должно дѣлаться, и не дѣлалось того, что̀ не должно;- мы нуждаемся не только въ началѣ, опредѣляющемъ теоретически наши поступки, но и въ началѣ, опредѣляющемъ ихъ практически, принуждающемъ человѣка поступать правильно,—въ началѣ, санкціонирующемъ правильный образъ дѣйствія и называемомъ санкціей права.

Начало пользы, вполнѣ развитое и примѣненное ко всѣмъ частнымъ вопросамъ, осталось бы безплоднымъ на практикѣ, еслибы ничто не принуждало человѣка на практикѣ слѣдовать этому началу и подчинять его рѣшеніямъ свои дѣйствія. Всякое теоретическое изложеніе, всякое начало для практическаго выполненія нуждается въ стимулѣ, принуждающемъ къ его выполненію; этотъ стимулъ составляетъ санкцію этого начала. Съ этой стороны начало пользы представляетъ ту именно выгоду, что оно находитъ свою санкцію въ самомъ себѣ или въ тѣхъ основаніяхъ человѣческой природы, изъ которыхъ оно само рождается. Чувство наслажденія и боли, рождающее представленіе о вредѣ или пользѣ, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и готовую санкцію, готовый стимулъ, принуждающій человѣка слѣдовать началу пользы.

Первымъ и главнымъ источникомъ наслажденія служатъ наши внѣшнія чувства; и къ нимъ относимъ мы болѣе или менѣе косвенно остальные виды наслажденій. Самый ближайшій видъ наслажденія, непосредственно соприкасающійся съ наслажденіемъ внѣшнихъ чувствъ, составляетъ наслажденіе, доставляемое намъ сознаніемъ матеріальнаго достатка или богатства, состоящее въ сознаніи возможности избѣгнуть всегда извѣстныхъ внѣшнихъ лишеній и доставить себѣ возможное разнообразіе внѣшнихъ наслажденій, через пріобрѣтеніе необходимыхъ вещей или направленіе въ

свое удовольствіе чужаго труда. И это удовольствіе власти надъ вещами и чужими поступками и услугами даетъ содержаніе цѣлому ряду другихъ болѣе косвенныхъ и посредственныхъ наслажденій. Мы ощущаемъ наслажденіе дружбы, добраго имени и славы, власти, потому что и дружба и доброе имя и власть даютъ намъ возможность разсчитывать на услуги людей тамъ, гдѣ онѣ намъ будутъ нужны. Лишеніе человѣка всѣхъ этихъ видовъ наслажденія или принужденіе его къ голоду, холоду, необезпеченность, презрѣніе людей, безпомощность и т. д. составляютъ такіе же источники боли. Въ этомъ разнообразіи наслажденій и лишеній человѣческіе поступки и находятъ свою единственную санкцію. Эта санкція или вредъ, во многихъ случаяхъ, является непосредственно тамъ, гдѣ польза или вредъ дѣянія слишкомъ близки и очевидны. Но тамъ, гдѣ опредѣленіе вреда или пользы составляетъ задачу болѣе сложную, гдѣ правило дѣйствія должно быть облечено въ форму положительнаго закона, необходимость котораго не представляется большинству прямо очевидной, тамъ эта естественная санкція можетъ быть слишкомъ отдаленной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ опасной и разрушительной по своимъ послѣдствіямъ, и потому самая выгода людей принуждаетъ создавать искусственную санкцію, предупреждающую большее зло меньшимъ. Мы имѣемъ поэтому дѣло съ двумя видами санкцій: санкціей естественной, возникающей помимо человѣческой воли и участія, и санкціей, устроиваемой при посредствѣ человѣческой воли.

Санкцію перваго рода Бентамъ называетъ санкціей физической. Санкція втораго рода можетъ быть нравственная, политическая или легальная, и религіозная. Къ санкціи нравственной Бентамъ относитъ общественное мнѣніе, честь или безчестіе тѣхъ или другихъ поступковъ. Къ санкціи политической—охранительное законодательство. Всѣ эти три вида санкцій берутъ свое содержаніе въ физической санкціи, дѣйствуютъ не иначе какъ путемъ физическихъ лишеній и страданій, или устрашенія ими, и потому составляютъ только разнообразные виды примѣненія физической санкціи. Вліяніе ихъ на людей весьма различно; но всего опредѣленнѣе и ближе къ физической санкціи по своему вліянію и характеру дѣйствуетъ санкція политическая—она-то и даетъ начало уголовному законодательству.

Итакъ законъ, руководящій всѣмъ нравственнымъ міромъ, согласно Бентаму, одинъ; это—законъ пользы. Наслажденіе и страданіе — единственный воспитатель человѣчества, дѣлающій его добрымъ и нравственнымъ, устроивающій порядокъ въ человѣческомъ обществѣ. Наслажденіе и страданіе составляютъ единственную санкцію человѣческаго благополучія и нравственности. Мораль и законодательство не имѣютъ другаго руководителя, кромѣ пользы, и другой цѣли, какъ развить въ человѣческомъ обществѣ наибольшую сумму счастія. Другой высшей цѣли не можетъ себѣ представить человѣчество, и было бы самонадѣяннымъ и дерзкимъ вмѣшательствомъ въ недоступныя человѣку цѣли провидѣнія искать другихъ конечныхъ цѣлей человѣческаго существованія, на подобіе прежней философіи, кромѣ той ближайшей цѣли, которая ему указана самой природой.

Такой теоріей основанія законодательства и морали приведены къ самому простому объясненію и если Бентамъ сказалъ, что всѣ поступки опредѣляются началомъ пользы, то при этомъ онъ разумѣлъ всѣ поступки безразлично, т. е. не только относящіеся къ нравственности и законодательству. Какъ медикъ руководится въ своей дѣятельности указаніями своей науки, какъ техникъ слѣдуетъ своей, также точно моралистъ и законодатель руководится указаніями своего знанія, и въ этомъ-то и состояла цѣнность теоріи, что она успѣла привести основанія морали и законодательства къ тожеству съ основаніями самыхъ понятныхъ и простыхъ дѣяній и поставить надъ всѣми одно начало знанія.

Но если всѣмъ нравственнымъ міромъ должно руководить одно и тоже начало и всѣ дѣйствія человѣческія опредѣляются началомъ пользы, и являются по отношенію къ руководящему началу безразлично смѣшанными, то въ тоже время очевидно, что не всѣ поступки человѣческіе подлежатъ опредѣленію законодателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стало быть, возникаетъ самъ собой вопросъ: какая часть человѣческихъ дѣяній должна быть подчинена законодателю; гдѣ границы, опредѣляющія его дѣятельность и его сферу, и на какомъ основаніи право отдѣлялось постоянно не только отъ техники напримѣръ или врачеванія, но и отъ морали?

Тамъ, гдѣ начало пользы перестаетъ высказываться съ прямой ясностью и указывать человѣку, что онъ долженъ дѣлать и чего

не долженъ дѣлать, тамъ начинается сфера спеціальныхъ знаній въ его примѣненіи. Тамъ, гдѣ человѣкъ не знаетъ, что̀ полезно или вредно для его здоровья, начинается сфера медицины; гдѣ онъ не знаетъ, какъ устроить орудіе и сложить машину,—сфера механики; какъ удобрить землю и обработать ея произведенія,—сфера техники земледѣльческой и мануфактурной; гдѣ начало пользы прямо не указываетъ, *какая зависимость должна существовать* между людьми въ *отношеніи къ правамъ* ихъ другъ на друга и на вещи, тамъ начинается сфера экономіи. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ могутъ быть правила дѣйствія двоякаго рода. Знаніе можетъ опредѣлять лучшія правила дѣйствія, лучшій способъ сохраненія здоровья и леченія, лучшій способъ обработки земли и хозяйства, точно также какъ мораль можетъ опредѣлять лучшій способъ отношенія къ людямъ: но затѣмъ слѣдовать или не слѣдовать даннымъ правиламъ, въ однихъ случаяхъ можетъ быть предоставлено на произволъ самихъ людей,— потому что отъ выбора между тѣмъ или другимъ способомъ дѣйствія не предвидится прямаго и существеннаго вреда другимъ; въ другихъ же случаяхъ уклоненіе отъ правилъ сопряжено съ такимъ серьезнымъ и ощутительнымъ вредомъ для другихъ или для общества, что *слѣдованіе даннымъ правиламъ становится обязательнымъ для* каждаго. Данное правило, основанное на принципѣ пользы, обращается въ такомъ случаѣ въ законъ обязательный для каждаго; оно составляетъ предметъ законодательства.

Во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, въ сферѣ касающейся здоровья, техники, образованія и пр., есть такіе случаи, такія общія правила, уклоненіе отъ которыхъ считается сопряженнымъ со вредомъ для общества и слѣдованіе которымъ *признавалось и признается обязательнымъ*. Изъ такого объясненія мы видимъ, что *рамка закона* не есть нѣчто вполнѣ опредѣленное и ограниченное по своему содержанію и предмету. Вопросъ о томъ, въ какія части и до какихъ предѣловъ законодательство должно вмѣшиваться въ человѣческую дѣятельность, былъ всегда весьма спорнымъ вопросомъ, разрѣшавшимся не только теоретически, но и практически весьма различно. Онъ остался до сихъ поръ спорнымъ подъ именемъ вопроса о предѣлахъ законодательной регламентаціи. Одни даютъ бо̀льшій просторъ этой регла-

ментаціи, другіе—меньшій; но нужно сказать, что нѣтъ все-таки мнѣнія, которое устраняло бы вовсе необходимость регламентаціи.

Бентамъ не пытается поэтому опредѣлять сферу законодательства какими-либо категорическими, разъ навсегда данными предѣлами; по его мнѣнію также законодательство не имѣетъ дѣла съ какимъ-либо отдѣльнымъ видомъ человѣческой дѣятельности во всей ея совокупности, не составляетъ чего-либо неразрывнаго съ извѣстной категоріей поступковъ, и можетъ имѣть дѣло съ различными частями этой дѣятельности, касаясь каждой настолько, насколько этого требуетъ начало пользы. Онъ пытается поэтому преподать законодателю нѣсколько общихъ совѣтовъ относительно границъ, до которыхъ онъ въ правѣ простирать свое вліяніе. Въ этомъ отношеніи Бентамъ скорѣе относится къ приверженцамъ свободы дѣйствія, чѣмъ къ друзьямъ регламентаціи.

Необходимость регламентаціи,—говоритъ онъ,—сама собою устраняется смотря по степени обезпеченія, которое находятъ добрыя дѣйствія въ чувствѣ личнаго самосохраненія, присущаго людямъ. Тамъ, гдѣ выгода правильнаго способа дѣйствія сама даетъ себя болѣе или менѣе чувствовать людямъ,—тамъ менѣе всего нужна и регламентація. Но нужно сознаться, говоритъ Бентамъ, что это была именно та часть, гдѣ правительства хотѣли больше всего регламентировать. Заботиться о томъ, что человѣкъ долженъ дѣлать для того, чтобъ не вредить себѣ, было ихъ слабой стороной; здѣсь они часто шли дальше заботливой матери. А вмѣстѣ съ тѣмъ они едвали не слишкомъ мало думали о томъ, какъ принудить человѣка дѣлать то, что полезно другимъ, и оставляли въ пренебреженіи эту главную часть, которая по преимуществу нуждалась въ законодательномъ вліяніи.

Относительно законодательства,—говоритъ Бентамъ,—слѣдуетъ сказать тоже, что относительно медицины: все дѣло правительства состоитъ въ выборѣ между лишеніями или зломъ. Всякій законъ есть лишеніе или даже,—какъ онъ говоритъ прямо,—зло; ибо всякій законъ есть стѣсненіе свободы и въ этомъ смыслѣ законодатель прежде всего долженъ понимать всѣ свои предписанія. Выбирая между лишеніями, законодатель долженъ удостовѣриться въ двухъ вещахъ: 1) что зло, которое онъ хочетъ предупредить, составляетъ дѣйствительное зло, 2) что лишенія, которымъ онъ

долженъ подчинить общество, составляютъ меньшее зло, чѣмъ то, ради предупрежденія котораго создается законъ. Это-то обстоятельство, или неразрывность лишенія или зла со всякимъ закономъ, и есть, по мнѣнію Бентама, главная причина, почему не всѣ человѣческія дѣйствія могутъ быть подвергнуты регламентаціи: во множествѣ случаевъ, для того, чтобы заставить общество слѣдовать даннымъ правиламъ, хотя несомнѣнно полезнѣйшимъ, нужно было бы причинить больше зла, чѣмъ можно принести пользы обществу такимъ насильственнымъ подчиненіемъ его дѣятельности этимъ правиламъ.

Все дѣло законодателя съ формальной стороны заключается въ распредѣленіи между членами общества съ одной стороны правъ, съ другой — обязанностей. Права законодатель долженъ предоставлять съ удовольствіемъ; ибо всякое право равно наслажденію. Иначе относительно обязанностей: всякая обязанность есть стѣсненіе, а потому она и должна налагаться не иначе какъ съ осторожностью. Но въ тоже время невозможно создавать права, не создавая одновременно обязанностей; всякое право, предоставленное одному, налагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность на другаго. Отсюда слѣдуетъ, что никакое право не можетъ быть создано, никакая обязанность наложена безъ достаточныхъ основаній. Кто предлагаетъ законъ, стѣсняющій частную свободу, тотъ долженъ не только представить основанія, побуждающія къ его установленію, но въ тоже время доказать, что эти основанія превосходятъ общее неудобство, связанное съ установленіемъ всякаго закона.

Такимъ образомъ какой бы сферы дѣятельности ни касалась регламентація, вездѣ, по мнѣнію Бентама, она должна поступать съ осторожностью. Есть сферы, въ которыхъ она можетъ идти далѣе, есть другія сферы, въ которыхъ она должна быть ограничена. Но есть сфера отношеній, въ которыхъ она должна и по мнѣнію Бентама простираться весьма далеко, сфера регламентаціи по преимуществу, это—сфера отношеній экономическихъ.

Народное здравіе, построеніе зданій, народное образованіе вездѣ болѣе или менѣе подчинены вмѣшательству законодательства; но ни одна сфера человѣческой дѣятельности не подчинена настолько вмѣшательству законодательства, какъ сфера экономическая. Вопросъ о пользованіи силами природы и человѣческимъ

трудомъ и услугами составляетъ сущность и содержаніе этой сферы, и здѣсь предоставленіе этого пользованія на произволъ людей представлялось съ самаго начала дотого опаснымъ и невозможнымъ, и подчиненіе этого пользованія общимъ правиламъ дотого неизбѣжнымъ, что эта часть человѣческихъ дѣйствій была всего больше и постоянно подчиняема законодательству. Мы можемъ раскрыть какіе угодно кодексы и убѣдиться, что девять десятыхъ всѣхъ законоположеній касаются имущественныхъ отношеній или экономическихъ, такъ что имущественный вопросъ самъ по себѣ исчерпываетъ почти все содержаніе, всю сферу законодательства; а вмѣшательство послѣдняго въ остальныя части человѣческой дѣятельности составляетъ лишь ничтожный процентъ, почти исчезающій передъ суммой законодательства, возникающей изъ имущественнаго вопроса.

Распредѣляя права и обязанности, законодатель,—говоритъ Бентамъ,—долженъ имѣть въ виду одну цѣль, это—наибольшее счастіе общества. Разсматривая же въ частности, въ чемъ заключается это счастіе, насколько оно зависитъ отъ законодателя, — можно видѣть, что оно слагается изъ слѣдующихъ частныхъ цѣлей: достатка, богатства, равенства, спокойствія. — Всѣ эти цѣли и должны составлять, по мнѣнію Бентама, сферу законодательства. Такимъ образомъ сфера законодательства ограничивается и Бентамомъ преимущественно экономическими предѣлами или вопросомъ имущественнымъ. Центромъ тяжести законодательства является частное право, а остальныя части права функціями или зависимыми частями имущественнаго права. Вопросъ общественнаго благополучія, насколько онъ зависитъ отъ законодателя, заключается въ разрѣшеніи имущественнаго вопроса и остальныя части законодательства существуютъ лишь настолько, насколько онѣ находятся въ связи съ имущественнымъ вопросомъ. Здѣсь можетъ быть время отвѣтить на вопросъ, естественно возникающій изъ сказаннаго: на какомъ основаніи экономическая сфера стала настоящей сферой законодательства? Какъ фактъ всеобщій, фактъ сосредоточенія законодательства на имущественномъ вопросѣ долженъ имѣть свои причины, его объясняющія,—эти причины могутъ быть не для всѣхъ одинаково ясны сами собою, а потому мы укажемъ на ту особенность экономической сферы, которая сдѣлала

здѣсь наиболѣе необходимою регламентацію и сосредоточила на имущественномъ вопросѣ почти всю задачу законодателя.

Экономическая сфера, какъ и юридическая, не составляетъ для человѣка сама по себѣ прямой цѣли. Прямая и послѣдняя цѣль человѣка есть наслажденіе. Но экономическая сфера имѣетъ дѣло съ источниками наслажденія. Эти источники составляютъ силы внѣшней природы и человѣческій трудъ, при посредствѣ которыхъ создаются средства наслажденія. Отношенія человѣка къ этимъ источникамъ наслажденія опредѣляютъ естественно и отношенія его къ средствамъ наслажденія, а распредѣленіе источниковъ опредѣляетъ распредѣленіе и суммы наслажденій между людьми. Опредѣлить и регламентировать права и отношенія человѣка къ источникамъ жизни и наслажденія было легче и проще, чѣмъ регламентировать всю безконечную цѣпь человѣческихъ дѣйствій во всѣхъ ея малѣйшихъ подробностяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, это значило влiять на распредѣленіе самыхъ наслажденій не стѣсняя человѣческой свободы выборомъ и способомъ пользованія предоставленными ему средствами счастія.

При этомъ за человѣкомъ обезпечивалась извѣстная свобода дѣйствія и въ тоже время за законодательствомъ утверждалась возможность управлять отношеніями гражданъ къ главнымъ источникамъ наслажденія, силамъ природы и человѣческому труду. Итакъ причина, вслѣдствіе которой законодательная дѣятельность сосредоточивалась въ экономической сферѣ, была весьма проста. Здѣсь законодательство стояло у источниковъ человѣческой жизни и наслажденія, управлять которыми значило косвеннымъ образомъ управлять до извѣстной степени направленіемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Отъ этихъ источниковъ законодательство могло идти далѣе: могло простирать регламентацію въ сферу техническую и заходить въ дѣлѣ регламентаціи такъ далеко, какъ ему угодно; но оно не могло оставить безъ вниманія источниковъ богатства и предоставить пользованія ими на произволъ людей, и были причины, прямо обращавшія его вниманіе на эти источники. Зло, возникающее въ обществѣ отъ неопредѣленности этихъ отношеній людей къ чужому труду и силамъ природы, сумма насилія и безпорядка, и неравномѣрность распредѣленія наслажденій были слишкомъ велики въ сравненіи съ тѣмъ или дру-

тимъ зломъ, возникающимъ изъ болѣе или менѣе неразумнаго употребленія, которое частное лицо можетъ сдѣлать изъ своихъ средствъ наслажденія,—чтобы законодатель не былъ прежде всего принужденъ заняться устройствомъ отношеній къ источникамъ наслажденія. Въ хронологическомъ порядкѣ, прежде чѣмъ общество выучилось пользоваться источниками наслажденія, оно враждовало изъ-за этихъ источниковъ, и эта самая вражда повсемѣстно вызвала необходимость власти, дисциплины и создавала законодательство.

Вслѣдствіе этихъ-то причинъ законодатель былъ призванъ прежде всего къ устройству экономическаго вопроса, а возможность управлять человѣческими дѣйствіями не простирая вмѣшательства далѣе основныхъ экономическихъ отношеній и трудность регламентаціи частностей постоянно принуждали законодательство колебаться около извѣстныхъ предѣловъ. Но если и неоспоримо, что дѣятельность законодательства сосредоточивается на имущественной сферѣ, то вопросъ о границахъ права самъ собою переносится въ эту экономическую сферу, и остается все-таки узнать, какъ далеко можетъ заходить законодательное вмѣшательство въ этой сферѣ, для того, чтобы вопросъ о границахъ права или законодательства могъ стать опредѣленнымъ. Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ характеръ и философской системы и направленіе, придаваемое ею внутренней политикѣ общества, зависитъ настолько же, насколько и отъ рѣшенія перваго вопроса о критеріумѣ права; потому именно этотъ вопросъ съ развитіемъ общества и пріобрѣлъ такую особенную важность и въ новѣйшее время сталъ вопросомъ, равносильнымъ вопросу о критеріумѣ права.

Два воззрѣнія на этотъ вопросъ успѣли образоваться къ тому времени, когда писалъ Бентамъ.

Для схоластическаго времени, да и въ первое время господства теорій о врожденномъ началѣ справедливости, этотъ вопросъ казался вовсе несуществующимъ или, иначе, вмѣшательству не полагалось въ теоріи никакихъ опредѣленныхъ границъ. Онъ возникъ въ критическій періодъ литературы, когда дѣйствія законодателя стали предметомъ обсужденія. Тогда среди общаго скептическаго настроенія критика этихъ дѣйствій привела однихъ къ сомнѣнію въ ихъ пользѣ, къ предположенію, что человѣческія

отношенія устроились бы лучше внѣ того или другаго законодательнаго вліянія на экономическія отношенія, и такимъ образомъ было положено начало протесту въ литературѣ противъ вмѣшательства, вскорѣ обобщившееся въ теорію невмѣшательства. Другіе, напротивъ того, продолжали смотрѣть на законодательство какъ на прямое средство осуществленія искомыхъ ими началъ справедливости и человѣческихъ правъ. Тѣ или другіе дѣйствовали пока одинаково въ интересахъ общества и высшей справедливости, отъ лица тѣхъ же высокихъ началъ и цѣлей. Но послѣднее мнѣніе одержало верхъ въ дѣйствительности, среди радикальнаго направленія прошлаго вѣка и его радикальныхъ событій, и съ тѣхъ поръ мимолетная надежда прогрессистовъ на начало невмѣшательства исчезла сама собою, и теорія невмѣшательства стала признаваться лучшимъ отвѣтомъ противъ всякихъ нововведеній, лучшимъ сторожемъ политическаго застоя.

Съ тѣхъ поръ утвердилось два мнѣнія: одно, которое не налагаетъ опредѣленныхъ границъ вмѣшательству и полагаетъ, что эти границы должны въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляться *сообразно съ началомъ пользы*, — которое ждетъ отъ законодательнаго вмѣшательства еще многихъ улучшеній и усовершенствованій; и другое, которое полагаетъ, что законодательное вмѣшательство сдѣлало уже все, даже больше чѣмъ слѣдовало для того, чтобы человѣческія отношенія могли стать совершенными.

Это послѣднее мнѣніе было особенно распространено въ ту эпоху, когда писалъ Бентамъ, и господствовало въ теченіе всей первой половины текущаго вѣка. Оно было особенно распространено въ той странѣ, гдѣ писалъ Бентамъ. Оно повидимому прямо соотвѣтствовало тѣмъ консервативнымъ цѣлямъ, которыя между прочимъ имѣлъ въ виду Бентамъ, и тому негодованію, съ которымъ онъ относился къ современному ему революціонному движенію, и несмотря на то Бентамъ не принялъ этой теоріи.

Онъ былъ дотого послѣдователенъ какъ писатель, дотого истиненъ, до того глубоко и искренно желалъ блага обществу, что не рѣшился пожертвовать истиной постороннимъ выгодамъ — и въ противорѣчіе общему настроенію своего общества и науки отдалъ справедливость теоріи вмѣшательства. Самъ раздѣляя до извѣстной степени общее въ его время вѣрованіе экономистовъ въ воз-

можность усовершимости отношеній помимо вмѣшательства,—самъ вѣря, что недостатки, гнетущіе настоящее общество, могутъ изгладиться когда либо сами собою, Бентамъ все-таки возложилъ на законодателя тяжелую задачу настоятельно стремиться къ исправленію этихъ недостатковъ путемъ вмѣшательства и такимъ образомъ доказалъ, что можно не быть ни радикаломъ, ни соціалистомъ, а лучшимъ другомъ общественнаго спокойствія, и въ тоже время держаться теоріи вмѣшательства. Для этого Бентамъ признавалъ нужнымъ только одно, это—знать относительную пользу и цѣну вещей и вслѣдствіе этого подчинять вопросъ преобразованій вопросу спокойствія.

Мысли Бентама, касающіяся настоящаго предмета, изложены въ его трактатѣ о гражданскомъ кодексѣ.

Сущность задачи гражданскаго кодекса въ томъ видѣ, какъ она поставлена Бентамомъ, заключается очевидно въ соглашеніи вопроса спокойствія и богатства съ вопросомъ равенства. Теоретически не трудно начертать общія основанія, общія положенія, слѣдуя которымъ законодатель прямо и самъ собой долженъ былъ бы придти къ предположенной цѣли. Бентамъ излагаетъ ихъ въ нѣсколькихъ словахъ. *Всякая часть богатства*, — говоритъ онъ,— создаетъ свою часть благополучія; чѣмъ больше эта часть богатства, тѣмъ больше часть благополучія. Тотъ, кто богаче, тотъ и счастливѣе; но счастье возрастаетъ все-таки не пропорціонально богатству. Излишекъ счастья, который придаетъ болѣе богатому его излишекъ богатства, никогда не бываетъ такъ великъ, какъ излишекъ его богатства. Поэтому, чѣмъ большее существуетъ различіе состояній, тѣмъ меньше можно предположить, что это различіе приноситъ людямъ болѣе богатымъ настолько и большую сумму счастья, насколько больше сумма ихъ имущества. Отсюда вытекаетъ то положеніе, — говоритъ Бентамъ,—что наибольшая сумма счастья будетъ создана въ обществѣ наибольшимъ уравненіемъ состояній. Поэтому всякая прибавка новаго имущества къ существующему создаетъ тѣмъ большую сумму счастья въ обществѣ, чѣмъ болѣе она способствуетъ уравненію состояній. Точно также и всякій вычетъ изъ существующаго имущества составитъ наибольшую сумму блага, если онъ въ тоже время будетъ способствовать къ уравненію достатковъ. Во всякомъ горѣ и во всякой потерѣ, если по-

теря падаетъ на долю бѣднаго, зло будетъ увеличено; если потеря падаетъ на долю богатаго, ущербъ, сдѣланный черезъ это спокойствію, вознаградится выигрышемъ въ уравненіи состояній.

Таковы общія положенія, которыя Бентамъ счелъ достаточнымъ предложить къ руководству законодателя въ гражданскомъ вопросѣ.

Но если столь легко было представить общія теоретическія основанія, соглашающія вопросъ богатства и справедливости, то гораздо труднѣе было принять ихъ къ дѣйствительному осуществленію и руководству на практикѣ. Двѣ причины затрудняли дѣло. Если мы сказали выше, что законодатель былъ призванъ къ устройству экономическаго вопроса, то это справедливо только въ общемъ смыслѣ, независимо отъ условій времени и мѣста. Въ дѣйствительности законодательство возникало и слагалось исторически, не прямо руководимое началомъ пользы, а путемъ случайныхъ рѣшеній и обычаевъ, обращавшихся потомъ въ законъ, который долженъ былъ признавать законодатель, часто противъ своей собственной воли. Оно росло среди безначалія и анархіи въ нравственныхъ опредѣленіяхъ, при неразвитости самаго знанія и неумѣньи различать дѣйствительно полезное отъ вреднаго, подчиняясь вліянію личныхъ симпатій и антипатій, личной частной пользѣ, упуская изъ виду пользу болѣе отдаленную и общую. Законодатель вездѣ встрѣчался съ готовымъ уже законодательствомъ. Какъ сынъ своего времени и своего общества, онъ вездѣ долго не сознавалъ своего назначенія. Такъ что законодателемъ въ собственномъ смыслѣ можетъ быть названъ развѣ только весьма поздній законодатель. Послѣдній не могъ уже строить отношеній, а имѣлъ дѣло съ готовымъ укоренившимся порядкомъ, исправлять историческіе недостатки котораго было задачей весьма затруднительной.

Нужно замѣтить, что и независимо отъ того частныя цѣли, ему предложенныя, вовсе не таковы, чтобы онѣ могли считаться всегда соотвѣтствующими между собой, чтобы съ удовлетвореніемъ одной удовлетворялась другая.

Между отдѣльными цѣлями, изъ которыхъ слагается задача законодателя, — говоритъ Бентамъ,—есть извѣстная подчинимость и зависимость, которыя дѣлаютъ невозможнымъ непосредственное осуществленіе всѣхъ цѣлей и заставляютъ предпочитать цѣль первен-

ствующую подчиненной. Между этими цѣлями, спокойствіе общества есть, конечно, господствующая надъ всѣми остальными; ибо безъ нея невозможно ни богатство, ни достатокъ, ни равенство. Тамъ, гдѣ обществу придется выбирать между спокойствіемъ и другими цѣлями, оно непремѣнно предпочтетъ первое, и тоже долженъ дѣлать законодатель. Только спокойствіе прокладываетъ путь къ остальнымъ благамъ и только оно одно совершенно зависитъ отъ законодателя. Послѣдній не можетъ прямо создать богатства, онъ можетъ только обезпечить условія, необходимыя для созданія богатства и въ числѣ этихъ условій находится прежде всего условіе общественнаго мира и спокойнаго пользованія плодами производства. Далѣе, какъ невозможенъ достатокъ безъ спокойствія, столь же невозможно богатство безъ предварительнаго достатка и потому законодатель прежде долженъ заботиться о достаткѣ, чѣмъ о богатствѣ, роскоши и равенствѣ. Спокойствіе и достатокъ составляютъ необходимое жизни, роскошь матеріальная и равенство—цвѣтъ и украшеніе жизни. Поэтому,—говоритъ Бентамъ,—законодатель поставленъ въ неизбѣжную необходимость жертвовать послѣдними первому.

Но это-то условіе, существующее *само по себѣ*, пріобрѣтаетъ особенное значеніе, *становится особенно* ощутительнымъ препятствіемъ къ усовершенствованію въ силу тѣхъ упомянутыхъ выше условій, которыя носятъ обыкновенно названіе историческихъ.

Здѣсь идетъ у Бентама сѣтованіе не о противорѣчіи требованій пользы съ какими-либо основными установленіями гражданскаго порядка, считающимися основами общества (Бентамъ болѣе всего далекъ отъ ихъ порицанія), а только о ложномъ употребленіи, сдѣланномъ людьми изъ этихъ установленій въ частности, о томъ, что было допущено нарушающаго эти установленія и въ сущности имъ противорѣчащаго. Недостатки историческіе состояли, по его мнѣнію, не въ этихъ установленіяхъ, а въ нарушеніи этихъ установленій. Въ предупрежденіи, уничтоженіи этихъ именно нарушеній гражданскихъ основъ заключается вся задача, но это уничтоженіе нарушеній и трудно вслѣдствіе ихъ закоренѣлости.

Между орудіями спокойствія, — говоритъ Бентамъ, — которыми прежде всего владѣетъ законодатель, первое и самое главное есть собственность. Это явленіе, чисто абстрактное, не существующее само по себѣ, не имѣющее себѣ ничего подобнаго въ природѣ, со-

ставляетъ вполнѣ его созданіе. Но это-то орудіе, возражаютъ часто, и было главнымъ орудіемъ, создавшимъ неравенство въ человѣческомъ обществѣ и бывшимъ источникомъ многихъ злоупотребленій. По мнѣнію Бентама, нѣтъ ничего несправедливѣе такого возраженія. Само по себѣ установленіе собственности не заключаетъ ничего дурнаго. Собственность беретъ свое начало въ обезпеченіи за каждымъ спокойнаго пользованія своимъ трудомъ. Съ понятіемъ о собственности связано для всякаго понятіе наслажденія и потому все, сказанное противъ собственности, не касается собственности въ ея принципѣ, напротивъ относится къ нарушенію основныхъ началъ собственности, которое было допущено. Что касается этихъ отступленій, то даже и здѣсь Бентамъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что несмотря на весь ихъ вредъ, положеніе необезпеченнаго класса людей въ настоящее время все-таки должно считаться выше положенія человѣчества въ дикомъ состояніи; и потому цивилизація все-таки принесла кое-что и этому классу. Во вторыхъ, недостатки историческіе, каковыми были напримѣръ крѣпостныя отношенія, могутъ изгладиться, по мнѣнію Бентама, безъ нарушенія самаго установленія, которое черезъ это должно усовершиться и упрочиться еще болѣе. Уничтоженіе этихъ недостатковъ, по мнѣнію Бентама, долженъ постоянно имѣть въ виду законодатель; оно составляетъ, собственно говоря, его главную и существеннѣйшую задачу, но только онъ въ тоже время не долженъ забывать, что мѣры, имъ избираемыя, всего менѣе вправѣ колебать порядокъ. Поэтому-то законодатель и не можетъ прямо касаться этихъ недостатковъ, и «я полагаю,—говоритъ Бентамъ, — что законодатель лучше всего сдѣлаетъ, если даже оставитъ эти нарушенія относительно живыхъ въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся въ обществѣ. Хочетъ онъ идти по пути усовершенствованія, пусть не колеблетъ надеждъ и увѣренности живыхъ лицъ. Но есть сфера, гдѣ онъ въ тоже время можетъ дѣйствовать противъ этихъ нарушеній; онъ имѣетъ полную возможность распоряжаться въ сферѣ наслѣдственнаго права. Здѣсь лежитъ настоящій путь его улучшеніямъ.» Онъ можетъ или ограничивать право завѣщаній или установить тотъ способъ назначенія имуществъ, который ему кажется лучшимъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Бентамъ и здѣсь совѣтуетъ поступать осторожно.

Такимъ образомъ Бентамъ выше всего ставилъ спокойствіе общества и подчинялъ ему всѣ остальные интересы. Поступая такъ, онъ не думалъ дѣлать какихъ-либо уступокъ недостаткамъ своего времени. Это подчиненіе вытекало у него прямо изъ существа его теоріи, было прямымъ ея требованіемъ. Онъ дорожилъ спокойствіемъ, потому что понималъ, что имъ выше всего дорожитъ во всякомъ случаѣ всякое общество и всегда готово принести ему самыя крупныя жертвы. Отъ этого никакое волненіе въ обществѣ никогда не можетъ быть продолжительнымъ и масса предпочитаетъ хотя тяжелый для нея порядокъ всякому безпорядку. Но Бентамъ не хотѣлъ въ тоже время, чтобъ это подчиненіе становилось источникомъ злоупотребленія, чтобы подъ его предлогомъ отклонялись реформы тамъ, гдѣ онѣ не противорѣчатъ спокойствію, чтобы уваженіе общества оставалось за препятствіями мнимыми.

Указывая поэтому на препятствія серьёзныя и существенныя и уча имъ подчиняться, Бентамъ въ тоже время счелъ нужнымъ обратить свое вниманіе на препятствія другаго рода, препятствія мнимыя. Въ этомъ отношеніи Бентамъ съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ на то вредное вліяніе, которое имѣла софистика или искусство отклонять благія мѣры, подъ тѣми или другими предлогами. Этому искусству, выработавшемуся въ цѣлую систематическую науку Бентамъ посвящаетъ цѣлый трактатъ «О политическихъ софизмахъ». Но мы скажемъ объ нихъ тогда, когда читателямъ будетъ представленъ переводъ «Софизмовъ» (Т. II).

Затѣмъ мы не будемъ также вдаваться въ дальнѣйшія подробности мыслей Бентама относительно препятствій къ улучшеніямъ законодательства, ни перечислять отдѣльныя улучшенія, которыя онъ считаетъ возможными въ различныхъ частяхъ права гражданскаго, уголовнаго и проч. Что для насъ важно — это не подробности, не частныя улучшенія, которыя Бентамъ считаетъ возможнымъ въ свое время возложить на законодателя, а общій способъ воззрѣнія, предложенный Бентамомъ законодателю на вмѣшательство въ приведенныхъ разсужденіяхъ и совѣтахъ. Повторять въ настоящее время буквально совѣты, данные законодателю въ свое время, было бы странно; но важно помнить, что то, что было возможно въ одно время, то часто столь же возможно и въ другое время. Если для Бентама было возможно согласить основательность

и спокойствіе направленія съ моральнымъ стремленіемъ къ лучшему въ свое время, то по его же мнѣнію можно найти, чего желать и къ чему стремиться законодателю во всякое другое, не опасаясь упрека въ неосновательности. Можно найти путь и поприще для вмѣшательства, для реформъ вполнѣ благодѣтельныхъ. Указать, каковы должны быть эти реформы; гдѣ онѣ должны быть допущены, гдѣ нѣтъ,— возвращаясь, словомъ, къ вопросу о границахъ вмѣшательства,—указать эти границы разъ навсегда, по мнѣнію Бентама, какъ показываетъ все предъидущее, нельзя. Бентамъ очевидно допускаетъ и тутъ возможность указать одинъ только критеріумъ для рѣшенія основательности или неосновательности вмѣшательства въ данномъ случаѣ, и критеріумъ этотъ очевидно тотъ же самый, какой указанъ для классификаціи поступковъ въ смыслѣ пользы. Но тѣмъ-то и отличается взглядъ Бентама отъ взгляда защитниковъ невмѣшательства, что первый не признаетъ возможнымъ положить абсолютныхъ границъ вмѣшательству; тогда какъ послѣдніе считаютъ возможнымъ установить эти границы разъ навсегда.

Таковы отвѣты, данные Бентамомъ на два основныя вопроса философіи права: вопросъ о критеріумѣ и границахъ права. Таковъ духъ и направленіе, въ которомъ онъ желалъ, чтобы разрабатывалось и развивалось законодательство.

Еслибы ученіе его могло стать всеобщимъ, оно способно бы было безъ сомнѣнія произвесть благотворный переворотъ въ общественномъ настроеніи. Развиваясь далѣе, оно воздержало бы отъ крайнихъ притязаній, но прочно и неуклонно понуждало бы законодательство къ улучшеніямъ. Но эта-то именно прогрессивная сторона его слишкомъ расходилась съ купеческимъ настроеніемъ его общества.

Это общество хотѣло прежде всего дѣлать коммерческіе обороты безъ всякаго опасенія за то, чтó можетъ задумать ранѣе конца данной спекуляціи законодатель такого, что способно непредвидѣнно спутать коммерческій разсчетъ; и этого было совершенно достаточно для того, чтобы все ученіе подверглось нерасположенію, для того, чтобы оно стало предметомъ софистическихъ перетолкованій, и для того, чтобъ оно было представлено и ученіемъ матеріалистическимъ, и эгоистическимъ и пр. Для лондонскаго Сити казалось гораздо практичнѣе оставить въ силѣ прежнюю политическую религію абсолютной спра-

ведливости, слишкомъ разбитую и побѣжденную послѣ неудачъ французской революціи для того чтобъ быть опасной. Гораздо выгоднѣе было предоставить мечтательнымъ умамъ тяготиться разладомъ своихъ идеаловъ съ дѣйствительностью, исповѣдуя воззрѣнія XVIII в., потому что съ горстью этихъ людей можно всегда справиться при помощи нѣсколькихъ полиціантовъ, чѣмъ допустить развиваться ученію, которое способно изгладить вовсе мечтательное направленіе съ его крайними требованіями, но зато создать направленіе съ стремленіями болѣе умѣренными и согласными съ дѣйствительностью, противъ основательности которыхъ спорить гораздо труднѣе,—направленіе, которое поэтому хотя медленно, но прочно будетъ способствовать развитію. Крайность всегда пріятнѣе и выгоднѣе въ противникахъ, потому именно, что противъ нея легче возражать и труднѣе вызвать къ ней сочувствіе; но гораздо труднѣе было бы защищаться противъ направленія, проникнутаго той основательностью и умѣренностью, начало которой давало себя чувствовать въ воззрѣніи Бентама, еслибы оно получило общій ходъ и развитіе.

Вотъ причины, по которымъ въ наукѣ права и послѣ Бентама остались господствующими теоріи справедливости XVIII в., по которымъ теорія пользы оклеветывалась какъ теорія матеріалистическая, а легкомысленное юношество, увлекаемое идеалами справедливости, бредило переворотами ко вреду и себѣ и другимъ.

Можетъ быть отчасти вслѣдствіе тѣхъ же причинъ теорія пользы и въ наше время подвергается нареканіямъ. Но тотъ, кто въ глубинѣ совѣсти желаетъ блага человѣчеству и съ спокойнымъ взглядомъ будетъ искать доктрины болѣе умиротворяющей и вѣрной природѣ вещей, болѣе плодовитой по своему вліянію для мирнаго и прочнаго развитія цивилизаціи, тотъ отдастъ ей всю должную справедливость.

Въ настоящемъ изданіи предполагается представить читателю только избранныя сочиненія Бентама. Прекрасное изданіе такого рода сдѣлано было на французскомъ языкѣ другомъ и почитателемъ Бентама, Дюмономъ. Издатели настоящаго собранія отчасти имѣли въ виду планъ Дюмона, но не сочли нужнымъ строго придерживаться французскаго изданія и руководствовались при выборѣ

желаніемъ сдѣлать изданіе, болѣе соотвѣтствующее потребностямъ и интересамъ русскаго читателя. Прежде всего изданіе Дюмона представляетъ часто только собственную редакцію, изложеніе или сокращеніе Дюмономъ сочиненій Бентама,—хотя сдѣланныя съ согласія и одобренія самого автора; подобныя редакціи дѣйствительно исполняются Дюмономъ весьма обстоятельно и хорошо передаютъ общія *воззрѣнія* автора,—*но* для знакомства съ подлиннымъ, чрезвычайно своебразнымъ, Бентамомъ надо было обратиться къ самому источнику, и русское изданіе только въ нѣсколькихъ случаяхъ пользуется редакціями Дюмона. Далѣе, относительно самаго выбора — иное въ изданіи Дюмона имѣетъ слишкомъ спеціальный интересъ, или уже извѣстно отчасти по русскимъ изложеніямъ; или съ другой стороны во французское изданіе не вошли статьи и отрывки, особенно любопытные для русскаго читателя по своему историческому интересу, каковы напр. статьи, относящіяся къ сношеніямъ съ Бентамомъ императора Александра I, и т. п. Вслѣдствіе этого нѣкоторыя изъ сочиненій Бентама, вошедшія во французское изданіе, исключены изъ настоящаго и въ тоже время въ настоящемъ изданіи будутъ помѣщены нѣкоторые изъ трудовъ автора, существующіе только въ англійскомъ подлинникѣ и не вошедшіе во французское изданіе.

Не ограничиваясь желаніемъ представить чтеніе одинаково полезное и занимательное для большинства образованныхъ читателей, издатели имѣли въ виду скудость образовательныхъ средствъ, представляемыхъ нашей литературой для лицъ, спеціально готовящихся къ юридической и административной дѣятельности. При совершенномъ почти отсутствіи у насъ самостоятельной юридической и политической литературы, при безусловномъ недостаткѣ трудовъ самостоятельныхъ касательно общихъ и основныхъ началъ законодательства, сочиненія иностранныхъ писателей составляютъ единственный источникъ, которымъ могутъ пользоваться для своего обраванія наши спеціалисты. Опытъ показалъ однако, да оно понятно и само собою, что такое пользованіе, пока оно основано не на знакомствѣ съ настоящими источниками, а на чужихъ компиляціяхъ и изложеніяхъ, и особенно компиляціяхъ столь скудныхъ и несовершенныхъ, какія были сдѣланы у насъ,—равняется, въ лучшемъ случаѣ, совершенному незнанію, а чаще при-

носитъ положительный вредъ, распространяя рядомъ съ ложными понятіями о писателяхъ и направленіяхъ мелочную увѣренность въ знакомствѣ съ ихъ мыслями и невѣжественную самонадѣянность. Поэтому, желая увеличить знакомство русскаго читателя съ капитальнѣйшими произведеніями иностранной литературы и имѣя въ виду, что для большинства иностранныя изданія этого рода рѣдко доступны и по языку и по цѣнѣ своей, издатели полагали, что настоящее ихъ предпріятіе не будетъ безполезно для нашего ученаго и учащагося класса и вообще для серьезно-любознательнаго читателя.

Что касается выбора при этомъ именно сочиненій Бентама, то многія условія заставляли считать знакомство съ этимъ писателемъ преимущественно полезнымъ для нашего общества. Условія эти для лицъ сколько-нибудь знакомыхъ съ иностранной литературой этого рода едвали требуютъ объясненія. Тѣмъ не менѣе указаніе ихъ здѣсь будетъ все-таки не безполезно.

Уже одно то, что Бентамъ, будучи философомъ, былъ въ тоже время самъ юристомъ, примѣнявшимъ общія философскія положенія своей системы къ самому дѣлу, или по крайней мѣрѣ къ частнымъ вопросамъ, положительно заставляло обратить на него предпочтительное вниманіе. Большинство другихъ писателей, можетъ быть и считающихся классическими и пользующихся бóльшей славой, далеко не имѣетъ этого достоинства. Философія права у этого рода писателей или разсматривалась, можно сказать, почти мимоходомъ какъ частный случай ихъ общаго міровоззрѣнія,—случай не лишній для подтвержденія общихъ основаній системы,—и вслѣдствіе этого подчинялась во что бы то ни стало этимъ началамъ, или во всякомъ случаѣ ограничивалась одними элементарными начертаніями общихъ положеній. Тѣ и другіе писатели, начинали ли они свои разсужденія съ конечныхъ причинъ мірозданія или только съ конечныхъ причинъ общежитія, рѣдко слѣдили за своими разсужденіями тамъ, гдѣ эти послѣднія должны были столкнуться съ практической почвой, а большей частью бросали свое дѣло на полдорогѣ, считая этимъ свою обязанность оконченной. Рѣдкій писатель трудился хотя бы изъ любопытства посмотрѣть, какой должны принять видъ и форму, чѣмъ оказаться его отвлеченныя построенія—въ сферѣ практической, видимой и осязаемой.

Такова была, болѣе всего знакомая намъ, германская философія права и таковъ же характеръ до извѣстной степени и французскихъ философскихъ сочиненій по предмету права; но не таковъ Бентамъ. Сочиненія его, какъ мы сказали, обнимаютъ весь кругъ законодательства, онъ слѣдитъ за закономъ отъ начала до конца, отъ первыхъ его основаній до послѣднихъ условій его практическаго выполненія, кончая санкціей каждаго частнаго практическаго законоположенія.

Нѣтъ поэтому сомнѣнія, что Бентамъ по самому общему методу разработки общихъ вопросовъ права стоитъ выше, чѣмъ прочіе философы, и что его методъ въ этомъ отношеніи составляетъ примѣръ особенно достойный подражанія и въ интересѣ научной полноты и истины, и въ интересѣ предупрежденія общей склонности къ произвольнымъ мечтаніямъ.

Во вторыхъ, Бентамъ принадлежитъ, по своему воззрѣнію, къ направленію, которое у насъ менѣе всего до сихъ поръ было объясняемо и знакомо; между тѣмъ какъ это направленіе, если не созданное въ первыхъ своихъ философскихъ основаніяхъ самимъ Бентамомъ, то во всякомъ случаѣ имъ первымъ примѣненное къ изслѣдованію вопросовъ права, представляетъ собой именно то направленіе, которое, за упадкомъ всѣхъ остальныхъ философскихъ системъ, составляетъ почти единственное направленіе, разработываемое лучшими и добросовѣстнѣйшими представителями современнаго нравственнаго знанія въ иностранной литературѣ. Знакомясь съ Бентамомъ, мы знакомимся съ нынѣ господствующимъ въ наукѣ направленіемъ въ его источникѣ и у его начала.

Наконецъ Бентамъ, у котораго философскія основанія неразрывно вяжутся съ ихъ практической формой, становится тѣмъ проще, яснѣе и удобопонятнѣе въ самыхъ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ, чѣмъ всякій другой писатель; въ его трудахъ философская сторона права упрощается до доступности ея самому обыкновенному читателю и съ этой-то стороны онъ особенно становится дорогъ.

Въ настоящемъ первомъ томѣ помѣщены слѣдующія сочиненія автора: «Введеніе въ основанія Нравственности и Законодательства», «Основныя начала Гражданскаго Кодекса» и — «Уголовнаго Кодекса. Объяснивъ въ началѣ по возможности подробно содержаніе «Введенія» и отчасти «Гражданскаго Ко-

декса», по поводу этихъ сочиненій и также «Уголовнаго Кодекса», считаемъ необходимымъ сдѣлать еще одно общее замѣчаніе, если не для спеціалистовъ, то для обыкновеннаго круга читателей. Представляя первую попытку разработки права въ новомъ направленіи, попытку, отдаленную отъ насъ на полстолѣтія, сочиненія Бентама въ своихъ спеціальныхъ отдѣлахъ, вслѣдствіе этого, должны представлять въ наше время свою долю ошибокъ, устарѣлости, свою дань понятіямъ своего времени, а потому во всякомъ случаѣ должны быть понимаемы читателемъ и какъ памятникъ историческій, до извѣстной степени утратившій для насъ авторитетъ въ своихъ частныхъ выводахъ и положеніяхъ.

Перечислять здѣсь всѣ такія устарѣвшія мѣста въ трудахъ Бентама нѣтъ возможности; тѣмъ не менѣе намъ казалось необходимымъ оговорить хотя въ общихъ словахъ ихъ присутствіе, и иногда въ значительной степени,—для того, чтобы въ читателѣ не могло родиться сомнѣнія, будто-бы всѣ мнѣнія Бентама рекомендуются нами за истину, имѣющую для читателя по крайней мѣрѣ значеніе послѣдняго слова въ наукѣ. Повторяемъ, Бентамъ составляетъ вовсе не послѣднее слово въ современной наукѣ, а только первое слово науки въ извѣстномъ направленіи, обѣщающее, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, стать господствующимъ и болѣе плодотворнымъ, чѣмъ предшествовавшія направленія, и съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ читать его и принимать его объясненія.

Читатель, усвоившій себѣ эту точку зрѣнія, самъ съумѣетъ отдѣлить вѣрное отъ невѣрнаго, основательное отъ неосновательнаго, то, что̀ еще живо, отъ того, что̀ перешло въ исторію, каковы напримѣръ мнѣнія автора о пользѣ поединковъ для уголовной защиты, и проч.

По мѣрѣ выхода въ свѣтъ прочихъ томовъ мы будемъ прилагать къ нимъ вступительныя объясненія, подобныя настоящему и касающіяся спеціально тѣхъ трудовъ Бентама, которые будутъ этого требовать по нашему крайнему разумѣнію.

Ю. ЖУКОВСКІЙ.

Теплицъ, 29 Іюля.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ

ОСНОВАНІЯ НРАВСТВЕННОСТИ

И

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

ВВЕДЕНІЕ

ВЪ ОСНОВАНІЯ

НРАВСТВЕННОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

(An Introduction to the Principles of Morals and Legislation; Works, I, 1—154.)

ГЛАВА I.

О принципѣ пользы.

Природа поставила человѣчество подъ управленіе двухъ верховныхъ властителей, страданія и удовольствія. Имъ однимъ предоставлено опредѣлять, что мы можемъ дѣлать, и указывать, что мы должны дѣлать. Къ ихъ престолу привязаны съ одной стороны образчикъ хорошаго и дурнаго и съ другой —цѣпь причинъ и дѣйствій. Они управляютъ нами во всемъ, что мы дѣлаемъ, что мы говоримъ, что мы думаемъ: всякое усиліе, которое мы можемъ сдѣлать, чтобы отвергнуть это подданство, послужитъ только къ тому, чтобы доказать и подтвердить его. На словахъ человѣкъ можетъ претендовать на отрицаніе ихъ могущества, но въ дѣйствительности онъ всегда останется подчиненъ имъ. Принципъ пользы [1]) признаетъ это подчиненіе и беретъ его въ основаніе той систе-

[1]) Примѣчаніе автора, 1822 г.—Къ этому обозначенію прибавлено было недавно, или замѣнило его, выраженіе: принципъ величайшаго (возможнаго) счастія или благоденствія (greatest happiness or greatest felicity principle): выраженіе, употребляемое для краткости, вмѣсто того, чтобы го-

мы, цѣль которой возвести зданіе счастія руками разума и закона. Системы, которыя подвергають его сомнѣнію, занимаются звуками вмѣсто смысла, капризомъ вмѣсто разума, мракомъ вмѣсто свѣта.

Но довольно метафоръ и декламаціи: нравственная наука должна быть совершенствуема не такими средствами.

II.

Принципъ пользы есть основаніе настоящаго труда: поэтому не лишнее въ самомъ началѣ дать точный и опредѣленный отчетъ о томъ, что понимается здѣсь подъ этимъ принципомъ. Подъ принципомъ пользы понимается тотъ принципъ, который одобряетъ или неодобряетъ какое бы то ни было дѣйствіе, смотря по тому, имѣетъ ли оно, (какъ намъ кажется) стремленіе увеличить или уменьшить счастіе той стороны, объ интересѣ которой идетъ дѣло, или, говоря тоже самое другими словами,—содѣйствовать или препятствовать этому счастію. Я говорю: какое бы то ни было дѣйствіе; и потому говорю нетолько о всякомъ дѣйствіи частнаго лица, но и о всякой мѣрѣ правительства.

III.

Подъ пользой понимается то свойство предмета, по которому онъ имѣетъ стремленіе приносить благодѣяніе, выгоду, удовольствіе, добро или счастіе (все это въ настоящемъ случаѣ сводится къ одному) или (что опять сводится къ одному) предупреждать вредъ, страданіе, зло или несчастіе той стороны, объ интересѣ которой идетъ вопросъ: если

ворить: тотъ принципъ, который полагаетъ величайшее счастіе всѣхъ тѣхъ, о чьемъ интересѣ идетъ дѣло, истинной и должной цѣлью человѣческаго дѣйствія,—цѣлью, единственно истинной и должной и во всѣхъ отношеніяхъ желательной: и далѣе,—цѣлью человѣческаго дѣйствія во всѣхъ положеніяхъ, и особенно въ положеніи должностнаго лица или собранія должностныхъ лицъ, пользующихся правительственной властью. Слово польза не такъ ясно указываетъ на идеи удовольствія и страданія, какъ слова счастіе и благоденствіе; притомъ оно не ведетъ также къ соображенію числа тѣхъ интересовъ, о которыхъ идетъ дѣло;—того числа, которое есть обстоятельство, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ содѣйствующее образованію той мѣрки, о которой здѣсь рѣчь, именно мѣрки хорошаго и дурнаго, или справедливаго и ложнаго (standard of right and wrong), по которой одной можно справедливо судить о свойствѣ поведенія человѣка, во всѣхъ положеніяхъ. Это отсутствіе достаточно ясной связи между идеями счастія и удовольствія, съ одной стороны, и идеей пользы съ другой, я всегда считалъ весьма значительной помѣхой къ принятію этого принципа, которое иначе могло бы имѣть мѣсто. (Примѣчаніе Бентама).

эта сторона есть цѣлое общество, то—счастіе общества; если это—отдѣльное лицо, то—счастіе этого отдѣльнаго лица.

IV.

Интересъ общества есть одно изъ самыхъ общихъ выраженій, какія только встрѣчаются въ фразеологіи нравственнаго ученія: не удивительно, что смыслъ его часто теряется. Когда это слово имѣетъ смыслъ, онъ—таковъ. Общество есть фиктивное тѣло, состоящее изъ индивидуальныхъ лицъ, которыя разсматриваются какъ составляющіе его члены. —Что же такое есть въ этомъ случаѣ интересъ общества?—сумма интересовъ отдѣльныхъ членовъ, составляющихъ его.

V.

Напрасно толковать объ интересѣ общества, не понимая, что̀ такое интересъ отдѣльнаго лица. Извѣстная вещь можетъ содѣйствовать интересу или быть за интересъ отдѣльнаго лица тогда, когда она стремится увеличить цѣлую сумму его удовольствій, или, что одно и тоже, уменьшить цѣлую сумму его страданій.

VI.

Поэтому, извѣстное дѣйствіе можетъ назваться сообразнымъ съ принципомъ пользы или, короче; съ пользой (относительно цѣлаго общества), когда его стремленіе увеличить счастіе общества больше, чѣмъ стремленіе уменьшить его.

VII.

Извѣстная мѣра правительства (это только особенный родъ дѣйствія, совершаемаго частнымъ лицомъ или лицами) можетъ быть названа сообразной съ принципомъ пользы или внушенной этимъ принципомъ, когда такимъ же образомъ стремленіе этой мѣры увеличить счастіе общества бываетъ больше, чѣмъ стремленіе ея уменьшить это счастіе.

VIII.

Когда человѣкъ полагаетъ, что извѣстное дѣйствіе, или, въ частности, мѣра правительства, сообразны съ принципомъ пользы, то, для удобства рѣчи, возможно предположить родъ закона или правила, называемаго закономъ или правиломъ пользы; и говорить объ этомъ дѣйствіи какъ сообразномъ съ этимъ закономъ или правиломъ.

IX.

Извѣстный человѣкъ можетъ быть названъ послѣдователемъ принципа пользы, когда одобреніе или неодобреніе имъ какого-нибудь дѣйствія или мѣры опредѣляются и соразмѣряются тѣмъ стремленіемъ, какое онъ

*

предполагаетъ въ нихъ къ увеличенію или уменьшенію счастія общества; или, другими словами, когда его одобреніе или неодобреніе опредѣляются сообразностью или несообразностью этихъ дѣйствій съ законами или правилами пользы.

X.

О дѣйствіи сообразномъ съ принципомъ пользы, всегда можно сказать: или, что оно таково, что должно быть дѣлаемо, или по крайней мѣрѣ, что оно не таково, что не должно быть дѣлаемо. Можно также сказать, что хорошо было бы его сдѣлать, или по крайней мѣрѣ не дурно было бы, еслибы оно было сдѣлано,—что это хорошее дѣйствіе; или по крайней мѣрѣ, что это не дурное дѣйствіе. Объясняемыя такимъ образомъ, слова должно, хорошій, дурной и другія подобныя слова, имѣютъ смыслъ; если они объясняются иначе, они не имѣютъ смысла.

XI.

Была ли когда-нибудь формально оспариваема вѣрность этого принципа? Могло бы казаться, что была,—тѣми, кто не знаетъ, что они говорятъ. Возможно ли для этого принципа какое-нибудь прямое доказательство? Могло бы казаться, что нѣтъ: такъ какъ то, что служитъ для доказательства чего-нибудь другаго, само не можетъ быть доказываемо: цѣпь доказательствъ должна гдѣ-нибудь имѣть свое начало. Давать такое доказательство невозможно, да и не нужно.

XII.

Но, впрочемъ, нѣтъ также или даже не было живаго человѣческаго существа,—какъ бы оно ни было тупо или извращено,—которое бы не ссылалось на принципъ пользы во многихъ, и можетъ быть въ большей части случаевъ своей жизни. По естественному устройству человѣческой природы, люди въ большей части случаевъ своей жизни вообще, не думая, принимаютъ этотъ принципъ: если не для опредѣленія своихъ собственныхъ дѣйствій, то по крайней мѣрѣ для сужденія о своихъ дѣйствіяхъ и дѣйствіяхъ другихъ людей. Въ тоже самое время было, вѣроятно, не много людей, даже изъ самыхъ умныхъ, которые бы расположены были принимать этотъ принципъ во всей его чистотѣ и безъ ограниченій. Мало даже такихъ людей, которые бы не воспользовались тѣмъ или другимъ случаемъ спорить противъ этого принципа: или потому, что они не всегда понимали какъ прилагать его, или вслѣдствіе того или другаго предразсудка, по которому они боялись изслѣдовать его или не могли раздѣлять его. Потому что люди изъ такого вещества сдѣланы: въ принципѣ и въ практикѣ, на хорошей дорогѣ и

на дурной, самое рѣдкое изъ человѣческихъ качествъ есть послѣдовательность.

XIII.

Когда человѣкъ хочетъ опровергать принципъ пользы, то свои резоны для этого онъ, самъ того не сознавая, извлекаетъ изъ этого же самаго принципа [1]). Его аргументы, если они доказываютъ что-нибудь, доказываютъ не то, что принципъ дуренъ, но что, сообразно съ предполагаемыми имъ приложеніями, онъ дурно примѣненъ. Возможно-ли человѣку двинуть землю? Да; но сначала онъ долженъ найти другую землю, на которой бы онъ могъ стать.

---

[1]) «Принципъ пользы (я слышалъ такого рода мнѣніе) есть опасный принципъ: въ нѣкоторыхъ случаяхъ сообразоваться съ нимъ (to consult it) опасно.» Что же это значитъ? Это значитъ, что не слѣдуетъ сообразоваться съ пользой; словомъ, что сообразоваться съ пользой было бы не сообразно съ ней».

Въ примѣчаніи къ этому, прибавленномъ въ 1822 г., Бентамъ разсказываетъ происхожденіе этой замѣтки. Когда въ 1776 г. Бентамъ издалъ свой «Отрывокъ о правительствѣ», первое замѣчательное произведеніе, которое обратило на него вниманіе и въ которомъ принципъ пользы былъ выставленъ основнымъ и господствующимъ принципомъ, упомянутое выше мнѣніе было высказано Веддерборномъ, который былъ тогда генералъ-атторнеемъ и впослѣдствіи возвысился до первыхъ должностей въ королевствѣ. Этотъ государственный человѣкъ, говоритъ Бентамъ, вполнѣ понималъ положеніе вещей. «Подъ принципомъ пользы я понималъ тогда, и какъ понимали другіе, то, что болѣе ясно и вразумительно можетъ быть названо, какъ выше, принципомъ величайшаго возможнаго счастія. И когда Веддерборнъ нашелъ, что «этотъ принципъ есть принципъ опасный», слова его, до извѣстной степени, были строго вѣрны; потому что можно ли отвергать, что принципъ, представляющій единственной справедливой цѣлью правительства наибольшее возможное счастіе наибольшаго числа людей, есть принципъ опасный», т. е опасный для всякаго правительства, дѣйствительная цѣль котораго (какъ это было въ Англіи прошедшаго вѣка) не подходитъ подъ это требованіе и которое не брало на себя заботы объ этомъ счастіи. «Поэтому принципъ дѣйствительно долженъ былъ представляться опаснымъ всѣмъ тѣмъ администраторамъ, которыхъ интересъ—пагубный интересъ—состоитъ въ томъ, чтобы увеличивать до послѣдней возможности проволочки, притѣсненія и траты, въ судебныхъ и другихъ дѣлахъ, для увеличенія тѣхъ выгодъ, которыя отсюда извлекаются.» «Въ правленіи,—прибавляетъ Бентамъ,—которое бы имѣло своей цѣлью наибольшее счастіе наибольшаго числа людей, Веддербернъ могъ бы быть генералъ-атторнеемъ и затѣмъ Канцлеромъ; но онъ не былъ бы генералъ-атторнеемъ съ 15.000 фунтовъ стерлинговъ жалованья, и не былъ бы канцлеромъ съ званіемъ пера, съ veto надъ всей юстиціей, съ 25.000 фунтовъ жалованья и съ 500 синекурами въ своемъ распоряженіи, подъ названіемъ церковныхъ бенефицій, кромѣ еще et caeteras.»

XIV.

Неодобрить свойствъ этого принципа аргументами невозможно; но по тѣмъ причинамъ, какія были упомянуты, или по какимъ-нибудь смутнымъ или пристрастнымъ понятіямъ объ немъ, иной человѣкъ можетъ не находить его себѣ по вкусу. Въ этомъ случаѣ, если человѣкъ находитъ установленіе своихъ мнѣній о такомъ предметѣ стоющимъ хлопотъ, пусть онъ идетъ слѣдующими ступенями и наконецъ онъ, можетъ быть, помирится съ нимъ.

1. Пусть онъ рѣшитъ себѣ, желалъ ли бы онъ отвергнуть этотъ принципъ совершенно; если такъ, пусть онъ разсмотритъ, къ чему могутъ привести всѣ его разсужденія (особенно въ вопросахъ политическихъ)?

2. Если желаетъ, пусть онъ рѣшитъ себѣ, желалъ ли бы онъ разсуждать и дѣйствовать безъ всякаго принципа, или нѣтъ ли другаго принципа, по которому бы онъ хотѣлъ разсуждать и дѣйствовать?

3. Если есть, пусть онъ разсудитъ и рѣшитъ себѣ: есть ли этотъ, будтобы имъ найденный, принципъ въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь особый понятный принципъ, или не есть ли это принципъ только на словахъ, родъ фразы, которая въ сущности выражаетъ ни болѣе ни менѣе какъ подтвержденіе его собственныхъ лишенныхъ основанія мнѣній; т. е., то́, что въ другомъ человѣкѣ онъ былъ бы способенъ назвать капризомъ?

4. Если онъ склоненъ думать, что его собственное одобреніе или неодобреніе, привязанное къ идеѣ какого-нибудь дѣйствія, безъ всякаго отношенія къ его послѣдствіямъ, есть достаточное основаніе для его сужденій и дѣйствій,—пусть онъ спроситъ себя: можетъ ли быть его мнѣніе мѣркой хорошаго и дурнаго относительно всякаго другаго человѣка, или мнѣніе всякаго другаго человѣка имѣетъ ту же привилегію быть этой мѣркой?

5. Въ первомъ случаѣ, пусть онъ спроситъ себя, не есть ли его принципъ деспотическій и враждебный всему остальному человѣческому роду?

6. Во второмъ случаѣ, — не есть ли это принципъ анархическій, или не будетъ ли на этомъ основаніи столько же различныхъ мѣрокъ хорошаго и дурнаго, сколько есть людей? или, даже для одного и того же человѣка, не можетъ ли одна и та же вещь быть хорошей сегодня и быть дурной (безъ малѣйшей перемѣны въ своихъ свойствахъ) завтра? или не будетъ ли одна и таже вещь хорошей и дурной на одномъ томъ же мѣстѣ и въ одно и то же время? и въ обоихъ случаяхъ, не придутъ ли всѣ аргументы къ концу? и если два человѣка сказали, «мнѣ нравится это» и «мнѣ это не нравится», могутъ ли они (по такому принципу) говорить что-нибудь еще?

7. Еслибы онъ сказалъ себѣ—нѣтъ: потому что мнѣніе, которое онъ предлагаетъ какъ мѣрку, должно быть основано на размышленіи, пусть онъ скажетъ, на какихъ обстоятельствахъ должно вертѣться это размышленіе? Если на обстоятельствахъ, имѣющихъ отношеніе къ пользѣ дѣйствія, тогда пусть онъ скажетъ: не значитъ ли это измѣнять своему собственному принципу и искать помощи у того же, противъ котораго онъ выставляетъ свой принципъ; если же размышленіе вертится не на этихъ обстоятельствахъ, то на какихъ же другихъ?

8. Если онъ хочетъ пойти на сдѣлку и принять одну долю своего принципа и одну долю принципа пользы, пусть онъ скажетъ: въ какой степени онъ хочетъ принять ихъ?

9. Если онъ рѣшилъ себѣ, гдѣ онъ остановится, пусть онъ спроситъ себя: какъ онъ оправдываетъ себѣ принятіе его до этой степени? и почему онъ не хочетъ принимать его дальше?

10. Допустивъ, что какой-нибудь другой принципъ, кромѣ принципа пользы, есть истинный принципъ, которому человѣкъ справедливо можетъ слѣдовать; допустивъ, что слово хорошій, справедливый, (right) можетъ имѣть смыслъ безъ отношенія къ пользѣ, — пусть онъ скажетъ: существуетъ ли такая вещь какъ мотивъ, по которому бы человѣкъ слѣдовалъ ея правиламъ; если есть, пусть онъ скажетъ, какой этотъ мотивъ и чѣмъ онъ различается отъ тѣхъ, которые побуждаютъ принимать правила пользы; если нѣтъ, то пусть онъ наконецъ скажетъ, на что же можетъ быть годенъ этотъ другой принципъ?

ГЛАВА II.

О принципахъ, противоположныхъ принципу пользы.

I.

Если принципъ пользы есть настоящій принципъ, которымъ можно руководиться, и притомъ во всѣхъ случаяхъ, изъ сказаннаго выше слѣдуетъ, что всякій принципъ, чѣмъ-нибудь отличный отъ него, долженъ быть по необходимости ложный. Поэтому, чтобы доказать, что какой-нибудь другой принципъ есть ложный, нужно только показать, что онъ есть то, что есть, т. е. принципъ, котораго правила въ томъ или дру-

гомъ пунктѣ отличны отъ правилъ принципа пользы: показать это значитъ опровергнуть его.

II.

Извѣстный принципъ можетъ отличаться отъ принципа пользы двоякимъ образомъ: 1) Постоянно противорѣча ему: это можно сказать напр. о принципѣ, который можетъ быть названъ принципомъ аскетизма. 2) Иногда противорѣча ему, иногда нѣтъ, какъ случится: это можно сказать о другомъ, который можетъ быть названъ принципомъ симпатіи и антипатіи.

III.

Подъ принципомъ аскетизма я понимаю тотъ принципъ, который, подобно принципу пользы, одобряетъ или не одобряетъ всякое дѣйствіе смотря по его предполагаемому стремленію увеличивать или уменьшать счастіе той стороны, объ интересѣ которой идетъ дѣло; но — противоположнымъ образомъ: одобряя дѣйствія насколько они стремятся уменьшить счастіе, и неодобряя ихъ на сколько они стремятся увеличить его.

IV.

Очевидно, что всякій, кто осуждаетъ малѣйшую долю удовольствія, какъ таковаго, изъ какого бы источника оно ни происходило, есть *pro tanto* послѣдователь принципа аскетизма. Только на основаніи этого принципа, а не принципа пользы, могло бы быть осуждено гнуснѣйшее удовольствіе, извлекаемое самымъ низкимъ злодѣемъ изъ своего преступленія, — еслибы оно стояло одно. Но дѣло въ томъ, что оно никогда не стоитъ одно, но необходимо сопровождается такимъ количествомъ страданія (или, что одно и тоже, такимъ шансомъ на извѣстное количество страданія), что въ сравненіи съ нимъ удовольствіе превращается въ ничто: и это есть настоящій и единственный, но совершенно достаточный, резонъ сдѣлать это основаніемъ для наказанія.

V.

Есть два класса людей весьма различнаго характера, которые повидимому принимаютъ принципъ аскетизма; одинъ—разрядъ моралистовъ, другой — разрядъ аскетовъ собственно. Сообразно съ этимъ различны были и мотивы, которые повидимому обратили на него вниманіе этихъ различныхъ сторонъ. Надежда, т. е. ожиданіе удовольствія, одушевляло повидимому первыхъ: надежда, пища философской гордости: надежда на почести и репутацію между людьми. Страхъ,—т. е. ожиданіе страданія, повидимому одушевлялъ вторыхъ: страхъ, порожденіе суевѣрной фан-

тазіи, страхъ будущаго наказанія... Я говорю въ этомъ случаѣ страхъ: потому что относительно невидимаго будущаго страхъ могущественнѣе надежды. Эти обстоятельства характеризуютъ двѣ различныя партіи между послѣдователями принципа аскетизма: партіи и ихъ мотивы различны, принципъ одинъ и тотъ же.

VI.

Впрочемъ партія собственно аскетовъ повидимому провела его дальше чѣмъ философская: они дѣйствовали болѣе послѣдовательно и менѣе благоразумно. Философская партія едвали шла дальше осужденія удовольствія, — партія собственно аскетическая часто доходила до того, что считала заслугой и обязанностью—искать страданія. Философская партія едвали шла дальше того, что смотрѣла на страданіе индифферентно. Это не зло, говорили они; они не говорили, что это—добро. Они и не отвергали всѣхъ удовольствій вообще. Они отвергали только тѣ, которыя они называли грубыми, т. е. удовольствія органическія или такія, происхожденіе которыхъ могло быть легко прослѣжено до органическихъ: они даже любили и восхваляли утонченность. Впрочемъ, восхваляли не подъ именемъ удовольствія; чтобы очистить его отъ грязи его нечистаго происхожденія, необходимо было перемѣнить его имя: оно должно было называться *почетнымъ, славнымъ, приличнымъ, honestum, decorum*, словомъ ни чѣмъ инымъ какъ удовольствіемъ.

VII.

Изъ этихъ двухъ источниковъ произошли ученія, отъ которыхъ мнѣнія всей массы человѣчества получили окраску этого принципа: у однихъ—отъ философскаго, у другихъ—отъ собственно аскетическаго, у третьихъ—отъ обоихъ. Люди съ воспитаніемъ чаще отъ философскаго, какъ болѣе соотвѣтственнаго возвышенности ихъ понятій; люди простые чаще отъ суевѣрнаго, какъ болѣе соотвѣтственнаго узкости ихъ ума, не расширеннаго знаніемъ, и ихъ отверженному состоянію, постоянно открытому нападеніямъ страха. Впрочемъ оттѣнки, происходившіе изъ этихъ двухъ источниковъ, могли естественно смѣшиваться, такъ какъ человѣкъ не могъ всегда знать, который изъ нихъ больше на него дѣйствовалъ: и они часто могли подкрѣплять и оживлять другъ друга. Это согласіе произвело родъ союза между сторонами, которыя въ другихъ отношеніяхъ были столь различнаго характера, и побуждало ихъ въ разныхъ случаяхъ соединяться противъ общаго врага, послѣдователя принципа пользы, котораго они согласно клеймили ненавистнымъ именемъ эпикурейца.

VIII.

Впрочемъ, какъ бы горячо послѣдователи принципа аскетизма ни принимали его въ правило для частной жизни, этотъ принципъ не пріобрѣталъ, кажется, никакого особенно важнаго значенія въ приложеніи къ дѣлу правительства. Въ немногихъ случаяхъ онъ былъ проведенъ отчасти философской партіей: свидѣтельство—спартанскій образъ правленія. Хотя, можетъ быть, онъ можетъ считаться въ этомъ случаѣ мѣрой безопасности и приложеніемъ принципа пользы,—приложеніемъ пожалуй поспѣшнымъ и превратнымъ. Едвали когда-нибудь до значительной степени этотъ принципъ проведенъ былъ собственно аскетической партіей: потому что разные монашескіе ордена и общества квакеровъ, домплеровъ, моравскихъ братьевъ и другія религіозныя общины были свободныя общества, къ принятію правилъ которыхъ никто не могъ быть вынуждаемъ безъ собственнаго согласія. Сколько бы человѣкъ ни думалъ находить заслугу въ дѣланіи себя несчастнымъ, повидимому ни въ одномъ изъ этихъ обществъ не появлялось никогда мысли, что для человѣка можетъ быть заслугой, если не обязанностью, дѣлать несчастными другихъ; хотя казалось бы, что если извѣстное количество несчастія есть такая вожделѣнная вещь, то было бы все равно, будетъ ли каждый самъ дѣлать себя несчастнымъ, или одинъ будетъ дѣлать несчастнымъ другаго. Правда, что изъ того же самого источника, откуда началась у аскетовъ собственно привязанность къ принципу аскетизма, произошли другія ученія и обычаи, вслѣдствіе которыхъ несчастіе въ изобиліи производимо было въ одномъ человѣкѣ посредствомъ другаго: доказательство—религіозныя войны и религіозныя преслѣдованія. Но страсть къ произведенію несчастія дѣйствовала въ этихъ случаяхъ на томъ же спеціальномъ основаніи: дѣло ограничивалось лицами извѣстнаго свойства: ихъ мучили не какъ людей, а какъ еретиковъ и невѣрныхъ. Причинять то же несчастіе своимъ собратамъ по вѣрѣ или по сектѣ было бы даже въ глазахъ самихъ этихъ людей столько же достойно порицанія, какъ и въ глазахъ послѣдователя принципа пользы. Дать себѣ извѣстное число ударовъ бича было дѣйствительно заслугой для человѣка; но дать тоже число ударовъ другому, безъ его согласія, было бы грѣхомъ......

IX.

Принципъ аскетизма первоначально былъ, кажется, мечтой нѣкоторыхъ слишкомъ торопливыхъ мыслителей, которые, увидѣвъ или предположивъ, что нѣкоторыя удовольствія, вкушаемыя въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, сопровождаются наконецъ страданіями, превышающими эти удо-

вольствія, стали преслѣдовать всякую вещь, представлявшуюся съ именемъ удовольствія. Дошедши до этого и забывъ пунктъ, изъ котораго они вышли, они пошли дальше и наконецъ стали считать заслугой любить страданіе. Мы видимъ, что и это есть въ сущности только невѣрное приложеніе принципа пользы.

X.

Принципъ пользы способенъ къ послѣдовательному выполненію; и сказать, что чѣмъ послѣдовательнѣе онъ будетъ выполняться, тѣмъ лучше должно быть человѣческому роду, будетъ одна тавтологія. Принципъ аскетизма никогда не былъ и никогда не можетъ быть послѣдовательно выполненъ ни однимъ живымъ существомъ.....

XI.

Между принципами, противоположными принципу пользы, въ настоящее время наибольшее вліяніе въ дѣлахъ правительственныхъ имѣетъ, кажется, тотъ, который можетъ быть названъ принципомъ симпатіи и антипатіи. Подъ принципомъ симпатіи и антипатіи я разумѣю тотъ принципъ, который одобряетъ или не одобряетъ извѣстныя дѣйствія не по ихъ стремленію увеличивать счастіе и не по ихъ стремленію уменьшать счастіе той стороны, объ интересѣ которой идетъ дѣло, но только потому, что человѣкъ чувствуетъ въ себѣ расположеніе одобрять или не одобрять ихъ; выставляя это одобреніе или неодобреніе достаточнымъ резономъ само по себѣ и отвергая необходимость отыскивать какого-нибудь другаго внѣшняго основанія. Такъ въ общемъ отдѣлѣ морали: а въ частномъ отдѣлѣ политики, измѣряя количество (и опредѣляя основаніе) наказанія степенью неодобренія.

XII.

Очевидно, что это скорѣе принципъ по названію, чѣмъ въ дѣйствительности: это не есть самъ по себѣ положительный принципъ, а развѣ только терминъ для обозначенія отрицанія всякаго принципа. Что человѣкъ ожидаетъ найти въ принципѣ, на дѣлѣ это указываетъ ему какое-нибудь внѣшнее соображеніе какъ средство гарантировать и руководить внутреннія чувства одобрѣнія или неодобрѣнія: это ожиданіе плохо исполняется положеніемъ, которое просто выставляетъ каждое изъ этихъ чувствъ основаніемъ и мѣркой для него самого.

XIII.

Пересматривая каталогъ человѣческихъ дѣйствій (говоритъ послѣдователь этого принципа) съ цѣлью опредѣлить, которыя изъ нихъ должны быть отмѣчены печатью неодобренія, вамъ нужно только посовѣтоваться

съ вашими собственными чувствами: все то, что̀ вы чувствуете въ себѣ наклонность осудить, дурно уже по этой самой причинѣ. По той же самой причинѣ это можетъ заслуживать наказанія: если вы ненавидите сильно, наказывайте сильно; если вы ненавидите мало, наказывайте мало: однимъ словомъ наказывайте настолько, насколько ненавидите. Если вы не ненавидите вовсе, и не наказывайте вовсе: нѣжныя чувства души не должны быть превышаемы и подавляемы грубыми и жесткими правилами политической пользы.

XIV.

Различныя системы, составленныя для опредѣленія мѣрки хорошаго и дурнаго, всѣ могутъ быть сведены къ принципу симпатіи и антипатіи. Одинъ разборъ можетъ служить для всѣхъ. Всѣ они состоятъ изъ разныхъ ухищреній избѣжать обязательства принимать какую-нибудь внѣшнюю мѣрку и заставить читателя согласиться, что мнѣніе автора есть уже достаточный резонъ само по себѣ. Фразы различны, но принципъ одинъ и тотъ же [1]).

[1]) Довольно любопытно наблюдать различныя изобрѣтенія, которыя придумывали люди, и разнообразныя фразы, которыя они употребляли для того, чтобъ скрыть отъ свѣта и, если возможно, отъ самихъ себя это весьма общее и потому весьма извинительное самодовольство.

1) Одни (какъ лордъ Шафтсбëри, Гëтчинсонъ, Юмъ и др.) говорятъ, что у человѣка есть нѣчто служащее къ тому, чтобы говорить ему, что̀ хорошо и что̀ дурно; это называется нравственнымъ чувствомъ (moral sense):— и тогда эти люди принимаются спокойно за дѣло и рѣшаютъ: такая-то вещь хороша, такая-то дурна—почему? «потому что такъ говоритъ мое нравственное чувство».

2) Другой человѣкъ (д-ръ Beattie) приходитъ и перемѣняетъ фразу: вмѣсто нравственнаго чувства (moral sense) онъ ссылается на здравый смыслъ (common sense). Затѣмъ онъ говоритъ вамъ, что «здравый смыслъ» научаетъ его тому, что̀ хорошо и что̀ дурно,—говоритъ съ такой же увѣренностью, какъ первые. Подъ здравымъ смысломъ онъ понимаетъ то или другое чувство, которое, по словамъ его, обще всему человѣчеству; а смыслъ или чувство (sense) тѣхъ, у кого этотъ смыслъ не такой, какъ у автора, вовсе не принимается въ соображеніе, какъ вещь не стоющая вниманія.—Эта выдумка лучше первой; потому что «нравственное чувство» вещь новая и человѣкъ можетъ долго размышлять о немъ, не имѣя все-таки возможности понять его; а «здравый смыслъ» такъ же старъ, какъ міръ; и нѣтъ человѣка, который бы не сталъ стыдиться, еслибы о немъ подумали, что у него меньше здраваго смысла, чѣмъ у его сосѣдей. Онъ имѣетъ и другую выгоду: такъ какъ онъ имѣетъ видъ, что раздѣляетъ свою силу (common sense, общій смыслъ), то онъ уменьшаетъ зависть: потому что когда человѣкъ становится на это основаніе, чтобы проклясть тѣхъ, кто отличается отъ него, онъ употребляетъ для этого не sic volo sic jubeo, а—velitis jubeatis.

XV.

Очевидно, что правила этого принципа будутъ часто совпадать съ правилами принципа пользы, хотя быть можетъ и безъ всякаго подоб-

---

3) Дальше приходитъ еще человѣкъ (д-ръ Прайсъ) и говоритъ, что относительно нравственнаго чувства онъ дѣйствительно не находитъ, чтобы у него было что-нибудь подобное; но что у него есть однако разумѣніе (understanding), которое служитъ ему точно также. Это разумѣніе, говоритъ онъ, есть мѣрка хорошаго и дурнаго; оно говоритъ ему то̀ и то̀. Всѣ хорошіе и мудрые люди разумѣютъ также какъ онъ; и если разумѣнія другихъ людей отличаются отъ его разумѣнія, то тѣмъ хуже для нихъ: это вѣрный знакъ, что эти разумѣнія или недостаточны или испорчены.

4) Еще другой человѣкъ говоритъ, что есть вѣчное и неизмѣнное «правило справедливости» (Rule of Right), что это правило внушаетъ мнѣ то̀ и то̀; и затѣмъ онъ начинаетъ излагать вамъ свои мнѣнія обо всѣхъ вещахъ, какія придутъ ему въ голову, и эти мнѣнія (вы можете быть въ этомъ увѣрены) всѣ составляютъ вѣтви этого вѣчнаго правила.

5) Другой человѣкъ (д-ръ Кларкъ) или, быть можетъ, тотъ же самый (дѣло не въ этомъ), говоритъ, что извѣстныя дѣйствія бываютъ одни согласны, другія несогласны съ сообразностью вещей (Fitness of Things); и затѣмъ онъ досужливо разсказываетъ вамъ, какія дѣйствія сообразны или несообразны въ этомъ смыслѣ, т. е. именно какія вещи ему нравятся и какія не нравятся.

6) Множество людей безпрестанно говорятъ о «законѣ природы», или естественномъ законѣ, и затѣмъ сообщаютъ вамъ свои мнѣнія о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно,—и вы должны разумѣть, что эти мнѣнія суть именно главы и отдѣлы закона природы.

7) Вмѣсто выраженія законъ природы, вы имѣете иногда «законъ разума», здравый разумъ, естественная справедливость, добрый порядокъ. Всѣ они одинаково хороши. «Добрый порядокъ» всего больше служитъ въ политикѣ. Два послѣдніе болѣе сносны, чѣмъ другіе, потому что не заявляютъ слишкомъ большихъ требованій на то, чтобы быть чѣмъ-нибудь кромѣ фразы; они слабо настаиваютъ на томъ, чтобы ихъ считали положительными принципами, имѣющими силу сами по себѣ, и повидимому довольствуются тѣмъ, чтобы ихъ при случаѣ считали фразами, выражающими сообразность вещей (о которыхъ идетъ рѣчь) съ настоящими принципами, каковы бы эти принципы ни были. Но въ большей части случаевъ лучше говорить о пользѣ; потому что польза яснѣе, такъ какъ она болѣе положительно относится къ страданію и удовольствію.

8) У насъ есть одинъ философовъ (Вуластонъ), который говоритъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего дурнаго кромѣ лжи, и что еслибы, напримѣръ, вы вздумали убить своего собственнаго отца, это былъ бы только особенный способъ сказать, что онъ не былъ вашъ отецъ. Само собой разумѣется, что когда этому философу какая-нибудь вещь не нравится, онъ говоритъ, что эта вещь есть особый способъ сказать ложь. Это значитъ сказать, что актъ долженъ или можетъ быть сдѣланъ, когда, по правдѣ, онъ не долженъ быть дѣлаемъ.

наго намѣренія. Вѣроятно чаще, чѣмъ не совпадать: въ этомъ и заключается причина того, почему дѣло уголовной юстиціи могло дойти до того сноснаго положенія, въ которомъ мы вообще видимъ его въ настоящее вре-

---

9) Самые открытые люди, наконецъ, тѣ, которые прямо ссылаются на авторитетъ...

Извѣстные акты, которые порицаются часто по причинѣ своей неестественности, порицаются такимъ образомъ на основаніи принципа антипатіи: обычай выставлять дѣтей, существовавшій у грековъ и римлянъ, былъ неестественный обычай. Неестественный, — если это слово что-нибудь значитъ,—значитъ нечастый; и тогда оно значитъ что нибудь, хотя ничего не значитъ для настоящей цѣли.. Но здѣсь оно не значитъ ничего такого: потому что факты упомянутаго рода къ сожалѣнію слишкомъ часты. Итакъ, это слово ничего не значитъ; ничего, я полагаю, что есть въ самомъ актѣ. Все, что оно можетъ выражать, есть расположеніе того лица, которое говоритъ о немъ, т. е. расположеніе этого лица приходить въ гнѣвъ при мысли о немъ. Заслуживаетъ ли оно этого гнѣва? Очень можетъ заслуживать; но должно ли заслуживать или нѣтъ, это—вопросъ, на который, если отвѣчать вѣрно, можно отвѣчать только на основаніи принципа пользы.

Неестественный есть такое же хорошее слово какъ «нравственное чувство», какъ «здравый смыслъ»; и было бы такимъ же хорошимъ основаніемъ для какой-нибудь системы. Такой-то актъ неестественъ, т. е. противенъ природѣ: потому что мнѣ не нравится совершать его, и потому я не совершаю его. Поэтому, онъ противенъ тому, что должно быть природой всякаго другаго.

Вредъ, общій всѣмъ этимъ способамъ мышленія и разсужденія (а эти способы, какъ мы видѣли, представляютъ одинъ и тотъ же методъ, выражаемый разными словами), состоитъ въ томъ, что они служатъ предлогомъ и пищей для деспотизма мысли,—если не деспотизма на практикѣ, то въ расположеніи, которое впрочемъ слишкомъ способно обнаружиться и на практикѣ, когда представится къ тому возможность. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что человѣкъ съ намѣреніями, обыкновенно самыми чистыми, можетъ сдѣлаться мученіемъ и для самого себя и для другихъ. Если онъ отличается меланхолическимъ характеромъ (д-ръ Прайсъ), онъ предается тихому горю, оплакивая ихъ слѣпоту и извращеніе; если раздражительнаго (д-ръ Beattie), онъ яростно декламируетъ противъ всѣхъ, кто не похожъ на него, фанатически преслѣдуетъ и обвиняетъ въ испорченности всѣхъ, кто думаетъ не такъ, какъ онъ, и выражаетъ не такія мнѣнія, какъ онъ.

Если такому человѣку случится владѣть хорошимъ литературнымъ стилемъ, книга его можетъ принести значительный вредъ, прежде чѣмъ люди поймутъ ея ничтожество.

Эти принципы, если ихъ можно назвать принципами, мы видимъ чаще прилагаемыми къ морали, чѣмъ къ политикѣ, но ихъ вліяніе простирается и на то и на другое. Въ политикѣ, какъ и въ морали, человѣку будетъ по крайней мѣрѣ столько же нравиться рѣшать какой-нибудь вопросъ наиболѣе пріятнымъ для него образомъ, не смущаясь изслѣдованіемъ дѣла. Если человѣкъ есть непогрѣшимый судья того, что хорошо и что дурно въ дѣйствіяхъ

мя. Потому что, можетъ ли быть какое-нибудь болѣе естественное и болѣе общее основаніе ненависти къ извѣстному обычаю, какъ не вредъ этого обычая? Отъ чего могутъ терпѣть всѣ люди, всѣ они расположены будутъ

отдѣльныхъ людей, то почему онъ не будетъ такимъ судьей и въ тѣхъ мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы общественными лицами при управленіи этими дѣйствіями? Поэтому (не упоминая о другихъ химерахъ) я не разъ видѣлъ, какъ мнимый законъ природы выставлялся въ законодательныхъ преніяхъ въ оппозицію аргументамъ, взятымъ изъ принципа пользы.

«Но развѣ мы никогда не извлекаемъ нашихъ понятій о хорошемъ и дурномъ изъ какихъ-нибудь другихъ соображеній кромѣ принципа пользы?» Я не знаю и не забочусь объ этомъ. Можетъ ли нравственное понятіе быть первоначально принято изъ какого-нибудь другаго источника кромѣ соображенія пользы, — это одинъ вопросъ; можетъ ли это понятіе, послѣ изслѣдованія и размышленія, быть дѣйствительно удержано на дѣлѣ и оправдано какимъ-нибудь другимъ основаніемъ, въ умѣ самого мыслящаго человѣка, — это другой вопросъ; можетъ ли это понятіе, въ смыслѣ права, быть должнымъ образомъ оправдано на какомъ-нибудь другомъ основаніи для человѣка, обращающагося къ обществу, — это третій вопросъ. Два первые суть вопросы умозрѣнія: сравнительно говоря, все равно, какъ бы они ни рѣшались. Послѣдній есть вопросъ практики: рѣшеніе его такъ важно, какъ рѣшеніе никакого другаго вопроса.

«Я чувствую въ себѣ», говорите вы, «расположеніе одобрять такое или такое дѣйствіе въ нравственномъ смыслѣ: но я имѣю это расположеніе совершенно независимо отъ моихъ понятій о пользѣ такого дѣйствія для общества. Я не претендую на то, чтобы знать, полезно ли оно для общества или нѣтъ: сколько я знаю, оно можетъ быть вредное дѣйствіе.» «Но въ такомъ случаѣ», говорю я, «вредно ли оно? Изслѣдуйте; и если вы сами можете убѣдиться, что оно вредно, тогда,—если только обязанность, т. е. нравственная обязанность имѣетъ какой-нибудь смыслъ, вы обязаны по крайней мѣрѣ воздержаться отъ этого дѣйствія; и мало того, — если это въ вашей власти и можетъ быть сдѣлано безъ слишкомъ большаго пожертвованія,— вы должны постараться предупредить это дѣйствіе. Васъ не извинитъ то, что вы любите это понятіе и даете ему имя добродѣтели.»

«Я чувствую въ себѣ,» говорите вы дальше, «расположеніе питать отвращеніе къ такому или такому дѣйствію въ нравственномъ смыслѣ; но я имѣю это расположеніе совершенно независимо отъ моихъ понятій о вредѣ этого дѣйствія для общества. Я не претендую на то, чтобы знать, вредно ли оно для общества или нѣтъ: оно можетъ быть не вредно: сколько я знаю, оно можетъ быть полезно.» «Можетъ ли оно быть», говорю я, «въ самомъ дѣлѣ полезно? Но тогда позвольте мнѣ сказать вамъ, что предположивъ, что «обязанность», «хорошее и дурное» суть не совсѣмъ то, какъ вамъ нравится ихъ понимать, если упомянутое дѣйствіе въ самомъ дѣлѣ не вредное, и если кто-нибудь хочетъ совершить его, то вы вовсе не обязаны, а напротивъ съ вашей стороны было бы очень дурно взяться препятствовать ему: питайте къ нему про себя отвращеніе сколько вамъ угодно: это можетъ быть очень

это ненавидѣть. Впрочемъ это не есть постоянная причина: потому что когда человѣкъ терпитъ, онъ не всегда знаетъ, отъ чего онъ терпитъ. Человѣкъ можетъ, напримѣръ, сильно терпѣть отъ новаго налога, не будучи въ состояніи найти причину своей тягости въ несправедливости какого-нибудь сосѣда, который уклонился отъ платежа стараго налога.

XVI.

Принципъ симпатіи и антипатіи чрезвычайно наклоненъ заблуждаться въ сторону суровости. Именно, прилагая наказаніе во многихъ случаяхъ, которые не заслуживаютъ никакого наказанія, и во многихъ случаяхъ, которые заслуживаютъ нѣкотораго наказанія, прилагая его въ большей степени, чѣмъ они заслуживаютъ. Нельзя вообразить такого случая, — какъ бы онъ ни былъ тривіаленъ и далекъ отъ вреда, — изъ котораго бы этотъ принципъ не извлекъ основанія для наказанія. Всякое различіе во вкусахъ, всякое различіе во мнѣніяхъ, о томъ или о другомъ предметѣ. Нѣтъ такого ничтожнаго несогласія во мнѣніяхъ, которое бы при упрямствѣ и спорѣ не могло сдѣлаться серьезнымъ. Каждый становится въ глазахъ другаго врагомъ и если законы дозволяютъ, то и преступникомъ [1]). Вотъ одно изъ обстоятельствъ, по которымъ чело-

хорошимъ резономъ (если это не будетъ также и полезно) для васъ, не совершать его вамъ самимъ: но если вы стараетесь какъ-нибудь, словомъ или дѣломъ, помѣшать этому человѣку или навлечь ему за это дѣйствіе какое-нибудь страданіе, то дурно сдѣлаете вы, а не онъ: вы можете быть увѣрены, что ваши порицанія его поведенія или запятнаніе его именемъ порока не сдѣлаютъ этого человѣка виновнымъ или не сдѣлаютъ васъ незаслуживающимъ порицанія. Поэтому, если вы можете удовольствоваться тѣмъ, что онъ держится объ этомъ предметѣ одного мнѣнія, а вы другаго, это хорошо; но если для вашего удовольствія нужно, чтобы вы и онъ необходимо были одного мнѣнія, я скажу вамъ, что вамъ надо сдѣлать: вамъ слѣдуетъ вылечиться отъ вашей антипатіи, а не ему подчиняться ей.» Б.

[1]) Король англійскій Іаковъ I питалъ чрезвычайную антипатію къ аріанамъ: двое изъ нихъ были сожжены. Это удовольствіе онъ доставилъ себѣ безъ большаго затрудненія: понятія того времени благопріятствовали этому. Онъ написалъ свирѣпую книгу противъ Ворстія, за то, что тотъ былъ, что называлось арминіаниномъ: потому что Ворстій былъ далеко. Онъ написалъ также свирѣпую книгу, подъ названіемъ «A Counterblast to Tobacco», противъ употребленія этого зелья, недавно предъ тѣмъ введеннаго сэромъ Вальтеромъ Рали. Еслибы понятія того времени помогли ему, онъ сжегъ бы анабаптиста и курильщика табаку на одномъ огнѣ. Впрочемъ онъ получилъ удовлетвореніе осудивъ на смерть Вальтера Рали, хотя и за другое преступленіе.

Споры объ относительномъ превосходствѣ французской и итальянской музыки повели въ Парижѣ къ весьма серьёзнымъ схваткамъ. Одна изъ партій (говоритъ д' Аламберъ) была готова втянуть въ этотъ раздоръ и правительство....» Б.

вѣческій родъ отличается (не совсѣмъ въ свою выгоду) отъ безсмысленныхъ твореній.

XVII.

Впрочемъ есть также и примѣры того, что этотъ принципъ заблуждается въ сторону снисходительности. Близкій и понятный вредъ возбуждаетъ въ людяхъ антипатію. Отдаленный и незамѣтный, но все-таки дѣйствительный, вредъ можетъ не имѣть на нихъ никакого дѣйствія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи намъ встрѣтится много примѣровъ въ доказательство этого. Приводить ихъ здѣсь значило бы нарушить порядокъ нашего изложенія.

XVIII.

Быть можетъ, покажется удивительнымъ, что до сихъ поръ здѣсь не было упомянуто о теологическомъ принципѣ; разумѣя тотъ принципъ, который повелѣваетъ прибѣгать для мѣрки хорошаго и дурнаго къ высшей волѣ. Но дѣло въ томъ, что въ сущности это не есть особый принципъ. Болѣе или менѣе, это всегда тотъ или другой изъ трехъ вышеупомянутыхъ принциповъ, являющійся въ другомъ видѣ. Воля Бога, подразумѣваемая здѣсь, не можетъ быть его откровенная воля, какъ она представляется въ священныхъ книгахъ; потому что это система, къ которой въ настоящее время никто не думаетъ прибѣгать для подробностей политической администраціи: и даже прежде, чѣмъ прилагать ее къ подробностямъ частной жизни, самые замѣчательныя духовныя лица всѣхъ убѣжденій вообще допускаютъ, что она нуждается въ довольно обширныхъ толкованіяхъ: иначе къ чему бы служили сочиненія этихъ лицъ? И для руководства въ этихъ толкованіяхъ допускается также, что должна быть принята какая-нибудь другая мѣрка. Такимъ образомъ воля, понимаемая въ этомъ случаѣ, есть то, что можетъ быть названо предполагаемой (presumptive) волей; т. е. та воля, которая предполагается таковой волей по сообразности ея правилъ съ правилами какого-нибудь другаго принципа. Какой же можетъ быть этотъ другой принципъ? Онъ долженъ быть одинъ изъ трехъ упомянутыхъ выше; потому что, мы видѣли, больше ихъ не можетъ быть. Ясно, поэтому, что, ставя откровеніе внѣ вопроса, мѣрка хорошаго и дурнаго не можетъ быть объясняема нисколько тѣмъ, что могло бы быть сказано о томъ, что есть высшая воля. Въ самомъ дѣлѣ мы можемъ быть совершенно увѣрены, что все, что хорошо, сообразно съ волей Бога; но это такъ мало отвѣчаетъ цѣли показать, что хорошо, что сначала необходимо знать, какая вещь хороша, чтобы узнать потомъ, сообразна ли она съ волей Бога.

XIX.

Есть двѣ вещи, которыя легко смѣшиваются, но которыя намъ важно внимательно различать:—мотивъ или причина, которая, имѣя вліяніе на умъ человѣка, производитъ какое-нибудь дѣйствіе; и основаніе или резонъ, который побуждаетъ законодателя, или другое лицо, смотрѣть на дѣйствіе глазами одобренія. Когда, въ частномъ случаѣ этого вопроса, дѣйствіе оказываетъ результаты, нами одобряемые, и особенно если намъ случается замѣтить, что тотъ же самый мотивъ можетъ часто и въ другихъ случаяхъ производить такіе же результаты, мы бываемъ способны переносить наше одобреніе на самый мотивъ, и за настоящее основаніе одобренія, даваемаго нами этому дѣйствію, принимать его происхожденіе отъ этого мотива. Такимъ способомъ чувство антипатіи часто принималось за настоящее основаніе дѣйствія. Напримѣръ, въ томъ или другомъ случаѣ антипатія есть причина дѣйствія, которое сопровождается хорошими слѣдствіями: но это не дѣлаетъ ее хорошимъ основаніемъ дѣйствія ни въ этомъ, ни въ другомъ случаѣ. Еще дальше. Нетолько слѣдствія хороши, но дѣйствующій видитъ впередъ, что они будутъ таковы. Это въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлать дѣйствіе совершенно хорошимъ дѣйствіемъ: но это не дѣлаетъ антипатіи хорошимъ основаніемъ для дѣйствія. Потому что то же самое чувство антипатіи, если слѣпо на него полагаться, можетъ, и очень часто, производить самыя дурныя слѣдствія. Поэтому антипатія никогда не можетъ быть хорошимъ основаніемъ для дѣйствія. Поэтому не можетъ быть таковымъ и чувство досады (resentment), которое, какъ мы подробнѣе увидимъ дальше, есть только видоизмѣненіе антипатіи. Въ концѣ концовъ единственное правильное основаніе для дѣйствія, какое только можетъ существовать, есть соображеніе пользы, которое, если оно составляетъ истинный принципъ дѣйствія и одобренія въ какомъ-нибудь одномъ случаѣ, составляетъ его и во всякомъ другомъ. Множество другихъ принциповъ, т. е. другихъ мотивовъ, могутъ быть причинами, почему такое и такое дѣйствіе *было* сдѣлано, т. е. резонами или причинами ихъ совершенія; но одинъ только принципъ пользы можетъ быть причиной, почему оно *должно было бы* быть сдѣлано. Антипатія или досада всегда должны быть повѣряемы, если мы хотимъ предупредить ихъ вредное вліяніе: повѣряемы чѣмъ? всегда принципомъ пользы. Принципъ пользы и не требуетъ и не допускаетъ никакого другаго регулятора, кромѣ самого себя.

Отвѣтъ на возраженія противъ принципа пользы. [1])

Противъ принципа пользы можно выставлять мелкія сомнѣнія и мелкія словесныя трудности; но ему невозможно противопоставить никакого дѣйствительнаго и яснаго возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы пришлось оспаривать его, если не резонами, извлеченными изъ этого самаго принципа? Сказать, *что онъ опасенъ*, значитъ сказать, что можетъ быть противно *пользѣ сообразжаться съ пользой.*

Затрудненіе, въ этомъ вопросѣ, происходитъ отъ нѣкоторой запутанности языка. Обыкновенно представляютъ добродѣтель въ противоположность пользѣ. Добродѣтель, говорятъ, есть пожертвованіе нашими интересами нашему долгу.—Чтобы выразить мысль ясно, слѣдовало бы сказать, что интересы бываютъ разнаго рода и что различные интересы, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, бываютъ несовмѣстимы. Добродѣтель есть пожертвованіе меньшимъ интересомъ большему интересу, минутнымъ интересомъ—продолжительному, сомнительнымъ—несомнѣнному. Всякая идея добродѣтели, не проистекающая изъ этого понятія, столько же темна, сколько ненадеженъ ея мотивъ.

Тѣ, кто для примиренія хочетъ различать политику и мораль, и принять принципомъ для первой пользу, а для второй справедливость, только обнаруживаютъ смутныя понятія. Все различіе между политикой и моралью то, что одна руководитъ дѣйствіями правительствъ, другая поступками отдѣльныхъ лицъ; но цѣль ихъ одна и таже,—счастіе. То̀, что политически хорошо, не должно быть нравственно дурно, если только ариѳметическія правила, вѣрныя для большихъ чиселъ, должны быть вѣрны и для маленькихъ.

Можно дѣлать зло, полагая, что слѣдуешь принципу пользы. Слабый и ограниченный умъ обманывается, принимая въ соображеніе только небольшую часть разныхъ родовъ добра и зла. Человѣкъ страстный обманывается, придавая чрезмѣрную важность какому-нибудь благу, которое скрываетъ отъ него вещи неудобныя. То, что дѣлаетъ человѣка злымъ, есть привычка къ удовольствіямъ, вреднымъ для другихъ; и это самое предполагаетъ отсутствіе многихъ видовъ удовольствія. Но не должно сваливать на принципъ тѣхъ ошибокъ, которыя ему противорѣчатъ и которыя онъ одинъ можетъ помочь исправить. Если человѣкъ плохо считаетъ, въ этомъ виновата не ариѳметика, а онъ

---

[1]) Слѣдующее здѣсь добавленіе взято (и въ англійскомъ изданіи) изъ «Traités de Legislation» Дюмона, чтобы пополнить изложеніе принциповъ Бентама, какъ оно дѣлалось при его жизни. (Dumont, I, стр. 18—20, гл. V).

самъ. Если упреки, которые дѣлаютъ Маккіавелю, основательны, его ошибки происходятъ не оттого, что онъ руководился принципомъ пользы, а оттого, что онъ невѣрно примѣнялъ его. Авторъ Анти-Маккіавеля хорошо понималъ это. Онъ опровергаетъ «Il Principe», показывая, что его правила губительны и что дурная нравственность есть дурная политика.

Тѣ, которые, послѣ чтенія «de Officiis» Цицерона и платоническихъ моралистовъ, имѣютъ смутное понятіе о полезномъ, какъ противоположности честному, часто приводятъ слова Аристида о проектѣ, который Ѳемистоклъ хотѣлъ открыть только ему одному. «Проектъ Ѳемистокла очень выгоденъ,» сказалъ Аристидъ собравшемуся народу, «но онъ очень несправедливъ.» Здѣсь думаютъ видѣть рѣшительную противоположность полезнаго и справедливаго; но думающіе такъ ошибаются: это только сравненіе разныхъ родовъ добра и зла. Несправедливое есть терминъ, обозначающій сложность всѣхъ золъ, происходящихъ отъ положенія, въ которомъ люди не могутъ больше довѣряться одинъ другому. Аристидъ могъ бы сказать: «Проектъ Ѳемистокла былъ бы полезенъ на одну минуту и былъ бы вреденъ на цѣлые вѣка: то, что онъ намъ даетъ, есть ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ у насъ отнимаетъ.»

Этотъ принципъ пользы,—скажутъ,—есть только возобновленіе эпикуреизма, а извѣстно, какъ разрушительно дѣйствовало это ученіе на нравы; это всегда было ученіе самыхъ испорченныхъ людей.

Правда, Эпикуръ одинъ изъ древнихъ имѣетъ ту заслугу, что зналъ истинный источникъ нравственности; но предполагать, что его ученіе допускаетъ слѣдствія, въ которыхъ его упрекаютъ, значитъ предполагать, что счастіе можетъ быть враждебно тому же самому счастію. Sic praesentibus utaris voluptatibus ut futuris non noceas. (Пользуйся настоящими удовольствіями такъ, чтобы не вредить будущимъ). Сенека согласенъ здѣсь съ Эпикуромъ; и чего же больше можно желать для народовъ, какъ не удаленія всякихъ удовольствій, вредныхъ самому себѣ или другимъ? И это самое развѣ не есть принципъ пользы?

«Но,—скажутъ еще,—каждый дѣлаетъ самъ себя судьей своей пользы; всякія обязанности прекратятся между людьми, какъ скоро люди найдутъ, что имъ нѣтъ интереса въ этихъ обязанностяхъ.»

Каждый дѣлаетъ самъ себя судьей своей пользы; это такъ, и это должно быть; иначе человѣкъ не былъ бы разумно дѣйствующимъ существомъ; тотъ, кто не судитъ о томъ, что ему полезно, меньше чѣмъ ребенокъ, это—идіотъ. Чувство долга, которое привязываетъ людей къ

ихъ обязательствамъ, есть ни что иное, какъ чувство интереса высшаго разряда, который беретъ верхъ надъ интересомъ подчиненнымъ. На людей оказываетъ вліяніе не одна только частная польза того или другаго обязательства; но въ случаѣ, когда обязательство становится отяготительнымъ для одной изъ сторонъ, на нихъ оказываетъ вліяніе общая польза обязательствъ, довѣріе, которое каждый просвѣщенный человѣкъ желаетъ внушить къ своему слову, чтобы считаться человѣкомъ надежнымъ и пользоваться выгодами, связанными съ честностью и уваженіемъ. Не обязательство само по себѣ составляетъ долгъ; потому что есть обязательства, не имѣющія силы, и есть обязательства незаконныя. Почему? потому что ихъ считаютъ за вредныя. Итакъ, силу условія составляетъ его польза.

Всѣ дѣйствія самой возвышенной добродѣтели можно легко привести къ разсчету благъ и золъ. Представлять добродѣтель какъ слѣдствіе разума и объяснять ее простымъ и понятнымъ образомъ, вовсе не значитъ ни унижать, ни ослаблять ее.

Посмотрите, въ какой кругъ попадаютъ тѣ, которые не хотятъ признать принципа пользы.—Я долженъ сдержать свое обѣщаніе. Почему? потому что мнѣ предписываетъ это моя совѣсть. Какъ вы знаете, что совѣсть вамъ это предписываетъ? потому что я имѣю объ этомъ внутреннее чувство. Почему вы должны повиноваться своей совѣсти? потому что повиноваться совѣсти значитъ повиноваться своему Создателю. Почему вы должны дѣлать это? потому что это есть мой первый долгъ. Какъ вы это знаете? потому что это говоритъ мнѣ моя совѣсть и т. д. Вотъ вѣчный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода; вотъ источникъ упорства и непобѣдимыхъ заблужденій. Потому что если все судить по чувству, то не останется никакого средства различить внушенія просвѣщенной совѣсти отъ внушеній совѣсти слѣпой. Всѣ преслѣдователи имѣютъ одну силу и всѣ фанатики одно и то же право.

Если вы хотите отвергнуть принципъ пользы, потому что его можно дурно прилагать, то чѣмъ вы его замѣните? Какое вы нашли правило, которымъ бы нельзя было злоупотребить? гдѣ этотъ непогрѣшимый компасъ?

Замѣните ли вы его какимъ-нибудь нравственно деспотическимъ принципомъ, который приказываетъ людямъ дѣйствовать такимъ и такимъ образомъ, не зная почему, изъ одного повиновенія?

Замѣните ли вы его какимъ-нибудь анархическимъ и капризнымъ принципомъ, основаннымъ единственно на вашихъ внутреннихъ и личныхъ чувствахъ?

Въ этомъ случаѣ, какіе мотивы представите вы людямъ, чтобы

убѣдить ихъ слѣдовать за вами? будутъ ли они независимы отъ своего интереса? Если они не согласятся съ вами, какъ вы будете разсуждать съ ними, какъ успѣете вы примирить ихъ? Куда призовете вы всѣ секты, всѣ мнѣнія, всѣ противорѣчія, существующія въ мірѣ, если не къ трибуналу общаго интереса?

. . . .

. . . .

ГЛАВА III

О четырехъ санкціяхъ, или источникахъ страданія и удовольствія.

I.

Выше было показано, что счастіе отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ составляется общество, т. е. ихъ удовольствія и ихъ безопасность, есть цѣль и единственная цѣль, которую долженъ имѣть въ виду законодатель: это — единственная мѣрка, съ которой каждое отдѣльное лицо, насколько это зависитъ отъ законодателя, должно бы быть заставлено (made) сообразовать свое поведеніе. Но какова бы ни была та вещь, которую человѣку слѣдовало бы сдѣлать, положительно заставить его сдѣлать ее можно только страданіемъ или удовольствіемъ. Бросивъ общій взглядъ на эти два обширные предмета (т. е. удовольствіе или, что одно и тоже, свободу отъ страданія) въ смыслѣ конечныхъ причинъ, необходимо будетъ взглянуть на страданіе и удовольствіе само по себѣ, въ смыслѣ дѣйствительныхъ (efficient) причинъ или средствъ.

II.

Можно отличить четыре источника, изъ которыхъ обыкновенно проистекаютъ удовольствіе и страданіе; разсматриваемыя отдѣльно, они могутъ быть названы—физическими, политическими, нравственными и религіозными; и насколько удовольствія и страданія, принадлежащія каждому изъ этихъ источниковъ, способны давать обязательную силу какому-нибудь закону или правилу поведенія, всѣ они могутъ быть названы санкціями.

III.

Если страданіе и удовольствіе происходятъ или ожидаются въ настоящей жизни и по естественному ходу природы, не будучи видоизмѣняемы преднамѣренно вмѣшательствомъ воли какого-нибудь человѣческаго существа или какимъ-нибудь чрезвычайнымъ вмѣшательствомъ Высшаго невидимаго существа, то можно сказать, что эти удовольствія и страданія происходятъ или относятся къ физической санкціи.

IV.

Если они происходятъ или ожидаются отъ рукъ частнаго лица или разряда лицъ въ обществѣ, которые подъ именами, соотвѣтствующими имени судьи, избираются съ особенной цѣлью распредѣленія ихъ, согласно съ волей государя или высшей правительственной власти въ государствѣ, то можно сказать, что эти страданія и удовольствія происходятъ отъ политической санкціи.

V.

Если они исходятъ или ожидаются отъ рукъ случайныхъ лицъ въ обществѣ, къ которымъ сторона, о которой идетъ рѣчь, можетъ имѣть отношеніе въ теченіе своей жизни,—по свободному расположенію каждаго человѣка, а не по какимъ-нибудь установленнымъ или принятымъ съ общаго согласія правиламъ,—то можно сказать, что они происходятъ отъ нравственной или популярной (имѣющей связь съ общественнымъ мнѣніемъ) санкціи.

VI.

Если они исходятъ или ожидаются прямо отъ руки Высшаго невидимаго существа, въ настоящей ли жизни или въ будущей, то можно сказать, что они происходятъ отъ религіозной санкціи.

VII.

Удовольствія или страданія, которыя могутъ ожидаться отъ физической, политической или нравственной санкцій, всѣ, если только могутъ ожидаться, должны имѣть ожидаемое исполненіе въ настоящей жизни; тѣ, которыя могутъ ожидаться отъ религіозной санкціи, могутъ имѣть ожидаемое исполненіе и въ настоящей и въ будущей жизни.

VIII.

Тѣ, которыя могутъ быть испытаны въ настоящей жизни, естественно могутъ быть только такія, къ какимъ способна человѣческая природа въ теченіе настоящей жизни; и изъ каждаго изъ этихъ источниковъ могутъ проистекать всѣ удовольствія или страданія, къ которымъ способна человѣческая природа въ теченіе настоящей жизни. От-

носительно этихъ послѣднихъ (съ которыми только мы и имѣемъ дѣло теперь), тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ одной изъ упомянутыхъ санкцій, не отличаются окончательно по своему роду отъ тѣхъ, которыя принадлежатъ какой-нибудь другой изъ трехъ санкцій: единственное различіе между ними заключается въ обстоятельствахъ, сопровождающихъ ихъ совершеніе. Страданіе, постигающее человѣка въ естественномъ и свободномъ ходѣ вещей, должно бы назваться, напримѣръ, бѣдствіемъ; и въ этомъ случаѣ, если предположить, что оно постигло человѣка вслѣдствіе какого-нибудь его неблагоразумія, оно можетъ быть названо наказаніемъ, проистекающимъ отъ физической санкціи. Но то же самое страданіе, если оно навлечено по закону, будетъ что называется наказаніемъ; если человѣкъ подвергается ему отъ недостатка дружеской помощи, отказъ въ которой причиненъ дурнымъ поведеніемъ или предполагаемымъ дурнымъ поведеніемъ страдающаго лица, это будетъ наказаніе, происходящее отъ нравственной санкціи; если оно навлечено непосредственнымъ вмѣшательствомъ Провидѣнія, это будетъ наказаніе, происходящее отъ религіозной санкціи.

IX.

Имѣніе человѣка, или самъ онъ, сгараетъ отъ огня. Если это произошло отъ такъ-называемаго простаго случая, это было бѣдствіе; если отъ его собственнаго неблагоразумія (напр, отъ небрежнаго обращенія со свѣчкой), это можетъ назваться наказаніемъ физической санкціи; если это произошло съ нимъ по приговору политической власти,—наказаніемъ, принадлежащимъ къ политической санкціи, т. е. что обыкновенно называется наказаніемъ; если—отъ недостатка помощи, въ которой сосѣдъ отказалъ ему, по чему-нибудь не любя его нравственнаго характера,—наказаніемъ нравственной санкціи; если отъ непосредственнаго неблаговоленія божія, обнаружившагося вслѣдствіе какого-нибудь совершеннаго имъ грѣха, или отъ какой-нибудь разсѣянности, причиненной страхомъ такого неблаговоленія,—наказаніемъ религіозной санкціи.

X.

Что касается до удовольствій и страданій, принадлежащихъ къ религіозной санкціи и относящихся къ будущей жизни, мы не можемъ знать, какого рода они могутъ быть. Они не открыты нашему наблюденію. Въ теченіе настоящей жизни они составляютъ только предметъ ожиданія; и, будетъ ли это ожиданіе происходить отъ естественной или откровенной религіи, мы не можемъ имѣть никакой идеи объ особенномъ родѣ этого удовольствія или страданія, если они различны отъ

всѣхъ тѣхъ, которыя открыты нашему наблюденію. Лучшія идеи, какія мы можемъ получить о такихъ страданіяхъ и удовольствіяхъ, остаются совершенно неопредѣленными относительно качества. Въ какихъ другихъ отношеніяхъ наши идеи объ нихъ могутъ быть опредѣлены, будетъ разсмотрѣно въ другомъ мѣстѣ.

XI.

Изъ этихъ четырехъ санкцій физическая, какъ мы замѣтили, составляетъ вполнѣ основу политической и нравственной; точно также и религіозной, насколько эта послѣдняя имѣетъ отношеніе къ настоящей жизни. Она заключается въ каждой изъ трехъ остальныхъ. Она можетъ дѣйствовать во всякомъ случаѣ (т. е. всякое изъ страданій или удовольствій, къ ней принадлежащихъ, можетъ дѣйствовать) независимо отъ нихъ; ни одна изъ нихъ не можетъ дѣйствовать иначе какъ средствами ея. Словомъ, силы природы могутъ дѣйствовать сами; но ни общественныя власти, ни люди вообще, ни Богъ—въ томъ случаѣ, который мы предположили выше,—не могутъ дѣйствовать иначе, какъ чрезъ силы природы.

XII.

Для этихъ четырехъ предметовъ, имѣющихъ по своей природѣ столько общаго, казалось полезнымъ найти общее имя. Это казалось полезнымъ, вопервыхъ, для удобства наименованія различныхъ удовольствій и страданій, для которыхъ иначе едвали бы можно было найти равно характеристическія названія; вовторыхъ, для представленія дѣйствительности (efficacy) извѣстныхъ нравственныхъ силъ, вліяніе которыхъ не легко должнымъ образомъ прослѣдить. Имѣетъ ли политическая санкція вліяніе на поведеніе человѣчества? Нравственная и религіозная санкціи имѣютъ его слишкомъ много. Дѣйствія политическаго правителя на каждомъ дюймѣ своего хода могутъ находить помощь или препятствіе въ этихъ двухъ постороннихъ властяхъ, которыя, та или другая, или обѣ вмѣстѣ, непремѣнно бываютъ его противниками или союзниками. Случится ли ему оставить ихъ внѣ своихъ разсчетовъ? онъ можетъ быть почти увѣренъ, что ошибется въ результатѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы найдемъ обильныя доказательства всего этого. Поэтому, политическому правителю полезно всегда имѣть ихъ въ виду и притомъ подъ такимъ именемъ, которое бы выражало ихъ отношенія къ его собственнымъ цѣлямъ и намѣреніямъ.

ГЛАВА IV.

Какъ можно измѣрить цѣнность извѣстнаго количества удовольствія или страданія.

I.

Итакъ удовольствія и избѣжаніе страданій составляютъ тѣ цѣли, которыя имѣетъ въ виду законодатель: поэтому ему полезно понять ихъ цѣнность. Удовольствія и страданія, это—орудія, которыми онъ долженъ дѣйствовать: поэтому ему полезно знать ихъ силу, которая опять, съ другой точки зрѣнія, есть ихъ цѣнность.

II.

Для лица, разсматриваемаго само по себѣ, цѣнность удовольствія или страданія, разсматриваемыхъ сами по себѣ, будетъ больше или меньше, смотря по слѣдующимъ четыремъ обстоятельствамъ:

1) Ихъ интенсивности.

2) Ихъ продолжительности.

3) Ихъ несомнѣнности или сомнительности.

4) Ихъ близости или отдаленности.

III.

Таковы обстоятельства, которыя должны быть опредѣляемы при оцѣнкѣ удовольствія или страданія, разсматриваемыхъ каждое само по себѣ. Но когда цѣнность какого-нибудь удовольствія или страданія разсматривается съ цѣлью оцѣнить стремленіе какого-нибудь дѣйствія, которымъ оно производится, то надо принять въ соображеніе два другія обстоятельства; именно:

5) Ихъ плодовитость, т. е. ихъ шансы на то, будутъ ли за ними слѣдовать ощущенія того же рода, т. е. удовольствія, если это было удовольствіе,—страданія, если это было страданіе.

6) Ихъ чистоту, или шансы на то, что за ними не послѣдуютъ ощущенія противоположнаго рода, т. е. страданія, если это было удовольствіе,—удовольствія, если это было страданіе.

Впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ эти два послѣднія обстоятельства едвали могутъ считаться свойствами самаго удовольствія или страданія; поэтому, въ строгомъ смыслѣ они могутъ быть не принимаемы въ разсчетъ цѣнности этого удовольствія или этого страданія. Въ строгомъ смыслѣ они должны считаться только свойствами дѣйствія, или другаго событія, которыми такое удовольствіе или страданіе производится; и потому они должны приниматься только въ разсчетъ стремленія такого дѣйствія или такого событія.

IV.

Для извѣстнаго количества лицъ, относительно каждаго изъ которыхъ разсматривается цѣнность удовольствія или страданія, эта цѣнность будетъ больше или меньше, смотря по семи обстоятельствамъ; именно, шести предъидущимъ; т. е.

1) Ихъ интенсивности.

2) Ихъ продолжительности.

3) Ихъ несомнѣнности или сомнительности.

4) Ихъ близости или отдаленности.

5) Ихъ плодовитости.

6) Ихъ чистотѣ.

И одному еще, именно:

7) Ихъ распространенію, т. е. числу лицъ, на которыхъ они простираются или (другими словами) которыя чувствуютъ ихъ.

V.

Итакъ, чтобы опредѣлить съ точностью общее стремленіе какого-нибудь дѣйствія, затрогивающаго интересы общества, поступайте слѣдующимъ образомъ. Начните съ какого-нибудь одного лица изъ тѣхъ, интересы которыхъ кажутся затронутыми наиболѣе непосредственно, и опредѣлите:

1. Цѣнность каждаго замѣчаемаго удовольствія, которое повидимому производится этимъ дѣйствіемъ въ первой инстанціи.

2. Цѣнность каждаго страданія, которое повидимому производится имъ въ первой инстанціи.

3. Цѣнность каждаго удовольствія, которое производится имъ послѣ перваго. Это составляетъ плодовитость перваго удовольствія и нечистоту перваго страданія.

4. Цѣнность каждаго страданія, которое повидимому производится имъ послѣ перваго. Это составляетъ плодовитость перваго страданія и нечистоту перваго удовольствія.

5. Сложите всѣ цѣнности всѣхъ удовольствій, съ одной стороны, и всѣ цѣнности всѣхъ страданій съ другой. Если балансъ будетъ на сторонѣ удовольствія, онъ дастъ хорошее стремленіе дѣйствія вообще, относительно интересовъ этого индивидуальнаго лица; если на сторонѣ страданія, онъ дастъ дурное стремленіе его вообще.

6. Опредѣлите число лицъ, интересы которыхъ являются затронутыми, и повторите вышеуказанный процессъ относительно каждаго. Сложите числа, выражающія степени хорошаго стремленія дѣйствія на каждаго индивидуума, относительно котораго это стремленіе вообще хорошо; сдѣлайте это еще для каждаго индивидуума, относительно котораго это стремленіе вообще хорошо; сдѣлайте это для каждаго индивидуума, относительно котораго это стремленіе вообще дурно. Сведите балансъ; если онъ будетъ на сторонѣ удовольствія, онъ дастъ общее хорошее стремленіе дѣйствія относительно цѣлаго числа или общества заинтересованныхъ индивидуумовъ; если на сторонѣ страданія,—общее дурное стремленіе его относительно того же общества.

VI.

Нельзя ожидать, чтобы этотъ процессъ строго исполнялся передъ каждымъ нравственнымъ сужденіемъ, или передъ каждымъ законодательнымъ или судебнымъ дѣйствіемъ. Но его можно всегда имѣть въ виду; и насколько процессъ дѣйствительно выполняемый въ этихъ случаяхъ будетъ приближаться къ нему, настолько такой процессъ приблизится къ характеру точнаго процесса.

VII.

Тотъ же процессъ прилагается подобнымъ же образомъ къ удовольствію и страданію, какого бы они ни были вида и наименованія:—къ удовольствію, будетъ ли оно называться благо (что̀ есть собственно причина или орудіе удовольствія), прибыль (что̀ есть отдаленное удовольствіе, или причина или орудіе отдаленнаго удовольствія), или удобство, или выгода, счастіе и такъ далѣе;—къ страданію, будетъ ли оно называться зло (соотвѣтствующее благу или добру), или вредъ, неудобство, невыгода, убытокъ, несчастіе и т. д.

VIII.

И это вовсе не новая, не сомнительная, а тѣмъ менѣе безполезная теорія. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего кромѣ того, что совершенно согласно съ практикой человѣчества, гдѣ только есть у людей ясныя понятія о своемъ интересѣ. Напримѣръ, имѣетъ цѣнность извѣстная собственность, поземельное владѣніе: по какой причинѣ? По причинѣ удо-

вольствій всякаго рода, которыя она даетъ человѣку возможность производить, и, что одно и тоже, по причинѣ страданій всякаго рода, которыя она даетъ возможность отвратить. Но всѣмъ извѣстно, что цѣнность такой собственности возвышается или падаетъ смотря по продолжительности или краткости времени, которое человѣкъ употребляетъ на нее,—несомнѣнности или сомнительности того, вступитъ ли онъ во владѣніе ею; близости или отдаленности времени, когда онъ вступитъ въ это владѣніе. Что касается до интенсивности удовольствій, которыя человѣкъ можетъ извлечь изъ нея, объ этомъ никогда не бываетъ и мысли, потому что это зависитъ отъ употребленія, какое можетъ сдѣлать изъ нея всякое частное лицо: и это не можетъ быть оцѣнено до тѣхъ поръ, пока не окажутся частныя удовольствія, какія онъ можетъ извлечь изъ нея, или частныя страданія, которыя онъ можетъ съ ея помощью удалить. По той же самой причинѣ онъ не думаетъ ни о плодовитости, ни о чистотѣ этихъ удовольствій.

Столько мы скажемъ объ удовольствіи и страданіи, счастіи и несчастіи вообще. Мы разсмотримъ теперь нѣкоторые частные роды страданія и удовольствія.

ГЛАВА V.

Удовольствія и страданія, ихъ роды.

I.

Представивъ то, что принадлежитъ одинаково всѣмъ родамъ удовольствій и страданій, мы изложимъ теперь различные роды страданій и удовольствій, каждый особо. Страданія и удовольствія могутъ быть названы однимъ общимъ именемъ интересующихъ воспріятій (interesting perceptions). Они бываютъ простыя или сложныя. Простыя — тѣ, изъ которыхъ каждое не можетъ быть разложено на многія; сложныя—тѣ, которыя могутъ быть разложены на различныя простыя. Поэтому, сложное интересующее воспріятіе можетъ состоять или: 1) Изъ однихъ удовольствій; 2) Изъ однихъ страданій, или 3) Изъ удовольствія или удовольствій и страданія или страданій вмѣстѣ. Разрядъ удовольствія,

напр. должно ли оно считаться скорѣе сложнымъ удовольствіемъ, чѣмъ различными простыми,—опредѣляется свойствомъ возбуждающей причины. Когда удовольствія возбуждаются всѣ вдругъ дѣйствіемъ одной и той же причины, они могутъ считаться составляющими, всѣ вмѣстѣ, только одно удовольствіе.

II.

Простыя удовольствія, къ которымъ воспріимчива человѣческая природа, кажется, слѣдующія: 1) Удовольствія чувствъ. 2) Удовольствія богатства. 3) Удовольствія искуства. 4) Удовольствія дружбы. 5) Удовольствія хорошаго имени. 6) Удовольствія власти. 7) Удовольствія благочестія. 8) Удовольствія благосклонности. 9) Удовольствія неблагосклонности. 10) Удовольствія памяти. 11) Удовольствія воображенія. 12) Удовольствія ожиданія. 13) Удовольствія, зависящія отъ ассоціаціи. 14) Удовольствія облегченія.

III.

Различныя простыя страданія, кажется, слѣдующія: 1) Страданія лишенія. 2) Страданія чувствъ. 3) Страданія неловкости. 4) Страданія вражды. 5) Страданія дурнаго имени. 6) Страданія благочестія. 7) Страданія благосклонности. 8) Страданія неблагосклонности. 9) Страданія памяти. 10) Страданія воображенія. 11) Страданія ожиданія. 12) Страданія, зависящія отъ ассоціаціи [1]).

IV.

1. Удовольствія чувствъ, кажется, слѣдующія: 1) Удовольствія вкуса или нёба, включая сюда всякія удовольствія, которыя испытываются при удовлетвореніи требованій голода или жажды. 1) Удовольствія опьяненія. 3) Удовольствія органа обонянія. 4) Удовольствія осязанія. 5) Простыя удовольствія уха, независимыя отъ ассоціацій. 6) Простыя удовольствія глаза, независимыя отъ ассоціацій. 7) Удовольствія половыя. 8) Удовольствія здоровья; или внутреннее пріятное ощущеніе, въ состояніи полнаго здоровья и силы; особенно во время умѣреннаго тѣлеснаго упражненія. 9) Удовольствія новизны: или удовольствія, про-

---

[1]) Приведенный здѣсь каталогъ казался полнымъ спискомъ различныхъ простыхъ удовольствій и страданій, къ которымъ способна человѣческая природа; такъ что, если человѣкъ по какому-нибудь случаю ощущаетъ удовольствіе или страданіе, оно или можетъ быть отнесено къ тому или другому изъ указанныхъ здѣсь разрядовъ, или можетъ быть разложено на такіе разряды..... Б.

истекающія отъ удовлетворенія требованій любопытства, приложеніемъ новыхъ предметовъ къ какому-нибудь изъ чувствъ.

V.

2. Подъ удовольствіями богатства можно понимать тѣ удовольствія, какія человѣкъ способенъ выводить изъ сознанія владѣнія вещью или вещами, которыя стоятъ въ спискѣ орудій наслажденія или безопасности, и особенно въ первое время пріобрѣтенія этихъ вещей: въ это время такое удовольствіе можетъ быть названо удовольствіемъ прибыли или пріобрѣтенія; въ другое время—удовольствіемъ владѣнія.

3. Удовольствія искусства, исполняемаго на различныхъ предметахъ, суть удовольствія, сопровождающія приложеніе такихъ частныхъ орудій наслажденія къ ихъ употребленію, которыя не могутъ быть прилагаемы безъ большей или меньшей доли трудности и навыка.

VI.

4. Удовольствія дружбы, или саморекомендація, — тѣ удовольствія, которыя могутъ сопровождать убѣжденіе человѣка, что онъ пріобрѣтаетъ или владѣетъ расположеніемъ того или другаго опредѣленнаго лица или лицъ въ частности: или, какъ говорится, что онъ съ нимъ или съ ними на хорошей ногѣ: и, какъ плодъ этого,—что онъ можетъ имѣть выгоду ихъ добровольныхъ и даровыхъ услугъ.

VII.

5. Удовольствія хорошаго имени — тѣ, которыя сопровождаютъ убѣжденіе человѣка, что онъ пріобрѣтаетъ или владѣетъ расположеніемъ окружающихъ его людей; то есть, такихъ членовъ общества, съ которыми онъ можетъ имѣть дѣло; и какъ средство къ этому, — что онъ владѣетъ ихъ любовью или уваженіемъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; и какъ плодъ этого, что онъ можетъ разсчитывать на выгоду ихъ добровольныхъ и даровыхъ услугъ. Эти удовольствія могутъ также назваться удовольствіями хорошей репутаціи, удовольствіями чести, или удовольствіями *нравственной санкціи*.

VIII.

6. Удовольствія власти—тѣ, которыя сопровождаютъ убѣжденіе человѣка, что онъ посредствомъ возбужденія надеждъ и опасеній можетъ побуждать приносить ему выгоду своими услугами: — т. е., побуждать надеждой какихъ-нибудь услугъ, или опасеніемъ какихъ-нибудь отягощеній, которыя онъ можетъ сдѣлать народу.

IX.

7. Удовольствія благочестія—тѣ, которыя сопрождаютъ вѣру чело-

вѣка, что онъ пріобрѣтаетъ или владѣетъ благоволеніемъ или милостью Высшаго Существа: и, какъ плодъ этого, что онъ можетъ насладиться удовольствіями, которыя получаются по особой Божіей волѣ въ этой жизни или въ будущей. Они могутъ также назваться удовольствіями религіи, удовольствіями религіознаго расположенія, или удовольствіями религіозной санкціи.

X.

8. Удовольствія благосклонности — удовольствія, происходящія отъ зрѣлища удовольствій, которыми по нашему предположенію пользуются существа, могущія быть предметами благосклонности; т. е., чувствующія существа, которыя намъ близки; къ нимъ обыкновенно принадлежатъ: 1) Высшее Существо. 2) Человѣческія существа. 3. Другія животныя. Эти удовольствія могутъ также назваться удовольствіями расположенія, симпатіи, или удовольствіями благосклонныхъ или общественныхъ чувствованій.

XI.

9. Удовольствія неблагосклонности—удовольствія, происходящія отъ зрѣлища страданій, переносимыхъ по нашему мнѣнію существами, которыя могутъ быть предметомъ неблагосклонности; именно: 1) Человѣческія существа. 2) Другія животныя. Они могутъ быть также названы удовольствіями нерасположенія, гнѣвной раздражительности, антипатіи или удовольствіями неблагосклонныхъ и необщественныхъ чувствованій.

XII.

10. Удовольствія памяти — тѣ, которыя человѣкъ, — насладившись тѣми или другими удовольствіями, или даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ перенесши тѣ или другія страданія,—хочетъ испытать еще разъ, съ точностью припоминая ихъ въ томъ порядкѣ и съ тѣми обстоятельствами, въ какихъ онъ дѣйствительно наслаждался ими или переносилъ ихъ. Эти производныя удовольствія естественно могутъ быть распредѣляемы на столько же видовъ, какъ тѣ первоначальныя воспріятія, съ которыхъ они копируются. Они могутъ быть также названы удовольствіями простаго воспоминанія.

XIII.

11. Удовольствія воображенія — тѣ, которыя могутъ быть произведены созерцаніемъ какихъ-нибудь такихъ удовольствій, на какія можетъ случайно навести память, но въ другомъ порядкѣ и съ другими группами обстоятельствъ. Ихъ можно слѣдовательно отнести къ какому-ни-

будь изъ трехъ главныхъ пунктовъ времени, настоящему, прошедшему или будущему. Очевидно, что они могутъ допустить столько же различій, какъ удовольствія предъидущаго класса.

XIV.

12. Удовольствія ожиданія—тѣ, которыя происходятъ отъ созерцанія какого-нибудь рода удовольствія, относимаго къ будущему времени и сопровождаемаго чувствомъ вѣры. Они также допускаютъ тѣ же самыя различія [1]).

XV.

13. Удовольствія ассоціаціи—тѣ, которыя могутъ вызвать извѣстные предметы или случаи, не сами по себѣ, но чисто только въ силу извѣстной ассоціаціи, связывающей ихъ въ умѣ человѣка съ извѣстными предметами или случаями, которые пріятны сами по себѣ. Таково, напримѣръ, удовольствіе искусства, когда оно доставляется такимъ рядомъ случаевъ, какъ игра въ шахматы. Она извлекаетъ свое пріятное качество отъ ея ассоціаціи отчасти съ удовольствіями искусства, производящаго случаи, пріятные сами по себѣ, отчасти отъ ассоціаціи съ удовольствіями власти. Таково же удовольствіе удачи, когда оно *доставляется такими случаями, какъ въ азартной игрѣ, или въ другой игрѣ случая, гдѣ ничего не теряется.* Она извлекаетъ свое пріятное качество отъ ассоціаціи съ однимъ изъ удовольствій богатства, т. е. съ удовольствіемъ пріобрѣтенія его.

XVI.

14. Далѣе мы увидимъ страданія, основанныя на удовольствіяхъ; такимъ же образомъ мы можемъ видѣть теперь удовольствія, основанныя на страданіяхъ. Къ каталогу удовольствій можно прибавить удовольствія облегченія, или удовольствія, которыя испытываетъ человѣкъ, когда, перенесши въ теченіе извѣстнаго времени какое-нибудь страданіе, онъ чувствуетъ, что это страданіе проходитъ или ослабѣваетъ. Эти удовольствія конечно могутъ быть раздѣляемы на столько же видовъ, сколько есть страданій, и могутъ произвести столько же удовольствій памяти, воображенія и ожиданія.

XVII.

1. Страданія лишенія—тѣ, которыя могутъ происходить отъ мысли,

---

[1]) Въ отличіе отъ нихъ, всѣ орудія удовольствій могутъ быть названы удовольствіями наслажденія или пользованія (enjoyment). Б.

что человѣкъ въ настоящее время не владѣетъ какимъ-нибудь изъ разныхъ родовъ удовольствій. Поэтому, страданія лишенія могутъ быть раздѣлены на столько же родовъ, сколько удовольствій, которымъ они соотвѣтствуютъ и отъ отсутствія которыхъ они могутъ происходить.

XVIII.

Есть три рода страданій, которыя представляютъ столько же видоизмѣненій разныхъ родовъ лишенія. Когда наслажденіе какимъ-нибудь удовольствіемъ, особенно желается, но безъ всякаго ожиданія, близкаго къ увѣренности, то проистекающее отсюда страданіе лишенія принимаетъ особенное имя и называется страданіемъ желанія, или неудовлетвореннаго желанія.

XIX.

Когда бываетъ, что наслажденіе ищется съ степенью ожиданія, близкой къ увѣренности, и это ожиданіе внезапно прекращается, это называется страданіемъ разочарованія (disappointment).

XX.

Страданіе лишенія принимаетъ имя сожалѣнія въ двухъ случаяхъ: 1) Когда оно основано на памяти объ удовольствіи, которымъ человѣкъ однажды наслаждался, но которымъ онъ повидимому больше наслаждаться не будетъ. 2) Когда оно основано на идеѣ удовольствія, которымъ человѣкъ никогда дѣйствительно не наслаждался и быть можетъ даже не ожидаетъ наслаждаться, но которымъ (какъ предполагается) онъ могъ бы наслаждаться, еслибы произошелъ тотъ или другой случай, который на дѣлѣ не происходилъ.

XXI.

2. Различныя страданія чувствъ бываютъ, кажется, слѣдующія: 1) Страданія голода и жажды, или непріятныя ощущенія, производимыя недостаткомъ нужныхъ веществъ, которыя должны входить въ пищепріемный каналъ. 2) Страданія вкуса: или непріятныя ощущенія, производимыя прикосновеніемъ различныхъ веществъ къ нёбу и другимъ верхнимъ частямъ того же канала. 3) Страданія органа обонянія, или непріятныя ощущенія, производимыя частицами разныхъ веществъ, когда они касаются этого органа. 4) Страданія осязанія, или непріятныя ощущенія, производимыя прикосновеніемъ разныхъ веществъ къ кожѣ. 5) Простыя страданія слуха, или непріятныя ощущенія, возбуждаемыя въ органѣ этого чувства разными родами звуковъ, независимо (какъ прежде) отъ ассоціаціи. 6) Простыя страданія зрѣнія, или не-

пріятныя ощущенія, если такія бываютъ, которыя могутъ быть возбуждены въ органѣ этого чувства видимыми образами, независимо отъ принципа ассоціаціи. [1]) 7. Страданія, происходящія отъ чрезмѣрнаго жара или холода, если только они не относятся къ осязанію. 8) Страданія болѣзни, или острыя и тягостныя ощущенія, происходящія отъ разныхъ болѣзней и нездоровья, которымъ подвержена человѣческая природа. 9) Страданіе упражненія, тѣлеснаго или умственнаго, или тягостное ощущеніе, которое можетъ сопровождать всякое большое усиліе и ума и тѣла.

XXII.

3. [2]) Страданія неловкости — тѣ, которыя происходятъ иногда отъ безуспѣшнаго усилія примѣнить къ дѣлу какое-нибудь частное орудіе наслажденія или безопасности, или отъ трудности, которую человѣкъ испытываетъ при такомъ примѣненіи.

XXIII.

4. Страданія вражды—тѣ, которыя могутъ сопровождать убѣжденіе человѣка, что онъ подверженъ недоброжелательству того или другаго отдѣльнаго лица или лицъ въ частности, или что онъ съ нимъ или съ ними въ дурныхъ отношеніяхъ,—и, вслѣдствіе этого, что онъ подверженъ какимъ-нибудь страданіямъ, которыхъ это лицо можетъ быть причиной.

XXIV.

5. Страданія дурнаго имени—тѣ, которыя сопровождаютъ убѣжденіе

---

[1]) Удовольствіе половаго чувства, кажется, не имѣетъ соотвѣтственнаго ему положительнаго страданія: оно имѣетъ только страданіе лишенія, или страданіе умственнаго класса, страданіе неудовлетвореннаго желанія. Если отъ недостатка такого удовольствія происходитъ какое-нибудь положительное страданіе тѣла, то это относится къ разряду страданій болѣзни. Б.

[2]) Удовольствія новизны не имѣютъ соотвѣтственныхъ имъ положительныхъ страданій. Страданіе, испытываемое человѣкомъ, когда онъ не знаетъ, что ему съ собой дѣлать, и выражаемое по-французски словомъ ennui (скука) есть страданіе лишенія,—страданіе, происходящее отъ отсутствія не только удовольствій новизны, но и всякихъ удовольствій вообще.

Удовольствія богатства также не имѣютъ соотвѣтственныхъ имъ положительныхъ страданій; единственныя страданія, противоположныя имъ, суть страданія лишенія. Если отъ отсутствія богатства происходятъ какія-нибудь положительныя страданія, они могутъ быть отнесены къ какому-нибудь другому классу положительныхъ страданій; главнымъ образомъ къ страданіямъ чувствъ. Напримѣръ отъ недостатка пищи происходятъ страданія голода; отъ недостатка одежды—страданія холода, и т. д. Б.

*

человѣка, что онъ подверженъ или можетъ быть подверженъ недоброжелательству окружающихъ его людей. Они могутъ также назваться страданіями дурной репутаціи, безчестія, или страданіями нравственной санкціи.

XXV.

6. Страданія благочестія — тѣ, которыя сопровождаютъ убѣжденіе человѣка, что онъ подверженъ неблаговоленію Высшаго Существа,—и, вслѣдствіе того, подверженъ извѣстнымъ страданіямъ, посылаемымъ Его особенными рѣшеніями, въ настоящей жизни или въ будущей. Они могутъ быть также названы страданіями религіи, страданіями религіознаго расположенія или страданіями религіозной санкціи. Когда это убѣжденіе считается основательнымъ, эти страданія называются обыкновенно религіознымъ ужасомъ; когда оно считается мало основательнымъ, — суевѣрнымъ ужасомъ.

XXVI.

7. Страданія благосклонности — тѣ, которыя происходятъ отъ зрѣлища какихъ-нибудь страданій, предполагаемыхъ у другихъ существъ. Они могутъ назваться также страданіями доброжелательства или симпатіи, или страданіями благосклонныхъ или общественныхъ чувствованій.

XXVII.

8. Страданія неблагосклонности—тѣ, которыя происходятъ отъ зрѣлища какихъ-нибудь удовольствій, предполагаемыхъ у другихъ существъ, которыя составляютъ предметъ нелюбви человѣка. Они могутъ также назваться страданіями недоброжелательства, антипатіи или страданіями неблагосклонныхъ и необщественныхъ чувствованій.

XXIII.

9. Страданія памяти могутъ основываться на каждомъ изъ вышеупомянутыхъ родовъ, на каждомъ изъ страданій лишенія и изъ страданій положительныхъ. Они вполнѣ соотвѣтствуютъ удовольствіямъ памяти.

XXIX.

10. Страданія воображенія также могутъ основываться на каждомъ изъ вышеупомянутыхъ родовъ, какъ страданій лишенія, такъ и положительныхъ страданій: въ другихъ отношеніяхъ они вполнѣ соотвѣтствуютъ удовольствіямъ воображенія.

XXX.

11. Страданія ожиданія могутъ основываться на каждомъ изъ вышеупомянутыхъ родовъ, какъ страданій лишенія, такъ и положительныхъ

XXI.

15. Симпатическая наклонность относится къ разряду лицъ, которыя составляютъ предметъ симпатіи человѣка, и актовъ или другихъ обстоятельствъ, относящихся къ лицамъ, которыя возбуждаютъ симпатію. Эти предметы симпатіи могутъ быть: 1) Извѣстныя отдѣльныя лица. 2) Какой-нибудь второстепенный классъ лицъ. 3) Цѣлая нація. 4) Человѣчество вообще. 5) Все чувствующее твореніе. Смотря по тому, чѣмъ многочисленнѣе предметы симпатіи, можно сказать, что расширяется и то чувствованіе (affection), къ которому человѣкъ имѣетъ наклонность.

XXII.

16, 17. Антипатическая чувствительность и антипатическія наклонности составляютъ прямую противоположность симпатической чувствительности и наклонностей. Подъ антипатической чувствительностью надо понимать склонность человѣка извлекать страданіе изъ счастія другихъ чувствующихъ существъ, и удовольствіе изъ ихъ несчастія.

XXIII.

18. Обстоятельство безумія соотвѣтствуетъ обстоятельству тѣлеснаго несовершенства. Впрочемъ, оно допускаетъ гораздо меньше разнообразія, такъ какъ душа (сколько мы можемъ замѣтить) есть вещь недѣлимая, въ которой нельзя различать частей какъ въ тѣлѣ. Тѣ меньшія степени несовершенства, которымъ можетъ быть подверженъ умъ, кажется, заключаются въ упомянутыхъ выше разрядахъ невѣжества, слабости ума, раздражительности и непостоянства,—или въ другихъ, которые къ нимъ сводятся. Здѣсь мы имѣемъ въ виду тѣ чрезвычайные виды и степени умственнаго несовершенства, которые, гдѣ бы ни имѣли мѣсто, столько же замѣтны и несомнительны, какъ хромота или слѣпота въ тѣлѣ, и которыя дѣйствуютъ, повидимому, отчасти производя чрезвычайную степень вышеупомянутыхъ несовершенствъ, отчасти давая чрезвычайный и противный здравому смыслу размѣръ наклонностямъ.

XXIV.

19. Подъ обыкновенными занятіями человѣка надо понимать, въ этомъ случаѣ, какъ тѣ, которыя онъ производитъ для выгодъ, такъ и тѣ, которымъ онъ отдается для настоящаго удовольствія. Разсмотрѣніе самой выгоды, относится къ разсмотрѣнію денежныхъ обстоятельствъ. Очевидно, что если какимъ-нибудь образомъ наказаніе или другая возбуждающая причина отнимаютъ у человѣка возможность продолжать какое-нибудь подобное занятіе, онѣ должны быть отъ этого тѣмъ больше

огорчительны. Хотя обыкновенныя занятія человѣка относительно причинности (т. е. относительно своего происхожденія) тѣсно связаны съ направленіемъ его наклонностей, они не должны однако считаться именно тѣмъ же самымъ обстоятельствомъ. Извѣстная забава или средство полученія выгоды могутъ быть предметомъ наклонностей человѣка и могутъ никогда не быть предметомъ его обыкновенныхъ занятій: потому что, хотя бы онъ и желалъ производить ихъ, онъ, можетъ быть, никогда ихъ не производилъ, такъ какъ это было внѣ его власти: обстоятельство, которое можетъ сдѣлать большую разницу въ дѣйствіи какого-нибудь случая, по которому человѣку приходится отъ нихъ отказаться.

XXV.

20. Говоря о денежныхъ обстоятельствахъ, я разумѣю ту пропорцію, въ которой средства человѣка относятся къ его потребностямъ, или цѣлая сумма его средствъ всякаго рода—къ цѣлой суммѣ его потребностей всякаго рода. Средства человѣка зависятъ вообще отъ трехъ обстоятельствъ: 1) Его собственности. 2) Прибыли отъ его труда. 3) Его связей путемъ поддержки. Его потребности зависятъ, кажется, отъ четырехъ обстоятельствъ: 1) Его тратъ. 2) Его связей относительно тягостей. 3) Какой-нибудь настоящей случайной нужды. 4) Силы его ожиданія. Подъ собственностью человѣка разумѣется все, что онъ имѣетъ въ запасѣ независимо отъ своего труда. Подъ прибылью отъ труда *разумѣется возрастающая прибыль. Что касается до труда*, онъ можетъ быть или преимущественно тѣлесный, или преимущественно умственный, или и тотъ и другой безразлично; и все равно, какимъ бы образомъ и къ какому предмету трудъ ни прилагался, если только онъ приноситъ прибыль. Подъ связями человѣка относительно поддержки разумѣется денежная поддержка всякаго рода, какую онъ можетъ получить отъ лицъ, отъ которыхъ, по какой-нибудь причинѣ и въ какомъ бы то ни было размѣрѣ, онъ имѣетъ причины ожидать даровой поддержки своего существованія; какъ напр. отъ родителей, покровителей и родственниковъ. Ясно, кажется, что человѣкъ можетъ не имѣть никакихъ другихъ средствъ, кромѣ этого. То, что ему нужно, онъ долженъ имѣть или отъ себя, или отъ другихъ людей: если отъ другихъ, то или даромъ или за плату. Что касается до тратъ, то извѣстно, что желанія человѣка въ значительной степени управляются его нравами. Много бываетъ случаевъ, когда желаніе (а слѣдовательно и связанное съ нимъ страданіе лишенія) можетъ даже вовсе не существовать, развѣ только относительно прежняго наслажденія. Подъ связями человѣка относительно тягостей разумѣется всякая трата, на какую онъ имѣетъ причины

считать себя обязаннымъ для помощи тѣмъ, кто по закону или по всеобщему обычаю считаются вправѣ ожидать отъ него помощи; напримѣръ, дѣти, бѣдные родственники, престарѣлые слуги и всякіе другіе зависимые люди. Что касается до настоящей случайной нужды, то очевидно, что бываютъ случаи, когда данная сумма несравненно дороже человѣку, чѣмъ была бы въ другое время; когда, напримѣръ, въ случаѣ крайности, человѣкъ нуждается въ особенной медицинской помощи, или когда нуждается въ деньгахъ на веденіе процесса, отъ котораго зависитъ все его существованіе, или когда онъ жилъ, въ ожиданіи его конца, въ отдаленномъ мѣстѣ и нуждается въ средствахъ для переѣзда. Въ подобныхъ случаяхъ всякая степень богатства или бѣдности можетъ имѣть, въ денежномъ отношеніи, дѣйствіе весьма различное отъ того, какое та же степень могла бы имѣть въ другое время. Относительно силы ожиданія; когда одинъ человѣкъ ожидаетъ пріобрѣсть или сберечь какую-нибудь вещь, а другой не ожидаетъ этого, ясно, что обстоятельство неимѣнія этой вещи будетъ дѣйствовать на перваго вовсе не такъ, какъ на послѣдняго; который, въ самомъ дѣлѣ, обыкновенно и не подвергается никакому дѣйствію этого обстоятельства.

XXVI.

21. *Подъ связями человѣка путемъ симпатіи я разумѣю* число и свойства лицъ, въ благосостояніи которыхъ онъ принимаетъ такое участіе, что идея ихъ счастія можетъ доставить ему удовольствіе, а идея ихъ несчастія—страданіе; напримѣръ, какъ его жена, дѣти, родители, близкіе родственники и лучшіе друзья. Этотъ классъ людей, большей частью, будетъ очевидно заключать два класса, имѣющіе отношеніе къ денежнымъ обстоятельствамъ человѣка: именно людей, отъ средствъ которыхъ онъ можетъ ожидать поддержки самъ, и людей, нужды которыхъ ложатся тягостью на него самаго. Но ясно, что, кромѣ того, этотъ классъ можетъ также включать и другихъ людей, съ которыми онъ не имѣетъ никакой подобной денежной связи; и даже относительно первыхъ очевидно, что денежная зависимость и единство чувствованій суть обстоятельства совершенно различныя. Слѣдовательно, разбираемыя нами связи, независимо отъ всякаго вліянія ихъ на денежныя обстоятельства человѣка, имѣютъ вліяніе на дѣйствіе всякихъ возбуждающихъ причинъ вообще. Стремленіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы увеличивать общую чувствительность человѣка; увеличивать, съ одной стороны, удовольствіе, производимое всѣми пріятными причинами, съ другой—страданіе, производимое всѣми причинами опечаливающими. Когда съ человѣкомъ случается какое-нибудь пріятное событіе, онъ въ первую минуту

естественно думаетъ объ удовольствіи, какое онъ получитъ непосредственно самъ; но вскорѣ потомъ (исключая немногихъ случаевъ, на которыхъ не стоитъ останавливаться) онъ начинаетъ думать объ удовольствіи, которое почувствуютъ его друзья, узнавъ объ этомъ: и это второстепенное удовольствіе составляетъ обыкновенно немалую прибавку къ первоначальному. Прежде всего приходитъ удовольствіе личное (self-regarding); потомъ приходитъ идея удовольствія симпатіи, которое ваше удовольствіе породитъ (по вашему предположенію) въ груди вашихъ друзей: и эта идея опять возбуждаетъ въ вась новое удовольствіе симпатіи, основанное на этомъ. Первое удовольствіе, выходящее изъ вашего собственнаго сердца, какъ изъ свѣтящаго пункта, освѣщаетъ сердца вашихъ друзей; отраженное отсюда, оно съ увеличившейся теплотой возвращается къ первому пункту, изъ котораго оно вышло: точно также страданія.

И это дѣйствіе зависитъ не вполнѣ отъ привязанности. Между близкими родственниками, хотя бы между ними вовсе не было дружбы, удовольствія и страданія нравственной санкціи быстро распространяются посредствомъ особаго рода симпатіи: никакая честь или безчестіе не могутъ упасть на человѣка, не распространившись на извѣстное разстояніе въ кругу его семейства. То, что доставляетъ честь отцу, доставляетъ честь и сыну: что приноситъ безчестіе отцу, приноситъ безчестіе и сыну. Причина этого страннаго и повидимому безсмысленнаго обстоятельства (т. е. его аналогія съ остальными явленіями человѣческаго ума) не относится къ нашему настоящему предмету. Достаточно, если обстоятельство остается внѣ спора.

XXVII.

22. О связяхъ человѣка путемъ антипатіи нѣтъ ничего особеннаго замѣтить. Къ счастью, въ человѣческой природѣ нѣтъ никакого первобытнаго и постояннаго источника антипатіи, какъ есть источникъ симпатіи. Нѣтъ постоянныхъ разрядовъ лицъ, которые бы естественно и сами собой становились предметомъ антипатіи человѣка, какъ есть такіе предметы для противоположнаго чувства. Впрочемъ, въ теченіе человѣческой жизни по разнымъ случаямъ можетъ возникать слишкомъ много этихъ источниковъ; и всегда, когда это бываетъ, это обстоятельство можетъ имѣть весьма значительное вліяніе на дѣйствіе разныхъ возбуждающихъ причинъ. Напримѣръ, какъ съ одной стороны наказаніе, которое стремится отдѣлить человѣка отъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ связанъ симпатіей, такъ съ другой стороны наказаніе, которое стремится ввести его въ общество тѣхъ, къ кому онъ относится съ антипатіей, будутъ, по этой

самой причинѣ, еще болѣе отяготительны. Надобно замѣтить, что и самая симпатія умножаетъ источники антипатіи. Симпатія къ вашему другу порождаетъ антипатію съ вашей стороны противъ всѣхъ тѣхъ, кто составляетъ предметъ антипатіи для него,—и порождаетъ въ васъ симпатію къ тѣмъ, кто составляетъ предметъ его симпатіи. Такимъ же образомъ антипатія умножаетъ источники симпатіи; хотя, обыкновенно-быть можетъ, скорѣе умножаетъ въ меньшей степени. Антипатія къ вашему врагу способна породить симпатію съ вашей стороны къ тѣмъ, кто составляетъ предметъ антипатіи для него, также какъ—породить антипатію къ тѣмъ, кто для него составляетъ предметъ симпатіи.

XXVIII.

23. До сихъ поръ мы говорили объ обстоятельствахъ, которыя оказываютъ вліяніе на дѣйствіе какой-нибудь возбуждающей причины, когда они прилагаются при данномъ случаѣ и въ данный періодъ. Но кромѣ этихъ постороннихъ случайностей есть другія обстоятельства относительно человѣка, которыя могутъ имѣть свое вліяніе и которыя современны его рожденію. Вопервыхъ, всѣ кажется согласны, что въ первоначальномъ складѣ и тканяхъ тѣла каждаго человѣка есть нѣчто, вслѣдствіе чего человѣкъ, независимо отъ всѣхъ являющихся впослѣдствіи обстоятельствъ, бываетъ воспріимчивъ къ дѣйствію причинъ, производящихъ тѣлесное удовольствіе или страданіе, инымъ способомъ, чѣмъ бываетъ воспріимчивъ къ тому же дѣйствію другой человѣкъ. Поэтому, къ списку обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на чувствительность человѣка, мы можемъ прибавить первоначальный или основной складъ, строеніе или темпераментъ его тѣла.

XXIX.

24. Далѣе, довольно общепринято, что и въ первоначальномъ складѣ и строеніи ума (frame or texture of mind) каждаго человѣка есть нѣчто, что, независимо отъ всѣхъ внѣшнихъ и впослѣдствіи являющихся обстоятельствъ и даже независимо отъ основнаго склада его тѣла, дѣлаетъ человѣка воспріимчивымъ къ дѣйствію однихъ и тѣхъ же возбуждающихъ причинъ, иначе, чѣмъ бываетъ воспріимчивъ другой человѣкъ. Поэтому, къ списку обстоятельствъ, имѣющихъ вліяніе на чувствительность человѣка, мы можемъ дальше прибавить первоначальный или основной складъ, строеніе или темпераментъ ума или духа.

XXX.

Довольно извѣстно въ тоже время, что чувствительность человѣка къ причинамъ, производящимъ удовольствіе и страданіе, даже умствен-

ные, могутъ въ значительной степени зависѣть отъ его основнаго и пріобрѣтеннаго склада тѣла. Но мы не имѣемъ никакого резона думать, что это можетъ зависѣть вполнѣ отъ этого склада: потому что, съ одной стороны, мы видимъ людей, совершенно сходныхъ по складу тѣла и весьма различныхъ относительно ихъ умственнаго склада, и, съ другой стороны, видимъ людей, совершенно сходныхъ по складу ума и весьма различныхъ относительно ихъ тѣлеснаго склада.

XXXI.

Неоспоримо кажется также, что разные разряды внѣшнихъ событій, которыя могутъ случиться съ человѣкомъ въ теченіе его жизни, составятъ большое различіе въ послѣдующемъ складѣ его ума въ данный періодъ, хотя эти различія не должны быть приписываемы только однимъ подобнымъ событіямъ. Отъ истины одинаково кажется далеки и то мнѣніе (если только оно можетъ быть поддерживаемо), которое все приписываетъ природѣ, и то, которое все приписываетъ воспитанію. Потому эти два обстоятельства останутся различными какъ одно отъ другаго, такъ и отъ всѣхъ прочихъ.

XXXII.

Впрочемъ, какъ они ни различны, очевидно, что ни въ одномъ періодѣ дѣятельной части человѣческой жизни ни то, ни другое изъ этихъ обстоятельствъ не можетъ дѣйствовать одно и отдѣльно. Природа и воспитаніе составляютъ только скрытую основу, на которой дѣйствуютъ другія привходящія обстоятельства; и какое бы вліяніе ни имѣли эти первоначальные принципы, они такъ видоизмѣняются и какъ будто покрываются этими другими обстоятельствами, что ихъ становится невозможно отличить и отдѣлить. Дѣйствіе одного вліянія совершенно смѣшивается съ дѣйствіемъ другаго.

XXXIII.

Движенія тѣла считаются, и справедливо, вѣроятными признаками температуры духа. Но они еще далеко не даютъ окончательнаго вывода. Напримѣръ, человѣкъ можетъ представить внѣшніе признаки огорченія, вовсе не огорчаясь на дѣлѣ или по крайней мѣрѣ не огорчаясь въ той степени, какъ показываетъ. Оливеръ Кромвель, поведеніе котораго показываетъ сердце болѣе обыкновеннаго суровое, могъ проливать замѣчательно изобильныя слезы. Многіе люди могутъ выказывать внѣшніе признаки чувствительности съ весьма незначительнымъ количествомъ дѣйствительнаго чувства. И женщины обыкновенно легче, чѣмъ мужчины: отсюда обыкновенное выраженіе о женскихъ слезахъ. Владѣть собой

въ этомъ отношенiи было характеристическимъ умѣньемъ древнихъ ораторовъ и до сихъ поръ остается умѣньемъ актеровъ нашего времени.

XXXIV.

Остающiяся обстоятельства относительно упомянутыхъ выше обстоятельствъ, могутъ быть названы второстепенными влiяющими обстоятельствами. Правда, они имѣютъ влiянiе на количество или наклонность чувствительности человѣка, но только средствами первичныхъ обстоятельствъ. Отношенiе этихъ двухъ родовъ обстоятельствъ состоитъ въ томъ, что первичныя совершаютъ дѣло, между тѣмъ какъ второстепенныя бываютъ больше открыты для наблюденiя. Оттого объ этихъ второстепенныхъ обыкновенно больше и говорятъ; поэтому необходимо сказать и объ нихъ: между тѣмъ какъ ихъ влiянiе можетъ быть объяснено только посредствомъ первичныхъ, а влiянiе первичныхъ можетъ быть достаточно ясно и безъ всякаго упоминанiя о второстепенныхъ.

XXXV.

25. Изъ тѣхъ первоначальныхъ видоизмѣненiй тѣлеснаго склада, которыя могутъ, повидимому, оказывать влiянiе на количество или наклонность чувствительности, самыя очевидныя и замѣтныя—тѣ, которыя производитъ полъ. Относительно количества, чувствительность женскаго пола бываетъ вообще больше, чѣмъ мужскаго. Здоровье женщины болѣе деликатно, чѣмъ здоровье мужчины: относительно силы и крѣпости тѣла, относительно количества и качества знанiй, относительно силы умственныхъ способностей и твердости характера, она обыкновенно ниже; нравственная, религiозная, симпатическая и антипатическая чувствительность въ ней обыкновенно сильнѣе, чѣмъ въ мужчинѣ. Качество ея знанiй и направленiе ея наклонностей обыкновенно во многихъ отношенiяхъ различны. Ея нравственныя наклонности также въ нѣкоторыхъ отношенiяхъ замѣчательно различны: напримѣръ, цѣломудрiе, скромность и деликатность въ женщинѣ цѣнятся больше, чѣмъ мужество; мужество цѣнится больше всѣхъ этихъ качествъ въ мужчинѣ. Религiозныя наклонности двухъ половъ не могутъ быть особенно различны, исключая того, что женщина скорѣе бываетъ наклонна къ суевѣрiю, къ внѣшнимъ обрядностямъ, которыхъ не требуетъ принципъ пользы, — различiе, которое можетъ быть довольно хорошо объяснено нѣкоторыми изъ упомянутыхъ выше обстоятельствъ. Ея симпатическiя наклонности во многомъ отличны отъ мужскихъ: къ ея собственнымъ дѣтямъ въ теченiе всей ихъ жизни, и къ маленькимъ дѣтямъ вообще, женщина обыкновенно привязана сильнѣе, чѣмъ мужчина. Ея привязанности менѣе

способны расширяться: онѣ рѣдко расширяются дотого, чтобы обнимать благосостояніе ея отечества вообще, и въ гораздо меньшей степени бываютъ способны обнимать благо человѣчества или все чувствующее твореніе; онѣ рѣдко обнимаютъ какой-нибудь обширный классъ даже ея собственныхъ соотечественниковъ, — развѣ только въ силу ея симпатіи къ нѣсколькимъ отдѣльнымъ лицамъ, которые принадлежатъ къ этому классу. Ея антипатическія, какъ и симпатическія наклонности вообще менѣе способны сообразоваться съ принципомъ пользы, чѣмъ наклонности мужчины: что зависитъ главнымъ образомъ отъ нѣкоторой недостаточности въ знаніяхъ, въ сужденіи и пониманіи. Ея обыкновенныя занятія забавляющаго рода способны во многихъ отношеніяхъ отличаться отъ занятій мужчины. Относительно ея связей путемъ симпатіи не можетъ быть различія. Относительно денежныхъ обстоятельствъ,— по обычаю, быть можетъ, всѣхъ странъ,— она вообще менѣе независима.

XXXVI.

26. Возрастъ естественно раздѣляется на различные періоды, число и границы которыхъ опредѣляются далеко не одинаково. Для настоящей цѣли его можно раздѣлить на: 1) Дѣтство. 2) Отрочество. 3) Юность. 4) Зрѣлость. 5) Старость. 6) Дряхлость. Было бы безполезно въ настоящемъ случаѣ изслѣдовать каждый періодъ и наблюдать его признаки относительно нѣкоторыхъ первичныхъ обстоятельствъ, только-что разсмотрѣнныхъ нами. Дѣтство и дряхлость обыкновенно ниже прочихъ періодовъ относительно здоровья, силы, крѣпости и такъ далѣе. Въ дѣтствѣ со стороны женщины несовершенства этого пола увеличиваются; со стороны мужчины несовершенства бываютъ большей частью сходны по качеству, но бываютъ больше по количеству, въ сравненіи съ несовершенствами, сопровождающими отрочество, юность и зрѣлость въ женщинѣ. Въ состояніи дряхлости оба пола впадаютъ опять во многія несовершенства дѣтскаго возраста. Общность этихъ замѣчаній легко можетъ быть исправлена при обзорѣ частностей.

XXXVII.

27. Званіе, или общественное положеніе въ жизни, есть такое обстоятельство, которое между цивилизованными людьми подвергается обыкновенно многообразнымъ варіаціямъ. Caeteris paribus, количество чувствительности бываетъ, повидимому, больше въ высшихъ классахъ людей, чѣмъ въ низшихъ. Первичныя обстоятельства, относительно которыхъ это второстепенное обстоятельство можетъ привести или указать разницу, главнымъ образомъ кажется слѣдующія: 1) Количество

и качество знаній. 2) Сила ума. 3) Направленіе наклонностей. 4) Нравственная чувствительность. 5) Нравственныя наклонности. 6) Религіозная чувствительность. 7) Религіозныя наклонности. 8) Симпатическая чувствительность. 9) Симпатическія наклонности. 10) Антипатическая чувствительность. 11) Антипатическія наклонности. 12) Обыкновенныя занятія. 13) Свойство и производительность средствъ человѣка къ существованію. 14) Связи относительно прибыли. 15) Обыкновенныя траты. 16) Связи относительно тягостей. Человѣкъ съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ часто будетъ имѣть много зависимыхъ людей кромѣ тѣхъ, которыхъ зависимость есть результатъ естественнаго родства. Что касается до здоровья, силы и крѣпости, — если званіе и имѣетъ какое-нибудь вліяніе на эти обстоятельства, то только отдаленное, главнымъ образомъ чрезъ то вліяніе, какое оно можетъ имѣть на обыкновенныя занятія человѣка.

XXXVIII.

28. Вліяніе воспитанія еще болѣе обширно. Воспитаніе стоитъ на основаніи, нѣсколько отличномъ отъ основанія обстоятельствъ возраста, пола и общественнаго положенія. Хотя вліяніе обстоятельствъ, обозначаемыхъ этими послѣдними словами, главнымъ образомъ, если не вполнѣ, совершается чрезъ посредство какихъ-нибудь изъ вышеупомянутыхъ первичныхъ обстоятельствъ, каждое изъ этихъ словъ представляетъ однако обстоятельство, которое имѣетъ свое отдѣльное существованіе. Иное надо сказать о словѣ воспитаніе,—которое не имѣетъ никакого дальнѣйшаго значенія кромѣ того, что оно напоминаетъ какое-нибудь одно или многія изъ этихъ первичныхъ обстоятельствъ. Воспитаніе можетъ быть раздѣляемо на физическое и духовное (mental), воспитаніе тѣла и воспитаніе духа; далѣе, духовное дѣлится на умственное (intellectual) и нравственное, образованіе пониманія и образованіе чувствованій. Человѣкъ получаетъ свое воспитаніе частью отъ другихъ, частью отъ самого себя. Такимъ образомъ воспитаніе выражаетъ собой не больше какъ положеніе человѣка относительно этихъ первичныхъ обстоятельствъ, происходящее отчасти отъ руководства и пріемовъ другихъ людей, главнымъ образомъ тѣхъ, кто господствовалъ надъ нимъ въ первое время его жизни, отчасти отъ него самого. Къ физической сторонѣ его воспитанія принадлежатъ обстоятельства здоровья, силы и крѣпости, иногда, при случаѣ, обстоятельство тѣлеснаго несовершенства, такъ какъ здѣсь неумѣренность или небрежность могутъ нанести человѣку неисправимый вредъ. Къ умственной сторонѣ воспитанія принадлежатъ обстоятельства количества и качества знанія, и въ извѣстной степени,

быть можетъ, также твердости характера и постоянства. Къ нравственной относится направленіе его наклонностей, количество и качество его нравственной, религіозной, симпатической и антипатической чувствительности. Ко всѣмъ тремъ вѣтвямъ безразлично, но подъ высшимъ контролемъ внѣшнихъ случаевъ жизни, принадлежатъ его обыкновенныя занятія, его собственность, средства существованія, его связи относительно прибыли и тягостей и его обыкновенныя траты. Въ самомъ дѣлѣ, относительно всѣхъ этихъ пунктовъ вліяніе воспитанія видоизмѣняется, болѣе или менѣе замѣтно, вліяніемъ внѣшнихъ случаевъ; и почти совсѣмъ незамѣтно и совершенно внѣ возможности разсчета, оно видоизмѣняется первобытнымъ складомъ и строеніемъ какъ тѣла, такъ и духа.

XXXIX.

29. Изъ внѣшнихъ обстоятельствъ, видоизмѣняющихъ вліяніе воспитанія, главныя—тѣ, которыя принадлежатъ климату [1]). Это обстоятельство выдвигается впередъ и требуетъ отдѣльнаго названія нетолько по обширности его вліянія, но и потому, что оно замѣтно для каждаго и прилагается вдругъ къ большому числу людей безразлично. По своей сущности это обстоятельство зависитъ отъ положенія той части земли, о которой идетъ дѣло, относительно хода цѣлой планеты въ ея обращеніи вокругъ солнца; но по своему вліянію оно зависитъ отъ состоянія тѣлъ, составляющихъ въ этомъ мѣстѣ земную поверхность, главнымъ образомъ отъ количества чувствительной теплоты въ разные періоды и отъ плотности, чистоты, сухости или влажности окружающаго воздуха. Изъ упоминаемыхъ нами такъ часто первичныхъ обстоятельствъ только немногія развѣ не подвергаются вліянію этого второстепеннаго обстоятельства, отчасти по его очевидному дѣйствію на тѣло, отчасти по его менѣе замѣтному дѣйствію на духъ. Въ жаркихъ климатахъ здоровье человѣка можетъ быть менѣе прочно, чѣмъ въ холодныхъ; его сила и крѣпость меньше; его энергія, твердость и постоянство духа меньше; и потому, непрямымъ образомъ, можетъ быть меньше и количество знанія; направленіе наклонностей бываетъ иное и чрезвычайно замѣчательно иное по гораздо большей склонности къ по-

---

[1]) По поводу климата, Бентамъ прибавляетъ замѣчаніе, что кромѣ климата собственно должны быть здѣсь взяты въ соображеніе вообще свойства страны, не входящія въ понятіе климата, т. е. ея внѣшній видъ, степень возвышенности и т. д. Мы не приводимъ этого примѣчанія, такъ какъ вліяніе физическихъ условій всѣхъ вообще, какое имѣетъ въ виду Бентамъ въ своемъ примѣчаніи, довольно очевидно и безъ большихъ разъясненій.

ловымъ наслажденiямъ и болѣе раннему появленiю этой склонности; чувствительность всякаго рода бываетъ болѣе напряженная; обыкновенныя занятiя предпочитаютъ больше лѣнь, чѣмъ дѣятельность; основной складъ тѣла менѣе силенъ и вѣроятно менѣе крѣпокъ; основной складъ ума менѣе силенъ, менѣе твердъ и менѣе постояненъ.

XL.

30. Другой предметъ въ спискѣ второстепенныхъ обстоятельствъ есть племя,—нацiональность или порода, отъ которой человѣкъ происходитъ. Это обстоятельство, независимо отъ климата, вообще производитъ нѣкоторую разницу въ основномъ складѣ тѣла и духа. Человѣкъ негритянскаго племени, родившiйся во Францiи или въ Англiи, есть существо, весьма отличное во многихъ отношенiяхъ отъ человѣка французской или англiйской расы. Человѣкъ испанскаго племени, родившiйся въ Мексикѣ или Перу, въ самый часъ своего рожденiя есть существо, во многихъ отношенiяхъ весьма отличное отъ природнаго мексиканца или перуанца. Это обстоятельство, независимо отъ климата, общественнаго положенiя, воспитанiя и отъ двухъ только-что упомянутыхъ обстоятельствъ, дѣйствуетъ главнымъ образомъ чрезъ посредство нравственныхъ, религiозныхъ, симпатическихъ и антипатическихъ наклонностей.

XLI.

31. *Предпослѣднее* обстоятельство есть образъ правленiя, подъ которымъ человѣкъ живетъ въ данное время или, скорѣе, подъ которымъ онъ всего больше привыкъ жить. Это обстоятельство дѣйствуетъ главнымъ образомъ чрезъ посредство воспитанiя: правитель или общественная власть дѣйствуетъ въ качествѣ опекуна на всѣхъ членовъ общества, давая направленiе ихъ надеждамъ и ихъ страхамъ. Въ самомъ дѣлѣ, при заботливомъ и внимательномъ правительствѣ, обыкновенный учитель, даже самъ родитель, есть какъ будто только довѣренный человѣкъ правителя: его контролирующее влiянiе, отличное въ этомъ отношенiи отъ влiянiя обыкновеннаго учителя, живетъ съ человѣкомъ до самаго конца его жизни. Дѣйствiя этой особенной власти правителя (какого бы то ни было) въ особенности обнаруживаются въ его влiянiи на количество и наклонности нравственной, религiозной, симпатической и антипатической чувствительности человѣка. При хорошо устроенномъ, или даже при хорошо выполняемомъ, но дурно устроенномъ правительствѣ, нравственная чувствительность людей обыкновенно сильнѣе и ихъ нравственныя наклонности болѣе согласимы съ требованiями пользы; ихъ религiозная чувствительность часто слабѣе, но ихъ религiозныя наклонности менѣе несогласимы съ требованiями пользы; ихъ симпатическiя

наклонности шире и направлены больше къ оффиціальной власти, чѣмъ къ небольшимъ партіямъ или отдѣльнымъ лицамъ, и больше къ цѣлому обществу, чѣмъ къ тѣмъ или другимъ; ихъ антипатическая чувствительность менѣе пылка и болѣе подчиняется вліянію хорошо направленныхъ нравственныхъ наклонностей и менѣе способна возбуждаться вліяніемъ дурно направленныхъ религіозныхъ наклонностей; ихъ антипатическія наклонности болѣе согласимы съ хорошо направленными нравственными наклонностями, болѣе способны (относительно) основываться на широкихъ и симпатическихъ чувствованіяхъ, чѣмъ на узкихъ и эгоистическихъ, и слѣдовательно, въ цѣломъ, болѣе согласимы съ требованіями пользы.

XLII.

32. Послѣднее обстоятельство есть религіозное исповѣданіе, которое принимаетъ человѣкъ, религіозное братство, въ которомъ онъ состоитъ членомъ. Это обстоятельство дѣйствуетъ главнымъ образомъ чрезъ посредство религіозной чувствительности и религіозныхъ наклонностей. Впрочемъ, оно, какъ болѣе или менѣе рѣшающій признакъ, дѣйствуетъ и на нѣкоторыя другія обстоятельства. Относительно нѣкоторыхъ оно едва ли не дѣйствуетъ только чрезъ посредство двухъ упомянутыхъ обстоятельствъ; такъ, напримѣръ, относительно количества и наклонности нравственной, симпатической и антипатической чувствительности человѣка,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, относительно количества и качества знанія, силы умственныхъ способностей и направленія наклонностей. Относительно другихъ, оно можетъ дѣйствовать непосредственно само: такъ, кажется, оно дѣйствуетъ относительно обыкновенныхъ занятій человѣка, денежныхъ обстоятельствъ, связей путемъ симпатіи и антипатіи. Человѣкъ, который имѣетъ мало внутренняго уваженія къ требованіямъ религіи, какую онъ находитъ необходимымъ исповѣдывать, можетъ находить затруднительнымъ избѣгать участія въ ея церемоніяхъ и въ налагаемыхъ ею денежныхъ тягостяхъ. Сила обычая и примѣра можетъ даже побудить его быть пристрастнымъ къ людямъ того же исповѣданія и питать соотвѣтственную антипатію къ людямъ враждебнаго исповѣданія. Въ частности, антипатія къ людямъ другихъ убѣжденій есть одинъ изъ пунктовъ религіи, который люди покидаютъ всего позже. Наконецъ ясно, что религіозное исповѣданіе человѣка не можетъ не имѣть весьма значительнаго вліянія на воспитаніе. Но, разсматривая значеніе слова воспитаніе, сказать это, быть можетъ, значитъ только сказать другими словами то, что было уже сказано выше.

XLIII.

На всѣ эти обстоятельства, или на многія изъ нихъ, необходимо

обращать вниманіе, какъ скоро по какому-нибудь случаю опредѣляется какое-нибудь количество страданія или удовольствія, производимое какой-нибудь причиной. Потерпѣлъ ли человѣкъ обиду? надо разсмотрѣть эти обстоятельства, чтобы опредѣлить количество вреда, нанесеннаго преступленіемъ. Нужно ли дать ему удовлетвореніе? надо принять въ разсчетъ эти обстоятельства при обсужденіи количества удовлетворенія. Долженъ ли быть преступникъ наказанъ? надо принять въ соображеніе эти обстоятельства, чтобы оцѣнить силу впечатлѣнія; какое будетъ произведено на него даннымъ наказаніемъ.

XLIV.

Надобно замѣтить, что хотя всѣ эти обстоятельства, по той или другой причинѣ, заслуживаютъ мѣста въ спискѣ, не всѣ они имѣютъ одинаковую цѣну на практикѣ. Различныя обстоятельства приложимы къ различнымъ возбуждающимъ причинамъ. Изъ тѣхъ, которыя могутъ оказывать вліяніе на дѣйствіе одной и той же возбуждающей причины, нѣкоторыя прилагаются безразлично къ цѣлымъ классамъ людей, прилагаясь ко всѣмъ безъ всякаго замѣтнаго различія въ степени: эти обстоятельства могутъ быть прямо и довольно полно предусмотрѣны законодателемъ. Таковы, напримѣръ, первичныя обстоятельства тѣлеснаго несовершенства и безуміе; второстепенное обстоятельство пола; быть можетъ—возрастъ; и во всякомъ случаѣ—общественное положеніе, климатъ, племя и религіозное исповѣданіе. Другія обстоятельства, хотя и могутъ прилагаться къ цѣлымъ классамъ лицъ, но въ своемъ приложеніи къ разнымъ отдѣльнымъ лицамъ способны принимать, быть можетъ, безконечное разнообразіе степеней. Эти обстоятельства не могутъ быть вполнѣ предусмотрѣны законодателемъ; но такъ какъ ихъ присутствіе во всякомъ случаѣ можетъ быть замѣчено и ихъ степень можетъ быть измѣрена, то на нихъ долженъ обратить вниманіе судья, или исполнительное вѣдомство, имѣющіе возможность узнать тѣхъ людей, о которыхъ идетъ дѣло. Такъ бываетъ, напримѣръ, съ 1) Обстоятельствомъ здоровья; 2) Въ нѣкоторой степени—съ обстоятельствомъ силы; 3) Очень мало—съ обстоятельствомъ крѣпости: еще меньше—съ обстоятельствомъ количества и качества знанія, силы умственныхъ способностей, твердости и постоянства духа; исключая случая, гдѣ положеніе человѣка относительно этихъ обстоятельствъ можетъ быть указано второстепенными обстоятельствами пола, возраста или общественнаго положенія;—далѣе, едвали бываетъ такъ съ обстоятельствомъ направленія наклонностей, развѣ только это скрытное обстоятельство указывается болѣе явнымъ обстоятельствомъ обыкновенныхъ занятій; едвали—съ об-

стоятельствомъ нравственной чувствительности или наклонностей человѣка, развѣ только онѣ указываются его поломъ, возрастомъ, общественнымъ положеніемъ и воспитаніемъ;—совершенно не бываетъ съ его религіозной чувствительностью и религіозными наклонностями, развѣ только онѣ указываются религіознымъ исповѣданіемъ, къ которому человѣкъ принадлежитъ,—и не бываетъ также совершенно съ количествомъ и качествомъ симпатической и антипатической чувствительности человѣка, развѣ только ихъ можно предполагать по его полу, возрасту, общественному положенію, воспитанію, племени или религіозному исповѣданію. Такъ бываетъ, впрочемъ, съ его обыкновенными занятіями, денежными обстоятельствами и его связями путемъ симпатіи. Въ другихъ обстоятельствахъ или самое присутствіе этихъ обстоятельствъ не можетъ быть дознано, или степень ихъ не можетъ быть измѣрена. Потому эти послѣднія не могутъ входить въ разсчеты законодателя или исполнительной власти. Вслѣдствіе того, они могутъ имѣть притязаніе на ихъ вниманіе только ради тѣхъ второстепенныхъ обстоятельствъ, которыми они указываются и вліяніе которыхъ не могло бы быть достаточно понятно безъ нихъ. Какія эти обстоятельства, было уже упомянуто выше.

XLV.

Выше было уже замѣчено, что разныя статьи въ этомъ спискѣ обстоятельствъ прилагаются къ разнымъ возбуждающимъ причинамъ; напримѣръ, обстоятельство тѣлесной силы едвали имѣетъ какое-нибудь вліяніе само по себѣ (каково бы оно ни было окольнымъ путемъ и случайно) на дѣйствіе какого-нибудь событія, которое должно увеличить или уменьшить количество собственности человѣка. Остается разсмотрѣть, съ какими возбуждающими причинами имѣетъ дѣло законодатель. Онѣ могутъ быть всякія, по тому или другому случаю; но главнымъ образомъ онъ имѣетъ дѣло съ причинами опечаливающаго рода. Съ причинами пріятными онъ имѣетъ мало дѣла, развѣ только по какому-нибудь особому случаю: резоны этого довольно легко понять,—объяснять ихъ здѣсь было бы и слишкомъ долго. Возбуждающія причины, съ которыми главнымъ образомъ долженъ имѣть дѣло законодатель, суть, съ одной стороны, зловредныя дѣйствія, которыя онъ обязанъ предупреждать; съ другой стороны—наказанія, страхомъ которыхъ онъ стремится предупреждать ихъ. Изъ этихъ двухъ родовъ возбуждающихъ причинъ только послѣднія составляютъ его произведеніе, такъ какъ онѣ совершаются отчасти по его собственному спеціальному рѣшенію, отчасти сообразно съ его общимъ рѣшеніемъ, по спеціальному рѣшенію судьи. Поэтому, для

законодателя, также какъ и для судьи, необходимо (еслибы они знали, что̀ они дѣлаютъ, когда назначаютъ наказаніе) имѣть въ виду всѣ эти обстоятельства. Для законодателя, изъ опасенія того, что, полагая приложить извѣстное количество наказанія ко всѣмъ лицамъ, которыя бы впали въ одну и ту же категорію, онъ, самъ того не сознавая, могъ бы назначить нѣкоторымъ изъ этихъ лицъ гораздо больше или гораздо меньше наказанія, чѣмъ самъ намѣревался;—для судьи, изъ опасенія, что, прилагая къ одному частному лицу частную мѣру наказанія, онъ могъ бы назначить гораздо больше или гораздо меньше, чѣмъ было въ намѣреніи, быть можетъ, его самого, и во всякомъ случаѣ въ намѣреніи законодателя. Поэтому, каждый изъ нихъ долженъ имѣть предъ собой, съ одной стороны, списокъ разныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ имѣть вліяніе на чувствительность; съ другой стороны—списокъ разныхъ видовъ и степеней наказаній, которыя они хотятъ употребить въ дѣло: и тогда, сравнивъ то и другое, составить подробную оцѣнку вліянія каждаго изъ упоминаемыхъ обстоятельствъ на дѣйствіе каждаго вида и каждой степени наказанія.

Есть два плана или порядка распредѣленія, которымъ можно было бы послѣдовать въ составленіи этой оцѣнки. Одинъ—поставить во главѣ названіе обстоятельства и потомъ представить различныя вліянія, которыя оно имѣетъ на дѣйствіе разныхъ родовъ наказанія; другой — поставить во главѣ названіе наказанія и потомъ представить различныя вліянія, которымъ его дѣйствіе подвергается отъ разныхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ. Изъ этихъ двухъ родовъ предметовъ наказаніе есть тотъ, къ которому прежде всего направлено намѣреніе законодателя. Это—его собственное произведеніе, и оно будетъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ найдетъ нужнымъ его сдѣлать; вліяющее же обстоятельство существуетъ независимо отъ него и останется тѣмъ, что̀ оно есть, хочетъ онъ этого или нѣтъ. То, что̀ ему необходимо сдѣлать, это — установить извѣстный видъ и степень наказанія: и только относительно этого наказанія ему необходимо сдѣлать изслѣдованіе о разбираемыхъ обстоятельствахъ. Поэтому, послѣдній планъ представляется гораздо болѣе полезнымъ и удобнымъ. Но здѣсь не можетъ быть сдѣлано никакого подобнаго опредѣленія того или другаго плана [1]).

---

[1]) Это предложеніе вовсе не есть фантастическое, неисполнимое на практикѣ. Я говорю по опыту, потому что дѣйствительно составилъ подобное опредѣленіе наказаній, хотя по менѣе удобному изъ упомянутыхъ здѣсь плановъ, и прежде чѣмъ исчисленныя здѣсь обстоятельства были приведены въ опредѣленное число и порядокъ.... (См. гл. XV, пар. 2, прим.) Б.

XLVI.

Не лишнее будетъ сдѣлать родъ аналитическаго обзора разныхъ обстоятельствъ, заключающихся въ этомъ спискѣ, для того, чтобы легче было открыть, не пропущены ли въ немъ такія, какія должны бы были находиться въ немъ, и чтобы, относительно тѣхъ, которыя въ немъ находятся, видѣть, въ чемъ они отличаются и въ чемъ согласны между собой.

Вопервыхъ, ихъ можно раздѣлить на первичныя и второстепенныя: одни могутъ быть названы первичными потому, что они дѣйствуютъ непосредственно сами; другія второстепенными потому, что дѣйствуютъ только чрезъ посредство первыхъ. Къ этому послѣднему разряду принадлежатъ обстоятельства пола, возраста, общественнаго положенія, воспитанія, климата, племени, образа правленія и религіознаго исповѣданія; остальныя обстоятельства—первичныя. Въ свою очередь первичныя бываютъ или врожденныя или приходящія (connate or adventitious). Врожденныя суть основной складъ тѣла и основной складъ ума. Приходящія бываютъ или личныя или внѣшнія. Личныя опять относятся или расположеніямъ человѣка или къ его дѣйствіямъ. Тѣ, которыя относятся къ расположеніямъ, относятся или къ тѣлу или къ духу. Относящіяся къ тѣлу суть здоровье, сила, крѣпость и тѣлесное несовершенство. Относящіяся къ духу относятся или къ пониманію или къ чувствованіямъ. Къ первымъ принадлежатъ обстоятельства количества и качества знанія, силы пониманія и безумія. Къ послѣднимъ—обстоятельства твердости духа, постоянства, направленія наклонностей, нравственной чувствительности, нравственныхъ наклонностей, религіозной чувствительности, религіозныхъ наклонностей, симпатической чувствительности, симпатическихъ наклонностей, антипатической чувствительности и антипатическихъ наклонностей. Относящіяся къ дѣйствіямъ суть обыкновенныя занятія человѣка. Внѣшнія обстоятельства относятся или къ вещамъ или къ лицамъ, съ которыми человѣкъ имѣетъ дѣло: къ первымъ принадлежатъ денежныя обстоятельства; къ послѣднимъ его связи путемъ симпатіи и антипатіи.

Практическое приложеніе предъидущихъ замѣчаній. [1])

Какъ нельзя разсчитать движенія корабля не зная обстоятельствъ

[1]) Слѣдующее здѣсь добавленіе взято (и въ англійскомъ изданіи также) опять изъ Traités de Legislation Дюмона, чтобы пополнить изложеніе Бентама (Dumont, I, стр. 29—32).

имѣющихъ вліяніе на его скорость, каковы напримѣръ сила вѣтра, сопротивленіе воды, форма корабля, вѣсъ его груза и т. п., точно такъ же нельзя дѣйствовать съ увѣренностью въ законодательствѣ, не разсмотрѣвъ всѣхъ обстоятельствъ, оказывающихъ вліяніе на чувствительность.

Я ограничиваюсь здѣсь тѣмъ, что относится къ уголовному кодексу; онъ во всѣхъ своихъ частяхъ требуетъ самаго мелочнаго вниманія къ этому различію обстоятельствъ.

1. Чтобы исчислить вредъ преступленія. Въ самомъ дѣлѣ, одно и то же номинальное преступленіе не есть одно и то же преступленіе реальное, когда чувствительность оскорбленнаго лица не одна и та же. Напримѣръ, извѣстное дѣйствіе было бы тяжелой обидой для женщины, тогда какъ оно было бы индифферентно для мужчины. Извѣстное тѣлесное оскорбленіе, которое, будучи нанесено больному человѣку, подвергаетъ опасности его жизнь, не имѣетъ никакихъ послѣдствій для человѣка здороваго. Извѣстное обвиненіе, которое можетъ убить состояніе или честь одного лица, можетъ не нанести никакого вреда другому.

2. Чтобы дать должное удовлетвореніе оскорбленному лицу. Одно и то же номинальное удовлетвореніе не есть одно и то же удовлетвореніе реальное, когда чувствительность двухъ лицъ существенно различна. Денежное удовлетвореніе за обиду можетъ быть или пріятно или оскорбительно смотря по общественному положенію человѣка, его состоянію, его предразсудкамъ. Если я оскорбленъ, то публичная просьба объ извиненіи была бы для меня достаточнымъ удовлетвореніемъ со стороны высшаго или равнаго лица, но не была бы удовлетвореніемъ со стороны низшаго.

3. Чтобы оцѣнить силу и впечатлѣніе наказаній на преступниковъ. Одно и то же номинальное наказаніе не есть одно и то же наказаніе реальное, въ случаяхъ, гдѣ чувствительность бываетъ существенно различна. Изгнаніе не будетъ наказаніемъ равнымъ для молодаго человѣка и для старика, для холостяка и для отца семейства, для ремесленника, не имѣющаго средствъ существовать внѣ своей родины, и для человѣка богатаго, который перемѣнитъ только сцену своихъ удовольствій. Заключеніе не будетъ наказаніемъ равнымъ для мужчины или для женщины, для человѣка здороваго или больнаго, для богача, семейство котораго ничего не терпитъ отъ его отсутствія, или для человѣка, который живетъ своимъ трудомъ и оставляетъ семью въ бѣдности.

4. Чтобы переносить законъ изъ одной страны въ другую.

Одинъ и тотъ же законъ на словахъ не есть одинъ и тотъ же законъ на дѣлѣ, когда чувствительность двухъ народовъ существенно различна. Извѣстный законъ въ Европѣ, составляющій счастье семействъ, будучи перенесенъ въ Азію, сдѣлался бы язвой общества. Женщины, въ Европѣ, привыкли пользоваться свободой и даже домашнимъ господствомъ: въ Азіи женщины по своему воспитанію приготовлены къ тому, чтобы жить въ стѣнахъ сераля и даже въ рабствѣ. Бракъ въ Европѣ и въ Азіи не есть договоръ одного и того же рода: еслибы вздумали подчинить его однимъ законамъ, очевидно, этимъ сдѣлали бы несчастье всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ.

Одни наказанія для однихъ преступленій, говорятъ намъ. Это изреченіе имѣетъ видъ справедливости и безпристрастія, который увлекалъ всѣ поверхностные умы. Но чтобы дать ему настоящій смыслъ, надо сначала опредѣлить, что разумѣютъ подъ одними наказаніями и одними преступленіями. Законъ непоколебимый, законъ, который бы не обращалъ вниманія ни на полъ, ни на возрастъ, ни на состояніе, ни на общественное положеніе, ни на воспитаніе, ни на нравственные или религіозные предразсудки людей, такой законъ былъ бы вдвойнѣ ошибоченъ, какъ недѣйствительный и какъ тиранническій. Слишкомъ строгій для одного, слишкомъ снисходительный для другаго, всегда погрѣшающій излишествомъ или недостаточностью, онъ подъ видомъ равенства скрывалъ бы самое чудовищное неравенство.

Когда человѣкъ очень богатый и другой человѣкъ средняго достатка осуждаются на одну денежную пеню, бываетъ ли наказаніе одно и то же? терпятъ ли они одно и то же зло? Очевидное неравенство такого способа дѣйствій не становится ли болѣе ненавистнымъ отъ этого, выставляемаго какъ будто на смѣхъ, равенства? и не осталась ли цѣль закона недостигнутой, когда одинъ можетъ потерять средства къ существованію, тогда какъ другой съ торжествомъ отдѣлывается? Если сильный молодой человѣкъ и слабый старикъ будутъ оба осуждены влачить цѣпи одно и то же число лѣтъ, то резонеръ, умѣющій затемнять самыя очевидныя истины, въ состояніи будетъ утверждать равенство этого наказанія; но народъ, который не занимается софизмами, народъ, вѣрный природѣ и чувству, почувствуетъ внутренній ропотъ души при видѣ несправедливости; и его негодованіе, мѣняя свой предметъ, перейдетъ отъ преступника на судью и отъ судьи на законодателя.

Я не хочу скрывать частныхъ возраженій. «Но какъ же возможно «брать въ разсчетъ всѣ эти обстоятельства, имѣющія вліяніе на чув«ствительность? Какъ можно оцѣнить внутреннія и скрытыя располо«женія, каковы, напримѣръ, сила ума, степень знаній, наклонности,

«симпатіи? Какъ измѣрить количества, различныя во всѣхъ существахъ? «Отецъ семейства можетъ справляться съ этими внутренними располо«женіями, съ этимъ различіемъ характеровъ, имѣя дѣло съ своими «дѣтьми; но публичный преподаватель, которому поручено извѣстное «ограниченное число учениковъ, не можетъ дѣлать этого. Законодатель, «имѣющій въ виду многочисленный народъ, тѣмъ болѣе обязанъ дер«жаться общихъ законовъ, и онъ долженъ даже опасаться запутать «ихъ, нисходя къ частнымъ случаямъ. Еслибы онъ предоставилъ «судьямъ право варіировать приложеніе законовъ по этому безконеч«ному разнообразію обстоятельствъ и характеровъ, то не было бы пре«дѣловъ произволу рѣшеній: подъ предлогомъ, что они уловляютъ ис«тинный смыслъ законодателя, судьи стали бы дѣлать законъ орудіемъ «своихъ капризовъ и фантазій. Sed aliter leges, aliter philosophi «tollunt astutias: leges quatenus manu tenere possunt; philosophi «quatenus ratione et intelligentia.» De Off. 3. 17.

На это нуженъ не отвѣтъ, а только разъясненіе: потому что все это есть не столько возраженіе, сколько изображеніе трудности вопроса; здѣсь отвергается не принципъ, а только считается невозможнымъ его приложеніе.

1. Я согласенъ, что большая часть этихъ различій чувствительности неопредѣлимы, что невозможно было бы констатировать ихъ существованіе въ индивидуальныхъ случаяхъ, или измѣрить ихъ силу и степень; но, къ счастью, эти внутреннія и скрытыя расположенія имѣютъ, если можно такъ сказать, внѣшніе и очевидные признаки. Это—обстоятельства, которыя я назвалъ второстепенными: полъ, возрастъ, общественное положеніе, племя, климатъ, образъ правленія, воспитаніе, религіозное исповѣданіе; обстоятельства очевидныя и осязательныя, которыя представляютъ внутреннія расположенія. Это уже помогаетъ законодателю въ самой трудной части его дѣла. Онъ не останавливается на метафизическихъ и нравственныхъ качествахъ и имѣетъ дѣло только съ явными обстоятельствами. Онъ повелѣваетъ, напримѣръ, видоизмѣненіе того или другаго наказанія не по причинѣ большей чувствительности индивидуума, или по причинѣ его постоянства, силы души, свѣдѣній и т. п., но по причинѣ его пола и возраста. Правда, что предположенія, извлекаемыя изъ этихъ обстоятельствъ, могутъ оказываться и неточными. Можетъ случиться, что ребенокъ пятнадцати лѣтъ можетъ имѣть больше свѣдѣній, чѣмъ человѣкъ тридцати лѣтъ; можетъ случиться, что иная женщина имѣетъ больше мужества и меньше стыдливости, чѣмъ иной мужчина; но вообще эти предположенія будутъ имѣть всю необходимую вѣрность,

чтобы избѣжать составленія тиранническихъ законовъ и, въ особенности, чтобы примирить законодателя съ общественнымъ мнѣніемъ.

2. Эти второстепенныя обстоятельства не только легко понять: ихъ немного и они составляютъ общіе разряды. Изъ нихъ можно извлекать основанія для оправданія, смягченія или усиленія для различныхъ преступленій. Такимъ образомъ запутанность исчезаетъ, все легко сводится къ принципу простоты.

3. Произвола нѣтъ: не судья, а самъ законъ видоизмѣняетъ то или другое наказаніе соображаясь съ поломъ, возрастомъ, религіознымъ исповѣданіемъ и т. д. Что касается другихъ обстоятельствъ, опредѣленіе которыхъ надо вполнѣ предоставить судьѣ, напр. бо́льшую или меньшую степень разстройства умственныхъ способностей, бо́льшую или меньшую степень богатства, бо́льшую или меньшую степень родства,—то законодатель, который не можетъ ничего рѣшать о частныхъ случаяхъ, руководитъ суды общими правилами и оставляетъ имъ извѣстный просторъ, чтобы они могли соразмѣрять свои рѣшенія съ особенной природой обстоятельства.

То, что предлагается здѣсь, вовсе не есть какая-нибудь утопическая мысль. Не было такого варварскаго и такого глупаго законодателя, который бы пренебрегъ всѣми обстоятельствами, оказывающими вліяніе на чувствительность. Они имѣли болѣе или менѣе смутное чувство, которое руководило ими въ установленіи гражданскихъ и политическихъ правъ; они обращали больше или меньше вниманія на эти обстоятельства въ опредѣленіи наказаній; отсюда различія, допущенныя для женщинъ, дѣтей, свободныхъ, рабовъ, военныхъ, священниковъ и т. д.

Драконъ былъ кажется единственный законодатель, который отвергъ всѣ эти соображенія, по крайней мѣрѣ въ уголовныхъ дѣлахъ: всѣ преступленія казались ему равными, потому что всѣ они были нарушеніями закона. Онъ осудилъ всѣхъ преступниковъ безъ различія на смерть. Онъ спуталъ, онъ поставилъ вверхъ дномъ всѣ принципы человѣческой чувствительности. Его ужасное дѣло длилось не долго. Я сомнѣваюсь, чтобы его законы когда-нибудь были исполняемы буквально.

Но и не впадая въ эту крайность, сколько ошибокъ было сдѣлано въ этомъ смыслѣ! Я не кончилъ бы, еслибы сталъ перечислять примѣры. Повѣрять ли, что были государи, которые скорѣе готовы были терять провинціи, или проливать потоки человѣческой крови, чѣмъ соблюсти частную чувствительность народа, допустить обычай, самъ по себѣ индифферентный, уважить старый предразсудокъ, извѣстный покрой платья, извѣстную формулу молитвъ?

Одинъ современный государь, дѣятельный, просвѣщенный, одушев-

ленный желаніемъ славы и счастія своихъ подданныхъ [1]), рѣшился все преобразовать въ своемъ государствѣ и всѣхъ вооружилъ противъ себя. Предъ смертью, припоминая всѣ горести своей жизни, онъ хотѣлъ, чтобы на его могилѣ поставили надпись, что онъ былъ несчастливъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Для поученія потомства тамъ слѣдовало бы еще прибавить, что онъ не зналъ искусства снисходить къ наклонностямъ, вкусамъ, чувствительности людей.

Когда законодатель изучаетъ человѣческое сердце, когда онъ приноровляется къ различнымъ степенямъ, къ различнымъ родамъ чувствительности съ помощью исключеній, ограниченій, смягченій, эта умѣренность власти очаровываетъ насъ какъ отеческая снисходительность: это—основаніе тѣхъ одобреній, которыя мы даемъ законамъ, подъ немного неопредѣленными именами человѣчности, справедливости, соотвѣтственности, умѣренности, мудрости.

Я нахожу въ этомъ поразительную аналогію между искусствомъ законодателя и искусствомъ медика. Этотъ списокъ обстоятельствъ, оказывающихъ вліяніе на чувствительность, необходимъ обѣимъ этимъ наукамъ. Медикъ отличается отъ эмпирика именно этимъ вниманіемъ ко всему тому, что составляетъ частное состояніе индивидуума. Но въ болѣзняхъ духа, въ тѣхъ болѣзняхъ, гдѣ нарушена нравственная сторона, когда идетъ дѣло о томъ, чтобы превозмочь вредныя привычки и образовать новыя, именно здѣсь и необходимо въ особенности изучать все то, что имѣетъ вліяніе на расположенія больнаго. Одна ошибка въ этомъ отношеніи можетъ измѣнить всѣ результаты и усилить болѣзнь.

ГЛАВА VII.

О человѣческихъ дѣйствіяхъ вообще.

I.

Дѣло правительства состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать счастью общества, посредствомъ наказаній и наградъ. Та часть его дѣла, которая состоитъ въ наказаніи, есть въ частности предметъ уголовнаго закона. Соразмѣрно съ тѣмъ, какъ извѣстное дѣйствіе стремится нарушить это

---

[1]) Іосифъ II, императоръ австрійскій.

счастіе, соразмѣрно съ тѣмъ, насколько это стремленіе вре́дно, это дѣйствіе создастъ потребность въ наказаніи. Мы уже увидѣли, въ чемъ состоитъ счастіе: въ наслажденіи удовольствіями, въ обезпеченіи отъ страданій.

II.

Общее стремленіе извѣстнаго дѣйствія бываетъ болѣе или менѣе вредно смотря по цѣлой суммѣ его послѣдствій, т. е. смотря по разности между суммой хорошихъ послѣдствій и суммой дурныхъ.

III.

Надобно замѣтить, что здѣсь, какъ и далѣе, если говорится о послѣдствіяхъ, то всегда разумѣются только одни послѣдствія матеріальныя. Всякій актъ долженъ по необходимости имѣть разнообразное множество послѣдствій; но изъ нихъ заслуживаютъ разсмотрѣнія только матеріальныя. Далѣе, каковы бы ни были послѣдствія извѣстнаго акта, человѣкъ, который разсматриваетъ ихъ въ качествѣ законодателя, можетъ назвать матеріальными (или существенными) только такія, которыя состоятъ изъ страданія или удовольствія или имѣютъ вліяніе на произведеніе страданія или удовольствія.

IY.

Надобно также замѣтить, что въ разсчетѣ послѣдствій акта должны быть взяты нетолько такія послѣдствія, которыя могли бы произойти, еслибы намѣреніе было внѣ вопроса, но и такія, которыя зависятъ отъ связи, какая можетъ быть между этими первыми послѣдствіями и намѣреніемъ. Связь, существующая между намѣреніемъ и извѣстными послѣдствіями, какъ мы увидимъ дальше, есть средство производить другія послѣдствія. Въ этомъ лежитъ разница между дѣйствіемъ разумнымъ и неразумнымъ.

Y.

Но намѣреніе, относительно послѣдствій извѣстнаго акта, можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ: 1) Состоянія воли или намѣренія относительно самаго акта; и 2) состоянія пониманія или способностей воспріятія, относительно обстоятельствъ, которыми актъ сопровождается, или можетъ казаться, что сопровождается. Относительно этихъ обстоятельствъ, способность воспріятія можетъ имѣть три состоянія: сознательность, несознательность и ложную сознательность. Сознательность, когда сторона (дѣйствующее лицо) предполагаетъ существованіе именно тѣхъ обстоятельствъ, какія есть, а не другихъ; несознательность, когда дѣйствующее лицо не замѣчаетъ существованія извѣстныхъ обстоятельствъ, которыя однако существуютъ; ложная сознательность, когда

оно полагаетъ или воображаетъ существованіе извѣстныхъ обстоятельствъ, которыя на дѣлѣ не существуютъ.

VI.

Поэтому, при всякомъ дѣлѣ, которое разбирается съ цѣлью наказанія, должны быть разсмотрѣны четыре вещи: 1) Самый актъ, который совершенъ. 2) Обстоятельства, при которыхъ онъ совершенъ. 3) Намѣренность, которая могла сопровождать его. 4) Сознательность, несознательность или ложная сознательность, которая могла сопровождать его.

Что касается до акта и его обстоятельствъ, они будутъ разсмотрѣны въ настоящей главѣ; намѣренность и сознательность составятъ предметъ двухъ слѣдующихъ.

VII.

Есть также два другіе предмета, отъ которыхъ зависитъ общее стремленіе акта, и отъ которыхъ, какъ и отъ другихъ причинъ, зависитъ создаваемое имъ требованіе наказанія. Это — 1) особенный мотивъ, или мотивы, породившіе актъ. 2) Общее расположеніе человѣка, которое онъ указываетъ. Эти предметы будутъ разсмотрѣны въ двухъ другихъ главахъ.

VIII.

Акты могутъ быть различаемы разными способами, для разныхъ цѣлей.

Вопервыхъ, они могутъ быть различаемы на положительные и отрицательные. Подъ положительными понимаются такіе, которые состоятъ въ движеніи или какомъ-нибудь дѣйствованіи; подъ отрицательными такіе, которые состоятъ въ покоѣ, т. е. въ томъ, что человѣкъ воздерживается отъ движенія или дѣйствованія въ тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ, нанести ударъ есть актъ положительный, не наносить его при извѣстномъ случаѣ — актъ отрицательный. Положительные акты называются также актами совершенія (acts of commission); отрицательные—актами опущенія или воздержанія.

IX.

Отрицательные акты опять могутъ быть или абсолютные или относительные; абсолютные, когда они заключаютъ въ себѣ отрицаніе всякаго положительнаго дѣйствія, напр. не наносить удара вовсе; относительные, когда они заключаютъ въ себѣ отрицаніе того или другаго частнаго рода дѣйствованія, напр. не наносить удара такому-то лицу, такой-то вещи или въ такомъ-то направленіи.

X.

Надо замѣтить, что свойства акта, положительнаго или отрицатель-

наго, не должны быть опредѣляемы непосредственно по той формѣ рѣчи, которая употребляется для его выраженія. Актъ, положительный по своей природѣ, можетъ быть характеризованъ отрицательнымъ выраженіемъ; такимъ образомъ, не оставаться въ покоѣ значитъ тоже что двигаться. И точно также актъ по своей природѣ отрицательный можетъ быть характеризованъ положительнымъ выраженіемъ; такимъ образомъ, воздержаться или не хотѣть принести человѣку пищу въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, означается простымъ и положительнымъ выраженіемъ уморить голодомъ.

XI.

Вовторыхъ, акты могутъ быть различаемы на внѣшніе и внутренніе. Подъ внѣшними разумѣются тѣлесные акты, акты тѣла; подъ внутренними—умственные акты, акты ума. Такимъ образомъ, нанести ударъ есть внѣшній актъ; намѣреваться нанести ударъ — внутренній.

XII.

Акты разговора представляютъ родъ смѣшенія тѣхъ и другихъ; это—внѣшніе акты, никакимъ образомъ не матеріальные (несущественные) и не сопровождаемые какими-нибудь послѣдствіями, и служащіе только для того, чтобъ выразить существованіе внутреннихъ. Сказать кому-нибудь объ ударѣ, написать ему объ ударѣ, сдѣлать ему знакъ объ ударѣ, все это—акты разговора.

XIII.

Втретьихъ, внѣшніе акты могутъ быть различаемы на переходные и непереходные. Они могутъ назваться переходными, когда движеніе отъ лица дѣйствующаго сообщается какому-нибудь постороннему тѣлу, т. е. такому постороннему тѣлу, на которомъ слѣды этого движенія считаются матеріальными; напр. когда человѣкъ бѣжитъ навстрѣчу вамъ и проливаетъ воду вамъ въ лицо. Непереходными акты могутъ назваться тогда, когда движеніе не сообщается никакому другому тѣлу, на которомъ слѣды его считаются матеріальными, а напротивъ сообщается отчасти тому же лицу, отъ котораго актъ произошелъ; какъ напр. когда человѣкъ бѣжитъ и обливается самъ.

XIV.

Актъ переходнаго рода можетъ считаться въ своемъ началѣ, или въ первой степени своего хода, когда движеніе ограничивается лицомъ дѣйствующимъ и еще не сообщилось никакому постороннему тѣлу, на которомъ бы слѣды его могли быть матеріальными. О немъ можно

сказать, что онъ находится въ концѣ или въ послѣдней степени своего хода, какъ скоро движеніе или толчокъ сообщились какому-нибудь постороннему тѣлу. Онъ находится въ срединѣ или въ средней степени или въ степеняхъ своего хода, когда движеніе, вышедши отъ дѣйствующаго лица, еще не сообщилось такому постороннему тѣлу. Такимъ образомъ, какъ скоро человѣкъ поднялъ руку для удара, актъ нанесенія имъ удара находится въ своемъ началѣ; какъ скоро его рука достигла ударяемаго, актъ находится въ своемъ концѣ. Если актъ есть движеніе тѣла, которое отдѣляется отъ дѣйствующаго лица прежде чѣмъ достигаетъ предмета, то можно сказать, что въ теченіе этого промежутка актъ находится въ серединѣ своего хода, или *in gradu mediativo*; напр. когда человѣкъ бросаетъ въ другаго камень или стрѣляетъ пулей.

XV.

Актъ непереходнаго рода можетъ считаться въ своемъ началѣ, когда движеніе или толчокъ еще ограничивается той частью или органомъ тѣла, изъ котораго оно произошло, и еще не сообщилось никакой части или органу, который можно отличить отъ перваго: Онъ можетъ считаться въ концѣ, когда онъ былъ приложенъ къ какой-нибудь другой части того же лица. Такъ напр., когда человѣкъ отравляетъ себя, когда онъ поднесъ ядъ ко рту, актъ находится въ началѣ; какъ скоро онъ находится на его губахъ, актъ въ концѣ.

XVI.

Втретьихъ, акты могутъ быть различаемы на преходящіе и продолжительные. Такимъ образомъ, ударить есть актъ преходящій; нагибать—продолжительный. Купить—актъ преходящій; владѣть—актъ продолжительный.

XVII.

Строго говоря, есть разница между продолжительнымъ актомъ и повтореніемъ актовъ. Повтореніе актовъ бываетъ тогда, когда есть промежутки, наполняемые актами различнаго свойства; продолжительный актъ бываетъ тогда, когда такихъ промежутковъ нѣтъ. Такимъ образомъ, нагибать есть продолжительный актъ; продолжать ударять—повтореніе актовъ.

XVIII.

Далѣе, есть разница между повтореніемъ акта и привычкой или обыкновеніемъ. Выраженіе «повтореніе акта» можетъ быть употребляемо тогда, когда акты, о которыхъ идетъ рѣчь, отдѣляются только короткими промежутками и когда цѣлая сумма ихъ занимаетъ только

короткое пространство времени. Выраженіе «привычка» употребляется тогда, когда предполагается, что акты раздѣляются длинными промежутками и цѣлая сумма ихъ занимаетъ значительное количество времени. Напр. привычку пьянства составляетъ не то, что человѣкъ пилъ нѣсколько разъ, и не то, что пилъ столько-то въ одинъ разъ, въ одинъ присѣстъ; нужно, чтобы сами такіе присѣсты повторялись часто. Всякая привычка есть повтореніе актовъ; или, говоря точнѣе, когда человѣкъ часто повторяетъ такіе или другіе акты послѣ значительныхъ промежутковъ, о немъ говорятъ, что онъ предается привычкѣ или пріобрѣлъ привычку; но не всякое повтореніе актовъ уже составляетъ привычку.

XIX.

Вчетвертыхъ, акты могутъ быть дѣлимые и нераздѣльные. Нераздѣльные акты—чисто воображаемые; ихъ легко понять, но никогда нельзя найти имъ примѣровъ. Акты дѣлимые могутъ быть таковыми или относительно матеріи или относительно движенія. Нераздѣльный актъ относительно матеріи есть движеніе или покой одного отдѣльнаго атома матеріи. Нераздѣльный актъ относительно движенія есть чье-нибудь движеніе отъ одного отдѣльнаго атома пространства до другаго ближайшаго.

Впятыхъ, акты могутъ быть простые и сложные; простые, какъ напр. приведенные выше акты удара, питья; сложные, состоящіе каждый изъ множества простыхъ актовъ, которые, хотя и бываютъ многочисленны и разнородны, получаютъ нѣкоторое единство изъ ихъ отношенія къ какому-нибудь общему намѣренію или общей цѣли, какъ напр. дать обѣдъ, воспитывать ребенка, совершать тріумфъ, носить оружіе, держать судъ и т. д.

XX.

Часто при этомъ спрашиваютъ: что̀ же въ такомъ случаѣ составляетъ одинъ актъ; гдѣ кончился одинъ актъ и начался другой; было ли случившееся однимъ актомъ или многими? Теперь очевидно, что на эти вопросы часто можно отвѣчать, противоположнымъ образомъ и одинаково справедливо; и если есть случаи, при которыхъ на нихъ можно отвѣчать только однимъ образомъ, отвѣтъ будетъ зависѣть отъ свойства случая и отъ намѣренія, съ которымъ вопросъ предложенъ. Человѣкъ при одномъ ударѣ получилъ рану въ два пальца—одна ли это рана или нѣсколько ранъ? Человѣкъ побитъ въ 12 часовъ, и потомъ чрезъ 8 минутъ послѣ 12—одно ли это битье или нѣсколько? Вы бьете одного человѣка и въ ту же минуту вы бьете другаго—одно ли это битье или

нѣсколько? Быть можетъ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ можетъ быть одинъ актъ по однимъ намѣреніямъ и нѣсколько по другимъ. Эти примѣры были приведены, чтобы показать обоюдность языка и чтобы люди не мучили себя, одни—неразрѣшимыми сомнѣніями, другіе безконечными спорами.

XXI.

До сихъ поръ мы говорили объ актахъ, разсматриваемыхъ сами по себѣ; мы переходимъ теперь къ обстоятельствамъ, которыми они могутъ сопровождаться. Эти обстоятельства необходимо взять въ разсчетъ прежде чѣмъ опредѣлять что-нибудь относительно послѣдствій. Иначе никогда не возможно узнать, какія могутъ быть послѣдствія извѣстнаго акта вообще, никогда нельзя узнать, были ли они благодѣтельны, индифферентны или вредны. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, даже убійство человѣка можетъ быть благодѣтельнымъ дѣйствіемъ; въ другихъ дать ему пищу можетъ быть вреднымъ дѣйствіемъ.

XXII.

Итакъ, что же такое обстоятельства акта? Это всякіе предметы. Возьмите какой угодно актъ, и ничто въ природѣ вещей не мѣшаетъ всякому вообразимому предмету быть обстоятельствомъ этого акта. Всякій данный предметъ можетъ быть обстоятельствомъ всякаго другаго.

XXIII.

Мы имѣли уже случай упомянуть о послѣдствіяхъ акта, они были раздѣлены на матеріальныя и нематеріальныя. Подобнымъ образомъ могутъ быть раздѣляемы и обстоятельства акта. Но матеріальность есть выраженіе относительное; въ приложеніи къ послѣдствіямъ извѣстнаго акта, оно относилось къ страданію и удовольствію; въ приложеніи къ обстоятельствамъ, оно относится къ послѣдствіямъ. Обстоятельство можетъ быть названо матеріальнымъ (или существеннымъ), когда оно имѣетъ видимое причинное отношеніе къ послѣдствіямъ; нематеріальнымъ (или несущественнымъ), когда оно не имѣетъ никакого подобнаго отношенія.

XXIV.

Послѣдствія извѣстнаго акта суть событія. Обстоятельство можетъ быть поставлено въ причинное отношеніе къ событію какимъ-нибудь изъ четырехъ способовъ: 1) Способомъ причины (causation) или произведенія. 2) Способомъ происхожденія (derivation). 3) Способомъ боковой связи (collateral connexion). 4) Способомъ соединеннаго вліянія (conjunct influence). О данномъ обстоятельствѣ можно сказать, что оно

изъ тѣхъ, которыя содѣйствуютъ произведенію самаго событія;—способомъ происхожденія, когда оно изъ числа событій, произведенію которыхъ разбираемое событіе содѣйствовало; — способомъ боковой связи, когда разбираемое обстоятельство и разбираемое событіе, не имѣя, каждое, участія въ произведеніи другаго, относятся къ какому-нибудь предмету, который участвовалъ въ произведеніи ихъ обоихъ; — способомъ соединеннаго вліянія, когда,—имѣютъ ли они какое-нибудь другое отношеніе между собой, или нѣтъ,—они оба содѣйствовали произведенію какого-нибудь общаго послѣдствія.

XXV.

Не лишнимъ будетъ привести примѣръ. Въ 1628 г. Виллерсъ, герцогъ Бокингамскій, фаворитъ и министръ Карла I англійскаго, получилъ рану и умеръ. Человѣкъ, нанесшій ему эту рану, былъ нѣкто Фельтонъ, который, будучи раздраженъ дурнымъ управленіемъ, въ которомъ обвинили этого министра, отправился изъ Лондона въ Портсмутъ, гдѣ былъ въ то время Бокингамъ, вошелъ въ его пріемную и, увидѣвъ его разговаривающимъ съ нѣсколькими окружавшими его людьми, подошелъ къ нему и, вынувъ ножъ, нанесъ ему рану. При этомъ съ убійцы упала шляпа, которая вскорѣ и была найдена; а затѣмъ найденъ былъ окровавленный ножъ. Въ шляпѣ найдены были клочки бумаги съ сентенціями, выражавшими принятое имъ намѣреніе. Итакъ, предположимъ, что разбираемое событіе есть рана, полученная Бокингамомъ: тѣ обстоятельства, что Фельтонъ вынулъ ножъ, вошелъ въ комнату, пріѣхалъ въ Портсмутъ, возъимѣлъ негодованіе при мысли объ управленіи Бокингама, самое это управленіе, назначеніе Бокингама въ министры Карломъ I, и такъ выше и выше безъ конца, все это—обстоятельства, относящіяся къ событію полученія Бокингамомъ раны, способомъ причины или произведенія: окровавленный ножъ—обстоятельство, относящееся къ тому же событію способомъ происхожденія; то, что была найдена шляпа, въ шляпѣ писанныя сентенціи, писаніе ихъ—обстоятельства, относящіяся къ событію способомъ боковой связи; положеніе и разговоры людей, находившихся около Бокингама, были обстоятельства, относящіяся къ обстоятельствамъ входа Фельтона въ комнату, отправленія въ Портсмутъ и такъ далѣе, способомъ соединеннаго вліянія; такъ какъ они вмѣстѣ содѣйствовали событію полученія Бокингамомъ раны, помѣшавши ему остеречься при первомъ появленіи убійцы.

XXVI.

Эти различныя отношенія не всѣ связаны съ событіемъ съ одина-

ковой несомнѣнностью. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, вопервыхъ, что каждое событіе должно имѣть тѣ или другія обстоятельства,—а въ сущности безконечное множество обстоятельствъ,—которыя относятся къ нему способомъ произведенія: само собой разумѣется, что должно быть еще больше обстоятельствъ, относящихся къ нему путемъ боковой связи. Но нѣтъ необходимости, чтобы каждое событіе имѣло обстоятельства, относящіяся къ нему способомъ происхожденія, и также, слѣдовательно, чтобы оно имѣло обстоятельства, относящіяся къ нему способомъ соединеннаго вліянія. Но изъ всякаго рода обстоятельствъ, дѣйствительно связанныхъ съ событіемъ, только небольшое число можетъ быть открыто при самыхъ крайнихъ усиліяхъ человѣческихъ способностей; еще меньшее количество ихъ дѣйствительно привлекаетъ наше вниманіе: когда бываетъ случай, человѣкъ открываетъ большее или меньшее число ихъ, смотря отчасти по силѣ его умственныхъ способностей, отчасти по силѣ его наклонности. Поэтому, количество и свойство такихъ обстоятельствъ извѣстнаго акта, которыя могутъ считаться существенными, будутъ, кажется, опредѣляться двумя соображеніями: 1) Свойствомъ самыхъ вещей. 2) Силой или слабостью способностей тѣхъ, кому случается разсматривать ихъ.

XXVII.

Столько мы считали нужнымъ сказать вообще относительно актовъ и ихъ обстоятельствъ, прежде чѣмъ разсматривать особенные роды актовъ съ ихъ особенными обстоятельствами, о которыхъ мы будемъ говорить въ этомъ трудѣ. Актъ того или другаго рода необходимо входитъ въ понятіе всякаго преступленія. Вмѣстѣ съ этимъ актомъ, въ понятіе того же преступленія включаются извѣстныя обстоятельства: эти обстоятельства входятъ въ сущность преступленія, содѣйствуютъ своимъ соединеннымъ вліяніемъ произведенію его послѣдствій и въ сложности съ актомъ выставляются на видъ тѣмъ названіемъ, какимъ актъ обозначается. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай отличить ихъ названіемъ криминативныхъ обстоятельствъ. Далѣе, другія обстоятельства, входящія въ связь съ актомъ, и первый разрядъ обстоятельствъ производятъ еще дальнѣйшія послѣдствія. Если эти добавочныя послѣдствія бываютъ благодѣтельнаго свойства, то, смотря по цѣнности ихъ въ этомъ смыслѣ, они доставляютъ обстоятельствамъ, ихъ порождающимъ, названіе оправдывающихъ или облегчающихъ обстоятельствъ; если они бываютъ вреднаго свойства, то доставляютъ имъ названіе отягчающихъ обстоятельствъ. Изъ всѣхъ этихъ различныхъ разрядовъ обстоятельствъ, криминативныя связаны съ послѣд-

ствіями первоначальнаго преступленія путемъ произведенія; съ актомъ и съ какимъ-нибудь другимъ обстоятельствомъ — способомъ совмѣстнаго вліянія: слѣдствія первоначальнаго преступленія съ ними (криминативными обстоятельствами) и съ актомъ—способомъ происхожденія; слѣдствія видоизмѣненнаго преступленія съ криминативными, оправдывающими и облегчающими обстоятельствами — также способомъ происхожденія; эти различные разряды обстоятельствъ съ послѣдствіями видоизмѣненнаго акта или преступленія — способомъ произведенія,—и съ какимъ-нибудь другимъ (относительно послѣдствій видоизмѣненнаго акта или преступленія)—способомъ совмѣстнаго вліянія. Наконецъ, всякія обстоятельства, которыя могутъ быть связаны съ послѣдствіями преступленія, или прямо, способомъ происхожденія, или косвенно, способомъ боковаго родства (т. е. въ силу того, что оно связано, способомъ происхожденія, съ нѣкоторыми изъ обстоятельствъ, съ которыми они связаны тѣмъ же способомъ), имѣютъ матеріальное (существенное) отношеніе къ преступленію способомъ доказательства и могутъ быть поэтому названы доказательными (evidentiary) обстоятельствами, и могутъ служить доказательствами, указаніями и свидѣтельствами того, что преступленіе было совершено.

ГЛАВА VIII.

О намѣренности.

I.

До сихъ поръ мы говорили о двухъ первыхъ изъ тѣхъ вещей, отъ которыхъ можетъ зависѣть дурное стремленіе извѣстнаго дѣйствія, т. е. о самомъ актѣ и томъ общемъ количествѣ обстоятельствъ, которыми онъ можетъ сопровождаться. Мы приступаемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ способовъ, которыми можетъ относиться къ нему особенное обстоятельство намѣренія.

II.

Вопервыхъ, намѣреніе или воля можетъ относиться къ одному изъ двухъ предметовъ: 1) Къ самому акту, или 2) Къ его послѣдствіямъ. Тотъ изъ этихъ предметовъ, къ которому относится намѣреніе, можетъ быть названъ намѣреннымъ. Если намѣреніе относится къ акту, то

актъ можетъ быть названъ намѣреннымъ; если къ послѣдствіямъ, то послѣдствія. Если оно относится и къ акту и къ послѣдствіямъ, то можетъ быть названо намѣреннымъ цѣлое дѣйствіе. Та вещь изъ этихъ двухъ, которая не есть предметъ намѣренія, конечно можетъ быть названа ненамѣренной.

III.

Актъ очень легко можетъ быть намѣреннымъ безъ послѣдствій; и такъ бываетъ часто. Такимъ образомъ, вы можете имѣть намѣреніе тронуть человѣка, не вредя ему; и однакоже, послѣдствія могутъ быть таковы, что вы можете имѣть шансъ и повредить ему.

IV.

Послѣдствія извѣстнаго акта могутъ быть также намѣренными, хотя бы актъ и не былъ намѣреннымъ вполнѣ, т. е. хотя бы онъ не былъ намѣреннымъ во всѣхъ своихъ періодахъ: но это случается не такъ часто, какъ предъидущее. Напримѣръ, вы имѣете намѣреніе повредить человѣку, скача на него, чтобы сбить его съ ногъ; и вы дѣйствительно на него скачете: но между вами и этимъ человѣкомъ является внезапно другой человѣкъ, прежде чѣмъ вы можете остановиться; вы скачете на этого втораго человѣка и имъ вы сшибаете съ ногъ перваго.

V.

Но послѣдствія акта не могутъ быть намѣренны безъ того, чтобы самый актъ не былъ намѣреннымъ по крайней мѣрѣ въ первой его степени. Если актъ не преднамѣренъ въ первой степени, это не вашъ актъ, поэтому съ вашей стороны нѣтъ намѣренія произвести послѣдствія, т. е. послѣдствія индивидуальныя. Все, что могло быть съ вашей стороны, это—отдаленное намѣреніе произвести какимъ-нибудь вашимъ актомъ другія послѣдствія, того же рода, въ будущемъ; или же, безъ всякаго намѣренія, простое желаніе, чтобы такое событіе произошло. Предположимъ, что второй человѣкъ скачетъ на перваго съ его собственнаго согласія и сшибаетъ его съ ногъ. Вы имѣли намѣреніе сдѣлать тоже самое, т. е. скакать на него и сбить его съ ногъ; но вы ничего не сдѣлали для исполненія этихъ намѣреній; поэтому индивидуальныя послѣдствія акта, который совершилъ второй человѣкъ сбивъ съ ногъ перваго, не могутъ быть названы намѣренными съ вашей стороны.

VI.

Вовторыхъ. Когда послѣдствіе намѣренно, оно можетъ быть таковымъ прямо или только косвенно. Оно можетъ быть названо прямо намѣреннымъ, когда ожиданіе произвести его составляло одно изъ

звѣньевъ въ цѣпи причинъ, побудившихъ лицо къ совершенію акта. Оно можетъ быть названно косвенно намѣреннымъ, когда, хотя послѣдствіе было въ виду и хотя оно казалось вѣроятнымъ результатомъ совершенія акта, но ожиданіе произвести это послѣдствіе не составляло звѣна въ упомянутой цѣпи.

VII.

Втретьихъ. Событіе, прямо намѣренное, можетъ быть таковымъ окончательно или только посредственно (mediately). Оно можетъ быть названо окончательно намѣреннымъ, когда оно стоитъ послѣднимъ изъ всѣхъ внѣшнихъ событій въ упомянутой цѣпи мотивовъ; такъ что, еслибы совершеніе событія было несомнѣнно, ожиданіе такого случая было бы достаточно для того, чтобы опредѣлить волю, безъ ожиданія произвести какой-нибудь другой случай. Оно можетъ быть названо посредственно намѣреннымъ, и не больше, когда есть другой случай, ожиданіе произвести который составляетъ слѣдующее звѣно въ той же цѣпи: такъ что ожиданіе произвести первый случай не дѣйствовало бы въ качествѣ мотива, а дѣйствовало бы только по своему стремленію, которое оно повидимому имѣло къ произведенію послѣдняго.

VIII.

Вчетвертыхъ. Когда событіе бываетъ *прямо намѣреннымъ*, оно бываетъ таковымъ или исключительно или неисключительно. Оно можетъ быть названо исключительно намѣреннымъ, когда только это, совершенно индивидуальное, событіе соотвѣтствуетъ намѣренію, и при этомъ никакое другое событіе не имѣетъ никакой доли въ опредѣленіи воли къ совершенію разбираемаго акта. Оно можетъ быть названо неисключительно намѣреннымъ, когда было какое-нибудь другое событіе, ожиданіе котораго дѣйствовало на волю въ тоже самое время.

IX.

Впятыхъ. Когда событіе неисключительно намѣренно, оно можетъ быть таковымъ соединительно, раздѣльно или безразлично. Оно можетъ назваться соединительно намѣреннымъ, относительно другаго извѣстнаго событія, когда намѣреніе было прозвести оба; раздѣльно — когда намѣреніе было произвести или то, или другое, все равно, но не оба; безразлично — когда намѣреніе было произвести, безразлично, или то, или другое, или оба, какъ случится.

X.

Вшестыхъ. Когда два событія раздѣльно намѣренны, они могутъ быть таковыми съ предпочтеніемъ или безъ него. Первое бываетъ тогда,

когда намѣреніе таково, чтобы одно изъ нихъ въ частности случалось скорѣе, чѣмъ другое; второе—когда намѣреніе исполняется одинаково, которое бы изъ нихъ ни случилось, все равно.

XI.

Все это объяснитъ одинъ примѣръ. Вильямъ II, король англійскій, бывши на оленьей охотѣ, получилъ отъ сэра Вальтера Тирреля рану, отъ которой и умеръ. Возьмемъ этотъ случай и приложимъ къ нему разныя предположенія, соотвѣтствующія сдѣланнымъ нами различеніямъ:

1. Тиррель вовсе не имѣлъ мысли о смерти короля; или, если имѣлъ, то считалъ это такой вещью, которой нечего было опасаться. И въ томъ и въ другомъ случаѣ событіе убійства короля было вполнѣ ненамѣренное.

2. Онъ видѣлъ оленя, бѣгущаго по дорогѣ, и видѣлъ короля, ѣхавшаго въ тоже время по этой дорогѣ; его намѣреніе было убить оленя; онъ не желалъ убивать короля; въ тоже самое время онъ видѣлъ, что если онъ выстрѣлитъ, то онъ можетъ убить и короля, какъ и оленя; но при всемъ томъ онъ выстрѣлилъ, и дѣйствительно убилъ короля. Въ этомъ случаѣ событіе убійства короля было намѣренное, но косвенно.

3. Онъ убилъ короля по ненависти къ нему и безъ всякой другой причины кромѣ удовольствія уничтожить его. Въ этомъ случаѣ, событіе убійства короля было нетолько прямо, но и окончательно намѣренное.

4. Онъ убилъ короля, вполнѣ намѣренно, но не изъ ненависти къ нему, а изъ желанія ограбить его послѣ смерти. Въ этомъ случаѣ, событіе убійства было прямо намѣренное, но не окончательно; оно было посредственно намѣренное.

5. Онъ намѣревался ни болѣе ни менѣе какъ убить короля. У него не было другой цѣли и желанія. Въ этомъ случаѣ событіе было и исключительно и прямо намѣренное, т. е. исключительно въ отношенія ко всякому другому матеріальному событію.

6. Сэръ Вальтеръ выстрѣлилъ королю въ правую ногу, когда тотъ выдергивалъ изъ нея терновникъ лѣвой рукой. Его намѣреніе было, пустивъ стрѣлу ему въ ногу чрезъ руку, повредить ему оба эти члена въ одно и тоже время. Въ этомъ случаѣ то событіе, что у короля была ранена нога, было намѣренное, и намѣренное соединительно съ другимъ, которое не удалось, т. е. съ тѣмъ, чтобы у него была ранена рука.

7. Намѣреніе Тирреля было выстрѣлить королю или въ руку или въ ногу, но не въ обѣ вмѣстѣ, и скорѣе въ руку, чѣмъ въ ногу. Въ

этомъ случаѣ намѣреніе стрѣлять въ руку было раздѣльное относительно другаго событія, и раздѣльное съ предпочтеніемъ.

8. Намѣреніе его было выстрѣлить королю или въ ногу или въ руку, какъ случится, но не въ обѣ вмѣстѣ. Въ этомъ случаѣ намѣреніе было не исключительное, а раздѣльное; но безъ предпочтенія.

9. Намѣреніе его было выстрѣлить или въ руку или въ ногу, или въ обѣ вмѣстѣ, какъ случится. Въ этомъ случаѣ намѣреніе было безразлично относительно обоихъ событій.

XII.

Надобно замѣтить, что актъ можетъ быть ненамѣреннымъ въ одной своей степени или степеняхъ, хотя намѣреннымъ въ предыдущей; и съ другой стороны онъ можетъ быть намѣреннымъ въ одной степени или степеняхъ, и однако не намѣреннымъ въ послѣдующей [1]. Но былъ ли онъ намѣренный или нѣтъ во всякой предыдущей степени, это не существенно относительно послѣдствій, если только онъ былъ ненамѣренный въ послѣдней. Единственный пунктъ, относительно котораго это существенно, есть доказательство. Чѣмъ больше количество степеней, въ которыхъ актъ былъ ненамѣренный, тѣмъ больше будетъ вообще ясно, что онъ былъ ненамѣреннымъ относительно послѣдней степени. Если человѣкъ, намѣреваясь ударить васъ въ щеку, ударитъ вамъ въ глазъ и вышибетъ его, ему вѣроятно будетъ трудно доказывать, что онъ не былъ намѣренъ ударить васъ въ глазъ. Это вѣроятно будетъ легче, если у него дѣйствительно не было намѣренія наносить вамъ ударъ, или наносить его вообще.

XIII.

Часто приходится слышать, какъ люди говорятъ о хорошихъ намѣреніяхъ и дурныхъ намѣреніяхъ,—обстоятельство, на которомъ вообще очень сильно настаиваютъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ не маловажно, если его понимать какъ слѣдуетъ: но значеніе его до послѣдней степени двусмысленно и темно. Строго говоря, ничто не можетъ назваться хорошимъ или дурнымъ только само по себѣ,—это можно сказать только о страданіи или удовольствіи; или, хорошимъ или дурнымъ по своему дѣйствію,—что можно сказать только о вещахъ, составляющихъ причину страданія и удовольствія. Но въ фигуральномъ и несобственномъ способѣ выраженія, вещь можетъ быть названа хорошей или дурной по своей причинѣ. Но дѣйствія намѣренія произвести тотъ или другой актъ суть тѣ же предметы, о которыхъ мы говорили подъ именемъ послѣдствій; а причины намѣренія называются мотивами.

---

[1]) См. глав. VII (Дѣйствія), параграф. 14.

Итакъ намѣреніе человѣка во всякомъ случаѣ можетъ быть названо хорошимъ или дурнымъ, или относительно послѣдствій акта, или относительно его мотивовъ. Если намѣреніе считается хорошимъ или дурнымъ въ какомъ-нибудь случаѣ, то должно считаться таковымъ или потому, что оно считается производящимъ хорошія или дурныя послѣдствія, или потому, что оно считается происходящимъ отъ хорошаго или отъ дурнаго мотива. Но хорошее или дурное свойство послѣдствій зависитъ отъ обстоятельствъ. А обстоятельства не составляютъ предмета намѣренія. Человѣкъ намѣревается совершить извѣстный актъ и совершаетъ его по своему намѣренію: но онъ не можетъ имѣть въ своемъ намѣреніи обстоятельствъ: онъ не можетъ произвести ихъ, насколько они составляютъ обстоятельства акта. Если случайно и окажутся немногія обстоятельства, въ произведеніи которыхъ онъ былъ орудіемъ, то это было по другимъ прежнимъ намѣреніямъ, направленнымъ на прежніе акты, которые и произвели эти обстоятельства какъ послѣдствія; но въ то время, о которомъ идетъ дѣло, онъ принимаетъ ихъ какъ находитъ ихъ. Акты, съ ихъ послѣдствіями, составляютъ предметы воли, какъ и предметы пониманія: обстоятельства, какъ таковыя, суть только предметы пониманія. Все, что можетъ съ ними человѣкъ, это—знать ихъ или не знать ихъ; другими словами, сознавать ихъ или не сознавать ихъ. Къ вопросу о сознательности относится то, что должно быть сказано о хорошемъ или дурномъ свойствѣ намѣреній человѣка, какъ проистекающемъ изъ послѣдствій акта: къ статьѣ о Мотивахъ принадлежитъ то, что должно быть сказано о намѣреніи, какъ происходящемъ отъ мотива.

ГЛАВА IX.

О сознательности.

I.

До сихъ поръ было говорено о тѣхъ способахъ, которыми воля или намѣреніе могутъ относиться къ произведенію какого-нибудь событія: мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію того, какую долю могутъ имѣть относительно такого событія пониманіе или способность воспріятія.

II.

Совершенъ былъ извѣстный актъ, и притомъ намѣренно; этотъ актъ сопровождался извѣстными обстоятельствами; отъ этихъ обстоятельствъ зависѣли нѣкоторыя изъ его послѣдствій; и между прочимъ, всѣ тѣ, которыя были чисто физическаго свойства. Теперь, если мы возьмемъ какое-нибудь изъ этихъ обстоятельствъ, ясно, что человѣкъ, во время совершенія акта, отъ котораго произошли такія послѣдствія, могъ поступать или сознательно въ отношеніи этого обстоятельства, или безсознательно. Другими словами, онъ могъ знать это обстоятельство или не знать его. Въ первомъ случаѣ, актъ можно назвать обдуманнымъ, относительно этого обстоятельства; въ другомъ случаѣ—необдуманнымъ.

III.

Есть два пункта, относительно которыхъ актъ можетъ быть обдуманнымъ или необдуманнымъ: 1) Существованіе самого обстоятельства. 2) Его существенность (materiality) [1].

IV.

Ясно, что, относительно времени акта, такое обстоятельство можетъ быть настоящее, прошедшее или будущее.

V.

Актъ необдуманный бываетъ или неожиданный, или не-неожиданный. Онъ называется неожиданнымъ, когда случай считается такимъ, что человѣкъ обыкновеннаго благоразумія [2]) и надѣленный обыкновеннымъ количествомъ благосклонности нашелъ бы нужнымъ дать столько и такого вниманія и размышленія матеріальнымъ обстоятельствамъ, что это дѣйствительно расположило бы его предотвратить совершеніе вреднаго событія; не-неожиданнымъ актъ бываетъ тогда, когда случай не считается такимъ, какъ упомянутый выше.

VI.

Далѣе. Предполагалъ человѣкъ, или нѣтъ, присутствіе или существенную важность даннаго обстоятельства, можетъ случиться, что онъ предполагалъ присутствіе и существенность какого-нибудь другаго обстоятельства, котораго или не было, или, если оно было, то было не существенно. Въ такомъ случаѣ актъ можетъ быть названъ дурно об-

---

[1]) См. глав. VII (Дѣйствія), параграф. 3.
[2]) См. глав. VI (Чувствительность), параграф. 12.

думаннымъ (misadvised) относительно такого воображаемаго обстоятельства: и можно сказать, что здѣсь былъ ошибочный или дурной разсчетъ (mis-supposal).

VII.

Это обстоятельство, присутствіе котораго было такимъ образомъ ошибочно разсчитано, можетъ быть существенно или 1) Способомъ предупрежденія, или 2) Способомъ вознагражденія. Оно можетъ быть названо существеннымъ въ качествѣ предупрежденія, когда его дѣйствіе или стремленіе, если оно существовало, могло бы предупредить вредныя послѣдствія;—въ качествѣ вознагражденія, когда это дѣйствіе или стремленіе могли бы произвести другія послѣдствія, благодѣтельность которыхъ могла бы перевѣсить вредъ другихъ.

VIII.

Ясно, что относительно времени акта, такое воображаемое обстоятельство и въ томъ и въ другомъ случаѣ можетъ быть предположено какъ настоящее, прошедшее или будущее.

IX.

Возвратимся къ примѣру, изложенному въ предъидущей главѣ.

10. *Тиррель намѣревался выстрѣлить въ томъ направленіи, въ которомъ выстрѣлилъ: но онъ не зналъ, что Вильямъ ѣхалъ такъ близко по этой дорогѣ.* Въ этомъ случаѣ, актъ выстрѣла, совершенный имъ, былъ актъ необдуманный относительно присутствія того обстоятельства, что король ѣхалъ такъ близко по этой дорогѣ.

11. Онъ зналъ, что король ѣхалъ по этой дорогѣ: но на томъ разстояніи, на которомъ былъ король, Тиррель не, зналъ что есть вѣроятность, что стрѣла можетъ достать до него. Въ этомъ случаѣ актъ былъ необдуманный относительно существенности обстоятельства.

12. *Нѣкто намазалъ стрѣлу ядомъ, но Тиррель не зналъ этого.* Въ этомъ случаѣ актъ былъ необдуманный относительно существованія прошедшаго обстоятельства.

13. Въ ту самую минуту, когда Тиррель спускалъ лукъ, король, скрытый отъ его глазъ листьями какого-нибудь кустарника, быстро скакалъ и притомъ прямо навстрѣчу стрѣлѣ: этого обстоятельства Тиррель также не зналъ. Въ этомъ случаѣ актъ былъ необдуманный относительно существованія настоящаго обстоятельства.

14. Такъ какъ король былъ вдали отъ двора, то никто не могъ притти перевязать его рану, раньше слѣдующаго дня; Тиррель не зналъ

этого обстоятельства. Въ этомъ случаѣ актъ былъ необдуманный относительно будущаго обстоятельства.

15. Тиррель зналъ, что король ѣдетъ по этой дорогѣ, что онъ близко, и такъ далѣе; но обманутый листьями кустарника, онъ думалъ, что видитъ пригорокъ между тѣмъ мѣстомъ, откуда онъ стрѣлялъ, и тѣмъ, къ которому ѣхалъ король. Въ этомъ случаѣ актъ былъ дурно обдуманный, происходившій отъ дурнаго разсчета предупредительнаго обстоятельства.

16. Тиррель зналъ все, что выше указано, и не обманывался въ разсчетѣ о какомъ-нибудь предварительномъ обстоятельствѣ. Но онъ считалъ короля узурпаторомъ и предполагалъ, что онъ хотѣлъ напасть на человѣка, котораго Тиррель считалъ настоящимъ королемъ и который ѣхалъ подлѣ Тирреля. Въ этомъ случаѣ актъ былъ также дурнообдуманный, но происходившій отъ дурнаго разсчета о вознаграждающемъ обстоятельствѣ.

X.

Замѣтимъ связь между намѣренностью и сознательностью. Когда самый актъ есть намѣренный, и относительно существованія всѣхъ обстоятельствъ, а также и относительно существенности этихъ обстоятельствъ для даннаго послѣдствія—обдуманный, и когда нѣтъ дурнаго разсчета о какомъ-нибудь предупреждающемъ обстоятельствѣ, то это послѣдствіе также должно быть намѣреннымъ. Другими словами, обдуманность относительно обстоятельствъ, если при ней нѣтъ также и дурнаго разсчета о какомъ нибудь предупреждающемъ обстоятельствѣ, распространяетъ намѣренность отъ акта на послѣдствія. Эти послѣдствія могутъ быть или прямо намѣренныя, или косвенно намѣренныя: но во всякомъ случаѣ они могутъ быть только намѣренныя.

XI.

Продолжимъ прежній примѣръ. Если Тиррель намѣревался стрѣлять въ томъ направленіи, въ которомъ ѣхалъ король, и зналъ, что король ѣдетъ навстрѣчу стрѣлѣ, и зналъ вѣроятность, что король можетъ быть раненъ въ ту самую часть тѣла, въ которую онъ былъ дѣйствительно раненъ, или въ другую, столько же опасную, и съ той же степенью силы, и такъ далѣе; и если при томъ Тиррель не обманывался ошибочнымъ разсчетомъ о какомъ-нибудь обстоятельствѣ, которое бы могло предупредить выстрѣлъ, или разсчетомъ на другое подобное предупреждающее обстоятельство, — то ясно, что онъ могъ имѣть въ намѣреніи только смерть короля. Быть можетъ, онъ не желалъ ея положительно; но судя по всему, онъ въ извѣстномъ смыслѣ имѣлъ это намѣреніе.

XII.

То, что есть неожиданность въ актѣ необдуманномъ, есть безрасудство въ актѣ дурно обдуманномъ. Актъ дурно обдуманный можетъ быть безразсуденъ или не безразсуденъ. Онъ можетъ быть названъ безразсуднымъ, когда случай считается такимъ, что человѣкъ обыкновеннаго благоразумія, одаренный обыкновенной долей благосклонности (благонамѣренности), употребилъ бы столько-то и такого вниманія и размышленія на воображаемое обстоятельство, что это открыло бы ему несуществованіе, невѣроятность (или несущественность) этого обстоятельства, и тѣмъ дѣйствительно дало бы возможность предупредить совершеніе вреднаго событія.

XIII.

Въ обыкновенномъ языкѣ, когда человѣкъ совершаетъ актъ, послѣдствія котораго оказываются вредными, о немъ говорится вообще, что онъ дѣйствовалъ съ хорошимъ или съ дурнымъ намѣреніемъ, что его намѣреніе было хорошее или дурное. Эпитеты хорошій или дурной всегда, какъ видимъ, прилагаются къ намѣренію: но это приложеніе ихъ чрезвычайно часто руководится предположеніемъ, составленнымъ о свойствахъ мотива. Хотя актъ оказался впослѣдствіи вреднымъ, о немъ говорятъ, что онъ сдѣланъ съ добрымъ намѣреніемъ, когда предполагается, что онъ исходитъ изъ мотива, считающагося хорошимъ; — что онъ сдѣланъ съ дурнымъ намѣреніемъ, когда предполагается, что онъ исходитъ изъ мотива, считающагося дурнымъ. Но свойство преднамѣренныхъ послѣдствій и свойство мотива, породившаго намѣреніе, суть вещи, хотя и тѣсно связанныя одна съ другой, но совершенно различныя. Поэтому, намѣреніе совершенно правильно могло бы быть названо хорошимъ, каковъ бы ни былъ мотивъ. Оно могло бы назваться хорошимъ, когда нетолько послѣдствія акта оказываются вредными, но когда и мотивъ, породившій его, былъ что называется дурной. Чтобы оправдать названіе *хорошаго*, данное намѣренію, достаточно, еслибы послѣдствія акта могли быть благодѣтельнаго свойства, когда бы они оказались такими, какими ожидалъ ихъ видѣть дѣйствующій человѣкъ. Такимъ же образомъ намѣреніе можетъ быть дурно, когда нетолько послѣдствія акта оказываются благодѣтельными, но и мотивъ, породившій его, былъ хорошій.

XIV.

Итакъ, когда человѣкъ хочетъ называть ваше намѣреніе хорошимъ или дурнымъ относительно послѣдствій, то, если только онъ говоритъ о немъ, онъ долженъ употреблять слово намѣреніе, потому

что другаго слова нѣтъ. Но если человѣкъ хочетъ называть хорошимъ или дурнымъ тотъ мотивъ, изъ котораго ваше намѣреніе произошло, онъ конечно не обязанъ употреблять слово намѣреніе: по крайней мѣрѣ столь же удобно употреблять слово мотивъ. Можно предположить, что онъ понимаетъ мотивъ; и, весьма вѣроятно, онъ не понимаетъ здѣсь намѣренія. Потому что то, что̀ бываетъ справедливо объ одномъ, весьма часто не бываетъ справедливо о другомъ. Мотивъ можетъ быть хорошъ, когда намѣреніе дурно; намѣреніе можетъ быть хорошо, когда мотивъ дуренъ: бываютъ ли они оба хороши или оба дурны, или одно хорошо, а другое дурно, это, какъ мы увидимъ дальше, составляетъ весьма существенную разницу относительно послѣдствій [1]). Поэтому гораздо лучше не говорить о «намѣреніи», когда разумѣется мотивъ.

XV.

Примѣръ объяснитъ это. Человѣкъ по зложелательству преслѣдуетъ васъ за преступленіе, въ которомъ онъ считаетъ васъ виновнымъ, но въ которомъ на дѣлѣ вы не виноваты. Здѣсь послѣдствія его поведенія вредны: потому что они во всякомъ случаѣ вредны для васъ по причинѣ стыда и опасенія, которыя вамъ приходится переносить, пока преслѣдованіе продолжается: и къ этому надо прибавить еще зло наказанія, въ случаѣ если вы будете уличены. Слѣдовательно, для васъ эти послѣдствія вредны; и нѣтъ никого, кому они благодѣтельны. Такимъ образомъ мотивъ человѣка былъ что называется дурной: потому что зложелательство, по мнѣнію всѣхъ, есть дурной мотивъ. Но послѣдствія его поведенія были бы хороши, еслибы они оказались такими, какими онъ ихъ предполагалъ: потому что въ нихъ заключалось бы наказаніе преступника, а это благодѣтельно для всѣхъ, кто подвергается возможности пострадать отъ подобнаго преступленія. Поэтому, намѣреніе,—хотя и не мотивъ, по обыкновенному способу выраженія,—могло бы назваться хорошимъ. Но о мотивахъ болѣе подробно будетъ говорено въ слѣдующей главѣ.

XVI.

Въ этомъ же смыслѣ, намѣреніе, бываетъ ли оно положительно хорошо или нѣтъ, если только оно не дурно, можетъ назваться невиннымъ. Поэтому, хотя бы послѣдствія оказались вредными, а мотивъ—какимъ угодно, намѣреніе можетъ быть названо невиннымъ въ двоякомъ случаѣ: 1) Въ случаѣ необдуманности относительно какого-нибудь

[1]) См. глав. XII (Послѣдствія).

изъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависѣлъ вредъ послѣдствій; 2) Въ случаѣ дурной обдуманности относительно какого-нибудь обстоятельства, которое, еслибы было тѣмъ, чѣмъ оно казалось, послужило бы или къ предупрежденію вреда или могло бы перевѣсить этотъ вредъ.

XVII.

Скажемъ нѣсколько словъ о приложеніи выше упомянутаго къ римскому праву. Ненамѣренность и невинность намѣренія оба, кажется, включались въ понятіе infortunium, гдѣ нѣтъ ни dolus, ни culpa. Необдуманность въ соединеніи съ неожиданностью и дурная обдуманность въ соединеніи съ безразсудствомъ соотвѣтствуютъ culpa sine dolo. Прямая намѣренность соотвѣтствуетъ dolus. Косвенная намѣренность, кажется, едвали была отличаема отъ прямой: когда она встрѣчалась, она, кажется, считалась также соотвѣтствующей dolus. Раздѣленія на culpa lata, levis, levissima не находятъ себѣ никакихъ соотвѣтствій. Что же они означаютъ? Различеніе не въ самомъ случаѣ, а только въ чувствахъ, которыя кто-нибудь (напримѣръ, судья) можетъ-быть расположенъ имѣть относительно его, предполагая, что самый случай уже различёнъ на три второстепенные случая другими средствами.

Слово dolus кажется придумано довольно плохо: слово culpa довольно безразлично. Dolus, при какомъ-нибудь другомъ случаѣ, могло бы повидимому включать обманъ, сокрытіе, тайну; но здѣсь оно распространяется на открытую силу. Culpa, при какомъ-нибудь другомъ случаѣ, могла бы повидимому распространяться на всякаго рода проступокъ (blame): такимъ образомъ она могла бы включать и dolus.

XVIII.

Вышеприведенныя опредѣленія и различенія вовсе не одно только чистое умозрѣніе. Они способны имѣть самое обширное и постоянное примѣненіе, какъ въ нравственныхъ изслѣдованіяхъ, такъ и въ юридической практикѣ. Отъ степени и наклонности намѣренія человѣка, отъ отсутствія или присутствія сознательности или дурнаго разсчета зависитъ большая доля хорошаго и дурнаго и въ особенности дурныхъ послѣдствій извѣстнаго акта; и отъ этого, какъ отъ другихъ причинъ, зависитъ въ большой степени требованіе наказанія [1]). Присутствіе намѣренія относительно такого или другаго послѣдствія и присутствіе сознательности относительно такого или другаго обстоятельства акта составляютъ столько же криминативныхъ обстоятельствъ, или существенныхъ состав-

[1]) См. глав. XV.

ныхъ частей того или другаго преступленія: въ приложеніи къ другимъ обстоятельствамъ, сознательность даетъ основаніе для отягченія, которое можетъ быть приложено къ такому преступленію. Во всѣхъ почти случаяхъ, отсутствіе намѣренія относительно извѣстныхъ послѣдствій и отсутствіе сознательности, или присутствіе дурной обдуманности относительно извѣстныхъ обстоятельствъ, составятъ столько же основаній для облегченія.

ГЛАВА X.

О мотивахъ.

§ 1. *Различныя значенія слова «мотивъ».*

I.

Всѣми признается за истину, что всякаго рода актъ и слѣдовательно всякое преступленіе могутъ принимать различный характеръ и сопровождаться различнымъ дѣйствіемъ смотря по свойству мотива, ихъ породившаго. Поэтому необходимо взглянуть на различные мотивы, вліянію которыхъ можетъ подчиняться человѣческое поведеніе.

II.

Подъ мотивомъ,—въ самомъ обширномъ смыслѣ, въ какомъ только употребляется это слово въ отношеніи къ мыслящему существу,—понимается все, что можетъ содѣйствовать происхожденію какого-нибудь дѣйствія, или даже его предотвращенію. Дѣйствіе мыслящаго существа есть актъ или тѣла, или только духа: и актъ духа есть или актъ умственной способности, или актъ воли. Акты умственной способности иногда основываются на одномъ только пониманіи, не производя никакого вліянія на произведеніе какихъ-нибудь актовъ воли. Мотивы, не имѣющіе такого свойства, чтобы производить вліяніе на другіе акты кромѣ этихъ, могутъ назваться чисто умозрительными мотивами, или мотивами, основывающимися на умозрѣніи. Но акты этого рода не производятъ никакого вліянія на акты внѣшніе и на ихъ послѣдствія, и слѣдовательно не имѣютъ никакого вліянія на страданіе или удовольствіе, которыя могутъ быть въ числѣ этихъ послѣдствій. А важенъ мо-

жетъ быть актъ только по своему стремленію производить страданіе или удовольствіе. Поэтому, намъ нѣтъ здѣсь никакого дѣла до актовъ, которые основываются только на пониманіи; и потому нѣтъ также дѣла до всякаго предмета, если таковой можетъ существовать, который бы, въ смыслѣ мотива, могъ не имѣть никакого вліянія на какіе-нибудь другіе акты, кромѣ этихъ.

III.

Мы имѣемъ дѣло только съ такими мотивами, которые способны дѣйствовать на волю. Подъ мотивомъ въ этомъ смыслѣ слова надо разумѣть всякую вещь, которая, оказывая вліяніе на волю чувствующаго существа, какъ предполагается, служитъ средствомъ побудить его къ акту, или добровольно остеречься отъ акта по какому-нибудь случаю. Мотивы этого рода, въ противоположность первымъ, могутъ быть названы практическими мотивами, или мотивами, прилагающимися къ практикѣ.

IV.

Вслѣдствіе бѣдности и неустановленности языка, слово мотивъ употребляется безразлично для обозначенія двухъ родовъ предметовъ, которые, для лучшаго пониманія дѣла, необходимо различать. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно употребляется для обозначенія какого-нибудь изъ тѣхъ дѣйствительно существующихъ событій, отъ которыхъ разбираемый актъ предполагается происходящимъ. Смыслъ, который это слово имѣетъ въ такихъ случаяхъ, можетъ быть названъ буквальнымъ или нефигуральнымъ смысломъ. Въ другихъ случаяхъ слово «мотивъ» употребляется для обозначенія извѣстной воображаемой сущности, страсти, настроенія духа, идеальнаго предмета, которые при такомъ событіи считаются дѣйствующими на духъ человѣка и побуждающими его принять то направленіе, къ какому онъ приводится вліяніемъ такого событія. Мотивы этого разряда суть Скупость, Лѣность, Благосклонность и такъ далѣе; какъ мы увидимъ подробнѣе послѣ. Этотъ послѣдній смыслъ можетъ быть названъ фигуральнымъ смысломъ слова «мотивъ».

V.

Что касается до реальныхъ событій, которымъ дается также имя мотива, они также бываютъ двухъ весьма различныхъ родовъ. Это можетъ быть: 1) Внутреннее воспріятіе какой-нибудь индивидуальной доли удовольствія или страданія, ожиданіе которыхъ считается способнымъ побудить васъ къ дѣйствію того или другаго рода, какъ напр. удовольствіе пріобрѣтенія извѣстной суммы денегъ, страданіе дѣлать усилія по та-

кому-то случаю и т. д. Или 2) Внѣшнее событіе, совершеніе котораго считается имѣющимъ стремленіе принести воспріятіе такого удовольствія или такого страданія, напримѣръ, выходъ лоттерейнаго билета, по которому вамъ достается владѣніе деньгами; или пожаръ въ домѣ, гдѣ вы живете, заставляющій васъ покинуть его. Первый родъ мотивовъ можетъ быть названъ внутреннимъ, послѣдній внѣшнимъ.

VI.

Надо отличать также и два другіе смысла слова «мотивъ». Мотивъ относится необходимо къ дѣйствію. Къ дѣйствію побуждаетъ удовольствіе, страданіе или другое событіе. Мотивъ въ одномъ смыслѣ слова долженъ предшествовать такому событію. Но чтобы человѣкъ руководился мотивомъ, онъ во всякомъ случаѣ долженъ разсчитывать дальше того событія, которое называется его дѣйствіемъ; онъ долженъ разсчитывать его послѣдствія; и только этимъ путемъ идея удовольствія, страданія или какого-нибудь другаго событія можетъ породить это дѣйствіе. Поэтому, человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ разсчитывать какое нибудь событіе болѣе позднее чѣмъ разбираемый актъ: событіе, которое еще не существуетъ, но только ожидается. Но такъ какъ во всѣхъ случаяхъ трудно, а въ большей части и не нужно, дѣлать различіе между предметами, связанными такъ тѣсно, какъ позднѣйшее возможное событіе, которое ожидается впереди, и настоящій существующій предметъ или событіе, которое совершается въ то время, когда человѣкъ разсчитываетъ впередъ другое,—то они оба означаются однимъ и тѣмъ же названіемъ мотива. Чтобы различить ихъ, первый изъ нихъ можетъ быть названъ мотивомъ въ ожиданіи (in prospectu), другой мотивомъ in esse: и подъ каждое изъ этихъ названій будутъ принадлежать и внѣшніе и внутренніе мотивы. У вашего сосѣда начинается пажаръ: вы предполагаете, что пожаръ распространится и на вашъ домъ; вы предполагаете, что еслибъ вы были въ немъ, то вы сгорѣли бы: поэтому вы бѣжите изъ дома. Это есть актъ: все другое—это мотивы къ нему. Событіе пожара у вашего сосѣда есть внѣшній мотивъ, и притомъ in esse: идея или мнѣніе о вѣроятности распространенія пожара на вашъ домъ, о вѣроятности того, что вы сгорите, оставшись въ немъ, и страданіе, которое вы чувствуете при мысли о такой катастрофѣ, все это внутреннія событія, но также событія in esse; случай дѣйствительнаго распространенія пожара на вашъ домъ и что вы сами сгорите въ немъ, это внѣшніе мотивы въ ожиданіи; страданіе, которое вы почувствовали бы при видѣ вашего горящаго дома, и страданіе, которое вы бы почувствовали, когда бы горѣли сами, это—внутренніе мотивы въ ожиданіи; и эти событія, смотря по обо-

рэту дѣла, могутъ также перейти in esse: но тогда они конечно перестанутъ быть мотивами.

VII.

Изъ всѣхъ этихъ мотивовъ всего ближе къ акту, произведенію котораго всѣ они содѣйствуютъ, стоитъ тотъ внутренній мотивъ in esse, который состоитъ въ ожиданіи внутренняго мотива in prospectu: это—страданіе или тягостное ощущеніе при мысли, что вы сгорите [1]). Всѣ другіе мотивы болѣе или менѣе отдаленны: мотивы in prospectu отдаленны тѣмъ болѣе, чѣмъ больше тотъ періодъ, когда ихъ совершеніе ожидается, отдаленъ отъ періода, когда происходитъ совершеніе акта, и слѣдовательно позднѣе по времени; мотивы in esse, также чѣмъ больше они отдалены отъ этого періода, и слѣдовательно раньше по времени.

VIII.

Было уже замѣчено, что намъ нѣтъ здѣсь дѣла до мотивовъ, вліяніе которыхъ ограничивается пониманіемъ. Между предметами, которые считаются мотивами относительно пониманія, мы можемъ говорить здѣсь только о тѣхъ, которые, чрезъ посредство пониманія, оказываютъ дѣйствіе на волю. Этимъ путемъ, и только этимъ путемъ, предметы, въ силу своего стремленія оказывать вліяніе на чувство вѣры, могутъ въ практическомъ смыслѣ дѣйствовать съ характеромъ мотивовъ. Всякіе предметы, стремясь внушить вѣру относительно дѣйствительнаго или вѣроятнаго существованія практическаго мотива, т. е. относительно вѣроятности мотива въ ожиданіи или существованіи мотива in esse,—могутъ оказывать вліяніе на волю и занять мѣсто съ тѣми другими мотивами, которымъ дано выше названіе практическихъ. Указаніе подобныхъ мотивовъ есть то, что мы часто понимаемъ подъ резонами. Домъ вашего сосѣда горитъ, какъ прежде. Я замѣчаю вамъ, что въ нижней части дома вашего сосѣда есть деревянная стройка, которая соединяется съ вашимъ домомъ; что огонь уже дошелъ до нея,

---

[1]) Составляютъ ли ожиданіе этого сгаранія или страданіе, сопровождающее это ожиданіе, тотъ непосредственный внутренній мотивъ, о которомъ мы говоримъ,—это рѣшить трудно. Можно даже спросить, быть можетъ, составляютъ ли они различныя сущности. Впрочемъ оба вопроса состоятъ, кажется, только въ словахъ, и разрѣшеніе ихъ совершенно несущественно. Даже и другіе разряды мотивовъ, хотя для извѣстныхъ цѣлей они и требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія, связаны однако одни съ другими такъ тѣсно, что часто было бы почти неисполнимо, и не всегда нужно, избѣгать ихъ смѣшенія, какъ до сихъ поръ всегда это смѣшеніе и не избѣгалось. Б.

и такъ далѣе; я дѣлаю это съ цѣлью расположить васъ вѣрить какъ я вѣрю, что если вы останетесь дольше въ своемъ домѣ, то вы сгорите. Итакъ, дѣлая это, я привожу мотивы для вашего пониманія; и эти мотивы, своимъ стремленіемъ породить или усилить страданіе, которое дѣйствуетъ на васъ съ характеромъ внутренняго мотива in esse, увеличиваютъ ихъ силу и дѣйствуютъ какъ мотивы на волю.

§ 2. *Нѣтъ мотивовъ, которые бы всегда были хороши или всегда дурны.*

IX.

Во всей этой цѣпи мотивовъ, главное или первоначальное звѣно есть, кажется, послѣдній внутренній мотивъ въ ожиданіи (in prospectu); отъ него заимствуютъ свою важность всѣ другіе мотивы въ ожиданіи, и отъ него получаетъ свое существованіе непосредственно дѣйствующій мотивъ. Этотъ мотивъ въ ожиданіи, какъ мы видимъ, есть всегда какое-нибудь удовольствіе или страданіе: удовольствіе, которое разбираемый актъ можетъ, какъ предполагается, продолжить или произвести; страданіе, которое онъ можетъ прекратить или предотвратить. Мотивъ есть въ сущности ни что иное какъ удовольствіе или страданіе, дѣйствующія извѣстнымъ образомъ.

X.

Далѣе, удовольствіе само по себѣ есть добро, и даже, оставляя въ сторонѣ обезпеченіе отъ страданія, единственное добро; страданіе есть само по себѣ зло, и въ самомъ дѣлѣ, безъ исключенія, единственное зло; иначе слова «добро» и «зло» не имѣютъ смысла. И это точно также справедливо о всякомъ родѣ страданія, и о всякомъ родѣ удовольствія. Отсюда непосредственно и неоспоримо слѣдуетъ, что нѣтъ ни одного рода мотива, который самъ по себѣ дуренъ [1].

[1]) Положимъ, что мотивомъ будетъ у человѣка дурная воля; назовите ее даже злобой, завистью, жестокостью; мотивомъ все-таки будетъ родъ удовольствія,—то удовольствіе, которое доставляется ему зрѣлищемъ страданія его противника, или ожиданіемъ этого зрѣлища. Но даже и это презрѣнное удовольствіе, взятое само по себѣ, есть настоящее удовольствіе; оно можетъ быть коротко, во всякомъ случаѣ оно должно быть нечисто; но пока оно продолжается, и пока еще не наступили дурныя послѣдствія, оно не хуже другаго удовольствія, которое не болѣе его интензивно. См. главу IV. Б.

XI.

Однакоже обыкновенно говорится о дѣйствіяхъ, что они происходятъ изъ хорошихъ или дурныхъ мотивовъ; причемъ предполагаются мотивы внутренніе. Это выраженіе далеко не точно; и такъ какъ оно можетъ встрѣчаться при разсмотрѣніи почти всѣхъ родовъ преступленія, то необходимо установить о немъ точное понятіе и замѣтить, насколько оно соотвѣтствуетъ истинѣ дѣла.

XII.

Относительно хорошаго или дурнаго качества мотивовъ надо думать такъ же, какъ о всякой другой вещи, которая не есть сама по себѣ удовольствіе или страданіе. Если мотивы бываютъ хороши или дурны, то только по ихъ дѣйствію; хороши бываютъ они—по причинѣ ихъ стремленія производить удовольствіе или отвращать страданіе; дурны—по причинѣ ихъ стремленія производить страданіе или отвращать удовольствіе. Но дѣло въ томъ, что отъ одного и того же мотива и отъ всякаго рода мотива могутъ происходить дѣйствія хорошія, дѣйствія дурныя и дѣйствія безразличныя. Теперь мы должны объяснить это относительно всѣхъ различныхъ родовъ мотивовъ, опредѣляемыхъ различными родами удовольствій и страданій.

XIII.

Какъ ни полезенъ этотъ анализъ, онъ представляетъ не малыя трудности, происходящія, въ значительной мѣрѣ, отъ извѣстной превратности, болѣе или менѣе господствующей въ устройствѣ всѣхъ языковъ. Чтобы говорить о мотивахъ, а не о чемъ-нибудь другомъ, надо назвать ихъ по имени. Но къ несчастью рѣдко можно встрѣтить мотивъ, имя котораго обозначаетъ именно этотъ мотивъ и ничего больше. Обыкновенно же въ самое имя мотива молча вплетается понятіе, приписывающее ему извѣстное качество;—это качество, во многихъ случаяхъ, окажется включающимъ то хорошее или дурное свойство, относительно котораго мы и спрашиваемъ здѣсь, можетъ ли, собственно говоря, или не можетъ это свойство быть приписано мотивамъ. Употребляя обыкновенный способъ выраженія, имя мотива въ большей части случаевъ есть слово, которое употребляется или только въ хорошемъ смыслѣ, или только въ дурномъ. Но когда называется слово, употребляемое въ хорошемъ смыслѣ, оно необходимо означаетъ слѣдующее: что въ соединеніи съ идеей предмета, который это слово должно обозначать, оно сообщаетъ идею одобренія, т. е. удовольствія или удовлетворенія, получаемаго, при мысли о такомъ предметѣ, тѣмъ лицомъ, которое употребляетъ этотъ терминъ. Подобнымъ образомъ, когда

называется слово, употребляемое въ дурномъ смыслѣ, оно необходимо означаетъ слѣдующее: что въ соединеніи съ идеей предмета, который это слово должно обозначать, оно сообщаетъ идею неодобренія, т. е. неудовольствія, получаемаго, при мысли о такомъ предметѣ, тѣмъ лицомъ, которое употребляетъ это слово. А обстоятельствомъ, на которомъ основано такое одобреніе, будетъ естественно мнѣніе о хорошемъ качествѣ разбираемаго предмета, какъ выше объяснено: таково оно должно быть, по крайней мѣрѣ, по принципу пользы; и также, съ другой стороны, обстоятельствомъ, на которомъ основано неодобреніе, будетъ естественно мнѣніе о дурномъ качествѣ предмета: таково, по крайней мѣрѣ, оно должно быть, если только за мѣрку принятъ принципъ пользы.

Но есть извѣстные мотивы, которые, исключая развѣ немногихъ частныхъ случаевъ, едвали имѣютъ другія слова для своего выраженія кромѣ такихъ, какія употребляются только въ хорошемъ смыслѣ. Таковы, для примѣра, мотивы благочестія и чести. Отсюда происходитъ то, что если, говоря о такомъ мотивѣ, человѣку случится приложить эпитетъ дурнаго къ какимъ-нибудь дѣйствіямъ, которыя по его мнѣнію могутъ происходить изъ этого мотива, то намъ будетъ казаться, что этотъ человѣкъ противорѣчитъ себѣ въ словахъ. Но еще больше есть такихъ мотивовъ, которые едвали имѣютъ другія слова для своего выраженія, кромѣ словъ, употребляемыхъ только въ дурномъ смыслѣ. Таковы, напримѣръ, мотивы сладострастія и скупости. И потому, если, говоря о подобномъ мотивѣ, человѣку случится приложить эпитетъ хорошаго или безразличнаго къ какимъ-нибудь дѣйствіямъ, которыя по его мнѣнію могутъ изъ этого мотива происходить, то намъ опять будетъ казаться, что этотъ человѣкъ виновенъ въ подобномъ же противорѣчіи [1]).

Очевидно, что эта превратная ассоціація идей только увеличиваетъ

---

[1]) Только одному этому несовершенству языка, и ничему больше, надо приписать, въ большой мѣрѣ, тѣ раздражительные крики, которые отъ времени до времени поднимались противъ тѣхъ проницательныхъ моралистовъ, которые, оставивъ битую дорогу умозрѣнія, съ большимъ или меньшимъ трудомъ освобождались изъ путъ обыкновеннаго языка,—каковы напримѣръ Рошфуко, Мандевиль и Гельвецій. Превратности ихъ мнѣній и, съ еще большей несправедливостью, испорченности ихъ сердца приписывалось часто то, что всего скорѣй происходило со стороны автора отъ недостаточнаго умѣнья выражаться, а со стороны толкователей,—отъ недостатка пониманія и иной разъ можетъ быть и отъ недостатка честности. Б.

трудности предстоящаго намъ изслѣдованія. Ограничиваясь одними наиболѣе употребительными способами выраженія, человѣкъ едвали можетъ избѣжать того, чтобы не впадать, повидимому, въ безпрестанныя противорѣчія. Его положенія, съ одной стороны, покажутся противными истинѣ; съ другой,—противорѣчащими пользѣ. Какъ парадоксы, они будутъ приниматься съ пренебреженіемъ; какъ парадоксы вредные,—они будутъ приниматься съ негодованіемъ. Какъ ни важны и ни спасительны истины, которыя онъ трудится вывести, читатель все-таки не подвинется къ нимъ; самъ онъ подвинется еще меньше. Чтобы вполнѣ избѣжать этого неудобства, для него останется одно непріятное средство—бросить старую фразеологію и придумать новую. Счастливъ писатель, котораго языкъ довольно мягокъ и дозволяетъ этотъ рессурсъ. Гдѣ этотъ способъ устраненія неудобства неисполнимъ, тамъ для облегченія его останется только входить въ длинныя разсужденія, выставить все дѣло прямо, признаться, что ради своихъ цѣлей онъ нарушилъ установленные законы языка, и отдаться на милость читателей [1]).

§ 3. *Каталогъ мотивовъ, соотвѣтствующій каталогу удовольствій и страданій.*

XIV.

Отъ удовольствій чувствъ, разсматриваемыхъ вообще, происходитъ мотивъ, который въ нейтральномъ смыслѣ можетъ назваться физиче-

---

[1]) Къ счастью, языкъ не всегда бываетъ такъ несговорчивъ, и, ставя два слова вмѣсто одного, можно избѣжать неудобства фабрикаціи совершенно новыхъ словъ. Такимъ образомъ вмѣсто слова «сладострастіе» мы можемъ, соединивъ два общеупотребительныя слова, составить нейтральное выраженіе: половое желаніе; вмѣсто слова «скупость», соединивъ опять два общеупотребительныя слова, мы составляемъ нейтральное выраженіе: денежный интересъ. Я и избралъ это средство. Въ этихъ случаяхъ, впрочемъ, и самая комбинація подобныхъ словъ не есть новость: ново будетъ здѣсь только постоянное употребленіе нейтральныхъ выраженій и совершенное отстраненіе терминовъ, значеніе которыхъ заражено случайными и несоотвѣтственными идеями.

Въ каталогѣ мотивовъ, соотвѣтствующихъ разнымъ родамъ страданій и удовольствій, я помѣстилъ тѣ, какіе мнѣ попадались. Я и не думаю утверждать, чтобы этотъ каталогъ былъ полонъ. Чтобы дать ему эту полноту—единственнымъ средствомъ было бы перелистовать словарь съ начала до конца: операція, которая, въ видахъ совершенства, могла бы послужить и не для одной этой цѣли. Б.

скимъ желаніемъ: въ дурномъ смыслѣ онъ называется чувственностью. Названія въ хорошемъ смыслѣ онъ не имѣетъ. О немъ нельзя опредѣлить, пока онъ не будетъ разсмотрѣнъ отдѣльно, относительно различныхъ видовъ удовольствія, которымъ онъ соотвѣтствуетъ.

XV.

И такъ, въ частности, удовольствіямъ вкуса или нёба соотвѣтствуетъ мотивъ, который, не имѣя названія нейтральнаго, способнаго выразить его во всѣхъ случаяхъ, можетъ быть названъ описательно любовью къ удовольствіямъ нёба. Въ частныхъ случаяхъ онъ называется голодомъ; въ другихъ—жаждой [1]. «Любовь къ хорошему столу» выражаетъ этотъ мотивъ, но идетъ, кажется, дальше: внушая мысль, что это удовольствіе должно быть принимаемо въ обществѣ и включая также родъ симпатіи. Въ дурномъ смыслѣ, этотъ мотивъ называется въ нѣкоторыхъ случаяхъ обжорствомъ, жадностью, ненасытностью; въ другихъ, особенно когда говорится о дѣтяхъ, лакомствомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ можетъ быть также выраженъ словомъ изысканность. Названія, употребляемаго въ хорошемъ смыслѣ, онъ не имѣетъ. 1) Мальчикъ, не нуждающійся въ съѣстныхъ припасахъ, крадетъ пирожокъ изъ пирожной лавки и съѣдаетъ его. Въ этомъ случаѣ его мотивъ будетъ всѣми признанъ за дурной: и еслибы спросить, какой это мотивъ, на это отвѣчали бы вѣроятно,—лакомство. 2) Мальчикъ покупаетъ пирожокъ въ пирожной лавкѣ, и съѣдаетъ его. Въ этомъ случаѣ его мотивъ вѣроятно не будетъ считаться ни хорошимъ, ни дурнымъ, если только его наставникъ не расположенъ къ нему дурно; и въ этомъ случаѣ мотивъ опять вѣроятно будетъ названъ лакомствомъ, какъ прежде. Но собственно говоря мотивъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Это ни что иное какъ мотивъ, соотвѣтствующій удовольствіямъ нёба [2].

XVI.

Удовольствіямъ половаго чувства соотвѣтствуетъ мотивъ, который

---

[1]) Голодъ и жажда, разсматриваемые въ качествѣ мотивовъ, означаютъ не столько желаніе особеннаго рода удовольствія, сколько желаніе удалить положительный родъ страданія. Они не простираются на желаніе того рода удовольствія, которое зависитъ отъ выбора блюдъ и напитковъ. Б.

[2]) Для каждаго случая не стоитъ приводить примѣры, гдѣ дѣйствіе можетъ быть безразлично: если отъ одного и того же мотива могутъ происходить и хорошія и дурныя дѣйствія, то легко понять, что отъ него могутъ происходить и дѣйствія безразличныя. Б.

въ нейтральномъ смыслѣ можетъ быть названъ половымъ желаніемъ. Въ другомъ смыслѣ онъ получаетъ имя сладострастія и много другихъ неодобрительныхъ названій. Названія, употребляемаго въ хорошемъ смыслѣ, онъ не имѣетъ.

1) Человѣкъ похищаетъ дѣвушку. Въ этомъ случаѣ мотивъ безъ затрудненій называется сладострастіемъ, развратомъ и такъ далѣе, и вообще считается дурнымъ. 2) Тотъ же человѣкъ, въ другое время, исполняетъ съ своей женой права брака. Въ этомъ случаѣ мотивъ будетъ считаться, вѣроятно, хорошимъ или по крайней мѣрѣ безразличнымъ; и здѣсь люди затруднились бы дать ему одно изъ упомянутыхъ именъ. Но въ обоихъ случаяхъ мотивъ, въ сущности, можетъ быть положительно тотъ же самый. Въ обоихъ случаяхъ это ни что иное какъ половое желаніе.

XVII.

Удовольствіямъ любопытства соотвѣтствуетъ мотивъ, извѣстный подъ тѣмъ же именемъ и который можетъ быть иначе названъ любовью къ новизнѣ или любовью къ опыту и, въ частныхъ случаяхъ, охотой и иногда игрой.

1) Мальчикъ для развлеченія читаетъ поучительную книгу: мотивъ считается вѣроятно хорошимъ и во всякомъ случаѣ не считается дурнымъ. 2) Онъ спускаетъ свой волчекъ: мотивъ во всякомъ случаѣ не считается дурнымъ. 3) Онъ выпускаетъ въ толпу людей бѣшенаго быка: его мотивъ назовутъ вѣроятно ужаснымъ. И однакоже во всѣхъ трехъ случаяхъ мотивъ можетъ быть одинъ и тотъ же: это можетъ быть ни что иное какъ любопытство.

XVIII.

Что касается до другихъ удовольствій чувствъ, они имѣютъ слишкомъ мало значенія, чтобы давать какія-нибудь особенныя названія соотвѣтствующимъ имъ мотивамъ.

XIX.

Удовольствіямъ богатства соотвѣтствуетъ родъ мотива, который въ нейтральномъ смыслѣ можетъ быть названъ денежнымъ интересомъ. Въ другомъ смыслѣ онъ называется въ нѣкоторыхъ случаяхъ скупостью, жадностью, хищничествомъ; въ другихъ случаяхъ,—скряжничествомъ; въ хорошемъ смыслѣ, но только въ частныхъ случаяхъ,—экономіей и умѣренностью, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ его могутъ назвать умѣньемъ зашибить копѣйку; въ смыслѣ почти безразличномъ, но скорѣе дурномъ, чѣмъ хорошемъ, хотя только въ частныхъ случаяхъ, онъ называется скопидомствомъ (бережливостью, parsimony).

1) За деньги вы удовлетворяетс ненависть человѣка, умерщвляя его врага. 2) За деньги вы обработываете его поле. Въ первомъ случаѣ вашъ мотивъ называется жадностью и считается дурнымъ и ужаснымъ; а во второмъ, по недостатку соотвѣтственнаго названія, онъ называется умѣньемъ наживать деньги, и считается по крайней мѣрѣ невиннымъ, если не похвальнымъ. Но въ обоихъ случаяхъ мотивъ положительно одинъ и тотъ же: это ни что иное какъ денежный интересъ.

XX.

Удовольствія искусства не достаточно особенны и не имѣютъ достаточно значенія, чтобы нужно было давать особое названіе соотвѣтствующему имъ мотиву.

XXI.

Удовольствіямъ дружбы соотвѣтствуетъ мотивъ, который въ нейтральномъ смыслѣ можетъ быть названъ желаніемъ пріобрѣсти себѣ людское расположеніе. Въ дурномъ смыслѣ онъ называется въ извѣстныхъ случаяхъ рабствомъ; въ хорошемъ смыслѣ онъ не имѣетъ особаго названія; въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на него смотрятъ благопріятно, его рѣдко отличаютъ отъ мотива симпатіи или благосклонности, съ которымъ онъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно соединяется.

1) Чтобы *пріобрѣсти расположеніе женщины до брака, и сохранить его послѣ, вы дѣлаете все, согласное съ другими вашими обязанностями,* что можетъ сдѣлать ее счастливой: въ этомъ случаѣ вашъ мотивъ считается похвальнымъ, хотя для него нѣтъ названія. 2) Для той же цѣли, вы отравляете женщину, съ которой она находится во враждѣ: въ этомъ случаѣ вашъ мотивъ считается ужаснымъ, хотя для него также нѣтъ имени. 3) Чтобы пріобрѣсти или сохранить расположеніе человѣка, который гораздо богаче и могущественнѣе васъ самихъ, вы сами служите его удовольствіямъ. Хотя бы это были даже законныя удовольствія, но если люди станутъ приписывать ваше поведеніе этому мотиву, то они не найдутъ для него никакого другаго названія кромѣ рабства. Но во всѣхъ трехъ случаяхъ мотивъ одинъ и тотъ же: это ни что иное какъ *желаніе пріобрѣсти себѣ расположеніе другихъ.*

XXII.

Удовольствіямъ нравственной санкціи, или, какъ они могутъ быть еще названы, удовольствіямъ добраго имени, соотвѣтствуетъ мотивъ, который едвали имѣетъ какое-нибудь точное названіе въ нейтральномъ смыслѣ. Онъ можетъ быть названъ любовью къ репутаціи. Онъ имѣетъ близкое родство съ послѣднимъ упомянутымъ мотивомъ: такъ какъ

это есть ни что иное какъ желаніе пріобрѣсти расположеніе всѣхъ вообще, или, какъ слѣдовало бы скорѣе сказать въ этомъ случаѣ, рекомендовать себя расположенію всѣхъ вообще. Въ хорошемъ смыслѣ этотъ мотивъ называется честью или чувствомъ чести; или, лучше сказать, слово «честь» введено такъ или иначе по тому случаю, что оно было выставлено на видъ: потому что, строго говоря, слово «честь» должно скорѣе обозначать тотъ воображаемый предметъ, который предполагается во владѣніи человѣка, по случаю того, что онъ получаетъ значительную долю упомянутыхъ удовольствій. Въ частныхъ случаяхъ это называется любовью къ славѣ. Въ дурномъ смыслѣ этотъ мотивъ называется въ нѣкоторыхъ случаяхъ ложной честью; въ другихъ,—высокомѣріемъ; въ третьихъ—тщеславіемъ. Въ смыслѣ не рѣшительно дурномъ, но скорѣе дурномъ, онъ называется честолюбіемъ. Въ безразличномъ смыслѣ, иногда онъ называется любовью къ извѣстности; иногда—чувствомъ стыда. И такъ какъ удовольствія, принадлежащія къ нравственной санкціи, тѣсно связываются съ страданіями, происходящими изъ того же источника, то этотъ мотивъ можетъ также называться, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, страхомъ безчестія, страхомъ немилости, страхомъ презрѣнія, страхомъ стыда.

1) Вы получили отъ человѣка оскорбленіе: по господствующему обычаю, съ одной стороны чтобы спасти себя отъ стыда, что вы снесли его терпѣливо; съ другой чтобы пріобрѣсти репутацію мужества, вы вызываете его на смертный поединокъ. Въ этомъ случаѣ нѣкоторые люди найдутъ вашъ мотивъ похвальнымъ и назовутъ его честью; другіе найдутъ его достойнымъ порицанія, и если назовутъ его честью, то прибавятъ къ этому неодобрительный эпитетъ и назовутъ его ложной честью. 2) Чтобы получить значительный постъ и тѣмъ увеличить уваженіе къ себѣ публики, вы подкупаете избирателей, которые могутъ дать вамъ этотъ постъ, или ту власть, предъ которой идетъ споръ объ этомъ постѣ. Въ этомъ случаѣ вашъ мотивъ будетъ признанъ вообще превратнымъ и отвратительнымъ и будетъ названъ вѣроятно какъ-нибудь въ родѣ безчестнаго или превратнаго честолюбія, такъ какъ для этого нѣтъ отдѣльнаго названія. 3) Съ цѣлью пріобрѣсти расположеніе публики, вы употребляете значительную сумму денегъ на дѣло частной благотворительности или общественной пользы. Въ этомъ случаѣ люди могутъ не согласиться относительно вашего мотива. Ваши враги бросятъ на него дурную тѣнь и назовутъ его хвастовствомъ; ваши друзья, чтобы спасти васъ отъ этого упрека, будутъ скорѣе приписывать ваше поведеніе не этому, а какому-нибудь другому мотиву, напримѣръ мотиву благотворительности (названіе, даваемое въ такомъ случаѣ частной

симпатіи), или чувству общественнаго блага. 4) Король съ цѣлью возбудить къ себѣ удивленіе, соединяемое съ именемъ завоевателя (мы предполагаемъ силу и мщеніе внѣ вопроса), вовлекаетъ свое королевство въ кровопролитную войну. Толпа (ея симпатію къ милліонамъ легко превозмогаетъ то удовольствіе, которое находитъ ея воображеніе въ разѣваніи рта при всякой новости, какую замѣчаетъ она въ поведеніи одного лица) считаетъ этотъ мотивъ удивительнымъ. Люди съ чувствомъ и размышляющіе, которые не одобряютъ господства подобнаго мотива въ этомъ случаѣ, не всегда замѣчая, что этотъ же самый мотивъ находитъ у нихъ одобреніе при другихъ случаяхъ, — эти люди найдутъ мотивъ отвратительнымъ; и такъ какъ толпа, которая создаетъ языкъ, не дала этому мотиву особаго названія, то они назовутъ его какимъ нибудь сложнымъ именемъ, напримѣръ любовью къ ложной славѣ или ложнымъ честолюбіемъ. Но во всѣхъ четырехъ случаяхъ мотивъ одинъ и тотъ же; это есть ни что иное какъ любовь къ репутаціи.

XXIII.

Удовольствіямъ власти соотвѣтствуетъ мотивъ, который въ нейтральномъ смыслѣ можетъ быть названъ любовью къ власти. Люди, которымъ этотъ мотивъ не нравится, называютъ его властолюбіемъ, въ дурномъ смыслѣ. Въ хорошемъ смыслѣ онъ едвали имѣетъ имя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ этотъ мотивъ, какъ и любовь къ репутаціи, смѣшивается въ одно названіе—честолюбіе. Это не удивительно, если обратить вниманіе на внутреннюю связь между этими двумя мотивами во многихъ случаяхъ: такъ какъ обыкновенно бываетъ, что одинъ предметъ, доставляющій одинъ родъ удовольствія, въ тоже самое время доставляетъ и другой родъ удовольствія; напримѣръ общественныя должности, которыя въ одно время составляютъ и постъ чести, и постъ довѣрія; и такъ какъ во всякомъ случаѣ репутація есть дорога къ власти.

1) Если съ цѣлью получить мѣсто въ администраціи, вы отравляете человѣка, который занимаетъ это мѣсто. 2) Если, съ той же самой цѣлью, вы предлагаете спасительный планъ для успѣховъ общественнаго благосостоянія; вашъ мотивъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Но въ первомъ случаѣ онъ считается преступнымъ и отвратительнымъ; во второмъ—позволительнымъ и даже похвальнымъ.

XXIV.

Удовольствіямъ, а также и страданіямъ, религіозной санкціи соотвѣтствуетъ мотивъ, который, строго говоря, не имѣетъ вполнѣ нейтральнаго названія, приложимаго ко всѣмъ случаямъ, если только не

понимать съ этимъ характеромъ слово религія, хотя это слово, строго говоря, обозначаетъ, кажется, не столько самый мотивъ, сколько родъ фиктивной личности, которая предполагается произведшей этотъ мотивъ, или сколько собраніе законовъ, которое предполагается даннымъ этой личностью; притомъ это названіе кажется не вполнѣ удобно можетъ быть употребляемо въ нейтральномъ смыслѣ. Въ одномъ и томъ же смыслѣ онъ называется также, въ однихъ случаяхъ, религіозной ревностью; въ другихъ,—страхомъ Бога. Любовь къ Богу, хотя обыкновенно противополагаемая страху божію, въ строгомъ смыслѣ не принадлежитъ сюда. Она совпадаетъ собственно съ мотивомъ другаго названія, именно съ родомъ симпатіи и благорасположенія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ Божество. Въ хорошемъ смыслѣ этотъ мотивъ называется религіозностью, благочестіемъ и благочестивой ревностью. Въ дурномъ смыслѣ онъ называется, въ однихъ случаяхъ, суевѣріемъ или суевѣрной ревностью; въ другихъ—фанатизмомъ или фанатической ревностью; въ смыслѣ не рѣшительно дурномъ, потому что такой смыслъ не удобно прилагается къ этому мотиву,—онъ называется энтузіазмомъ или энтузіастической ревностью.

1. Съ цѣлью получить милость Высшаго существа, человѣкъ убиваетъ своего законнаго государя. Въ этомъ случаѣ мотивъ признается почти всѣми отвратительнымъ и называется фанатизмомъ; въ прежнее время очень многіе считали его похвальнымъ и называли его благочестивой ревностью. 2) Съ той же цѣлью, человѣкъ бичуетъ себя. Въ этомъ случаѣ, въ одномъ домѣ мотивъ считается похвальнымъ и называется благочестивой ревностью; въ сосѣднемъ домѣ къ нему относятся съ пренебреженіемъ и называютъ его суевѣріемъ. 3) . . . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . . 4) Съ той же цѣлью человѣкъ умирая держитъ за хвостъ корову. На Темзѣ мотивъ былъ бы сочтенъ въ этомъ случаѣ презрѣннымъ и былъ бы названъ суевѣріемъ; на Гангѣ онъ считается достойнымъ похвалы и называется благочестіемъ. 5) Съ той же цѣлью, человѣкъ употребляетъ значительную сумму денегъ на дѣла благотворительности или общественную пользу. Въ этомъ случаѣ мотивъ называется похвальнымъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, кто относитъ упомянутыя вещи въ этотъ разрядъ; и эти люди по крайней мѣрѣ назовутъ его благочестіемъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мотивъ

одинъ и тотъ же; это ни что иное какъ мотивъ, принадлежащій къ религіозной санкціи.

XXV.

Удовольствіямъ симпатіи соотвѣтствуетъ мотивъ, который въ нейтральномъ смыслѣ называется доброй волей. Въ этомъ случаѣ можетъ быть употреблено также слово симпатія; хотя смыслъ его кажется скорѣе болѣе обширенъ. Въ хорошемъ смыслѣ онъ называется благосклонностью, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ филантропіей, и, въ фигуральномъ способѣ выраженія, братской любовью; въ другихъ случаяхъ—человѣчностью; въ третьихъ—любовью къ ближнему; въ четвертыхъ—сожалѣніемъ и состраданіемъ; въ пятыхъ—милосердіемъ; въ шестыхъ—благодарностью; въ седьмыхъ—нѣжностью; въ восьмыхъ—патріотизмомъ; въ девятыхъ—чувствомъ общественнаго блага. Любовь также употребляется въ этомъ смыслѣ, какъ и во многихъ другихъ. Въ дурномъ смыслѣ этотъ мотивъ не имѣетъ названія, приложимаго ко всѣмъ случаямъ; въ частныхъ случаяхъ онъ называется пристрастіемъ. Слово ревность, съ прибавленіемъ извѣстныхъ эпитетовъ, также можетъ употребляться иногда въ такомъ случаѣ, хотя смыслъ его гораздо обширнѣе,—такъ какъ оно прилагается иногда и къ дурной волѣ, какъ и къ хорошей. Такимъ образомъ мы говоримъ о ревности партіи, о національной ревности, объ общественной ревности. Слово привязанность употребляется также съ подобными эпитетами: мы говоримъ также семейная привязанность. Таково и французское выраженіе esprit de corps.

1) Человѣкъ, поджегшій городъ, схваченъ и посаженъ въ тюрьму; вы, изъ дружбы или изъ состраданія къ нему, помогаете ему бѣжать изъ тюрьмы. Въ этомъ случаѣ большинство людей едвали будетъ знать, надо ли осудить или похвалить вашъ мотивъ: тѣ, кто осудитъ ваше поведеніе, будутъ скорѣе расположены приписать его какому-нибудь другому мотиву: если они назовутъ его благосклонностью или состраданіемъ, они прибавятъ къ нимъ эпитетъ и назовутъ мотивъ ложной благосклонностью или ложнымъ состраданіемъ. 2) Этотъ человѣкъ взятъ снова и переданъ суду; чтобы спасти его, вы ложно клянетесь въ его пользу. Люди, которые прежде не назвали бы вашего мотива дурнымъ, быть можетъ назовутъ его дурнымъ теперь. 3) Человѣкъ имѣетъ съ вами процессъ объ имѣньѣ: онъ не имѣетъ на него права: судья знаетъ это, но, изъ уваженія или изъ привязанности къ вашему противнику, онъ присуждаетъ имѣнье ему. Въ этомъ случаѣ всякій найдетъ мотивъ отвратительнымъ и назоветъ его несправедливостью и пристрастіемъ. 4) Вы открываете, что правительственное лицо подкупается: ради обще-

ственнаго интереса, вы доносите на него и преслѣдуете его. Въ этомъ случаѣ, всѣ, кто признаетъ, что ваше поведенiе произошло изъ этого мотива, найдутъ его похвальнымъ и назовутъ его чувствомъ общественнаго блага. Но его друзья и зависящiе отъ него люди не будутъ объяснять ваше поведенiе такимъ способомъ: они скорѣе припишутъ его враждѣ партiи. 5) Вы находите человѣка, умирающаго съ голоду: вы помогаете ему и спасаете ему жизнь. Въ этомъ случаѣ всякiй найдетъ вашъ мотивъ похвальнымъ, и его назовутъ состраданiемъ, сожалѣнiемъ, любовью къ ближнему, благосклонностью. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мотивъ въ сущности одинъ и тотъ же; это ни что иное какъ мотивъ доброй воли.

XXVI.

Удовольствiямъ неблагосклонности или антипатiи соотвѣтствуетъ мотивъ, который въ нейтральномъ смыслѣ называется антипатiей или недовольствомъ, и въ частныхъ случаяхъ—неудовольствiемъ, отвращенiемъ, омерзѣнiемъ и негодованiемъ; въ нейтральномъ смыслѣ, или быть можетъ скорѣе склонномъ къ дурному—дурной волей, и въ частныхъ случаяхъ—гнѣвомъ, злобой и враждой. Въ дурномъ смыслѣ онъ называется, въ различныхъ случаяхъ, гнѣвомъ, хандрой, дурнымъ расположенiемъ духа, ненавистью, злостью, бѣшенствомъ, жестокостью, тираннiей, завистью, мщенiемъ, мизантропiей и другими именами, собирать которыя едвали стоитъ труда [1]). Подобно доброй волѣ, этотъ мотивъ употребляется съ эпитетами, выражающими лица, которыя составляютъ предметъ чувствованiя. Такимъ образомъ мы слышимъ о враждѣ партiй, озлобленiи партiй и т. д. Въ хорошемъ смыслѣ для него кажется нѣтъ отдѣльнаго названiя. Въ сложныхъ выраженiяхъ о немъ можно говорить въ этомъ смыслѣ съ эпитетами, какъ *справедливый* и *похвальный*, прилагаемыми къ словамъ, которыя употребляются въ нейтральномъ или почти нейтральномъ смыслѣ.

---

[1]) Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, можно замѣтить, что тѣ же слова, какiя употребляются въ качествѣ названiй мотивовъ, часто служатъ также названiями страстей, стремленiй, чувствованiй: это воображаемыя сущности, которыя происходятъ только отъ способа разсматривать страданiя или удовольствiя съ особенной точки зрѣнiя. Нѣкоторыя изъ нихъ служатъ также названiями нравственныхъ качествъ. Эта часть номенклатуры замѣчательно запутанна,—чтобы разобрать ее какъ слѣдуетъ, понадобился бы цѣлый томъ, изъ котораго ни одна строчка не должна бы имѣть мѣста въ настоящемъ трудѣ. Б.

1. Вы грабите человѣка: онъ преслѣдуетъ васъ и васъ наказываютъ; съ досады вы бросаетесь на него и задушаете собственными руками. Въ этомъ случаѣ всѣ найдутъ вашъ мотивъ гнуснымъ и назовутъ его злостью, жестокостью, мщеніемъ и т. д. 2) Человѣкъ укралъ у васъ немного денегъ: вы съ досады преслѣдуете его, и по закону его повѣсили. Въ этомъ случаѣ люди вѣроятно немного разойдутся въ мнѣніяхъ о вашемъ мотивѣ: ваши друзья сочтутъ его похвальнымъ и назовутъ его справедливой или похвальной досадой; ваши враги быть можетъ расположены будутъ считать его достойнымъ порицанія и назовутъ его жестокостью, злостью, мщеніемъ и т. д.; чтобы помѣшать имъ въ этомъ, быть можетъ, ваши друзья попробуютъ перемѣнить мотивъ и назовутъ его чувствомъ общественнаго блага. 3) Человѣкъ убилъ вашего отца: изъ чувства мщенія, вы преслѣдуете его и его по закону наказываютъ смертью. Въ этомъ случаѣ вашъ мотивъ всѣ признаютъ похвальнымъ и назовутъ, какъ прежде, справедливой и похвальной досадой; а ваши друзья, чтобы выставить на видъ болѣе привлекательный принципъ, откуда произошелъ принципъ неблагосклонности, бывшій вашимъ непосредственнымъ мотивомъ, упустятъ этотъ послѣдній изъ виду и будутъ говорить только о первомъ, подъ какимъ-нибудь названіемъ въ родѣ сыновней любви. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мотивъ одинъ и тотъ же; это есть ни что иное, какъ мотивъ дурной воли.

XXVII.

Различнымъ родамъ страданій, или по крайней мѣрѣ всѣмъ тѣмъ изъ нихъ, которыя предполагаются существующими въ сильной степени, и смерти, которая, сколько мы видимъ, есть прекращеніе всѣхъ извѣстныхъ намъ удовольствій и страданій,—соотвѣтствуетъ мотивъ, который въ нейтральномъ смыслѣ называется вообще самосохраненіемъ, желаніемъ сохранить себя отъ упомянутаго страданія или зла. Но во многихъ случаяхъ желаніе удовольствія или чувство страданія незамѣтно переходятъ одно въ другое. Поэтому, самосохраненіе, гдѣ соотвѣтствующая ему степень страданія не велика, едвали можетъ быть отдѣлено какой-нибудь точной чертой отъ мотивовъ, соотвѣтствующихъ нѣкоторымъ родамъ удовольствій. Такъ напримѣръ въ случаѣ страданій голода и жажды: физическую необходимость во многихъ случаяхъ едвали можно будетъ отличить отъ физическаго желанія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, опять въ нейтральномъ смыслѣ, этотъ мотивъ называется самозащищеніемъ. Уже выше было замѣчено объ этомъ отсутствіи границъ между удовольствіями и страданіями нравственной и религіозной санкцій, и слѣдовательно

между соотвѣтствующими имъ мотивами, также какъ между удовольствіями дружбы и страданіями вражды [1]). Точно также нѣтъ границы и между удовольствіями богатства и страданіями лишенія, соотвѣтствующими этимъ удовольствіямъ. Поэтому есть много случаевъ, гдѣ трудно будетъ отличить мотивъ самосохраненія отъ денежнаго интереса, отъ желанія пріобрѣсти себѣ расположеніе другихъ, отъ любви къ репутаціи и отъ религіозной надежды; причемъ конечно эти послѣднія названія, болѣе специфическія и ясныя, будутъ предпочитаться общему и неясному имени самосохраненія. Есть также много сложныхъ названій, которыя или уже употребляются, или могли бы быть придуманы для того, чтобы отличить специфическія вѣтви мотива самосохраненія отъ разныхъ мотивовъ, происходящихъ изъ удовольствій; таковы страхъ бѣдности, страхъ потери уваженія такого или такого человѣка, страхъ стыда, страхъ Бога. Кромѣ того, страху смерти соотвѣтствуетъ въ нейтральномъ смыслѣ любовь къ жизни; въ дурномъ смыслѣ—трусость: что соотвѣтствуетъ также страданіямъ чувствъ, по крайней мѣрѣ когда они являются въ острой степени. Для любви къ жизни кажется нѣтъ названія въ хорошемъ смыслѣ; кромѣ развѣ неопредѣленнаго и общаго имени благоразумія.

1) Чтобы спасти себя отъ висѣлицы, отъ позорнаго столба, отъ тюрьмы, отъ денежной пени, вы отравляете единственнаго человѣка, который можетъ представить противъ васъ улики. Въ этомъ случаѣ всѣ назовутъ вашъ мотивъ гнуснымъ: но такъ какъ слово самосохраненіе не имѣетъ дурнаго смысла, то люди и не захотятъ употреблять его: они скорѣе перемѣнятъ мотивъ и назовутъ его злобой. 2) Женщина, только-что родившая незаконно-прижитаго ребенка, чтобы избавиться отъ стыда, уничтожаетъ ребенка или бросаетъ его. Въ этомъ смыслѣ люди также назовутъ мотивъ дурнымъ; и, не говоря о немъ въ нейтральномъ смыслѣ, они скорѣе перемѣнятъ мотивъ и назовутъ его какимъ-нибудь именемъ вродѣ жестокости. 3) Чтобы сберечь издержку въ полъ-пенса, вы допустите погибнуть на вашихъ глазахъ отъ нищеты человѣку, котораго могли бы спасти этой издержкой. Въ этомъ случаѣ всѣ сочтутъ вашъ мотивъ отвратительнымъ; и, чтобы не называть его снисходительнымъ именемъ самосохраненія, люди скорѣе назовутъ вашъ мотивъ скупостью и скряжничествомъ, съ которыми онъ въ самомъ дѣлѣ вполнѣ совпадаетъ въ этомъ случаѣ; чтобы найти болѣе порицательное названіе, они могутъ также перемѣнить мотивъ и назвать

---

[1]) См. гл. V (Удовольствія и Страданія), параг. 24, 25.

его жестокостью. 4) Чтобы положить конецъ своему страданію отъ голода, вы крадете хлѣбъ. Въ этомъ случаѣ вашъ мотивъ едвали сочтутъ слишкомъ дурнымъ, и, чтобы выразить больше снисходительности къ нему, люди могутъ придумать для него болѣе сильное названіе, чѣмъ самосохраненіе, и назовутъ его необходимостью. 5) Чтобы спасти себя отъ утопленія, вы сталкиваете невиннаго человѣка, который держался за ту же доску. Въ этомъ случаѣ вашъ мотивъ не найдутъ вообще ни хорошимъ, ни дурнымъ, и назовутъ его самосохраненіемъ, или необходимостью, или любовью къ жизни. 6) Чтобы спасти свою жизнь отъ шайки разбойниковъ, вы убиваете ихъ въ схваткѣ. Въ этомъ случаѣ мотивъ быть можетъ найдутъ скорѣе похвальнымъ, чѣмъ напротивъ; и кромѣ самосохраненія, его назовутъ также самозащищеніемъ. 7) Солдатъ посылается съ отрядомъ противъ слабѣйшаго отряда непріятеля; еще не встрѣтившись съ нимъ, онъ, чтобы спасти свою жизнь, убѣгаетъ. Въ этомъ случаѣ мотивъ всѣми будетъ признанъ презрѣннымъ и названъ будетъ трусостью. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мотивъ одинъ и тотъ же; это ни что иное какъ самосохраненіе.

XXVIII.

Въ частности, страданіямъ, дѣятельности, соотвѣтствуетъ мотивъ, который въ нейтральномъ смыслѣ можетъ быть названъ любовью къ покою, или, съ помощью болѣе длиннаго описанія, желаніемъ избѣгать тревоги. Въ дурномъ смыслѣ онъ называется лѣностью [1]). Кажется, нѣтъ слова, которое бы придавало ему хорошій смыслъ.

1) Чтобы избавиться отъ тревоги ухода за ребенкомъ, родитель даетъ своему ребенку погибнуть. Въ этомъ случаѣ мотивъ будетъ сочтенъ гнуснымъ, и такъ какъ слово лѣность покажется для него слишкомъ мягкимъ, то мотивъ, быть можетъ, будетъ измѣненъ и выраженъ какимъ-нибудь словомъ вродѣ жестокости. 2) Чтобы спасти себя отъ незаконнаго рабства, вы убѣгаете. Въ этомъ случаѣ мотивъ конечно не будетъ сочтенъ дурнымъ; и такъ какъ лѣность или даже любовь къ покою покажутся для него слишкомъ неблагопріятными именами, то онъ будетъ вѣроятно названъ любовью къ свободѣ. 3) Механикъ, чтобы сберечь свой трудъ, дѣлаетъ улучшеніе въ машинѣ. Въ этомъ случаѣ люди найдутъ мотивъ хорошимъ, и, не находя для него имени,

[1]) На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ говорить о любви къ покою, какъ причинѣ дѣйствія; но дѣйствіе есть такой же естественный результатъ любви къ покою, какъ бездѣйствіе,—когда меньшая степень труда обѣщаетъ человѣку избавить его отъ большей. Б.

которое дало бы ему хорошій смыслъ, они пожалуй оставятъ мотивъ въ сторонѣ: они будутъ скорѣе говорить объ его изобрѣтательности, чѣмъ о мотивѣ, который былъ для него средствомъ обнаружить это качество. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ мотивъ одинъ и тотъ же это— ни что иное какъ любовь къ покою.

XXIX.

Такимъ образомъ *оказывается*, что нѣтъ такой вещи и такого рода мотива, которые дурны сами по себѣ; и слѣдовательно, нѣтъ и такой вещи или такого мотива, которые сами по себѣ исключительно хороши. Что же касается ихъ дѣйствія, оказывается, что оно иногда бываетъ дурно, а въ другой разъ или безразлично, или хорошо: и такъ бываетъ со всякими мотивами. Итакъ, если какой-нибудь родъ мотива хорошъ или дуренъ по своему дѣйствію, это бываетъ только въ индивидуальныхъ случаяхъ и съ индивидуальными мотивами; и такъ бываетъ со всякаго рода мотивами. Итакъ, если какой-нибудь родъ мотива можетъ, смотря по своему дѣйствію, быть сколько-нибудь справедливо названъ дурнымъ, это можетъ быть сдѣлано только относительно средняго вывода изъ всѣхъ дѣйствій, которыя этотъ мотивъ можетъ имѣть въ томъ или другомъ родѣ въ данный періодъ, т. е. средняго вывода его наиболѣе обыкновеннаго стремленія.

XXX.

Но какъ же это (скажутъ)? развѣ сластолюбіе, жестокость, скупость, не дурные мотивы? Развѣ есть какой-нибудь индивидуальный случай, гдѣ бы подобные мотивы не были именно дурны? Конечно, нѣтъ: но тѣмъ неменѣе положеніе, что нѣтъ ни одного рода мотивовъ, который бы во многихъ случаяхъ не былъ хорошимъ, остается справедливо. Дѣло въ томъ, что есть имена, которыя, если они прилагаются правильно, всегда прилагаются только къ тѣмъ случаямъ, гдѣ обозначаемымъ ими мотивамъ случается быть дурными. Имена этихъ мотивовъ, разсматриваемыхъ отдѣльно отъ ихъ дѣйствій,—половое желаніе, недовольство, и денежный интересъ. Если дѣйствія половаго желанія считаются дурными, ему даютъ названіе сластолюбія. А сластолюбіе есть всегда дурной мотивъ. Почему? Потому что, если случай таковъ, что дѣйствія этого мотива не дурны, то онъ не получаетъ, или по крайней мѣрѣ не долженъ получать, имени сластолюбія. Дѣло слѣдовательно въ томъ, что когда я говорю: «сластолюбіе» есть дурной мотивъ,» это положеніе относится только къ значенію слова «сластолюбіе», и оно было бы ложно, еслибы отнесено было къ слову «половое желаніе», употреб-

ленному для означенія того же мотива. Отсюда мы видимъ ничтожество всѣхъ тѣхъ рапсодій рутинной морали, которыя состоятъ въ томъ, чтобы взять такія слова, какъ сластолюбіе, жестокость или скупость, и наложить на нихъ клейма порицанія: приложенныя къ вещи, они ложны; приложенныя къ имени, они дѣйствительно вѣрны — но не имѣютъ практическаго смысла (nugatory). Если вы хотите сдѣлать дѣйствительную услугу человѣчеству, покажите ему случаи, гдѣ половое желаніе заслуживаетъ имени сластолюбія, гдѣ недовольство заслуживаетъ имени жестокости, и денежный интересъ—имени скупости.

XXXI.

Еслибы нужно было прилагать къ мотивамъ такія обозначенія, какъ хорошій, дурной, безразличный, мотивы могли бы быть расположены въ слѣдующіе разряды, по наиболѣе частому характеру ихъ дѣйствій. Въ разрядъ хорошихъ мотивовъ могли бы быть помѣщены: 1) Добрая воля. 2) Любовь къ репутаціи. 3) Желаніе дружбы и 4) Религія. Въ разрядъ дурныхъ мотивовъ: 5) Недовольство. Въ разрядъ нейтральныхъ или безразличныхъ мотивовъ: 6) Физическое желаніе. 7) Денежный интересъ. 8) Любовь къ власти. 9) Самосохраненіе, какъ мотивъ, включающій страхъ страданій чувствъ, любовь къ покою и любовь къ жизни.

XXXII.

Впрочемъ, этотъ способъ распредѣленія не можетъ не быть несовершеннымъ, и принятая въ немъ номенклатура подвержена опасности быть ошибочной. Потому что, какой способъ изслѣдованія можетъ удостовѣрить человѣка въ томъ, что относительно мотивовъ, помѣщенныхъ въ разрядъ хорошихъ, тѣ хорошія дѣйствія ихъ, которыя они имѣли съ начала міра, во всѣхъ четырехъ видахъ, помѣщенныхъ подъ этимъ именемъ, превышали ихъ дурное дѣйствіе? Еще труднѣе было бы человѣку удостовѣриться въ томъ, что относительно мотивовъ, помѣщенныхъ въ разрядъ нейтральныхъ или безразличныхъ, дѣйствія ихъ въ точности уравновѣшиваютъ другъ друга, такъ что цѣнность хорошихъ не больше и не меньше цѣнности дурныхъ. Надо замѣтить, что интересовъ самаго лица точно такъ же нельзя упускать изъ счета, какъ нельзя упускать интересовъ остальнаго общества. Потому что, въ самомъ дѣлѣ, что̀ бы сталось съ самимъ человѣческимъ родомъ, безъ мотивовъ голода и жажды, половаго желанія, страха страданія и любви къ жизни? И въ настоящемъ устройствѣ человѣческой природы мотивъ недовольства, быть можетъ, не меньше необходимъ, чѣмъ всякій другой; хотя, быть можетъ, возможно было бы придумать систему, въ которой бы дѣло

жизни могло идти безъ этого мотива. Поэтому, кажется, едвали можно распредѣлять мотивы такимъ образомъ, даже относительно одинъ другаго, безъ большой опасности ошибиться.

XXXIII.

Казалось бы, что мотивъ можно безопасно и вѣрно назвать хорошимъ или дурнымъ только по его дѣйствіямъ въ каждомъ индивидуальномъ случаѣ, и главнымъ образомъ по тому намѣренію, которое онъ порождаетъ, отчего (какъ будетъ показано) дальше и происходитъ наиболѣе существенная часть его дѣйствій. Мотивъ хорошъ, когда порождаемое имъ намѣреніе хорошо; онъ дуренъ, когда намѣреніе дурно; а намѣреніе хорошо или дурно смотря по матеріальнымъ послѣдствіямъ, которыя составляютъ его цѣль. Это очень далеко отъ того опредѣленія хорошаго качества намѣренія, какое выводится только изъ рода мотива. Но мы видѣли, что отъ одного и того же мотива могутъ проистекать намѣренія всевозможнаго рода. Слѣдовательно, это обстоятельство не даетъ никакой нити для распредѣленія различныхъ родовъ мотивовъ.

XXXIV.

Казалось бы, поэтому, что удобнѣе было бы распредѣлить мотивы по тому вліянію, которое они оказываютъ на интересы другихъ членовъ общества, оставляя внѣ вопроса интересы самого разбираемаго лица; т. е. по обнаруживаемому ими стремленію соединять или раздѣлять интересы того и другаго. По этому плану мотивы могутъ быть раздѣлены на общественные (social), необщественные (dissocial) и личные (self-regarding). Къ общественному разряду могутъ быть причислены: 1) Добрая воля. 2) Любовь къ репутаціи. 3) Желаніе дружбы. 4) Религія. Къ необщественному можетъ быть отнесено 5) Недовольство. Къ личному разряду: 6) Физическое желаніе. 7) Денежный интересъ. 8) Любовь къ власти. 9) Самосохраненіе, включающее страхъ страданій чувствъ, любовь къ покою и любовь къ жизни.

XXXV.

Что касается до мотивовъ, названныхъ общественными, то еслибы нужно было дальнѣйшее различеніе, къ одному только мотиву доброй воли можетъ быть приложенъ эпитетъ чисто общественнаго; между тѣмъ какъ любовь къ репутаціи, желаніе дружбы и мотивъ религіи могутъ быть вмѣстѣ отнесены въ отдѣлъ полу-общественныхъ: такъ какъ общественная тенденція гораздо болѣе постоянна и недвусмысленна въ первомъ, чѣмъ въ какомъ-нибудь изъ трехъ послѣднихъ. Въ самомъ

дѣлѣ, эти послѣдніе, хотя и могутъ назваться общественными, въ тоже время суть личные мотивы.

§ 4. *Порядокъ преимущества между мотивами.*

XXXVI.

Изъ всѣхъ этихъ родовъ мотивовъ добрая воля есть тотъ, требованія [1]) котораго, взятыя съ общей точки зрѣнія, всего вѣрнѣе совпадаютъ съ требованіями принципа пользы. Потому что требованія пользы суть ни что иное какъ требованія наиболѣе обширной [2]) и просвѣщенной (т. е., хорошо обдуманной) благосклонности [3]). Требованія другихъ мотивовъ могутъ быть или сообразны съ требованіями пользы или враждебны имъ, какъ случится.

XXXVII.

Впрочемъ, здѣсь принимается, что въ разбираемомъ случаѣ требованія (обыкновенной) благосклонности не противорѣчатъ требованіямъ болѣе обширной благосклонности. Но когда требованія благосклонности въ интересахъ извѣстнаго разряда людей противорѣчатъ требованіямъ того же мотива относительно болѣе важныхъ интересовъ другаго разряда людей, то очевидно, что первыя требованія какъ бы отмѣняются послѣдними: и еслибы человѣкъ руководился первыми, о немъ едвали можно было бы правильно сказать, что онъ руководится требованіями благосклонности. Поэтому, еслибы мотивы обѣихъ сторонъ одинаково присутствовали въ умѣ человѣка, то объ нихъ противорѣчіи другъ другу едвали стоило говорить, такъ какъ можно было бы считать, что частная благосклонность поглощается болѣе обширной: еслибы первая получила преобладаніе и руководила дѣйствіемъ, надо было бы считать, что дѣйствіе происходитъ не отъ благосклонности, а отъ какого-нибудь другаго мотива; еслибы получила преобладаніе послѣдняя, первая могла бы считаться неимѣющей силы. Но дѣло въ томъ, что частная

[1]) Когда предполагается, что извѣстный мотивъ побуждаетъ человѣка начать или не начинать того или другаго дѣйствія, то для удобства рѣчи можетъ быть полезно говорить о такомъ мотивѣ, что онъ производитъ воображаемый родъ закона или требованія, повелѣвающаго человѣку совершать или не совершать дѣйствіе. Б. См. гл. I.

[2]) См. гл. IV (Цѣнность) и гл. VI (Чувствительность), пар 21.

[3]) См. гл. IX. (Сознательность).

благосклонность можетъ управлять дѣйствіемъ, не вступая ни въ какую прямую конкурренцію съ болѣе обширной благосклонностью, которая могла бы запрещать это дѣйствіе, потому что человѣкъ можетъ имѣть въ умѣ интересы менѣе многочисленнаго собранія людей въ тоже время, когда онъ не имѣетъ въ умѣ интересовъ болѣе многочисленнаго собранія, или если имѣетъ, то они не производятъ панего впечатлѣнія. Этимъ способомъ требованія этого мотива и могутъ быть враждебны пользѣ, хотя все-таки остаются требованіями благосклонности. Требованія частной благосклонности бываютъ вообще сообразны съ принципомъ пользы потому, что вообще имъ не противорѣчатъ требованія общественной благосклонности; если они имъ противорѣчатъ, это бываетъ только случайность. Еще болѣе сообразными съ принципомъ пользы дѣлаетъ ихъ то, что въ цивилизованномъ обществѣ, въ большинствѣ случаевъ, гдѣ они были бы сами способны идти противъ требованій общественной благосклонности, они находятъ себѣ противодѣйствіе въ сильнѣйшихъ мотивахъ личнаго разряда, которые выставляются противъ нихъ законами; — и что они остаются свободными только въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ не противодѣйствуютъ болѣе спасительныя требованія. Актъ несправедливости или жестокости, совершенный человѣкомъ за своего отца или сына, наказывается, и справедливо, какъ еслибы онъ совершенъ былъ имъ за себя.

XXXVIII.

Послѣ доброй воли, мотивъ, требованія котораго кажется имѣютъ самый большій шансъ совпадать съ требованіями пользы, есть любовь къ репутаціи. Есть только одно обстоятельство, которое мѣшаетъ требованіямъ этого мотива совпадать во всѣхъ случаяхъ съ требованіями пользы. Это—то, что люди въ предметахъ своего сочувствія или недовольства, въ своихъ расположеніяхъ одобрять или порицать извѣстные способы поведенія, а слѣдовательно и лица, представляющія это поведеніе, ихъ добрую или дурную волю,—не управляются исключительно принципомъ пользы. Иногда ими руководитъ принципъ аскетизма; иногда принципъ симпатіи и антипатіи. Есть и другое обстоятельство, которое уменьшаетъ не совпаденіе требованій этого мотива съ принципомъ пользы, но только степень ихъ дѣйствительной силы (efficacy) въ сравненіи съ требованіями мотива благосклонности. Требованія этого послѣдняго мотива будутъ дѣйствовать одинаково сильно и втайнѣ, и публично, —можно-ли будетъ ожидать, что рекомендуемое ими поведеніе будетъ извѣстно, или нѣтъ, все равно: напротивъ требованія любви къ репутаціи будутъ совпадать съ требованіями благосклонности только въ той мѣрѣ, въ

какой будетъ вѣроятно, что поведеніе человѣка будетъ извѣстно. Впрочемъ, это обстоятельство не составляетъ такой большой разницы, какъ можетъ показать сясъ перваго взгляда. По мѣрѣ того, сколько акты важны, они могутъ сдѣлаться извѣстными; а относительно репутаціи самое легкое подозрѣніе часто служитъ за доказательство. Кромѣ того, если актъ не похваленъ (не полезенъ для репутаціи), человѣкъ не можетъ имѣть никакой увѣренности, что этотъ частный актъ останется въ секретѣ, которая бы преодолѣвала возраженія, какія онъ можетъ имѣть противъ совершенія его. Хотя бы разбираемый актъ и остался въ секретѣ, онъ можетъ образовать привычку, которая можетъ породить другіе акты, а эти акты могутъ и не обойтись такъ счастливо. Быть можетъ, нѣтъ человѣческаго существа, которое бы, въ годы разсудительности, не давало нѣкотораго вѣса этого рода соображеніямъ; и они имѣютъ для человѣка тѣмъ больше вѣса, чѣмъ больше сила его умственныхъ способностей и твердость духа. Прибавьте къ этому вліяніе, которое получаетъ разъ образованная привычка, удерживая человѣка отъ актовъ, къ которымъ онъ получилъ отвращеніе какъ въ виду соединенной съ ними дурной славы, такъ и по какой нибудь-другой причинѣ. Вліяніе привычки въ такихъ случаяхъ есть фактъ, который хотя и не легко объяснить, но который признается всѣми и не подлежитъ мнѣнію [1]).

XXXIX.

Послѣ требованій любви къ репутаціи слѣдуютъ, кажется, требованія желанія дружбы. Первыя могутъ совпадать съ требованіями пользы, насколько они совпадаютъ съ требованіями благосклонности. Требованія желанія дружбы также способны, въ извѣстномъ родѣ, совпадать съ требованіями благосклонности. Но родъ благосклонности, съ требованіями которой совпадаетъ любовь къ репутаціи, болѣе обширенъ; тотъ, съ которымъ совпадаетъ требованіе желанія дружбы, менѣе обширенъ. Впрочемъ требованія любви къ дружбѣ имѣютъ еще выгоду требованій личныхъ (self-regarding) мотивовъ. Первыя, въ томъ или другомъ періодѣ жизни, располагаютъ человѣка содѣйствовать счастію значительнаго числа лицъ; послѣднія, съ начала жизни до конца, ограничиваются заботой

---

[1]) Строго говоря, привычка, какъ воображаемая сущность, а не что-нибудь реально отличное отъ актовъ и представленій, которыми она, говорятъ, образуется,—не можетъ быть причиной чего бы то ни было. Но эта загадка можетъ быть удовлетворительно разрѣшена принципомъ ассоціаціи, о свойствахъ и силѣ котораго весьма удовлетворительно говорится въ Пристлеевомъ изданіи сочиненія Гартли «On Man». Б.

объ одномъ индивидуумѣ. Очевидно, что требованія желанія дружбы будутъ больше приближаться къ совпаденію съ требованіями любви къ репутаціи, и слѣдовательно съ требованіями пользы, пропорціонально, caeteris paribus, числу лицъ, дружбы которыхъ человѣкъ можетъ желать; и поэтому напримѣръ членъ англійскаго парламента, при всѣхъ его собственныхъ слабостяхъ и при всѣхъ нелѣпостяхъ людей, дружбу которыхъ онъ долженъ снискивать, вообще будетъ вѣроятно лучшій характеръ, чѣмъ секретарь турецкаго визиря или индостанскаго наиба.

XL.

Требованія религіи, при безконечномъ разнообразіи религій, такъ различны, что объ нихъ трудно дать общій отчетъ и трудно опредѣлить мѣсто принадлежащимъ сюда мотивамъ. При упоминаніи религіи, первая мысль у людей естественно обращается къ той религіи, которую они исповѣдуютъ сами. Это большой источникъ неправильныхъ въ отвлеченномъ смыслѣ опредѣленій... Требованія религіи совпадали бы во всѣхъ случаяхъ съ требованіями пользы, если бы Существо, составляющее предметъ религіи, всѣми признавалось благосклоннымъ, какъ всѣми признается мудрымъ и могущественнымъ, и еслибы понятія о его *благосклонности* были вмѣстѣ съ тѣмъ столько же правильны, какъ понятія о его мудрости и могуществѣ. На дѣлѣ однако нѣтъ ни того, ни другаго. Это Существо всѣми признается всемогущимъ: потому что, можетъ ли человѣкъ понимать подъ божествомъ что-нибудь иное, какъ не существо, которое, каково бы ни было, создало все существующее? А что касается до его знанія, оно также признается всеобъемлющимъ. Эти понятія кажется столько же правильны, для всѣхъ матеріальныхъ цѣлей, какъ и всеобщи. Но между людьми, преданными религіи (въ числѣ которыхъ разнообразныя братства Христіанства составляютъ только небольшую долю), кажется, только очень немногіе (я не хочу Сговорить сколько) дѣйствительно вѣрятъ въ благосклонность этого Существа. Они называютъ его благосклоннымъ на словахъ, но не считаютъ таковымъ въ дѣйствительности. Они не думаютъ, что Оно благосклонно такъ, какъ понимается благосклонность человѣка; они не думаютъ, что Оно благосклонно въ томъ единственномъ смыслѣ, въ которомъ благосклонность имѣетъ смыслъ. Потому что, еслибы они думали это, они признали бы, что требованія религіи должны быть именно требованіями пользы, безъ малѣйшаго различія, не больше и не меньше. Но на дѣлѣ, въ тысячѣ случаевъ, они идутъ напротивъ принципу пользы, измѣняясь иногда въ принципъ аскетизма, иногда въ принципъ симпа-

тіи и антипатіи. Вслѣдствіе того, идея, которую имѣютъ люди въ умахъ, въ подобныхъ случаяхъ слишкомъ часто бываетъ идея неблагосклонности; и, отнимая у этой идеи ея собственное имя, они даютъ ей особенное названіе общественнаго мотива. Словомъ, требованія этого мотива (религіи) суть именно требованія того принципа, который былъ уже упомянутъ выше подъ именемъ теологическаго. Эти послѣднія, какъ мы уже замѣчали, бываютъ, сообразно съ наклонностями лица, именно копіями требованій того или другаго изъ трехъ первоначальныхъ принциповъ: иногда, требованій пользы; но часто требованій аскетизма, или симпатіи и антипатіи... [1])

XLI.

Къ счастью, требованія разнообразныхъ культовъ, кажется, все больше и больше съ каждымъ днемъ приближаются къ совпаденію съ требованіями пользы. Потому что къ этому совпаденію приближаются требованія нравственной санкціи, которыя совпадаютъ или подчиняются вліянію требованій пользы. Люди самыхъ испорченныхъ культовъ, подъ вліяніемъ мнѣній и практики окружающаго міра, больше и больше обращаются къ книгѣ пользы; и чтобы не становиться въ противорѣчіе съ своими религіозными понятіями, они стараются, иногда довольно энергически, связывать и украшать положенія своего религіознаго вѣрованія страницами этой книги.

XLII.

Что касается до личныхъ (self-regarding) и необщественныхъ мотивовъ, то порядокъ между ними и предъидущимъ, относительно внѣшняго (extra-regarding) вліянія, слишкомъ очевиденъ, чтобы на немъ

---

[1]) Нѣкоторые, чтобы лучше скрыть обманъ (какъ въ глазахъ другихъ, такъ и въ ихъ собственныхъ), выставляютъ особый фантомъ, который они называютъ отвлеченно Справедливостью (Justice), требованія которой идутъ къ тому, чтобы видоизмѣнять (что, при настоящемъ объясненіи, значитъ противорѣчить имъ) внушенія благосклонности. Но эта справедливость, въ единственномъ значеніи, гдѣ она имѣетъ смыслъ, есть воображаемая личность, придуманная для удобства рѣчи, но требованія которой суть тѣ же требованія пользы, примѣненныя къ извѣстнымъ частнымъ случаямъ. Итакъ справедливость есть ни что иное, какъ орудіе, служащее къ тому, чтобы въ извѣстныхъ случаяхъ и извѣстными средствами исполнять цѣли благосклонности. Требованія справедливости ни что иное, какъ только часть требованій благосклонности, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ примѣняются къ извѣстнымъ предметамъ, т. е. къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. Б.

нужно было настаивать. Что касается до порядка между мотивами личнаго разряда, разсматриваемыми сравнительно между собой, здѣсь кажется нѣтъ различія, которое бы стоило упоминать. Относительно необщественнаго мотива есть различіе (въ его внѣшнихъ дѣйствіяхъ), смотря по тому, отъ котораго изъ двухъ источниковъ онъ происходитъ, отъ личныхъ или отъ общественныхъ соображеній. Ваше недовольство противъ какого-нибудь человѣка можетъ быть основано или на какомъ-нибудь актѣ, который оскорбляетъ васъ въ первомъ смыслѣ, или на такомъ, который оскорбляетъ васъ только потому, что вы считаете его вреднымъ какой-нибудь другой сторонѣ, которой вы интересуетесь; и эта другая сторона конечно можетъ быть или опредѣленный индивидуумъ или какое-нибудь собраніе индивидуумовъ, опредѣленное или неопредѣленное. Довольно ясно, что мотивъ, хотя самъ по себѣ и необщественный, можетъ, по своему происхожденію отъ общественнаго начала, имѣть общественную тенденцію; и что въ этомъ случаѣ его тенденція можетъ быть тѣмъ болѣе общественной, чѣмъ обширнѣе тотъ разрядъ людей, интересамъ котораго вы сочувствуете. Недовольство, направляющееся противъ человѣка вслѣдствіе того вреда, который предполагается отъ него для публики, можетъ быть болѣе общественнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ какая-нибудь добрая воля, дѣйствіе которой ограничено однимъ индивидуумомъ.

§ 5. *Столкновеніе между мотивами.*

XLIII.

Когда человѣкъ размышляетъ о начинаніи какого нибудь дѣйствія, онъ часто въ одно и тоже время подчиняется силѣ различныхъ мотивовъ: одинъ мотивъ, или разрядъ мотивовъ дѣйствуетъ въ одномъ направленіи; другой мотивъ, или разрядъ мотивовъ, какъ будто дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи: мотивы одной стороны располагаютъ его начать дѣйствіе: мотивы другой располагаютъ не начинать его. Итакъ, всякій мотивъ, вліяніе котораго стремится къ тому, чтобы расположить человѣка начать дѣйствіе, можетъ быть названъ побуждающимъ (impelling) мотивомъ: мотивъ, вліяніе котораго стремится къ тому, чтобы расположить человѣка не начинать дѣйствія, — воздерживающимъ мотивомъ (restraining). Но эти названія конечно могутъ быть переставлены, смотря по тому, бываетъ ли актъ положительнаго или отрицательнаго свойства.

XLIV.

Выше было замѣчено, что нѣтъ такого рода мотивовъ, который бы не могъ порождать всякаго рода дѣйствія (т. е. и хорошаго, и дурнаго). Отсюда слѣдуетъ, что нѣтъ двухъ мотивовъ, которые бы не могли противостоять одинъ другому. Гдѣ стремленіе акта дурно, онъ всего чаще совершается подъ требованіемъ мотива или личнаго или необщественнаго класса. Въ такомъ случаѣ мотивъ благосклонности дѣйствовалъ обыкновенно (хотя и неудачно) съ характеромъ воздерживающаго мотива.

XLV.

Чтобы показать разнообразіе сталкивающихся мотивовъ, которые могутъ влiять на человѣка въ одно и тоже время, мы приведемъ примѣръ. Крильонъ, католикъ (въ такое время, когда между католиками считалось вообще заслугой искоренять протестантовъ), получилъ отъ своего короля, Карла IX французскаго, приказаніе сдѣлать тайное нападеніе на протестанта Колиньи и умертвить его: Крильонъ отвѣчалъ на это: «Извините меня, сиръ; но я буду биться съ нимъ отъ всего сердца.» Итакъ, здѣсь были всѣ три упомянутыя силы, причисляя къ нимъ силу политической санкціи, которыя дѣйствовали на него въ одно время. Политическая санкція, или по крайней мѣрѣ такая часть силы этой санкціи, какую можно предположить въ такомъ приказаніи, отъ такого государя, по такому случаю, — эта санкція повелѣвала Крильону умертвить Колиньи злостнымъ убійствомъ; религіозная санкція, т. е. требованія религіозной ревности, повелѣвали ему умертвить его какимъ бы то ни было образомъ; нравственная санкція или, другими словами, требованія чести, т. е. любовь къ репутаціи, дозволяли ему (и онъ понималъ, что это дозволеніе, въ связи съ приказаніями его государя, составляло обязательство) сражаться съ противникомъ равнымъ оружіемъ; требованія болѣе обширной благосклонности (предполагая, что приказаніе было несправедливо) повелѣвали ему никакимъ образомъ не дѣлать покушенія на жизнь Колиньи, но оставаться съ нимъ въ мирѣ; требованія частной благосклонности (предполагая опять, что приказаніе было несправедливо) повелѣвали ему не имѣть съ нимъ дѣла ни въ какомъ случаѣ. Въ этой путаницѣ противорѣчивыхъ требованій, Крильонъ повидимому далъ предпочтеніе вопервыхъ требованіямъ чести; вовторыхъ, требованіямъ благосклонности. Онъ сталъ бы сражаться, еслибы его предложеніе было принято; такъ какъ оно принято не было, онъ остался въ покоѣ.

Здѣсь можетъ возникнуть множество вопросовъ. Предполагая, что за приказаніемъ государя слѣдовали требованія политической санкціи, —

какого рода мотивы они представляли ему для исполненія этихъ требованій? Отвѣтъ: во всякомъ случаѣ мотивы личнаго разряда; если предположить, что во власти государя было наказать его за неисполненіе или вознаградить за исполненіе. Представляли ли они ему мотивъ религіи? (Я разумѣю, независимо отъ обстоятельства выше упомянутой ереси). Отвѣтъ: Да,—если онъ полагалъ, что, исполнивъ эти требованія, онъ сдѣластъ пріятное Богу; Нѣтъ,—если онъ этого не полагалъ. Представляли ли они ему мотивъ любви къ репутаціи? Да,—если онъ полагалъ, что люди будутъ ожидать и требовать, чтобы онъ исполнилъ ихъ; Нѣтъ, — если не полагалъ. Представляли ли мотивъ благосклонности? Да, — если онъ полагалъ, что для общества въ цѣломъ будетъ лучше, когда онъ исполнитъ ихъ; Нѣтъ,—если не полагалъ. Но дѣйствительно ли, въ этомъ случаѣ, требованія политической санкціи вытекали изъ приказанія государя; другими словами: было ли такое приказаніе законно? Мы видимъ, что это есть вопросъ чисто мѣстной юриспруденціи, совершенно посторонній для нашей цѣли.

XLVI.

То, чтó сказано здѣсь о хорошемъ или дурномъ качествахъ мотивовъ, вовсе не одни слова. Впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай примѣнить это къ различнымъ важнымъ предметамъ. Это нужно было мнѣ для разсѣянія разныхъ предразсудковъ, которые приносятъ обществу вредъ, иногда поддерживая пламя гражданскаго раздора, иногда затрудняя отправленіе юстиціи. Дальше будетъ показано, что во многихъ преступленіяхъ разсмотрѣніе мотива бываетъ чрезвычайно важно: вопервыхъ потому, что мотивъ дѣлаетъ весьма существенную разницу въ объемѣ вреда; далѣе, потому, что его легко бываетъ опредѣлить и отсюда является основаніе для различія въ требованіи наказанія; но что въ другихъ случаяхъ онъ совершенно не можетъ быть опредѣленъ, и что, еслибы даже онъ могъ быть опредѣленъ, какъ хорошій или дурной, онъ не дѣлаетъ никакой разницы въ требованіи наказанія; что во всѣхъ случаяхъ мотивъ, который можетъ руководить преслѣдователемъ (истцомъ), есть дѣло совершенно неважное:—откуда можно видѣть вредъ предразсудка, который такъ часто имѣютъ противъ доносчиковъ, и—слѣдствіе этого-то, что судья, въ частности, долженъ быть обезпеченъ отъ вліянія такихъ заблужденій.

Наконецъ, съ вопросомъ о мотивахъ необходимо познакомиться, чтобы имѣть возможность судить о средствахъ, которыя могутъ быть предложены для искорененія преступленій въ ихъ источникѣ.

Но для того, чтобы можно было вполнѣ вывести теоретическое

основаніе для этихъ практическихъ наблюденій, намъ необходимо сказать еще сначала о расположеніяхъ: что и составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА XI.

О человѣческихъ расположеніяхъ вообще.

I.

Въ предъидущей главѣ было подробно показано, что мотивамъ нельзя въ сущности приписывать хорошаго или дурнаго качества. Итакъ, развѣ нѣтъ ничего въ человѣкѣ, что́ можетъ быть справедливо названо хорошимъ или дурнымъ, когда, по тому или другому случаю, онъ поддается вліянію того или другаго мотива? Конечно, есть: его расположеніе. Это расположеніе есть родъ фиктивной сущности (entity), принимаемой для удобства рѣчи, съ цѣлью выразить то, что предполагается у человѣка постояннаго въ складѣ духа, гдѣ онъ, по тому или другому случаю, подвергается вліянію того или другаго мотива, чтобы начать актъ, который представляется ему съ той или другой тенденціей.

II.

Расположеніе, какъ и всякая другая вещь, бываетъ хорошо или дурно, смотря по своему вліянію, то есть по своему вліянію на увеличеніе или уменьшеніе счастія общества. Поэтому, расположеніе человѣка можетъ быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія, смотря по его вліянію или 1) На его собственное счастіе; или 2) На счастіе другихъ. Разсматриваемое съ обѣихъ точекъ зрѣнія, или съ какой-нибудь одной изъ нихъ, расположеніе можетъ быть названо съ одной стороны хорошимъ, съ другой дурнымъ; или, въ рѣзкихъ случаяхъ, испорченнымъ [1]). Разсматриваемое съ первой изъ этихъ точекъ зрѣнія,

[1]) Расположеніе могло бы называться также добродѣтельнымъ или порочнымъ. Единственное возраженіе противъ употребленія этихъ терминовъ, въ настоящемъ случаѣ, заключается въ томъ, что съ ними связывается обыкновен-

оно сдвали имѣетъ особенное, приноровленное къ нему имя. Оно могло бы быть названо, хотя и невыразительно, съ одной стороны слабымъ или нетвердымъ, съ другой здоровымъ или крѣпкимъ. Съ другой точки зрѣнія его можно бы назвать съ одной стороны благотворнымъ или похвальнымъ, съ другой вреднымъ. Здѣсь нѣтъ необходимости много говорить о той вѣтви расположенія человѣка, дѣйствія которой относятся въ первой инстанціи только къ нему самому. Исправлять его, когда оно дурно, есть обязанность скорѣе моралиста, чѣмъ законодателя; и оно неспособно къ тѣмъ различнымъ видоизмѣненіямъ, которыя дѣлаютъ такую существенную разницу въ дѣйствіяхъ, второй вѣтви. Далѣе, относительно той части расположенія человѣка, дѣйствія которой относятся въ первой инстанціи къ другимъ, уголовная отрасль закона имѣетъ къ ней непосредственное отношеніе только въ той степени, насколько дѣйствія ея бываютъ вреднаго свойства; но когда они бываютъ благотворнаго свойства, это относится къ другой, еще мало разработанной и не получившей имени отрасли закона, которую можно было бы назвать вознаградительной (remuneratory).

III.

Итакъ, о человѣкѣ говорятъ, что онъ имѣетъ вредное расположеніе, когда, подъ вліяніемъ какихъ бы то ни было мотивовъ, онъ *считается* болѣе способнымъ начать или составить намѣреніе начать такіе акты, которые *видимо* имѣютъ вредную тенденцію, чѣмъ такіе, которые видимо имѣютъ благотворную тенденцію:—въ противномъ случаѣ онъ имѣетъ расположеніе похвальное или благотворное.

IV.

Я говорю: *считается*; потому что, хотя мы и предположили, что все видимое нами есть одно отдѣльное дѣйствіе, сопровождаемое однимъ рядомъ обстоятельствъ, но изъ той степени постоянства и однообразія, которую, какъ показываетъ опытъ, можно наблюдать въ различныхъ дѣйствіяхъ то-

---

во значительное количество хорошей или дурной репутаціи. Это неудобно тѣмъ, что эти термины способны привязывать несоразмѣрную степень дурной репутаціи къ расположеніямъ, которыя дурны только относительно самой стороны (т. е. лица, или лицъ, о дѣйствіяхъ которыхъ идетъ рѣчь), и тѣмъ набрасывать на нихъ такую степень безславія, какая можетъ быть приложена только къ тѣмъ расположеніямъ, которыя бываютъ вредны для другой стороны. Поднимать слабости на уровень преступленій есть средство уменьшить отвращеніе, которое должно быть привязано къ преступленію. Поднимать небольшой вредъ на уровень большаго зла есть средство уменьшить долю вниманія, которая должна быть обращена на большое зло. Б.

го же лица, наблюденіе одного отдѣльнаго дѣйствія естественно и справедливо ведетъ къ заключенію о вѣроятномъ (прошедшемъ или будущемъ) существованіи множества актовъ такого же свойства. Какой мотивъ оказывается въ одномъ случаѣ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такое расположеніе предполагается и при другихъ.

V.

Я говорю: видимо вредный актъ; т. е. видимо для самого человѣка, совершающаго этотъ актъ; такой актъ, который представляется ему самому съ этой тенденціей; потому что изъ самаго событія,—независимо отъ того, съ какими вѣроятностями оно представлялось ему прежде,—никакихъ заключеній ни въ ту, ни въ другую сторону. Если событіе нельзя дѣлать представляется ему могущимъ принести вредъ, въ такомъ случаѣ, хотя бы въ концѣ концовъ оно оказалось и невиннымъ, или даже благотворнымъ, это было бы все равно; здѣсь тѣмъ неменѣе было бы основаніе считать расположеніе человѣка дурнымъ. Если оно представляется ему благотворнымъ или невиннымъ, въ такомъ случаѣ, хотя бы въ концѣ концовъ оно оказалось вреднымъ, здѣсь было бы все-таки основаніе считать расположеніе человѣка хорошимъ. И мы видимъ здѣсь важность обстоятельствъ намѣренности, сознательности, несознательности и дурнаго (невѣрнаго, ошибочнаго) предположенія или разсчета [1].

VI.

Справедливость этихъ положеній зависитъ отъ двухъ другихъ, которыя оба достаточно оправдываются опытомъ: одно—что въ обыкновенномъ ходѣ вещей слѣдствія дѣйствій обыкновенно идутъ сообразно съ намѣреніями. Когда человѣкъ, который занимается ремесломъ мясника и торгуетъ мясомъ, намѣревается убить быка, то онъ обыкновенно и убиваетъ быка,—хотя, по какому-нибудь несчастному случаю, онъ можетъ промахнуться и убить человѣка; другой торгуетъ въ своей лавочкѣ сахаромъ, и когда намѣревается продать сахаръ, то обыкновенно и продаетъ сахаръ,—хотя по какому-нибудь несчастному случаю онъ можетъ продать вмѣсто сахара и мышьякъ.

VII.

Другое положеніе—то, что человѣкъ, имѣющій намѣреніе сдѣлать въ одно время вредъ, способенъ имѣть такія же намѣренія и въ другое время.

[1] См. гл. VIII и IX.

VIII.

Свойство расположенія, указываемое какимъ-нибудь актомъ, можетъ зависѣть отъ двухъ обстоятельствъ: 1) Отъ видимой тенденціи акта; 2) Отъ свойства мотива, порождающаго этотъ актъ. Эта зависимость подчиняется различнымъ правиламъ, сообразно со свойствомъ мотива. Говоря это, я постоянно предполагаю, что видимая тенденція акта, какъ это обыкновенно и бываетъ, та же что и дѣйствительная.

IX.

1. Когда тенденція акта *хороша*, и мотивъ бываетъ личнаго разряда. Въ этомъ случаѣ, мотивъ не даетъ никакихъ выводовъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Онъ не даетъ никакого указанія на хорошее расположеніе; но онъ не указываетъ и на дурное.

Булочникъ продаетъ свой хлѣбъ голодному человѣку, который хочетъ купить его. Какъ видимъ, это одинъ изъ тѣхъ актовъ, котораго тенденція, въ обыкновенныхъ случаяхъ, несомнѣнно хороша. Мотивъ булочника есть обыкновенный коммерческій мотивъ денежнаго интереса. Очевидно, что въ дѣлѣ, понимаемомъ такимъ образомъ, нѣтъ ничего, чтб можетъ дать малѣйшее основаніе считать этого булочника лучше или хуже любаго изъ его сосѣдей.

X.

2. Когда тенденція акта *дурна*, и мотивъ, какъ прежде, личнаго разряда. Въ этомъ случаѣ обнаруженное расположеніе—дурно.

Человѣкъ крадетъ хлѣбъ изъ лавки булочника: это одинъ изъ тѣхъ актовъ, тенденція которыхъ легко будетъ признана за дурную. Мы укажемъ дальше, почему и въ какихъ отношеніяхъ. Его мотивъ мы назовемъ мотивомъ денежнаго интереса: это—желаніе получить даромъ цѣнность хлѣба. Поэтому, его расположеніе является дурнымъ; потому что всякій согласится, что воровское расположеніе есть расположеніе дурное.

XI.

3. Когда тенденція акта *хороша*, и мотивъ есть чисто общественный, мотивъ *доброй воли*. Въ этомъ случаѣ обнаруженное расположеніе бываетъ благотворное.

Булочникъ даетъ бѣдному человѣку хлѣбъ даромъ. Его мотивъ есть состраданіе, имя, даваемое въ частныхъ случаяхъ мотиву благосклонности. Расположеніе, обнаруженное булочникомъ въ этомъ случаѣ, таково, что всякій довольно охотно признаетъ его хорошимъ.

XII.

4. Когда тенденція акта *дурна*, и мотивъ есть чисто общественный,

мотивъ доброй воли. Даже въ этомъ случаѣ расположеніе, указываемое мотивомъ, сомнительно: оно можетъ быть вредное или похвальное, какъ случится, смотря по тому, болѣе или менѣе явенъ вредъ акта.

XIII.

Можно подумать, что случай такого рода не можетъ существовать, и что предположить его есть противорѣчіе въ словахъ. Потому что предполагается, что дѣйствующее лицо знаетъ, что актъ вреденъ. Какимъ же образомъ можетъ случиться, что мотивомъ, побуждающимъ человѣка къ этому акту, будетъ добрая воля, т. е. желаніе дѣлать добро? Чтобы примирить это, мы должны напомнить различіе между болѣе обширной благосклонностью и ограниченной. Мотивъ, который побуждалъ къ этому акту, былъ мотивъ ограниченной благосклонности. Еслибы человѣкъ послѣдовалъ требованіямъ болѣе широкой благосклонности, онъ не сдѣлалъ бы того, что сдѣлалъ. И хотя онъ послѣдовалъ требованіямъ этой вѣтви благосклонности, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ своего исполненія вредна, когда она противополагается другой (болѣе обширной); но, такъ какъ случаи, требующіе исполненія первой, несравненно многочисленнѣе, чѣмъ случаи, требующіе исполненія послѣдней,—то расположеніе, обнаруживаемое человѣкомъ, когда онъ слѣдуетъ вліянію первой, будетъ часто таково, что въ человѣкѣ обыкновенномъ оно вообще можетъ быть признано за хорошее.

XIV.

Человѣкъ съ многочисленной семьей дѣтей, близкой къ голодной смерти, идетъ въ лавку булочника, крадетъ хлѣбъ, раздѣляетъ его между дѣтьми, не оставляя ничего себѣ. Будетъ жестоко сказать, что расположеніе этого человѣка вообще вредное. Измѣните случай: дайте человѣку только одного ребенка, быть можетъ и голоднаго, но еще не угрожаемаго голодной смертью: и пусть этотъ человѣкъ подожжетъ домъ, полный людей, чтобы украсть денегъ на покупку хлѣба. Обнаруженное здѣсь расположеніе едвали будетъ сочтено хорошимъ.

XV.

Труднѣе этихъ покажется рѣшить другой случай. Равальякъ убилъ одного изъ лучшихъ и мудрѣйшихъ государей, въ такое время, когда хорошій и мудрый государь, составляющій во всѣ времена такое драгоцѣнное благословеніе для государства, былъ дорогъ въ особенности, и притомъ дорогъ жителямъ многолюднаго и обширнаго королевства. Онъ схваченъ и осужденъ на самыя ужасныя мученія. Его сынъ, вполнѣ убѣжденный въ его искреннемъ раскаяніи и увѣренный, что если онъ

останется на свободѣ, человѣчеству нечего будетъ больше опасаться отъ него, устроиваетъ его бѣгство: есть ли это признакъ хорошаго расположенія въ его сынѣ, или же дурнаго? Нѣкоторые скажутъ вѣроятно, дурнаго; потому что, кромѣ интереса, который нація имѣетъ въ страданіяхъ этого преступника для примѣра, будущее хорошее поведеніе такого преступника едвали можетъ имѣть за себя какія-нибудь основанія.

XVI.

Но пусть Равальякъ-сынъ не облегчаетъ бѣгства своего отца, а удовольствуется тѣмъ, что доставитъ ему яду, чтобы цѣной болѣе легкой смерти онъ могъ избавиться отъ мученій. Рѣшеніе этого случая, быть можетъ, еще труднѣе. Положимъ, что актъ дуренъ, и что во всякомъ случаѣ онъ долженъ быть наказанъ; но дурно ли обнаруженное имъ расположеніе? Изъ того, что молодой человѣкъ нарушаетъ законъ въ этомъ одномъ случаѣ, слѣдуетъ ли вѣроятіе, что если его оставить, онъ будетъ нарушать законы въ обыкновенныхъ случаяхъ, для удовлетворенія какихъ-нибудь своихъ безпорядочныхъ желаній? Отвѣтъ большинства вѣроятно будетъ отрицательный.

XVII.

5. Когда тенденція акта хороша и мотивъ — полуобщественный, любовь къ репутаціи. Въ этомъ случаѣ обнаруженное расположеніе хорошо.

Во время голода, булочникъ, съ цѣлью пріобрѣсти уваженіе сосѣдства, раздаетъ даромъ хлѣбъ бѣднымъ рабочимъ. Примемъ фактъ за вѣрное; и пусть остается неизвѣстнымъ, имѣлъ ли булочникъ какое-нибудь дѣйствительное сочувствіе къ страданіямъ тѣхъ, кому онъ помогалъ, или нѣтъ. При всемъ томъ, его расположеніе не можетъ быть по справедливости названо иначе какъ хорошимъ и благотворнымъ. Оно можетъ получить другое имя только по какому-нибудь очень пустому предубѣжденію [1]).

---

[1]) Огромное большинство людей, всегда готовое осуждать характеръ своихъ сосѣдей, чтобы косвеннымъ образомъ возвысить свой собственный, воспользуется случаемъ отнести мотивъ къ разряду дурныхъ, между тѣмъ какъ могло бы отнести происхожденіе акта къ гораздо лучшему мотиву. Каждый человѣкъ, сознавая, что его собственные мотивы бываютъ не изъ самыхъ лучшихъ, или будучи убѣжденъ, что еслибы они и были хороши, то другіе люди не отнесли бы ихъ къ этому разряду, опасаясь быть принятымъ за простяка или стремясь показать глубину своей проницательности, — прежде всего старается приписать поведеніе всякаго другаго человѣка наименѣе по-

XVIII.

6. Когда тенденція акта дурна, и мотивъ, какъ прежде, есть полуобщественный, любовь къ репутаціи. Въ этомъ случаѣ указываемое имъ расположеніе болѣе или менѣе хорошо или дурно: въ первомъ случаѣ, смотря по тому, чѣмъ болѣе или менѣе вредна тенденція акта; въ послѣднемъ, смотря по тому, чѣмъ больше или меньше требованія нравственной санкціи въ обществѣ приближаются къ совпаденію съ требованіями пользы. Кажется невѣроятнымъ, чтобы въ націи, находящейся въ состояніи сносной цивилизаціи или, другими словами, націи, въ которой могутъ имѣть значеніе подобныя правила,—требованія нравственной санкціи могли только удаляться отъ совпаденія съ требованіями пользы (т. е. просвѣщенной благосклонности), чтобы расположеніе, указанное въ этомъ случаѣ, могло быть въ цѣломъ иное, кромѣ хорошаго.

XIX.

Индѣецъ получаетъ реальную или воображаемую обиду отъ индѣйца другаго племени. Онъ мститъ за нее личности своего противника самыми ужасными мученіями: дѣло въ томъ, что жестокости, совершенныя по такому случаю, доставляютъ ему репутацію въ собственномъ племени. Расположеніе, обнаруживаемое въ такомъ случаѣ, никогда не можетъ быть признано хорошимъ у народа, даже только на нѣсколько ступеней стоящаго выше индѣйцевъ относительно цивилизаціи.

XX.

Знатный человѣкъ (возвращаясь къ Европѣ) дѣлаетъ долгъ бѣдному

хвальному изъ мотивовъ, которые могли бы объяснять это поведеніе; далѣе, когда онъ сдѣлалъ тутъ все, что возможно, и не въ состояніи столкнуть индивидуальный мотивъ еще ниже, онъ поворачиваетъ баттарею и нападаетъ на самый разрядъ этого мотива. Вслѣдствіе того, любви къ репутаціи онъ при всякомъ случаѣ даетъ дурное имя, называя ее хвастовствомъ, тщеславіемъ, суетностью.

Отчасти тому же духу охужденія, — естественному результату чувствительности людей къ силѣ нравственной санкціи, — отчасти вліянію принципа аскетизма, надобно, быть можетъ, приписать большое изобиліе дурныхъ названій мотивовъ сравнительно съ названіями хорошихъ или нейтральныхъ: и, въ частности, совершенное отсутствіе нейтральныхъ названій для мотивовъ половаго желанія, физическаго желанія вообще, и денежнаго интереса. Если изслѣдовать это изобиліе, даже хорошихъ названій предъ нейтральными, это скорѣе подтвердило бы сдѣланное выше замѣчаніе, чѣмъ опровергало его. Быть можетъ, языкъ народа въ этихъ пунктахъ можетъ, въ извѣстной мѣрѣ, служить ключемъ къ его нравственнымъ чувствамъ. Но такія умозрительныя изслѣдованія не относятся къ цѣли настоящаго труда. Б.

торговцу. Вскорѣ затѣмъ тотъ же знатный человѣкъ дѣлаетъ долгъ въ игрѣ другому знатному человѣку, на ту же сумму. Онъ не можетъ заплатить оба долга: онъ платитъ весь долгъ компаньону своихъ удовольствій и ничего не платитъ торговцу. Расположеніе, обнаруженное въ этомъ случаѣ, едвали можетъ быть названо иначе, какъ дурнымъ. Конечно, впрочемъ, оно еще не такъ дурно, какъ еслибы онъ не платилъ ни одному. Принципъ любви къ репутаціи или (какъ называется онъ въ случаѣ его частнаго примѣненія) чести противополагается здѣсь болѣе почтенному принципу благосклонности и преодолѣваетъ его. Но онъ преодолѣваетъ также и личный принципъ денежнаго интереса. Поэтому, расположеніе, указываемое имъ, хотя и не такъ хорошо, какъ то, въ которомъ преобладаетъ принципъ благосклонности, но лучше того, въ которомъ преобладаетъ принципъ собственнаго интереса. Онъ былъ бы лучше, еслибы въ немъ было больше благосклонности: но былъ ли бы онъ лучше, не имѣя чести? Это, кажется, допускаетъ большіе споры.

XXI.

7. Когда тенденція акта хороша, и мотивъ есть полуобщественный, мотивъ религіи. Въ этомъ случаѣ расположеніе, указываемое имъ (разсматриваемое относительно вліянія его на поведеніе человѣка съ другими), есть очевидно благотворное и похвальное.

Булочникъ раздаетъ даромъ хлѣбъ бѣднымъ рабочимъ. Онъ дѣлаетъ это не потому, что сочувствуетъ ихъ страданіямъ, и не для того, чтобы пріобрѣсти репутацію у сосѣдей. Онъ дѣлаетъ это, чтобы пріобрѣсти благоволеніе Божества, которому, какъ онъ увѣренъ, это поведеніе будетъ пріятно. Расположеніе, обнаруживаемое такимъ поведеніемъ, вполнѣ таково, что всякій назоветъ его хорошимъ.

XXII.

8. Когда тенденція акта дурна, и мотивъ остается тотъ же. Въ такомъ случаѣ расположеніе сомнительно. Оно бываетъ хорошо или дурно, и болѣе или менѣе хорошо или дурно, вопервыхъ, смотря по тому, чѣмъ болѣе или менѣе вредна тенденція акта; вовторыхъ, смотря по религіознымъ принципамъ лица, чѣмъ больше или меньше они приближаются къ совпаденію съ требованіями пользы.

XXIII.

Изъ исторіи кажется видно, что даже въ тѣхъ націяхъ, которыя, вообще говоря, имѣютъ сносное состояніе цивилизаціи, требованія религіи такъ далеко отступаютъ отъ совпаденія съ требованіями пользы,

другими словами, съ требованіями просвѣщенной благосклонности, что расположеніе, указываемое въ этомъ случаѣ, можетъ быть въ цѣломъ даже дурнымъ. Это, впрочемъ, не противорѣчитъ заключенію о хорошемъ расположеніи въ тѣхъ странахъ (и такова теперь, быть можетъ, большая часть странъ Европы), гдѣ требованія этого мотива касательно отношеній людей другъ къ другу довольно близко подходятъ къ совпаденію съ требованіями пользы. Требованія религіи, въ ихъ приложеніи къ поведенію человѣка въ его личныхъ вопросахъ, въ большей части европейскихъ націй, кажется, въ значительной степени отражаютъ въ себѣ аскетическій принципъ: но повиновеніе этимъ требованіямъ не показываетъ такого расположенія, которое бы выражалось въ актахъ вредной тенденціи относительно другихъ. Примѣры, въ которыхъ требованія религіи вводятъ человѣка въ акты, вредные въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, въ настоящее время кажется рѣдки: кромѣ только актовъ преслѣдованія, неблагоразумныхъ политическихъ мѣръ со стороны правительства, гдѣ самый законъ есть или главный дѣятель, или соучастникъ во вредѣ. Равальякъ, побуждаемый этимъ самымъ мотивомъ, нанесъ своей странѣ одинъ изъ самыхъ роковыхъ ударовъ, какіе она когда-нибудь получала отъ одной руки: но къ счастью Равальяки очень рѣдки. Однако во Франціи они были чаще, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, въ томъ же періодѣ: и замѣчательно, что въ каждомъ примѣрѣ ихъ производилъ этотъ мотивъ. Но, когда они появляются, никто, я полагаю, кромѣ людей имъ подобныхъ, не назоветъ обнаруженнаго ими расположенія хорошимъ. Едвали можно отрицать, что они были тѣмъ хуже по своимъ представленіямъ о религіи; и что еслибы они остались подъ однимъ руководствомъ благосклонности и любви къ репутаціи, безъ всякаго подобнаго мотива, то тѣмъ лучше было бы для человѣчества. Быть можетъ, почти тоже скажутъ о тѣхъ людяхъ, которые безъ всякаго особеннаго обязательства принимали дѣятельное участіе въ исполненіи законовъ, составленныхъ для наказанія тѣхъ, кто имѣетъ несчастіе расходиться съ властями въ религіозныхъ вопросахъ,— и еще больше о законодателяхъ, которые дали этимъ законамъ силу. Еслибы Людовикъ XIV не руководился этимъ мотивомъ, Франція не потеряла бы 800,000 своихъ лучшихъ подданныхъ..... Въ Даніи не такъ давно возникла, говорятъ, одна секта, которая по странному извращенію понятій забрала себѣ въ голову, что такъ какъ убійство и всякое другое ужасное преступленіе ведутъ къ покаянію, то они могутъ служить путемъ на небо. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что примѣры этого послѣдняго рода всегда были рѣдки; и что почти во всѣхъ странахъ Европы примѣры перваго рода, хотя нѣкогда чрезвычайно частые, съ

нѣкотораго времени прекратились. Но въ нѣкоторыхъ странахъ преслѣдованіе внутри страны (или что прозводитъ извѣстную степень принужденія, составляющаго одну часть вреда преслѣдованія; я разумѣю расположеніе къ преслѣдованію, когда представится случай) еще не пришло къ своему концу.....

XXIV.

9. *Когда тенденція акта хороша*, и мотивъ (какъ выше) есть необщественный, мотивъ *дурной воли*. Въ этомъ случаѣ мотивъ не доставляетъ, кажется, никакихъ указаній ни въ ту, ни въ другую сторону: здѣсь нѣтъ указанія на хорошее расположеніе, но нѣтъ указанія и на худое.

Вы открыли, что булочникъ продаетъ хлѣбъ не полнаго вѣсу; вы преслѣдуете его за обманъ. Вы начали преслѣдованіе не изъ-за прибыли, потому что вы чрезъ это ничего не выигрываете; не изъ-за желанія общественнаго блага; не изъ-за репутаціи, потому что этимъ не пріобрѣтается никакой репутаціи; не съ цѣлью сдѣлать угодное Божеству: но чисто только вслѣдствіе вашей ссоры съ человѣкомъ, котораго вы преслѣдуете. Если дѣло стоитъ такъ, то кажется нельзя ничего сказать ни въ пользу вашего расположенія, ни противъ него. Тенденція акта хороша: но вы начали его только по такому мотиву, который, кажется, не даетъ никакого особеннаго основанія заключать, что онъ побудитъ васъ когда-нибудь еще къ такому же акту. Вашъ мотивъ такого рода, что онъ довольно справедливо можетъ быть названъ дурнымъ; но актъ— такого рода, что какъ бы часто онъ ни совершался, онъ никогда не можетъ имѣть дурной тенденціи и даже не можетъ имѣть другой тенденціи, кромѣ хорошей. Предположимъ, что мотивъ, которому случилось его вызвать, былъ мотивъ дурной воли: но самый актъ такого свойства, что нужна была бы только достаточная степень благоразумія съ вашей стороны, чтобы его могла произвести самая широкая благосклонность. Далѣе, изъ того, что человѣкъ поддался побужденію удовлетворить свою досаду посредствомъ акта, тенденція котораго *хороша*, вовсе еще не слѣдуетъ, что въ другомъ случаѣ, подъ вліяніемъ того же рода мотива, онъ готовъ будетъ совершить актъ, тенденція котораго дурна. Мотивъ, который побуждалъ васъ, былъ мотивъ не общественный: но какой общественный мотивъ могъ бы здѣсь помѣшать вамъ? Никакой, который бы не былъ перевѣшенъ болѣе широкимъ мотивомъ того же рода. Итакъ изъ того, что необщественный мотивъ преобладалъ, когда онъ стоялъ одинъ, нисколько не слѣдуетъ, что онъ преобладалъ бы и въ томъ случаѣ, когда бы противъ него стоялъ общественный мотивъ.

XXV.

10. Когда тенденція акта дурна, и мотивъ есть необщественный, мотивъ неблагосклонности. Въ этомъ случаѣ, расположеніе, имъ указываемое, есть конечно вредное.

Человѣкъ, укравшій у булочника хлѣбъ, какъ прежде, сдѣлалъ это съ той только цѣлью, чтобы повредить его денежнымъ дѣламъ и огорчить его; поэтому, доставъ хлѣбъ, онъ не съѣлъ и не продалъ его, а просто уничтожилъ. Всякій тотчасъ же замѣтитъ, что расположеніе, проявляемое такимъ дѣломъ, есть дурное расположеніе.

XXVI.

До сихъ поръ мы говорили объ обстоятельствахъ, изъ которыхъ можно вообще заключать о вредѣ или похвальности расположенія человѣка: мы переходимъ теперь къ мѣрѣ этого вреда или этой похвальности, проистекающей изъ этихъ обстоятельствъ. Въ настоящемъ сочиненіи до насъ не касаются похвальные акты и расположенія. Дѣло уголовнаго закона состоитъ въ томъ только, чтобы измѣрить испорченность (depravity) расположенія тамъ, гдѣ актъ вреденъ. Поэтому, мы здѣсь и ограничиваемся только этимъ предметомъ [1]).

XXVII.

Ясно, что свойство расположенія человѣка должно зависѣть отъ свойства мотивовъ, вліянію которыхъ онъ способенъ подвергаться; другими словами, отъ степени его чувствительности къ силѣ тѣхъ или другихъ мотивовъ. Потому, что его расположеніе есть какъ будто сумма его намѣреній; его расположеніе въ теченіе извѣстнаго періода есть сумма или результатъ его намѣреній въ теченіе этого періода. Если изъ тѣхъ актовъ, которые онъ намѣревался совершить въ теченіе этого предположеннаго періода, акты, имѣющіе очевидно вредную тенденцію, значительно превышаютъ тѣ акты, которые кажутся ему противоположной тенденціи, его расположеніе будетъ вреднаго характера; если ихъ пропорція мала, то расположеніе будетъ невинное или честное.

XXVIII.

Но намѣренія, какъ и всякая другая вещь, производятся вещами, которыя составляютъ ихъ причину: а причины намѣреній суть мотивы. Если человѣкъ составляетъ по какому-нибудь случаю хорошее или

[1]) Эти «похвальные» акты и расположенія составили предметъ другаго сочиненія Бентама «Раціональное Изслѣдованіе Награды» (Works, II, стр. 189—266), съ которымъ, быть можетъ, мы также познакомимъ нашего читателя. (Пр. перев.)

дурное намѣреніе, онъ долженъ быть подъ вліяніемъ какого-нибудь мотива.

XXIX.

Когда актъ, къ совершенію котораго извѣстный мотивъ побуждаетъ человѣка, бываетъ вреднаго свойства, онъ можетъ быть для отличія названъ искушающимъ (seducing) или соблазняющимъ мотивомъ; причемъ всякій мотивъ, который въ противоположность первому дѣйствуетъ съ характеромъ воздерживающаго мотива, можетъ быть названъ предохраняющимъ (tutelary) или удерживающимъ мотивомъ.

XXX.

Предохраняющіе мотивы могутъ быть далѣе различаемы на постоянные или случайные. Подъ постоянными предохраняющими мотивами я понимаю тѣ, которые съ большей или меньшей силой дѣйствуютъ во всѣхъ, или по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, стремясь удержать человѣка отъ всякихъ вредныхъ актовъ, которые онъ можетъ быть наклоненъ совершить; и притомъ съ силой, которая зависитъ скорѣе отъ общей природы акта, чѣмъ отъ какого-нибудь случайнаго обстоятельства, которымъ можетъ сопровождаться индивидуальный актъ этого рода. Подъ случайными предохраняющими мотивами я понимаю тѣ, которымъ можетъ случиться дѣйствовать въ этомъ направленіи или нѣтъ, смотря по природѣ акта и по частному случаю, по которому можетъ явиться мысль о его совершеніи.

XXXI.

Но выше было показано, что нѣтъ такого рода мотивовъ, подъ вліяніемъ которыхъ человѣкъ не могъ бы совершать акты вреднаго свойства, т. е. которые не могли бы дѣйствовать въ качествѣ соблазняющаго мотива. Съ другой стороны было показано, что нѣкоторые мотивы замѣчательно менѣе другихъ способны дѣйствовать въ этомъ смыслѣ. Было также показано, что наименѣе способный изо всѣхъ есть мотивъ благосклонности или доброй воли, который, какъ мы видѣли, всего чаще стремится дѣйствовать въ качествѣ предохраняющаго мотива. Было также показано, что даже тогда, когда ему случается дѣйствовать въ одну сторону съ характеромъ соблазняющаго мотива, въ другую сторону онъ все-таки дѣйствуетъ съ противоположнымъ характеромъ предохраняющаго мотива. Мотивъ доброй воли, насколько онъ касается интересовъ извѣстнаго разряда людей, можетъ побуждать человѣка къ дѣйствіямъ, наносящимъ вредъ другому и притомъ болѣе обширному разряду людей: но это бываетъ только потому, что его добрая воля несо-

вершенна и ограниченна, и не принимаетъ въ разсчетъ интересы всѣхъ лицъ, которыхъ интересы здѣсь замѣшаны. Еслибы чувствованіе, изъ котораго мотивъ исходитъ, было шире, то этотъ же самый мотивъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ бы съ характеромъ предохраняющаго мотива противъ того самаго акта, который, какъ предполагается, произошелъ отъ него. Вслѣдствіе того, безъ всякаго дѣйствительнаго противорѣчія истинѣ и безъ всякаго уклоненія отъ нея, этотъ родъ мотива можетъ быть поставленъ въ числѣ постоянныхъ предохраняющихъ мотивовъ, несмотря на случаи, въ которыхъ онъ въ то же самое время можетъ дѣйствовать съ характеромъ соблазняющаго мотива.

XXXII.

Почти то же замѣчаніе можетъ быть приложено къ полуобщественному мотиву любви къ репутаціи. Сила его, какъ въ предъидущемъ случаѣ, можетъ раздѣлиться и идти противъ самой себя. Какъ въ примѣрѣ доброй воли, интересы нѣкоторыхъ изъ лицъ, которыя могутъ быть предметомъ этого чувства, способны разниться отъ интересовъ другихъ: такъ въ примѣрѣ любви къ репутаціи чувства нѣкоторыхъ изъ лицъ, отъ которыхъ желается доброе мнѣніе, могутъ разниться отъ чувствъ другихъ лицъ изъ этого числа. Но въ случаѣ акта дѣйствительно вреднаго едвали можетъ случиться, чтобы не нашлось людей, которые бы смотрѣли на него съ неодобреніемъ. Поэтому, едва-ли можетъ быть, чтобы въ случаѣ акта дѣйствительно вреднаго ему не противодѣйствовала какая-нибудь доля, если не вся сила этого мотива, и чтобы слѣдовательно этотъ мотивъ не дѣйствовалъ въ извѣстной степени съ характеромъ предохраняющаго мотива. Поэтому, онъ можетъ быть также отнесенъ къ списку постоянныхъ предохраняющихъ мотивовъ.

XXXIII.

То же замѣчаніе можетъ быть приложено, хотя и не въ совершенно равной мѣрѣ, къ желанію дружбы. Потому что, несмотря на вредъ акта, безъ большаго труда можетъ случиться, что всѣ лица, дружба которыхъ составляетъ въ настоящую минуту предметъ желанія и ожиданія для человѣка, могутъ всѣ одинаково смотрѣть на актъ скорѣе съ одобреніемъ, чѣмъ напротивъ. Это чрезвычайно легко можетъ быть между такими братствами, какъ братства воровъ, контрабандистовъ и разныхъ другихъ преступниковъ. Но это не есть однако постоянный, или самый обыкновенный случай; тѣмъ больше, что желаніе дружбы можетъ вообще считаться предохраняющимъ мотивомъ уже по одной тѣсной связи его съ любовью къ репутаціи. И этотъ мотивъ можетъ быть поставленъ въ

числѣ постоянныхъ предохраняющихъ мотивовъ, потому что, гдѣ онъ прилагается, сила его дѣйствія зависитъ не отъ случайныхъ обстоятельствъ акта, которому онъ противится, но отъ такихъ же общихъ принциповъ, отъ которыхъ зависитъ дѣйствіе другихъ полуобщественныхъ мотивовъ.

XXXIV.

Съ мотивомъ религіи дѣло стоитъ не вполнѣ такъ, какъ съ тремя предъидущими мотивами. Сила его не можетъ, какъ тамъ, раздѣляться противъ самой себя; я разумѣю здѣсь цивилизованныя націи новѣйшихъ временъ, вполнѣ принимающія понятіе о единствѣ божества. Иначе было во времена классической древности. Если человѣкъ имѣлъ на своей сторонѣ Венеру, на другой сторонѣ была Паллада; если Эолъ былъ за него, Нептунъ былъ противъ него. Эней, при всемъ своемъ почтеніи къ богамъ, только отчасти пользовался покровительствомъ неба. Теперь этотъ вопросъ стоитъ на другомъ основаніи. Въ каждомъ данномъ лицѣ, сила религіи, какова бы она ни была, вся находится на одной сторонѣ. И дѣйствительно, она можетъ перевѣшивать на ту сторону, на которой можетъ оказаться: а она можетъ оказаться, какъ мы уже видѣли во многихъ примѣрахъ, и на дурной сторонѣ, какъ и на хорошей. До недавняго времени, и быть можетъ еще и теперь, этотъ мотивъ въ той же степени оказывался на дурной сторонѣ, и притомъ въ такихъ существенныхъ случаяхъ, что по этой причинѣ, казалось бы, его нельзя поставить, относительно общественной тенденціи, вполнѣ наравнѣ съ мотивомъ благосклонности. Впрочемъ, гдѣ онъ дѣйствуетъ въ противоположность обыкновеннымъ соблазняющимъ мотивамъ,—какъ это бываетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ,—онъ дѣйствуетъ подобно мотиву благосклонности постояннымъ способомъ, не завися отъ частныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ сопровождать совершеніе акта, но стремясь противодѣйствовать ему чисто только по причинѣ его вреда, и потому съ одинаковой силой во всякихъ обстоятельствахъ, въ какихъ бы ни предполагалось совершеніе акта. Вслѣдствіе того, этотъ мотивъ также можетъ быть прибавленъ къ списку постоянныхъ предохраняющихъ мотивовъ.

XXXV.

Что касается до мотивовъ, которые могутъ дѣйствовать съ характеромъ предохраняющихъ мотивовъ только случайно, они, какъ было уже замѣчено, бываютъ различнаго рода, и разныхъ степеней силы въ различныхъ преступленіяхъ; завися не только отъ свойства преступленія, но и отъ случайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ можетъ явиться идея ихъ совершенія. И легко видѣть, что нѣтъ рода мотива, который

бы не могъ дѣйствовать съ этимъ характеромъ. Напримѣръ, воръ можетъ быть удержанъ отъ новаго грабительства тѣмъ, что онъ засидѣлся за бутылкой [1]), удержанъ посѣщеніемъ своей пріятельницы, случившейся необходимостью отправиться куда-нибудь, чтобы получить свою долю въ прежней добычѣ [2]), и т. д.

XXXVI.

Есть впрочемъ мотивы, которые кажется болѣе другихъ способны дѣйствовать съ этимъ характеромъ; особенно при нынѣшнемъ положеніи вещей, когда силѣ первоначальныхъ соблазняющихъ мотивомъ законъ вездѣ противопоставилъ искусственные предохраняющіе мотивы, имъ самимъ сдѣланные. Намъ необходимо сдѣлать общій обзоръ понимаемыхъ здѣсь мотивовъ. Они сводятся, кажется, къ двумъ отдѣламъ: 1) Любовь къ покою, мотивъ идущій въ дѣло при ожиданіи безпокойства при началѣ акта; т. е. безпокойства, которое необходимо перенести, преодолѣвая физическія затрудненія, могущія оказаться при этомъ. 2) Самосохраненіе, въ противоположность опасностямъ, которымъ человѣкъ можетъ подвергаться при исполненіи акта.

XXXVII.

Эти опасности могутъ быть или 1) чисто физическаго свойства; или 2) опасности, происходящія изъ нравственной дѣятельности, то есть другими словами, отъ поведенія кого-нибудь изъ тѣхъ лицъ, которыя, еслибы знали объ актѣ, могли бы ожидать, что онъ окажется для нихъ вреднымъ. Но нравственная дѣятельность предполагаетъ знаніе обстоятельствъ, которыя могутъ имѣть дѣйствіе внѣшнихъ мотивовъ въ произведеніи акта. Полученіе такого знанія относительно совершенія какого-нибудь вреднаго акта, со стороны извѣстныхъ лицъ, которыя могутъ имѣть расположеніе навлечь за это наказаніе на совершающаго актъ,—называется уличеніемъ (detection), и лицо, совершающее актъ и относительно котораго такое знаніе пріобрѣтается, называется уличеннымъ. Такимъ образомъ опасности, могущія угрожать преступнику съ этой стороны, каковы бы онѣ ни были, зависятъ отъ событія его уличенія; и поэтому всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ названіе опасности уличенія.

XXXVIII.

Опасность, зависящая отъ уличенія, можетъ опять быть раздѣлена

---

[1]) Любовь къ удовольствіямъ нёба.
[2]) Денежный интересъ.

на двѣ вѣтви: 1) опасность, могущая произойти отъ сопротивленія, которое можетъ быть сдѣлано акту со стороны постигаемыхъ имъ лицъ; т. е. во время самаго совершенія акта; 2) опасность законнаго наказанія, или другаго страданія, которое можетъ послѣдовать послѣ нѣкотораго промежутка по совершеніи акта.

XXXIX.

Не лишнее вспомнить при этомъ случаѣ, что между предохраняющими мотивами, которые мы назвали постоянными, есть два мотива, сила которыхъ зависитъ (хотя и не такъ совершенно, какъ сила случайныхъ мотивовъ, но все-таки въ значительной мѣрѣ) отъ обстоятельства уличенія. Мы напомнимъ, что это—любовь къ репутаціи и желаніе дружбы. Поэтому, пропорціонально тому, какъ шансъ быть уличеннымъ увеличивается, эти мотивы дѣйствуютъ съ большей силой; если шансъ меньше, то съ меньшей силой. Этого не бываетъ при двухъ другихъ постоянныхъ предохраняющихъ мотивахъ,—благосклонности и религіи.

XL.

Теперь мы въ состояніи опредѣлить съ нѣкоторой точностью, что̀ надо понимать подъ силой искушенія и какое указаніе можетъ она дать о степени вредности въ расположеніи человѣка, въ случаѣ какого-нибудь преступленія. Когда человѣкъ возбуждается къ совершенію какого-нибудь вреднаго акта или, говоря короче, преступленія, сила искушенія зависитъ отъ пропорціи между силой соблазняющихъ мотивовъ съ одной стороны и съ другой стороны—силой случайныхъ предохраняющихъ мотивовъ, которые могутъ быть вызваны къ дѣйствію обстоятельствами. Искушеніе можно назвать сильнымъ, когда удовольствіе или выгода, ожидаемыя отъ преступленія, должны показаться въ глазахъ преступника велики въ сравненіи съ тревогой и опасностью, которыя по его мнѣнію сопровождаютъ предпріятіе; его можно назвать легкимъ или слабымъ, когда это удовольствіе или выгода должны казаться малы въ сравненіи съ такой тревогой и такой опасностью. Очевидно, что сила искушенія зависитъ отъ силы побуждающихъ (т. е. соблазняющихъ) мотивовъ не вполнѣ: потому что, пусть случай будетъ болѣе благопріятенъ, т. е. пусть тревога и всякая вѣтвь опасности будутъ меньше чѣмъ прежде,—надо согласиться, что искушеніе настолько же станетъ сильнѣе: и съ другой стороны, пусть случай будетъ менѣе благопріятенъ или, другими словами, пусть тревога и опасность будутъ больше,—искушеніе настолько же будетъ слабѣе.

Итакъ, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ предохраняющихъ мотивовъ, которые были нами названы случайными, остаются только тѣ предохра-

няющіе мотивы, которые мы назвали постоянными. Но тѣ, которые мы назвали постоянными предохраняющими мотивами, суть тѣ же, которые мы называли общественными. Отсюда слѣдуетъ, поэтому, что сила искушенія, во всякомъ случаѣ, послѣ вычета силы общественныхъ мотивовъ, измѣряется отношеніемъ суммы силъ соблазняющихъ мотивовъ къ суммѣ силъ случайныхъ предохраняющихъ мотивовъ.

XLI.

Остается изслѣдовать, какое указаніе относительно вредности или испорченности расположенія человѣка доставляется силой искушенія, въ случаѣ, когда совершается какое-нибудь преступленіе. Кажется, что чѣмъ слабѣе искушеніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе испорченно и вредно расположеніе человѣка, которое оно указываетъ. Потому что хорошее качество расположенія измѣряется степенью чувствительности человѣка къ дѣйствію общественныхъ мотивовъ, другими словами, силой того вліянія, какое имѣютъ надъ нимъ эти мотивы. Такъ что, чѣмъ меньше сила, съ которой дѣйствуетъ на него ихъ вліяніе, тѣмъ болѣе убѣдительно доказательство, которое дано было относительно слабости этого вліянія.

Далѣе, при данной степени чувствительности человѣка къ силѣ общественныхъ мотивовъ, ясно, что сила, съ которой эти мотивы стремятся удержать его отъ совершенія какого-нибудь вреднаго предпріятія, будетъ равна видимому вреду такого предпріятія, т. е. степени вреда, которымъ, какъ ему кажется, оно можетъ сопровождаться. Другими словами, чѣмъ меньше вреднымъ представляется ему преступленіе, тѣмъ меньше онъ будетъ противъ совершенія его, насколько онъ будетъ руководиться общественными соображеніями: чѣмъ болѣе вреднымъ, тѣмъ онъ будетъ больше противъ его совершенія. Такимъ образомъ, если свойство преступленія таково, что оно должно представляться ему въ высокой степени вреднымъ, и онъ, несмотря на то, все-таки совершаетъ его, это показываетъ, что степень его чувствительности къ силѣ общественныхъ мотивовъ очень мала, и что слѣдовательно его расположеніе, пропорціонально этому, испорченно. Кромѣ того, чѣмъ меньше была сила искушенія, то это показываетъ тѣмъ болѣе вредное и испорченное расположеніе. Потому что, чѣмъ меньше была сила искушенія, тѣмъ меньше была сила, которую должно было преодолѣвать вліяніе этихъ мотивовъ, и слѣдовательно, тѣмъ яснѣе доказательство, которое дано было о слабости этого вліянія.

XLII.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, кажется, что для сужденія о томъ, какія

указанія получаются относительно испорченности расположенія человѣка изъ сравненія силы искушенія съ вредностью предпріятія, могутъ быть выведены слѣдующія правила:

Правило 1. При данной силѣ искушенія, вредность расположенія, обнаруженнаго предпріятіемъ, равняется видимой вредности акта.

Такимъ образомъ, убить человѣка изъ-за гинеи или ложно обвинить его въ разбоѣ изъ-за той же гинеи показывало бы болѣе испорченное расположеніе, чѣмъ просто получить эту гинею посредствомъ воровства, предполагая, что тревога, которую человѣкъ беретъ на себя при этомъ, и рискъ, которому онъ подвергается, одинаковы и въ томъ и другомъ случаѣ.

Правило 2. При данномъ видимомъ вредѣ дѣйствія, расположеніе человѣка тѣмъ болѣе испорченно, чѣмъ меньше искушеніе, которое получило въ немъ верхъ.

Такимъ образомъ расположеніе оказывается болѣе испорченнымъ и опаснымъ, когда человѣкъ убиваетъ другаго человѣка изъ одной прихоти,—какъ, говорятъ, много людей убилъ марокскій императоръ, Мулей Магометъ; чѣмъ когда онъ убиваетъ изъ мщенія,—какъ убили тысячи людей Силла и Марій; или въ видахъ самосохраненія, — какъ многихъ убилъ Августъ; или даже изъ-за прибыли, — какъ, говорятъ, убилъ нѣкоторыхъ людей тотъ же императоръ. И дѣйствія такой испорченности, для той части публики, которая узнаетъ объ нихъ, идутъ въ той же пропорціи. Августа должны были бояться только нѣкоторыя лица, при извѣстныхъ частныхъ обстоятельствахъ: Мулея Магомета должны были бояться всѣ и во всякое время.

Правило 3. При данномъ видимомъ вредѣ дѣйствія, представляемое имъ доказательство испорченности расположенія человѣка бываетъ тѣмъ менѣе сильно и рѣшительно, чѣмъ сильнѣе искушеніе, которое получило верхъ въ человѣкѣ.

Такимъ образомъ, если человѣкъ, близкій къ голодной смерти, крадетъ хлѣбъ, то это менѣе доказательный признакъ испорченности, чѣмъ еслибы кражу въ ту же цѣну сдѣлалъ человѣкъ богатый. Надобно замѣтить, что въ этомъ правилѣ сказано только то, что доказательство испорченности въ этомъ случаѣ менѣе рѣшительно, и не сказано, что испорченность положительно меньше. Потому что въ этомъ случаѣ возможно по какому-нибудь обстоятельству, что кража могла бы быть совершена, когда бы даже искушеніе было и не очень сильно. Въ этомъ случаѣ облегчающія обстоятельства могутъ быть только предполагаемы; въ прежнемъ случаѣ, отягчающее обстоятельство не подлежитъ сомнѣнію.

Правило 4. Когда мотивъ бываетъ необщественнаго разряда, то, при данномъ вредѣ акта и при данной силѣ искушенія, испорченность соотвѣтствуетъ степени обдуманности, которой сопровождалось совершеніе акта.

Потому что, въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы ни было испорчено его расположеніе, общій характеръ его жизни опредѣляется и направляется общественными мотивами, вездѣ, гдѣ личные мотивы остаются нейтральны. Необщественные мотивы приходятъ въ дѣйствіе только въ особенныхъ обстоятельствахъ и по особеннымъ случаямъ; когда на время ослабѣваетъ мягкая, но постоянная сила мотивовъ общественныхъ. Поэтому, общая и постоянная наклонность природы каждаго человѣка направляется къ той сторонѣ, къ которой побуждала бы его примкнуть сила общественныхъ мотивовъ. Въ этомъ случаѣ, сила общественныхъ мотивовъ постоянно стремится положить конецъ силѣ необщественныхъ; какъ въ естественныхъ тѣлахъ сила тренія стремится положить конецъ силѣ, происшедшей отъ толчка. И время, которое разрушаетъ силу необщественныхъ мотивовъ, увеличиваетъ силу мотивовъ общественныхъ. Поэтому, чѣмъ дальше въ данномъ случаѣ человѣкъ остается подъ господствомъ необщественныхъ мотивовъ, тѣмъ больше убѣдительно доказательство, данное относительно его нечувствительности къ силѣ мотивовъ общественныхъ.

Такимъ образомъ, когда человѣкъ составляетъ обдуманный планъ побить своего противника и дѣйствительно бьетъ его, то это показываетъ худшее расположеніе, чѣмъ когда бы онъ побилъ его на мѣстѣ, вслѣдствіе внезапной ссоры; и еще худшее расположеніе, когда, долго имѣя противника въ своей власти, онъ бьетъ его съ промежутками и на досугѣ.

XLIII.

Испорченность расположенія, указываемая извѣстнымъ актомъ, имѣетъ важное значеніе во многихъ отношеніяхъ. Всякій признакъ необыкновенной испорченности, увеличивая ужасъ, уже внушенный преступленіемъ, и выставляя преступника человѣкомъ, отъ котораго можно ожидать еще большаго вреда въ будущемъ, увеличиваетъ такимъ образомъ требованіе наказанія. Указывая общій недостатокъ чувствительности на сторонѣ преступника, этотъ признакъ можетъ также увеличить это требованіе наказанія другимъ образомъ. Вопросъ о расположеніи имѣетъ тѣмъ больше важности, что, при измѣреніи количества (quantum) наказанія, принципъ симпатіи и антипатіи способенъ не смотрѣть ни на что другое. Человѣкъ, который наказываетъ потому, что ненавидитъ, и

только потому, что ненавидитъ, такой человѣкъ, если не находитъ въ расположеніи ничего ненавистнаго, считаетъ наказаніе не нужнымъ вовсе; и когда онъ находитъ что-нибудь ненавистное, онъ идетъ въ наказаніи не дальше того, куда достигаетъ его ненависть. Отсюда такъ часто выражаемое отвращеніе, къ правилу, что наказаніе должно увеличиваться съ силой искушенія; правило, противное которому, какъ мы увидимъ, было бы столько же жестоко относительно самихъ преступниковъ, сколько было бы превратно относительно цѣлей наказанія.

ГЛАВА XII.

О послѣдствіяхъ вреднаго акта.

§ 1. *Формы, въ которыхъ можетъ обнаружиться вредъ акта.*

I.

До сихъ поръ мы говорили о различныхъ предметахъ, отъ которыхъ могутъ зависѣть послѣдствія или тенденція акта: о самомъ голомъ актѣ; объ обстоятельствахъ, которыми онъ могъ сопровождаться или предполагается, что могъ сопровождаться; о сознательности, которую человѣкъ могъ имѣть относительно такихъ обстоятельствъ; о намѣреніяхъ, которыя могли предшествовать акту; о мотивахъ, которые могли порождать эти намѣренія; о расположеніи, которое можетъ быть указываемо связью между такими намѣреніями и такими мотивами. Мы будемъ говорить теперь о послѣдствіяхъ или о тенденціи: предметѣ, который составляетъ заключительное звѣно во всей этой цѣпи причинъ и дѣйствій, такъ какъ въ немъ состоитъ существенное значеніе всего цѣлаго. Но прямо относится къ нашему вопросу только та часть этой тенденціи, которая имѣетъ вредное свойство; поэтому, только ею мы и ограничимся.

II.

Тенденція акта бываетъ вредна, когда вредны его послѣдствія, т. е. его послѣдствія извѣстныя или вѣроятныя. Сколько и каковы бы ни были послѣдствія акта, имѣющаго вредную тенденцію, тѣ изъ нихъ,

которыя вреды, могутъ быть поняты какъ нѣчто цѣлое, и это цѣлое можетъ быть названо вредомъ акта.

III.

Этотъ вредъ часто какъ будто раздѣляется на двѣ доли или части: одна содержитъ то, что̀ можетъ быть названо первоначальнымъ (primary) вредомъ; другая—то, что̀ можетъ быть названо вторичнымъ (secondary) вредомъ. Первоначальной долей вреда можетъ быть названа та, которая переносится однимъ извѣстнымъ индивидуумомъ, или многими извѣстными индивидуумами. Вторичной—та, которая, происходя отъ первой, простирается или на цѣлое общество или на какую-нибудь другую массу неизвѣстныхъ индивидуумовъ.

IV.

Первоначальный вредъ акта можетъ быть опять раздѣленъ на двѣ вѣтви: 1) Оригинальную и 2) Производную. Подъ оригинальной вѣтвью я разумѣю ту, которая, падая на одно извѣстное лицо, ограничивается однимъ этимъ лицомъ, переносящимъ вредъ въ первой инстанціи и на свой собственный счетъ; какъ напримѣръ лицо, которое бьютъ, грабятъ или убиваютъ. Подъ вѣтвью производной я разумѣю долю вреда, которая можетъ пасть на другія извѣстныя лица вслѣдствіе оригинальнаго вреда, понесеннаго первымъ лицомъ, и не иначе. Эти лица естественно должны быть лица, тѣмъ или другимъ путемъ съ нимъ связанныя. Мы уже видѣли, какими способами лица могутъ быть связаны другъ съ другомъ; именно путемъ интереса (разумѣя личный интересъ) или чисто путемъ симпатіи. И притомъ, лица, связанныя съ даннымъ лицомъ путемъ интереса, могутъ быть связаны съ нимъ или доставляя поддержку ему, или получая эту поддержку отъ него [1]).

V.

Такимъ же образомъ, вторичный вредъ можетъ состоять изъ двухъ долей или частей: первая состоитъ изъ страданія, вторая—изъ опасности. Страданіе, производимое имъ, есть страданіе предвидѣнія, страданіе, основанное на томъ, что человѣкъ предвидитъ, что ему нужно будетъ переносить какой бы то ни было вредъ и неудобства, могущія произойти отъ первоначальнаго вреда. Однимъ словомъ, это можетъ быть названо тревогой (alarm). Опасность есть какой бы то ни было шансъ, по которому упомянутая масса людей можетъ, вслѣдствіе пер-

¹) См. гл. VI (Чувствительность).

воначальнаго вреда, подвергнуться тѣмъ или другимъ страданіямъ и неудобствамъ. Потому, что опасность есть ни что иное какъ шансъ страданія, или, что одно и тоже, шансъ потери удовольствія.

VI.

Примѣръ объяснитъ это. Человѣкъ нападаетъ на васъ на дорогѣ и грабитъ васъ. Вы переносите страданіе, потому что потеряли такое-то количество денегъ [1]: но вы перенесли еще страданіе при мысли о личномъ оскорбленіи, которое, какъ вы предвидите, этотъ человѣкъ могъ бы нанести вамъ въ случаѣ, еслибы вамъ не удалось удовлетворить его требованій [2]). И то и другое вмѣстѣ составляетъ оригинальную вѣтвь первоначальнаго вреда, происшедшаго отъ акта грабежа. Вашъ кредиторъ, который ожидалъ, что вы заплатите ему часть этихъ денегъ, и вашъ сынъ, который ожидалъ, что вы отдадите ему другую ихъ часть, вслѣдствіе этого обманываются въ своихъ ожиданіяхъ. Вы вынуждены прибѣгнуть къ добротѣ вашего отца, чтобы пополнить недочетъ. И тотъ и другой вредъ вмѣстѣ составляетъ производную вѣтвь. Извѣстіе объ этомъ грабежѣ переходитъ изъ устъ въ уста и распространяется въ сосѣдствѣ. Оно попадаетъ въ газеты и расходится по всей странѣ. Разные люди припоминаютъ по этому случаю опасность, которой, какъ видно изъ этого примѣра, подвергались они и ихъ друзья въ своихъ путешествіяхъ; и особенно припоминаютъ это тѣ, которымъ приходится ѣздить по той же самой дорогѣ. По этому случаю они естественно чувствуютъ извѣстную степень страданія, легче или тяжеле, смотря по тому, въ какой мѣрѣ они представляютъ себѣ перенесенную вами передрягу,—по тому, какъ часто приходится каждому изъ этихъ лицъ проѣзжать по этой дорогѣ или въ ея сосѣдствѣ; — по близости каждаго лица къ этому мѣсту,—по его личному мужеству,— по количеству денегъ, которыя придется ему брать съ собой, — и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ. Это составляетъ первую долю вторичнаго вреда, происходящаго отъ акта грабежа, т. е. тревогу. Но люди того или другаго рода нетолько могутъ предполагать возможность шанса быть ограбленнымъ, вслѣдствіе грабежа, понесеннаго вами; но (какъ мы теперь покажемъ) могутъ дѣйствительно подвергнуться

---

[1]) Т. е. *страданіе лишенія*. См. гл. V (Удовольствія и Страданія), пар. 17.

[2]) Т. е. *страданіе предвидѣнія*, основанное на перспективѣ органическаго страданія или какого бы то ни было другаго вреда, который можетъ произойти отъ оскорбленія. Тамъ же, пар. 30. Б.

этому шансу. И этотъ шансъ составляетъ остальную часть вторичнаго вреда отъ акта грабежа, т. е. опасность.

VII.

Взглянемъ теперь, какъ далеко простирается этотъ шансъ и откуда онъ приходитъ. Какимъ образомъ, напримѣръ, одинъ грабежъ можетъ содѣйствовать совершенію другаго? Во первыхъ, ясно, что онъ не можетъ создать никакого прямаго мотива. Мотивъ долженъ быть перспективой какого-нибудь удовольствія или какой-нибудь другой выгоды въ будущемъ: но упомянутый грабежъ уже прошелъ, и не могъ бы доставить подобной перспективы, еслибы грабежъ случился еще: потому что не одинъ грабежъ доставитъ удовольствіе тому, кто собирается произвести другой грабежъ. Соображеніемъ, которое можетъ дѣйствовать на человѣка, какъ мотивъ или побужденіе къ совершенію грабежа, должна быть идея удовольствія, которое онъ ожидаетъ извлечь изъ плодовъ этого самаго грабежа; но это удовольствіе существуетъ независимо отъ всякаго другаго грабежа.

VIII.

Итакъ, одинъ грабежъ стремится произвесть другой, кажется, двумя слѣдующими средствами: 1) внушая лицу, которое подвержено соблазну, идею о совершеніи другаго подобнаго грабежа (быть можетъ, сопровождаемую увѣренностью въ его легкости). Въ этомъ случаѣ его вліяніе прилагается прежде всего къ пониманію. 2) *Ослабляя силу предохраняющихъ мотивовъ*, которые стремятся удержать это лицо отъ такого дѣйствія, и тѣмъ увеличивая *силу искушенія* [1]. Въ этомъ случаѣ его вліяніе прилагается къ волѣ. Эти (предохраняющія) силы суть: 1) Мотивъ благосклонности, который дѣйствуетъ какъ вѣтвь физической санкціи [2]. 2) Мотивъ самосохраненія, напримѣръ сохраненія отъ наказанія, мотивъ, который можетъ быть доставленъ политической санкціей. 3) Страхъ стыда, мотивъ, принадлежащій къ нравственный санціи. 4) Страхъ божественнаго гнѣва, мотивъ принадлежащій религіозной санкціи. На первую и послѣднюю изъ этихъ силъ прошедшій грабежъ, быть можетъ, не имѣетъ такого вліянія, на которомъ бы стоило остановиться; но онъ имѣетъ на другіе два.

IX.

Способъ, которымъ прошедшій грабежъ можетъ ослабить силу, съ

[1]) См. гл. XI (Расположенія), пар. 40.

[2]) Т. е. въ силу страданія, какое испытываетъ человѣкъ, когда бываетъ свидѣтелемъ, или узнаетъ другимъ образомъ о страданіи другаго человѣка; въ особенности, когда причина этихъ страданій онъ самъ;—однимъ словомъ, страданія симпатіи. См. гл. V (Удовольствія и страданія), пар. 26. Б.

которой **политическая** санкція стремится предотвратить будущій грабежъ, можетъ быть опредѣленъ слѣдующимъ образомъ. Политическая санкція стремится предотвратить будущій грабежъ тѣмъ, когда объявляется какое-нибудь особенное наказаніе тому, кто будетъ въ немъ виновенъ: **дѣйствительная** важность этого наказанія конечно будетъ уменьшаться **дѣйствительной** неизвѣстностью; точно также какъ **видимая** важность его будетъ уменьшаться **видимой** неизвѣстностью. Но эта неизвѣстность пропорціонально увеличивается съ каждымъ случаемъ, въ которомъ человѣкъ завѣдомо совершаетъ преступленіе и не подвергается наказанію. И такъ будетъ конечно со всякимъ преступленіемъ на извѣстное время; словомъ, до тѣхъ поръ, пока опредѣленное наказаніе не приводится въ исполненіе. Когда наконецъ наказаніе совершается, тогда только, и не ранѣе, эта вѣтвь вреда преступленія прекращается.

X.

Способъ, которымъ прошедшій грабежъ можетъ ослабить силу, съ которой **нравственная** санкція стремится предотвратить будущій грабежъ, можетъ быть опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: нравственная санкція стремится предотвратить будущій грабежъ—выставляя негодованіе человѣчества, готовое пасть на того, кто окажется въ немъ виновенъ. И это негодованіе будетъ тѣмъ страшнѣе, чѣмъ больше число лицъ, его раздѣляющихъ; оно будетъ тѣмъ менѣе страшно, чѣмъ меньше это число. Но если человѣкъ не раздѣляетъ какого-нибудь негодованія противъ извѣстнаго рода поступковъ, то онъ ничѣмъ не можетъ показать этого сильнѣе, какъ совершивъ такой поступокъ самъ. Это показало бы что онъ нетолько не чувствуетъ никакого негодованія противъ этого рода поступковъ, но что ему не представляется даже достаточнаго резона предвидѣть, какое негодованіе будутъ чувствовать къ нему другіе. Вслѣдствіе того, гдѣ грабежи часты, и гдѣ они остаются безнаказанны, тамъ грабежи совершаются безъ стыда. Такъ было прежде у Грековъ [1]. Такъ идетъ еще до сихъ поръ у Арабовъ.

XI.

Итакъ, какимъ бы способомъ прошедшее преступленіе ни подготовляло дорогу для совершенія будущаго преступленія, внушая ли идею объ его совершеніи, или увеличивая силу искушенія,—въ обоихъ слу-

---

[1]) См. Homeri, Odyss. XIX, v. 395. Тамъ же, III, 71. Plato de Republ. I, 576, edit. Ficin. Thucyd. I. Б.

чаяхъ можно сказать, что оно дѣйствуетъ силой или вліяніемъ примѣра.

XII.

Не должно смѣшивать двухъ вѣтвей вторичнаго вреда акта, тревоги и опасности: хотя тѣсно связанныя одна съ другой, эти вѣтви совершенно различны и каждая можетъ существовать безъ другой. Сосѣдство можетъ быть встревожено извѣстіемъ о грабежѣ, когда на самомъ дѣлѣ грабежъ или вовсе не былъ совершенъ или онъ только готовится совершиться; сосѣдство можетъ встревожиться грабежами, не зная ровно ничего о самомъ фактѣ. Поэтому, мы легко видимъ, что нѣкоторые акты производятъ тревогу безъ опасности; другіе—опасность безъ тревоги.

XIII.

Какъ опасность, такъ и тревога могутъ быть также раздѣлены, каждая, на двѣ вѣтви: первая состоитъ изъ того количества тревоги или опасности, которое можетъ произойти отъ будущаго поведенія того же дѣйствующаго лица; вторая—изъ того количества тревоги или опасности, которое можетъ произойти отъ поведенія другихъ лицъ, т. е. такихъ, которыя могутъ совершить акты того же рода и той же тенденціи [1]).

XIV.

Надо внимательно замѣчать различіе между первоначальными и вторичными послѣдствіями акта. Это такъ вѣрно, что послѣднія могутъ быть часто прямо противоположнаго свойства, чѣмъ первыя. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ первоначальныя послѣдствія акта сопровождаются вредомъ, вторичныя послѣдствія могутъ быть благотворны, и притомъ до такой степени, что могутъ даже сильно перевѣшивать вредъ первоначальныхъ. Такъ бываетъ, напримѣръ, со всѣми актами наказанія, когда оно прилагается правильно. Въ этихъ актахъ первоначальный вредъ всегда предполагается направленнымъ только противъ лицъ, могущихъ совершить какіе-нибудь акты, которые полезно предотвратить; вторичный вредъ, т. е. тревога и опасность, распространяется только на лицъ, которыя подвергаются соблазну совершить такіе же акты;

---

[1]) Первой изъ этихъ вѣтвей противополагается то количество силы наказанія, какое считается дѣйствующимъ для исправленія; послѣдней — то количество, какое считается нужнымъ для примѣра. См. гл. XV (случаи, не подлеж. наказанію), пар. 2 прим. Б.

и такъ какъ акты наказанія стремятся удержать ихъ отъ этого, то эти акты бываютъ благотворнаго свойства.

XV.

До сихъ поръ мы говорили объ актахъ, производящихъ положительное страданіе, и притомъ непосредственно. Этотъ случай, по своей простотѣ, всего естественнѣе, казалось намъ, долженъ былъ стоять впереди. Но акты могутъ производить вредъ и разными другими путями, которые, вмѣстѣ съ разобранными выше, могутъ быть всѣ обняты вкратцѣ въ слѣдующемъ анализѣ.

Вредъ можетъ быть подраздѣляемъ съ какой-нибудь изъ трехъ точекъ зрѣнія: 1) По его собственному свойству; 2) По его причинѣ; 3) По лицу, или другой сторонѣ, которыя могутъ быть его предметомъ. Относительно свойства, вредъ можетъ быть простой или сложный; и если простой, то положительный или отрицательный: положительный, состоящій изъ дѣйствительнаго страданія; отрицательный, состоящій въ потерѣ удовольствія. Вредъ простой или сложный, положительный или отрицательный, можетъ быть извѣстный или случайный, непредвидѣнный (contingent). Когда онъ бываетъ отрицательный, онъ состоитъ въ потерѣ какого-нибудь блага или выгоды; это благо можетъ быть важно какимъ-нибудь изъ двухъ способовъ, или обоими способами вмѣстѣ: 1] доставляя дѣйствительное удовольствіе, или 2] отвращая страданіе или опасность, которое есть шансъ страданія,— т. е. доставляя безопасность. И когда благо, которое вредъ стремится отвратить, производитъ безопасность, то этотъ вредъ стремится произвести небезопасность. 2) Относительно причины, вредъ можетъ быть произведенъ или однимъ дѣйствіемъ, или не безъ участія другихъ дѣйствій: если не безъ участія другихъ дѣйствій, то эти послѣднія могутъ быть или дѣйствія того же самаго лица, или другихъ лицъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ, это могутъ быть или дѣйствія того же рода, какъ то̀, о которомъ идетъ рѣчь, или другихъ родовъ. 3) Наконецъ, относительно стороны, составляющей предметъ вреда или, другими словами, стороны, которая можетъ быть постигнута вредомъ, это можетъ быть или какой-нибудь извѣстный индивидуумъ, или собраніе индивидуумовъ, или же масса неизвѣстныхъ индивидуумовъ. Когда предметъ вреда есть извѣстный индивидуумъ, то этотъ индивидуумъ можетъ быть или то самое лицо, которое производитъ вредъ, или же другое лице. Когда индивидуумы, составляющіе предметъ вреда, суть неизвѣстная масса, эта масса можетъ быть или все политическое общество или государство, или какой-нибудь подчиненный

отдѣлъ его. Далѣе, когда предметъ вреда есть самъ виновникъ его, вредъ можетъ быть названъ личнымъ (self-regarding); когда этотъ предметъ есть другая сторона, то—внѣшнимъ (extra-regarding); когда эта другая сторона есть индивидуумъ, то вредъ можетъ быть названъ частнымъ; когда—подчиненная вѣтвь общества,—полупубличнымъ; когда—все общество,—публичнымъ или общественнымъ. Здѣсь мы пока остановимся. Изслѣдованіе этого предмета во всѣхъ низшихъ подраздѣленіяхъ сдѣлано будетъ въ главѣ о дѣленіи преступленій [1]).

Случаи, нами уже объясненные, суть тѣ, въ которыхъ первоначальный вредъ есть необходимо простой, и притомъ положительный; настоящій, и слѣдовательно несомнѣнный; происходящій отъ одного дѣйствія, безъ необходимости участія другаго дѣйствія со стороны ли самаго дѣйствующаго лица или другихъ лицъ, и имѣющій предметомъ извѣстный индивидуумъ или, пожалуй, собраніе извѣстныхъ индивидуумовъ, слѣдовательно внѣшній и частный. Этотъ первоначальный вредъ сопровождается вторичнымъ: первая вѣтвь котораго иногда случайна (непредвидѣнна) и иногда извѣстна, другая всегда только случайна, обѣ—вѣтви внѣшнія и полупубличныя: въ другихъ отношеніяхъ, почти равны съ первоначальнымъ вредомъ исключая того, что первая вѣтвь, т. е. тревога, хотя по количеству ниже первоначальнаго, но гораздо выше его по распространенію, и слѣдовательно, въ цѣломъ, по количеству.

XVI.

Два примѣра достаточно объяснятъ главную важность представленныхъ выше видоизмѣненій.

Человѣкъ выпиваетъ извѣстное количество водки и приходитъ въ опьянѣніе. Въ этой первой инстанціи опьянѣніе еще не производитъ ему никакого вреда, или, что одно и тоже, никакого замѣтнаго вреда. Но вѣроятно, — и, въ самомъ дѣлѣ, почти несомнѣнно, — что данное число актовъ того же рода принесетъ ему весьма значительную степень вреда, и больше или меньше, смотря по его тѣлосложенію и другимъ обстоятельствамъ: потому что опытъ именно показываетъ это каждый день. Несомнѣнно также, что одинъ актъ этого рода, тѣмъ или другимъ способомъ, значительно стремится усилить расположеніе человѣка къ совершенію другихъ поступковъ того же рода; потому что это также подтверждается опытомъ. Итакъ въ этой инстанціи вредъ, который можетъ быть произведенъ актомъ, есть случайный; другими словами, тенденція акта вредна здѣсь только въ силу того, что актъ произво-

---

[1]) Гл. XVIII.

дитъ шансъ вреда. Этотъ шансъ зависитъ отъ участія другихъ актовъ того же рода, и притомъ актовъ, которые должны быть совершены тѣмъ же лицомъ. Предметъ вреда есть то же самое лицо, которое есть виновникъ его, и только это лицо, кромѣ развѣ какой-нибудь случайности. Поэтому, вредъ бываетъ частный и личный.

Что касается до вторичнаго вреда, тревоги, то актъ не производитъ его: въ самомъ дѣлѣ онъ производитъ только нѣкоторое количество опасности, вліяніемъ примѣра; но эта опасность только рѣдко достигаетъ размѣровъ, заслуживающихъ вниманія.

XVII.

Далѣе. Человѣкъ не платитъ своей доли податей. Это, какъ видимъ, есть актъ отрицательнаго рода [1]). Слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ помѣщать его въ число вредныхъ актовъ? Безъ сомнѣнія, слѣдуетъ. По какимъ основаніямъ? По слѣдующимъ. Чтобы защитить общество отъ его внѣшнихъ и внутреннихъ непріятелей, нужны труды, которые могутъ быть выполнены только цѣной значительныхъ издержекъ,— не упоминая о другихъ издержкахъ менѣе необходимаго свойства. Но откуда добыть денегъ для покрытія этихъ издержекъ? Онѣ могутъ быть добыты только взносами отъ отдѣльныхъ лицъ, словомъ—податями. Доходъ отъ этихъ податей долженъ считаться родомъ блага (benefit), которое управляющая часть общества необходимо должна получать для пользы цѣлаго. Прежде чѣмъ эти доходы могутъ быть употреблены по своему назначенію, нужно, чтобы нѣкоторымъ лицамъ поручено было собрать ихъ для этого употребленія. И если эти лица, собравъ эти доходы, употребили ихъ по должному назначенію, это было бы благомъ: поставить ихъ въ невозможность собрать эти доходы было бы вредомъ. Но возможно также, что если они и собраны, то не будутъ употреблены по ихъ должному назначенію; или что тѣ труды, во вниманіе къ которымъ эти доходы были даны, останутся неисполненными. Возможно, что подчиненный чиновникъ, собравъ доходъ отъ податей, не передастъ его своему начальнику; возможно, что начальникъ не перешлетъ ихъ по дальнѣйшему ихъ назначенію, напр. судьѣ, который долженъ охранять общество противъ его тайныхъ враговъ внутри, или солдату, который долженъ охранять его противъ явныхъ враговъ извнѣ; возможно, что судья или солдатъ, получивъ ихъ, тѣмъ неменѣе не исполнятъ своихъ обязанностей: возможно, что судья не будетъ засѣ-

---

[1]) См. гл. VII (Дѣйствія), пар. 8.

дать въ судѣ для наказанія преступниковъ и рѣшенія тяжебъ; что солдатъ не вынетъ своего меча для защиты общества. Эти труды, вмѣстѣ съ безконечнымъ множествомъ другихъ посредствующихъ актовъ (которые я опущу для краткости), составляютъ связную цѣпь обязанностей, выполненіе которыхъ необходимо для сохраненія общества. Каждая изъ нихъ должна быть исполнена, прежде чѣмъ произойдетъ то благо, которому онѣ должны содѣйствовать. Если онѣ исполнены всѣ, то благо существуетъ, и всякій актъ, стремящійся подорвать это благо, можетъ произвести вредъ. Но если какая-нибудь изъ этихъ обязанностей неисполнена, то благо не осуществляется, не осуществляется само по себѣ: оно не существовало бы, хотя бы разбираемый актъ (актъ неплатежа податей) и не былъ совершенъ. Слѣдовательно это благо зависитъ отъ случая, и слѣдовательно, при извѣстномъ предположеніи, актъ, состоящій въ помѣхѣ этому благу, не есть актъ вредный. Но при сколько-нибудь сносномъ правительствѣ это предположеніе рѣдко оказывается на дѣлѣ. Въ самомъ худшемъ правленіи, какое только существуетъ, большая часть взимаемыхъ повинностей истрачивается сообразно съ ихъ назначеніемъ; и относительно какой-нибудь частной суммы, которая требуется отъ какого-нибудь частнаго лица по частному случаю, очевидно, что, если только не извѣстно, что сумма будетъ употреблена не такъ, актъ отказа въ ней есть актъ вредный.

Актъ платежа, относительно какой-нибудь частной суммы, особенно маленькой, можетъ также не оказаться благотворнымъ на другомъ основаніи, и слѣдовательно, актъ неплатежа можетъ не оказаться вреднымъ. Возможно, что именно тѣ же труды могутъ быть исполнены безъ денегъ также, какъ и за деньги. И въ такомъ случаѣ, еслибы по поводу какой-нибудь небольшой суммы (какъ напримѣръ самая бо̀льшая сумма, которую отдѣльное лицо приглашается заплатить за одинъ разъ) кто-нибудь сказалъ, что неплатежъ этой суммы сопровождался бы вредными послѣдствіями, это было бы далеко не несомнѣнно; но во всякомъ случаѣ это было бы совершенно несомнѣнно, еслибы это прилагалось къ цѣлому. Несомнѣнно, что если бы вдругъ прекратились платежи всѣхъ податей, то не было бы сдѣлано ничего дѣйствительнаго ни для поддержанія правосудія, ни для защиты общества противъ внѣшнихъ враговъ; что слѣдовательно слабый былъ бы угнетаемъ и притѣсняемъ всѣми способами отъ сильнаго внутри, и оба они были бы подавлены извнѣ. Поэтому вообще ясно, что въ этомъ случаѣ, хотя вредъ есть отдаленный и случайный, хотя въ своемъ первомъ появленіи онъ состоитъ только въ остановкѣ или перехватѣ блага, и хотя лица, въ пользу которыхъ это благо перешло бы въ положительную форму удо-

вольствія или безопасности, остаются неизвѣстны, или не могутъ быть указаны, тѣмъ неменѣе вредная тенденція акта остается по всѣмъ этимъ причинамъ неоспоримой. Относительно интенсивности и продолжительности, вредъ дѣйствительно неизвѣстенъ; это вредъ сомнительный, отдаленный. Но относительно распространенія онъ громаденъ, и относительно плодовитости обиленъ до размѣровъ, дѣлающихъ невозможнымъ исчисленіе.

XVIII.

Теперь можетъ быть пора замѣтить, что вторичная вѣтвь вреда, состоящая въ тревогѣ, можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда вредъ есть внѣшній (extra-regarding) и имѣетъ своимъ предметомъ какое-нибудь извѣстное лицо или лица. Когда индивидуммы, постигаемые вредомъ, неизвѣстны и вовсе не имѣются въ виду, тогда не можетъ быть произведено никакой тревоги: такъ какъ нѣтъ никого, чьи страданія вы могли бы видѣть, то нѣтъ никого, чьими страданіями вы могли бы быть встревожены. Никакой тревоги не производится, напримѣръ, неплатежомъ подати. Еслибы въ какой-нибудь большой и неопредѣленный періодъ времени такое преступленіе могло произвести какой-нибудь родъ тревоги, эта тревога могла бы произойти, и дѣйствительно произошла бы непосредственно отъ совершенно другой причины. Напримѣръ, она могла бы быть прямо отнесена къ акту законодателя, который могъ найти необходимымъ наложить новую подать, съ цѣлью пополнить недостатки, случившіеся въ доходѣ отъ прежней подати; или она могла бы быть отнесена къ акту непріятеля, который, пользуясь подобной недостачей въ суммахъ, назначенныхъ для защиты, могъ бы напасть на страну и взять съ нея болѣе тяжкія контрибуціи, чѣмъ тѣ, въ какихъ было отказано государю.

Что касается до той тревоги, какую подобное преступленіе могло бы возбудить между немногими людьми, которые бы взглянули на дѣло глазами политиковъ, то эта тревога слишкомъ легкаго и неопредѣленнаго свойства, чтобы ее стоило брать въ соображеніе.

§ 2. Какъ намѣренность и проч. могутъ вліять на вредъ акта.

XIX.

Мы видѣли свойства вторичнаго вреда, который можетъ какъ-бы отражаться отъ вреда первоначальнаго, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ индиви-

дуумы, составляющіе предметъ вреда, могутъ быть указаны. Теперь пора изслѣдовать обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ произведеніе этого вторичнаго вреда. Эти обстоятельства ни что иное, какъ тѣ четыре предмета, которые разбирались нами въ четырехъ послѣднихъ главахъ, именно 1) Намѣренность; 2) Сознательность; 3) Мотивъ; 4) Расположеніе. Надобно замѣтить при этомъ, что только опасность непосредственно управляется дѣйствительнымъ состояніемъ духа относительно этихъ четырехъ предметовъ; а видимымъ состояніемъ его управляется тревога. Она управляется дѣйствительнымъ только въ той степени, насколько видимое, какъ можно ожидать въ большей части случаевъ, сходится съ дѣйствительнымъ. Различныя вліянія видовъ намѣренности и сознательности могутъ быть представлены въ слѣдующихъ случаяхъ.

XX.

Случай 1. Когда актъ бываетъ настолько совершенно безнамѣренный, что бываетъ вполнѣ невольный. Въ этомъ случаѣ онъ не сопровождается вовсе никакимъ вторичнымъ вредомъ.

Каменьщикъ работаетъ на верху дома; внизу на улицѣ проходитъ пѣшеходъ. Къ каменьщику подходитъ товарищъ и даетъ ему сильный толчокъ, вслѣдствіе котораго тотъ падаетъ на пѣшехода и ранитъ его. Ясно, что въ этомъ событіи нѣтъ ничего, что бы могло дать другимъ людямъ, идущимъ по улицѣ, какой-нибудь резонъ ожидать чего-нибудь въ будущемъ со стороны упавшаго человѣка, какъ бы тамъ ни было относительно человѣка, который толкнулъ его.

XXI.

Случай 2. Когда актъ, хотя не безнамѣренный, бываетъ необдуманный, такъ что вредная часть послѣдствій безнамѣренна, но необдуманность сопровождается невнимательностью или легкомысліемъ. Въ этомъ случаѣ актъ влечетъ за собой извѣстную небольшую степень вторичнаго вреда, пропорціонально степени невнимательности.

Конюхъ скачетъ верхомъ на лошади въ многолюдномъ городѣ, поворачиваетъ на всемъ скаку за уголъ и сбиваетъ съ ногъ проходящаго мимо человѣка. Ясно, что это поведеніе конюха можетъ произвести извѣстную степень тревоги, бóльшую или меньшую смотря по степени невнимательности, имъ обнаруженной, по быстротѣ его ѣзды, по многолюдности улицы, и такъ далѣе. Можно сказать, что онъ уже сдѣлалъ вредъ своей неосторожностью: и кто знаетъ, что въ другихъ случаяхъ подобная причина опять не произведетъ подобнаго же дѣйствія?

XXII.

Случай 3. Когда актъ дурно обдуманъ или невѣрно разсчитанъ

относительно какого-нибудь обстоятельства, которое, еслибы оно существовало, совершенно устранило бы или (что одно и тоже) перевѣсило первоначальный вредъ, и когда въ этомъ случаѣ нѣтъ безразсудства. Въ этомъ случаѣ актъ вовсе не сопровождается вторичнымъ вредомъ.

Безполезно приводить еще дальнѣйшіе примѣры.

XXIII.

Случай 4. Когда актъ дурно обдуманъ относительно обстоятельства, которое устранило бы или уравновѣсило первоначальный вредъ отчасти, но не вполнѣ: и когда также нѣтъ безразсудства. Въ этомъ случаѣ актъ сопровождается нѣкоторой степенью вторичнаго вреда, пропорціонально той части первоначальнаго вреда, которая остается неустраненной или неуравновѣшенной.

XXIV.

Случай 5. Когда актъ дурно обдуманъ относительно обстоятельства, которое, если бы оно существовало, устранило бы или уравновѣсило первоначальный вредъ вполнѣ, или отчасти; и гдѣ предполагается нѣкоторая степень безразсудства. Въ этомъ случаѣ актъ также сопровождается извѣстной степенью вторичнаго вреда, пропорціонально степени безразсудства.

XXV.

Случай 6. Когда послѣдствія акта вполнѣ намѣренны, и притомъ нѣтъ дурнаго (неправильнаго) разсчета обстоятельствъ. Въ этомъ случаѣ вторичный вредъ достигаетъ своей высшей степени.

XXVI.

До сихъ поръ говорено было о намѣренности и сознательности. Мы переходимъ къ разсмотрѣнію того, какимъ образомъ вторичный вредъ зависитъ отъ свойства мотива.

Когда актъ бываетъ зловреденъ въ своихъ первоначальныхъ послѣдствіяхъ, вторичный вредъ не стирается хорошимъ качествомъ мотива, хотя бы мотивъ былъ самаго наилучшаго рода. Потому что, несмотря на хорошее качество мотива, актъ, первоначальныя послѣдствія котораго зловредны, производится имъ, въ разбираемомъ случаѣ, съ предположеніемъ этихъ послѣдствій. Это можетъ быть, слѣдовательно, и въ другихъ случаяхъ: хотя это не такъ вѣроятно случается изъ хорошаго мотива, какъ изъ дурнаго.

XXVII.

Актъ, который хотя и вреденъ по своимъ первоначальнымъ послѣдствіямъ, но въ силу своихъ вторичныхъ послѣдствій становится въ другихъ отношеніяхъ вообще благотворнымъ, не повертывается обратно

и не становится вообще вреднымъ по дурному качеству мотива: хотя бы мотивъ и былъ наихудшій.

XXVIII.

Но когда не только первоначальныя послѣдствія акта зловредны, но въ другихъ отношеніяхъ также зловредны и вторичныя, то вторичный вредъ можетъ быть усиленъ свойствомъ мотива: именно, на сколько этотъ вредъ имѣетъ отношеніе къ будущему поведенію того же лица.

XXIX.

Впрочемъ, вторичный вредъ акта получаетъ свое высшее усиленіе не отъ наихудшаго разряда мотива.

XXX.

Усиленіе, которое вторичный вредъ акта, насколько онъ касается будущаго поведенія того же лица, получаетъ отъ свойства мотива въ индивидуальномъ случаѣ,—бываетъ соразмѣрно тенденціи мотива производить, со стороны того же лица, акты такого же дурнаго направленія, какъ направленіе акта, о которомъ идетъ рѣчь.

XXXI.

Тенденція мотива производить акты подобнаго рода, со стороны даннаго лица, соразмѣрна съ силой и постоянствомъ вліянія мотива на это лицо, въ примѣненіи къ произведенію такихъ дѣйствій.

XXXII.

Тенденція какого-нибудь вида мотива порождать акты какого нибуть рода, между людьми вообще, соразмѣрна съ силой, постоянствомъ и пространствомъ (экстенсивностью) его вліянія, въ примѣненіи къ произведенію такихъ дѣйствій.

XXXIII.

Но мотивы, вліяніе которыхъ наиболѣе могущественно, наиболѣе постоянно и наиболѣе экстенсивно, суть мотивы физическаго желанія, любви къ богатству, любви къ покою, любви къ жизни и страха страданія: всѣ—мотивы личные (self-regarding). Мотивъ недовольства, каковъ бы онъ ни былъ по силѣ и экстенсивности, далеко не такъ постояненъ въ своемъ вліяніи (кромѣ случая чистой антипатіи), какъ который-нибудь изъ трехъ остальныхъ. Поэтому, если вредный актъ совершенъ изъ мщенія или изъ иного недовольства, онъ не такъ вре-

денъ, какъ тотъ же вредный актъ, если онъ совершенъ силой котораго-нибудь изъ тѣхъ другихъ мотивовъ [1]).

XXXIV.

Что касается до мотива религіи, каковъ бы онъ ни былъ иногда по своей силѣ и постоянству, онъ не такъ всеобщъ по своему пространству, особенно въ примѣненіи къ актамъ вреднаго свойства, какъ который-нибудь изъ трехъ предъидущихъ мотивовъ. Впрочемъ, онъ можетъ быть столько же всеобщъ въ какомъ-нибудь частномъ государствѣ, или въ частной области частнаго государства. Правда, онъ можетъ быть весьма неправиленъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но онъ часто можетъ быть также могуществен, какъ мотивъ мщенія или наконецъ какъ всякій другой мотивъ. Иногда онъ бываетъ даже могущественнѣе всякаго вліянія другаго мотива. Во всякомъ случаѣ онъ гораздо постояннѣе [2]). Поэтому, если вредный актъ совершенъ по мотиву религіи, то

[1]) Вотъ почему угроза, или другое личное оскорбленіе, сдѣланное чужому человѣку для какого-нибудь рода грабежа, производитъ въ обществѣ больше вреда и потому, быть можетъ, вездѣ наказывается строже, чѣмъ такое же оскорбленіе, совершенное надъ человѣкомъ знакомымъ изъ мщенія. Никакой человѣкъ не бываетъ всегда въ бѣшенствѣ. Но всякій человѣкъ, и всегда, больше или меньше любитъ деньги. Поэтому, хотя бы человѣкъ по своей сварливости и сдѣлалъ одинъ разъ дурное дѣйствіе, онъ можетъ тѣмъ неменѣе очень долго или даже всю жизнь не совершать другаго дурнаго дѣйствія этого рода: потому что ему всю жизнь можетъ не случиться такой сильной ссоры; и во всякомъ случаѣ онъ можетъ ссориться такимъ образомъ только съ однимъ, или развѣ съ немногими людьми за одинъ разъ. Но если человѣкъ сдѣлалъ одно дурное дѣйствіе, напр. какой-нибудь родъ грабежа, изъ любви къ деньгамъ, онъ подъ вліяніемъ этого мотива можетъ совершать столь же непозволительныя дѣйствія этого рода во всякое время. Потому что, принимая людей вообще, если человѣкъ до извѣстной степени любитъ деньги сегодня, то вѣроятно, что онъ будетъ любить ихъ, по крайней мѣрѣ въ той же степени, и завтра. И если человѣкъ расположенъ пріобрѣтать ихъ упомянутымъ способомъ, онъ найдетъ побужденіе къ грабежу вездѣ и всегда, гдѣ и когда только есть люди, которыхъ можно ограбить. Б.

[2]) Сюда относятся у Бентама примѣры религіозной вражды и нетерпимости. «Если человѣкъ вздумаетъ истреблять собственными руками, или мечомъ правосудія, тѣхъ, кого онъ называетъ еретиками, т. е. людей, которые думаютъ, или можетъ быть только выражаются иначе о предметахъ, непонятныхъ для обѣихъ сторонъ, такой человѣкъ будетъ одинаково наклоненъ дѣлать это во всякое время. Фанатизмъ никогда не спитъ; онъ никогда не можетъ насытиться; его никогда не останавливаетъ человѣколюбіе, потому что подавлять человѣколюбіе онъ считаетъ своей заслугой; его никогда не останавливаетъ совѣсть, потому что онъ заставляетъ ее служить себѣ. Скупость, сладострастіе, мщеніе могутъ имѣть противъ себя состраданіе, чувство благосклонности, честь; фанатизмъ не имѣетъ противъ себя ничего.»

онъ болѣе вреденъ, чѣмъ еслибы онъ былъ совершенъ по мотиву дурной воли.

XXXV.

Наконецъ, вторичный вредъ, т. е. доля вреда, относящаяся къ будущему поведенію того же лица, усиливается или уменьшается видимой испорченностью или благотворностью расположенія, и притомъ пропорціонально этой видимой испорченности или благотворности.

XXXVI.

Послѣдствія акта, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, суть естественныя послѣдствія, происходящія отъ самаго акта и другихъ разсмотрѣнныхъ нами условій: послѣдствія, происходящія отъ поведенія индивидуума, который есть агентъ преступленія, безъ вмѣшательства политической власти. Теперь мы будемъ говорить о наказаніи, которое, въ принимаемомъ здѣсь смыслѣ, есть искусственное послѣдствіе, присоединяемое политической властью къ преступному акту, въ одномъ случаѣ; съ цѣлью положить конецъ совершенію событій, подобныхъ вредной части естественныхъ послѣдствій преступнаго акта, въ другихъ случаяхъ.

ГЛАВА XIII.

Объ обстоятельствахъ, оказывающихъ вліяніе на степень тревоги. [1])

I. Положеніе преступника.

Есть преступленія, которыя можетъ совершить всякій человѣкъ; есть другія, совершеніе которыхъ зависитъ отъ особеннаго положенія,— или, гдѣ именно это особенное положеніе даетъ индивидууму случай къ преступленію.

Какое вліяніе имѣетъ это обстоятельство на тревогу? Оно стремится вообще уменьшить ее, стѣсняя ея область.

---

[1]) Эта XIII глава заимствована изъ Дюмона, Traités de Législation (томъ II, главы VII, IX, X, XI, XII и XIII), чтобы дополнить изложеніе Бентама.

Воровство производитъ всеобщую тревогу: актъ похищенія денегъ опекуномъ у находящагося въ опекѣ едвали произведетъ ее.

Нѣкоторая тревога возбуждается актомъ вымогательства со стороны полицейскаго чиновника; контрибуція, взимаемая разбойниками на большой дорогѣ, возбудила бы тревоги гораздо больше. Почему это? Потому что извѣстно, что самый рѣшительный вымогатель въ общественной должности имѣетъ нѣкоторую узду и сдержку. Ему нуженъ удобный случай и предлогъ для злоупотребленія своей властью; между тѣмъ какъ разбойникъ на большой дорогѣ угрожаетъ всегда всѣмъ, и общественнымъ мнѣніемъ нисколько не стѣсняется.

Это обстоятельство такимъ же образомъ дѣйствуетъ на другіе разряды преступленій, какъ напримѣръ обольщеніе, прелюбодѣяніе и пр. Первую встрѣчную женщину нельзя также удобно обольстить, какъ ограбить. Такое предпріятіе требуетъ продолжительнаго знакомства, извѣстнаго соединенія званія и богатства, словомъ, условій особеннаго положенія.

Совершено два убійства, одно съ цѣлью наслѣдовать имѣніе, другое для грабежа: первое представляетъ болѣе ужасный характеръ, но второе возбуждаетъ больше тревоги. Человѣкъ, который считаетъ себя безопаснымъ отъ злыхъ умысловъ своихъ наслѣдниковъ, не испытываетъ чувствительной тревоги отъ перваго событія; но какую безопасность онъ можетъ имѣть противъ разбойниковъ? Прибавьте къ этому, что негодяй, который совершилъ бы преступленіе изъ-за наслѣдства, еще не превратился бы въ убійцу на большой дорогѣ. Онъ рискнулъ бы многимъ изъ-за имѣнія, чѣмъ не рискнулъ бы изъ-за нѣсколькихъ шиллинговъ.

Это замѣчаніе распространяется на всѣ преступленія, заключающія въ себѣ нарушеніе довѣрія или злоупотребленіе довѣріемъ или властью, общественной или частной. Такія преступленія причиняютъ тѣмъ меньше тревоги, чѣмъ болѣе особенно положеніе преступника, — чѣмъ меньше число лицъ, имѣющихъ подобное положеніе, и слѣдовательно, чѣмъ больше ограничена область преступленія.

Важное исключеніе представляется въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ индивидуумъ облеченъ большой властью, когда онъ можетъ распространить сферу своихъ дѣйствій на большое число лицъ. Хотя его положеніе и есть особенное, но здѣсь это увеличиваетъ тревогу вмѣсто того, чтобы сокращать ее. Когда цѣль судьи—грабить, убивать, тираннизировать; когда цѣль военнаго—красть, притѣснять, проливать кровь: тогда тревога, возбуждаемая ими, пропорціональна обширности ихъ власти и можетъ превзойти тревогу отъ самыхъ ужасныхъ разбоевъ.

Въ этихъ высокихъ положеніяхъ нѣтъ необходимости быть преступ-

нымъ: простая ошибка, свободная отъ злаго умысла, можетъ произвести живѣйшую тревогу. Напримѣръ, невинный человѣкъ осуждается на смерть честнымъ, но невѣжественнымъ судьей; — какъ скоро ошибка извѣстна, общественное довѣріе потрясено, ударъ почувствованъ и произведенная тревога доходитъ до высокой степени.

Къ счастію, этотъ видъ тревоги возможно бываетъ остановить за одинъ разъ смѣной неспособнаго субъекта съ его должности.

II. Легкость или трудность предупрежденія преступленій.

Умъ тотчасъ начинаетъ сравнивать средства нападенія и обороны, и тревога бываетъ болѣе или менѣе сильной, смотря по тому, считается ли совершеніе преступленія болѣе или менѣе легкимъ. Вотъ одна изъ причинъ, настолько усиливающихъ вредъ отъ акта разбоя надъ вредомъ отъ простой кражи. Сила можетъ сдѣлать многія вещи, которыхъ не могла бы сдѣлать хитрость. Въ дѣлѣ грабежа, тотъ грабежъ, который происходитъ въ самомъ жилищѣ, производитъ больше тревоги, чѣмъ тотъ, который происходитъ на большой дорогѣ; грабежъ, совершаемый ночью, производитъ больше тревоги, чѣмъ грабежъ, совершаемый среди бѣлаго дня; тотъ, который соединяется съ поджигательствомъ, больше, чѣмъ тотъ, который ограничивается обыкновенными способами.

Съ другой стороны, чѣмъ больше видимая легкость противодѣйствовать преступленію, тѣмъ меньше оно возбуждаетъ тревоги. Тревога бываетъ не такъ сильна, когда преступленіе не можетъ быть совершено безъ согласія страдающей стороны. Этотъ принципъ легко приложить къ подложному пріобрѣтенію, къ обольщенію, дуэли, личнымъ преступленіямъ и особенно къ самоубійству.

Строгость законовъ противъ домашняго воровства безъ сомнѣнія была основана на трудности противодѣйствовать этому преступленію. Но усиленіе, происходящее изъ этого обстоятельства, не равняется дѣйствію другаго обстоятельства, стремящагося уменьшить тревогу,—именно, особенности положенія, которая доставляетъ удобный случай для воровства. Если домашній воръ разъ открытъ, онъ уже болѣе не опасенъ. Для того, чтобы обокрасть меня, ему нужно мое согласіе: я долженъ ввести его въ мой домъ и дать ему мое довѣріе. Когда мнѣ такъ легко обезпечить себя, онъ можетъ внушить мнѣ только весьма незначительную тревогу.

III. Большая или меньшая легкость, съ которой преступникъ можетъ скрыться.

Тревога бываетъ больше, когда, по свойству обстоятельствъ преступленія, бываетъ труднѣе открыть или узнать его виновника. Если онъ остается неизвѣстенъ, то успѣхъ его преступленія есть поощреніе для него и для другихъ: нельзя указать границъ тѣмъ преступленіямъ, которыя остаются неизвѣстными, между тѣмъ какъ потерпѣвшая сторона теряетъ всякую надежду на вознагражденіе.

Есть преступленія, которыя допускаютъ предосторожности, въ особенности удобныя для сокрытія: какъ напримѣръ переодѣваніе лица; выборъ ночнаго времени для дѣйствія; посылка безъимянныхъ угрожающихъ писемъ съ цѣлью вымогательства недолжныхъ уступокъ.

Есть также отдѣльныя преступленія, къ которымъ люди могутъ прибѣгать для того, чтобы затруднить открытіе другихъ преступленій. Индивидуумъ можетъ быть посаженъ въ заключеніе, или увезенъ, или убитъ, чтобы преступникъ могъ освободиться отъ опасности быть схваченнымъ по его указанію.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по свойству преступленія преступникъ по необходимости извѣстенъ, тревога значительно уменьшается. Поэтому личныя обиды, происходящія отъ минутнаго порыва страсти, возбуждаемаго присутствіемъ противника, производятъ меньше тревоги, чѣмъ воровство, которое любитъ скрытность; хотя зло перваго класса можетъ быть, или имѣетъ шансы быть больше въ первомъ случаѣ.

IV. Характеръ преступника.

О характерѣ преступника судятъ по свойству его преступленія и особенно по пространству (экстенсивности) вреда: по злу перваго класса, которое составляетъ наиболѣе видную его часть. Но объ его характерѣ можно судить также по обстоятельствамъ, по подробностямъ его поведенія при совершеніи самаго преступленія. Такимъ образомъ характеръ человѣка окажется болѣе или менѣе опаснымъ смотря по тому, больше или меньше имѣютъ на него вліянія предохраняющіе мотивы, въ сравненіи съ силой мотивовъ соблазняющихъ.

Характеръ долженъ разсматриваться при выборѣ наказанія и при опредѣленіи его количества по двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому

что онъ или увеличиваетъ или уменьшаетъ тревогу: вовторыхъ, потому что онъ доставляетъ указаніе о чувствительности субъекта. Нѣтъ необходимости употреблять для стѣсненія слабаго, но собственно добраго характера такія же сильныя мѣры, какія требуются для противоположнаго темперамента.

Разсмотримъ основанія **отягченія** (aggravation), которыя могутъ быть извлечены изъ этого источника.

1. Чѣмъ меньше потерпѣвшая сторона была въ состояніи защищаться, тѣмъ сильнѣе должно дѣйствовать чувство естественнаго состраданія. Законы чести присоединяются къ этому инстинкту сожалѣнія и дѣлаютъ повелительной обязанностью помочь слабому и щадить того, кто уже не способенъ дольше сопротивляться. Первое указаніе объ опасномъ характерѣ—**Притѣсненіе слабаго**.

2. Если уже одна слабость должна пробуждать состраданіе, то видъ страждущаго индивидуума долженъ дѣйствовать въ этомъ направленіи съ двойной силой. Простой отказъ въ помощи бѣдствующему порождаетъ мало благопріятное мнѣніе о характерѣ индивидуума: но каковъ долженъ быть характеръ человѣка, который пользуется моментомъ несчастія съ цѣлью увеличить тяжелое чувство огорченнаго сердца; моментомъ преслѣдованія, чтобы еще болѣе увеличить его горечь новой обидой; моментомъ нищеты, чтобы совершенно ободрать ея жертвы? Второе указаніе объ опасномъ характерѣ—**Отягченіе бѣдственнаго положенія**.

3. Существенную вѣтвь нравственной политики составляетъ то, что люди, привыкшіе размышлять и въ которыхъ можно предполагать мудрость и опытъ, должны пользоваться уваженіемъ отъ тѣхъ, кто не пріобрѣлъ этихъ привычекъ или не имѣетъ тѣхъ же выгодъ воспитанія. Этотъ родъ превосходства высшіе классы обыкновенно получаютъ отъ низшихъ; старые люди отъ молодыхъ людей того же класса; и извѣстныя профессіи, существующія для общественнаго обученія. Въ массѣ народа существуетъ извѣстное чувство почтенія и уваженія къ этимъ отличіямъ; и это уваженіе, весьма полезное для подавленія, безъ усилій, соблазняющихъ страстей, есть одно изъ лучшихъ основаній для нравовъ и для законовъ. Третье указаніе объ опасномъ характерѣ—**Неуваженіе къ высшимъ** [1]).

---

[1]) Это незнаніе пользы, если не необходимости, такого подчиненія и было причиной того, что французы впали, во время революціи въ то крайнее безуміе, которое привело ихъ къ неслыханнымъ бѣдствіямъ и которое

4. Когда мотивы, поведшіе къ совершенію преступленія, были сравнительно слабы и легкомысленны, чувства чести и благосклонности должны имѣть слишкомъ мало силы. Если считается опаснымъ человѣкъ, котораго непреодолимое желаніе мщенія вынуждаетъ нарушить законы человѣколюбія, то что подумать о томъ, кто предается актамъ жестокости изъ простаго мотива любопытства, подражанія или забавы? Четвертое указаніе объ опасномъ характерѣ — Жестокость безъ всякой надобности.

5. Время въ особенности благопріятно для развитія предохраняющихъ мотивовъ. Въ первомъ порывѣ, страсти какъ подъ ударомъ грома, чувство добродѣтели на минуту можетъ уступить, но если сердце не испорчено, размышленіе скоро возвратитъ ему прежнюю силу и приведетъ его къ побѣду. Если между мыслью о преступленіи и его исполненіемъ прошло достаточно долгое время, это — несомнѣнное доказательство созрѣвшей и укоренившейся испорченности. Пятое указаніе объ опасномъ характерѣ — Обдуманность (Préméditation).

6. Число соумышленниковъ есть другой признакъ испорченности: соглашеніе предполагаетъ размышленіе о дѣлѣ. Соединеніе многихъ лицъ противъ одного невиннаго лица выказываетъ также жестокую трусость. Шестое указаніе объ опасномъ характерѣ—Сговоръ нѣсколькихъ лицъ.

Къ этимъ причинамъ отягченія можно прибавить двѣ другія причины, которыя не такъ легко подвести подъ классъ: обманъ и нарушеніе довѣрія.

Обманъ налагаетъ на характеръ глубокое и унизительное пятно, котораго не могутъ стереть самыя блестящія качества. Общественное мнѣніе право въ этомъ отношеніи. Истина есть одна изъ первыхъ потребностей человѣка, это одна изъ стихій нашего существованія, необходимая для насъ какъ дневной свѣтъ. Въ каждую минуту своей жизни, мы должны строить наши сужденія, и направлять наше поведеніе на основаніи знанія фактовъ, изъ которыхъ только немногіе могутъ подлежать нашему собственному наблюденію. Отсюда для насъ проистекаетъ самая абсолютная необходимость довѣряться извѣстіямъ другихъ. Если въ эти извѣстія вмѣшивается обманъ, наши сужденія становятся ошибочными, нашъ успѣхъ невѣрнымъ, наши надежды обма-

---

распространило разрушеніе во всѣ части свѣта: во Франціи не было высшихъ, и потому не было безопасности. Принципъ равенства заключаетъ въ себѣ принципъ анархіи: великую плотину законовъ противъ потока страстей поддерживаетъ цѣлое, которое составляютъ небольшія массы частнаго вліянія. Б.

пываются; мы живемъ въ состояніи безпокойнаго недовѣрія и не знаемъ, гдѣ искать безопасности. Словомъ, обманъ заключаетъ въ себѣ начало всякаго зла, такъ какъ въ своемъ теченіи онъ привелъ бы къ разрушенію человѣческаго общества.

Важность истины такъ велика, что малѣйшее нарушеніе ея законовъ, даже въ ничтожныхъ вещахъ, всегда влечетъ за собой извѣстную опасность: самое легкое отступленіе отъ нея есть нападеніе на должное къ ней уваженіе; первое нарушеніе облегчаетъ второе, освоивая человѣка съ ненавистной идеей лжи. Если зло обмана такъ велико въ вещахъ, которыя сами по себѣ маловажны, то каково оно должно быть въ случаяхъ большей важности, когда онъ служитъ орудіемъ преступленія?

Обманъ бываетъ иногда существеннымъ обстоятельствомъ въ преступленіи, иногда просто частной принадлежностью его. Онъ необходимо заключается въ лжесвидѣтельствѣ, въ подложномъ пріобрѣтеніи и во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ. Въ другихъ преступленіяхъ онъ бываетъ только частнымъ и случайнымъ обстоятельствомъ. Только въ отношеніи къ этимъ послѣднимъ онъ можетъ доставить отдѣльную причину отягченія.

Нарушеніе довѣрія относится къ особенному положенію, къ довѣренной власти, которая налагаетъ на преступника обязанность, имъ нарушенную. Оно можетъ разсматриваться иногда какъ главное преступленіе, иногда только какъ преступленіе добавочное. Намъ нѣтъ нужды входить здѣсь въ подробности.

Мы можемъ сдѣлать здѣсь одно общее замѣчаніе относительно всѣхъ этихъ источниковъ отягченія. Хотя всѣ они доставляютъ неблагопріятныя указанія о характерѣ преступника, это не есть резонъ для пропорціональнаго увеличенія его наказанія. Достаточно, если наказанію дается извѣстное видоизмѣненіе, которое будетъ имѣть нѣкоторую аналогію съ этимъ добавочнымъ преступленіемъ и которое послужитъ къ пробужденію въ умахъ гражданъ спасительной антипатіи противъ отягчающаго обстоятельства. Это будетъ яснѣе, когда мы будемъ говорить о способахъ сдѣлать наказаніе характеристическимъ [1]).

---

[1]) Здѣсь представляется любопытный вопросъ нравственности и законодательства.

Если индивидуумъ совершаетъ дѣйствія, осуждаемыя общественнымъ мнѣніемъ его страны и которыя не должны бы быть осуждаемы на основаніи принциповъ пользы, можетъ ли быть отсюда извлечено неблагопріятное указаніе о характерѣ этого индивидуума?

Я возражаю, что хорошій человѣкъ, подчиняясь вообще трибуналу об-

Мы перейдемъ, впрочемъ, къ облегченіямъ, которыя могутъ быть извлечены изъ того же самаго источника, и которыя имѣютъ то дѣйствіе, что болѣе или менѣе уменьшаютъ требованіе наказанія. Я называю эти обстоятельства, стремящіяся уменьшить тревогу, облегченіями, потому что они доставляютъ благопріятное указаніе о характерѣ индивида. Ихъ можно свести къ девяти:

1. Отсутствіе злаго намѣренія.
2. Самосохраненіе.
3. Предварительный вызовъ.
4. Сохраненіе дорогихъ связей.
5. Переходъ чрезъ границы необходимой защиты.
6. Подчиненіе угрозамъ.
7. Подчиненіе авторитету.
8. Опьянѣніе.
9. Дѣтскій возрастъ.

Во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, кромѣ двухъ послѣднихъ, есть тотъ общій пунктъ, что преступленіе не имѣло своего источника въ волѣ преступника. Первая причина есть актъ другаго, чужая воля или какой-нибудь физическій случай. Помимо этого событія, человѣкъ остался бы столько же невиненъ до конца своей жизни, какъ былъ до тѣхъ поръ; и даже еслибы онъ не былъ наказанъ, его будущее поведеніе было бы также хорошо, какъ еслибы онъ не совершалъ преступленія, о которомъ идетъ рѣчь.

щественнаго мнѣнія, можетъ предоставить себѣ право частнаго сужденія въ частныхъ случаяхъ, когда мнѣніе упомянутаго трибунала кажется ему противорѣчащимъ его разуму и его счастію, или когда это мнѣніе требуетъ отъ него тяжелыхъ жертвъ, безъ всякой реальной пользы кому бы то ни было. Возьмите, напримѣръ, Лиссабонскаго еврея: онъ притворяется, онъ нарушаетъ законы, нарушаетъ общественное мнѣніе, которое имѣетъ на своей сторонѣ всю силу популярной санкціи; есть ли онъ, поэтому, самый дурной человѣкъ? Считаете ли вы его способнымъ на всякое преступленіе? Будетъ ли онъ клеветникомъ, воромъ, клятвопреступникомъ, еслибы могъ надѣяться, что не будетъ открытъ? Нѣтъ: португальскій еврей преданъ этимъ преступленіямъ нисколько не больше другихъ. Монахъ позволяетъ себѣ тайкомъ нарушать слишкомъ тягостныя требованія своего монастыря: слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ будетъ помощникомъ и опаснымъ человѣкомъ, готовымъ всегда нарушать честное слово? Такое заключеніе было бы очень неосновательно. Здраваго смысла, просвѣщеннаго интересомъ, можетъ быть достаточно, чтобы увидѣть общее заблужденіе, но это еще не поведетъ человѣка къ пренебреженію существенныхъ законовъ. Б.

Каждое изъ этихъ обстоятельствъ требуетъ подробностей и объясненій. Я ограничусь здѣсь замѣчаніемъ, что необходимо оставить судьѣ большой просторъ для оцѣнки этихъ различныхъ источниковъ облегченія, ихъ силы и обширности.

Напримѣръ, что касается до полученнаго вызова, этотъ вызовъ долженъ быть полученъ недавно, чтобы заслуживать снисхожденія; онъ долженъ быть полученъ въ теченіе той же самой ссоры. Но что̀ составляетъ эту самую ссору? что должно считаться недавней обидой? Необходимо провести эти демаркаціонныя линіи. «Не дайте зайти солнцу въ вашемъ гнѣвѣ», учитъ Писаніе. Сонъ долженъ успокоивать порывъ страстей, горячку чувствъ, и приготовить сердце къ вліянію предохраняющихъ мотивовъ. Этотъ естественный періодъ можетъ, въ случаѣ убійства, отдѣлять то, что̀ было обдумано и подготовлено, отъ того, что̀ не было.

Въ случаѣ опьянѣнія, необходимо изслѣдовать, не существовало ли намѣреніе совершить преступленіе еще прежде; не было ли опьянѣніе только мнимое; не имѣло ли оно цѣлью только дать больше смѣлости человѣку при совершеніи преступленія? Повтореніе случая, быть можетъ, должно уничтожать извиненіе, которое будетъ извлечено изъ этого источника. Тотъ, кто по опыту знаетъ, что вино дѣлаетъ его опаснымъ, не заслуживаетъ никакого снисхожденія за тѣ излишества, въ какія оно можетъ его вовлечь.

Англійскій законъ не допускаетъ опьянѣнія какъ резона для извиненія. Это объясняется такъ, что это значило бы извинять одно преступленіе другимъ. Такая нравственность оказывается суровой и немыслящей: она происходитъ изъ принципа аскетизма.

Но что касается до дѣтскаго возраста, рѣчь идетъ здѣсь не о томъ возрастѣ, когда преступникъ не знаетъ, что онъ отвѣчаетъ за то, что̀ дѣлаетъ, и гдѣ наказанія были бы не дѣйствительны. Къ чему можетъ привести судебное наказаніе четырехлѣтняго ребенка за поджогъ?

Въ какія границы долженъ быть поставленъ этотъ источникъ облегченія? Резонной границей кажется тотъ періодъ, когда человѣкъ считается достигшимъ такой зрѣлости, что не нуждается больше въ опекунѣ и становится самъ своимъ господиномъ. До этого періода отъ него не ожидаютъ, что онъ имѣетъ достаточно смысла для веденія своихъ дѣлъ.

Это не значитъ, что обыкновенное наказаніе непремѣнно должно быть уменьшаемо относительно каждаго преступленія, совершеннаго до зрѣлаго возраста. Это уменьшеніе должно зависѣть отъ всѣхъ обстоя-

тельствъ. Мы хотѣли сказать только, что по прошествіи этого періода наказаніе не должно уже быть уменьшаемо на такомъ основаніи.

На основаніи несовершеннолѣтія отлагаются главнымъ образомъ позорящія наказанія. Кто не имѣетъ надежды оживить честь, тотъ съ трудомъ можетъ быть снова возбужденъ къ добродѣтели.

Когда я говорю о совершеннолѣтіи, я разумѣю не римское совершеннолѣтіе, опредѣлявшееся въ двадцать пять лѣтъ; потому что несправедливо и нелѣпо стѣснять свободу человѣка такъ долго и держать его въ узахъ дѣтства послѣ полнаго развитія его способностей. Періодъ, который я имѣю въ виду, есть англійскій періодъ двадцати одного года. До этого возраста Помпей завоевалъ провинціи, и Плиній младшій съ честью защищалъ интересы своихъ согражданъ въ судѣ. Великобританія управлялась министромъ, который велъ съ блестящимъ успѣхомъ сложную систему финансовъ ранѣе того возраста, въ которомъ въ другихъ странахъ Европы ему еще не позволили бы продать акръ земли.

Случай, въ которомъ не бываетъ тревоги.

Тревога совершенно не существуетъ въ томъ случаѣ, гдѣ единственныя лица, подверженныя опасности (если таковая есть), не способны къ страху.

Это обстоятельство объясняетъ нечувствительность многихъ народовъ къ дѣтоубійству, т. е. убійству, совершаемому надъ новорожденнымъ ребенкомъ, съ согласія отца и матери. Я говорю с ъ с о г л а с і я; потому что безъ этого тревога была бы почти такая же точно, какъ еслибы дѣло шло о взросломъ. Чѣмъ меньше дѣти способны къ страху сами за себя, тѣмъ больше способна тревожиться за нихъ нѣжность родителей.

Я не намѣренъ оправдывать эти народы. Это — народы варварскіе потому уже, что они дали отцу право распоряжаться новорожденнымъ ребенкомъ безъ согласія матери, которая послѣ всѣхъ опасностей дѣторожденія лишается его награды и приводится, этимъ недостойнымъ рабствомъ, къ одному положенію съ тѣми низшими животными, которыхъ плодородіе для насъ стѣснительно. Дѣтоубійство, какъ я опредѣлилъ его, не можетъ быть наказываемо какъ главное преступленіе, потому что оно не производитъ никакого зла перваго или втораго класса; но оно должно быть наказываемо какъ ступень къ другимъ преступленіямъ, доставляя указаніе противъ характеровъ его виновниковъ. Необходимо конечно всѣми силами укрѣплять чувства уваженія къ чело-

вѣчеству; необходимо внушать отвращеніе ко всему, что пріучаетъ къ жестокости. Поэтому дѣтоубійство должно наказывать, соединяя съ нимъ какое-нибудь опозореніе. Причина его есть обыкновенно страхъ стыда; поэтому нужно бо́льшее пятно, чтобы подавить его. Но въ тоже время случаи наказанія должно сдѣлать рѣже, требуя ясныхъ доказательствъ его совершенія.

Законы противъ этого стремленія, подъ видомъ человѣколюбія, были самымъ явнымъ его нарушеніемъ. Сравните преступленіе и наказаніе. Что такое это преступленіе? Смерть ребенка, переставшаго существовать прежде, чѣмъ онъ узналъ существованіе; событіе, которое не можетъ возбудить ни малѣйшаго безпокойства въ воображеніи самыхъ робкихъ людей и можетъ оставить сожалѣніе только въ тѣхъ, кто по чувству стыда и жалости отказался продлить его дни, начавшіеся при такихъ несчастливыхъ обстоятельствахъ. И какое наказаніе? Варварское наказаніе, постыдная смерть, постигающая несчастную мать, самое преступленіе которой доказываетъ ея чрезмѣрную чувствительность; на женщину, которая впала въ заблужденіе съ отчаянія и которая повредила только себѣ самой, когда отказалась уступить самому сладкому инстинкту природы. Она обречена на безславіе, потому что слишкомъ глубоко боялась стыда; и существованіе ея друзей, переживающихъ ее, отравлено позоромъ! Но если самъ законодатель былъ первой причиной зла; если его можно счесть настоящимъ убійцей этихъ невинныхъ созданій, насколько ненавистнѣе окажется эта суровость! И однако, онъ одинъ, своимъ жесткимъ отношеніемъ къ ея слабости, возбудилъ въ сердцѣ матери эту ужасную борьбу между нѣжностью и стыдомъ.

Случаи, гдѣ опасность больше тревоги.

Хотя тревога вообще бываетъ соотвѣтственна опасности, есть случаи, гдѣ это соотношеніе не сохраняется: опасность можетъ быть больше тревоги.

Это случается въ тѣхъ смѣшанныхъ преступленіяхъ, которыя заключаютъ въ себѣ частное зло, и опасность, свойственную имъ въ качествѣ публичныхъ преступленій.

Въ государствѣ можетъ случиться, что государь можетъ быть обкрадываемъ недобросовѣстными чиновниками и публика угнетена притѣсненіями его подчиненныхъ. Соучастники этихъ безпорядковъ могутъ составлять грозную фалангу, не допуская приближаться къ престолу ничему, кромѣ продажныхъ восхваленій; такъ что истина можетъ сдѣ-

латься величайшимъ изъ преступленій. Трусливость, подъ маской благоразумія, скоро сдѣлалась бы національнымъ характеромъ. Еслибы, при этомъ всеобщемъ упадкѣ мужества, добродѣтельный гражданинъ рѣшился обличить преступниковъ и сдѣлался жертвой своей ревности, его погибель возбудила бы очень мало тревоги; его великодушіе было бы сочтено только за актъ безумства, и каждый, обѣщая себѣ не дѣйствовать подобно ему, смотрѣлъ бы спокойно на бѣдствіе, котораго, по его мнѣнію, этотъ человѣкъ могъ бы избѣжать. Но тревога, успокоиваясь такимъ образомъ, уступила бы мѣсто болѣе значительному вреду: этотъ вредъ состоитъ въ опасности безнаказанности за всѣ публичныя преступленія, въ прекращеніи всѣхъ добровольныхъ услугъ справедливости, въ глубокомъ равнодушіи отдѣльныхъ лицъ ко всему, что не касается ихъ лично.

Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ изъ итальянскихъ государствъ люди, давшіе доказательства противъ воровъ и разбойниковъ, подвергались мщенію ихъ соучастниковъ и бывали принуждены искать въ бѣгствѣ той безопасности, которой не могли имъ дать законы; для частныхъ людей, служить законной справедливости становилось опаснѣе чѣмъ самимъ вооружаться противъ нея,—потому что свидѣтель подвергался большей опасности, чѣмъ убійца. Тревога, проистекающая изъ этого порядка вещей, бываетъ слаба; потому что никто не имѣетъ необходимости подвергать себя этому вреду, — но въ той же пропорціи возрастаетъ опасность.

ГЛАВА XIV.

Причины—считать извѣстныя дѣйствія преступленіями. [1])

Мы сдѣлали анализъ зла. Этотъ анализъ показываетъ, что есть извѣстныя дѣйствія, изъ которыхъ проистекаетъ больше зла, чѣмъ добра: и законодатель запрещаетъ именно дѣйствія этого рода, или по крайней мѣрѣ такія, которыя таковыми считаются. Запрещенное дѣйствіе есть

[1]) Эта глава заимствована изъ Дюмона, Traités de Législation (vol. I, p. 34—36), гл. II, чтобы дополнить изложеніе Бентама

то, что называется преступленіемъ: чтобы заставить уважать эти запрещенія, необходимо было установить наказанія.

Но можно ли считать нѣкоторыя дѣйствія преступленіями? или, другими словами, можно ли подвергать ихъ законнымъ наказаніямъ?

Что́ за вопросъ? Развѣ съ этимъ не согласны всѣ? Нужно ли трудиться доказывать признанную истину, истину, такъ прочно утвержденную въ умахъ людей?

Всѣ согласны въ этомъ; положимъ. Но на чемъ основано это согласіе? Спросите у каждаго его резоны. Вы увидите странное различіе мнѣній и принциповъ: вы увидите это различіе нетолько въ народѣ, но и между философами. Будетъ ли напраснымъ трудомъ искать однообразнаго основанія для согласія въ такомъ существенномъ предметѣ?

Существующее согласіе основано только на предразсудкахъ, и эти предразсудки разнообразны по времени и мѣсту, по понятіямъ и обычаямъ. Мнѣ всегда говорили, что такое-то дѣйствіе есть преступленіе, и я думаю, что оно преступленіе; вотъ руководство народа и даже законодателя. Но если обычай возвелъ въ преступленія невинныя дѣйствія, если онъ заставляетъ считать важными легкіе проступки, или легкими преступленія важныя, если онъ былъ вездѣ различенъ, то ясно, что слѣдуетъ подчинить его правилу и не принимать его за самое правило. Призовемъ же здѣсь на помощь принципъ пользы. Онъ подтвердитъ опредѣленія предразсудка вездѣ, гдѣ они справедливы; онъ уничтожитъ ихъ вездѣ, гдѣ они вредны.

Я считаю себя чуждымъ всѣмъ нашимъ опредѣленіямъ порока и добродѣтели. Я призванъ разсматривать человѣческія дѣйствія единственно по ихъ результату въ добро или во зло. Я открываю два счета. Я ставлю въ чистую прибыль всѣ удовольствія; я ставлю въ потерю всѣ страданія. Я вѣрно взвѣшу интересы всѣхъ сторонъ; человѣкъ, котораго предразсудокъ пятнаетъ какъ порочнаго, и тотъ, котораго онъ восхваляетъ какъ добродѣтельнаго, передо мной равны въ настоящую минуту. Я хочу судить самый предразсудокъ, и взвѣсить на этихъ новыхъ вѣсахъ всѣ дѣйствія, чтобы составить списокъ тѣхъ, которыя должны быть позволены, и тѣхъ, которыя должны быть запрещены.

Эта операція, которая кажется сначала такой сложной, сдѣлается легкой при посредствѣ различія, которое мы сдѣлали между зломъ перваго порядка или инстанціи, затѣмъ втораго и третьяго.

Мнѣ нужно изслѣдовать актъ, покушающійся на безопасность индивидуума. Я сравниваю все удовольствіе, или другими словами, всю прибыль, которая приходится отъ этого акта совершающему его лицу, со всѣмъ тѣмъ зломъ, или той потерей, которая происходитъ отсюда для

терпящей стороны. Я вижу прежде всего, что зло перваго порядка превышаетъ благо перваго порядка; но я не останавливаюсь на этомъ. Это дѣйствіе влечетъ для общества опасность и тревогу. Это зло, существовавшее прежде только для одного, распространяется на всѣхъ въ формѣ страха. Удовольствіе, проистекающее изъ дѣйствія, бываетъ только для одного, а страданіе является для тысячи, для десяти тысячъ, для всѣхъ. Эта непропорціональность уже громадна, но она кажется мнѣ безконечной, когда я перехожу къ злу третьяго порядка, принимая въ соображеніе, что еслибы актъ, о которомъ идетъ рѣчь, не былъ подавленъ, изъ него произошло бы еще всеобщее и продолжительное уныніе, прекращеніе труда и наконецъ распаденіе общества.

Я пересмотрю самыя сильныя желанія, тѣ, удовлетвореніе которыхъ сопровождается самыми большими удовольствіями, и мы увидимъ, что исполненіе этихъ желаній, когда оно производится насчетъ безопасности, бываетъ гораздо обильнѣе зломъ, чѣмъ добромъ.

I. Возьмемъ сначала вражду. Это самая обильная причина покушеній противъ чести лица. Я получилъ къ вамъ вражду, все равно какимъ образомъ. Страсть увлекаетъ меня: я васъ оскорбляю, я васъ унижаю, я наношу вамъ рану. Зрѣлище вашего страданія заставляетъ меня, по крайней мѣрѣ на минуту, испытать чувство удовольствія. Но можно ли подумать, чтобы, даже за это время, удовольствіе, которое я испытываю, было равнозначительно съ страданіемъ, которое терпите вы? Еслибы даже каждый атомъ вашего страданія могъ изобразиться въ моемъ умѣ, вѣроятно ли, чтобы каждый атомъ удовольствія, ему соотвѣтствующій, показался мнѣ одинаково сильнымъ? И между тѣмъ моему разсѣянному и смущенному воображенію представляются только немногіе разбросанные атомы вашего страданія: для васъ не можетъ потеряться ни одинъ; для меня самая большая доля всегда разсѣевается въ чистую потерю. Но это удовольствіе, какъ оно есть, уже скоро дастъ замѣтить свою естественную нечистоту. Человѣческое чувство, принципъ котораго, быть можетъ, ничто не въ состояніи заглушить въ самыхъ жестокихъ сердцахъ, пробуждаетъ въ моемъ сердцѣ тайное угрызеніе совѣсти. Страхъ всякаго рода: страхъ мщенія, съ вашей стороны или со стороны всѣхъ людей, имѣющихъ съ вами связи; страхъ общественнаго мнѣнія; страхъ религіозный, если во мнѣ остается какая-нибудь искра религіи, — весь этотъ страхъ нарушаетъ мое спокойствіе и скоро подрываетъ мой тріумфъ: страсть увяла, удовольствіе разрушено, его замѣняетъ внутренній упрекъ. Но на вашей сторонѣ страданіе продолжается и можетъ еще длиться долго. Такъ бываетъ съ легкими ранами, которыя можетъ излечить время. Но что́ же будетъ въ томъ

случаѣ, когда по свойству оскорбленія рана неизлечима, когда члены изуродованы, черты лица обезображены и способности разрушены? Взвѣсьте эти бѣдствія, ихъ силу, ихъ продолжительность, ихъ послѣдствія, измѣрьте ихъ по всѣмъ направленіямъ, и вы увидите, до какой степени удовольствіе во всѣхъ отношеніяхъ ниже страданія.

Перейдемъ къ послѣдствіямъ втораго порядка. Извѣстіе о вашемъ несчастіи разольетъ во всѣ умы ядъ страха. Каждый человѣкъ, у котораго есть или можетъ быть врагъ, съ ужасомъ думаетъ о всемъ томъ, чтó можетъ внушить страсть ненависти. Между слабыми существами, у которыхъ бываетъ столько предметовъ зависти, раздора, которыхъ тысяча мелкихъ соперничествъ безпрестанно вооружаетъ другъ противъ друга, духъ мщенія возвѣщаетъ цѣлый рядъ вѣчныхъ золъ.

Такимъ образомъ всякій актъ жестокости, произведенный страстью, принципъ которой лежитъ во всѣхъ сердцахъ и отъ которой всѣ могутъ страдать, породитъ тревогу, и эта тревога будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наказаніе виновнаго не перенесетъ опасность на сторону несправедливости, жестокой вражды. Вотъ страданіе общее всѣмъ; и не забудемъ другаго страданія, происходящаго отсюда, того страданія симпатіи, которое испытываютъ благородныя сердца при видѣ преступленій этого свойства.

II. Если мы разсмотримъ теперь акты, могущіе происходить изъ того повелительнаго мотива, изъ того желанія, которому природа ввѣрила продолженіе вида и такую великую часть его счастія, мы увидимъ, что, когда этотъ мотивъ нарушаетъ безопасность лица или его домашнее положеніе, то благо, которое происходитъ отъ его удовлетворенія, невозможно сравнить со зломъ, которое изъ него проистекаетъ.

Я скажу здѣсь только о покушеніи, которое явно нарушаетъ безопасность лица: изнасилованіи. Не должно допускать грубой и ребяческой шутки, отвергающей существованіе этого преступленія и уменьшающей его ужасъ. Чтó бы ни говорилось на этотъ счетъ, женщинамъ, наиболѣе расточающимъ свою благосклонность, не понравится, если эту благосклонность будетъ вырывать у нихъ грубая наглость. Но здѣсь обширность тревоги дѣлаетъ безполезнымъ всякое разсужденіе о первоначальномъ злѣ. Какъ бы ни стояло дѣло съ преступленіемъ настоящимъ, преступленіе возможное всегда будетъ предметомъ ужаса. Чѣмъ болѣе всеобще желаніе, порождающее это преступленіе, тѣмъ обширнѣе и сильнѣе тревога. Въ тѣ времена, когда законы не имѣли достаточно силы чтобъ отвращать это преступленіе, когда нравы не были достаточно установлены чтобы опозорить его, оно возбуждало мщеніе, о которомъ исторія сохранила намъ нѣкоторыя воспоминанія. Цѣлыя націи

принимали участіе въ раздорѣ: ненависть переходила отъ отцовъ къ дѣтямъ. Строгое заключеніе греческихъ женщинъ, неизвѣстное во времена Гомера, обязано было, кажется, своимъ происхожденіемъ той эпохѣ смутъ и революцій, когда слабость законовъ умножила безпорядки этого рода и распространила всеобщій ужасъ.

III. Что касается до мотива алчности, то, сравнивая удовольствіе пріобрѣтенія посредствомъ узурпаціи съ страданіемъ потери, мы найдемъ, что первое неравносильно второму. Но есть случаи, въ которыхъ, если остановиться на послѣдствіяхъ перваго порядка, благо имѣетъ неоспоримое преимущество надъ зломъ. Разсматривая преступленіе только съ этой точки зрѣнія, нельзя указать никакого достаточнаго резона въ оправданіе строгости законовъ. Все вертится на злѣ втораго порядка: это зло именно и даетъ дѣйствію характеръ преступленія, это зло и дѣлаетъ необходимымъ наказаніе. Возьмемъ для примѣра физическое желаніе, имѣющее предметомъ удовлетвореніе голода. Если бѣднякъ, побуждаемый этой необходимостью, крадетъ хлѣбъ въ богатомъ домѣ, то можно ли сравнить благо, которое онъ дѣлаетъ себѣ самъ, съ той потерей, которую дѣлаетъ человѣкъ богатый? То же замѣчаніе можно приложить къ менѣе поразительнымъ примѣрамъ. Человѣкъ грабитъ общественную казну: онъ обогащается и не дѣлаетъ бѣднымъ никого. Потеря, которую онъ наноситъ отдѣльнымъ лицамъ, сводится на неосязаемыя доли. Итакъ эти дѣйствія надо возвести въ преступленія не за зло перваго порядка, а по причинѣ зла втораго порядка.

Если удовольствіе, связанное съ удовлетвореніемъ такихъ могущественныхъ желаній, какъ вражда, половое стремленіе, голодъ, съ удовлетвореніемъ ихъ противъ воли другихъ заинтересованныхъ лицъ, такъ далеко не равно съ происходящимъ изъ него зломъ, то эта неравномѣрность окажется еще больше для мотивовъ менѣе дѣятельныхъ и менѣе сильныхъ.

Желаніе самосохраненія есть единственное, которое можетъ еще требовать особеннаго разсмотрѣнія.

Если дѣло идетъ о злѣ, которое сами законы хотятъ причинить индивидууму, нужно, чтобы это дѣлалось по какому-нибудь очень настоятельному резону, какъ напримѣръ необходимость исполнить наказанія, наложенныя судомъ, наказанія, безъ которыхъ не было бы безопасности, не было бы правительства. Если желаніе избѣгнуть наказанія удовлетворяется, законъ оказывается въ этомъ отношеніи безсильнымъ. Слѣдовательно зло, проистекающее изъ этого удовлетворенія, есть то, которое происходитъ изъ безсилія законовъ, или, что́ тоже, изъ несу-

ществованія никакого закона. Но зло, происходящее отъ несуществованія закона, есть въ самомъ дѣлѣ собраніе разныхъ золъ, для предотвращенія которыхъ законы устроены, т. е. собраніе всѣхъ золъ, которыя людямъ приходится испытывать отъ людей. Конечно, одного тріумфа этого рода, одержаннаго индивидуумомъ надъ законами, недостаточно, чтобы поразить безсиліемъ всю систему. Тѣмъ неменѣе всякій примѣръ этого рода есть признакъ ослабленія, есть шагъ къ ея разрушенію. Итакъ отсюда слѣдуетъ зло втораго порядка, тревога и опасность; и еслибы законы потакали этому уклоненію, они стали бы въ противорѣчіе съ своими собственными цѣлями; чтобы устранить небольшое зло, они допустили бы другое, гораздо болѣе чѣмъ равносильное ему.

Остаются случаи, гдѣ индивидуумъ устраняетъ зло, которому законы не хотѣли подвергать его. Но такъ какъ они не хотятъ, чтобы онъ подвергался этому злу, они хотятъ, чтобы онъ не подвергался ему. Устранить это зло есть само по себѣ благо. Можетъ случиться, что, дѣлая усилія для предохраненія себя отъ зла, индивидуумъ сдѣлаетъ зло болѣе чѣмъ равносильное этому благу. Ограничивается ли это зло, которое онъ дѣлаетъ для своей собственной защиты, только тѣмъ, что необходимо для этой цѣли, или оно идетъ дальше? Въ какомъ отношеніи находится зло, имъ сдѣланное, къ тому злу, которое онъ устранилъ? Равно ли оно ему, или оно больше или меньше? Устраненное зло было ли способно къ исправленію, еслибы, вмѣсто того, чтобы защищаться отъ него такой дорогой цѣной, онъ рѣшился навремя подчиниться ему? Вотъ сколько вопросовъ, которые долженъ законъ принять въ соображеніе, чтобы установить въ подробности правила о самозащищеніи. Этотъ предметъ принадлежитъ къ уголовному кодексу, изслѣдованію средствъ оправданія или облегченія относительно преступленій. Здѣсь достаточно замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ, каково бы ни было зло перваго порядка, все зло, совершаемое индивидуумомъ для защиты самого себя, не производитъ никакой тревоги, никакой опасности. Если только на него не будетъ сдѣлано нападеніе и его безопасность не нарушится, другимъ людямъ нечего бояться съ его стороны.

ГЛАВА XV.

§ 1. *Общій обзоръ случаевъ, не подлежащихъ наказанію.*

I.

Общая цѣль, которую имѣютъ, или должны имѣть, всѣ законы, есть

вообще увеличивать цѣлое счастіе общества, и поэтому, вопервыхъ, исключать сколько возможно все, что стремится уменьшать это счастіе; другими словами, исключать вредъ.

II.

Но всякое наказаніе есть вредъ; всякое наказаніе есть само по себѣ зло. По принципу пользы, если только должно быть допущено наказаніе, оно должно быть допускаемо только въ той степени, насколько оно обѣщаетъ устранить какое-нибудь бо́льшее зло [1].

---

[1]) Тому, что говорится дальше о преступленіи, должна бы, собственно говоря, предшествовать особая глава о цѣляхъ наказанія. Но такъ какъ это могло бы слишкомъ увеличить объемъ этого труда, то мы нашли болѣе удобнымъ предоставить этотъ предметъ для особаго сочиненія. (Это сочиненіе есть «Раціональное Изслѣдованіе Наказанія», изданное сначала, вмѣстѣ съ «Раціональнымъ Изслѣдованіемъ Награды», Дюмономъ въ его французскомъ изданіи, а потомъ вошедшее и въ англійское изд.). Туда я долженъ отнести анализъ различныхъ возможныхъ способовъ наказанія, частное и подробное изслѣдованіе свойствъ каждаго, его выгодъ и невыгодъ, и разныя другія изысканія, которыя не казались абсолютно необходимыми здѣсь. Впрочемъ, не лишнее будетъ сказать и здѣсь нѣсколько словъ относительно цѣлей наказанія.

Непосредственная главная цѣль наказанія есть контролировать дѣйствіе. Это дѣйствіе есть или дѣйствіе преступника, или другихъ; дѣйствіе преступника оно контролируетъ или своимъ вліяніемъ на его волю,—гдѣ, какъ говорится, оно дѣйствуетъ путемъ исправленія; или своимъ вліяніемъ на его физическую силу,—гдѣ оно дѣйствуетъ отнятіемъ способовъ (disablement), т. е. способовъ къ другому преступному дѣйствію;—дѣйствія другихъ наказаніе можетъ контролировать не иначе какъ вліяніемъ на ихъ волю, — гдѣ, какъ говорится, оно дѣйствуетъ посредствомъ примѣра. Родъ боковой, коллатеральной цѣли, которой наказаніе естественно стремится достигать, есть цѣль доставить удовольствіе потерпѣвшей сторонѣ, — гдѣ есть сторона, или вообще стороны (т. е. заинтересованное лицо, или лица), которыхъ дурная воля возбуждена была этимъ преступленіемъ, или по личной (self-regarding) причинѣ, или по причинѣ симпатіи и антипатіи. Эта цѣль, если только можетъ она достигаться gratis, есть цѣль благотворная. Но наказаніе никогда не должно быть назначаемо для одной этой цѣли, потому что (независимо отъ дѣйствія его путемъ контроля) удовольствіе, производимое такимъ образомъ наказаніемъ, никогда не можетъ равняться съ страданіемъ. Впрочемъ, наказаніе, назначаемое для другой цѣли, должно быть приноровляемо и къ этой, насколько это можетъ быть сдѣлано безъ издержекъ. Удовлетвореніе, доставляемое такимъ образомъ потерпѣвшей сторонѣ въ видѣ необщественнаго удовольствія (см. гл. X), можетъ быть названо возмездіемъ или вознагражденіемъ (vindictive satisfaction, compensation); какъ вознагражденіе, доставляемое въ видѣ личной выгоды, или количества удовольствія

III.

Ясно, поэтому, что наказаніе не должно быть допускаемо въ слѣдующихъ случаяхъ:

1. Гдѣ оно неосновательно; гдѣ нѣтъ вреда, который бы оно предотвращало, когда актъ въ цѣломъ не вреденъ.

2. Гдѣ оно должно быть недѣйствительно; гдѣ оно не можетъ дѣйствовать такъ, чтобы предупреждать вредъ.

3. Гдѣ оно неприбыльно (unprofitable) или слишкомъ дорого (expensive); гдѣ вредъ, который оно можетъ произвесть, былъ бы больше того вреда, который оно должно предотвратить.

4. Гдѣ оно не нужно; гдѣ вредъ можетъ быть предотвращенъ, или можетъ прекратиться самъ, безъ него; т. е. дешевле.

§ 2. *Случаи, въ которыхъ наказаніе неосновательно.*

IV.

Это случаи: 1. Гдѣ никогда не было никакого вреда; гдѣ не было никому произведено вреда тѣмъ дѣйствіемъ, о которомъ идетъ рѣчь. Сюда принадлежатъ случаи, гдѣ актъ могъ бы быть иногда вреднымъ или непріятнымъ, но лицо, интересъ котораго затронутъ, дало свое согласіе на его совершеніе. Это согласіе, — какъ предполагается свободное и должнымъ образомъ полученное,—есть лучшее доказательство, какое можно привести за то, что лицу, давшему его, не было въ цѣломъ сдѣлано никакого вреда, по крайней мѣрѣ никакого непосредственнаго вреда. Потому что никто не можетъ судить такъ хорошо, какъ самъ человѣкъ, о томъ, чтó доставляетъ ему удовольствіе или неудовольствіе.

V.

2. Гдѣ вредъ былъ перевѣшенъ: хотя актъ и произвелъ вредъ, но этотъ актъ былъ необходимъ для произведенія блага, имѣвшаго бóльшую цѣнность, чѣмъ этотъ вредъ. Сюда можетъ принадлежать все, чтó дѣлается въ видѣ предосторожности противъ внезапнаго бѣдствія, какъ и все, чтó дѣлается при исполненіи нѣкоторыхъ родовъ власти, необ-

---

оно можетъ быть названо выгоднымъ... Примѣръ есть самая важная цѣль изъ всѣхъ, въ той пропорціи, какъ множество лицъ, подвергающихся искушенію совершить преступленіе, относится къ одному. Б.

ходимыхъ въ каждомъ обществѣ, т. е. власти домашней, судебной, военной и верховной.

VI.

3. Гдѣ есть несомнѣнное равномѣрное вознагражденіе, и притомъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ можетъ быть совершено преступленіе. Это предполагаетъ двѣ вещи: 1) Что преступленіе таково, что допускаетъ равносильное вознагражденіе; 2) Что такое вознагражденіе непремѣнно окажется. Послѣднее изъ этихъ предположеній можетъ быть сочтено чисто идеальнымъ, такимъ, которое, въ данной ему здѣсь всеобщности, не можетъ быть доказано фактомъ. Поэтому, на практикѣ, оно не можетъ быть поставлено въ числѣ основаній абсолютной безнаказанности. Оно можетъ быть однако допущено какъ основаніе для уменьшенія того наказанія, котораго потребовали бы другія, независимыя отъ этого соображенія.

§ 3. *Случаи, въ которыхъ наказаніе должно быть недѣйствительно.*

VII.

Это случаи: 1. Гдѣ уголовное предусмотрѣніе (provision) не было установлено, пока не совершился актъ. Сюда относятся: 1) Законы ex-post facto, когда самъ законодатель не опредѣляетъ наказанія, пока актъ не былъ совершенъ. 2) Приговоры, выходящіе за предѣлы закона, гдѣ судья своей собственной властью назначаетъ наказаніе, которое не было назначено законодателемъ.

VIII.

2. Гдѣ уголовное предусмотрѣніе, хотя и установленное, не доведено до свѣдѣнія лицъ, на которыхъ, какъ кажется, оно намѣрено дѣйствовать. Таковъ случай, гдѣ законъ упустилъ употребить какую-нибудь необходимую мѣру для обезпеченія того, чтобы всякое лицо, находящееся въ области дѣйствія закона, было поставлено въ извѣстность обо всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ (при своемъ настоящемъ общественномъ положеніи) оно можетъ подвергнуться взысканіямъ закона.

IX.

3. Гдѣ уголовное предусмотрѣніе, хотя и доведенное до свѣдѣнія человѣка, можетъ не произвести на него никакого дѣйствія, т. е. можетъ не отклонить его отъ совершенія какого-нибудь акта того рода, о которомъ идетъ рѣчь. Такъ бываетъ: 1) Въ крайнемъ дѣтствѣ; когда человѣкъ еще не пріобрѣлъ того состоянія или расположенія ума, въ

которомъ перспектива такихъ отдаленныхъ золъ, какъ представляемыя закономъ, можетъ оказать вліяніе на его поведеніе. 2) Въ безуміи, когда лицо, если уже и достигло до этого расположенія, но затѣмъ лишилось его вслѣдствіе вліянія какой-нибудь постоянной, хотя невидимой причины. 3) Въ опьяненіи; когда человѣкъ былъ лишенъ этого расположенія преходящимъ вліяніемъ видимой причины, какъ напримѣръ употребленія вина, или опіума, или другихъ веществъ, которыя такимъ же образомъ дѣйствуютъ на нервную систему:—состояніе, которое дѣйствительно есть ни что иное какъ временное безуміе, произведенное извѣстной причиной.

X.

4. Когда уголовное предусмотрѣніе (хотя бы, будучи доведено до свѣдѣнія человѣка, оно могло очень хорошо предотвратить совершеніе имъ актовъ того рода, о которомъ идетъ рѣчь, предполагая, что онъ зналъ, что оно относится къ этимъ актамъ) можетъ не имѣть этого дѣйствія относительно того индивидуальнаго акта, который человѣкъ хочетъ совершить; т. е. потому, что человѣкъ не знаетъ, что актъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, къ которымъ относится уголовное предусмотрѣніе. Это можетъ оказаться: 1) Въ случаѣ ненамѣренности; гдѣ человѣкъ не намѣревается совершать акта, и потому не знаетъ, что онъ можетъ совершить актъ, который впослѣдствіи онъ могъ совершить [1]); 2) Въ случаѣ несознательность; гдѣ, хотя человѣкъ можетъ знать, что онъ готовъ совершить самый актъ, но, не зная всѣхъ существенныхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ его, онъ не знаетъ о его тенденціи къ произведенію вреда, во вниманіе котораго онъ былъ признанъ подлежащимъ наказанію. 3) Въ случаѣ дурнаго предположенія или невѣрнаго разсчета; гдѣ, хотя человѣкъ и можетъ знать о тенденціи акта къ произведенію этой степени вреда, онъ, хотя и ошибочно, предполагаетъ, что актъ сопровождается нѣкоторыми обстоятельствами, или такимъ рядомъ обстоятельствъ, что еслибы актъ сопровождался ими дѣйствительно, то онъ или не произвелъ бы этого вреда, или произвелъ бы такую бо̀льшую степень блага, что законодатель не счелъ бы его въ такомъ случаѣ подлежащимъ наказанію [2]).

XI.

5. Гдѣ, хотя бы уголовная статья имѣла полное и преобладающее

---

[1]) См. гл. VIII (Намѣренность).
[2]) См. гл. IX (Сознательность).

вліяніе, еслибы дѣйствовала одна, но вслѣдствіе господствующаго вліянія на волю какой-нибудь противоположной причины, она должна по необходимости быть недѣйствительна; потому что зло, которому человѣкъ готовъ подвергнуться въ случаѣ несовершенія акта, такъ велико, что съ нимъ не можетъ равняться зло, опредѣляемое уголовной статьей въ случаѣ совершенія акта. Это можетъ оказаться: 1) Въ случаѣ физической опасности; гдѣ есть вѣроятность зла, могущаго произойти отъ непосредственныхъ силъ природы. 2) Въ случаѣ угрозы вредомъ; гдѣ есть вѣроятность зла, могущаго произойти отъ намѣренныхъ и сознательныхъ дѣйствій человѣка.

XII.

6. Гдѣ, хотя уголовная статья можетъ имѣть полное и преобладающее вліяніе на волю человѣка, но его физическія способности (вслѣдствіе господствующаго вліянія какой-нибудь физической причины) не въ состояніи слѣдовать рѣшенію воли: такъ, что актъ есть совершенно невольный. Таковъ случай физическаго принужденія, произведеннаго какими бы то ни было средствами; гдѣ, напримѣръ, рука человѣка наталкивается на какой-нибудь предметъ, до котораго его воля располагаетъ его не прикасаться; или удаляется отъ прикосновенія къ какому-нибудь предмету, къ которому воля располагаетъ его прикоснуться.

§ 4. *Случаи, въ которыхъ наказаніе неприбыльно.*

XIII.

Это случаи: 1. Гдѣ съ одной стороны свойство преступленія, съ другой, свойство наказанія, въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, таковы, что при сравненіи зло послѣдняго окажется больше, чѣмъ зло перваго.

XIV.

Зло наказанія дѣлится на четыре вѣтви, постигающія столько же различныхъ разрядовъ людей: 1) Зло принужденія, или страданіе, которое наказаніе причиняетъ человѣку, дѣлая для него невозможнымъ совершеніе какого бы то ни было акта, отъ совершенія котораго его удерживаетъ перспектива наказанія. Это чувствуется тѣми, кто соблюдаетъ законъ. 2) Зло предвидѣнія (apprehension) или страданіе, которое человѣкъ, навлекшій на себя наказаніе, чувствуетъ при мысли о томъ, что онъ подвергнется ему. Это чувствуется тѣми, кто нарушилъ законъ и кто чувствуетъ себя въ опасности, что законъ будетъ надъ нимъ ис-

полненъ. 3) Зло перенесенія его [1]), или страданіе, которое человѣкъ чувствуетъ въ силу самаго наказанія, съ того времени, когда онъ началъ переносить его. Это чувствуется тѣми, кто нарушилъ законъ и надъ кѣмъ онъ теперь совершается. 4) Страданіе симпатіи и другіе производные роды зла, проистекающаго для людей, которые находятся въ связи съ разными, сейчасъ упомянутыми разрядами лицъ, первоначально страдающихъ [2]). Изъ этихъ четырехъ долей зла, первая будетъ больше или меньше смотря по свойству акта, отъ котораго человѣкъ удерживается; вторая и третья—смотря по свойству наказанія, которое привязывается къ преступленію.

XV.

Что касается, съ другой стороны, до зла преступленія, оно также конечно будетъ больше или меньше, смотря по свойству каждаго преступленія. Поэтому пропорція между одимъ и другимъ зломъ будетъ различна для каждаго отдѣльнаго преступленія. Поэтому случаи, въ которыхъ наказаніе бываетъ неприбыльно на этомъ основаніи, могутъ быть изслѣдованы не иначе, какъ посредствомъ изслѣдованія каждаго отдѣльнаго преступленія: — что и будетъ предметомъ главной части нашего труда.

XVI.

2. Гдѣ, хотя въ обыкновенномъ положеніи вещей зло, происходящее отъ наказанія, не больше блага, способнаго произойти отъ силы, съ которой оно, въ теченіе того же пространства времени, дѣйствуетъ для исключенія зла преступленія,—но можетъ сдѣлаться больше по вліянію какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Къ числу этихъ обстоятельствъ могутъ относиться: 1) Большое число преступниковъ въ какой-нибудь особенный моментъ; такое, что оно выше обыкновенной мѣры увеличило бы въ злѣ наказанія quantum второй и третьей доли и тѣмъ увеличило бы также и количество четвертой доли. 2) Чрезвычайная цѣнность заслугъ какого-нибудь одного преступника,— случай, въ которомъ дѣйствіе наказанія лишило бы общество блага отъ этихъ заслугъ. 3) Неудовольствіе народа, т. е. неопредѣленнаго числа членовъ того же общества, въ случаяхъ, гдѣ (вслѣдствіе вліянія какого-нибудь случайнаго событія) они увидятъ, что преступленіе или

---

[1]) См. гл. V (Удовольствія и страданія).
[2]) См. гл. XII (Послѣдствія), пар. 4.

преступникъ не должны быть наказываемы такимъ способомъ или въ такой степени. 4) Неудовольствіе иностранныхъ державъ; т. е. правительства или значительнаго числа членовъ какого-нибудь иностраннаго общества или обществъ, съ которыми связано то общество, о которомъ идетъ рѣчь.

§ 5. Случаи, гдѣ наказаніе не нужно.

XVII.

Это случаи: — гдѣ цѣль положить конецъ извѣстнымъ дѣйствіямъ, можетъ быть столько же успѣшно достигнута по болѣе дешевой цѣнѣ: напримѣръ наставленіемъ столько же, сколько страхомъ; образованіемъ пониманія столько же, какъ непосредственнымъ вліяніемъ на волю. Сюда принадлежатъ, кажется, всѣ тѣ преступленія, которыя состоятъ въ разсѣваніи вредныхъ мнѣній въ дѣлѣ обязанностей, какихъ бы то ни было, политическихъ, нравственныхъ или религіозныхъ. И при этомъ все равно, будутъ ли такіе принципы разсѣеваться съ искреннимъ убѣжденіемъ, или даже безъ убѣжденія объ ихъ благодѣтельности. Я говорю даже безъ убѣжденія: потому что, хотя въ такомъ случаѣ наставленіе не помѣшаетъ писателю стремиться внушать свои принципы, но оно можетъ удержать читателей отъ принятія ихъ: а безъ читателей его стремленіе внушать эти принципы не сдѣлаетъ никакой бѣды. Во такомъ случаѣ государю обыкновенно незачѣмъ будетъ принимать въ этомъ дѣятельную роль: если интересъ одного индивидуума будетъ въ томъ, чтобы внушать принципы, которые вредны, или могутъ считаться вредными, то конечно интересъ другихъ индивидуумовъ будетъ въ томъ, чтобы обличать ихъ. Но если государю необходимо нужно будетъ принять участіе въ спорѣ, то наиболѣе приличное оружіе для опроверженія заблужденія есть перо, а не мечъ.

ГЛАВА XVI.

О пропорціи между наказаніями и преступленіями.

I.

Мы видѣли, что общая цѣль всѣхъ законовъ есть предотвращать вредъ, т. е. когда онъ этого стоитъ; но что тамъ, гдѣ нѣтъ другихъ средствъ сдѣлать это кромѣ наказанія, есть четыре случая, гдѣ дѣло этого не стоитъ.

II.

Когда вредъ стоитъ этого, то законодатель, руководящійся въ своихъ взглядахъ принципомъ пользы, при своемъ стремленіи достигнуть сколько возможно этой общей цѣли, естественно предполагаетъ себѣ слѣдующія четыре второстепенныя цѣли.

III.

1. Его первая, наиболѣе обширная и наиболѣе желательная цѣль есть предотвратить, насколько только возможно, и всѣ, стоющіе того, роды преступленій, какихъ бы то ни было [1]); другими словами, дѣйствовать такъ, чтобы не могло быть совершаемо вообще никакихъ преступленій.

IV.

2. Но если человѣкъ необходимо долженъ совершить преступленіе того или другаго рода, ближайшая цѣль законодателя есть скорѣе побудить его совершить менѣе вредное преступленіе, чѣмъ болѣе вредное; другими словами, побудить его выбирать всегда наименѣе вредное изъ двухъ преступленій, которыя будутъ соотвѣтствовать его цѣли.

V.

3. Когда человѣкъ рѣшился на какое-нибудь частное преступленіе, ближайшая цѣль есть расположить его дѣлать не больше вреда, чѣмъ сколько необходимо для его намѣренія; другими словами, сдѣлать такъ мало вреда, какъ это сообразно съ благомъ, какое онъ имѣетъ въ виду.

VI.

4. Послѣдняя цѣль состоитъ въ томъ, чтобы, каковъ бы ни былъ вредъ, который предполагается предотвращать, предотвращать его сколько возможно дешевле.

VII.

Съ этими четырьмя цѣлями должны быть сообразны правила, которыми должна быть опредѣляема пропорція между наказаніями и преступленіями.

VIII.

Правило 1. Первая цѣль, какъ мы видѣли, та, чтобы предотвращать всѣ роды преступленій, насколько это стоитъ труда; поэтому,—

Цѣнность наказанія должна быть во всякомъ случаѣ не

---

[1]) Подъ преступленіемъ я разумѣю здѣсь акты, которые, какъ ему кажется, имѣютъ стремленіе произвести вредъ. Б.

менѣе, чѣмъ сколько достаточно для того, чтобы перевѣсить цѣнность прибыли [1]) отъ преступленія [2]).

Еслибы эта цѣнность была меньше, то преступленіе все-таки будетъ навѣрное совершено (если только не вмѣшаются какія-нибудь другія соображенія, независимыя отъ преступленія, и если эти соображенія не подѣйствуютъ успѣшно въ качествѣ предохраняющихъ мотивовъ): вся доля наказанія будетъ разсѣяна: оно будетъ совершенно недѣйствительно [3]).

IX.

Противъ вышеприведеннаго правила часто возражали на основаніи его кажущейся суровости: но это можетъ быть только по недостатку должнаго пониманія его. Сила искушенія, caeteris paribus, равняется прибыли отъ преступленія; количество наказанія должно возрастать съ прибылью отъ отъ преступленія: поэтому, caeteris paribus, оно должно возрастать съ силой искушенія. Это не подлежитъ спору. Правда, что чѣмъ сильнѣе искушеніе, тѣмъ менѣе рѣшительно указаніе, которое актъ преступленія даетъ объ испорченности расположенія преступника [4]). Итакъ, если только въ разбираемомъ случаѣ не окажется какого нибудь отягченія, происходящаго изъ необыкновенной испорченности расположенія, или по большей мѣрѣ, если въ разбираемомъ случаѣ окажется присутствіе основаній для облегченія, происходящаго изъ

---

[1]) Подъ прибылью отъ преступленія надо понимать нетолько денежную прибыль, но и какое бы то ни было удовольствіе или выгоду, которую человѣкъ получаетъ, или ожидаетъ получить отъ удовлетворенія желанія, которое приводитъ его къ совершенію преступленія.

Эта прибыль (т. е. ожиданіе прибыли) отъ преступленія и составляетъ побуждающій мотивъ, или, гдѣ ихъ нѣсколько, сумму побуждающихъ мотивовъ, приводящихъ человѣка къ совершенію преступленія. Съ другой стороны наказаніе (т. е. ожиданіе наказанія) составляетъ удерживающій мотивъ, который или самъ по себѣ, или въ соединеніи съ другими, можетъ дѣйствовать на него въ противоположномъ направленіи, побуждая его воздержаться отъ совершенія преступленія. Оставляя въ сторонѣ случайныя обстоятельства, сила искушенія равняется силѣ соблазняющаго, или побуждающаго мотива или мотивовъ. Итакъ сказать, какъ говорили это писатели съ великими заслугами и великими именами, что наказаніе не должно возрастать съ силой искушенія, значитъ тоже, что сказать въ механикѣ, что движущая сила или моментъ силы не долженъ возрастать съ моментомъ тяжести. Б.

[2]) Beccaria, Dei delitti, § 6; trad. par Morellet, § 23.

[3]) См. гл. XV (Случаи, не подлеж. наказанію), § 1.

[4]) См. гл. XI (Расположенія), пар. 42.

невинности или благотворности расположенія преступника,—сила искушенія можетъ дѣйствовать въ смыслѣ пониженія требованія наказанія. Но дѣйствіе ея никогда не можетъ простираться такъ далеко, чтобы она могла выказать свойство дѣлать наказаніе недѣйствительнымъ,—что конечно будетъ, если понизится уровень видимой прибыли отъ преступленія.

Частная благосклонность, которая была бы склонна къ уменьшенію наказанія ниже этого уровня, дѣйствовала бы какъ противъ тѣхъ цѣлей, къ которымъ собственно хотѣлъ бы стремиться этотъ мотивъ, такъ и противъ тѣхъ, болѣе обширныхъ цѣлей, къ которымъ должна бы стремиться благосклонность: это было бы жестокостью нетолько противъ публики, но и противъ тѣхъ самыхъ лицъ, въ пользу которыхъ она говоритъ: я разумѣю, въ послѣдствіяхъ,—хотя она и желаетъ противнаго въ своихъ намѣреніяхъ. Это была бы жестокость противъ публики, потому что, при недостаткѣ въ должномъ охраненіи, публика оказалась бы подверженной вреду преступленія;—жестокость даже противъ самого преступника, потому что онъ былъ бы наказываемъ безъ всякой ясной мысли и безъ шанса достигнуть той благотворной конечной цѣли, которая одна можетъ оправдывать введеніе зла наказанія.

X.

Правило 2. *Но будетъ ли данное преступленіе предотвращено въ данной степени даннымъ количествомъ наказанія,—это всегда только шансъ; и для пріобрѣтенія этого шанса наказаніе, каково бы оно ни было, истрачивается впередъ.* Впрочемъ, чтобы дать ему лучшій шансъ перевѣсить прибыль отъ преступленія,—

Чѣмъ больше вредъ преступленія, тѣмъ больше должна быть трата, какую стоитъ сдѣлать, путемъ наказанія.

XI.

Правило 3. Дальнѣйшая цѣль та, чтобы побудить человѣка выбирать всегда наименѣе вредное изъ двухъ преступленій; поэтому, —

Когда встрѣчаются два преступленія, то наказаніе за бо́льшее преступленіе должно быть достаточно для того, чтобы побудить человѣка предпочитать меньшее [1]).

XII.

Правило 4. Когда человѣкъ рѣшился на частное преступленіе, то

[1]) Esprit des Lois, l. VI, chap. 16.

дальнѣйшая цѣль—побудить его дѣлать не больше вреда, чѣмъ необходимо для его намѣренія: поэтому,—

Наказаніе должно быть приноровляемо къ каждому преступленію такимъ образомъ, чтобы для каждой части вреда здѣсь могъ быть мотивъ, который бы удерживалъ преступника отъ произведенія этого вреда [1]).

XIII.

Правило 5. Послѣдняя цѣль та, чтобы, какого бы мы ни остерегались вреда, остерегаться отъ него насколько можно дешевле: поэтому,—

Наказаніе ни въ какомъ случаѣ не должно быть больше того, чѣмъ сколько нужно для того, чтобы согласить его съ данными здѣсь правилами.

XIV.

Правило 6. Нужно замѣтить далѣе, что такъ какъ люди при различныхъ обстоятельствахъ различнымъ образомъ и въ разной степени принимаютъ дѣйствіе одной и той же возбуждающей причины, то наказаніе, по имени одно и то же, не всегда произведетъ (или дѣйствительно или даже видимо для другихъ, въ двухъ) разныхъ лицахъ одну и ту же степень страданія: поэтому,—

Для того, чтобы количество наказанія, дѣйствительно налагаемое на каждаго индивидуальнаго преступника, соотвѣтствовало количеству, предполагаемому для подобныхъ преступниковъ

---

[1]) Еслибы кто усомнился въ этомъ, пусть тотъ представитъ себѣ преступленіе раздѣленнымъ на столько отдѣльныхъ частей, сколько можно различить частей въ произведенномъ имъ вредѣ. Положимъ, напримѣръ, что преступленіе состоитъ въ томъ, что какой-нибудь человѣкъ далъ вамъ десять ударовъ, или укралъ у васъ десять шиллинговъ. Если за данные вамъ десять ударовъ онъ наказывается небольше чѣмъ за пять,—то пять ударовъ изъ десяти составятъ преступленіе, за которое нѣтъ никакого наказанія; понявъ это, человѣкъ, дающій вамъ пять ударовъ, навѣрное дастъ ихъ еще пять, потому что онъ можетъ имѣть удовольствіе дать вамъ ихъ даромъ. Такимъ же образомъ, если за кражу десяти шиллинговъ человѣкъ наказывается не больше чѣмъ за кражу пяти, то кража другихъ пяти шиллинговъ остается преступленіемъ, за которое наказанія нѣтъ. Это правило нарушается почти на каждой страницѣ всѣхъ кодексовъ, какіе я только видѣлъ.

Надобно замѣтить, что прибыль, хотя часто, но не постоянно, бываетъ пропорціональна вреду: напримѣръ, когда воръ, вмѣстѣ съ тѣми вещами, какія онъ желалъ имѣть, крадетъ и тѣ, которыя ему совсѣмъ не нужны. Это можетъ случиться по легкомыслію, лѣни, торопливости и проч. Б.

вообще, всегда надобно принимать въ разсчетъ различныя обстоятельства, оказывающія вліяніе на чувствительность [1]).

XV.

Изъ приведенныхъ правилъ пропорцій, четыре первыя, какъ мы можемъ видѣть, служатъ для обозначенія границъ на сторонѣ уменьшенія, или границъ, ниже которыхъ наказаніе не должно быть уменьшаемо; пятое—для обозначенія границъ на сторонѣ увеличенія, или границъ, выше которыхъ наказаніе не должно быть увеличиваемо. Пять первыхъ правилъ разсчитаны на то, чтобы служить руководствомъ законодателю; для той же цѣли въ нѣкоторой степени разсчитано, правда, и шестое,—но главнымъ образомъ оно должно служить руководствомъ для судьи въ его стараніи сообразоваться, съ обѣихъ сторонъ, съ намѣреніями законодателя.

XVI.

Оглянемся немного назадъ. Первое правило, чтобы сдѣлать его болѣе удобнымъ для примѣненія къ практикѣ, быть можетъ, нуждается въ нѣсколько болѣе подробномъ разъясненіи. Надо замѣтить, что для большей точности нужно было, вмѣсто слова количество (quantity), употреблять менѣе ясный терминъ цѣнность (value). Потому что слово «количество» собственно не заключаетъ въ себѣ обстоятельствъ несомнѣнности или близости, обстоятельствъ, которыя всегда должны браться въ разсчетъ при опредѣленіи цѣнности извѣстной доли страданія или удовольствія [2]). Далѣе, съ одной стороны, доля наказанія есть доля страданія; съ другой, прибыль отъ преступленія есть доля удовольствія или того, что ему равнозначительно. Но прибыль отъ преступленія обыкновенно бываетъ болѣе несомнѣнна, чѣмъ наказаніе, или (что все равно) по крайней мѣрѣ кажется такой преступнику. Во всякомъ случаѣ, эта прибыль бываетъ обыкновенно болѣе непосредственна. Отсюда слѣдуетъ, поэтому, что для того, чтобы сохранить превосходство наказанія надъ прибылью отъ преступленія, цѣнность наказанія должна быть поднята какимъ-нибудь другимъ путемъ, пропорціонально тому, чѣмъ оно уступаетъ относительно двухъ пунктовъ, несомнѣнности и близости. Но оно не можетъ получить прибавки къ своей цѣнности иначе, какъ получая прибавку въ отношеніи объема (magnitude). Итакъ, вездѣ, гдѣ цѣнность наказанія оказывается недостаточна или относи-

---

[1]) См. гл. VI (Чувствительность).
[2]) См. гл. IV (Цѣнность).

тельно несомнѣнности, или относительно близости, въ сравненіи съ прибылью отъ преступленія,—тамъ оно должно получить прибавку относительно объема [1]).

XVII.

Еще дальше. Чтобы увѣриться въ томъ, что цѣнность наказанія дѣйствительно становится выше цѣнности преступленія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ оказаться необходимымъ брать въ разсчетъ нетолько прибыль отъ индивидуальнаго преступленія, къ которому должно прилагаться наказаніе, но также и прибыль отъ другихъ подобныхъ преступленій того же рода, которыя преступникъ могъ уже совершить безъ улики. Какъ ни суровъ этотъ разсчетъ на угадъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ невозможно будетъ не прибѣгнуть къ нему; именно въ такихъ случаяхъ, гдѣ прибыль есть денежная прибыль, гдѣ шансъ улики очень малъ и гдѣ вредный актъ такого свойства, что указываетъ на привычку; напримѣръ, въ случаяхъ поддѣлки монеты. Если не прибѣгать къ упомянутому способу, то привычка къ этому преступленію, по балансу разсчета, навѣрное будетъ прибыльной привычкой. Въ такомъ случаѣ, законодатель можетъ быть совершенно увѣренъ, что онъ будетъ неспособенъ прекратить это преступленіе и что все наказаніе, на него налагаемое, останется безъ дѣйствія и безъ пользы. Однимъ словомъ (употребляя тѣ же выраженія, которыя мы уже выставили), все это количество наказанія будетъ недѣйствительно.

XVIII.

Правило 7. По разсмотрѣніи этихъ вещей, въ дополненіе и объясненіе къ правилу 1-му, могутъ быть введены слѣдующія три правила:

Чтобы дать возможность цѣнности наказанія перевѣсить цѣнность прибыли отъ преступленія, наказаніе должно быть увеличено, относительно объема, пропорціонально тому, чего ему недостаетъ относительно несомнѣнности.

XIX.

Правило 8. Далѣе, наказаніе должно быть увеличено, относительно объема, пропорціонально тому, чего недостаетъ ему относительно близости.

---

[1]) Поэтому, напримѣръ, простое вознагражденіе никогда не считается достаточнымъ наказаніемъ за воровство или грабежъ. Б.

XX.

Правило 9. Гдѣ актъ положительно указываетъ на привычку, наказаніе должно быть увеличено на столько, чтобы дать ему возможность перевѣсить не только прибыль отъ индивидуальнаго преступленія, но и прибыль отъ другихъ подобныхъ преступленій, которыя могъ совершить тотъ же преступникъ безнаказанно.

XXI.

На требованіе наказанія могутъ, въ нѣкоторой небольшой степени, имѣть вліяніе и нѣкоторыя другія обстоятельства или соображенія; но такъ какъ свойство ихъ не столько удобно показать, или оно не столько постоянно, или приложеніе ихъ не такъ опредѣленно какъ въ предъидущихъ, то можно сомнѣваться, слѣдуетъ ли ставить эти обстоятельства на одинъ уровень съ другими.

XXII.

Правило 10. Когда наказаніе, которое по своему качеству особенно хорошо разсчитано для удовлетворенія его намѣренія, не можетъ имѣть меньше извѣстнаго количества, то при употребленіи его, иногда можетъ быть полезно немного расширить его выше того количества, которое было бы строго необходимо по другимъ основаніямъ.

XXIII.

Правило 11. Въ частности, это можетъ иногда имѣть мѣсто въ такихъ случаяхъ, когда предположенное наказаніе такого свойства, что оно особенно хорошо разсчитано для того, чтобы служить нравственнымъ урокомъ.

XXIV.

Правило 12. Вышеупомянутыя соображенія клонятся къ тому, чтобы требовать увеличенія наказанія: слѣдующее правило дѣйствуетъ для его уменьшенія. Есть (какъ мы видѣли) извѣстные случаи [1], гдѣ вслѣдствіе вліянія случайныхъ обстоятельствъ наказаніе можетъ сдѣлаться безполезнымъ въ цѣломъ: въ тѣхъ же случаяхъ оно можетъ имѣть шансъ сдѣлаться безполезнымъ только въ одной части. Поэтому, —

При опредѣленіи количества наказанія, должно быть обращаемо вниманіе на обстоятельства, которыя могутъ сдѣлать всякое наказаніе безполезнымъ.

[1] См. гл. XV (Случаи, не подлежащіе наказанію), § 4.

XXV.

Правило 13. Должно замѣтить, что чѣмъ больше разнообразенъ и подробенъ какой-нибудь разрядъ предусмотрѣній закона, тѣмъ больше шансъ того, что какая-нибудь данная статья его будетъ забыта: и при этомъ отъ нея не будетъ никакой пользы. Различенія болѣе сложныя, чѣмъ сколько могутъ понять тѣ, на поведеніе которыхъ они должны оказывать вліяніе, будутъ даже хуже чѣмъ безполезны. Цѣлая система получитъ смутный характеръ: и такимъ образомъ уничтожено будетъ нетолько дѣйствіе пропорціональности, установляемой этими статьями, но и дѣйствіе всего, что съ ними связано. Начертить точную линію направленія въ подобномъ случаѣ кажется невозможно. Впрочемъ, для памяти, можетъ быть нелишнимъ прибавить слѣдующее правило:—

Если между статьями закона, предназначенными усовершенствовать отношеніе между наказаніями и преступленіями, встрѣтятся такія, которыя своими особенно хорошими дѣйствіями не вознаградятъ неудобства, какое онѣ сдѣлали бы въ кодексѣ, увеличивая его запутанность,—эти статьи должны быть выпускаемы [1]).

XXVI.

Надобно замѣтить, что политическая санкція, къ которой относится родъ наказаній, разбираемыхъ въ этой главѣ, есть только одна изъ четырехъ санкцій, которыя всѣ могутъ внести свою долю для произведенія тѣхъ же результатовъ. Поэтому, можно ожидать, что при назначеніи количества политическаго наказанія должно обращать вниманіе на содѣйствіе, которое оно можетъ встрѣтить отъ этихъ другихъ управляющихъ силъ. Правда, что отъ каждаго изъ этихъ различныхъ источниковъ можетъ иногда проистекать весьма могущественное содѣйствіе. Но дѣло въ томъ, что (оставляя въ сторонѣ нравственную санкцію, въ случаѣ, гдѣ сила ея положительно принимается и видоизмѣняется политической санкціей) сила этихъ другихъ сторонъ никогда не бываетъ достаточно опредѣленна, чтобы на ней можно было основаться. Эта сила

---

[1]) Я опасаюсь, что несмотря на это правило, могутъ подумать, что я довелъ свою заботу о пропорціональности слишкомъ далеко. Но до сихъ поръ ранее почти не обращали никакого вниманія. Монтескьё былъ чуть ли не первый, имѣвшій какое-нибудь представленіе о такой вещи. Поэтому, въ такомъ предметѣ мнѣ казался лучше скорѣе излишекъ, чѣмъ недостатокъ. Трудность была въ томъ, чтобы придумать образецъ подобной модели: когда она есть, то, если что покажется излишнимъ, это легко выбросить. Б.

никогда не можетъ быть приведена въ точныя доли, подобно политическому наказанію, и измѣрена въ числѣ, количествѣ и цѣнности. Поэтому законодатель обязанъ составить полный комплектъ наказаній, какъ еслибы онъ былъ увѣренъ, что не получитъ никакого содѣйствія ни съ которой изъ этихъ сторонъ. Если онъ можетъ это сдѣлать, тѣмъ лучше; если же нѣтъ, то онъ необходимо долженъ на всякій случай составить этотъ комплектъ совершенно независимо.

XXVII.

Здѣсь не лишнее будетъ перечислить еще разъ тѣ различныя обстоятельства, которыя надо имѣть въ виду при установленіи пропорціи между наказаніями и преступленіями. Эти обстоятельства, кажется, слѣдующія:

I. Со стороны преступленія:

1. Прибыль отъ преступленія;
2. Вредъ преступленія;
3. Прибыль и вредъ отъ другихъ бо́льшихъ или меньшихъ преступленій, разнаго рода, которыя преступникъ могъ предпочитать;
4. Прибыль и вредъ отъ другихъ преступленій, того же рода, въ которыхъ преступникъ вѣроятно былъ уже виновенъ.

II. Со стороны наказанія:

5. Объемъ наказанія, состоящій изъ его интенсивности и продолжительности;
6. Недостаточность наказанія относительно несомнѣности;
7. Недостаточность наказанія относительно близости;
8. Количество наказанія;
9. Случайная выгода относительно качества наказанія, не строго необходимая относительно количества;
10. Употребленіе наказанія особеннаго качества, въ смыслѣ нравственнаго урока.

III. Со стороны преступника:

11. Отвѣтственность класса лицъ, способнаго къ преступленію;
12. Чувствительность каждаго отдѣльнаго преступника;
13. Частныя заслуги или полезныя качества отдѣльнаго преступника, въ томъ случаѣ, когда наказаніе можетъ лишить общество блага отъ этихъ заслугъ или качествъ;
14. Большое число преступниковъ по какому-нибудь особенному случаю.

IV. Со стороны публики, въ какомъ-нибудь особомъ случаѣ:

15. Наклонности народа, въ пользу или противъ какого-нибудь количества или способа наказанія;

16. Наклонности иноземныхъ державъ.

V. *Со стороны закона*, т. е. публики, въ теченіе извѣстнаго времени:

17. Необходимость дѣлать, для простоты, небольшія жертвы относительно пропорціональности.

XXVIII.

Быть можетъ, найдутся люди, которые съ перваго взгляда сочтутъ потеряннымъ трудомъ ту мелочную осмотрительность, какую мы употребили въ установленіи этихъ правилъ: потому что грубое невѣжество, скажутъ они, никогда не ломаетъ головы надъ законами, а страсть не разсчитываетъ ихъ. Но зло невѣжества допускаетъ леченіе: а что касается до положенія, что страсть не разсчитываетъ, это несправедливо, какъ большая часть такихъ слишкомъ общихъ и рѣшительныхъ положеній. Когда дѣло идетъ о такихъ важныхъ вещахъ, какъ страданіе и удовольствіе, и притомъ то и другое въ самой высшей степени (то есть, о единственныхъ вещахъ, которыя могутъ имѣть важность), то кто же не разсчитываетъ? Правда, люди разсчитываютъ одни съ меньшей точностью, другіе съ большей; но всѣ люди разсчитываютъ. Я не сказалъ бы, что даже сумасшедшій человѣкъ не разсчитываетъ. Страсть разсчитываетъ, больше или меньше, въ каждомъ человѣкѣ: въ разныхъ людяхъ, — смотря по пылкости или холодности ихъ расположенія, по твердости или раздражительности ихъ характера, по свойству дѣйствующихъ на нихъ мотивовъ. Къ счастью изъ всѣхъ страстей наиболѣе предана разсчету та страсть, излишествъ которой общество всего больше можетъ опасаться, вслѣдствіе ея силы, постоянства и всеобщности [1]): я разумѣю ту страсть, которая соотвѣтствуетъ мотиву денежнаго интереса: такъ что эта мелочная осмотрительность, (если ее можно такъ назвать, когда идетъ дѣло объ установленіи правилъ наказанія) имѣетъ наилучшіе шансы быть дѣйствительнымъ средствомъ — тамъ, гдѣ эта дѣйствительность имѣетъ величайшую важность.

---

[1]) См. гл. XII (Послѣдствія), пар. 33.

ГЛАВА XVII.

О томъ, какія свойства должна имѣть доля наказанія.

I.

Мы показали правила, которыя должны быть соблюдаемы при опредѣленіи пропорціи между наказаніемъ и преступленіемъ. Естественно, что свойства, которыя должны быть даны долѣ наказанія, должны быть для каждаго случая таковы, какія нужны для того, чтобы они были способны примѣняться сообразно съ этими правилами: качество будетъ опредѣляться количествомъ.

II.

Припомнимъ, что первое изъ этихъ правилъ было то, что количество наказанія во всякомъ случаѣ должно быть не менѣе того, чѣмъ сколько достаточно, чтобы перевѣсить прибыль отъ преступленія: поэтому, какъ скоро количество его меньше этого, вся доля наказанія (если только случай недостаточности не пополняется какою-нибудь изъ другихъ санкцій) пропадаетъ; оно—недѣйствительно. Пятое правило было то, что наказаніе ни въ какомъ случаѣ не должно быть больше чѣмъ требуется разными другими правилами: потому что иначе все, превышающее это количество, ненужно. Четвертое правило было то, что наказаніе должно быть прилагаемо къ каждому индивидуальному преступленію такимъ образомъ, чтобы каждая часть вреда этого преступленія могла имѣть свое взысканіе (penalty): иначе, та извѣстная часть преступленія, которая не имѣетъ соотвѣтствующаго ей взысканія, какъ будто остается безъ наказанія. Далѣе, извѣстная доля наказанія не можетъ быть согласована ни съ однимъ изъ этихъ правилъ, если только эта доля наказанія не будетъ допускать варіацій, соотвѣтствующихъ каждой варіаціи въ количествѣ того вреда отъ извѣстнаго рода преступленій, къ которому это наказанія прилагается. Чтобы доказать это, пусть прибыль отъ преступленія допускаетъ множество степеней. Предположимъ, затѣмъ, эту прибыль на одной изъ этихъ степеней: если наказаніе будетъ меньше, чѣмъ сколько слѣдуетъ для этой степени, оно

будетъ недѣйствительно, оно пропадетъ даромъ; если оно будетъ больше, то, на количество превышающей разности, оно будетъ ненужно; слѣдовательно оно пропадетъ и въ этомъ случаѣ.

Итакъ, первое качество, которое должно быть дано долѣ наказанія,— то, чтобы эта доля была способна имѣть, относительно своего количества, варіаціи, сообразно съ каждой варіаціей, какая можетъ имѣть мѣсто въ прибыли или вредѣ преступленія. Это свойство, кажется, можетъ быть обозначено словомъ измѣняемость (variability).

III.

Второе свойство, тѣсно связанное съ первымъ, можетъ быть названо равномѣрностью (equability). Мало будетъ пользы въ томъ, что законодатель установилъ способъ наказанія (удовлетворительный во всѣхъ другихъ отношеніяхъ), и притомъ способный быть увеличеннымъ или уменьшеннымъ до требуемой степени, — если за всѣмъ тѣмъ, какая бы степень ни была выбрана, эта степень, смотря по обстоятельствамъ, способна будетъ производить или слишкомъ тяжелую степень страданія, или слишкомъ легкую, или даже совсѣмъ никакого. Въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, при однихъ обстоятельствахъ большая часть произведеннаго страданія будетъ ненужна; при другихъ обстоятельствахъ, не будетъ страданія вовсе, или же оно будетъ недѣйствительно. Когда наказаніе подлежитъ такой неправильности, оно можетъ быть названо неравномѣрнымъ; когда свободно отъ этой неправильности, то равномѣрнымъ. Правда, количество страданія, производимаго наказаніемъ, будетъ въ значительной степени зависѣть отъ обстоятельствъ, отличныхъ отъ свойства самаго наказанія: отъ положенія преступника относительно обстоятельствъ, могущихъ оказывать вліяніе на чувствительность человѣка. Но вліяніе самыхъ этихъ обстоятельствъ во многихъ случаяхъ будетъ взаимно подчиняться вліянію свойства наказанія: другими словами, страданіе, производимое какимъ-нибудь способомъ наказанія, будетъ соединеннымъ дѣйствіемъ того наказанія, которое приложено къ человѣку, и тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ онъ подвергается ему. Но есть нѣкоторыя наказанія, дѣйствіе которыхъ способно подвергаться большему измѣненію отъ вліянія такихъ постороннихъ обстоятельствъ, чѣмъ способно подвергаться ему дѣйствіе другихъ наказаній. Въ такомъ случаѣ равномѣрность или неравномѣрность могутъ считаться свойствами, принадлежащими самому наказанію.

IV.

Примѣромъ способа наказанія, способнаго быть неравномѣрнымъ,

служитъ наказаніе изгнаніемъ, когда locus a quo (или мѣсто, откуда человѣкъ изгоняется) есть какое-нибудь опредѣленное мѣсто, указанное закономъ, которое для преступника, быть можетъ, все равно — видѣть или невидѣть. Сюда принадлежитъ также денежное или quasi-денежное наказаніе, когда оно относится къ какому-нибудь частному виду собственности, которымъ преступникъ могъ владѣть или не владѣть, какъ случится. Всѣ эти наказанія могутъ раздѣляться на части и измѣряться съ величайшей мелочной точностью: такъ какъ они могутъ раздѣляться по времени, по крайней мѣрѣ,—если уже не по чему-нибудь иному. Поэтому ни одно изъ нихъ не недостаточно относительно измѣняемости: и однакоже, во многихъ случаяхъ, этотъ недостатокъ въ равномѣрности (equability) можетъ сдѣлать ихъ столько же неудобными для употребленія, какъ еслибы они были недостаточны и относительно измѣняемости.

V.

Третье правило пропорціи было то, что когда встрѣчается два преступленія, то наказаніе за бо́льшее преступленіе должно быть достаточно для того, чтобы побудить человѣка предпочитать меньшее преступленіе. А для того чтобъ быть достаточнымъ для этой цѣли, оно должно быть очевидно и однообразно больше: больше нетолько въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, но всѣхъ людей, которые способны быть въ такомъ положеніи, что имъ придется выбирать между двумя преступленіями, т. е. въ глазахъ всего человѣчества. Другими словами, два наказанія должны быть совершенно соразмѣримы. Отсюда возникаетъ третье свойство, которое можетъ быть названо соразмѣримостью (commensurability), т. е. относительно другихъ наказаній.

VI.

Но наказанія разныхъ родовъ въ очень немногихъ случаяхъ бываютъ постоянно больше одни другихъ; въ особенности, когда низшія степени того, которое бываетъ обыкновенно больше, сравниваются съ высшими степенями того, которое бываетъ обыкновенно меньше; другими словами, наказанія разныхъ родовъ въ немногихъ случаяхъ бываютъ постоянно соразмѣримы. Единственное вѣрное и универсальное средство сдѣлать двѣ доли наказанія совершенно соразмѣримыми состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать меньшее наказаніе составной частью бо́льшаго. Это можетъ быть сдѣлано двумя способами: 1) Прибавляя къ меньшему наказанію другое количество наказанія того же рода; 2) Прибавляя къ нему другое количество другаго рода. Послѣдній способъ не меньше вѣренъ, чѣмъ первый: потому что, хотя не всегда можно быть совершенно увѣрен-

нымъ, что одно данное наказаніе покажется одному и тому же лицу больше другаго даннаго наказанія; но можно быть всегда увѣреннымъ, что всякое данное наказаніе, какъ только оно имѣется въ виду, покажется больше, чѣмъ вовсе никакого.

VII.

Далѣе. Наказаніе можетъ дѣйствовать только въ той степени, насколько уму человѣка представляется идея этого наказанія и его связи съ преступленіемъ. Если идея его не присутствуетъ въ умѣ человѣка, оно не можетъ дѣйствовать вовсе; и тогда само наказаніе должно быть недѣйствительно. А для того, чтобы присутствовать, оно должно быть вспоминаемо, а чтобы быть вспоминаемо, оно должно быть узнано. Но изъ всѣхъ наказаній, какія можно вообразить, нѣтъ ни одного, связь котораго съ преступленіемъ было бы такъ легко узнать и такъ прочно запомнить, какъ то наказаніе, идея котораго отчасти уже соединена съ какой-нибудь частью идеи преступленія, — а это бываетъ тогда, когда въ томъ и другомъ есть какое нибудь обстоятельство общее имъ обоимъ. Когда это общее бываетъ въ наказаніи и въ преступленіи, то говорится, что наказаніе имѣетъ аналогію съ преступленіемъ, или что оно характеристично. Поэтому, характеристичность есть четвертое свойство, которое на этомъ основаніи должно быть дано долѣ наказанія, всякій разъ когда это можетъ быть удобно.

VIII.

Очевидно, что дѣйствіе этой комбинаціи будетъ тѣмъ больше, чѣмъ тѣснѣе аналогія. Аналогія будетъ тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ важнѣе [1]) обстоятельство, которое имъ обще. А самое важное обстоятельство, которое можетъ быть обще преступленію и наказанію, есть тотъ вредъ или убытокъ, который они производятъ. Поэтому самая тѣсная аналогія, которая можетъ существовать между преступленіемъ и наказаніемъ, къ нему приложеннымъ, есть та аналогія, которая существуетъ между ними, когда вредъ или убытокъ, производимый ими, бываетъ одного и того же свойства; другими словами, та аналогія, которая образуется обстоятельствомъ тождественности ихъ вреда. Вслѣдствіе того, самую тѣсную аналогію съ преступленіемъ имѣетъ тотъ способъ наказанія, который въ настоящемъ и точномъ смыслѣ слова называется возмездіемъ (retaliation). Поэтому, возмездіе, въ тѣхъ немногихъ слу-

---

[1]) См. гл. VII Дѣйствія), пар. 3.

чаяхъ, гдѣ оно бываетъ исполнимо, и не слишкомъ дорого, будетъ имѣть большое преимущество предъ всякимъ другимъ способомъ наказанія.

IX.

Далѣе. На умъ человѣка собственно дѣйствуетъ только идея наказанія (или другими словами, кажущееся, видимое наказаніе), а самое наказаніе (реальное наказаніе) дѣйствуетъ только тѣмъ, что порождаетъ эту идею. Поэтому, всю услугу совершаетъ кажущееся (apparent) наказаніе,— я разумѣю въ смыслѣ примѣра, который есть главная цѣль. Весь вредъ приноситъ реальное наказаніе. Обыкновенный и вѣрный способъ увеличить объемъ кажущагося наказанія есть увеличить объемъ реальнаго. Впрочемъ, кажущійся объемъ можно до извѣстной степени увеличивать другими, менѣе дорогими средствами: поэтому, всегда, когда эти менѣе дорогія средства могутъ столько же соотвѣтствовать цѣли и когда въ тоже время употребляется прибавочное реальное наказаніе, это прибавочное реальное наказаніе ненужно. Что касается до этихъ менѣе дорогихъ средствъ, они состоятъ: 1) Въ выборѣ особеннаго способа наказанія, наказанія особеннаго качества, независимо отъ количества; 2) Въ особенномъ родѣ церемоній, отдѣльныхъ отъ самаго наказанія и сопровождающихъ его исполненіе.

X.

Когда кажущійся видъ наказанія имѣетъ бо́льшую пропорцію къ реальному, то способъ наказанія можетъ быть названъ болѣе примѣрнымъ (exemplary). Но, что касается до выбора самаго наказанія, то нѣтъ другаго средства сдѣлать данное количество наказанія болѣе примѣрнымъ, какъ выбрать наказаніе такого рода, которое бы имѣло аналогію съ преступленіемъ. Отсюда, другой резонъ дѣлать наказаніе аналогическимъ съ преступленіемъ, или, другими словами, дѣлать его характеристическимъ.

XI.

Надобно помнить, что наказаніе само по себѣ есть издержка (expense): само по себѣ оно есть зло. Вслѣдствіе этого, пятое правило о мѣрѣ наказанія—не дѣлать его больше, чѣмъ сколько требуется по другимъ правиламъ. Но это бываетъ всякій разъ, когда производится какая-нибудь частица страданія, нисколько не способствующая предположенному результату. И если какой-нибудь способъ наказанія бываетъ болѣе другаго способенъ производить подобное излишнее и ненужное страданіе, онъ можетъ быть названъ неумѣреннымъ; если менѣе, то—умѣреннымъ. Поэтому, умѣренность (frugality) есть шестое свойство, которое желательно для способа наказанія.

XII.

Умѣренность, въ способѣ наказанія, достигаетъ совершенства тогда, когда нетолько не производится излишняго страданія на сторонѣ наказываемаго лица, но даже и самая операція, посредствомъ которой оно подвергается страданію, устроена такъ, чтобы соотвѣтствовать цѣли — произвести удовольствіе на сторонѣ какого-нибудь другаго лица. Мы разумѣемъ прибыль или количество удовольствія личнаго (self-regarding) разряда; потому что удовольствіе необщественнаго разряда, конечно, почти произведено на сторонѣ всѣхъ лицъ, въ сердцѣ которыхъ преступленіе возбудило чувство неблагосклонности. Такъ бываетъ это съ денежнымъ наказаніемъ, и также съ такими наказаніями quasi-денежнаго рода, которыя состоятъ въ отнятіи такого владѣнія, какое можетъ переходить отъ одной стороны къ другой. Правда, удовольствіе, производимое такой операціей, вообще не равняется страданію; но это можетъ быть однако въ особенныхъ обстоятельствахъ, какъ напримѣръ тамъ, гдѣ человѣкъ, у котораго вещь взята, очень богатъ, а тотъ, кому ее отдаютъ, очень бѣденъ; и, какъ бы то ни было, оно всегда гораздо больше, чѣмъ можно произвести какимъ-нибудь другимъ способомъ наказанія.

XIII.

Свойства примѣрности и умѣренности стремятся повидимому къ той же непосредственной цѣли, хотя различными путями. Оба стараются уменьшить отношеніе реальной тягости наказанія къ кажущейся: но примѣрность стремится увеличить кажущуюся: тягость, умѣренность — уменьшить реальную.

XIV.

Сказанное до сихъ поръ относится къ свойствамъ, которыя должны быть даваемы наказаніямъ вообще, къ какимъ бы они ни прилагались преступленіямъ. Слѣдующія далѣе свойства менѣе важны, или относясь только къ нѣкоторымъ преступленіямъ въ частности, или завися отъ вліянія переходныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ.

Вопервыхъ, четыре различныя цѣли, на которыя подраздѣляется главная и общая цѣль наказанія [1]), могутъ произвести столько же различныхъ свойствъ, смотря по тому, насколько извѣстный способъ наказанія является болѣе удобнымъ для достиженія той или другой изъ этихъ цѣлей. Къ цѣли примѣра, какъ главной, было уже примѣнено особенное свойство. Остаются три низшія цѣли, исправленія (reforma-

[1]) См. гл. XV, пар. 2, прим.

tion), отнятія способовъ къ преступленію (disablement) и возданія (compensation).

XV.

Поэтому, седьмое свойство, желательное въ способѣ наказанія, есть содѣйствіе исправленію, или исправляющая тенденція. А всякое наказаніе содѣйствуетъ исправленію пропорціонально своему количеству; потому что чѣмъ больше испытанное человѣкомъ наказаніе, тѣмъ больше оно способно произвести въ немъ отвращеніе къ преступленію, бывшему причиной наказанія; и это относится ко всѣмъ преступленіямъ одинаково. Но есть извѣстныя наказанія, которыя относительно извѣстныхъ преступленій, имѣютъ особенное стремленіе производить этотъ результатъ своимъ качествомъ: и тамъ, гдѣ это бываетъ, такія наказанія, прилагаемыя къ такимъ преступленіямъ, будутъ pro tanto имѣть преимущество передъ всѣми другими. Это вліяніе будетъ зависѣть отъ свойства мотива, который былъ причиной преступленія: наказаніемъ, наиболѣе содѣйствующимъ исправленію, будетъ тотъ родъ наказанія, который лучше всего разсчитанъ на то, чтобы ослабить силу этого мотива.

XVI.

Такимъ образомъ, для преступленій, происходящихъ отъ мотива дурной воли, самую сильную исправительную тенденцію будетъ имѣть то наказаніе, которое всего лучше разсчитано для того, чтобы ослабить силу гнѣвныхъ чувствованій; и особенно въ томъ родѣ преступленій, который состоитъ въ упорномъ отказѣ преступника сдѣлать что-нибудь, требуемое отъ него по закону, и гдѣ упорство въ большой мѣрѣ увеличивается его досадой противъ тѣхъ, кто имѣетъ интересъ принуждать его къ уступкѣ и исполненію,—въ подобномъ случаѣ наиболѣе дѣйствительнымъ наказаніемъ было бы, кажется, заключеніе съ умѣренной діэтой.

XVII.

Такимъ же образомъ, для преступленій, происходящихъ отъ соединеннаго вліянія лѣни и денежнаго интереса, самую сильную исправительную тенденцію имѣетъ, кажется, наказаніе, которое всего лучше разсчитано на то, чтобы ослабить силу перваго изъ этихъ расположеній. И въ особенности, въ случаяхъ воровства, обмана, и всякаго рода подлоговъ, наилучшій способъ для этой цѣли въ большей части случаевъ есть, кажется, принужденный трудъ.

XVIII.

Осьмое свойство, желательное въ извѣстныхъ случаяхъ для доли наказанія, есть дѣйствительность наказанія въ отнятіи способовъ къ преступленію (disabling tendency). Это свойство можетъ быть въ совер-

шенствѣ дано долѣ наказанія, и притомъ дано гораздо вѣрнѣе, чѣмъ свойство исправительности. Неудобство состоитъ здѣсь въ томъ, что это свойство способно вообще становиться въ противорѣчіе съ свойствомъ умѣренности: такъ какъ въ большей части случаевъ нѣтъ вѣрнаго средства лишить человѣка возможности дѣлать вредъ, не лишая его въ тоже время и въ значительной степени возможности дѣлать добро, и себѣ и другимъ. Поэтому, вредъ преступленія долженъ быть такъ великъ, чтобы онъ требовалъ весьма значительной доли наказанія для цѣли примѣра, прежде, чѣмъ онъ можетъ допустить приложеніе наказанія, равнаго тому, какое необходимо для цѣли отнятія способовъ къ преступленію.

XIX.

Наиболѣе дѣйствительное наказаніе въ этомъ смыслѣ есть очевидно смерть. Въ этомъ случаѣ дѣйствительность наказанія несомнѣнна. Вслѣдствіе того, это наказаніе въ особенности прилагается къ тѣмъ случаямъ, гдѣ, пока преступникъ живъ, имени его будетъ достаточно, чтобы привести въ негодованіе всю націю. Такъ бываетъ отъ времени до времени съ претендентами на престолъ и предводителями партій въ гражданскихъ войнахъ: хотя въ приложеніи къ преступленіямъ такого проблематическаго свойства, гдѣ вопросъ о преступности вертится больше на успѣхѣ, чѣмъ на чемъ-нибудь иномъ, приложеніе такого рода наказанія можетъ, кажется, пахнуть скорѣе враждой, чѣмъ наказаніемъ. Въ тоже время это наказаніе, очевидно, въ замѣчательной степени неумѣренно, — что̀ и составляетъ одно изъ многихъ возраженій противъ его употребленія, кромѣ развѣ самыхъ чрезвычайныхъ случаевъ.

XX.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ, для этого отнятія способовъ къ преступленію можетъ достаточно служить тотъ или другой изъ различныхъ родовъ заключенія и изгнанія, — изъ которыхъ содержаніе въ тюрьмѣ есть *одно* изъ самыхъ строгихъ и дѣйствительныхъ наказаній. Потому что, когда преступленіе обставлено такъ, что можетъ совершиться только въ извѣстномъ мѣстѣ, — какъ это бываетъ въ большей части преступленій противъ лица,—все, что̀ долженъ сдѣлать законъ для прекращенія преступнику возможности совершать его, есть предотвратить ему возможность быть въ этомъ мѣстѣ. Во всѣхъ преступленіяхъ, состоящихъ въ нарушеніи или злоупотребленіи какого-нибудь довѣрія, эта цѣль можетъ быть достигнута гораздо дешевле, простымъ отнятіемъ этого довѣрія: и вообще во всѣхъ преступленіяхъ, могущихъ совершаться благодаря какимъ-нибудь отношеніямъ, въ которыхъ преступникъ стоитъ къ другому лицу, или разрядамъ лицъ, — простымъ прекращеніемъ

права извлекать принадлежащія къ нимъ выгоды. Такъ бываетъ, напримѣръ, во всѣхъ преступленіяхъ, состоящихъ въ злоупотребленіи привилегіей брака, или въ злоупотребленіи свободы производства какого-нибудь выгоднаго или другаго занятія.

XXI.

Девятое свойство есть удобство для воздаянія (subserviency to compensation). Если имѣется въ виду воздаяніе съ характеромъ мщенія, то это свойство, съ небольшими варіаціями, будетъ пропорціонально количеству: если имѣется въ виду выгодное (lucrative) воздаяніе, то это бываетъ особеннымъ и характеристическимъ свойствомъ денежнаго наказанія.

XXII.

Въ довершеніе всѣхъ этихъ свойствъ можетъ быть введено свойство популярности, весьма измѣнчивый и неопредѣленный родъ свойства, который можетъ принадлежать долѣ наказанія въ одинъ моментъ и можетъ быть потерянъ въ другой. Подъ популярностью разумѣется то свойство, по которому наказаніе кажется удобно (acceptable) или, лучше, не кажется неудобно для массы народа, среди котораго предполагается его ввести. Строго говоря, оно скорѣе должно бы быть названо отсутствіемъ непопулярности; потому что относительно такой вещи-какъ наказаніе, нельзя ожидать, чтобы какой-нибудь видъ или доля его показались положительно удобными и пріятными для народа: достаточно если, по большей части, въ народѣ нѣтъ рѣшительнаго отвращенія къ мысли о немъ. А такъ какъ упомянутое выше свойство характеристичности, кажется, больше, чѣмъ всякое другое, стремится примирить одобреніе народа съ способомъ наказанія; то популярность можетъ считаться родомъ второстепеннаго качества, зависящаго отъ свойства характеристичности. Польза внесенія этого свойства въ каталогъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы служить напоминаніемъ законодателю—не вводить безъ настоятельной необходимости никакого способа или доли наказанія. къ которымъ бы онъ замѣтилъ сильное отвращеніе въ массѣ народа

XXIII.

Дѣйствіе непопулярности способа наказанія аналогично съ дѣйствіемъ неумѣренности на сторонѣ преступника. Очень легко произвести ненужное страданіе, которое дѣлаетъ наказаніе неумѣреннымъ. Точно также производится излишняя часть страданія, когда наказаніе непопулярно: но въ этомъ случаѣ оно производится на сторонѣ лицъ, совершенно невинныхъ, народа вообще. Это есть уже одинъ вредъ; а другой вредъ— та слабость, которую это способно ввести въ законъ. Когда народъ до-

воленъ закономъ, онъ охотно содѣйствуетъ его исполненію; когда онъ недоволенъ закономъ, онъ естественно не будетъ давать ему своего содѣйствія; хорошо еще, если онъ не станетъ положительно дѣлать препятствій исполненію. Это значительно увеличиваетъ сомнительность наказанія; и отсюда, прежде всего, умножается число преступленій. Съ теченіемъ времени, этотъ недостатокъ, какъ обыкновенно, можетъ повести къ увеличенію объема наказанія: т. е. прибавленія къ нему извѣстнаго количества, которое было бы ненужно [1]).

XXIV.

Надобно замѣтить, что это свойство необходимо предполагаетъ въ народѣ тотъ или другой предразсудокъ, исправленіе котораго должно быть обязанностью законодателя. Потому что, еслибы отвращеніе къ этому наказанію основывалось на принципѣ пользы, то наказаніе было бы такое, какого бы не слѣдовало употреблять по другимъ причинамъ: и въ этомъ случаѣ объ его популярности или непопулярности не стоило бы говорить. Поэтому, это есть собственно свойство не столько наказанія, сколько свойство народа: расположеніе имѣть нерезонное отвращеніе къ предмету, который заслуживаетъ одобренія. Это есть также знакъ другаго свойства, т. е. лѣни или слабости со стороны законодателя, который допускаетъ то́, что народъ вредитъ собственному своему интересу изъ-за недостатка обученія, которое онъ былъ бы долженъ и могъ бы имѣть. Какъ бы то ни было, какъ скоро такое неудовольствіе существуетъ, законодателю слѣдуетъ обратить на него вниманіе, какъ еслибы оно было совершенно основательно. Всякая нація можетъ имѣть свои предразсудки и капризы, которые законодатель долженъ разыскать, изучить и излечивать [2]).

XXV.

Одиннадцатое и послѣднее изъ свойствъ, желательныхъ для доли наказанія, есть отмѣняемость (remissibility). Вообще думаютъ, что когда наказаніе прилагается, то оно нужно, что оно должно быть приложено, и потому нѣтъ надобности, чтобы оно могло быть отмѣнено. Но въ особенныхъ, и всегда весьма печальныхъ случаяхъ, дѣло можетъ случаться иначе. Можетъ случиться, что наказаніе будетъ наложено тамъ, гдѣ, по намѣренію законодателя, оно не должно бы было быть наложе-

---

[1]) См. гл. XV (Случаи, не подлежащіе наказанію, § V).

[2]) Тамъ же, § IX, пар. 4.

но, то есть, гдѣ потерпѣвшій его невиненъ въ преступленіи. Во время произнесенія приговора онъ казался виновнымъ: но затѣмъ случайность обнаружила его невинность. Въ такомъ случаѣ, уже невозможно исправить той части наказанія, которую онъ уже вынесъ. Дѣло теперь въ томъ, чтобы освободить его отъ той части, которая еще предстоитъ. Но будетъ ли еще что-нибудь предстоять? Есть очень мало шансовъ на то, чтобы что-нибудь еще могло предстоять, если только наказаніе не состоитъ въ хроническомъ наказаніи: какъ напримѣръ, заключеніе въ тюрьму, изгнаніе, принужденный трудъ, и тому подобное. Когда дѣло состоитъ въ остромъ наказаніи, т. е. когда въ настоящую минуту уголовный процессъ уже кончился и наказаніе можетъ оставаться только въ его послѣдствіяхъ,—дѣло можетъ считаться неотмѣнимымъ, неисправимымъ. Такъ бываетъ, напримѣръ, при тѣлесномъ наказаніи, клеймованіи, членовреждепіи и смертной казни. Самое неотмѣнимое наказаніе есть смертная казнь. Потому что, хотя другія наказанія, уже конченныя, и не могутъ быть отмѣнены, они еще могутъ быть вознаграждены; и хотя несчастная жертва не можетъ быть возвращена въ прежнее состояніе, но, быть можетъ, еще нашлись бы средства поставить ее въ такое хорошее состояніе, что оно могло бы заставить человѣка забыть свое страданіе. Это можетъ быть вообще сдѣлано съ большимъ успѣхомъ тамъ, гдѣ наказаніе было денежное.

Свойство отмѣняемости можетъ оказать пользу и въ другомъ случаѣ: когда, хотя преступникъ былъ наказанъ справедливо, но по причинѣ какого-нибудь хорошаго поступка, сдѣланнаго имъ послѣ того, какъ началось наказаніе, можетъ показаться полезнымъ отмѣнить часть назначеннаго ему наказанія. Но это едвали можетъ быть тамъ, гдѣ пропорція наказанія, въ другихъ отношеніяхъ, такова, какова и должна быть. Цѣль примѣра болѣе важна, чѣмъ цѣль исправленія. Едвали можно думать, что наказаніе требуется меньше для первой цѣли, чѣмъ для послѣдней. Потому что, необыкновеннымъ случаемъ будетъ скорѣе то, если наказаніе, достаточное для устрашенія человѣка, думавшаго о немъ только нѣсколько минутъ, не будетъ достаточно для устрашенія человѣка, который все время его чувствовалъ. Итакъ, все, что требуется для цѣли примѣра, должно оставаться во всякомъ случаѣ: никакое исправленіе преступника не можетъ дать права для отмѣны какой-нибудь его части: еслибы можно, человѣку осталось бы только тотчасъ исправиться и такимъ образомъ освободиться отъ большей части наказанія, которое было сочтено нужнымъ. Слѣдовательно, для того, чтобы имѣть право на отмѣну какой-нибудь части наказанія по этой причинѣ, надо сначала предположить, что наказаніе, назначенное въ первый разъ,

было больше, чѣмъ необходимо для цѣли примѣра, и что слѣдовательно одна часть его была вообще ненужна. Это дѣйствительно легко может ь быть при господствующихъ теперь несовершенныхъ системахъ: и потому, пока эти системы еще продолжаютъ свое существованіе, свойство отмѣняемости должно считаться полезнымъ, какъ по первому, такъ и по этому второму основанію. Но этого не было бы въ какой-нибудь новопостроенной системѣ, въ которой бы были соблюдены изложенныя выше правила пропорціи. Поэтому, въ такой системѣ польза этого свойства основывалась бы только на первой причинѣ.

XXVI.

Пересматривая различные возможные способы наказанія, окажется очевиднымъ, что ни одинъ изъ нихъ не владѣетъ всѣми упомянутыми свойствами въ совершенствѣ. Поэтому, чтобы сдѣлать лучшее, что можетъ быть сдѣлано въ вопросѣ наказанія, въ большей части случаевъ необходимо будетъ складывать ихъ, и составлять изъ нихъ сложныя доли, которыя бы состояли каждая изъ нѣсколькихъ различныхъ способовъ наказанія, сложенныхъ вмѣстѣ: характеръ и пропорціи составныхъ частей каждой доли были бы различны, сообразно съ характеромъ преступленія, которому предположено противодѣйствовать.

XXVII.

Нелишнимъ будетъ собрать и представить въ общемъ обзорѣ одиннадцать выше опредѣленныхъ свойствъ. Они слѣдующія:

Два изъ нихъ относятся къ установленію должной пропорціи между отдѣльнымъ преступленіемъ и его наказаніемъ, именно:

1. Измѣняемость.

2. Равномѣрность.

Третья—къ установленію пропорціи между нѣсколькими преступленіями и нѣсколькими наказаніями; именно:

3. Соразмѣримость.

Четвертое содѣйствуетъ наказанію пріобрѣсти то положеніе, въ которомъ одномъ оно можетъ быть дѣйствительно; и въ тоже время доставить ему два дальнѣйшія свойства примѣрности и популярности; а именно:

4. Характеристичность.

Два слѣдующія относятся къ исключенію всякаго безполезнаго наказанія; одно—косвенно, возвышая дѣйствительность того, которое полезно; другое—прямо, именно:

5. Примѣрность.

6. Умѣренность.

Три другія содѣйствуютъ каждая тремъ низшимъ цѣлямъ наказанія; именно:

7. Содѣйствіе исправленію.

8. Дѣйствительность въ отнятіи способовъ къ преступленію.

9. Содѣйствіе къ вознагражденію.

Другое свойство стремится исключать побочный вредъ, который можетъ быть иногда произведенъ какимъ-нибудь особеннымъ способомъ наказанія; именно:

10. Популярность.

Послѣднее свойство стремится смягчить вредъ, который можетъ произвести иногда всякое наказаніе вообще; именно:

11. Отмѣняемость.

Свойства соразмѣрности, характеристичности, примѣрности, содѣйствія исправленію и дѣйствительности въ отнятіи способовъ къ преступленію въ особенности разсчитаны на увеличеніе прибыли, которая можетъ быть сдѣлана наказаніемъ; умѣренность, содѣйствіе къ вознагражденію, популярность и отмѣняемость — на уменьшеніе издержекъ или стоимости наказанія; измѣняемость и равномѣрность одинаково полезны для обѣихъ этихъ цѣлей.

XXVIII.

Мы переходимъ теперь къ общему обзору системы преступленій: т. е. такихъ актовъ, къ которымъ,—по причинѣ тѣхъ вредныхъ послѣдствій, производить которыя они имѣютъ естественную тенденцію, и въ видахъ остановить такія послѣдствія,—можетъ быть пригодно привязать извѣстныя искусственныя послѣдствія, состоящія въ наказаніи, которое постигаетъ лица, совершившія эти акты, сообразно съ установленными сейчасъ принципами.

ГЛАВА XVII.

§ 1. *Разряды преступленій.* [1])

I.

Прежде всего необходимо сдѣлать различіе между такими актами, которые суть преступленія или могутъ быть преступленіями. Преступленіемъ можетъ быть всякій актъ, который вздумается сдѣлать

[1]) Эта глава есть попытка привести наши идеи о преступленіи въ точный методъ. Частныя употребленія метода бываютъ различны: но общая польза его въ томъ, чтобы дать людямъ возможность понять вещи, составляющія его предметъ. Понимать вещь значитъ знать ея качества или свойства. Изъ этихъ свойствъ, нѣкоторыя общи у этой вещи съ другими вещами; остальныя принадлежатъ ей одной. Но качествъ, принадлежащихъ только одному разряду вещей, бываетъ только немного, въ сравненіи съ тѣми, которыя общи ему съ другими вещами. Поэтому, указать одни только отличія вещи отъ другихъ было бы мало, если мы не знали и того рода, къ которому она относится. Поэтому, чтобы понять вещь совершенно, человѣкъ долженъ узнать и тѣ пункты, въ которыхъ она похожа на всѣ другія вещи, и тѣ, въ которыхъ она отлична отъ нихъ. Когда должно разсматриваться вмѣстѣ большое число предметовъ, составляющихъ логическое цѣлое, и всѣ они имѣютъ относительно другъ друга извѣстное сходство, обозначаемое извѣстнымъ названіемъ, то существуетъ только одно средство дать совершенное знаніе ихъ природы, а именно—раздѣлить ихъ на систему долей, изъ которыхъ каждая есть часть или какой-нибудь другой доли или часть всего цѣлаго. Это можно сдѣлать только посредствомъ раздвоенія (bipartition), раздѣляя каждую высшую вѣтвь на двѣ, и только на двѣ непосредственно подчиненныя вѣтви, — начавъ съ логическаго цѣлаго, раздѣляя его на двѣ части, затѣмъ каждую изъ нихъ опять на двѣ, и такъ далѣе. Эти первыя раздѣленныя части сходны относительно тѣхъ свойствъ, которыя принадлежатъ цѣлому: онѣ отличаются относительно тѣхъ свойствъ, которыя принадлежатъ только каждой изъ нихъ. Раздѣлять цѣлое больше чѣмъ на двѣ части, напримѣръ на три, не отвѣчало бы цѣли; потому что на дѣлѣ мысль можетъ съ точностью сравнивать въ одно и тоже время только два предмета. Такъ мы постараемся сдѣлать и съ опредѣленіемъ преступленій, или, лучше, говоря строго, съ опредѣленіемъ тѣхъ актовъ, которые владѣютъ такими свойствами, какія повидимому показываютъ въ нихъ способность составить преступленіе. Этотъ трудъ тя-

тѣмъ, кому общество привыкло повиноваться, т. е. всякій актъ, который имъ вздумается запрещать или наказывать. Но по принципу пользы, должны быть преступленіемъ только такіе акты, которые требуетъ считать таковыми благо общества.

II.

Благо общества не можетъ требовать, чтобы преступленіемъ считался какой-нибудь актъ, который не можетъ, ни тѣмъ ни другимъ путемъ, приносить ущерба для общества. Потому что въ случаѣ такого акта, всякое наказаніе бываетъ неосновательно [1]).

III.

Но если все собраніе извѣстнаго числа индивидуумовъ считается составляющимъ воображаемое сложное тѣло, общество или политическое государство; то всякій актъ, приносящій ущербъ одному или многимъ изъ его членовъ, приноситъ, по мѣрѣ своихъ результатовъ, ущербъ государству.

IV.

Актъ можетъ приносить ущербъ государству только тѣмъ, что онъ приноситъ ущербъ какому-нибудь одному или многимъ изъ инди-

---

желъ, и теперь по крайней мѣрѣ, а быть можетъ навсегда, превышаетъ наши силы.

О предметахъ говорится только по ихъ именамъ; но забота давать предметамъ имена всегда являлась раньше, чѣмъ вѣрное и полное знаніе ихъ свойствъ. О самыхъ несходныхъ предметахъ говорилось такъ, какъ будто ихъ свойства были одни и тѣ же. О предметахъ самыхъ сходныхъ говорилось, какъ будто между ними не было совершенно ничего сходнаго. Какія бы ни были сдѣланы открытія относительно ихъ, какъ бы ни различны оказались ихъ реальныя сходства и несходства съ тѣми, какія указываются ихъ именами,—только съ крайнимъ трудомъ можетъ быть отыскано средство выразить эти открытія другими, болѣе соотвѣтственными названіями. Если вы перемѣните значеніе старыхъ именъ, вы будете въ постоянной опасности что васъ поймутъ не такъ; если вы введете совершенно новыя имена, вы можете быть увѣрены, что васъ не поймутъ вовсе. Поэтому, теперь по крайней мѣрѣ, полный успѣхъ невозможенъ. Но попытка, хотя и несовершенная, можетъ имѣть свою пользу: и на самый худой конецъ, она можетъ ускорить появленіе той совершенной системы, обладаніе которой составитъ счастіе какого-нибудь болѣе зрѣлаго вѣка. Грубое невѣжество не знаетъ никакихъ затрудненій; несовершенное знаніе находитъ ихъ и борется съ ними; побѣдить ихъ должно совершенное знаніе. Б.

[1]) См. гл. XV (Случаи, не подлежащіе наказанію), § 2, пар. 1.

видуумовъ, его составляющихъ. Но эти индивидуумы могутъ быть или извѣстны, т. е. могутъ быть указаны (assignable), или неизвѣстны [1]).

V.

Когда есть какой-нибудь извѣстный индивидуумъ, которому преступленіе приноситъ ущербъ, это лицо можетъ быть или другое лицо, кромѣ преступника, или самъ преступникъ.

VI.

Преступленія, приносящія ущербъ какимъ-нибудь извѣстнымъ лицамъ, кромѣ самого преступника, могутъ быть названы однимъ общимъ именемъ преступленій противъ индивидуумовъ. И изъ нихъ можетъ быть составленъ 1-й разрядъ преступленій. Для противоположенія ихъ съ преступленіями 2-го и 4-го разрядовъ, они могутъ также быть иногда удобно называемы частными (private) преступленіями. Въ тоже время, для противоположенія ихъ съ преступленіями 3-го разряда, они могутъ быть названы частными внѣшними (extra-regarding) преступленіями.

VII.

Когда вообще кажется, что есть лица, которымъ разбираемый актъ можетъ приносить ущербъ, но такія лица не могутъ быть указаны индивидуально,—то кругъ, въ которомъ эти лица повидимому могутъ быть найдены, бываетъ или менѣе обширенъ, чѣмъ цѣлое общество, или нѣтъ. Если онъ менѣе обширенъ, то лица, заключающіяся въ этомъ меньшемъ кругѣ, могутъ считаться въ этомъ смыслѣ составляющими особое собраніе лицъ, которое заключается въ большемъ собраніи цѣлаго общества, но отличается отъ него. Обстоятельство, составляющее связь между членами этого меньшаго собранія лицъ, можетъ быть или пребываніе ихъ въ одномъ особенномъ мѣстѣ, или, словомъ, другой менѣе ясный принципъ связи, который можетъ отличать ихъ отъ остальныхъ членовъ общества. Въ первомъ случаѣ актъ можетъ быть названъ преступленіемъ противъ сосѣдства: во второмъ — преступленіемъ противъ особеннаго класса лицъ въ обществѣ. Итакъ, преступленія противъ сосѣдства могутъ составить 2-й разрядъ преступленій. Для противоположенія ихъ съ частными преступленіями на одной сторонѣ и съ пуб-

---

[1]) Указаны — т. е. указаны или по имени, или по разряду, такъ чтобы ихъ можно было отличить отъ всѣхъ другихъ; напримѣръ по тому обстоятельству, что человѣкъ есть собственникъ такихъ-то имѣній, или занимаетъ ихъ. См. выше, гл. XII (Послѣдствія), пар. 15. Б.

личными на другой, они могутъ быть также названы полу-публичными преступленіями.

VIII.

Преступленія, которыя приносятъ ущербъ самому преступнику и никому другому,—если только они не приносятъ другимъ ущерба вредомъ преступника самому себѣ,—могутъ составить 3-й разрядъ. Для лучшаго противоположенія ихъ съ преступленіями 1-го, 2-го и 4-го разрядовъ, которыя всѣ переходнаго свойства, они могутъ быть названы непереходными преступленіями; но еще лучше могутъ быть названы личными (self-regarding).

IX.

Четвертый разрядъ можетъ быть составленъ изъ такихъ актовъ, которые должны считаться преступленіями по причинѣ отдаленнаго вреда, какой они угрожаютъ принести неизвѣстному неопредѣленному количеству изъ цѣлаго числа индивидуумовъ, составляющихъ общество; хотя бы ни одинъ отдѣльный индивидуумъ не казался болѣе терпящимъ вреда, чѣмъ другой. Эти преступленія могутъ быть названы публичными, или преступленіями противъ государства.

X.

Пятый разрядъ, или приложеніе, можетъ быть составленъ изъ такихъ актовъ, которые вслѣдствіе обстоятельствъ совершенія, и особенно вслѣдствіе цѣлей, къ какимъ они стремились, могутъ приносить ущербъ какимъ-нибудь изъ тѣхъ способовъ, которыми актъ одного человѣка можетъ приносить ущербъ другому. Эти преступленія могутъ быть названы многообразными (multiform) или разнородными (heterogeneous) преступленіями. Преступленія этого рода могутъ быть раздѣлены на два главные отдѣла: 1) Преступленія посредствомъ обмана (falsehood), и 2) Преступленія противъ довѣрія.

§ 2. *Дѣленія и подраздѣленія.*

XI.

Посмотримъ теперь, по какому методу эти разряды могутъ быть подраздѣлены дальше. Вопервыхъ, преступленія противъ индивидуумовъ.

Въ настоящемъ періодѣ существованія, бытіе и благосостояніе чело-

вѣка, его счастіе и безопасность, однимъ словомъ, его удовольствія и его обезпеченіе противъ страданій, всѣ болѣе или менѣе зависятъ, вопервыхъ, отъ его собственной личности; вовторыхъ, отъ окружающихъ его внѣшнихъ предметовъ. Эти предметы суть или вещи, или другія лица. Подъ тотъ или другой классъ очевидно должны быть подведены всякаго рода внѣшніе предметы, которые могутъ касаться его интереса. Такимъ образомъ, если человѣкъ терпитъ когда-нибудь отъ какого-нибудь преступленія, онъ терпитъ однимъ изъ двухъ способовъ, или 1) абсолютно, т. е. непосредственно въ своемъ собственномъ лицѣ; причемъ можно сказать, что преступленіе есть преступленіе противъ его личности; или, 2) относительно, вслѣдствіе какого-нибудь важнаго (material) отношенія, которое вышеупомянутые предметы могутъ имѣть къ его счастію, путемъ причины (см. гл. VII, Дѣйствія, пар. 24). Далѣе, когда человѣкъ можетъ извлекать или счастіе или безопасность изъ какого-нибудь предмета, принадлежащаго къ классу вещей, такая вещь называется его собственностью, или по крайней мѣрѣ говорится, что онъ имѣетъ въ ней интересъ: поэтому, преступленіе, стремящееся уменьшить легкость, съ которой бы онъ иначе извлекалъ свое счастіе или безопасность изъ предмета, принадлежащаго къ классу вещей,—можетъ быть названо преступленіемъ противъ его собственности. Относительно лицъ, человѣкъ можетъ извлекать счастіе или безопасность изъ этого класса предметовъ въ силу ихъ услугъ: въ силу тѣхъ услугъ, какія они, по тому или другому побужденію, могутъ быть расположены ему оказывать. Если мы возьмемъ для примѣра какого-нибудь человѣка, то какое бы то ни было расположеніе его оказывать вамъ услуги, или не имѣетъ для этого никакой другой связи, кромѣ той общей связи, которая привязываетъ его къ цѣлому виду, или имѣетъ какую-нибудь болѣе частную связь. Въ послѣднемъ случаѣ можно сказать, что такая связь составляетъ, въ вашу пользу, родъ фиктивнаго или безтѣлеснаго предмета собственности, который называется вашимъ положеніемъ (condition), т. е. вашимъ положеніемъ въ жизни. Поэтому преступленіе, стремящееся уменьшить легкость, съ которой бы вы иначе извлекали счастіе изъ услугъ лица, такимъ образомъ спеціально съ вами связаннаго, можетъ быть названо преступленіемъ противъ вашего житейскаго положенія, или просто положенія. Житейскія положенія очевидно должны быть столько же разнообразны, какъ тѣ отношенія, которыми они создаются. Дальше сказано будетъ объ этомъ подробнѣе. Покамѣстъ для примѣра могутъ служить положенія мужа, жены, родителя, ребенка, хозяина, слуги, гражданина того или другаго города, природнаго подданнаго той или другой страны.

Когда нѣтъ такой особенной связи, или (что одно и тоже) когда расположеніе человѣка оказывать вамъ какія-нибудь услуги не считается зависящимъ отъ такой связи, а только отъ его доброй воли относительно васъ, въ такомъ случаѣ, для выраженія того шанса, какой имѣете вы извлекать себѣ выгоды изъ его услугъ, предполагается родъ фиктивнаго предмета собственности, устроеннаго въ вашу пользу, и этотъ предметъ называется вашей репутаціей. Поэтому преступленіе, стремящееся уменьшить легкость, съ которой бы вы иначе извлекали счастіе или безопасность изъ услугъ какихъ-нибудь лицъ вообще, связанныхъ съ вами какими-нибудь спеціальными узами или нѣтъ, можетъ быть названо преступленіемъ противъ вашей репутаціи. Итакъ, если индивидуумъ терпитъ отъ какого-нибудь преступленія, онъ долженъ, кажется, терпѣть его въ одномъ изъ четырехъ упомянутыхъ выше пунктовъ, т. е. въ личности, собственности, житейскомъ положеніи и репутаціи. По этимъ источникамъ различія могутъ быть составлены столько же второстепенныхъ дѣленій. Если преступленіе касается лица больше чѣмъ въ одномъ изъ этихъ пунктовъ въ одно время, то такія преступленія могутъ быть подведены подъ столько же особыхъ дѣленій; и эти сложныя дѣленія можно присоединить къ предъидущимъ простымъ дѣленіямъ. Различныя дѣленія (простыя и сложныя вмѣстѣ), установленныя на указанномъ основаніи, суть слѣдующія: 1) Преступленія противъ личности. 2) Преступленія противъ репутаціи. 3) Преступленія противъ собственности. 4) Преступленія противъ житейскаго положенія. 5) Преступленія противъ личности и собственности вмѣстѣ. 6) Преступленія противъ личности и репутаціи вмѣстѣ.

XII.

Далѣе, полу-публичныя преступленія. Страданіе, разсматриваемое относительно времени акта, отъ котораго оно можетъ произойти, очевидно, должно быть или настоящее, или прошедшее, или будущее. Когда оно настоящее или прошедшее, оно не можетъ быть результатомъ акта, подходящаго подъ разрядъ полу-публичнаго преступленія: потому что, если оно настоящее или прошедшее, то индивидуумы, которые его испытываютъ или испытывали, могутъ быть указаны, извѣстны. Остается тотъ родъ вреда, который, если только ему предстоитъ существовать, есть еще вредъ будущій: вредъ, обставленный такимъ образомъ, называется опасностью. Далѣе, когда вслѣдствіе акта какого-нибудь лица подвергается опасности цѣлое сосѣдство, или другой классъ лицъ, эта опасность должна быть или намѣренной со стороны лица, или ненамѣренной. Въ случаѣ ненамѣренности, такая опасность, когда

она превращается въ дѣйствительный вредъ, называется бѣдствіемъ (calamity): преступленія, производящія такую опасность, можно назвать полу-публичными преступленіями, дѣйствующими посредствомъ бѣдствія; или короче, преступленіями посредствомъ бѣдствія. Когда опасность была намѣренная, такъ что могла произойти и превратиться въ дѣйствительный вредъ безъ участія какого-нибудь бѣдствія, о ней можно сказать, что она происходитъ изъ чистаго правонарушенія (delinquency): и преступленія, которыя безъ участія какого-нибудь бѣдствія стремятся произвести опасность, нарушающую безопасность мѣстныхъ жителей или другаго подчиненнаго класса лицъ, могутъ быть названы полу-публичными преступленіями, дѣйствующими посредствомъ чистаго правонарушенія, или короче, преступленіями чистаго правонарушенія.

XIII.

Что касается до дальнѣйшихъ подраздѣленій, преступленія посредствомъ бѣдствія зависятъ отъ разныхъ бѣдствій, которымъ подвержены человѣкъ и различныя полезныя для него вещи. Это будетъ разсмотрѣно въ другомъ мѣстѣ [1]).

XIV.

Полу-публичныя преступленія чистаго правонарушенія слѣдуютъ *тому же методу раздѣленія*, какой приложенъ къ преступленіямъ противъ индивидуумовъ. Легко видѣть, что какое бы страданіе или неудобство ни терпѣлъ данный индивидуумъ, опасности этого страданія или неудобства могутъ подвергаться очень многіе индивидуумы, которые могутъ быть указаны или извѣстны, или не могутъ. Но, какъ мы видѣли, есть четыре пункта, въ которыхъ индивидуумъ можетъ терпѣть страданіе или неудобство. Итакъ, если относительно котораго-нибудь изъ нихъ, связь причинъ и дѣйствій такова, что опасности потерпѣть въ этомъ пунктѣ подвергается, вслѣдствіе преступленія одного лица, значительное число лицъ, не извѣстныхъ индивидуально,—такой пунктъ составитъ основаніе для различеній, на которомъ можетъ быть установлено частное подраздѣленіе полу-публичныхъ преступленій: если относи-

---

[1]) Здѣсь для примѣра полу-публичныхъ преступленій укажемъ заразу. Человѣкъ, безъ всякаго намѣренія произвести подобное дѣйствіе, можетъ подвергнуть сосѣдство опасности этого бѣдствія, нарушая карантинъ, или нарушая какое-нибудь изъ другихъ предохранительныхъ мѣръ, которыя правительство можетъ, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, найти полезнымъ предпринять, для отвращенія подобной опасности. Б.

тельно какого-нибудь подобнаго пункта такого результата не бываетъ, это основаніе остается пока незанятымъ: но, при перемѣнѣ обстоятельствъ или во взглядѣ на вещи, оно готово будетъ принять соотвѣтствующее подраздѣленіе преступленій, еслибы только могло быть необходимо, чтобы подобныя преступленія были сдѣланы.

XV.

Мы переходимъ къ личнымъ (self-regarding) преступленіямъ, или вѣрнѣе, къ актамъ, производящимъ въ первой инстанціи только одинъ личный вредъ; актамъ, которые, если въ какомъ-нибудь смыслѣ могутъ быть сочтены за преступленія, подходятъ подъ разрядъ преступленій противъ самого себя. Этотъ классъ не представитъ намъ теперь большихъ заботъ. Потому что очевидно, что въ какихъ пунктахъ человѣкъ можетъ понести ударъ отъ руки другаго человѣка, въ тѣхъ же пунктахъ онъ можетъ понести его и отъ своей. Поэтому, всѣ дѣленія, служащія для перваго разряда, будутъ служить и для этого. Что касается до вопросовъ: Какіе акты производятъ вредъ этого рода? и между ними, какіе могутъ или не могутъ стоить того, чтобы принимать ихъ за преступленія? эти вопросы (по крайней мѣрѣ послѣдній) слишкомъ мало установлены и слишкомъ подлежатъ спору, чтобы объ нихъ можно было говорить съ той степенью увѣренности, какая предполагается въ изложеніи свойствъ, составляющихъ основу нашего распредѣленія. Для этой цѣли свойства должны разъясняться съ перваго взгляда и имѣть видъ вещей, не подлежащихъ спору.

XVI.

Публичныя преступленія могутъ быть раздѣлены на одиннадцать отдѣловъ [1]): 1) Преступленія противъ в н ѣ ш н е й безопасности. 2) Пре-

---

[1]) Въ этой части своего анализа, я нашелъ нужнымъ нѣсколько уклониться отъ строгихъ правилъ принятаго мной исчерпывающаго метода. Быть можетъ, этотъ методъ будетъ строже выполненъ мной, или кѣмъ-нибудь другимъ, въ болѣе зрѣломъ состояніи науки. Въ настоящее время польза, которая бы могла произойти отъ неослабнаго соблюденія его, казалась такъ сомнительна, что я не увѣренъ, вознаградитъ ли она время и трудъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой методъ чрезвычайно поучителенъ: но утомительный трудъ слѣдить за нимъ такъ великъ, не только для автора, но вѣроятно и для читателя, что еслибы довести эту первую попытку до ея послѣднихъ предѣловъ, это могло бы, быть можетъ, скорѣе помѣшать дѣлу — своей скукой, чѣмъ помочь ему—объясненіемъ предмета. Потому что знаніе, подобно лекарству, какъ ни спасительно оно само по себѣ, становится безполезно, когда дѣлается такъ невкусно, что его нельзя проглотить. Между тѣмъ для писателя, который

ступленія противъ юстиціи. 3) Преступленія противъ предупредительной вѣтви полиціи. 4) Преступленія противъ публичной силы. 5) Преступленія противъ положительнаго увеличенія національнаго благоденствія. 6) Преступленія противъ публичнаго богатства. 7) Преступленія противъ населенія. 8) Преступленія противъ національнаго богатства. 9) Преступленія противъ верховной власти. 10) Преступленія противъ религіи. 11) Преступленія противъ національнаго интереса вообще. Способъ, которымъ эти различные роды преступленій связаны другъ съ другомъ, и съ интересомъ публики, т. е. неопредѣленнаго количества лицъ, составляющихъ это общество,—можетъ быть опредѣленъ слѣдующимъ образомъ.

XVII.

Вредъ, который можетъ постигнуть интересъ публики, если только онъ производится, можетъ быть произведенъ или средствами вліянія на дѣйствія правительства, или другими средствами, безъ этого вліянія. Начнемъ съ послѣдняго случая: вредъ, какой бы то ни было, и кому бы то ни было, долженъ быть произведенъ или отдѣльной силой дѣйствующаго лица, или при помощи другихъ агентовъ. Въ послѣднемъ случаѣ эти агенты будутъ или лица, или вещи. Далѣе, лица будутъ или не члены этого общества, или члены его. Поэтому, вредъ, производимый при помощи лицъ, можетъ производиться съ помощью или внѣшнихъ или внутреннихъ противниковъ. Далѣе, когда онъ производится или собственной силой дѣйствующаго лица, или при помощи внутреннихъ противниковъ, или только съ помощью вещей, онъ рѣдко можетъ обнаруживаться въ иной формѣ (оставляя въ сторонѣ всякое вліяніе его на дѣйствія правительства), кромѣ формы — или преступленія противъ извѣстныхъ индивидуумовъ, или преступленія противъ мѣстныхъ жителей или другаго подчиненнаго класса лицъ. Если какимъ-нибудь изъ

чувствуетъ важность своего предмета и заботливо старается изложить его какъ слѣдуетъ, не можетъ не быть крайне тягостно—видѣть себя вынужденнымъ излагать то, чего ошибочность онъ замѣчаетъ, и имѣя предъ глазами, хотя бы и не совсѣмъ ясно, нѣчто болѣе совершенное. Если въ этомъ трудѣ есть что-нибудь новое и оригинальное, то я обязанъ этимъ тому исчерпывающему методу, къ которому я столько стремился. Неудивительно, поэтому, что я не могу оставлять его безъ большой неохоты. Съ другой стороны сухость и принужденность изложенія, которая безъ сомнѣніи замѣтна во многихъ мѣстахъ, главнымъ образомъ происходитъ отъ заботливаго, и не вполнѣ успѣшнаго, выполненія того же метода. Новыми инструментами рѣдко можно владѣть легко съ перваго раза. Б.

этихъ средствъ можетъ быть произведенъ вредъ индивидуумамъ, совершенно неизвѣстнымъ, онъ едвали окажется достаточно замѣтнымъ или важнымъ, чтобы получить особое названіе: онъ можетъ быть, слѣдовательно, отнесенъ къ смѣшанному отдѣлу преступленій, противъ національнаго интереса вообще. Единственный, нѣсколько значительный вредъ, который можетъ быть навлекаемъ на все число членовъ общества, есть тотъ смѣшанный родъ вреда, который происходитъ отъ военнаго положенія и производится при помощи внѣшнихъ противниковъ: напримѣръ, посредствомъ вызова ихъ, или приглашенія, или поощренія къ нападенью. Этимъ путемъ человѣкъ очень можетъ нанести вредъ, и вредъ очень тяжкій, цѣлому обществу вообще, и притомъ не принимая участія ни въ какихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ, какія вслѣдствіе этого падутъ на частныхъ индивидуумовъ.

Слѣдуетъ затѣмъ вредъ, который преступленіе можетъ принести обществу своимъ вліяніемъ на дѣйствія правительства. Это можетъ случиться, или: 1) Болѣе непосредственно, чрезъ вліяніе его на эти самыя дѣйствія; 2) Болѣе отдаленнымъ путемъ, чрезъ вліяніе его на тѣ орудія, которыми или съ помощью которыхъ эти дѣйствія должны совершаться; или 3) Еще болѣе отдаленнымъ путемъ, чрезъ вліяніе его на тѣ источники, изъ которыхъ должны быть извлечены эти орудія. Вопервыхъ, что касается до дѣйствій правительства, тенденція ихъ, насколько она согласна съ тѣмъ, какова она должна быть по принципу пользы, во всякомъ случаѣ состоитъ или въ отстраненіи отъ общества вреда, или въ увеличеніи суммы положительнаго блага. А вредъ, какъ мы видѣли, долженъ происходить отъ внѣшнихъ, или отъ внутреннихъ противниковъ, или отъ бѣдствій. Что касается до вреда отъ внѣшнихъ противниковъ, то онъ не требуетъ дальнѣйшаго дѣленія. Что касается вреда отъ внутреннихъ противниковъ, то средства, употребляемыя для его отвращенія, могутъ быть раздѣлены на такія, которыя употребляются прежде открытія какого-нибудь вреднаго замысла въ частности, и на такія, которыя могутъ быть употреблены только вслѣдствіе открытія подобныхъ замысловъ: первыя относятся обыкновенно къ той вѣтви, которая можетъ быть названа предупредительной вѣтвью полиціи; послѣднія—къ юстиціи. Вовторыхъ. Что касается до орудій, которыми можетъ дѣйствовать правительство въ отвращеніи зла или въ произведеніи положительнаго блага, этими орудіями должны быть или лица или вещи. Тѣ орудія, которыя имѣютъ особенное назначеніе охранять общество отъ вреда со стороны противниковъ вообще, но въ особенности отъ внѣшнихъ противниковъ, могутъ быть отдѣлены отъ остальныхъ подъ собирательнымъ названіемъ публичной военной силы,

или короче военной силы. Остальныя орудія могутъ быть обозначены собирательнымъ названіемъ публичнаго богатства. Втретьихъ. Что касается источниковъ, изъ которыхъ должны быть увеличены эти орудія, каково бы ни было ихъ употребленіе, тѣ изъ этихъ источниковъ, которые подходятъ подъ разрядъ лицъ, должны быть изъяты изъ цѣлаго числа лицъ въ обществѣ, т. е. изъ цѣлаго населенія государства; такъ что, чѣмъ больше населеніе, тѣмъ больше можетъ быть, caeteris paribus, эта вѣтвь народнаго богатства; и чѣмъ меньше, тѣмъ меньше. Такимъ же образомъ тѣ, которые подходятъ подъ разрядъ вещей, могутъ быть, и большей частью бываютъ, изъяты изъ всей суммы этихъ вещей, состоящихъ изъ отдѣльной собственности различныхъ членовъ общества: сумма этой собственности можетъ быть названа національнымъ богатствомъ: такъ, что чѣмъ больше національное богатство, тѣмъ больше, caeteris paribus, можетъ быть эта остальная вѣтвь національнаго богатства; и чѣмъ меньше, тѣмъ меньше. Надобно замѣтить здѣсь, что если вліяніе, производимое индивидуумомъ по какому-нибудь случаю на дѣйствія правительства, бываетъ вредно, это происходитъ однимъ изъ двухъ способовъ: 1) причиняя, или стремясь причинить то, чтобы не исполнялись тѣ дѣйствія, которыя должны бы исполняться; другими словами, мѣшая дѣйствіямъ правительства; или 2) Причиняя то, чтобы совершались такія дѣйствія, которыя не должны бы совершаться; другими словами, дурно направляя ихъ. Наконецъ, то цѣлое собраніе лицъ, которыя совершаютъ различныя вышеупомянутыя политическія дѣйствія, называется собирательнымъ именемъ правительства. Въ числѣ этихъ лицъ бываетъ обыкновенно какое-нибудь одно лицо, или корпорація лицъ, занятіе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы указывать остальнымъ ихъ особыя должности, направлять поведеніе каждаго при исполненіи принадлежащаго ему особаго рода дѣйствій, и даже при случаѣ исполнять вмѣсто него эту должность. Когда бываетъ такое одно лицо, или корпорація лицъ, то оно или она, смотря по складу фразы, можетъ назваться государемъ или верховной властью (sovereign, sovereignty). Отсюда очевидно, что мѣшать дѣйствіямъ такой верховной власти, или давать имъ дурное направленіе, можетъ значить—мѣшать, или давать дурное направленіе, разнымъ частямъ правительства.

Изъ этого анализа, гдѣ представлена связь между различными упомянутыми выше отдѣлами преступленій, мы можемъ теперь извлечь опредѣленія для каждой отдѣльной статьи. Подъ преступленіями противъ внѣшней безопасности можно понимать такія преступленія, которыя стремятся принести публикѣ вредъ, происходящій отъ

враждебныхъ дѣйствій иноземныхъ противниковъ. Подъ преступленіями противъ юстиціи—такія преступленія, которыя стремятся препятствовать или давать дурное направленіе дѣйствіямъ власти, употребляемой для охраненія публики противъ вреда отъ нарушеній закона внутренними противниками,—насколько это можетъ быть сдѣлано средствами, принимаемыми только послѣ открытія какого-нибудь замысла изъ того разряда, какой эти средства должны предотвращать. Подъ преступленіями противъ предупредительной вѣтви полиціи—такія преступленія, которыя стремятся противодѣйствовать или давать дурное направленіе дѣйствіямъ власти, употребляемой для охраненія отъ вреда вслѣдствіе нарушенія закона внутренними противниками, средствами, принимаемыми прежде открытія; или той власти, которая употребляется для охраненія противъ вреда, могущаго произойти отъ физическихъ бѣдствій. Подъ преступленіями противъ публичной силы—такія преступленія, которыя стремятся препятствовать или давать дурное направленіе дѣйствіямъ власти, предназначенной охранять публику противъ вреда, могущаго произойти отъ враждебныхъ дѣйствій внѣшнихъ противниковъ, и, въ случаѣ необходимости, при безсиліи исполнителей юстиціи, противъ вреда того разряда, какой происходитъ отъ нарушенія закона внутренними противниками. Подъ преступленіями противъ увеличенія національнаго благоденствія — такія преступленія, которыя стремятся мѣшать или давать дурное примѣненіе дѣйствіямъ властей, употребляемымъ для веденія различныхъ учрежденій, которыя разсчитаны, каждое своимъ путемъ, положительно увеличивать запасъ публичнаго благоденствія. Подъ преступленіями противъ публичнаго богатства—такія которыя стремятся уменьшить количество или дать дурное направленіе употребленію денегъ и другихъ предметовъ богатства, служащихъ правительству фондомъ, откуда можетъ быть заимствованъ запасъ орудій, употребляемыхъ для вышеозначенныхъ цѣлей. Подъ преступленіями противъ народонаселенія—такія которыя стремятся уменьшить число, или нанести ущербъ политическому значенію всей суммы членовъ общества. Подъ преступленіями противъ національнаго богатства—такія преступленія, которыя стремятся уменьшить количество, или повредить значенію вещей, составляющихъ отдѣльную собственность или имущество разныхъ членовъ общества.

XVIII.

Можно спросить, какое же мѣсто оставлено въ этомъ выводѣ для религіи? Мы теперь увидимъ это. Для подавленія разныхъ родовъ

перечисленныхъ выше преступленій, т. е. для подавленія всѣхъ преступленій (не исключая и тѣхъ, какія мы будемъ теперь разсматривать), совершеніе которыхъ лежитъ въ природѣ человѣка, государство имѣетъ двѣ великія машины, **наказаніе** и **награду**: наказаніе, которое можетъ прилагаться ко всѣмъ и при всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ; награду, которая прилагается къ немногимъ, для особенныхъ цѣлей и при чрезвычайныхъ случаяхъ. Но когда человѣкъ сдѣлалъ или не сдѣлалъ актъ, заслуживающій наказанія или награды, глаза тѣхъ, кому ввѣрено управленіе этими машинами, не всегда могутъ увидѣть его, или, если должно быть употреблено наказаніе, ихъ руки не всегда могутъ навѣрное достать его. Для пополненія этого недостатка относительно власти служитъ народное вѣрованіе въ существованіе власти, которая можетъ дѣйствовать для тѣхъ же цѣлей и не подвержена этимъ недостаткамъ:—власти высшаго невидимаго Существа, которой приписывается расположеніе содѣйствовать тѣмъ же цѣлямъ, для содѣйствія которымъ разсчитаны разныя упомянутыя выше учрежденія.... Ожидается конечно, что эта власть, въ то или другое время, будетъ употреблена на достиженіе этихъ цѣлей; и сохраненіе и усиленіе этого ожиданія между людьми считаются вообще предметомъ дѣятельности **религіи**. Такимъ образомъ, уменьшить или дурно примѣнить вліяніе религіи значитъ **pro tanto** уменьшить или дурно примѣнить ту власть, которую имѣетъ государство для успѣшнаго подавленія разныхъ упомянутыхъ выше родовъ преступленій, т. е. всѣхъ преступленій вообще. Акты, представляющіе подобное стремленіе, называются преступленіями противъ религіи. Изъ нихъ можетъ, слѣдовательно, составиться десятый отдѣлъ разряда преступленій противъ государства.

XIX.

Если оказываются акты, которые представляются способными повредить государству какимъ-нибудь изъ упомянутыхъ выше способовъ,—дѣйствуя въ ущербъ внѣшней безопасности государства или его внутренней безопасности; его публичной силы; увеличенія національнаго благоденствія; публичнаго богатства; національнаго населенія; національнаго богатства; верховной власти; религіи,—и если притомъ не ясно ни то, какимъ изъ этихъ способовъ они нанесутъ ущерба больше, ни то, что, смотря по обстоятельствамъ, они нанесутъ его только тѣмъ или другимъ способомъ:—такіе акты могутъ быть собраны вмѣстѣ подъ особый смѣшанный отдѣлъ, и названы преступленіями противъ національнаго интереса вообще. Изъ нихъ можетъ, слѣдовательно, составиться одиннадцатый и послѣдній отдѣлъ разряда преступленій противъ государства.

XX.

Мы переходимъ теперь къ пятому разряду, состоящему изъ многообразныхъ преступленій. Какъ уже было указано, это или преступленія посредствомъ обмана, или преступленія относительно довѣрія. Въ отдѣлъ первыхъ могутъ быть отнесены: 1) Простые обманы. 2) Подлогъ. 3) Принятіе на себя чужаго имени. 4) Ложная клятва. Обратимъ вниманіе на то, въ какихъ подробностяхъ эти роды обмана сходны и въ чемъ они различны.

XXI.

Преступленія посредствомъ обмана, хотя различныя въ другихъ подробностяхъ, сходны въ томъ, что они состоятъ въ какомъ-нибудь злоупотребленіи способностью разговора, или скорѣе, какъ мы увидимъ дальше, способностью дѣйствовать на чувство вѣры въ другихъ людяхъ посредствомъ разговора или иначе. Разговоръ вообще служитъ затѣмъ, чтобы дѣйствовать на вѣру, и притомъ такимъ образомъ, чтобы заставлять людей думать, что вещи—таковы, какъ онѣ есть на дѣлѣ. Всякаго рода обманы сходны въ томъ, что они заставляютъ людей думать, что вещи не таковы, каковы онѣ есть на дѣлѣ.

XXII.

Принятіе на себя чужаго имени, подлогъ и ложная клятва отличаются отъ другихъ способовъ обмана нѣкоторыми спеціальными обстоятельствами. Когда обманъ не сопровождается никакимъ изъ этихъ спеціальныхъ обстоятельствъ, онъ можетъ назваться простымъ обманомъ. Эти обстоятельства слѣдующія: 1) Форма, въ которой обманъ совершается; 2) То обстоятельство, относится ли онъ или нѣтъ къ тожеству лица того, кто его совершаетъ; 3) Торжественность случая, по которому онъ совершается. Особенное приложеніе этихъ отличительныхъ чертъ можетъ быть болѣе удобно изложено въ другомъ мѣстѣ.

XXIII.

Мы переходимъ теперь къ подраздѣленіямъ преступленій посредствомъ обмана. Они возвращаютъ насъ опять къ правильному пути анализа, которому мы слѣдовали, безъ отступленій, въ четырехъ предъидущихъ разрядахъ.

Какими бы средствами вредъ ни былъ произведенъ, и былъ ли обманъ въ числѣ этихъ средствъ или нѣтъ, индивидуумы, имъ постигаемые, должны быть или извѣстные (т. е. узнаваемые) или неизвѣстные. Если они извѣстны, то они могутъ быть постигнуты вредомъ только въ четырехъ важныхъ пунктахъ, именно въ ихъ личности, собственности, репутаціи и житейскомъ положеніи. Дѣло стоитъ такъ же, когда инди-

видуумы, хотя и неизвѣстные, могутъ быть отнесены въ какой-нибудь классъ, подчиненный цѣлому количеству членовъ государства. Если обманъ стремится къ ущербу для цѣлаго государства, онъ можетъ дѣйствовать при этомъ только въ томъ или другомъ изъ тѣхъ характеровъ, какой долженъ принять всякій актъ, составляющій преступленіе противъ государства; т. е. въ характерѣ преступленія противъ внѣшней безопасности, противъ юстиціи, противъ предупредительной вѣтви полиціи, противъ публичной силы, противъ увеличенія національнаго благоденствія, противъ публичнаго богатства, противъ національнаго населенія, противъ національнаго богатства, противъ верховной власти государства, или противъ религіи.

XXIV.

Такимъ образомъ преступленія, принадлежащія къ этому отдѣлу, имѣютъ то общее свойство, что стоятъ на томъ же самомъ основаніи, которое занимаютъ преступленія предъидущихъ разрядовъ. Но, какъ мы увидимъ, нѣкоторыя изъ нихъ способны, при разныхъ случаяхъ, терять или измѣнять тѣ имена, которыя приводятъ ихъ въ этотъ отдѣлъ: это бываетъ въ особенности съ простыми обманами. Другіе удерживаютъ свои названія безъ перемѣны, и даже пересиливаютъ имена, которыя могли бы иначе принадлежать обозначаемымъ ими преступленіямъ: главнымъ образомъ, это бываетъ въ принятіи чужаго имени, въ подлогѣ и ложной клятвѣ. Итакъ, когда вмѣшивается это обстоятельство обмана, въ нѣкоторыхъ случаяхъ получаетъ верхъ то имя, которое обозначаетъ преступленіе по его результатамъ; въ другихъ—то, которое обозначаетъ какъ бы средство или орудіе, съ помощью котораго преступленіе совершено. Если мы возьмемъ обманъ самъ по себѣ, будемъ разсматривать его какъ не сопровождаемый никакими другими важными обстоятельствами, и слѣдовательно не производящій никакихъ важныхъ результатовъ,—обманъ, по принципу пользы, вовсе не можетъ составлять никакого преступленія. Но когда онъ соединяется съ другими обстоятельствами, то едва ли есть какой-нибудь вредный результатъ, которому бы онъ не могъ способствовать. Поэтому, если обманы упоминаются подъ именемъ и въ смыслѣ особыхъ преступленій, это бываетъ скорѣе изъ уступчивости къ законамъ языка, чѣмъ по соображенію самой вещи. Это могло бы быть довольно ясно, еслибы теперь было время входить въ подробности: но, если соблюдать какой-нибудь порядокъ, то мы можемъ сдѣлать это только тогда, когда представимъ предварительно низшія дѣленія этихъ другихъ разрядовъ.

XXV.

Переходимъ теперь къ преступленіямъ противъ довѣрія. Довѣ-

ріе (trust) бываетъ тамъ, гдѣ одна сторона, пользуясь какой-нибудь властью или принадлежащимъ ей правомъ, бываетъ обязана совершить какой-нибудь частный актъ въ пользу другой стороны. Или, полнѣе, такимъ образомъ: Одна сторона называется облеченной довѣріемъ, когда, будучи облечена какой-нибудь властью или правомъ, обязывается въ силу этой власти или этого права къ извѣстному поведенію для блага или для прибыли какой-нибудь другой стороны. Въ такомъ случаѣ, первая упомянутая сторона называется довѣренной (trustee); для другой стороны еще не было найдено названія: за недостаткомъ его можно назвать ее стороной, имѣющей получить благо или прибыль (party tobe benefited).

Довѣренная сторона называется также облеченной довѣріемъ, обязанной исполнить данное ей довѣріе и т. п.

XXVI.

Случается, что довѣріе часто считается родомъ житейскаго положенія, что о немъ говорятъ такъ же, какъ объ родѣ собственности: и что въ томъ же смыслѣ говорится о самомъ положеніи. Можно думать, поэтому, что въ первомъ разрядѣ, отдѣлъ преступленій противъ житейскаго положенія долженъ бы быть включенъ въ отдѣлъ преступленій противъ собственности: и что во всякомъ случаѣ, тотъ отдѣлъ занимающаго насъ теперь пятаго разряда, который заключаетъ преступленія противъ довѣрія, долженъ бы быть включенъ въ тотъ или другой изъ этихъ двухъ отдѣловъ перваго разряда. Но по изслѣдованіи дѣла окажется, что не было бы удобно, и быть можетъ даже не было бы правильно, отнести какой-либо изъ этихъ отдѣловъ въ какой-нибудь изъ двухъ другихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ окажется также, что между всѣми ими существуетъ тѣсная связь: такъ что каждый изъ нихъ можетъ въ значительной степени служить образцомъ для другаго, относительно списка принадлежащихъ къ нимъ преступленій. Есть извѣстныя преступленія, которымъ подвергается всякаго рода довѣріе, какъ довѣріе: окажется, что всѣмъ этимъ преступленіямъ подвержено и всякаго рода житейское положеніе: и въ тоже время эти особенные виды преступленій противъ довѣрія, по своему примѣненію къ частнымъ положеніямъ, получатъ различныя частныя наименованія. Такимъ образомъ окажется, что изъ двухъ группъ преступленій, на которыя естественно будутъ распадаться преступленія противъ довѣрія, есть только одна, которой подвергается собственность, взятая въ ея ближайшемъ и болѣе ограниченномъ смыслѣ; и что эти преступленія, въ своемъ приложеніи къ предмету собственности, способны будутъ къ различнымъ видоизмѣненіямъ, для которыхъ требованія языка и представляющійся слу-

чай отличить ихъ для изложенія, дѣлаютъ и необходимымъ найти названія.

Вопервыхъ, какъ есть, или по крайней мѣрѣ какъ могутъ быть (мы увидимъ это дальше) положенія, которыя не суть довѣрія, такъ есть и довѣрія, идея которыхъ не могла бы легко и естественно войти въ слово положенія: прибавимъ къ этому, что изъ тѣхъ положеній, которыя включаютъ довѣріе, большая доля включаетъ вмѣстѣ съ нимъ и другіе ингредіенты: такъ что, если съ одной стороны идея положенія идетъ дальше идеи довѣрія, то съ другой стороны она уступаетъ ей. Изъ разныхъ родовъ довѣрія наиболѣе важны тѣ, въ которыхъ роль стороны, получающей благо, занимаетъ публика. И эти роды довѣрія, кажется, едва ли бы представились мысли съ перваго раза при словѣ положеніе. Во всякомъ случаѣ, и это главное, важнѣйшія изъ преступленій противъ этаго рода довѣрія, кажется, не могутъ быть включены въ отдѣлъ преступленій противъ положенія. Преступленія, разсматриваемыя подъ этимъ послѣднимъ названіемъ, могли бы являться съ этимъ названіемъ, кажется, только тогда, когда они являются затрогивающими интересы индивидуума: того, напримѣръ, который считается имѣющимъ это положеніе. Но въ преступленіяхъ противъ общественнаго довѣрія важнѣйшую часть ихъ вредной тенденціи составляетъ ихъ вліяніе на общественные интересы; а то вліяніе, которое они имѣютъ на интересы индивидуума,—единственная часть ихъ вліянія, которой бы можно было придать названіе преступленія противъ положенія, — является сравнительно ничтожно. Слово «довѣріе» тотчасъ направляетъ наше вниманіе на интересы той стороны, отъ которой лицо (о которомъ идетъ рѣчь) является довѣреннымъ: и если этой сторонѣ мы придадимъ эпитетъ «общественной», то подъ ней тотчасъ понимается извѣстное общество, состоящее изъ цѣлаго собранія или изъ неопредѣленной части цѣлаго собранія членовъ государства. Идея, представляемая словами общественное довѣріе, ясна и не двусмысленна: и если выражать ее словами общественное положеніе, это будетъ только темная и двусмысленная форма для этой идеи. Поэтому, главная часть преступленій, включаемыхъ въ разрядъ преступленій противъ довѣрія, кажется, не должна быть включена въ отдѣлъ преступленій противъ положенія.

Довольно очевидно, что по той же причинѣ они не должны быть включаемы и въ отдѣлъ преступленій противъ собственности. Было бы нелѣпо и показывало бы полную невнимательность къ руководящему принципу цѣлаго нашего труда, принципу пользы, взять самую вредную и наиболѣе возбуждающую тревогу часть преступленій, нарушаю-

щихъ благосостояніе общества, и внести ихъ насильственно въ списокъ преступленій противъ собственности индивидуума; т. е. того индивидуума, который въ этомъ случаѣ считался бы имѣющимъ собственность того общественнаго довѣрія, которое нарушается разбираемымъ преступленіемъ.

Не менѣе неправильно было бы включить всѣ положенія въ отдѣлъ собственности, и затѣмъ, слѣдовательно, весь каталогъ преступленій противъ положенія включить въ каталогъ преступленій противъ собственности. Правда, что есть преступленія противъ положенія, которыя, быть можетъ, столько же справедливо и безъ всякаго измѣненія въ своей природѣ могутъ приниматься въ смыслѣ преступленій противъ собственности: такъ обширны и такъ неопредѣленны идеи, которыя обыкновенно соединяются съ этими двумя предметами. Но есть другія преступленія, которыя хотя и могутъ быть безспорно относимы къ отдѣлу преступленій противъ положенія, не могутъ, безъ крайняго насилія языку, быть отнесены въ отдѣлъ преступленій противъ собственности. Собственность, разсматриваемая относительно собственника, предполагаетъ неизмѣнно прибыль (benefit), и ничего больше; какія бы обязательства и тягости ни были къ ней привязаны, по какому-нибудь случаю, сама по себѣ она не можетъ быть иначе какъ прибыльной. Со стороны собственника, она создается не какими-нибудь приказаніями, которыя налагаются на него, но тѣмъ, что ему предоставляется свобода дѣлать съ той или другой вещью что̀ ему вздумается. Обязательства, которыми она создается, лежатъ во всякомъ случаѣ на другихъ людяхъ. Съ другой стороны, что касается до положеній, то бываютъ разныя положенія смѣшаннаго свойства, приносящія тому, кто ими владѣетъ, и прибыль, и тягости, — какъ это и бываетъ въ тѣхъ положеніяхъ, которыя всего чаще называются этимъ именемъ и которыя всего больше выставляются на видъ.

Есть даже такія положенія, которыя не приносятъ ничего кромѣ тягостей, безъ всякой искры прибыли. Поэтому, когда между двумя сторонами бываетъ такое отношеніе, что одна стоитъ къ другой на мѣстѣ объекта собственности, слово собственность прилагается только на одной сторонѣ; но слово положеніе примѣняется одинаково къ обѣимъ: только объ одной изъ сторонъ говорится по этому случаю, что она владѣетъ собственностью; но объ обѣихъ одинаково говорится, что онѣ владѣютъ положеніемъ: только хозяинъ считается владѣющимъ собственностью, объектомъ которой бываетъ слуга, въ силу услугъ, которыя онъ обязанъ оказывать; но и о слугѣ, и о хозяинѣ одинаково говорится, что они владѣютъ положеніемъ.

Дѣло въ томъ, что если только о положеніи человѣка говорится, что оно составляетъ предметъ его собственности, то это говорится въ такомъ же неясномъ и неопредѣленномъ смыслѣ слова, въ какомъ всякое другое преступленіе, какое только можно представить, можетъ быть засчитано въ списокъ преступленій противъ собственности. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы вездѣ, гдѣ употребляется фраза объектъ собственности, языкъ былъ достаточно прозраченъ и могъ указать подъ этимъ названіемъ матеріальное и дѣйствительно существующее тѣло, лицо или вещь, служащія для тѣхъ актовъ, совершеніе которыхъ составляетъ такъ называемое пользованіе собственностью; еслибы, однимъ словомъ, въ значеніи, даваемомъ фразѣ объектъ собственности, это слово употреблялось именно только для обозначенія дѣйствительнаго объекта, — то этой трудности и путаницы не было бы вовсе. Но значеніе фразы объектъ собственности и, вслѣдствіе того, значеніе слова собственность, получили гораздо болѣе обширный объемъ. Почти во всѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ дѣлаетъ что-нибудь для прибыли или выгоды человѣка, люди бываютъ склонны говорить такъ, какъ будто законъ сообщаетъ этимъ человѣку родъ собственности. Въ тоже время, въ нѣкоторыхъ случаяхъ по той или другой причинѣ было неудобно, или непріятно, называть объектомъ своей собственности ту вещь, въ которой имѣютъ свой конецъ тѣ акты, совершеніе которыхъ составляетъ пользованіе собственностью, или то лицо, въ которомъ эти акты имѣютъ свое начало. А между тѣмъ абсолютно требовалось что-нибудь, что́ можно было бы называть этимъ именемъ [1]). Средствомъ для

[1]) Надобно замѣтить, что, въ обыкновенномъ языкѣ, во фразѣ объектъ собственности человѣка, слово объектъ обыкновенно выбрасывается; и посредствомъ этого эллипсиса, который при всей своей насильственности теперь для насъ привычнѣе, чѣмъ цѣлая длинная фраза, — часть этой фразы, состоящая изъ словъ собственность человѣка, вынуждена выполнять обязанность цѣлой фразы. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ акты, о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ быть совершены только надъ частью объекта: и сказать при этомъ случаѣ, что объектъ былъ собственность какого-нибудь человѣка, значило бы говорить, что эти акты могутъ быть совершаемы надъ всякой частью. Въ другихъ случаяхъ надъ объектомъ могутъ быть совершаемы только извѣстные частные акты и сказать объ этомъ объектѣ, что онъ есть собственность человѣка, значило бы говорить, что надъ нимъ могутъ быть совершаемы всякіе акты, какіе угодно. Иногда акты, о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ быть исполнены только въ будущемъ времени, да и тогда, быть можетъ, въ томъ только случаѣ, еслибы произошло какое-нибудь частное событіе, совершеніе котораго неизвѣстно: и сказать объ этомъ объектѣ, что онъ есть собственность человѣка, значило бы говорить,

этого и было — создать, для каждаго случая, какъ-бы извѣстную идеальную сущность, и присвоить человѣку эту идеальную сущность какъ предметъ собственности: это и есть тотъ разрядъ объектовъ, которому юридическіе теоретики, имѣя въ виду дѣйствія закона, дали современемъ названіе невещественныхъ или нетѣлесныхъ (incorporeal) объектовъ собственности. Эти нетѣлесные объекты въ высшей степени разнообразны. Воображаемыя сущности этого рода подѣланы были почти изъ каждой вещи; въ этомъ числѣ были нетолько положенія (включая сюда и довѣріе), но даже и репутація. Съ этой точки зрѣнія разсматривалась даже и свобода: и хотя во многихъ случаяхъ она противополагается собственности, но въ другихъ случаяхъ, считаясь въ каталогѣ владѣній, она считалась кажется вѣтвью собственности. Правда, нѣкоторыя изъ этихъ примѣненій словъ собственность, объектъ собственности (напр. послѣднее примѣненіе) считаются болѣе фигуральными и менѣе собственными или прямыми, чѣмъ остальныя: но такъ какъ на самомъ дѣлѣ они всѣ не представляютъ прямаго значенія, гдѣ непосредственный объектъ нетѣлесный, то едвали возможно гдѣ-нибудь провести черту между ними.

Несмотря на всю обширность значенія этихъ словъ, все-таки въ числѣ отношеній, въ силу которыхъ о васъ говорятъ, что вы владѣете положеніемъ, есть по крайней мѣрѣ одно, о которомъ при всѣхъ натяжкахъ едвали можно сказать, что оно дѣлаетъ другаго человѣка, или другую вещь, объектомъ вашей собственности. Это—право оставаться при какомъ-нибудь извѣстномъ дѣйствіи, напр. при извѣстномъ ремеслѣ. Чтобы дать вамъ это право, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, закону не нужно дѣлать ничего, кромѣ какъ воздержаться отъ запрещенія вамъ заниматься этимъ

что упомянутые акты могутъ быть совершены надъ нимъ во всякое время. Иногда, объектомъ, на которомъ разбираемые акты оканчиваются или начинаются, бываетъ человѣческое существо: и говорить о человѣческомъ существѣ, какъ о собственности другаго человѣка, непріятно поражало бы уши вездѣ, кромѣ только странъ, гдѣ рабство установлено закономъ и нравами, да и тамъ поражало бы непріятно, еслибы это примѣнялось не именно къ рабамъ, а къ людямъ другаго общественнаго положенія. У древнихъ Римлянъ, дѣйствительно, жена даже была собственностью своего мужа; ребенокъ — собственностью отца; слуга — собственностью хозяина. У цивилизованныхъ націй новѣйшаго времени два первые рода собственности совершенно прекратились; а послѣдній, къ сожалѣнію еще непрекратившійся, склоняется впрочемъ, какъ можно надѣяться, къ своему прекращенію. Теперь, собственность мужа есть общество его жены (consortium, по англійскому закону); собственность отца — опека надъ дѣтьми и ихъ услуги; собственность хозяина — услуги его слуги. Б.

ремесломъ. Еслибы законъ пошелъ дальше, и для того, чтобы дать вамъ возможность заниматься вашимъ ремесломъ съ большей выгодой, запретилъ это ремесло другимъ, тогда, конечно, нашлись бы люди, которые въ извѣстномъ смыслѣ, и скорѣе въ натянутомъ, чѣмъ въ прямомъ значенiи слова, могли бы назваться предметомъ вашей собственности; т. е. потому, что были бы принуждены оказывать вамъ тотъ родъ отрицательной услуги, который состоитъ въ воздержанiи отъ такихъ актовъ, какiе уменьшили бы вашу прибыль отъ вашего ремесла. Но обыкновенное право заниматься какимъ-нибудь ремесломъ, когда оно не составляетъ предмета монополiи, не предполагаетъ ничего подобнаго; и все-таки, когда человѣкъ владѣетъ этимъ правомъ, о немъ говорятъ, что онъ владѣетъ положенiемъ, и нарушенiе этого права называется нарушенiемъ его положенiя.

Изъ всего сказаннаго видно, что должны быть случаи, гдѣ, по обычаю языка, одно и то же преступленiе можетъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ видомъ правильности, быть отнесено безразлично и въ отдѣлъ преступленiй противъ положенiя, и въ отдѣлъ преступленiй противъ собственности. Въ такихъ случаяхъ для того, чтобы провести черту между ними, можетъ служить слѣдующее правило. Вездѣ, гдѣ, въ силу вашего владѣнiя собственностью или въ силу того, что вы составляете объектъ собственности для другаго, вы по обычаю языка получаете какое-нибудь особое отличительное имя, какъ напр. имя хозяина, слуги, мужа, жены, управляющаго, агента, повѣреннаго и т. п.,— вездѣ въ этихъ случаяхъ можетъ быть употреблено слово положенiе, которое и исключало бы слово собственность; и преступленiе, въ которомъ вы, въ силу какого-нибудь подобнаго отношенiя, замѣшаны или въ качествѣ преступника, или въ качествѣ страдающей стороны, можетъ быть отнесено въ разрядъ преступленiй противъ положенiя, а не въ разрядъ преступленiй противъ собственности. Возьмемъ примѣръ: будучи обязаны, въ качествѣ сельскаго смотрителя, предъ извѣстнымъ лицомъ, посмотрѣть за починкой моста, вы не дѣлаете этого: такъ какъ въ этомъ случаѣ услуги, лежащiя на васъ, принадлежатъ къ числу тѣхъ, по которымъ сторона, несущая эти услуги, получаетъ извѣстное генерическое имя, т. е. имя сельскаго смотрителя, то преступленiе, состоящее въ неоказанiи этихъ услугъ, можетъ быть отнесено въ разрядъ преступленiй противъ положенiя. Но предположимъ, что вы не обязаны тѣмъ общимъ и смѣшаннымъ родомъ услугъ, который бы далъ вамъ относительно другаго лица названiе его сельскаго смотрителя, а что вы, по обычаю или по контракту, обязались оказать ему тотъ одинъ родъ услуги, который состоитъ въ надзо́рѣ, вашемъ или чьемъ

другомъ, за починкой этого моста: въ этомъ случаѣ, такъ какъ нѣтъ такого обычнаго наименованія, къ которому бы вы могли быть причислены въ силу этого послѣдняго обязательства (замѣтимъ, что здѣсь нѣтъ рѣчи объ архитекторѣ, каменьщикѣ и т. п.), то преступленіе, которое вы совершаете неоказаніемъ услугъ, не можетъ быть правильно отнесено въ разрядъ преступленій противъ положенія: поэтому, оно можетъ быть отнесено только въ разрядъ преступленій противъ собственности.

Для дальнѣйшаго различенія можно замѣтить, что когда (въ силу обязательства человѣка оказывать извѣстныя услуги, или обязательства другихъ оказывать услуги ему) говорится о человѣкѣ, что онъ владѣетъ положеніемъ, то вся масса услугъ обыкновенно такъ значительна, по своей продолжительности, что составляетъ значительно длинный рядъ услугъ, которыя могутъ притомъ измѣняться и повторяться при разнообразіи случаевъ къ этому: и въ большей части случаевъ, когда положеніе бываетъ не домашняго свойства, эти услуги бываютъ иногда въ пользу одного лица, иногда въ пользу другаго. Услуги, которыя оказываются частному лицу по частному случаю, особенно если онѣ бываютъ короткія по времени, рѣдко даютъ поводъ говорить о той или другой сторонѣ, какъ о владѣющей положеніемъ. Частныя случайныя услуги, которыя одинъ человѣкъ бываетъ обязанъ, по контракту или иначе, оказывать другому, безконечно разнообразны; но количество положеній, имѣющихъ названія, можетъ быть сосчитано и сравнительно ихъ немного.

Если за всѣмъ тѣмъ, несмотря на данное здѣсь правило для отдѣленія положеній отъ предметовъ собственности, представится какой-нибудь предметъ, который повидимому одинаково правильно могъ бы быть отнесенъ и въ тотъ и въ другой отдѣлъ, это неудобство было бы не существенно; потому что въ такихъ случаяхъ, какъ мы увидимъ немного далѣе, какое бы названіе ни было принято, списокъ преступленій, которымъ подвергается объектъ, остался бы въ сущности тотъ же самый.

Объяснивъ эти затрудненія, мы представимъ теперь аналитическій обзоръ разныхъ возможныхъ преступленій противъ довѣрія.

XXVII.

Преступленія противъ довѣрія могутъ быть раздѣлены, вопервыхъ, на такія, которыя относятся къ существованію довѣрія въ рукахъ того или другаго лица, и на такія, которыя относятся къ исполненію принадлежащихъ къ довѣрію функцій. Итакъ, вопервыхъ, о преступле-

ніяхъ, относящихся къ существованію довѣрія. Преступленіе этого рода, какъ и всякое другое, если только оно есть преступленіе, должно приносить ущербъ тому или другому лицу. Этотъ ущербъ можетъ быть раздѣленъ на двѣ вѣтви: 1) тотъ ущербъ, который можетъ пасть на лица, которыя облечены или должны бы быть облечены довѣріемъ; 2) тотъ, который можетъ пасть на лица, въ чью пользу оно установлено или должно бы быть установлено, или на другія лица вообще. Начнемъ съ первой изъ этихъ вѣтвей. Представимъ себѣ какое-нибудь довѣріе. По своему свойству оно должно производить для его владѣльца извѣстныя послѣдствія, и эти послѣдствія, насколько они имѣютъ существенную важность [1]), должны быть или выгодны или невыгодны для него: если, и насколько, они выгодны, то довѣріе можетъ считаться прибылью (benefit) или привилегіей; если, и насколько, они невыгодны, довѣріе можетъ считаться тягостью [2]). Разсмотримъ его съ точки зрѣнія прибыли. Довѣріе бываетъ или изъ числа тѣхъ, какія могутъ существовать по закону [3]); т. е. тѣхъ, какія законодатель счи-

[1]) См. гл. VII (Дѣйствія), пар. 3.

[2]) Когда послѣдствія довѣрія бываютъ выгодны, это бываетъ естественно по той власти или тѣмъ правамъ, которыя соединяются съ довѣріемъ; невыгодны они бываютъ по причинѣ обязанностей.

[3]) Можетъ показаться какъ будто нѣкоторымъ анахронизмомъ то, что мы говоримъ въ настоящемъ случаѣ о довѣріи, положеніи или другомъ владѣніи въ такомъ смыслѣ, что человѣкъ можетъ или не можетъ имѣть ихъ по закону; потому что планъ, предположенный нами здѣсь, тотъ, чтобы дать такое понятіе о предлагаемыхъ законахъ, какое должно слѣдовать изъ разумныхъ причинъ, существующихъ для ихъ составленія: и казалось бы, что разумная причина должна существовать раньше закона, а не законъ раньше разумной причины. Этого и нельзя отвергать; потому что, безспорно, по принципу пользы, можно одинаково справедливо сказать о тѣхъ операціяхъ, которыми установляется довѣріе или какой-нибудь другой родъ собственности, какъ и о всякихъ другихъ операціяхъ закона,—что совершеніе ихъ можетъ быть нужно или благотворно только тогда, когда для этого совершенія можетъ быть указана какая-нибудь разумная причина, выведенная изъ этого принципа. Чтобы дать собственность одному человѣку, вы должны наложить обязательство на другаго: вы должны обязать его дѣлать что-нибудь, что̀ онъ можетъ желать не дѣлать, или воздерживаться дѣлать что-нибудь, что̀ онъ можетъ желать дѣлать: однимъ словомъ, вы должны тѣмъ или другимъ способомъ подвергнуть его неудобству. Поэтому, всякій подобный законъ долженъ быть въ первой инстанціи вреденъ; и если бы отъ него не могло происходить никакихъ хорошихъ дѣйствій, которыя бы противополагались дурнымъ, онъ долженъ быть вреденъ и въ цѣломъ. Поэтому, въ этомъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, должны быть какія-нибудь разумныя причины. Дѣло въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ, который мы разбираемъ, причины — слишкомъ разнообразнаго и запутаннаго свойства, чтобы ихъ можно

таетъ нужнымъ установить; или оно бываетъ не изъ числа ихъ. Если оно изъ числа ихъ, то владѣніе, котораго вы можете быть лишены въ какое-нибудь время, должно быть въ это время или настоящее владѣніе или будущее, ожидаемое; если ожидаемое (причемъ оно можетъ быть или несомнѣннымъ или случайнымъ), то событіе облеченія довѣріемъ (или событіе, съ котораго должно начаться ваше владѣніе имъ) было или такое, въ произведеніи котораго участвовала воля преступника, или всякое другое событіе вообще: въ первомъ случаѣ преступленію можетъ быть дано названіе злостнаго необлеченія довѣріемъ (wrongful non-investment of trust); въ послѣднемъ, названіе злостнаго отстраненія довѣрія (wrongful interception of trust). Если во время совершенія преступленія, которымъ вы были лишены довѣрія, вы уже владѣли имъ, преступленіе можетъ назваться злостнымъ отнятіемъ довѣрія (wr. divestment of trust). Во всѣхъ этихъ случаяхъ преступленіе дѣйствуетъ такъ, что или отдаетъ довѣріе кому-нибудь другому или нѣтъ; если не отдаетъ, то это будетъ просто злостное отстраненіе, злостное отнятіе довѣрія, и только; если отдаетъ, то довѣріемъ овладѣваетъ или самъ преступникъ, и тогда преступленіе называется узурпаціей довѣрія; или имъ овладѣваетъ какое-нибудь другое лицо, и тогда это будетъ злостное обле-

было приводить въ аналитическомъ очеркѣ, каковъ настоящій. Гдѣ преступленіе бываетъ таково, что оно затрогиваетъ личность или репутацію, то причина запрещенія его ясна сама собой, и прилагается одинаково ко всякому человѣку. Но собственность, прежде чѣмъ противъ нея можетъ быть совершено преступленіе, должна быть создана, и въ минуту своего созданія должна быть какъ-бы распредѣлена на частицы разныхъ родовъ и величинъ, и частицы должны быть присвоены однѣ одному человѣку, другія другому, по причинамъ, изъ которыхъ многія немного неясны на первый взглядъ и которыя, будучи различны въ различныхъ случаяхъ, потребовали бы для своего объясненія больше мѣста, чѣмъ мы можемъ дать имъ теперь. Для настоящей нашей цѣли достаточно принять, что для выполненія разныхъ потребностей жизни существуютъ довѣрія, положенія и другіе предметы собственности, которыми долженъ кто-нибудь владѣть; и что не всякимъ предметомъ можетъ и долженъ владѣть каждый. Какіе предметы должны быть созданы, и для какихъ лицъ, и въ какихъ случаяхъ предметы должны быть присвоиваемы лицамъ, это вопросы, которыхъ мы не можемъ здѣсь разбирать. Притомъ здѣсь нѣтъ и причины желать, чтобы они разбирались теперь, потому что постановка ихъ тѣмъ или другимъ образомъ не сдѣлала бы никакой разницы въ свойствѣ какого-нибудь преступленія, вслѣдствіе котораго какая-нибудь сторона можетъ потерпѣть ущербъ по случаю какого-нибудь подобнаго учрежденія. Б

ченіе довѣріемъ. Далѣе, если довѣріе, о которомъ идетъ рѣчь, не изъ числа тѣхъ, какія могутъ существовать по закону, то вопросъ о томъ, будетъ ли или не будетъ лишеніе его преступленіемъ, зависитъ отъ способа, какимъ одинъ человѣкъ будетъ отнимать это довѣріе у другаго; и отъ этого будетъ вмѣстѣ зависѣть и вопросъ о томъ, будетъ или нѣтъ это необлеченіе, устраненіе, отнятіе довѣрія злостнымъ. Но отдача этого довѣрія кому-нибудь другому во всякомъ случаѣ должна быть преступленіемъ; и это преступленіе, какъ прежде, будетъ или узурпація, или злостное облеченіе.

Теперь, разсмотримъ довѣріе съ точки зрѣнія тягости. Съ этой точки зрѣнія, если разсматривать только интересъ лицъ, которыя могутъ быть облечены довѣріемъ, это довѣріе таково, что не должно бы существовать, по принципу пользы; если оно можетъ существовать, то только для тѣхъ лицъ, въ чью пользу оно установлено. Итакъ, если оно не должно бы существовать по чему нибудь, то ни необлеченіе, ни устраненіе, ни отнятіе не могутъ быть злостными относительно первыхъ упомянутыхъ лицъ, — каковы бы они ни были по другой причинѣ, вслѣдствіе способа, какимъ они были совершены: для узурпаціи, совершеніе которой впрочемъ невѣроятно, здѣсь является такая же возможность какъ прежде; точно также есть возможность для злостнаго облеченія, — которое (если довѣріе считается тягостью) можетъ быть названо въ этомъ случаѣ злостнымъ наложеніемъ (imposition) довѣрія. Если довѣріе, хотя все-таки тягостнаго рода, бываетъ изъ числа тѣхъ, которыя могутъ существовать, то всякое преступленіе, какое можетъ быть совершено относительно его существованія, должно состоять или въ томъ, чтобы принудить владѣть имъ извѣстное лицо, которое не должно бы владѣть имъ, или чтобы принудить не владѣть имъ то лицо, которое должно бы владѣть имъ. Въ первомъ случаѣ, это должно быть или узурпація или злостное отнятіе, какъ прежде. Въ послѣднемъ случаѣ лицо, которое вынуждается не владѣть имъ, есть или самый преступникъ, или кто-нибудь другой: если самый преступникъ, то во время преступленія онъ или владѣлъ имъ, или нѣтъ: если владѣлъ, то преступленіе можетъ быть названо злостнымъ отказомъ (abdication) отъ довѣрія; если не владѣлъ, — злостнымъ уклоненіемъ отъ довѣрія или непринятіемъ его (detrectation or non-assumption); если лицо, которое вынуждается преступленіемъ невладѣть довѣріемъ, есть какое-нибудь другое лицо, тогда преступленіе должно быть или злостное отнятіе, устраненіе или необлеченіе какъ прежде,— и въ каждомъ изъ этихъ случаевъ, разсматривая довѣріе въ смыслѣ тя-

гости, преступленіе можетъ быть также названо злостнымъ изъятіемъ отъ довѣрія (wr. exemption from trust).

Наконецъ, относительно ущерба, который могутъ понести тѣ лица, въ пользу которыхъ довѣріе установлено, или всякія другія лица, интересъ которыхъ можетъ быть затронутъ существованіемъ или несуществованіемъ этого довѣрія въ тѣхъ или другихъ рукахъ. По изслѣдованіи окажется, что эти послѣднія лица также могутъ нести ущербъ отъ всякаго рода преступленія, отъ котораго несутъ въ этомъ отношеніи ущербъ тѣ лица, которыя владѣютъ, или должны бы владѣть довѣріемъ. Въ этомъ случаѣ ущербъ очевидно бываетъ весьма различенъ отъ того, каковъ онъ былъ въ другомъ случаѣ: но и тамъ и здѣсь могутъ быть примѣнены тѣ же общія названія. Если тѣ лица, интересъ которыхъ затронутъ въ выполненіи довѣрія, или одно изъ этихъ лицъ, могутъ понести ущербъ, происходящій отъ качества лица, которымъ это довѣріе можетъ быть выполнено, такой ущербъ долженъ происходить отъ одной изъ двухъ причинъ: 1) Отъ того, что довѣріемъ владѣетъ лицо, которое не должно бы владѣть имъ; или 2) Отъ того, что довѣріемъ не владѣетъ то лицо, которое должно бы владѣть имъ;—будетъ ли при этомъ довѣріе прибылью или тягостью для его владѣльца, это обстоятельство въ настоящемъ случаѣ не дѣлаетъ никакой разницы. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ, преступленія, производящія ущербъ, суть преступленія — узурпаціи довѣрія, злостнаго присвоенія довѣрія и злостнаго наложенія довѣрія; въ послѣднемъ случаѣ, это — злостное необлеченіе довѣріемъ, злостное отнятіе довѣрія, злостное устраненіе довѣрія, злостный отказъ отъ довѣрія и злостное непринятіе довѣрія.

До сихъ поръ мы говорили о преступленіяхъ, относящихся къ существованію довѣрія или владѣнію имъ: преступленія, относящіяся къ выполненію функцій, соединенныхъ съ довѣріемъ, могутъ быть поняты слѣдующимъ образомъ. Вы владѣете довѣріемъ: то время, въ которое вы должны дѣйствовать по этому довѣрію, должно быть для извѣстнаго даннаго случая (оставляя, для простоты, настоящій моментъ) или прошедшее, или будущее. Если — прошедшее, то поведеніе ваше при этомъ случаѣ должно было быть или сообразно съ цѣлью, для которой довѣріе установлено, или несообразно съ ней: если оно было сообразно съ этой цѣлью, то въ этомъ случаѣ вреда не было; если не сообразно, то вина была или только ваша, или какого-нибудь другаго лица, или васъ обоихъ вмѣстѣ; когда она была ваша, то она состояла или въ томъ, что вы не сдѣлали чего-нибудь, что должны были бы сдѣлать, — и въ такомъ случаѣ эта вина могла бы быть названа отрицательнымъ нарушеніемъ довѣрія (negative breach of trust); или она состояла въ томъ,

что вы сдѣлали что-нибудь, чего не должны были бы дѣлать; если она состояла въ этомъ, то сторона, понесшая отъ этого ущербъ, есть или та самая, въ пользу которой довѣріе установлено, или какая-нибудь другая сторона вообще: въ первомъ изъ этихъ случаевъ преступленіе можетъ быть названо положительнымъ нарушеніемъ довѣрія; во второмъ — злоупотребленіемъ довѣрія (abuse of trust). Когда вина была другаго лица, преступленіе съ его стороны можетъ быть названо помѣхой выполненію довѣрія (disturbance of trust). Предполагая, что время, когда вы должны дѣйствовать по довѣрію, есть будущее, то дѣйствіе какого-нибудь акта, стремящагося сдѣлать ваше поведеніе несообразнымъ съ цѣлями довѣрія, можетъ состоять или въ томъ, чтобы сдѣлать его несообразнымъ въ настоящую же минуту и совершенно, или въ томъ, чтобы произвести шансъ этой несообразности. Въ первомъ изъ этихъ случаевъ, актъ долженъ принять ту или другую изъ упомянутыхъ нами сейчасъ формъ. Въ послѣднемъ случаѣ вина должна лежать какъ прежде, или на васъ однихъ, или на какомъ-нибудь другомъ лицѣ, или на обоихъ вмѣстѣ. Если на другомъ лицѣ, то акты, которыми оно можетъ стремиться сдѣлать ваше поведеніе несообразнымъ съ цѣлями довѣрія, должны быть совершены или на васъ самихъ, или на другихъ объектахъ вообще. Если они совершаются на васъ самихъ, то вліяніе ихъ должно быть или такое, что оно дѣйствуетъ непосредственно на ваше тѣло, или такое, что оно дѣйствуетъ непосредственно на вашъ духъ. Далѣе, въ этомъ послѣднемъ случаѣ тенденція ихъ должна состоять въ томъ, чтобы лишить васъ или знанія, или силы, или наклонности, которыя были бы необходимы вамъ для сообраЖенія вашего поведенія съ цѣлями довѣрія. Если эти акты таковы, что они имѣютъ тенденцію лишить васъ упомянутой наклонности, это должно произойти посредствомъ приложенія къ вашей волѣ силы какого-нибудь соблазняющаго мотива [1]). Наконецъ этотъ мотивъ долженъ быть или принудительнаго (coercive) или увлекающаго, заманчиваго свойства (alluring): другими словами, онъ долженъ представляться или въ формѣ вреда, или въ формѣ выгоды. Ни въ одномъ изъ всѣхъ упомянутыхъ сейчасъ случаевъ, кромѣ послѣдняго, преступленіе не требуетъ никакого новаго названія: смотря по событію, это бываетъ или помѣха выполненію довѣрія, или абортивная попытка быть виновнымъ въ этомъ преступленіи. Въ послѣднемъ случаѣ, преступленіе называется подкупомъ (взяткой, bribery), и это есть тотъ частный видъ его, который

---

[1]) См. гл. XI (Расположенія), пар. 29.

можетъ быть названъ активнымъ подкупомъ, или даваньемъ подкупа или взятки. Въ этомъ случаѣ, разсматривая дѣло съ вашей стороны, вы или берете подкупъ, или не берете: если не берете, и если вы впослѣдствіи не совершаете, и не приготовляетесь совершить, ни нарушенія довѣрія, ни злоупотребленія имъ, то въ этомъ случаѣ съ вашей стороны преступленія нѣтъ; если вы берете подкупъ, то, — все равно, совершите вы или не совершите впослѣдствіи нарушеніе или злоупотребленіе довѣрія, совершеніе котораго вами было цѣлью человѣка, дававшаго подкупъ, — вы во всякомъ случаѣ совершаете преступленіе, которое также называется подкупомъ, и которое, для отличія можетъ быть названо пассивнымъ подкупомъ, или принятіемъ подкупа или взятки. Что касается до дальнѣйшихъ различеній, они будутъ зависѣть отъ свойства частныхъ родовъ самаго довѣрія, и потому сюда не относятся. И такимъ образомъ мы имѣемъ тринадцать подраздѣленій преступленій противъ довѣрія, именно: 1) Злостное необлеченіе довѣріемъ. 2) Злостное устраненіе довѣрія. 3) Злостное отнятіе довѣрія. 4) Узурпація довѣрія. 5) Злостное облеченіе или присвоеніе довѣріе. 6) Злостный отказъ отъ довѣрія. 7) Злостное уклоненіе отъ довѣрія. 8) Злостное наложеніе довѣрія. 9) Отрицательное нарушеніе довѣрія. 10) Положительное нарушеніе довѣрія. 11) Злоупотребленіе довѣрія. 12) Помѣха выполненію довѣрія. 13) Подкупъ.

XXVIII.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, кажется, что со стороны довѣреннаго лица не можетъ быть больше другихъ преступленій, вслѣдствіе которыхъ бы лицо, въ пользу котораго довѣріе установлено, могло понести по какому-нибудь частному случаю какой-нибудь опредѣленный спеціальный ущербъ. Но есть одинъ родъ актовъ, вслѣдствіе которыхъ довѣренное лицо можетъ подвергнуться опасности понести ущербъ, хотя ни свойство ущерба, ни случай, по которому является опасность понести его, не могутъ быть опредѣлены, или указаны. Это не могутъ быть иные акты, какъ тѣ, которые (каковы бы они ни были) располагаютъ довѣренное лицо подвергаться дѣйствію отъ одного даннаго подкупа съ большей силой, чѣмъ отъ всякаго другаго; или иными словами, тѣ акты, которые ставятъ его въ обстоятельства, имѣющія стремленіе увеличить количество его чувствительности къ дѣйствію какого-нибудь мотива этого разряда [1]. Изъ этихъ актовъ нѣтъ кажется другихъ, которые допускали бы обозначеніе, приложимое одинаково ко всѣмъ мѣстамъ и

[1] См. гл. VI (Чувствительность), пар. 2.

временамъ, кромѣ актовъ расточительности со стороны довѣреннаго лица. Но въ актахъ этого рода ущербъ лицу, въ пользу котораго установлено довѣріе, бываетъ только случайный и не ликвидируется; между тѣмъ какъ ущербъ самому довѣренному лицу бываетъ вѣрный и ликвидируется. Поэтому, еслибы при какомъ-нибудь случаѣ оказалось нужнымъ разсматривать его въ смыслѣ преступленія, онъ болѣе естественно найдетъ свое мѣсто въ разрядѣ преступленій личныхъ (self-regarding).

XXIX.

Что касается до дальнѣйшихъ подраздѣленій преступленій противъ довѣрія, они совершенно аналогичны съ подраздѣленіями преступленій посредствомъ обмана. Довѣріе можетъ быть частное, полупубличное и публичное: оно можетъ касаться собственности, личности, репутаціи или положенія, или двухъ и больше изъ этихъ обстоятельствъ въ одно время,— какъ это подробнѣе объясняется въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ того, преступленіе, проходя здѣсь почву, занимаемую тремя прежними классами, въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣнитъ свое имя, въ другихъ не измѣнитъ.

XXX.

Наконецъ, еслибы спросили: какого рода связь существуетъ между обманами съ одной стороны и преступленіями противъ довѣрія съ другой; отвѣтъ на это тотъ, что они совершенно различны. Обманъ есть обстоятельство, которое можетъ входить въ составъ всякаго рода преступленія и между прочимъ также и въ составъ преступленія противъ довѣрія: въ однихъ, какъ орудіе случайное, въ другихъ какъ орудіе существенное. Нарушеніе или злоупотребленіе довѣрія суть обстоятельства, которыя, въ качествѣ случайнаго аксессуара, могутъ входить въ составъ всѣхъ другихъ преступленій (включая сюда и преступленія посредствомъ обмана), кромѣ тѣхъ, которымъ они даютъ названіе.

Роды I разряда.

XXXI.

Возвращаясь теперь къ первому разряду, проведемъ распредѣленіе еще на одну степень дальше, и подведемъ различныя, изложенныя выше, дѣленія этого разряда на ихъ роды; то есть, такія болѣе частныя дѣленія, которыя могутъ быть охарактеризованы названіями, значительная

доля которыхъ уже извѣстна народу [1]). Здѣсь анализъ долженъ остановиться. Приложить его въ той же правильной формѣ къ какому-нибудь изъ другихъ разрядовъ, кажется едвали удобоисполнимымъ: къ полу-публичнымъ и также къ публичнымъ преступленіямъ—по причинѣ вмѣшательства мѣстныхъ обстоятельствъ; къ личнымъ — по той причинѣ, что это произвело бы необходимость рѣшать заранѣе пункты, которые могутъ еще подлежать спору; къ преступленіямъ посредствомъ обмана и къ преступленіямъ противъ довѣрія — по причинѣ зависимости между этимъ разрядомъ и тремя предъидущими. То, что остается сдѣлать этимъ путемъ съ этими четырьмя классами, должно войти скорѣе въ главный трудъ о законодательствѣ, — а эта предварительная часть должна дать только главныя черты.

XXXII.

Извѣстный актъ, нарушающій счастіе индивидуума, бываетъ по своему дѣйствію или простой, или сложный. Онъ можетъ назваться простымъ по своему дѣйствію, когда онъ затрогиваетъ индивидуума только въ одномъ изъ тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, его интересъ можетъ быть вообще затронутъ; онъ можетъ называться сложнымъ, когда затрогиваетъ индивидуума въ нѣсколькихъ изъ этихъ пунктовъ за одинъ разъ. Сначала надо разсмотрѣть, конечно, простые акты.

XXXIII.

Простымъ способомъ, т. е. однимъ способомъ въ одинъ разъ, счастіе человѣка можетъ быть нарушено, или 1) Дѣйствіями, относящимися къ самой его личности; или 2) Дѣйствіями, относящимися къ тѣмъ внѣшнимъ предметамъ, отъ которыхъ его счастіе болѣе или менѣе зависитъ. Что касается до его собственной личности, она состоитъ изъ двухъ различныхъ частей, или предполагаемыхъ частей, тѣла и души. Акты, оказывающіе вредное вліяніе на его личность,—все равно на тѣлесную или на духовную часть ея,—будутъ дѣйствовать на нее или непосредственно и не затрогивая его волю, или посредственно

[1]) Надобно вообще замѣтить, что въ исчисленіи этихъ родовъ не упоминаются преступленія побочнаго свойства (accessory); кромѣ немногихъ случаевъ, гдѣ эти преступленія получили привычныя и слишкомъ знакомыя имена, чтобы ихъ можно было опустить. Побочныя преступленія суть тѣ, которыя хотя и не составляютъ тѣхъ самыхъ актовъ, изъ которыхъ непосредственно происходитъ разсматриваемый вредъ, но связаны съ этими актами путемъ причины. См. гл. VII (Дѣйствія), пар. 24. Б.

чрезъ вмѣшательство воли; т. е. посредствомъ того вліянія, которое они побуждаютъ волю оказывать на его тѣло. Если они будутъ дѣйствовать чрезъ вмѣшательство воли, это должно происходить посредствомъ духовнаго насилія (mental coercion); т. е. заставляя его хотѣть принять, и затѣмъ дѣйствительно принять извѣстное поведеніе, принять которое для него непріятно, или какимъ-нибудь другимъ образомъ вредно. Это поведеніе можетъ быть положительное или отрицательное *): когда положительное, то насиліе называется принужденіемъ (constraint); когда отрицательное, то оно называется удержаніемъ (restraint). Далѣе, способъ, которымъ это насиліе бываетъ непріятно для него, состоитъ въ томъ, что оно производитъ страданіе тѣла, или только страданіе духа. Если оно производитъ страданіе тѣла, то преступленіе можетъ имѣть какъ это названіе, такъ и другія, къ которымъ мы теперь перейдемъ. Кромѣ того, поведеніе, которое человѣкъ вынуждается принять насиліемъ, будетъ опредѣляться или специфически и оригинально — качествомъ самихъ частныхъ актовъ, которые онъ вынужденъ совершить или отъ которыхъ вынужденъ воздержаться; или вообще и случайно — вынужденіемъ его быть или не быть въ томъ или другомъ мѣстѣ. Но если ему мѣшаютъ быть въ одномъ мѣстѣ, это значитъ, что его вынуждаютъ быть въ другомъ. Потому что вся поверхность земли, какъ поверхность всякаго большаго или меньшаго тѣла, можетъ считаться раздѣленной на двѣ, или на всякое большее число частей или мѣстъ. Если мѣсто, въ которомъ онъ удерживается, меньше того мѣста, въ которое онъ не допускается, то его положеніе можетъ быть названо ссылкой (confinement); если оно больше, изгнаніемъ (banishment). Когда актъ, дѣйствіе котораго состоитъ въ томъ, чтобы произвести вредное вліяніе на личность человѣка, переносящаго это дѣйствіе, совершается со вмѣшательствомъ или безъ вмѣшательства его воли, вредъ, имъ производимый, будетъ или смертельный или несмертельный. Если не смертельный, онъ будетъ или исправимый, т. е. временный; или неисправимый, т. е. постоянный. Если вредъ исправимый, то вредный актъ можетъ быть названъ простымъ тѣлеснымъ оскорбленіемъ; если неисправимый, то—неисправимымъ тѣлеснымъ оскорбленіемъ (injury). Наконецъ страданіе, испытываемое человѣкомъ въ душѣ, будетъ или страданіе дѣйствительнаго перенесенія (sufferance), или страданіе предвидѣнія (apprehension). Если страданіе предвидѣнія, то или самъ преступникъ представляется

*) См. гл. VII (Дѣйствія), пар. 8.

намѣревающимся участвовать въ произведеніи его, или онъ не представляется таковымъ. Въ первомъ случаѣ преступленіе можетъ быть названо угрозой; въ послѣднемъ случаѣ, также какъ тамъ, гдѣ страданіе есть страданіе дѣйствительнаго перенесенія, преступленіе можетъ быть названо простымъ душевнымъ оскорбленіемъ (mental injury).

Такимъ образомъ мы имѣемъ девять родовъ личныхъ оскорбленій; и если распредѣлить ихъ въ томъ порядкѣ, какой наиболѣе удобенъ для обзора, они будутъ стоять слѣдующимъ образомъ: 1) Простыя тѣлесныя оскорбленія. 2) Неисправимыя тѣлесныя оскорбленія. 3) Простое оскорбительное удержаніе. 4) Простое оскорбительное принужденіе. 5) Злостная ссылка. 6) Злостное изгнаніе. 7) Злостное убійство. 8) Злостная угроза. 9) Простыя душевныя оскорбленія [1].

---

[1]) Хотя по причинамъ, уже объясненнымъ прежде (см. выше, пар. 31), въ этой главѣ не можетъ быть приведенъ полный каталогъ, и слѣдовательно полный обзоръ, ни для полу-публичныхъ, ни для личныхъ преступленій, но читатель, можетъ быть, найдетъ нелишнимъ родъ списка этихъ преступленій, — хотя бы для того, чтобы имѣть предъ глазами примѣръ для лучшаго пониманія дѣленій. Такіе списки всего удобнѣе могутъ быть помѣщены при различныхъ дѣленіяхъ частныхъ внѣшнихъ (extra-regarding) преступленій, которымъ соотвѣтствуютъ полу-публичныя и личныя (self-regarding) преступленія того же рода. Относительно двухъ послѣднихъ, и самаго послѣдняго въ особенности, должно замѣтить, что все, что я хочу сдѣлать, помѣщая ихъ здѣсь, это—указать вредъ (если онъ есть), который свойственно производить этимъ различнымъ преступленіямъ; и что я вовсе не рѣшаю вопроса о томъ, стоитъ ли (см. гл. XV, Случаи, не подлеж. наказ.) въ каждомъ изъ этихъ случаевъ вводить зло наказанія, съ цѣлію противодѣйствовать этому вреду. Вникая въ подробности, читатель замѣтитъ, что есть нѣсколько отдѣловъ внѣшнихъ частныхъ преступленій, которымъ недостаетъ соотвѣтственныхъ отдѣловъ или въ полу-публичныхъ или въ личныхъ преступленіяхъ, или въ тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Въ большей части примѣровъ причины этого недостатка будутъ, вѣроятно, достаточно ясны сами по себѣ. Въ другомъ трудѣ, мы разъясняемъ эти причины, — здѣсь это заняло бы слишкомъ много мѣста.

I. Полу-публичныя преступленія вслѣдствіе бѣдствія. Бѣдствія, отъ которыхъ могутъ страдать личность или собственность людей, или то и другое вмѣстѣ, суть, кажется, слѣдующія: 1) Язва или зараза. 2) Голодъ, или другіе роды скудости. 3) Вредъ, производимый лицами, не имѣющими должнаго пониманія, какъ дѣти, идіоты, сумасшедшіе, отъ недостатка должнаго присмотра за ними. 4) Вредъ, производимый опустошеніями вредныхъ животныхъ, какъ хищные звѣри, саранча и пр. и пр. 5) Обрушеніе, или паденіе большихъ массъ твердаго вещества, какъ напримѣръ разрушающіяся зданія, скалы, или массы снѣга. 6) Наводненіе или потопленіе. 7) Буря.

XXXIV.

Мы переходимъ теперь къ преступленіямъ чисто противъ репутаціи Они требуютъ только немногихъ различеній. Въ пунктѣ репутаціи есть только одинъ способъ переносить страданіе, именно—теряя часть доброй воли или благосклонности другихъ. Но что касается до благосклонности

---

8) Порча хлѣба. 9) Пожаръ. 10) Взрывъ. Когда человѣкъ, какимъ-нибудь своимъ неблагоразумнымъ актомъ, можетъ въ извѣстной степени содѣйствовать происхожденію этихъ бѣдствій, такой актъ можетъ быть преступленіемъ. Когда человѣкъ не дѣлаетъ чего-нибудь, что́ онъ обязанъ дѣлать для предотвращенія такихъ бѣдствій, такое небреженіе можетъ быть преступленіемъ.

II. Полу-публичныя преступленія отъ простаго правонарушенія. Цѣлое сосѣдство можетъ понести: 1) Простыя тѣлесныя оскорбленія: другими словами, оно можетъ пострадать относительно здоровья, отъ преступныхъ или опасныхъ родовъ торговли и ремеслъ: отъ продажи и отъ лживаго восхваленія нездоровыхъ лекарствъ или припасовъ, отъ отравленія или осушенія источниковъ, разрушенія водопроводовъ, уничтоженія деревьевъ, стѣнъ или другихъ преградъ противъ вѣтра и дождя; отъ разныхъ родовъ искусственной скудости, или отъ другихъ намѣренно производимыхъ бѣдствій. 2) и 3) Простое оскорбительное удержаніе и простое оскорбительное принужденіе: напримѣръ, отъ вынужденія цѣлаго сосѣдства, посредствомъ угрожающихъ объявленій или публично произносимыхъ угрожающихъ рѣчей, — участвовать или неучаствовать въ иллюминаціяхъ, воззваніяхъ, вызовахъ, осужденіяхъ, подпискахъ, предпріятіяхъ, процессіяхъ, или въ разныхъ другихъ способахъ выражать радость или гнѣвъ, неудовольствіе или одобреніе; или вообще принимать или не принимать какое бы то ни было поведеніе. 4) и 5) Ссылку и изгнаніе: порчей дорогъ, мостовъ и перевозовъ; разрушеніемъ или неправильнымъ захватомъ общественныхъ экипажей и помѣщеній. 6 Отъ угрозы, какъ напримѣръ отъ угрожающихъ писемъ и бурныхъ сборищъ, посредствомъ газетъ или объявленій; угрожающихъ мщеніемъ лицамъ извѣстнаго свойства, напр. Евреямъ, Католикамъ, Протестантамъ, Шотландцамъ, Гасконцамъ, Каталонцамъ и пр. 7) Простыя душевныя оскорбленія: какъ напримѣръ, отъ бѣдственныхъ, ужасающихъ, неприличныхъ или противорелигіозныхъ сценъ, каковы выставленіе нищими своихъ язвъ, выставленіе мертвыхъ тѣлъ, представленіе или разсказы о мнимыхъ волшебствахъ и видѣніяхъ, выставленіе неприличныхъ или богохульственныхъ печатныхъ изображеній или книжекъ, публичныя рѣчи неприличнаго или богохульственнаго содержанія, распространеніе ложныхъ слуховъ о пораженіяхъ въ битвѣ или о другихъ несчастіяхъ.

III. Личныя преступленія противъ лица. 1) Лишеніе пищи. Воздержаніе отъ чувственныхъ удовольствій, самобичеваніе, искалеченіе самого себя, или другія дѣйствія самоотрицающаго и самомучительнаго свойства. 2) Обжорство, пьянство, излишество въ чувственныхъ удовольствіяхъ и другіе роды неумѣренности. 3) Самоубійство. Б.

къ вамъ другихъ, вы можете потерять ее двумя способами: 1) Тѣмъ, какъ, предполагается, вы относитесь къ самому себѣ, и 2) Тѣмъ, какъ относятся къ вамъ, или предполагается, что относятся къ вамъ, другіе. Побудить людей думать, что вы отнеслись къ себѣ такъ, что стали виновны въ какомъ-нибудь изъ тѣхъ актовъ, вслѣдствіе которыхъ человѣкъ меньше чѣмъ прежде владѣетъ благосклонностью общества, — есть то, что̀ можетъ назваться диффамаціей. Но таково устройство человѣческой природы и такова сила предразсудка, что человѣкъ, просто обнаруживая только свой собственный недостатокъ благосклонности къ вамъ,—какъ бы ни былъ онъ несправедливъ самъ по себѣ и какъ бы онъ ни былъ незаконно выраженъ, — можетъ нѣкоторымъ образомъ побудить людей отнять у васъ и часть ихъ благосклонности. Когда онъ дѣлаетъ это словами, или такими дѣйствіями, которыя имѣютъ значеніе только наравнѣ съ словами, преступленіе можетъ быть названо опозореніемъ (vilification). Когда это дѣлается такими дѣйствіями, которыя, и кромѣ этого своего значенія, составляютъ оскорбленіе личности, преступленіе можетъ быть названо личной обидой (pers. insult); если оно простирается и на тѣло, оно называется тѣлесной обидой; если оно остановилось прежде, чѣмъ дошло до этого, оно можетъ быть названо обидной угрозой. И такимъ образомъ, мы имѣетъ два рода преступленій чисто противъ репутаціи, именно: 1) Диффамацію и 2) Опозореніе [1]). Что касается до тѣлесныхъ обидъ и обидной угрозы, онѣ принадлежатъ къ сложному отдѣлу преступленій противъ лица и вмѣстѣ противъ репутаціи.

XXXV.

Если собственность одного человѣка страдаетъ отъ нарушенія закона другимъ человѣкомъ, эта собственность можетъ быть или довѣрена преступнику, или нѣтъ: если была довѣрена, то преступленіе есть нарушеніе довѣрія, и, каково бы оно ни было въ другихъ отношеніяхъ, оно можетъ быть названо расточеніемъ при нарушеніи довѣрія, или расточеніемъ довѣренной собственности. Это частный случай: противоположный случай обыкновеннѣе, — въ такомъ случаѣ разные способы, которыми собственность можетъ сдѣлаться предметомъ преступленія, могутъ быть поняты слѣдующимъ образомъ. Преступленія

---

[1]) I. Полу-публичныя преступленія. 1) Оклеветаніе или опозореніе людей особеннаго свойства, какъ напримѣръ Евреевъ, Католиковъ и пр.

II. Личныя преступленія. 1) Невоздержность въ епщинахъ. 2) Кровосмѣшеніе. Б.

противъ собственности, какъ мы уже говорили (см. выше, пар. 27), могутъ быть вообще раздѣлены на такія, которыя относятся къ легальному владѣнію ею, или къ праву на нее, или на такія, которыя относятся только къ пользованію ею, или, что̀ одно и тоже, къ выполненію этого права. Къ первому изъ этихъ отдѣловъ, какъ мы уже говорили (см. тамъ же), относятся разныя преступленія злостнаго необлеченія, злостнаго устраненія, злостнаго отнятія, узурпаціи и злостнаго наложенія. Когда при совершеніи какого-нибудь изъ этихъ преступленій, обманъ служитъ орудіемъ и притомъ, какъ обыкновенно говорится, добровольнымъ (wilful), или, какъ онъ могъ бы назваться вѣрнѣе, обдуманнымъ (advised), [1]) то къ имени преступленія можетъ быть прибавленъ эпитетъ: подложный (fraudulent), или этотъ эпитетъ можетъ заступить мѣсто эпитета злостный. Обстоятельство обмана можетъ служить тогда для характеристики особеннаго вида, который можетъ подойти подъ каждый изъ этихъ родовыхъ отдѣловъ: подобнымъ образомъ другой видъ можетъ характеризоваться обстоятельствомъ силы, о которомъ мы будемъ говорить дальше. Что касается до злостнаго устраненія (interception), въ частности, то устанавляющее событіе (collative event), вслѣдствіе котораго вамъ достается право на разсматриваемую вещь и за отсутствіемъ котораго это право какъ-бы устраняется или перехватывается дѣяніемъ преступника, это событіе есть или его собственный актъ, выражающій его волю, чтобы законъ считалъ васъ за лицо, легально владѣющее этой вещью, или это есть какое-нибудь другое событіе вообще: въ первомъ случаѣ, если вещь, которой владѣніе должно бы быть предоставлено вамъ, есть извѣстная сумма денегъ, то преступленіе есть такъ-называемая несостоятельность (insolvency),—и эта отрасль правонарушенія, по своей важности и обширности, можетъ быть разсматриваема какъ особый отдѣльный родъ.

Далѣе, другія преступленія противъ собственности касаются только пользованія вещью, о которой идетъ рѣчь. Эта вещь можетъ быть или услуга, или рядъ услугъ (см. выше, пар. 26), которыя должны бы быть сдѣланы извѣстнымъ лицомъ, или же другой предметъ, принадлежащій къ разряду вещей. Въ первомъ случаѣ преступленіе можетъ быть названо злостнымъ отнятіемъ услугъ [2]): въ послѣднемъ слу-

---

[1]) См. гл. IX. (Сознательность), пар. 2.

[2]) Подъ злостное отнятіе услугъ подводится и нарушеніе контракта: обязанность оказывать услуги можетъ быть основана или на контрактѣ, или на другихъ условіяхъ или правахъ; другими словами то событіе, что чело-

чаѣ оно можетъ допустить дальнѣйшія видоизмѣненія, которыя могутъ быть представлены слѣдующимъ образомъ. Когда какой-нибудь предметъ, которымъ вы физически владѣли или пользовались, перестаетъ въ извѣстной мѣрѣ подлежать вашей власти вслѣдствіе акта другаго человѣка и безъ всякаго измѣненія въ этой власти, которое бы произошло отъ вашего внутренняго физическаго состоянія; то это прекращеніе власти происходитъ или отъ перемѣны во внутреннемъ состояніи самой вещи, или въ ея внѣшнемъ положеніи относительно васъ; т. е., отъ нахожденія ея внѣ вашего вліянія. Въ первомъ случаѣ, свойство перемѣны или таково, что она извлекаетъ предметъ изъ вашей власти и уже не дѣлаетъ изъ него никакого употребленія, — причемъ вещь, какъ говорится, разрушается, и преступленіе, производящее это надъ предметомъ, можетъ быть названо злостнымъ разрушеніемъ; или же свойство перемѣны бываетъ таково, что она только уменьшаетъ противъ прежняго цѣнность пользы отъ этой вещи, — причемъ вещь, какъ говорится, повреждается, и тогда преступленіе можетъ быть названо злостнымъ поврежденіемъ. Кромѣ того, такъ какъ цѣнность предмета для васъ бываетъ способна уменьшиться отъ какого-нибудь акта, совершеннаго надъ этимъ предметомъ другимъ лицомъ, — хотя бы въ данномъ случаѣ не послѣдовало никакого замѣтнаго поврежденія, — то совершеніе такого акта обыкновенно разсматривается въ смыслѣ преступленія, которое можетъ быть названо злостнымъ употребленіемъ или занятіемъ предмета.

Если причина того, что вещь теряетъ свою способность приносить вамъ пользу, заключается въ ея внѣшнемъ положеніи относительно васъ, то преступленіе можетъ быть названо злостнымъ задержаніемъ вещи (wr. detainment). Злостное задержаніе, продолжающееся въ теченіе извѣстнаго періода времени, можетъ или сопровождаться намѣреніемъ задержать эту вещь навсегда (т. е. на неопредѣленное время), или

вѣкъ заключаетъ контрактъ, есть одно изъ множества другихъ установляющихъ или инвеститивныхъ событій, въ которыхъ право на полученіе услугъ можетъ имѣть свое начало. См. гл. XIX, § 4.

Если взять слово услуга въ самомъ обширномъ его смыслѣ (какъ положительномъ, такъ и отрицательномъ), то одинъ этотъ отдѣлъ могъ бы покрыть весь законъ. Поэтому, сюда должны быть отнесены только такія услуги, отнятіе которыхъ не совпадаетъ ни съ какимъ другимъ преступленіемъ, для котораго принято особое наименованіе.

Мы можемъ замѣтить, что-есть нѣкоторыя услуги, отнятіе которыхъ можетъ затронуть личность и такимъ образомъ подойти подъ отрицательныя вѣтви нѣкоторыхъ родовъ тѣлесныхъ оскорбленій, какъ напримѣръ услуги, получаемыя отъ врача, лавочника и т. п. Б.

нѣтъ: если сопровождается, и въ тоже время сопровождается намѣреніемъ не отвѣчать за сдѣланный поступокъ предъ закономъ, то оно, кажется, соотвѣтствуетъ идеѣ присвоенія обманомъ (emblezzlement), преступленія, которое соединяется обыкновенно съ нарушеніемъ довѣрія [1]). Въ случаѣ злостнаго употребленія или занятія предмета, физическая возможность занятія можетъ быть получена съ помощью и согласіемъ собственника или безъ этой помощи и согласія собственника или другаго лица, являющагося съ правомъ давать такую помощь или согласіе. Если возможность занятія предмета является безъ такой помощи или согласія, и притомъ занятіе сопровождается намѣреніемъ задержать вещь навсегда, и въ тоже время намѣреніемъ не отвѣчать за сдѣланный поступокъ предъ закономъ, то преступленіе, кажется, соотвѣтствуетъ идеѣ, соединяемой обыкновенно съ словомъ воровство или кража. Если, при тѣхъ же обстоятельствахъ, употребляется сила противъ тѣла того лица, которое принимаетъ, или является готовымъ принять мѣры для предотвращенія акта, то это, кажется, есть одинъ изъ случаевъ, гдѣ преступленіе обыкновенно понимается подъ именемъ разбоя.

Если упомянутая физическая возможность была получена съ помощью или съ согласіемъ собственника, или другихъ вышеупомянутыхъ лицъ, и занятіе предмета все-таки есть преступленіе, то это можетъ быть или потому, что помощь или согласіе были получены неправильнымъ образомъ, или потому, что они были получены несвободно. Если они были получены неправильно, они были получены обманомъ, который, если былъ обдуманный, называется въ такомъ случаѣ подлогомъ (fraud); и преступленіе, если сопровождается намѣреніемъ не отвѣчать предъ закономъ, называется подложнымъ полученіемъ (fraudulent obtainment). [2]) Если они были получены несвободно, они были по-

---

[1]) Стараясь объяснить значеніе, принадлежащее тѣмъ или другимъ общеупотребительнымъ названіямъ преступленій, я долженъ предупредить, что говорю всегда съ крайней неувѣренностью. На дѣлѣ, значеніе, даваемое имъ, не бываетъ обыкновенно ни опредѣленно, ни однообразно; такъ что, по свойству вещей, никакое опредѣленіе, которое можетъ быть дано имъ частнымъ лицомъ, не можетъ быть вполнѣ точно. Установить ихъ смыслъ принадлежитъ одному законодателю. Б.

[2]) Остальные случаи подходятъ подъ отдѣлъ узурпаціи, или злостнаго овладѣнія собственностью. Это различеніе до сихъ поръ едвали было принимаемо въ соображеніе: оно основывается, подобно другому вышеупомянутому, на различеніи между владѣніемъ легальнымъ и физическимъ. То же замѣчаніе можетъ быть примѣнено къ слѣдующему дальше случаю вымогательства. Б.

лучены силой; т. е., или силой, употребленной противъ тѣла, что было уже упомянуто, или силой противъ духа. Если силой противъ духа, или, другими словами, приложеніемъ принудительныхъ мотивовъ (см. выше, пар. 27), это должно быть посредствомъ произведенія предвидѣнія какого-нибудь зла: и это зло, если актъ составляетъ преступленіе, должно быть какое-нибудь такое зло, которому въ данномъ случаѣ одно лицо не имѣетъ права подвергать другаго. Это — случай, въ которомъ, если преступленіе сопровождается намѣреніемъ удержать вещь навсегда (все равно, будетъ ли оно сопровождаться намѣреніемъ не отвѣчать предъ закономъ, или нѣтъ), оно, кажется, соотвѣтствуетъ идеѣ того, что называется обыкновенно вымогательствомъ (extortion). Но роль, которую занимаетъ человѣкъ, подвергая другаго такому бѣдствію, должна быть или роль положительная или отрицательная. И въ первомъ случаѣ зло должно быть или настоящее или отдаленное. Итакъ, въ томъ случаѣ, когда помощь или согласіе получаются насиліемъ противъ тѣла, или когда, при употребленіи силы противъ духа, роль, принятая однимъ человѣкомъ, подвергающимъ другаго предвидѣнію зла, бываетъ положительная, когда зло бываетъ настоящее и предметъ его есть личность человѣка, и если производимое такимъ образомъ вымогательство во всякомъ случаѣ сопровождается намѣреніемъ не отвѣчать предъ закономъ, тогда преступленіе, кажется, совпадаетъ съ остальнымъ случаемъ того, что называется разбоемъ.

Что касается до расточенія при нарушеніи довѣрія, это преступленіе, когда оно производитъ денежную прибыль довѣренному лицу, составляетъ кажется одинъ видъ того, что называется обыкновенно расхищеніемъ (peculation). Другой, и единственный остающійся случай, состоитъ кажется въ актахъ занятія, совершаемыхъ довѣреннымъ лицомъ на вещахъ, составляющихъ собственность довѣрителя, въ свою собственную пользу и къ ущербу довѣрителя. Что касается до разбоя, это преступленіе, по тому способу, какимъ получается помощь или согласіе, становится преступленіемъ и противъ собственности и противъ личности въ одно и тоже время. Расточеніе при нарушеніи довѣрія и расхищеніе, быть можетъ, могутъ болѣе удобно разсматриваться въ отдѣлѣ преступленій противъ довѣрія [1]). Послѣ этихъ исключеній мы имѣ-

[1]) Ростъ, который,—если онъ есть преступленіе,—есть преступленіе, совершаемое съ согласіемъ, т. е. съ согласіемъ стороны, предполагаемой терпящею, можетъ заслуживать мѣсто въ каталогѣ преступленій только тогда, когда согласіе было получено или неправильно, или несвободно: въ первомъ случаѣ, ростъ совпадаетъ съ присвоеніемъ посредствомъ обмана; во второмъ случаѣ — съ вымогательствомъ. Б.

емъ осьмнадцать родовъ или главныхъ разрядовъ преступленій противъ собственности, которыя, будучи размѣщены въ порядкѣ, болѣе удобномъ для обзора, могутъ быть поставлены слѣдующимъ образомъ: 1) Злостное необлеченіе собственностью. 2) Злостное устраненіе или перехватъ собственности. 3) Злостное отнятіе собственности. 4) Узурпація собственности. 5) Злостное облеченіе собственностью. 6) Злостное отнятіе или прекращеніе услугъ. 7) Злостное разрушеніе или поврежденіе. 8) Несостоятельность. 9) Злостное полученіе услугъ. 10) Злостное наложеніе издержекъ. 11) Злостное наложеніе услугъ. 12) Злостное занятіе. 13) Злостное задержаніе. 14) Злостное нарушеніе правъ собственности. 15) Воровство. 16) Присвоеніе обманомъ. 17) Подложное полученіе. 18) Вымогательство [1]).

Мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію преступленій, сложныхъ по своимъ дѣйствіямъ. Правда, по порядку мы должны бы перейти теперь къ преступленіямъ противъ положенія; но сначала удобнѣе будетъ сказать о преступленіяхъ, затрогивающихъ интересъ человѣка въ обоихъ предъидущихъ пунктахъ вмѣстѣ.

XXXVI.

Итакъ, вопервыхъ, о преступленіяхъ, затрогивающихъ личность и репутацію вмѣстѣ. Когда человѣкъ какимъ-нибудь способомъ своего обращенія или поведенія, затрогивающимъ личность, вредитъ репутаціи другаго человѣка, его цѣлью и намѣреніемъ должны были быть или его собственное непосредственное удовольствіе, или тотъ родъ отраженнаго удовольствія, который можно въ извѣстныхъ обстоятельствахъ извлекать изъ страданія другаго человѣка. Но единственное непосредственное удовольствіе (стоющее упоминанія), которое человѣкъ можетъ извлечь изъ личности другаго и которое въ тоже время способно затро-

---

[1]) I. Полу-публичныя преступленія. 1) Злостное облеченіе, устраненіе, узурпація и т. д. цѣнностей, которыя составляютъ собственность корпораціи или находятся въ безразличномъ занятіи сосѣдства, какъ напр. приходскія церкви, алтари, реликвіи и другіе предметы, принадлежащіе къ цѣлямъ религіи; или вещи, которыя находятся въ безразличномъ занятіи публики вообще, какъ напр. верстовые столбы, рынки, биржи, общественные сады и церкви. 2) Устройство такъ-называемыхъ bubbles, или надувательскія общества и игры; распространеніе ложныхъ слуховъ, чтобы поднять или уронить цѣнность фондовъ, или другихъ родовъ собственности.

II. Личныя преступленія. 1) Лѣнь. 2) Игра. 3) Другіе виды расточительности. Б.

путь репутацію послѣдняго, есть удовольствіе половаго стремленія [1]. А это удовольствіе, если только оно извлекается, должно быть извлечено или противъ согласія другой стороны или съ ея согласіемъ. Если съ согласіемъ, то согласіе должно было быть получено или свободно и вмѣстѣ правильно, или свободно, но неправильно, или даже и не свободно,—причемъ правильность остается внѣ вопроса. Если согласія нѣтъ совершенно, преступленіе называется похищеніемъ; если оно получено неправильно, то просто обольщеніемъ; если оно получено несвободно, то преступленіе можетъ быть названо насильственнымъ обольщеніемъ. Во всякомъ случаѣ, преступленіе доходитъ до своего конца или останавливается раньше этого періода; если дошло до конца, то оно принимаетъ одно изъ сейчасъ приведенныхъ названій; если нѣтъ, то во всѣхъ случаяхъ оно можетъ быть одинаково названо простымъ сладострастнымъ оскорбленіемъ. Наконецъ возьмемъ тотъ случай, гдѣ человѣкъ, вредящій вашей репутаціи поступками относительно вашей личности, дѣлаетъ это изъ-за того удовольствія, которое происходитъ иногда изъ зрѣлища страданія другаго человѣка. При этихъ обстоятельствахъ, преступленіе или доходитъ до тѣлеснаго оскорбленія, или остановилось на угрозѣ: въ первомъ случаѣ, оно можетъ быть названо тѣлесной обидой; во второмъ—обидной угрозой. И такимъ образомъ мы имѣемъ шесть родовъ *преступленій противъ личности и репутаціи вмѣстѣ*, которыя, будучи расположены въ порядкѣ, наиболѣе удобномъ для обзора, могутъ быть поставлены такъ: 1) Тѣлесныя обиды. 2) Обидная угроза. 3) Обольщеніе. 4) Похищеніе. 5) Насильственное обольщеніе. 6) Простыя сладострастныя оскорбленія [2].

XXXVII.

Во вторыхъ, — преступленія, касающіяся вмѣстѣ личности и собственности. Мы упоминали уже, что употребленіе силы противъ личности человѣка можетъ быть однимъ изъ средствъ, которыми собственность можетъ быть незаконно отнята или пріобрѣтена. Сила этого рода есть обстоятельство, могущее сопровождать преступленія злостнаго устраненія, злостнаго отнятія, узурпаціи и злостнаго облеченія. Но въ этихъ случаяхъ вмѣшательство этого обстоятельства не придало преступленію никакихъ особенныхъ наименованій. Впрочемъ во всѣхъ или

---

[1]) См. гл. V (Удовольствія и страданія).

[2]) I. Полу-публичныя преступленія — нѣтъ.

II. Личныя преступленія. 1) Пожертвованіе дѣвствомъ. 2) Непубличныя нескромности. Б.

въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ, прибавляя эпитетъ насильственный, мы можемъ имѣть новыя названія преступленій, которыя могутъ считаться или видами родовъ, принадлежащихъ къ отдѣлу преступленій противъ собственности, или родами, принадлежащими къ отдѣлу, который мы теперь разсматриваемъ. Преступленія, относящіяся къ пользованію вещью, могутъ пониматься такъ же, какъ злостное разрушеніе или злостное поврежденіе, и также злостное занятіе и злостное задержаніе. Что касается до преступленія злостнаго занятія, то въ томъ только случаѣ, когда занятая вещь принадлежитъ къ числу недвижимыхъ, это преступленіе, сопровождаясь упомянутымъ родомъ силы, получаетъ особенное названіе насильственнаго входа (forcible entry). Насильственное задержаніе, въ примѣненіи къ недвижимостямъ, и только къ недвижимостямъ, получило, по крайней мѣрѣ у законниковъ, названіе насильственнаго захвата (forc. detainer). И такимъ образомъ мы можемъ различить десять родовъ преступленій противъ личности и собственности вмѣстѣ, которыя (опуская для краткости эпитетъ: злостный) могутъ быть поставлены въ такомъ порядкѣ: 1) Насильственное устраненіе собственности. 2) Насильственное отнятіе собственности. 3) Насильственная узурпація. 4) Насильственное облеченіе. 5) Насильственное разрушеніе или поврежденіе. 6) Насильственное занятіе движимости. 7) Насильственный входъ. 8) Насильственное задержаніе движимостей. 9) Насильственное задержаніе или захватъ недвижимостей. 10) Разбой [1]).

XXXVIII.

Мы переходимъ теперь къ преступленіямъ противъ положенія. Положеніе человѣка въ жизни установляется его легальнымъ отношеніемъ къ окружающимъ его лицамъ; т. е. установляется обязанностями, которыя, будучи наложены на одну сторону, порождаютъ права и родъ власти съ другой. Очевидно, что эти отношенія могутъ быть разнообразны до безконечности. Есть, впрочемъ, нѣкоторыя средства провести черту области, въ границахъ которой обнаруживается это разнообразіе. Вопервыхъ эти отношенія должны быть или таковы, какія могутъ обнаруживаться въ кругу частнаго семейства, или таковы, какія требуютъ болѣе обширнаго пространства. Положенія, установляемыя первымъ родомъ отношеній, можно назвать домашними; положенія, установлемыя послѣднимъ родомъ отношеній, — гражданскими.

---

[1]) I. Полу-публичныя преступленія. 1) Поджигательство. 2) Преступное произведеніе наводненія.

II. Личныя преступленія — нѣтъ. Б.

XXXIX.

Что касается домашнихъ положеній, то легальныя отношенія, которыми они установляются, могутъ быть раздѣлены на: 1) Такія, которыя прибавляются къ отношеніямъ, чисто естественнымъ, и 2) Такія, которыя, безъ всякаго подобнаго естественнаго основанія, существуютъ чисто вслѣдствіе учрежденій. Подъ чисто естественными отношеніями я разумѣю тѣ, которыя могутъ считаться существующими между извѣстными лицами въ силу той связи, которую они сами, или другія извѣстныя лица, имѣли между собой въ процессѣ, необходимомъ для продолженія вида. Эти отношенія могутъ быть различаемы, вопервыхъ, на смежныя (contiguous) и несмежныя. Несмежныя существуютъ чрезъ вмѣшательство смежныхъ. Смежныя могутъ различаться, вопервыхъ, на брачныя и послѣ-брачныя [1]). Брачныхъ отношеній бываетъ два: 1) То, какое можетъ имѣть мужчина къ женщинѣ; 2) То, которое можетъ имѣть женщина къ мужчинѣ. Послѣ-брачныя бываютъ или отношеніе продуктивное или отношеніе происхожденія (productive and derivative). Продуктивное отношеніе то, которое упомянутые мужчина и женщина имѣютъ къ дѣтямъ, составляющимъ непосредственный плодъ ихъ соединенія: это называется родительскимъ отношеніемъ (parentality). Но родители, какъ и дѣти, бываютъ различнаго пола. Поэтому родительскія отношенія могутъ раздѣляться на четыре вида: 1) Отношеніе отца къ сыну, называемое отцовскимъ отношеніемъ (paternity); 2) Отношеніе отца къ дочери, называемое также отцовскимъ отношеніемъ; 3) Отношеніе матери къ сыну, называемое материнскимъ отношеніемъ (maternity); 4) Отношеніе матери къ дочери, называемое также материнскимъ отношеніемъ. Далѣе, несмежныя естественныя отношенія могутъ раздѣляться на непосредственныя и отдаленныя. Непосредственныя—тѣ, которыя одно лицо имѣетъ къ другому вслѣдствіе того, что каждое изъ нихъ имѣетъ простое отношеніе къ какому-нибудь третьему лицу. Такимъ образомъ дѣдъ съ отцовской стороны относится къ внуку посредствомъ двухъ отдѣльныхъ отношеній, разнаго рода, которыя оба они имѣютъ къ отцу; братъ по отцѣ къ брату — посредствомъ двухъ отношеній, того же рода, которыя они оба имѣютъ къ отцу. Такимъ же образомъ мы могли бы найти мѣста въ этой системѣ для безконечно разнообразныхъ отношеній, происходящихъ отъ комбинацій, которыя могутъ образоваться отъ смѣшенія разныхъ родовъ родства по восходящей

---

[1]) Подъ выраженіями «брачный» и «послѣ-брачный» я понимаю въ настоящемъ случаѣ только чисто физическую связь, независимо отъ обрядовъ и легальныхъ обязательствъ, которыми она сопровождается и которыя будутъ разсмотрѣны дальше. Б.

линіи, родства по нисходящей линіи, родства по боковой линіи и родства по свойству (affinity); и когда союзъ между двумя сторонами, посредствомъ котораго происходитъ это послѣднее, освящается брачными обрядами, онъ называется родствомъ по браку. Но къ счастью для нашей настоящей цѣли эта запутанная и скучная работа вовсе не нужна. Единственныя естественныя отношенія, на которыхъ намъ нужно подробнѣе остановится—тѣ, которыя, будучи освящены закономъ, производятъ житейскія положенія мужа и жены, два отношенія, поставленныя въ отдѣлъ родительскихъ, и соотвѣтственныя имъ отношенія, называемыя дѣтскими, филіальными.

Какія же отношенія легальнаго рода могутъ быть прибавлены къ упомянутымъ выше естественнымъ отношеніямъ? Они должны быть таковы, какія можетъ произвести и установить природа закона. Но отношенія, существующія чисто вслѣдствіе учрежденій, какъ мы увидимъ, истощаютъ весь запасъ отношеній, какія можетъ произвести и установить природа закона. Итакъ, отношенія, которыя могутъ быть прибавлены къ отношеніямъ чисто естественнымъ, не могутъ быть сами по себѣ другими, кромѣ тѣхъ, которыя принадлежатъ къ числу отношеній, существующихъ чисто вслѣдствіе учрежденій: такъ что все различіе, могущее быть между легальнымъ отношеніемъ одного рода и легальнымъ отношеніемъ другаго рода, состоитъ въ томъ, что въ первомъ случаѣ обстоятельство, производящее естественное отношеніе, служитъ указаніемъ того, гдѣ нужно установить легальное отношеніе; въ послѣднемъ случаѣ мѣсто, гдѣ нужно связать легальное отношеніе, опредѣляется не этимъ обстоятельствомъ, а какимъ-нибудь другимъ. Изъ этихъ соображеній окажется достаточно ясно, что для объясненія разныхъ родовъ положеній естественныхъ и чисто условныхъ, въ наиболѣе удобномъ порядкѣ, необходимо дать первое мѣсто послѣднимъ. Держась постоянно этого правила, мы будемъ вездѣ давать первенство не тѣмъ отношеніямъ, которыя суть первыя по природѣ, но тѣмъ, которыя проще для описанія. Мы не находимъ другаго средства избѣжать безпрестанныхъ антиципацій и повтореній.

XL.

Мы переходимъ теперь къ разсмотрѣнію домашнихъ или семейныхъ отношеній, происходящихъ чисто отъ легальнаго учрежденія. Въ самомъ дѣлѣ этому учрежденію обязаны своимъ происхожденіемъ оба рода домашнихъ положеній, разсматриваемыхъ какъ дѣло закона. Когда законъ,—все равно съ какой цѣлью,—беретъ на себя дѣйствовать въ дѣлѣ, въ которомъ онъ не дѣйствовалъ прежде, онъ можетъ дѣйствовать только

наложеніемъ **обязательствъ** [1]. Когда на человѣка налагается какое-нибудь легальное обязательство, то оно можетъ быть наложено, въ первой инстанціи, только двумя способами. Одинъ способъ — дать власть налагать это обязательство той сторонѣ, въ пользу которой оно налагается; другой—предоставить эту власть извѣстнымъ третьимъ лицамъ, которыя, въ силу обладанія этой властью, называются служителями правосудія. Въ первомъ случаѣ о покровительствуемой сторонѣ говорится, что она обладаетъ нетолько **правомъ** противъ обязанной стороны, но и **властью** надъ ней; во второмъ случаѣ—только право, не усиливаемое властью. Въ первомъ случаѣ покровительствуемая сторона можетъ быть названа **высшимъ** (superior), и такъ какъ онѣ обѣ — члены одного семейства, то—**высшимъ домашнимъ** относительно обязанной стороны; которая въ этомъ же смыслѣ можетъ быть названа **домашнимъ низшимъ** относительно покровительствуемой стороны. Говоря въ смыслѣ возможности, очевидно, что домашнія положенія, или родъ фиктивнаго владѣнія, аналогическаго съ домашними положеніями, могли бы считаться установленными какъ посредствомъ однихъ правъ, безъ власти ни на одной сторонѣ, такъ и посредствомъ власти. Но, въ смыслѣ принципа пользы [2], это не кажется удобнымъ; а на фактѣ, вѣроятно

---

[1] См. гл. XIX (Границы), § 3.

[2] Два лица, какимъ-нибудь образомъ принужденныя жить вмѣстѣ, никогда не могутъ прожить долго вмѣстѣ безъ того, чтобы одно изъ этихъ лицъ не нашло нужнымъ сдѣлать тотъ или другой актъ, который бы другое изъ этихъ лицъ не нашло нужнымъ не дѣлать. Когда это случится, какъ рѣшить этотъ споръ? Оставляя въ сторонѣ благородство и благовоспитанность, составляющія поздній и ненадежный плодъ издавна установившихся законовъ, очевидно, что здѣсь нѣтъ другаго средства рѣшенія кромѣ физической силы; и эта сила есть, дѣйствительно, то самое средство, которое должно было рѣшать и семейные и другіе споры задолго до того, когда начала существовать дѣятельность въ родѣ дѣятельности законодателя. Итакъ, если таковъ былъ порядокъ вещей, который законодатель нашелъ установленнымъ самой природой, что могъ онъ сдѣлать лучшаго, какъ не остановиться на немъ? Лица, которыя, по вліянію причинъ, господствующихъ вездѣ, обыкновенно живутъ вмѣстѣ, бываютъ: 1) родитель и ребенокъ, въ продолженіе дѣтства послѣдняго; 2) мужъ и жена; 3) дѣти отъ однихъ родителей. Родитель и ребенокъ — по необходимости: потому что еслибы ребенокъ жилъ не съ родителемъ (или съ кѣмъ-нибудь, занимающимъ мѣсто родителя), то онъ не жилъ бы вовсе; мужъ и жена—по выбору, близкому къ необходимости; дѣти отъ однихъ родителей — по необходимости каждому изъ нихъ жить съ родителями. Что касается до отношеній между родителемъ и ребенкомъ, то необходимость власти, оказывающаяся на сторонѣ родителя для сохраненія ребенка, прекращаетъ всѣ дальнѣйшія разсужденія. Между мужемъ и женой этой необходимости не су-

вслѣдствіе неизмѣннаго представленія, которое люди должны были имѣть объ этомъ неудобствѣ, никакихъ подобныхъ положеній не было кажется никогда установлено такими слабыми связями. Итакъ, изъ легальныхъ отношеній, которыя могутъ быть устроены въ кругу семейства, остаются только тѣ, въ которыхъ обязательство налагается съ помощью власти. Далѣе, вездѣ, гдѣ кому-нибудь вручается подобная власть, цѣль или намѣреніе этого врученія (если только можно представить, что законодатель дѣйствуетъ без мотива) должны быть въ томъ, чтобы произвести кому-нибудь благо или прибыль; другими словами, она должна быть вручена въ чью-нибудь пользу. Лицо, въ пользу котораго она вручена, должно быть или одна изъ двухъ вышеупомянутыхъ сторонъ,

---

ществуетъ. Единственное основаніе, примѣнимое къ этому случаю, есть необходимость положить конецъ спорамъ. Мужчина хотѣлъ бы жаренаго мяса, женщина—вареного: неужели имъ поститься до тѣхъ поръ, пока придетъ судья приготовить имъ этого мяса? Женщина хотѣла бы одѣть ребенка въ зеленое, мужчина—въ синее: неужели ребенку оставаться голымъ, пока судья придетъ одѣвать его? Это доставляетъ основаніе дать власть той или другой сторонѣ: но это не доставляетъ никакого основанія дать ее лучше одной, чѣмъ другой сторонѣ. Какъ же долженъ рѣшить это законодатель? Предполагая, что эту власть одинаково легко дать и той и другой, пусть онъ сколько угодно времени ищетъ основанія, по которому бы онъ могъ отдать эту власть скорѣе одной, чѣмъ другой сторонѣ, и онъ будетъ искать напрасно. Но какъ уже стоитъ этотъ вопросъ на дѣлѣ? потому что мужья и жены (или что все равно, мужчины и женщины, живущіе вмѣстѣ, какъ мужъ и жена, были прежде, чѣмъ были законодатели. Итакъ, осматриваясь кругомъ себя, онъ видитъ, что почти вездѣ мужчина сильнѣе женщины и потому уже владѣетъ, чисто физическимъ путемъ, той властью, которую законодатель думаетъ дать кому-нибудь изъ нихъ средствами закона. Что же онъ можетъ сдѣлать лучше, какъ не отдать легальную власть въ тѣ же руки, которыя безъ всякаго сравненія болѣе способны владѣть физической властью? При этомъ способѣ—мало нарушеній и мало случаевъ для наказанія, при другомъ способѣ безпрестанныя нарушенія и безпрестанные случаи для наказанія. Солонъ, какъ говорятъ, перенесъ ту же самую идею и въ распредѣленіе государственной власти. Здѣсь было, слѣдовательно, обобщеніе; здѣсь было дѣло генія. Но въ распредѣленіи домашней власти, всякій законодатель, безъ малѣйшихъ усилій генія, былъ Солономъ. Таковы были основанія (общественные мотивы: симпатія къ публикѣ, любовь къ репутаціи и пр.): прибавимъ къ этому, относительно мотивовъ (личные мотивы, или общественные мотивы, которые общественны въ меньшемъ объемѣ: симпатія къ лицамъ извѣстнаго частнаго разряда, къ лицамъ того же пола), что законодатели всѣ, кажется, были мужскаго пола, до временъ Екатерины. Я говорю здѣсь о тѣхъ, которые составляютъ законы, а не о тѣхъ, которые прикасаются къ нимъ скипетромъ. Б.

или же третья сторона: если одна изъ двухъ первыхъ, это долженъ быть или высшій или низшій. Если высшій, то такой высшій называется обыкновенно **господиномъ**, а низшій — его **слугой**, и власть можетъ быть названа **бенефиціальной** (доставляющей прибыль). Если она вручена въ пользу низшаго, то высшій называется **опекуномъ**, а низшій—**находящимся въ опекѣ**; и власть, будучи соединена при этомъ съ довѣріемъ, можетъ быть названа **довѣрительной**. Если она вручена въ пользу третьей стороны, высшій называется **начальникомъ**, а низшій его **подчиненнымъ**. Этой третьей стороной можетъ быть или извѣстный индивидуумъ, или собраніе извѣстныхъ индивидуумовъ, или собраніе индивидуумовъ неизвѣстныхъ (которые не могутъ быть указаны). Въ этомъ послѣднемъ случаѣ довѣріе бываетъ или публичное, или полу-публичное; и положеніе, имъ создаваемое, бываетъ не домашняго, а гражданскаго рода. Въ первомъ случаѣ, эта третья сторона или **принципалъ**, какъ мы его назовемъ, или имѣетъ надъ начальникомъ бенефиціальную власть, или не имѣетъ: если имѣетъ, то начальникъ есть его слуга, а слѣдовательно и подчиненный также его слуга; если не имѣетъ, то начальникъ есть господинъ подчиненнаго; и вся выгода, которую принципалъ имѣетъ надъ начальникомъ, заключается въ томъ, что онъ владѣетъ собраніемъ правъ, не усиливаемыхъ властью; и потому не можетъ составить положенія домашняго рода. Но, каково бы ни было положеніе, создаваемое этими правами, какого рода могутъ быть тѣ обязательства, которымъ посредствомъ ихъ можетъ быть подверженъ начальникъ? Они ни болѣе ни менѣе какъ тѣ, которымъ человѣкъ можетъ быть подверженъ властью. Отсюда слѣдуетъ, поэтому, что функціи принципала и начальника совпадаютъ съ функціями господина и слуги; и что, слѣдовательно, преступленія, относящіяся къ двумъ первымъ положеніямъ, будутъ совпадать съ преступленіями, относящимися къ двумъ послѣднимъ.

XLI.

Преступленія, которымъ подлежитъ положеніе господина, какъ и всякое другое положеніе, могутъ, какъ мы уже указывали (см. выше, пар. 27), быть раздѣлены на такія, которыя относятся къ существованію самого положенія, и на такія, которыя относятся къ отправленію его функцій, когда оно существуетъ. Итакъ скажемъ, вопервыхъ, о преступленіяхъ, относящихся къ его существованію. Довольно ясно, что услуги одного человѣка могутъ быть прибылью для другаго: поэтому, положеніе господина можетъ быть бенефиціальнымъ. Поэтому, оно подлежитъ преступленіямъ **злостнаго необлеченія**, **злостнаго устраненія**,

узурпаціи, злостнаго облеченія и злостнаго отнятія. Но какъ можетъ оно подлежать преступленіямъ злостнаго отказа, злостнаго уклоненія и злостнаго наложенія? Конечно, само по себѣ не можетъ; потому что услуги, когда человѣкъ имѣетъ власть требовать ихъ или нѣтъ, какъ онъ находитъ это удобнымъ,—никогда не могутъ быть тягостью. Но если къ той власти, которая составляетъ положеніе господина, законъ находитъ нужнымъ привязать какое-нибудь обязательство со стороны господина, напримѣръ обязательство давать содержаніе или жалованье слугѣ, или платить деньги кому-нибудь другому, то очевидно, что въ силу такого обязательства это положеніе можетъ быть тягостью. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ положеніе, занимаемое господиномъ, не будетъ, собственно говоря, простымъ и чистымъ положеніемъ господина: это будетъ родъ сложнаго объекта, который можетъ быть разложенъ на бенефиціальное положеніе господина и на связанное съ нимъ тягостное обязательство. Впрочемъ, если свойство обязательства имѣетъ тѣсныя границы и не мѣшаетъ (какъ въ томъ обязательствѣ, какое существуетъ въ довѣріи) выполненію той власти, которая составляетъ положеніе высшаго, то это послѣднее, несмотря на эту чуждую примѣсь, все-таки сохранитъ названіе господства [1]). Поэтому, въ такомъ случаѣ, и только въ такомъ случаѣ, положеніе господина можетъ подлежать преступленіямъ злостнаго отказа, злостнаго уклоненія и злостнаго наложенія. Далѣе, — слѣдуетъ поведеніе лицъ, относительно ихъ положенія, когда оно существуетъ. Въ силу того, что это положеніе есть прибыль, оно подлежитъ помѣхѣ (disturbance). Эта помѣха будетъ или преступленіемъ чужаго человѣка, или преступленіемъ самого слуги. Когда это есть преступленіе чужаго человѣка и совершается посредствомъ взятія или захвата лица слуги, въ такихъ обстоятельствахъ, гдѣ взятіе предмета, принадлежащаго къ

[1]) У наиболѣе цивилизованныхъ націй существуетъ родъ домашняго положенія, гдѣ высшій называется господиномъ или собственно хозяиномъ (master), а низшій, хотя называется и слугой, но чаще, и въ болѣе частномъ смыслѣ, называется ученикомъ (apprentice). Въ этомъ случаѣ, хотя высшій, по обычаю, извѣстенъ подъ тѣмъ же названіемъ господина или хозяина, но отношеніе на самомъ дѣлѣ бываетъ смѣшанное, слагаемое изъ господина (master) и опекуна. Б.

Въ русскомъ употребленіи этихъ словъ есть разница, которая въ англійскомъ языкѣ сливается въ одно названіе «master»: мы поставили въ переводѣ этого примѣчанія оба русскія значенія — и господина, и хозяина. Замѣчаніе Бентама, конечно, относится къ послѣднему.

разряду вещей, составило бы актъ воровства или кражи, или (что едва-ли стоитъ различать отъ кражи) присвоенія обманомъ, то преступленіе можетъ быть названо кражей слуги. Когда это есть преступленіе самого слуги, оно называется нарушеніемъ обязанности. Но самый явный видъ нарушенія обязанности, и дѣйствительно заключающій въ себѣ всѣ другіе виды, есть тотъ, который состоитъ въ удаленіи слуги изъ того мѣста, гдѣ должна быть исполняема его обязанность. Этотъ видъ нарушенія обязанности называется самовольнымъ бѣгствомъ (elopement). Далѣе, въ силу власти, принадлежащей этому положенію, оно способно, со стороны господина, къ злоупотребленію. Но эта власть не соединяется съ довѣріемъ. Поэтому, положеніе господина не подлежитъ никакому преступленію, имѣющему аналогію съ нарушеніемъ довѣрія. Наконецъ, такъ какъ оно подлежитъ злоупотребленію, то оно можетъ быть представлено, въ возможности, подлежащимъ подкупу. Но, принимая въ соображеніе, какъ мало лицъ, могущихъ подлежать упоминаемой здѣсь власти, и какъ эти лица незначительны, это можетъ считаться преступленіемъ, которое, по причинѣ отсутствія искушенія, будетъ рѣдко имѣть примѣры на практикѣ.—Такимъ образомъ мы насчитываемъ тринадцать родовъ преступленій, которымъ подлежитъ положеніе господина, именно: 1) Злостное необлеченіе положеніемъ господина. 2) Злостное устраненіе этого положенія. 3) Злостное отнятіе. 4) Узурпація. 5) Злостное облеченіе. 6) Злостный отказъ отъ этого положенія. 7) Злостное уклоненіе отъ него. 8) Злостное наложеніе его; 9) Злоупотребленіе положеніемъ господина. 10) Помѣха положенію господина. 11) Нарушеніе обязанности слугою. 12) Бѣгство слуги. 13) Кража слуги.

XLII.

Что касается до власти, создающей положеніе господина, эта власть можетъ быть или ограниченная или неограниченная. Когда она совершенно не ограничена, то положеніе слуги называется полнымъ рабствомъ. Но такъ какъ правила языка въ этомъ случаѣ не совершенно строги, то выраженіе «рабство» употребляется обыкновенно вездѣ, гдѣ ограниченія, наложенныя на власть господина, считаются незначительными. И гдѣ налагается какое-нибудь подобное ограниченіе, то при этомъ создается родъ фиктивной сущности, который приписывается слугѣ въ качествѣ невещественнаго объекта владѣнія: этотъ объектъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которые называются правами, и въ настоящемъ случаѣ называется, въ болѣе частномъ смыслѣ, свободой, а иногда привиллегіей, льготой (immunity) или изъятіемъ. Но очевидно, что съ одной стороны эти ограниченія и съ другой эти сво-

боды могутъ быть столько же разнообразны, какъ тѣ (положительные или отрицательные) акты, къ совершенію которыхъ или къ подчиненію которымъ господинъ имѣетъ, или не имѣетъ власть обязывать слугу. Поэтому соотвѣтственно съ этимъ безконечнымъ числомъ свободъ является безконечное число видоизмѣненій, которыя допускаетъ положеніе господина (или, какъ чаще говорится въ этомъ случаѣ, положеніе рабства). Очевидно, что эти видоизмѣненія въ разныхъ странахъ могутъ быть безконечно разнообразны. Поэтому преступленія, охарактеризованныя поставленными выше названіями, будучи разсматриваемы специфически, въ разныхъ странахъ будутъ допускать весьма различныя опредѣленія. Если есть на землѣ такое отверженное мѣсто, которое бы представляло зрѣлище полнáго и абсолютно неограниченнаго рабства, въ этомъ мѣстѣ не будетъ такой вещи, какъ злоупотребленіе положенія господина; и это значитъ ни болѣе ни менѣе какъ то, что въ этомъ мѣстѣ никакое злоупотребленіе положеніемъ господина не будетъ разсматриваться съ точки зрѣнія преступленія. Что касается до вопроса: Есть ли какіе-нибудь, и какіе именно, способы рабскаго подчиненія (сервитута), которые могутъ быть установлены или удержаны? разрѣшеніе этого вопроса принадлежитъ гражданскому отдѣлу законодательнаго искусства.

XLIII.

Далѣе, — преступленія, относящіяся къ положенію слуги. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что такого рода положеніе не имѣетъ ни малѣйшей доли прибыли, что оно не можетъ сопровождаться никакими другими послѣдствіями, кромѣ такихъ, которыя дѣлаютъ его чистой тягостью. Но самая тягость можетъ быть прибылью, въ сравненіи съ другой большей тягостью. Представимъ себѣ, что обстоятельства человѣка таковы, что онъ долженъ быть во всякомъ случаѣ въ состояніи полнаго рабства. Для него все-таки можетъ быть важно, и въ высшей степени важно, кто—то лицо, которое онъ имѣетъ своимъ господиномъ. Поэтому, состояніе рабства при одномъ господинѣ можетъ быть для него прибыльнымъ, бенефиціальнымъ состояніемъ въ сравненіи съ состояніемъ рабства при другомъ господинѣ. Итакъ, положеніе слуги подлежитъ различнымъ преступленіямъ, которымъ подлежитъ положеніе, въ силу того, что оно бываетъ бенефиціально [1]. И этого мало: тамъ,

---

[1]) Съ перваго взгляда можетъ показаться, что лицо, находящееся въ положеніи раба, не можетъ принять такого способа дѣйствій, который былъ бы нуженъ для того, чтобы дать ему видимое право считаться въ числѣ рабовъ другаго господина. Но хотя онъ по праву рабъ, можетъ случиться,

гдѣ власть господина ограничена, и эти ограниченія, а слѣдовательно свободы слуги, бываютъ значительны, тамъ сервитутъ можетъ быть даже и положительно желаемымъ. Потому что въ числѣ этихъ ограниченій могутъ быть и такія, которыя даютъ возможность слугѣ владѣть своей собственностью; а будучи способенъ владѣть своей собственностью, онъ можетъ быть способенъ получать ее отъ своего господина; словомъ, онъ можетъ получать жалованье, или другое вознагражденіе отъ своего господина; и прибыль отъ этого жалованья можетъ быть такъ значительна, что можетъ перевѣсить тягость сервитута и такимъ образомъ сдѣлать это положеніе вообще болѣе бенефиціальнымъ и болѣе желательнымъ, чѣмъ положеніе другаго человѣка, ни въ какомъ смыслѣ не находящагося подъ властью какого-нибудь господина. Вслѣдствіе того, положеніе слуги можетъ быть такимъ образомъ столь желательно, что вступленіе въ это положеніе и пребываніе въ немъ могутъ быть вполнѣ результатомъ собственнаго выбора человѣка. Чтобы яснѣе представить свойство этихъ двухъ положеній, можетъ быть полезно показать родъ соотвѣтственности, существующей между тѣми преступленіями, которыя касаются существованія одного, и тѣми, которыя касаются существованія другаго. Очевидно съ перваго взгляда, что эта соотвѣтственность должна быть весьма тѣсная. Это не значитъ, впрочемъ, чтобы данное преступленіе въ первомъ спискѣ совпадало съ преступленіемъ того же имени во второмъ спискѣ; напр. узурпація положенія слуги съ узурпаціей положенія господина. А это значитъ, что преступленіе одного названія, въ первомъ спискѣ, будетъ совпадать съ преступленіемъ другаго названія во второмъ. И это совпаденіе не постоянно и не несомнѣнно; но, какъ увидимъ, подлежитъ случайностямъ. Итакъ: 1) Злостное необлеченіе (non-collation) въ служебность или въ положеніе слуги, если это есть преступленіе человѣка, который долженъ бы быть господиномъ, совпадаетъ съ злостнымъ уклоненіемъ отъ господскаго положенія; если это есть преступленіе третьяго лица, оно заключаетъ въ себѣ необлеченіе въ господское положеніе, и это необлеченіе бываетъ злостное въ такомъ случаѣ (и только въ такомъ случаѣ), когда это господское положеніе въ глазахъ того, кто долженъ бы быть господиномъ, есть положеніе бенефиціальное или прибыльное. 2) Злост-

---

напримѣръ, что онъ убѣжитъ и не будетъ рабомъ на фактѣ; или если даже предположить его рабомъ на фактѣ, и даже бдительно наблюдаемымъ, все-таки лицо, связанное съ нимъ симпатіей, могло бы сдѣлать для него то, что онъ, хотя желалъ бы, не можетъ сдѣлать самъ, — это лицо могло бы, напримѣръ, поддѣлать дарственную запись отъ одного господина другому. Б.

ное устраненіе служебности или положенія слуги, если это есть преступленіе человѣка, который бы долженъ быть господиномъ, совпадаетъ съ злостнымъ уклоненіемъ отъ господскаго положенія; если это есть преступленіе третьяго лица, и если господское положеніе есть вещь прибыльная, оно заключаетъ въ себѣ злостное устраненіе господскаго положенія. 3) Злостное снятіе (ablation) служебности, въ томъ случаѣ (и только въ томъ случаѣ), когда это есть преступленіе господина, совпадаетъ съ злостнымъ отказомъ отъ господскаго положенія; если это есть преступленіе посторонняго человѣка, оно заключаетъ въ себѣ снятіе господскаго положенія, и притомъ злостное, если это положеніе прибыльно. 4) Узурпація служебности необходимо совпадаетъ съ злостнымъ наложеніемъ господскаго положенія; оно можетъ быть способно заключать въ себѣ злостное отнятіе господскаго положенія, — но только въ такомъ случаѣ, когда узурпаторъ, до узурпаціи, былъ въ состояніи слуги у какого-нибудь другаго господина. 5) Злостное облеченіе служебностью (считая ее вещью прибыльной) совпадаетъ съ наложеніемъ господскаго положенія, и это наложеніе будетъ злостное, если въ глазахъ мнимаго господина господское положеніе должно быть тягостью. 6) Злостный отказъ отъ служебности совпадаетъ съ злостнымъ отнятіемъ господскаго положенія. 7) Злостное уклоненіе отъ служебности совпадаетъ съ злостнымъ необлеченіемъ господскимъ положеніемъ. 8) Злостное наложеніе служебности, если это есть преступленіе мнимаго господина, совпадаетъ съ узурпаціей господскаго положенія; если это есть преступленіе человѣка посторонняго, оно заключаетъ въ себѣ наложеніе господскаго положенія, и это наложеніе будетъ злостнымъ, если въ глазахъ мнимаго господина это господское положеніе есть тягость. Что касается до злоупотребленія господскаго положенія, помѣхи ему, нарушенія обязанности слугою, бѣгства слуги и кражи слуги, это—преступленія, которыя, безъ всякой перемѣны названія, одинаково относятся къ обоимъ положеніямъ. И такимъ образомъ мы можемъ насчитать тринадцать родовъ преступленій, которымъ подвержено положеніе слуги, а именно: 1) Злостное необлеченіе служебностью. 2) Злостное устраненіе служебности. 3) Злостное отнятіе служебности. 4) Узурпація служебности. 5) Злостное облеченіе служебностью. 6) Злостный отказъ отъ служебности. 7) Злостное уклоненіе отъ служебности. 8) Злостное наложеніе служебности. 9) Злоупотребленіе господскаго положенія. 10) Помѣха господскому положенію. 11) Нарушеніе обязанности въ слугѣ. 12) Бѣгство слуги. 13) Кража слуги.

XLIV.

Мы переходимъ теперь къ преступленіямъ, которымъ подвержено

положеніе опекуна. Опекунъ есть человѣкъ, облеченный властью надъ другимъ человѣкомъ, который живетъ въ границахъ того же семейства и называется находящимся въ опекѣ (питомцемъ); и эта власть должна быть употребляема въ пользу послѣдняго. Итакъ, въ какихъ же случаяхъ можетъ быть полезно человѣку, чтобы другой человѣкъ, живущій съ нимъ въ границахъ того же семейства, могъ имѣть надъ нимъ власть? Разсмотримъ каждую сторону отдѣльно, и предположимъ, что по степени пониманія обѣ стороны находятся на одномъ уровнѣ;—довольно очевидно, кажется, что такого случая иногда не можетъ существовать [1]). Для произведенія счастія на сторонѣ извѣстнаго даннаго лица (также, какъ для произведенія всякаго другаго результата, составляющаго слѣдствіе человѣческой дѣятельности) необходимо должны дѣйствовать три вещи: знаніе, наклонность и физическая сила. И какъ нѣтъ человѣка, который бы столь несомнѣнно былъ наклоненъ во всѣхъ случаяхъ способствовать вашему счастію, какъ вы сами; такъ нѣтъ и человѣка, который бы, вообще, могъ имѣть столько возможности, какъ вы, знать, что всего лучше можетъ вести къ этой цѣли. Потому что, кто же лучше васъ можетъ знать, что доставляетъ вамъ страданіе или удовольствіе? [2]) Притомъ, что касается до силы, очевидно, что никакое превосходство въ этомъ отношеніи у посторонняго человѣка не можетъ конечно восполнить того недостатка, который окажется у него относительно такихъ двухъ важныхъ пунктовъ, какъ знаніе и наклонность. Итакъ, если есть случай, гдѣ человѣку можетъ быть полезно быть подъ властью другаго, это должно быть въ случаѣ какого-нибудь осязательнаго и весьма значительнаго недостатка, со стороны перваго, относительно ума или (что одно и тоже) относительно знанія и пониманія. А есть два случая, гдѣ, какъ извѣстно, является такой осязательный недостатокъ. Это бываетъ: 1) Когда умъ человѣка еще не дошелъ до того состоянія, въ которомъ онъ способенъ направлять свою собственную наклонность къ достиженію счастія: это — случай дѣтства [3]); 2) Когда, вслѣдствіе какого-нибудь частнаго извѣстнаго или неизвѣстнаго обстоятельства, его умъ или вовсе не достигалъ никогда до этого состоянія, или, достигнувъ его, потерялъ его: это — случай безумія.

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, разсмотримъ ихъ вмѣстѣ, возьмемъ сумму двухъ интерессовъ, и дѣло, какъ мы видѣли (выше, пар. 40), будетъ наоборотъ. Надо вспомнить, что этотъ случай происходитъ только тогда, когда предполагается, что обѣ стороны обязаны жить вмѣстѣ; потому что, предположивъ, что имъ вольно разойтись, необходимость установить власть прекращается. **Б.**

[2]) См. гл. XIX (Границы), § 1.

[3]) См. гл. XV (Случаи, не подлеж. наказ.), § 3.

Какимъ же образомъ узнать, въ такомъ случаѣ, достигъ ли умъ человѣка этого состоянія или нѣтъ? Для узнанія количества чувствительной теплоты въ человѣческомъ тѣлѣ мы имѣемъ весьма сносный инструментъ; термометръ; но для узнанія количества ума, мы такого инструмента не имѣемъ. Очевидно, поэтому, что линія, отдѣляющая то количество ума, которое достаточно для цѣлей самоуправленія, отъ того количества, которое недостаточно, должна быть въ значительной степени произвольна. Гдѣ недостаточность есть результатъ недостатка возраста, тамъ достаточное количество ума, каково бы оно ни было, не окажется ни у кого въ томъ же періодѣ жизни. Поэтому, законодателямъ становится необходимо разсѣчь Гордіевъ узелъ и установить извѣстный періодъ, въ который, и не раньше — все равно, справедливо, или нѣтъ — всякое лицо должно считаться, относительно возраста, имѣющимъ это достаточное количество [1]. Итакъ, въ этомъ случаѣ проводится линія одна и та же для всякаго человѣка и въ опредѣленіи которой всякія лица могутъ навѣрное согласиться: такъ какъ обстоятельство времени есть признакъ, по которому эта линія можетъ быть проведена съ крайней точностью. Съ другой стороны, гдѣ недостаточность есть результатъ безумія, тамъ нѣтъ даже и этого рессурса: такъ что здѣсь законодателю не остается другаго средства какъ назначить какое-нибудь одно или нѣсколько частныхъ лицъ давать частныя рѣшенія этого вопроса въ каждомъ встрѣчающемся случаѣ, смотря по его или по ихъ частному и произвольному мнѣнію. Довольно произвольно оно должно быть во всякомъ случаѣ, потому что единственный способъ полученія его состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть, подходитъ или не подходитъ доля пониманія въ извѣстномъ индивидуумѣ къ той неопредѣленной и произвольной идеѣ, которую этимъ особо назначеннымъ

---

[1]) У нѣкоторыхъ націй, женщины, замужнія и незамужнія, находились въ вѣчной опекѣ: это основывалось очевидно на понятіи о томъ, что женщина стоитъ рѣшительно ниже мужчины въ умственномъ отношеніи, аналогично съ тѣмъ, какъ это бываетъ результатомъ дѣтства или безумія у мужчины. Это — не единственный примѣръ, гдѣ тираннія извлекала выгоду изъ своего собственнаго дурнаго способа дѣйствій, приводя въ основаніе своего господства тѣ нелѣпости, которыя, когда онѣ и бываютъ дѣйствительно, производятся злоупотребленіемъ той самой власти, которую она должна здѣсь оправдывать. Аристотель, увлеченный предразсудкомъ своего времени, раздѣляетъ человѣчество на два особые вида: на людей свободныхъ и на рабовъ. Извѣстные люди родились, чтобы быть рабами, и должны быть рабами. Почему? потому что они рабы. Б.

лицамъ случится составить себѣ относительно количества, полагаемаго достаточнымъ.

XLV.

Итакъ, когда линія проведена или предполагается проведенной, то для человѣка, который не можетъ быть, безопасно для него самого, предоставленъ своей собственной власти, можетъ быть полезно быть поставленнымъ подъ власть другаго. Но какъ долго онъ долженъ оставаться въ такихъ условіяхъ? Именно столько, сколько продолжается предполагаемая неспособность: т. е. въ случаѣ дѣтства, до тѣхъ поръ, пока человѣкъ достигаетъ того періода, въ которомъ законъ считаетъ его въ *должномъ* возрастѣ; въ случаѣ безумія, пока онъ будетъ въ здравомъ умѣ. Но очевидно, что въ случаѣ дѣтства этотъ періодъ не можетъ наступить раньше значительнаго промежутка времени, а въ случаѣ безумія, быть можетъ, не наступить никогда. Поэтому продолжительность власти, принадлежащей этому довѣрію, въ одномъ случаѣ должна быть весьма значительна; въ другомъ случаѣ неопредѣленна.

XLVI.

Дальше, мы должны разсмотрѣть: каковъ м о ж е т ъ быть объемъ этой власти? потому что вопросъ о томъ, каковъ бы онъ д о л ж е н ъ быть, долженъ рѣшаться не въ общемъ *аналитическомъ очеркѣ*, а въ частномъ и обстоятельномъ изслѣдованіи. Что касается до возможности, то эта власть можетъ имѣть такой объемъ или пространство, какія только можно себѣ вообразить: она можетъ простираться на всякіе акты, которые, говоря физически, могли бы быть совершены властью самого питомца или совершеніе которыхъ могло бы быть цѣлью опекуна. Представимъ себѣ, на минуту, эту власть съ такой точки зрѣнія: положеніе питомца въ этомъ случаѣ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать положенію полнаго рабства. Прибавимъ къ этому обязательство, которымъ власть превращается въ довѣріе: границы власти теперь весьма значительно съуживаются. Въ чемъ же заключается значеніе обязательства? Какого свойства образъ дѣйствій оно предписываетъ? Это — такой образъ дѣйствія, который всего лучше разсчитанъ на доставленіе питомцу наибольшаго количества счастія, какое допускаютъ его способности и тѣ обстоятельства, въ которыхъ онъ находится: исключая всегда, вопервыхъ, ту заботу, которую опекуну позволительно имѣть о своемъ собственномъ счастьи, и, вовторыхъ, ту заботу, которую для него обязательно, какъ и позволительно, имѣть о счастіи другихъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, это не иной образъ дѣйствій, какъ тотъ, котораго, при

благоразуміи, долженъ бы былъ держаться и самъ питомецъ, еслибы только онъ зналъ, какъ это сдѣлать: такъ что дѣло опекуна—управлять питомцемъ именно такъ, какъ бы онъ управлялъ собою самъ. Но научать каждаго индивидуума, какимъ оброзомъ управлять своимъ поведеніемъ въ подробностяхъ жизни, есть спеціальное дѣло частной этики: научать индивидуумовъ, какимъ образомъ управлять поведеніемъ тѣхъ, которыхъ счастіе въ продолженіе малолѣтства лежитъ на ихъ заботѣ, есть дѣло искусства частнаго воспитанія. Поэтому, подробности правилъ, которыя могутъ быть даны по этому предмету, какъ и самые акты, которые могутъ быть совершены въ противность этимъ правиламъ, не принадлежатъ къ искусству законодательства: потому что, какъ мы увидимъ дальше [1]), такія подробности не могутъ быть, выгоднымъ образомъ, опредѣлены законодателемъ. Правда, нѣкоторыя общія черты могли бы быть проведены его авторитетомъ; и дѣйствительно, въ каждомъ цивилизованномъ государствѣ, нѣкоторыя черты такимъ образомъ и проведены. Но такія регламентаціи, очевидно, должны допускать великое разнообразіе: вопервыхъ, смотря по безконечному разнообразію гражданскихъ положеній, которыми человѣкъ можетъ быть облеченъ въ каждомъ данномъ государствѣ; вовторыхъ, по разнообразію мѣстныхъ обстоятельствъ, могущихъ оказывать вліяніе на природу положеній, которыя могутъ быть установлены въ различныхъ государствахъ. Поэтому преступленія, которыя были бы созданы такими регламентаціями, не могли бы быть подведены ни подъ какія точныя и твердыя наименованія, способныя къ постоянному и обширному примѣненію. Поэтому, они не могутъ получить мѣста и здѣсь.

XLVII.

Сказанное до сихъ поръ поможетъ намъ составить себѣ понятіе о преступленіяхъ, которымъ подвержено разбираемое теперь положеніе. Такъ какъ положеніе опекуна или опекунство есть частное довѣріе, оно естественно подвержено тѣмъ, и не какимъ-нибудь инымъ, преступленіямъ, которымъ бываетъ подвержено частное довѣріе. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ, по особенному качеству этого довѣрія, допускаютъ въ своемъ опредѣленіи нѣкоторыя дальнѣйшія частности. Вопервыхъ, нарушеніе этого вида довѣрія можетъ быть названо дурнымъ веденіемъ опеки. Вовторыхъ, какого бы свойства ни были обязанности, привязываемыя къ этому положенію, часто должно случаться, что для

---

[1]) См. гл. XIX (Границы), пар. 1.

исполненія ихъ опекуну необходимо будетъ быть въ извѣстномъ частномъ мѣстѣ. Когда дурное веденіе опеки состоитъ въ томъ, что опекунъ при этомъ упомянутомъ случаѣ не былъ въ упомянутомъ мѣстѣ, это можетъ быть названо отлучкой или бѣгствомъ (desertion) отъ опеки. Втретьихъ, довольно ясно, что цѣль, которую опекунъ долженъ поставить себѣ, при употребленіи власти, съ которой связаны эти обязанности, есть—доставить питомцу величайшее количество счастія, какое можетъ быть ему доставлено, совмѣстимо съ той заботой, какая должна оказываться другимъ упомянутымъ выше интересамъ: потому что такова цѣль, какую поставилъ бы себѣ самъ питомецъ и какую онъ могъ бы и имѣлъ бы право поставить себѣ, еслибы способенъ былъ самъ управлять своимъ поведеніемъ. Но для пріобрѣтенія этого счастія необходимо, чтобы онъ имѣлъ извѣстную власть надъ объектами, отъ употребленія которыхъ такое счастіе зависитъ. Эти объекты суть или личность самого питомца, или другіе объекты, ему посторонніе. Эти другіе объекты суть или вещи, или лица. Что касается до вещей, то объекты этого класса, насколько отъ ихъ употребленія зависитъ счастіе человѣка, называются его собственностью. Тоже самое надо сказать объ услугахъ какихъ-нибудь лицъ, надъ которыми ему можетъ случиться имѣть бенефиціальную (или прибыльную; см. выше) власть, или на услуги которыхъ ему можетъ случиться имѣть бенефиціальное право. Итакъ, когда какая-нибудь собственность, порученная по довѣрію, страдаетъ вслѣдствіе правонарушенія довѣреннаго лица, у котораго она находится въ довѣріи, такое преступленіе (каково бы оно ни было въ другихъ отношеніяхъ) можетъ быть названо расточеніемъ (dissipation) при нарушеніи довѣрія; и если оно сопровождается прибылью для самого довѣреннаго лица, оно можетъ быть названо расхищеніемъ (peculation).[1] Вчетвертыхъ, для того, чтобы одно лицо могло пользоваться какой-нибудь властью надъ другимъ лицомъ, необходимо, чтобы это послѣднее само совершало извѣстные акты, по приказанію, данному первымъ, или чтобы оно по крайней мѣрѣ переносило тѣ акты, которые бы надъ нимъ совершались. Въ этомъ отношеніи питомецъ долженъ стоять наравнѣ съ слугой: и положеніе питомца, въ этомъ отношеніи, должно быть подвержено тѣмъ же преступленіямъ, какимъ подвержено положеніе слуги: т. е., со стороны посторонняго человѣка, помѣхѣ (disturbance), которая, въ частныхъ обстоятельствахъ, можетъ дойти до воровства; со стороны питомца—нарушенію обязанности (breach of duty), ко-

---

[1]) См. выще, пар. 35

торое, въ частныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть произведено бѣгствомъ. Впятыхъ, относительно опекунства нѣтъ кажется никакого преступленія, соотвѣтствующаго злоупотребленію довѣрія: я разумѣю въ томъ смыслѣ, которымъ ограничено было это послѣднее наименованіе (см. пар. 25). Причина этого въ томъ, что опека, въ своемъ качествѣ частнаго довѣрія, не сообщаетъ довѣренному лицу никакой власти ни надъ личностью, ни надъ собственностью какой-нибудь другой стороны, кромѣ самого того лица, въ чью пользу довѣріе установлено. Если, при какомъ-нибудь случаѣ, это положеніе сообщаетъ довѣренному лицу власть надъ какими-нибудь лицами, услуги которыхъ составляютъ часть собственности того, въ чью пользу довѣріе установлено,—то довѣренное лицо дѣлается при этомъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, господиномъ этихъ слугъ (см. пар. 40). Вшестыхъ, подкупъ есть также родъ преступленія, къ которому въ этомъ случаѣ бываетъ обыкновенно мало искушенія. Но, впрочемъ, это преступленіе можетъ принять и такое направленіе, и потому оно должно быть прибавлено къ числу преступленій, которымъ подвержено положеніе опекуна. И такимъ образомъ мы имѣемъ всего семнадцать этихъ преступленій, а именно: 1) Злостное необлеченіе опекунствомъ или опекой. 2) Злостное устраненіе опеки. 3) Злостное отнятіе опеки. 4) Узурпація опеки. 5) Злостное облеченіе опекой. 6) Злостный отказъ отъ опеки. 7) Уклоненіе отъ опеки. 8) Злостное наложеніе опекунства. 9) Дурное веденіе опеки. 10) Отлучка отъ опеки. 11) Расточеніе въ ущербъ питомцу. 12) Расхищеніе въ ущербъ питомцу. 13) Помѣха въ опекѣ. 14) Нарушеніе обязанности къ опекуну. 15) Бѣгство отъ опекуна. 16) Кража питомца. 17) Подкупъ въ ущербъ питомцу.

XLVIII.

Далѣе, — преступленія, которымъ подвержено положеніе питомца. Преступленія, которыя прежде всего касаются самого существованія этого положенія, слѣдующія: 1) Злостное необлеченіе положеніемъ питомца. Если это есть преступленіе того, кто долженъ бы быть опекуномъ, то оно совпадаетъ съ злостнымъ уклоненіемъ отъ опеки; если это есть преступленіе третьяго лица, оно заключаетъ въ себѣ необлеченіе опекой, которое бываетъ злостнымъ, если опека есть вещь желательная въ глазахъ того, кому бы слѣдовало быть опекуномъ. 2) Злостное устраненіе положенія питомца. Если это — преступленіе того, кому бы слѣдовало быть опекуномъ, оно совпадаетъ съ злостнымъ уклоненіемъ отъ опеки; если — преступленіе третьяго лица, оно заключаетъ въ себѣ устраненіе опеки, которое бываетъ злостнымъ, если опека есть вещь желательная

въ глазахъ того, кому бы слѣдовало быть опекуномъ. 3) Злостное отнятіе положенія питомца. Если это — преступленіе опекуна, но не иначе, оно совпадаетъ съ злостнымъ отказомъ отъ опеки; если — преступленіе третьяго лица, то оно заключаетъ въ себѣ отнятіе опеки, которое бываетъ злостнымъ, когда опека есть вещь желательная въ глазахъ опекуна. 4) Узурпація положенія питомца: преступленіе, совершеніе котораго не весьма вѣроятно. Во всякомъ случаѣ оно совпадаетъ съ злостнымъ наложеніемъ опекунства; и если узурпаторъ былъ уже подъ опекой другаго опекуна, оно будетъ заключать въ себѣ злостное отнятіе такой опеки. 5) Злостное облеченіе положеніемъ питомца (считая это положеніе вещью бенефиціальной или прибыльной). Это совпадаетъ съ наложеніемъ опекунства, и это наложеніе будетъ злостнымъ, если опека кажется тягостью въ глазахъ мнимаго опекуна. 6) Злостный отказъ отъ положенія питомца. Это совпадаетъ съ злостнымъ отнятіемъ опекунства. 7) Злостное уклоненіе отъ положенія питомца. Это совпадаетъ съ злостнымъ устраненіемъ опеки. 8) Злостное наложеніе положенія питомца. Если преступникъ есть мнимый опекунъ, это преступленіе совпадаетъ съ узурпаціей опекунства; если — человѣкъ посторонній, оно заключаетъ въ себѣ злостное наложеніе опекунства. Что касается до тѣхъ преступленій, относящихся къ этому положенію, которыя касаются послѣдствій его, когда оно существуетъ, то эти преступленія такого свойства, что они безъ всякой перемѣны въ названіи одинаково принадлежатъ и къ положенію опекуна и къ положенію питомца. Поэтому, мы можемъ насчитать семнадцать родовъ преступленій, относящихся къ положенію питомца: 1) Злостное необлеченіе положеніемъ питомца. 2) Злостное устраненіе этого положенія. 3) Злостное отнятіе этого положенія. 4) Узурпація этого положенія. 5) Злостное облеченіе этимъ положеніемъ. 6) Злостный отказъ отъ него. 7) Злостное уклоненіе отъ него. 8) Злостное наложеніе его. 9) Дурное веденіе опеки. 10) Отлучка отъ опекунства. 11) Расточеніе въ ущербъ питомцу. 12) Расхищеніе въ ущербъ питомцу. 13) Помѣха въ опекѣ. 14) Нарушеніе обязанности къ опекуну. 15) Бѣгство отъ опекуна. 16) Кража питомца. 17) Подкупъ въ ущербъ потомцу.

XLIX.

Мы переходимъ теперь къ преступленіямъ, которымъ подвержено положеніе родителя: и вопервыхъ къ тѣмъ, которыя затрогиваютъ самое существованіе этого положенія. При этомъ случаѣ, чтобы лучше вникнуть въ предметъ, необходимо будетъ различать естественное отношеніе отъ легальнаго, которое какъ будто прибавляется или накла-

дывается на естественное. Такъ какъ естественное отношеніе создается особымъ частнымъ событіемъ, которое или потому, что оно есть уже прошедшее, или по какой-нибудь другой причинѣ, одинаково находится внѣ власти закона, то это отношеніе не дѣлается и не можетъ сдѣлаться предметомъ преступленія. Если извѣстный человѣкъ есть вашъ отецъ, то никакое мое преступленіе не можетъ сдѣлать васъ не его сыномъ. Если извѣстный человѣкъ не есть вашъ отецъ, то никакое мое преступленіе не можетъ сдѣлать васъ его сыномъ. Но, хотя бы на дѣлѣ онъ имѣлъ къ вамъ это отношеніе, я, въ своемъ преступленіи, быть можетъ, могу такъ повести дѣло, что онъ не будетъ считаться имѣющимъ къ вамъ это отношеніе; а относительно какихъ-нибудь легальныхъ выгодъ, какія онъ или вы могли бы извлекать изъ такого отношенія, это обстоятельство будетъ равнозначительно тому, какъ если-бы онъ и не имѣлъ къ вамъ этого отношенія. Въ качествѣ свидѣтеля, я могу побудить судей подумать, что онъ не есть вашъ отецъ, и сообразно съ этимъ рѣшить дѣло; или въ качествѣ судьи я самъ могу рѣшить, что онъ вамъ не отецъ. Оставляя такимъ образомъ въ сторонѣ чисто естественное отношеніе какъ вещь, одинаково стоящую внѣ области справедливости и несправедливости,—легальное положеніе, очевидно, будетъ подвержено преступленіямъ столько же, ни больше, ни меньше, какъ всякое другое положеніе, способное быть бенефиціальнымъ или прибыльнымъ, или же тягостнымъ. Далѣе,—относительно исполненія функцій этого положенія, когда оно считается существующимъ. Въ родительскомъ положеніи должны занимать мѣсто два лица, отецъ и мать. Поэтому, родительское положеніе заключаетъ въ себѣ два положенія: положеніе отца и положеніе матери относительно того или другаго ребенка. Очевидно, что, какая бы бенефиціальная власть, или другія права, и съ другой стороны какія бы обязательства ни были связаны съ положеніемъ родителя, онѣ могутъ быть распредѣлены между этими двумя сторонами въ такихъ пропорціяхъ, какія только можно себѣ представить. Но если каждая изъ этихъ сторонъ имѣетъ свою долю въ этихъ различныхъ предметахъ легальнаго установленія и если въ какой-нибудь мѣрѣ предусмотрѣны интересы всѣхъ этихъ сторонъ, то очевидно, что каждый изъ родителей будетъ относиться къ ребенку въ двухъ разныхъ качествахъ: въ качествѣ господина и въ качествѣ опекуна. Итакъ, положеніе родителя, насколько оно создается закономъ, должно считаться положеніемъ сложнымъ, составленнымъ изъ положеній опекуна и господина. Такимъ образомъ для родителя, въ качествѣ опекуна, является извѣстное количество обязанностей, предполагающихъ и извѣстную власть, какъ необходимую для ихъ исполненія; для ребенка, въ качествѣ пи-

томца, является извѣстное количество правъ, соотвѣтствующихъ обязанностямъ родителя, и извѣстное количество обязанностей, соотвѣтствующихъ его власти. Далѣе, для родителя, въ качествѣ господина, является извѣстное количество бенефиціальной власти, безъ всякаго другаго необходимаго ограниченія (пока она продолжается), кромѣ того, какое связано съ обязанностями, лежащими на немъ въ качествѣ опекуна; для ребенка, въ качествѣ слуги, — извѣстное количество обязанностей, соотвѣтствующихъ бенефиціальной власти родителя, и безъ всякаго другаго необходимаго обезпеченія (пока онѣ продолжаются), кромѣ того, какое связано съ правами, принадлежащими ребенку въ качествѣ питомца. Поэтому, положеніе родителя подвержено всѣмъ тѣмъ преступленіямъ, которымъ подвержены положенія или опекуна или господина: и такъ какъ каждый изъ родителей имѣетъ, болѣе или менѣе, долю въ этихъ качествахъ, то преступленія, которымъ подвержены оба положенія, будутъ по имени, какъ и по сущности, одни и тѣ же. Итакъ, соединяя ихъ вмѣстѣ, мы получаемъ слѣдующія преступленія, которымъ подвержено положеніе родителя: 1) Злостное необлеченіе родительскимъ положеніемъ. 2) Злостное устраненіе этого положенія. 3) Злостное отнятіе его. 4) Узурпація этого положенія. 5) Злостное облеченіе имъ. 6) Злостный отказъ отъ него. 7) Злостное уклоненіе отъ него. 8) Злостное наложеніе его. 9) Дурное веденіе *родительской опеки*. 10) *Отлучка отъ родительской опеки*. 11) *Расточеніе въ ущербъ филіальному питомцу*. 12) Расхищеніе въ ущербъ филіальному питомцу. 13) Злоупотребленіе родительской власти. 14) Помѣха въ родительской опекѣ. 15) Нарушеніе обязанности къ родителямъ. 16) Бѣгство отъ родителей. 17) Кража ребенка. 18) Подкупъ въ ущербъ филіальному питомцу.

L.

Далѣе, — преступленія, которымъ подвержено филіальное положеніе, или положеніе сына или дочери. Принципы, которымъ надо слѣдовать въ опредѣленіи этихъ преступленій, были уже достаточно развиты. Поэтому довольно будетъ перечислить ихъ безъ дальнѣйшаго разбирательства. Единственныя особенности, которыми преступленія противъ этого положенія отличаются отъ преступленій противъ всѣхъ предъидущихъ положеній, зависятъ отъ того одного обстоятельства, — что каждый несомнѣнно долженъ былъ имѣть отца и мать, но въ тоже время не несомнѣнно, чтобы каждый долженъ былъ имѣть господина, слугу, опекуна или питомца. Замѣтимъ вообще, что когда лицо, отъ котораго, еслибъ оно было живо, должна бы получаться прибыль, или на которомъ бы лежала тягость, умираетъ, — въ той же степени прекращается

вредъ, вмѣстѣ съ объектомъ преступленія. Но, впрочемъ, все-таки остается еще столько вреда, сколько зависитъ отъ выгоды или невыгоды, которыя могли бы происходить отъ этого лица для лицъ съ нимъ родственныхъ, или предполагаемыхъ родственными въ болѣе отдаленной степени. Итакъ, списокъ этихъ преступленій является въ слѣдующемъ видѣ: 1) Злостное необлеченіе филіальнымъ положеніемъ. Если это есть преступленіе того или той, кто долженъ бы быть признанъ родителемъ, оно совпадаетъ съ злостнымъ уклоненіемъ отъ родительскаго положенія; если это есть преступленіе третьяго лица, оно заключаетъ въ себѣ необлеченіе родительскимъ положеніемъ, и это необлеченіе будетъ злостнымъ, если это положеніе есть вещь желательная въ глазахъ того или той, кто долженъ бы быть признанъ родителемъ. 2) Злостное устраненіе филіальнаго положенія. Если это есть преступленіе того или той, кто долженъ бы быть признанъ родителемъ, оно совпадаетъ съ злостнымъ уклоненіемъ отъ родительскаго положенія; если это есть преступленіе третьяго лица, оно заключаетъ въ себѣ устраненіе родительскаго положенія, и это устраненіе будетъ злостнымъ, если это положеніе есть вещь желательная въ глазахъ того или той, кто долженъ бы быть признанъ родителемъ. 3) Злостное отнятіе филіальнаго положенія. Если это есть преступленіе того или той, кто долженъ бы быть признанъ родителемъ, оно совпадаетъ съ злостнымъ отказомъ отъ родительскаго положенія; если это есть преступленіе третьяго лица, оно заключаетъ въ себѣ отнятіе родительскаго положенія, т. е. отцовскаго или материнскаго, или обоихъ вмѣстѣ; и это отнятіе будетъ въ обоихъ случаяхъ злостнымъ, если это положеніе есть вещь желательная въ глазахъ того или той, кто долженъ бы быть признанъ родителемъ. 4) Узурпація филіальнаго положенія. Это совпадаетъ съ злостнымъ наложеніемъ родительскаго положенія, т. е. отцовскаго или материнскаго, или обоихъ вмѣстѣ; и необходимо заключаетъ въ себѣ отнятіе родительскаго положенія, и это отнятіе будетъ злостнымъ, еслибы это отнятое положеніе было вещью желательной для того или для той, у кого оно такимъ образомъ отнято. 5) Злостное облеченіе филіальнымъ положеніемъ (когда это положеніе считается бенефиціальнымъ, прибыльнымъ). Это совпадаетъ съ наложеніемъ родительскаго положенія, и это наложеніе будетъ злостнымъ, еслибы это родительское положеніе было вещью нежелательной въ глазахъ мнимаго отца или матери. 6) Злостный отказъ отъ филіальнаго положенія. Это необходимо совпадаетъ съ злостнымъ отнятіемъ родительскаго положенія; оно можетъ также заключать въ себѣ злостное наложеніе родительскаго положенія, — хотя не непремѣнно въ пользу или въ ущербъ какому-нибудь извѣстному лицу. Потому что

если человѣкъ, считавшійся прежде вашимъ сыномъ, оказывается послѣ не вашимъ, то хотя несомнѣнно, что онъ—сынъ какого-нибудь другаго человѣка, но можетъ остаться не извѣстнымъ, кто былъ этотъ другой человѣкъ. 7) Злостное уклоненіе отъ филіальнаго положенія. Это совпадаетъ съ злостнымъ необлеченіемъ или злостнымъ устраненіемъ родительскаго положенія. 8) Злостное наложеніе филіальности. Если это есть преступленіе мнимаго родителя, оно необходимо совпадаетъ съ узурпаціей родительскаго положенія; если это — преступленіе третьяго лица, оно необходимо заключаетъ въ себѣ наложеніе родительскаго положенія, также какъ и отнятіе этого положенія; и то и другое, смотря по упомянутымъ выше обстоятельствамъ, можетъ быть или не быть злостнымъ. 9) Дурное веденіе родительской опеки. 10) Отлучка отъ родительской опеки. 11) Расточеніе въ ущербъ филіальному питомцу. 12) Расхищеніе въ ущербъ филіальному питомцу. 13) Злоупотребленіе родительской власти. 14) Помѣха въ родительской опекѣ. 15) Нарушеніе обязанности къ родителямъ. 16) Бѣгство отъ родителей. 17) Кража ребенка. 18) Подкупъ въ ущербъ родительской опекѣ.

LI.

Мы можемъ теперь съ нѣкоторымъ удобствомъ заняться изслѣдованіемъ разныхъ преступленій, которымъ подвержено положеніе мужа. Мужъ есть человѣкъ, между которымъ и извѣстной женщиной, называемой въ этомъ случаѣ его женой, существуетъ легальное обязательство съ цѣлью жить вмѣстѣ и особенно съ цѣлью выполненія между ними половыхъ сношеній. Это обязательство естественно можетъ разсматриваться съ четырехъ точекъ зрѣнія: 1) относительно его начала; 2) относительно того, на кого оно налагается; 3) относительно его свойства; 4) относительно его продолжительности. Вопервыхъ, очевидно, что, въ смыслѣ возможности, можно было бы принять разные способы начала: время начала могло бы быть обозначаемо и однимъ родомъ событія (или родомъ признака, сигнала, какъ можно было бы сказать), и другимъ. Но на практикѣ обычнымъ сигналомъ было, какъ и должно всегда быть съ точки зрѣнія пользы, условіе или контрактъ, принятые обѣими сторонами; т. е. собраніе знаковъ, принятыхъ закономъ, для выраженія ихъ взаимнаго согласія взять на себя это положеніе. Вовторыхъ относительно того, на комъ должны лежать обязательства, составляющія результатъ условія, очевидно, что они должны лежать или только на одной сторонѣ, или взаимно на обѣихъ. При первой гипотезѣ, такое положеніе не отличается отъ полнаго рабства. Въ этомъ случаѣ или жена должна быть рабой мужа, или мужъ рабомъ жены. Послѣд-

ная изъ этихъ гипотезъ, быть можетъ, никогда не имѣла примѣра на дѣлѣ: недопускавшее того вліяніе физическихъ причинъ было слишкомъ всеобщее, чтобы его можно было преодолѣть; но первое оказывалось на дѣлѣ кажется слишкомъ часто, — быть можетъ, такъ было у древнихъ Римлянъ, и во всякомъ случаѣ такъ было у многихъ варварскихъ народовъ. Втретьихъ, — относительно свойства обязательства. Если они не налагаются всѣ на одну сторону, то тѣмъ самымъ даются другой сторонѣ извѣстныя права. Поэтому, съ обѣихъ сторонъ должны быть извѣстныя права. А гдѣ два лица владѣютъ взаимными правами, какъ будто бы другъ противъ друга, то къ этимъ правамъ или привязывается власть, или нѣтъ. Но предполагается, что упомянутыя лица должны жить вмѣстѣ: а въ этомъ случаѣ, какъ мы уже объяснили выше, бываетъ нетолько полезно, но нѣкоторымъ образомъ даже необходимо, чтобы на одной сторонѣ была власть. Но власть можетъ быть только на одной сторонѣ: потому что, предположите ее на обѣихъ сторонахъ, и эти двѣ власти уничтожаютъ одна другую. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ: которой изъ двухъ сторонъ должна быть вручена власть? Мы показали, что по принципу пользы она должна быть вручена мужу. Итакъ, если существующая власть принадлежитъ мужу, то является дальнѣйшій вопросъ: долженъ ли при выполненіи этой власти приниматься въ разсчетъ интересъ только одной стороны, или обѣихъ? Очевидно, что по принципу пользы должны приниматься въ разсчетъ одинаково интересы обѣихъ: такъ какъ въ двухъ лицахъ, взятыхъ вмѣстѣ, можетъ быть произведено больше счастія, чѣмъ въ одномъ. Въ такомъ случаѣ ясно, что легальное отношеніе мужа къ женѣ будетъ отношеніе сложное, составленное изъ его отношенія къ ней какъ господина и какъ опекуна.

LII.

Итакъ, преступленія, которымъ подвержено положеніе мужа, будетъ суммой тѣхъ, какимъ подвержены положенія господина и опекуна. До сихъ поръ положеніе мужа, въ главныхъ чертахъ, стоитъ на тѣхъ же основаніяхъ какъ положеніе родителя. Но есть однако извѣстныя взаимныя услуги, которыя, будучи главнымъ предметомъ брачнаго контракта, составляютъ сущность двухъ брачныхъ отношеній, и которыхъ обыкновенно не позволяется получать ни господину, ни опекуну, какъ таковымъ, и ни въ какомъ случаѣ родителю. Эти услуги, разумѣется, должны быть отличены отъ безразличнаго ряда услугъ вообще, которыхъ мужъ уполномоченъ требовать въ своемъ качествѣ господина, и отъ тѣхъ услугъ, которыя онъ обязанъ оказывать въ своемъ качествѣ

опекупа. Когда это различеніе сдѣлано, то преступленія, относящіяся къ упомянутымъ двумъ положеніямъ, во многихъ случаяхъ, насколько они касаются этихъ особенныхъ услугъ, получаютъ особенныя наименованія. Возьмемъ, вопервыхъ, контрактъ, отъ празднованія котораго ведетъ свое начало легальное положеніе. Ясно, въ смыслѣ возможности, что этотъ контрактъ, со стороны того или другаго пола, могъ бы существовать въ одно и тоже время съ нѣсколькими лицами другаго пола: мужъ можетъ имѣть нѣсколько женъ; жена могла бы имѣть нѣсколько мужей; мужъ могъ бы войти въ одно и тоже время въ контрактъ съ нѣсколькими женами, или, еслибы вошелъ въ контрактъ только съ одной за одинъ разъ, онъ могъ бы предоставить себѣ право войти послѣ въ подобный контрактъ съ нѣсколькими, или только съ тѣмъ или другимъ числомъ другихъ женъ, во время продолженія каждаго изъ прежнихъ контрактовъ. На этомъ послѣднемъ основаніи, какъ извѣстно, бракъ дѣйствительно и устроенъ во многихъ обширныхъ странахъ, въ особенности во всѣхъ тѣхъ, которыя исповѣдуютъ магометанскую религію. Въ смыслѣ возможности, очевидно, что такая же свобода могла бы быть предоставлена и женской сторонѣ; хотя на практикѣ примѣровъ такого устройства, кажется, никогда не встрѣчалось. Какой изъ всѣхъ этихъ способовъ устройства самый удобный по принципу пользы,—этотъ вопросъ потребовалъ бы слишкомъ долгаго разбора, чтобы отвѣчать на него путемъ такого же аналитическаго процесса, какъ настоящій; и притомъ онъ принадлежитъ скорѣе гражданской, чѣмъ уголовной части законодательства [1]). Въ христіанскихъ странахъ, празднество такого контракта устроено для того, чтобъ исключить празднество другаго, когда первый еще продолжается: въ противномъ случаѣ праздество слѣдующаго такого контракта преслѣдуется какъ преступленіе, подъ названіемъ полигаміи. Итакъ полигамія, со стороны мужчины, есть во всякомъ случаѣ особенное видоизмѣненіе того преступленія, которое можетъ быть названо узурпаціей положенія мужа. Что касается до другихъ дѣйствій этого преступленія, они могутъ быть различны, смотря по тому, одинъ ли мужъ, или одна жена, или оба вмѣстѣ, уже были въ брачномъ состояніи во время совершенія преступленія. Если одинъ мужъ, то преступленіе его заключаетъ въ себѣ, pro tanto, злостное отнятіе положенія жены, въ ущербъ его первой женѣ [2]). Если одна жена, то преступ-

---

[1]) См. гл. XIX (Границы), пар. 4.

[2]) Въ этомъ случаѣ, если женщина не знала о прежнемъ бракѣ, это есть кромѣ того особый видъ обольщенія, и, насколько это касается ея, принадлежитъ къ другому отдѣлу преступленій этого класса. См. выше, пар. 36.

леніе заключаетъ въ себѣ, pro tanto, злостное отнятіе положенія мужа, въ ущербъ ея первому мужу. Если они оба были уже въ бракѣ, то преступленіе заключаетъ въ себѣ оба упомянутыя злостныя отнятія. И съ другой стороны, обратное всему этому можетъ быть замѣчено относительно полигаміи со стороны женщины. Вовторыхъ, такъ какъ обѣщаніе не вступать ни въ какое послѣдующее брачное соглашеніе въ продолженіе перваго есть одно изъ условій, на которыхъ законъ даетъ свою санкцію первому, то другое условіе, составляющее одинъ изъ пунктовъ контракта, есть обѣщаніе не оказывать другому лицу, и не принимать отъ него, тѣхъ услугъ, которыя составляютъ характеристическую цѣль контракта: поэтому, оказаніе или принятіе такихъ услугъ считается преступленіемъ, подъ именемъ прелюбодѣянія; и подъ этимъ именемъ разумѣется также преступленіе посторонняго человѣка, который бываетъ необходимымъ соучастникомъ при совершеніи упомянутаго преступленія. Втретьихъ, помѣха, оказываемая той или другой сторонѣ, заключающей соглашеніе, во владѣніи этими характеристическими услугами, можетъ также быть отличаема отъ преступленія, состоящаго въ помѣхѣ ихъ пользованію тѣми смѣшанными выгодами, которыя проистекаютъ изъ того же положенія; и на комъ бы ни лежала вина, на той или на другой сторонѣ, или на третьемъ лицѣ, преступленіе можетъ быть названо злостнымъ отказомъ отъ брачныхъ услугъ. И такимъ образомъ мы имѣемъ двадцать одинъ родъ преступленій, которымъ, при нынѣшнемъ состояніи закона въ христіанскихъ странахъ, подлежитъ положеніе мужа, а именно: 1) Злостное необлеченіе положеніемъ мужа. 2) Злостное устраненіе этого положенія. 3) Злостное отнятіе его. 4) Узурпація его. 5) Полигамія. 6) Злостное облеченіе положеніемъ мужа. 7) Злостный отказъ отъ этого положенія. 8) Злостное уклоненіе отъ этого положенія. 9) Злостное наложеніе его. 10) Дурное веденіе мужемъ опеки. 11) Отлучка мужа отъ опеки. 12) Расточеніе въ ущербъ лицу, находящемуся въ брачной опекѣ (matrimonial wardship). 12) Расхищеніе въ ущербъ тому же лицу. 14) Злоупотребленіе мужа своей властью. 15) Нарушеніе опеки мужа. 16) Злостное прекращеніе брачныхъ услугъ. 17) Прелюбодѣяніе. 18) Нарушеніе обязанности къ мужу. 19) Бѣгство отъ мужа. 20) Кража жены. 21) Подкупъ въ ущербъ опеки мужа. [1])

---

[1]) I. Полу-публичныя преступленія.- Обманы, оспаривающіе дѣйствительность браковъ людей извѣстнаго разряда, какъ Евреи, Квакеры, Гугеноты и пр.; или преступленія противъ правосудія, уничтожающаго дѣйствительность этихъ браковъ.

LIII.

Далѣе, — преступленія, которымъ подвержено положеніе жёны. Изъ образчиковъ, представленныхъ нами выше, можно довольно легко безъ дальнѣйшихъ повтореній увидѣть совпаденія и ассоціаціи между преступленіями, относящимися къ существованію этого положенія, и преступленіями, относящимися къ существованію положенія мужа. Списокъ преступленій, которымъ подвержено положеніе жены, будетъ совершенно тотъ же во всѣхъ статьяхъ, какъ списокъ, только-что нами представленный.

LIV.

Мы сказали теперь о разныхъ родахъ преступленій, относящихся къ различнымъ родамъ домашнихъ положеній, включая сюда тѣ положенія, которыя создаются естественными отношеніями (родствомъ) смежнаго свойства. Остаются естественныя отношенія несмежныя, — и мы конечно должны остановиться на нихъ, когда говорили столько о первыхъ. Они не представляютъ, впрочемъ, ничего, что необходимо для того, чтобы составить положеніе. На дѣлѣ, кажется, ни къ одному изъ нихъ не привязано никакой власти. Можетъ случиться, что законъ пригласитъ дѣда взять на себя опеку надъ его осиротѣвшимъ внукомъ: но тогда власть будетъ принадлежать ему не въ качествѣ дѣда, а въ качествѣ опекуна. Правда, въ смыслѣ возможности, къ этимъ отношеніямъ можетъ быть привязана власть, какъ ко всякимъ другимъ. Но изъ нея все-таки не произошло бы новаго рода домашняго положенія: потому что выше было показано, что не можетъ быть другихъ положеній, создаваемыхъ властью, которыя бы были отличны отъ положеній, уже нами упомянутыхъ. Впрочемъ, каковы бы они ни были, они имѣютъ то общее съ упомянутыми прежде отношеніями, что они способны приносить или прибыль или тягость: поэтому, они подвержены разнымъ преступленіямъ, которыми эти или всякія другія отношенія могутъ быть затронуты относительно ихъ существованія. Можно было бы, поэтому, ожидать, что въ силу этихъ преступленій они должны бы быть прибавлены къ списку отношеній, способныхъ быть предметомъ правонарушенія. Но дѣло въ томъ, что они уже находятся въ этомъ спискѣ; и хотя они не названы тамъ положительно, они тѣмъ неменѣе занимаютъ тамъ мѣсто столь же дѣйствительно, какъ еслибы и

II. Личныя преступленія. Неблагоразумный бракъ со стороны несовершеннолѣтнихъ.

были названы. Съ одной стороны, преступленіе, затрогивающее несмежныя отношенія (или несмежное родство), можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда затрогиваетъ то или другое смежное отношеніе (или смежное родство). Съ другой стороны, никакое преступленіе, затрогивающее существованіе смежныхъ отношеній, не можетъ быть совершено, не затрогивая существованія неопредѣленнаго количества отношеній несмежныхъ. Является ложный свидѣтель и увѣряетъ положительно, что вы — сынъ женщины, которая, на самомъ дѣлѣ, вовсе не ваша мать. Что слѣдуетъ изъ этого? Слѣдуетъ безконечный рядъ другихъ ложныхъ утвержденій: что вы — внукъ отца и матери этой мнимой матери; что вы — сынъ какого-нибудь ея мужа или, по крайней мѣрѣ, какого-нибудь человѣка, жившаго съ ней въ связи; что вы — внукъ отца и матери этого человѣка, и такъ далѣе: братъ ея другихъ дѣтей, если таковые есть; шуринъ или зять мужей и женъ этихъ дѣтей, если они женаты или замужемъ; дядя дѣтей этихъ дѣтей, и такъ далѣе. Съ другой стороны, — что вы не сынъ вашей настоящей матери и вашего настоящаго отца; что вы не внукъ вашего настоящаго дѣда и вашей настоящей бабушки, и такъ далѣе, безъ конца. И всѣ эти утвержденія заключаются въ первоначальномъ ложномъ утвержденіи, что вы сынъ этой вашей мнимой матери, и происходятъ изъ этого утвержденія.

Поэтому, съ перваго взгляда казалось бы, что никакое изъ преступленій противъ этихъ несмежныхъ отношеній (или несмежнаго родства) не можетъ никогда само явиться на сцену: потому что еслибы могло явиться одно, то могли бы на томъ же основаніи явиться и всѣ, — а преступленія противъ несмежныхъ отношеній какъ-бы распускаются въ преступленіяхъ противъ отношеній смежныхъ. Впрочемъ, на дѣлѣ это вовсе не такъ, и говоря о преступленіяхъ этого разбора, нерѣдко приходится слышать много о томъ, что преступленіе затрогиваетъ то или другое несмежное отношеніе (или родство), и между тѣмъ при этомъ не обращается никакого вниманія на отношенія смежныя. Какъ же это случается? Это случается потому, что къ несмежному отношенію можетъ привязываться какая-нибудь важная выгода или невыгода, между тѣмъ какъ всѣ посредственныя отношенія (или степени родства) не имѣютъ, въ сравненіи съ этимъ, ничего подобнаго. Предположимъ, что Антоній или Лепидъ оспаривали родство Октавія (впослѣдствіи Августа) къ Каю Юлію Цезарю. Какъ можно было сдѣлать это? Это можно было сдѣлать только оспаривая или то, что Октавій былъ сынъ Аціи, или что Ація была дочь Юліи, или что Юлія была дочь Луція Юлія Цезаря, или что Луцій Юлій Цезарь былъ отецъ Кая.

Но быть сыномъ Аціи, или внукомъ Юліи, или правнукомъ Луція Юлія Цезаря, было, сравнительно, весьма неважно. Эти промежуточныя степени родства не имѣли, сравнительно говоря, никакого другаго значенія, какъ только въ силу того, что они были необходимыми звѣньями въ генеалогической цѣпи, которая связывала ихъ съ повелителемъ имперіи.

Что касается до выгодъ или невыгодъ, которыя могутъ быть иногда связаны съ какимъ-нибудь изъ этихъ несмежныхъ отношеній, то мы уже видѣли, что къ ихъ числу не относятся ни власть надъ какимъ-нибудь лицомъ, состоящимъ въ несмежномъ родствѣ, и никакія соотвѣтственныя обязательства. Въ чемъ же могутъ состоять эти выгоды или невыгоды? Въ сущности, могутъ быть только тѣ выгоды или невыгоды, которыя бываютъ результатомъ или мѣстныхъ и случайныхъ учрежденій, или какой-нибудь произвольной наклонности, принятой нравственною санкціей. Поэтому, мало было бы пользы въ стараніи изложить ихъ a priori путемъ исчерпывающаго процесса: все, что можно намъ сдѣлать теперь, это — взять для образчика только нѣкоторыя изъ главныхъ статей въ каждомъ спискѣ. Выгоды, которыя способно сообщить данное родство, кажется, могутъ быть отнесены главнымъ образомъ къ слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Шансъ наслѣдованія собственности, или части собственности, отъ лица, состоящаго въ несмежномъ родствѣ. 2) Шансъ денежной поддержки, которая можетъ быть получена отъ того же лица, или по установленію закона, или добровольнымъ даромъ. 3) Возвышеніе къ легальному званію, включая сюда всѣ законныя привилегіи, которыя могутъ быть съ нимъ связаны: какъ, напримѣръ, возможность занимать какія-нибудь прибыльныя должности, изъятіе отъ какихъ-нибудь тягостныхъ обязательствъ, напр. платежа податей, исполненія тягостныхъ должностей и т. п. 4) Другаго рода возвышеніе, въ которое включается родъ репутаціи, по обычаю и произвольно привязываемой къ знатному рожденію и фамильнымъ связямъ: отчего можетъ зависѣть шансъ возвышенія посредствомъ брака и тысячью другихъ, менѣе очевидныхъ способовъ. Невыгоды, которыя способно сообщать данное родство, главнымъ образомъ могутъ быть, кажется, отнесены къ слѣдующимъ отдѣламъ: 1) Шансъ быть обязаннымъ, или закономъ, или силой нравственной санкціи, доставлять денежную поддержку сторонѣ, состоящей въ несмежномъ родствѣ. 2) Потеря легальнаго званія, включая сюда легальную неспособность и также тягостныя обязательства, которыя законъ, иногда довольно несправедливо, можетъ привязывать къ низшимъ общественнымъ положеніямъ. (3 Потеря положенія въ обществѣ, доставляемаго фамильными связями.

4) Невозможность вступать въ бракъ съ лицомъ, состоящимъ въ несмежномъ родствѣ, гдѣ предполагаемая единокровность или родство лежатъ въ чертѣ степеней, запрещенныхъ для этого закономъ. [1])

---

[1]) Продолжая планъ, принятый выше относительно полу-публичныхъ и личныхъ преступленій, здѣсь можетъ быть нелишнимъ представить подобный же каталогъ различныхъ родовъ, или низшихъ дѣленій, преступленій публичныхъ.

I. Преступленія противъ Внѣшней Безопасности Государства. 1) Измѣна (въ пользу иноземныхъ непріятелей). Она можетъ быть положительная или отрицательная (отрицательная состоитъ, напримѣръ, въ непротиводѣйствіи совершенію положительной). 2) Шпіонство (въ пользу иноземныхъ соперниковъ, еще не ставшихъ непріятелями). 3) Оскорбленія иноземцамъ вообще (включая сюда пиратство). 4) Оскорбленія привилегированнымъ иноземцамъ (какъ напр. посланникамъ).

II. Преступленія противъ Правосудія. 1) Преступленія противъ судебнаго довѣрія (judicial trust); именно: Злостное необлеченіе судебнымъ довѣріемъ; злостное устраненіе его; злостное отнятіе; узурпація; злостное облеченіе; злостный отказъ; злостное уклоненіе; злостное наложеніе; нарушеніе; злоупотребленіе; помѣха ему, и подкупъ въ ущербъ судебному довѣрію.

Нарушеніе и злоупотребленіе судебнаго довѣрія могутъ быть намѣренны или ненамѣренны. Намѣренное составляетъ вину во всякомъ случаѣ. Ненамѣренное можетъ происходить или отъ невнимательности, или отъ дурнаго (неправильнаго) разсчета: если невнимательность соединяется съ легкомысліемъ, или дурной разсчетъ съ безразсудствомъ, они составляютъ вину; если нѣтъ, то не составляютъ... Частные акты, которые могутъ быть помѣхой выполненію судебнаго довѣрія, слишкомъ разнообразны и слишкомъ дурно снабжены (вѣрными и точными) именами, — и потому мы не будемъ говорить о нихъ здѣсь.

Если человѣкъ не успѣваетъ выполнить обязанностей этого довѣрія и, вслѣдствіе того, приходитъ къ нарушенію или злоупотребленію его, то это должно происходить отъ какого-нибудь недостатка въ трехъ потребныхъ, и единственныхъ потребныхъ для этого качествахъ, — въ знаніи, наклонности и силѣ (см. выше, пар. 27). Если какое-нибудь лицо виновно въ этомъ недостаткѣ, эта вина можетъ быть или его собственная, или тѣхъ, кто долженъ дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ или ниже его. Если виновныя лица суть лица, облеченныя судебнымъ довѣріемъ, преступленіе подходитъ подъ отдѣлъ нарушенія или злоупотребленія довѣрія; если это — другія лица, то подъ отдѣлъ помѣхи довѣрію.

Дурныя дѣйствія или результаты всякаго нарушенія, злоупотребленія судебнаго довѣрія, или помѣхи ему, будутъ состоять въ произведеніи какой-нибудь статьи или статей въ спискѣ различнаго вреда, исправленіе или предотвращеніе котораго должно быть первой цѣлью судебной процедуры, и того вреда, избѣжать произведенія котораго должно быть другой второстепенной ея цѣлью. Эти дѣйствія или результаты бываютъ или первичныя (т. е., не-

LV.

Мы переходимъ теперь къ гражданскимъ положеніямъ: какъ легко себѣ представить, эти положенія могутъ быть безконечно разнообразны, какъ разнообразны акты, которыхъ совершеніе или несовершеніе можно человѣку приказать или допустить для его пользы или для пользы другихъ. Сколько есть различныхъ наименованій лицъ, различаемыхъ въ

посредственныя) или отдаленныя; отдаленныя бываютъ 2-го, 3-го, 4-го порядка и такъ далѣе. Первичные результаты — тѣ, которые приносятъ настоящее страданіе лицамъ, которыя извѣстны или могутъ быть указаны, и потому эти результаты сами по себѣ вредны; вторичные вредны по своему стремленію производить какую-нибудь статью или статьи въ каталогѣ разныхъ родовъ вреда перваго порядка, и потому вредны по своимъ дѣйствіямъ. Результаты 3-го порядка вредны только по своей связи, путемъ продуктивнаго стремленія, съ результатами 2-го порядка, и такъ далѣе.

Первичныя неудобства, предотвращеніе которыхъ должно быть цѣлью процедуры, слѣдующія: 1) Продолженіе самаго индивидуальнаго преступленія, и потому увеличеніе и продолженіе его вреда. 2) Продолженіе цѣлаго вреда индивидуальнаго преступленія. 3) Продолженіе части вреда индивидуальнаго преступленія. 4) Совершенное отсутствіе удовлетворенія на сторонѣ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія. 5) Частичное отсутствіе удовлетвореній на сторонѣ лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія. 6) Излишнее наказаніе виновныхъ. 7) Несправедливое наказаніе обвиняемыхъ лицъ. 8) Ненужный трудъ, издержки, или другая непріятность и опасность на сторонѣ высшихъ исполнителей судебной власти. 9) Ненужный трудъ, издержки, или другая непріятность и опасность на сторонѣ подчиненныхъ исполнителей судебной власти. 10) Ненужный трудъ, издержки или другая непріятность и опасность на сторонѣ лицъ, которыхъ содѣйствіе требуется pro re nata, для доставленія необходимаго пополненія знанія и силы въ исполнителяхъ судебной власти, какъ таковыхъ по профессіи. 11) Ненужный трудъ, издержки или другая непріятность и опасность на сторонѣ тѣхъ лицъ вообще, которыя входятъ въ сферу дѣйствій лицъ, упомянутыхъ выше.

Вторичныя неудобства, въ чисто гражданской отрасли процедуры, суть слѣдующія: 1) Неправильное истолкованіе и неправильное присужденіе. Въ уголовной отрасли: 2) Совершенная безнаказанность правонарушителей (какъ способствующая произведенію другихъ преступленій того же рода). 3) Частичная безнаказанность правонарушителей. 4) Примѣненіе наказанія, неправильное in specie, хотя быть можетъ не въ степени (какъ уменьшающее прибыльный результатъ употребленнаго количества). 5) Не экономическое примѣненіе наказанія, хотя быть можетъ правильное in specie и по степени. 6) Ненужная денежная издержка на сторонѣ государства.

Неудобства 3-го порядка слѣдующія: 1) Ненужная проволочка. 2) Ненужная запутанность.

Неудобства 4-го порядка суть: 1) Нарушеніе; 2) Злоупотребленіе су-

виду такихъ приказаній или допущеній (исключая только тѣ наименованія, которыя относятся къ положеніямъ, упомянутымъ выше подъ названіемъ домашнихъ), столько можно насчитать гражданскихъ положеній. Можно впрочемъ найти болѣе или менѣе положительныя средства ограничить это безконечное количество положеній.

дебнаго довѣрія, и 3) *Помѣха* ему, какъ выше; именно, насколько эти преступленія бываютъ прелиминарны и отличны отъ преступленій 2-го и 3-го порядка.

Неудобства 5-го порядка: — Нарушеніе разныхъ правилъ процедуры, или другихъ правилъ, принятыхъ съ цѣлью предотвращать выше исчисленныя неудобства,—именно если они бываютъ, какъ прежде, прелиминарны и отличны отъ предъидущихъ.

III. Преступленія противъ Предупредительной вѣтви Полиціи. Это — 1) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для предупрежденія преступленій. 2 Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для предупрежденія бѣдствій. Оба эти довѣрія могутъ быть названы вмѣстѣ профилактрическими, предохранительными.

IV. Преступленія противъ Публичной Силы. 1) Преступленія противъ военнаго довѣрія, соотвѣтствующія преступленіямъ противъ судебнаго довѣрія. Военное дезертерство есть нарушеніе военной обязанности, или военнаго довѣрія. Содѣйствіе дезертерству есть помѣха этому довѣрію. 2) Преступленія противъ той вѣтви публичнаго довѣрія, которая состоитъ въ завѣдываніи разными родами вещей, служащихъ для цѣлей войны; какъ арсеналы, укрѣпленія, морскіе арсеналы, военные корабли, артиллерія, аммуниція, военные магазины и такъ далѣе.

V. Преступленія противъ Положительнаго Увеличенія Національнаго Благоденствія. 1) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для распространенія знаній. 2) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для хорошаго воспитанія. 3) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для заботы о болѣзняхъ. 4) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для попеченія о безумныхъ. 5) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для попеченія о бѣдныхъ. 6) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для вознагражденія потерь. 7) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для управленія удовольствіями. Указанныя здѣсь установленія представляютъ примѣръ главныхъ учрежденій, которыя должны бы или могли бы быть устроены съ цѣлью увеличивать, разными путями, положительный запасъ національнаго благоденствія. Представить исчерпывающій анализъ возможнаго полнаго состава этихъ учрежденій было бы трудомъ вовсе не легкимъ; да въ настоящую минуту онъ и не необходимъ; потому что, каковы бы они ни были, и въ какомъ бы числѣ они ни были, преступленія, которымъ они подвержены, имѣли бы то же распредѣленіе (такъ какъ это будутъ преступленія противъ довѣрія); а что касается до особеннаго частнаго свойства каждаго довѣрія, то это будутъ слишкомъ мѣстныя подробности, чтобы упоминать о нихъ здѣсь.

Какіе бываютъ матеріалы (если можно такъ выразиться), изъ которыхъ создаются положенія, или всякій другой родъ легальнаго владѣнія, мы уже видѣли; это — бенефиціальная власть, довѣренная власть, бенефиціальныя права, довѣренныя права, относительныя обязанности, абсолютныя обязанности. Но тѣ положенія, которыя предполагаютъ власть

VI. Преступленія противъ Публичнаго Богатства. 1) Неплатежъ пеней (forfeitures). 2) Неплатежъ налоговъ, включая сюда и контрабанду. 3) Нарушеніе разныхъ правилъ, принятыхъ для предупрежденія уклоненія отъ податей. 4) Преступленія противъ фискальнаго довѣрія: тѣ же что ипреступленія противъ судебнаго и военнаго довѣрія. Преступленія противъ первоначальнаго дохода, не происходящаго отъ податей и пеней, напр. дохода, получаемаго съ публичныхъ доменовъ, стоятъ на томъ же основаніи, какъ преступленія противъ частной собственности. 5) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для храненія публичныхъ вещей; т. е. противъ того довѣрія, цѣль котораго примѣнять къ ихъ различнымъ назначеніямъ такія статьи публичнаго богатства, какія предназначаются для безразличнаго употребленія частныхъ лицъ; какъ напр. публичныя дороги и воды, пристани, почтамты, пакетботы, и принадлежащія къ нимъ вещи; рынки и другія подобныя публичныя зданія; мѣста для скачекъ, общественныя гулянья и т. д. Преступленія этого разряда могутъ совпадать съ преступленіями предъидущаго V-го отдѣла, или съ преступленіями слѣдующаго дальше VIII-го отдѣла, смотря по тому, разсматривается ли такого рода прибыль сама по себѣ, или она разсматривается какъ происходящая отъ употребленія той или другой вѣтви или части публичнаго богатства.

VII. Преступленія противъ Народонаселенія. 1) Эмиграція. 2) Самоубійство. 3) Произведеніе безсилія или безплодія. 4) Выкидываніе. 5) Безплодное половое сношеніе. 6) Безбрачіе.

VIII. Преступленія противъ Національнаго Богатства. 1) Лѣность. 2) Нарушеніе правилъ, принятыхъ съ цѣлью предотвращать примѣненіе промышленнаго труда къ предметамъ менѣе выгоднымъ, въ ущербъ предметамъ болѣе выгоднымъ. 3) Преступленія противъ довѣрія, установляемаго для расширенія національнаго богатства.

IX. Преступленія противъ Верховной власти. 1) Преступленія противъ верховнаго довѣрія; соотвѣтствующія преступленіямъ противъ довѣрія судебнаго, профилактическаго, военнаго и фискальнаго. Наступательное возстаніе заключаетъ въ себѣ злостное устраненіе, злостное отнятіе, узурпацію и злостное облеченіе верховнымъ довѣріемъ, съ второстепенными преступленіями, сюда принадлежащими. Гдѣ довѣріе лежитъ на одномъ лицѣ, то—злостное устраненіе, злостное отнятіе, узурпація и злостное облеченіе не могутъ ни одно совершиться безъ возстанія; отказъ и уклоненіе никогда не могутъ считаться злостными; нарушеніе и злоупотребленіе верховнаго довѣрія едвали могутъ быть наказываемы; не можетъ быть наказываемъ и случай принятія подкупа; злостное наложеніе этого довѣрія едвали исполнимо. Когда верховная власть дѣлится между нѣсколькими лицами, то злост-

или право довѣреннаго свойства, находящіяся во владѣніи лицъ разбираемаго теперь положенія, — принадлежатъ къ отдѣлу довѣрій. Поэтому списокъ преступленій, которымъ подвержены эти положенія, совершенно совпадаетъ со спискомъ преступленій противъ довѣрія, гдѣ они разсматривались съ общей точки зрѣнія въ отдѣлѣ преступленій противъ довѣрія; а тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ свойство домашнихъ, болѣе

ное устраненіе, злостное отнятіе, узурпація и злостное облеченіе могутъ быть совершаемы безъ возстанія; ни одно изъ преступленій противъ этого довѣрія не бываетъ неисполнимо; и всякое изъ нихъ можетъ быть наказываемо. Оборонительное возстаніе есть помѣха этому довѣрію. Политическія бурныя сборища, политическая диффамація и политическое опозореніе суть второстепенныя преступленія, сопровождающія эту помѣху.

Верховная власть (которую, по принципу пользы, надобно считать довѣренной)... бываетъ въ одномъ случаѣ автократическая, въ другомъ она дѣлится на двѣ вѣтви: законодательную и исполнительную (см. гл. XIX, пар. 3). И въ томъ и въ другомъ случаѣ, гдѣ опредѣленіе лица, долженствующаго имѣть эту власть, зависитъ не отъ однихъ чисто физическихъ событій, какъ напр. естественное преемство, но нѣкоторымъ образомъ зависитъ отъ воли другаго лица, то это послѣднее имѣетъ инвеститивную власть, или право инвеституры (облеченія) относительно первой упомянутой власти; подобнымъ образомъ лицо можетъ имѣть и дивеститивную власть (право отнятія). Поэтому, перечисленныя выше власти, какъ судебная, военная и т. д., могутъ быть исполняемы человѣкомъ или прямо, propria manu; или непрямо, manu aliena. Власть, исполняемая manu aliena, есть власть инвеститивная, которая можетъ сопровождаться или не сопровождаться властью дивеститивной. Разныя упомянутыя выше публичныя довѣрія составляютъ каждое подчиненную вѣтвь верховной власти, какъ автократической, такъ законодательной и исполнительной. Каждая изъ этихъ властей можетъ лежать или, 1) На одномъ индивидуумѣ, или 2) На политической корпораціи, — которые могутъ быть или высшими, или подчиненными. Подчиненность чиновника установляется тѣмъ: 1) Когда онъ подлежитъ наказанію. 2) Когда онъ подлежитъ смѣщенію съ должности. 3) Когда данныя ему приказанія могутъ быть отмѣняемы. 4) Когда благо или зло, которое онъ имѣетъ во власти производить для обыкновеннаго подчиненнаго, бываетъ меньше по своей цѣнности, чѣмъ то благо или зло, которое имѣетъ въ своей власти высшее лицо производить для того же подчиненнаго.

X. Преступленія противъ Религіи. 1) Преступленія, стремящіяся ослабить силу религіозной санкціи; включая сюда богохульство и профанацію. 2) Преступленія, стремящіяся дурно примѣнить силу религіозной санкціи; включая сюда ложныя предсказанія и другія мнимыя откровенія; также ересь, когда разглашаемое ученіе вредно для временныхъ (земныхъ) интересовъ общества. 3) Преступленія противъ религіознаго довѣрія, гдѣ считается полезнымъ установить такое довѣріе.

XI. Преступленія противъ Національнаго Интереса вообще. 1) Безнравственныя публикаціи. 2) Преступленія противъ довѣрія посланника. 3)

частнымъ образомъ разсмотрѣны въ качествѣ преступленій противъ разныхъ домашнихъ положеній. Положенія, создаваемыя такими обязанностями относительнаго разряда, которымъ соотвѣтствуютъ довѣрія, создаваемыя довѣренной властью, также какъ права коррелятивной стороны, и положенія частнаго свойства, были уже разсмотрѣны подъ названіемъ домашнихъ положеній. То же замѣчаніе можетъ быть приложено къ положеніямъ, создаваемымъ такой бенефиціальной властью надъ лицами, которая имѣетъ свойства частной, и также къ тѣмъ подчиненнымъ коррелятивнымъ положеніямъ, которыя создаются обязанностями, соотвѣтствующими этимъ правамъ и власти. Что касается до абсолютныхъ обязанностей, то кажется нѣтъ примѣра создаваемаго такимъ образомъ положенія, учрежденіе котораго можно было бы оправдать по принципу пользы; если только въ примѣръ такихъ положеній не принять нѣкоторыхъ религіозныхъ положеній монашескаго свойства. Единственнымъ матеріаломъ, изъ котораго могутъ быть созданы положенія, какія намъ еще остается разсмотрѣть, остаются положенія, создаваемыя бенефиціальной властью надъ вещами; положенія, создаваемыя бенефиціальными правами на вещи (т. е. правами на власть надъ вещами), или правами на эти права, и такъ далѣе; положенія, создаваемыя правами на услуги, и положенія, создаваемыя обязанностями, соотвѣтствующими этимъ разнымъ правамъ. Отдѣльно отъ этихъ должны быть взяты тѣ положенія, которыхъ матеріалъ бываетъ ингредіентомъ разныхъ видоизмѣненій собственности, разныя положенія собственника. Эти положенія, если ихъ можно такъ назвать на минуту, только иногда получаютъ какія-нибудь специфическія названія, и обыкновенно не разсматриваются въ смыслѣ положеній; такъ что акты, которые могли бы считаться преступленіями противъ этихъ положеній, еслибы подобныя положенія признавались, разсматриваются обыкновенно не иначе, какъ въ смыслѣ преступленій противъ собственности.

Но дѣло въ томъ, что, какъ мы уже говорили *), изъ этихъ гражданскихъ положеній тѣ, которыя разсматриваются обыкновенно подъ этимъ именемъ, не отдѣляются никакой однообразной и точной чертой отъ тѣхъ, которыхъ матеріалъ относится обыкновенно къ отдѣлу собственности:

Преступленія противъ довѣрія высшаго государственнаго сановника. 4) Въ чистыхъ или смѣшанныхъ монархіяхъ, расточительность со стороны лицъ, окружающихъ верховнаго правителя, хотя и не облеченныхъ никакимъ особеннымъ довѣріемъ. 5) Чрезмѣрная игра со стороны тѣхъ же лицъ. 6) Принятіе подарковъ отъ соперничествующихъ державъ безъ позволенія. Б.

*) См. выше пар. 17.

въ одномъ случаѣ извѣстное собраніе правъ будетъ считаться составляющимъ скорѣе статью собственности, чѣмъ положеніе; между тѣмъ какъ въ другомъ случаѣ извѣстное собраніе правъ того же сорта считается составляющимъ скорѣе положеніе, чѣмъ статью собственности. Это окажется вѣроятно во всѣхъ языкахъ; и такія выраженія въ одномъ языкѣ употребляются иначе чѣмъ въ другомъ. По этимъ причинамъ кажется неисполнимымъ подвергнуть классъ гражданскихъ положеній какому-нибудь исчерпывающему методу; такъ что для полнаго собранія ихъ нѣтъ, кажется, другаго средства, какъ перебрать для нихъ весь языкъ и брать ихъ, когда они будутъ встрѣчаться. Чтобы показать это замѣчаніе на примѣрѣ, можетъ быть полезно раскрыть такъ сказать структуру двухъ или трехъ главныхъ родовъ или классовъ положеній, сравнивая ихъ съ двумя или тремя статьями собственности, которыя будутъ представляться почти съ тѣмъ же характеромъ: такимъ образомъ можно яснѣе понять природу и операцію, если можно такъ выразиться, обоихъ этихъ классовъ идеальныхъ объектовъ.

Разные роды гражданскихъ положеній, не довѣреннаго свойства, всѣ, или по крайней мѣрѣ большей частью, могутъ быть подведены подъ отдѣлъ званія (rang) или профессіи,—принимая это послѣднее слово въ самомъ обширномъ смыслѣ, такъ чтобы оно включало нетолько такъ называемыя либеральныя профессіи, но и тѣ профессіи, которыя исполняются разнаго рода торговцами, артистами, ремесленниками и другими лицами всякаго положенія въ жизни, пріобрѣтающими прибыль своимъ трудомъ. Изъ этихъ профессій и возьмемъ, для большей ясности, въ примѣръ такія, которыя всего очевиднѣе свободны отъ всякой примѣси довѣренной или бенефиціальной власти. Какъ создано званіе рыцарства? запрещая всѣмъ другимъ лицамъ совершать извѣстные акты, совершеніе которыхъ есть символъ ордена, и въ тоже время дозволяя рыцарю и его сотоварищамъ, напримѣръ, носить ленту извѣстнаго цвѣта извѣстнымъ образомъ; называть себя извѣстнымъ титуломъ; употреблять гербовую печать съ извѣстнымъ изображеніемъ на ней. Ставя подъ это запрещеніе всѣхъ лицъ кромѣ рыцаря, законъ подвергаетъ ихъ извѣстнымъ обязанностямъ; и такъ какъ прибыль отъ исполненія этихъ обязанностей приходится тому, въ чью пользу онѣ установлены,—т. е. прибыль пользоваться той долей особенной репутаціи и уваженія, какую люди привыкли давать людямъ такимъ образомъ отличеннымъ, — то исполнять эти обязанности значитъ оказывать ему услугу; и такъ какъ эта обязанность есть обязанность отрицательнаго класса, обязанность, состоящая въ совершеніи извѣстныхъ актовъ отрицательнаго

рода *), то эта услуга можетъ быть названа услугой воздержанія или терпимости (forbearane). Итакъ оказывается, что для созданія этого положенія должны были быть два рода услугъ: та, которая составляетъ его непосредственную причину, услуга отрицательная, должна оказываться обществомъ вообще; та, которая составляетъ причину этой услуги, услуга положительная, должна быть оказана закономъ.

Положеніе профессіональнаго человѣка стоитъ на болѣе тѣсномъ основаніи. Чтобы создать это положеніе, нужно не болѣе какъ позволеніе, даваемое ему законодателемъ, совершать тѣ акты, въ совершеніи которыхъ заключается его профессія: давать или продавать свой совѣтъ или помощь въ дѣлахъ закона или физики; давать или продавать свои услуги въ исполненіи мануфактуры или въ надзорѣ за ней, или продавать издѣліе того или другаго рода, тѣ или другіе товары. Итакъ, здѣсь требуется только одинъ родъ услуги,—услуга, которая можетъ быть чисто отрицательнаго свойства и которая должна быть оказана закономъ,—услуга позволенія ему заниматься своей профессіей, услуга, которая (если здѣсь не было прежде никакого запрещенія) оказывается простымъ воздержаніемъ отъ запрещенія.

Итакъ, тѣ идеальные объекты, о которыхъ въ приведенныхъ сейчасъ случаяхъ говорится обыкновенно, что они доставляются человѣку упомянутыми различными услугами, въ обоихъ случаяхъ составляютъ не статью собственности, а статью положенія. При другомъ способѣ дѣйствій закона, обратномъ тому, посредствомъ котораго эти положенія были созданы, человѣкъ можетъ быть приведенъ къ потерѣ ихъ; *и то, что онъ* теряетъ при этомъ, ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не называется его собственностью; но въ одномъ случаѣ это называется его званіемъ или достоинствомъ; въ другомъ—его ремесломъ или его профессіей, и въ обоихъ случаяхъ—его положеніемъ.

Далѣе, есть другіе случаи, гдѣ законъ, такимъ же процессомъ, какимъ онъ создалъ первое изъ упомянутыхъ выше положеній, сообщаетъ человѣку идеальный объектъ, который законы языка ставятъ въ отдѣлѣ собственности. Законъ позволяетъ человѣку продавать книги, т. е. всѣ роды книгъ вообще. До сихъ поръ, все, что сдѣлалъ законъ, было то, что онъ облекъ его положеніемъ; и человѣкъ одинаково владѣлъ бы этимъ положеніемъ, хотя бы такимъ же образомъ продавалъ книги и всякій другой. Но пусть законъ приметъ какую-нибудь дѣятельную роль въ его пользу и запретитъ всѣмъ другимъ лицамъ продавать книги из-

---

*) См. гл. VII (Дѣйствія), пар. 8.

вѣстнаго разряда, а онъ будетъ свободно продавать ихъ по прежнему. Этимъ способомъ дѣйствій законъ даетъ ему родъ исключительной привилегіи или монополіи, такъ-называемое copy-right (литературную, или издательскую, собственность). Но когда законъ облекаетъ его этимъ правомъ, здѣсь не говорится, что онъ облекаетъ его какимъ-нибудь новымъ положеніемъ; и то, чѣмъ онъ облекаетъ его, называется предметомъ собственности, именно, того рода собственности, который называется нетѣлеснымъ [1]); и точно также бываетъ съ гравюрой, механической машиной, лекарствомъ, словомъ со всякимъ предметомъ, который можетъ быть проданъ. И тѣмъ неменѣе, если законъ далъ человѣку исключительное право носить особаго рода ленту, предметъ, который давался ему, былъ не предметъ собственности, а положеніе.

Воздерживаясь подвергать васъ нѣкоторымъ невыгодамъ, какимъ подвергается чужеземецъ, законъ даетъ вамъ положеніе природнаго подданнаго; подвергая другаго человѣка этимъ невыгодамъ, законъ налагаетъ на него положеніе чужеземца; давая вамъ извѣстныя привилегіи или права, которыхъ не получаетъ roturier, законъ даетъ вамъ положеніе gentilhomme'а; воздерживаясь давать ему эти привилегіи, онъ налагаетъ на него положеніе roturier. Права, изъ которыхъ какъ будто составлены оба указанныя здѣсь выгодныя положенія, имѣютъ себѣ соотвѣтствіе въ нѣкоторомъ родѣ услугъ воздержанія, оказываемыхъ, какъ мы видѣли, не частными индивидуумами, а самимъ закономъ. Что касается до обязанностей, которыя создаетъ законъ, оказывая вамъ эти услуги, онѣ должны разсматриваться какъ обязанности, наложенныя законодателемъ на служителей правосудія.

Надобно замѣтить, относительно большей части положеній, собранныхъ здѣсь подъ общее названіе гражданскихъ, что отношенія, соотвѣтствующія тѣмъ, которыми созданы каждое изъ этихъ положеній, не имѣютъ своихъ нарицательныхъ именъ. Отношеніе, имѣющее имя, есть то, которое занимаетъ сторона благопріятствуемая къ сторонѣ обязанной; то отношеніе, которое занимаетъ сторона обязанная къ сторонѣ благопріятствуемой, никакого имени не имѣетъ. Это обстоятельство можетъ помочь различить ихъ отъ тѣхъ положеній, которыя мы назвали домашними. Въ домашнихъ положеніяхъ, если одна сторона, которой

---

[1]) Причина, почему объектъ этого рода относится въ отдѣлъ собственности, вѣроятно та, что главная цѣнность его происходитъ изъ того, что онъ способенъ сдѣлаться источникомъ собственности въ болѣе обыкновенныхъ значеніяхъ этого слова; т. е. въ значеніи денегъ, потребляемыхъ товаровъ и т. д. Б.

дана власть, называется господиномъ; то другая сторона, надъ которой дана власть, сторона, составляющая предметъ этой власти, называется слугой. Въ гражданскихъ положеніяхъ этого нѣтъ. Съ одной стороны человѣкъ, въ силу извѣстныхъ услугъ воздержанія, которыя обязано оказывать ему остальное общество, называется рыцаремъ того или другаго ордена; но съ другой стороны эти услуги не даютъ никакого особеннаго названія тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ эти услуги ожидаются. Другой человѣкъ, въ силу того, что законодатель оказываетъ ему родъ отрицательной услуги, состоящей въ незапрещеніи ему извѣстнаго промысла, принимаетъ на выборъ положеніе какого нибудь промышленника: онъ называется поэтому фермеромъ, булочникомъ, ткачемъ и т. д.; но служители закона, въ силу того, что они оказали этому человѣку этотъ родъ отрицательной услуги, не пріобрѣтаютъ для себя никакого особеннаго имени. Предположите даже, что промыселъ, которымъ вы имѣете право заниматься, становится предметомъ монополіи, и что законодатель, кромѣ того, что онъ оказалъ вамъ услугу, которую вы извлекаете изъ даннаго имъ позволенія, принуждаетъ и другихъ лицъ оказывать вамъ тѣ дальнѣйшія услуги, которыя вы получаете отъ запрещенія имъ заниматься тѣмъ же промысломъ; эти лица и въ такомъ случаѣ не пріобрѣтаютъ никакого особеннаго названія въ силу того, что они были такимъ образомъ связаны.

Изъ того, что сказано нами о свойствахъ разнаго рода гражданскихъ положеній, имѣющихъ названія, можно безъ большаго труда представить себѣ преступленія, которымъ они могутъ быть подвержены. Взятое само по себѣ, всякое положеніе, такимъ образомъ создаваемое позволеніемъ, даваемымъ владѣльцу, естественно бываетъ бенефиціальнаго свойства: поэтому оно подвергается всѣмъ тѣмъ преступленіямъ, которымъ подвержено владѣніе прибылью (benefit). Но, или вслѣдствіе того, что человѣкъ обязывается оставаться въ немъ, разъ за него взявшись, или вслѣдствіе другихъ подобныхъ обязательствъ, какія могутъ быть привязаны къ владѣнію имъ, или вслѣдствіе нѣкоторой дурной репутаціи, которая можетъ привязываться къ нему отъ нравственной санкціи, такое положеніе можетъ быть иногда тягостью: по этой причинѣ оно можетъ быть подвержено преступленіямъ, которымъ подвергается, какъ мы видѣли, всякая вещь, имѣющая свойство тягости. Что касается до преступленій, которыя могутъ касаться исполненія принадлежащихъ къ этому положенію функцій, то, если къ этому положенію привязываются какія-нибудь обязанности, напр. такія, какія создаются правилами объ исполненіи извѣстнаго промысла, это положеніе подвергается извѣстнымъ

нарушеніямъ обязанности; и наконецъ, каковы бы ни были принадлежащія къ нему функціи, оно во всякомъ случаѣ подвергается помѣхѣ.

Впрочемъ, въ составленіи этого списка преступленій точность тѣмъ меньше необходима, что извѣстный актъ, еслибы онъ не попалъ въ этотъ списокъ, и имѣлъ, однако, въ какомъ-нибудь отношеніи вредный характеръ, навѣрное окажется въ какомъ-нибудь другомъ отдѣлѣ системы преступленій: если булочникъ продаетъ дурной хлѣбъ за ту же цѣну, какъ хорошій, это—родъ подлога совершеннаго надъ покупщикомъ, и, быть можетъ, это будетъ также простое тѣлесное оскорбленіе, или вредъ здоровью индивидуума или сосѣдства; если портной продаетъ дурное платье за хорошее въ своей странѣ, это—подлогъ; если—иностранцамъ за границу, это, кромѣ и больше подлога, совершаемаго надъ иностранцемъ, можетъ имѣть и другія вредныя послѣдствія для процвѣтанія этого промысла въ своей странѣ, и чрезъ это сдѣлаться преступленіемъ противъ національнаго богатства. Точно также и съ помѣхой: если человѣку оказывается помѣха въ исполненіи его промысла,—преступленіе будетъ вѣроятно злостнымъ устраненіемъ прибыли, какую онъ бы вѣроятно получилъ посредствомъ своего промысла; и еслибы въ какомъ-нибудь случаѣ оказалось, что человѣкъ занимается промысломъ или (что менѣе невѣроятно) либеральной профессіей не имѣя въ виду прибыли, тогда преступленіе все-таки сведется къ простому оскорбительному удержанію или простому оскорбительному принужденію.

§ 4. *Выгоды настоящаго метода.*

LVI.

Можетъ быть будетъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ, чтобъ дать общій взглядъ на принятый здѣсь методъ дѣленія и на тѣ выгоды, которыя онъ представляетъ. Замѣтимъ, что цѣлая система преступленій дѣлится на пять классовъ. Въ трехъ первыхъ подчиненныя дѣленія берутся изъ того же самаго источника, именно, изъ соображенія разныхъ пунктовъ, относительно которыхъ можетъ страдать интересъ индивидуума. Это однообразіе бросаетъ, кажется, значительный свѣтъ на цѣлую систему; въ особенности на преступленія, подходящія подъ третій классъ: предметы, которые до сихъ поръ не были приведены ни въ какой порядокъ. Относительно четвертаго класса, установляя порядокъ между разными подчиненными дѣленіями, всего естественнѣе и удовлетворительнѣе казалось поставить прежде всего тѣ, въ которыхъ связь ихъ съ благосостояніемъ индивидуумовъ казалась всего болѣе ясной и непосред-

*

ственной. Вредныя дѣйствія тѣхъ преступленій, которыя стремятся непосредственно лишить индивидуумовъ покровительства, даваемаго имъ противъ нападеній другаго, и вредныя дѣйствія тѣхъ, которыя стремятся навлечь на нихъ нападенія иноземцевъ, кажутся одинаково ясными и осязательными. Вредное качество тѣхъ преступленій, которыя стремятся ослабить силу, существующую для отраженія этихъ нападеній, (особенно послѣдняго рода), хотя и бываетъ достаточно очевидно, составляетъ нѣсколько дальнѣйшее звѣно въ этой цѣпи причинъ и дѣйствій. Дурное дѣйствіе такихъ преступленій, которыя бываютъ вредны только тѣмъ, что уменьшаютъ особенный фондъ, откуда должна почерпаться эта сила, это дурное дѣйствіе, хотя и безспорно, но еще болѣе отдаленно и теряется изъ виду. Тоже можно замѣтить относительно тѣхъ преступленій, которыя вредны только тѣмъ, что затрогиваютъ универсальный фондъ. Преступленія противъ верховной власти вообще не были бы вредны, еслибы не были вредны преступленія разныхъ предъидущихъ разрядовъ. Точно также, съ временной точки зрѣнія, преступленія противъ религіи не приносятъ вреда, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда, удаляя, ослабляя или дурно примѣняя одно изъ трехъ главныхъ возбужденій къ добродѣтели и препятствій пороку, эти преступленія стремятся открыть дверь различному вреду, производить который свойственно всѣмъ этимъ другимъ преступленіямъ. Что касается до пятаго класса, то, какъ мы уже замѣтили, онъ представляетъ, на первый взлядъ, неправильность, которая, впрочемъ, кажется, не неизбѣжна. Но эта неправильность теперь исправлена, когда анализъ возвращается послѣ двухъ-трехъ шаговъ назадъ на ту дорогу, съ которой заставила его на минуту сойти тираннія языка.

Онъ долженъ былъ необходимо имѣть въ виду двѣ цѣли: одна — представить, болѣе или менѣе подробнымъ образомъ, систематическое исчисленіе различныхъ возможныхъ видоизмѣненій правонарушенія, имѣющихъ названія или неимѣющихъ его; другая — найти мѣсто въ этомъ спискѣ для такихъ названій преступленій, какія есть въ общемъ употребленіи;—для первой цѣли должна была быть указана природа; для второй — обычай. Еслибы единственнымъ руководствомъ служила природа самихъ вещей, то основаніе для особаго названія преступленія должно бы было являться только изъ такого отличія въ способѣ его совершенія, которое бы сопровождалось отличіемъ въ дѣйствіи. Впрочемъ, одного этого никогда бы не было достаточно: потому что съ одной стороны новый языкъ, который необходимо было бы для этого изобрѣсти, былъ бы страненъ и въ извѣстномъ смыслѣ непонятенъ; съ другой стороны имена, которыя были прежде въ общемъ употребле-

ніи и которыя, на зло всѣмъ системамъ, хорошимъ или дурнымъ, должны были оставаться въ общемъ употребленіи, оставались бы необъясненными. Принять исключительно господствующій языкъ было бы также дурно съ другой стороны: потому что въ такомъ случаѣ каталогъ преступленій, въ сравненіи съ каталогомъ вреда, могущаго быть произведеннымъ, былъ бы совершенно нарушенъ и неполонъ.

Поэтому, для примиренія этихъ двухъ предметовъ, насколько они казались примиримыми, употреблено было слѣдующее средство. Логическое цѣлое, образуемое всей суммой возможныхъ преступленій, было раздѣляемо на двѣ равныя части (bisected) въ столькихъ различныхъ направленіяхъ, сколько ихъ было необходимо, и въ каждомъ направленіи процессъ доводимъ былъ до той ступени, гдѣ раздѣленныя такимъ образомъ частныя идеи находили для себя готовыя имена въ тѣхъ именахъ, какія были уже въ общемъ употребленіи. На этомъ я остановился; оставляя исчисленія всякихъ болѣе подробныхъ различеній, какъ видовъ извѣстнаго рода, до главнаго моего труда. Если въ этомъ ходѣ подобнаго процесса изслѣдованія, мнѣ встрѣчался извѣстный способъ дѣйствій, который, — хотя и долженъ былъ быть замѣченъ, и быть можетъ дѣйствительно былъ замѣчаемъ во всѣхъ законахъ въ качествѣ преступленія, — до сихъ поръ въ разныхъ кадексахъ выражаемъ былъ разными оборотами рѣчи, но никогда не получалъ названія, способнаго занимать во фразѣ роль существительнаго имени, я часто рѣшался устроивать для него новое имя, — такое, какое могли допускать формы языка..... *)

При выборѣ именъ, находящихся въ общемъ употребленіи я старался избѣгать всѣхъ тѣхъ, какія основывались на мѣстныхъ отличіяхъ, — быть можетъ, они дурно составлены и для той націи, въ которой они получили свое начало, и во всякомъ случаѣ они неприложимы къ обстоятельствамъ другихъ странъ.

Анализъ, насколько онъ нами проведенъ, приложимъ одинаково къ легальнымъ цѣлямъ всякой страны; и тамъ, гдѣ онъ пересталъ бы быть приложимымъ, еслибы вошелъ въ дальнѣйшія подробности, я всегда старался остановиться: вотъ почему, онъ вышелъ гораздо подробнѣе въ

---

*) Въ переводѣ этихъ словъ, какъ и вообще въ цѣломъ переводѣ, мы старались по возможности вѣрнѣе передавать мысль, какъ хотѣлъ ее выразить Бентамъ, и старались, вмѣстѣ, остаться ближе и къ «формамъ» русскаго языка. Если переводъ иногда читается тяжело, вина, быть можетъ, во многихъ случаяхъ принадлежитъ только характеру подлинника.

(Пр. перев.)

классѣ преступленій противъ индивидуумовъ, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ классѣ. Итакъ, одна польза этого порядка изслѣдованія (если-бы оказалось, что онъ веденъ правильно) будетъ та, что онъ будетъ указывать то, въ чемъ сходятся легальные интересы всѣхъ странъ, и то, въ чемъ они могутъ различаться: насколько правило, годное для одной страны, будетъ служить, или не будетъ служить, для другой. Что легальные интересы всѣхъ вѣковъ и странъ не имѣютъ ничего общаго, или что въ нихъ все общее, — эти два предположенія одинаково далеки отъ истины [1]).

LVII.

Естественный методъ, который мы здѣсь пытались провести, имѣетъ кажется четыре капитальныя выгоды, не упоминая о другихъ меньшихъ выгодахъ. Вопервыхъ, онъ представляетъ такую помощь для пониманія и для памяти, какой эти способности напрасно искали бы во всякомъ техническомъ распредѣленіи [2]). Естественнымъ можетъ, кажется, быть названо такое распредѣленіе предметовъ науки, которое беретъ для характеристики ихъ такія свойства, на какія люди привыкли обращать вниманіе по обыкновенному характеру человѣческой природы, независимо отъ всякихъ случайныхъ впечатлѣній, какія они могли получить отъ вліянія какихъ-нибудь мѣстныхъ *или* *другихъ* *особенныхъ* причинъ; однимъ словомъ,—такія свойства, которыя естественно, т. е. тотчасъ и съ перваго взгляда, привлекаютъ и твердо останавливаютъ вниманіе всякаго, кому они были разъ указаны. Но какимъ другимъ способомъ извѣстный предметъ можетъ привлечь и остановить вниманіе человѣка, какъ не интересуя этого человѣка? но какое обстоятельство, принадлежащее дѣйствію, можетъ быть интереснѣе, или, лучше сказать, какое другое обстоятельство, принадлежащее ему, можетъ быть вообще интересно для человѣка, какъ не обстоятельство того вліянія, какое это дѣйствіе обѣщаетъ имѣть на его собственное счастіе, или на счастіе близкихъ ему? Итакъ, по какому другому признаку онъ можетъ легче найти мѣсто, занимаемое преступленіемъ въ системѣ, или по какой другой нити онъ можетъ легче возвратиться къ нему?

---

[1]) Вышеприведенныя указанія представляются на соображеніе тѣмъ немногимъ, которыхъ умъ окажется наклоненъ къ изслѣдованіямъ столь непривлекательнаго свойства; разборъ этого предмета до дна и подробное его объясненіе потребовали бы больше мѣста, чѣмъ мы могли бы дать въ настоящемъ случаѣ. Б.

[2]) См. Fragment on Government, Pref. p. XLVII. ed. 1823.

LVIII.

Далѣе, — этотъ методъ нетолько съ перваго взгляда даетъ общее указаніе о природѣ каждаго отдѣла преступленій, насколько эта природа опредѣляется какимъ-нибудь однимъ характеристическимъ свойствомъ; но онъ даетъ возможность для множества общихъ положеній, которыя могутъ быть составлены относительно частныхъ преступленій, входящихъ въ этотъ отдѣлъ, и при этомъ могутъ представить другія разнообразныя свойства, какія могутъ принадлежать имъ вообще. Поэтому, онъ даетъ возможность для составленія множества такихъ положеній о преступленіяхъ, которыя, хотя и будутъ весьма общи, потому что будутъ служить предикатомъ для большаго числа статей, будутъ и столько же вѣрны [1]).

LIX.

Втретьихъ, — этотъ методъ придуманъ такъ, что то самое мѣсто, которое занимаетъ какое-нибудь преступленіе, указываетъ основаніе, почему оно на этомъ мѣстѣ поставлено. Онъ не только указываетъ, что извѣстные акты сдѣланы преступленіями, но и указываетъ, почему

---

[1]) Представимъ себѣ, въ какомъ состояніи должна быть наука, когда въ ней не будетъ ничего такого, что составляло бы въ ней какое-нибудь обширное положеніе или правило и что было бы въ тоже время вѣрно; когда какое нибудь положеніе или правило, вѣрное для нѣкоторыхъ принадлежащихъ къ нему частностей, будетъ ложно для другихъ. Въ какомъ положеніи была бы, напримѣръ, ботаника, еслибы классы растеній были придуманы въ ней такъ, что для нихъ не находилось бы никакихъ общихъ чертъ? И однакоже въ такомъ положеніи, и не лучше, находятся, кажется, всѣ системы уголовнаго закона, авторитативныя и неавторитативныя, какія только появлялись до сихъ поръ. Попробуйте, напримѣръ, можно ли иначе сказать о delicta privata et piblica, publica ordinaria и publica extra-ordinaria въ Римскомъ Правѣ (см. Heinecc. Elem. p. VII, § 79, 80). Все это отъ недостатка метода: и отсюда необходимость постараться придумать новый.

И этотъ недостатокъ метода неудивителенъ. Такая новая наука, какъ наука уголовнаго законодательства, едвали бы могла быть въ лучшемъ состояніи. Пока предметы не различены одинъ отъ другаго, они не могутъ быть приведены въ порядокъ. Такимъ образомъ истина и порядокъ идутъ рука объ руку; только по мѣрѣ того, какъ открывается первая, можетъ быть улучшаемъ послѣдній. Прежде чѣмъ установленъ извѣстный порядокъ, истина можетъ быть указана только несовершенно; но порядокъ не можетъ быть установленъ прежде, чѣмъ не будетъ развита и указана извѣстная доля истины. Открытіе истины ведетъ къ установленію порядка, и установленіе порядка утверждаетъ и распространяетъ открытіе истины. Б.

они должны быть сдѣланы преступленіями. Такимъ образомъ обращаясь къ уму, онъ въ нѣкоторой степени обращается и къ чувствамъ. Давая понять природу и стремленіе каждаго вреднаго акта, онъ объясняетъ, и въ нѣкоторой степени защищаетъ или оправдываетъ тотъ способъ, какимъ можетъ быть найдено соотвѣтственнымъ отнестись къ этому акту посредствомъ наказанія. Итакъ, для подданнаго это есть родъ постоянной апологіи (закона), показывающей необходимость всякаго ограниченія, которое, для безопасности и блага каждаго индивидуума, должно быть сдѣлано въ свободѣ всякаго другаго. Для законодателя это есть родъ постояннаго урока, служащаго вмѣстѣ и исправленіемъ его предразсудковъ, и сдержкой для его страстей. Если есть вредъ, который ускользнулъ отъ него, — въ естественномъ распредѣленіи предмета (если въ тоже время это есть распредѣленіе изчерпывающее) онъ непремѣнно найдетъ его. Если онъ пытался когда-нибудь поставить невинность въ область преступленія; — трудность найти для нея мѣсто предупредитъ его объ его ошибкѣ. Такова польза карты всеобщаго правонарушенія, начертанной на основаніи принципа пользы; таковы выгоды, которыя могутъ извлечь изъ нея какъ законодатель, такъ и подданный. Держитесь этой карты, и всякій произволъ въ законодательствѣ изчезаетъ. Законодатель съ дурными намѣреніями или съ предразсудками не осмѣлится взглянуть на нее прямо. Онъ долженъ былъ бы запретить ее, и справедливо: *это была бы сатира на его* законы.

LX.

Вчетвертыхъ, — естественное раздѣленіе, управляемое принципомъ, признаваемымъ всѣми людьми, будетъ одинаково служить для юриспруденціи всѣхъ націй. Въ системѣ закона, составленной по такому методу, языкъ будетъ служить словаремъ, которымъ могли бы быть объясняемы всѣ системы положительнаго закона, между тѣмъ какъ содержаніе служитъ образчикомъ, по которому эти системы могутъ подвергаться пробѣ. Объясненный такимъ образомъ, способъ дѣйствій каждой націи могъ бы быть урокомъ для всякой другой: и человѣчество, при взаимной мѣнѣ опытами и усовершенствованіями, могло бы двигаться впередъ въ этой области науки такъ же легко, какъ во всякой другой. Если какая-нибудь изъ этихъ цѣлей будетъ достигнута въ какой-нибудь степени, то трудъ этого анализа, какъ онъ ни былъ суровъ, не пропадетъ даромъ.

§ 5. *Отличительныя черты пяти Разрядовъ.*

LXI.

Въ числѣ выгодъ, представляемыхъ этимъ методомъ, и не представляемыхъ никакимъ другимъ, упомянуто было то, что предметы, принятые имъ, распредѣляются на группы, къ которымъ могутъ быть прилагаемы вообще разнообразныя общія положенія. Собраніе этихъ положеній, прилагаемыхъ къ различнымъ разрядамъ, можетъ считаться представляющимъ отличительныя черты каждаго разряда. Сколько этихъ общихъ положеній можно примѣнить къ преступленіямъ принадлежащимъ къ какому-нибудь данному разряду, столько свойствъ окажутся у нихъ общими; сколько можно приписать разнымъ разрядамъ этихъ общихъ свойствъ, столько свойствъ могутъ быть выставлены какъ характеристическія черты разряда. Здѣсь нелишнее будетъ представить собраніе этихъ характеристическихъ чертъ. Чѣмъ больше мы можемъ собрать ихъ, тѣмъ яснѣе и полнѣе можно будетъ понять природу разныхъ разрядовъ и, составляющихъ эти разряды, преступленій.

LXII.

Характеристическія черты I Разряда, состоящаго изъ частныхъ преступленій, или преступленій противъ *индивидуумовъ*, которые извѣстны или могутъ быть указаны.

1. Когда эти преступленія достигаютъ своей послѣдней степени, или степени совершенія (consummation) [1]), всѣ они производятъ вредъ и первичный и вторичный [2]).

2. Индивидуумы, которыхъ они затрогиваютъ въ первой инстанціи (т. е. своимъ первичнымъ вредомъ), бываютъ постоянно извѣстны, или могутъ быть указаны. Это простирается на все, на попытку и на приготовленіе, также какъ и на тѣ преступленія, которыя дошли до степени совершенія.

3. Вслѣдствіе этого, они допускаютъ вознагражденіе (compensation) [3]), — и этимъ они отличаются отъ преступленій всѣхъ другихъ разрядовъ, какъ таковыхъ.

4. Они допускаютъ также возмездіе [4]), и этимъ они также отличаются отъ преступленій всѣхъ другихъ разрядовъ.

---

[1]) См. гл. VII (Дѣйствіе), пар. 14.
[2]) См. гл. XII (Послѣдствія), пар. 3.
[3]) См. гл. XV (Случаи, не подлеж. наказ.), пар. 2, прим.
[4]) См. гл. XVII, пар. 8. Говоря о возмездіи, я разумѣю то, что оно

5. Всегда есть какое-нибудь лицо, имѣющее естественный и особенный интересъ преслѣдовать ихъ. Въ этомъ они отличаются отъ личныхъ преступленій, также отъ полу-публичныхъ и публичныхъ преступленій, насколько эти два послѣднія имѣютъ шансъ заключать въ себѣ частный вредъ.

6. Вредъ, производимый ими, очевиденъ; болѣе очевиденъ, чѣмъ вредъ полу-публичныхъ преступленій, и еще болѣе очевиденъ, чѣмъ вредъ личныхъ преступленій или даже публичныхъ.

7. Они бываютъ вездѣ, и должны всегда быть, вредны по мнѣнію свѣта; болѣе вредны, чѣмъ полу-публичныя преступленія, и еще болѣе, чѣмъ публичныя.

8. Они болѣе постоянно вредны по мнѣнію свѣта, чѣмъ личныя преступленія; и были бы таковы вообще, еслибы не было вліянія двухъ ложныхъ принциповъ, — принципа аскетизма и принципа антипатіи [1]).

9. Они меньше полу-публичныхъ и публичныхъ преступленій требуютъ разныхъ опредѣленій для разныхъ государствъ и странъ [2]); въ этомъ они очень сходны съ личными преступленіями.

10. По извѣстнымъ обстоятельствамъ отягченіи, они способны превращаться въ полу-публичныя преступленія; а по нѣкоторымъ другимъ — въ публичныя.

11. *Для наказанія ихъ не можетъ быть основанія, до тѣхъ поръ* пока не доказано, что они причинили, или готовы были причинить какой-нибудь частный вредъ какому-нибудь частному индивидууму. Этимъ они отличаются отъ полу-публичныхъ преступленій и отъ публичныхъ.

12. Въ легкихъ случаяхъ, вознагражденіе, даваемое лицу, затронутому этимъ преступленіемъ, можетъ быть достаточнымъ основаніемъ для отмѣны наказанія; потому что, если первичный вредъ не былъ достаточно великъ, чтобы произвести тревогу, все количество вреда

способно быть прилагаемо въ этихъ случаяхъ, а не то, что оно всегда должно быть прилагаемо. Оно не можетъ также прилагаться во всякомъ индивидуальномъ случаѣ каждаго преступленія, но только въ нѣкоторыхъ индивидуальныхъ случаяхъ каждаго вида преступленія. Б.

[1]) См. гл. II.

[2]) Вѣроятно вслѣдствіе этихъ трехъ послѣднихъ качествъ произошелъ обычай называть эти преступленія, или по крайней мѣрѣ многія изъ нихъ, преступленіями противъ законовъ природы: выраженіе неопредѣленное и производящее много ошибокъ. См. гл. II. Б.

может быть исправлено посредствомъ вознагражденія. Этимъ они также отличаются отъ преступленій полу-публичныхъ и отъ публичныхъ.

LXIII.

Характеристическія черты II Разряда, состоящаго изъ полупубличныхъ преступленій или преступленій, затрогивающихъ цѣлый подчиненный *классъ* лицъ.

1. Въ своемъ качествѣ полу-публичныхъ преступленій, они не производятъ никакого первичнаго вреда. Вредъ, производимый ими, состоитъ изъ одной или другой или изъ обѣихъ вѣтвей вторичнаго вреда, производимаго преступленіями противъ индивидуумовъ, безъ вреда первичнаго.

2. Насколько преступленія считаются принадлежащими къ этому классу; лица, затрогиваемыя ими въ первой инстанціи, не могутъ быть указаны индивидуально.

3. Впрочемъ, они способны заключать въ себѣ какой-нибудь первичный вредъ перваго порядка или завершаться этимъ вредомъ, и когда это бываетъ съ ними, они переходятъ въ первый разрядъ и становятся частными преступленіями.

4. Въ качествѣ полу-публичныхъ, они не допускаютъ вознагражденія.

5. И не допускаютъ возмездія.

6. При ихъ качествѣ полу-публичныхъ преступленій, иногда не бываетъ никакого частнаго индивидуума, который бы могъ имѣть исключительный интересъ въ ихъ преслѣдованіи: впрочемъ всегда можно бываетъ указать кругъ лицъ, гдѣ могутъ найтись такія лица, которыя имѣютъ бо́льшій интересъ преслѣдовать ихъ, чѣмъ имѣютъ какія-нибудь другія лица внѣ этого круга.

7. Вредъ, ими производимый, бываетъ вообще довольно очевиденъ; не столько, правда, какъ вредъ частныхъ преступленій, но въ цѣломъ болѣе очевиденъ, чѣмъ вредъ личныхъ и публичныхъ преступленій.

8. Во мнѣніи свѣта они бываютъ скорѣе менѣе вредны, чѣмъ частныя преступленія; но болѣе вредны, чѣмъ личныя; они были бы также болѣе вредны, чѣмъ личныя, если бы не было вліянія двухъ ложныхъ принциповъ, принципа симпатіи и антипатіи, и принципа аскетизма.

9. Они больше, чѣмъ частныя и личныя преступленія, могутъ требовать различныхъ опредѣленій въ различныхъ странахъ; но меньше, чѣмъ публичныя.

10. Для наказанія ихъ можетъ быть основаніе прежде, чѣмъ было

доказано, что они произвели, или готовы были произвести вредъ какому-нибудь частному индивидууму; чего не бываетъ съ частными преступленіями.

11. Удовлетвореніе, даваемое какому-нибудь частному индивидууму, затронутому этимъ преступленіемъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достаточнымъ основаніемъ для отмѣны наказанія: потому что этимъ удовлетвореніемъ исправляется только одна часть его вреда. Этимъ подобныя преступленія отличаются отъ частныхъ, но сходны съ публичными.

LXIV.

Отличительныя черты III Разряда, состоящаго изъ личныхъ преступленій,—преступленій противъ *самого себя.*

1. Въ индивидуальныхъ случаяхъ часто будетъ сомнительно, производятъ ли они какой-нибудь первичный вредъ [1]); вторичнаго вреда они не производятъ никакого.

2. Они не затрогиваютъ никакого другаго индивидуума, который можетъ или не можетъ быть указанъ, кромѣ того, что они затрогиваютъ самого преступника; исключеніе возможно развѣ въ частныхъ случаяхъ; и только весьма легкимъ и отдаленнымъ образомъ они затрогиваютъ цѣлое государство.

3. Поэтому, они не допускаютъ вознагражденія.

4. И также возмездія.

5. Никакое лицо не имѣетъ собственно какого-нибудь особеннаго интереса въ преслѣдованіи этихъ преступленій, — развѣ настолько, насколько, въ силу какой-нибудь связи, какую это лицо можетъ имѣть съ преступникомъ или путемъ симпатіи или путемъ интереса (см. гл. VI, пар. 25, 26), на это лицо можетъ пасть какой-нибудь вредъ производнаго рода (гл. XII, пар. 4) [2]).

6. Вредъ, производимый ими, можетъ быть незамѣтенъ, и вообще

---

[1]) Потому что лицо, которое вообще всего вѣроятнѣе будетъ чувствительно ко вреду (если таковой есть) преступленія, именно лицо, которое имъ всего больше затрогивается, показываетъ всѣмъ поведеніемъ, что оно не чувствуетъ этого вреда. Б.

[2]) Впрочемъ, въ числѣ преступленій, принадлежащихъ къ этому разряду, есть нѣсколько такихъ, для преслѣдованія которыхъ, въ иныхъ странахъ, находятся нерѣдко лица, расположенныя къ этому преслѣдованію безъ всякихъ искусственныхъ побужденій, а чисто только въ силу антипатіи, возбуждаемой такими актами. См. гл. II, пар. 11. Б.

болѣе сомнителенъ, чѣмъ въ какихъ-нибудь преступленіяхъ другихъ разрядовъ.

7. Впрочемъ, многія изъ нихъ могутъ, во мнѣніи свѣта, быть болѣе вредны, чѣмъ публичныя преступленія,—вслѣдствіе вліянія двухъ ложныхъ принциповъ, принципа аскетизма и принципа антипатіи. Нѣкоторыя изъ нихъ бываютъ даже болѣе вредны, чѣмъ полу-публичныя, или даже частныя преступленія.

8. Они меньше, чѣмъ преступленія какого-нибудь другаго класса, могутъ требовать различныхъ опредѣленій для разныхъ государствъ и странъ [1]).

9. Въ побужденіяхъ [2]) наказывать эти преступленія, антипатія противъ преступника способна имѣть бо́льшую долю, чѣмъ симпатія къ публикѣ.

10. Самое лучшее оправданіе ихъ наказанія основывается на той слабой вѣроятности, что они могутъ произвести вредъ, который, еслибы онъ произошелъ дѣйствительно, поставилъ бы ихъ въ разрядъ публичныхъ преступленій: главнымъ образомъ въ тотъ отдѣлъ этихъ послѣднихъ, который состоитъ изъ преступленій противъ народонаселенія и преступленій противъ національнаго богатства.

LXV.

Отличительныя черты IV Разряда, состоящаго изъ публичныхъ преступленій, или преступленій противъ *государства* вообще.

1. Въ качествѣ такихъ преступленій, они не производятъ никакого первичнаго вреда; и вторичный вредъ, производимый ими, и состоящій часто изъ опасности безъ тревоги, хотя и бываетъ великъ по цѣнности, весьма неопредѣленъ по виду (in specie).

2. Индивидуумы, которыхъ они затрогиваютъ въ первой инстанціи, *постоянно* бываютъ неизвѣстны, т. е. не могутъ быть указаны, кромѣ случаевъ, гдѣ имъ приходится заключать въ себѣ (или оканчиваться ими) какія-нибудь преступленія противъ индивидуумовъ.

3. Вслѣдствіе того, они не допускаютъ вознагражденія.

4. И также возмездія.

5. Нѣтъ также никакого лица, которое бы имѣло собственно

---

[1]) Поэтому, большая часть изъ нихъ могутъ считаться въ ряду преступленій противъ «законовъ природы». См. выше, пар. 62, примѣч. Б.

[2]) Подъ побужденіями я разумѣю тѣ, хорошія или дурныя, соображенія, которыя побуждаютъ или располагаютъ законодателя разсматривать ихъ въ смыслѣ преступленія. Б.

какой-нибудь особенный интересъ преслѣдовать ихъ, — развѣ только тогда, когда они затрогиваютъ власть, или какимъ-нибудь образомъ затрогиваютъ частный интересъ какого-нибудь авторитетнаго лица.

6. Вредъ, производимый ими въ качествѣ публичныхъ преступленій, бываетъ сравнительно не очевиденъ; болѣе неочевиденъ чѣмъ въ частныхъ преступленіяхъ, и болѣе также, чѣмъ въ полу-публичныхъ.

7. Въ качествѣ публичныхъ они во мнѣніи свѣта гораздо менѣе вредны, чѣмъ частныя преступленія; менѣе даже чѣмъ полу-публичныя, или даже чѣмъ личныя преступленія, — кромѣ развѣ частныхъ случаевъ, по симпатіи къ извѣстнымъ авторитетнымъ лицамъ, частный интересъ которыхъ они могутъ затрогивать.

8. Они больше чѣмъ какія-нибудь преступленія другихъ разрядовъ допускаютъ различныя опредѣленія въ различныхъ государствахъ и странахъ.

9. Во многихъ случаяхъ эти преступленія создаются какими-нибудь отягчающими обстоятельствами, которыя присоединяются къ частному преступленію; и потому, въ этихъ случаяхъ, они заключаютъ въ себѣ вредъ и представляютъ другія отличительныя черты, принадлежащія обоимъ разрядамъ. Впрочемъ, даже въ такихъ случаяхъ они довольно справедливо причисляются къ IV разряду, такъ какъ вредъ, производимый ими въ силу ихъ свойствъ, заставляющихъ причислять ихъ къ этому разряду, затмѣваетъ и поглощаетъ въ себѣ тотъ вредъ, который производятъ они въ силу свойствъ, заставляющихъ причислять ихъ къ I разряду.

10. Для наказанія ихъ можетъ быть достаточное основаніе и безъ доказательства того, что они причинили, или готовы были причинить какой-нибудь частный вредъ частному индивидууму. Этимъ они отличаются отъ частныхъ преступленій, но сходятся съ полу-публичными. Здѣсь, какъ въ полу-публичныхъ преступленіяхъ, объемъ (extent) вреда замѣняетъ его неизвѣстность или сомнительность (uncertainty).

11. Удовлетвореніе, даваемое какому-нибудь частному индивидууму, ими затронутому, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть достаточнымъ основаніемъ для отмѣны наказанія. Этимъ они отличаются отъ частныхъ преступленій, но сходятся съ полу-публичными.

LXVI.

Отличительныя черты V разряда, или Прибавленія, состоящаго изъ многообразныхъ или аномальныхъ пре-

ступленій, и заключающаго преступленія посредствомъ *обмана* и преступленія относительно довѣрія.

1. Взятыя коллективно, въ частицахъ, обозначаемыхъ ихъ популярными названіями, они не могутъ быть собраны въ одно цѣлое по какому-нибудь аналитическому методу распредѣленія, основанному на вредѣ преступленія.

2. Впрочемъ, они могутъ быть разбиты на подраздѣленія, которыя могутъ быть собраны по такому методу.

3. Эти подраздѣленія естественно и легко подойдутъ подъ отдѣлы разныхъ предъидущихъ разрядовъ этой системы.

4. Каждый изъ двухъ большихъ отдѣловъ этого разряда распространяется такимъ образомъ на всѣ предъидущіе разряды.

5. Въ нѣкоторыхъ актахъ этого разряда, отличительное обстоятельство, составляющее существенную черту преступленія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ будетъ необходимо входить, въ качествѣ криминативнаго обстоятельства, въ образованіе преступленія; такъ что, безъ участія этого обстоятельства, преступленіе этого наименованія вовсе не можетъ быть совершено [1]). Въ другихъ случаяхъ, преступленіе можетъ существовать безъ этого обстоятельства; и тамъ, гдѣ оно присоединяется, оно является случайнымъ независимымъ обстоятельствомъ, могущимъ составить основаніе для отягченія [2]).

ГЛАВА XIX.

§ 1. Границы между ученіемъ о Частной Нравственности и искуствомъ Законодательства.

I.

До сихъ поръ мы говорили о дѣленіи преступленій вообще. Но далѣе, — преступленіе есть актъ запрещенный или (что одно и тоже)

---

[1]) Примѣръ: преступленія посредствомъ обмана, въ случаѣ подлога. Б.

[2]) Примѣръ: преступленія посредствомъ обмана, въ случаѣ простыхъ тѣлесныхъ оскорбленій, и другихъ преступленій противъ лица. Б.

актъ, противное которому повелѣвается закономъ: и что же можетъ дѣлать законъ кромѣ запрещенія и повелѣнія? Итакъ, по этому взгляду на дѣло, казалось бы, что если бы мы установили, что можетъ быть правильно сдѣлано относительно преступленій, то поэтому мы установили бы все, что можетъ быть правильно сдѣлано путемъ закона. Между тѣмъ та отрасль, которая имѣетъ дѣло съ преступленіями и которая называется уголовной (criminal penal) отраслью, всѣми считается только одной отраслью изъ двухъ, составляющихъ цѣлый предметъ искусства законодательства; другая отрасль называется гражданской [1]). Довольно очевидно, что между этими двумя вѣтвями не можетъ не быть весьма тѣсной связи; и она въ самомъ дѣлѣ такъ тѣсна, что вовсе не легко опредѣлить границы между ними. Тоже самое надо сказать въ извѣстной мѣрѣ о цѣлой задачѣ Законодательства (въ гражданской и уголовной отрасляхъ вмѣстѣ) и о задачѣ ученія о Нравственности, или Этики. Намъ необходимо впрочемъ составить нѣкоторую идею объ этихъ различныхъ границахъ: съ одной стороны для того, чтобы не показалось, что мы оставили нетронутой какую-нибудь часть предмета, о которой должны были сказать, или съ другой стороны, что мы гдѣ-нибудь уклонились на дорогу, на которую не должны были уклоняться.

Въ теченіе этого изслѣдованія,—я разумѣю той части его, которая относится къ границамъ *между гражданской и уголовной отраслью закона*,—необходимо будетъ установить много пунктовъ, связь которыхъ съ главнымъ вопросомъ съ перваго взгляда можетъ оставаться совершенно незамѣченной. Опредѣлить, что за вещь есть вообще законъ; какія въ немъ можно найти части; что долженъ онъ заключать въ себѣ, чтобы быть полнымъ; какая есть связь между той частью законодательнаго кодекса, которая относится къ судопроизводству (процедурѣ), и остальнымъ законамъ вообще, — все это, какъ мы увидимъ, составляетъ задачи, которыя должны быть рѣшены, *прежде* чѣмъ можетъ быть данъ отвѣтъ на главный вышеупомянутый вопросъ.

---

[1]) А гдѣ же отрасль конституціонная? могутъ спросить многіе изъ читателей. На это можно бы отвѣчать, что предметъ ея могъ бы безъ большаго насилія быть раздѣленъ между двумя этими отдѣлами. Эта отрасль, при всей ея важности и при всей возможности для нея занять отдѣльное мѣсто, въ это время, сколько я помню, едвали представлялась мнѣ въ качествѣ отдѣльной отрасли: нить моихъ изслѣдованій еще не доходила до нея. Но въ заключительномъ примѣчаніи къ этой самой главѣ, въ параграфѣ 22 до конца, это опущеніе въ нѣкоторой степени пополнено. Б.

Но это не одна польза такого изслѣдованія: потому что довольно очевидно, что сначала должно быть твердо установлено понятіе о полномъ законѣ, прежде чѣмъ законодатель можетъ въ какомъ-нибудь случаѣ знать, что ему надо дѣлать, или когда его дѣло сдѣлано.

II.

Этика вообще можетъ быть опредѣлена какъ искусство направлять человѣческія дѣйствія къ произведенію величайшаго возможнаго количества счастія на сторонѣ тѣхъ, которыхъ интересъ имѣется въ виду.

III.

Какіе же бываютъ дѣйствія, направлять которыя можетъ быть во власти человѣка? Это должны быть или его собственныя дѣйствія, или дѣйствія другихъ агентовъ. Этика, въ смыслѣ искусства управлятъ собственными дѣйствіями человѣка, можетъ быть названа искусствомъ самоуправленія или частной этикой.

IV.

Какія же есть другіе агенты, которые, будучи подъ вліяніемъ управленія человѣка, въ тоже время бываютъ способны къ счастію? Они бываютъ двоякаго рода: 1) Другія человѣческія существа, называемыя лицами; 2) Другія животныя, которыя вслѣдствіе того, что ихъ интересы были пренебрежены безчувственностью старыхъ юристовъ, унижены до класса вещей *). Что касается до другихъ человѣческихъ существъ, то искусство направлять ихъ дѣйствія къ вышеупомянутой цѣли и есть то, что мы считаемъ (или что по крайней мѣрѣ есть единственная вещь, которую, по принципу пользы, мы должны бы считать) искусствомъ правленія,—которое въ томъ случаѣ, когда мѣры, въ какихъ оно выражается, бываютъ постояннаго свойства, обозначается обыкновенно именемъ законодательства; а когда эти мѣры бываютъ временнаго свойства и опредѣляются событіями дня,—называется администраціей.

V.

Но человѣческія существа, разсматриваемыя относительно зрѣлости

*) Въ примѣчаніи Бентамъ указываетъ соображенія, побуждающія къ лучшему обращенію съ животными: соображенія, уже принятыя тѣми людьми, которые основывали на западѣ общества для защиты животныхъ; эти соображенія поняты кажется и нашими основателями общества покровительства животныхъ, которое было признано и поддерживается правительствомъ.

ихъ способностей, бываютъ въ совершеннолѣтнемъ или въ несовершеннолѣтнемъ состояніи. Искусство правленія, когда оно относится къ направленію дѣйствій людей несовершеннолѣтняго состоянія, можетъ быть названо искусствомъ воспитанія. Когда эта задача ввѣряется тѣмъ, кто въ силу какихъ-нибудь частныхъ отношеній бываетъ вообще всего больше расположенъ взять на себя эту обязанность, и бываетъ всего больше способенъ исполнить ее, оно можетъ быть названо искусствомъ частнаго воспитанія; когда эта задача исполняется тѣми, кому принадлежитъ главное начальство надъ поведеніемъ цѣлаго общества, оно называется искусствомъ публичнаго воспитанія.

VI.

Что касается до этики вообще, счастіе человѣка будетъ зависѣть, вопервыхъ, отъ такихъ частей его поведенія, въ которыхъ заинтересованъ только онъ самъ; вовторыхъ, отъ такихъ, которыя могутъ касаться счастія его окружающихъ. Насколько его счастіе зависитъ отъ первой упомянутой части его поведенія, то говорится, что оно зависитъ отъ его обязанности къ самому себѣ. Итакъ, этика, въ смыслѣ искусства направлять дѣйствія человѣка въ этомъ отношеніи, можетъ быть названа искусствомъ человѣка исполнять обязанности къ самому себѣ; и качество, которое человѣкъ обнаруживаетъ исполненіемъ этой вѣтви обязанности *(если это можно называть обязанностью)*, есть качество благоразумія. *Насколько* его счастіе *и* счастіе всякаго другаго лица или лицъ, объ интересахъ которыхъ идетъ рѣчь, зависитъ отъ тѣхъ частей его поведенія, которыя могутъ касаться интересовъ окружающихъ его лицъ, можно сказать, что оно зависитъ отъ его обязанности къ другимъ, или (употребляя выраженіе, теперь нѣсколько устарѣвшее) отъ его обязанности къ ближнему. Итакъ, этика, въ смыслѣ искусства направлять дѣйствія человѣка въ этомъ отношеніи, можетъ быть названа искусствомъ исполненія обязанностей человѣка къ ближнему. Но счастіе ближняго можетъ быть принимаемо въ соображеніе двумя способами: 1) Отрицательно, воздерживаясь уменьшать его, и 2) Положительно, стараясь его увеличивать. Вслѣдствіе того обязанность человѣка къ ближнему бываетъ отчасти отрицательна и отчасти положительна: исполненіе отрицательной вѣтви этой обязанности есть честность; исполненіе положительной вѣтви есть благотворительность.

VII.

Здѣсь могутъ спросить, какимъ образомъ по принципу частной этики, оставляя въ сторонѣ законодательство и религію, счастіе чело-

вѣка зависитъ отъ такихъ частей его поведенія, которыя касаются, по крайней мѣрѣ непосредственно, только счастія его самого: это все равно, что спросить, — какіе мотивы (независимо отъ тѣхъ, которые могутъ быть иногда доставлены законодательствомъ и религіей) можетъ имѣть человѣкъ для того, чтобы принимать въ соображеніе счастіе другаго человѣка? какими мотивами, или (что̀ одно и тоже) какими обязательствами онъ можетъ быть вынужденъ повиноваться требованіямъ честности и благотворительности? Въ отвѣтъ на это, нельзя не допустить, что единственные интересы, для сообра̀женія съ которыми человѣкъ навѣрное найдетъ достаточные мотивы во всѣ времена и при всѣхъ случаяхъ, суть его собственные интересы. Несмотря на то, нѣтъ случаевъ, гдѣ бы человѣкъ не имѣлъ какихъ-нибудь мотивовъ для того, чтобы соображаться съ счастіемъ другихъ людей. Вопервыхъ, онъ при всѣхъ случаяхъ имѣетъ чисто общественный мотивъ симпатіи или благосклонности; вовторыхъ, въ большей части случаевъ онъ имѣетъ полуобщественные мотивы любви къ дружбѣ и любви къ репутаціи. Мотивъ симпатіи будетъ дѣйствовать на него съ большей или меньшей силой, смотря по наклонности его чувствительности [1]); два другіе мотива,—смотря по разнымъ обстоятельствамъ, главнымъ образомъ по силѣ его умственныхъ способностей, твердости и постоянству духа, количеству его нравственной чувствительности, и характеристическимъ чертамъ націи, въ которой онъ живетъ.

VIII.

Далѣе, частная этика имѣетъ своей цѣлью счастіе; другой цѣли не можетъ имѣть и законодательство. Частная этика имѣетъ въ виду каждаго члена, т. е. счастіе и дѣйствія каждаго члена общества; и законодательство также имѣетъ это въ виду. Итакъ, до сихъ поръ частная этика и искусство законодательства идутъ рука объ руку. Цѣль, которую онѣ имѣютъ (или должны бы имѣть) въ виду,—одного и того же свойства. Лица, счастіе которыхъ онѣ должны имѣть въ виду, также какъ лица, поведеніе которыхъ онѣ должны направлять, совершенно одни и тѣ же. Даже самые акты, которыми онѣ должны заниматься, въ большой степени одни и тѣ же. Гдѣ же, поэтому, заключается разница? Разница въ томъ, что акты, которыми онѣ должны заниматься, хотя въ большой степени, но не совершенно и не вполнѣ одни и тѣ же. Нѣтъ такого случая, гдѣ бы частный человѣкъ не былъ долженъ

---

[1]) См. гл. VI (Чувствительность), пр. 3.

направлять свое поведеніе къ произведенію своего собственнаго счастія и счастія его ближнихъ: но есть случаи, гдѣ законодатель не долженъ (по крайней мѣрѣ прямо, и посредствомъ наказанія, прилагаемаго непосредственно къ частнымъ индивидуальнымъ актамъ) пытаться направлять поведеніе разныхъ другихъ членовъ общества. Каждый индивидуумъ долженъ самъ собою совершать всякій актъ, который обѣщаетъ быть вообще благодѣтельнымъ для общества (включая его самого): но не всякій такой актъ законодатель долженъ побуждать его совершать. Каждый индивидуумъ долженъ самъ собою воздерживаться отъ всякаго акта, который обѣщаетъ быть вообще вреднымъ для общества (включая его самого): но не отъ всякаго такого акта законодатель долженъ побуждать его воздерживаться.

IX.

Итакъ, гдѣ же провести эту черту? — Намъ придется искать ее не далеко. Задача въ томъ, чтобы дать идею о тѣхъ случаяхъ, гдѣ замѣшивается этика, и гдѣ не должно бы замѣшиваться (по крайней мѣрѣ, прямымъ путемъ) законодательство. Если законодательство замѣшивается прямымъ путемъ, это должно быть чрезъ наказаніе [1]). Но мы уже указывали (въ гл. XV) тѣ случаи, въ которыхъ не должно быть налагаемо наказаніе, разумѣя наказаніе политической санкціи. Итакъ, если есть такіе случаи, гдѣ, *хотя законодательство и не вмѣшивается, вмѣшивается или должна вмѣшиваться частная этика*, — эти случаи и послужатъ намъ указаніемъ границъ между двумя искусствами или отраслями науки. Вспомнимъ, что эти случаи бываютъ четырехъ родовъ: 1) Гдѣ наказаніе было бы неосновательно; 2) Гдѣ оно было бы недѣйствительно; 3) Гдѣ оно было бы неприбыльно; 4) Гдѣ оно было бы ненужно. Разберемъ всѣ эти случаи и посмотримъ, нѣтъ ли въ какихъ-нибудь изъ нихъ мѣста для вмѣшательства частной этики, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ нѣтъ мѣста для прямаго вмѣшательства законодательства.

X.

1. Итакъ, вопервыхъ,—случаи, гдѣ наказаніе было бы неосновательно. Въ этихъ случаяхъ, очевидно, что ограничивающее вмѣша-

---

[1]) Я ничего не говорю здѣсь о наградѣ: потому что она можетъ быть прилагаема только въ немногихъ чрезвычайныхъ случаяхъ, и потому что, даже тамъ, гдѣ она прилагается, быть можетъ, возможно сомнѣваться,— можетъ ли, собственно говоря, приложеніе ея быть названо актомъ законодательства. См. ниже, § 3. Б.

тельство этики было бы также неосновательно. Законодательство не должно стараться предотвращать актъ потому, что, въ цѣломъ, въ немъ нѣтъ ничего дурнаго. По той же причинѣ не должна дѣлать этого и частная этика.

XI.

2. Далѣе, — случаи, гдѣ наказаніе было бы недѣйствительно. Замѣтимъ, что эти случаи могутъ быть раздѣлены на два класса. Первые вовсе не зависятъ отъ свойства акта: они основываются только на недостаткѣ въ своевременности наказанія. Самое наказаніе не больше, чѣмъ оно должно бы быть для подобнаго акта. Но оно должно бы быть примѣнено въ другое время, именно не раньше, чѣмъ оно было должнымъ образомъ объявлено. Таковы случаи закона ex-post-facto; судебнаго рѣшенія, выходящаго за предѣлы закона, и закона, недостаточно обнародованнаго. Такимъ образомъ акты, о которыхъ идетъ рѣчь, не должны бы собственно подойти даже въ область принудительнаго законодательства: они, конечно, не подходятъ и въ область частной этики. Что касается до другаго класса случаевъ, гдѣ наказаніе было бы недѣйствительно, они также не зависятъ отъ свойства акта, т. е. отъ рода акта; они основываются только на какихъ-нибудь постороннихъ обстоятельствахъ, которыми имѣетъ шансъ сопровождаться актъ всякаго рода. Впрочемъ, эти случаи такого свойства, что они нетолько исключаютъ приложеніе легальнаго наказанія, но и вообще оставляютъ мало мѣста для вліянія частной этики. Это—случаи, гдѣ воля не можетъ быть удержана ни отъ какого акта, даже при чрезвычайной силѣ искусственнаго наказанія, какъ напр. въ случаяхъ крайняго дѣтства, безумія и полнаго опьянѣнія: естественно, что воля не можетъ быть удержана отъ этихъ актовъ и такой незначительной и сомнительной силой, какая можетъ быть употреблена частной этикой. Тоже самое повторяется, въ этомъ отношеніи, въ случаяхъ ненамѣренности относительно исхода событія, несознательности относительно обстоятельствъ, и дурнаго (неправильнаго) разсчета относительно существованія обстоятельствъ, которыхъ не существовало; какъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ даже сила чрезвычайнаго наказанія оказывается недѣйствительна предъ высшей силой физической опасности или угрожающаго вреда. Очевидно, что если въ этихъ случаяхъ оказываются безсильны громы закона, то шопотъ простой нравственности можетъ имѣть только очень мало вліянія.

XII.

3. Далѣе,—случаи, гдѣ наказаніе было бы неприбыльно. Это—случаи, представляющіе обширное поле для исключительнаго вмѣша-

тельства частной этики. Наказаніе бываетъ неприбыльно или, другими словами, слишкомъ дорого, потому, что зло наказанія превышаетъ зло преступленія. Но зло наказанія, припомнимъ [1], раздѣляется на четыре вѣтви: 1) Зло принужденія, заключающее понужденіе или удержаніе, смотря по тому, бываетъ ли требуемый актъ положительнаго или отрицательнаго рода; 2) Зло предвидѣнія; 3) Зло перенесенія; 4) Производное зло, происходящее для лицъ, находящихся въ связи съ тѣми, кѣмъ выносятся три упомянутые первоначальные роды зла. Но относительно этого первоначальнаго зла, люди, подвергающіеся ему, могутъ быть двухъ весьма различныхъ родовъ. Вопервыхъ, люди, которые, быть можетъ, дѣйствительно совершили, или готовы были совершить акты положительно запрещенные. Вовторыхъ, лица, которыя, быть можетъ, совершили, или готовы были совершить такіе другіе акты, о которыхъ они опасаются, что они также подлежатъ наказанію, назначенному только для первыхъ. Но изъ этихъ двухъ родовъ актовъ вредны только первые: поэтому, задачей частной этики можетъ быть только стараніе предотвращать одни эти первые акты. Если предполагать, что послѣдніе не вредны, то стараніе предотвращать ихъ такъ же мало можетъ быть задачей этики, какъ и задачей законодательства. Остается показать, какимъ образомъ можетъ случиться, что есть акты, положительно вредные, которые, хотя весьма правильно подлежатъ осужденіямъ частной этики, могутъ, однако, не быть предметами, подлежащими контролю законодателя.

XIII.

Наказанія, прилагаемыя къ правонарушенію, могутъ быть неприбыльны двумя способами, вмѣстѣ или отдѣльно: 1) По той издержкѣ, до которой бы оно дошло, еслибы даже предположить, что приложеніе его вполнѣ ограничивалось правонарушеніемъ; 2) По опасности вовлечь невиннаго въ судьбу, назначенную только для виновнаго. Итакъ, вопервыхъ, о случаяхъ, гдѣ издержка наказанія, прилагаемаго къ виновному, перевѣсила бы ту прибыль, которую оно должно было принести. Очевидно, что эти случаи основываются на извѣстной пропорціи между зломъ наказанія и зломъ преступленія. Теперь, еслибы преступленіе было такого свойства, что наказаніе, которое бы относительно объема (magnitude) только-что превысило его прибыль, было бы достаточно для его предотвращенія;—то было бы, кажется, трудно найти примѣръ,

---

[1] См. гл. XV (Случаи, не подлеж. наказ.), § 4.

гдѣ бы такое наказаніе могло ясно показаться неприбыльнымъ. Но на дѣлѣ, есть много случаевъ, гдѣ наказаніе, чтобы имѣть шансъ быть дѣйствительнымъ, должно относительно объема быть поднято значительно выше этого уровня. Такъ это бываетъ вездѣ, гдѣ опасность улики бываетъ (или, что одно и тоже, представляетъ вѣроятность быть) такъ мала, что дѣлаетъ наказаніе въ высокой степени сомнительнымъ. Въ этомъ случаѣ, какъ мы показали [1]), бываетъ необходимо возвысить наказаніе (если только оно употребляется), относительно объема, настолько, насколько оно теряетъ относительно несомнѣнности. Очевидно, впрочемъ, что все это можетъ быть только догадкой: и что разныя обстоятельства будутъ дѣлать дѣйствіе этой пропорціи сомнительной,— напр. такія обстоятельства, какъ недостатокъ въ должномъ обнародованіи, на сторонѣ закона [2]); особенныя обстоятельства искушенія [3]), и обстоятельства, оказывающія вліяніе на чувствительность разныхъ индивидуумовъ, которые ему подвергаются (см. гл. VI). Если соблазняющіе мотивы будутъ сильны, преступленіе непремѣнно будетъ совершаться часто. Правда, вслѣдствіе болѣе или менѣе чрезвычайнаго совпаденія обстоятельствъ, оно будетъ отъ времени до времени обнаруживаемо и такимъ образомъ наказываемо. Но для характера примѣра, составляющаго главную цѣль, актъ наказанія, взятый самъ по себѣ, не приноситъ никакой пользы; польза его вполнѣ зависитъ оттого, что оно возбуждаетъ ожиданіе такого же наказанія въ будущихъ случаяхъ такого же правонарушенія. Но это будущее наказаніе, очевидно, всегда должно зависѣть отъ обнаруженія или улики. И если недостатокъ обнаруженія таковъ, что оно должно вообще (особенно въ глазахъ, очарованныхъ силой соблазняющихъ мотивовъ) казаться слишкомъ невѣроятнымъ, чтобы на него можно было разсчитывать, — въ такомъ случаѣ наказаніе, хотя бы и должно быть наложено, можетъ оказаться безполезнымъ. Итакъ, здѣсь будетъ два противоположныхъ рода зла, совершающихся въ одно и тоже время, но ни одно не уменьшающихъ количества другаго: зло болѣзни и зло тягостнаго и недѣйствительнаго леченья. Кажется, что отчасти вслѣдствіе нѣкоторыхъ подобныхъ соображеній происходило то, что напр. прелюбодѣяніе или непозволительныя связи между двумя полами или проходятъ, обыкновенно, совершенно безнаказанными, или наказываются ниже той степени, въ которой бы законодатель расположенъ былъ наказывать ихъ по другимъ причинамъ.

---

[1]) Гл. XVI (Пропорц.), пар. 18, правило 7.

[2]) Гл. XV (Случаи, не подлеж. наказ.), § 3.

[3]) Гл. XI (Расположеніе), пар. 35 и пр.

XIV.

Вовторыхъ,—случаи, гдѣ политическое наказаніе, прилагаемое къ правонарушенію, можетъ быть неприбыльно въ силу могущей явиться опасности — вовлечь невиннаго въ судьбу, назначенную только для виновнаго. Откуда же должна являться эта опасность? Отъ могущей явиться трудности установить идею преступнаго дѣйствія, т. е. отъ трудности подвергнуть его достаточно ясному и точному опредѣленію, которое бы могло успѣшно предохранить отъ дурнаго примѣненія. Эта трудность можетъ являться изъ двухъ источниковъ: одного постояннаго, т. е. изъ свойства самыхъ дѣйствій; другаго случайнаго, — я разумѣю качества людей, которымъ придется разбирать эти дѣйствія правительственнымъ путемъ. Когда трудность является изъ этого послѣдняго источника, она можетъ зависѣть отчасти отъ того употребленія языка, которое способенъ дѣлать законодатель; отчасти отъ того употребленія языка, которое, по мнѣнію законодателя, расположенъ дѣлать изъ него судья. Относительно самаго законодательства, эта трудность будетъ зависѣть отъ степени совершенства, до котораго языкъ дошелъ, вопервыхъ, въ націи вообще, вовторыхъ, у самого законодателя въ частности. Сознанію этой трудности мы можемъ, кажется, приписать ту осторожность, съ которой большинство законодателей воздерживалось предавать осужденію, со стороны закона, такія дѣйствія, которыя подходятъ подъ понятіе, напримѣръ, грубости, или предательства, или неблагодарности. Попытка подвести такіе неопредѣленные и сомнительные акты подъ контроль закона будетъ свидѣтельствовать или о весьма незрѣломъ вѣкѣ, когда еще не замѣчены трудности, порождающія эту опасность, или о весьма просвѣщенномъ вѣкѣ, когда эти трудности побѣждены [1]).

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ голосъ народа имѣетъ особенную власть надъ рукой законодателя, ничто не можетъ сравниться съ силой тѣхъ опасеній, которыя испытываютъ люди при видѣ какихъ-нибудь слишкомъ положительныхъ мѣропріятій, дѣлаемыхъ по предмету диффамаціи, особенно той вѣтви ея, которую можно назвать политической. Эти опасенія основываются, кажется, отчасти на томъ, что люди находятъ благоразумнымъ предполагать недостатокъ искусства или прямоты на сторонѣ законодателя (относительно этого предмета), отчасти на томъ, что они такимъ же образомъ предполагаютъ недостатокъ прямоты на сторонѣ судьи. Б.

Къ «нѣкоторымъ» странамъ принадлежитъ теперь напр. Англія и смыслъ замѣчанія Бентама состоитъ въ томъ, что законъ о диффамаціи, при малѣйшемъ недостаткѣ въ его редакціи, или при малѣйшемъ недостаткѣ въ его примѣненіи судьями, можетъ стать орудіемъ одной, (т. е. обыкновенно

XV.

Чтобы пріобрѣсти болѣе ясную идею о границахъ между искусствомъ законодательства и частной этикой, теперь пора вспомнить выше установленныя отличія относительно этики вообще. Степень, въ которой частная этика нуждается въ помощи законодательства, бываетъ различна въ трехъ, выше различенныхъ вѣтвяхъ обязанности. Изъ правилъ нравственной обязанности, всего меньше, кажется, нуждаются въ помощи законодательства правила благоразумія. Если человѣкъ когда-нибудь можетъ недостаточно исполнить свою обязанность къ самому себѣ, это можетъ быть только вслѣдствіе какого-нибудь недостатка въ пониманіи. Если онъ дѣлаетъ дурно, то это можетъ быть ни почему иному, кромѣ или какой-нибудь невнимательности [1]), или какого-нибудь дурнаго (неправильнаго) разсчета относительно обстоятельствъ, отъ которыхъ зависитъ его счастіе. Жалоба, что человѣкъ мало знаетъ самого себя, стала общимъ мѣстомъ. Положимъ, что и такъ: но неужели такъ несомнѣнно, что законодатель долженъ знать больше? [2]) Очевидно, что законодатель не можетъ ничего знать объ индивидуумахъ; очевидно, поэтому, что относительно тѣхъ пунктовъ поведенія, которые зависятъ отъ частныхъ обстоятельствъ каждаго индивидуума, онъ не можетъ сдѣлать никакихъ удачныхъ опредѣленій. Онъ можетъ имѣть какое-нибудь притязаніе на вмѣшательство только относительно тѣхъ широкихъ линій поведенія, которыя могутъ быть приняты всѣми лицами или весьма обширными и постоянными разрядами лицъ; и даже здѣсь умѣстность его вмѣшательства, во множествѣ случаевъ, будетъ весьма подлежать спору. Во всякомъ случаѣ, онъ никогда не долженъ ожидать, что получитъ совершенное согласіе съ собой одной только силой санкціи, авторъ которой есть онъ самъ. Все, что онъ можетъ надѣяться, это — увеличить дѣйствительность частной этики, давая силу и направленіе вліянію нравственной санкціи. Какой бы шансъ

сильнѣйшей) политической партіи противъ другой, и въ особенности подорвать свободу слова и свободу печати.

[1]) См. гл. IX. (Сознательность).

[2]) Въ подобныхъ случаяхъ никогда не должно забывать извѣстной исторіи объ окулистѣ и пьяницѣ. Одинъ поселянинъ, повредивъ свое зрѣніе пьянствомъ, пришелъ за совѣтомъ къ знаменитому окулисту. Онъ нашелъ окулиста за столомъ и за стаканомъ вина. «Вамъ надо перестать пить,» сказалъ окулистъ. «Какъ такъ?» отвѣчалъ поселянинъ; «вамъ это надо, и мнѣ кажется, что ваши глаза тоже вовсе не въ лучшемъ положеніи». — «Это совершенно справедливо, пріятель», возразилъ окулистъ: «но вы должны знать, что я люблю бутылку больше, чѣмъ свои глаза». Б.

успѣха могъ, напримѣръ, имѣть законодатель, еслибы онъ взялся искоренять пьянство и незаконныя половыя связи силой легальнаго наказанія? Этого не могли бы достигнуть никакія мученія, которыя бы могла выдумать людская изобрѣтательность: и прежде, чѣмъ бы онъ получилъ какой-нибудь успѣхъ, это наказаніе произвело бы такую массу зла, которая бы въ тысячи разъ превзошла величайшее возможное зло отъ самаго преступленія. Чрезвычайно трудно было бы искать доказательствъ, — вещь, которой нельзя было бы предпринять, съ какой-нибудь вѣроятностью успѣха, не распространяя ужаса въ каждомъ семействѣ [1]), не разрывая узъ симпатіи [2]) и не искореняя вліянія всѣхъ общественныхъ мотивовъ. Итакъ, все, что онъ можетъ сдѣлать, съ какой-нибудь надеждой на успѣхъ, противъ преступленій этого свойства, путемъ прямаго законодательства, это — подвергнуть ихъ, въ случаѣ публичности, легкому осужденію, чтобы этимъ набросить на нихъ легкую тѣнь искусственной дурной репутаціи.

XVI.

Можно замѣтить, что относительно этой вѣтви обязанности законодатели, вообще говоря, расположены были вести свое вмѣшательство именно до тѣхъ предѣловъ, пока эта было полезно. Великая трудность состоитъ здѣсь въ томъ, чтобы убѣдить ихъ остаться въ извѣстныхъ границахъ. Тысяча мелкихъ страстей и предразсудковъ побуждали ихъ стѣснять свободу подданнаго въ этомъ направленіи, — въ такихъ случаяхъ, гдѣ наказаніе или вовсе не сопровождается никакой прибылью, или не сопровождается такой, которая бы вознаградила издержку.

XVII.

Вредъ этого рода вмѣшательства въ особенности виденъ въ законахъ по предмету религіи. Разсужденіе въ этомъ случаѣ бываетъ слѣдующаго рода. Въ предметахъ вѣры есть извѣстныя ошибки, къ которымъ склонны всѣ люди; и за эти ошибки въ сужденіи Существо безконечной благосклонности опредѣляетъ наказывать ихъ безконечными мученіями. Но самъ законодатель бываетъ необходимо свободенъ отъ возможности этихъ ошибокъ: потому что люди, которымъ случается быть его совѣтниками, будучи людьми совершенно просвѣщенными, ничѣмъ не связанными и свободными отъ всякихъ предубѣжденій, имѣ-

---

[1]) Зло предвидѣнія; третья вѣтвь зла наказанія. См. гл. XV, § 4.

[2]) Производное зло; четвертая вѣтвь зла наказанія. Тамъ же.

ютъ такія выгоды передъ остальнымъ міромъ, что когда они принимаются изслѣдовать истину относительно столь ясныхъ и всѣмъ знакомыхъ предметовъ, то они не могутъ не найти этой истины. Въ такомъ случаѣ, когда правитель видитъ, что его народъ готовъ съ головой погрязнуть въ огненной безднѣ, не долженъ ли онъ протянуть руку для его спасенія? Таковъ кажется былъ, напримѣръ, ходъ разсужденія, и таковы мотивы, которые побудили Людовика XIV къ его принудительнымъ мѣрамъ для обращенія еретиковъ и утвержденія истинно вѣрующихъ. Въ основѣ — чистая симпатія и милосердіе; въ результатѣ — всѣ ужасныя бѣдствія, какія только могло бы придумать самое рѣшительное зложелательство [1]).

XVIII.

Правила честности суть тѣ, которыя, относительно полезности, всего больше нуждаются въ помощи со стороны законодателя и въ которыхъ на дѣлѣ его вмѣшательство было самое обширное. Бываетъ мало случаевъ, въ которыхъ было бы полезно наказывать человѣка за вредъ самому себѣ; но бываетъ мало случаевъ (если только они есть), гдѣ бы не было полезно наказывать человѣка за вредъ его ближнему. Относительно той вѣтви честности, которая противополагается преступленіямъ противъ собственности, то частная этика самымъ существованіемъ этой вѣтви обязана нѣкоторымъ образомъ законодательству. Законодательство должно сначала опредѣлить, какія вещи

---

[1]) Я не думаю этимъ сказать, чтобы въ развитіи упомянутаго предпріятія не могли участвовать другіе мотивы, менѣе общественнаго свойства, и чтобы они, вѣроятно, и не участвовали въ немъ на дѣлѣ. Но въ смыслѣ возможности, вышеупомянутаго мотива, сопровождаемаго такой нитью разсужденій, и безъ всякихъ другихъ мотивовъ было бы достаточно, чтобы объяснить всѣ упомянутые результаты, изъ него происшедшіе. Если вмѣшиваются какіе-нибудь другіе мотивы, ихъ вмѣшательство, какъ оно ни естественно, можетъ считаться случайнымъ, а не существеннымъ обстоятельствомъ, необходимымъ для произведенія этого результата. Симпатія, вниманіе къ опасности, которой люди повидимому подвергаются, порождаютъ желаніе освободить ихъ отъ нея: это желаніе обнаруживается въ формѣ приказанія; это приказаніе производитъ неповиновеніе; неповиновеніе съ одной стороны производитъ разочарованіе въ другой; страданіе разочарованія производитъ недоброжелательство къ тѣмъ, кто производитъ его. Эти чувства часто могутъ смѣнить другъ друга скорѣе, чѣмъ мы это описываемъ. Чувство задѣтой гордости и другія видоизмѣненія любви къ репутаціи и любви къ власти прибавляютъ въ огонь горючихъ веществъ. Родъ мщенія ожесточаетъ суровости принудительной полиціи. Б.

должны считаться собственностью каждаго человѣка, прежде чѣмъ общія правила этики могутъ имѣть какое-нибудь частное приложеніе, по этому предмету. Тоже самое бываетъ съ преступленіями противъ государства. Безъ законодательства не было бы такой вещи какъ государство; не было бы особенныхъ лицъ, облеченныхъ властью, которая должна употребляться для блага остальныхъ. Ясно, поэтому, что въ этой вѣтви нигдѣ нельзя обойтись безъ вмѣшательства законодателя. Мы должны сначала знать, въ чемъ состоятъ требованія законодателя, прежде чѣмъ можемъ знать, въ чемъ состоятъ требованія частной этики [1].

XIX.

Что касается до правилъ благотворительности, они въ своихъ подробностяхъ необходимо должны быть, въ большой мѣрѣ, предоставлены юрисдикціи частной этики. Во многихъ случаяхъ благотворительное качество актовъ существенно зависитъ отъ расположенія агента; т. е. отъ мотивовъ, которыми онъ повидимому руководился при ихъ совершеніи, отъ ихъ принадлежности къ отдѣлу симпатіи, любви къ дружбѣ или любви къ репутаціи, а не къ какому-нибудь отдѣлу личныхъ мотивовъ, приведенныхъ въ дѣйствіе силой политическаго принужденія: однимъ словомъ, отъ того качества актовъ, по которому поведеніе человѣка называется свободнымъ и добровольнымъ, въ одномъ изъ многихъ смысловъ, даваемыхъ этимъ обоюднымъ выраженіямъ. Впрочемъ границы закона въ этомъ отдѣлѣ способны, кажется, быть распространены значительно дальше, чѣмъ они распространялись до сихъ поръ. Въ частности, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ лицо находится въ опасности, какъ не сдѣлать обязанностью для каждаго человѣка спасать другаго отъ вреда, когда это можетъ быть сдѣлано имъ безъ ущерба самому себѣ; или какъ несдѣлать обязанностью воздерживаться отъ причиненія другому человѣку этого вреда? эта идея и принята въ главномъ нашемъ трудѣ.

---

[1] Но предположимъ, что требованія законодательства не таковы, каковы бы они должны быть: каковы тогда будутъ (или что̀ въ этомъ случаѣ одно и тоже) или должны быть требованія частной этики? Совпадаютъ ли они съ требованіями законодательства, или противоположны имъ, или остаются нейтральны? Это вопросъ весьма интересный, но онъ не относится теперь къ нашему предмету. Онъ принадлежитъ исключительно частной этикѣ. Принципы, которые могутъ повести къ его рѣшенію, изложены мной въ «Отрывкѣ о правительствѣ» p. 150, изд. 1776; p. 114, изд. 1823. Б.

XX.

Чтобы закончить этотъ отдѣлъ, соберемъ и сведемъ въ одинъ пунктъ разницу между частной этикой, разсматриваемой какъ искусство или какъ наука, съ одной стороны, и той вѣтвью юриспруденціи, которая заключаетъ въ себѣ искусство или науку законодательства, съ другой. Частная этика научаетъ, какимъ образомъ каждый человѣкъ можетъ располагать собой (направлять себя), чтобы принять образъ дѣйствій, наиболѣе ведущій къ его счастію, посредствомъ тѣхъ мотивовъ, которые представляются сами собой: искусство законодательства (которое можетъ считаться одной вѣтвью науки о правѣ или юриспруденціи) научаетъ, какимъ образомъ масса людей, составляющихъ общество, можетъ быть расположена (направлена) принять такой образъ дѣйствій, который въ цѣломъ наиболѣе ведетъ къ счастію цѣлаго общества, посредствомъ мотивовъ, которые прилагаются законодателемъ.

Мы переходимъ теперь къ опредѣленію границъ между уголовнымъ и гражданскимъ правомъ или юриспруденціей. Для этой цѣли можетъ быть полезно дать ясное, хотя только самое общее понятіе о главныхъ отрасляхъ, на которыя обыкновенно дѣлится юриспруденція, разсматриваемая въ самомъ обширномъ объемѣ.

§ 2. *Юриспруденція, ея отрасли.*

XXI.

Юриспруденція есть фиктивное понятіе; и для этого слова нельзя найти никакого значенія иначе, какъ поставивъ его вмѣстѣ съ какимъ-нибудь словомъ, которое бы означало реальное понятіе. Чтобы знать, что̀ такое юриспруденція, мы должны, напримѣръ, знать, что̀ понимается подъ книгой о юриспруденціи. Книга о юриспруденціи можетъ имѣть одну изъ двухъ цѣлей: 1) Опредѣлить, что такое законъ [1]; 2) Опредѣлить, каковъ онъ долженъ быть. Въ первомъ случаѣ, она можетъ быть названа книгой объ объяснительной (expository) юриспруденціи; въ другомъ случаѣ она можетъ быть названа книгой о критической (censorial) юриспруденціи, или книгой объ искусствѣ законодательства.

---

[1]) Значеніе слова законъ, которое само нуждается въ опредѣленіи, мы указываемъ дальше: потому что нельзя всего сдѣлать за одинъ разъ. А пока читатель пусть соединяетъ съ нимъ то понятіе, какое онъ привыкъ соединять. Б.

XXII.

Книга объ объяснительной юриспруденціи можетъ быть авторитативная или неавторитативная. Она называется авторитативной тогда, когда составлена человѣкомъ, который, представляя такое или другое состояніе закона, бываетъ виновникомъ этого состоянія; т. е. когда она составлена самимъ законодателемъ; она называется неавторитативной, когда она есть произведеніе какого-нибудь другаго лица вообще.

XXIII.

Но законъ, взятый неопредѣленно, есть выраженіе отвлеченное и собирательное, которое, если оно что-нибудь значитъ, можетъ значить ни больше, ни меньше, какъ цѣлую сумму множества индивидуальныхъ (отдѣльныхъ) законовъ, взятыхъ вмѣстѣ [1]). Отсюда слѣдуетъ, что какія бы видоизмѣненія ни способна была принять книга о юриспруденціи, всѣ они должны быть взяты изъ какого-нибудь обстоятельства, которое способны принять такіе индивидуальные законы, или собранія, въ которыя они могутъ быть распредѣлены. Обстоятельства, породившія главныя отрасли юриспруденціи, о которыхъ мы привыкли слышать, кажется слѣдующія: 1) Распространеніе (extent) этихъ законовъ относительно господства; 2) Политическое качество лицъ, поведеніе которыхъ они берутся направлять; 3) Время, когда они находились въ силѣ; 4) Способъ, въ какомъ они были выражены; 5) Ихъ отношеніе къ предмету наказанія.

XXIV.

Вопервыхъ, относительно распространенія, то, что говорится о законахъ, можетъ относиться или къ законамъ той или другой націи или націй въ частности, или къ законамъ всѣхъ націй вообще: въ первомъ случаѣ о книгѣ можно сказать, что она относится къ мѣстной юриспруденціи; во второмъ, — ко всеобщей.

Но изъ безконечнаго разнообразія націй, существующихъ на землѣ,

---

[1]) Въ большей части европейскихъ языковъ есть два разныя слова для различенія отвлеченнаго и конкретнаго смысла этого слова: эти слова такъ различны, что не имѣютъ даже этимологическаго родства. Напр. въ латинскомъ есть lex (законъ) для конкретнаго смысла, jus (право) для отвлеченнаго; въ итал. legge и diritto; франц. loi и droit; нѣм. Gesetz и Recht. Англійскій языкъ не имѣетъ теперь этой выгоды. Б.

нѣтъ двухъ, которыя бы вполнѣ были согласны въ своихъ законахъ; конечно нѣтъ двухъ, которыя были бы согласны въ цѣломъ, — быть можетъ, даже и въ одной статьѣ; и еслибы даже онѣ были согласны сегодня, они не будутъ согласны завтра. Это довольно ясно относительно сущности законовъ; и было бы еще болѣе удивительно, еслибы они соглашались въ формѣ, т. е. еслибы они выражались именно тѣми же оборотами фразъ. Этого мало: такъ какъ языки націй обыкновенно различны, какъ и ихъ законы, то, строго говоря, они рѣдко имѣютъ даже одно слово общее. Впрочемъ, въ числѣ словъ, принятыхъ въ предметъ закона, есть нѣсколько словъ, которыя во всѣхъ языкахъ довольно точно соотвѣтствуютъ другъ другу: такъ что они почти какъ будто одни и тѣ же. Таковы, напримѣръ, слова, соотвѣтствующія словамъ власть (power), право (right), обязательство (obligation), свобода (liberty) и многія другія.

Отсюда слѣдуетъ, что если есть какія-нибудь книги, которыя, собственно говоря, могутъ назваться книгами о всеобщей юриспруденціи, ихъ надо искать въ весьма тѣсныхъ границахъ. Между объяснительными не можетъ быть авторитативныхъ, и даже неавторитативныхъ, насколько дѣло идетъ о сущности законовъ. Для того, чтобы имѣть всеобщее приложеніе,—все, что можетъ излагать книга объяснительнаго рода, это — излагать значеніе словъ: чтобы быть всеобщей въ строгомъ смыслѣ, она должна ограничиться терминологіей. Поэтому тѣ опредѣленія, которыя намъ случалось помѣщать иногда въ теченіе нашего настоящаго изложенія, и въ особенности дальнѣйшее опредѣленіе слова законъ, могутъ считаться предметомъ, принадлежащимъ ко всеобщей юриспруденціи. Такъ это надо понимать въ строгомъ смыслѣ: хотя обыкновенно, когда человѣкъ, излагая свои понятія о законѣ, расширяетъ свой взглядъ на нѣсколько націй, съ которыми всего ближе связана его собственная нація, — его сочиненіе довольно часто считается относящимся ко всеобщей юриспруденціи.

Самое большое мѣсто для изслѣдованій, примѣнимыхъ къ обстоятельствамъ всѣхъ націй одинаково, является въ критическомъ направленіи: и въ этомъ направленіи, ко всеобщему примѣненію бываютъ способны какъ сущность разбираемыхъ законовъ, такъ и слова. Чтобы законы всѣхъ націй или даже какихъ-нибудь двухъ націй совпадали во всѣхъ пунктахъ, это и не желательно, да и невозможно; но есть, кажется, нѣсколько основныхъ пунктовъ, относительно которыхъ законы всѣхъ цивилизованныхъ націй могли бы, безъ неудобства, быть одни и тѣ же.....

XXV.

Вовторыхъ, — относительно политическаго качества лицъ, поведеніе которыхъ есть предметъ закона. Эти лица, во всякомъ данномъ случаѣ, могутъ разсматриваться или какъ члены одного и того же государства, или какъ члены разныхъ государствъ: въ первомъ случаѣ законъ можетъ быть отнесенъ къ отдѣлу внутренней, во второмъ — къ отдѣлу международной юриспруденціи.

Но что касается до какихъ-нибудь дѣлъ, которыя могутъ имѣть мѣсто между индивидуумами, подданными разныхъ государствъ, эти дѣла управляются внутренними законами и рѣшаются внутренними трибуналами одного изъ этихъ государствъ: тоже бываетъ, когда государь одной страны имѣетъ какія-нибудь непосредственныя дѣла съ частнымъ человѣкомъ другой страны, — причемъ государь вступаетъ, pro re nata, въ положеніе частнаго человѣка и передаетъ дѣло тому или другому трибуналу, или требуя прибыли, или защищаясь отъ тягости. Остаются наконецъ взаимныя дѣла между государями, какъ таковыми, и эти дѣла составляютъ предметъ той отрасли юриспруденціи, которая можетъ быть собственно и исключительно названа международной [1]).

Насколько вѣрно или удобно правила для поведенія лицъ этого рода могутъ подойти подъ названіе законовъ, это — вопросъ, который можно будетъ рѣшить тогда, когда болѣе подробно разъяснится свойство предмета, называемаго закономъ.

Довольно ясно, что какъ внутренняя, такъ и международная юриспруденція можетъ быть объяснительной и критической, авторитативной и неавторитативной.

---

[1]) Во времена Іакова I англійскаго и Филиппа III испанскаго, нѣкоторымъ лондонскимъ купцамъ случилось имѣть претензію на Филиппа, которую его посланникъ Гондемаръ не находилъ нужнымъ удовлетворять. Они обратились за совѣтомъ къ Сельдену, который посовѣтовалъ имъ призвать испанскаго государя къ суду King's Bench, и преслѣдовать его въ смыслѣ outlawry, поставленія внѣ закона или лишенія правъ. Они такъ и сдѣлали: лондонскіе шерифы получили, какъ слѣдуетъ, приказаніе, въ обычной формѣ, схватить отвѣтчика Филиппа, если бы онъ оказался гдѣ-нибудь въ ихъ округѣ. Филиппъ вѣроятно не очень боялся шерифовъ: но дѣло вышло на тоже, потому что ему также случилось съ своей стороны имѣть претензію на другихъ купцовъ, противъ которыхъ онъ не могъ дѣйствовать судомъ, пока оставалось въ силѣ упомянутое лишеніе правъ. Гондемаръ заплатилъ деньги (Selden's Table-Talk, tit. Law). Это была внутренняя юриспруденція: еслибы споръ происходилъ между Филиппомъ и самимъ Іаковомъ, это была бы юриспруденція международная. Б.

XXVI.

Далѣе, внутренняя юриспруденція можетъ относиться или ко всѣмъ членамъ государства безразлично, или только къ тѣмъ, которые привязаны къ какому-нибудь частному округу, или своимъ мѣстопребываніемъ или инымъ образомъ. Поэтому, юриспруденція различается иногда на національную и провинціальную. Но такъ какъ эпитетъ «провинціальный» едва ли приложимъ къ такимъ небольшимъ округамъ, каковы часто бываютъ многіе округи, имѣющіе свои особенные законы, какъ напр. города, приходы и т. п., то болѣе удобно можетъ быть слово мѣстный (гдѣ, очевидно, о всеобщей юриспруденціи не можетъ быть рѣчи), или слово частный (particular), хотя это послѣднее не весьма характеристично.

XXVII.

Втретьихъ, — относительно времени. Въ книгѣ объяснительнаго рода, разбираемые законы могутъ быть или такіе, которые еще имѣютъ силу, когда книга пишется, или такіе, которые уже утратили эту силу. Въ послѣднемъ случаѣ, предметъ книги можетъ быть названъ древней; въ первомъ,—настоящей или живой юриспруденціей; т. е. если существительное «юриспруденція», а не какое-нибудь другое, должно быть непремѣнно употреблено, и притомъ съ эпитетомъ въ обоихъ случаяхъ. Но, въ сущности, книга перваго рода есть скорѣе книга объ исторіи, чѣмъ объ юриспруденціи; и если это послѣднее слово можетъ выражать предметъ, то только съ прибавкой такихъ словъ, какъ исторія или древности. Если же рѣчь идетъ именно о тѣхъ законахъ, которые еще имѣютъ силу, а не о другихъ, то слова «настоящій» или «живой» обыкновенно не прибавляются.

Когда книга бываетъ въ такихъ обстоятельствахъ, что законы, составляющіе предметъ ея, хотя и находятся въ силѣ, когда она пишется, но послѣ не имѣютъ этой силы, то книга не есть ни книга о живой юриспруденціи, ни книга объ исторіи юриспруденціи; она уже не есть первая, и никогда не была послѣдней. Очевидно, что вслѣдствіе перемѣнъ, которыя должны отъ времени до времени происходить, въ большей или меньшей степени, во всякомъ кодексѣ законовъ, — всякая книга о юриспруденціи объяснительнаго свойства должна, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, также раздѣлить это положеніе.

Самая обыкновенная и самая полезная цѣль исторіи юриспруденціи есть представить обстоятельства, сопровождавшія установленіе законовъ, дѣйствующихъ теперь. Но изложеніе вымершихъ законовъ, замѣненныхъ другими, неразрывно переплетается съ изложеніемъ живыхъ, кото-

рые ихъ замѣнили. Большая польза обѣихъ этихъ отраслей науки та, что онѣ доставляютъ примѣры искусства законодательства.

XXVIII.

Вчетвертыхъ, — относительно выраженія, законы могутъ существовать или въ формѣ статутовъ или въ формѣ обычнаго закона.

Что касается до различія между этими двумя отраслями (касающимися только формы или выраженія), она можетъ быть объяснена, когда нѣсколько болѣе опредѣлится значеніе закона.

XXIX.

Наконецъ, всего запутаннѣе и всего чаще является на сцену то различеніе, которое дѣлается между гражданской отраслью юриспруденціи и уголовной.

Что такое кодексъ уголовныхъ законовъ? Что такое гражданскій кодексъ? Какого свойства ихъ содержаніе? Есть ли это два рода законовъ, одни уголовные, другіе гражданскіе, такъ что въ уголовномъ кодексѣ всѣ законы уголовные, а въ гражданскомъ всѣ гражданскіе? Или же во всякомъ законѣ бываетъ нѣчто, имѣющее уголовное свойство и поэтому принадлежащее къ уголовному кодексу, и въ тоже время есть и нѣчто, имѣющее гражданское свойство и потому принадлежащее къ гражданскому кодексу? Или же такъ, что нѣкоторые законы принадлежатъ тому или другому кодексу исключительно, между тѣмъ какъ другіе раздѣляются между ними обоими? Чтобы отвѣчать на эти вопросы сколько-нибудь удовлетворительно, необходимо опредѣлить: что̀ такое законъ,—разумѣя одинъ цѣлый, но отдѣльный законъ; и на какія части законъ, какъ законъ, можетъ раздѣляться; или другими словами, опредѣлить: какія свойства долженъ имѣть всякій предметъ, который можетъ правильно получить названіе закона? (Это будетъ задачей третьяго и четвертаго отдѣла: что касается до слова «криминальный» въ примѣненіи къ закону, это будетъ разобрано особо въ пятомъ отдѣлѣ).

(На этомъ оканчивается первоначальный трудъ, въ томъ положеніи, до какого онъ былъ доведенъ въ ноябрѣ 1780. Слѣдующее дальше добавленіе сдѣлано въ январѣ 1789.)

1. Третій, четвертый и пятый отдѣлы, которые должны были быть прибавлены къ этой главѣ, не будутъ прибавлены ни теперь, ни послѣ; потому что для того, чтобы дать ихъ сколько-нибудь полнымъ

и удовлетворительнымъ образомъ, потребовалась бы значительная книга. Эта книга составитъ особое сочиненіе.

Слѣдующія дальше замѣчанія дадутъ легкое понятіе о свойствѣ задачи, которую долженъ совершить трудъ; въ тоже время они доставятъ—вовсе, конечно, не удовлетворительный отвѣтъ на упомянутые въ текстѣ вопросы, но общее и легкое указаніе на тотъ путь, которымъ нужно идти къ этому отвѣту.

2. Что такое законъ? Какія части закона? Предметъ этихъ вопросовъ, замѣтимъ, есть логическое, идеальное, интеллектуальное цѣлое, но не физическое: законъ, а не статутъ. Изслѣдованіе объ этомъ послѣднемъ предметѣ не представляло бы трудности и не требовало бы знаній. Въ этомъ смыслѣ, все, что выдано за законъ лицомъ или лицами, за которыми признана власть дѣлать законы, есть законъ. Метаморфозы Овидія, еслибы онѣ были даны такимъ образомъ, были бы закономъ. То, что было принято однимъ и тѣмъ же актомъ легализаціи, что за одинъ разъ получило прикосновеніе скипетра, есть одинъ законъ, цѣлый законъ. Статутъ Георга II, изданный для того, чтобы поставить or вмѣсто and въ одномъ прежнемъ статутѣ, есть полный законъ; полнѣе этого не былъ бы статутъ, заключающій цѣлое собраніе законовъ, совершенныхъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Итакъ, подъ словомъ законъ, какъ оно встрѣчается дальше, разумѣется идеальный предметъ, котораго часть, цѣлое или сложность, или собраніе частей, цѣлыхъ, сложностей, соединенныхъ вмѣстѣ, представляются статутомъ;—но не статутъ, представляющій ихъ.

3. Всякій законъ, когда онъ полонъ, бываетъ принудительнаго или непринудительнаго свойства.

Принудительный законъ есть повелѣніе.

Непринудительный (или скорѣе разрѣшающій принужденіе, uncoercive, discoercive) законъ есть отмѣна принудительнаго закона, въ цѣломъ или въ части.

4. То, что называется декларативнымъ закономъ, когда онъ отличается и отъ принудительнаго и отъ непринудительнаго закона, собственно говоря, не есть законъ. Это не есть выраженіе акта воли, дѣйствующей въ это время: это только извѣщеніе о существованіи закона, принудительнаго или непринудительнаго рода, который уже есть,—извѣщеніе о существованіи какого-нибудь документа, выражающаго актъ воли, дѣйствовавшей не въ это время, а въ какой-нибудь прежній періодъ. Если этотъ законъ больше чѣмъ только извѣщаетъ объ этомъ фактѣ, т. е. о прежнемъ существованіи закона того или другаго рода,—онъ pro tanto перестаетъ быть декларативнымъ и принимаетъ качество принудительнаго или непринудительнаго.

5. Всякій принудительный законъ создаетъ преступленіе, т. е. превращаетъ актъ того или другаго рода въ преступленіе. Только этимъ способомъ онъ можетъ налагать обязательство, или производить принужденіе.

6. Законъ, ограничивающійся созданіемъ преступленія, и законъ, повелѣвающій налагать наказаніе въ случаѣ совершенія такого преступленія, суть два разные закона: это не части (какъ это, кажется,

до сихъ поръ вообще объяснялось) одного и того же закона. Акты, которые они повелѣваютъ, совершенно различны; лица, къ которымъ они обращены, совершенно различны. Примѣръ: «Пусть человѣкъ не воруетъ»; и: «Пусть судья велитъ повѣсить всякаго, кто уличенъ въ воровствѣ».

Эти законы могутъ быть названы, первый—императивнымъ закономъ, второй—карательнымъ (punitory); но если карательный повелѣваетъ наложеніе наказанія, а не просто допускаетъ его, онъ есть также императивный, какъ и другой; только онъ при этомъ еще карательный, тогда какъ первый нѣтъ.

7. Законъ непринудительнаго рода, разсматриваемый самъ по себѣ, не можетъ имѣть карательнаго закона, который бы принадлежалъ къ нему: чтобы получить помощь и поддержку карательнаго закона, онъ долженъ сначала получить помощь императивнаго или принудительнаго закона, и къ этому закону, а не къ непринудительному присоединится карательный. Примѣръ—непринудительный законъ: «Шерифъ имѣетъ власть вѣшать всякаго, кого судья, поступая должнымъ образомъ по закону, велитъ ему повѣсить». Примѣръ принудительнаго закона, сдѣланнаго въ поддержку упомянутаго непринудительнаго закона: «Пусть никто не мѣшаетъ шерифу вѣшать всякаго, кого судья, поступая должнымъ образомъ по закону, велитъ ему повѣсить». Примѣръ карательнаго закона, сдѣланнаго въ поддержку упомянутаго принудительнаго закона: «Пусть судья велитъ заключить въ тюрьму всякаго, кто попытается мѣшать шерифу повѣсить кого-нибудь, кого судья, дѣйствуя должнымъ образомъ по закону, велитъ ему повѣсить».

8. Но хотя императивный законъ и присоединенный къ нему карательный такъ отличны одинъ отъ другаго, что первый не заключаетъ въ себѣ ничего изъ послѣдняго, а послѣдній, въ прямомъ своемъ смыслѣ, не заключаетъ въ себѣ ничего изъ перваго; но по связи смысла, и притомъ необходимой, карательный законъ включаетъ въ себѣ значеніе простаго императивнаго закона, къ которому онъ присоединяется. Сказать судьѣ: «Вели повѣсить всякаго, кто должнымъ образомъ по закону будетъ уличенъ въ воровствѣ», значитъ, хотя не прямымъ, но все-таки столько же понятнымъ образомъ внушить людямъ вообще, что они не должны воровать, какъ сказать имъ прямо: «Не воруйте»; и легко видѣть, насколько вѣроятнѣе, что первый способъ будетъ болѣе дѣйствителенъ.

9. Казалось бы, поэтому, что вездѣ, гдѣ къ простому императивному закону долженъ быть прибавляемъ законъ карательный, то можно бы совсѣмъ обойтись безъ перваго: и въ такомъ случаѣ, исключая только (и это исключеніе естественно, кажется, не встрѣчалось бы часто) законъ, способный отвѣчать своей цѣли безъ подобнаго прибавленія, — во всемъ кодексѣ не было-бы необходимости въ другихъ законахъ кромѣ карательныхъ или, другими словами, законовъ уголовныхъ. И быть можетъ, это бы такъ и было, еслибы не было необходимости въ обширномъ количествѣ содержанія объяснительнаго рода, о которомъ мы и будемъ теперь говорить.

10. Когда идетъ дѣло о повелѣніяхъ, налагаемыхъ съ силой публичнаго закона, то во многихъ примѣрахъ, и вѣроятно въ большей части, а быть можетъ и во всѣхъ примѣрахъ, такихъ повелѣній, будетъ случаться, что при выраженіи такого повелѣнія необходимо будетъ прибѣгать къ терминамъ, слишкомъ запутаннымъ по сво ему значенію, и излагать требуемыя идеи безъ помощи бо́льшаго или меньшаго количества матеріала объяснительнаго рода. Такіе термины, въ родѣ условныхъ алгебраическихъ символовъ, представляютъ скорѣе замѣну и указаніе терминовъ, которые бы, собственно говоря, могли выразить требуемыя идеи, — чѣмъ реальное и непосредственное изображеніе этихъ идей.

Возьмите, напримѣръ, законъ: «Ты не долженъ воровать». Если бы такое повелѣніе на томъ и остановилось, оно никогда бы не могло достаточно выполнить намѣреніе закона. Такое неопредѣленное и неясное слово можетъ выполнить это намѣреніе не иначе, какъ внушая общимъ образомъ разнообразныя положенія, изъ которыхъ каждое, чтобы перейти въ пониманіе, требуетъ болѣе особеннаго количества терминовъ. Напримѣръ, воровство (по опредѣленію, собственно не довольно точному, но достаточному для настоящей цѣли) есть «взятіе вещи, принадлежащей другому, человѣкомъ, который не имѣетъ права (title) такъ дѣлать» и «съ сознаніемъ, что этотъ человѣкъ не имѣетъ этого права». Предполагая, что это объясненіе правильно, можно ли полагать, что даже при этомъ объясненіи законъ выраженъ полно? Конечно нѣтъ. Потому что, что́ значитъ: «человѣкъ, который не имѣетъ права взять вещь»? Чтобы быть полнымъ, законъ, кромѣ множества другихъ вещей, долженъ былъ представить два каталога: вопервыхъ — каталогъ тѣхъ событій, которымъ дано свойство сообщать право въ такихъ случаяхъ; вовторыхъ — каталогъ событій, которымъ дано качество взятія. Что же слѣдуетъ изъ этого? То, что для того, чтобы человѣкъ своровалъ, чтобы человѣкъ не имѣлъ права на то, что онъ взялъ, нужно, чтобы ни одна изъ статей этого перваго каталога не пришлась въ его пользу, или, еслибы пришлась, нужно, чтобы какая-нибудь статья втораго каталога пришлась не въ его пользу, противъ него.

11. Итакъ, свойство общаго закона таково, что когда императивная часть его, такъ сказать punctum saliens этого искусственнаго цѣлаго, можетъ не превышать двухъ трехъ словъ, его объяснительное прибавленіе, безъ котораго эта императивная часть не могла бы правильно исполнять своего назначенія, можетъ наполнить значительную книгу.

Тоже самое можетъ быть и въ частномъ приказаніи, даваемомъ въ домашней жизни. Такъ, книгопродавецъ говоритъ своему прикащику: «Перенеси изъ этой лавки въ мою новую лавку всѣ мои книги, по этому печатному каталогу». «Перенеси изъ этой лавки въ мою новую лавку всѣ мои книги» — есть императивная часть приказанія; упомянутый каталогъ заключаетъ въ себѣ объяснительное прибавленіе.

12. Одна и та же масса объяснительнаго матеріала можетъ служить вмѣстѣ для многихъ повелѣній, для многихъ массъ императивна-

го матеріала. Такъ, между прочимъ, два упомянутые (см. выше, пар. 9) каталога событій, дающихъ право, и событій, опредѣляющихъ взятіе, будутъ принадлежать вообще всѣмъ или большей части законовъ, создающихъ различныя преступленія противъ собственности. Такъ, въ математическихъ чертежахъ одно основаніе можетъ служить для множества треугольниковъ.

13. Когда этотъ объяснительный матеріалъ такъ непохожъ по своему составу на императивный, неудивительно, что связь перваго съ послѣднимъ ускользала отъ наблюденія: и это въ самомъ дѣлѣ случается почти постоянно. И до тѣхъ поръ, пока представляется какая-нибудь масса законодательнаго матеріала, которая сама по себѣ не императивна, и наоборотъ, или такая, связь которой съ матеріаломъ того или другаго рода остается непонятой, до тѣхъ поръ истина положенія, что «Всякій законъ есть повелѣніе или его противоположность», будетъ оставаться незамѣченной или будетъ казаться сомнительной; до тѣхъ поръ можетъ оставаться также неоткрытой и неполнота большей части тѣхъ массъ законодательнаго матеріала, которыя носятъ характеръ полныхъ законовъ, какъ будетъ оставаться неоткрытымъ и тотъ методъ, посредствомъ котораго ихъ можно было бы сдѣлать дѣйствительно полными.

14. Обстоятельство, которое естественно будетъ увеличивать трудность открытія, есть большое разнообразіе тѣхъ способовъ, которыми можетъ передаваться императивность закона, большое разнообразіе формъ, которыя можетъ безразлично принимать императивная часть закона и которыя выражаютъ его императивное качество, одни — болѣе прямо, другіе—менѣе прямо. «Ты не долженъ воровать». «Пусть человѣкъ не воруетъ». «Кто воруетъ, тотъ будетъ наказанъ такъ и такъ». «Если кто-нибудь будетъ воровать, тотъ будетъ наказанъ такъ и такъ.» «Воровство есть то, когда человѣкъ дѣлаетъ такъ и такъ; наказаніе за воровство бываетъ такое и такое». «Вѣдѣніе такихъ-то и такихъ-то преступленій», именно «воровства», «принадлежитъ судьямъ», такъ и такъ называемымъ, такъ и такъ назначаемымъ, и пр. Это только часть изъ того множества формъ, которыми можетъ одинаково быть выражено повелѣніе, запрещающее воровство; и ясно, до какой степени въ нѣкоторыхъ изъ нихъ императивное качество затуманено и скрыто отъ обыкновеннаго пониманія.

15. Послѣ этого разъясненія, одно или два общихъ положенія, которыя могутъ быть выведены, помогутъ намъ нѣсколько лучше понять структуру и содержаніе полнаго состава законовъ. — Сколько создано разныхъ родовъ преступленій, столько есть разныхъ законовъ принудительнаго разряда; сколько сдѣлано исключеній въ опредѣленіяхъ этихъ преступленій, столько есть законовъ непринудительнаго рода.

Поэтому, дѣлить на классы преступленія (какъ мы старались сдѣлать это въ предъидущей главѣ) значитъ дѣлить на классы законы; представить полный каталогъ всѣхъ преступленій, созданныхъ закономъ, включая сюда всю массу объяснительнаго матеріала, необходимаго для установленія и выраженія значенія терминовъ, заключающихся въ раз-

ныхъ законахъ, которые создаютъ эти различныя преступленія, — представить этотъ каталогъ значило бы представить полное собраніе находящихся въ силѣ законовъ; словомъ, представить полный кодексъ законовъ, панноміонъ, если можно такъ сказать.

16. Изъ той темноты, въ которой лежатъ границы закона и различіе между закономъ гражданскаго или простаго императивнаго рода и закономъ карательнымъ, слѣдуетъ темнота границъ между гражданскимъ и уголовнымъ кодексомъ, между гражданской и уголовной отраслями закона.

Вопросъ: Какія части цѣлой массы законодательнаго матеріала принадлежатъ гражданской отрасли и какія уголовной? предполагаетъ, что есть разныя государства или по крайней мѣрѣ одно такое государство, которое имѣетъ и гражданскій и уголовный кодексъ, каждый полный въ своемъ родѣ и опредѣленный извѣстными границами. Но до сихъ поръ такого государства еще не существовало.

Чтобы поставить вопросъ, на который можно было бы дать вѣрный отвѣтъ, мы должны замѣнить предъидущій вопросъ другимъ, какъ напр. слѣдующій:

Предположимъ, что въ настоящую минуту надобно составить двѣ массы законодательнаго матеріала, одну подъ именемъ гражданскаго кодекса, другую подъ именемъ уголовнаго кодекса, считая каждый полнымъ въ своемъ родѣ: какой естественно предположить общій способъ, по которому бы слѣдовало распредѣлить между ними эти разные роды матеріала, какъ они различены выше?

На этотъ вопросъ слѣдующій отвѣтъ, кажется, всего больше подходитъ къ истинѣ:

Гражданскій кодексъ не состоялъ бы изъ собранія гражданскихъ законовъ, которые были бы полны сами по себѣ и совершенно отдѣльны отъ всѣхъ уголовныхъ законовъ.

И уголовный кодексъ также точно не состоялъ бы (мы видѣли, что онъ и не можетъ состоять) изъ собранія карательныхъ законовъ, совершенно полныхъ сами по себѣ и отдѣльныхъ отъ всѣхъ гражданскихъ законовъ.

17. Гражданскій кодексъ состоялъ бы главнымъ образомъ изъ однихъ массъ объяснительнаго матеріала. Императивный матеріалъ, къ которому принадлежали бы эти разныя массы объяснительнаго матеріала, находился бы — не въ томъ же самомъ кодексѣ — не въ гражданскомъ кодексѣ — и не въ чистомъ состояніи, свободный отъ всякой примѣси карательныхъ законовъ; но въ уголовномъ кодексѣ — въ состояніи комбинаціи, — заключенный, вышеобъясненнымъ образомъ, въ разныхъ соотвѣтственныхъ карательныхъ законахъ.

18. Итакъ, уголовный кодексъ состоялъ бы главнымъ образомъ изъ карательныхъ законовъ, заключающихъ въ себѣ императивный матеріалъ всего числа гражданскихъ законовъ; вмѣстѣ съ которымъ находились бы вѣроятно и разныя массы объяснительнаго матеріала, принадлежащаго не гражданскимъ, но карательнымъ законамъ. Кодексъ

уголовныхъ законовъ, изданный императрицей Маріей Терезіей, довольно хорошо подходитъ подъ это опредѣленіе.

19. Масса законодательнаго матеріала, изданная на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, по волѣ Фридриха II прусскаго, подъ названіемъ Кодекса Фридриха, но никогда не получавшая силы закона [1]), почти вполнѣ состоитъ, напримѣръ, изъ массъ объяснительнаго матеріала, отношеніе которыхъ къ какому-нибудь императивному матеріалу понималось, кажется, только весьма несовершенно.

20. Въ этой огромной массѣ запутанности и несостоятельности, въ древнемъ Римскомъ правѣ или, какъ оно называется по преимуществу, гражданскомъ правѣ, императивный матеріалъ, и даже всѣ слѣды императивнаго характера, кажется, наконецъ были поглощены объяснительнымъ. Esto—былъ способъ выраженія древней простоты; esto—былъ способъ выраженія въ двѣнадцати таблицахъ. Во времена Юстиніана (такой густой мракъ произведенъ былъ туманомъ комментаторовъ) уголовный законъ былъ заваленъ въ одинъ уголъ гражданскаго—цѣлый каталогъ правонарушеній или даже преступленій лежалъ въ кучѣ обязательствъ—воля закрылась мнѣніемъ—и первоначальное esto превратилось въ videtur, даже въ устахъ самыхъ деспотическихъ властителей.

21. У варварскихъ націй, выросшихъ на развалинахъ Римской имперіи, законъ, высвободившись изъ горы объяснительнаго хлама, снова принялъ на-минуту повелительный языкъ: и тогда его рекомендовала по крайней мѣрѣ простота, если не что-нибудь другое.

22. Кромѣ гражданской и уголовной отрасли, всякій полный кодексъ законовъ долженъ заключать третью отрасль,—конституціонную (учредительную).

Конституціонная отрасль посвящена главнымъ образомъ опредѣленію, для особенныхъ классовъ лицъ, власти, которая должна употребляться для блага цѣлаго общества, или значительныхъ частей его, и назначенію обязанностей лицамъ, облеченнымъ этой властью.

Эта власть создается главнымъ образомъ, вопервыхъ, непринудительными или дозволительными законами, дѣйствующими въ видѣ исключеній къ извѣстнымъ законамъ принудительнаго или повелительнаго рода. Примѣръ: «Сборщикъ податей, въ этомъ качествѣ, можетъ, въ такихъ и такихъ случаяхъ, брать такія и такія вещи безъ всякаго другаго права (title)».

Обязанности создаются императивными законами, обращенными къ лицамъ, которымъ вручена власть. Примѣръ: «При такомъ и такомъ случаѣ такой и такой сборщикъ податей можетъ брать такія и такія вещи». «Такой-то судья, въ такомъ-то случаѣ, долженъ велѣть вѣшать лицъ, совершившихъ такое-то преступленіе».

Тѣ части, которыя служатъ указаніемъ, кто тѣ индивидуумы, которые должны считаться принадлежащими къ этимъ классамъ, не имѣютъ ни позволительнаго, ни императивнаго характера.

---

[1]) Mirabeau, Sur la Monarchie Prussienne, t. V, liv. 8, p. 215.

Они составляютъ массу объяснительнаго матеріала, принадлежащаго вмѣстѣ всѣмъ законамъ, въ составѣ которыхъ встрѣчаются имена этихъ классовъ лицъ. Примѣръ—императивный матеріалъ: «Пусть судья велитъ повѣсить всякаго, кто должнымъ образомъ по закону будетъ уличенъ въ воровствѣ». Характеръ объяснительнаго матеріала:—Кто есть лицо, понимаемое подъ именемъ судьи? То лицо, которое было такимъ-то образомъ облечено этой должностью и относительно котораго не случилось никакого событія изъ числа тѣхъ, послѣдствіемъ которыхъ считается приведеніе его въ положеніе лица, лишеннаго этой должности.

23. Такимъ образомъ въ одномъ и томъ же законѣ, въ одномъ и томъ же повелѣніи матеріалъ будетъ раздѣляться нетолько между двумя большими кодексами или главными отраслями цѣлаго свода законовъ, гражданскихъ и уголовныхъ; но между тремя этими отраслями, гражданской, уголовной и конституціонной (учредительной).

24. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ значительная часть закона существуетъ не въ иной формѣ, какъ въ формѣ того, что̀ называется въ Англіи «Common law», но точнѣе могло бы называться «судебнымъ» закономъ, должно быть множество законовъ, значеніе которыхъ не можетъ быть достаточно объяснено для практики, не прибѣгая за объяснительнымъ матеріаломъ къ этому «Common law». Такъ, въ Англіи нигдѣ больше нѣтъ объясненія слова title, составляющаго основаніе всего зданія законовъ о собственности. И такъ какъ неопредѣленность есть сущность всякой подобной части закона (въ настоящую минуту онъ одѣтъ въ извѣстную авторитативную форму словъ, отчего онъ измѣняетъ свое свойство и переходитъ въ другой разрядъ), то большая часть законовъ въ подобныхъ странахъ остается неопредѣленной и неполной. Какія эти страны? Въ настоящую минуту, всѣ страны на земномъ шарѣ.

25. Чѣмъ была бы наука архитектуры, еслибы она не имѣла своей номенклатуры, еслибы у нея не было установленныхъ именъ для различенія разныхъ родовъ зданій или разныхъ частей одного зданія? Она была бы тѣмъ, что̀ есть теперь наука законодательства, разсматриваемая относительно ея формы.

Чѣмъ были бы архитекторы, еслибы они не съумѣли отличать до̀ма отъ риги, и стѣны отъ потолка? Они были бы тѣмъ, что̀ всѣ законодатели въ настоящее время.

26. Изъ этого весьма легкаго и несовершеннаго очерка могутъ быть извлечены—не отвѣтъ на поставленные въ текстѣ вопросы, но указаніе, и только несовершенное указаніе на то, какимъ путемъ надо идти къ этому отвѣту; и во всякомъ случаѣ нѣкоторая идея какъ о трудности, такъ и о необходимости подобнаго труда.

Еслибы сочтено было необходимымъ получить доказательство этой трудности и этой необходимости, то въ этихъ доказательствахъ вовсе нѣтъ недостатка.

Возьмите, напримѣръ, столько благонамѣренныхъ стараній со стороны народныхъ обществъ и столько благонамѣренныхъ совѣтовъ въ умныхъ книгахъ—удерживать высшія представительныя собранія отъ составленія законовъ въ такихъ-то случаяхъ и для такихъ-то резуль-

татовъ. Такіе законы, чтобъ отвѣчать предположенному намѣренію, требуютъ совершеннаго мастерства въ наукѣ закона, разсматриваемаго относительно формы,—въ этой своего рода анатоміи; но совершенное или даже умѣренное пониманіе этой науки не допустило бы выраженія законовъ тѣми темными и несвойственными выраженіями, въ которыхъ, какъ извѣстно, они такъ часто излагаются;—а совершенное знакомство съ требованіями пользы по этому предмету также во многихъ, если не въ большей части этихъ случаевъ, отсовѣтовало бы эту попытку. Возьмите дѣло буквально, и пытаясь предотвратить составленіе дурныхъ законовъ, можно запретить имъ составленіе самыхъ необходимыхъ, быть можетъ, даже всякихъ законовъ; оставьте букву, и они выразили бы ни что иное, какъ еслибы каждый человѣкъ сказалъ: «Ваши законы сдѣлаются пустыми ipso facto, какъ скоро они заключаютъ въ себѣ что-нибудь не по моему вкусу?

Примѣры такихъ неудачныхъ попытокъ можно встрѣтить въ законодательствѣ многихъ націй; но нигдѣ такъ часто, какъ въ той новосозданной націи, которая въ настоящее время есть одна изъ самыхъ просвѣщенныхъ, если не самая просвѣщенная нація на всемъ земномъ шарѣ.

27. Возьмите, напримѣръ, Объявленіе Правъ (Declaration of Rights), изданное штатомъ Сѣверной Каролины, въ конвентѣ, происходившемъ въ сентябрѣ или около того въ 1788, и которое, говорятъ, за небольшими исключеніями скопировано съ такого же объявленія, изданнаго штатомъ Виргиніи. [1])

Не заходя дальше, первая и основная статья говоритъ, что:—

«Есть извѣстныя естественныя права, которыхъ люди, составляя общественный договоръ, не могутъ отнять у своего потомства, и къ числу этихъ правъ принадлежитъ право пользованія жизнью и свободой, посредствомъ пріобрѣтенія, владѣнія и защиты собственности, и посредствомъ исканія и пріобрѣтенія счастія и безопасности.»

Не останавливаясь на томъ недосмотрѣ, что благо отъ объявленныхъ такимъ образомъ правъ ограничивается однимъ потомствомъ, что отсюда слѣдуетъ? Что—относительно тѣхъ, кого включаетъ доставляемое такимъ образомъ покровительство—всякій законъ, или другой порядокъ, отнимающій у человѣка пользованіе жизнью или свободой, остается безъ дѣйствія.

Поэтому, остаются безъ дѣйствія, между прочимъ, всѣ принудительные законы.

Поэтому, относительно покровительствуемыхъ такимъ образомъ лицъ, остается безъ дѣйствія всякое распоряженіе, напримѣръ о томъ, чтобы платить деньги въ качествѣ подати, или платить долги одного индивидуума другому, или еще какъ-нибудь иначе: потому что результатомъ этого распоряженія, еслибы оно исполнялось, было бы «отнимать» у человѣка, pro tanto, пользованіе свободой, т. е, свободой платить или не платить, какъ онъ вздумаетъ,—не говоря о томъ, что это препятствовало бы напр. заключенію въ тюрьму, въ случаѣ, если-

[1]) Recherches sur les Etats-Unis, 8, 1788. I. p. 158.

бы прибѣгнуто было къ этому способу принужденія; точно также это значило бы отнимать у человѣка собственность, которая сама есть «средство для пріобрѣтенія, владѣнія и защиты собственности и средство для исканія и пріобрѣтенія счастія и безопасности».

Поэтому, относительно такихъ лицъ, остается безъ дѣйствія и всякое приказаніе напасть на вооруженнаго непріятеля во время войны; потому что необходимымъ результатомъ такого приказанія было бы «отнять» у нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ «пользованіе жизнью».

Упомянутыхъ заключеній можетъ быть достаточно для примѣра, изъ безчисленнаго множества другихъ подобныхъ.

Извѣстный танцовщикъ Марсель, опершись на локоть въ позѣ глубокаго и торжественнаго размышленія, воскликнулъ: «Какъ много заключается вещей въ менуэтѣ!» Можемъ ли мы теперь прибавить:— «и въ законѣ!»

Упомянутое сейчасъ Виргинское объявленіе правъ, изданное, какъ говорится въ указанномъ выше французскомъ сочиненіи, 1-го іюня 1776, не помѣщено въ книгѣ подъ заглавіемъ «The Constitutions of the several independent States of America etc. Published by order of Congress: Philadelphia printed: Reprinted for Stockdale and Walker, London 1782» —хотя эта книга содержитъ въ себѣ форму правленія, установленную въ томъ же конвентѣ, между 6 мая и 5 іюля того же года.

Но въ этомъ изданіи помѣщено «Объявленіе правъ» провинціи Массачузетса, составленное въ 1779 и 1780 годахъ, и въ первой статьѣ нѣсколько похожее на приведенное выше; и «Объявленіе» Пенсильваніи, изданное между 15 іюля и 28 сентября, гдѣ это сходство кажется болѣе значительно.

И кромѣ того, знаменитое «Объявленіе Независимости» (Declaration of Independence), изданное конгрессомъ 5 іюля 1776, послѣ введенія говоритъ слѣдующее: «Мы считаемъ совершенно очевидными тѣ истины, что всѣ люди созданы равными; что они одарены Создателемъ извѣстными неотъемлемыми правами; что къ числу этихъ правъ принадлежатъ жизнь, свобода и исканіе счастія».

Виргинское объявленіе есть, кажется, то, которое заявляетъ притязаніе на честь быть образцомъ для объявленій другихъ провинцій, и, относительно упомянутой основной статьи, по крайней мѣрѣ, образцомъ и для названнаго сейчасъ общаго Объявленія Независимости (см. Recherches etc. I, 197).

Кто не пожалѣетъ, что такое разумное дѣло утверждалось на основаніяхъ, которыя до такой степени были способны скорѣе порождать возраженія, чѣмъ удалять ихъ?

Но когда люди совершенно согласны и единодушны относительно мѣръ, то нѣтъ такихъ слабыхъ вещей, которыя бы не могли послужить у нихъ за основаніе; и это не первый примѣръ на свѣтѣ, когда заключеніе поддерживало собой посылки, а не посылки поддерживали заключеніе.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА

ГРАЖДАНСКАГО КОДЕКСА.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА
ГРАЖДАНСКАГО КОДЕКСА.

(Principles of the Civil Code.
Works, I, 301—364.)

ЧАСТЬ I.

Предметы гражданскихъ законовъ.

ГЛАВА I.

О правахъ и обязанностяхъ.

Предметы, распредѣляемые законодателемъ между членами общества, могутъ быть раздѣлены на два разряда: 1) Права и 2) Обязанности.

Права суть сами по себѣ блага, выгоды для тѣхъ, кто ими пользуется: обязанности же, напротивъ, суть невыгоды, тяжести для тѣхъ, кто долженъ ихъ выполнять.

Права и обязанности хотя различны и противоположны другъ другу по самой ихъ природѣ, но возникаютъ одновременно и не могутъ существовать одни безъ другихъ. Таковъ непреложный естественный порядокъ вещей, что законъ не можетъ надѣлить однихъ членовъ общества какой-либо выгодой, не наложивъ въ тоже время на другихъ какой-либо тяжести,—другими словами: создавая права для однихъ, онъ въ тоже время неизбѣжно создаетъ обязанности для другихъ. Напр. какимъ образомъ можетъ быть дано мнѣ право собственности на землю? — не иначе, какъ чрезъ наложеніе на всѣхъ другихъ членовъ общества, кромѣ меня, обязанности не касаться произведеній этой земли: какимъ образомъ можетъ быть дано мнѣ право начальствованія? — не

иначе, макъ чрезъ наложеніе на жителей извѣстной мѣстности, или на извѣстныя лица, обязанности мнѣ повиноваться.

Законодатель долженъ чувствовать удовольствіе, надѣляя правами, потому что права суть сами по себѣ блага, и, напротивъ, онъ долженъ чувствовать неудовольствіе, налагая обязанности, потому что обязанности суть сами по себѣ зло. Слѣдуя принципу пользы, онъ не долженъ налагать никакой тяжести, если чрезъ это не надѣляетъ благомъ, болѣе цѣннымъ.

Создавая обязанности, законъ ограничиваетъ свободу: дѣлаетъ преступнымъ такія дѣйствія, которыя до того времени были дозволены и не преступны,—и это происходитъ двоякимъ образомъ: чрезъ приказаніе или чрезъ запрещеніе чего-либо.

Эти ограниченія свободы неизбѣжны. Установленіе правъ, наложеніе обязанностей, охраненіе личности, жизни, чести, собственности, средствъ къ существованію и даже охраненіе самой свободы иначе невозможно, какъ въ ущербъ свободѣ.

Но всякое ограниченіе свободы есть само по себѣ болѣе или менѣе сильное страданіе, независимо отъ тѣхъ безконечно разнообразныхъ неудобствъ и страданій, которыми можетъ въ частности сопровождаться то или другое изъ ограниченій. Слѣдовательно, не слѣдуетъ налагать на свободу никакого ограниченія, надѣлять кого-либо какой-нибудь властью, установлять какой-либо принудительный законъ, если на это нѣтъ достаточнаго частнаго основанія, которое бы оправдывало ограниченіе свободы въ данномъ случаѣ. И такъ каждый принудительный законъ имѣетъ противъ себя слѣдующее общее основаніе: онъ нарушаетъ свободу; и одно это основаніе, еслибъ даже и не было никакого другаго, уже само по себѣ достаточно, чтобъ удержать отъ установленія закона. Поэтому, намѣреваясь установить какой-либо законъ, необходимо доказать, что не только существуетъ достаточное частное основаніе для его установленія, но что оно имѣетъ перевѣсъ надъ общимъ основаніемъ, которое вообще противится установленію какихъ бы то ни было законовъ.

Каждый законъ [1]) есть нарушеніе свободы: эта истина, столь очевидная сама по себѣ, не только не пользуется общимъ признаніемъ, но напротивъ,—приверженцы свободы, обыкновенно болѣе ревностные, чѣмъ просвѣщенные, считаютъ своимъ долгомъ отвергать ее. И какимъ же образомъ они это дѣлаютъ? Они для этого извращаютъ значеніе словъ,

---

[1]) Исключеніе изъ этого составляютъ законы, дозволяющіе то, что запрещалось другими законами, т. е. такіе, которыми отмѣняются другіе законы, ограничивавшіе свободу.

придаютъ слову свобода не тотъ смыслъ, какой общепринятъ, выдумываютъ свой особый языкъ. Они говорятъ: свобода состоитъ въ возможности дѣлать все, что не вредно другому. Но развѣ таковъ общепринятый смыслъ этого слова? Развѣ свобода дѣлать зло не есть свобода? И въ такомъ случаѣ что же это такое? Какъ же это назвать? Желая сказать, что глупыхъ и злыхъ надо лишить возможности дѣлать зло, развѣ мы не говоримъ: надо лишить ихъ свободы?

Если принять это опредѣленіе, то могу ли я знать, имѣю я или не имѣю свободу что-либо дѣлать или не дѣлать, не разсмотрѣвъ предварительно всѣхъ послѣдствій, къ какимъ можетъ вести мое дѣйствіе? Хотя бы законъ мнѣ дозволялъ, или даже приказывалъ совершать какое-либо дѣйствіе, но если я усматриваю, что это дѣйствіе вредно для кого-нибудь, то стало быть въ такомъ случаѣ я не имѣю свободы его совершать! Стало быть судья не имѣетъ свободы наказывать вора, если онъ не увѣренъ, что наказаніе будетъ невредно для вора! Вотъ къ какимъ нелѣпостямъ ведетъ это опредѣленіе.

Что говоритъ намъ здравый разумъ? Постараемся прежде всего установить истинныя основанія.

Наибольшее счастіе наивозможно бо́льшаго числа членовъ общества: вотъ единственная цѣль, которую должно имѣть правительство.

Индивидуумъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ легче и малочисленнѣе его страданія, чѣмъ сильнѣе и многочисленнѣе его наслажденія.

Забота о доставленіи себѣ наслажденій должна быть почти всецѣло представлена самому индивидууму; главное же назначеніе правительства должно состоять въ огражденіи индивидуума отъ страданій.

Правительство выполняетъ это назначеніе чрезъ установленіе правъ, которыя распредѣляетъ между индивидуумами. Таковы права личной безопасности, чести, собственности, право на полученіе помощи въ случаѣ нужды. Всѣ эти права имѣютъ соотвѣтствующія имъ преступленія. Законъ не можетъ создать права, не создавая въ тоже время соотвѣтствующихъ обязанностей, — не можетъ создать право и обязанности, не создавая въ тоже время преступленій [1]),—не можетъ приказать или запретить что-либо, не ограничивая въ тоже время индивидуальной свободы [2]).

---

[1]) Создать преступленіе значитъ превратить какое-нибудь дѣйствіе въ преступленіе, — значитъ запретить какое-либо дѣйствіе и чрезъ это придать ему качество преступности. Б.

[2]) Установленіе какого-либо права необходимо предполагаетъ признаніе преступными извѣстныхъ дѣйствій, которыя прекращаютъ пользованіе этимъ правомъ или препятствуютъ имъ пользоваться. Б.

Гражданинъ не можетъ пріобрѣсти право, не пожертвовавъ частью своей свободы. Даже и при дурномъ правительствѣ пріобрѣтеніе въ этомъ случаѣ не равняется жертвѣ, и тѣмъ правительство ближе къ совершенству, чѣмъ пріобрѣтеніе больше, а жертва меньше.

ГЛАВА II.

Различныя цѣли гражданскихъ законовъ.

При распредѣленія правъ и обязанностей законодатель долженъ имѣть своей цѣлью, какъ мы уже сказали, счастіе общества. При ближайшемъ разсмотрѣніи мы находимъ, что эта общая цѣль, счастіе, слагается изъ четырехъ второстепенныхъ цѣлей: средства къ существованію, довольство, равенство и безопасность.

Чѣмъ болѣе общество пользуется всѣми этими предметами, тѣмъ болѣе сумма общественнаго счастія, и въ особенности того счастія, которое зависитъ отъ законовъ.

Вся законодательная дѣятельность можетъ быть подведена подъ слѣдующія четыре рубрики: озаботиться о средствахъ къ существованію,— обезпечить довольство, — благопріятствовать равенству,—сохранить безопасность.

Это дѣленіе не имѣетъ всей желаемой ясности и точности,— не всегда бываетъ легко провести границу между его частями, такъ какъ эти части во многихъ отношеніяхъ близко сходятся между собой и сливаются вмѣстѣ; но мы принимаемъ это дѣленіе, потому что оно полнѣе другихъ обхватываетъ весь предметъ и во многихъ случаяхъ намъ приходится разсматривать каждую изъ его частей отдѣльно отъ прочихъ.

Напримѣръ, довольство обнимаетъ собой и средства къ существованію, но намъ необходимо отдѣлить ихъ одно отъ другаго, потому что ради средствъ къ существованію законъ долженъ дѣлать много такого, чего онъ не долженъ дозволять себѣ ради довольства.

Безопасность допускаетъ столько же подразличеній, сколько существуетъ различныхъ родовъ дѣйствій, которыя ее нарушаютъ. Она можетъ имѣть своимъ предметомъ личность, честь, собственность, состояніе.

Дѣйствія, вредныя для безопасности, будучи запрещены закономъ, становятся преступленіями.

Изъ всѣхъ исчисленныхъ цѣлей закона безопасность есть един-

ственная, которая необходимо обнимаетъ будущее: средства къ существованію, довольство, равенство могутъ быть разсматриваемы исключительно по отношенію къ данному только времени, безопасность же необходимо выражаетъ собой распространеніе на будущее время всѣхъ тѣхъ благъ, которыхъ касается, — слѣдовательно она есть первенствующій предметъ закона.

Я потому поставилъ равенство въ числѣ предметовъ закона, что при такомъ порядкѣ вещей, который имѣетъ цѣлью доставить всѣмъ людямъ наивозможно большую сумму счастья, нѣтъ никакого основанія, почему бы законъ давалъ однимъ больше, чѣмъ другимъ, но существуютъ достаточныя основанія, почему онъ не долженъ этого дѣлать, потому что выгода, принадлежащая исключительно только нѣкоторымъ, можетъ существовать не иначе, какъ подъ условіемъ существованія равной невыгоды, выпадающей на долю другихъ, и выгода въ такомъ случаѣ была бы только на сторонѣ благопріятствуемыхъ закономъ, а на сторонѣ всѣхъ неблагопріятствуемыхъ была бы только невыгода.

Законъ можетъ содѣйствовать равенству двоякимъ образомъ: охраненіемъ, гдѣ оно уже существуетъ, и стремленіемъ установить его тамъ, гдѣ его нѣтъ. Послѣднее сопряжено съ опасностью: одна ошибка въ этомъ случаѣ можетъ перевернуть весь общественный порядокъ [1]).

Можетъ показаться страннымъ, что мы не помѣстили свободу въ числѣ главныхъ цѣлей закона. Для ясности понятій намъ необходимо разсматривать ее, какъ отрасль безопасности: личная свобода есть безопасность отъ извѣстнаго рода обидъ, касающихся лица; что же касается до политической свободы, то она составляетъ другую отрасль безопасности,—она есть безопасность отъ несправедливостей со стороны правительственныхъ лицъ. Послѣднее составляетъ предметъ не гражданскаго, а конституціоннаго права.

---

[1]) Равенство можетъ быть разсматриваемо относительно всѣхъ выгодъ, истекающихъ изъ законовъ: какъ политическое равенство, т. е. равенство въ политическихъ правахъ, и какъ гражданское равенство, т. е. равенство въ гражданскихъ правахъ,—когда же это слово употребляется одно безъ предиката, то оно обыкновенно понимается въ смыслѣ, относящемся до распредѣленія собственности. Б.

ГЛАВА III.

Отношеніе между различными цѣлями гражданскихъ законовъ.

Помянутыя четыре цѣли гражданскихъ законовъ различаются одна отъ другой на практикѣ значительно менѣе рѣзко, чѣмъ въ теоріи. Одинъ и тотъ же законъ можетъ имѣть въ виду не одну только какую-либо изъ этихъ цѣлей, но нѣсколько разомъ, такъ какъ онѣ часто бываютъ соединены. Напр. что дѣлается для безопасности, касается въ тоже время и средствъ существованія и довольства.

Но бываютъ случаи, когда эти цѣли совершенно не примиримы между собой, такъ что одна требуетъ того, что осуждаетъ другая. Равенство, напр., требовало бы такого распредѣленія имуществъ, которое несовмѣстимо съ безопасностью.

Когда двѣ цѣли такимъ образомъ противорѣчатъ одна другой, необходимо найдти средство рѣшить, которой изъ нихъ должно быть отдано предпочтеніе: въ противномъ же случаѣ эти цѣли вмѣсто того, чтобъ быть нашими руководителями, только еще болѣе увеличатъ замѣшательство.

Съ перваго же взгляда очевидно, что средства къ существованію и безопасность занимаютъ одинаковую степень, довольство же и равенство занимаютъ степень низшую. И дѣйствительно, если нѣтъ безопасности, равенство не можетъ просуществовать и одинъ день, — если нѣтъ средствъ къ существованію, довольство невозможно. Двѣ первыя цѣли суть условіе самой жизни, а двѣ послѣднія — украшеніе жизни.

Въ законодательствѣ главнѣйшая цѣль есть безопасность. Еслибъ даже вовсе не было никакихъ прямыхъ законовъ относительно средствъ существованія, тѣмъ неменѣе каждый заботился бы о нихъ; но еслибъ не было законовъ относительно безопасности, то безполезны были бы и всѣ законы относительно средствъ существованія. Приказавъ работать, производить, вы этимъ еще ничего не сдѣлали; но обезпечивъ работнику плодъ его труда, вы сдѣлали уже много и можетъ быть даже достаточно.

Безопасность, какъ мы сказали, имѣетъ нѣсколько отраслей. Одна отрасль должна уступать другой. Напр. свобода есть отрасль безопасности и должна уступать требованіямъ общей безопасности, такъ какъ законы иначе и невозможны, какъ въ ущербъ свободѣ.

Нельзя достигнуть высшаго блага, не пожертвовавъ какимъ-либо

низшимъ. Различить, которому именно изъ благъ должно быть въ данномъ случаѣ отдано предпочтеніе, — въ этомъ заключается вся трудность законодательнаго искусства. Каждое благо въ свою очередь можетъ заслуживать предпочтеніе, и нерѣдко требуется весьма сложный разсчетъ, чтобъ рѣшить, которое изъ нихъ должно быть предпочтено.

Равенство должно быть благопріятствуемо только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не вредитъ безопасности, не нарушаетъ надеждъ, порожденныхъ закономъ, не разстраиваетъ установленнаго распредѣленія благъ.

Еслибъ всѣ цѣнности раздѣлялись поровну, то несомнѣннымъ и непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было бы то, что вскорѣ нечего было бы дѣлить. Въ самое короткое время всѣ цѣнности были бы потреблены, и тѣ, которые ожидали наибольшей выгоды отъ равнаго раздѣленія, пострадали бы не менѣе, чѣмъ и тѣ, въ ущербъ которыхъ было бы сдѣлано это раздѣленіе. Еслибъ доля трудолюбиваго была не лучше, чѣмъ доля лѣниваго, то не было бы и побужденія быть трудолюбивымъ.

Еслибъ признано было за принципъ, что всѣ люди должны имѣть равныя права, то это неизбѣжно повело бы къ тому, что всякое законодательство сдѣлалось бы невозможнымъ. Законы необходимо устанавливаютъ неравенства, такъ какъ они не могутъ кому либо дать какія-нибудь права, не наложивъ въ тоже время обязанностей на другихъ.

Признать, что всѣ люди, т. е. всѣ существа, носящія человѣческій образъ, должны имѣть одинаковыя права, это значило бы признать, что не должно существовать никакой подчиненности. Это значило бы, что сынъ равенъ въ правахъ отцу, т. е. имѣетъ такое же право приказывать отцу, наказывать его, какое отецъ имѣетъ по отношенію къ нему,—такъ же вправѣ распоряжаться въ домѣ отца, какъ и самъ отецъ. Это значило бы, что сумасшедшій такъ же вправѣ запирать другихъ, какъ другіе вправѣ запирать его, — что идіотъ имѣетъ одинаковое право руководить семьей, какъ семья—руководить имъ. Равенство правъ необходимо предполагаетъ все это, или же оно не имѣетъ никакого смысла. Правда, люди, проповѣдующіе доктрину равенства правъ, — не дураки и не идіоты: они не имѣютъ намѣренія установить абсолютное равенство, признаютъ нѣкоторыя ограниченія, модификаціи, поясненія; но они не умѣютъ выражаться понятно и здраво, и можно ли ожидать, чтобъ слѣпая и невѣжественная толпа лучше понимала ихъ, чѣмъ они сами себя понимаютъ? И когда этой толпѣ проповѣдуютъ уничтоженіе подчиненности, независимость, можетъ ли она оставаться къ этому невнимательной?

ГЛАВА IV.

О законахъ относительно средствъ существованія.

Что можетъ сдѣлать законъ относительно средствъ существованія? Непосредственно онъ ничего сдѣлатъ не можетъ. Онъ можетъ только создать побужденія, т. е. установить награды и наказанія, которыя побуждали бы людей заботиться о своихъ средствахъ къ существованію. Но природа уже озаботилась созданіемъ этихъ побужденій и снабдила ихъ достаточной энергіей. Прежде даже чѣмъ образовалась идея закона, нужда и наслажденіе сдѣлали уже въ этомъ отношеніи все, что могли бы сдѣлать самые лучшіе законы. Нужда, вооруженная всякаго рода страданіями и даже смертью, побудила человѣка работать, вселила въ него энергію, внушила предусмотрительность, развила всѣ его способности. Наслажденіе, вѣрный спутникъ каждой удовлетворенной нужды, стало неистощимымъ источникомъ наградъ для тѣхъ, которые одолѣли препятствія и выполнили указанія природы.

Такъ какъ въ этомъ случаѣ физическая санкція вполнѣ достаточна, то санкція политическая становится излишней.

Кромѣ того, побужденія, созидаемыя закономъ, никогда не могутъ представлять полнаго ручательства въ достиженіи цѣли: это есть необходимое слѣдствіе несовершенства самихъ законовъ, или слѣдствіе трудности удостовѣриться въ фактахъ, которые необходимо знать для примѣненія награды или наказанія. Надежда на безнаказанность проникаетъ въ сердце на всѣхъ тѣхъ посредствующихъ ступеняхъ, чрезъ которыя необходидо пройдти, прежде чѣмъ выполнить законъ. Но естественныя послѣдствія, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ награды и наказанія, установленныя самой природой, не допускаютъ никакой невѣрности: тутъ прямая неизбѣжность, тутъ нѣтъ никакихъ замедленій, никакихъ несправедливостей, — опытъ указываетъ, что будетъ, и потомъ подтверждаетъ свои указанія, — сегодняшній день подтверждаетъ урокъ вчерашняго дня, и непрерывная одинаковость этого хода вещей не оставляетъ мѣста сомнѣнію. Что могутъ законы непосредственно добавить къ непрестанно дѣйствующей и неодолимой силѣ естественныхъ побужденій? Но законъ можетъ косвеннымъ образомъ содѣйствовать средствамъ существованія, охраняя людей, когда они заняты работой, обезпечивая работающимъ пользованіе плодами ихъ трудовъ. Безопасность для работника, безопасность для пользованія плодами своего труда — вотъ благодѣяніе закона и благодѣяніе неоцѣнимое.

ГЛАВА V.

О законахъ относительно довольства.

Должны ли быть установляемы законы, которые бы предписывали индивидуумамъ не довольствоваться только средствами существованія, но и стремиться къ довольству? Нѣтъ, не должны: совершенно излишне прибѣгать къ искусственнымъ средствамъ, когда уже существуютъ достаточныя естественныя средства. Привлекательность наслажденія, непрерывная смѣна однихъ нуждъ другими, дѣятельное желаніе увеличить свое благосостояніе, непрестанно побуждаютъ, при существованіи безопасности, къ новымъ усиліямъ для достиженія новыхъ пріобрѣтеній. Нужды и наслажденія, эти универсальные общественные дѣятели, возрастивъ первыя зерна хлѣба, сами собой созидаютъ мало-по-малу житницы довольства, вѣчно наполняемыя и вѣчно неполныя. Желанія возрастаютъ вмѣстѣ съ средствами ихъ удовлетворенія, горизонтъ расширяется по мѣрѣ того, какъ мы движемся, и каждая новая нужда, неминуемо сопутствуемая страданіемъ и наслажденіемъ, становится новымъ побужденіемъ къ дѣятельности. Роскошь имѣетъ значеніе только относительное и нетолько не останавливаетъ движенія, когда уже разъ оно началось, а напротивъ, чѣмъ больше средствъ, тѣмъ больше поле дѣятельности, тѣмъ больше награда и, слѣдовательно, тѣмъ сильнѣе побужденіе къ дѣятельности. Но что такое богатство общества, какъ не совокупность богатства индивидуумовъ, его составляющихъ? И что же еще можетъ требоваться, кромѣ силы естественныхъ побужденій, чтобъ богатство увеличивалось въ наивозможно большей степени?

Довольство, какъ мы сказали, достигается постепенно чрезъ непрерывное дѣйствіе тѣхъ же самыхъ побужденій, которымъ мы обязаны средствами къ существованію. Между этими двумя цѣлями: довольство и средства къ существованію, нѣтъ никакого противорѣчія. Замѣтимъ кромѣ того, что чѣмъ больше довольство; тѣмъ обезпеченнѣе средства къ существованію. Люди, осуждавшіе довольство, называя его излишествомъ, не понимали его связи съ средствами къ существованію.

Неурожаи, войны, всякаго рода случайности, часто въ такой степени посягаютъ на средства къ существованію, что еслибы общество не имѣло излишка, то очутилось бы даже безъ крайне необходимаго. Мы видимъ это у дикихъ народовъ и у всѣхъ народовъ во времена ихъ прежней бѣдности. Это случалось даже и въ наши дни въ странахъ, мало благопріятствуемыхъ природой, какъ напр. въ Швеціи, а также

въ странахъ, гдѣ правительства противодѣйствовали развитію торговли вмѣсто того, чтобъ ему содѣйствовать. Напротивъ тѣ страны, гдѣ есть излишекъ и гдѣ управляютъ просвѣщенныя правительства, находятся внѣ опасности подвергнуться голоду. Таково счастливое положеніе Англіи. При свободной торговлѣ бездѣлушка, сама по себѣ безполезная, получаетъ цѣну, какъ средство къ обмѣну на необходимое; производство предметовъ роскоши становится обезпеченіемъ отъ нужды; матеріалъ, истребляемый на производство пива или крахмала, превращается въ средства къ существованію. Какъ часто возставали противъ держанія собакъ и лошадей, потому что онѣ будто безплодно потребляютъ пищу, нужную для человѣка! Глубокіе политики, обнаруживающіе желаніе уничтожить этотъ расходъ, не многимъ выше тѣхъ апостоловъ безкорыстія, которые, для устраненія недостатка въ хлѣбѣ, сожигали хлѣбные магазины.

ГЛАВА VI.

Предложенія патологіи, на которыхъ основывается польза равенства.

Патологія есть терминъ, употребляемый *только* въ медицинѣ. Въ нравственности онъ *до сихъ поръ не употреблялся*, хотя не менѣе для нея необходимъ, какъ и для медицины. Нравственная патологія есть изученіе, знаніе ощущеній, чувствъ, страстей и ихъ вліянія на счастіе. Законодательство до сихъ поръ имѣло своей основой преимущественно зыбкую почву предразсудковъ и инстинктовъ, но оно должно наконецъ найдти себѣ неколебимую основу въ чувствахъ и опытѣ; для этого необходимъ нравственный термометръ, который показывалъ бы всѣ степени счастія и страданія. Обладаніе такимъ термометромъ есть недостижимое совершенство, но тѣмъ неменѣе надо стремиться къ нему. Тщательное разсмотрѣніе количественнаго различія въ степеняхъ счастія или страданія можетъ съ перваго взгляда показаться мелочной задачей. Найдутся люди, которые скажутъ, что мы должны ограничиваться общими опредѣленіями, должны довольствоваться приблизительной оцѣнкой. Но это могутъ говорить только люди или равнодушные или неспособные. Чувства людей достаточно правильны, чтобъ стать предметомъ науки или искусства, и пока этого не будетъ, до тѣхъ поръ мы будемъ идти ощупью и наши усилія не могутъ имѣть должной правильности и выдержанности. Медицина имѣетъ своей осно-

вой аксіомы физической патологіи: нравственность есть медицина души, — законодательство есть ея практическая отрасль и, слѣдовательно, должно имѣть основой аксіомы нравственной патологіи.

Чтобъ судить о вліяніи какой-либо части богатства на счастіе, надо разсмотрѣть ее въ трехъ различныхъ состояніяхъ:

1. Когда она въ обладаніи у тѣхъ, у кого всегда находилось.

2. Когда она пріобрѣтается.

3. Когда она теряется.

Общее замѣчаніе. Когда идетъ рѣчь о вліяніи части богатства на счастіе, то при этомъ не принимаются во вниманіе ни личныя чувства, какія можетъ имѣть тотъ или другой индивидуумъ, ни внѣшнія обстоятельства индивидуума. Различіе характеровъ недоступно оцѣнкѣ, и мы не найдемъ двухъ индивидуумовъ, которыхъ обстоятельства были бы одинаковы. Если не устранить эти два условія: характеръ и обстоятельства, то мы не будемъ въ состояніи образовать ни одного общаго предложенія, и хотя таковыя общія предложенія, образованныя при устраненіи помянутыхъ двухъ условій, оказались бы въ каждомъ представляющемся частномъ случаѣ невѣрными и неточными, это еще нисколько не доказываетъ ни ихъ теоретической неправильности, ни ихъ практической безполезности. Достаточно, 1) если они ближе къ истинѣ, чѣмъ какія-либо другія, которыми могутъ быть замѣнены, и 2) если законодатель можетъ ихъ употребить, какъ основу для своихъ трудовъ, съ меньшимъ неудобствомъ, чѣмъ какія-либо другія.

I. Мы разсмотримъ теперь первый случай: вліяніе части богатства на счастіе, когда эта часть въ обладаніи у тѣхъ, у кого всегда находилась.

1-е Предлож. Каждая часть богатства имѣетъ соотвѣтствующую часть счастія.

2-е Предлож. Изъ двухъ индивидуумовъ, обладающихъ неравными количествами богатства, тотъ, кто обладаетъ бо́льшимъ количествомъ, обладаетъ и бо́льшимъ счастіемъ.

3-е Предлож. Разница въ количествѣ счастія, обладаемаго болѣе и менѣе богатымъ, не такъ велика, какъ разница въ количествѣ обладаемаго ими богатства.

4-е Предлож. На томъ же основаніи, чѣмъ больше количественная разница между двумя массами богатствъ, тѣмъ меньше вѣроятія, чтобъ существовала одинаково великая разница между соотвѣтствующими массами счастія.

5-е Предлож. Чѣмъ равномѣрнѣе распредѣленіе богатствъ, тѣмъ больше общая сумма счастія.

Слово богатство употреблено нами не въ ограниченномъ смыслѣ денежнаго богатства, а въ значенiи болѣе широкомъ. Мы разумѣемъ подъ нимъ все, что служитъ средствомъ къ существованiю или увеличиваетъ довольство. Выраженiе: часть богатства употреблено для краткости вмѣсто выраженiя: часть матерiала составляющаго богатства.

Мы сказали: каждая часть богатства имѣетъ соотвѣтствующую ей часть счастiя. Правильнѣе было бы сказать, вмѣсто имѣетъ,—должно имѣть, или имѣетъ возможность производить соотвѣтствующую ей часть счастiя. Дѣйствiе какой-либо причины счастiя всегда условно; другими словами: причина счастiя не производитъ одинаковаго дѣйствiя на каждаго индивидуума и можетъ даже вовсе не произвести своего обыкновеннаго дѣйствiя. Въ этихъ случаяхъ и необходимо примѣнять сдѣланное нами выше замѣчанiе относительно личныхъ чувствъ, характера и относительно разнообразiя обстоятельствъ, въ какихъ могутъ находиться индивидуумы.

Второе предложенiе истекаетъ изъ перваго: изъ двухъ индивидуумовъ, тотъ, который обладаетъ бо̀льшимъ богатствомъ, обладаетъ и бо̀льшимъ счастiемъ или возможностью бо̀льшаго счастiя. Это есть истина, подтвержденная всемiрнымъ опытомъ. Пусть тотъ, кто сомнѣвается въ этой истинѣ, отдастъ свой излишекъ первому просящему, потому что отрицать эту истину значитъ признать существованiе излишка, который составляетъ только тягость и ничего больше, имѣетъ не болѣе цѣны чѣмъ песокъ, по которому мы ходимъ. Манна портилась, когда ее собирали въ бо̀льшемъ количествѣ, чѣмъ сколько потребляли. Еслибъ тоже было и съ богатствомъ, еслибъ по достиженiи извѣстнаго количества оно не увеличивало возможности счастiя, то никто бы и не пожелалъ его имѣть больше того количества, которое даетъ счастiе, и стремленiе къ прiобрѣтенiю богатства имѣло бы опредѣленную границу.

Третье предложенiе менѣе спорно. Возьмемъ для примѣра съ одной стороны тысячу работниковъ, которые имѣютъ достаточныя средства къ существованiю и даже нѣкоторое довольство, а съ другой стороны царя или лучше принца, который неотягощенъ правительственными заботами и котораго богатство равняется суммѣ богатствъ всѣхъ тысячи работниковъ. По всей вѣроятности счастiе его будетъ больше, чѣмъ среднее количество счастiя, приходящееся на одного работника, но оно не будетъ равняться суммѣ счастiя всѣхъ работниковъ,—другими словами: не будетъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ среднее количество счастiя одного работника. Если счастiе этого принца будетъ въ десять разъ или даже хотя въ пять разъ больше, чѣмъ счастiе одного работника, то и это уже очень много. Человѣкъ, родившiйся въ роскоши, не такъ

сильно чувствуетъ цѣну богатства, какъ тотъ, кто пріобрѣлъ богатство своимъ трудомъ. Не въ обладаніи, а въ пріобрѣтеніи находитъ человѣкъ самое большое наслажденіе. Удовольствіе, доставляемое пріобрѣтеніемъ, есть чувство весьма сильное вслѣдствіе предшествовавшихъ желаній и лишеній; удовольствіе же, доставляемое обладаніемъ, есть чувство слабое, притупившееся отъ привычки, не оживляется контрастомъ, не усиливается воображеніемъ.

II. Теперь разсмотримъ второй случай: вліяніе части богатства на счастіе, когда эта часть богатства пріобрѣтается. Мы предполагаемъ пріобрѣтеніе неожиданное, когда богатство увеличивается внезапно по какой-либо случайности.

1) Вслѣдствіе раздѣленія, часть богатства можетъ быть доведена до такихъ ничтожныхъ величинъ, которыя не доставятъ ни малѣйшаго счастія ни одному изъ участвующихъ въ раздѣленіи. Это будетъ напр. въ томъ случаѣ, еслибъ доля богатства, достающаяся при раздѣленіи каждому соучастнику, была менѣе цѣнна, чѣмъ даже самая мелкая монетная единица. Впрочемъ нѣтъ необходимости предполагать такую крайность для оправданія истинности этого предложенія.

2) При раздѣленіи части богатства между соучастниками, имѣющими неравныя состоянія, чѣмъ больше будетъ сохранено имущественное равенство соучастниковъ, тѣмъ больше будетъ общая сумма счастія.

3) При раздѣленіи части богатства между соучастниками, имѣющими равныя состоянія, чѣмъ бо́льшее имущественное равенство установится между соучастниками вслѣдствіе этого раздѣленія, тѣмъ больше будетъ общая сумма счастія.

III. Намъ остается разсмотрѣть третій случай: вліяніе части богатства на счастіе, когда эта часть утрачивается. Здѣсь также намъ необходимо предположить, что утрата произошла неожиданнымъ, непредвидѣннымъ образомъ. Утрата почти всегда бываетъ неожиданная, такъ какъ человѣку свойственно надѣяться сохранить то, чѣмъ обладаетъ. Эта надежда основывается на наблюденіи обыкновеннаго хода вещей: обыкновенно бываетъ такъ, что люди нетолько сохраняютъ пріобрѣтенное, но и увеличиваютъ его. Подтвержденіемъ этому служитъ то обстоятельство, что первоначально всѣ страны, теперь столь богатыя, были бѣдны.

1) Утрата части богатства сопряжена съ утратой счастія болѣе или менѣе значительной, смотря по тому, какъ велика утраченная часть богатства по отношенію къ сохраненной части.

Отнимите у индивидуума четвертую часть его состоянія, и чрезъ это вы отнимите у него четвертую часть его счастія и т. д. [1])

Но есть случаи, когда эта пропорція между утратой богатства и утратой счастія измѣняется. Если вы отнимите у меня три четверти моего состоянія и такимъ образомъ посягнете на удовлетвореніе моихъ физическихъ нуждъ, или, отнявъ у меня половину, оставите мнѣ не больше, чѣмъ сколько нужно, чтобъ удовлетворять мои физическія нужды, то утрата счастія будетъ вдвое, вчетверо, вдесятеро болѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ: здѣсь утрата такъ велика, что трудно даже и опредѣлить ея мѣру.

2) Чѣмъ больше число лицъ съ равнымъ состояніемъ, между которыми распредѣляется имущественная утрата, тѣмъ меньше утрата въ общей суммѣ счастія.

3) Когда раздѣленіе утраты между соучастниками переходитъ извѣстные предѣлы, то доля, выпадающая на каждаго соучастника, становится совершенно неощутимой, и тогда утрата части богатства не сопровождается ни малѣйшей утратой въ суммѣ счастія.

4) При неравныхъ состояніяхъ соучастниковъ утрата счастія вслѣдствіе утраты части богатства будетъ тѣмъ меньше, чѣмъ болѣе имущественная утрата уравнитъ имущественное неравенство соучастниковъ (*при этомъ не принимаются во вниманіе неудобства, истекающія изъ нарушенія безопасности*).

Правительства, пользуясь прогрессомъ знанія, во многихъ случаяхъ содѣйствовали установленію принципа равенства при распредѣленіи утратъ. Такъ напр. они поставили подъ охрану законовъ страховыя общества. Общества эти чрезвычайно полезны; сущность ихъ состоитъ въ томъ, что индивидуумы дѣлаютъ между собой складчину для покрытія возможныхъ въ будущемъ утратъ. Принципъ страхованія основанъ на теоріи вѣроятностей и имѣетъ цѣлью распредѣлять утраты между большимъ числомъ соучастниковъ, такъ чтобъ часть, выпадающая на долю каждаго, становилась весьма незначительна и почти даже совершенно ничтожна.

---

[1]) Этимъ объясняется зло азартной игры. Шансы выигрыша и проигрыша равны по отношенію къ богатству, но неравны по отношенію къ счастію. У меня 1000 ф. ст.; идетъ ставка на 500 ф. ст.; если я проиграю, то мое состояніе уменьшится на половину, если же выиграю, то оно увеличится только на треть. Предположимъ, что идетъ ставка на 1000 ф. ст.; при выигрышѣ мое счастіе не увеличится вдвое отъ удвоенія моего состоянія, а между тѣмъ въ случаѣ проигрыша оно окончательно рушится и я сдѣлаюсь совершенно неимущимъ. Б.

Та же цѣль руководила государями, когда они вознаграждали индивидуумовъ насчетъ государства за утраты, понесенныя вслѣдствіе войны или вслѣдствіе какихъ либо общественныхъ бѣдствій. Самой мудрой и самой благонамѣренной администраціей въ этомъ отношеніи была администрація Фридриха Великаго. Такое пониманіе назначенія администраціи есть самый лучшій взглядъ на искусство управленія.

Были также нѣкоторыя незначительныя попытки вознаграждать индивидуумовъ за утраты, причиняемыя преступленіями. Впрочемъ примѣры этому до сихъ поръ очень рѣдки, а между тѣмъ этотъ предметъ заслуживаетъ обратить на себя вниманіе законодателя, такъ какъ зло отъ преступленій противъ собственности могло бы чрезъ это быть доведено почти до нуля. Надо замѣтить однако, что эта система требуетъ большой осмотрительности, а иначе можетъ сдѣлаться весьма вредной: увѣренность получить вознагражденіе можетъ превратиться въ поощреніе лѣности, неблагоразумія, небрежности въ охраненіи себя отъ утратъ, причиняемыхъ преступленіями. Слѣдовательно, польза этого средства зависитъ отъ способа его примѣненія, но во всякомъ случаѣ только одно равнодушіе, достойное полнаго порицанія, можетъ совершенно отрицать его на томъ основаніи, что оно требуетъ большой осмотрительности.

Изложенные принципы могутъ быть равно примѣняемы и при распредѣленіи утраты между многими лицами, облеченными общей отвѣтственностью. Если принять въ этомъ случаѣ такой порядокъ распредѣленія утраты, чтобъ на каждаго соучастника выпадала доля, соотвѣтствующая степени его богатства по сравненію съ другими соучастниками, то тогда имущественное положеніе каждаго соучастника по сравненію съ положеніемъ другихъ соучастниковъ останется то же, какъ было. Но еслибъ пожелали воспользоваться утратой для уравненія имущественнаго состоянія соучастниковъ, то въ такомъ случаѣ необходимо принять другую пропорцію при распредѣленіи утраты. Возможенъ еще третій способъ распредѣленія утраты: можно раздѣлить утрату поровну между всѣми соучастниками, не принимая при этомъ во вниманіе ихъ имущественнаго неравенства. Этотъ послѣдній способъ распредѣленія не согласенъ ни съ требованіями равенства, ни съ требованіями безопасности.

Для бóльшаго уясненія этого предмета я разсмотрю сложный случай столкновенія между двумя индивидуумами, изъ которыхъ одинъ хочетъ получить выгоду насчетъ другаго. Намъ предстоитъ здѣсь опредѣлить, какое вліяніе на счастіе имѣетъ часть богатства, которая переходитъ отъ одного индивидуума къ другому и составляетъ для одного утрату, а для другаго—барышъ.

1-е Предлож. Когда при имущественномъ равенствѣ споря-

щихъ выигрываемое одной стороной утрачивается другой, то наибольшая сумма счастія будетъ достигнута при томъ условіи, если защищающійся останется въ обладаніи тѣмъ, чего домогается противникъ, потому что

во 1-хъ, часть богатства, о которой идетъ споръ, составитъ бо̀льшую пропорцію по отношенію къ уменьшенному богатству утратившей ее стороны, чѣмъ по отношенію къ увеличенному богатству той стороны, которая ее пріобрѣтетъ: счастіе утратившаго уменьшится въ бо̀льшей степени, чѣмъ насколько увеличится счастіе выигрывшаго. Однимъ словомъ: переходъ части богатства въ обладаніе домогающагося нарушитъ равенство (См. примѣчаніе объ азартной игрѣ: въ обоихъ случаяхъ положеніе вопроса совершенно одинаковое);

во 2-хъ, при рѣшеніи въ пользу домогающагося утрачивающій испыталъ бы страданіе, причиняемое несбывшимся ожиданіемъ; при рѣшеніи же въ пользу утрачивающаго домогающійся былъ бы только въ положеніи человѣка, не получившаго выгоды. Но отрицательное зло, заключающееся въ неполученій выгоды, не равняется положительному злу, заключающемуся въ утратѣ (Еслибъ это было не такъ, то каждый предметъ, не пріобрѣтенный индивидуумомъ, былъ бы для него источникомъ страданія,—въ такомъ случаѣ источники страданія сдѣлались бы безконечно многочисленны и каждый человѣкъ былъ бы безконечно несчастливъ); и

въ 3-хъ, люди вообще болѣе чувствительны къ страданію, чѣмъ къ удовольствію, при равной къ тому причинѣ. При утратѣ четверти богатства счастіе индивида уменьшится болѣе, чѣмъ насколько увеличится при удвоеніи богатства [1]).

2-е предл. Когда, при имущественномъ неравенствѣ спорящихъ, утрачивающій менѣе богатъ, чѣмъ домогающійся, то зло отъ утраты будетъ еще сильнѣе вслѣдствіе этого неравенства.

3-е предл. Если утрачивающій богаче домагающагося и послѣдній возьметъ верхъ, то зло, происходящее въ этомъ

---

[1]) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ сумма зла была больше, чѣмъ сумма блага. Нетолько зло рѣже, чѣмъ благо, но оно есть явленіе случайное, не имѣетъ, какъ благо, постоянныхъ и необходимыхъ источниговъ. До нѣкоторой степени всегда болѣе или менѣе въ нашей волѣ устранить зло и привлечь благо. Кромѣ того, у человѣка есть естественное чувство довѣрія къ счастію, и это чувство обыкновенно беретъ перевѣсъ надъ страхомъ несчастія: подтвержденіемъ этому служитъ успѣхъ лоттерей. Б.

случаѣ вслѣдствіе нарушенія безопасности, будетъ отчасти вознаграждено благимъ послѣдствіемъ на пользу равенства.

Съ помощью этихъ аксіомъ, имѣющихъ до нѣкоторой степени характеръ и достовѣрность математическихъ предложеній, могутъ быть установлены точныя и постоянныя правила для вознагражденій и удовлетвореній. Законодатели нерѣдко обнаруживали наклонность руководиться требованіями равенства, называя ихъ требованіями справедливости, причемъ выраженіе: справедливость получало болѣе широкое значеніе, чѣмъ правосудіе; но проявлявшаяся въ этихъ случаяхъ идея справедливости, смутная, неопредѣленная, была, повидимому, скорѣе дѣломъ инстинкта, чѣмъ разсчета. Требуется много терпѣнія и строгій методъ, чтобъ подвести подъ точныя опредѣленія все разнообразіе чувствъ, неопредѣленныхъ и противорѣчащихъ одно другому.

ГЛАВА VII.

О безопасности.

Теперь подлежитъ разсмотрѣнію главный предметъ законовъ: забота о безопасности. Это неоцѣнимое благо составляетъ отличительный признакъ цивилизаціи и есть вполнѣ произведеніе законовъ. Безъ законовъ не можетъ существовать безопасности: слѣдовательно, не можетъ существовать ни довольства, ни обезпеченныхъ средствъ къ существованію. Единственное равенство, возможное при отсутствіи законовъ, есть равенство бѣдности.

Чтобъ вполнѣ оцѣнить великое благодѣяніе законовъ, достаточно взглянуть на положеніе дикихъ. Они находятся въ непрестанной борьбѣ противъ голода, который иногда въ нѣсколько дней губитъ цѣлыя племена. Борьба изъ—за средствъ существованія производитъ между ними жестокія войны, и человѣкъ, подобно самымъ свирѣпымъ животнымъ, преслѣдуетъ человѣка, чтобъ употребить его въ пищу. Страхъ голода заглушаетъ въ нихъ самыя нѣжныя естественныя чувства, состраданіе мирится у нихъ съ самой крайней жестокостью, и они убиваютъ стариковъ, когда тѣ оказываются не въ состояніи добывать себѣ пищу.

Посмотрите также, что происходитъ въ тѣ страшныя эпохи, когда цивилизованныя общества почти совершенно возвращаются къ состоянію дикихъ. Я говорю о войнахъ, которыя отчасти прекращаютъ дѣйствіе законовъ, установляющихъ безопасность. Каждый день войны влечетъ за собой неисчислимыя бѣдствія. Накопленное богатство, запасы, обез-

печивающіе довольство, и даже средства къ существованію, все подвергается истребленію. И хижины и дворцы, все разрушается. Сколько разъ случалась, что минутный гнѣвъ или минутный капризъ губили плодъ трудовъ цѣлаго столѣтія.

Законъ дѣлаетъ то, чего естественныя чувства не въ состояніи сдѣлать сами по себѣ. Одинъ законъ способенъ создавать прочное и долговременное обладаніе, заслуживающее названія собственности. Онъ одинъ въ состояніи пріучать людей подчиняться игу предусмотрительности, которое въ первое время обыкновенно бываетъ весьма тяжело, но потомъ становится столь пріятнымъ и легкимъ. Только онъ одинъ можетъ поощрять людей работать болѣе, чѣмъ сколько нужно для настоящаго, работать ради плодовъ, пользованіе которыми возможно только въ будущемъ. У бережливости много враговъ: ея враги—всѣ расточители, всѣ тѣ люди, которые хотятъ только наслаждаться, но не хотятъ работать. Для лѣности трудъ тяжелъ; для нетерпѣнія плоды его достигаются слишкомъ медленно. Хитрость и несправедливость постоянно конспирируютъ въ тайнѣ, чтобъ присвоить себѣ плоды чужаго труда,— дерзость и отвага постоянно замышляютъ захватить ихъ силой: поэтому безопасность всегда колеблется, всегда въ опасности, никогда не бываетъ въ совершенно спокойномъ состояніи, вѣчно живетъ среди вражескихъ ковъ. Поэтому законодатель долженъ быть неустанно бдителенъ, неутомимо дѣятеленъ, чтобъ защищать безопасность отъ массы враговъ, никогда не оставляющихъ ее въ покоѣ.

Законъ не говоритъ человѣку: работай и я вознагражу тебя, но онъ говоритъ: работай, я не допущу никого посягнуть на плоды твоего труда, которые безъ меня ты не могъ бы сохранить, и такимъ образомъ обезпечу тебѣ эту естественную и достаточную награду за трудъ—пользованіе его плодами. Трудъ производитъ, законъ сохраняетъ: производствомъ мы исключительно обязаны труду, но сохраненіемъ и всѣмъ благами производства мы исключительно обязаны закону.

Чтобъ составить себѣ ясное понятіе, какое широкое значеніе имѣетъ принципъ безопасности, необходимо принять во вниманіе, что наслажденія и страданія человѣка не ограничиваются только настоящимъ, какъ у животныхъ, но простираются и на будущее, что для счастія человѣка недостаточно оградить его отъ утратъ въ настоящемъ, но необходимо также оградить его, насколько возможно, и отъ утратъ въ будущемъ. Безопасность нужна человѣку нетолько относительно настоящаго, но и относительно будущаго, насколько оно охватывается его воображеніемъ.

Эта наклонность смотрѣть впередъ, имѣющая столь замѣтное влі-

яніе на судьбу человѣка, можетъ быть названа ожиданіемъ будущаго. Только благодаря этой наклонности мы и дѣлаемся способны составлять для себя общій планъ поведенія,—благодаря ей, смѣняющіеся одинъ другимъ моменты нашего существованія не отрывочны, а становятся непрерывно связными частями одного цѣлаго. Ожиданіе есть цѣпь, соединяющая наше настоящее съ нашимъ будущимъ. Эта цѣпь переходитъ даже за предѣлы нашего личнаго существованія, захватываетъ существованіе грядущихъ поколѣній, и чувства человѣка обнимаютъ всѣ звенья этой цѣпи.

Принципъ безопасности долженъ простираться на всѣ эти ожиданія,—онъ долженъ ручаться, что грядущія событія, насколько они зависятъ отъ законовъ, будутъ сообразны съ ожиданіями, которыя породилъ законъ.

Всякое посягательство на увѣренность въ исполненіе этихъ ожиданій есть своего рода зло, которое мы назовемъ страданіемъ отъ обманутаго ожиданія.

Только крайней сбивчивостью въ понятіяхъ можемъ мы себѣ объяснить, почему юристы до сихъ поръ не обратили особеннаго вниманія на это чувство увѣренности въ будущемъ, которое имѣетъ столь великое значеніе въ человѣческой жизни. Даже самое слово: ожиданіе едва встрѣчается на языкѣ юристовъ, и едвали во всѣхъ юридическихъ произведеніяхъ мы найдемъ хотя одинъ аргументъ, который былъ бы основанъ на этомъ принципѣ. Конечно, юристы во многихъ случаяхъ руководились этимъ принципомъ; но это дѣлалось инстинктивно, а не сознательно. Если бы они уразумѣли великую важность этого чувства, то дали бы ему имя, указали бы на него, а не оставили бы его затеряннымъ въ массѣ другихъ чувствъ.

ГЛАВА VIII.

О собственности.

Чтобы полнѣе оцѣнить все благодѣяніе закона, постараемся составить себѣ ясное понятіе, что такое собственность. Мы увидимъ, что сама природа не установляетъ никакой собственности, что собственность есть исключительно созданіе закона. Она есть ни что иное, какъ основа ожиданія, т. е. ожиданія извлечь извѣстныя выгоды изъ предмета, называемаго нами собственностью вслѣдствіе нашихъ къ нему отношеній.

Отношеніе къ предмету, образующее собственность, не можетъ быть выражено никакимъ изображеніемъ, никакой краской,—оно не матеріальное, а чисто метафизическое, есть исключительно созданіе ума.

Имѣть предметъ въ своихъ рукахъ, хранить его, обдѣлывать, продавать, измѣнять, употреблять,—всѣ эти матеріальныя условія не даютъ намъ понятія собственности. Кусокъ матеріи, находящійся въ Индіи, можетъ быть моей собственностью, тогда какъ платье, которое на мнѣ, можетъ быть не моимъ. Пища, превращающаяся въ мое собственное тѣло, можетъ принадлежать другому, которому я обязанъ отчетомъ въ ея употребленіи.

Идея собственности заключается въ ожиданіи, въ увѣренности извлечь извѣстныя выгоды изъ предмета, смотря по его свойствамъ.

Но это ожиданіе, эта увѣренность могутъ быть произведены только закономъ. На пользованіе тѣмъ, что считаю своимъ, я могу разсчитывать только вслѣдствіе обѣщаній закона, который гарантируетъ мнѣ это пользованіе. Только благодаря закону забываю я мою естественную слабость, огораживаю свое поле и затрачиваю свой трудъ въ надеждѣ на отдаленную жатву.

На это могутъ замѣтить: но что же послужило основаніемъ закону въ самомъ началѣ, когда онъ только устанавливался и принималъ подъ свою охрану то, что называется собственностью? Въ первобытномъ состояніи не было ли у людей естественнаго ожиданія пользоваться извѣстными предметами, которое истекало изъ источниковъ, предшествовавшихъ закону?

Да, какъ въ первобытномъ состояніи, такъ и впослѣдствіи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, человѣкъ могъ своими собственными средствами обезпечивать себѣ пользованіе тѣми или другими предметами, но подобные случаи весьма ограниченны. Дикій, спрятавъ свою добычу, можетъ надѣяться сохранять ее для себя, пока не откроютъ, гдѣ онъ ее спряталъ, пока онъ бдительно охраняетъ ее, пока онъ сильнѣе своихъ соперниковъ. Какъ ненадежно и какъ жалко подобное обладаніе! Но какъ скоро вы предположите существованіе между дикими какого-либо соглашенія не прикасаться къ добычѣ другъ друга, то это будетъ уже признакомъ существованія принципа, который и есть ни что иное какъ законъ. Чисто физическія обстоятельства могутъ по временамъ порождать слабое, преходящее ожиданіе; но ожиданіе прочное, постоянное, можетъ истекать только изъ закона. То, что въ первобытномъ состояніи было не болѣе какъ нитью, въ общественномъ состояніи становится, такъ сказать, канатомъ.

Собственность и законъ вмѣстѣ родятся, вмѣстѣ и умираютъ. Пока не было законовъ, не было и собственности. Уничтожьте законы, исчезнетъ и собственность.

По отношенію къ собственности безопасность состоитъ въ томъ,

чтобъ возбужденныя закономъ ожиданія пользоваться извѣстной частью благъ не подвергались никакимъ нарушеніямъ, никакому посягательству. Законодатель обязанъ оказывать величайшее уваженіе къ ожиданіямъ, которыя онъ породилъ: уважая ихъ, онъ дѣлаетъ все, существенно необходимое для счастія общества,—не уважая же ихъ, онъ причиняетъ зло, пропорціональное оказанному неуваженію.

ГЛАВА IX.

Отвѣтъ на одно возраженіе.

Но законы о собственности не суть ли благо только для имущихъ и, напротивъ, зло для неимущихъ? Существованіе этихъ законовъ не дѣлаетъ ли положеніе неимущаго еще болѣе тяжкимъ, чѣмъ когда ихъ нѣтъ?

Создавая собственность, законы создаютъ богатство, но не создаютъ бѣдности: бѣдность есть первоначальное состояніе человѣчества. Жизнь изо дня въ день и есть именно то естественное состояніе, въ которомъ первобытно находился человѣкъ. Правда, бѣдный ничего не получаетъ въ обществѣ иначе, какъ цѣной тяжелаго труда. Но спрашивается: въ естественномъ состояніи получалъ ли онъ что-нибудь безъ труда? Развѣ охота, рыболовство, война не есть трудъ? Развѣ они не имѣютъ своихъ рисковъ, своихъ опасностей? И если дикій, повидимому, любитъ подобную жизнь, если онъ ощущаетъ удовольствіе подвергаться опасностямъ, находитъ наслажденіе въ праздности, такъ дорого купленной, то слѣдуетъ ли изъ этого, чтобъ онъ былъ счастливѣе нашихъ земледѣльцевъ? Нисколько. Трудъ земледѣльца однообразнѣе, но вознагражденіе за трудъ обезпеченнѣе: положеніе женщинъ, дѣтей, стариковъ лучше, населеніе умножается въ пропорціи въ тысячу разъ большей, и этого одного уже достаточно, чтобъ судить, гдѣ больше счастія. Слѣдовательно законы, создавая собственность, благодѣтельны и для тѣхъ, которые остаются въ первобытной бѣдности. Бѣдные всегда болѣе или менѣе участвуютъ въ удовольствіяхъ, выгодахъ, средствахъ цивилизованнаго общества. Производительность, трудъ дѣлаютъ ихъ кандидатами на богатство. Они наслаждаются удовольствіемъ пріобрѣтенія и надежда всегда сопутствуетъ ихъ трудъ. Безопасность, доставляемая закономъ, есть для нихъ также великое благо. Тому, кто смотритъ съ вершины, находящіеся внизу предметы кажутся меньше, чѣмъ каковы они на самомъ дѣлѣ, и наоборотъ: вершина исчезаетъ изъ виду тѣхъ, которые находятся вни-

зу,—они нетолько не сравниваютъ своего положенія съ положеніемъ находящихся на вершинѣ, но даже и не мечтаютъ о достиженіи вершины, ихъ не мучатъ желанія невозможнаго. Итакъ, принявъ все въ соображеніе, оказывается, что охраненіе, доставляемое законами, столько же содѣйствуетъ счастію хижинъ, какъ и безопасности дворцовъ. Удивительно, что такой умный человѣкъ, какъ Беккаріа, въ произведеніи, составляющемъ плодъ самой здравой философіи, могъ высказать сомнѣніе, ведущее къ совершенному ниспроверженію общественности. Право собственности, говоритъ онъ, есть ужасное право и можетъ-быть вовсе не необходимое. Правда, это право подавало поводъ къ тиранническимъ, кровожаднымъ законамъ,—имъ страшно злоупотребляли, но тѣмъ неменѣе само по себѣ оно представляетъ только идеи удовольствія, довольства, безопасности,—оно осилило въ человѣкѣ естественное отвращеніе къ труду, доставило человѣку господство надъ землею, побудило отказаться отъ кочевья, породило любовь къ отечеству, любовь къ потомству. Наслаждаться и притомъ наслаждаться безъ труда—таково общее желаніе людей. Это желаніе есть страшная вещь, такъ какъ оно можетъ поднять всѣхъ неимущихъ противъ имущихъ, и законъ, обуздывающій это желаніе, есть величайшее торжество человѣчества надъ самимъ собой.

ГЛАВА X.

Анализъ зла, истекающаго изъ нападеній на собственность.

Мы уже выше говорили о томъ, что средства къ существованію зависятъ отъ законовъ, обезпечивающихъ трудящемуся плоды его труда. Но мы считаемъ неизлишнимъ сдѣлать болѣе точный анализъ зла, истекающаго изъ нарушеній собственности. Это зло можетъ быть подведено подъ четыре рубрики:

1) Зло отъ необладанія. Если пріобрѣтеніе какой-либо части богатства есть благо, то необладаніе ею есть зло, хотя только и отрицательное, но все-таки зло. Поэтому хотя люди, находясь въ состояніи первобытной бѣдности, и не сознавали лишенія благъ, имъ неизвѣстныхъ, тѣмъ неменѣе ясно, что они были лишены того счастія, которое намъ доставляютъ эти блага.

Утрата какой-либо части благъ, еслибъ мы даже и оставались всегда въ полномъ невѣдѣніи объ этой утратѣ, есть все-таки утрата. Когда вы клевещете на меня моему другу и отговариваете его, чтобъ онъ не

завѣщавалъ мнѣ своего имущества, то хотя бы я и не разсчитывалъ на это наслѣдство, тѣмъ неменѣе вы все-таки причиняете мнѣ вредъ, состоящій въ отрицательномъ злѣ, которое истекаетъ для меня изъ необладанія тѣмъ, чѣмъ я обладалъ бы, еслибъ этому не помѣшали ваши клеветы.

2) Страданіе отъ утраты. Каждый предметъ, которымъ я дѣйствительно обладаю или долженъ обладать, представляется моему воображенію принадлежащимъ мнѣ навсегда, становится основой моихъ ожиданій, а также ожиданій тѣхъ людей, которые отъ меня зависятъ, и основой моего плана жизни. Каждая часть моей собственности, кромѣ присущей ей внутренней цѣнности, можетъ имѣть для меня еще особую цѣнность, придаваемую ей моими чувствами къ ней, какъ къ наслѣдству отъ предковъ, какъ къ свидѣтельству моихъ трудовъ, какъ къ основѣ будущаго благополучія моихъ наслѣдниковъ. Каждый предметъ моей собственности можетъ напоминать мнѣ ту часть меня самого, которую я вложилъ въ него, мои заботы, труды, бережливость, какъ я отказывалъ себѣ въ наслажденіи настоящимъ для того, чтобъ наслаждаться будущимъ. Такимъ образомъ наша собственность можетъ сдѣлаться и на самомъ дѣлѣ дѣлается частью насъ самихъ, и поэтому отнятіе ея причиняетъ намъ страшное страданіе.

3) Страхъ утраты. Къ сожалѣнію объ утраченномъ обыкновенно присоединяется безпокойство о находящемся въ обладаніи и даже о томъ, что можемъ пріобрѣсти: большая часть предметовъ, составляющихъ средство къ существованію и довольство, уничтожимы, и поэтому пріобрѣтенія въ будущемъ суть необходимое дополненіе къ обладаемому въ настоящемъ.

Когда отсутствіе безопасности достигаетъ извѣстной степени, то страхъ утраты препятствуетъ пользоваться обладаемымъ. Забота о сохраненіи обладаемаго заставляетъ принимать тысячу предосторожностей, которыя весьма непріятны, тяжелы и притомъ всегда могутъ оказаться недостаточными. Богатства бѣгутъ, прячутся. Наслажденіе богатствомъ совершается украдкой, въ уединеніи, боится обнаружить предъ алчностью существованіе возможной добычи.

4) Уничтоженіе производства. Когда я не надѣюсь пользоваться плодами моего труда, то забочусь только о дневномъ существованіи и не стану работать ради будущаго, такъ какъ трудомъ моимъ воспользуются враги. Чтобъ работать, недостаточно имѣть желаніе,— необходимо имѣть орудія и, кромѣ того, необходимо имѣть средства къ существованію во время работы. Утрата можетъ сдѣлать меня неспособнымъ къ работѣ, не лишая меня расположенія къ труду, не пара-

лизируя моего желанія работать. Итакъ, три первые рода зла касаются только пассивныхъ способностей человѣка, а это четвертое зло поражаетъ также активныя способности и болѣе или менѣе парализируетъ ихъ.

Изъ сдѣланнаго нами анализа ясно, что два первые рода зла ограничиваются только индивидуумами, которыхъ непосредственно касаются; два же послѣдніе простираются далѣе, захватываютъ бо̀льшую или меньшую часть общества и размѣры ихъ трудно опредѣлить. Нападеніе на собственность одного индивидуума возбуждаетъ опасенія между всѣми собственниками, чувство страха сообщается отъ одного другому и можетъ наконецъ охватить все общество.

Для развитія производства необходимо соединеніе способности и желанія производить. Существованіе желанія условливается поощреніемъ, существованіе способности—средствами. Эти средства называются на языкѣ политической экономіи производительнымъ капиталомъ. Производительный капиталъ индивидуума можетъ быть уничтоженъ, между тѣмъ какъ стремленіе производить нетолько въ немъ не уничтожится, но даже и не ослабѣетъ. Производительный же капиталъ цѣлаго народа уничтоженъ быть не можетъ, потомучто, задолго до совершенія подобнаго бѣдствія, зло уничтожитъ самое желаніе труда и стремленіе производить изсякнетъ, несмотря даже на богатый матеріалъ для производства, какой можетъ представлять богатая и плодородная почва. Впрочемъ желаніе производить имѣетъ такъ много стимуловъ, что выдерживаетъ многочисленныя разочарованія и утраты: какъ бы ни было велико преходящее бѣдствіе, оно не уничтожаетъ стремленія къ производству, и послѣ самыхъ опустошительныхъ войнъ, разорявшихъ цѣлые народы, это стремленіе проявлялось во всей силѣ, подобно тому, какъ дубъ, изувѣченный бурей, въ нѣсколько лѣтъ возстановляетъ понесенныя имъ утраты и покрывается новыми вѣтвями. Для уничтоженія производства, требуется существованіе внутренней постоянно дѣйствующей причины, какъ напр. тираническое правительство, дурные законы, грубое суевѣріе, держащее народъ въ невѣжествѣ, или религіозная нетерпимость, возбуждающая ненависть между людьми.

Первый актъ насилія возбудитъ только нѣкоторую степень опасенія, только наиболѣе робкіе умы придутъ въ страхъ; но когда за первымъ вскорѣ послѣдуетъ другой, то опасеніе значительно увеличится, наиболѣе осторожные начнутъ сокращать свои производства и, видя опасность, станутъ мало-по-малу совсѣмъ ихъ прекращать. По мѣрѣ того, какъ акты насилія будутъ повторяться и насиліе будетъ получать значеніе обычнаго образа дѣйствій, прекращеніе производства станетъ все

болѣе и болѣе увеличиваться, прекратившіяся производства не будутъ замѣняться другими, а оставшіяся утратятъ всякую энергію, и такимъ образомъ богатая и производительная страна можетъ съ теченіемъ времени превратиться въ пустыню.

Малая Азія, Греція, Египетъ, берега Африки были столь населены и столь богаты въ цвѣтущія времена римской имперіи. Что сдѣлалъ съ ними безразсудный деспотизмъ турокъ? Дворцы превратились въ хижины, города—въ бѣдныя селенія. Турецкое правительство, ненавистное каждому мыслящему человѣку, никогда не могло понять той истины, что государство не можетъ богатѣть, если въ немъ не существуетъ уваженія къ собственности, — оно никогда не знало иныхъ средствъ управленія, какъ раззорять своихъ подданныхъ и ввергать ихъ въ невѣжество. Вотъ почему подъ турецкимъ владычествомъ нѣкогда самыя богатыя въ мірѣ страны стали безплодны и почти необитаемы, такъ что въ нихъ не осталось и тѣни прошлаго процвѣтанія. Приписать это бѣдствіе какимъ-либо другимъ отдаленнымъ причинамъ мы не можемъ: конечно, междоусобныя войны, нашествія чужеземныхъ враговъ, естественныя бѣдствія могутъ истощать богатства, уничтожать процвѣтаніе искусствъ и наукъ, разорять города, но съ теченіемъ времени заваленныя гавани вновь очищаются, сообщенія возстановляются, производительность воскресаетъ къ новой жизни, города устраиваются, однимъ словомъ съ теченіемъ времени изглаживаются всѣ опустошенія, если только люди остаются людьми; въ несчастныхъ же странахъ, о которыхъ идетъ рѣчь,—отчаяніе, это медленно наступающее, но неизбѣжное слѣдствіе долговременнаго отсутствія безопасности, задавило въ людяхъ всѣ активныя способности души.

Еслибъ мы стали изслѣдовать исторію распространенія подобнаго бѣдствія, то нашли бы, что оно поражаетъ прежде всего наиболѣе богатую часть общества. Хищеніе обращается прежде всего на довольство, и излишекъ мало-по-малу исчезаетъ. Конечно, несмотря на всѣ препятствія, человѣкъ никогда не перестаетъ заботиться о крайне необходимомъ, но когда его стремленія ограничиваются только средствами къ существованію, государство слабѣетъ и горнило производительности извергаетъ только немногія потухающія искры. Замѣтимъ кромѣ того, что довольство никогда не можетъ быть рѣзко разграничено отъ средствъ къ существованію, и хищеніе, обращающееся на довольство, необходимо посягаетъ и на средства существованія; между тѣмъ какъ одни теряютъ излишекъ, другіе въ тоже время теряютъ необходимое. Система экономическихъ отношеній чрезвычайно сложна, и богатство одной части гражданъ служитъ источникомъ, изъ котораго другая болѣе многочисленная часть черпаетъ необходимое.

Мы можемъ указать также другой примѣръ, не грустный, а радостный и не менѣе поучительный,—примѣръ прогресса безопасности и неразлучнаго его спутника, благосостоянія. Сѣверная Америка представляетъ намъ поразительный контрастъ двухъ состояній: дикаго и цивилизованнаго. Внутренность этой обширной страны есть страшная пустыня: непроходимые лѣса, голыя степи, стоячія воды, вредныя испаренія, ядовитыя пресмыкающіяся,—вотъ что находимъ мы тамъ. Обитающія въ этой пустынѣ варварскія орды не имѣютъ никакихъ осѣдлыхъ жилищъ, не имѣютъ иного занятія, кромѣ преслѣдованія добычи, вѣчно въ непримиримой враждѣ одна съ другой, и если встрѣчаются между собой, то только для того, чтобъ уничтожать другъ друга: тамъ люди страшнѣе для человѣка, чѣмъ дикіе звѣри. Но какую противоположную картину представляетъ намъ пространство, смежное съ этой дикой пустыней! Вы какъ будто однимъ глазомъ окидываете два противоположныя царства: царство добра и царство зла. Рядомъ съ дикой пустыней вы видите воздѣланныя поля, осушенныя болота, луга, пастбища, многочисленныя стада домашнихъ животныхъ, веселыя, здоровыя жилища, города, выстроенные по плану, широкія дороги,—однимъ словомъ здѣсь все говоритъ вамъ, что люди, населяющіе это пространство, не боятся другъ друга, не рѣжутся между собой, а стараются жить ближе другъ къ другу. Вы видите въ гаваняхъ множество судовъ, наполненныхъ всѣми произведеніями земли. Многочисленное населеніе, живущее плодами своихъ трудовъ въ мирномъ довольствѣ, смѣнило здѣсь дикія племена, жившія звѣроловствомъ и вѣчно находившіяся въ необходимости воевать, чтобъ не умереть съ голоду. Какимъ образомъ произошло это чудо? Что могло такъ преобразить эту страну? Что дало здѣсь человѣку господство надъ богатой природой, что сдѣлало его способнымъ такъ усовершенствовать, изукрасить ее?—Б е з о п а с н о с т ь. Она совершила эту великую метаморфозу. И какъ быстро она работала! Едва прошло два столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ Вилльямъ Пеннъ высадился на эти дикіе берега съ колоніей истинныхъ завоевателей,—я говорю истинныхъ, потому что эти завоеватели были мирные люди, которые не запятнали насиліемъ своего новаго обитанія и умѣли заставить уважать себя своими справедливыми и добрыми поступками.

ГЛАВА XI.

Безопасность и равенство. — Ихъ противоположность.

Руководясь великимъ принципомъ безопасности, какъ долженъ поступать законодатель относительно существующей собственности?

Онъ долженъ охранять существующее ея распредѣленіе. Это охраненіе называется правосудіемъ и справедливо признается первой обязанностью законодателя. Таково общее и простое правило, примѣнимое ко всѣмъ государствамъ, соотвѣтствующее всѣмъ самымъ даже противоположнымъ системамъ управленія. Посмотрите, какъ различно распредѣленіе собственности въ Америкѣ, Англіи, Венгріи, Россіи: въ первой странѣ земледѣлецъ есть собственникъ, во второй — фермеръ, въ третьей — прикрѣпленъ къ землѣ, въ четвертой — рабъ. А между тѣмъ верховный принципъ безопасности одинаково требуетъ охраненія существующаго распредѣленія собственности во всѣхъ этихъ государствахъ, несмотря на то, что это распредѣленіе столь различно и производитъ неодинаковую сумму счастія. И въ самомъ дѣлѣ, можете ли вы сдѣлать новое распредѣленіе не отнявъ у кого-нибудь то, чѣмъ онъ владѣетъ? Отнимая собственность у однихъ, не посягнете ли вы вмѣстѣ съ этимъ на безопасность всѣхъ? Предположимъ, что вы установили новое распредѣленіе. Оно неминуемо нарушится и это произойдетъ не далѣе какъ на другой же день. Спрашивается: въ состояніи ли вы будете тогда избѣжать вторичнаго распредѣленія? И потомъ не должны ли вы будете приступить къ исправленію этого вторичнаго распредѣленія? Но что же станетъ тогда съ безопасностью? съ счастіемъ? съ производствомъ?

При столкновеніи между равенствомъ и безопасностью колебаніе невозможно: равенство должно уступить. Безопасность есть основа жизни, существованія, довольства, счастія, — отъ нея все зависитъ. Равенство же производитъ только извѣстную долю счастія. Притомъ, хотя его и можно создать, но оно всегда будетъ несовершенно, и если какъ-нибудь и продержится одинъ день, то на другой же день неминуемо рушится. Установленіе равенства есть химера: возможно только уменьшеніе неравенства.

Когда какія-нибудь необычайныя событія, какъ напр. правительственный переворотъ или завоеваніе, ниспровергаютъ собственность, то это есть, конечно, великое бѣдствіе, но бѣдствіе временное, и поэтому съ

теченіемъ времени смягчается и даже совершенно изглаживается. Производство есть могучее растеніе; оно въ состояніи переносить многочисленныя и тяжкія испытанія, и съ первымъ весеннимъ тепломъ вновь воскресаетъ къ жизни. Но если ниспровергнуть собственность съ той непосредственной цѣлью, чтобъ установить имущественное равенство, то это будетъ зло неисправимое: безопасность, производство, довольство, все исчезнетъ и общество возвратится въ первобытное дикое состояніе.

«Devant eux des cités, derrière eux des deserts.»

Такова исторія фанатиковъ. Если равенство должно существовать сегодня, то оно должно существовать и всегда. Но чтобъ оно существовало всегда, необходимо постоянное повтореніе тѣхъ же самыхъ насилій, которыя его установили, необходимо, чтобъ постоянно существовала цѣлая армія инквизиторовъ и палачей, которые были бы глухи ко всякаго рода искательствамъ, недоступны къ состраданію, безчувственны къ соблазнамъ наслажденія, чужды всякихъ личныхъ разсчетовъ, обладали бы всѣми добродѣтелями, служа такому дѣлу, которое уничтожаетъ всѣ добродѣтели. Для сохраненія равенства, уравнивающая сила должна была бы безостановочно дѣйствовать, постоянно понижая тѣхъ, которые захотѣли бы подняться выше установленнаго уровня. Для этого потребовалось бы съ неусыпной бдительностью возстановлять состояніе расточившихъ свою долю и отнимать у тѣхъ, которые бы ее увеличили трудомъ или заботливостью. При такомъ порядкѣ вещей расточительность стала бы мудростью и только развѣ сумасшедшій могъ бы остаться трудолюбивымъ. Такое установленіе равенства сдѣлалось бы смертельнымъ ядомъ и поразило бы общественную жизнь въ самой ея основѣ. Какъ бы ни былъ жестокъ непріятель, но его мечъ въ тысячу разъ менѣе страшенъ, потому что причиняемое имъ зло есть во всякомъ случаѣ только временное,—оно излечивается временемъ, заглаживается трудомъ.

Мы имѣемъ примѣры, что нѣкоторыя мелкія общества установляли у себя общность имущества. Увеличилось ли отъ этого ихъ счастье? Кроткое побужденіе къ труду, заключающееся въ наградѣ, замѣнилось наказаніемъ; трудъ, столь легкій, когда къ нему побуждаетъ надежда, сталъ искупленіемъ, необходимымъ для избѣжанія вѣчныхъ мукъ. Пока религіозные мотивы были въ силѣ, всѣ работали, но и всѣ роптали. Но какъ только эти мотивы ослабѣвали, общество дѣлилось на два класса: съ одной стороны—невѣжественные фанатики, погрязшіе въ порокахъ, къ какимъ влечетъ несчастное суевѣріе, а съ другой—лѣнивые плуты, которые предавались праздности и жили насчетъ труда обманываемыхъ

ими глупцовъ,—и такимъ образомъ равенство становилось только предлогомъ, прикрывавшимъ хищничество праздности насчетъ труда.

Царство благодушія и согласія, обѣщанное этой системой и обольщавшее столь многіе пылкіе умы, было не болѣе какъ химера, созданная воображеніемъ. При раздѣленіи труда какой мотивъ можетъ дать эта система, чтобъ кто-либо избралъ себѣ болѣе тяжелый трудъ? Кто захочетъ взять на себя непріятную, отвратительную работу? Будетъ ли кто доволенъ своимъ жребіемъ? Не будетъ ли каждый находить, что его доля труда болѣе тяжела, чѣмъ выпавшая его сосѣду? Сколько будетъ при этомъ обмановъ, ухищреній, чтобъ избавиться отъ труда и сложить его на другихъ! А при раздѣленіи имущества есть ли какая возможность удовлетворить всѣхъ, соблюсти всѣ внѣшнія условія равенства, устранить зависть, ссоры, соперничество, предпочтеніе? И кто будетъ разбирать всѣ безчисленные споры, которые при этомъ должны неминуемо возникнуть? Какой карательный снарядъ потребовался бы для того, чтобъ замѣнить свободный выборъ и естественную награду труда? Еслибъ даже цѣлая половина общества взяла на себя управлять другой половиной, то и этого было бы недостаточно. Вотъ почему эта крайне несправедливая и нелѣпая система можетъ держаться только при существованіи политическихъ и религіозныхъ рабовъ, каковыми были илоты въ Лакедемонѣ, индѣйцы въ Парагваѣ. Какое великое изобрѣтеніе законодателей: для водворенія равенства установить двѣ равныя доли, изъ которыхъ одной предоставить всѣ блага, а на другую возложить всѣ страданія!

ГЛАВА XII.

Безопасность и равенство.—Средство къ ихъ примиренію.

Эти два соперника: безопасность и равенство, должны ли находиться между собой въ постоянномъ противорѣчіи, въ вѣчной войнѣ? До извѣстной степени они несогласимы между собой, но при терпѣніи и искусствѣ они могутъ быть постепенно сближены.

Время есть единственный посредникъ между этими противоположными интересами. Если вы хотите руководиться требованіями равенства, не нарушая при этомъ требованій безопасности, то ожидайте, пока естественнымъ образомъ наступитъ моментъ, полагающій конецъ надеждамъ и ожиданіямъ,—моментъ смерти.

Когда собственность остается свободной по случаю смерти собствен-

ника, то законъ можетъ вмѣшаться въ ея распредѣленіе чрезъ ограниченіе свободы завѣщаній съ цѣлью предупредить большое скопленіе собственности въ однихъ рукахъ, или же, въ случаѣ, когда умершій не оставилъ по себѣ жены, или мужа, или родственниковъ по прямой линіи, чрезъ установленіе такого порядка наслѣдованія, который бы споспѣшествовалъ равенству. Такъ какъ при этомъ собственность переходитъ къ новымъ владѣльцамъ, которые не имѣли относительно ея никакихъ ожиданій, то равенство въ ея распредѣленіи будетъ благомъ для всѣхъ, потому что не нарушитъ ничьихъ ожиданій. Мы здѣсь только указываемъ на принципъ: подробно же мы разсмотримъ этотъ предметъ во второй части.

Что же касается до исправленія такого гражданскаго неравенства, какъ рабство, то и въ этомъ случаѣ также необходимо соблюдать уваженіе къ собственности, необходимо дѣйствовать медленно и подвигаться къ достиженію этого второстепеннаго предмета, не жертвуя главнымъ, — безопасностью. Освобождая рабовъ постепенно, безъ нарушенія чьихъ либо правъ, вы сдѣлаете ихъ несравненно болѣе способными пользоваться свободой, чѣмъ еслибъ, вводя ихъ въ новое общественное положеніе, показали имъ при этомъ примѣръ неуваженія къ правамъ.

Мы замѣчаемъ, что у народовъ, у которыхъ земледѣліе, промышленность, торговля находятся въ цвѣтущемъ состояніи, совершается непрерывный прогрессъ къ равенству. Еслибъ законы не противодѣйствовали этому прогрессу, не поддерживали монополій, не задерживали развитія промышленности и торговли, не дозволяли субституцій, то безъ всякихъ усилій, безъ всякихъ насильственныхъ переворотовъ или потрясеній, большія состоянія мало-по-малу дробились бы сами собой и постоянно увеличивалось бы число индивидуумовъ, пользующихся благами умѣреннаго состоянія, потому что таковъ необходимый результатъ противоположныхъ привычекъ, образующихся въ роскоши и въ бѣдности. Живущіе въ роскоши расточительны, тщеславны, хотятъ только наслаждаться и не хотятъ работать; живущіе же въ бѣдности привыкаютъ къ скромному образу жизни, къ лишеніямъ, находятъ удовольствіе въ трудѣ, въ бережливости. Въ этомъ заключается причина перемѣны, происшедшей въ Европѣ съ развитіемъ искусствъ и торговли, несмотря на противодѣйствія закона. Не далеки еще отъ насъ времена феодализма, когда все общество раздѣлялось на два класса: съ одной стороны—нѣсколько большихъ собственниковъ, которые были все, а съ другой—толпа рабовъ, которые были ничто. Феодальныя пирамиды исчезли, понизились, раздробились, и на развалинахъ ихъ трудолюбіе создало новыя общественныя положенія, которыя своей многочисленностью свидѣ-

тельствуютъ о возрастанiи счастiя въ новой цивилизацiи по сравненiю съ прежней. Итакъ, мы можемъ изъ этого вывести то заключенiе, что безопасность, сохраняя свое значенiе, какъ верховный принципъ, косвеннымъ образомъ ведетъ къ равенству, тогда какъ равенство, будучи признано основой общественнаго строя, уничтожаетъ безопасность.

ГЛАВА XIII.

Жертвы безопасностью ради безопасности.

Это заглавiе можетъ съ перваго взгляда показаться загадочнымъ, но смыслъ этой загадки не трудно разгадать.

Необходимо различать идеальное совершенство безопасности и совершенство практически возможное. Это различiе весьма важно. Идеальное совершенство требуетъ, чтобъ ничто никогда ни у кого не отнималось; практическое же совершенство вполнѣ достигнуто, если не отнимается ничего, кромѣ того, что необходимо отнять для сохраненiя остальнаго.

Эта жертва не есть нападенiе на безопасность, а только вычетъ изъ безопасности. Нападенiе есть ударъ непредвидѣнный, зло неисчислимое, дѣйствiе не основанное ни на какихъ твердыхъ принципахъ: оно приводитъ все въ опасность и производитъ общее безпокойство; вычетъ же изъ безопасности есть опредѣленное ея уменьшенiе, правильное, необходимое, ожидаемое: оно производитъ только опредѣленное зло, но не производитъ никакого страха, никакого безпокойства, не устрашаетъ производство. Одна и та же сумма денегъ, смотря по тому, какимъ способомъ будетъ собрана съ народа, можетъ получить то или другое значенiе: или значенiе нападенiя на безопасность, или значенiе вычета изъ безопасности, и сообразно съ этимъ произведетъ въ первомъ случаѣ гибельныя послѣдствiя нарушенiя безопасности, а во второмъ—послѣдствiя благотворныя.

Необходимость вычетовъ изъ безопасности очевидна. Работать и охранять работу,—это два дѣла совершенно различныя и по временамъ совершенно несовмѣстимыя. Поэтому создающiе богатство своимъ трудомъ необходимо должны удѣлять нѣкоторую его часть на удовлетворенiе нуждъ охранителей ихъ труда: богатство можетъ быть охраняемо только на свой собственный счетъ.

Общество, подвергшееся нападенiю внутреннихъ или внѣшнихъ враговъ, можетъ защититься не иначе, какъ насчетъ безопасности, и при-

томъ нетолько насчетъ безопасности нападающихъ, но и насчетъ безопасности защищаемыхъ.

Если встрѣчаются люди, которые не видятъ этой необходимой связи, то это происходитъ по той причинѣ, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, нужды сегодняшняго дня затемняютъ нужды завтрашняго дня. Всякое правительственное дѣйствіе есть въ сущности ничто иное, какъ жертва безопасностью. Наилучшее правительство есть то, въ которомъ цѣна этихъ жертвъ достигаетъ наименьшей величины. Практическое совершенствованіе безопасности состоитъ въ непрерывномъ стремленіи къ достиженію идеальнаго совершенства безопасности, котораго однако оно никогда достигнуть не можетъ.

Я исчислю случаи, въ которыхъ жертва нѣкоторой частью безопасности относительно собственности необходима для сохраненія остальной, бо́льшей части безопасности:

1) Общія государственныя нужды для защиты государства отъ внѣшнихъ враговъ.

2) Общія государственныя нужды для защиты государства противъ внутреннихъ враговъ.

3) Общія государственныя нужды для устраненія физическихъ бѣдствій.

4) Пени съ нарушителей безопасности, какъ наказаніе или какъ средство къ вознагражденію пострадавшихъ отъ нарушенія.

5) Отнятіе у частныхъ лицъ части ихъ собственности для образованія средствъ противодѣйствовать вышеисчисленнымъ бѣдствіямъ чрезъ устройство судовъ, полиціи, войска.

6) Ограниченіе правъ собственности, или ограниченіе пользованія собственностью, съ цѣлью воспрепятствовать собственнику вредить другимъ или самому себѣ [1]).

---

[1]) Право собственности на какой-либо предметъ состоитъ въ правѣ пользоваться предметомъ по своему усмотрѣнію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ родовъ пользованія, которые запрещаются по спеціальнымъ причинамъ. Эти спеціальныя причины могутъ быть подведены подъ три рубрики:

1) Частный вредъ, когда извѣстное пользованіе предметомъ вредно для другаго индивидуума въ имущественномъ или какомъ-либо другомъ отношеніи. Sic utere tuo, ut alium non laedas. Sic utere tuo, ut alienum non laedas.

2) Общественный вредъ, т. е. когда отъ извѣстнаго пользованія истекаетъ вредъ для всего общества .Sic utere tuo, ut rem publicam non laedas.

3) Вредъ самому пользующемуся. Sic utere tuo, ut semet ipsum non laedas.

Этотъ мечъ принадлежитъ мнѣ въ полную собственность, и хотя я въ

ГЛАВА XIV.

Спорные случаи.

Заботы о бѣдныхъ, общественное богослуженіе, развитіе наукъ и искусствъ принадлежатъ ли къ числу государственныхъ нуждъ, которыя слѣдуетъ удовлетворять посредствомъ насильственныхъ сборовъ?

§ 1. *О бѣдности.*

При самой даже высокой степени общественнаго благосостоянія большое число гражданъ, по всей вѣроятности, будетъ имѣть мало другихъ средствъ къ существованію, кромѣ ежедневнаго труда, и слѣдовательно постоянно будетъ близко къ бѣдности, постоянно будетъ находиться въ опасности впасть въ бѣдность вслѣдствіе какого-либо несчастнаго случая, вслѣдствіе торговаго переворота, естественныхъ бѣдствій и особенно вслѣдствіе болѣзней. Дѣти никогда не будутъ имѣть способности добывать средства къ существованію собственнымъ трудомъ,—старость всегда будетъ сопровождаться утратой этой способности. Такимъ образомъ двѣ крайнія грани жизни походятъ одна на другую по своей безпомощности и слабости. Хотя инстинктъ, человѣколюбіе и стыдъ, при содѣйствіи законовъ, обезпечиваютъ дѣтямъ и старикамъ заботу и охрану со стороны ихъ семей, но это обезпеченіе невѣрно: оказывающіе помощь могутъ легко сами очутиться въ такомъ положеніи, что также будутъ нуждаться въ помощи. Многочисленное семейство, живущее въ довольствѣ трудомъ мужа и жены, можетъ ежеминутно лишиться половины своихъ средствъ чрезъ смерть одного изъ супруговъ, или даже утратить все чрезъ смерть обоихъ.

Положеніе стариковъ еще хуже въ этомъ отношеніи, чѣмъ положе-

---

правѣ дѣлать изъ него, по своему усмотрѣнію, тысячу разныхъ употребленій, но я не долженъ употреблять его на то, чтобъ ранить моего сосѣда, или чтобъ разрѣзать платье сосѣда, не долженъ поднимать его въ знакъ возстанія противъ правительства. Если я малолѣтній или сумасшедшій, то могутъ отнять у меня мечъ, чтобы я не сдѣлалъ вреда самому себѣ.

Полное и неограниченное право собственности на какой-либо предметъ равнялось бы праву совершать почти всѣ преступленія. Еслибъ я имѣлъ полное право собственности на эту палку, то я былъ бы въ правѣ употреблять ее, какъ орудіе, чтобъ бить прохожихъ,—въ правѣ былъ бы превратить ее въ скипетръ или въ идола, чтобъ оскорбить національную религію.

ніе дѣтей. Любовь къ нисходящимъ сильнѣе, чѣмъ любовь къ восходящимъ. Чувство благодарности не такъ могущественно, какъ инстинктъ,—слабыя существа, только-что начинающія жить, возбуждаютъ въ насъ надежды, кончающія же жизнь не возбуждаютъ никакихъ надеждъ. Даже когда старость пользуется всѣми возможными удобствами, перемѣна роли благодѣтеля на роль благодѣтельствуемаго сообщаетъ нѣкоторую горечь старческому состоянію, особенно когда вслѣдствіе старости наступаетъ болѣзненная раздражительность, нерѣдко дѣлающая тяжелымъ то, что собственно само по себѣ не заключаетъ въ себѣ ничего тяжелаго.

Эта сторона общества есть самая мрачная изъ всѣхъ. Какъ длиненъ списокъ бѣдствій, которыя сопутствуютъ бѣдности и въ конечномъ результатѣ ведутъ къ смерти въ самыхъ страшныхъ ея видахъ! Бѣдность есть центръ, къ которому въ силу инерціи тяготѣетъ судьба каждаго смертнаго. Только цѣной непрерывныхъ усилій спасается человѣкъ отъ этой бездны, но и всѣ усилія оказываются нерѣдко недостаточными, и намъ нерѣдко случается видѣть, что самые трудолюбивые, самые добродѣтельные, неудержимо увлекаются въ эту бездну или ввергаются въ нее неустранимыми бѣдствіями. Чтобъ положить конецъ этому злу, существуютъ только два средства помимо законовъ: бережливость и добровольныя приношенія.

Еслибъ эти два средства были всегда достаточны, то слѣдовало бы остеречься отъ всякаго вмѣшательства посредствомъ законовъ. Законъ, дающій бѣдности помощь, неусловливаемую трудомъ, есть такъ сказать законъ противъ самого труда, противъ производства, или по крайней мѣрѣ противъ бережливости. Побужденіе къ труду заключается въ нуждахъ настоящаго и въ боязни нуждъ, угрожающихъ въ будущемъ: законъ, устраняющій это побужденіе, будетъ поощреніемъ къ праздности и расточительности. Этотъ упрекъ справедливо дѣлается бо́льшей части учрежденій на пользу бѣдныхъ.

Но оба эти средства недостаточны, чтобъ положить конецъ злу, въ чемъ не трудно убѣдиться.

Разсмотримъ сперва бережливость. Существуетъ многочисленный классъ, который, несмотря на всѣ усилія, не въ состояніи добыть себѣ дневное существованіе, а тѣмъ болѣе не въ состояніи дѣлать какія-либо сбереженія. Другіе могутъ заработывать достаточно для дневнаго своего существованія, но не имѣютъ никакого излишка, который бы могли отложить на необходимое въ будущемъ. Итакъ бережливость возможна только для тѣхъ, которые могутъ заработывать болѣе, чѣмъ сколько нужно для дневнаго существованія. Только этимъ послѣднимъ и могутъ вмѣнить бѣдность въ преступленіе. «Бережливость—могутъ

сказать—есть долгъ. Кто не бережливъ, тѣмъ хуже для него. Можетъ быть, его ждутъ нищета и смерть, но онъ никого въ этомъ винить не можетъ, кромѣ самого себя. Притомъ, постигающее его бѣдствіе не будетъ совершенно безплоднымъ зломъ,—оно послужитъ урокомъ для расточителей. Надъ нимъ исполняется законъ, установленный самой природой. Этотъ законъ не подверженъ, какъ человѣческіе законы, ошибкамъ и несправедливостямъ. Опредѣляемое имъ наказаніе постигаетъ только дѣйствительно виновнаго и само собой въ точности соразмѣряется съ виною.»

Этотъ строгій приговоръ могъ бы быть оправданъ, еслибъ законъ имѣлъ цѣлью мстить; но принципъ пользы осуждаетъ месть, какъ побужденіе нечистое, истекающее изъ антипатіи. Притомъ, какую пользу принесутъ эти бѣдствія, эта безпомощность, на которыя вы, въ вашемъ гнѣвѣ, смотрите какъ на справедливое возмездіе за расточительность? Увѣрены ли вы, что несчастныя жертвы своимъ примѣромъ удержатъ другихъ отъ ошибокъ, которыя ихъ привели къ этому положенію? Утверждать это, значитъ очень мало знать человѣческое сердце. Бѣдствія, смерть нѣсколькихъ расточителей, — если только можно назвать расточителями несчастныхъ, которые не въ состояніи отказать себѣ въ ничтожныхъ наслажденіяхъ, свойственныхъ ихъ общественному положенію, и не научились трудному искусству находить въ размышленіи опору противъ искушеній минуты,—бѣдствія, даже самая смерть этихъ несчастныхъ не послужатъ на поученіе трудящимся классамъ общества. При этихъ бѣдствіяхъ стыдъ обыкновенно побуждаетъ скрывать большую часть подробностей, поэтому бѣдствія эти не имѣютъ достаточной публичности, чтобъ привлекать на себя общее вниманіе, и причина ихъ для бо̀льшей части общества остается неизвѣстной. Наиболѣе нуждающіеся въ подобномъ поученіи съумѣютъ ли понять его надлежащимъ образомъ? въ состояніи ли усмотрѣть, что наступившее бѣдствіе есть послѣдствіе неблагоразумія, а неблагоразуміе есть его причина? Не готовы ли они скорѣе приписать подобное бѣдствіе какимъ-либо непредвидѣннымъ случайностямъ, которыхъ нельзя было отстранить? Вмѣсто того, чтобъ сказать: «вотъ человѣкъ, который самъ виноватъ въ постигшемъ его бѣдствіи, его нищета должна побуждать меня къ непрестанному труду и къ бережливости»,—вмѣсто этого, не готовы ли они скорѣе сказать: «вотъ несчастный, который тщетно трудился, заботился,—вотъ примѣръ тщеты человѣческаго благоразумія»! Конечно, подобное разсужденіе совершенно ошибочно, но возможно ли за ошибку противъ логики, за неправильность въ мышленіи, подвергать столь строгому наказанію людей, которые вынуждены работать болѣе руками, чѣмъ головой?

Притомъ, какое значеніе можетъ имѣть наказаніе, которое угрожаетъ наступить въ отдаленную эпоху жизни, а между тѣмъ для устраненія его требуется отъ человѣка, чтобъ онъ въ другую, раннюю эпоху жизни (т. е. во время своей молодости) преодолѣвалъ самыя настоятельныя свои побужденія? Предполагаемый урокъ не утрачиваетъ ли свою силу вслѣдствіе того, что его примѣнимость такъ отдаленна! И какъ мало сходства между старикомъ и юношей! Какъ мало примѣръ одного дѣйствуетъ на другаго! Мысли о непосредственныхъ благахъ и страданіяхъ занимаютъ почти исключительно всю умственную сферу юноши. Если хотите на него дѣйствовать, представьте ему такой мотивъ, который былъ бы ему близокъ, напр. представьте ему въ перспективѣ женитьбу или какое другое наслажденіе; но совершенно безплодно представлять ему въ перспективѣ наказаніе, которое отдаленно и поэтому находится внѣ его умственнаго горизонта. Дѣло идетъ о поученіи людей, которые мыслятъ мало; но чтобъ извлечь поученіе изъ примѣра бѣдствій, сопровождающихъ недостатокъ трудолюбія и бережливости, надо мыслить много. Какая же польза, спрашиваю я, употреблять относительно наименѣе разсудительнаго класса людей такое политическое средство, которое, по самой природѣ своей, можетъ быть дѣйствительно только по отношенію къ людямъ мудрымъ?

Краткое повтореніе вышесказаннаго. Бережливость недостаточна для устраненія бѣдности. Это очевидно относительно тѣхъ, 1) которые не заработываютъ достаточно для существованія, и 2) которые заработываютъ только крайне необходимое; что же касается до 3-го класса, къ которому принадлежатъ всѣ, не принадлежащіе къ двумъ первымъ, то хотя бережливость сама по себѣ и составляетъ для нихъ достаточное средство противъ бѣдности, но это средство легко дѣлается недостаточнымъ вслѣдствіе несовершенства, свойственнаго человѣческому благоразумію.

Разсмотримъ теперь второе средство противъ бѣдности—добровольныя приношенія. Это средство имѣетъ многія несовершенства:

1) Неопредѣленность. Количество приношеній чрезвычайно измѣнчиво, соотвѣтственно достатку и щедрости лицъ, которыя ихъ дѣлаютъ. Недостаточность приношеній влечетъ за собой нищету и смерть, а излишекъ поощряетъ къ праздности и расточительности.

2) Неравенство тягости. Приношенія падаютъ всей тяжестью на членовъ общества наиболѣе человѣколюбивыхъ и наиболѣе добродѣтельныхъ, и часто совершенно непропорціонально ихъ средствамъ, между тѣмъ какъ алчные клевещутъ на бѣдныхъ, чтобъ придать своему отказу въ приношеніи видъ основательнаго, разумнаго образа дѣйствія. Слѣдо

вательно, такой порядокъ благопріятствуетъ эгоизму и наказываетъ за человѣколюбіе, которое есть первая изъ добродѣтелей.

Я говорю: такой порядокъ наказываетъ человѣколюбіе, потому что, хотя приношенія и называются добровольными, но изъ какого мотива истекаютъ они? Если приношенія дѣлаются не изъ религіознаго или политическаго страха, то мотивъ ихъ—мучительное чувство состраданія, побуждающее насъ къ великодушію. Въ этихъ случаяхъ жертва приносится не ради надежды получить какое-либо удовольствіе, а ради желанія избавиться отъ мучительнаго чувства жалости. Такъ, въ Шотландіи, гдѣ добровольныя приношенія составляютъ единственный способъ вспомоществованія бѣднымъ, замѣчено, что наибольшую помощь бѣднымъ оказываютъ именно тѣ классы общества, которые сами наиболѣе близки къ бѣдности.

3) Неудобства распредѣленія. Если распредѣленіе приношеній предоставлено случайности, какъ напр. раздача милостыни на большой дорогѣ,—если между дѣлающимъ приношеніе и получающимъ его нѣтъ никакого посредника, то въ такомъ случаѣ нетолько остается совершенно неизвѣстнымъ, достаточны ли дѣлаемыя приношенія, но къ этому присоединяется еще другое зло. При такомъ порядкѣ есть ли какая возможность распознать, насколько получающій приношеніе заслуживаетъ оказываемой ему помощи? Лепта бѣдной вдовы не попадетъ ли въ такомъ случаѣ въ руки развратной женщины? Много ли найдется такихъ великодушныхъ людей, которые бы, подобно Сиднею, отклонили живительную влагу отъ своихъ томящихся жаждой устъ и сказали бы: Я могу еще потерпѣть, —помогите прежде тому несчастному, который болѣе нуждается, чѣмъ я. Можно ли не признать, что при такомъ порядкѣ распредѣленія лучшая доля достанется не скромной добродѣтели, не истинной бѣдности, которая часто бываетъ молчалива и стыдлива? При такомъ условіи не будетъ ли успѣхъ и въ этой сферѣ, какъ въ другихъ, на сторонѣ пронырства и интриги? Кто способенъ льстить, лгать, умѣетъ разжалобить, при случаѣ пустить въ ходъ какую-нибудь низость, умѣетъ разнообразить свои обманы, тому и лучшая доля, а добродѣтельный бѣдняга, неспособный къ хитрости, сохранившій честность въ бѣдственномъ своемъ положеніи, ничего не получитъ.

Les vrais talents se taisent et s'enfuient,
Découragés des affronts qu'ils essuient;
Les faux talents sont hardis, effrontés,
Souples, adroits, et jamais rebutés.

Эти слова Вольтера могутъ быть примѣнены и къ бѣдности. При

случайномъ распредѣленіи добровольныхъ приношеній доля человѣка добродѣтельнаго и честнаго рѣдко будетъ равняться долѣ человѣка безстыжаго и льстиваго.

Не лучше ли такой порядокъ, чтобъ добровольныя приношенія вносились въ общій фондъ и потомъ выбранные люди распредѣляли бы этотъ фондъ между нуждающимися? Конечно, этотъ порядокъ гораздо лучше перваго, такъ какъ онъ даетъ возможность разсматривать нужды, оцѣнивать личности нуждающихся и сообразно съ этимъ соразмѣрять оказываемую помощь: но онъ имѣетъ тотъ недостатокъ, что ведетъ къ уменьшенію приношеній. Когда мое приношеніе не идетъ отъ меня прямо въ руки нуждающагося, а проходитъ черезъ руки постороннихъ лицъ, то я самъ, непосредственно, не вижу оказываемаго мною добра, не ощущаю того удовольствія, какое доставляетъ видъ удовлетворенной нужды и сознаніе, что эта нужда удовлетворена мною: при такихъ условіяхъ охлаждается побужденіе дѣлать добро. Приношеніе же прямо въ руки нуждающагося дѣлается именно въ тотъ моментъ, когда человѣкъ тронутъ, когда видъ бѣднаго тронулъ его сердце, и онъ видитъ, что если не поможетъ, то бѣдный останется безъ помощи. Приношеніе, вносимое мною въ общій фондъ, можетъ получить назначеніе, несогласное съ моими желаніями,—оно составляетъ жертву, весьма значительную для меня и для моего семейства, а между тѣмъ само по себѣ оно совершенно ничтожно какъ по сравненію съ общей массой приношеній, такъ и по сравненію съ массой нуждъ, требующихъ удовлетворенія,—богатые должны помогать бѣднымъ: такъ разсуждаютъ многіе. Въ этомъ и заключается причина, почему сборы приношеній, дѣлаемые для такихъ-то именно бѣдныхъ, всегда имѣютъ больше успѣха, чѣмъ сборы, дѣлаемые вообще для всей массы бѣдныхъ. А между тѣмъ этой массѣ необходимо обезпечить постоянную помощь.

Изъ представленныхъ мною замѣчаній, я полагаю, можно вывести, какъ общее правило, что законодатель долженъ установлять правильный сборъ въ пользу бѣдныхъ. Подъ бѣдными слѣдуетъ разумѣть нуждающихся въ необходимомъ. Изъ этого опредѣленія бѣдности слѣдуетъ, что требованія бѣднаго во имя бѣдности должны брать верхъ надъ требованіями во имя собственности со стороны собственника, имѣющаго излишекъ. Смерть бѣднаго вслѣдствіе безпомощности есть всегда зло болѣе важное, чѣмъ невыполненіе ожиданій собственника чрезъ отнятіе у него части его излишка [1]).

---

[1]) Собственникъ, зная напередъ, что обязанъ удѣлять въ пользу бѣдныхъ, не будетъ подвергаться невыполненію своихъ ожиданій, и это зло замѣнится

Что же касается размѣра обязательныхъ приношеній, то онъ не долженъ превышать того, что̀ нужно для доставленія бѣднымъ предметовъ первой необходимости. Превысить этотъ размѣръ значило бы наложить пеню на трудолюбіе въ пользу праздности. Учрежденія, дающія болѣе, чѣмъ необходимое, хороши, когда поддерживаются частными лицами, потому что могутъ производить распредѣленіе помощи съ должной осмотрительностью и употреблять свои средства на вспомоществованіе опредѣленнымъ классамъ бѣдныхъ.

Подробности относительно взиманія обязательныхъ приношеній въ пользу бѣдныхъ и относительно распредѣленія ихъ между бѣдными принадлежатъ политической экономіи, также какъ и вопросъ о способахъ поощрять низшіе классы общества къ бережливости и предусмотрительности. Есть много поучительныхъ сочиненій объ этомъ интересномъ предметѣ, но нѣтъ такого трактата, который бы обнималъ вполнѣ весь вопросъ [1]). Такой трактатъ долженъ былъ бы начать съ теоріи бѣдности, т. е. съ классификаціи бѣдныхъ и съ классификаціи причинъ, производящихъ бѣдность, и потомъ указать соотвѣтственныя мѣры предотвращенія и врачеванія.

§ 2. *О расходахъ на общественное богослуженіе.*

Если смотрѣть на служителей религіи какъ на лица, облеченныя обязанностью заботиться о сохраненіи одной изъ санкцій нравственности (религіозной санкціи), въ такомъ случаѣ расходы на ихъ содержаніе должны быть отнесены къ одному разряду съ расходомъ на содержаніе полиціи, судовъ, на обезпеченіе внутренней безопасности. Они будутъ въ такомъ случаѣ блюстители и учители нравственности, составляющіе, такъ сказать, авангардъ закона: противъ преступленій они безсильны, но ихъ назначеніе—бороться противъ пороковъ, которыми порождаются преступленія, поддерживать въ обществѣ добрые нравы, духъ подчиненности, и такимъ образомъ предотвращать случаи, дѣлающіе необходимымъ вмѣшательство власти. Приносимая ими польза будетъ еще очевиднѣе, если имъ будетъ поручено исполненіе всѣхъ тѣхъ обязан-

---

другимъ, нѣсколько различающимся отъ него по самой своей природѣ и менѣе значительнымъ. Б.

[1]) Въ 1797 г. Бентамъ написалъ письмо объ этомъ предметѣ къ Артуру Юнгу. Оно было напечатано въ земледѣльческомъ журналѣ, который тогда издавалъ Артуръ Юнгъ, и потомъ было переведено на французскій языкъ подъ заглавіемъ: «Esquisse d'un ouvrage en faveur des pauvres.»

постей, которыя могутъ быть на нихъ возложены соотвѣтственно ихъ званію, какъ напр. воспитаніе низшихъ классовъ, обнародованіе законовъ, совершеніе различныхъ публичныхъ актовъ. Чѣмъ многочисленнѣе будутъ дѣйствительныя услуги, оказываемыя ими государству, тѣмъ менѣе будутъ они наклонны увлекаться болѣзненной страстью къ догматическимъ словопреніямъ, которая порождается желаніемъ отличиться и невозможностью дѣлать что либо дѣйствительно полезное. Направьте ихъ дѣятельность и честолюбіе на полезныя цѣли, и черезъ это вы помѣшаете имъ быть вредными.

При такомъ порядкѣ даже члены общества, не признающіе основъ религіозной санкціи, не будутъ вправѣ роптать на то, что ихъ заставляютъ участвовать въ расходахъ на содержаніе служителей религіи, такъ какъ они будутъ участвовать въ приносимой ими пользѣ.

Но когда въ государствѣ не одна, а много различныхъ религій, и законодатель не стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ какимъ-либо уже установившимся порядкомъ или какими-нибудь особыми соображеніями, въ такомъ случаѣ было бы болѣе сообразно съ требованіями свободы и равенства, чтобы каждая религіозная община несла на себѣ расходы на свою церковь. Правда, можно опасаться, что при такомъ порядкѣ духовенство заразится духомъ прозелитизма; но очень вѣроятно также, что при этомъ между служителями различныхъ религій возникнетъ полезное соревнованіе,—они взаимно ограничатъ свое вліяніе и установятъ нѣкотораго рода равновѣсіе въ религіозныхъ стремленіяхъ, которыя сами по себѣ способны порождать столь опасныя бури.

Представимъ себѣ такой крайне прискорбный порядокъ вещей: законодатель запрещаетъ народу открыто исповѣдывать свою религію и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляетъ его нести расходы на содержаніе другой религіи, которую онъ считаетъ врагомъ своей собственной [1]). Это было бы двойнымъ нарушеніемъ безопасности. При такомъ порядкѣ въ народѣ образовалось бы чувство ненависти къ своему правительству, желаніе низвергнуть существующій порядокъ, фанатическое мужество, глубокая скрытность. Не имѣя свободы открыто исповѣдывать свою вѣру, будучи лишенъ возможности имѣть явныхъ руководителей, народъ подпалъ бы подъ вліяніе тайныхъ руководителей, невѣжественныхъ и фанатическихъ; его религія стала бы для него школой заговора; присяга, вмѣсто того, чтобъ служить охраной государству, стала бы страш-

[1]) Такой порядокъ вещей не есть только воображаемый, — мы находимъ его въ Ирландіи. Б

нымъ орудіемъ противъ государства: вмѣсто того, чтобъ скрѣплять узы гражданъ съ правительствомъ, она бы скрѣпляла между собой гражданъ противъ правительства. Народъ, находящійся въ такомъ положеніи, былъ бы одинаково страшенъ для правительства какъ своими добродѣтелями, такъ и своими пороками.

§ 3.—*О развитіи наукъ и искусствъ.*

Я намѣренъ говорить не о тѣхъ наукахъ и искусствахъ, которыя могутъ быть названы полезными: никто не сомнѣвается въ томъ, что общеполезные предметы должны быть содержимы на общій счетъ.

Но должны ли существовать принудительные сборы на поощреніе изящныхъ искусствъ, на украшеніе страны, на сооруженіе великолѣпныхъ зданій, на предметы украшенія или удовольствія, однимъ словомъ на предметы роскоши? Можетъ ли быть оправдано взиманіе налога съ этой цѣлью?

Я не намѣренъ ни излагать здѣсь защиту пріятнаго противъ полезнаго [1]), ни оправдывать обираніе народа для придворныхъ пиршествъ или для содержанія шутовъ, но нѣкоторыя основанія могутъ быть представлены въ пользу этого налога:

1) Расходъ на означенные предметы изящной роскоши обыкновенно бываетъ и не можетъ не быть весьма незначителенъ по сравненію со всей массой принудительныхъ сборовъ. Если каждому возвратить приходящуюся на него долю этого расхода, то не будетъ ли эта доля совершенно ничтожна?

2) Этотъ излишній налогъ сливается, при взиманіи, съ массой налоговъ, назначаемыхъ на предметы необходимые, и вслѣдствіе этого дѣлается неощутимъ: взиманіе его не производитъ на платящаго никакого особаго впечатлѣнія, которое могло бы породить ропотъ. Такимъ образомъ то, что само по себѣ составляетъ первостепенное зло, ограничиваясь ничтожнымъ размѣромъ, не причиняетъ даже и второстепеннаго зла.

---

[1]) Я не хочу этимъ сказать, чтобъ дѣйствительно существовала противоположность между полезнымъ и пріятнымъ: все, доставляющее удовольствіе, полезно, но на обыкновеннымъ языкѣ полезнымъ исключительно называется только то, что имѣетъ отдаленную полезность, пріятнымъ же то, что имѣетъ непосредственную полезность или ограничивается только ощущаемымъ въ данную минуту удовольствіемъ. Очень многіе предметы, которыхъ полезность отрицается, имѣютъ болѣе несомнѣнную полезность, чѣмъ тѣ, которымъ обыкновенно присвоивается этотъ эпитетъ. Б.

3) Расходъ на предметы удовольствія можетъ приносить ощутительную пользу: удовольствія могутъ привлечь иностранцевъ, которые будутъ расходовать въ странѣ свои доходы, и такимъ образомъ другіе народы могутъ мало-по-малу сдѣлаться данниками того народа, у котораго въ рукахъ скипетръ моды. Страна, богатая удовольствіями, можетъ быть разсматриваема какъ большой театръ, который отчасти содержится на счетъ зрителей, стекающихся въ него со всѣхъ сторонъ.

Можетъ также случиться, что превосходство народа въ предметахъ удовольствія, въ литературѣ и вкусѣ, пріобрѣтетъ ему расположеніе другихъ народовъ. Аѳины неоднократно обязаны были своимъ спасеніемъ чувству уваженія къ ихъ цивилизаціи. Ореолъ славы, озарявшій это отечество изящныхъ искусствъ, долгое время скрывалъ слабость государства. Весь міръ, за исключеніемъ варваровъ, принималъ къ сердцу сохраненіе города, который былъ центромъ просвѣщенія и умственныхъ наслажденій.

Но, несмотря на все это, нельзя однако не признать, что этотъ соблазнительный расходъ можетъ быть безъ всякой опасности ограниченъ добровольными приношеніями. Во всякомъ случаѣ необходимо, по крайней мѣрѣ, удовлетворить сначала все существенно необходимое, и только тогда уже позволять себѣ расходы на предметы удовольствія. Надо прежде удовлетворить общія нужды,—вознаградить отдѣльныя лица за убытки, понесенные ими вслѣдствіе войны, вслѣдствіе преступленій или какихъ-либо физическихъ бѣдствій,—оказать должную помощь бѣднымъ, и только тогда дозволительно дѣлать расходы на актеровъ, художниковъ, архитекторовъ: предпочтеніе же предметовъ удовольствія предметамъ необходимости не можетъ быть оправдано.

Такое предпочтеніе совершенно противно даже интересамъ и самихъ государей, потому что неизбѣжно вызываетъ упреки, и эти упреки всегда бываютъ преувеличены, потому что для нихъ не требуется ума, а нужны только страсти и расположеніе ихъ дѣлать. Всѣмъ хорошо извѣстно, какъ часто въ наше время пользовались подобными случаями для возбужденія народовъ противъ государей. Но хотя, повидимому, все способствуетъ тому, чтобъ завлекать государей въ заблужденіе на этотъ счетъ, впадали ли они когда-нибудь въ такія крайности относительно роскоши удовольствій, въ какія впадали многія республики? Аѳины, въ эпоху самыхъ великихъ опасностей, не обращая вниманія ни на краснорѣчіе Демосѳена, ни на угрозы Филиппа, увлекались удовольствіями, которыя составляли для нихъ потребность болѣе настоятельную, чѣмъ охраненіе независимости, болѣе существенную, чѣмъ сохраненіе свободы. Употребить на что-либо другое, хотя бы даже къ

явной пользѣ государства, тѣ суммы, которыя были предназначены на содержаніе театровъ, считалось въ Аѳинахъ величайшимъ государственнымъ преступленіемъ. А въ Римѣ развѣ страсть къ зрѣлищамъ не доходила до безумія? Чтобъ пріобрѣсть расположеніе царя-народа, необходимо было расточать на его забавы богатства цѣлаго міра, необходимо было грабить для этого цѣлые народы. Ужасъ распространялся въ цѣлой странѣ, когда приходила вѣсть, что ея проконсулъ готовится дать праздникъ въ Римѣ: одинъ часъ представленій въ циркѣ повергалъ въ отчаяніе сотни тысячъ жителей провинцій.

ГЛАВА XV.

Примѣры нарушенія безопасности.

Не безполезно будетъ привести нѣсколько примѣровъ того, что̀ я разумѣю подъ нарушеніемъ безопасности. Эти примѣры разъяснятъ принципъ и покажутъ, что признаваемое несправедливымъ въ нравственности не можетъ быть невинно въ политикѣ. Часто бываетъ, что подъ однимъ названіемъ дозволяютъ то, что̀ подъ другимъ названіемъ вызываетъ строгое осужденіе.

Не могу воздержаться, чтобъ не указать здѣсь на дурныя послѣдствія одной отрасли классическаго образованія. Изучая исторію римскаго народа, юноши съ раннихъ лѣтъ привыкаютъ къ актамъ общественной несправедливости, которые сами по себѣ вопіющи, но всегда прикрыты благовидными предлогами и всегда сопровождаются пышными выхваленіями римскихъ доблестей. Уничтоженіе долговъ играетъ важную роль въ первыя времена республики. Удаленіе народа на Авентинскую гору принудило Сенатъ наложить руку на права кредиторовъ. Разсказывая это событіе, историкъ возбуждаетъ въ насъ сочувствіе къ несостоятельнымъ должникамъ, которые отдѣлываются отъ долговъ банкротствомъ, и внушаетъ намъ ненависть къ тѣмъ, которые были такимъ образомъ ограблены. Какая цѣль была достигнута этой несправедливостью? Ростовщичество, послужившее предлогомъ къ этому грабежу, на другой же день появилось въ размѣрахъ еще бо̀льшихъ: чрезмѣрная величина роста была ни что иное, какъ плата за рискъ, а рискъ былъ великъ вслѣдствіе непрочности обязательствъ. Римская колонизація превозносится въ исторіи, какъ дѣло великой политической мудрости, а между тѣмъ эта колонизація была всегда ни что иное, какъ ограбленіе въ завоеванной странѣ одной части законныхъ собственни-

ковъ для раздачи ихъ собственности другимъ. Такое пользованіе имуществомъ, столь жестокое въ непосредственныхъ своихъ проявленіяхъ, было также бѣдственно и по своимъ послѣдствіямъ. Римляне, привыкши нарушать всѣ права собственности, не знали больше, гдѣ остановиться на этомъ пути. Вслѣдствіе этого, тамъ постоянно возникали новыя требованія раздѣла земель, — эти требованія вѣчно служили поводомъ къ возмущеніямъ и при тріумвирахъ привели къ страшной системѣ конфискацій.

Исторія греческихъ республикъ наполнена подобными же фактами, и эти факты вѣчно прикрыты благовидными предлогами, разсчитанными на то, чтобы вводить въ заблужденіе поверхностные умы. Сколько фальши въ разсужденіяхъ о знаменитомъ раздѣлѣ земель, которое Ликургъ положилъ въ основу воинственнаго учрежденія, гдѣ, въ довершеніе самаго вопіющаго неравенства, всѣ права были на одной сторонѣ, а на другой было полное рабство [1]).

Нарушенія безопасности находятъ себѣ присяжныхъ защитниковъ только тогда, когда идетъ рѣчь о Римлянахъ, но къ нимъ не имѣютъ такого снисхожденія, когда идетъ рѣчь о монархахъ Востока. Деспотизмъ одного лица не имѣетъ ничего привлекательнаго, потому что имъ очевидно пользуется только одно лицо: тутъ милліонъ шансовъ пострадать отъ деспотизма на одинъ шансъ имъ воспользоваться. Деспотизмъ же массы ослѣпляетъ слабые умы ложнымъ представленіемъ общественнаго блага,—люди склонны въ воображеніи причислять себя къ большинству, которое повелѣваетъ, а не къ меньшинству, которое подчиняется и страждетъ. Оставимъ же въ покоѣ султановъ и визирей! Ихъ несправедливости не будутъ прикрыты лестью историковъ: ихъ дурная слава служитъ противоядіемъ подаваемымъ ими примѣрамъ.

По этой же причинѣ мы не находимъ нужнымъ останавливаться на подобныхъ нарушеніяхъ безопасности, какъ напр. національное банкротство. Замѣтимъ только мимоходомъ одно изъ послѣдствій вѣрности обязательствамъ, которое относится къ власти государей. Въ Англіи со времени революціи государственныя обязательства всегда свято исполнялись. Поэтому частныя лица, имѣвшія дѣло съ правительствомъ, не требовали

---

[1]) Повидимому, изъ всѣхъ Ликурговыхъ учрежденій раздѣленіе земель встрѣтило наименѣе препятствія. Этотъ странный фактъ можетъ быть объясненъ только предположеніемъ, что вслѣдствіе долгой анархіи собственность утратила почти всякую цѣну; даже богатый выигрывалъ при этомъ раздѣлѣ, потому что вѣрное обладаніе десятью акрами было для него цѣннѣе, чѣмъ невѣрное обладаніе тысячью. Б.

другихъ обезпеченій, кромѣ залога государственныхъ доходовъ, а самый сборъ доходовъ всегда оставался въ рукахъ королей. Во Французской же монархіи нарушенія государственныхъ обязательствъ были столь часты, что тамъ частныя лица, оказывая довѣріе правительству, имѣли обыкновеніе брать на себя взиманіе налоговъ и такимъ образомъ сами себѣ выплачивали. Такое вмѣшательство со стороны частныхъ лицъ во взиманіе налоговъ было тягостно для народа; частныя лица не имѣли никакого интереса щадить народъ и тѣмъ менѣе короля, и лишали послѣдняго любви народной. Государственные кредиторы, приходя въ страхъ отъ государственнаго дефицита, были въ Англіи заинтересованы въ поддержаніи правительства, а во Франціи они желали переворота. Они думали, что обезпечатъ себя, отнявъ у государя распоряженіе финансами и передавъ распоряженіе ими народному собранію. Мы знаемъ по послѣдствіямъ, насколько были основательны эти надежды. Не менѣе замѣчательно также то обстоятельство, что главная причина паденія французской монархіи, казавшейся несокрушимою, заключалась именно въ недовѣріи, возникшемъ вслѣдствіе частаго нарушенія ею своихъ обязательствъ.

Можно указать множество примѣровъ нарушенія безопасности по невѣдѣнію, неразумію или заблужденію. Мы ограничимся нѣсколькими примѣрами:

1. Къ числу такихъ нарушеній можно отнести всѣ дурные налоги, напр. налоги, неравномѣрно распредѣленные, которые щадятъ богатыхъ въ ущербъ бѣднымъ. Въ этихъ случаяхъ зло усиливается сознаніемъ платящихъ, что съ ними поступаютъ несправедливо, заставляя ихъ платить болѣе, чѣмъ сколько они платили бы, еслибъ другіе заинтересованные были обложены пропорціонально съ ними; —

Барщина, составляющая крайнюю степень неравенства, потому что падаетъ на тѣхъ, которые кромѣ рукъ ничего не имѣютъ; —

Налоги, не имѣющіе прочной платежной основы, напр. налогъ на лица, которыя могутъ не имѣть чѣмъ платить. Зло въ этомъ случаѣ принимаетъ особый характеръ. Нищета освобождаетъ отъ налога, но ведетъ за собой зло еще худшее, и неудобства налога замѣняются для бѣднаго страданіями отъ лишеній. Вотъ почему поголовный налогъ такъ дуренъ: изъ того, что у человѣка есть голова, еще не слѣдуетъ, чтобъ онъ имѣлъ что-нибудь; —

Налоги, препятствующіе развитію торговли, — монополіи, цѣхи. Правильный способъ оцѣнки этихъ налоговъ требуетъ, чтобы принималось во вниманіе не количество сбора, а количество пріобрѣтеній, которымъ они препятствуютъ чрезъ затрудненіе промышленной дѣятельности; —

Налоги на предметы первой необходимости. Они могутъ быть причиной физическихъ лишеній, болѣзней и даже смерти, между тѣмъ какъ этого никто не замѣчаетъ: въ этомъ случаѣ страданія, причиняемыя заблужденіемъ правительства, сливаются съ неустранимыми естественными бѣдствіями;—

Налоги съ продажи земель. Говоря вообще, продажа земли предполагаетъ, что продающій нуждается, слѣдовательно налогъ съ этой продажи есть пеня съ несчастнаго, подвергшагося нуждѣ;—

Налоги съ публичныхъ продажъ, съ имуществъ, продаваемыхъ съ аукціона. Здѣсь ясно, что продающій терпитъ нужду и даже большую нужду: несправедливость налога очевидна;—

Налоги съ производства дѣлъ въ судахъ. Въ нихъ совмѣщаются всѣ роды нарушеній безопасности, такъ какъ они въ сущности равняются отказу въ покровительствѣ законовъ тѣмъ, кто не въ состояніи платить за это покровительство. Слѣдовательно они даютъ преступленію надежду на безнаказанность: преступникъ можетъ избѣжать наказанія, совершая преступленія надъ такими лицами, которыя не въ состояніи сдѣлать затраты, требующейся для веденія дѣла въ судѣ, или не могутъ подвергать себя имущественному риску, сопряженному съ судебной процедурой.

2. Насильственное увеличеніе цѣны денегъ есть особый родъ нарушенія безопасности. Оно есть банкротство, потому что насильно увеличить цѣну денегъ значитъ заплатить не все, что́ долженъ; оно есть вмѣстѣ и банкротство и обманъ, потому что при этомъ неполная уплата долга принимаетъ видъ полной уплаты, и притомъ обманъ весьма неискусный, потому что никого не обманываетъ. Оно есть также пропорціональное уменьшеніе и частныхъ долговъ, потому что фискъ, грабя такимъ образомъ своихъ кредиторовъ, узакониваетъ чрезъ это грабежъ частными лицами ихъ кредиторовъ, и это безъ всякой пользы для государственнаго казначейства. Подобная операція не только ослабляетъ довѣріе, разоряетъ честныхъ гражданъ, обогащаетъ мошенниковъ, разстраиваетъ торговлю, нарушаетъ систему налоговъ, причиняетъ тысячи бѣдствій частнымъ лицамъ, но и не приноситъ ни малѣйшей выгоды правительству, которое позоритъ себя такимъ поступкомъ, потому что при этомъ происходитъ пропорціональное измѣненіе какъ въ расходахъ, такъ и въ доходахъ государства.

3. Насильственное пониженіе величины роста. Съ точки зрѣнія политической экономіи, пониженіе роста закономъ вредно для общественнаго богатства, потому что оно равняется запрещенію выгодъ, привлекающихъ иностранные капиталы, и въ такихъ случаяхъ равняется.

запрещенію новыхъ отраслей торговли, и даже старыхъ отраслей, если установленная закономъ величина роста не вознаграждаетъ достаточно риска капиталистовъ.

Съ точки же зрѣнія безопасности, насильственно понизить ростъ значитъ отнять у заимодавцевъ часть ихъ имущества и отдать заемщикамъ. Предположимъ, что ростъ пониженъ на пятую часть: не все ли это будетъ равно, какъ еслибъ разбойники ежегодно отнимали у заимодавцевъ пятую часть ихъ имущества.

Если законодатель разъ нашелъ возможнымъ отнять у одного класса гражданъ пятую часть ихъ дохода, то какая же причина ограничиваться ему этой пятой частью, — почему же не взять ему еще другую пятую часть, а потомъ еще другую. Если первое пониженіе роста цѣлесообразно, то одинаково цѣлесообразно будетъ и дальнѣйшее его пониженіе; если мѣра хороша въ первомъ случаѣ, то почему же она будетъ дурна, если повторить ее въ другой, или въ третій разъ? Чтобъ остановиться, надо имѣть для этого достаточное основаніе; но чтобъ остановиться въ дальнѣйшемъ пониженіи роста, законодатель не имѣетъ другаго основанія, кромѣ того, которое достаточно, чтобъ удержать его и отъ перваго пониженія.

Насильственное пониженіе роста походитъ на то, какъ еслибъ понизили поземельную ренту на томъ основаніи, что землевладѣльцы — безполезные потребители, а фермеры—производительные работники.

Если вы колеблете принципъ безопасности относительно одного класса гражданъ, то этимъ самымъ вы колеблете его и относительно всѣхъ; тутъ всѣ солидарны между собой.

4. Общія конфискаціи. Я отношу сюда тѣ преслѣдованія какой нибудь секты, партіи, класса гражданъ, подъ неопредѣленнымъ предлогомъ какихъ-либо политическихъ преступленій, когда на имущество преслѣдуемыхъ налагается конфискація подъ видомъ наказанія за преступленіе, тогда какъ въ дѣйствительности само преступленіе есть измышленный предлогъ для конфискаціи. Исторія представляетъ много примѣровъ подобнаго грабительства. Евреи часто этому подвергались: они были слишкомъ богаты, чтобъ не быть вѣчно виноватыми. По той же причинѣ банкиры, откупщики государственныхъ доходовъ, подвергались такъ называемымъ chambres ardentes. Когда престолонаслѣдіе не было твердо установлено, то со смертію государя каждый былъ въ опасности сдѣлаться преступникомъ и ограбленіе побѣжденныхъ служило наслѣднику престола источникомъ для награжденія своихъ приверженцевъ. Въ республикѣ, раздираемой партіями, одна половина гражданъ—бунтовщики въ глазахъ другой половины, и если къ этому присоединяется система

конфискацій, то партіи попеременно пожирають другъ друга, какъ мы видимъ тому примѣры въ Римѣ.

Преступленія сильныхъ, и особенно преступленія народной партіи въ демократіяхъ, всегда находили себѣ апологистовъ. «Всѣ эти большія состоянія—такъ обыкновенно говорятъ эти апологисты—пріобрѣтены несправедливымъ образомъ, и нѣтъ ничего несправедливаго возвратить обратно обществу то, что было у него похищено». Разсуждать такимъ образомъ значитъ снять съ тиранніи всякую узду, значитъ дозволить тиранніи преслѣдовать преступленія не доказанныя, а только предполагаемыя. При такой логикѣ нельзя быть въ одно время и богатымъ и невиннымъ. Можно ли такое тяжелое наказаніе, какъ конфискація, налагать гуртомъ, безъ доказательствъ преступности, безъ подробнаго изслѣдованія относительно каждаго индивидуума? Образъ дѣйствія, признаваемый вопіющимъ, когда примѣняется къ одному лицу, можетъ ли быть признанъ справедливымъ, когда примѣняется къ цѣлому классу гражданъ? Можно ли зло оставлять безъ вниманія, потому что страждущихъ много и вопли отдѣльныхъ лицъ теряются въ шумѣ общаго крушенія? Отнять состояніе у богатыхъ собственниковъ подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ предки пріобрѣли себѣ богатство несправедливыми средствами, не все ли это равно, какъ еслибъ стали бомбардировать городъ по подозрѣнію, что въ немъ находится нѣсколько воровъ?

5. *Уничтоженіе монашескихъ орденовъ и монастырей.* Декретъ объ ихъ уничтоженіи былъ подписанъ самимъ разумомъ, но не слѣдовало предоставлять исполненіе этого декрета предразсудку и алчности. Достаточно было бы запретить этимъ обществамъ принимать въ свою среду новыхъ членовъ. Такимъ образомъ они постепенно уничтожились бы сами собой и отдѣльныя личности при этомъ не пострадали бы. Монастырскія имущества, по мѣрѣ освобожденія отъ прежняго назначенія, могли бы быть употребляемы на полезныя цѣли. Философія привѣтствовала бы рукоплесканіями такой образъ дѣйствія, превосходный и по принципу, и по исполненію. Но не такъ дѣйствовала алчность: она не любитъ медлить. Уничтоженіе монастырей совершалось такимъ порядкомъ, какъ будто государи хотѣли наказать частныхъ лицъ за зло, причиненное монастырями. Вмѣсто того, чтобъ смотрѣть на членовъ уничтожаемыхъ монастырскихъ общинъ, какъ на сиротъ или инвалидовъ, они смотрѣли на нихъ, какъ на враговъ, которымъ оказываютъ благодѣяніе, если, отнимая у нихъ роскошь, оставляютъ имъ крайне необходимое.

6. *Уничтоженіе мѣстъ и пансіоновъ безъ вознагражденія лицъ, которыя ими владѣли.* Этотъ родъ нарушенія безопасности заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что обыкновенно не только не по-

рицается, какъ несправедливость, но часто даже восхваляется какъ актъ, свидѣтельствующій о заботливости и бережливости правительства. Зависть всегда рада случаю надѣть на себя маску общественной пользы: но общественная польза требуетъ только уничтоженія безполезныхъ мѣстъ,—она не требуетъ бѣдствія частныхъ лицъ, занимающихъ мѣста, подлежащія уничтоженію.

Принципъ безопасности требуетъ, чтобы всякая реформа сопровождалась полнымъ вознагражденіемъ терпящихъ отъ нея. Единственная имущественная выгода, которая можетъ быть законно извлекаема изъ реформы, состоитъ въ превращеніи постояннаго расхода во временный. Не скажутъ ли, что прямое уничтоженіе мѣстъ, подлежащихъ уничтоженію, будетъ чистымъ выигрышемъ для общества? Но это—софизмъ. Сумма, расходовавшаяся на содержаніе уничтоженныхъ мѣстъ, была бы, безъ сомнѣнія, чистымъ выигрышемъ, еслибы приходила извнѣ, еслибы пріобрѣталась торговлей, и пр.; но она не есть выигрышъ для общества, потому что не приходитъ извнѣ, а отнимается обществомъ у своихъ же членовъ. Сдѣлается ли семейство богаче оттого, если отецъ отниметъ все у одного изъ своихъ дѣтей, чтобы потомъ лучше одарить другихъ? Впрочемъ, въ этомъ случаѣ отнятіе состоянія у одного изъ сыновей увеличитъ наслѣдство братьевъ, слѣдовательно зло будетъ не совсѣмъ безплодно: оно произведетъ нѣкоторую долю добра. Выгода же отъ уничтоженнаго мѣста распредѣлится между всѣми членами общества, тогда какъ потеря обрушится на одно лицо. Такимъ образомъ выгода раздробится на неощутимо мелкія части, потеря же останется на одномъ лицѣ. Слѣдовательно въ результатѣ выигрывающіе отъ подобной операціи нисколько не обогатятся, а только обѣднѣетъ тотъ, кто теряетъ. Предположимъ, что вы уничтожите не одно мѣсто, а тысячу мѣстъ, десять тысячъ, сто тысячъ. Отнятое у тысячи индивидуумовъ распредѣлится между милліонами, и предъ вами будетъ много несчастныхъ гражданъ, которыхъ вы ввергли въ бѣдность, но едва ли будетъ даже одинъ, который черезъ это сколько нибудь значительно обогатится. Васъ оглушатъ со всѣхъ сторонъ жалобные вопли и крики отчаянія, и если вы услышите при этомъ крикъ радости, то это будетъ не выраженіе счастія, а выраженіе антипатіи, радующейся бѣдствію своихъ жертвъ. Министры королей и народовъ! Не бѣдствіемъ частныхъ лицъ можете вы создать счастіе народовъ: алтарь общественнаго блага точно также не требуетъ варварскихъ жертвъ, какъ и алтарь божества.

Я не могу еще оставить этотъ предметъ: для полнаго установленія принципа безопасности мнѣ представляется необходимымъ прослѣдить заблужденіе во всѣхъ его убѣжищахъ.

Какимъ образомъ индивидуумы вводятъ самихъ себя или другихъ въ заблужденіе относительно этой великой несправедливости? Они прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ пышнымъ фразамъ, въ которыхъ истина смѣшивается съ ложью и въ которыхъ вопросъ, самъ по себѣ столь простой, облекается въ политическую таинственность и принимаетъ видъ, какъ будто имѣетъ особенно глубокое значеніе; «интересъ личный, — такъ говорятъ обыкновенно, — долженъ уступать общественному интересу» Но что это значитъ? Развѣ каждый индивидуумъ не есть такая же часть общества, какъ и всякій другой? Общественный интересъ есть только абстрактное выраженіе: онъ есть ничто иное, какъ совокупность частныхъ интересовъ. Надобно брать въ разсчетъ интересы всѣхъ индивидуумовъ, а не слѣдуетъ принимать во вниманіе только интересы нѣкоторыхъ, а интересы остальныхъ считать за ничто. Если вы признаете справедливымъ пожертвовать интересомъ одного индивидуума для увеличенія довольства другихъ, то вы не можете въ такомъ случаѣ не признать, что поступите еще лучше, если не ограничитесь однимъ индивидуумомъ, а поступите такимъ же образомъ и относительно интересовъ другаго индивидуума, третьяго, сотаго, тысячнаго. Тутъ нельзя указать никакого предѣла, потому что какъ бы ни было велико число индивидуумовъ, интересами которыхъ вы пожертвовали, для васъ всегда будетъ существовать то же основаніе для подобнаго образа дѣйствія. Однимъ словомъ: *или интересъ перваго ненарушимъ, или нарушимъ интересъ каждаго.*

Индивидуальные интересы суть единственные дѣйствительно существующіе интересы. Заботьтесь объ индивидуумахъ, никогда не обижайте ихъ, не позволяйте никому ихъ обижать, и вы сдѣлаете довольно для общества. Возможно ли, чтобъ могли быть такіе нелѣпые люди, которые бы любили потомство больше, чѣмъ существующее поколѣніе, предпочитали бы человѣка, еще не существующаго, человѣку уже существующему, мучили бы живыхъ подъ предлогомъ содѣйствовать счастію тѣхъ, которые еще не родились и, можетъ быть, никогда не родятся?

Во множествѣ случаевъ люди, страдавшіе отъ законовъ, не осмѣливались громко высказывать свои страданія, а если и осмѣливались, то ихъ не слушали: причиною этому — темное, фальшивое понятіе, что частный интересъ долженъ уступать общественному интересу. Если тутъ шелъ вопросъ о великодушіи, то кому приличнѣе было бы быть великодушнымъ? Всѣмъ ли по отношенію къ одному, или одному по отношенію ко всѣмъ. Кто наибольше правъ, — тотъ ли, который желаетъ сохранить, что́ имѣетъ, или тотъ, кто хочетъ завладѣть, и даже силой, тѣмъ, что́ принадлежитъ другому? Сильно ощутимое зло и неощутимое благо—таковъ результатъ подобныхъ операцій, въ которыхъ

интересъ частныхъ лицъ приносится на жертву общественному интересу.

Я закончу общимъ важнымъ замѣчаніемъ. Чѣмъ больше уважаютъ принципъ собственности, тѣмъ прочнѣй укореняется онъ въ умѣ народа. Незначительныя нарушенія пролагаютъ путь къ большимъ. Много времени нужно было, чтобъ принципъ собственности достигъ той степени ненарушимости, на какой мы видимъ его теперь въ цивилизованныхъ обществахъ; но горькій опытъ показалъ намъ, какъ легко его потрясти и какъ легко дикій инстинктъ грабительства беретъ верхъ надъ законами. Въ этомъ отношеніи и народы и правительства суть ничто иное, какъ укрощенные львы: дайте попробовать имъ крови, и къ нимъ возвратится ихъ естественная кровожадность:

«Si torrida parvus
Venit in ora cruor, redeunt rabiesque furorque:
Admonitaeque tument gustato sanguine fauces
Fervet, et a trepido vix abstinet ora magistro.
Lucan. IV.

ГЛАВА XVI.

О насильственныхъ обмѣнахъ.

«Ксенофонтъ разсказываетъ, что однажды Астіагъ спросилъ у Кира, какой былъ его послѣдній урокъ, и Киръ отвѣчалъ ему: У насъ въ школѣ у одного ученика большаго роста былъ маленькій кафтанъ, а у другаго ученика маленькаго роста былъ большой кафтанъ. Большой ученикъ отнялъ у маленькаго его большой кафтанъ, а ему далъ свой маленькій. Произошла ссора. Учитель спросилъ меня, какъ рѣшить этотъ споръ. Я разсудилъ, что слѣдуетъ оставить дѣло въ томъ положеніи, какъ оно есть, и что это будетъ удобнѣе для обоихъ спорящихъ; но учитель на это замѣтилъ мнѣ, что я разсудилъ дурно, что прежде всего надо принимать во вниманіе требованіе справедливости, а справедливость требуетъ, чтобы каждый могъ свободно распоряжаться тѣмъ, что ему принадлежитъ.» (Essais de Montaigne, liv. 1, chap. 24).

Разсмотримъ это сужденіе. Съ перваго взгляда насильственный обмѣнъ повидимому не нарушаетъ безопасности, если только тотъ, кто вынуждается на обмѣнъ, получаетъ при этомъ въ вознагражденіе равную цѣнность. Несу ли я какую потерю отъ закона, если этотъ законъ не уменьшаетъ массы моего состоянія? Операція, повидимому, хороша, если то, что выигрывается однимъ, не составляетъ потери для другаго.

Но это только повидимому, а на самомъ дѣлѣ операція не хороша. Вы

полагаете, что вынужденный на обмѣнъ ничего не теряетъ, получа равную цѣнность, а между тѣмъ въ дѣйствительности онъ несетъ утрату. Такъ какъ всѣ вещи, и движимыя и недвижимыя, могутъ имѣть, смотря по обстоятельствамъ, различную цѣну, то каждый разсчитываетъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, который можетъ увеличить цѣну той или другой части его собственности. Если домъ, принадлежащій Петру, имѣетъ для Павла бо̀льшую цѣну, чѣмъ для Петра, то это еще не даетъ достаточнаго основанія заставить Петра отдать домъ Павлу за ту цѣну, что̀ онъ стоитъ ему самому. Это значило бы лишить Петра выгоды, которую онъ могъ разсчитывать получить отъ этого обстоятельства.

Еслибы Павелъ сталъ утверждать, что изъ миролюбія предлагалъ Петру за домъ больше, чѣмъ сколько домъ стоитъ въ самомъ дѣлѣ, и что Петръ отказывается продать только изъ упрямства, то ему на это можно отвѣтить: этотъ излишекъ, который будто-бы вы предлагали, какъ вы говорите, есть только предположеніе съ вашей стороны. Противоположное предположеніе столько же вѣроятно, какъ и ваше, потому что, еслибъ вы дѣйствительно предлагали за домъ больше, чѣмъ онъ стоитъ, Петръ поспѣшилъ бы воспользоваться такимъ благопріятнымъ для него случаемъ, который можетъ быть никогда больше не повторится, и съ полнымъ удовольствіемъ продалъ бы вамъ домъ; но если онъ не принимаетъ вашего предложенія, то это доказываетъ, что вы цѣните домъ ошибочно, и если вамъ отдать домъ на предлагаемыхъ вами условіяхъ, то состояніе Петра потерпитъ, если не въ наличной суммѣ, то относительно увеличенія, на ко̀торое онъ имѣетъ право.

Нѣтъ,—возражаетъ Павелъ,—Петръ знаетъ, что моя оцѣнка выше того, чѣмъ сколько онъ можетъ надѣяться получить за домъ при обыкновенныхъ условіяхъ; но онъ знаетъ, что мнѣ его домъ необходимъ, и отказываетъ принять мои справедливыя предложенія потому, что намѣренъ употребить во зло мою нужду и извлечь изъ нея возможно наибольшую выгоду.

Вотъ принципъ, который можетъ устранить затрудненіе между Петромъ и Павломъ. Всѣ предметы можно раздѣлить на два класса: на предметы, имѣющіе обыкновенно только внутреннюю цѣнность, и на предметы, которыхъ цѣнность способна измѣняться, смотря по чувствамъ, которыя они внушаютъ тому или другому лицу. Къ первому классу можно отнести обыкновенные дома, поля, обработанныя обыкновеннымъ образомъ, хлѣбъ, сѣно, обыкновенныя мануфактурныя произведенія, а ко второму классу—увеселительные сады, библіотеки, статуи, картины, коллекціи рѣдкостей. Что касается до предметовъ втораго класса, то

насильственный ихъ обмѣнъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ быть допускаемъ, потому что нѣтъ возможности опредѣлить цѣну предмета, когда эта цѣна зависитъ отъ чувствъ, внушаемыхъ предметомъ. Предметы же перваго класса могутъ подлежать насильственному обмѣну, если это представляется единственнымъ средствомъ предотвратить большія утраты. Положимъ, у меня значительное помѣстье, и къ нему ведетъ только одна дорога, идущая вдоль рѣки. Предположимъ, что рѣка затопила дорогу, а мой сосѣдъ упорно отказываетъ мнѣ дозволить проѣздъ по лоскуту земли, который не стóитъ и сотой части моего помѣстья. Долженъ ли я лишиться всѣхъ выгодъ моего помѣстья, потому что у меня сосѣдъ—человѣкъ неразсудительный, капризный, или питаетъ ко мнѣ вражду?

Для предотвращенія злоупотребленій въ примѣненіи этого принципа требуется установленіе самыхъ точныхъ правилъ. Я говорю, что насильственный обмѣнъ можетъ быть допущенъ только въ томъ случаѣ, если составляетъ единственное средство предотвратить большую утрату, напр. если я не могу проѣхать въ свое помѣстье иначе, какъ черезъ землю сосѣда.

Англія можетъ служить примѣромъ, какъ осмотрителенъ долженъ быть законодатель, когда идетъ дѣло о собственности. Напр. для того, чтобы проложить новую дорогу, необходимъ актъ парламента, причемъ выслушиваются всѣ интересы,—собственникамъ не только назначается равноцѣнное вознагражденіе, но кромѣ того принимается во вниманіе и то, не отчуждаются ли при этомъ такіе предметы, которые для собственниковъ особенно дороги, какъ напр. дома, сады: подобнаго рода предметы признаются неподлежащими общимъ правиламъ и такимъ образомъ охраняются отъ дѣйствія самого закона.

Насильственный обмѣнъ можетъ быть оправданъ также и въ томъ случаѣ, когда упорство одного индивидуума или небольшаго числа индивидуумовъ очевидно вредитъ интересамъ многихъ. Такъ въ Англіи, когда идетъ дѣло объ округленіи общинъ, не останавливаются передъ сопротивленіемъ отдѣльныхъ лицъ; такъ въ городахъ, для удобства, или съ гигіеническими цѣлями, часто бываетъ насильственное отчужденіе домовъ.

Здѣсь шла рѣчь только о насильственномъ обмѣнѣ, а не о насильственномъ отнятіи (removal) собственности, потому что такое отнятіе собственности, не вознаграждаемое равной цѣнностью, хотя бы оно дѣлалось даже и ради выгодъ государственныхъ, будетъ чистая несправедливость, грубый актъ насилія, непримиримый съ принципомъ пользы.

*

ГЛАВА XVII.

Вліяніе законовъ на ожиданіе.

Законодатель — не господинъ человѣческому сердцу, а только его истолкователь и его слуга. Хорошее или дурное качество законовъ зависитъ отъ ихъ соотвѣтствія общему ожиданію. Слѣдовательно, законодателю въ высшей степени необходимо знать ходъ образованія ожиданій, чтобъ руководиться этимъ знаніемъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Соотвѣтствіе законовъ ожиданію должно служить цѣлью для законодателя. Разсмотримъ, какія условія необходимы для достиженія этой цѣли.

1. Первое и самое трудное условіе состоитъ въ томъ, чтобы законы предшествовали образованію ожиданія. Еслибы законодатель имѣлъ дѣло съ народомъ, вновь народившимся, съ поколѣніемъ дѣтей, не имѣющимъ никакихъ уже образовавшихся ожиданій, то онъ могъ бы въ такомъ случаѣ образовать ожиданія по своему усмотрѣнію, подобно тому, какъ скульпторъ обдѣлываетъ кусокъ мрамора. Но такъ какъ у каждаго народа необходимо существуетъ множество ожиданій, основанныхъ на старыхъ законахъ или старыхъ обычаяхъ, то законодатель вынужденъ держаться въ своихъ дѣйствіяхъ стѣснительной для него системы примиреній и уступокъ.

Даже самые первые законы застаютъ нѣкоторыя ожиданія уже совершенно образовавшимися, потому что, какъ мы видѣли, собственность существовала уже въ нѣкоторой степени еще до появленія законовъ, т. е. существовало нѣкоторое ожиданіе сохранить пріобрѣтенное. Такимъ образомъ первые законы были предопредѣлены предшествовавшими ожиданіями и въ свою очередь породили новыя ожиданія, проложили русло для новыхъ желаній и надеждъ. Въ настоящее время законодатель не можетъ сдѣлать ни малѣйшаго измѣненія въ законахъ собственности, не нарушивъ болѣе или менѣе существующихъ ожиданій и не вызвавъ съ ихъ стороны большаго или меньшаго сопротивленія.

Если уже вы признаете нужнымъ установить такой законъ, который противорѣчитъ существующимъ ожиданіямъ, то держитесь того правила, гдѣ представляется къ этому возможность, чтобъ новый законъ вступалъ въ силу только по прошествіи достаточно продолжительнаго времени. При этомъ порядкѣ введенія закона существующее поколѣніе не замѣтитъ перемѣны, а поколѣніе подрастающее приготовится къ ней и вы найдете въ молодежи опору противъ старыхъ мнѣній.

Существующіе интересы не пострадаютъ, потому что будутъ имѣть достаточно времени, чтобъ приготовиться къ новому порядку вещей, и ваша реформа совершится безъ затрудненій, потому что, дѣйствуя такимъ образомъ, вы предупредите образованіе такихъ ожиданій, которыя были бы противны этой реформѣ.

2. Второе условіе—чтобы законы были извѣстны. Законъ, неизвѣстный тѣмъ, до кого онъ касается, не можетъ имѣть никакого вліянія на ожиданія, не можетъ предотвратить образованіе ожиданія, ему противоположнаго.

Выполненіе этого условія — могутъ замѣтить — зависитъ не отъ свойствъ закона, а отъ мѣръ, принимаемыхъ для его обнародованія. Эти мѣры могутъ быть достаточны или недостаточны для выполненія означеннаго условія, независимо отъ свойствъ закона.

Но подобное заключеніе имѣетъ только кажущуюся истинность; на самомъ же дѣлѣ оно ошибочно. Одни законы легче дѣлаются общеизвѣстными, чѣмъ другіе. Таковы законы, соотвѣтствующіе образовавшимся уже ожиданіямъ, и законы, основанные на естественныхъ ожиданіяхъ. Естественное ожиданіе, т. е. такое, которое порождено давними обычаями, можетъ имѣть своимъ основаніемъ суевѣріе, вредный предразсудокъ или сознаніе пользы; но каково бы ни было его основаніе, во всякомъ случаѣ соотвѣтствующій ему законъ удерживается въ умахъ безъ усилія, какъ будто былъ извѣстенъ даже прежде обнародованія, какъ будто существовалъ прежде даже, чѣмъ получилъ санкцію законодателя. Законъ же, противный естественному ожиданію, воспринимается умами гораздо труднѣе и еще съ большей трудностью удерживается въ памяти: умамъ постоянно представляется другой порядокъ вещей, и такимъ образомъ новый законъ, чуждый всѣмъ существующимъ ожиданіямъ, не имѣющій корней, постоянно готовъ соскользнуть съ мѣста, на которомъ держится только искусственно.

Обрядовые законы имѣютъ между прочимъ тотъ недостатокъ, что ихъ фантастическія и произвольныя правила никогда не бываютъ хорошо извѣстны, утомляютъ умъ и память,—люди, обязанные соблюдать ихъ находятся постоянно въ страхѣ ихъ нарушить, безпрестанно совершаютъ ненамѣренныя нарушенія, вѣчно воображаютъ себя виноватыми, никогда не увѣрены въ своей невинности, вѣчно нуждаются въ отпущеніи прегрѣшеній.

Естественное ожиданіе само собой тяготѣетъ къ законамъ, наиболѣе важнымъ для общества, и еслибъ чужеземецъ, совершивъ воровство, подлогъ или убійство, сталъ оправдываться невѣдѣніемъ мѣстныхъ законовъ, то такое оправданіе не примется во вниманіе, потому что никто

не можетъ не знать, что поступки, столь очевидно вредные, всюду признаются преступными.

3. Третье условіе—чтобы **законы были послѣдовательны одни другимъ.** Этотъ принципъ имѣетъ тѣсную связь съ предъидущимъ и выставляетъ великую истину въ новомъ свѣтѣ. Когда законами установленъ извѣстный порядокъ вещей на основаніи общепризнаннаго принципа, то всякое новое установленіе, согласное съ этимъ принципомъ, будетъ естественно соотвѣтствовать общему ожиданію. Новый законъ, аналогичный существующимъ законамъ, такъ сказать, предполагается заранѣе. Освященный законами принципъ еще болѣе укрѣпляется вслѣдствіе новыхъ примѣненій. Но законъ, не имѣющій этого *характера*, пребываетъ въ умахъ совершенно одиноко, и принципъ, которому онъ противорѣчитъ, становится въ отношеніи къ нему силой, непрестанно стремящейся изгнать его изъ памяти.

Имущество умершаго наслѣдуется ближайшими его родственниками: таково общепринятое правило, соотвѣтственно съ которымъ образуются и ожиданія. Если новый законъ о наслѣдствѣ будетъ согласенъ съ этимъ правиломъ, то получитъ общее одобреніе и легко сдѣлается всѣмъ извѣстенъ; но чѣмъ больше будетъ онъ отступать отъ него, установляя разныя исключенія, тѣмъ труднѣе ему сдѣлаться извѣстнымъ и удержаться въ памяти. Англійскій Common Law представляетъ поразительный тому примѣръ. Его правила *относительно перехода собственности* такъ запутанны, въ нихъ столько странныхъ различеній, служащія руководствомъ судебныя рѣшенія наполнены такими тонкостями, что для простаго здраваго смысла не только невозможно предугадать ихъ, но даже очень трудно ихъ понять. Изучить Common Law такъ же нелегко, какъ и самую труднѣйшую изъ наукъ. Его знаютъ только немногіе привиллегированные. Оказалось даже нужнымъ подраздѣлить его, по той именно причинѣ, что ни одинъ юристъ не отваживается на притязаніе знать его вполнѣ. Вотъ къ какому результату привело чрезмѣрное уваженіе къ старинѣ!

Когда новые законы противорѣчатъ принципу, установленному прежними законами, то чѣмъ сильнѣе этотъ принципъ, тѣмъ ненавистнѣе подобная непослѣдовательность въ законахъ. Изъ этого истекаетъ противорѣчіе въ мнѣніяхъ и обманутыя ожиданія обвиняютъ законодателя въ тиранніи.

Въ Турціи, когда умираетъ должностное лицо, султанъ беретъ себѣ его имущество, и такимъ образомъ дѣти умершаго переходятъ разомъ отъ роскоши къ крайней бѣдности. Этотъ законъ, нарушающій всѣ естественныя ожиданія, заимствованъ, вѣроятно, у какихъ нибудь

другихъ восточныхъ правительствъ, гдѣ законъ былъ менѣе непослѣдователенъ и менѣе ненавистенъ, такъ какъ тамъ государи ввѣряли должности только эвнухамъ.

4. Четвертое условіе: законы могутъ быть вполнѣ послѣдовательны только при томъ условіи, если законодатель руководится принципомъ пользы,—такъ какъ этотъ принципъ есть общій пунктъ, къ которому сходятся всѣ ожиданія.

Впрочемъ и законъ, согласный съ принципомъ пользы, можетъ оказаться въ противорѣчіи съ общественнымъ мнѣніемъ; но это противорѣчіе можетъ быть только случайное, временное: для устраненія его ничего больше не требуется, какъ только чтобы люди поняли истинное значеніе закона. Какъ скоро завѣса спадетъ, ожиданія удовлетворятся и общественное мнѣніе примирится съ закономъ. Чѣмъ несомнѣннѣе согласіе закона съ принципомъ пользы, тѣмъ очевиднѣе его полезность. Когда какому нибудь предмету приписываютъ такое качество, котораго предметъ не имѣетъ, то подобное заблужденіе не можетъ не быть кратковременно: иллюзія исчезаетъ при первомъ лучѣ свѣта. Качество же, дѣйствительно существующее, хотя и непризнанное, можетъ раскрыться ежеминутно. Въ первый моментъ нововведеніе обыкновенно бываетъ окружено нечистой атмосферой: капризы и предразсудки скопляютъ кругомъ него тучи, которыя препятствуютъ разглядѣть его истинныя формы,—глазу нужно нѣсколько времени присмотрѣться къ нему, чтобъ отдѣлить отъ него то, что ему чуждо. Мало-по-малу правильные взгляды берутъ перевѣсъ, и если первыя усилія не удаются, то вторыя бываютъ обыкновенно удачнѣе, потому что ближе знакомятся съ трудностью, которую предстоитъ преодолѣть. Планъ, благопріятствующій наибольшему числу интересовъ, не можетъ рано или поздно не имѣть на своей сторонѣ большинства голосовъ, и полезная новизна, въ первое время отвергнутая съ негодованіемъ, въ непродолжительное время дѣлается до такой степени привычной, что какъ будто и не была никогда новизною.

5. Пятое условіе—методъ въ законахъ. Отсутствіе въ кодексѣ надлежащей формы можетъ имѣть такія же неблагопріятныя послѣдствія относительно вліянія законовъ на ожиданія, какъ и непослѣдовательность въ законахъ,—можетъ столько же затруднить пониманіе законовъ и память о нихъ. Пониманіе каждаго человѣка имѣетъ извѣстный предѣлъ; поэтому, чѣмъ сложнѣе законъ, тѣмъ больше лицъ, неспособныхъ его понять, и слѣдовательно тѣмъ меньше онъ извѣстенъ и тѣмъ меньше вліяетъ на людей, не присущъ умамъ въ нужныя минуты, или, что еще хуже, вводитъ ихъ въ заблужденіе и порождаетъ ложныя ожиданія. И языкъ, и распредѣленіе законовъ должны быть просты. Кодексъ дол-

женъ быть такой ручной книгой, чтобы каждый индивидуумъ могъ пользоваться ею и могъ справляться съ ней въ сомнительныхъ случаяхъ не прибѣгая къ постороннимъ толкователямъ.

Чѣмъ больше законы соотвѣтствуютъ принципу пользы, тѣмъ проще можетъ быть ихъ систематическое распредѣленіе.

Система, основанная на единичномъ принципѣ, можетъ быть столько же проста и по формѣ, какъ по основанію. Только при такой системѣ и возможны естественный методъ и простая номенклатура.

6. Шестое условіе: — для вліянія на ожиданія необходимо также, чтобы законъ былъ присущъ умамъ, какъ подлежащій непремѣнному исполненію, или чтобы по крайней мѣрѣ онъ не представлялъ никакого основанія предполагать противное.

Какъ скоро человѣкъ имѣетъ надежду избѣжать закона, у него образуются ожиданія, противныя закону. Такимъ образомъ законъ дѣлается безсиленъ и сохраняетъ силу только для наказанія. Но наказаніе при такомъ условіи становится недѣйствительно. Слѣдовательно, недѣйствительность наказанія составляетъ второй недостатокъ подобныхъ законовъ. Своей слабостью эти законы внушаютъ къ себѣ презрѣніе, своей силой, т. е. наказаніями, возбуждаютъ къ себѣ ненависть, и во всякомъ случаѣ дурны, будутъ ли карать виновнаго, или будутъ оставлять его безнаказаннымъ.

Этотъ принципъ часто нарушался *самымъ рѣзкимъ образомъ; напр.* когда была *въ силѣ извѣстная система Лоу, гражданамъ запрещалось* хранить у себя больше извѣстной суммы денегъ. При такомъ законѣ не разсчитывалъ ли каждый на безнаказанное его неисполненіе?

Этимъ недостаткомъ страдаютъ многіе запретительные законы относительно торговли. Подобные законы составляютъ, такъ сказать, безнравственную лоттерею, между частными лицами и законодателемъ.

Этотъ принципъ даетъ достаточное основаніе, чтобъ власть въ семьѣ предоставлялась мужу. Еслибы власть предоставлялась женѣ, то въ такомъ случаѣ физическая сила была бы на одной сторонѣ, а легальная сила на другой, и несогласіямъ не было бы конца. Если же установить равенство между мужемъ и женой, то это равенство было бы только номинальное и не могло бы сохраниться, потому что при столкновеніи двухъ волей которая-нибудь необходимо должна взять перевѣсъ. Слѣдовательно, существующій порядокъ есть самый благопріятный для сохраненія спокойствія въ семьяхъ, потому что соединеніе въ одномъ лицѣ и легальной и физической силы даетъ всѣ нужныя для этого условія.

Этотъ принципъ весьма полезенъ также для рѣшенія нѣкоторыхъ проблемъ, которыя весьма затрудняли юристовъ, какъ напримѣръ: слѣдуетъ ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ признавать найденную вещь собственностью нашедшаго? Чѣмъ легче нашедшій можетъ безъ вѣдома закона присвоить себѣ найденную вещь, тѣмъ желательнѣе, чтобъ не было закона, который бы въ этомъ случаѣ противорѣчилъ ожиданію; или, другими словами, чѣмъ легче избѣжать закона, тѣмъ болѣе жестоко установленіе такого закона, который представляется уму почти совершенно невыполнимымъ, и слѣдовательно только причиняетъ зло, когда случайно становится выполнимъ. Объяснимъ это примѣромъ: предположимъ, что я нашелъ въ землѣ алмазъ. Первое мое движеніе будетъ сказать, что алмазъ мой. Въ тоже время у меня естественно образуется ожиданіе сохранить его въ своемъ обладаніи, и это произойдетъ не только вслѣдствіе желанія имъ обладать, но также и вслѣдствіе аналогіи этого обладанія съ обыкновенными понятіями о собственности: 1) Я владѣю алмазомъ, а владѣніе есть уже само по себѣ достаточное основаніе признать предметъ моей собственностью, если нѣтъ основанія къ противному; 2) Я нашелъ его, извлекъ изъ земли, гдѣ онъ лежалъ, никому неизвѣстный, и гдѣ онъ не имѣлъ никакой цѣны; 3) Я могу надѣяться сохранить его у себя безъ вѣдома закона и даже вопреки закону, такъ какъ для этого достаточно скрыть его, пока не представится случай объяснить его пріобрѣтеніе какимъ-либо инымъ способомъ. Такъ какъ законъ, установляющій, что найденный мною алмазъ долженъ принадлежать не мнѣ, а другому лицу, не воздержитъ меня отъ перваго движенія и отъ надежды сохранить у себя алмазъ, то, слѣдовательно, отнимая у меня находку, законъ подвергнетъ меня страданію отъ неисполненія ожиданія, что обыкновенно называется несправедливостью или тираніей. Слѣдовательно принципъ, о которомъ идетъ рѣчь, дастъ достаточное основаніе признать находку собственностью нашедшаго, если только нѣтъ болѣе сильнаго основанія къ противному.

Это правило можетъ, стало быть, измѣняться смотря по шансамъ, какіе та или другая вещь представляетъ нашедшему для сохраненія ея въ своемъ обладаніи безъ вѣдома закона. Напр. судно, выброшенное на берегъ бурей, руда, островъ,—суть такіе предметы, относительно которыхъ законъ можетъ предупредить образованіе въ умѣ нашедшаго той мысли, будто эти предметы составляютъ его собственность, такъ какъ нашедшему не представляется возможности присвоить ихъ себѣ втайнѣ. Законъ, отказывающій признать эти предметы собственностью нашедшаго, легко исполнимъ и поэтому производитъ на умъ полное

дѣйствіе. Итакъ, руководясь только этимъ принципомъ, законодатель можетъ, по усмотрѣнію, признать или не признать за нашедшимъ право на найденную вещь. Но есть еще особое обстоятельство, говорящее въ пользу нашедшаго: когда найденная вещь предоставляется нашедшему, то это поощряетъ къ открытіямъ и, слѣдовательно, содѣйствуетъ увеличенію общаго богатства; если же открытія будутъ приносить пользу только государственному казначейству, то эта польза будетъ весьма ничтожна.

7. Седьмое и послѣднее условіе для регулированія ожиданій состоитъ въ томъ, чтобы законы понимались буквально. Это условіе зависитъ отчасти отъ самихъ законовъ и отчасти отъ судей. Когда законы не гармонируютъ съ понятіями народа, или когда въ вѣкъ цивилизаціи остаются безъ измѣненія законы варварскихъ временъ, то въ такомъ случаѣ суды мало-по-малу отступаютъ отъ старыхъ принциповъ и незамѣтно замѣняютъ ихъ новыми. Вслѣдствіе этого возникаетъ родъ борьбы между состарѣвшимися законами и вновь установившимися обычаями, а это ведетъ къ ослабленію вліянія законовъ на ожиданія.

Слово объяснить имѣло въ устахъ юриста совершенно иное значеніе, чѣмъ въ обыкновенномъ языкѣ. Объяснить какое-нибудь мѣсто у писателя значитъ показать, что хотѣлъ сказать писатель. У римскихъ же юристовъ объяснить законъ значитъ отринуть мысль, ясно выраженную въ законѣ, и замѣнить ее новой мыслью съ помощью предположенія, будто именно эту новую мысль законодатель и хотѣлъ въ немъ выразить.

При такомъ способѣ дѣйствія не можетъ быть безопасности. Когда законъ труденъ, теменъ, несообразенъ, гражданинъ все-таки имѣетъ большій или меньшій шансъ его знать, и онъ служитъ для него предостереженіемъ, хотя неяснымъ, хотя менѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ бы слѣдовало, но все-таки полезнымъ, и зло отъ этого недостатка имѣетъ видимые предѣлы. Но когда судья присвоиваетъ себѣ право объяснять законы, т. е. подставлять свою волю на мѣсто воли законодателя, тогда все становится произвольно и никто не можетъ предвидѣть, какое направленіе приметъ произволъ судьи. Мало этого: хотя произволъ и самъ по себѣ уже есть зло великое, но если сравнить его съ тѣми злыми послѣдствіями, какія изъ него истекаютъ, то самъ по себѣ онъ есть, можно сказать, зло ничтожное. Говорятъ, что если змѣѣ удастся только просунуть голову, то ужъ она съумѣетъ просунуть и все свое туловище. Это замѣчаніе вполнѣ примѣнимо къ легальной тиранніи: надо остерегаться, чтобъ тираннія не просунула головы, потому что, разъ просунувъ голову, она не замедлитъ просунуть и все

свое изгибистое туловище. Въ этомъ случаѣ надо остерегаться не только самого зла, но даже и добра, которое можетъ истекать изъ этого источника. Всякая узурпація, ставящая власть выше закона, какъ бы ни была полезна по непосредственнымъ послѣдствіямъ, во всякомъ случаѣ должна внушать страхъ за будущее. Добро, какое можетъ сдѣлать произвольно дѣйствующая власть, имѣетъ границы и границы тѣсныя; истекающее же изъ нея зло и страхъ отъ зла, какимъ она можетъ угрожать, не имѣютъ границъ: въ этомъ случаѣ опасность витаетъ безразлично надъ всѣми.

Не говоря уже о томъ злѣ, какое можетъ проистекать вслѣдствіе невѣжества или вслѣдствіе каприза лицъ, имѣющихъ подобную власть, замѣтимъ, какъ легко могутъ быть при этомъ совершаемы злоупотребленія! Судья, то сообразуясь съ прямымъ смысломъ закона, то объясняя законъ, всегда можетъ произнести рѣшеніе въ пользу того или другаго, какъ ему заблагоразсудится,—онъ всегда увѣренъ, что можетъ прикрыть свое лицепріятіе или буквальнымъ или истолковательнымъ смысломъ закона. Такимъ образомъ судья превращается въ шарлатана, который, къ великому удивленію зрителей, угощаетъ изъ одной и той же бутылки то сладкимъ, то горькимъ напиткомъ.

Одно изъ самыхъ высокихъ качествъ англійскихъ судовъ состоитъ именно въ томъ, что они съ тщательной точностью исполняютъ волю законодателя, а въ той части законодательства, которая зависитъ отъ обычая, строго руководятся, насколько возможно, прежними рѣшеніями. Такое строгое наблюденіе законности можетъ имѣть нѣкоторые недостатки при несовершенствѣ законовъ, но истинный духъ свободы внушаетъ англичанамъ глубокое отвращеніе отъ такъ называемаго ex-post-facto lex.

Всѣ условія, отъ которыхъ зависитъ совершенство законовъ, связаны между собой такъ тѣсно, что выполненіе одного изъ нихъ предполагаетъ выполненіе другихъ: внутренняя полезность, очевидность пользы, послѣдовательность, простота, легкость познаванія, вѣроятность выполненія, всѣ эти качества могутъ быть разсматриваемы, какъ составляющія взаимно причину и слѣдствіе по отношенію другъ къ другу.

Еслибы всѣ законы были писанные и не существовало бы болѣе той темной части законовъ, которая носитъ названіе обычая,—если бы законы относящіеся до особыхъ классовъ гражданъ, были собраны отдѣльно, — еслибъ общій кодексъ былъ повсемѣстно распространенъ, входилъ бы, какъ у Евреевъ, въ составъ богослуженія и служилъ бы общимъ руководствомъ для воспитанія, — еслибъ никто не допускался иначе къ пользованію политическими правами, какъ предварительно на-

печатлѣвъ законы въ своей памяти, тогда законы дѣйствительно были бы извѣстны: всякое отступленіе отъ нихъ было бы явно, каждый гражданинъ былъ бы ихъ охранителемъ, нарушенія не прикрывались бы таинственностью, не существовало бы монополіи ихъ объясненія, обманъ и крючкотворство не могли бы ихъ обходить.

Необходимо также, чтобъ языкъ законовъ былъ столько же простъ, какъ ихъ распредѣленіе, чтобъ выраженія ихъ были общеупотребительны, чтобъ ихъ формулы не имѣли ученаго аппарата: однимъ словомъ языкъ кодекса не долженъ ничѣмъ отличаться отъ языка другихъ книгъ, — развѣ только бо́льшей ясностью, точностью и удобопонятностью, такъ какъ онъ долженъ имѣть цѣлью быть понятнымъ для всѣхъ и особенно для людей наименѣе образованныхъ.

Если мы сравнимъ существующія системы законовъ съ тѣмъ, чѣмъ онѣ должны быть, то это сравненіе возбудитъ въ насъ чувство, далеко неблагопріятное нашимъ учрежденіямъ.

Но хотя законы и несовершенны, мы должны однако остерегаться жалобныхъ декламацій и преувеличенныхъ сожалѣній. Человѣкъ, настолько ограниченный въ своихъ понятіяхъ, или настолько неразсудительный въ своихъ реформаторскихъ стремленіяхъ, что способенъ возбуждать къ низверженію или къ презрѣнію общей системы законовъ, не достоинъ вниманія просвѣщенной публики. Кто въ состояніи перечислить всѣ благодѣянія законовъ, *не говорю при хорошемъ правительствѣ, но даже и при худомъ?* Не имъ ли мы обязаны всей существующей степенью безопасности, довольства, уваженія къ собственности, развитія промышленности? Не они ли сохраняютъ миръ между гражданами, святость брака, непрерывность семьи? Производимое ими добро всеобще,— мы пользуемся имъ ежедневно и ежеминутно; причиняемое же ими зло преходяще. Но добро, которое они дѣлаютъ, обыкновенно не чувствуется, — имъ пользуются, не отдавая себѣ отчета, откуда оно происходитъ, какъ будто оно есть обыкновенный порядокъ вещей; зло же, напротивъ, чувствуется сильно и при изображеніи его обыкновенно скопляютъ на одинъ моментъ и на одинъ пунктъ такія страданія, которыя въ дѣйствительности разбросаны на большомъ пространствѣ и обнимаютъ собой длинный рядъ годовъ. Сколько причинъ, чтобъ любить законы несмотря на ихъ несовершенства!

Нововведенія въ законахъ должны быть дѣлаемы съ большой осмотрительностью. Не слѣдуетъ разрушать подъ предлогомъ пересозданія. Легко разрушить зданіе законовъ, но трудно возсоздать его, и измѣненіе законовъ не должно быть довѣряемо умамъ опрометчивымъ и невѣжественнымъ.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

О способахъ пріобрѣтенія права собственности.

Мы показали, какія основанія должны побуждать законодателя санкціонировать существованіе собственности. Но до сихъ поръ мы разсматривали богатство только въ его цѣломъ; теперь намъ необходимо перейти къ подробностямъ, разсмотрѣть отдѣльно предметы, его составляющіе, и раскрыть, какіе принципы должны руководить распредѣленіемъ собственности, когда отъ закона требуется опредѣлить ея принадлежность тому или другому индивидууму. Эти принципы—тѣ же, которые мы уже изложили выше: средства къ существованію, довольство, равенство, безопасность. Рѣшеніе вопроса легко, когда эти принципы согласны между собой; но въ тѣхъ случаяхъ, когда они разнорѣчатъ, надо умѣть различать, которому изъ нихъ должно быть отдано предпочтеніе.

1. *Дѣйствительное владѣніе*.

Дѣйствительное владѣніе есть такой способъ пріобрѣтенія собственности, который можетъ предшествовать всѣмъ другимъ способамъ пріобрѣтенія и замѣнить ихъ всѣ. Онъ хорошъ всегда и противъ всѣхъ, когда ему не противопоставляется никакой другой способъ пріобрѣтенія. Отнять произвольно у того, кто владѣетъ, чтобъ отдать тому, кто не владѣетъ, значило бы одному причинить ущербъ, а другому доста-

вить выгоду. При этомъ количество причиненнаго удовольствія не равнялось бы количеству причиненнаго страданія. Этому двѣ причины: 1) подобный актъ насилія навелъ бы страхъ на всѣхъ собственниковъ, нарушивъ ихъ безопасность; 2) дѣйствительное владѣніе, какъ это слѣдуетъ изъ первой причины, есть способъ пріобрѣтенія, основанный на благѣ перваго порядка и на благѣ втораго порядка.

Тоже слѣдуетъ сказать и о такъ-называемомъ правѣ перваго завладѣнія или первоначальнаго открытія. Признаніе права собственности за первымъ завладѣвшимъ, 1) освобождаетъ его отъ страданія видѣть свое ожиданіе неисполненнымъ, — отъ того страданія, которое бы онъ ощутилъ при отнятіи у него вещи, которою онъ первый завладѣлъ; 2) предупреждаетъ споры, борьбу, которая могла бы произойти между первымъ завладѣвшимъ и другими, послѣ явившимися претендентами; 3) порождаетъ наслажденія, которыя въ противномъ случаѣ ни для кого бы не существовали: первый завладѣвшій, боясь потерять то, что нашелъ, не осмѣлится открыто пользоваться своей находкой, чтобъ не обнаружить ея, и въ такомъ случаѣ вся та часть его находки, которую онъ не будетъ въ состояніи употребить сейчасъ же, не будетъ имѣть для него никакой цѣны; 4) польза, получаемая первымъ завладѣвшимъ отъ своей находки, служитъ для другихъ поощреніемъ къ дѣятельности, къ доставленію себѣ такой же пользы, и въ результатѣ отъ такого рода частныхъ пріобрѣтеній происходитъ увеличеніе общаго богатства; 5) еслибъ каждая вещь, не имѣющая собственника, не признавалась собственностью перваго завладѣвшаго, то была бы всегда добычей наиболѣе сильнаго, а слабые были бы въ постоянномъ угнетеніи.

Всѣ эти основанія не представляются ясно умамъ людей, но люди смутно ихъ усматриваютъ и какъ бы чувствуютъ ихъ инстинктивно. Этого требуетъ разумъ, справедливость, правосудіе,—говорятъ они. Эти слова повторяются всѣми, но безъ яснаго пониманія; они выражаютъ только чувство одобренія, и это чувство, имѣющее прочныя основанія, можетъ только получить еще новую силу отъ принципа пользы.

Первое завладѣніе было первоначальной основой собственности. Оно и теперь можетъ быть примѣняемо относительно вновь образовавшихся острововъ или вновь открываемыхъ земель, не касаясь, разумѣется, управленія, которое составляетъ верховное право государя.

2. *Старинное добросовѣстное (bona fide) владѣніе.*

Владѣніе, продолжавшееся извѣстное, опредѣленное закономъ время, должно имѣть перевѣсъ надъ всѣми другими условіями права (title)

собственности. Если вы дали пройдти столь долгому времени, не предъявляя вашего права на вещь, то это доказываетъ, что вы или не знали о существованіи вашего права, или не имѣли намѣренія имъ пользоваться. Въ обоихъ этихъ случаяхъ съ вашей стороны не было ни усилія, ни желанія владѣть вещью,—съ моей же стороны были и усиліе и желаніе ее сохранить въ своемъ владѣніи. Оставленіе этой вещи въ моемъ владѣніи не будетъ противорѣчить безопасности; передача же ея вамъ будетъ нарушеніемъ безопасности: это приведетъ въ безпокойство всѣхъ владѣльцевъ, которые не знаютъ другаго основанія для ихъ собственности, кромѣ стариннаго добросовѣстнаго владѣнія.

Но по истеченіи какого времени должно происходить это перемѣщеніе ожиданія? или, другими словами: по истеченіи какого времени добросовѣстное владѣніе должно превращаться въ право собственности, и должно прекращаться значеніе всѣхъ противоположныхъ ему правъ? На это нельзя дать никакого точнаго отвѣта: демаркаціонная линія должна быть проведена наудачу, сообразуясь съ цѣнностью имуществъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Если проведенная такимъ оброзомъ демаркаціонная линія не всегда предохранитъ заинтересованныхъ отъ страданія вслѣдствіе неисполненнаго ожиданія, то по крайней мѣрѣ предупредитъ всякое зло втораго порядка. Законъ предостерегаетъ меня, что если, въ теченіе года, десяти или тридцати лѣтъ, я не предъявлю моего права, то такая небрежность съ моей стороны будетъ имѣть результатомъ его потерю. Послѣдствіе этой угрозы я могу отстранить отъ себя, слѣдовательно оно не нарушаетъ моей безопасности.

Въ предъидущихъ разсужденіяхъ я предполагалъ, что владѣніе пріобрѣтено честнымъ образомъ; въ противномъ же случаѣ признавать за владѣльцемъ право собственности значило бы не ограждать безопасность, а награждать преступленіе. Даже еслибъ похититель прожилъ вѣкъ Нестора, то и такая давность не должна быть признаваема достаточной для предоставленія ему спокойнаго пользованія плодомъ своего преступленія. Есть ли какое основаніе, чтобы преступники по истеченіи какого-либо времени могли спокойно пользоваться плодами своихъ преступленій подъ охраной законовъ, которые они нарушили! Что же касается до ихъ наслѣдниковъ, то между ними необходимо дѣлать различіе: если ихъ владѣніе добросовѣстное, то въ ихъ пользу могутъ быть приведены тѣ же основанія, какъ и въ пользу стариннаго собственника. и кромѣ того фактъ владѣнія наклоняетъ вѣсы въ ихъ сторону; если же ихъ владѣніе такое же недобросовѣстное, какъ и владѣніе ихъ предшественниковъ, то въ такомъ случаѣ они—участники въ преступле-

нія своихъ предшественниковъ, а обманъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ оставаться безнаказаннымъ.

Итакъ, второе условіе права на собственность есть — старинное добросовѣстное владѣніе, несмотря на противопоставленіе ему какихъ-либо другихъ условій права. Это есть такъ называемое пріобрѣтеніе чрезъ давность (prescription). Основанія его слѣдующія: устраненіе страданія отъ неисполненнаго ожиданія,—общая безопасность собственниковъ.

3. *Владѣніе тѣмъ, что* содержится *въ землѣ и что* производится *землею.*

Право собственности на землю обнимаетъ собой все, что содержится въ землѣ, и все, что производится землей. Что же и составляетъ цѣнность земли, какъ не то, что содержится въ ней и что ею производится? Къ первому принадлежитъ все, что лежитъ подъ поверхностью земли, какъ напр. руды, камни; ко второму же принадлежитъ все растительное царство. Въ пользу такого широкаго пониманія права собственности говорятъ единогласно всѣ возможныя основанія, — этого одинаково требуютъ и безопасность, и средства къ существованію, и увеличеніе общаго богатства, и благодѣянія мира.

4. *Владѣніе тѣмъ, что земля* кормитъ, *и тѣмъ, что земля* получаетъ.

Если принадлежащая мнѣ земля вскормила животныхъ, то эти животныя мнѣ обязаны своимъ рожденіемъ и своей пищей. Ихъ существованіе было бы утратой для меня, еслибы мнѣ не было обезпечено владѣніе ими. Еслибы законъ отдавалъ ихъ кому другому, а не мнѣ, то въ такомъ случаѣ на моей сторонѣ была бы только одна утрата, а на другой сторонѣ—одна выгода: такой порядокъ былъ бы противенъ и равенству, и безопасности,—тогда мой интересъ побуждалъ бы меня уменьшить число животныхъ и препятствовать ихъ размноженію, что было бы ущербомъ для общаго богатства.

Еслибы по какому-либо случаю очутились на моей землѣ предметы, не имѣющіе никакихъ признаковъ, свидѣтельствующихъ объ ихъ принадлежности кому-либо, или утратившіе эти признаки, какъ напр. выброшенный бурей на берегъ китъ, остатки разбитаго бурей судна, вырванныя съ корнемъ деревья и пр.,—то эти предметы должны принадлежать мнѣ. Основаніе къ этому состоитъ въ слѣдующемъ: Собственникъ земли находится относительно этихъ предметовъ въ такомъ поло-

женіи, что можетъ извлечь изъ нихъ для себя пользу, не причиняя никому никакого ущерба; отнять ихъ у него значило бы причинить ему страданіе отъ неисполненнаго ожиданія; притомъ никто не можетъ владѣть этими предметами, не занявъ его земли, не нарушивъ его правъ на землю. Въ этомъ случаѣ собственникъ земли имѣетъ за себя всѣ тѣ основанія, какія имѣетъ первый завладѣвшій.

5. *Владѣніе сосѣдней землей.*

Когда никому не принадлежащая земля, находящаяся подъ водой, освобождается изъ-подъ воды, то кому она должна принадлежать? Есть много оснований, чтобъ она принадлежала собственникамъ сосѣднихъ земель: 1) только они одни могутъ занять эту землю, не нарушая собственности другихъ; 2) только у нихъ однихъ могли образоваться ожиданія относительно этой земли,—они одни могли смотрѣть на нее какъ на будущую свою собственность; 3) шансъ получить выгоду отъ удаленія водъ есть только вознагражденіе за шансъ получить ущербъ отъ ихъ разлитія; 4) пріобрѣтеніе земли чрезъ удаленіе водъ служитъ поощреніемъ къ работамъ, которыя необходимы для освобожденія земли изъ-подъ воды [1]).

6. *Улучшеніе предметовъ собственности.*

Когда я прилагаю свои труды къ предметамъ, которые уже признаны принадлежащими мнѣ на правѣ собственности, то мое право на нихъ получаетъ черезъ это еще новую силу. Эти произведенія, выросшія на моей землѣ, мною посѣяны и мною собраны, — эти животныя мною выкормлены,—эти корни мною вырыты,—эти деревья мною срублены и мною обдѣланы. Еслибъ эти предметы были отняты у меня тогда, когда были еще въ первоначальномъ своемъ видѣ, то и въ та-

[1]) Для теоріи достаточно того, что нами сказано. Но еслибъ дѣло шло о практическомъ примѣненіи, то необходимо было бы добавить нѣкоторыя подробности, потому что въ противномъ случаѣ тутъ могло бы произойти нѣчто въ родѣ того, какъ папа дѣлилъ Новый Свѣтъ между Испанцами и Португальцами. Вода отступила изъ залива, къ которому прилегаютъ земли многихъ собственниковъ. Освободившаяся изъ-подъ воды земля должна ли быть распредѣлена между прибрежными собственниками соразмѣрно пространству владѣемой каждымъ изъ нихъ земли, или же соразмѣрно побережному протяженію ихъ владѣнія? Распредѣлить новую землю необходимо; но для этого нѣтъ надобности ожидать, пока земля освободится изъ-подъ воды и сдѣлается извѣстна ея цѣнность, потому что въ такомъ случаѣ всѣ будутъ питать ожиданія, которыя могутъ осуществиться только для нѣкоторыхъ. Сдѣлайте распредѣленіе заранѣе: когда еще ожиданія не успѣли образоваться, законодателю легче ихъ регулировать. Б.

комъ случаѣ утрата ихъ была бы для меня огорченіемъ; но мое огорченіе не должно ли быть еще несравненно больше, если у меня отнимутъ ихъ тогда, когда мой трудъ придалъ имъ новую цѣнность, усилилъ мою привязанность къ нимъ и мое ожиданіе сохранить ихъ въ своемъ обладаніи! Этотъ источникъ будущихъ наслажденій, постоянно увеличиваемый трудомъ, не могъ бы существовать, еслибъ не было безопасности.

7. *Совмѣстное владѣніе и добросовѣстное улучшеніе.*

Но если я приложу свой трудъ къ предмету, мнѣ не принадлежащему, поступая съ нимъ, какъ будто-бы онъ былъ мой собственный, напр. если я сдѣлаю матерію изъ шерсти, которая принадлежитъ вамъ, то спрашивается: кому изъ насъ двухъ должна принадлежать матерія?— Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо разъяснить обстоятельства дѣла. Добросовѣстно или недобросовѣстно я дѣйствовалъ, поступая съ шерстью какъ съ моей собственностью? Если я дѣйствовалъ недобросовѣстно, то отдать мнѣ матерію значило бы наградить меня за преступленіе; но если я дѣйствовалъ добросовѣстно, то надо разсмотрѣть, которая изъ двухъ цѣнностей больше, первоначальная ли цѣнность вещи, или добавочная цѣнность, приданная ей трудомъ. Кромѣ того надо разсмотрѣть: съ какого времени первоначальный собственникъ утратилъ эту вещь, съ какого времени я владѣлъ ею, кому *принадлежитъ то мѣсто, гдѣ находилась эта вещь въ моментъ столкновенія притязаній на нее, находилась ли она у меня, или у первоначальнаго собственника, или у кого другаго.*

Принципъ, не принимающій во вниманіе причиняемыхъ имъ страданій и удовольствій, отдаетъ все одной сторонѣ, не заботясь о другой. Но принципъ пользы, имѣя постоянно въ виду возможное уменьшеніе страданія, взвѣшиваетъ интересы обѣихъ сторонъ, старается найдти средство примирить ихъ и опредѣляетъ вознагражденія. Онъ присуждаетъ предметъ тому изъ двухъ претендентовъ, который бы больше пострадалъ отъ его утраты, и при этомъ налагаетъ на него обязанность дать достаточное вознагражденіе противной сторонѣ.

По этимъ же самымъ принципамъ долженъ быть рѣшаемъ *подобный* вопросъ и въ томъ случаѣ, когда произошло соединеніе, *смѣшеніе* или слитіе предметовъ, напр. когда принадлежащій мнѣ *металлъ* слитъ съ вашимъ металломъ. Римскіе юристы много спорили объ этомъ: одни, Сабиніанцы, утверждали, что весь слитокъ *долженъ* принадлежать мнѣ; а другіе, Прокуліанцы, утверждали наоборотъ, что весь слитокъ долженъ принадлежать вамъ. Кто былъ правъ изъ нихъ? Ни тѣ, ни другіе, такъ такъ ихъ рѣшенія всегда причиняли страданіе одной изъ

сторонъ. Всѣ длинные споры римскихъ юристовъ могли бы быть отстранены однимъ весьма простымъ вопросомъ: которая изъ двухъ сторонъ, утрачивая то, что ей принадлежитъ, понесетъ наибольшую утрату?

Англійскіе юристы разрубили Гордіевъ узелъ: они не дали себѣ труда разсмотрѣть, которая изъ сторонъ несетъ наибольшую утрату, добросовѣстно или недобросовѣстно совершено дѣйствіе, какая цѣнность больше, первоначальная ли, или добавочная, на которой сторонѣ наибольшее ожиданіе обладать вещью. Они просто рѣшили, что движимая вещь должна всегда принадлежать тому, у кого находится въ моментъ возникновенія спора, но съ обязанностью вознаградить другую сторону.

8. *Разработка руды въ чужой землѣ.*

Ваша земля содержитъ сокровища въ своихъ нѣдрахъ, но вы, по недостатку знанія или средствъ, или по неувѣренности въ успѣхѣ, не добываете этихъ сокровищъ и они остаются въ землѣ. Я не имѣю никакихъ правъ на вашу землю, но имѣю все, чего вамъ недостаетъ, чтобъ предпринять добываніе находящихся въ вашей землѣ сокровищъ,— и я желаю предпринять на свой рискъ ихъ добываніе. Спрашивается: слѣдуетъ ли дать мнѣ право на это, не спрашивая вашего согласія? Скрытыя въ вашей землѣ сокровища, оставаясь въ вашихъ рукахъ, не приносятъ никому никакой пользы; въ моихъ же рукахъ они получатъ большую цѣнность,—я пущу ихъ въ обращеніе, оживлю ими производство. Будетъ ли вамъ какой ущербъ отъ того, что я стану добывать эти сокровища? Вы при этомъ ничего не потеряете. Вы пользуетесь только поверхностью вашей земли, и эта поверхность останется въ томъ же состояніи, какъ была. Законъ, принимая во вниманіе всѣ интересы, въ этомъ случаѣ долженъ только предоставить вамъ болѣе или менѣе значительную часть добытаго мною продукта, потому что, хотя сокровище, которое я получаю право добывать, и не имѣло никакой цѣны въ вашихъ рукахъ, но оно возбуждало въ васъ нѣкоторыя ожиданія воспользоваться имъ когда-нибудь, и эти ожиданія не должны быть у васъ отняты безъ вознагражденія.

Таковъ англійскій законъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и при извѣстныхъ условіяхъ онъ дозволяетъ добывать руду въ чужой землѣ каждому, кто пожелаетъ предпринять ея разработку на свой рискъ.

9. *Свобода рыболовства въ большихъ водахъ.*

Большія озера, большія рѣки, большіе заливы, океанъ, не подлежатъ захватамъ въ исключительную собственность. Ихъ признаютъ никому непринадлежащими, или, правильнѣе сказать, принадлежащими всѣмъ.

Нѣтъ никакого основанія ограничивать право рыбной ловли въ океанѣ. Размноженіе большей части родовъ рыбъ, повидимому, неистощимо. Щедрость, богатство природы въ этомъ отношеніи превосходятъ все, что только можно себѣ вообразить. Неутомимый Левенгокъ высчиталъ, что отъ одной трески получается больше десяти милліоновъ яичекъ. То количество рыбъ, которое мы можемъ изловить и потребить, совершенно ничтожно по сравненію съ количествомъ ихъ, истребляемымъ разными физическими причинами, которыхъ мы не въ состояніи ни устранить, ни ослабить. Человѣкъ въ морѣ, со всѣми своими рыболовными снарядами, не болѣе, какъ только слабый соперникъ великихъ обладателей океана. Онъ истребляетъ мелкіе роды рыбъ не въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ киты. Что же касается до рыбы, водящейся въ рѣкахъ, озерахъ, маленькихъ заливахъ, то для предохраненія ея отъ уничтоженія законы принимаютъ мѣры дѣйствительныя и необходимыя.

Гдѣ не представляется никакой опасности, чтобъ могъ уменьшиться источникъ богатства, тамъ слѣдуетъ предоставить каждому право перваго захвата и слѣдуетъ поощрять всякій трудъ, такъ какъ при этомъ условіи всякій родъ труда ведетъ къ увеличенію общаго довольства.

10. *Свобода охотиться на земляхъ, никому не принадлежащихъ.*

Тоже слѣдуетъ сказать о земляхъ и лѣсахъ, никому не принадлежащихъ. Въ обширныхъ странахъ, имѣющихъ малое населеніе, подобныя земли и лѣса простираются на значительныя пространства, на которыхъ каждому предоставляется безграничное право охоты. Тамъ человѣкъ является соперникомъ только хищныхъ животныхъ и охота увеличиваетъ средства къ существованію, не причиняя никому никакого вреда.

Но въ обществахъ цивилизованныхъ, гдѣ земледѣліе сдѣлало уже большіе успѣхи и гдѣ количество земель, никому не принадлежащихъ, незначительно по сравненію съ количествомъ земель, носящихъ на себѣ печать собственности,—тамъ многія основанія говорятъ противъ предоставленія правъ охоты каждому желающему.

Первое неудобство. Въ странахъ, гдѣ населеніе многочисленное, истребленіе дикихъ животныхъ можетъ совершаться быстрѣе, чѣмъ ихъ размноженіе. Тамъ свобода охоты можетъ имѣть слѣдствіемъ не только уменьшеніе количества дичи, но даже и совершенное ея истребленіе. Охотникъ долженъ будетъ потратить такое же количество труда, чтобъ застрѣлить одну куропатку, сколько тратитъ теперь, чтобъ застрѣлить сотню, и вслѣдствіе этого куропатки сдѣлаются во сто разъ дороже. Самъ охотникъ при этомъ ничего не потеряетъ, но его трудъ будетъ доставлять обществу цѣнность, во сто разъ меньшую, чѣмъ

какую доставляетъ теперь: выражаясь проще, — удовольствіе ѣсть куропатокъ уменьшится во сто разъ.

Второе неудобство. Къ сожалѣнію, охота, будучи не болѣе производительна, чѣмъ другіе роды труда, имѣетъ бо́льшую привлекательность: она есть вмѣстѣ и забава, и серьезный трудъ, и азартная игра, она соединена съ опасностями, доставляетъ славу. Людей, желающихъ посвятить себя занятію, столь привлекательному, столь соотвѣтствующему естественнымъ наклонностямъ человѣка, окажется очень много,— цѣна на ихъ трудъ, вслѣдствіе ихъ соперничества между собой, понизится до крайне необходимой и они составятъ классъ людей весьма бѣдныхъ.

Третье неудобство. Охота возможна только въ извѣстныя времена года. Слѣдовательно занимающійся охотою будетъ по временамъ безъ занятія, а между тѣмъ ему не легко вернуться отъ бродячей жизни къ осѣдлой, отъ независимости—къ подчиненію, отъ привычекъ праздности—къ привычкамъ труда. Привыкши, подобно игроку, жить наавось, разсчитывать на удачу, онъ не будетъ видѣть ничего привлекательнаго въ небольшомъ, хотя и вѣрномъ заработкѣ. Охота есть такое занятіе, которое пріучаетъ къ праздности, легко ввергаетъ въ бѣдность и такимъ образомъ нерѣдко доводитъ до преступленія.

Четвертое неудобство. Охотничье ремесло уже и само по себѣ легко вовлекаетъ въ преступленія. Ссоры, тяжбы, судебныя преслѣдованія, разнаго рода наказанія, пени, заключеніе въ тюрьму, всѣ эти обыкновенные спутники охотничьяго ремесла составляютъ болѣе чѣмъ достаточный противовѣсъ тѣмъ удовольствіямъ, которыя оно доставляетъ. Утомясь безплоднымъ выжиданіемъ дичи на большой дорогѣ, охотникъ отправляется тайкомъ въ сосѣднія земли, крадется, озирается, изощряется въ хитростяхъ, чтобъ его не увидали. Когда же его не удерживаетъ страхъ быть замѣченнымъ, онъ не уважаетъ никакихъ границъ,—его не останавливаютъ ни рвы, ни заборы,—увлеченный алчностью, онъ забываетъ благоразуміе и часто попадаетъ неожиданнымъ образомъ въ такое положеніе, изъ котораго ему нѣтъ другаго выхода, какъ или подвергнуться страданію, или совершить преступленіе. Дозвольте охотиться на большихъ дорогахъ, и вамъ придется устраиватъ цѣлую армію стражей, чтобъ охотники не переступали дозволенныхъ имъ предѣловъ.

Пятое неудобство. Подобное право охоты, ограниченное тѣсными предѣлами, необходимо требуетъ цѣлаго ряда законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, которыми бы опредѣлялись пользованіе имъ и наказаніе за его нарушенія. Такое распложеніе законовъ само по себѣ есть

зло, потому что многочисленность законовъ ослабляетъ ихъ силу. Кромѣ того, преступленія въ этомъ случаѣ такъ легки и такъ привлекательны, что только строгія мѣры могутъ воздержать отъ нихъ, а подобныя мѣры возбуждаютъ ненависть къ собственности, ставятъ богатыхъ людей во враждебныя отношенія съ бѣдными ихъ сосѣдями. Чтобъ положить конецъ столь неблагопріятному порядку вещей требуется не регулированіе, а просто уничтоженіе права охоты.

Съ уничтоженіемъ права охоты положенъ будетъ конецъ всѣмъ ожиданіямъ относительно пользованія этимъ правомъ,—куропатки сдѣлаются не болѣе соблазнительны, чѣмъ куры, и охота за дичью въ чужихъ владѣніяхъ не будетъ считаться за нѣчто, отличное отъ воровства.

Правда, господствующія теперь въ обществахъ понятія стоятъ за сохраненіе права охоты; но если иногда и необходимо уступить народнымъ понятіямъ, то это только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти понятія очень сильно укоренились и не представляется никакой надежды ихъ измѣнить. Постарайтесь просвѣтить народъ на этотъ счетъ, объясните ему причины, требующія уничтоженія права охоты, поставьте ему на видъ, что этого требуетъ общее спокойствіе, общая безопасность, что право охоты не имѣетъ большой цѣны, что охотничье ремесло весьма незавидно, неблагодарно, что охотникъ непрестанно вовлекается въ преступленія и нерѣдко вовлекаетъ всю свою семью въ бѣдность и позоръ. Я осмѣливаюсь утверждать, что, представляя народу настоятельно и кратко эти доводы, вы въ короткое время достигнете того, что понятія народа измѣнятся.

Нѣкоторыя животныя имѣютъ столь малую цѣнность, что не вознаграждаютъ причиняемаго ими ущерба: таковы лисицы, волки, медвѣди, всѣ плотоядныя животныя, истребляющія животныхъ, подчинившихся власти человѣка. Нетолько не представляется никакого интереса заботиться о сохраненіи этихъ животныхъ, а, напротивъ, желательно совершенно ихъ истребить. Одно изъ средствъ къ этому—признать ихъ подлежащими праву перваго захвата, не принимая во вниманіе правъ земельнаго собственника. Охотникъ, преслѣдующій вредныхъ животныхъ, можетъ считаться за служебное полицейское лицо. Впрочемъ такое исключеніе должно быть допускаемо только относительно животныхъ, способныхъ причинять большой вредъ.

ГЛАВА II.

Другой способъ пріобрѣтенія—согласіе.

Можетъ однако случиться, что, владѣя какой-либо вещью (на законномъ основаніи), индивидуумъ пожелаетъ невладѣть ею, пожелаетъ предоставить другому ею пользоваться. Долженъ ли законъ признавать подобный актъ? Безъ сомнѣнія, долженъ: въ этомъ случаѣ, всѣ основанія, говорившія въ пользу прежняго собственника, перестаютъ существовать на его сторонѣ и говорятъ въ пользу новаго владѣльца. Кромѣ того, прежній собственникъ долженъ былъ имѣть какое-нибудь побужденіе, чтобъ отказаться отъ своей собственности. Побужденіе предполагаетъ удовольствіе, или нѣчто такое, что его замѣняетъ, какъто: удовольствіе дружбы или благорасположенія, если вещь отдается даромъ,—удовольствіе пріобрѣтенія, если вещь дается въ обмѣнъ,—благо безопасности, когда вещь отдается, чтобъ отстранить отъ себя какое-либо зло, — удовольствіе доброй славы, когда чрезъ отдачу вещи имѣется въ виду пріобрѣсти уваженіе своихъ ближнихъ. Такимъ образомъ сумма наслажденій необходимо увеличивается для обѣихъ сторонъ, участвующихъ въ этомъ актѣ. Пріобрѣтающій вещь заступаетъ мѣсто прежняго ея собственника относительно выгодъ, доставляемыхъ вещью, а отдающій вещь получаетъ какую-либо новую выгоду. Итакъ, мы можемъ признать за общее правило, что всякое отчужденіе предполагаетъ выгоду, — изъ него всегда истекаетъ какое-либо благо.

При мѣнѣ происходятъ два отчужденія, и каждое изъ нихъ имѣетъ свои особыя выгоды. Выгода для каждаго участвующаго въ мѣнѣ состоитъ въ различіи между цѣной для него той вещи, которую онъ отдаетъ, и той, которую пріобрѣтаетъ. Каждая сдѣлка такого рода порождаетъ два новыя наслажденія. Въ этомъ и состоитъ благо торговли.

Замѣтьте, что во всѣхъ искусствахъ встрѣчается много такихъ предметовъ, которые не иначе могутъ быть сдѣланы, какъ при общей работѣ большаго числа работниковъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ работа одного работника не имѣла бы никакой цѣны ни для него, ни для другихъ, еслибъ не могла быть обмѣнена,

2. *Причины недѣйствительности обмѣна.*

Есть случаи, въ которыхъ законъ не долженъ освящать мѣну и въ которыхъ интересы сторонъ должны быть регулированы такъ, какъ

будто мѣны между ними вовсе не было, потому что мѣна, вмѣсто того, чтобъ быть выгодной, оказывается вредной для одной изъ сторонъ или для общества. Всѣ причины, дѣлающія мѣну недѣйствительной, могутъ быть подведены подъ слѣдующія девять рубрикъ:

1) Недозволительное умолчаніе.

2) Обманъ.

3) Недозволительное принужденіе.

4) Подкупъ.

5) Ошибочное предположеніе легальной обязанности.

6) Ошибочное предположеніе цѣны.

7) Запрещеніе вступать въ сдѣлки.—Дѣтство.—Сумасшествіе.

8) Когда вещь, вслѣдствіе мѣны, получаетъ способность причинять вредъ.

9) Отсутствіе права со стороны отчуждающаго вещь.

1. Недозволительное умолчаніе.—Если оказывается, что пріобрѣтенный предметъ имѣетъ меньшую цѣнность, чѣмъ какая предполагалась въ немъ и побудила къ его пріобрѣтенію, то пріобрѣтатель испытываетъ въ такомъ случаѣ страданіе отъ обманутаго ожиданія. Если его цѣна ниже той, какая дана въ обмѣнъ за него, то пріобрѣтатель не только не получаетъ выгоды отъ обмѣна, но терпитъ ущербъ. Правда, другая сторона получила выгоду при этомъ обмѣнѣ, но въ этомъ случаѣ благо отъ выгоды не равняется злу отъ утраты. *Предположимъ, что я заплатилъ десять фунт. ст. за лошадь*, которая дѣйствительно стоила бы этихъ денегъ, еслибъ была здорова, но такъ какъ она запалена, то не стоитъ и двухъ: слѣдовательно продавецъ выгадалъ при этомъ восемь фунт. ст., а я столько же потерялъ. Если взвѣсить вмѣстѣ интересы обѣихъ сторонъ, то окажется, что такой обмѣнъ въ общемъ результатѣ не только не выгоденъ, но убыточенъ.

Однако, если при совершеніи этого обмѣна прежній собственникъ не зналъ того обстоятельства, которое понижало цѣну продаваемаго имъ предмета, то какое же есть основаніе признать обмѣнъ недѣйствительнымъ? Какое основаніе принуждать собственника ко вторичному невыгодному для него обмѣну? Утрата въ этомъ случаѣ неизбѣжно должна пасть на которую-нибудь изъ двухъ сторонъ, но какое же основаніе возлагать ее на прежняго собственника, а не на пріобрѣтателя?

Предположимъ, что прежній собственникъ зналъ о существованіи обстоятельства, понижавшаго цѣну его собственности. Спрашивается: обязанъ ли былъ онъ обнаружить это обстоятельство, или же не обязанъ ли былъ покупщикъ тщательнѣе осмотрѣть пріобрѣтенную вещь?

Съ вопросомъ о недѣйствительности обмѣна, проистекающей вслѣд-

ствіе недозволительнаго умолчанія, неразрывно связаны два вопроса: 1) Зналъ ли продавецъ о существованіи обстоятельства, понижающаго цѣну? 2) Принадлежитъ ли данный случай къ числу тѣхъ, когда продавецъ обязанъ обнаруживать извѣстныя ему обстоятельства, для него невыгодныя? Рѣшеніе обоихъ этихъ вопросовъ потребовало бы подробнаго и обширнаго изслѣдованія и потому не можетъ здѣсь имѣть мѣста. Замѣтимъ притомъ, что на нихъ нельзя дать одного общаго отвѣта, который бы обнималъ собою всѣ случаи, — отвѣтъ на нихъ необходимо долженъ быть нѣсколько различенъ, смотря по различію предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

2. Обманъ.—Этотъ случай проще, чѣмъ предшествующій. Пріобрѣтеніе обманомъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть допускаемо, если только ему можно воспрепятствовать: оно есть преступленіе, близко подходящее къ воровству. Вы спросили у продавца, запалена ли лошадь,—продавецъ зналъ, что лошадь запалена, а между тѣмъ отвѣтилъ вамъ, что нѣтъ: освящать такой обмѣнъ значило бы награждать преступленіе. Кромѣ того, мы здѣсь можемъ сказать тоже, что сказали относительно предъидущаго случая (т. е. недозволительнаго умолчанія): зло, претерпѣваемое покупщикомъ, больше, чѣмъ благо, пріобрѣтаемое продавцомъ, и это само по себѣ составляетъ весьма основательную причину признать обмѣнъ недѣйствительнымъ.

3. *Тоже самое слѣдуетъ сказать и о* недозволительномъ принужденіи.—Продавецъ насиліемъ и угрозами заставляетъ васъ заплатить десять фунт. ст. за лошадь, которая въ дѣйствительности стоитъ всего только два фунта ст. Предположимъ, что вы желали купить ее за два фунта. Въ такомъ случаѣ излишекъ противъ двухъ фунт. пріобрѣтенъ продавцомъ чрезъ преступленіе. Правда, понесенная вами въ этомъ случаѣ утрата есть выгода по сравненію съ тѣмъ зломъ, которое вамъ угрожало въ случаѣ, еслибъ вы отказались отъ этой купли; но ни эта относительная выгода, ни выгода, пріобрѣтенная продавцомъ, не могутъ перевѣсить зло отъ совершеннаго при этомъ преступленія.

4. *Тоже и о* подкупѣ. — Я разумѣю подъ этимъ плату за такую услугу, которая заключается въ преступномъ дѣйствіи, напр. когда человѣку даютъ деньги за то, чтобъ онъ сдѣлалъ фальшивое показаніе. Въ этомъ случаѣ два лица получаютъ выгоду: подкупленный и подкупившій; но эта двойственная выгода не равняется злу отъ преступленія.

Замѣчу мимоходомъ, что въ случаяхъ обмана, недозволительнаго принужденія, подкупа, законъ не долженъ ограничиваться только уничтоженіемъ акта; онъ долженъ противопоставлять имъ болѣе сильный противовѣсъ съ помощью наказаній.

5. Ошибочное предположеніе легальной обязанности. — Вы отдали вашу лошадь, думая, что управитель вашъ ее продалъ, тогда какъ этого не было, или напр. думая, что человѣкъ, которому вы ее отдали, имѣлъ порученіе отъ правительства взять ее у васъ для казенной надобности, а между тѣмъ правительство ему этого не поручало: однимъ словомъ, вы отдали вашу лошадь, думая, что на васъ лежитъ легальная обязанность ее отдать, тогда какъ на самомъ дѣлѣ этого не было. Если происшедшее такимъ образомъ отчужденіе признать дѣйствительнымъ по обнаруженіи заблужденія, то одна сторона получитъ неожиданную выгоду, а другая — неожиданную потерю. Но, какъ мы видѣли, въ подобномъ случаѣ благо отъ выгоды не можетъ сравниться съ зломъ отъ потери. Замѣтимъ притомъ, что этотъ случай можетъ быть отнесенъ къ случаямъ недозволительнаго принужденія.

6. Ошибочное предположеніе цѣны.—Если я при отчужденіи вещи не зналъ обстоятельства, увеличивавшаго ея цѣну, то по обнаруженіи заблужденія испытываю страданіе отъ понесенной потери. Можетъ ли это служить достаточнымъ основаніемъ для признанія отчужденія недѣйствительнымъ? Съ одной стороны, признаніе подобныхъ причинъ, безъ ограниченія, достаточными для недѣйствительности отчужденія угрожало бы поколебать прочность вообще всѣхъ актовъ отчужденія: и въ самомъ дѣлѣ, могу ли я быть увѣренъ въ прочности моего пріобрѣтенія, если, для признанія его недѣйствительнымъ, достаточно будетъ, чтобъ прежній собственникъ сказалъ, что, продавая вещь, «не понималъ, что́ дѣлалъ»? Но съ другой стороны, еслибъ я продалъ брилліантъ, думая, что продаю кусокъ стекла, и не имѣлъ бы никакой возможности исправить ошибку, то это причинило бы страданіе весьма сильное. Чтобъ сохранить должное равновѣсіе между обѣими сторонами, слѣдуетъ принимать во вниманіе какъ разнообразіе обстоятельствъ, такъ и разнообразіе предметовъ отчужденія. При этомъ необходимо всегда разсмотрѣть, не было ли невѣдѣніе со стороны продавца слѣдствіемъ небреженія,—и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оказывается нужнымъ признать отчужденіе недѣйствительнымъ, слѣдуетъ прежде всего озаботиться о безопасности покупщика.

Можетъ случиться однако, что сдѣлка, не имѣющая ни одного изъ исчисленныхъ недостатковъ, окажется напослѣдокъ невыгодной. Вы купили лошадь для путешествія, а между тѣмъ путешествіе ваше не состоялось. Вы собирались ѣхать, какъ вдругъ купленная вами для этого лошадь занемогла и околѣла. Вы садитесь на купленную лошадь, она васъ сбрасываетъ и вы ломаете себѣ ногу. Вы отправляетесь на куп-

ленной лошади грабить на большой дорогѣ. Желаніе имѣть лошадь у васъ прошло и вы перепродаете ее съ убыткомъ. Подобныхъ примѣровъ можно привести безчисленное множество. Всякая вещь, пріобрѣтенная вами, можетъ сдѣлаться безполезна, тягостна или вредна для васъ или для другаго. Подобные случаи не составляютъ ли исключеніе изъ аксіомы, что каждое отчужденіе приноситъ выгоду? Не представляютъ ли эти случаи столь же основательныхъ причинъ признать недѣйствительность сдѣлки, какъ и случаи, о которыхъ мы говорили выше?

Нѣтъ. Всѣ эти неблагопріятныя обстоятельства суть чистая случайность и произошли уже послѣ совершенія сдѣлки, — при обыкновенномъ же ходѣ вещей каждая вещь стоитъ своей цѣны. Въ общемъ итогѣ выгода отъ выгодныхъ обмѣновъ превосходитъ невыгоду отъ обмѣновъ неблагопріятныхъ. Выгоды отъ торговли значительнѣе, чѣмъ потери отъ нея, а въ противномъ случаѣ міръ не былъ бы теперь богаче, чѣмъ когда былъ въ дикомъ состояніи. Признать, что отчужденіе можетъ сдѣлаться недѣйствительнымъ вслѣдствіе случайно причиненныхъ имъ утратъ, значило бы вообще положить конецъ всѣмъ отчужденіямъ, такъ какъ никто не рѣшился бы ни продавать, ни покупать, еслибы сдѣлка могла ежеминутно оказаться недѣйствительной вслѣдствіе какой-либо происшедшей впослѣдствіи случайности, которой нельзя было ни предупредить, ни предвидѣть.

7. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ, предвидя зло отъ сдѣлокъ, заранѣе объявляетъ ихъ недѣйствительными. Такъ во многихъ странахъ расточительные люди подвергаются ограниченію въ правахъ: всѣ заключенныя ими сдѣлки заранѣе признаются недѣйствительными. Въ этомъ случаѣ, предварительно удостовѣряются въ существованіи опасности, т. е. въ существованіи наклонности къ расточительности, дѣлающей человѣка неспособнымъ управлять своими дѣлами; при этомъ всѣ предупреждаются, или, по крайней мѣрѣ, всѣ ставятся въ возможность знать, что такой-то расточитель не можетъ совершать сдѣлокъ и подчиненъ опекунской власти.

Дѣти и умалишенные повсемѣстно находятся подъ запрещеніемъ совершать сдѣлки. Положеніе ихъ совершенно аналогично. Разница въ томъ, что для дѣтей это положеніе есть временное, продолжающееся только извѣстное время, которое можетъ быть опредѣлено съ удовлетворительной точностью, хотя пограничная линія всегда бываетъ болѣе или менѣе произвольна; — для умалишенныхъ же это положеніе есть вѣчное или, по крайней мѣрѣ, продолжается неопредѣленное время. Основанія къ признанію сдѣлокъ недѣйствительными здѣсь тѣ же, что

и въ предшествующемъ случаѣ. Малолѣтніе и умалишенные по самому своему положенію или невѣжественны, неразсудительны, или расточительны. Они уже предполагаются таковыми по общему понятію, и поэтому здѣсь не требуется никакихъ особыхъ удостовѣреній для каждаго отдѣльнаго случая.

Ясно, что въ этихъ трехъ случаяхъ дѣло идетъ только о вещахъ, болѣе или менѣе значительныхъ, такъ какъ, еслибы здѣсь дѣло шло безразлично о всѣхъ самыхъ мелкихъ вещахъ, составляющихъ предметы ежедневнаго потребленія, то это значило бы осудить расточителей, малолѣтнихъ и умалишенныхъ на голодную смерть.

8) Законъ признаетъ также недѣйствительными такія сдѣлки, съ которыми соединяется вѣроятность вредныхъ послѣдствій.

Я владѣю землей на границѣ государства; если сосѣднее государство пріобрѣтетъ отъ меня эту землю, то она можетъ сдѣлаться въ его рукахъ центромъ враждебныхъ интригъ или опасныхъ приготовленій противъ моего отечества: думаю ли я объ этомъ, или нѣтъ, законъ во всякомъ случаѣ долженъ подумать объ этомъ ради общаго блага, долженъ предупредить зло, объявивъ заранѣе недѣйствительность подобныхъ сдѣлокъ [1]).

Къ этой же рубрикѣ слѣдуетъ отнести тѣ ограниченія, которымъ обыкновенно признается необходимымъ подвергать торговлю ядовитыми веществами,—а также запрещеніе продажи смертоносныхъ орудій, какъ напр. кинжаловъ, которые въ Италіи столь часто употреблялись въ дѣло даже при самыхъ незначительныхъ ссорахъ.

Этотъ же самый мотивъ, основательно или неосновательно, руководилъ и всѣми запрещеніями относительно торговли нѣкоторыми предметами.

Въ бо́льшей части случаевъ недѣйствительности сдѣлокъ обыкновенно говорятъ: сдѣлка недѣйствительна сама по себѣ. Достаточно заглянуть въ юридическія книги, чтобъ увидѣть, сколько без-

[1]) Большая часть государствъ, можетъ быть даже вовсе и не имѣя въ виду этой опасности, устранила се общимъ закономъ, который запрещаетъ чужеземцамъ пріобрѣтать земельную собственность. Но подобный законъ идетъ далѣе цѣли: основаніе къ этому запрещенію ограничивается только тѣмъ частнымъ случаемъ, который мы упомянули; чужеземецъ, желающій пріобрѣсть недвижимость въ нашей странѣ, этимъ самымъ несомнѣнно доказываетъ свою любовь къ ней и представляетъ надёжный залогъ въ своемъ добромъ поведеніи. Государство въ этомъ случаѣ только выигрываетъ даже и просто въ финансовомъ отношеніи. Б.

смыслицы писалось вслѣдствіе этого ошибочнаго понимапія и въ какія затрудненія впадали юристы вслѣдствіе неуразумѣнія, что единственная причина недѣйствительности сдѣлокъ въ этихъ случаяхъ заключается въ томъ, что изъ нихъ истекаетъ больше зла, чѣмъ блага.

Сказавъ, что такія сдѣлки недѣйствительны сами по себѣ, послѣдовательность требуетъ заключить, что онѣ не должны имѣть никакого дѣйствія, должны уничтожаться, не оставляя по себѣ никакихъ послѣдствій; но между тѣмъ во многихъ случаяхъ оказывается достаточнымъ видоизмѣнить ихъ, исправить, оставляя ихъ сущность безъ измѣненія.

Всякая сдѣлка сама по себѣ не можетъ быть ни дѣйствительна, ни недѣйствительна. Отъ закона зависитъ какъ дѣйствительность, такъ и недѣйствительность какой бы то ни было сдѣлки, и чтобъ дозволить или запретить какую-нибудь сдѣлку, законъ долженъ имѣть на это достаточныя основанія. Generatio aequivoca изгнана изъ здравой философіи,— современемъ изгонятъ ее, можетъ быть, и изъ юриспруденціи. Сдѣлки, сами по себѣ недѣйствительныя, суть совершенно тоже, что generatio aequivoca.

3. *О препятствіяхъ къ отчужденію земель.*

Признать право отчужденія полезнымъ значитъ признать вреднымъ то, что̀ ведетъ къ уничтоженію этого права.

Только относительно недвижимости замѣчаемъ мы такую непослѣдовательность: право ея отчужденія признавалось полезнымъ и въ тоже время уничтожалось чрезъ учрежденіе субституцій, или заповѣдныхъ земель, несмотря на то, что въ его пользу говорятъ еще особыя причины, кромѣ общихъ причинъ, говорящихъ вообще въ пользу права отчужденія.

1) Желаніе собственника переуступить свою землю достаточно свидѣтельствуетъ, что ему невыгодно сохранять ее въ своей собственности: онъ не можетъ или не хочетъ дѣлать затраты на ея улучшеніе,—часто даже, для удовлетворенія нуждъ настоящаго, не можетъ воздержаться отъ такихъ дѣйствій, которыя должны повести въ будущемъ къ уменьшенію ея цѣны. Напротивъ, желающій ее пріобрѣсти не имѣетъ, конечно, намѣренія ухудшить ее и по всей вѣроятности намѣревается увеличить ея цѣну.

Правда, капиталъ, который былъ бы употребленъ на улучшеніе земли новымъ ея пріобрѣтателемъ, можетъ быть употребленъ на торговлю, но хотя выгода отъ этихъ двухъ различныхъ операцій и можетъ быть одинакова для индивидуумовъ, но во всякомъ случаѣ она не оди-

накова для государства. Часть богатства, затраченная на земледѣліе, болѣе прочна, чѣмъ затраченная на торговлю. Первая неподвижна, а вторая всегда легко можетъ быть перемѣщена по произволу собственника.

2) Черезъ залогъ недвижимости получается производительный капиталъ: одна часть цѣны имѣнія можетъ быть такимъ образомъ употреблена на улучшеніе другой части, которая безъ этого средства не могла бы быть улучшена. Слѣдовательно запретить отчужденіе какой-либо недвижимости значитъ уменьшить производительный капиталъ почти до продажной ея цѣны, такъ какъ залогъ возможенъ не иначе, какъ при существованіи права отчужденія.

Правда, залогъ есть не болѣе какъ заемъ: слѣдовательно тутъ не создается никакого новаго капитала. Полученный подъ залогъ капиталъ могъ бы получить не менѣе полезное назначеніе и въ рукахъ того, у кого находился до совершенія залога; но при этомъ надо замѣтить, что чѣмъ легче помѣщеніе капитала, тѣмъ сильнѣе будутъ привлекаться капиталы въ страну, а капиталы, привлекаемые извнѣ, составляютъ чистый добавокъ къ туземнымъ капиталамъ.

Хотя здравыя политико-экономическія понятія и осуждаютъ препятствія къ отчужденію, но тѣмъ не менѣе эти препятствія существуютъ почти повсемѣстно. Правда, они постепенно уменьшались, по мѣрѣ того, какъ правительства лучше понимали интересы земледѣлія и торговли, но до сихъ поръ еще существуютъ три причины, которыя ихъ поддерживаютъ:

Первая причина — желаніе предупредить расточительность. Но для предупрежденія этого зла нѣтъ никакой необходимости запрещать продажу земель: достаточно, если будетъ охранена отъ растраты цѣна земли чрезъ недозволеніе собственнику произвольно ею распоряжаться.

Вторая причина—семейная гордость въ связи съ пріятной иллюзіей, представляющей намъ наше существованіе какъ-бы продолжающимся въ длинномъ рядѣ потомковъ. Передавать потомкамъ въ цѣлости все, получаемое отъ предковъ, количество цѣнностей не удовлетворяетъ нашего воображенія: мы хотимъ, чтобъ къ нашимъ потомкамъ перешли тѣ же самыя земли, дома, предметы, которыми и мы владѣли. Такая непрерывность владѣнія представляется какъ-бы непрерывностью пользованія и служитъ точкой опоры для совершенно химерическаго чувства.

Третья причина — любовь къ власти, желаніе властвовать и послѣ смерти. Предшествующій мотивъ предполагаетъ потомство, а этотъ мотивъ его не предполагаетъ. Этой третьей причинѣ должны мы приписать вообще образованіе заповѣдныхъ имѣній, какъ тѣхъ, которыя

имѣютъ цѣли совершенно фантастичныя, такъ одинаково и тѣхъ, при образованіи которыхъ имѣлась въ виду какая-либо польза, правильно или неправильно понятая.

Если заповѣдное имѣніе доставляетъ только выгоду, не налагая никакихъ условій, не обязывая ни къ какимъ услугамъ, то оно, повидимому, довольно безвредно и его существованіе не есть зло. Впрочемъ этого нельзя сказать относительно заповѣдныхъ имѣній, предназначенныхъ для раздачи милостыни, когда эта раздача производится безъ всякой осмотрительности и только поощряетъ нищенство и праздность. Лучшія изъ подобнаго рода учрежденій суть тѣ, которыя имѣютъ цѣлью благотворить бѣднымъ, имѣвшимъ прежде большій или меньшій достатокъ, такъ какъ эти несчастные получаютъ при этомъ болѣе щедрую помощь, чѣмъ какую допускаетъ общее правило.

Что же касается до такихъ заповѣдныхъ имѣній, пользованіе которыми сопряжено съ исполненіемъ какихъ-либо обязанностей, каковы напр. имѣнія коллегій, монастырей, церквей, то они могутъ быть или полезны, или вредны, или ни то, ни другое, смотря по роду налагаемыхъ ими обязанностей.

Здѣсь представляется одна особенность, заслуживающая вниманія: частные законы, установленные индивидуумами относительно своихъ имѣній съ дозволенія государя, пользовались большимъ уваженіемъ, чѣмъ общіе законы, непосредственно истекавшіе отъ самого государя. Когда законодатель обнаруживалъ желаніе связать руки своему наслѣднику, то подобное притязаніе оказывалось несостоятельнымъ или тщетнымъ, между тѣмъ какъ частныя лица, сами по себѣ совершенно ничтожныя, присвоивали себѣ это право и никто не осмѣливался нарушить ихъ воли.

Повидимому, земли, предоставленныя во владѣніе корпорацій, монастырей, церквей, должны были бы ухудшаться, такъ какъ есть основаніе предполагать, что временный владѣлецъ, равнодушный къ своимъ наслѣдникамъ, будетъ стараться извлечь всевозможныя выгоды и не будетъ заботиться объ улучшеніи, особенно если находится въ преклонныхъ лѣтахъ. Такъ иногда и дѣйствительно бывало, но, говоря вообще, надо отдать справедливость религіознымъ общинамъ: онѣ чаще оказывались не дурными, а хорошими хозяевами. Хотя положеніе ихъ таково, что благопріятствуетъ развитію въ нихъ алчности, скупости, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно воздерживаетъ отъ роскоши и расточительности: наряду съ причинами, благопріятствующими развитію эгоизма, тутъ существуютъ причины, противодѣйствующія эгоизму тѣмъ, что называется esprit de corps.

Нѣтъ надобности распространяться относительно общественной собственности, т. е. относительно предметовъ, пользованіе которыми составляетъ общественное достояніе, каковы напр. дороги, церкви, площади. Чтобъ выполнять свое назначеніе, они должны имѣть существованіе безсрочное, допуская, конечно, постепенныя измѣненія, какія могутъ потребоваться обстоятельствами.

ГЛАВА III.

Третій способъ пріобрѣтенія права собственности—наслѣдство.

Какъ по смерти индивидуума слѣдуетъ поступать съ его собственностью?

Законодатель долженъ при этомъ имѣть въ виду три цѣли: 1) доставленіе средствъ къ существованію нарождающимся поколѣніямъ; 2) отстраненіе страданій отъ неисполненныхъ ожиданій; 3) содѣйствіе къ уравненію состояній.

Человѣкъ не есть особнякомъ живущее существо. За немногими развѣ только исключеніями, каждый человѣкъ живетъ въ болѣе или менѣе многочисленномъ кругу товарищей, соединенныхъ съ нимъ узами родства, брака, дружбы или услугъ, и на фактѣ раздѣляющихъ съ нимъ пользованіе собственностью, которая по праву принадлежитъ исключительно ему одному. Обыкновенно бываетъ такъ, что имущество, принадлежащее одному, въ дѣйствительности составляетъ единственный источникъ средствъ къ существованію весьма многихъ. Для отстраненія бѣдствій, угрожающихъ тѣмъ, которые бы со смертью друга лишились и средствъ къ существованію, какія получали отъ его имущества,—для отстраненія этихъ бѣдствій необходимо знать, кто именно пользовался его имуществомъ и какъ велико было это пользованіе. Но такъ какъ нѣтъ возможности непосредственно удостовѣряться въ подобныхъ фактахъ, не вовлекаясь въ затруднительныя изслѣдованія и не возбуждая безконечныхъ споровъ, то нашли необходимымъ опереться на общія предположенія, какъ на единственную возможную основу. Участіе, какое оставшіеся въ живыхъ имѣли въ имуществѣ умершаго при его жизни, можетъ быть предположено по степени привязанности, какая существовала между ними и умершимъ, а степень привязанности можетъ быть предположена по близости родства.

Еслибъ законы о наслѣдствѣ принимали во вниманіе исключительно

только близость родства, то установленіе ихъ было бы весьма просто. Въ первой степени родства состоятъ съ вами всѣ тѣ, которые находятся съ вами въ непосредственной связи, т. е. безъ всякаго посредствующаго лица: жена, мужъ, отецъ, мать, дѣти. Во второй степени — тѣ, которые состоятъ съ вами въ связи черезъ одно или два посредствующія лица: дѣдъ, бабка, братья, сестры, внуки. Въ третьей степени — тѣ, которыхъ связь съ вами предполагаетъ существованіе трехъ посредствующихъ поколѣній: прадѣдъ, прабабка, правнуки, дяди, тетки, племянники и племянницы.

Но подобный порядокъ наслѣдованія, хотя бы и обладалъ всевозможнымъ совершенствомъ относительно правильности и регулярности, не соотвѣтствуетъ политической и нравственной цѣли. Не лучше также соотвѣтствуетъ онъ и степени привязанности и не выполняетъ главной цѣли, которая состоитъ въ доставленіи средствъ къ существованію подрастающимъ поколѣніямъ. Поэтому вмѣсто этого генеалогическаго порядка слѣдуетъ принять другой порядокъ, основанный на принципѣ пользы. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы нисходящей линіи, какъ бы она ни была длинна, постоянно отдавалось предпочтеніе предъ восходящей и боковыми, т. е. чтобы потомкамъ безъ всякаго ограниченія постоянно отдавалось предпочтеніе передъ всѣми тѣми, которыхъ связь съ умершимъ условливается восхожденіемъ вверхъ.

Однако предположенія относительно привязанности или относительно нужды въ средствахъ къ существованію, служащія основой этихъ правилъ, могутъ часто не оправдываться на практикѣ, и слѣдовательно сами правила могутъ часто не соотвѣтствовать своей цѣли: въ этомъ и заключается главная причина, почему должно быть сохраняемо право завѣщанія, такъ какъ это право, какъ мы увидимъ далѣе, представляетъ дѣйствительное средство противъ несовершенства общаго закона.

Объ общихъ принципахъ достаточно. Но спрашивается: какъ примѣнить ихъ къ подробностямъ, когда надо рѣшить споръ между множествомъ противорѣчащихъ одно другому притязаній.

Проэктъ закона объ этомъ предметѣ можетъ замѣнить пространныя разсужденія.

Ст. I. Никакихъ различій между полами: что сказано объ одномъ, относится и къ другому,—часть одного должна быть всегда равна части другаго.

Основаніе.—Благо равенства. Если уже допустить различіе между полами, то развѣ въ пользу слабѣйшаго пола, т. е. въ пользу женщинъ, такъ какъ онѣ имѣютъ больше нуждъ, меньше средствъ и меньше

способности къ пріобрѣтенію. А между тѣмъ всѣ преимущества предоставлялись сильнѣйшему полу. Почему это такъ? Потому, что сильнѣйшій установлялъ законы.

Ст. II. По смерти мужа вдова сохранитъ половину общаго имущества, если только относительно этого нѣтъ особой статьи въ брачномъ контрактѣ.

Ст. III. Другая же половина общаго имущества супруговъ распредѣлится поровну между ихъ дѣтьми.

Основаніе.—1) Равенство привязанности дѣтей къ отцу. 2) Равенство совладѣнія дѣтей въ имуществѣ отца. 3) Равенство ихъ нуждъ. 4) Равенство всѣхъ возможныхъ основаній со стороны каждаго изъ дѣтей къ участію въ наслѣдствѣ. *Различія по возрасту, темпераменту, способностямъ, силѣ и пр. могутъ произвести нѣкоторое различіе въ нуждахъ, но законъ не можетъ принимать въ разсчетъ эти различія:* ихъ долженъ принимать во вниманіе отецъ и выполнять ихъ требованія посредствомъ своего права дѣлать завѣщанія.

Ст. IV. Если рожденный отъ тебя умретъ прежде тебя и оставитъ дѣтей, то его часть распредѣлится между его дѣтьми поровну; такъ и относительно всѣхъ потомковъ безъ ограниченія.

Замѣчанія.—Раздѣлъ наслѣдства по вѣтвямъ предпочитается поголовному раздѣлу по двумъ причинамъ: *1) Для отвращенія страданія отъ неисполненныхъ ожиданій.* Уменьшеніе доли старшаго при нарожденіи каждаго младшаго есть естественное событіе, съ которымъ должны сообразоваться ожиданія старшаго. Говоря вообще, когда одинъ изъ дѣтей начинаетъ самъ производить дѣтей, въ это время производительная способность отца близка уже къ концу, и дѣти могутъ разсчитывать, что ихъ доли не подвергнутся дальнѣйшему уменьшенію. Но если нарожденіе каждаго внука или каждой внучки будетъ производить такое же уменьшеніе долей, какое производило нарожденіе каждаго сына или каждой дочери, то въ такомъ случаѣ уменьшеніе не будетъ имѣть предѣла,—не будетъ никакихъ данныхъ, на которыхъ можно было бы основать планъ жизни. 2) Внуки имѣютъ непосредственный источникъ къ существованію въ имуществѣ умершаго отца. Ихъ совладѣніе если не исключительно, то предпочтительно должно было относиться къ отцовскому имуществу. Къ этому можно прибавить, что имущества ихъ матери и ея родителей составляетъ для нихъ другой источникъ къ существованію, изъ котораго дѣти ихъ дѣда по отцу не получаютъ никакой доли.

Ст. V. Если у тебя нѣтъ потомства, то имущество твое составитъ общую собственность отца и матери.

Замѣчаніе.—Почему такое предпочтеніе потомковъ предъ всѣми прочими?—1) Болѣе сильная привязанность. Всякій другой порядокъ наслѣдованія былъ бы противенъ отеческимъ чувствамъ. Мы лучше любимъ тѣхъ, которые зависятъ отъ насъ, чѣмъ тѣхъ, отъ которыхъ мы зависимъ. Пріятнѣе властвовать, тѣмъ повиноваться. 2) Болѣе сильныя нужды. Несомнѣнно, что сами дѣти не могутъ существовать безъ насъ или безъ кого-либо, кто замѣнилъ бы имъ насъ, между тѣмъ какъ по всей вѣроятности наши родители могутъ существовать безъ насъ, потому что они существовали до насъ.

Почему наслѣдство должно переходить къ отцу и матери, а не къ братьямъ и сестрамъ?—1) Болѣе непосредственное родство заставляетъ предполагать и болѣе сильную привязанность. 2) Кромѣ того наслѣдство въ этомъ случаѣ служитъ наградой за оказанныя услуги, или скорѣе вознагражденіемъ за труды и расходы по воспитанію. Чѣмъ условливается родственная связь между мной и братомъ? Нашей общей связью съ отцомъ и съ матерью. Почему братъ дороже для меня другихъ товарищей, съ которыми я также жилъ вмѣстѣ, какъ и съ нимъ? Потому, что онъ дорогъ для тѣхъ, къ которымъ я чувствую самую сильную привязанность. Неизвѣстно, обязанъ ли я чѣмъ брату, но несомнѣнно, что родителямъ я обязанъ всѣмъ. Поэтому во всѣхъ случаяхъ, когда этому не препятствуютъ болѣе сильныя права моихъ дѣтей, я обязанъ предоставлять родителямъ вознагражденіе, на которое мой братъ не можетъ имѣть никакого притязанія.

Ст. VI. Если котораго-либо изъ двухъ не будетъ въ живыхъ, т. е. отца или матери, то доля умершаго должна идти его потомкамъ точно также, какъ бы она пошла твоимъ потомкамъ.

Замѣчаніе.—Въ бѣдныхъ семействахъ, у которыхъ все богатство состоитъ въ хозяйственныхъ принадлежностяхъ, лучше, чтобъ все наслѣдство нераздѣльно поступало оставшемуся въ живыхъ родителю, отцу или матери, съ обязанностью содержать дѣтей. Въ противномъ случаѣ оставшійся въ живыхъ родитель былъ бы разоренъ, а между тѣмъ доли дѣтей были бы такъ малы, что не могли бы служить капиталомъ и были бы растрачены.

Ст. VII. За неимѣніемъ потомковъ у умершаго родителя твое имущество поступитъ полностію къ родителю, оставшемуся въ живыхъ.

Ст. VIII. Если оба твои родителя умерли, то имущество твое распредѣлится, какъ выше сказано, между ихъ потомками.

Ст. IX. Но такимъ образомъ, чтобъ доля полукровныхъ была вдвое меньше.

Основаніе этому заключается въ болѣе сильной привязанности. Съ роднымъ братомъ меня соединяетъ двойная связь черезъ отца и черезъ мать, а съ полукровнымъ только единичная связь черезъ отца или черезъ мать.

Ст. X. За неимѣніемъ родственниковъ въ означенныхъ степеняхъ твое имущество поступитъ въ казну, —

Ст. XI. Но съ обязанностью распредѣлять доходъ въ формѣ пожизненныхъ рентъ поровну между всѣми родственниками въ восходящей линіи, какъ бы родство ни было отдаленно.

Замѣчанія.—Эта часть закона можетъ быть оставлена или вычеркнута, смотря по тому, каково положеніе страны относительно налоговъ, но я не могу привести ни одного основательнаго возраженія противъ этого источника обогащенія фиска.

Боковые родственники, исключенные такимъ образомъ изъ наслѣдства, могутъ очутиться въ нуждѣ, но эта нужда будетъ чистая случайность и поэтому на ней не можетъ быть основано общее правило,— они имѣютъ источникъ существованія въ имуществѣ своихъ родителей и не могутъ основывать своихъ ожиданій или своего плана жизни на предположеніи о подобномъ наслѣдствѣ. Даже и дядя можетъ имѣть только весьма слабое ожиданіе относительно наслѣдованія племяннику, такъ что положительный законъ можетъ уничтожить это ожиданіе безъ особеннаго насилія или можетъ предотвратить его образованіе. Дядя не имѣетъ тѣхъ правъ на наслѣдованіе, какія имѣютъ отецъ и дѣдъ. Впрочемъ въ случаѣ смерти отца и дѣда онъ можетъ заступить ихъ мѣсто и быть своему племяннику вмѣсто отца. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія законодателя. Право завѣщанія можетъ быть совершенно достаточно въ этомъ случаѣ для устраненія неудобствъ общаго закона, но это средство оказывается совершенно недѣйствительнымъ, если племянникъ умираетъ въ такомъ возрастѣ, когда еще не имѣетъ права дѣлать завѣщанія. Слѣдовательно, еслибы въ пользу боковыхъ родственниковъ хотѣли сдѣлать отступленіе отъ общаго правила, изложеннаго въ послѣдней части закона, то первое отступленіе должно быть въ пользу дяди, будетъ ли оно касаться самого имущества или только доходовъ съ него.

Ст. XII. Для раздѣла между многими наслѣдниками наслѣдство должно быть продаваемо съ публичныхъ торговъ, если только наслѣдники не войдутъ между собой въ какое-либо соглашеніе относительно раздѣла.

Замѣчаніе. — Это составляетъ единственное средство предотвра-

тить образованіе имѣній, состоящихъ въ общемъ владѣніи, каковое владѣніе, какъ мы увидимъ далѣе, имѣетъ вредныя послѣдствія. Части наслѣдства, имѣющія для наслѣдниковъ особую цѣнность, будутъ правильно оцѣнены при соревнованіи наслѣдниковъ и послужатъ на общую ихъ пользу, не причиняя споровъ, которыми нерѣдко порождается долговременная семейная вражда.

Ст. XIII. Пока не состоялись продажа и раздѣлъ, наслѣдство должно быть предоставлено въ вѣдѣніе старшаго наслѣдника мужскаго пола, если только судебная власть не найдетъ нужнымъ принять другія мѣры, имѣя основательныя опасенія, что старшій наслѣдникъ мужскаго пола дурно исполнитъ свою обязанность.

Замѣчаніе. — Женщины вообще менѣе способны къ веденію денежныхъ дѣлъ и къ хлопотамъ по дѣламъ, чѣмъ мужчины. Но можетъ случиться, что женщина имѣетъ на это большую способность: въ такомъ случаѣ по общему желанію родственниковъ ей можетъ быть отдано предпочтеніе.

Ст. XIV. За неимѣніемъ совершеннолѣтняго наслѣдника мужскаго пола, наслѣдство должно быть предоставлено въ вѣдѣніе опекуна надъ старшимъ изъ мужскихъ наслѣдниковъ, если только судебная власть не найдетъ нужнымъ принять другія мѣры, какъ сказано въ предъидущей статьѣ.

Ст. XV. Наслѣдство, поступающее въ казну за неимѣніемъ естественныхъ наслѣдниковъ, также должно быть продано съ публичныхъ торговъ.

Замѣчаніе. Большая часть имуществъ требуетъ такого управленія, къ которому правительство вовсе не способно. Казенное управленіе стоитъ дорого, приноситъ мало и разоряетъ имущества. Адамъ Смитъ сдѣлалъ эту истину очевидной.

Мнѣ кажется, что изложенный мною проэктъ закона простъ, точенъ, удобопонятенъ, не благопріятствуетъ обманамъ и различію въ толкованіяхъ, соотвѣтствуетъ привязанностямъ человѣческаго сердца и естественнымъ наклонностямъ, возникающимъ изъ общественныхъ отношеній, слѣдовательно можетъ заслужить какъ одобреніе тѣхъ, которые судятъ по чувству, такъ и уваженіе тѣхъ, которые судятъ по разуму.

Тѣ, которые бы нашли, что этотъ проэктъ закона слишкомъ простъ и что въ такомъ случаѣ знаніе закона не будетъ болѣе наукой, могутъ обратиться къ англійскому Common-law,—тамъ они найдутъ, чѣмъ удовлетворить себя и даже чему подивиться.

Чтобъ дать иностранцу понятіе о трудностяхъ англійскаго Common

law, потребовалось бы начать съ изложенія цѣлаго словаря совершенно новыхъ для него терминовъ Увидѣвъ неясности, умоухищренія, жестокости, обманъ, которыми такъ обилуетъ эта система, онъ подумалъ бы, что читаетъ сатиру, написанную съ цѣлью оскорбить народъ, который въ другихъ отношеніяхъ столь справедливо славится своей мудростью.

Съ другой стороны изложеніе этой системы показало бы, что если ея зловредность сдерживается въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ, то это благодаря праву завѣщанія. Только въ случаѣ наслѣдства ab intestato необходимо обращаться къ извилистымъ путямъ Common law. Однимъ словомъ, право завѣщанія такъ же исправляетъ англійскій Common law, какъ помилованіе исправляетъ строгость уголовныхъ законовъ.

ГЛАВА IV.

О завѣщаніяхъ.

1. Законъ не можетъ знать индивидуумовъ и не можетъ приспособляться къ разнообразію ихъ нуждъ. Все, чего можно требовать отъ закона, состоитъ въ томъ, чтобы онъ представлялъ наиболѣе шансовъ для ихъ удовлетворенія. Что же касается до собственника, то онъ можетъ знать и долженъ знать, въ какихъ обстоятельствахъ по смерти его будутъ тѣ, которые отъ него зависятъ; поэтому ему слѣдуетъ предоставить исправленіе несовершенствъ закона въ тѣхъ случаяхъ, которыхъ законъ не могъ предвидѣть. Право завѣщать есть орудіе, даваемое индивидуумамъ для предотвращенія частныхъ бѣдствій.

2. Право завѣщать можетъ быть также разсматриваемо какъ орудіе власти, ввѣряемое индивидуумамъ для поощренія добродѣтели и обузданія порока въ нѣдрахъ семьи. Правда, это орудіе можетъ быть обращено и въ противную сторону, но къ счастію подобные случаи могутъ быть только какъ исключеніе. Интересъ каждаго члена семьи требуетъ, чтобъ поведеніе каждаго другаго члена было соотвѣтственно добродѣтели, т. е. общей пользѣ. Страсти могутъ по временамъ причинять случайныя отступленія, но законъ долженъ основываться на обыкновенномъ ходѣ вещей. Добродѣтель есть преобладающее начало въ обществѣ: даже порочные родители часто оказываются не менѣе заботливы, чѣмъ другіе, о честности и доброй славѣ своихъ дѣтей. Даже человѣкъ, самый неразборчивый на средства, приходитъ въ отчаяніе, когда его дурные поступки становятся извѣстны его семьѣ; при всей

своей порочности онъ не перестаетъ быть въ семьѣ апостоломъ честности, такъ какъ самъ нуждается въ честности тѣхъ, кто ему служитъ. Въ этомъ отношеніи законъ можетъ оказать довѣріе каждому собственнику. Вооруженный правомъ завѣщать, т. е. правомъ награждать и наказывать, собственникъ можетъ быть разсматриваемъ какъ правитель небольшаго царства, называемаго семьей, на котораго возложена обязанность блюсти въ этомъ царствѣ добрый порядокъ. Конечно, этотъ правитель можетъ злоупотребить своей властью, и такъ какъ его не сдерживаютъ ни гласность, ни отвѣтственность, то повидимому онъ долженъ быть даже болѣе склоненъ къ злоупотребленіямъ, чѣмъ всякій другой правитель, но эта опасность болѣе чѣмъ уравновѣшивается узами интереса и привязанности, которые приводятъ его наклонности въ согласіе съ его обязанностями. Его естественная привязанность къ дѣтямъ и къ родственникамъ служитъ залогомъ добраго его поведенія, и этотъ залогъ составляетъ не меньшее обезпеченіе, чѣмъ какое могутъ представлять какіе бы то ни были политическіе правители. Такимъ образомъ, взвѣсивъ всѣ обстоятельства, мы приходимъ къ тому заключенію, что власть этого безотчетнаго правителя не только безусловно необходима для малолѣтнихъ дѣтей, но должна оказываться чаще полезной, чѣмъ вредной, даже и по отношенію къ совершеннолѣтнимъ.

3. Право завѣщать полезно еще съ другой стороны: оно есть орудіе управленія съ властью господина не ради блага повинующихся, какъ мы видѣли въ предшествующемъ параграфѣ, а ради блага самого повелѣвающаго. Черезъ это право власть настоящаго поколѣнія простирается на часть будущаго, и богатство каждаго собственника въ нѣкоторомъ смыслѣ удвоивается. Посредствомъ распоряженій, захватывающихъ такое время, когда его уже не будетъ въ живыхъ, собственникъ доставляетъ себѣ множество выгодъ, превышающихъ тѣ средства, которыми онъ обладаетъ въ настоящемъ. Это увеличиваетъ награду за родительскія заботы чрезъ продленіе подчиненія дѣтей за предѣлъ ихъ совершеннолѣтія, и обезпечиваетъ родителей противъ неблагодарности. Хотя пріятно было бы думать, что подобныя предосторожности совершенно излишни, но тѣмъ не менѣе, если мы поразмыслимъ о слабостяхъ старческаго возраста, то увидимъ, что, какъ противоядіе этимъ слабостямъ, необходимо предоставить старческому возрасту всѣ искусственныя средства, могущія увеличивать его значеніе. Надо сберегать для человѣка все, что можетъ служить ему опорой на быстромъ склонѣ жизни, и небезполезно, чтобы интересъ напоминалъ объ обязанностяхъ къ нему.

Неблагодарность со стороны дѣтей, презрѣніе къ старческому воз-

расту суть такіе пороки, которые встрѣчаются довольно рѣдко въ цивилизованныхъ обществахъ, но мы не должны забывать, что право дѣлать завѣщанія существуетъ повсемѣстно въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Рѣже ли встрѣчаются эти пороки тамъ, гдѣ право завѣщанія болѣе ограничено? Для рѣшенія этого вопроса необходимо наблюденіе надъ тѣмъ, что происходитъ въ бѣдныхъ семействахъ, гдѣ почти нечего завѣщать. Впрочемъ и эти наблюденія могутъ повести къ ошибочному выводу, если мы упустимъ изъ виду, что право завѣщать, будучи установлено закономъ, вліяетъ на общіе нравы, а общіе нравы въ свою очередь, вліяютъ на чувство индивидуумовъ. Признаніе за родителями этого права дѣлаетъ родительскую власть болѣе уважаемой, и даже бѣдный родитель, который, по причинѣ своей бѣдности, не можетъ примѣнить его, безсознательно извлекаетъ изъ него для себя выгоду вслѣдствіе порождаемаго имъ въ обществѣ подчиненія дѣтей родителямъ.

Дѣлая отца правителемъ семьи, надо остерегаться, чтобы не сдѣлать его тираномъ. Если дѣти могутъ быть не правы по отношенію къ отцу, то и отецъ съ своей стороны также можетъ быть не правъ по отношенію къ дѣтямъ, и если ему можно предоставить право наказывать дѣтей, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ ему должно было предоставить право морить дѣтей голодомъ. Поэтому установленіе того, что называется во Франціи une legitime, совершенно цѣлесообразно; оно занимаетъ должную средину между семейнымъ безначаліемъ и семейной тираніей. Впрочемъ родителямъ должно быть предоставлено право лишать своихъ дѣтей даже и этой законной части, когда на то существуютъ достаточныя причины, но эти причины должны быть опредѣлены закономъ, и въ каждомъ частномъ случаѣ должно требоваться, чтобы онѣ были доказаны судебнымъ порядкомъ.

При этомъ представляется еще другой вопросъ: должно ли быть дано собственнику право завѣщать свое имущество—за неимѣніемъ естественныхъ наслѣдниковъ—кому онъ вздумаетъ, будутъ ли это отдаленные родственники или совершенно посторонніе люди? Въ этомъ случаѣ наслѣдованіе фиска, о которомъ мы говорили въ главѣ о наслѣдствѣ, значительно уменьшилось бы и могло бы имѣть мѣсто только въ случаѣ смерти безъ завѣщанія. Относительно этого вопроса требованія пользы говорятъ частью да и частью нѣтъ: надо выбрать середину.

Съ одной стороны, при неимѣніи родственниковъ, человѣкъ нуждается въ услугахъ постороннихъ лицъ и получаетъ къ нимъ почти такую же привязанность, какъ къ родственникамъ. Поэтому необходимо, чтобы онъ имѣлъ возможность возбуждать надежду на полученіе награды и награждать за оказанныя ему услуги,—надо, чтобъ онъ могъ облегчить

горе друга, съ которымъ провелъ свою жизнь, не говоря уже о той женщинѣ, которая только по несовершенію обряда не можетъ назваться его вдовой, и не говоря о сиротахъ, которыхъ только одинъ законодатель не признаетъ его дѣтьми.

Съ другой стороны, если, для увеличенія наслѣдованія фиска, вы отнимете у собственника право завѣщать свое имущество другимъ, то не побудите ли вы его черезъ это къ растратѣ имущества? Если онъ не будетъ вправѣ распорядиться своимъ капиталомъ на случай смерти, то распорядится такъ, что превратитъ этотъ капиталъ въ годовую для себя ренту. Не значило ли бы это поощрять собственника къ расточительности, — не равнялось ли бы это тому, какъ еслибъ вы установили законъ противъ бережливости!

Эти основанія, безъ сомнѣнія, должны быть предпочтены интересу фиска. Собственнику, не имѣющему близкихъ родственниковъ, необходимо предоставить право распорядиться на случай смерти, по крайней мѣрѣ, хотя половиной своего имущества, обращая другую половину на пользу фиска. Въ этомъ случаѣ довольствоваться меньшимъ едвали не будетъ средствомъ получить больше. Но было бы еще лучше вовсе не нарушать принципа, дозволяющаго каждому собственнику распоряжаться своей собственностью на случай смерти, и не создавать особаго класса собственниковъ, которые бы считали себя ниже другихъ, такъ какъ ихъ право завѣщанія ограничивалось бы только половиной ихъ имущества.

Все, сказанное нами о переходѣ собственности между живыми, слѣдуетъ примѣнить къ завѣщаніямъ. Относительно большей части пунктовъ окажется полное соотвѣтствіе, а относительно другихъ—контрастъ, но это примѣненіе полезно какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ.

Причины, дѣлающія недѣйствительнымъ переходъ собственности между живыми, имѣютъ то же значеніе и относительно завѣщаній, съ тѣмъ только исключеніемъ, что на мѣсто недозволительнаго умолчанія слѣдуетъ поставить ошибочное предположеніе со стороны завѣщателя. Напр. я завѣщалъ извѣстное имущество зятю моему Тицію, полагая, что онъ состоитъ съ моей дочерью въ законномъ бракѣ, а между тѣмъ оказывается, что онъ женился на моей дочери, когда еще была жива его первая жена.

Относительно способа совершенія завѣщаній представляется довольно трудная дилемма. Если признать дѣйствительными завѣщанія, совершенныя на смертномъ одрѣ безъ всякихъ формальностей, то легко могутъ быть случаи насилія и обмана. Если же требовать, чтобы завѣщанія совершались съ соблюденіемъ строгихъ формальностей, то въ такомъ случаѣ завѣщатели могутъ очутиться въ безпомощномъ состояніи въ ту

именно минуту, когда наиболѣе нуждаются въ помощи. Можетъ случиться, что жестокіе наслѣдники станутъ мучить завѣщателя, чтобъ обезпечить себѣ или ускорить полученіе выгодъ по завѣщанію, уже совершенному съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Умирающій, который не можетъ ничего ни дать, ни отнять, не внушаетъ къ себѣ страха. Еслибы мы стали разсматривать, какимъ образомъ могутъ быть уменьшены эти двѣ противоположныя опасности, то намъ пришлось бы входить въ большія подробности.

ГЛАВА V.

Право на услуги. Способъ ихъ пріобрѣтенія.

Мы говорили о вещахъ, — теперь будемъ говорить объ услугахъ. Этотъ родъ собственности иногда сливается съ вещами, а иногда представляется въ отдѣльной формѣ.

Сколько есть разнаго рода услугъ? столько же, сколько различныхъ способовъ, какими человѣкъ можетъ быть полезенъ другому человѣку, доставляя ему какое-либо благо, или предохраняя его отъ какого либо зла.

Общественная жизнь состоитъ въ мѣнѣ услугъ. Однѣ услуги свободны, другія не свободны.

Услуги, опредѣленныя закономъ, образуютъ права и обязанности. Если я имѣю право на услуги другаго, то этотъ другой имѣетъ обязанность по отношенію ко мнѣ: эти два термина соотносительны.

Первоначально всѣ услуги были свободны. Только постепенно, чрезъ вмѣшательство законовъ, наиболѣе важныя услуги превратились въ предметъ положительныхъ правъ: такъ отношенія между мужемъ и женой, отцемъ и дѣтьми были первоначально совершенно свободны и потомъ чрезъ учрежденіе брака превратились въ легальныя обязанности. Такъ законъ въ нѣкоторыхъ государствахъ превратилъ въ обязанность вспомоществованіе бѣднымъ, что у большей части народовъ до сихъ поръ составляетъ предметъ неограниченной свободы. Эти политическія обязанности суть по отношенію къ обязанностямъ чисто общественнымъ, совершенно тоже, что по отношенію къ простому полю огороженныя мѣста, гдѣ воздѣлывается особаго рода растительность, требующая особыхъ мѣръ предосторожности для успѣшнаго произрастанія. Эта растительность можетъ произрастать и можетъ быть охраняема и не въ загороженномъ мѣстѣ, но она менѣе подвержена разнаго рода случайностямъ, когда растетъ за изгородью, установленной законами и охраняемой государственной властью.

Впрочемъ, есть много такого рода услугъ, на которыя законодатель при всемъ желаніи не можетъ наложить свою руку: ихъ нельзя приказать, потому что нѣтъ возможности ихъ опредѣлить, или потому что всякое принужденіе необходимо измѣнитъ ихъ въ самомъ существѣ и сдѣлаетъ ихъ зломъ. Для наказанія за ихъ невыполненіе потребовался бы такой аппаратъ мѣръ изслѣдованія и кары, который навелъ бы ужасъ на все общество. Кромѣ того, законъ не можетъ знать препятствій, какія въ дѣйствительности могутъ встрѣтиться для ихъ выполненія, не можетъ заставить дѣйствовать скрытыя силы, не можетъ создать той энергіи, того избытка рвенія, который преодолѣваетъ препятствія и совершаетъ въ тысячу разъ больше, чѣмъ могутъ заставить совершить какія бы то ни были приказанія.

Несовершенство закона въ этомъ отношеніи исправляется особаго рода дополнительнымъ закономъ, т. е. нравственнымъ кодексомъ, который не писанъ, котораго вся сила заключается въ установившемся мнѣніи, въ нравахъ, въ обычаяхъ, и который начинается тамъ, гдѣ кончается сила законодательнаго кодекса. Обязанности, предписываемыя этимъ нравственнымъ кодексомъ, услуги, имъ налагаемыя во имя справедливости, патріотизма, доблести, человѣколюбія, великодушія, чести, безкорыстія, не получаютъ непосредственно помощи отъ законовъ, но черпаютъ свою силу отъ другихъ санкцій, которыя сопровождаютъ ихъ своими наградами и карами. Такъ какъ обязанности этого второстепеннаго кодекса не носятъ на себѣ печати закона, то ихъ выполненіе болѣе достохвально, болѣе доблестно, и эта честь, доставляемая ихъ выполненіемъ, къ счастью, вознаграждаетъ недостатокъ въ нихъ дѣйствительной силы. Послѣ этого отступленія о нравственности возвратимся къ законодательству.

Между различнаго рода услугами самое видное мѣсто занимаютъ услуги, заключающіяся въ распоряженіи собственностью на пользу другаго.

Изъ всѣхъ предметовъ собственности самую видную роль въ цивилизованныхъ обществахъ играютъ деньги, этотъ почти всемірный представитель цѣнности. Такимъ образомъ разсмотрѣніе услугъ часто превращается въ разсмотрѣніе вещей.

Есть случаи, гдѣ необходимо требовать услугъ ради выгоды того, кто повелѣваетъ: таково положеніе господина по отношенію къ слугѣ.

Есть случаи, въ которыхъ необходимо требовать услугъ ради выгоды того, кто повинуется: таково положеніе питомца по отношенію къ опекуну. Эти два соотносительныя положенія составляютъ основу всѣхъ другихъ. Принадлежащія имъ права суть элементы, изъ которыхъ образуются всѣ другія положенія.

Отецъ долженъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опекунъ, а въ другихъ господинъ своего ребенка. Мужъ долженъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опекунъ, а въ другихъ господинъ своей жены.

Эти положенія могутъ продолжаться неопредѣленное время и образуютъ домашнее общество. Права, долженствующія имъ принадлежать, будутъ нами разсмотрѣны особо. Общественныя услуги, выполняемыя чиновниками и гражданами, образуютъ другой родъ обязанностей, которыхъ установленіе составляетъ предметъ конституціоннаго кодекса. Но кромѣ этихъ постоянныхъ отношеній существуютъ еще отношенія временныя и случайныя, въ которыхъ законъ можетъ требовать услугъ отъ одного индивидуума въ пользу другаго.

Способъ пріобрѣтенія правъ на услуги или, другими словами, причины, побуждающія законодателя создавать обязательства, могутъ быть подведены подъ три рубрики: 1) высшая нужда; 2) предшествующая услуга; 3) согласіе или договоръ. Разсмотримъ подробно эти три рубрики.

1. *Высшая нужда,*

т. е. нужда въ услугѣ, превосходящая тягость выполненія услуги.

Каждый индивидуумъ постоянно занятъ заботами о своемъ благосостояніи. Эти заботы столь же законны, какъ и необходимы. Предположимъ, что этотъ принципъ можетъ быть замѣненъ противоположнымъ принципомъ, т. е. что любовь къ другимъ имѣла бы перевѣсъ надъ любовью къ самому себѣ,—въ результатѣ получился бы порядокъ вещей въ высшей степени странный и пагубный. Но много такихъ случаевъ, когда благосостояніе другаго можетъ быть значительно увеличено при весьма незначительной и даже почти неощутимой жертвѣ своего собственнаго. Въ подобныхъ обстоятельствахъ предотвращеніе нами зла, готоваго обрушиться на другаго, составляетъ такую услугу, которую законъ можетъ отъ насъ потребовать: невыполненіе нами этой услуги, вопреки требованію закона, будетъ преступленіемъ, которое можно назвать отрицательнымъ въ отличіе отъ преступленія положительнаго, т. е. въ отличіе отъ тѣхъ преступленій, когда преступность заключается въ причиненіи зла.

Какъ бы ни была легка услуга, она во всякомъ случаѣ можетъ быть зломъ, — вынужденная услуга безспорно составляетъ зло, такъ какъ всякое принужденіе есть зло. Слѣдовательно, чтобъ требовать отъ васъ какой либо услуги для меня, надо, чтобы зло отъ неполученія

этой услуги было такъ велико, а зло отъ оказанія ея такъ мало, что никто не долженъ опасаться подвергнуть себя этому второму злу, когда идетъ дѣло о предотвращеніи перваго. Опредѣлить точныя границы въ этомъ случаѣ невозможно: надо принимать во вниманіе обстоятельства, въ какихъ могутъ находиться заинтересованныя стороны, и рѣшеніе вопроса въ каждомъ частномъ случаѣ должно быть предоставлено судьѣ.

Добрый самарянинъ спасъ своею помощью жизнь раненому путешественнику. Это былъ поступокъ благородный, добродѣтельный, скажемъ болѣе, это было исполненіемъ нравственной обязанности. Должна ли такого рода услуга быть возведена въ политическую обязанность?— Такой образъ дѣйствія долженъ ли быть предписываемъ общимъ закономъ? Нѣтъ, по крайней мѣрѣ не иначе, какъ съ допущеніемъ исключеній, болѣе или менѣе широкихъ. Напр. необходимо сдѣлать исключеніе въ пользу хирурга, котораго ожидаютъ нѣсколько тяжело раненныхъ, находящихся въ большой опасности,—или въ пользу офицера, который отправляется на свой постъ для отраженія враговъ,—или въ пользу отца семейства, который спѣшитъ на помощь къ своимъ дѣтямъ, когда имъ угрожаетъ большая опасность.

Этотъ принципъ высшей нужды составляетъ основу многихъ обязанностей. Обязанности отца по отношенію къ дѣтямъ могутъ быть очень для него тяжелы; но это зло совершенно ничтожно по сравненію съ тѣмъ зломъ, какое бы воспослѣдовало, еслибы отецъ оставилъ своихъ дѣтей. Обязанность защищать государство можетъ быть и еще тяжеле, но еслибъ оно не было защищаемо, то не могло бы и существовать. Не платить налоговъ значитъ уничтожить правительство. Прекратить исполненіе общественныхъ обязанностей значитъ дать полный просторъ всякаго рода бѣдствіямъ и всякаго рода преступленіямъ.

Понятно, что обязанность исполнять извѣстныя услуги должна быть возлагаема на того индивидуума, который, вслѣдствіе частнаго своего положенія, имѣетъ къ ихъ выполненію большую возможность или большую наклонность, чѣмъ другіе индивидуумы. Такъ въ опекуны къ сиротамъ избираютъ родственниковъ или друзей, которымъ эта обязанность менѣе тяжела, чѣмъ постороннимъ лицамъ.

2. *Предшествующая услуга,*

т. е. оказанная услуга, вслѣдствіе которой отъ лица, ею воспользовавшагося, требуется вознагражденіе въ пользу лица, ее оказавшаго.

Здѣсь вопросъ гораздо проще: надо только оцѣнить полученную

пользу и на основаніи этой оцѣнки опредѣлить вознагражденіе,—здѣсь меньше должно быть предоставлено на усмотрѣніе судьи.

Предположимъ такіе случаи: медикъ оказалъ помощь больному, который лишился чувствъ и не въ состояніи былъ даже просить о помощи,—хранитель вашей вещи затратилъ свой трудъ или свои деньги на ея сохраненіе, не ожидая вашей просьбы объ этомъ,—человѣкъ подвергъ свою жизнь опасности для спасенія, во время пожара, вашей жизни, или принадлежащихъ вамъ драгоцѣнныхъ вещей,—ваше имущество брошено въ море для облегченія судна и для спасенія остальной части груза. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и въ тысячѣ другихъ, которые представить себѣ не трудно, законъ долженъ обезпечивать вознагражденіе за оказанную услугу.

Вознагражденіе имѣетъ въ этихъ случаяхъ на своей сторонѣ самыя сильныя основанія: при вознагражденіи получившій услугу все-таки остается въ выгодѣ, а при невознагражденіи оказавшій услугу остается въ убыткѣ.

Такой порядокъ не только выгоденъ для тѣхъ, которые получаютъ вознагражденіе, но даже еще болѣе выгоденъ для тѣхъ, которые могутъ нуждаться въ подобныхъ услугахъ: онъ устраняетъ противорѣчіе между личнымъ интересомъ и желаніемъ сдѣлать добро въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣку представляется возможность оказать услугу, болѣе или менѣе для него тяжелую. Отъ сколькихъ золъ можетъ предохранить подобная мѣра? Какъ часто требованія благоразумія оказываются въ противорѣчіи съ законнымъ желаніемъ сдѣлать добро, и мудрый законодатель не долженъ ли стараться насколько возможно примирить это противорѣчіе? Разсказываютъ, что въ Аѳинахъ неблагодарность наказывалась какъ обманъ, который ослабляетъ взаимное довѣріе и тѣмъ затрудняетъ оказаніе взаимныхъ услугъ. Я не предлагаю наказывать за неблагодарность,—я говорю только, что неблагодарность, во многихъ случаяхъ, можетъ быть предотвращена. Если человѣкъ, которому вы оказали услугу, и окажется неблагодарнымъ, то это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, когда законъ, не полагаясь на добродѣтели, обезпечиваетъ вамъ вознагражденіе и въ важныхъ случаяхъ опредѣляетъ это вознагражденіе въ такихъ размѣрахъ, что оно вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ для васъ наградой.

Награда! вотъ истинное средство для полученія услугъ. Въ сравненіи съ нимъ наказаніе есть средство слабое. Чтобъ наказаніе за невыполненіе какой-либо услуги было вполнѣ основательно, надо удостовѣриться, что индивидуумъ имѣлъ возможность оказать ее, и что для неоказанія ея не имѣлъ никакой основательной причины; но удостовѣ-

риться въ этомъ можно не иначе, какъ съ помощью трудной и весьма сомнительной процедуры. Кромѣ того, когда услуга оказывается только изъ страха наказанія, то она совершается не больше какъ въ тѣхъ только размѣрахъ, которые абсолютно необходимы для избѣжанія наказанія. Совсѣмъ иное дѣйствіе производитъ надежда на награду: она возбуждаетъ скрытыя силы, преодолѣваетъ препятствія, порождаетъ чудеса рвенія въ такихъ случаяхъ, когда угроза порождаетъ только отвращеніе и уныніе.

Соблюденіе интересовъ обѣихъ сторонъ требуетъ троякой предосторожности: во первыхъ, чтобы лицемѣрное великодушіе не превратилось въ тиранію и не требовало награды за такія услуги, которыя не были бы приняты, еслибъ было извѣстно, что онѣ оказываются не безкорыстно,— во вторыхъ, чтобы корыстное рвеніе не вымогало себѣ награды за такія услуги, въ которыхъ вовсе не было надобности или которыя могли бы быть получены за меньшую цѣну,—въ третьихъ, чтобы индивидуума не стѣснила толпа услужниковъ и чтобы для вознагражденія этой толпы не потребовалось отъ него жертвы, превышающей полученную имъ пользу отъ ея услугъ [1]).

Не трудно усмотрѣть, что предшествующая услуга составляетъ основу многихъ родовъ обязанностей. На ней основываются права родителей по отношенію къ дѣтямъ: когда, по естественному ходу вещей, слабость несовершеннолѣтія смѣняется силой зрѣлаго возраста, для дѣтей прекращается необходимость въ полученіи услугъ отъ родителей и начинается обязанность вознаграждать родителей за предшествующія ихъ услуги. На этомъ же основываются права женъ по отношенію къ мужьямъ въ тотъ періодъ супружеской жизни, когда время уже сгладило привлекательность, которая была основой брачнаго союза.

На этомъ же принципѣ основаны учрежденія на общественный счетъ въ пользу лицъ, оказавшихъ услуги государству. Награда за прошлыя услуги есть орудіе для созданія будущихъ услугъ.

3. *Соглашеніе или договоръ,*

т. е. когда между двумя или тремя лицами дѣлается обѣщаніе, выполненіе котораго признается ими для себя легально обязательнымъ.

Все сказанное нами о согласіи относительно распоряженія соб-

[1]) Это можетъ быть примѣнено къ положенію короля, возвратившаго себѣ тронъ предковъ благодаря помощи вѣрныхъ слугъ, какъ это было напр. съ Генрихомъ IV или съ Карломъ II. Положеніе несчастное! Неудовольствіе слугъ будетъ все возрастать, пока само царство, возвращенное цѣной ихъ усилій, не будетъ роздано имъ въ награду. Б.

ственностью должно быть повторено и о согласіи относительно распоряженія услугами: въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же основанія для санкціонированія согласія,—одна и та же основная аксіома: всякое отчужденіе услуги предполагаетъ выгоду, такъ какъ никто не захочетъ обязывать себя ни къ чему, если къ этому не побуждаетъ польза.

Тѣ же причины, которыя дѣлаютъ согласіе недѣйствительнымъ въ первомъ случаѣ, дѣлаютъ его недѣйствительнымъ и во второмъ, какъ то: недозволительное умолчаніе, обманъ, насиліе, подкупъ, ошибочное предположеніе существованія легальной обязанности, ошибочное предположеніе цѣны, ограниченіе въ пользованіи правъ, малолѣтство, сумасшествіе, вѣроятность вредныхъ послѣдствій отъ выполненія контракта безъ вины въ томъ со стороны договорившихся сторонъ [1]).

Мы не будемъ останавливаться на слѣдующихъ причинахъ, уничтожающихъ договоръ: 1) выполненіе; 2) замѣна; 3) выраженное или само собой разумѣющееся освобожденіе отъ выполненія; 4) истеченіе срока; 5) физическая невозможность; 6) бо́льшія неудобства отъ выполненія, чѣмъ отъ невыполненія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ основаніе, санкціонировавшее услугу, болѣе не существуетъ; впрочемъ два послѣдніе случая касаются только буквальнаго выполненія и могутъ дать поводъ къ вознагражденію. Если одна изъ договорившихся сторонъ уже исполнила договоръ, или если одна сторона исполнила болѣе, чѣмъ другая, то при такомъ положеніи сторонъ уничтоженіе договора должно необходимо сопровождаться возстановленіемъ равновѣсія.

Наша цѣль—установленіе общихъ принциповъ. Мы не намѣрены входить въ подробности: частныя правила необходимо должны быть различны, чтобъ соотвѣтствовать разнообразію обстоятельствъ. При ясномъ пониманіи небольшаго числа общихъ правилъ не очень трудно установить частныя правила, проникнутыя тѣмъ же духомъ. Слѣдующія правила кажутся намъ на столько простыми, что не требуютъ дальнѣйшаго развитія.

1) Избѣгай причинить страданія отъ невыполненіе ожиданій.

2) Когда нельзя вполнѣ избѣжать этого зла, то старайся уменьшить его насколько возможно, распредѣляя его между заинтересованными сторонами пропорціонально ихъ собственности.

---

[1]) Къ этой рубрикѣ можетъ быть отнесенъ англійскій законъ, признающій бракъ членовъ королевскаго дома недѣйствительнымъ, если онъ совершенъ безъ согласія короля. Б.

3) Наблюдай при этомъ распредѣленіи, чтобъ наибольшая доля зла упадала на того, кто при надлежащей заботливости могъ бы устранить его, и чтобъ онъ такимъ образомъ былъ наказанъ за свою небрежность.

4) Особенно остерегайся, чтобъ не причинить случайнаго зла, еще большаго, чѣмъ зло отъ невыполненія ожиданій.

Общее замѣчаніе.

Вся наша теорія обязательствъ основана на пользѣ, — мы построили это громадное зданіе на трехъ принципахъ: высшая нужда, предшествующая услуга, соглашеніе или договоръ. Кто повѣритъ, что для достиженія столь простыхъ и даже столь обиходныхъ понятій необходимо было пролагать новую дорогу? Что говорятъ мастера науки,— Гроцій, Пуффендорфъ, Бурламакки, Ваттель, даже самъ Монтескье, Loккъ, Руссо и вся толпа ихъ комментаторовъ! Сдѣлалъ ли кто изъ нихъ попытку раскрыть принципъ обязательства? Они говорятъ о естественномъ правѣ, о божественномъ законѣ, о совѣсти, общественномъ договорѣ, подразумѣваемомъ договорѣ и проч. Я очень хорошо знаю, что эти термины совмѣстимы съ истиннымъ принципомъ, что въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного, который бы, съ помощью болѣе или менѣе длинныхъ объясненій, не могъ быть сведенъ къ обозначенію какого-либо блага или какого-либо зла. Но этотъ косвенный и извилистый методъ затруднителенъ, шатокъ, не въ состояніи положить конецъ спорамъ.

Всѣ эти мастера науки не видѣли, что договоръ, строго говоря, въ самомъ себѣ не заключаетъ своего оправданія, что ему необходима первоначальная, независимая основа. Договоръ свидѣтельствуетъ о существованіи взаимной выгоды для договорившихся сторонъ: въ этой полезности и заключается его сила,—только это и даетъ возможность различить, какіе договоры должны быть признаны дѣйствительными и какіе недѣйствительными. Еслибы договоръ въ самомъ себѣ заключалъ свое оправданіе, то въ такомъ случаѣ онъ всегда долженъ былъ бы имѣть одинаковую силу. Если вредность дѣлаетъ договоръ недѣйствительнымъ, то полезность должна дѣлать его дѣйствительнымъ.

ГЛАВА VI.

Общность имущества.—Ея неудобства

Ничто такъ ни противно принципу пользы, какъ общность имущества, особенно та неопредѣленная общность, когда имущество, взятое въ его цѣломъ, не принадлежитъ никому.

1) Она составляетъ неистощимый источникъ раздоровъ: не удовлетворяетъ ни одной изъ заинтересованныхъ сторонъ, и только порождаетъ недовольства и страданія отъ неисполненія ожиданій.

2) Нераздѣльная собственность всегда утрачиваетъ большую часть своей цѣны для каждаго изъ участвующихъ. Съ одной стороны она подвержена всякаго рода расхищенію, такъ какъ ее не охраняетъ ни чей личный интересъ; а съ другой, она не получаетъ никакихъ улучшеній. Зачѣмъ буду я дѣлать расходы, которыхъ тяжесть несомнѣнна и падетъ вполнѣ на меня, между тѣмъ какъ выгода сомнительна и во всякомъ случаѣ подлежитъ раздѣлу.

3) Кажущееся въ этомъ случаѣ равенство служитъ только для прикрытія дѣйствительнаго неравенства: наиболѣе сильные безнаказанно злоупотребляютъ своей силой,—наиболѣе богатые еще болѣе богатѣютъ на счетъ бѣдныхъ. Общность имущества напоминаетъ близнецовъ-уродовъ, сросшихся спинами, изъ которыхъ болѣе сильный тащитъ болѣе слабаго.

Сказанное нами не относится къ общности имущества между мужемъ и женой: живя вмѣстѣ, заботясь вмѣстѣ о своихъ интересахъ и объ интересахъ своихъ дѣтей, они должны сообща пользоваться имуществомъ, которое не только сохраняется, но даже часто и пріобрѣтается цѣной ихъ общихъ усилій. Кромѣ того въ случаѣ разногласія споръ между ними продолжается не долго, такъ какъ законъ признаетъ за мужемъ рѣшительный голосъ.

Сказанное не относится также къ общности имущества въ торговыхъ товариществахъ. Эта общность имѣетъ своей цѣлью пріобрѣтеніе и не распространяется на пользованіе. Относительно пріобрѣтенія всѣ члены товарищества имѣютъ одну и ту же цѣль, одинъ и тотъ же интересъ; относительно же пользованія и потребленія каждый изъ нихъ независимъ другъ отъ друга. Кромѣ того они обыкновенно бываютъ малочисленны, свободно сходятся и свободно расходятся. Въ общей собственности мы видимъ совершенно противное.

Въ Англіи одно изъ величайшихъ и наиболѣе цѣнимыхъ улучшеній есть раздѣленіе общихъ земель. Пространства, подвергшіяся этой счастливой перемѣнѣ, какъ будто колонизованы вновь: вмѣсто прежней печальной, безплодной степи вы видите роскошныя жатвы, стада, веселыя жилища. Вотъ великіе трофеи мирнаго труда! вотъ великія завоеванія, которыя не сопровождаются бѣдствіями, не возбуждаютъ вражды! Но кто повѣритъ, что на этомъ островѣ, гдѣ земледѣліе пользуется столь великимъ уваженіемъ, цѣлые милліоны акровъ плодородной земли до сихъ поръ составляютъ предметъ общей собственности. Въ недавнее

время правительство, желая привести въ извѣстность положеніе поземельной собственности, собрало во всѣхъ областяхъ подробныя свѣдѣнія, которыя вполнѣ обнаружили высказанную нами важную истину, обѣщающую сдѣлаться плодотворной [1]).

Неудобства, какія представляетъ общность имущества, не встрѣчаются въ сервитутахъ (т. е. въ частныхъ правахъ на чужую недвижимость, какъ напр. право проѣзда, право пользованія водой), кромѣ случайныхъ исключеній. Эти права вообще ограничены. Цѣнность, утрачиваемая землей, несущей на себѣ сервитутъ, не равняется цѣнности, пріобрѣтаемой землею, пользующеюся сервитутомъ,—или другими словами: неудобства первой не такъ велики, какъ выгоды второй.

Въ Англіи продажная цѣна свободныхъ земель (freehold) равняется тридцатилѣтней рентѣ, между тѣмъ какъ цѣна ленныхъ земель (copyhold) равняется только двадцатилѣтней рентѣ. Это различіе въ цѣнѣ происходитъ вслѣдствіе того, что на послѣднюю ленный владѣлецъ имѣетъ нѣкоторыя права, которыя дѣлаютъ ее какъ бы общей собственностью вассальнаго владѣльца и главнаго собственника. Ошибочно было бы думать, что въ этомъ случаѣ утрачиваемое вассаломъ получается леннымъ владѣльцемъ: наибольшая часть этой утраты составляетъ выгоду ходатаевъ по дѣламъ, идетъ на безполезныя формальности и разныя отяготительныя мелочи. Это есть остатокъ феодальной системы.

«Превосходное зрѣлище представляютъ намъ феодальные законы», говоритъ Монтескьё, и далѣе онъ сравниваетъ ихъ съ величественнымъ старымъ дубомъ. Мы должны скорѣе сравнить ихъ съ тѣмъ страшнымъ деревомъ (монценило), котораго сокъ отравляетъ человѣка и подъ тѣнью котораго гибнетъ всякая растительность. Феодальная система внесла въ законы запутанность и сложность, отъ которыхъ ихъ трудно освободить,—и такъ какъ она повсюду переплелась съ правомъ собственности, то требуется большая осмотрительность, чтобы, уничтожая одну, не нарушить другой.

---

[1]) Могутъ быть обстоятельства, не подходящія подъ общее правило,—такъ въ Швейцаріи, въ верхнихъ Альпахъ, большая часть земель составляетъ предметъ общей нераздѣльной собственности. Можетъ быть, это единственный способъ владѣнія, пригодный для пастбищъ, пользованіе которыми возможно только въ извѣстныя времена года,—можетъ быть также, что такой способъ владѣнія составляетъ необходимую основу чисто демократическаго устройства, соотвѣтствующаго условіямъ, въ какихъ живетъ это горное населеніе. Б.

ГЛАВА VII.

О распредѣленіи утратъ.

Вещи составляютъ одинъ классъ предметовъ пріобрѣтенія, услуги— другой классъ. Мы разсмотрѣли различные способы пріобрѣтенія и утратъ (т. е. прекращенія владѣнія) и тѣхъ и другихъ. Аналогія между пріобрѣтеніемъ и утратой указываетъ, повидимому, на предстоящій трудъ разсмотрѣть различные способы распредѣленія утратъ, какимъ подвержены оба класса предметовъ. Эта задача не потребуетъ отъ насъ много времени. Когда уничтожается, портится, утрачивается какой-либо предметъ, котораго собственникъ извѣстенъ, то на собственника она и падаетъ всей тяжестью. Если же собственникъ неизвѣстенъ, то утрата не падаетъ ни на кого, она какъ бы вовсе не существуетъ. Что же касается до тѣхъ случаевъ, когда утрата должна падать не на собственника, а на другое лицо, т. е. другими словами, если собственникъ долженъ быть вознагражденъ за утрату, то это будетъ разсмотрѣно въ уголовномъ кодексѣ, а здѣсь мы ограничимся только однимъ примѣромъ для указанія основныхъ принциповъ.

Когда покупщика и продавца какой-либо вещи раздѣляетъ большое пространство, то вещь необходимо должна пройти чрезъ большее или меньшее число посредствующихъ лицъ,—при перевозкѣ ея сухимъ путемъ или водой она можетъ погибнуть, испортиться, утратиться, можетъ вовсе не достигнуть своего назначенія, или достигнуть не въ томъ видѣ, въ какомъ была отправлена: на кого въ такомъ случаѣ должна падать утрата? на продавца или на покупщика? я говорю: на продавца, оговаривая при этомъ въ пользу продавца право искать съ посредствующихъ агентовъ. Продавецъ можетъ своими заботами содѣйствовать безопасности товара, — онъ долженъ избрать удобное время и удобный способъ для отправки, долженъ принять предосторожности, чтобъ, въ случаѣ утраты, имѣть доказательства для взысканія съ виновныхъ въ утратѣ. Все это гораздо легче сдѣлать человѣку, занимающемуся торговлей, чѣмъ покупщику. Покупщикъ же только по какому либо случаю можетъ иногда отчасти содѣйствовать безопасности товара, который желаетъ пріобрѣсть.—Основаніе: высшая способность для предупрежденія утраты. Принципъ: безопасность.

Частныя обстоятельства могутъ иногда требовать отступленія отъ этого общаго правила,—а тѣмъ болѣе дозволительно отступать отъ нихъ индивидуумамъ по взаимному между собой соглашенію. Я указываю здѣсь только на принципы; разсматривать же здѣсь ихъ примѣненія было бы неумѣстно.

ЧАСТЬ III.

О правахъ и обязанностяхъ различныхъ частныхъ положеній.

ВВЕДЕНІЕ

Мы перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію правъ и обязанностей, соединяемыхъ закономъ съ различными частными положеніями. Эти положенія могутъ быть подведены подъ четыре рубрики: господинъ и слуга, опекунъ и питомецъ, родители и дѣти, мужъ и жена. Еслибы мы захотѣли слѣдовать историческому или естественному порядку, то послѣднее изъ этихъ положеній должно было бы занять первое мѣсто, но для избѣжанія излишнихъ повтореній мы начнемъ съ самаго простаго: права и обязанности мужа и родителей состоятъ изъ правъ и обязанностей господина и опекуна,—эти два послѣднія входятъ въ два первыя, какъ элементы.

ГЛАВА I.

Господинъ и слуга.

Если мы устранимъ вопросъ о рабствѣ, то намъ останется немногое сказать о положеніи господина и о соотвѣтствующихъ ему положеніяхъ, существованіе которыхъ условливается существованіемъ различнаго рода слугъ. Всѣ эти положенія образуются договорами и заинтересованныя стороны могутъ дѣлать условія между собой, какія найдутъ для себя болѣе выгодными.

Отношеніе мастера къ подмастерью есть смѣшанное: мастеръ есть

вмѣстѣ и опекунъ и господинъ,—онъ есть опекунъ подмастерья, такъ какъ обучаетъ его своему ремеслу, и вмѣстѣ его господинъ, такъ какъ обращаетъ его трудъ на свою пользу.

Когда трудъ подмастерья стоитъ больше, чѣмъ его обученіе, то этотъ излишекъ служитъ хозяину вознагражденіемъ за прежніе его труды и издержки.

Величина этого вознагражденія, конечно, должна быть различна, смотря по трудности ремесла. На изученіе одного ремесла достаточно, можетъ быть, семи дней, а на изученіе другаго потребуется семь лѣтъ. Цѣна этого рода взаимныхъ услугъ столь же хорошо регулируется конкурренціей, какъ и цѣна другихъ предметовъ торговли. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, конкурренція установляетъ справедливое вознагражденіе.

Но большинство правительствъ не приняло этой свободной системы. Правительства старались установить въ ремеслахъ такъ-называемый порядокъ, т. е. замѣнить естественный порядокъ искусственнымъ, чтобы имѣть удовольствіе регулировать то, что очень хорошо регулировалось бы само собой. Вмѣшиваясь въ дѣло, котораго не понимали, они очень часто руководились идеей установить однообразный порядокъ, тогда какъ предметъ по самому существу своему не допускалъ однообразія. Напримѣръ министры Елисаветы опредѣлили одинаковый 7-лѣтній срокъ обученія какъ для самыхъ легкихъ, такъ и для самыхъ трудныхъ ремеслъ.

Эта манія регламентировать прикрывала себя тѣмъ пустымъ предлогомъ, будто черезъ это усовершенствуются ремесла, не будетъ дурныхъ работниковъ, кредитъ и честь національныхъ мануфактуръ будутъ обезпечены. Для достиженія этихъ цѣлей представляется весьма простой, естественный способъ: надо предоставить каждому руководствоваться своимъ собственнымъ сужденіемъ,—каждый отвергнетъ худое, изберетъ хорошее, отдастъ предпочтеніе достоинству, и такимъ образомъ возбудится соревнованіе между работниками чрезъ свободную конкурренцію. Но нѣтъ: предполагаютъ, что публика не въ состояніи судить о качествѣ работы, что она должна быть довольна работой, если работникъ употребилъ на изученіе своего ремесла извѣстное число лѣтъ,—слѣдовательно вопросъ не въ томъ, хороша ли работа, а въ томъ, сколько лѣтъ учился сдѣлавшій ее работникъ, такъ какъ если цѣнить работу по ея достоинству, то не придется ли вовсе отказаться отъ регламентаціи и предоставить каждому работать на свой рискъ и страхъ. Одинъ способенъ прямо стать мастеромъ, не проходя школы подмастерья, а другой всю жизнь проучится и все-таки не сдѣлается хорошимъ мастеромъ.

ГЛАВА II.

Рабство.

Я называю рабствомъ такое состояніе, когда слуга обязанъ всю жизнь служить господину или тѣмъ, кому господинъ передастъ свои права на его услуги.

Рабство допускаетъ множество видоизмѣненій и степеней смотря по большей или меньшей точности опредѣленія услугъ, какія дозволительно требовать отъ раба, и смотря по тѣмъ принудительнымъ мѣрамъ, какія дозволительно употреблять для вынужденія этихъ услугъ. Велика разница въ положеніи раба въ Аѳинахъ и въ Спартѣ; еще большая разница въ положеніи крѣпостнаго въ Россіи и негра въ Южно-Американскихъ Штатахъ. Но каковы бы ни были предѣлы власти господина, если только обязанность служить не имѣетъ опредѣленнаго срока, то я называю такое положеніе рабствомъ. Эта черта мнѣ представляется наиболѣе удобной для разграниченія рабства отъ свободы, такъ какъ она рѣзче выдается и легче распознавается, чѣмъ всѣ другія.

Вѣчность, безсрочность, есть черта, тѣмъ болѣе удобная для разграниченія рабства отъ свободы, что вездѣ, гдѣ только она встрѣчается, она ослабляетъ, обезсиливаетъ, или по крайней мѣрѣ дѣлаетъ весьма ненадежными всѣ самыя мудрыя мѣры для смягченія власти. Власть, неограниченную во времени, трудно ограничить въ какомъ-либо другомъ отношеніи. Если, съ одной стороны, мы примемъ во вниманіе, какъ легко можетъ господинъ постепенно утягчать иго своей власти, строго требуя исполненія обязательныхъ услугъ, расширяя свои притязанія подъ различными предлогами и пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы мучить дерзкаго, который осмѣлился бы отказать ему въ томъ, къ чему не обязанъ; и если, съ другой стороны, мы примемъ во вниманіе, какъ трудно рабу обратиться къ покровительству законовъ или воспользоваться этимъ покровительствомъ, какими тяжелыми послѣдствіями сопровождается для него въ домашнемъ быту открытая, легальная борьба противъ господина, какое сильное побужденіе имѣетъ онъ лучше заискивать расположеніе господина безграничной покорностью, чѣмъ раздражать его своими отказами: то для насъ сдѣлается ясно, что проектъ облегченія рабства посредствомъ законовъ легче задумать, чѣмъ выполнить, что даже точное опредѣленіе обязанностей есть весьма слабое средство для улучшенія участи раба, что при самыхъ лучшихъ законахъ наказанію подвергнутся только развѣ самыя

вопіющія нарушенія, между тѣмъ какъ постоянная немилосердая жестокость въ обращеніи съ рабомъ будетъ оставаться безнаказанной. Я не хочу этимъ сказать, чтобы слѣдовало предоставить господамъ неограниченную власть надъ рабами, чтобы рабы не должны были получать отъ законовъ никакого покровительства, потому что ихъ покровительство недостаточно. Намъ необходимо было выяснить этотъ пунктъ, чтобы обнаружить присущее рабству зло: невозможность ограничить закономъ власть господина надъ рабомъ и предупредить злоупотребленіе этой властью, если только господинъ хочетъ ею злоупотреблять.

Что господамъ пріятно имѣть рабовъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ они тотчасъ же могутъ прекратить рабство, еслибы только этого захотѣли. Что рабамъ непріятно ихъ положеніе, это также не подлежитъ сомнѣнію, потому что они остаются въ немъ только по принужденію. Нѣтъ свободнаго человѣка, который бы желалъ сдѣлаться рабомъ; нѣтъ раба, который бы не желалъ сдѣлаться свободнымъ.

Нелѣпо разсуждать о счастіи людей иначе, какъ основываясь на ихъ собственныхъ желаніяхъ и чувствованіяхъ,—нелѣпо доказывать съ помощью разныхъ соображеній, что человѣкъ долженъ быть счастливъ, тогда какъ онъ чувствуетъ себя несчастливымъ, и что состояніе, въ которое никто не хочетъ вступить и, напротивъ, изъ котораго всякій хочетъ выйти, само по себѣ хорошо и соотвѣтственно человѣческой природѣ. Я охотно соглашаюсь, что разница между рабствомъ и свободой не такъ велика, какъ это кажется пылкимъ и предубѣжденнымъ умамъ. Привычка къ злу и еще болѣе невѣдѣніе лучшаго значительно уменьшаютъ промежутокъ, отдѣляющій эти два состоянія, которыя съ перваго взгляда представляются столь противоположными другъ другу. Но всякія разсужденія о счастіи рабовъ совершенно излишни, такъ какъ всѣ фактическія данныя намъ свидѣтельствуютъ, что добровольно никто никогда не избиралъ для себя этого состоянія, и что, напротивъ, оно всегда было предметомъ общаго отвращенія.

Рабство сравнивали со школой, продолжающейся всю жизнь, и замѣчали при этомъ: какъ много людей, которые считаютъ время, проведенное въ школѣ, счастливѣйшей порой жизни!

Это сравненіе правильно только въ одномъ отношеніи: у сравниваемыхъ состояній есть одна общая принадлежность,—подчиненность, но вѣдь не въ подчиненности же заключается счастіе школьной жизни! Свѣжесть ума, придающая всѣмъ впечатлѣніямъ прелесть новизны, сравненіе тихой жизни подъ родительскимъ кровомъ съ веселыми, шумными удовольствіями въ обществѣ товарищей однолѣтковъ, — вотъ что составляетъ счастіе школьной жизни. Но, несмотря на это, много ли вы

найдете такихъ учениковъ, которые бы не ожидали съ нетерпѣніемъ, скоро ли наступитъ конецъ ихъ пребыванію въ школѣ? Какой ученикъ согласится остаться ученикомъ навсегда?

Еслибы рабство существовало въ такихъ размѣрахъ, что на одного господина приходилось бы по одному рабу, то въ такомъ случаѣ, можетъ быть, возможно было бы нѣкоторое колебаніе, прежде чѣмъ высказать положительное мнѣніе, на чьей сторонѣ перевѣсъ: на той ли, гдѣ выгода, или на той, гдѣ невыгода, — въ такомъ случаѣ возможно было бы, что въ общемъ результатѣ сумма блага, порождаемаго рабствомъ, почти равнялась бы суммѣ порождаемаго имъ зла.

Но не такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ. Какъ только гдѣ появляется рабство, оно становится удѣломъ бо̀льшаго числа людей. Господинъ считаетъ своихъ рабовъ, какъ стада, сотнями, тысячами, десятками тысячъ. Выгода на сторонѣ одного индивидуума, а невыгода на сторонѣ массы. Еслибъ даже зло отъ рабства само по себѣ и не было велико, то одна уже численность рабовъ сдѣлала бы его очень значительнымъ. Итакъ, говоря вообще и отстраняя всѣ другія соображенія, нѣтъ возможности колебаться между ущербомъ господъ и выгодой рабовъ отъ уничтоженія рабства.

Другой сильный аргументъ противъ рабства составляетъ его вредное вліяніе на богатство и могущество народа. Свободный человѣкъ производитъ больше, чѣмъ рабъ. Конечно, господинъ потеряетъ часть своего имущества, если вы освободите его рабовъ, но освобожденные его рабы, вмѣстѣ взятые, произведутъ не только равное тому, что̀ утратилъ господинъ, но еще больше,—увеличеніе же довольства ведетъ за собой увеличеніе счастія, и пропорціонально съ этимъ растетъ могущество народа.

Два обстоятельства уменьшаютъ производительность рабовъ: отсутствіе стимула вознагражденія и отсутствіе безопасности въ ихъ положеніи.

Легко усмотрѣть, что страхъ наказанія не въ состояніи побудить работника приложить къ труду всѣ свои способности и произвести все, что можетъ. Страхъ побуждаетъ его скорѣе скрывать, чѣмъ обнаруживать свои силы, производить не какъ можно больше, а напротивъ меньше, чѣмъ сколько можетъ произвести. Если рабъ произведетъ больше, чѣмъ сколько необходимо долженъ произвести, то черезъ это онъ утягчитъ свою участь: обнаруженіемъ своихъ способностей онъ увеличитъ размѣръ своихъ ежедневныхъ обязанностей. Итакъ у раба образуются стремленія, противоположныя стремленіямъ свободнаго человѣка, и слѣдовательно производительность его стремится къ уменьшенію, а не къ увеличенію.

Рабъ не только производитъ меньше, чѣмъ свободный человѣкъ, но, кромѣ того, потребляетъ больше, и это не изъ наслажденія, а

вслѣдствіе неразсчетливости, расточительности и вслѣдствіе того, что онъ плохой хозяинъ. И зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, будетъ онъ заботиться о выгодѣ, которая принадлежитъ не ему? Всякое уменьшеніе работы есть для него чистая выгода,—всякая причиняемая имъ утрата есть утрата не его, а господина: зачѣмъ станетъ онъ придумывать новые способы для лучшаго и скорѣйшаго исполненія работы? Чтобъ усовершенствовать свой трудъ, надо мыслить, а мышленіе есть также трудъ, котораго на себя никто не возьметъ, не имѣя къ этому достаточнаго мотива. Человѣкъ, униженный до положенія рабочаго скота, никогда не поднимается выше слѣпой рутины, и поколѣнія рабовъ смѣняются одно другимъ, не совершая ни малѣйшаго прогресса.

Правда, господинъ, понимающій свои интересы, не станетъ лишать рабовъ тѣхъ маленькихъ выгодъ, какія могутъ они извлечь изъ своего усердія къ труду: онъ знаетъ, что ихъ благосостояніе есть вмѣстѣ и его собственное благосостояніе, что приманка непосредственной награды за трудъ есть лучшее средство для побужденія къ труду. Но эта милость господина, зависящая отъ его личнаго характера, не можетъ внушить рабу той увѣренности, которая обращаетъ взоры человѣка къ будущему, побуждаетъ его къ бережливости, какъ къ средству создать будущее свое благосостояніе, и которая дѣлаетъ человѣка способнымъ заботиться не только о своемъ собственномъ будущемъ благополучіи, но даже и о благополучіи своего потомства. Рабъ сознаетъ, что чѣмъ онъ будетъ богаче, тѣмъ большимъ подвергнется вымогательствамъ если не со стороны господина, то со стороны его управляющихъ, которые обыкновенно бываютъ еще болѣе алчны и немилосерды, чѣмъ самъ господинъ. Поэтому рабы по большей части живутъ безъ будущаго. Для нихъ имѣютъ привлекательность только тѣ наслажденія, которыя могутъ быть немедленно осуществлены. Вслѣдствіе этого они дѣлаются обжорами, лѣнтяями, развратниками, не говоря уже о другихъ порокахъ, порождаемыхъ ихъ положеніемъ. Наиболѣе предусмотрительные изъ нихъ скрываютъ свои маленькія сокровища. Тяжелое чувство небезопасности, неразлучное съ ихъ положеніемъ, порождаетъ въ нихъ пороки, вредно вліяющіе на производительность, порождаетъ привычки, гибельныя для общества, и это зло не сопровождается никакимъ вознагражденіемъ, недоступно никакому врачеванію. Сказанное нами не есть безплодная теорія: это есть фактъ, который мы находимъ повсемѣстно и во всѣ времена.

Намъ могутъ возразить, что свободный поденщикъ находится почти въ такомъ же положеніи относительно труда, какъ и рабъ.

Получающій поштучную плату побуждается къ труду вознаграждені-

емъ и каждое его усилiе сопровождается наградой; поденщикъ же имѣетъ другiя побужденiя къ труду, кромѣ наказанiя: сдѣлаетъ ли онъ много или мало, онъ получитъ не болѣе и не менѣе, какъ поденную плату, слѣдовательно его трудолюбiе не принесетъ ему никакой награды. Если поденщикъ сдѣлаетъ меньше обыкновеннаго, его не прибьютъ, какъ это сдѣлали бы съ рабомъ, но ему откажутъ отъ работы; слѣдовательно какъ у того, такъ и другаго только и есть одно побужденiе къ труду,— страхъ; оба они нисколько не заинтересованы въ продуктѣ своего труда.

Противъ этого замѣчанiя мы можемъ представить три аргумента: 1) Несправедливо, что поденщикъ не побуждается къ работѣ вознагражденiемъ. Болѣе искусные и болѣе усердные получаютъ бо́льшую плату, легче находятъ работу, пользуются предпочтенiемъ передъ другими и употребляются предпочтительно на самыя выгодныя работы: развѣ это не есть вознагражденiе за хорошую работу? 2) Еслибы даже поденщикъ и не имѣлъ другаго побужденiя лучше работать, кромѣ страха наказанiя, то и въ такомъ случаѣ его положенiе все-таки заслуживаетъ предпочтенiе передъ положенiемъ раба. Свободный работникъ имѣетъ свою честь. Въ свободной странѣ лѣнь, неспособность къ труду, позорятъ человѣка: тамъ работникъ заботится не только о томъ, что́ скажетъ о его работѣ хозяинъ, но и что̀ скажутъ его товарищи,—тамъ лѣнивому и нерадивому работнику грозитъ приговоръ безславiя и этотъ приговоръ во множествѣ случаевъ произносится такими судьями, которые не имѣютъ никакого интереса быть снисходительными. Такимъ образомъ тамъ работники состоятъ какъ-бы подъ надзоромъ другъ друга и постоянно соревнуютъ одинъ другому. У рабовъ этотъ мотивъ далеко не такъ силенъ, какъ у свободнаго работника; обращенiе, какому они подвержены, дѣлаетъ ихъ мало чувствительными къ стыду, и такъ какъ отъ нихъ не ускользаетъ несправедливость ихъ положенiя, вынуждающаго ихъ работать безъ вознагражденiя на пользу другаго, то они нисколько не стыдятся открыто признаваться другъ другу въ отвращенiи къ труду, которое обще имъ всѣмъ. 3) Всякая выгода, представляющаяся поденщику, есть его собственная выгода,—все, что онъ ни прiобрѣтетъ, есть его собственность и никто никогда не будетъ вправѣ отнять у него эту собственность. Для раба же, какъ мы видѣли, никогда не существуетъ полной безопасности. Конечно можно указать исключенiя этому: такъ напр. у нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ Россiи есть рабы, которые владѣютъ тысячами рублей и столь же спокойно ими пользуются, какъ помѣщики своими помѣстьями [1]).

[1]) Читатель конечно замѣнитъ здѣсь, какъ и выше, употребляемое Бентамомъ настоящее время—прошедшимъ. *Прим. перев.*

Но это исключенія, которыя нисколько не измѣняютъ общаго правила. Когда хотятъ судить о какомъ-либо порядкѣ вещей, то не слѣдуетъ останавливаться на особенныхъ, исключительныхъ случаяхъ.

Въ этомъ краткомъ изложеніи неудобствъ рабства мы не старались распространяться, не обращались къ воображенію, не обобщали частныхъ злоупотребленій, чтобы выставить господъ въ неблагопріятномъ свѣтѣ, — мы даже и не упомянули о тѣхъ страшныхъ мѣрахъ строгости и принужденія, какія употребляются господами въ домашнемъ ихъ управленіи, гдѣ нѣтъ никакихъ законовъ, никакой процедуры, ни апелляціи, ни публичности, никакой узды для произвола, такъ какъ отвѣтственность господъ, какъ мы видѣли, можетъ имѣть мѣсто только въ крайнихъ случаяхъ. Всякое обращеніе къ чувствительности можетъ быть легко заподозрѣно въ преувеличеніи, и прямое свидѣтельство разума въ настоящемъ случаѣ такъ сильно, что не нуждается въ подобномъ средствѣ.

Рабовладѣльцы, у которыхъ личный интересъ не заглушилъ совершенно здраваго смысла и человѣколюбія, не могутъ не признать преимущества свободы передъ рабствомъ, не могутъ даже не желать уничтоженія рабства, если только это уничтоженіе не ниспровергнетъ ихъ общественнаго положенія, не разоритъ ихъ, не нарушитъ ихъ личной безопасности.

Бѣдствія и несправедливости, какими сопровождались слишкомъ поспѣшныя попытки, составляютъ самое сильное возраженіе противъ проектовъ освобожденія рабовъ. Освобожденіе рабовъ не должно совершаться разомъ путемъ насильственнаго переворота, такъ какъ подобный переворотъ, ниспровергая всѣ существующія положенія, разоряя собственность и ставя индивидуумовъ въ новыя положенія, къ которымъ они вовсе не были подготовлены, можетъ произвести зло, въ тысячу разъ большее, чѣмъ всѣ блага, какихъ отъ него можно ожидать.

Освобожденіе рабовъ должно быть совершаемо такимъ образомъ, чтобы не только не разоряло господъ, а напротивъ было для нихъ выгодно, насколько это возможно.

Первый, естественно представляющійся способъ къ этому состоитъ въ предоставленіи рабамъ права откупаться за опредѣленную сумму. Но къ несчастію этотъ способъ представляетъ весьма большое неудобство: онъ ставитъ интересъ господина въ противорѣчіе съ интересомъ его рабовъ, — господинъ будетъ стараться помѣшать рабамъ пріобрѣсти нужную для выкупа сумму, будетъ стараться, чтобъ они постоянно оставались въ бѣдности, въ невѣжествѣ, однимъ словомъ станетъ подрѣзывать имъ крылья по мѣрѣ того, какъ эти крылья будутъ выростать.

Вотъ какой политикой будетъ руководствоваться господинъ. Но въ этомъ случаѣ все неудобство заключается въ опредѣленіи цѣны выкупа: выкупъ же по взаимному согласію не представляетъ этого неудобства, рабъ будетъ имѣть интересъ больше работать, чтобъ добыть средства для выкупа, а господинъ съ своей стороны не будетъ имѣть интереса мѣшать рабу обогатиться, такъ какъ это дастъ ему возможность получить большой выкупъ.

Второй способъ состоитъ въ такомъ ограниченіи права завѣщанія, чтобы въ случаѣ неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ рабы признавались свободными. У дальнихъ родственниковъ надежда на полученіе наслѣдства весьма слаба, а по обнародованіи этого закона ея и совсѣмъ не будетъ: слѣдовательно этотъ способъ уничтоженія рабства не заключаетъ въ себѣ никакой несправедливости, такъ какъ не нарушаетъ ничьихъ ожиданій. Можно еще сдѣлать шагъ далѣе: при каждой перемѣнѣ собственниковъ, даже когда преемникъ находится въ самыхъ близкихъ родственныхъ связяхъ съ прежнимъ владѣльцемъ, можно дѣлать небольшое пожертвованіе въ пользу свободы, напр. освобождать десятую часть рабовъ. Имущество, при переходѣ по наслѣдству отъ одного лица къ другому, не имѣетъ еще для новаго собственика ясно опредѣленной цѣнности, и потому уменьшеніе его на десятую часть будетъ едва чувствительно, — собственно говоря, уменьшеніе имущества въ этотъ моментъ будетъ для новаго собственника не потерей, а только лишеніемъ части выгоды. При переходѣ наслѣдства къ племянникамъ эта жертва въ пользу свободы можетъ быть увеличена, такъ какъ племянникамъ предстоитъ еще получить наслѣдство отъ родителей.

Жребій долженъ въ этихъ случаяхъ рѣшать, на чью именно долю должна выпасть свобода. Выборъ наиболѣе достойныхъ подалъ бы поводъ къ проискамъ и злоупотребленіямъ, сдѣлалъ бы больше недовольныхъ и завидующихъ, чѣмъ счастливыхъ.

Жребій безпристрастенъ: онъ всѣмъ даетъ одинаковые шансы на счастіе, одинаково надѣляетъ прелестью надежды даже и тѣхъ, кому не благопріятствуетъ, и страхъ потерять право вынимать жребій вслѣдствіе какого-либо преступленія, страхъ утратить шансъ на полученіе свободы становится новымъ ручательствомъ въ вѣрности рабовъ *).

*) Этотъ способъ можетъ ввести рабовъ въ искушеніе прибѣгнуть къ убійствамъ, чтобъ ускорить свое освобожденіе. Подобная опасность, конечно, составляетъ возраженіе весьма важное, но она сильно ослабляется крайней сомнительностью, чтобъ преступленье въ этомъ случаѣ повело къ достиженію преступникомъ своей цѣли. Трудно, чтобъ человѣкъ рѣшился на преступленіе, не будучи увѣренъ, что воспользуется его плодами. Притомъ опас-

Освобожденіе рабовъ лучше производить семьями, чѣмъ индивидумами. Отецъ рабъ, а сынъ свободный, или наоборотъ: отецъ свободный, а сынъ рабъ,—какой это поразительный и грустный контрастъ! и кромѣ того какой источникъ для семейныхъ огорченій!

Могутъ быть и другія средства для скорѣйшаго достиженія столь желанной цѣли, но они могутъ быть указаны не иначе, какъ путемъ изученія частныхъ обстоятельствъ каждой страны.

Впрочемъ эти узы рабства, которыя законодатель не можетъ уничтожить однимъ ударомъ, съ теченіемъ времени постепенно рушатся сами собой, и торжество свободы хотя медленно, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно. Всякій прогрессъ въ развитіи ума человѣческаго, въ цивилизаціи, нравственности, общественномъ богатствѣ, въ торговлѣ, ведетъ постепенно къ установленію индивидуальной свободы. И въ Англіи, и во Франціи было нѣкогда тоже, что мы видимъ теперь въ Россіи, въ Польскихъ областяхъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи [1]).

Землевладѣльцы не должны пугаться этой перемѣны: живущіе трудомъ всегда будутъ находиться въ естественной зависимости отъ владѣющихъ землей. Опасеніе, что рабы, разъ получивъ свободу, покинутъ родину и оставятъ землю невоздѣланной, совершенно химерично, особенно въ томъ случаѣ, когда освобожденіе совершается не разомъ, а постепенно. Изъ того обстоятельства, что рабы дѣлаютъ побѣги при первой возможности, нельзя заключать, что они уйдутъ, какъ только получатъ свободу. Противоположное заключеніе будетъ правильнѣе, такъ какъ съ прекращеніемъ рабства уничтожится мотивъ, побуждающій къ бѣгству, и усилятся всѣ мотивы, побуждающіе человѣка оставаться на родинѣ.

Въ Польшѣ нѣкоторые помѣщики, вслѣдствіе правильнаго пониманія своихъ интересовъ или изъ стремленія къ славѣ, освободили разомъ всѣхъ рабовъ на своихъ обширныхъ помѣстьяхъ. Разорило ли ихъ это великодушіе? Мы видимъ совершенно противное. Фермеръ, заинтересованный въ своемъ трудѣ, даетъ большій доходъ землевладѣльцу, чѣмъ рабъ, и земля, обработываемая свободными руками, съ каждымъ годомъ растетъ въ цѣнѣ.

ность подобнаго искушенія можетъ быть легко совершенно устранена установленіемъ правила, что освобожденіе рабовъ не можетъ имѣть мѣста, если господинъ будетъ отравленъ или убитъ, все равно, кѣмъ бы ни была причинена ему насильственная смерть, рабомъ или лицомъ неизвѣстнымъ. При такомъ ограниченіи указанный нами способъ освобожденія рабовъ только еще больше увеличитъ безопасность господъ. Б.

[1]) Рѣчь, конечно, опять идетъ о временахъ давнопрошедшихъ. *Прим. перев.*

ГЛАВА III.

Опекунъ и питомецъ.

Дѣтскій возрастъ по своей слабости требуетъ постояннаго покровительства. Для ребенка нужно все дѣлать, такък акъ самъ для себя онъ ничего сдѣлать не можетъ. Полное развитіе его физическихъ силъ требуетъ многихъ годовъ, а развитіе его умственныхъ способностей происходитъ еще медленнѣе. Въ извѣстномъ возрастѣ онъ имѣетъ уже и силу и страсти, но не имѣетъ достаточной опытности, чтобъ управлять ими. Крайне впечатлительный относительно настоящаго и совершенно непредусмотрительный относительно будущаго, онъ требуетъ надъ собой болѣе непосредственной власти, чѣмъ власть законовъ; для управленія имъ въ періодѣ воспитанія награды и наказанія должны прилагаться къ нему не черезъ длинные промежутки времени, а постоянно, и должны быть примѣняемы ко всѣмъ мелкимъ подробностямъ его поведенія.

Выборъ для ребенка рода занятія или профессіи также требуетъ его подчиненія особой власти. Выборъ этотъ долженъ согласоваться съ личными обстоятельствами ребенка, съ его способностями, наклонностями, влеченіями къ тому или другому предмету, однимъ словомъ онъ долженъ согласоваться съ вѣроятностями, какія представляетъ ребенокъ для успѣха въ томъ или другомъ родѣ занятій. Очевидно, что общественная власть сама не въ состояніи дѣлать этотъ выборъ по причинѣ сложности частныхъ условій, знаніе которыхъ для этого требуется: каждый частный случай требуетъ особаго разсмотрѣнія и рѣшеніе каждаго частнаго случая должно быть основано на знаніи такихъ подробностей, которыя общественной власти совершенно недоступны.

Охраненіе и управленіе индивидуумомъ, который признанъ неспособнымъ къ самоохраненію и самоуправленію, и есть то, что называется **опекой**; это есть родъ домашней власти, которая основывается на очевидной въ ней нуждѣ подчиненныхъ ей и должна имѣть всѣ права, необходимыя для достиженія ея цѣли, но не болѣе.

Для достиженія цѣли воспитанія опекуну необходимо имѣть право избрать для своего питомца родъ занятія, назначить ему мѣсто жительства; кромѣ того ему необходимо имѣть право подвергать питомца мѣрамъ взысканія и исправленія, а иначе власть его была бы недѣйствительна. Эти мѣры могутъ быть тѣмъ легче умѣряемы относительно строгости, чѣмъ несомнѣннѣе, непосредственнѣе, разнообразнѣе ихъ примѣненіе, — этому благопріятствуетъ также еще то обстоятельство, что

домашняя власть обладаетъ неистощимымъ источникомъ наградъ: въ томъ возрастѣ, когда ребенокъ ничего не можетъ дѣлать по своему произволу, всякому дозволенію можетъ быть придано значеніе награды.

Что касается до средствъ существованія питомца, то они могутъ имѣть три источника: собственное имущество питомца, пожертвованіе и собственный трудъ питомца.

Если питомецъ имѣетъ собственность, то ею управляетъ опекунъ отъ его имени и въ его пользу, — и все, что опекунъ ни сдѣлаетъ съ его собственностью по установленнымъ правиламъ, законъ признаетъ дѣйствительнымъ.

Если питомецъ не имѣетъ собственности, то содержится или на счетъ опекуна, какъ это обыкновенно бываетъ, когда опекуномъ состоитъ отецъ или мать, — или на счетъ какого-нибудь благотворительнаго заведенія,—или наконецъ на счетъ собственнаго труда самого питомца, какъ напр. когда питомецъ отдается въ обученіе какому-нибудь ремеслу на такихъ условіяхъ, чтобъ за то время, когда трудъ его не приноситъ никакой выгоды обучающему, онъ отработалъ впослѣдствіи. Такъ какъ должность опекуна только налагаетъ обязанности и не приноситъ выгодъ, то и возлагается на тѣхъ, кто больше всего имѣетъ къ ней склонности и кому всего легче ее исполнить. Отецъ и мать въ этомъ отношеніи стоятъ на первомъ мѣстѣ. Естественное чувство любви къ дѣтямъ составляетъ для нихъ даже сильнѣйшее побужденіе къ исполненію этой должности, чѣмъ требованія закона, но тѣмъ не менѣе законъ, дѣлающій эту должность для нихъ обязательной, не безполезенъ: бывали примѣры, что дѣти были покидаемы своими родителями, вслѣдствіе чего законъ и призналъ такой образъ дѣйствія преступнымъ. Когда отецъ, умирая, назначаетъ опекуна своимъ дѣтямъ, то предполагается, что никто лучше его не знаетъ, кто имѣетъ больше средствъ и наклонности исполнить вмѣсто него эту обязанность, а потому выборъ его признается дѣйствительнымъ, если только нѣтъ болѣе сильныхъ противоположныхъ основаній, которыя бы требовали его непризнанія.

Если же отецъ умеръ, не назначивъ опекуна, то эта обязанность должна падать на родственника, такъ какъ родственникъ имѣетъ интересъ въ сохраненіи фамильной собственности и такъ какъ родственныя чувства и требованія чести побуждаютъ его заботиться о благосостояніи и воспитаніи ребенка, — или, за неимѣніемъ родственниковъ, слѣдуетъ назначить опекуномъ друга семейства, который бы охотно выполнялъ эту обязанность, — или же наконецъ государственная власть должна назначить на это мѣсто какое-либо другое лицо, по своему усмотрѣнію.

При назначеніи того или другаго лица опекуномъ надо обращать вниманіе, на то нѣтъ ли такихъ обстоятельствъ, которыя бы представляли достаточное основаніе для освобожденія этого лица отъ опекунской обязанности, каковы напр. преклонныя лѣта, многочисленная семья, болѣзни, или наконецъ какія либо особенности личнаго положенія, вслѣдствіе которыхъ назначеніе извѣстнаго лица опекуномъ можетъ быть противно благоразумію или можетъ ставить это лицо въ щекотливое положеніе, какъ напр. столкновеніе интересовъ и пр.

Особенныя мѣры противъ злоупотребленія опекунской властью принадлежатъ уголовнымъ законамъ противъ преступленій, а именно: злоупотребленіе властью относительно личности питомца можетъ быть отнесено къ разряду преступленій противъ личности, а недозволительное извлеченіе выгоды изъ имущества питомца—къ разряду пріобрѣтеній посредствомъ обмана и пр. Единственный предметъ, который надо сдѣсь разсмотрѣть, есть та особенность этихъ преступленій, что съ ними соединяется нарушеніе довѣрія. Хотя эта особенность дѣлаетъ ихъ болѣе ненавистными, но не всегда составляетъ основаніе для усиленія наказанія, а напротивъ, какъ мы увидимъ въ другомъ мѣстѣ, часто бываетъ основаніемъ къ уменьшенію наказанія, такъ какъ въ такихъ случаяхъ положеніе преступника есть до нѣкоторой степени исключительное,—обнаруженіе преступленія лицъ и возстановленіе нарушеннаго права несомнѣннѣе, а нарушеніе безопасности менѣе сильно, чѣмъ въ обыкновенныхъ преступленіяхъ. Въ случаѣ обольщенія званіе опекуна усиливаетъ преступность.

Относительно общихъ мѣръ предупрежденія злоупотребленій опекунской властью, замѣтимъ, что съ этой цѣлью часто раздѣляли опекунскую обязанность: управленіе имуществомъ поручали ближайшему наслѣднику, такъ какъ онъ, будучи наслѣдникомъ, имѣетъ большій интересъ, чѣмъ другіе, въ сбереженіи имущества,—заботы же о личности питомца поручали другому родственнику, какъ болѣе заинтересованному въ сохраненіи его жизни.

Нѣкоторые законодатели принимали еще другія мѣры предосторожности, какъ напр. запрещали опекунамъ покупать имущество своихъ питомцевъ или предоставляли питомцамъ право въ теченіи извѣстнаго числа лѣтъ по достиженіи совершеннолѣтія выкупать обратно проданное свое имущество. Изъ двухъ этихъ мѣръ первая, повидимому, не представляетъ большихъ неудобствъ, вторая же можетъ только причинить вредъ интересамъ питомца, уменьшая цѣну его имущества въ глазахъ пріобрѣтателей, такъ какъ въ такомъ случаѣ пріобрѣтеніе будетъ ненадежно и пріобрѣтатель будетъ опасаться дѣлать улучшенія, чтобъ они не послужили къ его невыгодѣ и не усилили побужденій къ

обратному выкупу имущества. Обѣ эти мѣры, повидимому, были бы совершенно безполезны, еслибы существовало правило, что имущество питомцевъ можетъ продаваться не иначе, какъ публично подъ надзоромъ общественной власти.

Самый простой способъ къ удержанію опекуна отъ злоупотребленій состоитъ въ предоставленіи каждому права преслѣдовать опекуна предъ судомъ въ качествѣ друга питомца, какъ въ случаяхъ расхищенія имущества или дурнаго управленія, такъ и въ случаяхъ насилія надъ личностью питомца. Такимъ образомъ слабыя существа, не способныя къ самоохраненію, были бы поставлены подъ охрану всѣхъ честныхъ людей.

Такъ какъ нахожденіе подъ опекой есть положеніе зависимое, то слѣдовательно оно есть зло, и потому должно быть прекращаемо, какъ только это можетъ быть сдѣлано безъ навлеченія другаго бо̀льшаго зла. Какихъ лѣтъ питомецъ долженъ быть освобождаемъ изъ-подъ опекунской власти? Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только на основаніи общихъ предположеній. Англійскій законъ требуетъ двадцати одного года, а Римскій — двадцати пяти лѣтъ. По нашему мнѣнію, Англійскій законъ въ этомъ случаѣ гораздо разумнѣе Римскаго, который однако перешелъ въ законы почти всѣхъ Европейскихъ государствъ. У человѣка двадцати одного года всѣ способности уже развиты, онъ вполнѣ сознаетъ свои силы, легче уступаетъ совѣтамъ, чѣмъ требованіямъ власти, нетерпѣливо переноситъ зависимость отъ *опекуна*: поэтому продленіе опекунской власти далѣе этого срока часто порождаетъ вражду и раздраженіе, одинаково вредныя для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Но встрѣчаются индивидуумы, которые, такъ сказать, неспособны никогда достигнуть зрѣлости или которые достигаютъ ея только гораздо позднѣе, чѣмъ другіе. Относительно такихъ индивидуумовъ могутъ быть принимаемы особыя мѣры,—они могутъ быть подвергаемы ограниченію въ правахъ, что есть ни что иное, какъ продленіе опеки вслѣдствіе бо̀льшей продолжительности дѣтства.

ГЛАВА IV.

Родители и дѣти.

Мы уже говорили, что родитель въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ есть господинъ своего ребенка, а въ другихъ отношеніяхъ его опекунъ.

Какъ господинъ, онъ имѣетъ право требовать отъ своихъ дѣтей услугъ и употреблять ихъ трудъ въ свою собственную пользу, пока они не достигнутъ возраста, когда законъ признаетъ ихъ независимы-

ми. Это право служитъ для родителей вознагражденіемъ за труды и издержки по воспитанію ихъ дѣтей. Желательно, чтобы родители имѣли интересъ и находили удовольствіе въ воспитаніи своихъ дѣтей, такъ какъ это одинаково полезно и для тѣхъ, и для другихъ.

Какъ опекунъ, родитель имѣетъ всѣ права и всѣ обязанности, о которыхъ мы говорили въ главѣ объ опекунѣ и питомцѣ.

Разсматривая родителя какъ господина, имѣютъ въ виду интересъ родителя, а разсматривая его какъ опекуна, имѣютъ въ виду интересъ ребенка. Оба эти интереса легко примиряются въ лицѣ родителя, такъ какъ естественное чувство любви къ своимъ дѣтямъ побуждаетъ его скорѣе дѣлать для нихъ жертвы, чѣмъ извлекать для себя пользу изъ своихъ правъ на нихъ.

Съ перваго взгляда кажется, что законодатель не имѣетъ надобности вмѣшиваться въ отношенія между родителями и дѣтьми и можетъ положиться на любовь однихъ и на благодарность другихъ. Но такой поверхностный взглядъ былъ бы ошибоченъ. Безусловно необходимо, съ одной стороны, ограничить родительскую власть, а съ другой поддержать законами уваженіе дѣтей къ родителямъ.

Общее правило.—Не слѣдуетъ предоставлять родителямъ такой власти надъ дѣтьми, отъ которой дѣти могли бы больше потерять, чѣмъ сколько могли бы выиграть родители.

Въ Пруссіи отступили отъ этого правила, когда, по примѣру Римлянъ, признали за отцомъ право не дозволять сыну жениться, какихъ бы лѣтъ онъ ни былъ.

Политическіе писатели по вопросу о родительской власти впадали въ двѣ противоположныя крайности. Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что родительская власть должна быть деспотической, какой была у Римлянъ, а другіе—что она должна быть вовсе уничтожена. Нѣкоторые философы проповѣдывали, что дѣти не должны быть оставляемы на жертву произвола и невѣжества родителей и что государство должно воспитывать ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Въ подтвержденіе этого мнѣнія указывали на Спарту, Критъ, древнихъ Персовъ, но при этомъ забыли, что общественное воспитаніе получалось тамъ только немногочисленнымъ классомъ гражданъ, такъ какъ масса населенія состояла изъ рабовъ. Не говоря уже о томъ, какъ трудно распредѣлить издержки на такое воспитаніе и какъ тяжело для родителей нести на себѣ эти издержки, потому что при такомъ порядкѣ они не будутъ пользоваться услугами своихъ дѣтей и не будутъ питать къ нимъ особенной привязанности и дѣти будутъ для нихъ почти совершенно какъ чужіе,—кромѣ того, здѣсь представляется еще другое, въ высшей степени важное, неудобство: дѣти не

будутъ съ раннихъ лѣтъ подготовляемы къ разнообразію положеній, которыя современемъ должны будутъ занять въ обществѣ. Для основательнаго выбора ребенку профессіи или ремесла требуется знаніе весьма многихъ такихъ условій, которыя могутъ быть извѣстны только родителямъ,—никто кромѣ родителей не въ состояніи судить о томъ, что пригодно для ребенка, о его способностяхъ, наклонностяхъ, талантахъ, объ ожиданіяхъ для него въ будущемъ. Кромѣ всего этого, такой образъ воспитанія, который ставитъ ни во что взаимную любовь между родителями и дѣтьми, произведетъ еще слѣдующія вредныя послѣдствія: уничтожитъ семейныя чувства, ослабитъ супружескій союзъ, лишитъ отцовъ и матерей тѣхъ удовольствій, какія имъ доставляетъ подростающее кругомъ ихъ новое поколѣніе. Отцы и матери не будутъ съ прежней ревностью заботиться о будущемъ благосостояніи дѣтей, которыя не будутъ болѣе имъ принадлежать. Они не будутъ питать къ нимъ прежнихъ чувствъ, не имѣя надежды внушить имъ такія же чувства къ себѣ. Не будетъ того побужденія къ труду, какое истекаетъ изъ заботливости родителей о дѣтяхъ. Домашнія наслажденія примутъ направленіе менѣе полезное для общаго благосостоянія.

Наконецъ, въ заключеніе всѣхъ этихъ возраженій противъ такой искусственной системы воспитанія, можно указать еще на то обстоятельство, что естественный порядокъ, предоставляющій на усмотрѣніе родителей выборъ, способъ и издержки воспитанія, можетъ быть разсматриваемъ, какъ рядъ частныхъ опытовъ, имѣющихъ цѣлью улучшеніе общей системы. При соревнованіи между индивидуумами, при разнообразіи взглядовъ и мыслей, однимъ словомъ при разнообразіи частныхъ импульсовъ,—все улучшается, развивается. Но если все будетъ отлито въ одну форму, если для всѣхъ будетъ одинаковое обязательное воспитаніе, то заблужденіе увѣковѣчится и не будетъ никакого прогресса.

Могутъ замѣтить, что не слѣдовало такъ далеко распространяться о подобной химерѣ, но эта платоническая идея въ наше время соблазнила нѣкоторыхъ знаменитыхъ писателей, и заблужденіе, увлекшее Руссо и Гельвеція, можетъ легко найти и другихъ защитниковъ.

ГЛАВА V.

Бракъ.

Inde casas postquam, ac pelles ignemque pararunt,
Et mulier conjuncta viro concessit in unum
Castaque privatae veneris connubia laeta
Cognita sunt, prolemque ex se videre creatam,
Tum genus humanum primùm molescere coepit. — Luc. v.

Съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривали мы учрежденіе брака,

насъ поражаетъ его полезность. Это—связь общества, основа цивилизаціи.

Брачный контрактъ вывелъ женщину изъ самаго тяжкаго и унизительнаго порабощенія, распредѣлилъ массу общества на отдѣльныя семьи, создалъ семейную власть, образовалъ гражданъ, расширилъ будущее людей, породилъ въ нихъ любовь къ нарождающемуся поколѣнію, умножилъ соціальныя симпатіи. Чтобы оцѣнить вполнѣ всѣ благодѣянія брака, надо только подумать, каково было бы состояніе человѣка, еслибы это учреждяніе не существовало.

Всѣ вопросы относительно этого контракта могутъ быть сведены къ семи:

1) Между какими лицами онъ долженъ быть дозволенъ? 2) Какая его продолжительность? 3) На какихъ условіяхъ онъ долженъ совершаться? 4) Въ какія лѣта? 5) Чей долженъ быть выборъ? 6) Между сколькими лицами? 7) Съ какими формальностями?

§ 1. *Между какими лицами бракъ долженъ быть дозволенъ*?

Еслибы для разрѣшенія этого вопроса мы стали руководиться историческими фактами, то для насъ было бы въ высшей степени затруднительно или, лучше сказать, совершенно невозможно вывесть хотя одно общее правило изъ множества противорѣчащихъ одинъ другому обычаевъ. Мы нашли бы много весьма уважительныхъ примѣровъ, что дозволялись такіе браки, которые по нашимъ понятіямъ въ высшей степени преступны, и запрещались такіе, которые въ нашихъ глазахъ совершенно невинны. Каждый народъ имѣлъ притязаніе, что руководствуется въ этомъ отношеніи закономъ природы, и на всякое отступленіе отъ своихъ брачныхъ законовъ смотрѣлъ съ ужасомъ, какъ на развратъ и нечестіе. Предположимъ, что мы вовсе не знаемъ никакихъ мѣстныхъ брачныхъ установленій, и будемъ руководиться единственно принципомъ пользы для рѣшенія вопроса: между какими лицами бракъ долженъ быть дозволенъ и между какими долженъ быть запрещенъ?

Разсматривая внутреннюю жизнь семьи, состоящей изъ членовъ, которые разнятся между собой возрастомъ, поломъ, обязанностями относительно другъ друга, намъ представляются весьма сильныя основанія для запрещенія брака между многими членами этой семьи.

Я вижу одну причину, которая прямо говоритъ противъ дозволенія какихъ нибудь браковъ этого рода.

Отецъ, дѣдъ, дядя, замѣняющій отца, могутъ легко, злоупотребляя своей властью, заставить молодую дѣвушку вступить съ ними въ бракъ, несмотря на то, что этотъ бракъ для нея ненавистенъ. Чѣмъ

необходимѣе родительская власть, тѣмъ необходимѣе, чтобы было какъ можно меньше искушеній для злоупотребленія ею.

Но это неудобство относится только къ немногимъ случаямъ кровосмѣшенія и не есть самое главное. Истинную причину къ запрещенію нѣкоторыхъ браковъ слѣдуетъ искать въ развращающемъ вліяніи этихъ браковъ на нравы, въ томъ злѣ, которое можетъ произойти вслѣдствіе временныхъ небрачныхъ сожитій.

Еслибы не существовало неодолимой преграды для брака между близкими родственниками, которые по семейному своему положенію необходимо живутъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ, то эта ихъ близость другъ къ другу, постоянная удобность къ половому сближенію, даже ихъ дружба между собой и невинныя ласки могли бы порождать гибельныя страсти. Семья, вмѣсто того, чтобъ служить убѣжищемъ, гдѣ бы человѣкъ находилъ покой на лонѣ порядка и гдѣ бы стихали душевныя волненія, превратилась бы въ арену соперничествъ и страстей. Довѣрчивость смѣнилась бы подозрительностью; въ сердцахъ изсякли бы нѣжныя чувства и мѣсто ихъ заступили бы ненависть и месть, о которыхъ одна уже мысль насъ ужасаетъ. Цѣломудріе молодой женщины, эта столь могущественная приманка для вступленія въ бракъ, лишилась бы своей основы, и самыя опасныя сѣти были бы разставлены для юности именно въ томъ мѣстѣ, которое должно служить для нея убѣжищемъ отъ этихъ сѣтей.

Неудобства такихъ браковъ могутъ быть раздѣлены на четыре отдѣла:

1) Зло отъ соперничества. Опасность, происходящая отъ дѣйствительнаго или предполагаемаго соперничества между брачущимся и нѣкоторыми лицами изъ числа его родственниковъ или свойственниковъ.

2) Помѣха браку. Опасность, чтобъ вслѣдствіе уменьшенія довѣрія къ цѣломудрію дѣвушки, со стороны желающихъ вступить въ бракъ, дѣвушки не лишились возможности прочно и выгодно устроиваться черезъ бракъ.

3) Ослабленіе домашней дисциплины. Опасность измѣнить характеръ отношеній между повинующимися и повелѣвающими, или по крайней мѣрѣ опасность ослабить власть главы семейства или того, кто занимаетъ его мѣсто.

4) Физическій вредъ. Опасность для развитія силъ и здоровья вслѣдствіе преждевременныхъ наслажденій.

Таблица супружествъ, которыя должны быть запрещаемы.

Мужчина не долженъ жениться:

1) На женѣ отца, или на комъ-либо изъ восходящихъ. (Неудобства 1. 3. 4 изъ сейчасъ перечисленныхъ).

2) На комъ нибудь изъ своихъ нисходящихъ (Неудобства 2. 3. 4).

3) На теткѣ (Неуд. 2. 3. 4).

4) На женѣ дяди (Неуд. 1. 3. 4).

5) На племянницѣ (Неуд. 2. 3. 4).

6) На сестрѣ (Неуд. 2. 4).

7) Накомъ нибудь изъ нисходящихъ своей жены (Неуд. 1. 2. 3. 4.).

8) На матери своей жены (Неуд. 1).

9) На женѣ кого-либо изъ своихъ нисходящихъ (Неуд. 1).

10) На дочери жены отца отъ прежняго мужа или на дочери мужа матери отъ прежней жены (Неуд. 4) [1]).

Можно ли дозволить мужчинѣ жениться на сестрѣ своей умершей жены? Тутъ представляются основанія и за и противъ. Противъ дозволенія говоритъ опасность соперничества между сестрами, а за дозволеніе—польза дѣтей. Какое счастіе для сиротъ имѣть мачихой родную тетку! Что можетъ лучше умѣрять естественное ихъ нерасположеніе другъ къ другу, какъ не такое близкое родство? Послѣднее основаніе, по моему мнѣнію, имѣетъ перевѣсъ надъ первымъ. Поводъ къ запрещенію есть опасность отъ соперничества еще при жизни обѣихъ сестеръ. Поводъ къ дозволенію есть выгода дѣтей. Но для устраненія соперничества, надо предоставить женѣ право запрещать входъ въ свой домъ своей сестрѣ. Если жена не хочетъ, чтобъ родная ея сестра была подлѣ нея, то какое законное побужденіе можетъ имѣть мужъ, чтобы эта посторонняя для него женщина была подлѣ него?

Можно ли дозволить мужчинѣ жениться на вдовѣ своего брата?

Здѣсь, какъ въ предъидущемъ случаѣ, есть основанія и за и противъ дозволенія. Основанія эти тѣ же: противъ дозволенія—опасность соперничества, за дозволеніе—польза дѣтей. Въ настоящемъ случаѣ, по моему мнѣнію, оба эти основанія имѣютъ мало силы. Мой братъ имѣетъ надъ моей женой не больше власти, какъ и всякое постороннее лицо, и можетъ видѣть ее только съ моего позволенія. Опасаться соперничества съ его стороны можно, кажется, гораздо менѣе, чѣмъ со стороны всякаго другаго. Итакъ основаніе противъ дозволенія почти совершенно безсильно. Съ другой стороны дѣтямъ нечего бояться своего отчима. Если мачиха не врагъ своимъ пасынкамъ, то это чудо; но отчимъ обыкновенно бываетъ ихъ другомъ, ихъ вторымъ отцомъ. Различіе положенія по различію половъ, легальное подчиненіе одного и легальная

---

[1]) Въ кодексѣ законовъ, для большей ясности, должна быть помѣщена также и таблица браковъ, въ которые запрещается вступать женщинамъ, но здѣсь такая таблица была бы только безполезнымъ повтореніемъ. Б.

власть другаго ведутъ къ противоположнымъ слабостямъ, которыя производятъ противоположныя послѣдствія.

Дядя есть естественный другъ своихъ племянниковъ и племянницъ и они ничего не выигрываютъ, если онъ сдѣлается ихъ отчимомъ. Если ихъ отчимомъ сдѣлается не дядя, а лицо постороннее, и не будетъ любить ихъ, то они найдутъ покровительство у дяди; а если этотъ отчимъ будетъ ихъ любить, то значитъ у нихъ прибавится новый покровитель, котораго бы они не имѣли, еслибъ отчимомъ сдѣлался ихъ дядя.— Такъ какъ основанія за и основанія противъ не имѣютъ въ этихъ случаяхъ большой силы, то, повидимому, благо свободы должно наклонить вѣсы въ пользу дозволенія этихъ браковъ.

Ходячая нравственность не приводитъ вышеупомянутыхъ оснований для запрещенія браковъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства, а сплеча рѣшаетъ эти вопросы законодательства, не давая себѣ труда ихъ разсмотрѣть. «Такіе браки—говоритъ она—противны природѣ; слѣдовательно они должны быть запрещены».

Одинъ этотъ аргументъ не составляетъ въ глазахъ здравой логики достаточнаго основанія къ запрещенію какого бы то ни было дѣйствія. Гдѣ существуетъ естественное отвращеніе, тамъ законъ безполезенъ. Къ чему запрещать то, чего никто не хочетъ дѣлать? Естественное отвращеніе есть уже само по себѣ достаточное запрещеніе. Но тамъ, гдѣ нѣтъ отвращенія, аргументъ этотъ недѣйствителенъ, и ходячая нравственность ничего не можетъ сказать въ пользу запрещенія, такъ какъ весь его аргументъ состоитъ въ предположеніи отвращенія, а на дѣлѣ оказывается, что отвращенія нѣтъ. Если надо сообразоваться съ природой, т. е. съ влеченіемъ чувствъ, то такимъ образомъ надо поступать во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были указанія природы. Если надо запрещать упомянутые браки, когда они внушаютъ отвращеніе, то, слѣдовательно, ихъ надо дозволять, когда они составляютъ предметъ желанія. Природа не заслуживаетъ бо́льшаго уваженія, когда ненавидитъ, чѣмъ когда любитъ и желаетъ.

Довольно рѣдко случается, чтобъ половая страсть порождалась между индивидуумами, которымъ бракъ долженъ быть запрещенъ: для возбужденія такой страсти, повидимому, необходима нѣкоторая степень неожиданности, необходимо внезапное впечатлѣніе новизны, что̀ поэты весьма удачно выразили въ аллегоріи о лукѣ, стрѣлахъ и Купидонѣ съ завязанными глазами. Индивидуумы, знающіе и постоянно видящіе другъ друга съ того еще возраста, когда человѣкъ неспособенъ ни чувствовать, ни порождать половую страсть, будутъ тѣми же глазами смотрѣть другъ на друга и до конца жизни,—ихъ чувства, разъ принявъ

уже извѣстное направленіе, продолжаютъ слѣдовать ему подобно рѣкѣ, которая проложила себѣ русло и не можетъ его измѣнить.

Итакъ, природа въ этомъ случаѣ довольно близко сходится съ принципами пользы, но не слѣдуетъ все-таки исключительно полагаться на нее. Бываютъ случаи, что могло бы породиться половое влеченіе и желаніе вступить въ бракъ, еслибы бракъ не былъ запрещенъ закономъ и осужденъ общественнымъ мнѣніемъ.

Въ греческой династіи Египетскихъ царей наслѣдникъ престола обыкновенно женился на одной изъ своихъ сестеръ. Причиной этому, впрочемъ, было желаніе избѣжать опасности вступленія въ родственный союзъ съ подданными или чужеземцами. Подобные браки въ царской семьѣ могли не имѣть тѣхъ неудобствъ, какими сопровождаются въ простыхъ семьяхъ, такъ какъ царскій достатокъ дозволялъ отдѣленіе и затворничество, которое не могло сохраняться въ среднемъ состояніи.

Вслѣдствіе политическихъ причинъ было нѣсколько примѣровъ почти такихъ же браковъ и въ новыя времена. Такъ въ наше время царствующая Португальская королева вышла за мужъ за своего племянника и подданнаго. Впрочемъ государи и вельможи могутъ всегда смыть съ себя пятно кровосмѣшенія: имъ для этого стоитъ только обратиться къ искусному химику, который умѣетъ по своему произволу измѣнять цвѣтъ поступковъ. Но протестантамъ запертъ входъ въ лабораторію этого химика и они не могутъ жениться на своихъ теткахъ. Лютеране впрочемъ подали примѣръ расширенія льготъ.

Неудобство такихъ браковъ не чувствуется тѣми, кто въ нихъ вступаетъ,—оно всецѣло заключается въ дурномъ примѣрѣ. Дозволеніе, данное одному, превращаетъ для другихъ запрещеніе въ тиранію. Когда иго не падаетъ одинаково на всѣхъ, то оно кажется болѣе тяжелымъ для тѣхъ, кто его несетъ.

Говорили, что кровосмѣсительные браки ведутъ къ вырожденію расы, что скрещиваніе одинаково необходимо какъ между животными, такъ и между людьми. Этотъ аргументъ могъ бы имѣть нѣкоторую цѣну, еслибы, при полной свободѣ браковъ, брачные союзы между близкими родственниками были наиболѣе часты. Впрочемъ мы не будемъ распространяться о несостоятельныхъ аргументахъ,—даже и сдѣланное нами замѣчаніе относительно скрещиванія было бы совершенно излишне, еслибъ мы не имѣли въ виду, что полезно устранять слабые и софистическіе аргументы, когда ими хотятъ защищать правое дѣло. Люди добронамѣренные думаютъ, что не слѣдуетъ отнимать у нравственности ни одной изъ ея опоръ, хотя бы даже въ числѣ этихъ опоръ

были и ложныя. Это заблужденіе походитъ на заблужденіе ханжей, которые думали, что служатъ религіи, совершая обманы съ благочестивой цѣлью: но ихъ поступки не укрѣпили, а ослабили религію, подвергнувъ ее осмѣянію ея враговъ. Заблудшійся умъ, восторжествовавъ надъ ложнымъ аргументомъ, думаетъ, что восторжествовалъ надъ самой нравственностью.

§ 2. На какой срокъ? Изслѣдованіе развода.

Еслибъ въ законахъ не было никакого опредѣленія относительно продолжительности брачнаго контракта, еслибъ индивидуумамъ предоставлено было совершать этотъ контрактъ, какъ и всякій другой, по ихъ усмотрѣнію на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, то при такой свободѣ какова была бы въ большей части случаевъ продолжительность брака? Какъ велико было бы въ такомъ случаѣ отступленіе отъ того, что теперь признается за правило?

Цѣль мужчины при вступленіи въ этотъ контрактъ можетъ состоять только въ удовлетвореніи преходящей страсти, и еслибы контрактъ прекращался съ удовлетвореніемъ страсти, то мужчина имѣлъ бы отъ него только выгоды, не раздѣляя ни одного изъ его неудобствъ. Но положеніе женщины совершенно иное: этотъ контрактъ имѣетъ для нея продолжительныя и тягостныя послѣдствія,—беременность, потомъ опасности дѣторожденія, потомъ материнскія заботы. Такимъ образомъ этотъ союзъ доставлялъ бы мужчинѣ только одни удовольствія, а для женщины былъ бы началомъ длиннаго ряда страданій, которыя кончались бы для нея смертью, еслибъ она не обезпечивала себѣ заранѣе, для себя и для будущаго своего ребенка, заботы и покровительство супруга. «Я отдаюсь тебѣ,—говоритъ она мужу,—но ты будешь моимъ хранителемъ при моей слабости и озаботишься о сохраненіи плода нашей любви.» Таково начало сожитія, долженствующаго продлиться многіе годы, если даже мы предположимъ рожденіе только одного ребенка; но затѣмъ новыя рожденія образуютъ новыя узы: такимъ образомъ первыя границы, которыя могли быть указаны брачному контракту при его заключеніи, вскорѣ исчезаютъ, и супругамъ открывается сама собою новая сфера удовольствій и взаимныхъ обязанностей.

Когда мать уже не надѣется имѣть еще дѣтей и отецъ обезпечилъ уже существованіе самаго младшаго изъ нихъ, то съ наступленіемъ этого времени не нарушится ли союзъ? Слѣдуетъ ли предполагать, что послѣ долговременнаго сожительства супруги съ наступленіемъ этого времени пожелаютъ разойтись? Привычка связуетъ сердца супруговъ тысячами узъ, которыя только одна смерть можетъ разрушить. Дѣти

образуютъ для нихъ новый центръ единенія, создаютъ для нихъ новый источникъ удовольствій и надеждъ, дѣлаютъ мать и отца необходимыми другъ для друга, составляя для нихъ предметъ общихъ заботъ и общей привязанности. Слѣдовательно брачный союзъ естественнымъ образомъ длится всю жизнь, и если естественно предположить въ женщинѣ достаточно благоразумія, чтобы при вступленіи въ бракъ она оговорила для себя то, что необходимо для обезпеченія ея самыхъ дорогихъ интересовъ, то тѣмъ болѣе должны мы ожидать этого отъ отца ея или опекуна, который имѣетъ болѣе зрѣлую опытность.

Женщина имѣетъ кромѣ того еще особый интересъ въ безсрочности брака. Время, беременность, кормленіе и даже само сожительство,—все это имѣетъ гибельное вліяніе на ея красоту. Она должна предвидѣть, что красота ея будетъ блекнуть въ то время, какъ силы мужа ея еще будутъ увеличиваться,—она должна знать, что, растративъ свою юность съ однимъ мужемъ, ей трудно будетъ найдти другаго, между тѣмъ какъ мужу ея не предстоитъ такой трудности найти себѣ вторую жену. Слѣдовательно предусмотрительность побуждаетъ женщину поставить еще новое условіе для согласія на бракъ: «Я отдаюсь тебѣ, — говоритъ она мужу,—но ты не можешь меня покинуть безъ моего согласія». Мужъ съ ея стороны требуетъ такого же обѣщанія, и такимъ образомъ возникаетъ законный контрактъ, основанный на счастіи обѣихъ сторонъ.

Итакъ, пожизненный бракъ есть самый естественный, наиболѣе соотвѣтствующій потребностямъ и условіямъ семейной жизни, наиболѣе благопріятный для индивидуумовъ и вообще для всѣхъ. Еслибы законы не установляли пожизненности брака, т. е. еслибы законы ограничивались только тѣмъ, что давали бы санкцію контракту, то и въ такомъ случаѣ пожизненные браки были бы всегда самые обыкновенные, потому что наиболѣе соотвѣтствуютъ интересамъ обоихъ супруговъ. Любовь со стороны мужа, любовь и предусмотрительность со стороны жены, просвѣщенная мудрость родителей и заботливость ихъ о дѣтяхъ, все содѣйствуетъ тому, чтобы брачный контрактъ былъ пожизненный.

Но что̀ должны мы были бы подумать, еслибы женщина включила въ контрактъ еще такую статью: «Мнѣ не дозволено будетъ оставить тебя, еслибы мы возненавидѣли другъ друга даже съ бо̀льшею силой, чѣмъ съ какой теперь любимъ другъ друга.» Такое условіе показалось бы просто безумнымъ; въ немъ есть нѣчто противорѣчащее и нелѣпое, что поражаетъ съ перваго взгляда: не готовъ ли былъ бы каждый признать, что подобный обѣтъ есть слѣдствіе необдуманности и что человѣколюбіе требуетъ его уничтожить.

Но это жестокое и нелѣпое условіе не требуется женщинами, не составляетъ предмета желанія для мужчины, а налагается на обоихъ брачущихся, какъ неизбѣжность. Законъ неожиданно вмѣшивается между договаривающимися сторонами, застигаетъ ихъ въ минуту разгара страстей юности, когда въ будущемъ ничего не видно, кромѣ счастія, и держитъ къ нимъ такую рѣчь: «Вы вступаете въ бракъ въ надеждѣ, что будете счастливы, но я объявляю вамъ, что вы вступаете въ тюрьму и какъ только вступите въ нее, дверь за вами будетъ замуравлена. Я буду безчувственъ къ вашимъ воплямъ, и еслибы даже вы стали бить другъ друга вашими оковами, я не допущу вашего освобожденія.»

Вѣрить въ совершенство предмета своей любви, вѣрить въ вѣчность взаимной страсти,—такія иллюзіи можно извинить только двумъ дѣтямъ, ослѣпленнымъ любовью. Но юристы, законодатели, эти зрѣлые мужи, убѣленные годами, не вдаются въ подобную химеру. Еслибъ они вѣрили въ вѣчную любовь брачущихся, то къ чему бы имъ было запрещать то, чего ни одна сторона желать не можетъ! Но нѣтъ! Они предвидятъ непостоянство, предвидятъ ненависть, они предвидятъ, что даже самая страстная любовь можетъ смѣниться самой сильной антипатіей, и съ полнымъ хладнокровіемъ равнодушія признали брачный обѣтъ ненарушимымъ, даже еслибы чувство, побудившее къ нему, смѣнилось чувствомъ совершенно противоположнымъ.

Еслибы законъ не иначе дозволялъ брать себѣ *опекуна, управляющаго, товарища*, какъ съ условіемъ, чтобъ онъ оставался таковымъ на вѣки, то не сказалъ ли бы каждый, что это—тираннія, безуміе. Мужъ есть вмѣстѣ и опекунъ, и управитель, и товарищъ, и даже болѣе, а между тѣмъ въ большей части цивилизованныхъ странъ не иначе можно взять себѣ мужа, какъ на вѣки.

Жить въ постоянной зависимости отъ человѣка, котораго ненавидишь, есть уже родъ рабства; но быть въ необходимости принимать его ласки, это бѣдствіе слишкомъ велико, чтобъ быть терпимымъ даже въ рабствѣ. Говорятъ: тутъ иго взаимно. Но взаимность только удвоиваетъ бѣдствіе.

Такъ какъ бракъ обыкновенно составляетъ для людей единственное средство къ полному и спокойному удовлетворенію потребности любить, то, слѣдовательно, отвращать ихъ отъ брака значитъ лишать ихъ брачныхъ наслажденій и причинять имъ зло, пропорціональное этому лишенію. Но можно ли придумать болѣе сильное средство для отвращенія отъ брака, какъ признать его неразрывнымъ? Запрещеніе выхода изъ брачнаго союза, изъ службы, изъ какой-либо мѣстности или изъ какого либо состоянія равняется запрещенію вступать въ нихъ.

Замѣтимъ наконецъ, что когда смерть становится единственнымъ средствомъ освобожденія, то столь страшное положеніе не должно ли вводить въ страшныя искушенія и преступленія? Число печальныхъ примѣровъ, оставшихся неизвѣстными, можетъ быть еще гораздо значительнѣе, чѣмъ число извѣстныхъ. Особенно же часто при подобномъ положеніи должны совершаться отрицательныя преступленія. Какъ легко вовлекаются въ преступленіе даже неразвращенныя сердца, когда для совершенія преступленія достаточно одного бездѣйствія? Если одинаковая опасность угрожаетъ и ненавистной женѣ и обожаемой любовницѣ, то будутъ ли употреблены такія же искреннія и такія же самоотверженныя усилія для спасенія первой, какъ для спасенія второй?

Недозволительно было бы умолчать, что есть возраженія противъ расторжимости брака. Постараемся собрать эти возраженія и отвѣтить на нихъ.

Первое возраженіе.—«Если дозволить разводъ, то ни одна изъ сторонъ не будетъ считать свою участь безвозвратно рѣшенной. Мужъ будетъ озираться кругомъ, не представится ли ему болѣе выгодной партіи, а жена съ своей стороны также будетъ дѣлать подобныя же сравненія и будетъ составлять планы перемѣнить мужа. Вслѣдствіе этого произойдетъ постоянная обоюдная неувѣренность относительно того драгоцѣннаго рода собственности, который служитъ основой всего плана жизни.»

Отвѣтъ 1.—Тоже самое неудобство существуетъ отчасти, только подъ другими названіями, и при нерасторжимомъ бракѣ, когда взаимная любовь между супругами прекратилась. Правда, въ такомъ случаѣ мужъ не ищетъ себѣ новой жены, но онъ ищетъ себѣ любовницу, а жена ищетъ любовника. Строгія обязательства брачнаго союза и налогаемыя имъ запрещенія не представляютъ большихъ трудностей для неисполненія и скорѣе побуждаютъ къ непостоянству, чѣмъ предупреждаютъ его. Запрещеніе и принужденіе служатъ для страстей возбуждающимъ средствомъ. Такова истина, дознанная изъ опыта, что препятствія, давая пищу воображенію и сосредоточивая умъ на одномъ предметѣ, только усиливаютъ желаніе достигнуть цѣли. При свободѣ, чувства менѣе блуждаютъ, чѣмъ при брачной неволѣ. При расторжимости брака хотя число явныхъ или видимыхъ разводовъ и увеличится, но число дѣйствительныхъ или реальныхъ разводовъ уменьшится.

2. Нельзя останавливаться только на неудобствахъ: надо также принимать во вниманіе и полезныя стороны. Супруги, зная, что могутъ утратить другъ друга, будутъ постоянно употреблять тѣ средства нравиться, которыя первоначально породили между ними взаимную при-

вязанность, будутъ тщательнѣе изучать характеры другъ друга и способы угождать другъ другу, будутъ чувствовать необходимость сдерживать свои капризы и жертвовать своимъ эгоизмомъ. Однимъ словомъ, заботливость, внимательность, снисходительность будутъ постоянными спутниками супружеской жизни, и то, что́ нѣкогда дѣлалось для пріобрѣтенія любви, будетъ дѣлаться для ея сохраненія.

3. Молодые люди рѣже будутъ дѣлаться жертвами скупости и алчности своихъ родственниковъ. Прежде чѣмъ устроивать брачный союзъ, необходимо будетъ сообразаться съ наклонностями брачущихся, такъ какъ при нерасположеніи ихъ другъ къ другу бракъ сейчасъ же можетъ быть расторгнутъ. Соотвѣтствіе лѣтъ, воспитаніе, сходство вкусовъ, эти дѣйствительныя основы, отъ которыхъ зависитъ счастье, будутъ тогда входить въ разсчетъ благоразумія. Нельзя уже будетъ жениться на состояніи, не женясь на лицѣ. Прежде, чѣмъ совершить бракъ, необходимо будетъ разсматривать, представляетъ ли онъ условія долговѣчности.

Второе возраженіе.—«Каждая изъ брачущихся сторонъ, видя въ бракѣ только временный союзъ, будетъ равнодушно относиться къ интересамъ другой стороны, и въ особенности не будетъ заботиться о денежныхъ ея интересахъ. Слѣдствіемъ этого будетъ расточительность, нерадѣніе и вообще дурное хозяйство.»

Отвѣтъ. — Та же самая опасность существуетъ и въ торговыхъ товариществахъ, а между тѣмъ она осуществляется *довольно рѣдко*. Расторжимый бракъ имѣетъ *такую связующую силу*, какой не имѣетъ торговое товарищество и которая скрѣпляетъ сильнѣе и долговѣчнѣе, чѣмъ всѣ нравственныя узы: эта сила есть любовь къ дѣтямъ, которая скрѣпляетъ взаимную привязанность супруговъ.

Въ нерасторжимыхъ бракахъ дурное хозяйство не чаще ли встрѣчается, чѣмъ въ торговыхъ товариществахъ? и почему это такъ? Не слѣдствіе ли это равнодушія или отвращенія, которыя порождаетъ въ супругахъ, наскучившихъ другъ другу, постоянное желаніе избѣгать общества другъ друга и искать новыхъ развлеченій? При такихъ супружескихъ отношеніяхъ слабѣетъ и нравственная связь супруговъ съ своими дѣтьми; воспитаніе дѣтей, заботы о ихъ будущемъ благосостояніи если и продолжаютъ еще занимать ихъ, то отходятъ на второй планъ, для нихъ исчезаетъ вся прелесть общенія интересовъ и каждый изъ нихъ, предаваясь особо своимъ наслажденіямъ, мало заботится, что́ происходитъ съ другимъ. Такимъ образомъ разладъ между супругами вводитъ въ домашній бытъ тысячами путей небрежность и безпорядокъ, и прямымъ слѣдствіемъ отчужденія ихъ сердецъ часто бываетъ совершенное разореніе. При свободѣ—этого зла не существуетъ: вслѣдствіе

личнаго разъединенія супруги разойдутся прежде, чѣмъ произойдетъ разъединеніе ихъ интересовъ.

Легкость развода скорѣе предупреждаетъ, чѣмъ порождаетъ расточительность,—внушаетъ опасеніе не возбудить противъ себя неудовольствіе со стороны сожителя, уваженіемъ котораго дорожатъ. Бережливость, при надлежащей ея оцѣнкѣ обоими супругами, получаетъ въ ихъ глазахъ столь великое достоинство, что въ состояніи прикрыть многіе недостатки и располагаетъ супруговъ извинять другъ другу многое. Кромѣ того надо замѣтить, что въ случаѣ развода та изъ двухъ сторонъ, которая дурно поступала или дурно себя вела, будетъ имѣть гораздо меньше шансовъ вступить въ другой, болѣе выгодный бракъ.

Третье возраженіе.—«Расторжимость брака побудитъ сильнѣйшую сторону къ дурному обращенію съ слабѣйшей для вынужденія ея къ согласію на разводъ.»

Отвѣтъ.—Это возраженіе довольно основательно и заслуживаетъ, чтобы законодатель обратилъ на него особое вниманіе. Къ счастью, для уменьшенія этой опасности достаточно принять одну предупредительную мѣру: въ случаяхъ дурнаго обращенія супруговъ между собой давать свободу только сторонѣ притѣсненной и не давать свободы той сторонѣ, которая притѣсняла. При существованіи подобной мѣры, чѣмъ болѣе будетъ супругъ желать развода, чтобы вновь вступить въ бракъ, тѣмъ болѣе будетъ онъ остерегаться такихъ поступковъ, которые могли бы быть признаны за дурное обращеніе съ цѣлью вынудить согласіе на разводъ. Такимъ образомъ грубые, насильственные способы къ соглашенію на разводъ будутъ устранены и останутся только способы кроткіе.

Четвертое возраженіе.—Оно имѣетъ въ виду интересъ дѣтей. «Что будетъ съ дѣтьми, когда законъ расторгнетъ союзъ между ихъ родителями?»

Отвѣтъ.—Тоже самое, что при расторженіи союза смертью, съ той только разницею, что при расторженіи союза посредствомъ развода положеніе дѣтей менѣе невыгодно: дѣти останутся при томъ родителѣ, заботы котораго имъ больше нужны, и законъ, согласуясь съ ихъ интересами, отдаетъ сыновей на попеченіе отца, а дочерей на попеченіе матери. Наибольшая опасность, угрожающая дѣтямъ въ случаѣ смерти одного изъ родителей, состоитъ въ подчиненіи ихъ власти отчима или мачихи, которые будутъ смотрѣть на нихъ враждебными глазами. Особенно велика эта опасность для дѣвочекъ при обычномъ деспотизмѣ мачихъ. При разводѣ же родителей для дѣтей ихъ подобной опасности нѣтъ. Мальчики будутъ имѣть своимъ попечителемъ отца, а дѣвочки — мать;

при этомъ воспитанiе ихъ меньше пострадаетъ, чѣмъ при домашнихъ неурядицахъ и ссорахъ между родителями. Если интересъ дѣтей составляетъ достаточное основанiе, чтобъ запретить вступленiе въ новый бракъ послѣ развода, то въ такомъ случаѣ мы должны признать, что онъ составляетъ еще болѣе сильное основанiе, чтобъ запретить вступленiе въ новый бракъ оставшемуся въ живыхъ родителю.

Замѣтимъ въ заключенiе, что разводъ есть актъ столь важный, что его слѣдуетъ подчинять нѣкоторымъ формальностямъ, которыя бы предотвращали капризы и давали обѣимъ сторонамъ достаточно времени для размышленiя. Вмѣшательство общественной власти необходимо здѣсь не только для удостовѣренiя, что со стороны мужа не было сдѣлано насилiя, чтобы вынудить согласiе жены, но также и для того, чтобъ между желанiемъ развода и его совершенiемъ былъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ.

Вопросъ о расторжимости брака есть одинъ изъ такихъ вопросовъ, относительно которыхъ всегда будутъ существовать различныя мнѣнiя. Одинъ будетъ одобрять, а другой осуждать разводъ, смотря по тому, хорошiя или дурныя отъ этого послѣдствiя приходилось ему видѣть на опытѣ, или смотря по своимъ личнымъ интересамъ.

Въ Англiи бракъ расторжимъ только въ случаѣ доказаннаго прелюбодѣянiя со стороны жены. Но всякое дѣло о разводѣ необходимо должно пройти черезъ нѣсколько инстанцiй и *парламентскiй актъ о разводѣ стóитъ по крайней мѣрѣ 500 ф. ст.* Поэтому въ Англiи разводъ возможенъ только для весьма ограниченнаго числа гражданъ.

Въ Шотландiи прелюбодѣянiе со стороны мужа составляетъ достаточное основанiе для развода. Шотландскiй законъ о разводѣ довольно мягокъ, но имѣетъ и свою суровую сторону: онъ не дозволяетъ виновной сторонѣ вступать въ бракъ съ лицомъ, вовлекшимъ ее въ прелюбодѣянiе.

Въ Швецiи разводъ дозволяется въ случаѣ нарушенiя супружеской вѣрности обѣими сторонами, что въ дѣйствительности равняется тому, какъ еслибъ разводъ былъ дозволенъ по взаимному согласiю: мужъ обыкновенно беретъ на себя вину въ совершенiи прелюбодѣянiя и бракъ расторгается.

Въ Данiи тотъ же самый законъ, съ однимъ только ограниченiемъ: если не будетъ доказано, что супруги сговорились между собой. По кодексу Фридриха можно разводиться совершенно по произволу и потомъ вновь вступать въ бракъ, но только съ условiемъ, чтобъ между разводомъ и новымъ бракомъ прошло не менѣе года. Повидимому, было бы лучше, еслибъ годовой срокъ, или часть этого срока, требовался для разрѣшенiя развода.

Въ Женевѣ прелюбодѣяніе было достаточной причиной для развода. Но кромѣ того разводъ могъ состояться также и просто вслѣдствіе несоотвѣтствія характеровъ: если жена оставляла дома мужа и удалялась къ друзьямъ или родственникамъ, то это давало достаточный поводъ просить развода. Впрочемъ разводы тамъ были рѣдки, и такъ какъ каждый разводъ всенародно провозглашали во всѣхъ церквахъ, то эта огласка служила какъ-бы наказаніемъ, имѣла характеръ общественнаго осужденія.

Какъ только установили во Франціи свободу разводовъ, въ Парижѣ было отъ пяти до шести сотъ разводовъ въ два года; но изъ этого нельзя дѣлать общаго заключенія относительно дѣйствія свободы въ расторженіи браковъ, такъ какъ это произошло въ то время, когда свободный разводъ былъ еще новостью.

Разводы рѣдки въ странахъ, гдѣ существуютъ уже издавна. Тѣ же самыя причины, которыя затрудняютъ законодателя дозволить разводъ, побуждаютъ индивидуумовъ избѣгать развода, когда онъ и дозволенъ. Правительство, запрещая разводъ, этимъ самымъ хочетъ утверждать, что лучше понимаетъ интересы индивидуумовъ, чѣмъ они сами. Законъ, запрещающій разводъ, или имѣетъ дурное дѣйствіе, или не имѣетъ никакого.

Во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ суды признавали за женами, подвергшимися дурному обращенію со стороны мужей, право прекращенія сожительства, но при этомъ ни одна сторона не получала права вступать въ новый бракъ. Аскетическій принципъ, врагъ наслажденій, допустилъ въ этомъ случаѣ смягченіе страданія. Повидимому и оскорбленную жену и мужа-тирана тутъ постигаетъ одинаковая участь, но подъ этимъ кажущимся равенствомъ скрывается весьма существенное неравенство: общественное мнѣніе предоставляетъ господствующему полу бо̀льшую свободу, а на слабѣйшій полъ налагаетъ тяжелыя стѣсненія.

§ 3. *На какихъ условіяхъ?*

Намъ предстоитъ здѣсь только разсмотрѣть, какія брачныя условія, слѣдуя принципу пользы, должны мы признать пригодными для большинства случаевъ, такъ какъ законъ долженъ дозволять заинтерессованнымъ сторонамъ включать въ брачный контрактъ ихъ собственныя особыя условія; или другими словами, такъ какъ условія брачнаго контракта должны быть предоставлены усмотрѣнію брачущихся, кромѣ нѣкоторыхъ обыкновенныхъ исключеній.

1-е Условіе. «Жена должна повиноваться мужу, сохраняя право обращаться къ правосудію». Будучи главой жены во всемъ, что касается его собственныхъ интересовъ, мужъ будетъ попечителемъ жены во всемъ, что касается ея интересовъ. Желанія двухъ лицъ, проводящихъ жизнь вмѣстѣ, могутъ ежеминутно оказаться въ противорѣчіи. Благо мира требуетъ такого преобладанія одной стороны надъ другой, которое бы предупреждало или прекращало столкновенія. Но почему же это преобладаніе должно принадлежать мужу? Потому, что онъ сильнѣе. Въ его рукахъ власть поддерживаетъ сама себя. Дайте власть женщинѣ, и тогда мужъ будетъ ежеминутно возставать противъ жены. Но это не есть единственное основаніе, почему власть должна принадлежать мужу,—вслѣдствіе самого образа жизни мужъ обыкновенно бываетъ болѣе опытенъ, болѣе свѣдущъ въ дѣлахъ, болѣе способенъ къ труду. Конечно, бываютъ исключенія, но здѣсь идетъ рѣчь о томъ, каковъ долженъ быть общій законъ.

Я сказалъ, что жена должна имѣть право «обращаться къ правосудію», потому что не слѣдуетъ изъ мужа дѣлать тирана, не слѣдуетъ ставить въ положеніе пассивнаго рабства тотъ полъ, который по своей слабости и кротости наиболѣе нуждается въ покровительствѣ законовъ. Интересы женщинъ часто были пренебрегаемы. Въ Римѣ законы о бракѣ были ни что иное, какъ кодексъ силы, львиный дѣлежъ. Но съ другой стороны тѣ, которые, руководясь какими-то смутными понятіями о справедливости и великодушіи, хотятъ надѣлить женщинъ безусловнымъ равенствомъ съ мужчинами, только разставляютъ имъ весьма опасныя сѣти. Освободить женъ, насколько это возможно сдѣлать посредствомъ законовъ, отъ необходимости нравиться своимъ мужьямъ, значило бы, съ нравственной точки зрѣнія, ослабить, а не усилить ихъ власть надъ мужьями. Когда мужъ дѣлаетъ уступки женѣ, то его самолюбіе при этомъ нисколько не страдаетъ, такъ какъ онъ увѣренъ въ своемъ преобладаніи, и эти уступки даже доставляютъ ему наслажденіе. Замѣните это отношеніе соперничествомъ властей, и тогда гордость болѣе сильной стороны будетъ постоянно чувствовать себя уязвленной, вслѣдствіе чего произойдетъ антагонизмъ, опасный для слабѣйшей стороны: придавая болѣе цѣны тому, что у нея взято, чѣмъ тому, что ей предоставлено, сильнѣйшая сторона направитъ всѣ свои усилія къ возстановленію своего преобладанія.

2-е Условіе. «Управленіе имуществомъ должно быть предоставлено одному мужу».

Это есть естественное и прямое слѣдствіе власти мужа. Замѣтимъ притомъ, что имущество обыкновенно пріобрѣтается трудами мужа.

3-е Условіе. «Право пользованія имуществомъ должно быть общее и для мужа и для жены».

Это условіе признается 1) ради блага равенства, и 2) ради того, чтобъ обѣ стороны имѣли одинаковый интересъ въ домашнемъ благосостояніи; но это право необходимо видоизмѣнятся основнымъ закономъ, который подчиняетъ жену власти мужа.

Разнообразіе обстоятельствъ и различный характеръ предметовъ собственности требуютъ отъ законодателя многихъ подробныхъ опредѣленій относительно этого пункта, но здѣсь не мѣсто на этомъ останавливаться.

4-е Условіе. «Жена должна соблюдать супружескую вѣрность». Здѣсь нѣтъ надобности разсматривать, почему прелюбодѣяніе должно быть разсматриваемо какъ преступленіе,—это относится собственно къ уголовному кодексу.

5-е Условіе. «Мужъ также долженъ соблюдать супружескую вѣрность». На какихъ основаніяхъ прелюбодѣяніе со стороны мужа должно быть признаваемо преступленіемъ,—это также принадлежитъ къ уголовному кодексу. Эти основанія менѣе сильны, чѣмъ въ случаѣ прелюбодѣянія со стороны жены, но тѣмъ не менѣе они достаточны для признанія дѣйствія преступнымъ.

§ 4. *Въ какомъ возрастѣ?*

Въ какомъ возрастѣ долженъ законъ дозволять вступать въ бракъ? Конечно, не ранѣе того возраста, когда можно предполагать, что договаривающіяся стороны способны сознавать все значеніе принимаемаго ими на себя обязательства. Особенно внимателенъ долженъ быть законъ къ этому обстоятельству въ тѣхъ странахъ, гдѣ бракъ нерасторжимъ. Не слѣдуетъ ли принимать всевозможной предосторожности для предупрежденія необдуманной поспѣшности въ такомъ дѣлѣ, котораго никакое раскаяніе потомъ уже исправить не можетъ!

Вступленіе въ бракъ не должно быть дозволяемо ранѣе того возраста, въ который индивидуумъ признается способнымъ управлять своимъ имуществомъ. Было бы нелѣпо признать за человѣкомъ право распорядиться собой на всю жизнь въ такомъ возрастѣ, когда законъ не дозволяетъ ему продать даже самаго ничтожнаго клочка земли.

§ 5. *Кто долженъ выбирать?*

Кому должно принадлежать право выбирать жену или мужа? Этотъ вопросъ очевидно нелѣпъ, хотя бы въ дѣйствительности онъ и не оказывался таковымъ,—и въ самомъ дѣлѣ, не есть ли это нелѣпость, чтобъ

право выбирать жену или мужа могло принадлежать кому другому, а не заинтересованной сторонѣ!

Законъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ бы довѣрять этого права родителямъ, такъ какъ у родителей нѣтъ двухъ существенныхъ условій для благотворнаго пользованія этимъ правомъ,—у нихъ нѣтъ ни нужнаго знанія, чтобы сдѣлать выборъ, ни воли, которая была бы направлена къ истинной цѣли. Родители и дѣти смотрятъ и чувствуютъ не одинаково, у нихъ не одинаковые интересы. Любовь есть главный двигатель юности,—на стариковъ же она рѣдко имѣетъ такое вліяніе. Вообще вопросъ объ имущественныхъ средствахъ мало входитъ въ соображенія юношей, въ глазахъ же родителей онъ имѣетъ особую важность. Юноши хотятъ одного—счастія, а родители хотятъ, чтобъ ихъ дѣти также и казались счастливыми. Юноши готовы всѣмъ пожертвовать для любви, родители же часто бываютъ готовы пожертвовать этимъ интересомъ для всякаго другаго интереса.

Конечно, родителямъ тяжело принять въ семью зятя или невѣстку, которыхъ не любятъ, но ихъ сыну или дочери не будетъ ли несравненно тяжелѣе отказаться отъ жены или мужа, которые бы сдѣлали ихъ счастливыми? Сравните страданія обѣихъ сторонъ: равны ли они? Сравните, сколько по всей вѣроятности имѣетъ продолжиться жизнь родителей и сколько жизнь дѣтей: можно ли жертвовать счастіемъ тѣхъ, кто начинаетъ жить, для счастія тѣхъ, кто уже близится къ концу жизни? Сказанное нами относится къ праву родителей препятствовать браку. Но что должны мы сказать, когда подъ личиной родственной любви безжалостный тиранъ злоупотребляетъ кротостью и смиреніемъ своего сына или дочери, чтобъ вынудить того или другую на бракъ съ лицомъ ненавистнымъ?

Связи дѣтей въ значительной степени зависятъ отъ связей ихъ родителей. Относительно сыновей это замѣчаніе вѣрно отчасти, а относительно дочерей вѣрно вполнѣ. Если же родители пренебрегаютъ своимъ вліяніемъ въ этомъ отношеніи, если они не заботятся дать надлежащее направленіе наклонностямъ членовъ своей семьи и выборъ дѣтьми знакомства предоставляютъ случаю, то кого же въ такомъ случаѣ винить въ неблагоразуміяхъ юности? Въ заключеніе замѣтимъ, что, отказывая родителямъ въ правѣ запрещать и принуждать къ браку, нѣтъ необходимости отказывать имъ въ правѣ задерживать и замедлять. Въ этомъ отношеніи можно различать два періода: въ первомъ періодѣ отсутствіе согласія со стороны родителей должно признаваться достаточнымъ, чтобъ бракъ не состоялся, а во второмъ періодѣ родители должны имѣть право только замедлять на нѣсколько мѣсяцевъ окончательное соверше

ніе брачнаго контракта. Замедленіе брака даетъ родителямъ возможность дѣйствовать на дѣтей совѣтомъ.

Въ одной Европейской странѣ, славящейся мудростью своихъ учрежденій, существуетъ довольно странный обычай: бракъ несовершеннолѣтнихъ не можетъ тамъ состояться иначе какъ съ согласія родителей; но если любящаяся чета успѣетъ проѣхать сто миль прежде, чѣмъ ее нагонять, переѣдетъ по дорогѣ небольшую рѣчку и, поднявшись на отлогій холмъ, благополучно достигнетъ селенія, то можетъ произнести брачный обѣтъ передъ первымъ встрѣчнымъ, — этотъ обѣтъ признается дѣйствительнымъ, и такимъ образомъ отеческая власть дѣлается безсильна. Не для поощренія ли авантюристовъ допускаютъ существованіе подобнаго обычая? Или же не изъ скрытаго ли желанія ослабить власть родителей, или наконецъ не изъ желанія ли благопріятствовать такъ-называемымъ неровнымъ бракамъ?

§ 6. *Сколько договаривающихся сторонъ?*

Между сколькими лицами одновременно долженъ существовать этотъ контрактъ?—другими словами: должна ли быть терпима полигамія?— Полигамія можетъ быть простая и двойная. Простая полигамія можетъ быть полигинія, многоженство, и поліандрія, многомужество.

Вредно или полезно многоженство? Все, что можетъ быть сказано въ его пользу, относится только къ нѣкоторымъ исключительнымъ случаямъ или къ нѣкоторымъ временнымъ обстоятельствамъ, какъ напр. когда мужъ по болѣзни жены лишается брачныхъ наслажденій, или когда по своей профессіи обязанъ жить временами въ одномъ и временами въ другомъ мѣстѣ, какъ это бываетъ съ командирами судовъ и др. Что многоженство можетъ быть иногда желательно для мужчинъ, это еще возможно, но чтобъ оно было желательно для женщинъ, этого не можетъ быть. Допустить многоженство значило бы пожертвовать для интересовъ одного мужчины интересами по крайней мѣрѣ двухъ женщинъ.

1. Многоженство усиливаетъ неравенство состояній. Богатство и такъ даетъ уже большое преобладаніе, а при многоженствѣ его преобладаніе было бы еще больше. Богатый вступая въ брачный союзъ съ дѣвушкой, не имѣющей состоянія, воспользуется ея положеніемъ, чтобы сохранить за собой право дать ей соперницу, — каждая изъ его женъ должна будетъ довольствоваться только какой-либо долей супруга, между тѣмъ какъ могла бы составить счастіе другаго мужчины, который при такомъ несправедливомъ порядкѣ вещей осужденъ жить въ безбрачіи.

2. При многоженствѣ исчезнетъ миръ въ семьяхъ. Взаимная нелюбовь между женами-соперницами сообщится дѣтямъ. Образуются враждебныя партіи, нѣчто въ родѣ маленькихъ армій, изъ которыхъ каждая будетъ имѣть во главѣ одинаково могущественную покровительницу или, по крайней мѣрѣ, одинаково сильную по своимъ правамъ. Сколько поводовъ къ раздорамъ, къ ожесточенію, къ враждѣ! Ослабленіе братскихъ узъ поведетъ за собой ослабленіе сыновняго почтенія. Отецъ въ глазахъ каждаго изъ своихъ дѣтей сдѣлается покровителемъ врага. Всякая его доброта или строгость къ которому-либо изъ дѣтей будетъ перетолкована другими его дѣтьми въ дурную сторону, будетъ приписана несправедливому предпочтенію или несправедливой ненависти. Среди страстей, обуревающихъ семью при многоженствѣ, воспитаніе дѣтей будетъ въ самомъ жалкомъ состояніи: однихъ развратитъ строгость, другихъ—снисходительность. Правда, на Востокѣ мы находимъ спокойствіе въ полигамическихъ семьяхъ; но тамъ рабство предохраняетъ семью отъ раздоровъ: одно зло тамъ излечивается другимъ зломъ—тамъ все спокойно потому, что надъ всѣми тяготѣетъ одинаковое иго.

Многоженство усилитъ власть мужа, и съ какимъ рвеніемъ будутъ жены стремиться наперерывъ одна предъ другой угодить ему! Какъ будетъ каждая изъ нихъ стараться заслужить предпочтеніе передъ соперницей! Но такой порядокъ въ семьѣ есть ли благо, или же есть зло? Конечно, полигамія должна быть учрежденіемъ превосходнымъ въ глазахъ тѣхъ, которые имѣютъ столь низкое понятіе о женщинахъ, что, по ихъ мнѣнію, чѣмъ болѣе подвластна женщина, тѣмъ лучше. Но тѣ, которые признаютъ, что вліяніе прекраснаго пола благопріятствуетъ смягченію нравовъ, умножаетъ общественныя удовольствія, и что кроткая, мягкая власть женщины имѣетъ благотворное значеніе для семьи, тѣ не могутъ также не признать, что полигамія есть учрежденіе крайне вредное.

Здѣсь нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе поліандріи и двойной полигаміи. Даже и сказанное нами относительно перваго пункта было бы совершенно излишне, еслибы не было умѣстно указать истинныя основанія, на которыхъ покоятся нравы.

§ 7. *Съ какими формальностями?*

Формальности брачнаго договора должны имѣть двойную цѣль:

1. Удостовѣрить свободное обоюдное согласіе договаривающихся и законность ихъ союза.

2. Сохранить на будущее время доказательство совершенія брака.

Кромѣ того, надо при этомъ объяснять договаривающимся, какія права они пріобрѣтаютъ и какія обязанности налагаются на нихъ закономъ.

Почти у всѣхъ народовъ бракъ совершается съ большой торжественностью. Несомнѣнно, что церемоніалъ, поражающій воображеніе, напечатлѣваетъ въ умахъ высокое понятіе о силѣ и достоинствѣ договора.

Въ Шотландіи законъ по этому предмету крайне снисходителенъ: тамъ не требуется никакихъ формальностей. Для того, чтобъ бракъ считался окончательно состоявшимся, достаточно согласія мужчины и женщины, если мужчина и женщина объявятъ въ присутствіи свидѣтеля, что вступаютъ въ бракъ.

Несовершеннолѣтніе Англійскіе юноши, тяготящіеся родительской или опекунской властью, бѣгутъ въ пограничное Шотландское селеніе Гретна-Гринъ и ускоряютъ свое освобожденіе изъ-подъ власти посредствомъ вступленія въ опрометчивый бракъ.

При установленіи формальностей брака надо остерегаться двухъ опасностей: 1) не затруднять совершеніе брака до такой степени, чтобъ это могло отвратить отъ его совершенія, когда существуютъ для него всѣ нужныя условія: и свободное обоюдное согласіе, и необходимая зрѣлость; 2) не поставить лица, участвующія въ этихъ формальностяхъ, въ такое положеніе, которымъ бы они могли злоупотреблять для какихъ-либо дурныхъ цѣлей.

Во многихъ странахъ долго приходится томиться въ преддверіи храма, прежде чѣмъ подойти къ алтарю съ титуломъ жениха и невѣсты: тамъ долго приходится носить брачныя цѣпи, не пользуясь выгодами брака. Къ чему эти безполезныя формальности, которыя только умножаютъ затрудненія и препоны къ совершенію браковъ? Кодексъ Фридриха Великаго справедливо упрекаютъ въ этомъ случаѣ въ безполезныхъ стѣсненіяхъ. Напротивъ, англійскіе законы на этотъ разъ держатся простоты и ясности; тамъ нѣтъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ,—каждый или женатъ, или не женатъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О СИСТЕМѢ ИМУЩЕСТВЕННАГО РАВЕНСТВА.

«Всѣ человѣческія существа—говоритъ Объявленіе Правъ—родятся и пребываютъ равны въ правахъ». Изъ этого заключили, что люди должны быть равны и по обладанію имуществомъ, что всѣ существующія въ этомъ отношеніи различія должны быть уничтожены и всѣ индивидуумы должны быть подведены подъ одинъ уровень.

Подобная система была бы гибельна и для безопасности, и для богатства. Человѣкъ надѣется сохранить то, что наслѣдовалъ отъ предковъ и что самъ пріобрѣлъ, и всякое нарушеніе этой надежды необходимо причиняетъ страданіе отъ неисполненнаго ожиданія. Если сегодня одинъ индивидуумъ возьметъ часть собственности другаго на томъ основаніи, что бѣднѣе его, то завтра третій индивидуумъ возьметъ часть собственности у нихъ обоихъ на томъ основаніи, что бѣднѣе ихъ обоихъ, и такъ далѣе: такимъ образомъ совершенно исчезнетъ всякая безопасность владѣнія имуществомъ и всякая надежда его сохранить.

Такъ какъ при этой системѣ ни одинъ индивидуумъ не можетъ быть увѣренъ, что сохранитъ въ слѣдующую минуту обладаніе тѣмъ, чѣмъ владѣетъ въ данную минуту, то никто не станетъ заботиться объ улучшеніи предметовъ своего владѣнія и всѣ будутъ заботиться только о томъ, что можетъ быть ими немедленно потреблено.

Итакъ система имущественнаго равенства уничтожаетъ безопасность самымъ процессомъ своего установленія, а по установленіи губитъ народное богатство и губитъ навсегда. Богатство народа есть сумма богатствъ индивидуумовъ, а система равенства безчисленными путями ведетъ къ уменьшенію этой суммы. При подведеніи всѣхъ частныхъ богатствъ подъ одинъ уровень, общество должно лишиться всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые иначе не могутъ существовать, какъ образуя цѣнность, превышающую уровень.

Англійскій народъ всѣми признается за богатѣйшій народъ въ мірѣ, а между тѣмъ оказывается, что при самой даже высокой оцѣнкѣ его богатства на каждаго индивидуума въ общемъ выводѣ придется не болѣе 20 фунт. стерл. годоваго дохода. Слѣдовательно, если все богатство

Англіи раздѣлить между ея жителями съ соблюденіемъ самаго точнаго равенства, и если притомъ всѣ предметы ея богатства окажутся способны къ подобному раздѣленію, то при сохраненіи капитала на каждаго Англичанина придется едвали болѣе 20 фунт. ст. годоваго дохода. Но при такомъ распредѣленіи имущества необходимо будетъ бросить огромное число предметовъ, представляющихъ бо́льшую цѣнность, которые не могутъ быть такимъ образомъ раздѣлены и слѣдовательно не могутъ войти въ распредѣленіе. Считая по 30-лѣтней сложности, 20 фунт. стерл. годоваго дохода соотвѣтствуютъ капиталу въ 600 фунт. ст.,—слѣдовательно всѣ предметы, которыхъ цѣна выше 600 фунт. ст., должны быть въ такомъ случаѣ прямо уничтожены или же должны будутъ, рано или поздно, погибнуть сами собой по неимѣнію владѣльцевъ, которые бы ихъ сохраняли и заботились о нихъ.

Вотъ предметы, которые должны погибнуть при установленіи имущественнаго равенства, и погибнуть навсегда, пока будетъ существовать подобная система, и которыхъ цѣнность, слѣдовательно, должна быть, при разсмотрѣніи вопроса объ имущественномъ равенствѣ, вычтена изъ суммы народнаго богатства:

1. Всѣ зданія, которыхъ цѣна выше уровня, т. е. всѣ большія зданія, какъ то большіе жилые дома, складочные магазины, фабричныя строенія.

2. Вся утварь, за исключеніемъ такой, которая въ настоящее время считается самой посредственной, т. е. за исключеніемъ той утвари, которая соотвѣтствуетъ достаткамъ семьи при доходѣ въ 20 фунт. ст. на каждаго изъ ея членовъ.

3. Всѣ лошади, за исключеніемъ немногихъ изъ числа тѣхъ, которыхъ теперь держатъ для хозяйства,—такъ какъ не только одинъ, но и два члена семьи вмѣстѣ не будутъ въ состояніи держать одной лошади, потому что ея содержаніе будетъ превышать ихъ годовой доходъ. Слѣдовательно, не будетъ лошадей для военныхъ надобностей и утратится большая часть удобренія, получаемаго отъ этихъ полезныхъ животныхъ. Въ раннія или, какъ обыкновенно выражаются, въ цвѣтущія времена Римской Республики, люди имѣвшіе достаточно средствъ, чтобъ нести конную службу, составляли особый высшій разрядъ, отдѣльный отъ разряда людей, имѣвшихъ средства нести только пѣшую службу. Республика, допустившая подобное различіе, никогда не могла бы допустить системы имущественнаго равенства.

4. Всѣ значительныя библіотеки и вообще всѣ тѣ библіотеки, которыхъ цѣнность зависитъ отъ большей или меньшей ихъ полноты по той или другой отрасли знанія и слѣдовательно уничтожилась бы при

томъ раздробленіи, которое было бы необходимо для осуществленія равенства.

5. Всѣ значительныя коллекціи по естественнымъ наукамъ: съ ихъ уничтоженіемъ, уничтожатся средства къ успѣшной разработкѣ этой отрасли знанія.

6. Всѣ значительныя лабораторіи и учрежденія для производства опытовъ съ цѣлью усовершенствованія земледѣлія, фабричной промышленности или наукъ: съ ихъ уничтоженіемъ уничтожатся всѣ средства къ усовершенствованію и даже къ предупрежденію упадка опытнаго знанія.

7. Всѣ скопленія имущества въ однихъ рукахъ, дающія средства къ покупкѣ изданій по какой-либо отрасли наукъ въ количествѣ, соотвѣтствующемъ тому обилію, въ какомъ эти изданія въ настоящее время появляются на литературномъ рынкѣ.

8. Всѣ скопленія имущества, дающія средства къ улучшенію земли, рудокопенъ, рыболовенъ, въ обширныхъ и выгодныхъ размѣрахъ.

9. Всѣ скопленія имущества, дающія средства содержать то количество дѣтей, рожденіемъ которыхъ бракъ можетъ сопровождаться и во многихъ случаяхъ дѣйствительно сопровождается.

10. Вся цѣнность труда индивидуумовъ, занимающихся въ настоящее время производствомъ такихъ предметовъ, которые могутъ быть пріобрѣтаемы только людьми, имѣющими значительный достатокъ,—вся цѣнность труда тѣхъ, которые въ настоящее время занимаются различными отраслями искусства или производствомъ какихъ-либо высшихъ сортовъ мануфактурныхъ издѣлій, каковы напр. музыканты, архитекторы, живописцы, скульпторы, гравёры, ваятели, золотильщики, золотошвеи, ткачи тонкихъ матерій, цвѣточники и т. п. Всѣ эти индивидуумы, не находя людей достаточно богатыхъ, чтобъ покупать ихъ произведенія, должны будутъ немедленно обратиться къ земледѣлію или къ какому-либо другому грубому труду, къ которому прежній образъ ихъ жизни сдѣлалъ ихъ неспособными и которымъ поэтому они не могутъ заниматься съ успѣхомъ.

11. Вся собственность, состоящая въ рентахъ, которыя выплачиваются правительствомъ изъ налоговъ, взимаемыхъ съ продуктовъ производства. Такъ какъ всѣ налоги взимаются почти исключительно съ предметовъ роскоши, а съ установленіемъ системы имущественнаго равенства всѣ предметы роскоши должны быть извергнуты изъ народнаго богатства, то слѣдовательно народное банкротство есть одно изъ непосредственныхъ и необходимыхъ послѣдствій этой системы.

12. Все ли равно для государства, или же напротивъ полезно, или

же вредно, чтобъ мелкія фермы превращались въ большія, это—вопросъ спорный и намъ нѣтъ надобности на немъ останавливаться. Но во всякомъ случаѣ безспорно, что раздробленіе фермъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, во множествѣ случаевъ ведетъ къ значительному уменьшенію ихъ цѣнности. Часто бываетъ, что родникъ, прудъ, удобное сообщеніе съ большой дорогой или съ мостомъ, служитъ на пользу всей фермы, но какъ скоро вы раздробите ферму между многими собственниками, то незначительная только часть прежней фермы, или можетъ быть даже и ни одна изъ ея частей не будетъ получать никакой пользы отъ тѣхъ удобствъ, которыми до раздробленія пользовалась вся ферма. Чтобы извлечь всю пользу изъ участка земли, пригоднаго для извѣстнаго рода воздѣлыванія, необходимы еще другіе участки, пригодные для другихъ родовъ воздѣлыванія,—при участкѣ пахатной земли нужно соотвѣтствующее количество лѣсной и луговой земли. Съ установленіемъ системы равенства одинъ индивидуумъ будетъ владѣть только луговой землей, другой только лѣсной, а пахатную землю придется разбивать на многіе участки, чтобъ покупная цѣна каждаго участка была не выше общаго имущественнаго уровня. Большая часть полей окажется слишкомъ велика, чтобъ составить участокъ одного владѣльца, и такимъ образомъ утратится польза существующихъ изгородей, а новые владѣльцы, имѣя весь свой капиталъ въ землѣ, будутъ не въ состояніи устроить новыя изгороди. При теперешнемъ нераздробленномъ состояніи фермы, на одной изъ ея частей стоятъ домъ и хозяйственныя постройки, которые служатъ для хозяйства на всей землѣ, принадлежащей къ фермѣ; при установленіи же имущественнаго равенства съ уровнемъ въ 20 фунт. ст. годоваго дохода, ферму придется раздробить на участки, соотвѣтствующіе этому уровню, и въ такомъ случаѣ жилой домъ можетъ-быть составитъ особый участокъ безъ хозяйственныхъ строеній и земли для хозяйства, или же въ этотъ участокъ войдутъ только домъ и хозяйственныя постройки, но не войдетъ земля, или же наконецъ если въ него кромѣ дома и хозяйственныхъ построекъ войдетъ также и земля, то развѣ только въ небольшомъ количествѣ, а вся остальная земля фермы образуетъ особые участки безъ всякихъ построекъ. Но участки безъ хозяйственныхъ построекъ или вовсе не будутъ имѣть никакой цѣны, или же будутъ имѣть цѣну весьма ничтожную, а между тѣмъ сооруженіе на нихъ новыхъ построекъ будетъ невозможно, такъ какъ въ нихъ будетъ заключаться весь капиталъ ихъ владѣльцевъ. Между тѣмъ каждому землевладѣльцу безусловно необходимъ домъ, гдѣ жить; безусловно необходимы хозяйственныя постройки, гдѣ содержать скотъ, хранить продукты; слѣдовательно каждому владѣльцу участка земли безъ

построекъ необходимо дать капиталъ на эти постройки, что предполагаетъ уменьшеніе участковъ до такихъ размѣровъ, чтобъ они представляли собой ту часть капитала, соотвѣтствующаго 20 фунт. ст. годоваго дохода, которая останется за вычетомъ изъ этого капитала расходовъ на постройки: вслѣдствіе чего размѣръ участковъ сдѣлается такъ малъ, что на нихъ едвали будетъ возможно какое нибудь хозяйство.

Вотъ какая масса богатства должна погибнуть черезъ установленіе имущественнаго равенства, такъ какъ она по самой природѣ своей неспособна къ раздѣлу. Кромѣ того, изъ той части богатствъ, которая способна къ раздѣлу, много утратится на самый процессъ установленія равенства. Вся масса предметовъ собственности должна будетъ пройти черезъ аукціонъ. Каждая продажа и каждый раздѣлъ выручки отъ продажи будутъ постоянно новымъ источникомъ споровъ между грабителями, или между ограбленными, или между грабителями и ограбленными, будутъ постоянно новымъ запросомъ на трудъ законниковъ и новой для нихъ жатвой. Аукціонисты съ ихъ свитой и при теперешнемъ порядкѣ вещей не малочисленны, а законники и теперь болѣе многочисленны, чѣмъ сколько это было бы желательно для народа. При установленіи системы имущественнаго равенства численность этихъ хищническихъ професей чрезмѣрно умножится, и даже десятая доля народнаго богатства,—дѣйствительная, а не номинальная десятая доля, какова напр. доля духовенства,—едвали будетъ достаточна, чтобъ уплатить всю громадную массу этихъ *непроизводительныхъ и разорительныхъ* услугъ.

Намъ могутъ замѣтить: настоящее есть только одинъ пунктъ,—оно есть ни что въ сравненіи съ будущимъ. Соглашаясь, что существующее поколѣніе можетъ, говоря вообще, потерять отъ установленія имущественнаго равенства, поборники этого равенства, увлекаясь рвеніемъ къ его осуществленію, вѣрятъ или дѣлаютъ видъ, будто вѣрятъ, что это будетъ выгодно вообще для человѣчества. Но, какъ мы увидимъ, въ будущемъ это обѣщаетъ столь же мало хорошаго, какъ и въ настоящемъ.

Избытокъ цѣненъ не только самъ по себѣ, но и какъ обезпеченіе средствъ къ существованію. Еслибъ даже богатые и заслуживали проскрипціи за свои богатства, то они заслуживаютъ спасенія отъ проскрипціи, какъ банкиры бѣдныхъ. Имѣнія, раздробленныя на мелкіе участки въ родѣ тѣхъ, о какихъ мы говорили выше, не представляютъ никакихъ источниковъ на случай неурожая или какихъ-либо другихъ бѣдствій, напр. на случай пожара, голода, язвы, такъ какъ для облегченія этихъ бѣдствій требуются значительные запасы; они не представляютъ никакихъ средствъ для покрытія издержекъ войны, даже и оборонительной.

Съ утратой избытка утратится и та отрасль безопасности, которая зависитъ отъ средствъ народной обороны. Собирать средства на войну по мѣрѣ ихъ дѣйствительной надобности,—эта мѣра, столь безспорно желательная въ глазахъ каждаго, еслибъ только была осуществима, всегда считалась сопряженной съ большими затрудненіями и даже опасностями, несмотря на то, что существующій порядокъ вещей представляетъ большое число индивидуумовъ, способныхъ доставлять эти средства и доставлять ихъ въ большихъ размѣрахъ. Но что же будетъ, когда богатство наиболѣе состоятельныхъ лицъ не будетъ превышать 20 фунт. ст. годоваго дохода? И теперь эта мѣра считается неосуществимой, а тогда она будетъ несравненно болѣе неосуществима, даже еслибъ и на самомъ дѣлѣ каждый индивидуумъ обладалъ 20 фунт. ст. дохода. Но такъ какъ въ дѣйствительности этотъ высшій уровень, 20 фунт. ст. дохода, понизится быть можетъ до двухъ третей, или можетъ быть даже до половины, вслѣдствіе различныхъ утратъ, которыми должно сопровождаться установленіе равенства, то слѣдовательно неосуществимость этой мѣры будетъ еще больше. Въ тоже время, съ установленіемъ имущественнаго равенства, собирать средства для войны заблаговременно сдѣлается еще болѣе осязательной неосуществимостью, чѣмъ собирать ихъ по мѣрѣ дѣйствительной надобности: это будетъ просто физически невозможно. Если въ настоящее время путемъ займа легко могутъ быть собраны въ теченіе года многіе милліоны, то это потому, что въ обществѣ существуетъ много тысячъ индивидуумовъ, обладающихъ многими тысячами фунт. ст., которые могутъ быть ими ссужены, какъ излишекъ противъ того, что имъ нужно на другія употребленія. При имущественномъ же равенствѣ такихъ состоятельныхъ людей не будетъ: тогда никто не будетъ стремиться къ обладанію такими предметами, которые бы сохранялись на долгое время, а тѣмъ менѣе такими, которые бы сохранялись навсегда, и каждый будетъ стремиться къ обладанію только тѣмъ, что можетъ быть имъ немедленно потреблено.

Что касается до тѣхъ, кому установленіе имущественнаго равенства будетъ выгодно (я разумѣю непосредственную, минутную выгоду, такъ какъ въ конечномъ результатѣ, какъ мы увидимъ, едвали окажется въ выгодѣ хотя одинъ индивидуумъ изъ всего народа), то, безъ сомнѣнія, таковые должны прежде всего оказаться въ классѣ теперешнихъ поденщиковъ-земледѣловъ. Ихъ занятіе не измѣнится: они останутся земледѣлами съ той, какъ думаютъ, выгодной для нихъ разницей, что будутъ работать на своей собственной землѣ и въ свою собственную пользу, а не на чужой землѣ и не на пользу хозяина. Но въ дѣйстви-

тельности даже и этимъ поденщикамъ подобная перемѣна принесетъ только гибель и никакой выгоды. Обладаніе клочками фермъ, не имѣющими хозяйственныхъ построекъ, будетъ для нихъ совершенно безполезно, пока не будутъ заведены эти постройки. Можетъ быть, черезъ годъ или черезъ два, владѣлецъ подобнаго участка и пріобрѣтетъ возможность съ выгодой обработывать свой участокъ и удобно на немъ устроиться, если только останется въ живыхъ,—въ первый же годъ или въ первые два года онъ будетъ поставленъ въ совершенную невозможность не только выгодно обработывать участокъ, но даже и жить на немъ. Громадное множество вновь созданныхъ подобныхъ фермъ, на которыхъ не будетъ хозяйственныхъ построекъ, потребуетъ громаднаго, безотлагательнаго умноженія числа работниковъ, занимающихся плотничествомъ, а между тѣмъ число такихъ работниковъ со введеніемъ равенства немедленно уменьшится, потому что и они такъ же получатъ земельные участки, какъ и работники-земледѣлы, и будутъ работать на своихъ участкахъ. И что могло бы побудить ихъ работать на чужой землѣ для другихъ? Что̀ выиграютъ они отъ такой работы? Не увеличеніе ли своихъ участковъ? Но при нашемъ предположеніи, этого невозможно допустить. Едва успѣвъ установить систему равенства, пришлось бы приступить къ новому передѣлу собственности, вновь отнимать у землевладѣльцевъ только-что полученные ими участки.

Предполагать, что подобная система равенства будетъ выгодна для рабочаго класса, значитъ предполагать, что рабочіе одушевлены большой любовью къ своимъ занятіямъ, бережливы, недоступны никакимъ искушеніямъ даже и при внезапномъ неожиданномъ наплывѣ минутныхъ средствъ къ излишеству и расточительности, а между тѣмъ мы видимъ, что даже и при теперешнемъ порядкѣ вещей такія необыкновенныя качества едвали встрѣчаются въ рабочемъ классѣ и у одного изъ десяти, не говоря уже о томъ, что при системѣ равенства трудолюбіе и бережливость сдѣлаются просто признаками безумія, какъ это мы увидимъ далѣе.

Кто потеряетъ при этой перемѣнѣ? (я говорю о непосредственной утратѣ). Потеряютъ тѣ, у которыхъ имущество превышаетъ уровень равенства. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что только они одни и потеряютъ, но на самомъ дѣлѣ они составятъ только незначительную долю въ числѣ всѣхъ тѣхъ, которые подвергнутся при этомъ дѣйствительнымъ значительнымъ утратамъ. Къ ихъ списку надо прибавить всѣхъ трудолюбивыхъ работниковъ, которыхъ теперешній годовой заработокъ превышаетъ имѣющій установиться имущественный уровень,—всѣхъ сколько-нибудь успѣшно занимающихся какимъ-нибудь промы-

сломъ,—медиковъ, хирурговъ, юристовъ, артистовъ и т. п.,—всѣхъ занимающихся какимъ-либо ремесломъ высшаго разряда, какъ напр. дѣлателей математическихъ инструментовъ, строителей мельницъ, строителей кораблей, дѣлателей музыкальныхъ инструментовъ и пр., — и наконецъ даже простыхъ работниковъ которыхъ работа особенно тяжела, каковы напр. выгрузчики угля и др., которые заработываютъ въ годъ отъ 50 до 200 фунт. ст. и обыкновенно проживаютъ все, что ни заработаютъ. Какія чувства должно это возбудить въ нихъ и какія выгоды можетъ это представить для нихъ въ будущемъ, если вмѣсто теперешнихъ 50 или 200 фунт. ст. они должны будутъ довольствоваться 20 фунт. ст. годоваго дохода, предполагая, что имущественный уровень удержится на этой высотѣ, а не упадетъ далеко ниже, какъ это неминуемо и въ короткое время должно послѣдовать при системѣ равенства?

Установленіе законовъ равенства, нарушающихъ существующія права и ожиданія, одинаково гибельно какъ для существующей въ данный моментъ безопасности относительно собственности, такъ и для постоянной безопасности относительно средствъ къ существованію. Желаніе установить подобные законы, или побудить къ ихъ установленію,—любовь, страсть къ равенству, имѣютъ корень не въ добродѣтели, а въ порокѣ, не въ чувствѣ благосклонности, а въ злонамѣренности.

Законы такого рода суть ни что иное, какъ разбой, и притомъ разбой въ большихъ размѣрахъ. По природѣ и качеству своихъ послѣдствій они не только не различимы отъ преступленія, называемаго разбоемъ, но зло отъ нихъ настолько больше, чѣмъ зло отъ обыкновеннаго разбоя, насколько могущество правительства превосходитъ силы обыкновенныхъ разбойниковъ. Простому разбойнику доступны только немногія движимости, и притомъ только такія, которыя могутъ быть легко и скоро укрываемы,—а законодатель-разбойникъ налагаетъ свою руку и на недвижимости, на все, и на будущее, не только на настоящее. Отъ простаго разбойника терпятъ только тѣ немногіе, которые случайно попадутся ему на пути,—хищничество же разбойника-законодателя простирается на всю территорію государства.

Страсть къ равенству не имѣетъ корня въ чувствахъ благосклонности: ея корень или просто въ эгоистическихъ чувствахъ, или же въ эгоизмѣ, соединенномъ съ злонамѣренностью. Вы могущественнѣе, богаче меня. Я желаю, чтобъ между нами было равенство. Въ чемъ состоитъ въ такомъ случаѣ предметъ моего желанія? Какимъ образомъ мое желаніе можетъ быть удовлетворено? Только двумя путями, и не иначе какъ двумя: или меня возвысить до уровня съ вами, или васъ

понизить до уровня со мной. Если я имѣю въ виду только первое, то, значитъ, мною руководитъ эгоизмъ и ничто больше,—если же я имѣю въ виду и первое и второе, то, значитъ, мною руководитъ вмѣстѣ и эгоизмъ и зависть. Добронамѣренный человѣкъ есть тотъ, кому видъ чужаго счастія доставляетъ наслажденіе. Поборнику же равенства въ утонченныхъ его формахъ видъ чужаго счастія невыносимъ,—чѣмъ разнится онъ отъ завистливаго человѣка? Что такое эта хваленая любовь къ равенству? Не есть ли это такая наклонность, которая имѣетъ свой корень въ порокѣ и ведетъ къ гибели? По достоинству своему она настолько же ниже даже эгоизма, насколько эгоизмъ ниже самоотверженія.

Еслибъ даже равенство было доведено до самой высокой степени совершенства, какой только могутъ желать сердца самыхъ сангвиническихъ его поборниковъ, то и тогда оно было бы въ дѣйствительности все-таки не болѣе, какъ только подобіемъ равенства. Если равенство въ имуществѣ можетъ быть желательно, то единственно только по своему значенію, какъ условіе равенства въ счастіи, насколько, по крайней мѣрѣ, количество счастія зависитъ отъ количества имущества; но между тѣмъ равенство въ имуществѣ вовсе не ведетъ къ равенству въ счастіи, не ведетъ къ нему даже и въ той степени, насколько счастіе зависитъ отъ имущества. Имущественное равенство есть равенство въ средствахъ къ счастію, но можетъ ли равенство средствъ вести къ равенству счастія при неравенствѣ нуждъ? Для уравненія счастія имущественныя доли не должны быть равны одна другой, а должны быть пропорціональны соотвѣтственно нуждамъ индивидуумовъ. Равенство въ счастіи можетъ быть достигнуто только пропорціональностью, а не равенствомъ имущественныхъ долей. Есть ли какое равенство между мной и моимъ здоровымъ сосѣдомъ, если я буду умирать по неимѣнію медицинской помощи или средствъ перемѣнить воздухъ, брать морскія купанья и проч., для чего было бы достаточно одной части прежняго моего имущества, которое при системѣ равенства пошло въ раздѣлъ и частью досталось этому здоровому сосѣду?

Неравенство есть естественное условіе человѣческой жизни. Подчиненность есть естественное состояніе человѣка. Въ этомъ состояніи онъ родится, и такъ всегда будетъ, пока человѣкъ останется человѣкомъ,—въ этомъ состояніи онъ неизбѣжно долженъ проводить первые годы жизни, а въ противномъ случаѣ гибнетъ. Абсолютное равенство есть абсолютная невозможность. Абсолютная свобода есть прямое отрицаніе всякаго рода правительства.

«Всѣ человѣческія существа родятся и пребываютъ равны въ правахъ»—такъ говоритъ Объявленіе Правъ. Двухлѣтній ребенокъ имѣетъ

такое же право управлять отцемъ, какое отецъ имѣетъ управлять ребенкомъ.

Безъ подчиненія жены мужу, или мужа женѣ, невозможна семейная жизнь между мужемъ и женой. Безъ подчиненія дѣтей родителямъ невозможна семейная жизнь между родителями и дѣтьми: безъ этого подчиненія всѣ дѣти, не достигшіе извѣстнаго возраста, въ короткое время погибли бы, и такимъ образомъ сталъ бы вымирать человѣческій родъ. Но лица, поставленныя такимъ образомъ въ подчиненность вслѣдствіе малолѣтства, составляютъ по крайней мѣрѣ половину существующаго человѣчества, а лица, поставленныя въ подчиненность вслѣдствіе брака, составляютъ не менѣе трети остальной половины. Слѣдовательно, подчиненность есть естественное и неизбѣжное состояніе по крайней мѣрѣ двухъ третей человѣчества, и если независимость возможна, то единственно только для остальной трети.

Какъ доктрина общей независимости противорѣчитъ возможности и природѣ вещей, также точно и доктрина общаго равенства абсолютно противорѣчитъ существованію общей независимости, насколько эта независимость возможна. Люди, свободные отъ семейной подчиненности, ни въ какомъ смыслѣ не могутъ быть названы равными тѣмъ, которые состоятъ въ этой подчиненности,—слѣдовательно, еслибъ общее равенство было цѣлью, къ которой надо стремиться, то въ такомъ случаѣ общая подчиненность столь же строгая, какъ и подчиненность въ семьѣ, была бы единственнымъ средствомъ къ ея достиженію. При существованіи независимости общее равенство для васъ невозможно: равенство настолько общее, насколько вы можете пожелать, при подчиненности также настолько общей, насколько это можетъ быть для васъ желательно, достижимо для васъ, если вы этого желаете, но вы должны будете при этомъ сдѣлать одно исключеніе,—въ пользу монарха.

Прежде всего надо заботиться, чтобы было какое-нибудь правительство; это есть дѣло первой важности по своей пользѣ, и самое трудное. Когда разъ вы достигли того, что у васъ есть правительство и притомъ правительство довольно прочно установившееся, тогда время подумать о его ограниченіи.

Но къ чему возставать противъ призраковъ,—могутъ намъ замѣтить,—къ чему распространяться о такомъ равенствѣ, какое невозможно? Мы стремимся къ равенству не болѣе какъ настолько и единственно настолько, насколько оно возможно, и притомъ возможно съ пользой,—мы стремимся обрѣзать излишества крайней роскоши и облегчить страданія крайней бѣдности, мы хотимъ насадить и укоренить добродѣтельный классъ трудолюбивыхъ собственниковъ, насадить и укоренить довольство, чуж-

доe излишества, и независимость, чуждую наглости. Довести какую-нибудь систему до нелѣпой крайности и потомъ выставить эту крайность за самую систему, — что можетъ быть недобросовѣстнѣе и бездоказательнѣе подобнаго пріема? Ваши возраженія довольно вѣрны, если имѣть въ виду систему равенства, доведенную до нелѣпой крайности, но они не имѣютъ никакой силы противъ умѣреннаго и благоразумнаго ея примѣненія.

Я отвѣчу на это: тутъ не можетъ быть рѣчи ни о какомъ умѣренномъ или благоразумномъ примѣненіи: принципъ равенства не дозволитъ вамъ остановиться, и вы должны будете или бросить его и осудить, или же, разъ приступивъ къ насильственному уравненію, идти дальше и довести его до послѣднихъ предѣловъ, даже до тѣхъ предѣловъ, которые мной описаны; — отъявленные поборники равенства доводятъ свои всенародно исповѣдуемые принципы до указанныхъ мною крайнихъ предѣловъ, что̀ свидѣтельствуютъ намъ какъ ихъ слова, такъ и духъ самыхъ извѣстныхъ и самыхъ хваленыхъ изъ произведеній;—въ этихъ произведеніяхъ проповѣдуется равенство правъ безъ всякихъ ограниченій, не проводится никакой черты, которая полагала бы предѣлъ равенству, не встрѣчается даже попытки къ проведенію подобной черты, и даже самыя слова, въ нихъ употребляемыя, не допускаютъ возможности ограниченія равенства какимъ-либо предѣломъ;—наконецъ, еслибы даже подобная черта и была проведена, или была бы сдѣлана попытка къ ея проведенію, то эта попытка не могла бы служить не только врачующимъ, но даже палліативнымъ средствомъ противъ зла, такъ какъ въ этомъ случаѣ къ упреку въ заблужденіи присоединился бы только еще упрекъ въ непослѣдовательности принципу или въ его нарушеніи.

Если вы разъ приступите къ насильственному уравненію и потомъ остановитесь на какомъ-либо пунктѣ, то этимъ вы не доставите безопасности тѣмъ богатымъ, которые вслѣдствіе этого останутся неограбленными, и не удовлетворите тѣхъ бѣдныхъ, которые вслѣдствіе этого останутся необогащенными. При установленіи системы, которая не можетъ считаться вполнѣ осуществимой, пока у меня въ карманѣ однимъ пенсомъ больше, чѣмъ у нищаго, который остановился у моихъ дверей, могу ли я быть увѣренъ (такъ скажетъ богатый, котораго вы пощадили), что съ каждой минутой не наступитъ и моя очередь? Грабежъ, надѣлившій одну часть неимущихъ, удовлетворитъ ли другихъ неимущихъ, которые еще не получили своей доли? Не скажетъ ли неимущій, которому вы еще не дали доли: гдѣ же тутъ справедливость! гдѣ же тутъ равенство! Почему же мои нужды такъ долго остаются въ пренебреже-

нiи. тогда какъ нужды моихъ сосѣдей давно уже удовлетворены? Развѣ я не такой же гражданинъ, какъ они? Развѣ мое счастiе не есть также часть общаго счастiя? Я не только ничего не выигралъ отъ вашего равенства, а, напротивъ, потерялъ. Теперь людей, стоящихъ выше меня, стало еще больше, чѣмъ было прежде. При прежнемъ порядкѣ стоящiе выше меня были мнѣ не видны, а теперь они постоянно у меня передъ глазами,— въ прежнее время я ихъ не зналъ, а теперь они мнѣ равны, мои знакомые, — я не могу сдѣлать шагу, чтобы не встрѣтить знакомыхъ, пользующихся такими наслажденiями, въ которыхъ, какъ кажется, мнѣ суждено никогда не участвовать!

Подобныя неудовольствiя будутъ возникать съ каждымъ вашимъ шагомъ на пути уравненiя, и даже чѣмъ дальше вы будете идти по этому пути, тѣмъ эти неудовольствiя будутъ сильнѣе и основательнѣе. Каждый вашъ шагъ будетъ служить прецедентомъ и оправданiемъ для послѣдующаго шага; что прежде было теорiей, превратится въ практику; что прежде было новостью, сдѣлается обыкновеннымъ порядкомъ вещей; въ концѣ концовъ не останется цѣлъ ни одинъ изъ первоначальныхъ собственниковъ, исчезнетъ всякая надежда или даже всякая возможность вознаградить прежнихъ собственниковъ за сдѣланную имъ несправедливость,—справедливость не будетъ болѣе оказывать никакого противодѣйствiя несправедливости, сдѣлается равнодушна, какъ-бы нейтральна, и тогда уже всякая остановка на пути къ общему равенству будетъ даже большей несправедливостью, чѣмъ движенiе по этому пути. Пусть, кто можетъ, укажетъ тотъ предѣлъ, гдѣ слѣдуетъ остановиться, разъ вступивъ на этотъ путь. Никто никогда не указывалъ этого предѣла, никто никогда даже и не пытался его указать. Предположимъ, что произвольно дѣйствующая власть (и это можетъ сдѣлать только самая произвольная изъ всѣхъ властей) укажетъ предѣлъ, установитъ пунктъ, далѣе котораго процессъ уравненiя не долженъ идти, но установленiе такого пункта не будетъ ли чистый капризъ,—не скажутъ ли, или не подумаютъ ли, что это есть дѣло подкупа?

На это могутъ возразить: Аргументъ, опирающiйся на трудность остановиться, разъ вступивъ на тотъ или другой путь, есть самый обыкновенный,—онъ сталъ общимъ мѣстомъ, имъ легко злоупотреблять, и немного найдется такихъ предметовъ, которыми бы больше злоупотребляли, — къ его помощи прибѣгали противъ самыхъ спасительныхъ мѣръ, и прибѣгали тѣмъ чаще, тѣмъ охотнѣе, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ общихъ аргументовъ, которые могутъ быть приведены противъ мѣръ, не допускающихъ никакихъ возраженiй. Онъ болѣе подходитъ ко вкусу невѣжественныхъ дураковъ и трусовъ, чѣмъ людей знаю-

щихъ и мужественныхъ, —болѣе годенъ для защиты старыхъ злоупотребленій, чѣмъ для борьбы противъ нововведеній дѣйствительно вредныхъ.

Это одинъ изъ тѣхъ аргументовъ, которые болѣе способны укрѣплять приверженцевъ, уже пріобрѣтенныхъ, чѣмъ пріобрѣтать новыхъ, или чѣмъ убѣждать приверженцевъ противной стороны, что̀ еще труднѣе. Сказать (признавъ, что я нахожусь на истинномъ пути), что мнѣ будетъ невозможно или трудно остановиться, значитъ сказать, что у меня не хватитъ благоразумія, или что я не буду имѣть успѣха, — значитъ сказать, что случится то, что̀, по моему убѣжденію, не случится, — сказать это значитъ задѣть самую раздражительную струну, тщеславіе, значитъ выразить недовѣріе къ моему сужденію, къ моей предусмотрительности,—предсказать мнѣ и моимъ друзьямъ, что у насъ не хватитъ мудрости, или что мы не будемъ имѣть удачи.

Отвѣчу на это: въ данномъ случаѣ этотъ аргументъ имѣетъ совершенно иной характеръ и совершенно иную степень силы. Я не говорю, что вамъ трудно будетъ остановиться на надлежащемъ пунктѣ, но что вамъ нигдѣ нельзя будетъ остановиться; — не говорю, что, идя по этому пути, вы можете вовлечься въ гибель, но что разъ вступивъ на этотъ путь, не можете, по природѣ вещей, остановиться ни на какомъ пунктѣ и придете къ гибели;—не говорю, что вы можете, вслѣдствіе горячности, или вслѣдствіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ быть увлечены за предѣлы того, что̀ вамъ *предписываетъ вашъ принципъ*, но что вы *не можете нигдѣ остановиться, не можете не придти къ гибели*, не отрекшись отъ вашего принципа, не признавъ на дѣлѣ (а такое признаніе еще болѣе унизительно, чѣмъ признаніе на словахъ), что вся ваша система, съ самаго перваго шага, и въ цѣломъ и во всѣхъ частяхъ, есть система вредная, самая вредная изъ всѣхъ политическихъ системъ, какія когда-либо придумывались или могутъ быть придуманы. Благо, ожидаемое вами отъ вашей системы, не только стоило бы очень дорого, но еслибъ даже и было желательно несмотря на всю свою дороговизну, во всякомъ случаѣ совершенно недостижимо или, по крайней мѣрѣ, не можетъ просуществовать и двухъ минутъ сряду. Равенство въ прошедшемъ не можетъ удовлетворить вашихъ стремленій. Ваша цѣль—равенство въ настоящемъ, и всѣ основанія, какія могутъ быть приведены въ оправданіе стремленій къ равенству въ тотъ или другой моментъ, одинаково говорятъ и за поддержаніе равенства въ каждый послѣдующій моментъ. Слѣдовательно, или вы должны будете дѣлать новый раздѣлъ имуществъ при каждомъ измѣненіи въ числѣ участниковъ, при каждомъ нарожденіи новаго участника и при каждомъ смертномъ случаѣ между прежними участниками, или же

вы будете вынуждены признать, что первый произведенный вами раздѣлъ есть вещь безполезная и безумная.

Такая безпрестанная необходимость производить новые передѣлы имущества не поведетъ ли къ тому, что не будетъ ни одного предмета, который могъ бы назваться чьей-либо собственностью: собственности вовсе не будетъ, не только погибнетъ вся существующая собственность, но исчезнутъ и всѣ ожиданія относительно собственности въ будущемъ,—каждый будетъ заботиться только о дневномъ существованіи и исчезнетъ всякое побужденіе къ такому труду, который бы имѣлъ въ виду не только нужды данной минуты, но и нужды будущаго. И въ самомъ дѣлѣ, какое побужденіе могу я имѣть трудиться надъ улучшеніемъ собственности, которую можетъ быть завтра же у меня отнимутъ?

Точно также если кто-либо изъ участниковъ въ раздѣлѣ придетъ въ такое состояніе, что будетъ неспособенъ извлекать средства къ существованію изъ своей доли, то и въ такомъ случаѣ необходимъ новый передѣлъ имущества, или же необходимы какія-либо мѣры, ведущія къ той же цѣли. При такомъ порядкѣ каждый вновь народившійся будетъ увеличивать сумму тягостей, пока находится въ безпомощномъ состояніи, и напротивъ: каждый смертный случай будетъ уменьшать сумму тягостей и соотвѣтственно этому увеличивать сумму благъ. Безпомощное состояніе взрослаго увеличиваетъ сумму тягостей гораздо болѣе, чѣмъ рожденіе ребенка, такъ какъ для содержанія ребенка требуется во много разъ меньше, чѣмъ для содержанія взрослаго. Доля, составляющая имущественный уровень, слишкомъ мала, чтобы могла доставлять средства къ существованію безъ приложенія къ ней труда; слѣдовательно взрослый, впадшій въ безпомощное состояніе, долженъ погибнуть, или же для доставленія ему средствъ къ существованію вы должны будете обратиться къ долямъ другихъ. Такимъ образомъ возникнетъ необходимость въ мѣрахъ, соотвѣтствующихъ теперешнимъ законамъ о бѣдныхъ, но при этомъ та разница, что для содержанія постоянно возрастающаго количества бѣдныхъ вамъ не къ кому будетъ обратиться, какъ также къ бѣднымъ. Положимъ, что ваша система равенства возстановитъ вѣкъ добродѣтели, но, какъ бы ни была велика добродѣтель, она можетъ только облегчить страданія бѣдности, но она не уничтожитъ бѣдности, не уничтожитъ оспы и повальныхъ болѣзней, не предотвратитъ случаевъ излома руки или ноги, не сдѣлаетъ старости бодрой и сильной.

Имущественное равенство, какъ бы ни былъ великъ или малъ его уровень, предполагаетъ, 1) что никто не долженъ имѣть больше этого уровня и 2) что никто не долженъ имѣть меньше. Первое достижимо

для системы равенства въ полномъ совершенствѣ, второе же недостижимо. Относительно втораго условія эта восхваленная система не болѣе состоятельна, даже еще менѣе состоятельна, чѣмъ существующая система, будто-бы порочная и несправедливая. Имущественное равенство не порождаетъ никакихъ новыхъ побужденій къ труду, а, напротивъ, уничтожаетъ тѣ побужденія, какія существуютъ въ настоящее время. Зачѣмъ стану я трудиться и пріобрѣтать больше, чѣмъ сколько трудятся и пріобрѣтаютъ бѣднѣйшіе изъ моихъ согражданъ, когда я знаю, что весь излишекъ моего пріобрѣтенія по сравненію съ ихъ пріобрѣтеніемъ будетъ у меня отнятъ. Кромѣ того, имущественное равенство не порождаетъ никакихъ новыхъ противодѣйствій праздности или расточительности, а, напротивъ, создастъ для нихъ новыя поощренія, и самыя сильныя, какія только могутъ быть,—оно не только ставитъ праздныхъ и расточительныхъ въ одинаковое положеніе относительно будущихъ благъ съ трудолюбивыми и бережливыми, но и даетъ имъ полное поощреніе къ растратѣ тѣхъ благъ, какія въ настоящемъ приходятся на ихъ долю по системѣ равенства: пока у меня есть хоть одинъ пенсъ въ карманѣ, зачѣмъ буду я отказывать себѣ въ удовлетвореніи какого бы то ни было желанія, когда я знаю, что, растративъ мои теперешнія средства, я получу новыя средства насчетъ долей другихъ моихъ согражданъ? Зачѣмъ буду я утруждать себя работой, если я знаю, что, пока у меня есть чѣмъ заплатить за работу, для меня будутъ работать другіе за плату, а когда не будетъ чѣмъ заплатить, то будутъ работать безъ платы?

Итакъ, съ одной стороны праздность и расточительность будутъ постоянно нарушать равенство, а съ другой стороны имущественные передѣлы будутъ постоянно стремиться его установить: но изъ этихъ двухъ соперниковъ первый будетъ идти скорымъ ходомъ бѣгуна, а второй медленнымъ ходомъ черепахи.

Всѣ члены общества раздѣлятся на два класса,—трудолюбивые и бережливые будутъ работать на другихъ, какъ рабы, а праздполюбивые и расточительные будутъ, какъ господа, жить въ свое удовольствіе. Вотъ къ какому результату поведетъ процессъ установленія имущественнаго равенства,—и когда наконецъ погибнетъ большая или меньшая часть народнаго богатства, перемретъ большая или меньшая часть населенія вслѣдствіе голода и излишествъ, тогда наступитъ время, что несчастные очнутся отъ бреда, проклянутъ и систему и ея изобрѣтателей, и направятъ всѣ свои силы къ возстановленію прежняго порядка вещей.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА

УГОЛОВНАГО КОДЕКСА.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА.

УГОЛОВНАГО КОДЕКСА.

(Dumont, Oeuvres de Jéremie Bentham. 3-me édition. Brux. 1840, t. I, pp. 117—220).

ЧАСТЬ I.

О преступленіяхъ [1]).

ВВЕДЕНІЕ.

Предметъ этой книги—изобразить преступленія, классифицировать ихъ, и описать обстоятельства, которыя ихъ отягчаютъ или облегчаютъ. Это—трактатъ о болѣзняхъ, который долженъ предшествовать трактату о лекарствахъ.

Обыкновенная номенклатура преступленій не только не полна, но и обманчива. Прежде всего надо было преобразовать ее, или же оставить науку въ томъ мракѣ, въ которомъ мы ее находимъ.

ГЛАВА I.

Классификація преступленій.

Что такое преступленіе? Значеніе этого слова мѣняется смотря по предмету, о которомъ идетъ рѣчь. Если идетъ дѣло о системѣ установ-

---

[1]) Для большей сжатости изложенія Бентама, мы пользуемся здѣсь изданіемъ Дюмона, которое служило отчасти и для англ. изданія. Въ этомъ послѣднемъ нѣтъ слѣдующей теперь первой части, такъ какъ Дюмонъ излагаетъ здѣсь вкратцѣ положенія, выставленныя Бентамомъ въ его «Введеніи», — но мы нашли не лишнимъ внести изъ Дюмона и эту часть, какъ сводъ слишкомъ труднаго прежняго изложенія, тѣмъ болѣе, что Дюмонъ прибавляетъ и нѣкоторыя новыя объясненія. (Пр. пер.)

ленныхъ законовъ, преступленіе есть все то, что законодатель запрещаетъ, основательно или неосновательно. Если идетъ рѣчь объ изысканіи теоріи для открытія возможныхъ лучшихъ законовъ, соотвѣтствующихъ принципу пользы, то преступленіемъ называется всякій актъ, который считаютъ нужнымъ запрещать по причинѣ зла, которое онъ производитъ или стремится произвесть. Это — единственный смыслъ, въ которомъ это слово употребляется во всемъ ходѣ настоящаго труда.

Самая близкая классификація преступленій должна проистекать изъ классификаціи лицъ, которые могутъ быть ихъ предметомъ. Мы дѣлимъ ихъ на четыре класса.

1. *Частныя преступленія*—тѣ, которыя вредятъ тѣмъ или другимъ индивидуумамъ, которые могутъ быть указаны, кромѣ самого правонарушителя.

2. *Личныя преступленія* (réflectifs) или направленныя противъ самого себя — тѣ, которыми правонарушитель вредитъ только себѣ; или если вредитъ другимъ, то только вслѣдствіе зла, которое онъ наноситъ самому себѣ.

3. *Полу-публичныя преступленія* — тѣ, которыя затрогиваютъ часть общества, округъ, частную корпорацію, религіозную секту, торговую компанію; наконецъ ассоціацію людей, связанныхъ какимъ-нибудь общимъ интересомъ, но составляющихъ кругъ людей менѣе обширный, чѣмъ государство.

Такихъ преступленій никогда не составляетъ зло настоящее или прошедшее. Еслибы зло было настоящее или прошедшее, то индивидуумы, которые переносятъ его или перенесли, могли бы быть указаны, и тогда это было бы преступленіе перваго класса, преступленіе частное. Въ полу-публичныхъ преступленіяхъ дѣло идетъ о будущемъ злѣ, объ опасности, касающейся лицъ неизвѣстныхъ, т. е. не могущихъ быть указанными.

4. *Публичныя преступленія*—тѣ, которыя производятъ какую-нибудь опасность, общую для всѣхъ членовъ государства или для неопредѣленнаго числа индивидуумовъ, не могущихъ быть указанными,—хотя бы и не казалось, что одинъ изъ нихъ въ частности больше рискуетъ потерпѣть отъ преступленія, чѣмъ другой [1]).

---

[1]) Чѣмъ меньше бываетъ индивидуумовъ въ округѣ или корпораціи, тѣмъ будетъ вѣроятнѣе, что терпящія стороны могутъ быть указаны, такъ что иногда бываетъ трудно опредѣлить, есть ли извѣстное преступленіе частное или полу-публичное.—Чѣмъ этотъ округъ или корпорація обширнѣе, тѣмъ больше преступленіе, затрогивающее ихъ, будетъ совпадать съ преступле-

ГЛАВА II.

Подраздѣленія преступленій.

Подраздѣленіе частныхъ преступленій.

Такъ какъ счастіе индивидуума проистекаетъ изъ четырехъ источниковъ, то преступленія, могущія вредить ему, могутъ составить четыре подраздѣленія:

1. Преступленія противъ личности.
2. Преступленія противъ собственности.
3. Преступленія противъ репутаціи (добраго имени).
4. Преступленія противъ житейскаго положенія—противъ положенія домашняго или гражданскаго, родительскаго и филіальнаго, положенія мужа и жены, господина и слуги, гражданина и чиновника и т. п.

Преступленія, наносящія вредъ больше чѣмъ въ одномъ отношеніи, могутъ быть обозначаемы сложными выраженіями: преступленія противъ личности и собственности; преступленія противъ личности и репутаціи и пр.

Подраздѣленіе личныхъ преступленій.

Личныя преступленія суть, собственно говоря, пороки и неблагоразуміе. Подвести ихъ подъ классы полезно—не для того, чтобы подвергнуть ихъ строгости законодателя, а скорѣе чтобы напомнить ему, что такой-то или такой-то актъ не принадлежитъ къ его сферѣ.

Подраздѣленіе такихъ преступленій то же, что въ преступленіяхъ перваго разряда: во сколькихъ пунктахъ можетъ повредить намъ рука другаго, во столькихъ же можетъ повредить и наша собственная. Мы можемъ вредить себѣ или въ своей личности, или въ собственности, въ репутаціи, въ нашемъ гражданскомъ и домашнемъ положеніи.

ніями публичными. Итакъ три эти класса способны болѣе или менѣе смѣшиваться одинъ съ другимъ. Но это неудобство неизбѣжно при всѣхъ идеальныхъ дѣленіяхъ, которыя приходится дѣлать для метода и ясности изложенія. Пр. Дюмона[1].

[1] Припомнимъ здѣсь, что у Бентама (см. «Введеніе») къ четыремъ приведеннымъ здѣсь классамъ или разрядамъ прибавленъ еще особый, дополнительный разрядъ преступленій смѣшанныхъ или многообразныхъ.

Подраздѣленіе полу-публичныхъ преступленій.

Большая часть преступленій этого рода состоитъ въ нарушеніи законовъ, имѣющихъ цѣлью предохранить жителей округа отъ разныхъ физическихъ бѣдствій, которымъ они могли бы подвергнуться. Таковы правила для предотвращенія заразительныхъ болѣзней, для охраненія плотинъ и дорогъ, для предотвращенія бѣдствій отъ вредныхъ животныхъ, для предупрежденія голода. Преступленія, которыя стремятся произвести какое-нибудь бѣдствіе этого рода, составляютъ первый видъ полу-публичныхъ преступленій.

Тѣ изъ этихъ преступленій, которыя могутъ быть совершены безъ участія естественныхъ бѣдствій, какъ напр. угрозы противъ извѣстнаго разряда лицъ, клевета, пасквиль, вредящій чести корпораціи, оскорбленія какому-нибудь предмету религіи, воровство у общества, разрушеніе городскихъ украшеній, составляютъ второй видъ полу-публичныхъ преступленій. Первыя основаны на какомъ-нибудь бѣдствіи; вторыя происходятъ чисто отъ злонамѣренности (malice).

Подраздѣленіе публичныхъ преступленій.

Публичныя преступленія можно распредѣлить на девять дѣленій:

1. Преступленія противъ внѣшней безопасности—тѣ, которыя стремятся подвергнуть націю нападеніямъ иноземнаго непріятеля, какъ напр. всякій актъ, который вызываетъ или поощряетъ иноземное нашествіе.

2 и 3. Преступленія противъ правосудія и полиціи. Трудно провести черту, отдѣляющую эти двѣ вѣтви администраціи. Ихъ дѣйствія имѣютъ одну цѣль—поддерживать внутренній миръ государства. Юстиція относится въ частности къ преступленіямъ уже совершеннымъ, ея могущество обнаруживается только послѣ открытія какого-нибудь акта, противнаго безопасности гражданъ. Полиція старается предупреждать или преступленія или бѣдствія: ея средства—предосторожности, а не наказанія; она идетъ на встрѣчу злу; она должна предвидѣть зло и заботиться о нуждахъ.

Преступленія противъ правосудія и полиціи—тѣ, которыя имѣютъ стремленіе противодѣйствовать или давать дурное направленіе дѣйствіямъ этихъ двухъ магистратуръ.

4. Преступленія противъ публичной силы—тѣ, которыя стремятся противодѣйствовать или давать дурное направленіе дѣйствіямъ военной силы, назначенной для охраненія государства или противъ внѣшнихъ враговъ, или противъ внутреннихъ противниковъ, которыхъ правительство не можетъ подчинить себѣ иначе, какъ вооруженной силой.

5. Преступленія противъ общественной казны (или противъ публичнаго богатства)—тѣ, которыя стремятся уменьшить доходъ, противодѣйствовать или давать дурное направленіе употребленію денегъ, назначенныхъ на нужды государства.

6. Преступленія противъ народонаселенія — тѣ, которыя стремятся уменьшить число членовъ общества.

7. Преступленія противъ національнаго богатства—тѣ, которыя стремятся уменьшить количество или цѣнность вещей, составляющихъ индивидуальную собственность членовъ общества.

8. Преступленія противъ верховной власти. Дать объ нихъ ясное понятіе тѣмъ труднѣе, что есть много государствъ, гдѣ было бы почти невозможно разрѣшить такой вопросъ: гдѣ находится верховная власть? Вотъ самое простое объясненіе. Собирательное имя правительства дается обыкновенно всему собранію лицъ, исполняющихъ разныя политическія функціи. Въ государствахъ бываетъ обыкновенно одно лицо или собраніе лицъ, которыя назначаютъ и распредѣляютъ членамъ правительства ихъ особыя вѣдомства, кругъ дѣйствій и преимущества; которыя имѣютъ авторитетъ надъ этими членами правительства и надъ всѣмъ. То лицо или то собраніе лицъ, которое имѣетъ этотъ высшій авторитетъ, называется верховной властью (le souverain). Преступленія противъ верховной власти—тѣ, которыя стремятся противодѣйствовать или давать дурное направленіе дѣйствіямъ верховной власти, чего нельзя сдѣлать не противодѣйствуя или не давая дурнаго направленія дѣйствіямъ различныхъ частей правительства.

9. Преступленія противъ религіи..... [1])

ГЛАВА III.

О нѣкоторыхъ другихъ дѣленіяхъ.

Дѣленія, о которыхъ мы будемъ теперь говорить, всѣ примыкаютъ къ основному дѣленію; но мы будемъ иногда употреблять ихъ для краткости и для того, чтобы указать какое-нибудь особенное обстоятельство въ природѣ преступленія.

1. Преступленіе сложное, смѣшанное (complexe), въ противоположность преступленію простому. Преступленіе, которое въ одно вре-

[1]) Изложеніе Дюмона повторяетъ здѣсь тоже, что было сказано у Бентама, см. выше, стр. 208—209.

мя затрогиваетъ личность и репутацію, или репутацію и собственность, есть преступленіе сложное. Преступленіе публичное можетъ заключать въ себѣ преступленіе частное; напр. клятвопреступленіе, освобождающее виновнаго отъ наказанія, есть простое преступленіе противъ правосудія; клятвопреступленіе, освобождающее отъ наказанія виновнаго и навлекающее это наказаніе на невиннаго, заключаетъ въ себѣ преступленіе публичное и частное. Это—преступленіе сложное.

2. Преступленія главныя и прибавочныя (accessoires). Главное преступленіе есть актъ, производящій зло, о которомъ идетъ рѣчь: прибавочныя преступленія суть акты, которые имѣли большее или меньшее вліяніе на главное, которые приготовили его. Въ преступленіи поддѣлки монеты главное преступленіе есть актъ того человѣка, который пускаетъ фальшивую монету въ ходъ; потому что отсюда происходитъ непосредственно потеря для того, кто ее получаетъ. Актъ того, кто сдѣлалъ фальшивую монету, съ этой точки зрѣнія есть только преступленіе прибавочное.

3. Преступленія положительныя и отрицательныя. Преступленіе положительное есть результатъ акта, совершеннаго съ извѣстной цѣлью. Преступленіе отрицательное происходитъ оттого, что человѣкъ воздерживается дѣйствовать такъ, какъ бы онъ долженъ былъ дѣйствовать, или не дѣлаетъ того, что долженъ былъ бы сдѣлать

Относительно диффамаціи Горацій вѣрно различалъ эти два преступленія.

....Absentem qui rodit amicum
Qui non defendit, alio culpante.... hic niger est.

Большія преступленія бываютъ вообще положительнаго рода. Самыя большія отрицательныя преступленія принадлежатъ къ разряду публичныхъ преступленій. Чтобы погубить стадо, надо только, чтобы пастухъ спалъ.

Есть много случаевъ, гдѣ въ усовершенствованной системѣ законодательства преступленіе отрицательное можетъ и должно стать рядомъ съ положительнымъ. Побудить человѣка войти съ горящей свѣчой въ комнату, которая, какъ извѣстно дѣлающему это побужденіе, полна порохомъ, лежащимъ открыто,—это положительный актъ убійства; но если человѣкъ идетъ туда самъ, а другой, зная опасность, не предупреждаетъ его объ ней,—это преступленіе отрицательное, которое можно поставить на одинъ уровень съ первымъ [1]).

---

[1]) Надобно однако замѣтить, что отрицательное преступленіе далеко не внушаетъ такой же степени тревоги, какъ положительное, и что, кромѣ того, его бываетъ трудно доказать. Д.

4. Преступленія, воображаемо вредныя. Это—акты, не производящіе дѣйствительнаго зла, но считаемые въ числѣ преступленій вслѣдствіе предразсудковъ, заблужденій администраціи и принципа аскетизма. Эти преступленія разнообразятся смотря по временамъ и мѣсту. Они имѣютъ свое начало и конецъ, они выростаютъ и уничтожаются вмѣстѣ съ понятіями, которыя служатъ имъ основаніемъ. Таково было въ Римѣ преступленіе, за которое весталокъ живыми зарывали въ землю. Таковы были ересь и колдовство, изъ-за которыхъ столько невинныхъ людей погибло въ пламени.

Чтобы дать понятіе объ этихъ воображаемо вредныхъ преступленіяхъ, намъ нѣтъ необходимости высчитывать весь ихъ каталогъ: достаточно указать нѣкоторыя главныя группы. Замѣтимъ, что это относится къ законодателю, а не къ гражданину. Зло, приписываемое такому-то дѣйствію, есть воображаемое: поэтому, полезно было бы не издавать законовъ для запрещенія такихъ дѣйствій. Таково наше заключеніе, и таковъ нашъ совѣтъ; а не таковъ: совершайте поэтому такія дѣйствія наперекоръ общественному мнѣнію и законамъ.

Преступленія воображаемо вредныя: 1) Преступленія противъ законовъ, налагающихъ или извѣстныя мнѣнія въ дѣлѣ вѣры, или извѣстные религіозные обряды. 2) Преступленія, состоящія въ заключеніи невинныхъ условій, запрещаемыхъ закономъ на ложныхъ основаніяхъ; примѣромъ можетъ служить ростъ. 3) Преступленія, состоящія въ эмиграціи ремесленниковъ и другихъ гражданъ [1]. 4) Преступленія, состоящія въ нарушеніи запретительныхъ правилъ, которыя стѣсняютъ одинъ разрядъ гражданъ, чтобы благопріятствовать другому. Таково въ Англіи, запрещеніе вывоза шерсти, запрещеніе, которое обезпечиваетъ выгоды мануфактуриста насчетъ воздѣлывателя.

Когда мы будемъ говорить о сладострастіи, не соединяющемся съ обманомъ и насиліемъ, и о преступленіяхъ противъ самого себя, то мы увидимъ, что, разсматриваемыя относительно общества, эти преступленія подходятъ подъ эту же категорію.

[1]) Зло запрещенія весьма чувствительно и можетъ оказываться однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ золъ. Когда человѣкъ не въ состояніи пріобрѣсть кусокъ хлѣба на своей родинѣ, то запрещеніе переселиться есть смертный приговоръ. Чѣмъ больше мы будемъ вникать въ зло преступленія, тѣмъ больше будемъ чувствовать его ничтожность; потому что, есть ли такой индивидуумъ, на котораго это преступленіе падаетъ въ видѣ страданія? Д.

ГЛАВА IV.

О злѣ втораго порядка.

Тревога, внушаемая различными преступленіями, можетъ имѣть различныя степени, отъ легкаго безпокойства до ужаса.

Но бóльшая или меньшая тревога не зависитъ ли отъ воображенія, темперамента, возраста, пола, положенія въ жизни, опытности? Можно ли разсчитать впередъ дѣйствіе, которое бываетъ различно вслѣдствіе столькихъ причинъ? Однимъ словомъ, имѣетъ ли тревога довольно правильный ходъ, чтобы можно было измѣрять ея степени?

Хотя все то, чтó подчинено воображенію, этой повидимому столь подвижной и фантастической способности, не можетъ быть опредѣлено съ строгой точностью, но общая тревога, производимая разными преступленіями, принимаетъ пропорціи довольно постоянныя и которыя возможно опредѣлить. Тревога бываетъ больше или меньше, смотря по слѣдующимъ обстоятельствамъ [1]):

1. Объемъ зла перваго порядка.
2. Добрая или злая воля правонарушителя въ томъ актѣ, о которомъ идетъ рѣчь.
3. Житейское положеніе, которое доставило ему случай *совершить* преступленіе.
4. Мотивъ, побудившій его къ совершенію акта.
5. Бóльшая или меньшая легкость помѣшать тому или другому преступленію.
6. Бóльшая или меньшая легкость скрыть его, или устранить отъ наказанія.
7. Характеръ, который обнаруживается правонарушителемъ въ преступленіи. Сюда относится повтореніе преступленія.
8. Положеніе лица, терпящаго отъ преступленія, — положеніе, въ силу котораго лица, находящіяся въ томъ же положеніи, могутъ или не могутъ чувствовать впечатлѣніе страха.

Въ изслѣдованіи этихъ обстоятельствъ и заключается рѣшеніе самыхъ любопытныхъ задачъ уголовной юриспруденціи.

---

[1]) Всѣ эти обстоятельства, кромѣ перваго и послѣдняго, имѣютъ то общее, что они дѣлаютъ болѣе вѣроятнымъ повтореніе преступленія. Д.

ГЛАВА V.

О злѣ перваго порядка.

Зло перваго порядка, проистекающее изъ преступленія, можно оцѣнить по слѣдующимъ правиламъ:

1. Зло въ преступленіи сложномъ будетъ больше, чѣмъ зло каждаго изъ простыхъ преступленій, на которыя оно можетъ разлагаться (См. *Преступленія сложныя*, гл. III).

Ложная клятва, дѣйствіемъ которой было бы навлеченіе наказанія на невиннаго, произвела бы больше зла, чѣмъ ложная клятва, которая повела бы къ освобожденію человѣка, виновнаго въ томъ же преступленіи. Въ первомъ случаѣ, это есть преступленіе частное, соединенное съ преступленіемъ публичнымъ. Во второмъ случаѣ, это преступленіе только публичное.

2. Зло преступленія полу-публичнаго или публичнаго, которое распространяется, будетъ *больше*, чѣмъ зло частнаго преступленія того же рода.—Гораздо больше зла въ томъ, если занести заразу въ цѣлую страну, чѣмъ если занести ее на небольшой островъ, и мало населенный, и рѣдко посѣщаемый.—Эта способность распространяться даетъ особенно громадный размѣръ пожару и наводненію.

3. Зло преступленія полу-публичнаго или публичнаго, которое, вмѣсто того чтобы размножаться, только подраздѣляется, будетъ *меньше*, чѣмъ зло частнаго преступленія того же рода.—Такъ, если обокрадена казна провинціи, то зло перваго порядка будетъ меньше, чѣмъ въ равной этому покражѣ, сдѣланной у отдѣльнаго лица. Вотъ доказательство. Если захотятъ прекратить зло, перенесенное этимъ потерпѣвшимъ лицомъ, то стоитъ только дать ему, на общественный счетъ, вознагражденіе, равняющееся его потерѣ; и такимъ образомъ дѣло сводится къ тому же, какъ еслибы воровство, вмѣсто Петра или Ивана, сдѣлано было прямо у общества [1]).

Къ такому подраздѣленію или распредѣленію зла способны только преступленія противъ собственности: и происходящее отъ нихъ зло бываетъ тѣмъ меньше, чѣмъ на большее число лицъ оно раскладывается и чѣмъ эти лица богаче.

[1]) Хотя въ этомъ случаѣ зло перваго порядка меньше, зло втораго порядка бываетъ не меньше. Но это замѣчаніе скоро сдѣлано будетъ въ своемъ мѣстѣ. Д.

4. Цѣлое зло преступленія бываетъ больше, если отъ него происходитъ послѣдующее зло, падающее на того же человѣка. — Если, вслѣдствіе лишенія свободы или полученія раны, вы теряете мѣсто, не можете вступить въ бракъ, лишаетесь выгоднаго дѣла, то очевидно, что эти потери увеличиваютъ массу первоначальнаго зла.

5. Цѣлое зло преступленія бываетъ больше, если отъ него происходитъ производное зло, падающее на другаго человѣка.—Если, вслѣдствіе понесеннаго вами ущерба, ваша жена или ваши дѣти лишаются необходимаго, это безспорно увеличиваетъ массу первоначальнаго зла.

Кромѣ этихъ правилъ, служащихъ для оцѣнки зла перваго порядка во всѣхъ случаяхъ, надобно принимать въ разсчетъ отягченія, т. е. особенныя обстоятельства, увеличивающія зло. Мы приведемъ дальше полный ихъ списокъ. Вотъ главныя.

Зло отъ преступленія, увеличенное особенной долей физическаго страданія, не входящей въ сущность преступленія. Прибавленіе физическаго страданія.

Зло отъ преступленія, увеличенное обстоятельствомъ, которое къ существенному злу прибавляетъ еще страхъ. Прибавленіе страха.

Зло отъ преступленія, увеличенное какимъ-нибудь особымъ обстоятельствомъ безславія. Прибавленіе безславія.

Зло отъ преступленія, увеличенное неисправимостью вреда. Неисправимость вреда.

Зло отъ преступленія, увеличенное обстоятельствомъ, которое указываетъ, на сторонѣ лица терпящаго, особенно большую степень чувствительности. Увеличеніе страданія.

Эти правила абсолютно необходимы. Надобно умѣть оцѣнять зло перваго порядка, потому что въ силу его видимой или дѣйствительной цѣны тревога будетъ больше или меньше. Зло втораго порядка есть только отраженіе зла перваго порядка, которое рисуется въ воображеніи каждаго. Но есть другія обстоятельства, видоизмѣняющія тревогу.

ГЛАВА VI.

О злонамѣренности.

Совершитъ ли человѣкъ преступленіе сознательно и съ намѣреніемъ или безъ сознанія и намѣренія, непосредственное зло будетъ одно и то же, но происходящая отъ него тревога весьма различна. Тотъ, кто совершаетъ преступленіе намѣренно и сознательно, представляется

намъ человѣкомъ злымъ и опаснымъ. Тотъ, кто совершилъ его безъ намѣренія или безъ сознательности, возбуждаетъ опасеніе только по своей неловкости или по своему невѣжеству.

Это спокойствіе общества послѣ преступленія, свободнаго отъ злонамѣренности, нисколько неудивительно. Обратите вниманіе на всѣ обстоятельства акта. Правонарушитель не думалъ, что онъ дѣйствуетъ въ противность закону. Онъ совершилъ преступленіе только потому, что не имѣлъ мотива, который бы его удерживалъ отъ этого. Если это преступленіе проистекаетъ изъ бѣдственнаго стеченія обстоятельствъ, это фактъ случайный и уединенный, который не содѣйствуетъ совершенію другаго подобнаго факта. Но преступленіе правонарушителя злонамѣреннаго есть постоянная причина зла. Въ томъ, что̀ онъ сдѣлалъ, люди видятъ, что̀ онъ можетъ и хочетъ сдѣлать еще. Его прошедшее поведеніе есть предзнаменованіе его будущаго поведенія. Притомъ идея злаго человѣка насъ опечаливаетъ и пугаетъ. Она тотчасъ напоминаетъ намъ о всемъ томъ опасномъ и зловредномъ классѣ людей, который окружаетъ насъ своими сѣтями и втайнѣ на насъ злоумышляетъ.

Народъ, руководясь вѣрнымъ инстинктомъ, почти всегда говоритъ о правонарушителяхъ съ доброй волей, что объ нихъ можно скорѣе жалѣть, чѣмъ порицать ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ даже съ обыкновенной чувствительностью не можетъ не чувствовать живѣйшаго сожалѣнія о злѣ, котораго онъ былъ невинной причиной. Для него скорѣе нужно утѣшеніе, чѣмъ наказаніе. Онъ не только не возбуждаетъ опасеній, какъ и всякой другой, но онъ можетъ возбуждать ихъ еще меньше, потому что его сожалѣнія о прошедшемъ ручаются вамъ за болѣе чѣмъ обыкновенную осторожность его въ будущемъ.

Притомъ, преступленіе, свободное отъ злой воли, даетъ надежду на вознагражденіе. Еслибы человѣкъ считалъ себя въ опасности подвергнуться наказанію, онъ принялъ бы мѣры предосторожности, чтобы укрыться отъ закона; но, въ своей невинности, онъ остается на виду и не думаетъ отказываться отъ легальныхъ исправленій.

Таковъ общій принципъ. Въ примѣненіи, онъ представляетъ значительныя трудности. Чтобы хорошо узнать все, что составляетъ отличительныя черты злонамѣренности, надо изслѣдовать всѣ различныя состоянія, въ какихъ можетъ быть душа въ минуту дѣйствія, или относительно намѣренія, или относительно сознательности. Сколько можетъ быть видоизмѣненій въ пониманіи человѣка и въ его волѣ!

Стрѣлокъ пускаетъ стрѣлу, на которой написано: въ лѣвый глазъ Филиппа. Стрѣла попадаетъ въ лѣвый глазъ. Вотъ намѣреніе, совершенно соотвѣтствующее факту.

Ревнивый мужъ застаетъ соперника, и чтобы сдѣлать свое мщеніе вѣчнымъ, искалѣчиваетъ его; и операція оказывается смертельной. Въ этомъ случаѣ намѣренность относительно убійства не была полная.

Охотникъ видитъ оленя и очень близко къ нему человѣка. Онъ находитъ, что не можетъ выстрѣлить въ оленя, не подвергая человѣка опасности. Однакоже онъ стрѣляетъ и убиваетъ человѣка. Въ этомъ случаѣ убійство было вольное, но намѣреніе убить было только непрямое.

Что касается до пониманія, оно можетъ быть относительно разныхъ обстоятельствъ факта въ трехъ состояніяхъ.—Знаніе.—Незнаніе.—Ложное мнѣніе.—Вы знали, что это питье есть ядъ; вы могли не знать этого; вы могли думать, что оно принесетъ только легкій вредъ, или что въ извѣстныхъ случаяхъ оно можетъ быть лекарствомъ.

Таковы предварительныя условія, при которыхъ можно достигнуть опредѣленія злонамѣренности или дурной воли. Мы не будемъ здѣсь входить дальше въ этотъ мудреный предметъ.

ГЛАВА VII.

Положеніе преступника: какъ оно дѣйствуетъ на тревогу.

. . . .

. . . . [1].

ГЛАВА VIII.

О вліяніи мотивовъ на степень тревоги.

Если преступленіе исходитъ изъ частнаго, рѣдкаго мотива, находящагося въ классѣ малочисленномъ, то тревога будетъ невелика. Если оно идетъ отъ мотива обыкновеннаго, частаго и сильнаго, тревога будетъ больше, потому что много людей сочтутъ себя въ опасности.

Сравните то, что происходитъ въ этомъ отношеніи отъ убійства, совершаемаго для воровства, и убійства, совершаемаго изъ мщенія. Въ первомъ случаѣ опасность представляется всеобщей: во второмъ, пре-

[1]) Эта глава въ своемъ буквальномъ составѣ внесена во «Введеніе» Бентама (см. выше, гл. XIII, § 1), и потому здѣсь опускается: повтореніе ея было бы излишне. (Прим. перев.)

ступленіе не возбуждаетъ страха, если только мы не имѣли врага, ненависть котораго достигла бы до такой рѣдкой жестокости.

Преступленіе, производимое враждой партій, причинитъ больше тревоги, чѣмъ то же преступленіе, производимое частной враждой.

Въ Даніи и въ одной части Германіи существовала, въ половинѣ прошлаго столѣтія, религіозная секта, принципы которой были ужаснѣе самыхъ гнусныхъ страстей. По мнѣнію этихъ фанатиковъ, самымъ вѣрнымъ средствомъ спасенія души были не хорошіе нравственные поступки, а покаяніе: и это покаяніе будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ больше оно поглотитъ всѣ способности человѣка; и потому, чѣмъ болѣе жестоко было совершенное преступленіе, тѣмъ больше можно было имѣть увѣренности, что оно дастъ угрызеніямъ совѣсти эту искупающую энергію. По этой логикѣ одинъ такой бѣшеный вышелъ изъ дому, чтобы заслужить спасеніе души и эшафотъ, убивши невиннаго ребенка. Еслибы эта секта могла удержаться, человѣческому роду было бы плохо [1]).

Мотивы обыкновенно считаются хорошими или дурными. Это ошибка. Всякій мотивъ, при послѣднемъ анализѣ, есть перспектива удовольствія, какое человѣкъ надѣется получить, или страданія, котораго онъ думаетъ избѣжать. И одинъ и тотъ же мотивъ, который въ одномъ случаѣ побуждаетъ къ дѣйствію, считаемому хорошимъ или индифферентнымъ, въ другомъ можетъ побудить къ дѣйствію, считаемому дурнымъ. Бѣднякъ крадетъ хлѣбъ, другой человѣкъ покупаетъ его, третій работаетъ, чтобы получить его;—мотивъ, побуждающій ихъ къ дѣйствію, одинъ и тотъ же—физическая потребность голода. Одинъ благочестивый человѣкъ строитъ госпиталь для бѣдныхъ, другой отправляется въ Мекку, третій убиваетъ человѣка, котораго считаетъ еретикомъ; ихъ мотивъ можетъ быть рѣшительно одинъ, желаніе получить божественную милость, по разнымъ понятіямъ объ ней, которыя они себѣ составили. Геометръ живетъ въ суровомъ уединеніи и предается самымъ глубокомысленнымъ трудамъ; свѣтскій человѣкъ разоряется, и разоряетъ множество кредиторовъ, чрезмѣрной роскошью; король предпринимаетъ завоеванія и жертвуетъ своимъ планамъ тысячами людей; неустрашимый воинъ возрождаетъ мужество въ народѣ, упавшемъ духомъ, и побѣждаетъ узурпатора; всѣ эти люди могутъ руководиться однимъ и тѣмъ же мотивомъ, желаніемъ репутаціи и т. д., и т. д.

Такимъ образомъ можно было бы изслѣдовать всѣ мотивы, и мы

[1]) Не помню, гдѣ-то я читалъ, что въ Пруссіи при первомъ примѣрѣ этого фанатизма, Фридрихъ Великій велѣлъ посадить убійцу въ домъ сумасшедшихъ. Онъ думалъ, что казнить его значило бы скорѣе наградить его, чѣмъ наказать. Этого было довольно, чтобы прекратить преступленіе. Д.

увидѣли бы, что каждый изъ нихъ можетъ порождать дѣйствія самыя похвальныя и самыя преступныя. Поэтому мотивовъ не слѣдуетъ считать исключительно хорошими или исключительно дурными.

Но разсматривая весь списокъ мотивовъ, т. е. списокъ удовольствій и страданій, ихъ можно классифицировать смотря по тому стремленію, которое они имѣютъ повидимому — соединять или разъединять интересы индивидуума съ интересами ему подобныхъ. На этомъ основаніи мотивы можно раздѣлить на четыре разряда: мотивъ чисто-общественный, благосклонность или доброжелательность; мотивы полу-общественные, любовь къ репутаціи, желаніе дружбы, религія; мотивы противо-общественные, антипатія и всѣ ея отрасли; мотивы личные, удовольствія чувствъ, любовь къ власти, денежный интересъ, желаніе самосохраненія.

Личные мотивы суть наиболѣе полезные, единственные, дѣйствіе которыхъ никогда не можетъ быть остановлено, потому что природа ввѣрила имъ сохраненіе рода: это великія колеса общества; но надобно, чтобы ихъ движеніе было правильно, чтобы оно умѣрялось и удерживалось въ хорошемъ направленіи двигателями первыхъ двухъ разрядовъ.

Не слѣдуетъ забывать, что даже противо-общественные мотивы, до нѣкоторой степени необходимые для защиты индивидуума, могутъ производить и часто производятъ полезныя дѣйствія, даже необходимыя для существованія общества; напримѣръ, доносъ и преслѣдованіе преступниковъ.

Можно было бы сдѣлать другую классификацію мотивовъ, принимая въ основаніе то, какія послѣдствія они всего чаще стремятся производить, хорошія или дурныя: мотивы общественные и полу-общественные могли бы тогда назваться мотивами предохраняющими: мотивы противообщественные и личные—мотивами искушающими; эти названія не должны быть принимаемы въ строгомъ смыслѣ, но они не лишены вѣрности и истинности, потому что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бываетъ столкновеніе двухъ мотивовъ, дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи, мы найдемъ, что мотивы общественные и полу-общественные всего чаще обнаруживаютъ стремленіе въ смыслѣ пользы, между тѣмъ какъ мотивы противо-общественные и личные дѣйствуютъ на насъ въ противоположномъ направленіи.

Не входя здѣсь въ подробное изслѣдованіе мотивовъ, остановимся только на томъ, что важно для законодателя. Чтобы судить о дѣйствіи надо смотрѣть сначала на его послѣдствія, оставляя въ сторонѣ все другое. Опредѣливъ хорошо послѣдствія, можно въ нѣкоторыхъ случаяхъ возвращаться къ мотиву, наблюдая его вліяніе на количество

тревоги, не останавливаясь [1]) на хорошемъ или дурномъ качествѣ, какое повидимому приписываетъ ему его общеупотребительное имя. Такимъ образомъ мотивъ, наиболѣе одобряемый въ его общеупотребительномъ названіи, не можетъ, превратить вреднаго дѣйствія въ дѣйствіе полезное или индифферентное; и мотивъ наиболѣе осуждаемый не можетъ превратить дѣйствія полезнаго въ дурное дѣйствіе. Все, что онъ можетъ сдѣлать, это больше или меньше возвысить или унизить его нравственное качество: хорошее дѣйствіе отъ предохраняющаго мотива становится лучше; дурное дѣйствіе отъ искушающаго мотива дѣлается хуже. Приложимъ эту теорію къ практикѣ. Мотивъ изъ разряда соблазняющихъ можетъ не составить преступленія, но онъ можетъ составить средство отягченія. Мотивъ изъ разряда охраняющихъ не составитъ оправданія, но онъ можетъ уменьшить потребность наказанія, или, другими словами, составить средство облегченія.

Замѣтимъ, что на разсмотрѣніи мотива слѣдуетъ останавливаться только тогда, когда онъ очевиденъ и такъ сказать осязателенъ. Часто было бы очень трудно достигнуть знанія истиннаго или господствующаго мотива, когда дѣйствіе могло быть одинаково произведено различными мотивами, или когда въ его произведеніи могли участвовать многіе мотивы. Въ этомъ сомнительномъ истолкованіи надо остерегаться злаго настроенія человѣческаго сердца и общаго расположенія людей выставлять на видъ проницательность своего ума, насчетъ доброты. Мы даже искренно обманываемся, относительно движеній, побуждающихъ насъ къ дѣйствію; и относительно своихъ собственныхъ мотивовъ люди—добровольные слѣпцы, готовые возстать противъ глазнаго врача, который хочетъ снять у нихъ катарактъ невѣжества и предразсудковъ.

ГЛАВА IX.

Легкость или трудность предупрежденія преступленій.—Пятое обстоятельство, вліяющее на тревогу.

. . . .
. . . .
. . . . [2]).

---

[1]) Какъ это было объяснено прежде. (Прим. перев.).

[2]) Эта глава, какъ и слѣдующія, также внесены вполнѣ во «Введеніе» Бентама и потому здѣсь опять опускаются; главы IX—XI соотвѣтствуютъ гл. XIII, § II—IV. (Прим. перев.).

ГЛАВА X.

Большая или меньшая легкость, съ которой преступникъ можетъ скрыться.—Обстоятельство, вліяющее на тревогу.

. . . .
. . . .

ГЛАВА XI.

Вліяніе характера преступника на тревогу.

. . . .
. . . .

ГЛАВА XII.

Случаи, въ которыхъ не бываетъ тревоги.

. . . .
. . . . [1].

ГЛАВА XIII.

О случаяхъ, гдѣ опасность больше тревоги.

. . . .
. . . .

ГЛАВА XIV.

Средства оправданія.

Мы скажемъ теперь о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, которыя, будучи приложены къ преступленію, имѣютъ свойство отнимать у него

[1]) Главы XII—XIII, слѣдующія здѣсь, см. тамъ же, во «Введеніи» (гл. XIII, въ концѣ). (Прим. перев.).

его зловредное качество. Имъ можно дать общее названіе средствъ оправданія или просто оправданій.

Общія оправданія, которыя прилагаются почти ко всѣмъ преступленіямъ, могутъ быть подведены подъ слѣдующія рубрики:

1. Согласіе.
2. Отклоненіе бо́льшаго зла.
3. Медицинская практика.
4. Защита самого себя.
5. Политическая власть.
6. Домашняя власть.

Какимъ образомъ эти обстоятельства производятъ оправданіе? Мы увидимъ, что иногда они даютъ доказательство отсутствія всякаго зла, иногда показываютъ, что зло было вознаграждено, т. е. что произошло благо, болѣе чѣмъ равномѣрное злу. Здѣсь идетъ дѣло о злѣ перваго порядка, потому что во всѣхъ этихъ случаяхъ зло втораго порядка не существуетъ. Я ограничиваюсь здѣсь нѣсколькими общими замѣчаніями. Сначала о согласіи.

1. Согласіе.—Здѣсь разумѣется согласіе того человѣка, который бы потерпѣлъ зло, еслибы было зло. Не естественно ли предположить, что если человѣкъ соглашается, то зло не существуетъ или что оно совершенно вознаграждается? Поэтому мы допускаемъ общее правило юрисконсультовъ, что согласіе уничтожаетъ обиду (преступленіе). Это правило основывается на двухъ весьма простыхъ положеніяхъ: первое— что всякій человѣкъ есть лучшій судья своего интереса, и другое,—что человѣкъ не согласился бы на то, что́ считалъ бы для себя вреднымъ.

Это правило допускаетъ многія исключенія, которыхъ причина осязательна. Несправедливое принужденіе, — обманъ, — несправедливое умолчаніе,—преждевременное или взятое назадъ согласіе, — безуміе, — опьяненіе,—дѣтство.

2. Отклоненіе бо́льшаго зла. Это — случай, когда дѣлаютъ зло для предотвращенія другаго, бо́льшаго зла. Къ этому средству оправданія относятся тѣ крайности, къ которымъ люди могутъ быть вынуждены въ заразительныхъ болѣзняхъ, при осадѣ, голодѣ, бурѣ, кораблекрушеніи. Salus populi suprema lex-esto.

Но чѣмъ важнѣе средство этого рода, тѣмъ очевиднѣе должна быть его необходимость. Правило объ общественной безопасности служило предлогомъ для всевозможныхъ преступленій. Для того, чтобы такое оправданіе имѣло силу, надо опредѣлить три существенные пункта: Несомнѣнность зла, которое хотятъ отклонить.—Абсолютное отсутствіе другаго, менѣе дорогаго средства. — Несомнѣнная дѣйствительность того средства, которое употребляется.

Въ этомъ источникѣ можно было бы искать оправданія убійства тирановъ, еслибы оно могло быть оправдываемо; но оно оправдываемо быть не можетъ, потому что нѣтъ необходимости умерщвлять ненавидимаго тирана, надобно только оставить его, и онъ погибъ. Іаковъ II былъ оставленъ всѣми, и переворотъ произошелъ безъ пролитія крови. Самъ Неронъ видѣлъ, какъ его могущество сокрушилось отъ простаго декрета Сената, и смерть, которую онъ самъ вынужденъ былъ причинить себѣ, была для притѣснителей болѣе ужаснымъ урокомъ, чѣмъ урокъ Брута. Греція прославляла своихъ Тимолеоновъ; но изъ тѣхъ постоянныхъ потрясеній, которыя ее волновали, можно видѣть, какъ мало достигало своей цѣли это ученіе объ убійствѣ тирановъ. Оно только больше раздражаетъ подозрительнаго тирана и дѣлаетъ его тѣмъ жесточе, чѣмъ онъ трусливѣе. Когда убійство не удается, мщеніе бываетъ ужасно. Если оно совершается въ государствѣ народномъ, раздоры партій получаютъ въ этотъ моментъ всю свою силу: партія, одерживающая верхъ, сама дѣлаетъ все зло, какого она могла опасаться. Въ государствѣ монархическомъ встревоженный преемникъ сохраняетъ глубокое чувство гнѣва, и онъ отягчаетъ иго, и его тягость и вредъ оправдываются, въ его глазахъ, достаточнымъ предлогомъ.

Проницательный глазъ Силлы открываетъ, говорятъ, больше чѣмъ одного Марія въ молодомъ развратникѣ, который пока знаменитъ только однимъ своимъ развратомъ. Онъ видитъ теплющійся огонь самаго пылкаго честолюбія подъ самой крайней изнѣженностью нравовъ, и видитъ въ этихъ удовольствіяхъ разврата только завѣсу плана поработить свое отечество. Въ силу этого подозрѣнія, имѣлъ ли бы Силла право погубить Цезаря? Но въ такомъ случаѣ убійцѣ, для своего оправданія, стоило бы только выдавать себя за пророка! Негодяй, во имя неба, приписывая себѣ способность читать въ сердцахъ людей, могъ бы погубить всѣхъ своихъ враговъ за будущія преступленія! Подъ предлогомъ избѣжанія зла, сдѣлано было бы величайшее изъ всѣхъ золъ, была бы уничтожена общая безопасность.

3. Медицинская практика. Это средство оправданія входитъ въ предъидущее. Индивидуума заставляютъ страдать для его собственнаго блага. Съ человѣкомъ случилась апоплексія: надо ли ожидать его согласія на кровопусканіе? Не приходитъ въ голову даже сомнѣніе о законности леченія, потому что люди очень увѣрены, что воля больнаго избѣгаетъ смерти.

Совершенно другой случай бываетъ тогда, когда человѣкъ, владѣющій своими способностями, могущій дать свое согласіе, отказываетъ въ немъ. Можно ли дать его друзьямъ, или медикамъ, право принудить

его къ операціи, которую онъ отвергаетъ? Это значило бы замѣнить опасность, почти воображаемую, несомнѣннымъ зломъ. Недовѣрчивость и ужасъ постоянно сопровождали бы больнаго на его ложѣ. Если медикъ, по человѣколюбію, перейдетъ границы своего права и перейдетъ неудачно, надо, чтобъ онъ подвергся строгости законовъ, и его благія намѣренія могутъ развѣ только смягчить его ошибку.

4. Защита. Это опять видоизмѣненіе втораго средства. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ идетъ только объ отклоненіи бо̀льшаго зла, потому что, если вы должны убить несправедливо нападающаго на васъ человѣка, его смерть была бы меньшимъ зломъ для общества, чѣмъ погибель невиннаго. Это право защиты абсолютно необходимо. Бдительность оффиціальныхъ чиновниковъ никогда не могла бы замѣнить бдительности каждаго индивидуума за самого себя. Страхъ законовъ никогда бы не могъ удержать злонамѣренныхъ людей столько, сколько страхъ передъ всѣми индивидуальными защитами. Отнять это право значило бы сдѣлаться соучастникомъ всѣхъ злонамѣренныхъ людей.

Это средство оправданія имѣетъ свои границы. Насильственныя средства можно употреблять только для защиты своей личности или своего имущества. Отвѣчать на словесное оскорбленіе посредствомъ тѣлеснаго оскорбленія, это была бы уже не защита, а мщеніе. — Дѣлать добровольно неисправимое зло, чтобы избѣжать зла, которое не было бы неисправимо, это значило бы перейти законныя границы защиты.

Но себя ли только можно защищать? Не должно ли также имѣть право оказывать покровительство себѣ подобнымъ противъ несправедливаго нападенія? Конечно, это негодованіе, воспламеняющееся при видѣ сильнаго, который угнетаетъ слабаго, есть прекрасное движеніе человѣческаго сердца. Прекрасно то движеніе сердца, которое заставляетъ насъ забывать нашу личную опасность и спѣшить на помощь при первыхъ крикахъ бѣдствія. Законъ долженъ остерегаться ослаблять этотъ благородный союзъ между мужествомъ и человѣколюбіемъ. Пусть онъ скорѣе почитаетъ и вознаграждаетъ того, кто исполняетъ должность оффиціальнаго лица въ пользу угнетеннаго: для общей безопасности важно, чтобы всякій честный человѣкъ считалъ себя естественнымъ покровителемъ всякаго другаго. Въ этомъ случаѣ зла втораго порядка не бываетъ: слѣдствія втораго порядка всѣ бываютъ благотворны.

5 и 6. Власть политическая и домашняя. Выполненіе законной власти влечетъ за собой необходимость дѣлать зло для подавленія зла. Законная власть можетъ быть раздѣлена на политическую и домашнюю. Правитель и отецъ, или тотъ, кто его замѣняетъ, не могли бы поддержать своего авторитета, одинъ въ государствѣ, другой въ

семействѣ, еслибы они не были вооружены принудительными средствами противъ неповиновенія. Зло, которое они причиняютъ, носитъ названіе наказанія. Этими насильственными средствами они предполагаютъ достигать только блага того великаго или небольшаго общества, которымъ они управляютъ, и нѣтъ необходимости говорить, что выполненіе ихъ законной власти есть полное средство оправданія, потому что никто не захотѣлъ бы быть ни правителемъ, ни отцомъ, еслибы не былъ обезпеченъ въ пользованіи своей властью.

ЧАСТЬ II.

Политическія средства противъ зла преступленій.

ГЛАВА I.

Предметъ этой книги.

Послѣ разсмотрѣнія преступленій какъ болѣзней политическаго тѣла, аналогія приводитъ насъ къ разсмотрѣнію врачующихъ средствъ для ихъ предотвращенія и излеченія.

Эти средства могутъ быть раздѣлены на четыре разряда:

1. Средства предупредительныя.
2. Средства прекращенія.
3. Средства удовлетворенія.
4. Средства карательныя, или просто наказанія.

Средства предупредительныя—тѣ средства, которыя служатъ для предупрежденія преступленія. Они бываютъ двухъ родовъ: средства прямыя, которыя прилагаются непосредственно къ тому или другому частному преступленію; средства непрямыя, которыя состоятъ изъ общихъ предосторожностей противъ цѣлаго вида преступленій.

Средства прекращенія—тѣ, которыя служатъ для прекращенія начатаго преступленія, преступленія существующаго, но недовершеннаго, и слѣдовательно для предотвращенія зла, по крайней мѣрѣ отчасти.

Средства удовлетворенія: такъ я называю вознагражденіе, которое можно дать невинному за зло, понесенное имъ отъ преступленія.

Средства карательныя или просто *наказанія*: когда зло прекращено, когда потерпѣвшая сторона вознаграждена, остается еще предупредить подобнаго рода преступленія или со стороны того же преступника, или всякаго другаго.

Для достиженія этой цѣли можно дѣйствовать двоякимъ способомъ: одинъ способъ—исправить волю, другой—отнять возможность вредить. На волю можно дѣйствовать страхомъ; отнять возможность можно какимъ-нибудь физическимъ актомъ. Отнять у преступника волю совершать преступленіе вторично значитъ исправить его; отнять у него возможность значитъ сдѣлать его неспособнымъ къ этому (incapaciter). Средство, которое должно дѣйствовать страхомъ, называется наказаніемъ. Отнимаетъ ли оно или не отнимаетъ способность къ преступленію? Это зависитъ отъ природы наказанія.

Главная цѣль наказаній есть предупрежденіе подобнаго рода преступленій. Прошедшее дѣло есть только одна точка; будущее—безконечно. Прошедшее преступленіе относится только къ одному лицу; будущія подобныя преступленія могутъ относиться ко всѣмъ. Во многихъ случаяхъ бываетъ невозможно исправить нанесеннаго зла; но всегда можно отнять волю дѣлать его, потому что, какъ бы ни была велика выгода отъ преступленія, зло наказанія всегда можетъ превзойти ее.

Эти четыре разряда средствъ требуютъ иногда столькихъ же отдѣльныхъ дѣйствій: иногда одно дѣйствіе бываетъ достаточно для всего.

Въ этой части мы будемъ говорить о прямыхъ предупредительныхъ средствахъ, о средствахъ прекращенія и средствахъ удовлетворенія. Третья часть будетъ посвящена наказаніямъ, а четвертая—средствамъ непрямымъ.

ГЛАВА II.

О прямыхъ средствахъ для предупрежденія преступленій.

Прежде чѣмъ преступленіе совершается, оно можетъ выказаться различными способами: оно проходитъ приготовительныя ступени, которыя часто позволяютъ остановить его раньше, чѣмъ оно дойдетъ до своей катастрофы.

Эта часть полиціи можетъ быть исполняема или властью, принадлежащей всѣмъ частнымъ лицамъ, или властью спеціальной, поручаемой авторизованнымъ лицамъ.

Власть, даваемая всѣмъ гражданамъ для ихъ защиты, есть та власть, которая исполняется до вмѣшательства правосудія и которую можно поэтому назвать средствами до-судебными. Таково право—противопоставлять открытую силу исполненію предугадываемаго преступленія, схватить подозрительнаго человѣка, задержать его, передать его суду. призвать на помощь силу, задержать на свою отвѣтственность предметъ, который считается украденнымъ или уничтоженіе котораго хотятъ предупредить, остановить всѣхъ присутствующихъ въ качествѣ свидѣтелей, требовать чьей бы то ни было помощи, чтобы передать оффиціальнымъ властямъ человѣка, отъ котораго опасаются дурныхъ умысловъ.

На всѣхъ гражданъ можно наложить обязанность подчиняться этимъ требованіямъ и исполнять ихъ какъ одну изъ важнѣйшихъ общественныхъ обязанностей. Можно даже установить вознагражденія для тѣхъ, кто будетъ помогать предупрежденію преступленія и передачѣ виновнаго въ руки правосудія.

Если скажутъ, что этой властью можно злоупотреблять, что дурные люди могутъ воспользоваться ею въ актѣ разбоя,—но эта опасность воображаемая. Эта аффектація порядка и публичности противорѣчила бы ихъ видамъ и подвергла бы ихъ слишкомъ очевидному наказанію.

Общее правило. Нѣтъ большой опасности дать права, которыми можно пользоваться не иначе, какъ подвергая себя всѣмъ неудобствамъ ихъ исполненія въ томъ случаѣ, когда бы они не были признаны.

Отказывать правосудію въ помощи, которую оно можетъ извлекать изъ всѣхъ этихъ средствъ, — значило бы терпѣть зло неисправимое изъ страха зла, которое не можетъ быть неисправимо.

Независимо отъ этихъ правъ, которыя должны принадлежать всѣмъ, есть другія права, которыя могутъ принадлежать только оффиціальнымъ чиновникамъ и могутъ быть очень полезны для предупрежденія предугадываемыхъ преступленій.

1. *Увѣщаніе.* Это—простой урокъ, но урокъ, данный судьею, который предостерегаетъ подозрительнаго индивидуума, показывая ему, что за нимъ наблюдаютъ, и напоминая ему о его долгѣ черезъ надлежащую власть.

2. *Выговоръ.* Это—то же средство, но усиленное угрозой закона. Въ первомъ случаѣ, это—отеческій голосъ, дѣйствующій средствами убѣжденія; во второмъ — слова оффиціальной власти, устрашающей строгимъ языкомъ.

3. *Требованіе обѣщанія не бывать въ извѣстномъ мѣстѣ.* Это средство, примѣнимое къ предупрежденію многихъ преступленій, въ

особенности примѣнимо къ ссорамъ, личнымъ обидамъ и мятежнымъ замысламъ.

4. *Частное изгнаніе.* Запрещеніе подозрительному индивидууму являться къ угрожаемой сторонѣ, находиться въ мѣстѣ ея пребыванія, или во всякомъ другомъ мѣстѣ, назначенномъ быть сценой преступленія.

5. *Поручительство.* Обязанность представить поручителей, которые обязываются заплатить пеню въ случаѣ нарушенія требуемаго удаленія.

6. Учрежденіе *стражи* для покровительства угрожаемымъ лицамъ или вещамъ.

7. *Конфискація* оружія или другихъ предметовъ, предназначенныхъ служить для предугадываемаго преступленія.

Кромѣ этихъ общихъ средствъ, есть средства, которыя примѣняются спеціально къ извѣстнымъ преступленіямъ. Я не буду входить здѣсь въ подробности полиціи и администраціи. Выборъ этихъ средствъ, случай, способъ ихъ примѣненія зависятъ отъ многихъ обстоятельствъ: впрочемъ, они довольно просты и почти всегда указываются свойствами случая. Если дѣло идетъ объ оскорбительномъ пасквилѣ, надо конфисковать сочиненіе до его публикаціи. Если дѣло идетъ о вредныхъ съѣстныхъ припасахъ, напиткахъ и лекарствахъ, ихъ надо уничтожить прежде чѣмъ они могли быть употреблены. Судебныя изслѣдованія, осмотры служатъ для предупрежденія обмановъ, скрытныхъ актовъ, преступленій контрабанды.

Этотъ родъ случаевъ рѣдко допускаетъ прочныя правила: необходимо надо предоставить здѣсь извѣстныя вещи усмотрѣнію оффиціальныхъ чиновниковъ и судей. Но законодатель долженъ дать имъ наставленія, чтобы воспрепятствовать злоупотребленію и произволу.

Эти наставленія должны основываться на слѣдующихъ правилахъ. Чѣмъ суровѣе средство, которое хотятъ употребить, тѣмъ осторожнѣе надо имъ пользоваться. Можно позволять себѣ больше по мѣрѣ того, какъ велико подозрѣваемое преступленіе и чѣмъ больше его видимая вѣроятность, по мѣрѣ того, насколько опасенъ кажется преступникъ и насколько онъ владѣетъ средствами исполнить свое дурное намѣреніе.

Вотъ граница, которой судья не долженъ переступать ни въ какомъ случаѣ: «Не употребляй никогда такого предупредительнаго средства, которое могло бы произвести больше зла, чѣмъ само преступленіе».

ГЛАВА III.

О преступленіяхъ хроническихъ.

Прежде чѣмъ говорить о средствахъ для прекращенія преступленій, посмотримъ сначала, какія преступленія могутъ быть прекращены; потому что къ этому способны не всѣ преступленія, и тѣ, какія способны, бываютъ способны не одинаково.

Возможность прекратить преступленіе предполагаетъ достаточную продолжительность времени, которая бы допускала вмѣшательство правосудія: а эту продолжительность имѣютъ не всѣ преступленія. Одни имѣютъ скоропреходящее дѣйствіе, другія—постоянное. Убійство и изнасилованіе неисправимы. Кража можетъ продолжаться только одну минуту, она можетъ продолжиться и навсегда, если украденная вещь была потреблена, потеряна или уничтожена.

Необходимо различать обстоятельства, по которымъ преступленія имѣютъ большую или меньшую продолжительность, потому что эти обстоятельства имѣютъ вліяніе на тѣ средства прекращенія, которыя бываютъ къ нимъ примѣнимы.

1. Преступленіе пріобрѣтаетъ продолжительность простымъ продолженіемъ акта, способнаго прекратиться каждую минуту, не переставъ однако быть преступленіемъ. Задержаніе человѣка, скрытіе вещи—такого рода преступленія. Первый разрядъ хроническихъ преступленій, ex actu continuo.

2. Если намѣреніе совершить преступленіе само считается преступленіемъ, то очевидно, что продолженіе намѣренія будетъ продолженіемъ преступленія. Этотъ разрядъ хроническихъ преступленій можетъ опять войти въ первый, ex intentione persistente.

3. Другія преступленія, имѣющія продолжительность, суть большая часть преступленій отрицательныхъ, состоящихъ въ упущеніи что-нибудь сдѣлать: не позаботиться о пищѣ для ребенка, находящагося на попеченіи у человѣка, не платить своихъ долговъ, не являться передъ судомъ, не открывать своихъ соумышленниковъ, не вводить извѣстное лицо въ пользованіе принадлежащимъ ему правомъ. Третій разрядъ хроническихъ преступленій, ex actu negativo.

4. Есть матеріальныя работы, существованіе которыхъ есть продолжительное преступленіе. Мануфактурное производство, вредное для здоровья сосѣдства, зданіе, стѣсняющее дорогу, плотина, останавливающая

теченіе рѣки и пр. Четвертый разрядъ хроническихъ преступленій, ex opere manente.

5. Тотъ же характеръ могутъ имѣть произведенія ума, черезъ посредство печати. Таковы пасквили, фальшивыя исторіи, смущающія пророчества, неприличные эстампы, однимъ словомъ все, что представляетъ гражданамъ, съ помощью прочныхъ знаковъ языка, такія идеи, которыя не должны быть имъ представляемы. Пятый разрядъ хроническихъ преступленій, ex scripto et similibus.

6. Рядъ повторяющихся актовъ можетъ имѣть въ цѣломъ характеръ единства, въ силу котораго о человѣкѣ, совершающемъ ихъ, говорится, что онъ получилъ къ нимъ привычку. Таковы акты фабрикаціи монеты, запрещенныхъ способовъ въ мануфактурахъ, вообще контрабанды. Шестой разрядъ хроническихъ преступленій, ex habitu.

7. Продолжительность бываетъ въ извѣстныхъ преступленіяхъ, которыя, хотя сами по себѣ различны, принимаютъ характеръ единства, потому что одно было поводомъ для другаго. Человѣкъ производитъ порчу въ саду, бьетъ хозяина, прибѣгающаго, чтобы остановить его, гонится за нимъ въ домъ, оскорбляетъ его семейство, ломаетъ мебель, убиваетъ любимую собаку и продолжаетъ свое грабительство. Такимъ образомъ составляется безконечный рядъ преступленій, продолжительность которыхъ можетъ дать мѣсто для вмѣшательства правосудія. Седьмой разрядъ хроническихъ преступленій, ex occasione.

8. *Продолжительность бываетъ въ дѣйствіи многихъ преступниковъ*, которые по согласію или безъ согласія стремятся къ одной цѣли. Такъ изъ смѣси актовъ разрушенія, угрозъ, оскорбительныхъ словъ, личныхъ обидъ, вызывающихъ криковъ, образуется то печальное и ужасное смѣшеніе, которое называютъ безпорядкомъ, смутой, волненіемъ, — предшественниками возстаній и гражданскихъ войнъ. Восьмой разрядъ хроническихъ преступленій, ex cooperatione.

Хроническія преступленія могутъ имѣть свою катастрофу. Предположенное преступленіе кончается преступленіемъ исполненнымъ. Простыя тѣлесныя обиды имѣютъ естественнымъ предѣломъ неисправимыя тѣлесныя обиды и убійство. Если дѣло идетъ о преступномъ лишеніи человѣка свободы, то нѣтъ преступленія, котораго бы оно не могло имѣть своей цѣлью: разорвать непріятную супружескую связь, выполнить планъ обольщенія, устранить свидѣтельство, вынудить тайну, воспрепятствовать требованію имѣнія, получить для покушенія вынужденную помощь;—однимъ словомъ, лишеніе свободы всегда должно имѣть какую-нибудь особенную катастрофу, смотря по плану преступника.

Въ теченіе преступнаго предпріятія какъ цѣль, такъ и средства могутъ измѣниться. Захваченный воръ, изъ страха наказанія или изъ досады потерять плодъ своего преступленія, можетъ сдѣлаться убійцей.

Предусмотрительность судьи должна въ каждомъ случаѣ представить вѣроятную катастрофу начатаго преступленія, чтобы предупредить его быстрымъ и хорошо направленнымъ вмѣшательствомъ. Чтобы опредѣлить наказаніе для преступленія, онъ долженъ смотрѣть на намѣренія виновнаго; чтобы примѣнить средства предупрежденія и прекращенія, онъ долженъ смотрѣть на всѣ возможныя послѣдствія, какъ предположенныя, такъ оставленныя безъ вниманія и непредвидѣнныя.

ГЛАВА IV.

Средства прекращенія для хроническихъ преступленій.

Разные виды хроническихъ преступленій требуютъ различныхъ способовъ прекращенія. Эти средства прекращенія суть тѣ же предупредительныя средства, которыя мы перечислили. Разница между ними состоитъ только во времени и въ примѣненіи.

Есть случаи, гдѣ предупредительное средство такъ очевидно соотвѣтствуетъ свойству преступленія, что едвали нужно его указывать. Понятно само собой, что преступное лишеніе свободы требуетъ освобожденія, что кража требуетъ возвращенія самой вещи. Единственная трудность состоитъ въ томъ, чтобы знать, гдѣ находится задержанное лицо или вещь.

Другія преступленія, какъ напримѣръ мятежныя сборища и нѣкоторыя отрицательныя преступленія, особенно неплатежъ долговъ, требуютъ для своего прекращенія болѣе изысканныхъ средствъ. Мы будемъ имѣть случай разсмотрѣть ихъ въ своемъ мѣстѣ.

Зло опасныхъ сочиненій прекращать весьма трудно. Они скрываются, они воспроизводятся, они возрождаются еще съ большей силой послѣ самыхъ торжественныхъ проскрипцій. Говоря о непрямыхъ средствахъ, мы увидимъ, что можетъ быть всего дѣйствительнѣе имъ противопоставлено.

Въ употребленіи средствъ прекращенія оффиціальнымъ чиновникамъ надо предоставить больше простора, чѣмъ въ употребленіи средствъ предупредительныхъ. Причина этого очень проста. Если идетъ дѣло о прекращеніи преступленія, то уже есть преступленіе доказанное, и слѣ-

довательно есть установленное наказаніе. Средство, принимаемое для прекращенія его, не будетъ черезъ мѣру сильно, если оно не выйдётъ изъ границъ того, что было бы нужно сдѣлать для наказанія. Если идетъ дѣло только о предупрежденіи преступленія, то здѣсь должна быть употреблена всевозможная осмотрительность: быть можетъ, такое преступленіе не приготовляется вовсе; быть можетъ, мы ошибаемся относительно лица, которому оно приписывается; быть можетъ, наконецъ, что подозрѣваемое лицо дѣйствуетъ съ благими намѣреніями, или что вмѣсто того, чтобы сдѣлаться виновнымъ, оно остановится само. Всѣ эти можетъ быть требуютъ тѣмъ больше мягкаго и осмотрительнаго образа дѣйствій, чѣмъ больше проблематично подозрѣваемое преступленіе.

Особенныя средства для предупрежденія или прекращенія незаконнаго задержанія и высылки.

Эти средства можно свести къ слѣдующимъ предосторожностямъ:

1. Имѣть списокъ домовъ всякаго рода, гдѣ держатъ людей противъ ихъ воли, тюремъ, домовъ для умалишенныхъ и для идіотовъ, частныхъ заведеній, въ которыхъ содержатся больные этого разряда.

2. Имѣть другой списокъ, представляющій причины задержанія каждаго заключеннаго, и не дозволять заключенія умалишеннаго иначе, какъ послѣ юридической консультаціи медиковъ, ими подписанной. Эти списки, находящіеся въ трибуналахъ каждаго округа, должны бы быть выставлены для публики или по крайней мѣрѣ доступны для справокъ всякому желающему.

3. Принять извѣстный условный сигналъ, который бы сколько возможно былъ въ распоряженіи похищаемаго лица съ тѣмъ, чтобы дать проходящимъ право останавливать похитителей, сопровождать ихъ, если они скажутъ, что хотятъ вести своего плѣнника къ судьямъ, или вести къ судьямъ ихъ самихъ, еслибы ихъ намѣренія были иныя.

4. Признать за каждымъ право получать содѣйствіе власти, чтобы войти въ домъ, гдѣ, по его подозрѣніямъ, заключено противъ воли отыскиваемое имъ лицо.

ГЛАВА V.

Замѣчаніе о военномъ законѣ.

Въ Англіи, въ случаѣ бурныхъ сборищъ, власти не начинаютъ съ убійства военными средствами; наказанію предшествуетъ предостереженіе;

провозглашается военный законъ, и солдатъ можетъ дѣйствовать только послѣ того, какъ говорилъ оффиціальный чиновникъ.

Намѣреніе этого закона превосходное, но соотвѣтствуетъ ли ему исполненіе? Чиновникъ долженъ отправиться въ средину шумной толпы; онъ долженъ произнести длинную и монотонную формулу, которой толпа не разберетъ; и бѣда тѣмъ, кто часъ спустя останется на мѣстѣ! они объявляются уголовными преступниками. Этотъ статутъ, опасный для невинныхъ, трудно выполнимый противъ виновныхъ, представляетъ собой соединеніе слабости и насилія.

Въ эту минуту безпорядка, оффиціальное лицо должно бы возвѣщать о своемъ присутствіи какимъ-нибудь необыкновеннымъ знакомъ. Красное знамя, столь знаменитое во французской революціи, сильно дѣйствовало на воображеніе. Среди шумныхъ криковъ, средствъ языка мало. У толпы остаются только глаза; слѣдовательно, надо говорить глазамъ. Рѣчь предполагаетъ вниманіе и тишину; а знаки, видимые для глазъ, имѣютъ дѣйствіе быстрое и могущественное. Они говорятъ все вдругъ: они имѣютъ только одинъ смыслъ, который не можетъ быть обоюднымъ, и намѣренный шумъ, нарочно поднимаемый крикъ не можетъ помѣшать ихъ дѣйствію.

Притомъ, слово теряетъ свое вліяніе отъ множества непредвидимыхъ обстоятельствъ. Если оратора ненавидятъ, языкъ правосудія становится ненавистнымъ въ его устахъ. Если въ его внѣшности, манерѣ держаться и говорить есть что нибудь смѣшное, это смѣшное распространяется на его должностную обязанность и роняетъ ее. Это новый резонъ говорить глазамъ извѣстными символами, которые не подвержены такимъ капризнымъ случайностямъ.

Но такъ какъ можетъ быть необходимо прибавить къ знакамъ и слово, то существеннымъ добавленіемъ можетъ служить труба. Самая оригинальность этого инструмента придастъ повелѣніямъ правосудія больше блеска и достоинства, удалитъ всякую идею фамильярнаго разговора, произведетъ тѣмъ больше впечатлѣнія, что здѣсь явится уже не простой человѣкъ, но привиллегированный исполнитель правосудія, вѣстникъ закона.

Этотъ способъ давать слышать себя издалека уже издавна употребляется во флотѣ. Тамъ, разстояніе, шумъ вѣтра и волнъ всего скорѣе дали почувствовать недостаточность голоса. Поэты часто сравнивали волнующійся народъ съ бушующимъ моремъ. Останется ли эта аналогія только въ поэтической картинѣ? Она имѣла бы совершенно иную важность въ рукахъ правосудія.

Пусть приказанія будутъ немногословны. Ничего похожаго на обык-

новенную рѣчь или разсужденіе. Не нужно de par le roi; надо говорить во имя правосудія. Глава государства можетъ быть нелюбимъ, справедливо или несправедливо: эта нелюбовь можетъ быть причиной волненія. Пробудить идею объ немъ значило бы въ такомъ случаѣ скорѣе воспламенить страсти, чѣмъ потушить ихъ. Если же онъ не нелюбимъ, это можетъ навлечь ему нелюбовь. Всякая милость, все, что носитъ чистый характеръ благосклонности, должно быть представлено какъ личное дѣло отца народовъ. Всякая строгость, всѣ акты суроваго благотворенія не должны быть приписываемы никому. Скрывайте старательно дѣйствующую руку. Припишите эти акты какому-нибудь разумному понятію, какой-нибудь живой отвлеченности: таково правосудіе, дитя необходимости и источникъ мира, котораго люди должны бояться, но котораго они не должны бы ненавидѣть и которое должно всегда имѣть отъ нихъ первыя изъявленія уваженія и покорности.

ГЛАВА VI.

Свойства удовлетворенія.

Что такое удовлетвореніе?—Благо, полученное во вниманіе къ понесенной потерѣ. *Если дѣло идетъ о преступленіи,* удовлетвореніе есть равноцѣнность, данная потерпѣвшей сторонѣ за понесенную потерю.

Удовлетвореніе будетъ полное, если въ двухъ суммахъ—понесеннаго зла и даваемаго блага—цѣнность второй кажется равна цѣнности первой: такъ что, еслибы обида и вознагражденіе могли повториться, событіе показалось бы терпящей сторонѣ индифферентнымъ. Если цѣнность блага не вполнѣ равняется цѣнности зла, удовлетвореніе бываетъ только неполное и несовершенное.

Удовлетвореніе имѣетъ двѣ стороны, или двѣ вѣтви, прошедшее и будущее. Удовлетвореніе за прошедшее есть то, что называется вознагражденіемъ (*dédommagement*). Удовлетвореніе за будущее состоитъ въ прекращеніи зла преступленія. Если зло прекращается само собой, дѣло правосудія исполнила природа и трибуналамъ здѣсь уже нечего дѣлать.

Если украдена извѣстная сумма денегъ, то съ того момента, когда она возвращается собственнику, удовлетвореніе за будущее бываетъ полнымъ. Остается удовлетворить собственника за прошедшее, за временную потерю, понесенную въ продолженіе времени преступленія.

Но если вещь испорчена или уничтожена, то удовлетвореніе за бу-

дущее произойдетъ только тогда, когда потерпѣвшей сторонѣ дана будетъ вещь подобная или равноцѣнная. Удовлетвореніе за прошедшее состоитъ въ томъ, чтобы вознаградить потерпѣвшую сторону за временное лишеніе вещи.

ГЛАВА VII.

Причины, на которыхъ основывается обязанность удовлетворенія.

Удовлетвореніе необходимо для того, чтобы прекратить зло перваго порядка, чтобы возстановить вещи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были до преступленія, чтобы возвратить потерпѣвшаго человѣка въ то законное положеніе, въ которомъ бы онъ былъ, еслибы законъ не былъ нарушенъ.

Удовлетвореніе еще болѣе необходимо для того, чтобы прекратить зло втораго порядка. Для этой цѣли недостаточно было бы одного наказанія. Конечно, наказаніе стремится уменьшить число людей преступающихъ законъ, но это число, хотя и уменьшенное, не можетъ считаться уничтоженнымъ. Примѣры совершенныхъ преступленій, болѣе или менѣе публичныхъ, возбуждаютъ больше или меньше опасеній. Всякій наблюдающій видитъ здѣсь шансъ понести ущербъ и въ свою очередь. Если мы хотимъ уничтожить это чувство страха, надобно, чтобы за преступленіемъ также постоянно, какъ наказаніе, слѣдовало и удовлетвореніе. Еслибы за ними слѣдовало только наказаніе, безъ удовлетворенія, то всякое новое наказаніе виновнаго было бы новымъ доказательствомъ, что наказаніе недѣйствительно: слѣдовательно, оно приносило бы и новую тревогу для общества.

Но замѣтимъ здѣсь существенно важное обстоятельство. Чтобы уничтожить тревогу, достаточно, чтобы удовлетвореніе было полнымъ въ глазахъ постороннихъ наблюдателей, хотя бы даже оно и не казалось такимъ для лицъ заинтересованныхъ. Какъ судить о томъ, вполнѣ ли удовлетвореніе достаточно для того, кто его получаетъ? Въ рукахъ страсти вѣсы всегда будутъ склоняться на сторону интереса. Скупому человѣку всегда кажется, что ему дали мало. Мстительному человѣку всегда кажется, что униженіе его противниковъ не довольно велико. Поэтому, надо предположить наблюдателя безпристрастнаго и считать достаточнымъ то удовлетвореніе, о которомъ бы онъ подумалъ, что за эту цѣну онъ пожалуй согласился бы подвергнуться такому злу.

ГЛАВА VIII.

О разныхъ родахъ удовлетворенія.

Ихъ можно различить шесть:

1. *Удовлетвореніе денежное.* Порука большей части удовольствій, деньги составляютъ дѣйствительное вознагражденіе за много золъ. Но обидчикъ не всегда въ состояніи доставить ихъ, и обиженному не всегда прилично брать ихъ. Предложить человѣку, честь котораго оскорблена, продажную цѣну оскорбленія значитъ нанести ему новую обиду.

2. *Возвращеніе натурой.* Это удовлетвореніе состоитъ или въ возвращеніи самой похищенной вещи, или въ отдачѣ вещи, подобной или равноцѣнной тому, что̀ было похищено или уничтожено.

3. *Удовлетвореніе посредствомъ засвидѣтельствованія.* Если зло происходитъ отъ лжи, отъ несправедливаго мнѣнія о фактѣ, то удовлетвореніе совершается легальнымъ засвидѣтельствованіемъ истины.

4. *Удовлетвореніе почетное.* Дѣйствіе, имѣющее цѣлью или поддержать, или возстановить въ пользу индивидуума ту долю его чести, которую онъ потерялъ или рисковалъ потерять вслѣдствіе преступленія, котораго онъ былъ предметомъ.

5. *Удовлетвореніе мстительное.* Все то, что̀ составляетъ очевидное наказаніе для преступника, доставляетъ потерпѣвшей сторонѣ удовольствіе мщенія.

6. *Удовлетвореніе подставное*, или удовлетвореніе, лежащее на третьемъ лицѣ, когда лицо, не совершавшее преступленія, оказывается отвѣтственнымъ въ своемъ имуществѣ за того, кто совершилъ его.

Чтобъ опредѣлить выборъ того или другаго удовлетворенія, надо принять въ соображеніе три вещи: легкость доставить его, свойство зла, которое нужно вознаградить, и чувства, какія надо предположить въ потерпѣвшей сторонѣ. Вскорѣ мы будемъ подробнѣе говорить объ этихъ предметахъ.

ГЛАВА IX.

О количествѣ доставляемаго удовлетворенія.

Насколько удовлетвореніе остается неполнымъ, настолько зло остается неисправленнымъ.

То, что̀ надо принимать въ соображеніе для предупрежденія этого дефицита въ удовлетвореніи, можетъ быть сведено къ двумъ правиламъ.

Первое правило. Надо прослѣдить зло отъ преступленія во всѣхъ его частяхъ, во всѣхъ его послѣдствіяхъ, чтобы соразмѣрить съ нимъ удовлетвореніе.

Если дѣло идетъ о неисправимыхъ тѣлесныхъ оскорбленіяхъ, надо принять въ соображеніе двѣ вещи: отнятое навсегда средство наслажденія и отнятое средство существованія. Здѣсь не можетъ быть удовлетворенія того же рода, но къ этому злу надо прилагать постоянное періодическое вознагражденіе.

Если дѣло идетъ объ убійствѣ, надо принять во вниманіе потерю наслѣдниковъ покойнаго и вознаградить ее удовлетвореніемъ, уплачиваемымъ заразъ или періодически, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Если идетъ дѣло о преступленіи противъ собственности, мы увидимъ, говоря о денежномъ удовлетвореніи, что̀ надо принять въ соображеніе для того, чтобы поднять вознагражденіе до уровня потери.

Второе правило. Въ случаѣ сомнѣній, надо склонять вѣсы скорѣе въ пользу потерпѣвшаго обиду, чѣмъ въ пользу того, кто нанесъ ее.

Всѣ случайности должны падать на правонарушителя. Всякое удовлетвореніе должно быть скорѣе слишкомъ обильнымъ, чѣмъ недостаточнымъ. При слишкомъ большомъ удовлетвореніи излишекъ будетъ служить только къ предупрежденію подобныхъ преступленій, въ качествѣ наказанія: при недостаточности—дефицитъ всегда оставляетъ извѣстную степень тревоги; и въ преступленіяхъ вражды все неудовлетворенное зло есть предметъ торжества для преступника.

Законы вездѣ очень несовершенны относительно этого предмета. Со стороны наказанія, мало опасались излишества; со стороны удовлетворенія, мало тревожились дефицитомъ. Наказаніе,—зло, которое дальше необходимой мѣры становится прямо вредно,—раздается самой щедрой рукой. Удовлетвореніе, которое все превращается въ благо, давалось слишкомъ скупо.

ГЛАВА X.

О несомнѣнности удовлетворенія.

Несомнѣнность удовлетворенія есть существенная вѣтвь безопасности: насколько уменьшается она, настолько же уменьшается безопасность.

Что подумать о тѣхъ законахъ, которые къ естественнымъ причинамъ сомнительности прибавляютъ еще искусственныя и добровольныя?

Для противодѣйствія этому недостатку мы постановимъ два слѣдующія правила.

1. Обязанность удовлетворить не должна прекращаться со смертью потерпѣвшей стороны. — То, что̀ надо было получить покойному, должны получить его наслѣдники.

Поставить право получить удовлетвореніе въ зависимость отъ жизни потерпѣвшей стороны значило бы отнять у этого права часть его цѣны: это было бы точно тоже, что измѣнить постоянную ренту на ренту пожизненную. До пользованія этимъ правомъ люди достигаютъ только процедурой, которая можетъ длиться очень долго. Если идетъ дѣло о человѣкѣ старомъ или слабомъ, цѣнность его права подвергается той же опасности какъ онъ самъ: если дѣло идетъ объ умирающемъ, его право не сто́итъ уже ровно ничего.

Притомъ, если вы на какую-нибудь долю уменьшаете несомнѣнность удовлетворенія, вы увеличиваете въ правонарушителѣ надежду на безнаказанность. Вы показываете ему въ перспективѣ время, когда ему можно будетъ воспользоваться плодомъ своего преступленія. Вы даете ему мотивъ замедлить тысячью проволочекъ рѣшеніе трибуналовъ или даже ускорить смерть терпящей стороны. Или по крайней мѣрѣ вы ставите внѣ покровительства закона людей, которые всего больше нуждаются въ этомъ покровительствѣ,—людей больныхъ и умирающихъ.

Правда, что если предположить, что обязанность удовлетворенія прекращается со смертью потерпѣвшей стороны, то преступникъ могъ бы быть подвергнутъ другому наказанію: но какое другое наказаніе можетъ быть приличнѣе этого?

2. Право терпящей стороны не должно прекращаться за смертью преступника или виновника ущерба. — То, что̀ онъ былъ бы обязанъ доставить въ смыслѣ удовлетворенія, должно быть доставлено его наслѣдниками.

Сдѣлать иначе значило бы опять уменьшить цѣнность права и поощрить преступленіе. Нерѣдко случается, что человѣкъ, предвидя близкую смерть, совершаетъ несправедливость безъ всякой другой цѣли кромѣ того, чтобы доставить богатство своимъ дѣтямъ.

На это могутъ сказать, что удовлетворять потерпѣвшую сторону по смерти преступника значитъ наложить равное страданіе на его наслѣдниковъ: но здѣсь есть большая разница. Ожиданіе потерпѣвшей стороны есть ожиданіе ясное, точное, опредѣленное, твердое соразмѣрно съ ея увѣренностью въ покровительствѣ законовъ. Ожиданіе наслѣдника есть только неопредѣленная надежда. Что составляетъ ея предметъ? Все ли наслѣдство? Нѣтъ: это—только неизвѣстная чистая прибыль,

послѣ всѣхъ законныхъ вычетовъ. Что покойный могъ бы растратить на удовольствія, онъ растратилъ на несправедливость.

ГЛАВА XI.

О денежномъ удовлетвореніи.

Бываютъ случаи, гдѣ денежное удовлетвореніе требуется самымъ свойствомъ преступленія: есть другіе случаи, гдѣ обстоятельства позволяютъ именно только это одно удовлетвореніе.

Его надо употреблять предпочтительно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно обѣщаетъ произвести всего больше своего дѣйствія.

Денежное удовлетвореніе бываетъ всего приличнѣе тамъ, гдѣ ущербъ, понесенный терпящей стороной, и выгода, полученная преступникомъ, бываютъ одинаково денежнаго свойства, какъ напримѣръ въ кражѣ и въ расхищеніи. Средство и зло бываютъ однородны, вознагражденіе можетъ быть вѣрно разсчитано по потерѣ, и наказаніе по прибыли отъ преступленія.

Этотъ родъ удовлетворенія имѣетъ за себя меньше основаній тогда, когда съ одной стороны бываетъ денежная потеря, а съ другой не бываетъ денежной прибыли: какъ напримѣръ въ порчахъ, производимыхъ изъ вражды, по небрежности или по случайности.

Онъ имѣетъ еще меньше основаній тамъ, гдѣ нельзя оцѣнить на деньги ни зла терпящей стороны, ни выгоды виновника преступленія, какъ напримѣръ въ оскорбленіяхъ чести.

Чѣмъ больше средство удовлетворенія оказывается несоизмѣримо съ ущербомъ, чѣмъ больше средство наказанія оказывается несоизмѣримо съ выгодой преступленія, тѣмъ больше каждое изъ нихъ рискуетъ не достигнуть своей цѣли.

Древній римскій законъ, обезпечивавшій за полученную пощечину вознагражденіе цѣной въ одинъ экю, не давалъ безопасности для чести. Такъ какъ вознагражденіе не имѣло общей мѣры съ оскорбленіемъ, то дѣйствіе его было сомнительно и въ смыслѣ удовлетворенія, и въ смыслѣ наказанія.

Въ Англіи еще сохранился законъ, настоящій остатокъ варварскихъ временъ. Manent vestigia ruris. Дочь считается служанкой отца: если кто-нибудь ее обольститъ, то отецъ не можетъ получить другаго удовлетворенія кромѣ денежной суммы, представляющей цѣну тѣхъ домашнихъ услугъ, которыхъ онъ предполагается лишеннымъ вслѣдствіе беременности его дочери.

Въ оскорбленіяхъ противъ лица денежное вознагражденіе можетъ быть прилично или нѣтъ, смотря по богатству той и другой стороны.

Установляя денежное удовлетвореніе, не надобно забывать двухъ вѣтвей, прошедшаго и будущаго: удовлетвореніе за будущее состоитъ просто въ прекращеніи зла преступленія; удовлетвореніе за прошедшее состоитъ въ вознагражденіи понесеннаго ущерба. Заплатить должную сумму значитъ удовлетворить за будущее; заплатить накопившіеся на эту сумму проценты значитъ удовлетворить за прошедшее.

Проценты должны идти съ той минуты, когда произошло зло, о вознагражденіи котораго идетъ рѣчь, — напримѣръ съ той минуты, когда замедлилась должная уплата, — когда вещь была взята, уничтожена или повреждена, — когда должная услуга не была оказана.

Эти проценты, уплачиваемые въ смыслѣ удовлетворенія, должны быть выше обыкновенной таксы въ свободной торговлѣ; по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ можно подозрѣвать злонамѣренность.

Этотъ излишекъ совершенно необходимъ: еслибы процентъ только равнялся обыкновенной таксѣ, то были бы случаи, гдѣ удовлетвореніе было бы неполно, и другіе случаи, гдѣ оставалась бы прибыль для преступника,—именно, денежная прибыль, если онъ хотѣлъ устроить себѣ насильственный заемъ съ обыкновеннымъ размѣромъ процента; или же, удовольствіе мщенія или вражды, если онъ хотѣлъ поставить терпящую сторону въ положеніе бѣдности и воспользоваться ея бѣдствіемъ.

По той же причинѣ, надо считать сложные проценты; т. е. чтобы проценты каждый разъ прибавлялись къ капиталу, когда бы дѣлалась каждая уплата процентовъ, по обычаю свободнаго займа. Потому что капиталистъ, при каждомъ полученіи, могъ бы превращать свой процентъ въ капиталъ или извлекать изъ него равноцѣнную выгоду. Если вы оставите эту часть ущерба безъ вознагражденія, то на сторонѣ собственника была бы потеря, а на сторонѣ преступника прибыль.

Когда преступниковъ нѣсколько, то издержки удовлетворенія должны быть распредѣляемы между ними пропорціонально ихъ богатству,—кромѣ того только, что это распредѣленіе должно видоизмѣняться по разнымъ степенямъ ихъ преступленія. Въ самомъ дѣлѣ, эта обязанность дать удовлетвореніе есть наказаніе, и это наказаніе было бы крайне неравномѣрно, еслибы соучастники одного преступленія, неравные по своему богатству были уравнены въ уплатѣ.

ГЛАВА XII.

О возвращеніи натурой.

Возвращеніе натурой, т. е. возвращеніе самой вещи, относится главнымъ образомъ къ вещамъ, получающимъ цѣну отъ чувства привязанности [1]).

Но оно должно относиться ко всему. Законъ долженъ обезпечивать мнѣ все, что мое, не вынуждая меня принимать взамѣнъ моихъ вещей другія равноцѣнныя вещи, которыя даже и теряютъ эту равноцѣнность, если только они мнѣ не нравятся. Безъ возвращенія натурой безопасность не бываетъ полна. Можно ли быть въ безопасности за все, когда нельзя быть безопаснымъ ни за какую часть?

Вещь, взятая съ хорошимъ или дурнымъ умысломъ, можетъ быть пріобрѣтена человѣкомъ, который владѣетъ ею добросовѣстно. Должно ли отдать ее первому собственнику? Должно ли сохранить ее второму? Правило на этотъ счетъ просто. Вещь должна оставаться за тѣмъ, у кого можно предположить къ ней наибольшую привязанность. А эту высшую степень привязанности можно легко угадывать по отношеніямъ къ этой вещи, по времени, въ теченіе котораго она была во владѣніи, по услугамъ, какія изъ нея извлекались, по заботамъ и издержкамъ, которыхъ она стоила. Эти указанія соединятся вообще въ пользу настоящаго первоначальнаго владѣльца [2]).

Ему же надобно отдавать предпочтеніе и въ случаяхъ сомнительныхъ. Вотъ почему: 1) Позднѣйшій собственникъ могъ быть соучастникомъ, хоть и невозможно было найти доказательствъ этого соучастія. Это подозрѣніе можетъ быть несправедливо; но такъ какъ оно создается закономъ, а не человѣкомъ, и относится къ роду, а не къ

[1]) Таковы вообще домашнія вещи: семейные предметы, портреты, вещи, сдѣланныя любимыми особами, домашнія животныя, древности, рѣдкости, картины, рукописи, музыкальные инструменты, наконецъ все, что въ своемъ родѣ единственно или кажется единственнымъ. Д.

[2]) Если рѣчь идетъ о вещи или животномъ, которыя воспроизводятъ, то надо такимъ же образомъ опредѣлить, на которой сторонѣ должна находиться бо̀льшая привязанность относительно плода и произведенія, какъ напр. вино изъ особаго винограда, жеребенокъ отъ любимой лошади и т. п. Но въ этомъ случаѣ притязанія прежняго владѣльца могутъ и не имѣть столько силы, какъ въ первомъ случаѣ. Позднѣйшій пріобрѣтатель есть только второй собственникъ для вещи или животнаго, которыя производятъ, но есть первый собственникъ для самыхъ произведеній. Д.

индивидууму, то оно нисколько не вредитъ чести человѣка. 2) Если пріобрѣтатель не есть соучастникъ, онъ можетъ быть виновенъ въ небрежности или легкомысліи, или потому, что не принялъ обыкновенныхъ предосторожностей для удостовѣренія въ правахъ продавца на вещь, или потому, что повѣрилъ слишкомъ легкимъ и ненадежнымъ показаніямъ. 3) Если дѣло идетъ о важныхъ преступленіяхъ, какъ напр. разбой, то важно дать предпочтеніе первоначальному владѣльцу, чтобы усилить мотивы, возбуждающіе его къ преслѣдованію преступленія. 4) Если принципомъ похищенія была злоба, то оставить вещь во владѣніи кого бы то ни было, кромѣ ограбленнаго владѣльца, значило бы оставить за преступникомъ прибыль его преступленія.

Покупка по низкой цѣнѣ всегда должна сопровождаться возвращеніемъ, съ уплатой полученныхъ за вещь денегъ. Это обстоятельство, если оно не доказываетъ соучастія, есть по крайней мѣрѣ сильный поводъ къ предположенію злонамѣренности. Покупщикъ не могъ скрывать отъ себя вѣроятности преступленія со стороны продавца; потому что низкая цѣна краденой вещи происходитъ отъ опасности вынести ее на открытый рынокъ.

Когда пріобрѣтатель, считаемый невиннымъ, вынужденъ, вслѣдствіе злонамѣренности продавца, возвратить вещь первоначальному владѣльцу, то за это возвращеніе онъ долженъ получить равноцѣнную денежную сумму, опредѣленную судьей.

Простыя издержки сохраненія вещи, а въ особенности улучшенія и особенные расходы, должны быть безспорно выплачены позднѣйшему пріобрѣтателю. Это есть не только средство содѣйствовать общему богатству, но и интересъ самого первоначальнаго владѣльца, хотя это вознагражденіе и уплачивается на его счетъ. Смотря по тому, уплачиваетъ ли человѣкъ это вознагражденіе или отказываетъ въ немъ, онъ содѣйствуетъ или мѣшаетъ поправленію дѣла [1]).

Ни первоначальный владѣлецъ, ни позднѣйшій пріобрѣтатель не

[1]) Былъ ли пріобрѣтатель добросовѣстный или недобросовѣстный, все равно. Не для него, а для тебя, настоящій владѣлецъ, надобно дать ему интересъ заботиться о вещи, попавшей ему во владѣніе. Если онъ извлечетъ прибыль изъ всего, что онъ сдѣлалъ хорошаго, то это совершенно благоразумно. Можно было бы назначить наказаніе за упущенія, которыя могли бы повредить вещи, но ее лучше можно сохранить, если предложить вознагражденіе за заботы о ея сохраненіи. Есть много случаевъ, гдѣ было бы трудно констатировать преступленіе небрежности; и притомъ, когда вознагражденіе находитъ свое естественное мѣсто и не представляетъ опасности, вознагражденіе и наказаніе вмѣстѣ лучше одного наказанія. Д.

должны получать прибыли одинъ насчетъ другаго: теряющій долженъ искать себѣ вознагражденія сначала на преступникѣ, а потомъ на вспомогательномъ фондѣ, о которомъ будетъ сказано дальше [1]).

Когда возвращеніе самой вещи невозможно, его нужно замѣнить, насколько возможно, возвращеніемъ подобной вещи. Вообразимъ, напримѣръ, двѣ рѣдкія медали одного чекана: владѣлецъ одной, захвативъ другую, испортилъ или потерялъ ее, или по небрежности или съ намѣреніемъ. Самое лучшее удовлетвореніе въ этомъ случаѣ есть передать принадлежащую ему другую медаль потерпѣвшей сторонѣ.

Денежное удовлетвореніе въ преступленіяхъ этого рода можетъ оказываться недостаточнымъ или даже невозможнымъ. Цѣнность предмета привязанности рѣдко можетъ быть опредѣлена посторонцимъ лицомъ. Надобно много просвѣщенной благосклонности и особенной философіи, чтобы сочувствовать вкусамъ, которыхъ нѣтъ у насъ самихъ. Голландскій цвѣточникъ, платящій на вѣсъ золота за тюльпанную луковицу, смѣется надъ антикваріемъ, покупающимъ за большія деньги заржавленную лампу [2]).

Законодатели и судьи слишкомъ часто думали такъ же, какъ толпа: они приложили грубыя правила къ тому, что требовало внимательнаго

[1]) Я лишаюсь лошади, стоющей тридцать фунтовъ стерл., вы покупаете ее у человѣка, выдающаго ее за свою, за десять фунтовъ. Въ силу этого правила вы должны будете уступить ее мнѣ, получивъ отъ меня то, что вы за нее дали. Я — теряющій: мнѣ остается требовать отъ продавца двадцать фунтовъ, а за его отсутствіемъ я обращаюсь къ казнѣ. Но еслибы лошадь была присуждена не мнѣ, а вамъ (что было бы разсудительно въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, напр. въ случаѣ болѣзни, гдѣ вы къ ней привыкли), тогда вы должны выплатить мнѣ всю ея цѣнность; иначе, меня заставили бы нести потерю, для того, чтобы доставить вамъ прибыль. Но въ такомъ случаѣ вы должны искать на собственности преступника или, за его отсутствіемъ, на казнѣ. Д.

[2]) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ канарейка подала поводъ къ процессу предъ какимъ-то французскимъ парламентомъ. Журналистъ, отдававшій о немъ отчетъ, подшучивалъ надъ обѣими сторонами и считалъ дѣло очень смѣшнымъ. Я не раздѣляю его мнѣнія. Развѣ не воображеніе даетъ цѣну предметамъ, которые мы считаемъ самыми драгоцѣнными? Законы, сдѣланные единственно для удовлетворенія общимъ чувствамъ людей, могутъ ли не обращать вниманія на все то, что составляетъ ихъ счастіе? Не должны ли законы знать ту чувствительность, какая привлекаетъ насъ къ существамъ, которыя нами воспитаны, намъ близки и которыхъ всѣ привязанности принадлежатъ намъ? Этотъ процессъ, столь пустой въ глазахъ журналиста, былъ очень серьёзный, потому что одна изъ сторонъ пожертвовала здѣсь не только деньгами, но своей честностью и именемъ. Можно ли считать бездѣлицей вещь, оцѣненную такой высокой цѣной? Д.

разсмотрѣнія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ предложить денежное вознагражденіе значитъ не удовлетворить, а нанести обиду. Возьметъ ли человѣкъ деньги за любимый портретъ, похищенный соперникомъ?

Простое возвращеніе натурой оставляетъ въ удовлетвореніи дефицитъ, соразмѣрный съ цѣнностью пользованія, потеряннаго въ продолженіе преступленія. Какъ опредѣлить эту цѣнность? Мы увидимъ это на примѣрѣ. Незаконнымъ образомъ была похищена статуя. Эта статуя, по оцѣнкѣ экспертовъ, дала бы на аукціонѣ сто фунтовъ стерл. Между похищеніемъ и возвращеніемъ прошелъ годъ: процентъ на деньги есть пять; поставьте въ счетъ удовлетворенія за прошедшее обыкновенный процентъ, пять фунтовъ; затѣмъ процентъ въ счетъ наказанія, положимъ, два съ половиной; итого, семь съ половиной фунтовъ.

При вычисленіи процента, не надо упускать изъ виду порчи, или случайной, или необходимой, какую потерпитъ вещь въ промежуткѣ между совершеніемъ преступленія и возвращеніемъ. Статуя не подвергнется никакой порчѣ, по крайней мѣрѣ необходимой; но лошадь въ ту же цѣну необходимо упала бы въ цѣнѣ. Собраніе таблицъ естественной порчи, годъ за годъ, по свойствамъ каждой вещи, есть одна изъ статей, необходимыхъ для библіотеки правосудія.

ГЛАВА XIII.

Объ удовлетвореніи посредствомъ свидѣтельства.

Это удовлетвореніе прилагается въ особенности къ преступленіямъ обмана, откуда является неблагопріятное мнѣніе о человѣкѣ, хотя и нельзя въ точности опредѣлить значенія, объема и даже существованія его вліянія. Пока заблужденіе существуетъ, оно представляетъ постоянный источникъ дѣйствительнаго или вѣроятнаго зла: остановить его можно только однимъ средствомъ — выставить противоположную ему истину.

Здѣсь находитъ свое естественное мѣсто перечисленіе главныхъ преступленій обмана:

1. Простой умственный вредъ, состоящій въ распространеніи ложныхъ страховъ, напримѣръ: разсказы о видѣніяхъ, привидѣніяхъ, вампирахъ, колдовствѣ, одержаніи бѣсами,—ложные слухи, способные навлечь на какого-нибудь индивидуума страхъ или печаль, ложныя извѣстія о смерти, дурномъ поведеніи близкихъ родныхъ, су-

пружескихъ невѣрностяхъ, потерѣ имущества,—ложь, способная поразить ужасомъ болѣе или менѣе многочисленный классъ людей, напр. слухи о заразѣ, непріятельскомъ нашествіи, заговорѣ, пожарѣ и т. п.

2. Преступленія противъ репутаціи, въ которыхъ можно различать нѣсколько видовъ: положительное обезславленіе (диффамація) посредствомъ разглашенія фактовъ и оскорбительныхъ памфлетовъ; повреждение репутаціи, состоящее въ томъ, чтобы ослабить то, чего нельзя нарушить, напримѣръ скрыть отъ публики обстоятельство, которое увеличило бы блескъ славнаго поступка; устраненіе доброй репутаціи, состоящее въ томъ, чтобы скрыть фактъ или дѣйствіе, приносящее честь извѣстному лицу, или отнять у него случай отличиться, выставляя его предпріятіе невозможнымъ или уже сдѣланнымъ. Узурпація репутаціи: примѣромъ ея служитъ всякій плагіатъ, у авторовъ или у художниковъ.

3. Пріобрѣтеніе обманомъ. Примѣры: ложные слухи съ цѣлью ажіотажа, ложные слухи съ цѣлью оказать вліяніе на цѣну акцій какой-нибудь компаніи.

4. Нарушеніе пользованія правами, связанными съ извѣстнымъ положеніемъ, домашнимъ или общественнымъ. Примѣръ: отрицать у настоящаго владѣльца положеніе мужа относительно извѣстной женщины, положеніе жены относительно какого-нибудь мужчины, положеніе сына относительно какого-нибудь мужчины или женщины; — ложно приписывать такое положеніе самому себѣ; — совершить такой же обманъ относительно какого-нибудь общественнаго положенія или привилегіи.

5. Помѣха въ пріобрѣтеніи. Помѣшать человѣку въ покупкѣ или продажѣ, посредствомъ ложныхъ слуховъ, оспаривающихъ цѣнность вещи или право распоряжаться ею. Помѣшать человѣку пріобрѣсти извѣстное положеніе, напр. брачное, посредствомъ ложныхъ слуховъ, заставляющихъ отложить его или совсѣмъ оставить.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ рука правосудія была бы безсильна; средства силы были бы нисколько недѣйствительны или недостаточны. Единственное дѣйствительное средство есть достовѣрное объявленіе, разрушающее ложь. Разрушать заблужденіе, заявлять истину — почтенная обязанность, достойная первыхъ трибуналовъ!

Какую форму надобно давать этому удовлетворенію посредствомъ свидѣтельства? Она можетъ быть различна, какъ всѣ средства публичности: напечатаніе и публикація рѣшенія на счетъ виновнаго; объявленія, разсылаемыя по выбору потерпѣвшей стороны; публикаціи въ газетахъ національныхъ или заграничныхъ.

Эта столь простая и полезная идея удовлетворенія взята изъ французской юриспруденціи. Если человѣкъ былъ оклеветанъ, парламенты почти всегда приказывали, чтобы судебное рѣшеніе, возстановлявшее его репутацію, печаталось и распространялось насчетъ клеветника.

Но зачѣмъ принуждали виновнаго объявлять, что онъ говорилъ ложь, и публично признавать честь потерпѣвшей стороны? Эта форма была ошибочна во многихъ отношеніяхъ: ошибочно было предписывать человѣку выраженіе извѣстныхъ чувствъ, которыя могли не быть его чувствами, и рисковать юридически принуждать ко лжи; ошибочно было также ослаблять исправленіе дѣла актомъ принужденія; потому что, что́ же наконецъ, доказываетъ вынужденное отреченіе, кромѣ слабости и страха того, кто его произноситъ?

Виновный можетъ быть органомъ своего собственнаго осужденія, если находятъ это нужнымъ для увеличенія его наказанія: но онъ можетъ быть этимъ органомъ и не нарушая самой строгой истины, если предписываемая ему формула заключаетъ въ себѣ мнѣнія правосудія, высказанныя какъ мнѣнія правосудія, а не какъ его собственныя. «Судъ рѣшилъ, что я сказалъ ложь;—судъ рѣшилъ, что я уклонился отъ правилъ чести;—судъ рѣшилъ, что мой противникъ во всемъ этомъ дѣлѣ велъ себя какъ человѣкъ честный». Вотъ все, что нужно для общества и для потерпѣвшей стороны. Это достаточно большой тріумфъ для правды и достаточно сильное униженіе для виновнаго. Что́ мы выиграемъ, если заставимъ его произнести: *«Я сказалъ ложь;—я уклонился отъ правилъ чести;—мой противникъ велъ себя какъ человѣкъ честный»*? Это заявленіе, повидимому, болѣе сильное, въ сущности гораздо слабѣе перваго. Страхъ, диктующій такія отреченія, не измѣняетъ настоящихъ чувствъ человѣка; и когда уста произносятъ ихъ передъ многочисленнымъ собраніемъ, то оно слышитъ, такъ сказать, крикъ сердца, отвергающій ихъ.

Если дѣло идетъ о фактѣ, правосудіе меньше рискуетъ ошибиться, и прямое признаніе лжи, требуемое отъ осужденной стороны, отъ ея собственнаго имени, было бы почти согласно съ внутреннимъ голосомъ ея совѣсти; но когда дѣло идетъ о мнѣніи виновнаго, то отреченіе, котораго отъ него требуютъ, почти всегда будетъ противно его внутреннему убѣжденію. Въ такихъ разбирательствахъ люди безпристрастные осудятъ его десять разъ противъ одного, гдѣ онъ осудитъ себя самъ. Если онъ достаточно спокоенъ то, чтобы предаться размышленію, передъ нимъ тріумфъ его противника, онъ самъ орудіе этого тріумфа, и раздраженіе задѣтой гордости должно увеличить предубѣжденія его ума. Онъ можетъ обманываться искренно, а вы заставляете его обви-

нять себя во лжи: вы ставите его въ тяжелое положеніе, гдѣ чѣмъ онъ честнѣе, тѣмъ больше будетъ страдать, и гдѣ онъ будетъ наказанъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше заслуживаетъ наказанія.

Сколько негодяевъ заставили, судебнымъ приговоромъ, объявлять ихъ людьми честными тѣхъ самыхъ лицъ, которые всего лучше знали противное! И что же значитъ притомъ это общее объявленіе? Изъ того, что это обвиненіе ложно или сомнительно, слѣдуетъ ли, что несправедливо и никакое другое? Изъ того, что человѣкъ несправедливо потерпѣлъ одинъ разъ, слѣдуетъ ли, что онъ не былъ виновенъ никогда? И обратите еще вниманіе на такое неудобство: если одинъ изъ такихъ патентовъ на честь дается разъ человѣку неуважаемому, то является противорѣчіе между общественнымъ мнѣніемъ и рѣшеніемъ судей: ихъ авторитетъ ослабѣваетъ, и къ нимъ уже не прибѣгаютъ за средствомъ, которое отъ дурнаго употребленія теряетъ свою силу.

Относительно обѣщаній можно быть менѣе осторожнымъ. Достаточно, если обязательство не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго чести и честности. Отъ человѣка не слѣдуетъ, напримѣръ, требовать, чтобы онъ обѣщалъ служить противъ своего отечества или противъ своей партіи; но можно требовать, чтобы онъ обѣщалъ не сражаться, потому что отъ такого обязательства съ его стороны ничего не теряетъ ни его партія, ни его отечество,—такъ какъ онъ не могъ бы имъ служить, еслибы, вмѣсто того, чтобы освободить его на честное слово, его лишили жизни или держали въ кандалахъ.

ГЛАВА XIV.

О почетномъ удовлетвореніи.

Мы видѣли сейчасъ, какъ можно исправить тѣ преступленія противъ репутаціи, которыя имѣютъ своимъ орудіемъ ложь: но есть другія болѣе опасныя орудія: вражда имѣетъ болѣе вѣрныя средства, чтобы нанести глубокій вредъ чести; она не всегда скрывается за робкую клевету; она открыто нападаетъ на противника, но нападаетъ не насильственными средствами, которыя подвергаютъ его личной опасности. Цѣль ея—унизить его. Способъ, самъ по себѣ всего менѣе болѣзненный, часто бываетъ самымъ тяжелымъ по своимъ послѣдствіямъ: дѣлая больше зла лицу, вражда сдѣлала бы меньше зла для чести. Чтобы сдѣлать человѣка предметомъ презрѣнія, не нужно возбуждать въ его пользу чувства сожалѣнія, которое произвело бы антипатію къ его

противнику. Ненависть пустила въ ходъ всевозможныя утонченности въ преступленіяхъ этого рода. Имъ надо противопоставить особенныя средства, которыя мы назвали почетнымъ удовлетвореніемъ.

Чтобы увидѣть необходимость его, надо изслѣдовать свойство и тенденцію этихъ преступленій, причины ихъ важности, средства, какія до сихъ поръ найдены противъ нихъ въ обычаѣ дуэлей, и несовершенство этихъ средствъ. Эти изслѣдованія, касающіяся самыхъ деликатныхъ вопросовъ человѣческаго сердца и почти совершенно оставленныя въ пренебреженіи людьми, писавшими законы, составляютъ первыя основанія всякаго хорошаго законодательства въ дѣлѣ чести.

Въ настоящемъ положеніи нравовъ у самыхъ цивилизованныхъ націй, обыкновенное и естественное послѣдствіе этихъ преступленій состоитъ въ томъ, что они отнимаютъ у оскорбленнаго болѣе или менѣе значительную долю его чести, т. е. что онъ уже не пользуется у подобныхъ себѣ тѣмъ же уваженіемъ, какъ прежде, что онъ потерялъ пропорціональную часть удовольствій, услугъ, хорошихъ отношеній всякаго рода, составляющихъ плодъ этого уваженія, и что онъ можетъ подвергнуться непріятнымъ слѣдствіямъ ихъ презрѣнія.

Такъ какъ, поэтому, зло, въ сущности по крайней мѣрѣ, состоитъ въ этой перемѣнѣ, происшедшей въ чувствахъ людей вообще, то этихъ людей и надо считать непосредственными виновниками этого зла. Человѣкъ, котораго считаютъ обыкновенно виновнымъ, наноситъ только легкую рану, которая скоро закроется, *будучи предоставлена самой себѣ. Но другіе люди, вливая въ нее свой ядъ*, дѣлаютъ изъ нея опасную и часто неизлечимую язву.

Съ перваго взгляда строгость общественнаго мнѣнія къ оскорбленному индивидууму кажется возмутительно несправедливой. Человѣкъ болѣе сильный или болѣе дерзкій злоупотребляетъ своимъ превосходствомъ, чтобы оскорбить извѣстнымъ образомъ человѣка, котораго должна бы защищать его слабость, — и всѣ, какъ будто машинально, вмѣсто того, чтобы почувствовать негодованіе къ оскорбителю, становятся на его сторону, и безстыдно относятся къ его жертвѣ съ сарказмами и презрѣніемъ, часто болѣе горькими чѣмъ самая смерть. По сигналу, данному неизвѣстнымъ, общество наперерывъ бросается на невиннаго, какъ злая собака, которая ждетъ только жеста своего господина, чтобы разорвать проходящаго человѣка. Такимъ образомъ злодѣй, который хочетъ предать честнаго человѣка мученіямъ позора, употребляетъ тѣхъ, кого называютъ свѣтскими людьми, честными людьми, для исполненія своей тираннической несправедливости: и такъ какъ презрѣніе, навлекаемое оскорбленіемъ, соразмѣрно съ самимъ оскорбленіемъ, то это го-

сподство дурныхъ людей тѣмъ неоспоримѣе, чѣмъ сильнѣе и хуже его злоупотребленіе.

Была ли заслужена или нѣтъ эта вопіющая обида, объ этомъ не удостоиваютъ справляться; не только торжествуетъ ея виновникъ, но всѣ наперерывъ отягчаютъ ее. Люди дѣлаютъ вопросомъ чести преслѣдовать несчастнаго; позоръ, понесенный имъ, отдѣляетъ его отъ его равныхъ и дѣлаетъ его нечистымъ въ ихъ глазахъ, какъ общественное отлученіе. Такимъ образомъ настоящее зло, безславіе, его покрывающее, есть гораздо больше дѣло другихъ людей, чѣмъ перваго оскорбителя: онъ только указалъ добычу, они разрываютъ ее; онъ повелѣваетъ казнь, они дѣлаются палачами.

Человѣкъ, напримѣръ, до того выходитъ изъ себя, что публично плюетъ въ лицо другому. Каково это зло само по себѣ? Капля воды, которая забывается сейчасъ же, когда ее обтереть; но эта капля превращается въ коррозивный ядъ, который будетъ мучить человѣка всю его жизнь. Что произвело эту метаморфозу? Общественное мнѣніе, которое раздаетъ по произволу и честь и позоръ. Жестокій противникъ очень зналъ, что эта обида будетъ предшественникомъ и символомъ цѣлаго потока презрѣнія.

Итакъ человѣкъ дикій и подлый можетъ по произволу отнимать честь у человѣка добродѣтельнаго! Онъ можетъ наполнить горемъ и непріятностями конецъ самой почтенной карьеры! Какимъ же образомъ онъ сохраняетъ эту печальную силу? Онъ сохраняетъ ее потому, что неудержимая испорченность охватила первый и чистѣйшій изъ трибуналовъ, трибуналъ популярной санкціи. Вслѣдствіе этой прискорбной измѣны его своему назначенію, всѣ граждане индивидуально зависятъ, въ дѣлѣ своей чести, отъ самаго дурнаго между ними, и коллективно находятся въ его распоряженіи для исполненія его проскрипціи противъ каждаго изъ нихъ въ частности.

Таковъ процессъ, который можно было бы начать противъ общественнаго мнѣнія, и эти обвиненія были бы не лишены основанія. Люди, вообще удивляющіеся силѣ, часто бываютъ виновны въ несправедливости къ слабымъ: но если изслѣдовать вполнѣ послѣдствія этого рода преступленій, мы найдемъ, что они производятъ зло независимо отъ мнѣнія, и что чувства публики къ обидамъ, полученнымъ и перенесеннымъ, вообще не такъ противорѣчатъ здравому смыслу, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда; я говорю вообще, потому что бываетъ много случаевъ, гдѣ общественное мнѣніе не можетъ быть оправдано ничѣмъ.

Чтобы понять все зло, могущее происходить отъ этихъ преступ-

леній, надо взять его отдѣльно отъ всѣхъ средствъ противъ него, о которыхъ мы здѣсь говоримъ; надо предположить, что ихъ нѣтъ. При этомъ предположеніи, такія, преступленія могутъ повторяться когда угодно; наглости открывается свободное поприще: лицо, оскорбленное сегодня, можетъ быть оскорблено завтра, послѣзавтра, каждый день и каждый часъ; каждое новое оскорбленіе облегчаетъ слѣдующее и дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ рядъ обидъ такого рода. А въ понятіе тѣлеснаго оскорбленія входитъ всякій актъ, каторый оскорбляетъ лицо и можетъ быть совершенъ безъ причиненія продолжительной физической боли, — все, что производитъ тяжелое чувство, безпокойство, огорченіе. Но такой актъ, который могъ бы быть едва чувствителенъ, еслибы былъ единственнымъ, повторяясь можетъ произвести весьма болѣзненную степень огорченія или даже невыносимое мученіе. Я читалъ гдѣ-то, что вода, падая съ извѣстной высоты капля по каплѣ на средину голой и обритой головы, была однимъ изъ жесточайшихъ мученій, какія только были придуманы. Gutta cavat lapidem, говоритъ латинская пословица [1]). Точно также и человѣкъ, принужденный своей относительной слабостью выносить подобныя мучительства по произволу своего преслѣдователя и лишенный, какъ мы предположили, всякаго законнаго покровительства, былъ бы приведенъ въ самое жалкое положеніе. Здѣсь достаточно оказываются съ одной стороны абсолютный деспотизмъ, съ другой полное рабство.

Но этотъ человѣкъ—рабъ не одного; онъ—рабъ всѣхъ, кому вздумается его поработить. Онъ есть игрушка перваго встрѣчнаго, который, зная его слабость, почувствуетъ охоту употребить ее во зло. Онъ дѣлается спартанскимъ илотомъ, зависящимъ отъ всѣхъ, въ вѣчномъ страхѣ и страданіи, предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ и презрѣнія, которое не смягчается даже состраданіемъ; однимъ словомъ, онъ ниже всякаго раба, потому что несчастье раба есть положеніе вынужденное, о которомъ сожалѣютъ, а его униженіе зависитъ только отъ ничтожества его характера.

[1]) Чтобы составить себѣ понятіе о мученіи, происходящемъ отъ множества и продолжительности мелкихъ досадъ, каждая въ отдѣльности почти незамѣтныхъ, стоитъ только вспомнить о продолжительномъ щекотаньѣ и тѣхъ преслѣдованіяхъ, какія такъ обыкновенны въ играхъ и ссорахъ дѣтей. Въ этомъ возрастѣ малѣйшій раздоръ ведетъ къ актамъ насилія; идея приличія еще недостаточно сильна, чтобы подавлять ихъ; но мягкость и состраданіе, свойственныя дѣтямъ, не позволяютъ заводить ихъ до опаснаго пункта, и размышленіе еще не придастъ имъ той горечи, которую люди пріобрѣтаютъ вслѣдствіе примѣси другихъ идей въ зрѣломъ возрастѣ. Д.

Эти мелкія преслѣдованія и оскорбленія имѣютъ и по другой причинѣ родъ преимущества въ тираніи, сравнительно съ рѣзкими поступками насилія. Эти акты гнѣва, которыхъ бываетъ достаточно чтобы сразу потушить вражду оскорбителя и даже чтобы произвести въ немъ скорое чувство раскаянія, эти акты показываютъ въ перспективѣ конецъ страданіямъ: но оскорбленіе унижающее и злобное, не истощая вовсе производящей его ненависти, напротивъ кажется еще больше поощряетъ ее; такъ что оно представляется воображенію предшественникомъ цѣлаго ряда обидъ, который тѣмъ больше возбуждаетъ тревоги, что онъ безконеченъ.

То, что сказано мной о тѣлесныхъ оскорбленіяхъ, можетъ быть примѣнено къ угрозамъ, потому что первыя получаютъ важность только въ качествѣ угрожающаго акта.

Обиды на словахъ вовсе не имѣютъ этого характера. Это только родъ неопредѣленной диффамаціи, употребленіе оскорбительныхъ выраженій, смыслъ которыхъ не опредѣленъ и бываетъ весьма различенъ смотря по положенію лицъ [1]. Этими обидами хотятъ показать потерпѣвшей сторонѣ, что считаютъ ее достойной общественнаго презрѣнія, не говоря на какомъ основаніи. Вѣроятное зло, могущее произойти отсюда, есть возобновленіе подобныхъ упрековъ. Можно также опасаться, чтобы выраженіе презрѣнія, сдѣланное публично, не вызвало къ такому же выраженію другихъ. Въ самомъ дѣлѣ, они охотно идутъ на этотъ вызовъ. Гордость имѣть случай осуждать другихъ, возвышаться на ихъ счетъ, увлеченіе подражаніемъ, наклонность вѣрить всѣмъ рѣзкимъ утвержденіямъ даютъ вѣсъ этого рода оскорбленіямъ. Но главнымъ образомъ тяжесть ихъ зависитъ кажется отъ забвенія, въ которомъ оставляютъ ихъ законы, и отъ обычая дуэлей, вспомогательнаго средства, которымъ популярная санкція хотѣла замѣнить молчаніе законовъ.

Неудивительно, что законодатели, опасаясь дать слишкомъ много значенія пустякамъ, оставили почти въ совершенномъ пренебреженіи эту часть безопасности. Физическое зло, довольно естественная мѣрка

[1]) Сказать кому-нибудь, что онъ негодяй, не значитъ укорять его какимъ-нибудь фактомъ въ частности, но значитъ обвинить его вообще въ такого рода поведеніи, какое укрѣпляетъ наконецъ за человѣкомъ такую репутацію. — Надобно отличать эти оскорбительныя слова отъ спеціальной диффамаціи, имѣющей свой частный предметъ. Эта послѣдняя можетъ быть опровергнута; она даетъ мѣсто для удовлетворенія посредствомъ свидѣтельства; оскорбительныя слова, будучи неопредѣленны, не даютъ этой возможности. Д.

важности преступленія, здѣсь почти не существовало; а отдаленныя послѣдствія ускользали отъ неопытности тѣхъ, кто установлялъ законы.

Дуэль являлась какъ пополненіе этого недостатка. Здѣсь не мѣсто разыскивать ея происхожденіе и изслѣдовать различныя формы и видимыя странности этого обычая [1]). Довольно того, что дуэль существуетъ, что она на дѣлѣ примѣняется въ видѣ средства и служитъ уздой тому громадному безпорядку, который безъ этого произошелъ бы отъ небрежности законовъ.

Когда этотъ обычай разъ существуетъ, вотъ его прямыя послѣдствія.

Первое слѣдствіе дуэли то, что она прекращаетъ до значительной степени зло преступленія, т. е. стыдъ, который произошелъ бы изъ оскорбленія. Оскорбленный уже не находится въ томъ жалкомъ положеніи, гдѣ его слабость подвергала его оскорбленіямъ наглеца и презрѣнію всѣхъ. Онъ освободился отъ положенія постояннаго страха. Пятно, которое положено на его честь оскорбленіемъ, смыто; и если вызовъ слѣдовалъ непосредственно за оскорбленіемъ, это пятно не оставило никакого слѣда, который еще не успѣлъ образоваться; потому что безчестно не получить оскорбленіе, а подчиниться ему.

Второе послѣдствіе дуэли то, что она дѣйствуетъ въ качествѣ наказанія и противодѣйствуетъ повторенію подобныхъ преступленій. Каждый новый примѣръ есть провозглашеніе уголовныхъ законовъ чести и напоминаетъ, что нельзя позволять себѣ оскорбительныхъ поступковъ, не подвергая себя послѣдствіямъ поединка, т. е. опасности подверг-

---

[1]) Многія обстоятельства содѣйствовали установленію дуэли въ вѣка рыцарства. Турниры, поединки, составлявшіеся изъ-за славы, предназначавшіеся для игръ, естественно приводили къ вызовамъ по дѣламъ чести. Идея особенной воли провидѣнія, происходившая отъ христіанства, приводила къ тому, что люди стали обращаться такимъ образомъ къ божественному правосудію и поручали ему рѣшеніе ссоръ.

Однакоже мы находимъ, что дуэль была установлена въ Испаніи какъ юридическое средство еще до введенія христіанства. Слѣдующее мѣсто Тита Ливія не оставляетъ объ этомъ никакого сомнѣнія: Quidam quas disputando controversias finire nequierant aut noluerant, pacto inter se, ut victorem res sequeretur ferro decreverunt. Quum verbis disceptare Scipio vellet, ac sedare iras, negatum id ambo dicere communibus cognatis, nec alium deorum hominumve, quam Martem se judicem, habituros esse» (Lib. XXVIII, § 21). Д.

Извѣстно, что поединки, какъ такаже юридическое средство, составляли вообще весьма распространенный обычай у дикихъ народовъ и задолго до христіанства (напр. у древнихъ славянъ и въ старой Руси обычай поля, особенной формы божьяго суда). (Пр. перев.).

нуться, смотря по исходу дуэли, или различнымъ степенямъ наказанія опечаливающаго (afflictive), или даже наказанію смертью, смертной казни. Такимъ образомъ мужественный человѣкъ, который, при молчаніи законовъ, подвергаетъ себя опасности чтобы наказать оскорбителя, содѣйствуетъ всеобщей безопасности, защищая свою.

Но разсматриваемая въ смыслѣ наказанія, дуэль въ высшей степени недостачочна.

1. Это такое средство, которымъ не могутъ пользоваться всѣ. Есть многочисленные классы людей, которые не могутъ пользоваться этой защитой, какъ женщины, дѣти, старики, больные и тѣ, кто за недостаткомъ мужества не рѣшается искупать стыдъ цѣною такой большой опасности. Притомъ, по этимъ страннымъ понятіямъ о чести, достойнымъ ихъ феодальнаго происхожденія, высшіе классы не признавали за низшими равенства дуэли: поселянинъ, оскорбленный дворяниномъ, не получилъ бы этого удовлетворенія. Оскорбленіе можетъ имѣть въ этомъ случаѣ менѣе тяжелыя послѣдствія, но это все-таки оскорбленіе и зло, не имѣющее противодѣйствія. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ дуэль, разсматриваемая въ качествѣ наказанія, оказывается недѣйствительной.

2. Это не всегда даже и наказаніе, потому что общественное мнѣніе присоединяетъ къ ней вознагражденіе, которое въ глазахъ многихъ можетъ представляться выше всѣхъ ея опасностей. Это вознагражденіе есть честь, связываемая съ доказаннымъ мужествомъ, честь, которая часто привлекала къ дуэли больше, чѣмъ неудобства ея отвращали отъ нея. Было время, когда для галант'ома считалось нужнымъ быть хоть разъ на дуэли. Одного взгляда, невнимательности, предпочтенія, подозрѣнія въ соперничествѣ достаточно было для людей, которымъ нуженъ былъ только предлогъ, и опасность, какой они подвергались, въ тысячу разъ оплачивалась одобреніями людей обоего пола, на которыхъ храбрость, по разнымъ причинамъ, производитъ одинаковое впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи, наказаніе, перемѣшиваемое съ вознагражденіемъ, уже не имѣетъ своего настоящаго карательнаго характера и еще другимъ образомъ становится недѣйствительно.

3. Въ смыслѣ наказанія, дуэль недостаточна и по своему излишеству и собственно говоря, какъ мы выражаемся объ этомъ, это наказаніе слишкомъ дорого: правда, что иногда оно равняется нулю, но иногда оно равняется смертной казни. Между этими двумя крайностями, ничѣмъ и всѣмъ, человѣкъ подвергается всѣмъ промежуточнымъ степенямъ, ранамъ, искалѣченію, порчѣ или потерѣ членовъ. Очевидно, что если искать удовлетворенія противъ преступленій этого рода, надо было

бы предпочесть наказаніе менѣе сомнительное, менѣе случайное, которое бы не могло идти до смерти и не могло быть совершенно несуществующимъ.

Въ дуэли, и только въ ней, является еще такая странность карательнаго правосудія: обходясь дорого нападающему, она также дорого обходится и потерпѣвшей сторонѣ [1]). Оскорбленный можетъ здѣсь предъявлять права наказать оскорбителя только самъ подвергаясь наказанію, которое для него готовитъ, и даже съ очевидной невыгодой, потому что шансъ естественно благопріятенъ для того, кто, прежде чѣмъ рисковать, могъ выбрать своего противника. Такимъ образомъ это наказаніе и слишкомъ дорого и вмѣстѣ съ тѣмъ неосновательно.

4. Другое особенное неудобство этой дуэльной юриспруденціи состоитъ въ томъ, что она увеличиваетъ зло самаго преступленія, всякій разъ когда мщеніе не требуется, кромѣ развѣ признанной невозможности. Если оскорбленный не хочетъ прибѣгать къ нему, онъ принужденъ выказать два капитальные недостатка, недостатокъ мужества и недостатокъ чести, недостатокъ той добродѣтели, которая защищаетъ общество и безъ которой оно не можетъ держаться, и недостатокъ любви къ репутаціи, одного изъ великихъ основаній морали. Такимъ образомъ, по закону дуэли, оскорбленный находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ еслибы этого закона не было; оттого, что онъ отказывается отъ этого печальнаго средства, оно превращается для него въ ядъ.

5. Если въ нѣкоторыхъ случаяхъ дуэль въ качествѣ наказанія бываетъ не такъ недѣйствительна, какъ должна быть, кажется, это всетаки бываетъ только потому, что невинный подвергаетъ себя наказанію, которое слѣдовательно бываетъ неосновательно. Таковы случаи лицъ, которые вслѣдствіе слабости, принадлежащей полу или происходящей отъ возраста или состоянія здоровья, не могутъ употребить этого средства защиты. Въ случаѣ этой индивидуальной слабости они получаютъ помощь только тогда, когда случайность дастъ имъ защитника, который имѣетъ и право и волю вступиться за нихъ и сражаться вмѣсто нихъ. Такимъ образомъ мужъ, любовникъ, братъ могутъ взять на себя обиду, нанесенную женѣ, любовницѣ, сестрѣ: и въ этомъ случаѣ, дуэль становится дѣйствительна въ смыслѣ защиты только тѣмъ, что компрометтируетъ безопасность третьяго лица, у ко-

---

[1]) Японецъ превзошелъ въ этомъ отношеніи европейскаго галант'ома. Европеецъ, чтобъ имѣть шансъ убить своего противника, дастъ и ему такой же шансъ; Японецъ, чтобы дать своему противнику шансъ распороть себѣ животъ, первый подаетъ ему примѣръ. Д.

тораго оказывается на рукахъ ссора изъ-за факта, совершенно ему постороннягo и нисколько независѣвшаго отъ его вліянія.

Нѣтъ сомнѣнія, что, разсматриваемая какъ вѣтвь уголовной юстиціи, дуэль есть средство безсмысленное и чудовищное; но какъ оно ни безсмысленно и ни чудовищно, оно, нѣтъ спора, исполняетъ свою главную цѣль—смыть вполнѣ пятно оскорбленія. Обыкновенные моралисты, осуждая въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе, только подтверждаютъ этотъ фактъ. Итакъ, можетъ ли быть оправданъ этотъ результатъ дуэли, или нѣтъ,—онъ существуетъ и имѣетъ свою причину. Законодателю существенно необходимо открыть эту причину: такое любопытное явленіе не должно оставаться ему неизвѣстно.

Мы сказали, что оскорбленіе заставляетъ считать человѣка, его получившаго, униженнымъ вслѣдствіе его слабости и трусости: находясь всегда между стыдомъ и упрекомъ, онъ не можетъ идти рядомъ съ другими людьми и требовать себѣ такого же уваженія. Но если послѣ этого оскорбленія я являюсь къ своему противнику и соглашаюсь рисковать на поединкѣ своей жизнью противъ его жизни, я выхожу этимъ актомъ изъ униженія, въ которое я впалъ. Если я умираю, я по крайней мѣрѣ освободился отъ общественнаго презрѣнія и наглости моего противника. Если умираетъ онъ, я свободенъ и виновный наказанъ. Если онъ только раненъ, это достаточный урокъ для него и для тѣхъ, кто вздумалъ бы ему подражать. Если раненъ я самъ, или не ранены ни я, ни онъ, сраженіе не остается безъ пользы, оно всегда производитъ свое дѣйствіе. Мой врагъ чувствуетъ, что онъ можетъ повторить свою обиду только рискуя своей жизнью: я—не страдательное существо, которое можно оскорблять безнаказанно, мое мужество защищаетъ меня почти также, какъ защитилъ бы законъ, еслибы онъ наказывалъ такія преступленія смертной казнью или опечаливающимъ наказаніемъ.

Но если въ то время, когда передо мной открытъ этотъ путь удовлетворенія, я терпѣливо сношу оскорбленіе, я дѣлаюсь предметомъ презрѣнія въ глазахъ общества, потому что это поведеніе обнаруживаетъ съ моей стороны большую робость, а робость есть одно изъ величайшихъ несовершенствъ въ характерѣ человѣка. Трусъ былъ всегда предметомъ презрѣнія.

Но слѣдуетъ ли ставить въ рядъ пороковъ этотъ недостатокъ мужества? Мнѣніе, презирающее трусость, есть ли предразсудокъ вредный или полезный?

Не будетъ сомнѣнія, что это мнѣніе согласно съ общимъ интересомъ, если принять въ соображеніе, что такъ какъ первая страсть всякаго человѣка есть желаніе собственнаго самосохраненія, то мужество есть

болѣе или менѣе качество искусственное, общественная добродѣтель, которая своимъ происхожденіемъ и возрастаніемъ больше обязана общественному уваженію, чѣмъ всякой другой причинѣ. Минутная пылкость можетъ явиться отъ гнѣва, но спокойное и продолжительное мужество образуется и созрѣваетъ только подъ счастливыми вліяніями чести. Поэтому презрѣніе къ трусости не есть чувство безполезное: страданіе, которое отражается отъ него на человѣкѣ трусливомъ, не есть наказаніе потерянное даромъ. Существованіе политическаго тѣла зависитъ отъ мужества составляющихъ его индивидуумовъ. Внѣшняя безопасность государства противъ его соперниковъ зависитъ отъ мужества его воиновъ; внутренняя безопасность государства отъ рабства зависитъ отъ мужества, распространеннаго въ массѣ другихъ гражданъ. Однимъ словомъ, мужество есть общественная душа, покровительственный геній, священный палладіумъ, которымъ однимъ можно гарантировать себя отъ всѣхъ бѣдствій рабства, остаться въ состояніи человѣка и не упасть ниже самыхъ животныхъ. Итакъ, чѣмъ больше мужество будетъ поощряться, тѣмъ больше будетъ мужественныхъ людей; чѣмъ больше будетъ презираться трусость, тѣмъ меньше будетъ трусовъ.

Этого мало: тотъ, кто, будучи въ состояніи биться, перенесетъ оскорбленіе, не только обнаруживаетъ трусость: онъ возстаетъ противъ популярной санкціи, которая сдѣлала это закономъ, и показываетъ себя въ существенномъ пунктѣ равнодушнымъ къ своей репутаціи. Но популярная санкція есть самый дѣятельный и самый вѣрный служитель принципа пользы, самый могущественный и наименѣе опасный союзникъ политической санкціи. Согласны ли вообще законы популярной санкціи съ законами пользы? Чѣмъ больше человѣкъ чувствителенъ къ своей репутаціи, тѣмъ больше его характеръ готовъ сообразоваться съ добродѣтелью; чѣмъ меньше онъ къ ней чувствителенъ, тѣмъ больше онъ способенъ увлекаться всякими пороками.

Что же слѣдуетъ изъ этого разсужденія? Что въ томъ состояніи небреженія, въ какомъ законы оставляли до сихъ поръ честь гражданъ, тотъ, кто переноситъ оскорбленіе не прибѣгая къ удовлетворенію, предписываемому общественнымъ мнѣніемъ, тѣмъ самымъ оказывается вынужденнымъ къ унизительной зависимости, подверженнымъ безконечному ряду оскорбленій;—онъ оказывается лишеннымъ чувства мужества составляющаго общую безопасность,—и наконецъ лишеннымъ чувствительности къ репутаціи, чувствительности, покровительствующей всѣмъ добродѣтелямъ и предохраняющей отъ всѣхъ пороковъ.

Изслѣдуя ходъ общественнаго мнѣнія относительно оскорбленій, мнѣ кажется, что, говоря вообще, оно хорошо и полезно; и послѣдователь-

ныя измѣненія, происшедшія въ обычаѣ дуэли, больше и больше приводили ее къ принципу пользы. Общество было бы несправедливо, или, скорѣе, очевидно глупо, еслибы, будучи свидѣтелемъ оскорбленія, тотчасъ же издавало декретъ безславія противъ оскорбленной стороны; но оно этого не дѣлаетъ. Безславіе происходитъ только съ того времени, когда оскорбленный человѣкъ, возставая противъ законовъ чести, самъ подписываетъ приговоръ о своемъ униженіи.

Поэтому общество, говоря вообще, право въ этой системѣ чести; но собственно неправота лежитъ здѣсь на сторонѣ законовъ. Первая ошибка ихъ та, что они допустили существовать, относительно оскорбленій, этой анархіи, которая принудила людей прибѣгать къ такому странному и несчастному средству; вторая ошибка—что они хотѣли воспротивиться обычаю дуэли, средству несовершенному, но которое было единственнымъ; третья ошибка—что они боролись противъ этого обычая только средствами несоразмѣрными и мало дѣйствительными.

ГЛАВА XV.

Средства противъ преступленій нарушенія чести.

Начнемъ со средствъ удовлетворенія за оскорбленную честь: причины, оправдывающія эти средства, будутъ приведены дальше.

Преступленія противъ чести могутъ быть раздѣлены на три класса: обиды на словахъ,—оскорбленія тѣлесныя,—оскорбительныя угрозы. Наказаніе, аналогическое преступленію, должно дѣйствовать въ тоже время какъ средство удовлетворенія для потерпѣвшей стороны.

Списокъ этихъ наказаній:

1. Простое увѣщаніе.
2. Чтеніе приговора виновному, дѣлаемое громко имъ самимъ.
3. Виновный на колѣнахъ предъ потерпѣвшей стороной.
4. Униженная рѣчь, предписываемая ему.
5. Эмблематическое платье (въ которое виновный можетъ быть одѣтъ въ частныхъ случаяхъ).
6. Эмблематическія маски, съ головою змѣи, въ случаяхъ недобросовѣстности; съ головой сороки или попугая, въ случаяхъ дерзости.
7. Свидѣтели оскорбленія призываются быть свидѣтелями его удовлетворенія.
8. Лица, уваженіе которыхъ важно для виновнаго, призываются къ исполненію приговора.

9. Публичность суда, посредствомъ выбора мѣста, стеченія зрителей, напечатанія объявленія о немъ, и распространенія приговора.

10. Болѣе или менѣе продолжительное изгнаніе или изъ мѣста присутствія потерпѣвшей стороны, или его друзей. За оскорбленіе, нанесенное въ общественномъ мѣстѣ, какъ рынокъ, театръ или церковь, изгнаніе изъ этихъ мѣстъ.

11. За тѣлесную обиду такое же возмездіе (talion) отъ потерпѣвшей стороны или, если она хочетъ, отъ руки палача.

12. За оскорбленіе женщины на мужчину надѣть женскій головной уборъ, и возмездіе можетъ быть сдѣлано рукою женщины.

Многія изъ этихъ средствъ новы и нѣкоторыя покажутся странны: но новыя средства нужны потому, что опытъ показалъ недостаточность старыхъ; что же касается до ихъ видимой странности, этимъ они приспособляются къ своей цѣли, и своей аналогіей должны переносить на наглаго оскорбителя общественное презрѣніе, которымъ онъ хотѣлъ покрыть оскорбленнаго невиннаго. Эти средства многочисленны и разнообразны, и могутъ удовлетворить множеству и разнообразію преступленій этого рода, могутъ быть выбираемы смотря по важности случая и доставить удобныя вознагражденія для разныхъ общественныхъ разрядовъ людей: потому что не слѣдуетъ одинаково поступать съ оскорбленіями, наносимыми подчиненному или чиновнику, духовному или военному, молодому человѣку или старику. Всѣ эти театральные эффекты, рѣчи, положенія, эмблемы, торжественныя или шутовскія формы, смотря по случаямъ; однимъ словомъ, эти публичныя удовлетворенія, превращенныя въ спектакль, доставили бы потерпѣвшей сторонѣ удовольствія настоящія и удовольствія воспоминанія, которыя бы хорошо вознаградили за тяжесть оскорбленія.

Замѣтимъ, что такъ какъ оскорбленіе произведено механическимъ средствомъ, то нужно, чтобы въ вознагражденіе также входило средство механическое: иначе, оно не поразило бы воображенія такимъ же образомъ и было бы не полно. Такъ какъ обидчикъ употребилъ извѣстную оскорбительную форму для того, чтобы навлечь на своего противника общественное презрѣніе, то чтобы обратить это презрѣніе на него, надо употребить форму, аналогическую обидѣ. Настоящее мѣсто зла находится въ общественномъ мнѣніи и на мнѣніе надобно дѣйствовать. Раны отъ копья Телефа излечивались только прикосновеніемъ этого самаго копья. Вотъ символъ дѣйствій правосудія въ дѣлѣ чести. Зло причинено было аффронтомъ и исправляться оно должно также аффронтомъ.

Прослѣдимъ дѣйствіе удовлетворенія этого рода. Оскорбленный че-

ловѣкъ, поставленный въ невыносимое положеніе подчиненности передъ своимъ оскорбителемъ, не могъ больше безопасно появиться въ томъ же мѣстѣ и видѣлъ въ будущемъ только перспективу обидъ: но послѣ законнаго исправленія зла онъ тотчасъ пріобрѣтаетъ снова все, что потерялъ, идетъ съ увѣренностью, съ поднятой головой, и пріобрѣтаетъ даже положительное превосходство надъ своимъ противникомъ. Какъ произошла эта перемѣна? Она произошла оттого, что въ немъ не видятъ уже только существо слабое и жалкое, которое можно топтать ногами: сила оффиціальныхъ властей стала его силой; никто не рискнетъ возобновить оскорбленіе, которое было наказано съ такимъ шумомъ. Его притѣснитель, который показался на минуту такимъ высокомѣрнымъ, скоро упалъ съ своей торжественной колесницы: наказаніе, которому онъ подвергся въ глазахъ столькихъ свидѣтелей, показываетъ, что его нечего бояться больше чѣмъ всякаго другаго, и отъ его наглости остается только воспоминаніе объ его наказаніи. Чего больше желать оскорбленному? Еслибы даже у него была сила атлета, могъ ли бы онъ сдѣлать больше?

Еслибы законодатель всегда прилично примѣнялъ эту систему удовлетвореній, то и не произошло бы дуэли, которая и была и есть только дополненіе къ недостаточности законовъ. По мѣрѣ того, какъ будетъ наполненъ этотъ пробѣлъ законодательства мѣрами, способными защищать честь, обычай дуэлей будетъ исчезать, и даже исчезнетъ совсѣмъ, если почетныя удовлетворенія будутъ разсчитаны на общественное мнѣніе и вѣрно будутъ исполняться. Нѣкогда дуэли служили средствомъ рѣшенія во многихъ случаяхъ, гдѣ теперь ихъ употребленіе было бы верхомъ смѣшнаго. Еслибы человѣкъ, ведущій тяжбу, послалъ своему противнику вызовъ въ доказательство своего права, его сочли бы сумасшедшимъ: въ двѣнадцатомъ столѣтіи этотъ аргументъ былъ бы весьма силенъ. Откуда эта перемѣна? Отъ той перемѣны, которая мало по малу произошла въ юриспруденціи. Правосудіе, просвѣщаясь и утверждаясь на законахъ и формахъ, представило средства рѣшенія, болѣе удовлетворительныя чѣмъ дуэль [1]). Та же причина произведетъ тѣ же дѣйствія. Когда законъ дастъ вѣрное средство противъ преступленій, оскорбляющихъ честь, люди перестанутъ рисковать на такое сомнительное и опасное средство. Нравятся ли имъ страданіе и смерть? Конечно, нѣтъ. Это чувство одинаково чуждо сердцу и труса, и героя. Только

[1]) Въ 1305 г. Филиппъ Красивый уничтожилъ дуэль въ гражданскихъ дѣлахъ. Онъ сдѣлалъ парламентъ осѣдлымъ въ Парижѣ и сдѣлалъ много для установленія судебнаго порядка. Д.

молчаніе законовъ и небрежность правосудія заставляютъ благоразумнаго человѣка искать себѣ защиты самому въ этомъ печальномъ и единственномъ средствѣ.

Для того, чтобы почетное удовлетвореніе имѣло всю обширность и силу, къ которымъ оно способно, опредѣленіе преступленій противъ чести должно быть достаточно широко, чтобы обнять ихъ всѣ. Слѣдуйте за общественнымъ мнѣніемъ шагъ за шагомъ: будьте его вѣрнымъ истолкователемъ. Все, что оно считаетъ нарушающимъ честь, считайте такимъ и вы. Если въ глазахъ общества достаточно слова, жеста, взгляда, чтобы сдѣлать оскорбленіе, этого слова, жеста, взгляда должно быть достаточно для правосудія, чтобы сдѣлать изъ нихъ преступленіе: намѣреніе оскорбить составляетъ оскорбленіе. Все, что обращается къ человѣку, чтобы засвидѣтельствовать ему или навлечь ему презрѣніе, есть оскорбленіе и все это должно имѣть свое вознагражденіе.

На это могутъ сказать, что эти оскорбительные знаки, неопредѣленные по своей природѣ, мимолетные и часто воображаемые, будетъ очень трудно опредѣлить, и что характеры подозрительные, видя оскорбленіе тамъ, гдѣ его нѣтъ, въ состояніи будутъ навлечь несправедливое наказаніе на невиннаго.

Но этой опасности не существуетъ, потому что легко начертить демаркаціонную линію между дѣйствительнымъ и воображаемымъ оскорбленіемъ. Достаточно, по требованію истца, спросить отвѣтчика о его намѣреніи. «Имѣли ли вы намѣреніе, въ томъ, что вы сдѣлали или сказали, показать презрѣніе къ такому-то»? Если онъ отрицаетъ это, его отвѣта, справедливаго или ложнаго, достаточно, чтобы омыть честь того, кто былъ оскорбленъ или вообразилъ это. Потому что еслибы обида и не была двусмысленна, отвергать ее значитъ прибѣгать ко лжи, признать свою ошибку, обнаружить свой страхъ и свою слабость, однимъ словомъ сдѣлать актъ подчиненности и унизиться передъ своимъ противникомъ.

Въ каталогѣ преступленій, имѣющихъ характеръ обиды, есть необходимыя исключенія. Надо остерегаться не вносить въ этотъ запретъ полезныхъ актовъ публичнаго осужденія, выполненія права популярной санкціи. Надо предоставить друзьямъ и высшимъ власть исправленій и выговоровъ: надо спасти свободу историческаго изображенія и свободу критики.

ГЛАВА XVI.

Объ удовлетвореніи мщеніемъ.

Этотъ предметъ не требуетъ большаго числа особенныхъ правилъ. Всякій родъ удовлетвореній, навлекая на виновнаго наказаніе, естественно даетъ потерпѣвшей сторонѣ удовольствіе мщенія.

Это удовольствіе есть прибыль. Оно напоминаетъ изреченіе Самсона: сладкое вышло изъ страшнаго, это—медъ, взятый изъ пасти льва. Результатъ, полученный безъ издержекъ, чистая прибыль отъ операціи, необходимой по другимъ основаніямъ, это—удовольствіе, которымъ можно пользоваться какъ всякимъ другимъ; потому что удовольствіе мщенія, разсматриваемое отвлеченно, бываетъ, какъ всякое другое удовольствіе, само по себѣ только благомъ. Оно невинно, когда оно заключается въ границахъ закона; оно дѣлается преступнымъ только съ той минуты, когда переходитъ эти границы. Не мщеніе надо считать самой дурной и опасной страстью человѣческаго сердца; эта страсть есть антипатія, нетерпимость, ненависть изъ гордости, изъ предразсудковъ, изъ религіозныхъ и политическихъ мнѣній. Однимъ словомъ опасная вражда есть не та вражда, которая имѣетъ основанія, а та, которая не имѣетъ законной причины.

Полезное для индивидуума, это побужденіе полезно или, лучше сказать, необходимо также и для общества. Это удовлетвореніе мщеніемъ развязываетъ языкъ свидѣтелямъ; оно одушевляетъ обвинителя и заставляетъ его служить правосудію, несмотря на затрудненія, на издержки, на вражду, которыя это навлекаетъ: это удовлетвореніе превозмогаетъ публичное сострàданіе въ наказаніи виновныхъ. Отнимите эту пружину, и машина законовъ не дѣйствуетъ, или по крайней мѣрѣ суды будутъ получать услуги только цѣною денегъ,—средство, которое не только отяготительно для общества, но и подлежитъ еще весьма сильнымъ возраженіямъ.

Рутинные моралисты, всегда гоняющіеся за словами, не понимаютъ этой истины. Духъ мщенія гнусенъ; всякое удовлетвореніе, почерпаемое изъ этого источника, испорченно; прощеніе обидъ есть лучшая изъ добродѣтелей. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ неумолимые характеры, которыхъ не смягчаетъ никакое удовлетвореніе, гнусны и должны быть гнусны; забвеніе обидъ есть добродѣтель, необходимая для человѣчества, но это добродѣтель тогда, когда правосудіе сдѣлало свое дѣло, когда оно доставило удовлетвореніе или отказало въ немъ. До этого

момента, забывать обиды значитъ приглашать къ ихъ совершенію, значитъ быть не другомъ, а врагомъ общества. Чего лучше можетъ желать злоба, какъ не такого порядка, гдѣ бы за оскорбленіями всегда слѣдовало прощеніе?

Но что̀ надобно сдѣлать, чтобы доставить это удовлетвореніе мщеніемъ? Надобно сдѣлать все, чего требуетъ правосудіе, чтобы отвѣтить цѣлямъ другихъ удовлетвореній и для наказанія преступленія. Малѣйшій излишекъ, посвященный этому предмету, былъ бы зломъ, нанесеннымъ совершенно понапрасну. Налагайте наказаніе, какое слѣдуетъ, и пусть потерпѣвшая сторона извлекаетъ изъ него степень удовольствія, какое возможно при ея положеніи и къ какому способна ея природа.

Однако, не прибавляя ничего къ наказанію съ этой частной цѣлью, можно дать ему извѣстныя видоизмѣненія смотря по чувствамъ, какія надо предположить въ потерпѣвшей сторонѣ, или по ея положенію, или по характеру преступленія. Мы видѣли примѣры этого въ предъидущей главѣ; мы увидимъ другіе, когда будемъ говорить о выборѣ наказаній.

ГЛАВА XVII.

Объ удовлетвореніи субститутивномъ, или на счетъ третьяго лица.

Въ самомъ обыкновенномъ случаѣ, удовлетвореніе должно падать на счетъ виновника зла. Почему? Потому что въ этомъ видѣ оно стремится, въ качествѣ наказанія, предупреждать зло, уменьшить повтореніе преступленія. Поставленное на счетъ другаго, оно не имѣло бы этого дѣйствія.

Если это основаніе не относится больше къ первому отвѣтчику, если за отсутствіемъ перваго, оно должно быть приложено къ другому, то сообразно съ этимъ долженъ видоизмѣниться законъ объ отвѣтственности; или, другими словами, должно быть призвано третье лицо платить за виновника ущерба, когда бы послѣдній не могъ доставить удовлетворенія и когда обязанность, лежащая на этомъ третьемъ лицѣ, должна бы была предупреждать преступленіе.

Это можетъ произойти въ слѣдующихъ случаяхъ:

1. Отвѣтственность господина за своего слугу.
2. » опекуна за питомца.
3. » отца за дѣтей.

4. Отвѣтственность матери за дѣтей въ качествѣ опекунши.
5. « мужа за жену.
6. « невиннаго лица, которое получаетъ прибыль отъ преступленія.

1. *Отвѣтственность господина за слугу.*

Эта отвѣтственность основывается на двухъ основаніяхъ,—безопасности и равенства. Обязанность, лежащая на господинѣ, дѣйствуетъ въ качествѣ наказанія и уменьшаетъ шансъ подобныхъ несчастій. Онъ заинтересованъ знать характеръ и смотрѣть за поведеніемъ тѣхъ, за кого онъ отвѣчаетъ. Законъ дѣлаетъ изъ него полицейскаго инспектора, домашняго чиновника, дѣлая его отвѣтственнымъ за его неблагоразуміе.

Притомъ, положеніе господина почти необходимо предполагаетъ извѣстное состояніе: общее качество потерпѣвшей стороны, предмета несчастія, не предполагаетъ ничего подобнаго. Какъ скоро между двумя индивидуумами является неизбѣжное зло, лучше сложить тяжесть его на того, у кого больше средствъ сдержать ее.

Эта отвѣтственность можетъ имѣть нѣкоторыя неудобства, но еслибы ея не было, то было бы гораздо хуже. Еслибы господинъ хотѣлъ причинить ущербъ на землѣ своего сосѣда, подвергнуть его какому-нибудь бѣдствію, отомстить ему этимъ, заставить его жить въ постоянномъ безпокойствѣ: ему стоило бы только выбрать порочныхъ слугъ, которымъ бы онъ могъ дать возможность служить его страстямъ и его злобѣ, ничего имъ не приказывая, не будучи ихъ соучастникомъ или уничтожая всякую возможность доказательствъ; готовый всегда наталкивать ихъ или отказываться отъ нихъ, онъ сдѣлалъ бы ихъ орудіемъ своихъ намѣреній и самъ не рисковалъ бы ничѣмъ [1]). Показывая имъ довѣрія нѣсколько больше обыкновеннаго, пріобрѣтая ихъ привязанность, усердіе и рабское тщеславіе, онъ могъ бы заставить ихъ сдѣлать все общимъ науськиваньемъ, не подвергаясь опасности приказывать имъ что-нибудь положительно, и онъ наслаждался бы безнаказанностью за зло, которое бы онъ сдѣлалъ ихъ руками. «Какъ я несчастливъ», воскликнулъ однажды Генрихъ II, наскучивъ гордостью одного высокомѣрнаго прелата: «столько слугъ хвалятся мнѣ своимъ усердіемъ,

---

[1]) Есть много способовъ дѣлать зло чужими руками, безъ всякихъ слѣдовъ соучастія. Я слышалъ отъ одного французскаго юриста, что когда парламенты хотѣли спасти какого-нибудь виновнаго, они съ намѣреніемъ выбирали докладчикомъ человѣка неискуснаго, надѣясь, что его глупость дастъ средства къ оправданію виновнаго! Д.

и ни одинъ не подумаетъ отомстить за меня!» Слѣдствіемъ этого безстыднаго или преступнаго восклицанія было убійство архіепископа.

Но опасность отвѣтственности существеннымъ образомъ уменьшается для господина отвѣтственностью слуги. Настоящій виновникъ зла, по обстоятельствамъ, долженъ первый подвергаться его непріятнымъ послѣдствіямъ; онъ долженъ нести бремя отвѣтственности, по мѣрѣ своихъ силъ; такъ, чтобы слуга небрежный или порочный не могъ говорить хладнокровно о сдѣланномъ вредѣ: «это—дѣло моего господина, а не мое».

Притомъ, отвѣтственность господина не всегда бываетъ одинакова: она должна измѣняться смотря по многимъ обстоятельствамъ, которыя надо внимательно изслѣдовать.

Во первыхъ, надо разсмотрѣть степень связи, существующей между господиномъ и слугой. Идетъ ли дѣло о поденщикѣ или о человѣкѣ, нанятомъ на годъ? о постороннемъ рабочемъ или о человѣкѣ, хорошо знакомомъ въ домѣ? о подмастерьѣ или о рабѣ? Очевидно, что чѣмъ связь сильнѣе, тѣмъ больше должна становится отвѣтственность. Управляющій въ меньшей зависимости отъ своего патрона, чѣмъ лакей отъ господина.

Во вторыхъ, надо разсмотрѣть свойство дѣла, которымъ занимается слуга. Притязанія противъ господина бываютъ менѣе сильны, когда дѣло идетъ о работѣ, гдѣ его интересъ подвергается бо́льшему ущербу отъ ошибки его агентовъ, и будутъ болѣе сильны въ противномъ случаѣ. Въ первомъ случаѣ, господинъ имѣетъ уже достаточный мотивъ для надзора; во второмъ, онъ можетъ не имѣть этого мотива, здѣсь долженъ дать ему этотъ мотивъ законъ.

Въ третьихъ, господинъ больше подлежитъ отвѣтственности, если несчастіе произошло по поводу службы ему, или во время ея исполненія, потому что предполагается, что онъ могъ ею руководить, что онъ долженъ былъ предвидѣть событія и что въ это время онъ могъ лучше смотрѣть за своими слугами, чѣмъ въ часы ихъ свободы.

Есть случаи, когда отвѣтственность сводится къ бездѣлицѣ или даже уничтожается вовсе: когда несчастіе имѣетъ причиной тяжкое бѣдствіе, сопровождаемое поэтому соразмѣрнымъ наказаніемъ,—если напримѣръ мой человѣкъ, имѣя съ моимъ сосѣдомъ личную ссору, подожжетъ его амбары, долженъ ли я отвѣчать за убытокъ, которому не могъ бы помѣшать? Если безумецъ не боялся висѣлицы, побоялся ли бы онъ, что я прогоню его изъ моей службы.

Таковы предположенія, служащія основаніемъ отвѣтственности, предположеніе небрежности со стороны господина, предположеніе бо́льшаго

богатства сравнительно съ потерпѣвшей стороной и проч.; но не надобно забывать, что предположенія обращаются въ ничто, когда они опровергаются фактами. Напримѣръ, произошло несчастіе оттого, что опрокинулся экипажъ. Мы не знаемъ ничего о потерпѣвшей сторонѣ. Мы предполагаемъ, что она должна получить вознагражденіе отъ собственника, который прежде всего представляется воображенію, какъ человѣкъ, болѣе способный перенести потерю. Но что̀ станется съ этимъ предположеніемъ, когда мы узнаемъ, что этотъ собственникъ—бѣдный поселянинъ, а потерпѣвшая сторона—богатый сеньоръ; что первый разорился бы, еслибы ему пришлось заплатить пеню, которая такъ ничтожна для послѣдняго? Такимъ образомъ предположенія должны руководить, но никогда не порабощать насъ. Законодатель долженъ сообразоваться съ ними, чтобы установить общія правила, но онъ долженъ предоставить судьѣ видоизмѣнять ихъ приложеніе, смотря по отдѣльнымъ случаямъ.

Общее правило возложитъ отвѣтственность на лицо господина; но судья, по обстоятельствомъ, будетъ въ правѣ измѣнить это опредѣленіе и возложить тяжесть потери на настоящаго виновника зла.

Если предоставить судьѣ самый обширный просторъ для этого распредѣленія, то самымъ большимъ злоупотребленіемъ, которое могло бы отсюда произойти, была бы иногда несоотвѣтственность, которую необходимо производило бы общее правило, въ какую бы сторону оно ни было составлено. Если судья будетъ благопріятствовать виновнику зла въ одномъ случаѣ и господину въ другомъ, тотъ, съ кѣмъ поступаютъ несправедливо, выноситъ отъ свободнаго выбора судьи не больше, чѣмъ выносилъ бы отъ неизмѣннаго выбора закона.

Въ нашихъ системахъ юриспруденціи не соблюдали этихъ обстоятельствъ. Тяжесть потери складывали цѣликомъ то на слугу, причинившаго убытокъ, то на господина; изъ чего слѣдуетъ, что въ однихъ случаяхъ пренебрегаютъ безопасностью, въ другихъ равенствомъ, которыя должны, и то и другое, имѣть предпочтеніе смотря по свойству случая.

2. *Отвѣтственность опекуна за питомца.*

Питомецъ не составляетъ прибыли для опекуна, а напротивъ одну изъ его тягостей. Если питомецъ достаточно богатъ, чтобы дать удовлетвореніе, то нѣтъ необходимости платить за него другому. Если у него нѣтъ средствъ, въ такомъ случаѣ опека есть слишкомъ тяжелое бремя, чтобы къ ней прибавлять еще искусственную отвѣтственность. Все, что̀ нужно для безопасности, это—наложить на доказанное или даже

предполагаемое небреженіе опекуна большую или меньшую пеню, смотря по свойству доказательствъ, но которая бы не превышала стоимости удовлетворенія.

3. *Отвѣтственность отца за дѣтей.*

Если господинъ долженъ отвѣчать за ошибки своихъ слугъ, то отецъ тѣмъ больше долженъ отвѣчать за ошибки дѣтей. Если господинъ могъ и долженъ былъ имѣть надзоръ за людьми, отъ него зависящими, то для отца эта обязанность еще настоятельнѣе и гораздо легче; онъ не только пользуется надъ дѣтьми домашней властью, но имѣетъ и все вліяніе привязанности: онъ не только стражъ ихъ физическаго существованіи, но можетъ господствовать надъ всѣми ихъ душевными чувствами. Господинъ могъ не брать или не держать слугу, оказывающаго опасныя расположенія; а отецъ, который могъ по своей волѣ образовать характеръ и привычки дѣтей, считается виновникомъ всѣхъ обнаруживаемыхъ ими расположеній. Если они испорчены, это почти всегда бываетъ результатомъ его небрежности или его пороковъ. Онъ долженъ нести на себѣ послѣдствія зла, которое онъ могъ бы предупредить.

Если къ этому сильному основанію надо прибавить еще причину, то можно сказать, что дѣти, кромѣ тѣхъ правъ, какія имѣютъ они въ качествѣ чувствующихъ существъ, составляютъ часть собственности человѣка и должны считаться таковыми. Тотъ, кто пользуется выгодами владѣнія, долженъ нести и его неудобства. Благо съ излишкомъ вознаграждаетъ зло. Было бы очень странно, еслибы потеря или убытокъ, причиненные дѣтьми, падали на человѣка, который видитъ отъ нихъ только ихъ шалости или неблагоразуміе, а не на человѣка, который находитъ въ нихъ величайшій источникъ своего счастія и вознаграждаетъ себя тысячью надеждъ за настоящія заботы о ихъ воспитаніи [1]).

Но эта отвѣтственность имѣетъ естественную границу. Совершеннолѣтіе сына или замужество дочери, оканчивая власть отца, оканчиваютъ и отвѣтственность, налагаемую на него закономъ. Онъ уже не долженъ нести наказаніе за дѣйствіе, котораго не могъ бы предупредить.

Удерживать на всю жизнь отвѣтственность отца, какъ виновника порочныхъ наклонностей въ дѣтяхъ, было бы несправедливо и жестоко; потому что прежде всего несправедливо было бы приписывать всѣ пороки взрослаго человѣка недостаткамъ его воспитанія: разныя причины испорченности, послѣ эпохи независимости, могутъ восторжествовать

---

[1]) Правило римскаго права: Qui sentit commodum, sentire debet et onus. Д.

надъ самымъ добродѣтельнымъ воспитаніемъ; но притомъ положеніе отца довольно несчастно, когда дурныя наклонности сына, достигшаго зрѣлыхъ лѣтъ, кончаются преступленіями. Послѣ всего того, что онъ уже перенесъ внутри семейства, то терзаніе, которое онъ испытываетъ отъ дурнаго поведенія или безчестія сына, есть родъ наказанія, налагаемаго природой, и котораго законъ не имѣетъ нужды отягощать. Это значило бы проливать ядъ на его раны, безъ надежды ни поправить прошедшаго, ни получить обезпеченіе за будущее. Тѣ, кто вздумалъ бы оправдывать эту варварскую юриспруденцію примѣромъ Китая, не подумали о томъ, что въ этой странѣ власть отца прекращается только съ жизнью, и потому его отвѣтственность справедливо должна продолжаться столько же, сколько и его власть.

4. *Отвѣтственность матери за дѣтей.*

Обязанность матери въ подобномъ случаѣ естественно опредѣляется по ея правамъ, отъ которыхъ зависятъ ея средства. Если отецъ еще живъ, то отвѣтственность матери, какъ и ея власть, какъ-бы поглощается отвѣтственностью ея мужа. Если онъ умеръ, то она беретъ въ руки домашнее управленіе и потому становится отвѣтственной за тѣхъ, кто подчиненъ ея власти.

5. *Отвѣтственность мужа за жену.*

Это такой же простой случай. Обязанность мужа зависитъ отъ его правъ. Если управленіе имуществомъ принадлежитъ ему одному, то безъ солидарности мужа потерпѣвшая сторона осталась бы безъ возможности вознагражденія.

Наконецъ, здѣсь предполагается обще-установленный порядокъ: порядокъ, столь необходимый для мира семействъ, для воспитанія дѣтей, для сохраненія нравовъ, столь древній и столь всеобщій порядокъ, ставящій жену подъ власть мужа. Такъ какъ онъ ея глава и ея хранитель, то онъ отвѣчаетъ за нее передъ закономъ. Передъ судомъ общественнаго мнѣнія, на немъ лежитъ даже болѣе деликатная отвѣтственность; но это не относится къ нашему предмету.

6. *Отвѣтственность невиннаго лица, которое получаетъ прибыль отъ преступленія.*

Часто случается, что человѣкъ, не имѣя никакого участія въ преступленіи, извлекаетъ изъ него несомнѣнную и значительную при-

былъ. Не было ли бы прилично призвать этого человѣка къ вознагражденію потерпѣвшей стороны, если виновнаго не находится или если онъ не можетъ доставить вознагражденія?

Этотъ способъ былъ бы сообразенъ съ принципами, которые были нами выставлены. Вопервыхъ, забота о безопасности: потому что могло бы быть соучастіе безъ доказательствъ. Потомъ, забота о равенствѣ: потому что лучше пусть человѣкъ будетъ просто лишенъ прибыли, чѣмъ другому оставаться въ положеніи чистой потери.

Нѣсколько примѣровъ достаточно объяснятъ этотъ предметъ.

Прокапывая плотину, лишаютъ орошенія землю, которая имъ пользовалась, и отдаютъ его другой землѣ. Тотъ, кто будетъ пользоваться этой нежданной выгодой, долженъ былъ бы дать по крайней мѣрѣ часть своей прибыли тому, кто понесетъ потерю.

Человѣкъ, имѣвшій въ своемъ пользованіи извѣстные доходы, убитъ, его имущество переходитъ къ другому и семейство его остается въ нуждѣ. Другой, получившій раньше времени пользованіе доходомъ, долженъ былъ бы доставить какое-нибудь удовлетвореніе дѣтямъ умершаго.

Владѣлецъ извѣстной бенефиціи убитъ, все равно какимъ образомъ; если онъ оставляетъ жену и дѣтей въ бѣдности, то преемникъ долженъ былъ бы дать имъ вознагражденіе, соразмѣрное съ ихъ нуждами и съ болѣе раннимъ полученіемъ бенефиціи [1]).

ГЛАВА XVIII.

Вспомогательное удовлетвореніе на общественный счетъ.

Самый лучшій фондъ, изъ котораго можно было бы брать удовлетвореніе, есть имущество преступника, потому что такое удовлетвореніе, какъ мы видѣли, съ большой справедливостью исполняетъ роль наказанія.

Но если у преступника нѣтъ имущества, то долженъ ли потерпѣвшій индивидуумъ оставаться безъ удовлетворенія? Нѣтъ; по указаннымъ нами причинамъ удовлетвореніе почти такъ же необходимо какъ наказаніе. Оно должно совершаться на счетъ общественной казны, потому что это

---

[1]) Обыкновенное правило: Neminem oportet alterius incommodo locupletiorem fieri. Д.

предметъ общественнаго блага и здѣсь заинтересована безопасность всѣхъ. Обязанность общественной казны основывается на причинѣ ясной какъ аксіома: денежная тягость, раздѣленная на все число индивидумовъ, составляетъ ничто для каждаго изъ нихъ въ сравненіи съ тѣмъ, чѣмъ бы она была для одного или только для нѣсколькихъ.

Если страхованіе полезно въ торговыхъ предпріятіяхъ, то оно не менѣе полезно въ великомъ соціальномъ предпріятіи, гдѣ члены ассоціаціи соединены рядомъ случайностей, не зная, не выбирая другъ друга, не имѣя возможности избѣжать одинъ другого или обезпечить себя благоразуміемъ отъ множества сѣтей, которыя они могутъ приготовлять другъ другу. Бѣдствія, происходящія отъ преступленій, составляютъ столько же реальное зло, какъ и тѣ, какія происходятъ отъ несчастныхъ случаевъ. Если сонъ хозяина спокойнѣе въ домѣ, застрахованномъ отъ огня, онъ будетъ еще спокойнѣе, если домъ будетъ застрахованъ и отъ воровства. Оставляя въ сторонѣ злоупотребленія, нельзя было бы не желать самаго обширнаго примѣненія такого остроумнаго и способнаго къ усовершенствованію средства, которое дѣлаетъ существенныя потери такими легкими и даетъ столько безопасности противъ случайныхъ бѣдствій.

Но всѣ эти застрахованія подлежатъ большимъ злоупотребленіямъ вслѣдствіе обмана или небрежности: обмана со стороны тѣхъ, кто, желая получить незаконное вознагражденіе, выдумываютъ потери или преувеличиваютъ ихъ; небрежности или со стороны принимающихъ страхованіе, которые не принимаютъ всѣхъ необходимыхъ предосторожностей, или со стороны застраховывающихъ, которые бываютъ менѣе внимательны къ предупрежденію потерь, падающихъ не на нихъ.

Такимъ образомъ въ системѣ удовлетвореній на счетъ общественной казны, можно опасаться:

1. Тайнаго соумышленія между мнимо-потерпѣвшей стороной и виновникомъ мнимаго преступленія,—съ цѣлью получить неслѣдующее ей вознагражденіе.

2. Слишкомъ большой увѣренности со стороны людей, которые, не будучи больше вынуждены опасаться тѣхъ же слѣдствій преступленія, не стали бы дѣлать тѣхъ же усилій для его предупрежденія.

Эта вторая опасность не такъ страшна. Никто не будетъ пренебрегать своимъ настоящимъ владѣніемъ, несомнѣннымъ и дѣйствительнымъ,—изъ надежды въ случаѣ потери получить равномѣрную цѣнность потерянной вещи и даже больше. Прибавьте къ этому, что это вознагражденіе получится не безъ хлопотъ и издержекъ, что при этомъ будетъ временное лишеніе вещи, что надо хлопотать о преслѣдованіи,

брать на себя всегда непріятную роль обвинителя, и что при всемъ томъ, при наилучшей системѣ процедуры, успѣхъ все-еще сомнителенъ. Итакъ для каждаго индивидуума все-еще остается довольно мотивовъ заботиться о своей собственности и не поощрять преступленій своей небрежностью.

Со стороны обмана опасность больше. Ее можно предотвратить только различными предосторожностями, которыя будутъ объяснены въ другомъ мѣстѣ. Для примѣра достаточно указать два противоположные случая, одинъ, гдѣ польза средства превышаетъ опасность злоупотребленія, и другой, гдѣ опасность злоупотребленія превышаетъ пользу средства.

Когда вредъ причиненъ преступленіемъ, наказаніе котораго тяжко, и когда виновникъ его юридически констатированъ, какъ и сущность преступленія, то мнѣ кажется, что обманъ очень труденъ. Все, что могъ сдѣлать обманщикъ (выдающій себя за потерпѣвшаго), чтобы пріобрѣсти себѣ соучастника, это—дать ему часть прибыли отъ обмана; но если только не были совсѣмъ пренебрежены самые ясные принципы соразмѣрности между преступленіями и наказаніями,— наказаніе, которому подвергся бы этотъ соучастникъ, было бы болѣе чѣмъ равномѣрно всей прибыли отъ обмана.

Замѣтимъ, что прежде чѣмъ дано будетъ удовлетвореніе, виновный долженъ быть констатированъ: безъ этой предосторожности общественная казна была бы разграблена. *Исторіи о воображаемыхъ кражахъ*, мнимомъ грабежѣ, совершенномъ неизвѣстными, которые успѣли скрыться, или скрытнымъ образомъ и въ потьмахъ, такія исторіи стали бы самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но когда надо представить виновнаго, то участіе становится нелегко. Эта роль не изъ тѣхъ, которыя легко исполнить; тѣмъ болѣе, что, кромѣ несомнѣнности наказанія, для того, кто беретъ на себя мнимое преступленіе, есть еще особенное наказаніе въ случаѣ, еслибы обманъ былъ открытъ, наказаніе, которое было бы раздѣлено обоими соучастниками; и если принять во вниманіе, какъ трудно сочинить вѣроятную исторію о совершенно воображаемомъ преступленіи, то можно думать, что эти роды обмана были бы очень рѣдки, еслибы даже случались когда-нибудь.

Самая большая опасность, которой можно бояться, есть преувеличеніе потери отъ дѣйствительнаго преступленія. Но для этого нужно, чтобы преступленіе способствовало этому роду лжи, а это случай довольно рѣдкій.

Мнѣ кажется, поэтому, что можно принять общимъ правиломъ, что во всѣхъ случаяхъ, гдѣ наказаніе преступленія тяжко, нечего опасать-

ся, чтобы воображаемо-виновный вздумалъ брать на себя преступленіе изъ-за сомнительной выгоды.

Но напротивъ, когда вредъ произойдетъ отъ преступленія, наказаніе котораго легко или ничтожно, опасность злоупотребленія была бы всего больше, еслибы общественная казна была отвѣтственна. Примѣромъ этого можетъ служить несостоятельность должника. Съ какимъ нищимъ люди не стали бы имѣть дѣлъ, еслибы публика была за него отвѣтственна? Какой бы казны достало на платежи всѣмъ частнымъ кредиторамъ, которымъ бы дѣйствительно не заплатили должники, и какъ бы легко было предполагать ложные долги?

Такое вознагражденіе было бы не только злоупотребленіемъ; оно не имѣло бы причины: потому что въ торговыхъ дѣлахъ, въ цѣну товаровъ и въ денежный процентъ вносятъ рискъ потери, — что еслибы купецъ былъ увѣренъ, что ничего не потеряетъ, онъ продавалъ бы дешевле: такъ что требовать у публики вознагражденія за потерю, уплачиваемую такимъ образомъ впередъ, значило бы требовать себѣ уплаты два раза [1]).

Есть еще другіе случаи, гдѣ удовлетвореніе должно лежать на обществѣ:

1. Случаи физическихъ бѣдствій, какъ напр. наводненія, пожары.— Помощь, подаваемая государствомъ, не только основывается на принципѣ, что тягость зла становится легче, раздѣляясь между всѣми; но и на томъ другомъ принципѣ, что государство, какъ покровитель національнаго богатства, заинтересовано въ томъ, чтобы препятствовать упадку страны и доставлять средства исправленія тѣмъ частямъ, которыя пострадали. Такова была такъ-называемая щедрость Фридриха Великаго къ провинціямъ, потерпѣвшимъ какое-нибудь бѣдствіе: это были акты благоразумія и бережливости.

2. Потери и бѣдствія вслѣдствіе непріятельскихъ дѣйствій.—Тѣ, кто подвергался нападеніямъ непріятеля, имѣютъ особенное право на вознагражденіе на томъ основаніи, что ихъ можно считать людьми, выдержавшими ударъ, угрожавшій всѣмъ частямъ, людьми, наиболѣе подверженными, по своему положенію, опасности для общей защиты.

3. Зло, происходящее отъ безвинныхъ ошибокъ служителей право-

---

[1]) Добровольная подписка, страховая касса, назначенная для вознагражденій потерпѣвшимъ кредиторамъ, могли бы быть выгодны, но администраторамъ общественныхъ суммъ все-таки можно бы было не подражать этому учрежденію. Такъ какъ общественные фонды составляютъ результатъ принужденія, то ими надо управлять съ величайшей экономіей. Д.

судія. Ошибка правосудія печальна уже сама по себѣ; но еслибы эта ошибка, будучи разъ узнана, не исправлялась соразмѣрнымъ вознагражденіемъ, это было бы извращеніемъ гражданскаго порядка. Не должно ли общество слѣдовать тѣмъ правиламъ справедливости, которыя считаются обязательными для индивидуумовъ? Не ненавистно ли съ его стороны, если оно пользуется своей силой, чтобы строго требовать должнаго ему, и чтобы отказывать въ томъ, что должно оно само? Но это обязательство такъ очевидно, что мы затемнили бы его, еслибы стали доказывать.

4. Отвѣтственность общины за преступленіе насилія, совершенное въ публичномъ мѣстѣ его территоріи.—Въ этомъ случаѣ дѣло касается собственно не общественной казны, а фонда округа или провинціи, который долженъ доставить вознагражденіе за преступленіе, происходящее отъ небрежности полиціи.

Въ случаѣ стеченія преступленій (concurrence), интересы частнаго лица должны идти прежде интересовъ казны. То, что должно быть дано потерпѣвшей сторонѣ въ качествѣ удовлетворенія, должно быть уплачено предпочтительно передъ тѣмъ, что должно быть уплачено общественной казнѣ въ качествѣ пени. Рутинная юриспруденція рѣшаетъ эти вещи иначе, но по разуму они должны рѣшаться такъ. Потеря, понесенная отдѣльнымъ лицомъ, есть зло почувствованное: прибыль казны есть благо, которое не чувствуется никѣмъ. То, что платитъ виновный въ качествѣ пени, есть *наказаніе и ничего больше*: то, что онъ платитъ въ качествѣ удовлетворенія, есть *также* наказаніе, даже болѣе сильное, и кромѣ того, это есть удовлетвореніе для потерпѣвшей стороны, т. е. благо. Платя казнѣ, существу отвлеченному, съ которымъ я не имѣю ссоры, я чувствую только горесть потери, какъ еслибы я уронилъ эту сумму въ колодезь; но платя моему противнику, будучи вынужденъ дѣлать на свой счетъ благо тому, кому мнѣ хотѣлось бы сдѣлать зло, я выношу извѣстную степень униженія, которое даетъ наказанію самый соотвѣтственный характеръ.

ЧАСТЬ III.

О наказаніяхъ.

ГЛАВА I.

О наказаніяхъ не-должныхъ.

Случаи, гдѣ не слѣдуетъ налагать наказанія, можно подвести подъ четыре отдѣла: 1) Когда наказаніе было неосновательно; 2) Недѣйствительно; 3) Излишне; 4) Слишкомъ дорого.

Разсмотримъ эти четыре пункта.

1. *Наказанія неосновательныя.*

Наказаніе было бы неосновательно, когда бы не было настоящаго преступленія, не было зла перваго порядка или втораго порядка, или когда бы зло больше чѣмъ вознаграждалось благомъ, какъ въ выполненіи политической или домашней власти, въ отстраненіи бóльшаго зла, въ самозащищеніи и т. п.

Если мы усвоимъ идею настоящаго преступленія, мы легко отличимъ его отъ преступленій воображаемаго зла, этихъ актовъ, которые невинны сами по себѣ, но ставятся въ число преступленій вслѣдствіе предразсудковъ, антипатій, ошибокъ администраціи, аскетическаго принципа, почти также какъ здоровые рòды пищи считаются у нѣкоторыхъ народовъ ядомъ или нечистой пищей. Къ такимъ преступленіямъ принадлежатъ ересь и колдовство.

2. *Наказанія недѣйствительныя.*

Я называю недѣйствительными наказанія, которыя не могли бы дѣйствовать на волю и слѣдовательно не служили бы къ предупрежденію подобныхъ актовъ.

Наказанія бываютъ недѣйствительны, когда прилагаются къ людямъ, которые не могли знать закона, которые дѣйствовали безъ намѣренія, дѣлали зло невинно, по ошибочному предположенію или неодолимому принужденію. Дѣти, глупцы, сумасшедшіе, хотя ихъ и можно бываетъ вести до извѣстнаго пункта наградами и угрозами, не имѣютъ достаточнаго понятія о будущемъ, чтобы удерживаться мыслью о будущихъ наказаніяхъ. Относительно ихъ, законъ былъ бы недѣйствителенъ.

Еслибы человѣкъ принималъ рѣшеніе вслѣдствіе страха, превышающаго самое большое законное наказаніе, или вслѣдствіе надежды на превышающее благо, то законъ очевидно не былъ бы дѣйствителенъ. Такъ пренебрегались законы противъ дуэли, потому что человѣкъ съ амбиціей боялся стыда больше чѣмъ наказанія. Наказанія за то или другое религіозное исповѣданіе обыкновенно не достигаютъ своей цѣли, потому что идея вѣчной награды превозмогаетъ страхъ эшафота. Но такъ какъ эти мнѣнія имѣютъ вліянія больше или меньше, то наказаніе бываетъ также болѣе или менѣе дѣйствительно.

3. *Наказанія излишнія.*

Наказанія были бы излишни въ томъ случаѣ, когда той же цѣли можно было бы достигнуть болѣе мягкими средствами, наставленіемъ, примѣромъ, приглашеніемъ, отсрочкой, наградой. Человѣкъ распространялъ вредныя мнѣнія: должна ли власть вооружиться противъ него мечомъ? Нѣтъ; если одинъ человѣкъ находитъ интересъ распространять вредныя правила, то интересъ тысячи другихъ людей будетъ—опровергать ихъ.

4. *Наказанія слишкомъ дорогія.*

Еслибы зло наказанія превосходило зло преступленія, то законодатель произвелъ бы больше страданій, чѣмъ бы онъ предотвратилъ ихъ. Онъ купилъ бы отклоненіе одного зла цѣной еще большаго зла.

Имѣйте передъ собой двѣ таблицы, одну—изображающую зло преступленія, другую—зло наказанія.

Разсмотрите зло, производимое уголовнымъ закономъ: 1) З л о п р и н у ж д е н і я. Оно налагаетъ болѣе или менѣе тяжелое лишеніе, смотря по степени удовольствія, которое можетъ доставить запрещенная вещь.

2) Страданіе, причиняемое наказаніемъ, когда наказываются нарушители закона. 3) Зло предвидѣнія, переносимое тѣмъ, кто нарушилъ законъ или кто опасается, чтобы его не обвинили въ нарушеніи закона. 4) Зло ложнаго преслѣдованія: это неудобство, связанное со всѣми уголовными законами, въ особенности связано съ законами темными, съ преступленіями воображаемаго зла: общая антипатія производитъ ужасающую наклонность преслѣдовать и осуждать по однимъ подозрѣніямъ или кажущимся признакамъ. 5) Зло производное, переносимое родственниками или друзьями того, кто подлежитъ строгости закона.

Вотъ таблица зла или издержки, которую законодатель долженъ принимать во вниманіе всякій разъ, когда онъ назначаетъ наказаніе.

Въ этомъ именно источникѣ и почерпается главное основаніе для всеобщихъ амнистій, въ тѣхъ сложныхъ преступленіяхъ, которыя происходятъ изъ духа партій. Можетъ случиться, что законъ обниметъ большую массу, иногда половину цѣлаго числа гражданъ или даже больше. Хотите ли вы наказать всѣхъ виновныхъ? Хотите ли вы уничтожить только извѣстную часть ихъ? Зло наказанія было бы больше зла преступленія.

Если преступникъ пользуется любовью народа и если можно опасаться національнаго неудовольствія; если ему покровительствуетъ иностранная держава, съ которой хотятъ сохранять добрыя отношенія; если преступникъ могъ оказать націи какую-нибудь необыкновенную услугу,— въ этихъ особенныхъ случаяхъ помилованіе виновнаго есть просто разсчетъ благоразумія. Надо опасаться, чтобы наказаніе его преступленія не стоило обществу слишкомъ дорого.

ГЛАВА II

О соразмѣрности между преступленіями и наказаніями.

Adsit
Regula, peccatis quae poenas irroget aequas:
Ne scutica dignum horribili sectere flagello.
Horat., lib. I, Sat. III.

Монтескье чувствовалъ необходимость соразмѣрности между преступленіями и наказаніями. Беккарія настаивалъ на ея важности; но они скорѣе рекомендовали, чѣмъ объяснили ее: они не сказали, въ чемъ

состоитъ эта соразмѣрность. Постараемся сдѣлать это и дать главныя правила этой нравственной ариѳметики.

1-е Правило. Сдѣлайте такъ, чтобы зло наказанія превосходило выгоды преступленія.

Англо-саксонскіе законы, опредѣлявшіе цѣну жизни людей, напримѣръ въ двѣсти шиллинговъ за убійство поселянина, вшестеро противъ этого за дворянина, и въ тридцать шесть разъ за короля, несмотря на эту денежную соразмѣрность, очевидно погрѣшали противъ нравственной соразмѣрности. Наказаніе могло казаться ничтожнымъ въ сравненіи съ выгодой преступленія.

Та же ошибка совершается всякій разъ, когда установляется наказаніе, которое можетъ идти только до извѣстнаго пункта, между тѣмъ какъ выгода отъ преступленія можетъ идти гораздо дальше.

Нѣкоторые знаменитые писатели хотѣли установить противоположное правило: они говорятъ, что великость соблазна должна производить уменьшеніе наказанія, что она смягчаетъ вину, и что чѣмъ сильнѣе соблазнъ, тѣмъ меньше можно дѣлать заключенія объ испорченности виновнаго.

Это можетъ быть справедливо, но правило тѣмъ не менѣе существуетъ; потому что для предупрежденія преступленія нужно, чтобы мотивъ удерживающій былъ сильнѣе мотива соблазняющаго. Надо, чтобы люди больше боялись наказанія, чѣмъ желали преступленія. Недостаточное наказаніе есть большее зло, чѣмъ излишекъ строгости; потому что недостаточное наказаніе есть зло, произведенное задаромъ. Отъ него не происходитъ никакого блага ни для публики, которая оставляется безъ защиты отъ другихъ подобныхъ преступленій, ни для преступника, который отъ него не сдѣлается лучше. Что сказать о хирургѣ, который, чтобы не причинять больному нѣкоторой боли, оставитъ излеченіе неполнымъ? Будетъ ли разумнымъ человѣколюбіемъ прибавлять къ болѣзни мученіе безполезной операціи?

2-е Правило. Чѣмъ больше недостаетъ наказанію относительно несомнѣнности, тѣмъ больше надо прибавить къ нему тносительно объема.

Человѣкъ вступаетъ на дорогу преступленія только въ надеждѣ безнаказанности: еслибы наказаніе состояло только въ отнятіи у виновнаго плода его преступленія, еслибы это наказаніе было неизбѣжно, то такого преступленія уже не совершалось бы больше; потому что какой человѣкъ былъ бы на столько безуменъ, чтобы рисковать на его совершеніе при увѣренности, что не будетъ имъ пользоваться, и на стыдъ покушаться на него. Но здѣсь разсчитываются шансы за и противъ, и

надобно дать больше вѣса наказанію, чтобы перевѣсить шансы безнаказанности.

Поэтому справедливо также, что чѣмъ больше можно увеличить несомнѣнность наказанія, тѣмъ больше можно уменьшить его объемъ. Это выгода, которая бы произошла изъ упрощенія законодательства и изъ хорошаго судебнаго порядка.

По той же самой причинѣ нужно, чтобы наказаніе было сколько можно ближе къ преступленію; потому что его впечатлѣніе ослабляется съ отдаленіемъ, и притомъ отдаленность наказанія увеличиваетъ его сомнительность, давая новые шансы ускользнуть отъ него.

3-е Правило. Если стекаются два преступленія, то болѣе вредное должно подвергнуться болѣе сильному наказанію, для того, чтобы преступникъ имѣлъ мотивъ остановиться на меньшемъ.

О двухъ преступленіяхъ можно сказать, что они стекаются (sont en concurrence), когда человѣкъ имѣетъ возможность и волю совершить ихъ оба. Воръ на большой дорогѣ можетъ ограничиться воровствомъ, или онъ можетъ начать убійствомъ и кончить воровствомъ. Надо, чтобы убійство наказывалось строже, чѣмъ воровство, для того, чтобы отвратить его отъ болѣе вреднаго преступленія.

Это правило достигло бы до совершенства, еслибы можно было сдѣлать такъ, чтобы каждая доля зла имѣла свою соотвѣтственную долю наказанія. Еслибы за кражу десяти экю человѣкъ наказывался такъ же, какъ за кражу двадцати, онъ былъ бы глупъ, еслибы укралъ скорѣе меньшую сумму, чѣмъ бо̀льшую. Равное наказаніе за неравныя преступленія часто бываетъ мотивомъ въ пользу бо̀льшаго преступленія.

4-е Правило. Чѣмъ больше преступленіе, тѣмъ больше можно рѣшаться на суровое наказаніе, чтобы имѣть шансъ предупредить его.

Не забудемъ, что наложенное наказаніе есть извѣстная издержка чтобы купить неизвѣстную выгоду. Прилагать большія казни за небольшія преступленія, это значитъ платить очень дорого за шансъ освободиться отъ легкаго вреда. Англійскій законъ, осуждавшій на казнь огнемъ женщинъ, распространявшихъ фальшивую монету, совершенно извращалъ это правило соразмѣрности. Наказаніе огнемъ, если принимать его, должно бы по крайней мѣрѣ быть назначаемо для поджигателей.

5-е Правило. Одно и то же наказаніе не слѣдуетъ налагать за одно преступленіе на всѣхъ преступниковъ безъ исключенія. Надо принимать во вниманіе обстоятельства, оказывающія вліяніе на чувствительность.

Тѣ же номинальныя наказанія не бываютъ тѣми же наказаніями реальными. Возрастъ, полъ, званіе, богатство или бѣдность и много другихъ обстоятельствъ должны дѣйствовать на видоизмѣненіе наказаній за преступленія одного рода. Если дѣло идетъ о тѣлесномъ оскорбленіи, одно и то же денежное наказаніе будетъ бездѣлицей для богача и актомъ притѣсненія для бѣднаго. Одно и тоже наказаніе безславящаго свойства, которое запятнало бы человѣка извѣстнаго сословія, вовсе не будетъ пятномъ для человѣка низшаго званія. Одно и то же заключеніе будетъ разореніемъ для человѣка дѣловаго, смертью для слабаго старика, вѣчнымъ позоромъ для женщины; и это будетъ ничто или почти ничто для людей, поставленныхъ въ другое положеніе.

Я прибавилъ бы, что не слѣдуетъ заботиться о слишкомъ математической пропорціональности и дѣлать законы слишкомъ мелочными, сложными и темными. Есть болѣе высокое достоинство закона—краткость и простота. Можно еще пожертвовать нѣкоторой долей соразмѣрности, если наказаніе становится оттого болѣе поразительно, болѣе способно внушить народу чувство отвращенія къ порокамъ, приготовляющимъ вдали преступленіе.

ГЛАВА III.

О давности въ дѣлѣ наказаній.

Уничтожается ли наказаніе отъ давности? или другими словами, если преступнику удается въ теченіе извѣстнаго времени избѣжать закона, долженъ ли онъ избавляться отъ наказанія? оставитъ ли законъ преступленіе безъ вниманія? Объ этомъ вопросѣ еще идутъ споры. Всегда будетъ много произвола или въ выборѣ преступленій, которыя будутъ имѣть эту привилегію помилованія, или въ опредѣленіи числа лѣтъ, послѣ которыхъ эта привилегія должна начинаться.

Помилованіе можетъ быть безъ неудобства допущено въ преступленіяхъ неосторожности или небрежности, преступленіяхъ, происходящихъ отъ ошибки, свободной отъ дурнаго умысла. Послѣ несчастнаго случая преступникъ доказалъ свою осмотрительность; его уже нечего опасаться. Помилованіе есть для него благо и ни для кого не зло.

Можно распространить давность также на преступленія не совершенныя, на неудавшіяся покушенія. Въ этомъ промежуткѣ времени преступникъ отчасти перенесъ наказаніе: потому что опасаться его значитъ уже его чувствовать. Притомъ, онъ воздержался отъ подобныхъ пре-

ступленій, онъ преобразовался, онъ снова сдѣлался полезнымъ членомъ общества: онъ выздоровѣлъ нравственно безъ употребленія горькаго лекарства, которое законъ приготовилъ для его излеченія.

Но еслибы дѣло шло о крупномъ преступленіи, напримѣръ о пріобрѣтеніи обманомъ, которое могло бы доставить богатство, о многоженствѣ, изнасилованіи, разбоѣ, то было бы гнусно и печально, еслибы послѣ извѣстнаго времени злодѣйство могло торжествовать надъ невинностью. Съ дурными людьми этого разбора нѣтъ сдѣлокъ. Пусть мстительный мечъ всегда виситъ надъ ихъ головой. Зрѣлище преступника, спокойно пользующагося плодомъ своего преступленія, покровительствуемаго нарушеннымъ имъ закономъ, есть приманка для злодѣевъ, предметъ скорби для хорошихъ людей, публичное оскорбленіе правосудію и нравственности.

Чтобы увидѣть всю нелѣпость безнаказанности, пріобрѣтаемой давностью, надо только предположить, что законъ выраженъ слѣдующимъ образомъ: «но если воръ, убійца, несправедливый пріобрѣтатель чужаго достоянія успѣютъ избѣжать, въ теченіе двадцати лѣтъ, бдительности судовъ, ихъ ловкость будетъ вознаграждена, ихъ безопасность возстановлена и плодъ ихъ преступленія будетъ узаконенъ въ ихъ рукахъ».

ГЛАВА IV.

О наказаніяхъ ошибочныхъ или неумѣстныхъ.

Наказаніе должно падать прямо на человѣка, котораго хотятъ подвергнуть его вліянію. Если вы хотите оказать вліяніе на Тиція, то дѣйствуйте на Тиція. Если наказаніе, предназначенное вліять на Тиція, падаетъ на кого-нибудь другаго кромѣ самого Тиція, то нельзя спорить противъ того, что оно неумѣстно.

Но наказаніе, направленное противъ тѣхъ, кто ему дорогъ, есть наказаніе противъ него самого: потому что онъ раздѣляетъ страданіе тѣхъ, съ кѣмъ онъ связанъ симпатіей, и мы дѣйствуемъ на него черезъ его привязанности.—Этотъ принципъ справедливъ; но хорошъ ли онъ? сообразенъ ли онъ съ пользой?

Спрашивать, дѣйствуетъ ли наказаніе черезъ симпатію съ такой же силой какъ прямое наказаніе, значитъ спрашивать, бываетъ ли въ человѣкѣ привязанность къ другому сильнѣе, чѣмъ любовь къ самому себѣ?

Если любовь къ самому себѣ есть самое сильное чувство, отсюда слѣдуетъ, что къ наказаніямъ симпатіи надо бы прибѣгать только ис-

тощивъ все, что можетъ вынести челоѣческая природа въ прямыхъ наказаніяхъ. Надо было бы употребить всѣ самыя жестокія мученія, прежде чѣмъ наказывать жену за дѣло мужа, и дѣтей за дѣло отца.

Я вижу въ этихъ ошибочныхъ (aberrantes) наказаніяхъ четыре главные недостатка:

1. Что подумать о наказаніи, которое часто должно не удаваться за недостаткомъ предметовъ, на которыхъ можно его исполнить? Если для того, чтобы причинить страданіе Тицію, вы стараетесь найти дорогихъ ему людей, вы не можете руководиться ничѣмъ инымъ кромѣ его домашнихъ отношеній, вы идете по этой нити къ его отцу и матери, къ его женѣ и дѣтямъ. Дальше не идетъ самая жестокая тираннія. Но есть много людей, у которыхъ нѣтъ ни отца и матери, ни жены и дѣтей. Итакъ къ этому классу людей надо примѣнить прямое наказаніе: но если есть прямое наказаніе для нихъ, почему его не было бы достаточно для другихъ?

2. И это наказаніе не предполагаетъ ли чувствъ, которыя могутъ не существовать? Если Тицій не заботится ни о женѣ, ни о дѣтяхъ, если онъ ихъ возненавидѣлъ, онъ останется равнодушенъ къ тому злу, которое ихъ постигаетъ: эта часть наказанія для него не существуетъ.

3. Но что ужасно въ этой системѣ, это—расточеніе, умноженіе золъ. Обратите вниманіе на цѣпь домашнихъ связей, разсчитайте число потомковъ, которыхъ можетъ имѣть человѣкъ; наказаніе сообщается отъ одного къ другому, оно все увеличивается какъ зараза, обнимаетъ массу людей. Чтобы произвести прямое наказаніе, равняющееся одному, надо создать не прямое и не должнымъ образомъ направленное наказаніе, которое равняется десяти, двадцати, тридцати, ста, тысячѣ и проч.

4. Наказаніе, отвлеченное такимъ образомъ отъ своего естественнаго теченія, не имѣетъ даже выгоды сообразности съ публичнымъ чувствомъ симпатіи и антипатіи. Когда преступникъ заплатилъ правосудію свой личный долгъ, публичное мщеніе удовлетворено и не требуетъ больше ничего. Если вы будете преслѣдовать его за могилой на невинной и несчастной семьѣ, то скоро пробуждается общественное состраданіе, смутное чувство обвиняетъ ваши законы въ несправедливости, человѣколюбіе возстаетъ противъ васъ и съ каждымъ днемъ даетъ вашимъ жертвамъ новыхъ партизановъ. Уваженіе и довѣріе къ правительству ослабѣваютъ во всѣхъ сердцахъ; и наконецъ оно извлекаетъ изъ этой ложной политики только то, что оно кажется глупымъ въ глазахъ людей благоразумныхъ и варварскимъ въ глазахъ массы общества.

Связи индивидуумовъ между собой такъ спутаны, что невозможно отдѣлить вполнѣ участь невиннаго отъ участи виновнаго. Зло, предна-

значаемое закономъ для одного, выливается черезъ край и разливается на многихъ черезъ всѣ тѣ пункты общей чувствительности, которые происходятъ отъ привязанностей, отъ чести и отъ взаимныхъ интересовъ. Все семейство страдаетъ и проливаетъ слезы вслѣдствіе преступленія одного. Но это зло, принадлежащее природѣ вещей, зло, котораго не могли бы отвратить вполнѣ никакая мудрость, никакая благосклонность законодателя, не обращается въ упрекъ ему и не составляетъ дурно примѣненнаго наказанія. Если отецъ осужденъ на пеню, невозможно сдѣлать такъ, чтобы эта пеня не обращалась въ ущербъ сыну; но если по смерти виновнаго отца у невиннаго сына отнимаютъ отцовское наслѣдство, это—добровольный актъ законодателя, который выводитъ наказаніе изъ его естественной границы.

Законодатель долженъ исполнить въ этомъ случаѣ двѣ обязанности. Во первыхъ, онъ долженъ воздержаться отъ всякаго наказанія, которое, въ своемъ первомъ приложеніи, было бы неправильно прилагаемымъ. Невинный сынъ самаго преступнаго отца долженъ находить въ законѣ такую же ненарушимую эгиду, какъ всякій гражданинъ. Во вторыхъ, надобно довести до наименьшаго количества ту долю ошибочнаго (aberrante) наказанія, которая падаетъ на невинныхъ, вслѣдствіе прямаго наказанія, падающаго на виновнаго. Напримѣръ, возмутитель осуждается на вѣчное заключеніе или на смерть: противъ него сдѣлано все, что можно. *Полная конфискація, въ ущербъ* его настоящимъ наслѣдникамъ, по крайней *мѣрѣ его женѣ и дѣтямъ*, была бы актомъ тираническимъ и ненавистнымъ. Права несчастнаго семейства, только-что пораженнаго въ лицѣ своего главы, еще болѣе отъ этого священны. Національная казна, составленная изъ подобныхъ добычъ, похожа на нечистыя испаренія, носящія въ себѣ зародышъ заразы.

Я ограничусь здѣсь исчисленіемъ самыхъ обыкновенныхъ случаевъ, гдѣ законодатели установляли наказанія неумѣстно, налагая ихъ на людей невинныхъ, чтобы тѣмъ косвенно задѣть виновныхъ.

1. Конфискація. Остатокъ варварства, существующій почти во всей Европѣ. Ее примѣняютъ ко многимъ преступленіямъ, и особенно къ преступленіямъ противъ государства [1]). Это наказаніе тѣмъ больше

[1]) Въ преступленіяхъ государственныхъ конфискація не должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія юридическаго наказанія: потому что въ гражданскихъ войнахъ, говоря вообще, обѣ стороны дѣйствуютъ по убѣжденію (de bonne foi) и слѣдов. преступленія нѣтъ. Конфискація есть мѣра чисто непріятельская. Оставить имущество нетронутымъ значило бы оставить непріятелю военные припасы. Но предосторожность, принадлежащая военному времени и къ которой надо прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ, должна

ненавистно, что его можно употребить только тогда, когда опасность прошла, и тѣмъ болѣе неблагоразумно, что оно длитъ вражду и мщеніе послѣ бѣдствій, воспоминаніе о которыхъ надобно было бы изглаживать [1]).

2. Порча крови. Жестокая фикція юристовъ, чтобы скрыть несправедливость конфискаціи. Невинный внукъ не можетъ наслѣдовать отъ невиннаго дѣда, потому что права его испортились и потерялись, проходя черезъ кровь виновнаго отца. Эта порча крови есть фантастическая идея: но есть весьма существенная порча ума и сердца въ тѣхъ, кто безчеститъ себя подобными софизмами.

3. Потеря привилегій, которою наказываютъ цѣлую корпорацію за дурные поступки одной части ея членовъ. Въ Англіи городъ Лондонъ пользуется особеннымъ закономъ, который изъемлетъ его отъ этого несчастія: но какой же городъ, какая корпорація должны быть подвергаемы ему, предполагая, что въ ихъ привилегіяхъ нѣтъ ничего противнаго интересамъ государства?

4. Ужасная участь незаконнорожденныхъ дѣтей. Я уже не говорю здѣсь о невозможности для нихъ наслѣдства. Лишеніе этого права не составляетъ для нихъ печальнаго наказанія больше, чѣмъ для младшихъ дѣтей семьи; и произошли бы безконечные споры, еслибы позволено было производить наслѣдниковъ, рожденіе которыхъ не полу-

---

прекратиться или должна быть сколько возможно смягчаема, какъ скоро опасности нѣтъ. Д.

[1]) Зонненфельсъ, спрошенный императоромъ (германскимъ) въ 1795. относительно одного повелѣнія противъ преступленій государственной измѣны, далъ почувствовать свое мнѣніе о чрезмѣрной строгости повелѣнія тѣмъ, что вмѣсто отвѣта послалъ императору законъ Аркадія и Гонорія, и одно письмо Марка Аврелія. Cod. L. IX, Tit. 8, Lib. 5, § 1.

Filii vero ejus, quibus vitam imperatoriâ specialiter lenitate concedimus (paterno enim perire deberent supplicio, in quibus paterni, hoc est haereditarii criminis exempla metuuntur), a maternâ vel avitâ, omnium etiam proximorum haeriditate ac successione habeantur alieni, testamentis extraneorum nil capiant, sint perpetuo egentes ac pauperes, infamia eos paterna semper comitetur, ad nullos prorsus honores, ad nulla sacramenta perveniant: sint postremo tales, ut his perpetuâ egestate sordentibus, sit et non solatium et vita supplicium.

Вотъ слова Марка Аврелія.

Non unquam placet in imperatore vindicta sua doloris, quae etsi justior fuerit, acrior videtur. Quarè filiis Avidii Cassii et genero et uxori veniam dabitis. Quid dico veniam, cum illi nihil fecerent? Vivant igitur securi, scientes sub Marco se vivere. Vivant in patrimonio paterno pro parte donato, auro, argento, vestibus fruentes: sint vagi et liberi, et per ora omnium ubique populorum circumferant meae, circumferant vestrae pietatis exemplum.

(Извлечено изъ «Литературнаго Сѣвера» Оливарія, въ Килѣ). Д.

чило печати публичности. Но лишеніе права занимать извѣстныя должности, лишеніе многихъ другихъ общественныхъ правъ, въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, составляютъ настоящее наказаніе, падающее на невинныхъ за ошибку неблагоразумія, совершенную тѣми, кто далъ имъ жизнь.

5. **Безславіе, падающее на родственниковъ тѣхъ, кто совершилъ тяжкія преступленія.** Здѣсь идетъ рѣчь не о томъ, чтобы изслѣдовать то́, что принадлежитъ только общественному мнѣнію. Это мнѣніе приняло здѣсь характеръ антипатіи только вслѣдствіе ошибокъ закона, который во многихъ случаяхъ налагалъ пятно на семейство преступниковъ. Эта несправедливость начинаетъ понемногу исправляться.

ГЛАВА V.

О порукѣ.

Требовать поруки или поручительства значитъ требовать отъ человѣка, со стороны котораго хотятъ предупредить какое-нибудь подозрѣваемое дѣйствіе, чтобы онъ нашелъ другаго человѣка, который бы согласился понесть извѣстное наказаніе въ случаѣ, если это дѣйствіе совершится.

На первый взглядъ поручительство кажется противорѣчащимъ тѣмъ принципамъ, которые мы только-что выставили, потому что оно подвергаетъ невиннаго опасности быть наказаннымъ за виновнаго. Поэтому нужно, чтобы оно оправдывалось какой-нибудь выгодой, болѣе чѣмъ равноцѣнной этому злу. Эта выгода есть большая вѣроятность предупредить преступленіе и обезпечить себѣ отвѣтственность человѣка.

Достоинство поручительства заключается въ томъ большомъ вліяніи, какое оно имѣетъ на поведеніе подозрѣваемаго индивидуума. Представимъ себѣ, что̀ происходитъ въ его умѣ. Великодушные друзья даютъ ему положительное доказательство довѣрія или привязанности, рискуя своимъ имуществомъ и своей безопасностью для спасенія его свободы и чести. Это заложники, предложившіе себя за него добровольно. Неужели онъ будетъ столько низокъ, что воспользуется ихъ благодѣяніемъ противъ нихъ самихъ? Неужели онъ заглушитъ въ себѣ всякое чувство признательности? Неужели онъ публично заявитъ себя измѣнникомъ дружбѣ, осудитъ себя жить одного съ угрызеніями своей совѣсти? Но предположимъ, что по неблагоразумію, легкомыслію или порочности онъ

не въ состоянии самъ охранять себя, порука все-таки не безполезна: тѣ, кто отвѣчаетъ за него, заинтересованные въ его дѣйствіяхъ, будутъ стражами, данными ему закономъ: ихъ бдительность должна замѣнить недостатокъ его благоразумія, они должны внимательно наблюдать за его поступками. Кромѣ большаго интереса заставить повиноваться себѣ, они владѣютъ самымъ сильнымъ вліяніемъ вслѣдствіе услуги, ему оказанной, и вслѣдствіе права, которое всегда должно у нихъ быть,—права взять свое поручительство назадъ и предоставить человѣка его дурной судьбѣ. Такъ дѣйствуетъ это средство для предупрежденія преступленій.

Поручительство стремится уменьшать тревогу и другимъ образомъ, доставляя указаніе въ пользу характера или рессурсовъ подозрѣваемаго индивидуума. Это родъ страховаго договора. Вы требуете, напримѣръ, заключенія въ тюрьму человѣка, который пытался сдѣлать вамъ какую-нибудь обиду. Является одинъ изъ его друзей и оспариваетъ необходимость такого суроваго средства. «Я долженъ знать его лучше вашего», говоритъ онъ, «я удостовѣряю васъ, что вамъ нечего бояться съ его стороны. Это наказаніе, которое я соглашаюсь вынести въ случаѣ ошибки, ручается вамъ въ моей искренности и въ моемъ убѣжденіи».

Вотъ достоинство поруки; она можетъ производить зло, но это зло надо сравнить съ ея выгодами и особенно съ мѣрами строгости, какія нужно было бы употребить противъ подозрѣваемыхъ лицъ, еслибы порука не допускалась. Въ случаѣ, если изъ нея происходитъ зло для отвѣтственнаго лица, это зло принимается добровольно и изъ него не происходитъ ни тревоги, ни опасности: если это лицо взяло на себя обязательство закрывши глаза, по неблагоразумію или усердію, то послѣдствія касаются его одного; никто не опасается такой же участи для себя. Но, въ самомъ большомъ числѣ случаевъ, порука есть результатъ увѣренности. Тотъ, кто ручается за другаго, лучше чѣмъ кто-нибудь знаетъ характеръ и положеніе лица, за которое онъ ручается: онъ хорошо понимаетъ, какой опасности подвергается, но онъ идетъ на нее только обсудивши, что эта опасность не осуществится.

Посмотримъ теперь, въ какихъ обстоятельствахъ хорошо употребить это средство.

1. Оно удобно предупреждаетъ преступленія, которыхъ можно ожидать въ ссорахъ по враждѣ или по дѣламъ чести, особенно въ дуэляхъ. Этотъ родъ правонарушителей вообще нельзя подозрѣвать въ недостаткѣ чувствительности къ общественному уваженію: честь заставляетъ ихъ браться за оружіе; но честь точно также не требуетъ мщенія, какъ она

запрещаетъ неблагодарность, особенно ту черную неблагодарность, которая наказываетъ благодѣтеля за самое его благодѣяніе.

2. Поручительство очень хорошо предупреждаетъ злоупотребленіе довѣрія, преступленія, которыя нарушаютъ обязанности извѣстной должности. Никто не обязывается являться для занятія той или другой должности: эти должности слѣдуетъ поручать людямъ, которые по своему богатству или репутаціи могутъ представлять достаточную отвѣтственность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, требуемое поручительство, будучи связано съ мѣстомъ, ни для кого не оскорбительно.

3. Это средство можетъ быть особенно полезно въ извѣстныхъ политическихъ положеніяхъ, въ извѣстныхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ государству, когда бываетъ много правонарушителей, связанныхъ соучастіемъ. Такіе люди, нерѣдко скорѣе заблуждающіеся, чѣмъ испорченные, питаютъ возвышенныя чувства привязанности и чести и, въ самомъ возстаніи своемъ противъ общества, почти всегда сохраняютъ съ нимъ самыя тѣсныя отношенія. Для того, чтобы уничтожить этотъ заговоръ, нужно, чтобы наиболѣе подозрительные заговорщики представили поручительство за свое поведеніе. Это средство на первый взглядъ кажется слабымъ, но оно очень дѣйствительно: не только потому, что главные руководители, чувствуя, что за ними наблюдаютъ, приходятъ въ тревогу, но и потому, что то чувство чести, о которомъ мы говорили, доставляетъ дѣйствительный или годный мотивъ, мотивъ, основанный на справедливости и благодарности, для отказа отъ предпріятія.

4. Если поручительство имѣетъ цѣлью предупредить бѣгство подсудимаго во время процесса, то, въ этомъ случаѣ, особенная выгода его состоитъ въ томъ, что оно обуздываетъ нарушеніе обязанности со стороны судьи. Безъ этого условія судья, подкупленный или слишкомъ мягкій, могъ бы, подъ предлогомъ предварительнаго освобожденія, дать возможность виновному избѣжать всякаго тѣлеснаго и даже всякаго денежнаго наказанія. Онъ могъ бы также превратить болѣе тяжелое наказаніе въ простое изгнаніе. Это злоупотребленіе становится невозможно, когда судья можетъ освободить подсудимаго только на достаточную поруку.

О наказаніи, какому слѣдуетъ подвергать поручителей, я скажу только одно: это наказаніе должно быть денежное и никогда иное. Всякое опечаливающее наказаніе было бы возмутительно и не доставило бы вознагражденія.

Правда, что денежное наказаніе влечетъ за собой для иныхъ заключеніе въ тюрьму, въ случаѣ если они не въ состояніи удовлетворить требованію: но, если они были несостоятельны уже во время принятія

на себя обязательства, то они обманули правосудіе. Если ихъ несостоятельность произошла послѣ этого, они должны были взять свое поручительство назадъ, освободиться отъ него юридическимъ образомъ. Однако надобно будетъ и здѣсь употреблять это наказаніе смотря по обстоятельствамъ, дѣлать различіе между виной и несчастіемъ, какъ въ другихъ случаяхъ несостоятельности. Но если причиной разоренія было самое поручительство, то поручителямъ надо оказать особое снисхожденіе.

ГЛАВА VI.

О выборѣ наказаній.

Для того, чтобы наказаніе сообразовалось съ выставленными выше правилами пропорціональности, нужно, чтобы оно имѣло четыре слѣдующія качества.

1. Оно должно быть способно къ увеличенію и къ уменьшенію, или способно къ раздѣленію, для того, чтобы соотвѣтствовать разнымъ степенямъ преступности. Это качество въ особенности имѣютъ наказанія хроническія, какъ напр. заключеніе и изгнаніе (ссылка). Они могутъ быть дѣлимы на доли различной величины. Тоже самое бываетъ и въ наказаніяхъ денежныхъ.

2. Равно самому себѣ. Нужно, чтобы на данной степени оно было то же для многихъ индивидуумовъ, виновныхъ въ томъ же преступленіи, для того, чтобы соотвѣтствовать различной степени ихъ чувствительности. Это требуетъ, чтобы обращалось вниманіе на возрастъ, полъ, житейское положеніе, степень достатка, привычки индивидуумовъ и много другихъ обстоятельствъ: иначе то же наказаніе по имени, будучи слишкомъ сильно для однихъ или слишкомъ слабо для другихъ, или перейдетъ дальше цѣли или не достигнетъ ея. Пеня, опредѣленная закономъ, иногда не будетъ равна самой себѣ, если степень достатка у людей, на которыхъ она падаетъ, будетъ различна. То же неудобство можетъ быть и въ изгнаніи: слишкомъ суровое для одного, оно будетъ ничтожно для другаго.

3. Соизмѣримо. Если человѣкъ имѣетъ передъ глазами два преступленія, законъ долженъ дать ему мотивъ воздержаться отъ большаго. У него будетъ этотъ мотивъ, когда онъ можетъ видѣть, что большее преступленіе навлечетъ ему большее наказаніе. Нужно слѣдовательно, чтобы онъ могъ сравнивать между собой эти наказанія, измѣрять взаимно ихъ различныя степени.

Этой цѣли можно достигать двумя способами: 1) Прибавляя къ извѣстному наказанію другое количество того же рода; напримѣръ, къ пяти годамъ тюремнаго заключенія за такое-то преступленіе—два года лишнихъ за такое-то отягченіе этого преступленія; 2) Прибавляя наказаніе другаго рода; напримѣръ къ пяти годамъ заключенія за такое-то преступленіе—публичное безславіе за такое-то отягченіе.

4. Аналогично преступленію. Наказаніе легче напечатлѣется въ памяти, сильнѣе будетъ представляться воображенію, если оно имѣетъ сходство, аналогію, общій характеръ съ преступленіемъ. Въ этомъ отношеніи удивительно хорошо возмездіе (talion): око за око, зубъ за зубъ и пр. Самый слабый умъ способенъ связать эти идеи. Но возмездіе рѣдко бываетъ исполнимо и во многихъ случаяхъ это было бы наказаніе слишкомъ дорогое.

Есть другія средства аналогіи. Ищите, напримѣръ, мотива, который побудилъ къ совершенію преступленія: вы встрѣтите обыкновенно господствующую страсть преступника и, какъ говоритъ пословица, вамъ можно будетъ наказать человѣка тѣмъ, чѣмъ онъ погрѣшилъ. Преступленія алчности будутъ хорошо наказаны денежными взысканіями, если средства преступника это позволяютъ; преступленія наглости—униженіемъ, преступленія лѣни—принужденіемъ къ труду или вынужденной лѣнью [1]).

5. *Примѣрно. Наказаніе дѣйствительное*, которое не будетъ и видимымъ наказаніемъ, будетъ потеряно для публики. Великое искусство состоитъ въ томъ, чтобы увеличить видимое наказаніе не увеличивая дѣйствительнаго. Этого можно достичь или самымъ выборомъ наказаній, или поразительной торжественностью, которой сопровождается ихъ исполненіе.

Ауто-да-фе были бы однимъ изъ самыхъ полезныхъ изобрѣтеній

---

[1]) Монтескьё увлекся, когда замѣтивъ разъ это качество наказаній, думалъ, что у нихъ можно отнять всю произвольность: «Когда уголовные законы извлекаютъ каждое наказаніе изъ особенной природы преступленія», говоритъ онъ, «это бываетъ тріумфомъ свободы. Всякій произволъ здѣсь прекращается: наказаніе исходитъ не изъ прихоти законодателя, но изъ свойства вещей, и здѣсь уже не человѣкъ дѣлаетъ насиліе человѣку». L. 12, ch. 4. Таже страница представляетъ поразительный примѣръ заблужденій, въ которыя увлекла его эта ложная мысль. За преступленія противъ религіи онъ предлагаетъ религіозныя наказанія, т. е. наказанія, которыя не будутъ имѣть дѣйствія; потому что наказывать святотатца и человѣка, виновнаго въ кощунствѣ, изгнаніемъ изъ храма, это вовсе не значитъ наказать его,—это значитъ отнять у него вещь, которой онъ нисколько не дорожитъ. Д.

юриспруденціи, еслибы вмѣсто того, чтобы быть актами религіи, они были актами правосудія. Что такое публичное исполненіе приговора? Это—торжественная трагедія, которую законодатель представляетъ собравшемуся народу: трагедія истинно серьезная, истинно патетическая по печальной дѣйствительности своей катастрофы и по величію своего сюжета. Обстановка, сцена, украшенія должны быть хорошо обдуманы, потому что отъ нихъ зависитъ главный эффектъ.... Еслибы иллюзію можно было поддержать, нужно было бы, чтобы все происходило in effigie. Реальность наказанія необходима только для того, чтобы поддержать его внѣшній видъ.

6. Наказаніе должно быть экономно, т. е. имѣть степень строгости только абсолютно необходимую для достиженія его цѣли. Все, что превышаетъ эту необходимость, не только составляетъ такую же мѣру излишняго зла, но и производитъ множество неудобствъ, которыя обманываютъ цѣли правосудія.

Денежныя наказанія въ замѣчательной степени имѣютъ это качество, потому что все зло, чувствуемое тѣмъ, кто платитъ, обращается въ выгоду для того, кто получаетъ.

7. Наказаніе должно быть способно къ отмѣнѣ или прекращенію. Нужно, чтобы вредъ, имъ наносимый, не былъ совершенно неисправимый, въ случаѣ, еслибы открылось, что оно было наложено безъ законной причины. До тѣхъ поръ пока свидѣтельства будутъ подвержены несовершенствамъ, пока внѣшній видъ будетъ обманчивъ, пока люди не будутъ имѣть особой способности отличать истину отъ лжи,—одно изъ первыхъ обезпеченій, какія они должны дать взаимно другъ другу, это—не допускать, безъ доказанной необходимости, наказаній совершенно неисправимыхъ. Развѣ не было примѣровъ, что всѣ видимые признаки преступленія скоплялись надъ головой подсудимаго, невинность котораго доказывалась только тогда, когда оставалось только оплакивать ошибку самонадѣянной поспѣшности? Какъ мы слабы и непослѣдовательны! мы судимъ какъ существа ограниченныя, а наказываемъ какъ существа непогрѣшимыя!

Къ этимъ важнымъ качествамъ наказаній можно прибавить еще три другія качества, польза которыхъ менѣе обширна, но которыхъ слѣдуетъ искать, если можно пріобрѣсти ихъ безъ ущерба для великой цѣли примѣра. 1) Особеннымъ достоинствомъ наказанія бываетъ то, когда оно можетъ служить къ исправленію преступника,—не только однимъ страхомъ новаго наказанія, но перемѣной въ его характерѣ и привычкахъ. Эта цѣль достигается изученіемъ мотива, который произвелъ это преступленіе, и примѣненіемъ наказанія, которое стремится осла-

бить этотъ мотивъ. Исправительный домъ, для достиженія этой цѣли, долженъ допустить раздѣленіе преступниковъ на различные классы, чтобы можно было употреблять различныя средства воспитанія смотря по различію нравственнаго состоянія преступниковъ.

2) Отнять возможность вредить. Этой цѣли достигнуть легче, чѣмъ исправить преступника. Это качество имѣютъ членовредительныя наказанія, пожизненное заключеніе; но духъ этого правила ведетъ къ чрезмѣрной суровости въ наказаніяхъ. Вслѣдствіе этого правила стала такой частой смертная казнь.

Если есть случаи, гдѣ нельзя отнять возможность вредить иначе, какъ отнимая жизнь, то это бываетъ только въ очень необыкновенныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ въ гражданскихъ войнахъ, когда имени предводителя, пока онъ живъ, достаточно чтобы воспламенить страсти массы. И даже смерть, примѣненная къ дѣйствіямъ такого проблематическаго свойства, должна скорѣе считаться актомъ вражды, чѣмъ наказаніемъ.

3) Доставить вознагражденіе потерпѣвшей сторонѣ есть другое полезное качество наказанія. Это—средство, достигающее двухъ цѣлей вдругъ—наказать преступленіе и исправить его, уничтожить все зло перваго порядка и прекратить всю тревогу. Это — характеристическая выгода денежныхъ наказаній.

Я кончу эту главу общимъ, чрезвычайно важнымъ, замѣчаніемъ: законодатель, при выборѣ наказаній, долженъ старательно избѣгать тѣхъ, которыя бы задѣли господствующіе предразсудки. Если въ умѣ народа образовалось рѣшительное отвращеніе къ какому-нибудь роду наказанія, хотя бы впрочемъ оно имѣло всѣ требующіяся качества, этого наказанія не слѣдуетъ допускать въ уголовный кодексъ, потому что оно произвело бы больше зла, чѣмъ добра. Во первыхъ, производить въ обществѣ тягостное чувство установленіемъ непопулярнаго наказанія есть уже зло. Здѣсь наказываются не одни виновные; но и лица самыя невинныя и самыя мирныя подвергаются весьма дѣйствительному наказанію, хотя оно и не имѣетъ особаго названія, — потому что это тревожитъ ихъ чувствительность, нарушаетъ ихъ понятія, представляетъ имъ образъ насилія и тиранніи. Что же происходитъ изъ такого неблагоразумнаго способа дѣйствій? Законодатель, презирая общественныя чувства, тайно возстановляетъ ихъ противъ себя. Онъ теряетъ добровольное содѣйствіе, которое частные люди доставляютъ исполнителю закона, когда они довольны этимъ закономъ; народъ уже не союзникъ ему, а непріятель. Одни стараются облегчить бѣгство виновныхъ; другіе усумняются доносить на нихъ; свидѣтели отказываются сколько только воз-

можно; нечувствительно образуется роковое предубѣжденіе, которое привязываетъ къ исполненію закона родъ стыда и упрека. Общее недовольство можетъ идти еще дальше: оно вырывается иногда въ открытомъ сопротивленіи или служителямъ правосудія, или исполненію приговоровъ. Успѣхъ противъ власти кажется народу побѣдой, и безнаказанный преступникъ наслаждается слабостью законовъ, униженныхъ передъ его тріумфомъ.

Но что же дѣлаетъ наказанія непопулярными? Это почти всегда ихъ дурной выборъ. Чѣмъ больше уголовный кодексъ будетъ сообразенъ съ выставленными сейчасъ правилами, тѣмъ больше онъ будетъ имѣть просвѣщеннаго уваженія людей умныхъ и сантиментальнаго одобренія массы. Такія наказанія будутъ считаться справедливыми и умѣренными: люди въ особенности будутъ поражены ихъ умѣстностью, ихъ аналогіей съ преступленіями, этой лѣстницей постепенности, гдѣ болѣе тажкому преступленію будетъ соотвѣтствовать болѣе тяжкое наказаніе и преступленію болѣе легкому—болѣе легкое наказаніе. Этого рода достоинство, основанное на домашнихъ и знакомыхъ понятіяхъ, будетъ доступно для самыхъ обыкновенныхъ умовъ. Ничто не можетъ въ такой степени порождать идею объ отеческомъ правленіи, внушать довѣріе и вести общественное мнѣніе параллельно съ властью. Когда народъ на сторонѣ законовъ, шансы преступленій, избѣгающихъ наказанія, сводятся къ ихъ наименьшей величинѣ.

ГЛАВА VII.

Раздѣленіе наказаній.

Нѣтъ такого наказанія, которое, будучи взято отдѣльно, соединяло бы всѣ нужныя качества. Поэтому, чтобы достигнуть цѣли, необходимо выбирать между многими наказаніями, разнообразить ихъ и вводить многія изъ нихъ въ одну назначаемую долю. Медицина не имѣетъ универсальнаго лекарства. Ей надо прибѣгать къ различнымъ средствамъ, смотря по свойству болѣзней и темпераменту больныхъ: искусство врача состоитъ въ томъ, чтобы изучить всѣ лекарства, комбинировать ихъ и примѣнять къ обстоятельствамъ.

Каталогъ наказаній тотъ же какъ и преступленій. Одно и то же зло, произведенное съ авторитетомъ закона или въ нарушеніе закона, составитъ наказаніе или преступленіе. Итакъ, свойство зла одно и то же, но какая разница въ дѣйствіи! Преступленіе распространяетъ тревогу, наказаніе возстановляетъ безопасность. Преступленіе есть всеобщій врагъ,

наказаніе — общій защитникъ. Преступленіе, для прибыли одному, производитъ всеобщее зло; наказаніе, страданіемъ одного, производитъ общее благо. Перестаньте наказывать, и міръ сдѣлается только сценой разбоя и общество будетъ предано разложенію. Возстановите наказаніе, и страсти успокоиваются, порядокъ возраждается и слабость каждаго индивидуума получаетъ охрану публичной силы.

Весь уголовный матеріалъ можно раздѣлить на слѣдующіе различные отдѣлы.

1) Смертная казнь: она прямо прекращаетъ жизнь преступника.

2) Опечаливающія наказанія (р. afflictives): такъ я называю *наказанія, состоящія въ физической боли, но производящія только временное дѣйствіе, какъ напр. бичеваніе, лишеніе пищи и т. п.*

3) Неизгладимыя наказанія — тѣ, которыя *производятъ* на тѣлѣ остающійся знакъ, какъ напр. клейма, лишеніе членовъ.

4) Позорящія наказанія: главной цѣлью они имѣютъ сдѣлать правонарушителя предметомъ презрѣнія зрителей и выставить его недостойнымъ общества его прежнихъ друзей. Примѣръ этого есть публичное покаяніе.

5) Исправительныя наказанія (р. pénitentielles): предназначаемыя для того, чтобы возбудить чувство стыда, подвергнуть извѣстной степени осужденія, они не имѣютъ столько силы и публичности, чтобы могли *навлекать безславіе или выставлять правонарушителя человѣкомъ, недостойнымъ общества его прежнихъ друзей.* Въ сущности, это такія наказанія, какія отецъ имѣетъ право налагать на своихъ дѣтей, и какихъ самый нѣжный отецъ не усумнился бы наложить на самаго любимаго ребенка.

6) Хроническія наказанія: ихъ главная суровость заключается въ ихъ продолжительности, такъ что безъ этого обстоятельства они приводились бы почти къ нулю: изгнаніе, тюремное заключеніе и т. п. Они могутъ быть пожизненныя и временныя.

7) Простыя удерживающія наказанія (р. simplement restrictives) — тѣ, которыя, не имѣя ни одного изъ предъидущихъ свойствъ, состоятъ въ какомъ-нибудь стѣсненіи, ограниченіи, препятствуя дѣлать то, что бы человѣку хотѣлось; напр. запрещеніе заниматься извѣстной профессіей, запрещеніе бывать въ извѣстномъ мѣстѣ и т. п.

8) Простыя побуждающія наказанія (р. simplement compulsives) — тѣ, которыя побуждаютъ человѣка дѣлать вещь, которой ему не хотѣлось бы дѣлать; напр. обязательство являться въ извѣстные сроки къ исполнителямъ правосудія и т. п. Наказаніе заключается не въ самой вещи, а въ непріятности принужденія.

9) Денежныя наказанія, — состоящія въ лишеніи правонарушителя извѣстной суммы денегъ или какого-нибудь предмета дѣйствительной собственности.

10) Quasi - денежныя наказанія, — состоящія въ лишеніи правонарушителя извѣстнаго рода собственности въ услугахъ людей, услугахъ простыхъ или услугахъ, соединяющихся съ какой-нибудь денежной прибылью.

11) Характеристическія наказанія — тѣ, которыя, посредствомъ какой-нибудь аналогіи, должны живо представлять воображенію идею преступленія. Эти наказанія не представляютъ собственно особаго класса; они заключаются во всѣхъ другихъ, позорящихъ, исправительныхъ, опечаливающихъ и проч.; дѣло заключается въ способѣ налагать ихъ съ какимъ-нибудь обстоятельствомъ, имѣющимъ отношеніе къ свойству преступленія. Предположимъ, что фальшивый монетчикъ вмѣсто смерти присуждается къ какому-нибудь другому наказанію, и между прочимъ къ неизгладимому клейменію: еслибы ему на лбу поставили фальшивый монетчикъ, а на обѣихъ щекахъ ходячую монету, это наказаніе, напоминая преступленіе такимъ изображеніемъ, было бы чрезвычайно характеристично.

Такимъ образомъ въ составъ наказанія за кражу дѣтей у родителей можно было бы ввести характеристическую черту, еслибы на шею преступника повѣсить пустую фигуру ребенка въ естественную величину и покрытую снаружи свинцомъ. Внутри была бы положена тяжесть по усмотрѣнію судьи и по силѣ преступника.

Въ исправительномъ домѣ, преступниковъ, смотря по преступленію, можно было бы заставить носить эмблематическую одежду или другіе внѣшніе знаки, съ какой-нибудь бросающейся въ глаза аналогіей.

Сознаніе своего преступленія не могло бы оставлять ихъ, такъ или иначе; одно ихъ присутствіе было бы какъ будто новымъ провозглашеніемъ закона; и надежда избавиться отъ этого позора, надѣвъ обыкновенное платье, была бы для нихъ могущественнымъ побужденіемъ вести себя хорошо.

ГЛАВА VIII.

Оправданіе разнообразія наказаній.

Et quoniam variant morbi, variabimus artes:
Mille mali species, mille salutis erunt.

Мы видѣли уже, что выборъ наказаній былъ результатомъ многихъ соображеній, что они должны быть способны къ увеличенію и уменьшенію, должны быть равны самимъ себѣ, соизмѣримы, имѣть аналогію съ преступленіемъ, должны быть примѣрны, экономны, исправительны, популярны и т. д.

Мы видѣли, что одно наказаніе никогда не можетъ имѣть всѣхъ этихъ качествъ, что наказанія нужно соединять, разнообразить, выбирать, чтобы найти именно нужный составъ наказанія.

Еслибы кодексъ, основанный на этихъ началахъ, былъ только въ проэктѣ, его можно было бы счесть за прекрасную мысль, которую невозможно осуществить. Тѣ холодные и равнодушные люди, которые всегда вооружаются крайнимъ недовѣріемъ, когда дѣло идетъ о счастіи человѣчества, не преминули бы высказать этотъ банальный упрекъ, который такъ удобенъ для лѣни и такъ льститъ самолюбію. Но это дѣло сдѣлано, этотъ планъ выполненъ, уголовный кодексъ былъ построенъ на этихъ началахъ, и въ этомъ кодексѣ, гдѣ всѣ эти правила были соблюдены, самое замѣчательное качество есть ясность, простота и точность. Всѣ уголовныя законодательства, какія извѣстны до сихъ поръ, не достигая цѣли и наполовину, гораздо болѣе запутанны, неопредѣленны и трудны для усвоенія.[1])

Чтобы примѣнить наказанія къ каждому преступленію, нужно было сообщить имъ больше разнообразія, и чтобы сдѣлать ихъ примѣрными и характеристическими, надо было изобрѣсти новыя средства. Но тѣ же люди, которые въ общемъ смыслѣ согласятся, что эти два качества существенно необходимы, быть можетъ, возстанутъ противъ этого, когда пойдетъ рѣчь о примѣненіи на дѣлѣ. Наказанія естественно возбуждаютъ антипатію и даже ужасъ, если разсматривать ихъ отдѣльно отъ преступленій. Притомъ, когда идетъ дѣло о предметѣ, подлежащемъ чувству и воображенію, мнѣнія бываютъ такъ неопредѣленны и капризны,

[1]) Дюмонъ разумѣетъ здѣсь спеціальные проэкты уголовнаго кодекса, составленные Бентамомъ. (Пр. перев.)

что то же самое наказаніе, которое возбудитъ въ одномъ человѣкѣ негодованіе, какъ слишкомъ строгое, въ другомъ встрѣтитъ порицаніе, какъ слишкомъ легкое и недѣйствительное.

Я хочу здѣсь только предупредить возраженіе. Не надобно думать, что уголовная система бываетъ жестокой, когда она бываетъ разнообразна. Разнообразіе наказаній доказываетъ изобрѣтательность и заботливость законодателя. Если у него есть только одинъ или два рода наказаній, это показываетъ въ немъ только незнаніе принциповъ и варварское презрѣніе ко всякой соразмѣрности. Я могъ бы назвать государства, гдѣ деспотизмъ слишкомъ силенъ и цивилизація слишкомъ мала, и гдѣ знаютъ, такъ сказать, только одинъ способъ наказаній. Чѣмъ больше мы изучаемъ свойства преступленій, мотивовъ, характеровъ, различіе обстоятельствъ, тѣмъ больше мы чувствуемъ необходимость употреблять противъ нихъ и различныя средства.

Преступленія, эти внутренніе враги общества, ведущіе съ нимъ упорную и разнообразную войну, представляютъ собой всѣ инстинкты вредныхъ животныхъ: одни употребляютъ силу, другія прибѣгаютъ къ хитрости; они умѣютъ принимать безконечное число формъ, и вездѣ имѣютъ тайныхъ лазутчиковъ. Если люди сражаются съ ними и однако не уменьшаютъ ихъ, если это возстаніе продолжается постоянно, то въ этомъ надо винить главнымъ образомъ несовершенство легальной тактики и орудій, которыми она до тѣхъ поръ пользовалась. Конечно, нужно употребить столько же ума, разсчета, благоразумія, чтобы защищать общество, сколько употребляется ихъ для того, чтобы нападать на него, и этихъ качествъ нужно столько же для предупрежденія преступленій, сколько для ихъ совершенія.

Чтобы опредѣлить, строгъ ли уголовный кодексъ, взгляните, какъ онъ наказываетъ самыя обыкновенныя преступленія, преступленія противъ собственности. Законы вездѣ были слишкомъ строги въ этомъ отношеніи, потому что при дурномъ выборѣ и дурномъ употребленіи наказаній надо было вознаграждать ихъ объемомъ то, чего имъ недоставало относительно правильности. Надобно тратить меньше наказаній противъ преступленій, нападающихъ на собственность, для того, чтобы имѣть возможность тратить ихъ больше противъ преступленій, нападающихъ на личность. Первыя представляютъ возможность вознагражденія, вторыя не представляютъ ея въ томъ же родѣ. Зло преступленій противъ собственности могло бы быть доведено до самой малости, посредствомъ страховыхъ кассъ; между тѣмъ какъ все золото Потозскихъ рудниковъ не могло бы возвратить жизни убитому человѣку и успокоить ужасъ, возбужденный преступленіемъ. Но вопросъ не въ томъ, строгъ

или не строгъ уголовный кодексъ: это дурной способъ разсматривать дѣло. Все сводится къ тому, чтобы опредѣлить, необходима ли строгость этого кодекса или нѣтъ.

Было бы жестоко подвергать даже виновнаго безполезнымъ страданіямъ, какъ это было бы при слишкомъ суровыхъ наказаніяхъ: но не было ли бы еще болѣе жестоко оставить страдать невиннаго? И однакоже таковъ былъ бы результатъ наказаній, еслибы они были слишкомъ мягки и потому недѣйствительны.

Заключимъ, что разнообразіе наказаній есть одно изъ совершенствъ уголовнаго кодекса, и что чѣмъ больше изысканіе этихъ средствъ тягостно для сердца чувствительнаго, тѣмъ больше законодателю нужно быть проникнутымъ любовью къ человѣчеству, чтобы одержать надъ собой эту побѣду. Больше ли мягокъ Санградо, который умѣлъ прописывать только кровопусканіе, чѣмъ Бургавъ, который изслѣдовалъ всю природу, чтобы открыть новыя лекарства?

ГЛАВА IX.

Изслѣдованіе нѣкоторыхъ употребительныхъ наказаній.

Наказанія опечаливающія.

Наказанія опечаливающія не удобны для всѣхъ преступленій, потому что не могли бы существовать въ легкой степени, по крайней мѣрѣ для лицъ, не принадлежащихъ абсолютно къ послѣднему классу въ обществѣ. Всякое тѣлесное наказаніе, сдѣланное публично, бываетъ позорящее. Сдѣланное не публично, оно все-таки было бы позорящимъ, но уже не было бы примѣрнымъ.

Самое обыкновенное опечаливающее наказаніе есть кнутъ. Въ самомъ обыкновенномъ примѣненіи своемъ это наказаніе имѣетъ то неудобство, что оно не бываетъ равно самому себѣ: оно можетъ разнообразиться отъ самой легкой до самой ужасной боли и доходить даже до смерти. Все зависитъ отъ свойства орудія, отъ силы удара и отъ темперамента индивидуума. Законодатель, употребляющій это наказаніе, не знаетъ, что онъ дѣлаетъ; судья находится почти въ такомъ же невѣдѣніи: въ исполненіи всегда будетъ величайшій произволъ. Въ Англіи бичъ употребляется за воровство, которое присяжные, по человѣколюбію не исполняя своей обязанности, сочтутъ ниже цѣнности шиллинга. Это—доходъ для палача. Если преступникъ страдаетъ, то потому только, что не могъ устроить сдѣлки съ палачомъ.

Наказанія неизгладимыя.

Опсчаливающія неизгладимыя наказанія, взятыя каждое особо, не способны къ постепенности. Самое легкое наказаніе этого рода можетъ существовать только въ очень высокой степени. Одни только искажаютъ лицо, какъ клейменіе; другія лишаютъ употребленія какого-нибудь члена; третьи состоятъ въ искалѣченіи, какъ отрѣзываніе носа, ушей, рукъ или ногъ. Искалѣченія органовъ тѣла, служащихъ для работы, не должны назначаться за частыя преступленія, какія происходятъ отъ бѣдности: воровство, контрабанда и т. п. Что дѣлать съ преступниками, когда они изуродованы? Если содержать ихъ будетъ государство, наказаніе становится слишкомъ дорого; если ихъ бросить, это значитъ осудить ихъ на отчаяніе и смерть. Уголовное искалѣченіе имѣетъ два неудобства,—первое, что оно безвозвратно, второе, что оно смѣшивается съ естественными несчастіями. Нѣтъ видимой разницы между тѣмъ, кому отрѣзали руку за преступленіе, и тѣмъ, кто потерялъ руку на службѣ отечеству. Поэтому нужно было бы всегда прибавлять очевидно искусственное запятнаніе, чтобы быть свидѣтельствомъ преступленія и охраной отъ несчастія. Я думаю, что можно было бы уничтожить эти наказанія; по крайней мѣрѣ ихъ надо бы оставить только для крайне рѣдкихъ преступленій, гдѣ ихъ указываетъ аналогія.

Неизгладимое клейменіе представляетъ могущественное средство, которымъ пользуются дурно. Изъ числа преступниковъ, уличенныхъ въ воровствѣ и укрываніи чужихъ вещей, многіе только подчинились преходящему искушенію и могутъ возвратиться къ добродѣтели, если свойство наказанія не испортитъ ихъ. Не нужно вовсе неизгладимаго пятнанія, не нужно позорящихъ наказаній: употреблять ихъ значило бы отнять у преступниковъ надежду возстановить свою репутацію и искупить минуту заблужденія. Пусть, напримѣръ, будетъ неизгладимо запятнанъ фальшивый монетчикъ,—это будетъ примѣтой, которая предостерегаетъ недовѣрчивость тѣхъ, кому придется имѣть съ нимъ дѣло, не лишая ихъ его труда. Презираемые какъ негодяи, они еще могутъ служить какъ люди съ дарованіемъ. Но что станется съ человѣкомъ, запятнаннымъ за первое воровство, кто захочетъ взять его? Къ чему будетъ служить ему честность? Преступленіе сдѣлали для него необходимостью.

Неизгладимое клейменіе можетъ служить только тамъ, гдѣ надо указать преступника опаснаго, который перестаетъ быть опаснымъ, когда онъ извѣстенъ; или гдѣ надо гарантировать исполненіе другаго наказанія. Когда преступленіе бываетъ позорящее, то клейменіе должно со-

провождать пожизненное заключеніе, чтобы помѣшать бѣгству преступника. Это какъ будто цѣпь, связывающая его, потому что тюрьма дѣлается его убѣжищемъ и внѣ ея ему было бы хуже, чѣмъ тамъ. Чтобы сдѣлать пятно видимымъ, его надо дѣлать цвѣтными порошками, а не жженіемъ.

Наказанія позорящія.

Безславіе есть одинъ изъ самыхъ спасительныхъ ингредіентовъ въ уголовной аптекѣ; но понятія объ этомъ предметѣ очень смутны и средства весьма несовершенны. По мнѣніямъ юристовъ казалось бы, что безславіе есть вещь однородная, нераздѣльная, абсолютное или неизмѣнное количество. Еслибы это было справедливо, употребленіе этого наказанія почти всегда было бы неполитично и несправедливо, потому что его примѣняютъ одинаково къ весьма неравнымъ преступленіямъ, и даже къ такимъ преступленіямъ, которыя бы не должны были влечь за собой этого безславія. При вѣрномъ употребленіи безславіе очень способно принимать различныя степени. Это—тоже въ нравственномъ отношеніи, что нечистота въ физическомъ. Большая разница имѣть пятно на своемъ платьѣ или быть покрыту грязью совсѣмъ.

Потеря чести есть другое употребительное и не менѣе ошибочное выраженіе. Оно заключаетъ въ себѣ два ложныя предположенія: первое, что честь есть благо, котораго каждый имѣетъ извѣстное количество; второе, что она находится въ полномъ распоряженіи закона, который можетъ отнять ее у кого угодно. Удобнѣе было бы выраженіе безчестіе (déshonneur), которое не уничтожаетъ, какъ безславіе (infamie), среднихъ ступеней. Безчестіе есть тягость, которой можно сносить больше или меньше.

Безславіе, въ своемъ обыкновенномъ употребленіи, падаетъ скорѣе на преступника, чѣмъ на преступленіе. Это, такъ сказать, ложное толкованіе, contresens, въ законодательствѣ. Еслибы безславіе падало на самое преступленіе, дѣйствіе его было бы вѣрнѣе, продолжительнѣе и дѣйствительнѣе. Его можно было бы соразмѣрять съ свойствомъ дѣла. Но какъ достигнуть этой цѣли? Для каждаго рода преступленій нужно было бы придумать особый родъ безчестія.

Все это могло бы быть исполнено только съ новыми пріемами въ правосудіи, съ надписями, эмблемами, одеждой, особыми изображеніями каждаго преступленія, словомъ, знаками, которые видны для глаза, которые поражаютъ воображеніе черезъ чувства и образуютъ неизгладимую связь между преступленіями и стыдомъ. Такимъ путемъ можно сосредоточить на преступникѣ и на преступленіи общественное негодо-

ваніе, то негодованіе, которое слишкомъ склонно обращаться противъ законовъ и противъ судей. Пусть не пренебрегаютъ заимствовать у театра сильныя средства сценическаго представленія. Нѣтъ, заставить идти символы преступленія рядомъ съ преступникомъ было бы не пустой выставкой, не смѣшной пародіей: это было бы поучительное зрѣлище, которое обнаружило бы нравственную цѣль наказаній и доставило бы больше уваженія правосудію, показывая, что въ печальной обязанности наказывать оно больше занято тѣмъ, чтобы дать великій урокъ, чѣмъ удовлетворить мщенію.

Позорный столбъ (pilori) въ Англіи есть самое неровное и всего хуже употребляемое наказаніе. Здѣсь преступникъ отдается на произволъ частныхъ лицъ. Какъ опредѣлить эту страшную казнь? Это или тріумфъ, или смерть. Нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ писатель присужденъ былъ къ ней за такъ-называемый libel (пасквиль, диффамація). Эшафотъ, на которомъ онъ былъ поставленъ, сталъ для него родомъ лицея: вся сцена прошла въ привѣтствіяхъ между имъ и зрителями. Въ 1760 г. одинъ книгопродавецъ былъ поставленъ къ позорному столбу за то, что продавалъ какое то богохульное или возмутительное сочиненіе: подписка, открытая въ его пользу во время самой казни, дала ему больше ста гиней. Какой позоръ для правосудія! Въ болѣе недавнее время одинъ человѣкъ, присужденный къ тому же наказанію за грязный порокъ, былъ уничтоженъ чернью на глазахъ полиціи, которая даже и не пыталась защищать его. Боркъ рѣшился поднять голосъ въ палатѣ общинъ противъ этого злоупотребленія. «Человѣкъ, который подвергается наказанію», говорилъ онъ, «находится подъ покровительствомъ законовъ и его не должно предавать дикимъ звѣрямъ». Оратора похвалили, но злоупотребленіе осталось: и однакоже простая желѣзная рѣшетка вокругъ столба предотвратила бы всѣ акты свирѣпости.

Наказанія хроническія.

Наказанія хроническія, ссылка, заключеніе, могутъ удобно употребляться противъ многихъ преступленій, но они требуютъ особеннаго вниманія къ обстоятельствамъ, оказывающимъ вліяніе на чувствительность индивидуумовъ. Изгнаніе было бы наказаніемъ въ высшей степени неравнымъ, еслибы оно примѣнялось безъ разбора. Все зависитъ отъ житейскаго положенія и степени достатка. Одни не имѣютъ никакихъ причинъ имѣть привязанность къ своей странѣ; другіе были бы въ отчаяніи покинуть свою собственность и жилище. У однихъ есть семейство, другіе свободны. Одинъ потерялъ бы всѣ свои средства;

другой ушелъ бы отъ кредиторовъ. Возрастъ и полъ также дѣлаютъ въ этомъ отношеніи большую разницу. Итакъ, судьѣ надобно предоставить много простора и ограничиться только общими указаніями.

Англичане, до независимости Сѣверной Америки, имѣли обыкновеніе ссылать многочисленный классъ преступниковъ въ колоніи. Эта ссылка для однихъ была рабствомъ, для другихъ partie de plaisir. Негодяй, которому хотѣлось путешествовать, былъ бы глупъ, еслибы для возможности переѣзда не совершилъ какого-нибудь преступленія. Наиболѣе трудолюбивые устроивались въ этихъ новыхъ странахъ. Тѣ, кто умѣлъ только воровать, не имѣя возможности пользоваться своимъ искусствомъ въ странѣ, которой карта была ему неизвѣстна, возвращались скоро назадъ, чтобы идти на висѣлицу. Когда они разъ были осуждены и сосланы, ихъ участь была неизвѣстна; погибнутъ ли они отъ болѣзни и бѣдности, до этого никому не было дѣла. Такимъ образомъ для примѣрности наказанія терялось все; главная цѣль была совершенно пренебрежена. Употребительная теперь ссылка въ Ботани-бей достигаетъ своей цѣли не лучше этого: она имѣетъ всѣ недостатки наказанія и ни одного изъ тѣхъ качествъ, какія оно должно имѣть.

Еслибы, предлагая человѣку устроиться на житье въ отдаленной странѣ, прибавили, что это надо заслужить преступленіемъ,—какая нелѣпость! какое безуміе! Но ссылка должна представляться умамъ многихъ несчастныхъ какъ выгодное предложеніе, которымъ они могутъ воспользоваться только черезъ преступленіе. Такимъ образомъ законъ, вмѣсто того, чтобы противодѣйствовать искушенію, во многихъ случаяхъ только увеличиваетъ его силу.

Что касается тюремъ, удобство или негодность этого наказанія можно опредѣлить не прежде, какъ опредѣливъ съ величайшей точностью все, чтò относится къ ихъ устройству и внутреннему управленію. Тюрьмы, за немногими только исключеніями, заключаютъ въ себѣ все, чтó только можно вообразить самаго дѣйствительнаго для того, чтобы заразить тѣло и душу. Если взглянуть на нихъ только со стороны совершеннаго бездѣлья, тюрьмы оказываются дороги до крайней степени: вслѣдствіе отвычки, способности заключенныхъ вянутъ и ослабѣваютъ, ихъ органы теряютъ силу и гибкость: лишаемые за одинъ разъ и чести и привычнаго труда, они выходятъ изъ тюрьмы только для того, чтобы подъ вліяніемъ бѣдности снова впадать въ преступленіе. Подчиненные мелкому деспотизму низшихъ надзирателей, обыкновенно испорченныхъ зрѣлищемъ преступленія и обычаемъ тиранніи, эти несчастные могутъ быть отданы на жертву тысячѣ безвѣстныхъ страданій, которыя ожесточаютъ ихъ противъ общества и дѣлаютъ нечув-

ствительными къ наказаніямъ. Въ нравственномъ отношеніи тюрьма есть школа, гдѣ злодѣяніе преподаетъ гораздо болѣе надежнымъ способомъ, чѣмъ когда-нибудь преподается добродѣтель. Скука, мщеніе и нужда завѣдуютъ этимъ воспитаніемъ испорченности. Соревнованіе становится только усиленіемъ преступленія. Всѣ поднимаются до уровня того, кто всѣхъ испорченнѣе: самый свирѣпый внушаетъ другимъ свою свирѣпость, самый хитрый свою хитрость, самый развратный свой развратъ. Все, что можетъ осквернить сердце и воображеніе, становится рессурсомъ ихъ отчаянія. Соединенные общимъ интересомъ, они помогаютъ другъ другу свергнуть иго стыда. На развалинахъ общественной чести возвышается новая честь, составленная изъ лжи, непоколебимости въ позорѣ, забвенія всякаго будущаго, вражды противъ человѣческаго рода; и такимъ образомъ несчастные, которыхъ можно было бы возвратить добродѣтели и счастію, доходятъ до героизма въ преступленіи, до возвышеннаго въ злодѣяніи.

Преступникъ, окончивъ свой срокъ пребыванія въ тюрьмѣ, не долженъ быть возвращаемъ въ общество безъ предосторожностей и испытанія. Перенести его вдругъ изъ-подъ надзора и плѣна въ неограниченную свободу, предоставить его всѣмъ искушеніямъ одиночества, бѣдности и любостяжанія, изощряемаго долгимъ лишеніемъ, это—беззаботность и безчеловѣчіе, которыя должны бы наконецъ возбудить вниманіе законодателей. Что бываетъ въ Лондонѣ, когда опустѣваютъ галеры Темзы? Эти злодѣи, въ юбилей преступленія, бросаются на этотъ городъ какъ волки, попадающіе послѣ долгаго поста въ овчарню: и пока всѣ эти разбойники не будутъ перебраны опять за новыя преступленія, безопасность прекращается на большихъ дорогахъ, а по ночамъ и на улицахъ столицы.

Наказанія денежныя.

Переходимъ къ денежнымъ наказаніямъ: они имѣютъ тройное удобство въ томъ, что способны къ градаціи, что достигаютъ цѣли наказанія и служатъ для вознагражденія. Но надобно вспомнить, что если сумма наказанія опредѣлена, то денежное наказаніе становится въ высшей степени неравнымъ. Это замѣчаніе, вѣрность котораго поражаетъ съ перваго взгляда, было однакоже оставлено безъ вниманія всѣми законодателями. Денежныя пени назначались безъ всякаго отношенія къ прибыли отъ преступленія, къ злу преступленія и къ средствамъ преступника. Такимъ образомъ, это бездѣлица для однихъ и разореніе для другихъ. Извѣстенъ разсказъ о томъ молодомъ наглецѣ въ Римѣ, который давалъ пощечины проходящимъ и тотчасъ предлагалъ имъ монету,

назначенную закономъ Двѣнадцати Таблицъ. Если хотятъ установить денежное наказаніе, оно должно быть соразмѣряемо съ достаткомъ преступника. Опредѣлите пропорцію пени, а не ея абсолютное количество. За такое-то преступленіе такая-то доля имущества, съ извѣстными видоизмѣненіями для того, чтобы предупредить затруднительность буквальнаго исполненія этого правила.

Наказанія, просто удерживающія.

Въ уголовномъ законодательствѣ нѣтъ ничего умнѣе удаленія изъ извѣстнаго мѣста (bannissement de la présence). Это наказаніе, введенное старымъ французскимъ законодательствомъ и до нѣкоторой степени существующее въ датскомъ кодексѣ, при извѣстныхъ усовершенствованіяхъ можетъ представить отличное средство противъ преступленій, производимыхъ частной враждой и которыхъ публикѣ вообще опасаться нечего. Это наказаніе предоставляетъ торжество угнетенному предъ угнетателемъ и самымъ мягкимъ образомъ возстановляетъ преобладаніе оскорбленной невинности надъ наглой силой. Притомъ, оно предупреждаетъ возобновленіе ссоръ и отнимаетъ у нападающаго возможность вредить. Но чтобы употребить въ дѣло средство, такъ близко касающееся чести, надо обращать самое полное вниманіе на частное положеніе индивидуумовъ.

Смертная казнь.

Чѣмъ больше мы станемъ изслѣдовать смертную казнь, тѣмъ больше будемъ склоняться къ мнѣнію Беккаріа. Этотъ предметъ такъ хорошо разобранъ въ его книгѣ, что послѣ него можно уже не разбирать его снова. Тѣмъ, кто хочетъ сразу видѣть все, что можно сказать за и противъ, стоитъ только просмотрѣть таблицу тѣхъ качествъ, которыхъ надобно искать въ наказаніяхъ (см. глава VI).

Откуда можетъ проистекать жестокость, съ которой это наказаніе употребляли такъ щедро? Это—слѣдствіе раздраженія, которое прежде всего обращается къ большей строгости, и слѣдствіе лѣности ума, которая заставляетъ находить въ быстромъ уничтоженіи виновныхъ великую выгоду не думать больше о нихъ. Смерть! одна смерть! Это не требуетъ ни размышленій генія, ни сопротивленія страстямъ. Нужно только отдаться на ихъ волю, чтобы сразу прійти къ этому.

Скажутъ, что смерть необходима, чтобы отнять у убійцы возможность повторить свое преступленіе: но по той же причинѣ слѣдовало бы убивать сумасшедшихъ, бѣшеныхъ, отъ которыхъ общество можетъ опасаться всего. Если можно обезпечить себя отъ этихъ, то почему же

нельзя было бы обезпечить себя отъ другихъ? Скажутъ, что смерть есть единственное наказаніе, которое можетъ пересилить извѣстныя искушенія совершить убійство: но эти искушенія могутъ происходить только отъ вражды или алчности; а эти двѣ страсти не должны ли по самой своей природѣ бояться больше униженія, бѣдности и заключенія, чѣмъ смерти?

Я удивилъ бы читателей, еслибы изложилъ имъ уголовный кодексъ одной націи, знаменитой своимъ человѣколюбіемъ и просвѣщеніемъ. Мы ожидали бы встрѣтить здѣсь величайшую пропорціональность между преступленіями и наказаніями; но мы увидѣли бы, что эта пропорціональность постоянно забывается или нарушается, и смертная казнь расточается за самыя неважныя преступленія. Что же выходитъ изъ этого? Такъ какъ мягкость національнаго характера противорѣчитъ законамъ, то нравы берутъ верхъ, и законы устраняются: щедро раздаются помилованія, закрываются глаза на преступленія, свидѣтельства даются съ большимъ трудомъ; и присяжные, чтобы избѣгнуть крайней суровости, часто впадаютъ въ крайнюю снисходительность. Отсюда уголовная система становится безсвязной, противорѣчивой, соединяющей насиліе со слабостью, зависимой отъ настроенія судьи, различной въ разныхъ мѣстахъ, иногда кровожадной, иногда несуществующей.

Англійскіе законодатели не приняли того рода наказанія, который такъ удобенъ во многихъ отношеніяхъ,—заключенія вмѣстѣ съ принудительнымъ трудомъ. Вмѣсто вынужденнаго занятія, они приводятъ заключенныхъ къ абсолютной праздности. Сдѣлано ли это вслѣдствіе размышленія? Конечно, нѣтъ; это только привычка. Такъ были устроены эти вещи прежде; ихъ не одобряютъ, но и не измѣняютъ. Чтобы соединить заключеніе съ трудомъ, нужны издержки, бдительность, постоянное вниманіе; чтобы запереть человѣка и предоставить его самому себѣ, ничего этого не нужно.

ГЛАВА V.

О правѣ помилованія.

Все, чего недостаетъ наказанію относительно несомнѣнности, должно прибавить къ его объему. Чѣмъ меньше наказанія несомнѣнны, тѣмъ они должны быть строже: чѣмъ больше они несомнѣнны, тѣмъ больше можно уменьшить ихъ строгость.

Чтó сказать о правѣ, установленномъ именно для того, чтобы сдѣ-

лать ихъ сомнительными? И однакоже таково прямое послѣдствіе права помилованія.

Въ цѣломъ видѣ, какъ и въ индивидуумѣ, періодъ страстей предшествуетъ періоду разума. Гнѣвъ и мщеніе диктовали первые уголовные законы. Но когда эти грубые законы, основанные на капризахъ и антипатіяхъ, начинаютъ непріятно поражать просвѣщенное общество, — право помилованія, представляя охрану противъ кровожадной суровости законовъ, становится, такъ сказать, сравнительнымъ благомъ, и люди не спрашиваютъ, не составляетъ ли это мнимое лекарство новой болѣзни.

Сколько похвалъ расточалось милосердію! Тысячу разъ повторено было, что оно составляетъ первую добродѣтель монарха. Безъ сомнѣнія, если преступленіе заключается только въ нарушеніи его самолюбія, если дѣло идетъ о сатирѣ, направленной противъ него или противъ его любимцевъ, то умѣренность монарха есть большое достоинство, помилованіе, которое онъ даетъ, есть побѣда его надъ самимъ собой: но когда дѣло идетъ о преступленіи противъ общества, помилованіе перестаетъ быть актомъ милосердія, это есть прямое нарушеніе своей обязанности.

Въ случаяхъ, гдѣ наказаніе сдѣлало бы больше зла, чѣмъ добра, послѣ возстаній, заговоровъ, общественныхъ безпорядковъ, право помилованія не только полезно, но даже необходимо. Такъ какъ эти случаи предвидѣны и указаны въ хорошей законодательной системѣ, то помилованіе, прилагаемое къ нимъ, есть не нарушеніе, а исполненіе закона. Но что касается до помилованій не мотивированныхъ, происходящихъ отъ милости или слабости монарха, они обличаютъ законъ и правительство, первый въ томъ, что онъ жестокъ къ индивидуумамъ, или второе въ томъ, что оно жестоко къ обществу. Гдѣ нибудь должно не доставать разума, справедливости, человѣколюбія: потому что разумъ не бываетъ въ противорѣчіи съ самимъ собой; справедливость не можетъ разрушать одной рукой того, что она дѣлаетъ другой; человѣколюбіе не можетъ повелѣвать установленія наказаній для покровительства невинности, и давать помилованіе для поощренія преступленія.

Право помилованія—говорятъ—есть драгоцѣннѣйшее преимущество короны. Но это преимущество не бываетъ ли иногда тяжело для рукъ, которыя имъ дѣйствуютъ? Если, вмѣсто того, чтобы доставлять монарху болѣе постоянную любовь со стороны подданныхъ, оно подвергаетъ его капризамъ мнѣній, крикамъ, пасквилямъ; если монархъ не можетъ ни уступить просьбамъ безъ того, чтобы не подвергнуться подозрѣніямъ въ слабости, ни показать себя неумолимымъ безъ того, чтобы не быть обвиненнымъ въ жестокости, то гдѣ же блескъ этого столь

опаснаго права? Мнѣ кажется, что государь человѣколюбивый и справедливый часто будетъ сожалѣть о томъ, что онъ подвергается этой борьбѣ между добродѣтелями общественными и частными.

По крайней мѣрѣ убійство должно всегда составлять исключеніе. Тотъ, кто имѣлъ бы право миловать это преступленіе, тотъ имѣлъ бы власть надъ жизнью всѣхъ [1]).

Повторимъ основныя мысли. Если законы слишкомъ суровы, право помилованія есть необходимое ихъ исправленіе; но это исправленіе есть все-таки зло. Сдѣлайте хорошіе законы и не дѣлайте магическаго жезла, который имѣетъ силу уничтожать ихъ. Если наказаніе необходимо, его отмѣнять не слѣдуетъ; если оно не необходимо, его не слѣдуетъ назначать.

---

[1]) Чтобы ограничить злоупотребленіе этого права, достаточно было бы подвергнуть пользованіе имъ обязательству указывать его мотивы. Вездѣ, гдѣ употребительна смертная казнь, лучше было бы сохранить право помилованія, даже неограниченное, чѣмъ уничтожить его совершенно. Д.

ЧАСТЬ IV.

О непрямыхъ средствахъ предупрежденія преступленій.

ВВЕДЕНІЕ.

Во всѣхъ наукахъ есть отдѣльныя отрасли, которыя были разработаны позже другихъ, потому что требовали болѣе обширныхъ наблюденій и болѣе глубокихъ соображеній. Такимъ образомъ математика имѣетъ свою высшую или трансцендентальную часть, которая составляетъ, такъ сказать, новую науку, стоящую выше науки обыкновенной.

То же различіе можетъ быть до извѣстной степени примѣнено и къ искусству законодательства. Есть вредныя дѣйствія: что̀ надо сдѣлать, чтобы предупредить ихъ? Первый отвѣтъ, который представляется всѣмъ, есть: запретите эти дѣйствія; наказывайте ихъ. Такъ какъ этотъ методъ прекращать преступленія есть самый простой и первый принимаемый методъ, то всякій другой методъ достиженія этой же цѣли есть такъ сказать утонченность искусства, его трансцендентальная часть.

Эта часть состоитъ въ томъ, чтобы найти рядъ законодательныхъ мѣръ для предупрежденія самыхъ преступленій, дѣйствуя главнымъ образомъ на наклонности индивидуумовъ, съ цѣлью отвратить ихъ отъ зла и внушить имъ направленіе, наиболѣе полезное и имъ самимъ и другимъ людямъ.

Первый методъ—дѣйствовать противъ преступленій наказаніями, составляетъ прямое законодательство.

Второй методъ—дѣйствовать противъ нихъ предупредительными средствами, составляетъ ту отрасль законодательства, которую я называю непрямою (косвенною).

Такимъ образомъ верховная власть дѣйствуетъ противъ преступленій прямо, когда запрещаетъ ихъ каждое отдѣльно подъ страхомъ специальныхъ наказаній. Она дѣйствуетъ непрямо (косвенно), когда принимаетъ мѣры для ихъ предупрежденія.

Въ прямомъ законодательствѣ противъ зла вооружаются прямо; въ непрямомъ вооружаются на него косвенными путями. Въ первомъ случаѣ законодатель объявляетъ непріятелю открытую войну, указываетъ его, преслѣдуетъ его, вступаетъ съ нимъ въ схватку и въ его присутствіи строитъ свои батареи. Во второмъ случаѣ, онъ не высказываетъ всѣхъ своихъ намѣреній, онъ строитъ мины, запасается лазутчиками, старается предупредить непріятельскіе замыслы и удержать въ своемъ союзѣ тѣхъ, кто могъ бы имѣть противъ него тайныя намѣренія.

Политическіе мыслители отчасти видѣли все это; но, говоря объ этой второй отрасли законодательства, они не составили себѣ объ ней яснаго понятія; первая уже давно, худо ли, хорошо ли, приведена была въ систему; вторая не была анализирована никогда, ее не излагали методически, не подводили подъ классификацію, словомъ, не представляли ея въ цѣломъ составѣ. Это еще новый предметъ.

Писатели, которые пишутъ политическіе романы, терпятъ прямое законодательство какъ необходимое зло: они подчиняются этому какъ необходимости, и не говорятъ объ этомъ съ особеннымъ интересомъ. Напротивъ, когда они начинаютъ говорить о средствахъ предупреждать преступленія, о средствахъ дѣлать людей лучшими, совершенствовать нравы,—ихъ воображеніе разгорячается, надежды разыгрываются; можно подумать, что они готовы совершить великое дѣло и что родъ человѣческій получитъ новую форму. Это бываетъ оттого, что люди тѣмъ смѣлѣе и красивѣе думаютъ о предметѣ, чѣмъ меньше онъ имъ знакомъ, и что воображеніе сильнѣе работаетъ надъ неопредѣленными планами, которые еще не подпадали игу анализу. Major è longinquo reverentia; эти слова столько же примѣняются къ идеямъ, сколько къ людямъ. Подробное разсмотрѣніе приведетъ эти неопредѣленныя надежды къ настоящимъ размѣрамъ возможности; но если мы теряемъ здѣсь воображаемыя сокровища, насъ хорошо вознаградитъ за это несомнѣнность нашихъ средствъ.

Чтобы вѣрно разграничить то, что относится къ той и другой отрасли, надобно сначала составить себѣ точное понятіе о прямомъ законодательствѣ.

Оно дѣйствуетъ или должно дѣйствовать слѣдующимъ образомъ:

1. Выборъ актовъ, которые считаются за преступленіе.

2. Описаніе каждаго преступленія: убійство, воровство, расхищеніе денегъ и т. п.

3. Изложеніе основаній, по которымъ этимъ актамъ приписывается качество преступности; основаній, которыя должны быть выведены изъ одного принципа и слѣдовательно согласоваться между собою.

4. Назначеніе компетентнаго наказанія для каждаго преступленія.

5. Изложеніе основаній, оправдывающихъ это наказаніе.

Эта уголовная система, даже въ наилучшемъ возможномъ видѣ, недостаточна во многихъ отношеніяхъ. 1) Для того, чтобы можно было употребить лекарство, нужно сначала, чтобы существовала болѣзнь. Лекарство состоитъ въ употребленіи наказанія, и наказаніе можетъ быть употреблено только тогда, когда преступленіе совершено. Всякій новый примѣръ употребленія наказанія есть новое доказательство его недѣйствительности и оставляетъ извѣстную степень опасности и тревоги. 2) Само наказаніе есть зло, хотя и необходимое для предупрежденія еще бо̀льшаго зла; уголовное правосудіе, во всемъ ходѣ своего отправленія, можетъ быть только рядомъ золъ: золъ въ угрозахъ и въ принудительности закона; золъ въ преслѣдованіи обвиняемыхъ прежде, чѣмъ можно отличить невиннаго отъ виновнаго; золъ въ постановленіи юридическихъ приговоровъ; золъ въ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ, отражающихся на невинныхъ. 3) Наконецъ уголовная система не имѣетъ достаточно силы надъ многими вредными актами, ускользающими отъ правосудія, или по своимъ частымъ повтореніямъ, или по легкости скрыть ихъ, или по трудности опредѣлить ихъ, или наконецъ по какому-нибудь ошибочному настроенію общественнаго мнѣнія, которое имъ благопріятствуетъ. Уголовный законъ можетъ дѣйствовать только въ извѣстныхъ границахъ, и сила его простирается только на акты осязательные и допускающіе очевидныя доказательства.

Это несовершенство уголовной системы заставило искать новыхъ способовъ для дополненія того, чего ему недостаетъ. Эти способы имѣютъ цѣлью предупреждать преступленія, или отнимая самое знаніе зла, или отнимая силу и волю дѣлать зло. Самый многочисленный классъ этихъ средствъ относится къ искусству управлять наклонностями, ослабляя соблазняющіе мотивы, которые возбуждаютъ къ совершенію зла, и усиливая охраняющіе мотивы, которые возбуждаютъ къ добру.

Итакъ, непрямыя средства — тѣ, которыя, не имѣя характера наказанія, дѣйствуютъ на физическую или нравственную сторону человѣка, чтобы расположить его повиноваться законамъ, чтобы удалить отъ него соблазнъ преступленія, чтобы управлять имъ чрезъ его наклонности и его образованіе.

Эти непрямыя средства не только имѣютъ большую выгоду по своей мягкости; но они оказываютъ дѣйствіе во многихъ случаяхъ, гдѣ прямыя средства бываютъ безсильны. Всѣ новѣйшіе историки замѣчали, какъ уменьшились злоупотребленія католической церкви послѣ основанія протестантства. То, чего не могли сдѣлать папы и соборы своими постановленіями, безъ труда сдѣлало счастливое соперничество: люди стали бояться скандала, который сдѣлался бы для враговъ предметомъ торжества. Такимъ образомъ это непрямое средство, свободное соревнованіе религій, гораздо сильнѣе воздерживаетъ и исправляетъ эти злоупотребленія, чѣмъ всякіе положительные законы.

Возьмемъ другой примѣръ изъ политической экономіи: люди хотѣли понизить цѣну товаровъ и особенно процентъ. Правда, высокая цѣна есть зло только въ сравненіи съ тѣмъ благомъ, которымъ она мѣшаетъ пользоваться; но былъ все-таки резонъ стараться о ея пониженіи. Что же придумали для этого? Множество законовъ и регламентацій, неизмѣнную таксу, законный процентъ. И что же вышло? Правила постоянно избѣгались, наказанія удвоивались и зло, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, еще усилилось. Дѣйствительнымъ можетъ быть только непрямое средство, которымъ немногія правительства имѣли благоразуміе воспользоваться. Это средство — дать свободу конкурренціи всѣхъ торговцевъ, всѣхъ капиталистовъ, предоставить имъ заботу вести между собой войну, подрывать другъ друга, перебивать покупщиковъ болѣе выгодными предложеніями. Дать свободную конкурренцію тоже, что дать награду тому, кто поставляетъ товаръ лучшаго качества и по самой дешевой цѣнѣ. Эта непосредственная и естественная награда, которую стремится получить толпа соперниковъ, дѣйствуетъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ отдаленное наказаніе, котораго люди надѣются избѣжать.

Прежде, чѣмъ начать изложеніе непрямыхъ средствъ, я долженъ предупредить, что въ ихъ классификаціи есть нѣкоторый произволъ, такъ что иныя изъ нихъ можно было бы подвести подъ различныя рубрики. Чтобы неизмѣнно отличить одни отъ другихъ, нужно было бы войти въ очень тонкій и очень утомительный метафизическій анализъ. Для нашей цѣли достаточно того, чтобы всѣ непрямыя средства можно было помѣстить подъ ту или другую рубрику и чтобы обратить вниманіе законодателя на главные источники, изъ которыхъ онъ можетъ почерпать.

Я прибавлю еще только одно предварительное замѣчаніе, но оно существенно важно. Въ этомъ разнообразіи мѣръ, которыя мы будемъ излагать, нѣтъ ни одной, которую бы мы выдавали за удобную для каждаго правительства въ частности, и еще менѣе за удобную для всѣхъ

правительствъ вообще. Специальная выгода каждой мѣры, разсматриваемой отдѣльно, будетъ указана въ своемъ мѣстѣ: но каждая можетъ имѣть относительныя неудобства, которыхъ невозможно опредѣлить, не зная обстоятельствъ. Поэтому читатель долженъ понять, что цѣль, нами предположенная, состоитъ не въ томъ, чтобы совѣтовать принятіе той или другой мѣры, а просто въ томъ, чтобы выставить ее и указать ее вниманію тѣхъ, кто можетъ судить о ея удобопримѣнимости.

ГЛАВА I.

Средства отнять физическую возможность вредить.

Когда соединяются воля, знаніе и сила, необходимая для составленія акта, этотъ актъ необходимо совершается. Итакъ, наклонность, знаніе, сила, вотъ три пункта, къ которымъ надо примѣнить вліяніе законовъ, чтобы руководить поведеніемъ людей. Эти три слова заключаютъ въ абстрактѣ сумму и сущность всего того, что можно сдѣлать въ прямомъ или непрямомъ законодательствѣ.

Я начну съ силы, или возможности (power), потому что средства, относящіяся сюда, болѣе ограниченны и просты, и что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно отнять силу или возможность вредить, сдѣлано уже все. Успѣхъ обезпеченъ.

Сила можетъ быть раздѣлена на два вида: 1) Сила внутренняя (ab intra), которая зависитъ отъ внутреннихъ способностей индивидуума; 2) Сила внѣшняя (ab extra), которая зависитъ отъ лицъ и вещей, находящихся внѣ его и нужныхъ ему для дѣйствія.

Что касается до внутренней силы, зависящей отъ способностей индивидуума, то невозможно лишить человѣка этой силы съ выгодой. Сила дѣлать зло нераздѣльна съ силой дѣлать добро. Съ отрубленными руками нельзя больше воровать, но нельзя больше и работать.

Притомъ, эти лишающія средства такъ суровы, что ихъ можно употреблять только съ вѣдомыми преступниками. Заключеніе есть единственная вещь, которую еще можно оправдать въ извѣстныхъ случаяхъ для предупрежденія подозрѣваемаго преступленія.

Законодатель имѣетъ больше средствъ предупреждать преступленія, когда обращается къ матеріальнымъ предметамъ, которые могутъ служить для ихъ совершенія.

Есть случаи, гдѣ можно отнять возможность вредить, удаляя то, что Тацитъ называетъ *irritamenta malorum*, предметы, орудія преступленія. Здѣсь политику законодателя можно сравнить съ политикой няньки: желѣзныя рѣшетки у оконъ, рѣшетки у огня, стараніе удалить острыя орудія, опасныя для дѣтей, это—тоже, что запрещеніе продавать и фабриковать инструменты для дѣланія монеты, ядовитыя снадобья, легко скрываемое оружіе, кости и другіе ингредіенты запрещенныхъ игръ, запрещеніе изготовлять и держать у себя извѣстныя охотничьи сѣти и другія средства ловли дичи.

Магометъ, не довѣряя разсудительности людей, хотѣлъ сдѣлать для нихъ невозможнымъ злоупотребленіе крѣпкихъ напитковъ. Если обратить вниманіе на климатъ жаркихъ странъ, гдѣ вино дѣлаетъ человѣка скорѣе бѣшенымъ, чѣмъ глупымъ, то мы найдемъ, быть можетъ, что полное запрещеніе мягче позволенія, которое произвело бы многочисленный классъ преступленій и, слѣдовательно, наказаній.

Налоги на крѣпкіе напитки отчасти достигаютъ той же цѣли. По мѣрѣ того, какъ цѣна поднимается выше средствъ наиболѣе многочисленнаго класса, у него отнимается возможность предаваться неумѣренности.

Сюда могутъ быть отнесены законы противъ роскоши, насколько они запрещаютъ введеніе извѣстныхъ предметовъ, неодобряемыхъ законодателемъ. Этимъ именно прославилось спартанское законодательство: драгоцѣнные металлы были изгнаны, иностранцы не были допускаемы, путешествія были запрещены.

Въ Женевѣ запрещалось носить брильянты; число лошадей было ограничено *).

Въ этомъ отдѣлѣ можно упомянуть многія англійскія постановленія относительно продажи крѣпкихъ напитковъ: ихъ запрещено выставлять на продажу открыто; надо получить разрѣшеніе, стоющее дорого и т. п. Сюда же относится запрещеніе открывать по воскресеньямъ извѣстныя увеселительныя мѣста.

Также мѣры для уничтоженія пасквилей, возмутительныхъ сочиненій, неприличныхъ изображеній, выставляемыхъ на улицахъ,—для запрещенія ихъ печатанія или обнародыванія и т. п.

Старая парижская полиція запрещала слугамъ носить не только шпагу, но даже палку и трость. Быть можетъ, это было средство различать званія, быть можетъ, мѣра безопасности.

*) Приводя эти обычаи, мы не предлагаемъ ихъ за образецъ, а хотимъ только показать, къ какому разряду надо причислять подобные законы. Б.

Когда извѣстный классъ народа притѣсняется властью, то благоразуміе требуетъ, чтобы ему запрещалось носить оружіе. Наибольшее оскорбленіе становится извиненіемъ за наименьшее.

Филистимляне обязывали Евреевъ обращаться къ нимъ всякій разъ, когда имъ нужно было точить топоры и пилы.—Въ Китаѣ, изготовленіе и продажа оружія предоставлены исключительно китайскимъ татарамъ (манчжурамъ).

Одно постановленіе Георга III запрещаетъ всякому частному человѣку держать у себя больше пятидесяти фунтовъ пороху, а торговцамъ порохомъ имѣть больше двухъ сотъ фунтовъ за одинъ разъ. Въ основаніе этой мѣры приводилась опасность взрывовъ.

Въ актахъ, относящихся къ большимъ дорогамъ и заставамъ, число лошадей въ экипажѣ ограничено восемью: исключеніе дѣлается для извѣстныхъ случаевъ перевозки и для королевской службы, артиллеріи и провіанта. Въ основаніе приводится сохраненіе дорогъ.

Имѣли ли эти и подобныя мѣры еще политическую цѣль, я не рѣшаюсь утверждать: но несомнѣнно, что такіе способы могутъ служить къ отнятію средствъ возстанія или къ уменьшенію средствъ контрабанды.

Изъ числа способовъ, какіе можно почерпнуть въ этомъ источникѣ, я не знаю способа счастливѣе и проще, чѣмъ тотъ, какой употребляется въ Англіи съ цѣлью затруднить воровство банковыхъ билетовъ. Когда нужно отправить ихъ по почтѣ, ихъ разрѣзываютъ на двѣ части и посылаютъ каждую отдѣльно. Кража одной половины билета была бы безполезна, а трудность украсть обѣ части одну за другой такъ велика, что преступленіе почти невозможно.

Есть профессіи, для занятія которыми требуются доказательства способности къ нимъ. Есть другія, которыя законъ дѣлаетъ несовмѣстимыми. Въ Англіи многія должности по юстиціи несовмѣстимы съ должностью прокурора: опасались, чтобы правая рука не трудилась тайно для лѣвой [1]).

Лица, вступающія съ администраціей въ подряды по доставкѣ припасовъ, напр. для флота, не могутъ имѣть мѣста въ парламентѣ. Подрядчики могутъ быть преступниками и могутъ подвергнуться суду парламента: поэтому, имъ неудобно быть его членами. Но есть и болѣе

[1]) Въ Австріи, люди, сдирающіе съ животныхъ кожу, не могутъ продавать мяса: предполагалось, что еслибы животное было здорово, то не попало бы къ нимъ въ руки. (Sonnenfels, Вѣнская полиція, 1777). Сюда относится большое число полицейскихъ распоряженій. Б.

сильныя основанія для такого исключенія; это—опасность увеличить министерское вліяніе.

ГЛАВА II.

Другое непрямое средство—воспрепятствовать людямъ пріобрѣтать знанія, которыя бы они могли употребить во вредъ [1]).

Я упоминаю объ этой политикѣ только для того, чтобы отвергнуть ее: она произвела цензуру книгъ; она произвела инквизицію; она произвела бы вѣчную грубость и невѣжество человѣческаго рода.

Я хочу здѣсь показать: 1) Что распространеніе знаній въ цѣломъ не вредно, такъ какъ преступленія утонченности менѣе страшны, чѣмъ преступленія невѣжества. 2) Что самый выгодный способъ уничтожать зло, могущее произойти отъ извѣстной степени знаній, есть—увеличить ихъ количество.

Я говорю прежде всего, что распространеніе просвѣщенія въ цѣломъ не вредно. Нѣкоторые писатели думали, или повидимому думали, что чѣмъ меньше люди имѣютъ знаній, тѣмъ они лучше,—что чѣмъ меньше они просвѣщенны, тѣмъ меньше они знаютъ вещи, которыя служатъ мотивомъ къ злу или средствомъ для его совершенія. Если такого мнѣнія держатся фанатики, я не удивляюсь этому, такъ какъ существуетъ естественная и постоянная вражда между знаніемъ вещей дѣйствительныхъ, полезныхъ и понятныхъ и знаніемъ вещей воображаемыхъ, безполезныхъ и непонятныхъ.—Но этотъ взглядъ на опасность знаній—довольно обыкновенный взглядъ массы человѣческаго рода. Съ сожалѣніемъ говорятъ о золотомъ вѣкѣ, когда люди ничего не знали.—Для того, чтобы обнаружить недоразумѣніе, на которомъ этотъ взглядъ основывается, нуженъ болѣе точный методъ оцѣнки зла преступленія, чѣмъ тотъ, какимъ мы пользовались до сихъ поръ.

---

[1]) Хотя знаніе (knowledge) считается обыкновенно вещью, отдѣльной отъ силы или возможности (power), но на дѣлѣ оно составляетъ ея отрасль; это—отрасль этой силы, имѣющая свое мѣстопребываніе въ душѣ. Прежде чѣмъ человѣкъ можетъ совершить актъ, онъ долженъ знать двѣ вещи: мотивы сдѣлать его и средства исполнить его. Можно различать два рода знаній: знаніе мотивовъ и знаніе средствъ; первое составляетъ наклонность, второе составляетъ часть силы. Б.

Что преступленія утонченности бывали ненавистнѣе, чѣмъ преступленія невѣжества, т. е. дикаго насилія, я не удивляюсь этому. Судя объ объемѣ преступленій, люди больше слѣдовали принципу антипатіи, чѣмъ принципу пользы. Антипатія больше смотритъ на видимую испорченность характера, обнаруживаемую преступленіемъ, чѣмъ на всякое другое обстоятельство. Въ глазахъ страсти, это—punctum saliens каждаго акта, и въ сравненіи съ этимъ строгое изслѣдованіе пользы всегда кажется холоднымъ. Итакъ, чѣмъ больше преступленіе обнаруживаетъ знанія и утонченности, чѣмъ больше оно показываетъ въ своемъ виновникѣ размышленія, тѣмъ больше оно указываетъ испорченность его нравственнаго настроенія: но зло преступленія, единственный предметъ разсмотрѣнія по принципу пользы, опредѣляется не одной только испорченностью характера: оно непосредственно зависитъ отъ страданій лицъ, терпящихъ отъ преступленія, и отъ тревоги, происходящей изъ этого для цѣлаго общества; и въ суммѣ зла испорченность, обнаруживаемая виновнымъ индивидуумомъ, есть обстоятельство, отягчающее вину, но не существенное.

Величайшія преступленія суть тѣ, для которыхъ достаточно самой ничтожной степени знанія; самый невѣжественный индивидуумъ всегда знаетъ достаточно для того, чтобы совершать эти преступленія. Наводненіе есть болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ поджогъ, поджогъ болѣе тяжкое, чѣмъ убійство, убійство—чѣмъ воровство, воровство—чѣмъ мошенничество. Это положеніе можно доказать ариѳметическимъ способомъ, реестромъ статей зла съ той и съ другой стороны, сравненіемъ объема зла для каждаго потерпѣвшаго индивидуума, и числомъ лицъ, затронутыхъ преступленіемъ. Но сколько же нужно имѣть знаній для того, чтобы быть въ состояніи совершить эти преступленія? Самое свирѣпое изъ всѣхъ этихъ преступленій требуетъ только такой степени знаній, какая доступна самому варварскому, самому дикому изъ людей.

Изнасилованіе хуже обольщенія или прелюбодѣянія; но изнасилованіе бываетъ гораздо чаще во времена грубыя, обольщеніе и прелюбодѣяніе чаще въ вѣка цивилизованные.

Распространеніе знаній не увеличило числа преступленій, и даже легкости ихъ совершенія; оно только сдѣлало болѣе разнообразными средства производить ихъ: и какъ оно сдѣлало это? Постепенно замѣняя болѣе вредныя преступленія менѣе вредными.

Если изобрѣтается новый способъ мошенничества, то изобрѣтатель нѣсколько времени пользуется своимъ открытіемъ: но скоро секретъ его разоблачается и люди становятся осторожнѣе. Такимъ образомъ ему приходится прибѣгать къ другому средству, которое также служитъ нѣ-

сколько времени и затѣмъ перестаетъ годиться. Все это еще только мошенничество, менѣе дурная вещь, чѣмъ воровство, которое въ свою очередь менѣе дурная вещь, чѣмъ разбой [1]). Почему? Потому что увѣренность каждаго человѣка въ своемъ благоразуміи, въ своей проницательности, не допускаетъ въ немъ такой тревоги въ случаѣ мошенничества, какъ въ случаѣ воровства.

Допустимъ, впрочемъ, что дурные люди злоупотребляютъ всѣмъ,— что чѣмъ больше они знаютъ, тѣмъ больше они имѣютъ средствъ дѣлать зло: что слѣдуетъ изъ этого?

Еслибы хорошіе и дурные люди составляли два особыя племени, какъ бѣлые и черные, то можно было бы просвѣщать однихъ и держать въ невѣжествѣ другихъ. Но такъ какъ различать ихъ невозможно и такъ какъ альтернатива хорошаго и дурнаго слишкомъ часто встрѣчается въ однихъ и тѣхъ же индивидуумахъ, то для всѣхъ нуженъ одинъ законъ. Всеобщее просвѣщеніе или всеобщее невѣжество; середины здѣсь нѣтъ.

Но лекарство является изъ самаго зла. Знанія дали бы дурнымъ людямъ преимущество только въ той мѣрѣ, въ какой они владѣли бы имъ исключительно. Узнанная ловушка перестаетъ быть ловушкой. Самые невѣжественные народы умѣли отравлять ядомъ острія своихъ стрѣлъ, но только цивилизованные народы могли узнать всѣ яды и уничтожать ихъ дѣйствіе противоядіями.

Всѣ люди могутъ совершать преступленія; но только люди просвѣщенные могутъ находить законы для ихъ предупрежденія. Чѣмъ человѣкъ ограниченнѣе, тѣмъ больше онъ склоненъ отдѣлять свой интересъ отъ интереса себѣ подобныхъ, чѣмъ онъ просвѣщеннѣе, тѣмъ больше онъ будетъ понимать единство своего личнаго интереса съ общимъ интересомъ.

Просмотрите исторію: вѣка самые варварскіе представляютъ вамъ собраніе всѣхъ преступленій, и даже преступленія мошенничества въ

[1]) Я предполагаю всегда, что вредъ преступленія одинъ и тотъ же; потому что съ извѣстной точки зрѣнія мошенничество можетъ быть хуже, такъ какъ посредствомъ мошенничества можно овладѣть гораздо большей суммой, чѣмъ посредствомъ грабежа на большой дорогѣ.

Доказательства превосходства новѣйшихъ нравовъ надъ древними временами см. у Юма (Опытъ о населеніи). Доказательства превосходства ихъ надъ готическими вѣками см. у Вольтера, Histoire générale; Юма, въ Англ. Исторіи; Робертсона, во Введеніи къ ист. Карла V; Барингтона, Замѣчанія объ англ. статутахъ, и Шевалье Шастелю (Chastellux), въ его Traité de la Félicité publique (сочиненіе хорошо задуманное, но посредственно исполненное). Б.

такой же степени, какъ преступленія насилія. Грубость производитъ пороки и не исключаетъ ни одного. Когда всего больше распространены были ложныя права и ложныя донаціи? Когда клерикальное сословіе одно умѣло читать, когда вслѣдствіе превосходства своихъ знаній оно смотрѣло на людей почти такъ же какъ мы смотримъ на лошадей, которыхъ мы не могли бы держать въ уздѣ, еслибы ихъ умственныя способности увеличились. Почему, въ тѣ же средніе вѣка прибѣгали къ юридическимъ поединкамъ, къ испытаніямъ огнемъ и водой, къ такъ-называемому божьему суду? Потому что въ этомъ младенчествѣ разума не было принципа, чтобы различать истину отъ лжи въ показаніяхъ свидѣтелей.

Сравните послѣдствія въ тѣхъ правленіяхъ, которыя стѣсняли публикацію мыслей, и въ тѣхъ, которыя предоставляли имъ свободный ходъ. Съ одной стороны вы имѣете Испанію, Португалію, Италію; съ другой стороны вы имѣете Англію, Голландію, Сѣверную Америку. Гдѣ больше хорошихъ нравовъ и счастія? гдѣ совершается больше преступленій? гдѣ общество болѣе мирно и болѣе безопасно?

Много разъ восхвалялись учрежденія, гдѣ главы пользовались монополіей знаній. Таковы были жрецы въ древнемъ Египтѣ, брамины въ Индіи, іезуиты въ Парагваѣ. На это надобно сдѣлать два замѣчанія: первое, что если ихъ поведеніе заслуживаетъ похвалъ, то только относительно интереса тѣхъ самыхъ людей, которые придумали эту форму правленія, а не тѣхъ, которые были ей подчинены. Я готовъ допустить, что народы были спокойны и послушны при этихъ теократіяхъ; но были ли они счастливы? Я не думаю этого, если по крайней мѣрѣ низкое рабство, пустые страхи, безполезныя обязательства, тяжелыя лишенія, печальное свойство понятій составляютъ препятствіе къ счастію.

Другое замѣчаніе то, что они достигали своей цѣли не столько тѣмъ, что сохраняли естественное невѣжество, сколько тѣмъ, что распространяли предразсудки и заблужденія. Сами руководители всегда кончали тѣмъ, что дѣлались жертвами этой узкой и малодушной политики. Народы, удерживаемые постоянно на низшей степени образованія учрежденіями, которыя препятствуютъ всякаго рода прогрессу, дѣлались добычей тѣхъ народовъ, которые пріобрѣтали сравнительно высшую степень образованія. Эти націи, старѣвшія въ дѣтствѣ подъ опекой, которая поддерживала ихъ неразвитость, чтобы легче управлять ими, всегда легко дѣлались добычей завоеванія и разъ покоренныя потомъ только мѣняли цвѣтъ своихъ цѣпей.

Но — скажутъ на это—у насъ нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы привести людей къ невѣжеству: всѣ правительства чувствуютъ необходимость просвѣщенія. Предметъ ихъ опасеній есть свобода печати. Они никогда

не будутъ противиться изданію научныхъ книгъ; но не имѣютъ ли они основаній препятствовать изданію сочиненій безнравственныхъ или возмутительныхъ, вредъ которыхъ поздно предупреждать тогда, когда они уже вышли въ свѣтъ? Наказать одного виновнаго значитъ, быть можетъ, предупредить тѣхъ, кто бы вздумалъ подражать ему; но помѣшать, посредствомъ установленія цензуры, изданію дурныхъ книгъ, это значитъ остановить ядъ въ самомъ источникѣ.

Свобода печати имѣетъ свои неудобства. Но при всемъ томъ вредъ, могущій произойти отъ нея, нельзя сравнивать съ вредомъ отъ цензуры.

Гдѣ вы найдете такого рѣдкаго генія, тотъ высшій умъ, того смертнаго, доступнаго для всѣхъ истинъ и недоступнаго для всѣхъ страстей, которому бы вы могли поручить эту высшую диктатуру надъ всѣми произведеніями человѣческаго ума? Неужели вы думаете, что Локкъ, Лейбницъ, Ньютонъ рѣшились бы взять на себя эту диктатуру? И въ чемъ состоитъ власть, которую вы принуждены дать людямъ обыкновеннымъ? Это—власть, въ исполненіи которой по неизбѣжной странности заключаются всѣ причины къ нарушенію своей обязанности и всѣ отличительныя черты несправедливости. Что такое цензоръ? Это судья заинтересованный, судья единственный, судья дѣйствующій по произволу, —производящій свою судебную процедуру тайно,—осуждающій безъ выслушанія доводовъ, и рѣшающій безъ апелляціи. Тайна, величайшее изъ злоупотребленій, есть самая сущность этой вещи. Заставить вести публично процессъ о книгѣ, это значило бы публиковать ее для того, чтобы узнать, надо ли ее публиковать.

Что касается до вреда, который можетъ произойти изъ цензуры, этого вреда невозможно исчислить, потому что невозможно сказать, гдѣ онъ останавливается. Это—ни что иное какъ опасность остановить всѣ успѣхи человѣческаго ума во всѣхъ его областяхъ. Всякая любопытная и новая истина должна имѣть много враговъ, по одному тому, что она любопытна и нова. Можно ли предположить, что цензоръ принадлежитъ къ тому безконечно немногочисленному классу людей, который возвышается надъ господствующими предразсудками? И еслибы у него даже была эта столь рѣдкая сила ума, будетъ ли у него мужество подвергать себя опасности изъ-за открытій, слава которыхъ будетъ принадлежать не ему? Для него остается одинъ безопасный исходъ: это—запрещать все то, что выдѣляется изъ ряда ходячихъ понятій, налагать свою рѣжущую косу на все, что становится выше ихъ. Запрещая, онъ не рискуетъ ничѣмъ; позволяя, онъ рискуетъ всѣмъ. Въ случаѣ сомнительномъ потерпитъ не онъ: подавлена будетъ истина.

Еслибы люди, обладающіе авторитетомъ, могли останавливать ходъ

человѣческаго ума, то чтó было бы изъ насъ теперь? Религія, законодательство, наука о природѣ, нравственность, все оставалось бы во мракѣ. Я не буду повторять здѣсь слишкомъ извѣстныхъ доказательствъ.

Истинная, настоящая цензура есть цензура просвѣщеннаго общества, которая предастъ осужденію опасныя и ложныя мнѣнія и которая поощряетъ полезныя открытія. Дерзость пасквиля, въ странѣ свободной, не спасаетъ его отъ общаго презрѣнія; но по противорѣчію, которое легко объясняется, снисходительность публики въ этомъ отношеніи всегда бываетъ пропорціональна строгости правительства.

ГЛАВА III.

Непрямыя средства предупреждать волю совершать преступленія.

Мы видѣли, что законодательство можетъ дѣйствовать только оказывая вліяніе на силу, знаніе и наклонность. Мы говорили о непрямыхъ средствахъ отнять у человѣка силу вредить: сейчасъ мы показали что политика, которая бы стала мѣшать людямъ пріобрѣтать просвѣщеніе, была бы скорѣе вредна, чѣмъ выгодна. Итакъ, всѣ средства, какія могутъ быть употреблены, сводятся къ тому, чтобы направлять наклонности людей, вводить въ дѣло правила логики, до сихъ поръ мало извѣстной, логики воли, логики, которая часто оказывается въ противорѣчіи съ логикой пониманія, какъ говоритъ объ этомъ поэтъ:

Video meliora
Proboque, et deteriora sequor.

Средства, о которыхъ мы будемъ говорить, могутъ во многихъ случаяхъ прекращать этотъ внутренній раздоръ, уменьшать это противорѣчіе между мотивами, которое часто существуетъ только по неумѣнію законодателя, по той оппозиціи, которую производитъ онъ самъ между естественной санкціей и политической, между санкціей нравственной и санкціей религіозной. Если онъ съумѣетъ свести всѣ эти силы къ одной цѣли, то всѣ способности человѣка будутъ находиться въ гармоніи и воля вредить не будетъ существовать. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этой цѣли достигнуть невозможно, надобно по крайней мѣрѣ, чтобъ силы охраняющихъ мотивовъ преобладали надъ силой мотивовъ соблазняющихъ.

Я предложу здѣсь непрямыя средства, которыми можно оказывать вліяніе на волю, въ формѣ политическихъ или нравственныхъ проблемъ, и покажу рѣшеніе ихъ въ разныхъ примѣрахъ.

I Проблема. Отвести путь опасныхъ желаній и направить наклонности къ развлеченіямъ, всего болѣе сообразнымъ съ общественнымъ интересомъ.

II. Сдѣлать такъ, чтобы данное желаніе удовлетворялось безъ ущерба или съ наименьшимъ возможнымъ ущербомъ.

III. Не давать поощренія преступленіямъ.

IV. Увеличить отвѣтственность лицъ тѣмъ больше, чѣмъ больше они подвергаются искушенію вредить.

V. Уменьшить чувствительность къ искушенію.

VI. Усилить впечатлѣніе наказаній на воображеніе.

VII. Облегчить знаніе совершеннаго преступленія.

VIII. Помѣшать преступленію, давая многимъ лицамъ прямой интересъ его предвидѣть.

IX. Облегчить средства узнать и найти индивидуумовъ.

X. Увеличить для правонарушителей трудность бѣгства.

XI. Уменьшить сомнительность судопроизводства и наказаній.

XII. Запретить преступленія добавочныя или второстепенныя (accessory) чтобы предупредить главное преступленіе.

Послѣ этихъ средствъ, имѣющихъ спеціальную цѣль, мы укажемъ другія, болѣе общія, какъ напримѣръ воспитаніе чувства благосклонности (доброжелательности), воспитаніе чести, употребленіе мотивовъ религіи, употребленіе, какое можно извлечь изъ силы обученія и силы воспитанія.

ГЛАВА IV

Отвести путь опасныхъ желаній и направить наклонности къ развлеченіямъ, всего болѣе сообразнымъ съ общественнымъ интересомъ.

Цѣль прямаго законодательства состоитъ въ томъ, чтобы подавлять вредныя желанія запрещеніями и наказаніями, направленными противъ вредныхъ актовъ, которые могутъ быть порождены этими желаніями. — Цѣль непрямаго законодательства состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать ихъ вліянію, увеличивая силу менѣе опасныхъ желаній, которыя могутъ вступить съ ними въ соперничество.

Намъ надо разсмотрѣть двѣ вещи. — Какія тѣ желанія, которыя было бы полезно ослабить? — Какими средствами можно достигнуть этой цѣли?

Вредныя желанія бываютъ трехъ родовъ: 1) страсти недоброжелательныя; 2) страсть къ опьяняющимъ напиткамъ; 3) праздность.

Средства уменьшить ихъ сводятся къ тремъ: 1) поощрять честныя побужденія; 2) не вынуждать людей къ состоянію лѣности; 3) благопріятствовать потребленію напитковъ не опьяняющихъ, предпочтительно передъ тѣми, которые имѣютъ это свойство.

Нѣкоторые могутъ удивиться, что каталогъ порочныхъ наклонностей такъ не великъ; но я замѣчу имъ, что человѣческое сердце не имѣетъ страсти абсолютно дурной. Нѣтъ изъ нихъ ни одной, которую бы не нужно было направлять, ни одной, которую бы должно было уничтожить. Говорятъ, что ангелъ, приготовлявшій Магомета къ его пророческой миссіи, вырвалъ у него изъ сердца черное пятно, заключавшее въ себѣ сѣмя зла. Къ несчастью, этой операціи нельзя сдѣлать съ сердцемъ обыкновенныхъ людей. Сѣмена добра и сѣмена зла перемѣшаны нераздѣльно. Наклонности управляются мотивами; но мотивами бываютъ всѣ страданія и всѣ удовольствія,—всѣ страданія, которыхъ человѣку хочется избѣжать, всѣ удовольствія, которыя хочется получить. А эти мотивы могутъ производить всякаго рода дѣйствія, отъ самыхъ хорошихъ до самыхъ дурныхъ. Это—деревья, производящія превосходные плоды или яды, смотря по мѣсту, гдѣ они находятся, смотря по уходу садовника и даже смотря по господствующему вѣтру и температурѣ дня. Самая чистая благосклонность, слишкомъ стѣсненная въ своихъ цѣляхъ, или ошибающаяся въ своихъ средствахъ, произведетъ преступленія. Личныя привязанности, хотя могутъ при случаѣ дѣлаться вредными, бываютъ постоянно болѣе необходимы: и страсти недоброжелательныя, при всей ихъ уродливости, все-таки полезны какъ средства защиты, какъ охрана противъ нападеній на личный интересъ. Поэтому вопросъ не въ томъ, чтобы искоренять какое-нибудь изъ ощущеній человѣческаго сердца, потому что изъ нихъ нѣтъ ни одного, которое бы не играло своей роли въ системѣ пользы. Весь вопросъ сводится къ тому, чтобы дѣйствовать на эти наклонности смотря по направленіямъ, какія онѣ принимаютъ, и по дѣйствіямъ, какія отъ нихъ можно предвидѣть. Между этими наклонностями можно еще установить извѣстное равновѣсіе, укрѣпляя тѣ, которыя могутъ нуждаться въ усиленіи, и ослабляя тѣ, которыя уже слишкомъ сильны. Такимъ образомъ человѣкъ, воздѣлывающій землю, направляетъ теченіе водъ, чтобы не сдѣлать орошенія слишкомъ недостаточнымъ и предупредить наводненія плотинами. Искусство дѣлать плотины состоитъ въ томъ, чтобы дать исходъ теченію, которое бы увлекло своей стремительностью всякія препятствія, какія поставили бы противъ него прямо.

Страсть къ опьяняющимъ напиткамъ, собственно говоря, есть единственная, которую можно было бы искоренить безъ всякаго вреда; потому что гнѣвныя страсти, какъ я сказалъ, составляютъ необходимый стимулъ въ томъ случаѣ, когда людямъ нужно гарантировать себя отъ оскорбленій, отразить нападенія своихъ враговъ. Любовь къ покою сама по себѣ не вредна; праздность есть зло въ особенности потому, что она благопріятствуетъ вліянію вредныхъ страстей. Тѣмъ не менѣе, эти три желанія надо считать такими, которыя должны быть одинаково подавляемы. И при этомъ нечего опасаться, чтобы можно было имѣть слишкомъ большой успѣхъ противъ лѣни или чтобы страсти гнѣвныя можно было поставить ниже того пункта, гдѣ онѣ полезны.

Первое средство, какъ я сказалъ, есть — поощрять невинныя развлеченія. Это — часть той весьма сложной и очень мало опредѣленной науки, которая состоитъ въ томъ, чтобы двигать впередъ цивилизацію. Состояніе варварства отличается отъ цивилизаціи двумя характеристическими чертами: 1) силой гнѣвныхъ стремленій; 2) небольшимъ числомъ предметовъ наслажденія, какіе представляются сами стремленіямъ эгоистическихъ (concupiscible) желаній [1].

Занятія дикаря, когда онъ добылъ себѣ необходимыя средства существованія,—единственное, что его заботитъ,—очень немногосложны. Исполненіе какой-нибудь мести, — удовольствіе опьяненія, если есть чѣмъ,—сонъ или полнѣйшая лѣнь, вотъ всѣ его рессурсы. Каждая изъ этихъ наклонностей благопріятна для развитія и дѣйствія всякой другой. Досада и озлобленіе легко находятъ доступъ въ пустой умъ: лѣнь побуждаетъ его напиваться пьянымъ; и опьяненіе производитъ ссоры, которыя порождаютъ и размножаютъ озлобленіе. Удовольствія любви, не усложняемыя сантиментальными утонченностями, которыя даютъ имъ прелесть и усиливаютъ ихъ, повидимому не играютъ въ жизни дикаря большой роли и мало наполняютъ промежутки его трудовъ.

При правильномъ правительствѣ необходимость мщенія уничтожается покровительствомъ закона, и удовольствіе предаваться ему подавляется страхомъ наказанія. Сила праздности ослабляется, но любовь къ крѣпкимъ напиткамъ не уменьшается. Нація дикарей и нація охотниковъ, это выраженія равнозначительныя. Жизнь охотника даетъ длинные промежутки досуга, также какъ жизнь рыбака, если только люди знаютъ

---

[1]) Это различеніе, сдѣланное старыми схоластиками, довольно полно: къ первому классу принадлежатъ удовольствія неблагосклонности; ко второму— всѣ другія удовольствія. Б.

средства сохранять роды пищи, происходящіе отъ рыбной ловли. Но въ государствѣ цивилизованномъ масса общества состоитъ изъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ, у которыхъ досуга достаетъ только для сна и отдыха. Къ несчастью страсть къ крѣпкимъ напиткамъ можетъ быть удовлетворяема въ жизни очень трудолюбивой, и она беретъ время, предназначенное для покоя. Бѣдность ставитъ ее въ менѣе выгодныя условія, но ремесленники, трудъ которыхъ оплачивается лучше, могутъ дѣлать большія жертвы этому печальному вкусу, а классы богатые могутъ отдавать ему все свое время. Такимъ образомъ въ вѣка грубости мы видимъ, что высшіе классы проводятъ всю свою жизнь въ войнѣ, охотѣ, представляющей образъ войны, въ животныхъ отправленіяхъ и длинныхъ пированьяхъ, главную привлекательность которыхъ составляетъ пьянство. Такова вся исторія крупнаго владѣльца, большаго феодальнаго сеньора въ средніе вѣка. Привилегія этого благороднаго рыцаря и этого благороднаго охотника, кажется, состоитъ въ томъ, что онъ перенесъ и въ болѣе цивилизованное общество занятія и характеръ дикаря

При этомъ положеніи вещей всякое невинное развлеченіе, какое только можетъ изобрѣсти человѣческое искусство, полезно въ двоякомъ отношеніи: 1) по самому удовольствію, какое отъ него происходитъ; 2) по своей тенденціи ослаблять тѣ опасныя наклонности, которыя человѣкъ имѣетъ отъ природы. И когда я говорю о невинныхъ развлеченіяхъ, я разумѣю тѣ, относительно которыхъ нельзя доказать, что они вредны. Такъ какъ ихъ введеніе благопріятно для счастія общества, то законодатель обязанъ поощрять ихъ или, по крайней мѣрѣ, не противиться имъ. Я упомяну объ нихъ, начиная съ тѣхъ, которыя считаются самыми грубыми, и доходя потомъ до тѣхъ, которыя предполагаютъ больше утонченности.

1. Введеніе разнаго рода пищи, и успѣхи садоводства и огородничества, примѣненные къ разведенію питательныхъ растеній.

2. Введеніе не опьяняющихъ напитковъ, изъ которыхъ главные— кофе и чай. Эти два предмета удивятъ поверхностные умы своимъ появленіемъ въ каталогѣ нравственныхъ предметовъ, но они полезны тѣмъ больше, что они вступаютъ въ прямую конкурренцію съ опьяняющими напитками [1]).

---

[1]) Знаменитый Гогартъ нарисовалъ двѣ картины, называющіяся Beer street (Пивная улица) и Gin-lane (Водочный переулокъ). Въ первой все дышетъ веселостью и здоровьемъ; во второй—бѣдностью и болѣзнью. Этотъ удивительный художникъ поучалъ своей кистью и больше думалъ о нравственности, чѣмъ тѣ, кто выдаетъ себя за профессоровъ въ этой наукѣ. Б.

3. Успѣхи во всемъ, что составляетъ изящество, въ платьѣ, въ мебели, въ украшеніи садовъ и т. д.

4. Изобрѣтеніе игръ и препровожденій времени, или атлетическихъ, или сидячихъ, между которыми важное мѣсто занимаютъ карты. Я исключаю только азартныя игры. Эти спокойныя игры сблизили два пола и уменьшили скуку, эту спеціальную болѣзнь человѣческаго рода, особенно богатаго класса и старости.

5. Занятіе музыкой.

6. Театры, собранія, публичныя увеселенія [1]).

7. Занятія искусствами, науками, литературой.

Когда эти различныя средства удовольствія разсматриваются въ противоположность необходимымъ средствамъ существованія, ихъ называютъ *предметами роскоши*: если ихъ тенденція дѣйствительно такова, какъ мы указываемъ то,—какъ ни странно это можетъ показаться,—роскошь есть скорѣе источникъ добродѣтели, чѣмъ порока.

Эта отрасль политики не была оставлена въ совершенномъ пренебреженіи; но на нее обращали вниманіе больше съ политической, чѣмъ съ нравственной точки зрѣнія. Цѣлью было при этомъ скорѣе сдѣлать народъ спокойнымъ и покорнымъ правительству, чѣмъ—сближать тѣснѣе гражданъ между собой, дѣлать ихъ болѣе счастливыми, болѣе трудолюбивыми, болѣе честными.

Игры въ циркѣ были однимъ изъ главныхъ предметовъ вниманія у Римлянъ: это было не только средство примирить народныя чувства, но и отвратить взгляды народа отъ общественныхъ дѣлъ. Извѣстны слова танцовщика Пилада Августу.

Кромвель, которому его аскетическіе принципы не давали этого рессурса, не имѣлъ другаго средства занять умы, какъ увлечь націю въ иноземныя войны.

Въ Венеціи правительство, до послѣдней степени ревнивое къ своей власти, показывало величайшую снисходительность къ удовольствіямъ.

Процессіи и другія торжества католическихъ странъ стремятся отчасти къ той же цѣли, какъ игры цирка.

Всѣ эти учрежденія считались у политическихъ писателей средствами смягчать иго власти, обращать умы на пріятные предметы, и мѣшать заниматься правительствомъ. Этотъ результатъ, хотя и не былъ

[1]) «Д'Аржансонъ разсказывалъ, что когда онъ былъ начальникомъ полиціи, въ Парижѣ совершено было гораздо больше безпорядковъ и буйства въ теченіе двухъ недѣль Пасхи, когда театры закрыты, чѣмъ въ четыре мѣсяца сезона, когда они открыты». Mémoires de Pollnitz, t. III, p. 312.

цѣлью при установленіи этихъ учрежденій, могъ доставить имъ больше благосклонности, когда они были установлены.

Петръ I прибѣгнулъ къ болѣе высокой и болѣе благородной политикѣ.

Нравы русскихъ, за исключеніемъ трезвости, были скорѣе азіатскіе, чѣмъ европейскіе. Петръ I, желая умѣрить грубость и смягчить жестокость нравовъ, употребилъ средства, которыя, быть можетъ, были отчасти слишкомъ прямы. Онъ употребилъ всѣ возможныя поощренія и дошелъ до насилія, чтобы ввести европейское платье, зрѣлища, собранія, искусства. Побудить подданныхъ къ подражанію другимъ народамъ Европы, это значило другими словами цивилизовать ихъ; но во всѣхъ этихъ нововведеніяхъ онъ встрѣчалъ величайшее сопротивленіе. Зависть, ревность, презрѣніе и множество противообщественныхъ страстей удаляли ихъ отъ сближенія съ иноземными соперниками. Страсти уже не узнавали своего предмета, какъ скоро видимые знаки различія были уничтожены. Отнимая у нихъ эту отличавшую ихъ внѣшность, онъ такъ сказать отнималъ у нихъ предлогъ и пищу этой ненависти и соперничества. Онъ присоединялъ ихъ къ великой европейской республикѣ и въ этомъ общеніи съ Европой они могли достигнуть всего.

Строгое соблюденіе воскресенья, какъ оно требуется въ Шотландіи, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, въ Англіи, есть нарушеніе этой политики. Актъ парламента 1781 г. кажется принадлежитъ больше временамъ Кромвеля, чѣмъ нашему вѣку. Онъ принятъ былъ затѣмъ, чтобы отнять у народа въ этотъ день всякія развлеченія, кромѣ чувственныхъ удовольствій, разврата и пьянства. И этотъ законъ, столь противный нравственности, былъ принятъ во имя нравственности. Вслѣдствіе этой строгости, воскресный день сталъ учрежденіемъ въ честь праздности и въ пользу всѣхъ пороковъ.

Чтобы оправдать такой законъ, надо прибѣгнуть къ двумъ предположеніямъ: одно, что развлеченія, невинныя въ продолженіе шести другихъ дней недѣли, измѣняются въ своихъ свойствахъ и становятся вредны въ седьмой; или другое, что праздность, которая есть мать всѣхъ пороковъ, есть охрана религіи. Я не знаю, какъ помирить эти идеи: Videant doctiores [1]).

[1]) Ньюгетскій капелланъ заботливо отмѣчаетъ въ Біографіи преступниковъ, какъ ихъ собственное признаніе, что началомъ ихъ безпорядочности было нарушеніе воскресенья.—Я думаю, вѣрнѣе было бы сказать, что первой причиной безпорядочности было то, что они соблюдали его въ извѣстномъ смыслѣ. Не зная, куда дѣвать свое время и свои деньги, они не

Еслибы религіозное правило противорѣчило такимъ образомъ нравственности, намъ приходилось бы не слушаться его, потому что мы имѣли бы болѣе положительныя доказательства относительно политическихъ слѣдствій учрежденія, чѣмъ можемъ имѣть относительно истины преданія...: въ одномъ случаѣ мы имѣемъ свидѣтельство нашихъ чувствъ: въ другомъ, мы должны ссылаться на свидѣтельства другихъ, передававшіяся изъ рукъ въ руки и ослабленныя всѣми этими посредничествами, которыя болѣе или менѣе измѣняли первоначальныя черты.

Но этого противорѣчія не существуетъ. Эта строгость воскресенья не имѣетъ основанія въ Евангеліи, и она даже противорѣчитъ текстамъ и положительнымъ примѣрамъ. Мудрый Фенелонъ, котораго не обвинятъ въ непониманіи духа христіанской нравственности, порицалъ неблагоразумную строгость священниковъ и не хотѣлъ, чтобы народу его эпархіи запрещалось по воскресеньямъ гулять и танцовать послѣ исполненія религіозныхъ обрядовъ.

Итакъ, я осуждаю здѣсь не день прекращенія обыкновенныхъ трудовъ, и не день, назначенный частью для религіозныхъ обрядовъ, а нелѣпость дѣлать въ этотъ день преступленіе изъ самыхъ необходимыхъ сельскихъ работъ и изъ самыхъ невинныхъ развлеченій.

Отнять у народа одинъ день удовольствій, признанныхъ невинными, значитъ отнять у него часть его счастія: потому что, если счастіе состоитъ не изъ развлеченій, то изъ чего же состоитъ оно? Чѣмъ можно оправдать суровость законодателя, который безъ всякой необходимости отнимаетъ у трудящагося класса маленькія удовольствія, услаждающія горькую чашу его трудовъ, и который, подъ предлогомъ религіи, принуждаетъ этотъ классъ къ печали или къ пороку?

Есть два способа дѣлать зло въ государствѣ: одинъ—вводить страданія, другой—уничтожать удовольствія. Если одинъ изъ этихъ способовъ вреда заслуживаетъ осужденія, то какимъ образомъ другой могъ бы заслуживать похвалы? И тотъ и другой составляютъ акты тиранніи; потому что въ чемъ же можетъ состоять тираннія какъ не въ этомъ? Замѣтьте, что я говорю объ однихъ послѣдствіяхъ; я знаю, что въ виду имѣется какое-нибудь благо; но гораздо легче разсуждать неопредѣленно, чѣмъ вникать въ глубину предмета, гораздо легче колебаться туда и сюда между безразсудствомъ и мудростью, чѣмъ оставаться постоянно при томъ или другомъ, легче слѣдовать силѣ предразсуд-

имѣла другаго рессурса кромѣ кабака. Пьянство дѣлаетъ ихъ буйными, глупыми, разрушаетъ ихъ здоровье, дѣлаетъ неспособными къ труду, удаляетъ отъ бережливости и бросаетъ въ общество, которое ихъ развращаетъ. Б.

ка, чѣмъ сопротивляться потоку. Какъ бы намѣреніе ни было хорошо, не подлежитъ сомнѣнію, что тенденція этого строгаго аскетизма вредна и противна нравственности.

Счастливъ народъ, который становится выше низкихъ и грубыхъ пороковъ, который заботится объ изяществѣ нравовъ, общественныхъ удовольствіяхъ, украшеніи садовъ, объ изящныхъ искусствахъ, наукахъ, публичныхъ играхъ, упражненіяхъ ума! Нравы и вѣрованія, внушающія печаль; правительства, дѣлающія людей недовѣрчивыми и раздѣляющія ихъ, заключаютъ въ себѣ зерно величайшихъ пороковъ и самыхъ вредныхъ страстей.

ГЛАВА V.

Сдѣлать такъ, чтобы данное желаніе удовлетворялось безъ ущерба или съ наименьшимъ возможнымъ ущербомъ.

Желанія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, и другія, о которыхъ мы еще не упоминали, могутъ быть удовлетворяемы различными способами и на различныхъ условіяхъ, во всѣхъ степеняхъ нравственной лѣстницы, отъ невинности до величайшаго преступленія. Чтобы эти желанія могли удовлетворяться безъ ущерба, вотъ первое дѣло, которое надо сдѣлать; но если ихъ нельзя умѣрить до этой степени, то сдѣлать такъ, чтобы ихъ удовлетвореніе не влекло такого большаго ущерба для общества, какой происходитъ отъ нарушенія закона, будетъ—второе дѣло; если нельзя достигнуть даже этого, то устроить все такимъ образомъ, чтобы индивидуумъ, поставленный своими желаніями между двухъ преступленій, былъ побужденъ выбрать менѣе вредное,—будетъ третьимъ дѣломъ: эта послѣдняя цѣль кажется скромной; это родъ сдѣлки съ порокомъ, это значитъ какъ будто торговаться съ нимъ и стараться удовольствовать его по наименьшей возможной цѣнѣ.

Посмотримъ, что можно сдѣлать въ этомъ смыслѣ съ тремя разрядами могущественныхъ желаній: 1) мщеніе; 2) бѣдность; 3) любовь.

Отдѣлъ I. Чтобы удовлетворить безъ ущерба инстинктамъ мщенія, есть два средства: 1) доставить законное удовлетвореніе за всевозможныя оскорбленія; 2) доставить компетентное удовлетвореніе за оскорбленія, касающіяся чести.

Чтобы удовлетворить этимъ требованіямъ мщенія съ наименьшимъ

возможнымъ ущербомъ, есть только одно средство—оказывать снисходительность къ дуэли. Разсмотримъ эти вещи.

1. *Доставить законное удовлетвореніе за всевозможныя оскорбленія.*

Пороки и добродѣтели человѣческаго рода много зависятъ отъ обстоятельствъ общества. Замѣчено, что гостепріимство исполняется всего больше тамъ, гдѣ оно всего болѣе необходимо. Тоже бываетъ и въ мщеніи. Въ естественномъ состояніи страхъ частныхъ мщеній есть единственная узда силы, единственная охрана противъ свирѣпости страстей: онъ соотвѣтствуетъ страху наказанія въ состояніи политическаго общества. Каждый прогрессъ въ судебномъ устройствѣ стремится уменьшать силу мстительныхъ наклонностей и предупреждать акты частной вражды.

Главный интересъ, который имѣется въ виду при законномъ удовлетвореніи, есть интересъ потерпѣвшей стороны. Но самъ оскорбитель находитъ свою выгоду въ этомъ устройствѣ дѣла. Предоставьте человѣку мстить за себя самому, и его мщеніе не знаетъ границъ; предоставьте ему то, что вы въ хладнокровномъ расположеніи духа считаете компетентнымъ удовлетвореніемъ, запрещая ему идти дальше, онъ скорѣе приметъ то, что̀ вы даете ему безъ всякаго риска, чѣмъ подвергать себя суду закона, пытаясь взять большее удовлетвореніе самовольно. Итакъ, вотъ добавочное благо, происходящее изъ старанія доставить легальное удовлетвореніе. Мщеніе предупреждено. Закрытый щитомъ правосудія, правонарушитель послѣ преступленія находится въ состояніи сравнительной безопасности подъ покровительствомъ закона.

Довольно очевидно, что чѣмъ больше мы будемъ заботиться о законномъ удовлетвореніи, тѣмъ больше уменьшается мотивъ, который можетъ побудить потерпѣвшую сторону искать удовлетворенія самой. Пусть всякое страданіе, которое человѣкъ можетъ понести отъ поведенія другаго человѣка, будетъ тотчасъ сопровождаться удовольствіемъ, равноцѣннымъ въ его глазахъ, и потребность мщенія перестала бы существовать. Предположеніе это очевидно преувеличено. Но какъ оно ни преувеличено, въ немъ заключается достаточно истины, чтобы показать, что всякое улучшеніе, какое можно сдѣлать въ этой отрасли правосудія, стремится уменьшить силу страстей мщенія.

Юмъ, говоря о варварскихъ эпохахъ англійской исторіи, замѣтилъ, что очень трудно было побудить потерпѣвшую сторону принять удовлетвореніе; и что законы, относившіеся къ удовлетворенію, столько же имѣли въ виду ограничить озлобленіе, какъ и доставить ему удовольствіе.

Этого мало: установите легальное наказаніе за обиду, вы даете

мѣсто великодушію; вы создаете добродѣтель. Прощать обиду, когда законъ предлагаетъ удовлетвореніе, значитъ получить надъ своимъ противникомъ извѣстный родъ превосходства черезъ то одолженіе, какое отсюда происходитъ. Прощенія уже нельзя приписывать слабости; мотивъ его стоитъ выше всякаго подозрѣнія.

2. Доставить компетентное удовлетвореніе за оскорбленіе, касающееся въ частности чести.

Этотъ разрядъ оскорбленій требуетъ тѣмъ больше вниманія, что они имѣютъ особенное стремленіе вызывать страсти мщенія. Я сказалъ о нихъ достаточно въ кн. II, гл. XIV, и не буду къ нимъ возвращаться.

Въ этомъ отношеніи французская юриспруденція долго превосходила всѣ другія.

Англійская юриспруденція особенно недостаточна въ этомъ пунктѣ. Она не знаетъ чести. Она не имѣетъ никакого другаго средства оцѣнять тѣлесное оскорбленіе кромѣ размѣровъ раны. — Она не подозрѣваетъ, что въ потерѣ репутаціи можетъ быть другое зло, кромѣ потери денегъ, которая можетъ быть ея слѣдствіемъ.—Она считаетъ деньги средствомъ отъ всѣхъ золъ, смягченіемъ всѣхъ позоровъ, уравновѣшеніемъ всѣхъ оскорбленій.—Тотъ, который не получилъ ихъ, не имѣетъ ничего; тотъ, которому ихъ дали, не можетъ нуждаться ни въ чемъ. — Никакого удовлетворенія кромѣ денежнаго.—Но не слѣдуетъ упрекать настоящее поколѣніе за грубость варварскихъ вѣковъ; законы были установлены раньше, чѣмъ развились чувства чести. Честь существуетъ въ трибуналѣ общественнаго мнѣнія, и его рѣшенія произносятся даже съ особенной силой.

Однакоже нельзя сомнѣваться, чтобы молчаніе закона не имѣло дурнаго дѣйствія. Англичанинъ, пріѣзжая во Францію, не можетъ не замѣтить, что чувство чести и презрѣніе къ деньгамъ спускаются, такъ сказать, въ низшія сословія гораздо больше во Франціи, чѣмъ въ Англіи; это различіе замѣтно въ особенности въ арміи. Чувство славы, гордость безкорыстія обнаруживаются вездѣ въ простыхъ солдатахъ, и по ихъ мнѣнію оцѣнить хорошій поступокъ на деньги значило бы унизить его. Почетная сабля есть первая изъ наградъ.

3. Оказывать снисходительность къ дуэли.

Если оскорбленный человѣкъ не хочетъ удовольствоваться удовлетвореніемъ, предлагаемымъ законами, надо быть снисходительнымъ къ дуэли. Гдѣ дуэль установлена въ правахъ, тамъ почти не слышно объ отравленіяхъ и убійствахъ. Легкое зло, происходящее отъ нея, есть

*

какъ будто страховая премія, посредствомъ которой нація гарантируетъ себя за тяжелое зло двухъ другихъ преступленій.—Дуэль есть предохранительное средство для вѣжливости и мира: страхъ быть принужденнымъ сдѣлать или получить вызовъ уничтожаетъ ссоры въ самомъ началѣ.—Греки и Римляне—говорятъ намъ—умѣли понимать славу, и не знали дуэли.—Тѣмъ хуже для нихъ: ихъ чувство славы не мѣшало ни яду, ни убійству. Въ политическихъ раздорахъ Аѳинянъ, одна половина гражданъ дѣлала комплотъ для уничтоженія другой. — Посмотрите, что дѣлается въ Англіи, въ Ирландіи, и сравните съ раздорами Греціи и Рима. Клодій и Милонъ, по нашимъ нравамъ, стали бы драться на дуэли: по римскимъ нравамъ, *они придумывали взаимно планы* убійства и тотъ, кто убилъ своего противника, только предупредилъ его.

На островѣ Мальтѣ дуэль стала родомъ бѣшенства и, такъ сказать, гражданской войны. Одинъ изъ гросмейстеровъ сдѣлалъ такіе суровые законы и исполнялъ ихъ такъ строго, что дуэль прекратилась; но она уступила мѣсто преступленію, соединяющему съ жестокостью низость. Убійство, прежде неизвѣстное между рыцарями, стало такъ обыкновенно, что скоро стали сожалѣть о дуэли и наконецъ допускали ее намѣренно въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстные часы. Результатъ былъ таковъ, какого ожидали. Какъ скоро была открыта честная дорога для мщенія, тайныя средства сдѣлались позорными.

Въ Италіи дуэли рѣже, чѣмъ во Франціи и въ Англіи: отравленія и убійства гораздо чаще.

Во Франціи законы противъ дуэли были строги, но ихъ умѣли избѣгать. Согласившись драться, люди сговаривались устроить ссору, въ качествѣ прелюдіи.

Въ Англіи законъ смѣшиваетъ дуэль и убійство; но присяжные не смѣшиваютъ ихъ: они оправдываютъ или, что одно и тоже, они произносятъ manslaughter (невольное убійство). Народъ лучше руководится здравымъ смысломъ, чѣмъ юристы своей наукой. Не лучше ли было бы поставить средство въ законъ, чѣмъ въ нарушеніе закона?

Отдѣлъ II. Переходимъ къ бѣдности: намъ слѣдуетъ разсмотрѣть здѣсь интересы самихъ бѣдныхъ и интересы общества.

Человѣкъ, лишенный средствъ существованія, побуждается самымъ непреодолимымъ изъ мотивовъ къ совершенію всѣхъ преступленій, которыми онъ можетъ удовлетворить своимъ нуждамъ. Гдѣ этотъ стимулъ существуетъ, его безполезно было бы стараться уничтожить страхомъ наказаній, потому что немногія изъ нихъ могутъ быть больше, чѣмъ страданіе голодной смерти, и ни одно изъ нихъ, по своей сомнительно-

сти и отдаленности, не может казаться больше этого страданія. Итакъ, отъ слѣдствій бѣдности можно гарантировать себя не иначе, какъ доставляя необходимое тѣмъ, у кого этого необходимаго нѣтъ.

Въ этомъ отношеніи, бѣдныхъ можно раздѣлить на четыре разряда: 1) бѣдняки трудолюбивые — которымъ нуженъ только трудъ, чтобы жить; 2) бѣдные лѣнивые—которымъ больше нравится полагаться на сомнительную благотворительность проходящихъ, чѣмъ существовать своимъ трудомъ; 3) люди подозрительные—которые, будучи судимы за преступленіе и освобожденные по недостаточности доказательствъ, остались съ пятномъ на своей репутаціи, которое мѣшаетъ имъ найти занятіе; 4) преступники, окончившіе срокъ своего заключенія и выпущенные на свободу. Этихъ различныхъ разрядовъ не надобно смѣшивать, и въ заведеніяхъ для бѣдныхъ надо съ особенной заботливостью отдѣлять разряды подозрительные и разряды невинные. Паршивая овца, по пословицѣ, портитъ все стадо.

Все, что̀ бѣдные могли бы выручить своимъ трудомъ, составляетъ не только прибыль для общества, но и для нихъ самихъ. Время надо занять, и жизнь надо поддержать. Человѣколюбіе повелѣваетъ найти занятіе для глухаго, слѣпаго, нѣмаго, калѣки, безсильнаго. Содержаніе, даваемое праздности, никогда не бываетъ такъ пріятно, какъ вознагражденіе за трудъ.

Когда человѣкъ предается суду, обвиняемый за бѣдность, то еслибы даже онъ былъ оправданъ, отъ него надобно требовать, чтобы онъ отдалъ отчетъ въ средствахъ своего существованія, по крайней мѣрѣ за послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Если это средства честныя, это изслѣдованіе не можетъ имѣть ничего неумѣстнаго; если—нѣтъ, то сообразно съ этимъ надо принять мѣры.

Что касается до легкости найти работу, то женщины находятся въ особенно невыгодномъ положеніи, и главнымъ образомъ тѣ, сословіе которыхъ стоитъ немного выше обыкновеннаго труда. Мужчины, болѣе дѣятельные, болѣе свободные и, быть можетъ, болѣе ловкіе, овладѣваютъ даже тѣми родами труда, которые бы всего больше были приличны женщинѣ и которые почти неприличны въ рукахъ мужчины. Мужчины продаютъ дѣтскія игрушки, держатъ модныя лавки, дѣлаютъ женскіе башмаки и женскія платья. Мужчины исполняютъ и должность акушерокъ. Я часто думалъ, не могла ли бы эта несправедливость обычая быть исправлена закономъ и не должны ли эти средства существованія быть отданы женщинамъ, съ исключеніемъ мужчинъ. Это было бы косвеннымъ средствомъ противодѣйствовать проституціи, доставляя женщинамъ приличныя занятія.

Обычай акушерской практики мужчинъ, возбудившій такое живое противорѣчіе, еще не принятъ вообще [1]), кромѣ высшихъ классовъ, гдѣ опасенія больше, и въ низшихъ, когда опасность кажется уже очень велика. Поэтому, опасно было бы легально устранить мужчинъ отъ этой практики, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока изъ женщинъ приготовятся ученицы, которыя способны будутъ замѣнить ихъ.

Что касается до содержанія бѣдныхъ, здѣсь нельзя предложить всеобщей мѣры: надобно устроивать дѣло смотря по обстоятельствамъ мѣстнымъ и національнымъ. Въ Шотландіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ большихъ городовъ, правительство не вмѣшивается въ заботы о бѣдныхъ. Въ Англіи налогъ для нихъ составляетъ сумму больше трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ [2]).—Несмотря на то, ихъ положеніе въ Шотландіи лучше, чѣмъ въ Англіи. Цѣль лучше достигается нравами, чѣмъ законами. Несмотря на неудобства англійской системы, отъ нея нельзя отказаться вдругъ; иначе, половина бѣдныхъ погибла бы до тѣхъ поръ, пока успѣли бы утвердиться необходимыя привычки доброжелательности и бережливости. Въ Шотландіи весьма благодѣтельно вліяніе духовенства: имѣя только небольшое жалованье и не имѣя вовсе десятины, священники пользуются уваженіемъ прихожанъ. Въ Англіи, гдѣ духовенство богато и владѣетъ десятиной, священникъ часто ссорится съ своей паствой и знаетъ ее очень мало.

Въ Шотландіи, въ Ирландіи, во Франціи бѣдные умѣренны въ своихъ потребностяхъ. Въ Неаполѣ климатъ сберегаетъ издержки отопленія, жилища и почти платья. Въ восточной Индіи платье почти ненужно, и нужно развѣ только для соблюденія приличія. Въ Шотландіи домашняя экономія хороша во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ опрятности. Въ Голландіи она хороша какъ только возможно, во всѣхъ отношеніяхъ; въ Англіи, съ одной стороны, потребности больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и экономія, быть можетъ, хуже, чѣмъ гдѣ-нибудь въ мірѣ.

Самое вѣрное средство—не ожидать бѣдности, а предупреждать ее. Самая большая услуга рабочимъ классамъ состоитъ въ учрежденіи сберегательныхъ кассъ, куда бѣдные, привлекаемые безопасностью и выгодой, были бы расположены помѣщать свои небольшія сбереженія.

Отдѣлъ III. Переходимъ къ тому разряду желаній, для котораго нѣтъ никакого нейтральнаго названія, никакого имени, которое бы не заключало въ себѣ добавочной идеи похвалы или порицанія, но особенно порицанія: причину этого легко понять. Аскетизмъ осуждалъ и счи-

[1]) Писано первоначально въ 1782 году.
[2]) Въ 1831 г. онъ восходилъ до 8,000,000 ф. стерл. (англ. изд.).

талъ преступленіемъ тѣ желанія, которымъ природа ввѣрила сохраненіе рода. Поэзія всего больше возстала противъ этихъ узурпацій и украсила образами наслажденіе и любовь: цѣль похвальная, когда она уважала приличіе и нравственность. Замѣтимъ впрочемъ, что эти склонности имѣютъ достаточно естественной силы и что онѣ не нуждаются въ возбужденіи преувеличенными и соблазнительными картинами.

Такъ какъ это желаніе удовлетворяется въ бракѣ, не только безъ ущерба для общества, но и выгоднымъ для него образомъ, то первое дѣло законодателя въ этомъ отношеніи должно заключаться въ облегченіи брака, т. е. въ томъ, чтобы не дѣлать ему никакихъ препятствій, кромѣ абсолютно необходимыхъ.

Въ томъ же духѣ надо позволить разводъ съ должными ограниченіями. Вмѣсто брака, на дѣлѣ разрываемаго и существующаго только по виду, разводъ естественно ведетъ къ браку дѣйствительному. Въ странахъ, гдѣ бракъ неразрывенъ, супругамъ позволяютъ расходиться (separation), но это неудобно тѣмъ, что или осуждаетъ индивидуумовъ на лишенія безбрачнаго состоянія или увлекаетъ въ непозволительныя связи.

Но если мы хотимъ говорить объ этомъ деликатномъ предметѣ искренно и съ откровенностью, болѣе честной, чѣмъ лицемѣрное умолчаніе, мы должны признать прежде всего, что есть возрастъ, въ которомъ человѣкъ достигаетъ развитія своихъ чувствъ, раньше, чѣмъ его умъ созрѣваетъ для веденія дѣлъ и управленія семействомъ. Это справедливо, въ особенности въ высшихъ классахъ общества. У людей бѣдныхъ необходимость труда отвлекаетъ отъ желаній любви и замедляетъ ихъ развитіе. Болѣе умѣренная пища, болѣе простой родъ жизни дольше поддерживаютъ спокойствіе чувствъ и воображенія. Притомъ бѣднякъ не можетъ купить благосклонности женщины иначе, какъ жертвою своей свободы.

Независимо отъ юности, которая еще не можетъ вступить въ бракъ въ нравственномъ отношеніи, сколько людей оказываются неспособными взять на себя содержаніе семьи! Съ одной стороны,—слуги, солдаты, матросы, живущіе въ зависимости и часто не имѣющіе опредѣленнаго мѣста жительства; съ другой—люди болѣе высокаго класса, ожидающіе состоянія или должности,—вотъ очень многочисленный классъ, лишенный брака и вынужденный къ насильственной холостой жизни.

Первымъ средствомъ, представляющимся для смягченія этого зла, могло бы быть узаконеніе договоровъ на опредѣленное время. Это средство имѣетъ большія неудобства: во всякомъ случаѣ конкубинатъ существуетъ на дѣлѣ во всѣхъ обществахъ, гдѣ есть большая несоразмѣр-

ность въ достаткѣ. Запрещеніе такихъ договоровъ не мѣшаетъ имъ, но дѣлаетъ изъ нихъ преступленіе; оно унижаетъ ихъ. Тѣ, кто рѣшается признаваться въ нихъ, обнаруживаютъ презрѣніе къ законамъ и къ нравственности; тѣ, кто скрываетъ ихъ, подвергаются страданію въ собственномъ мнѣніи, смотря по степени ихъ нравственной чувствительности.

Въ обыкновенномъ взглядѣ на вещи, идея добродѣтели соединяется съ такимъ договоромъ тогда, когда онъ продолжается неопредѣленное время, и идея порока—когда онъ ограниченъ извѣстнымъ срокомъ. Законодатели послѣдовали этому мнѣнію: запрещено дѣлать такой договоръ на одинъ годъ, позволено *дѣлать его на всю жизнь*. Одно и то же дѣйствіе, преступное въ первомъ случаѣ, становится невинно во второмъ. Что сказать объ этомъ различіи? Продолжительность обязательства можетъ *ли* сдѣлать изъ бѣлаго черным тотъ актъ, который бываетъ его слѣдствіемъ?

Но если бракъ на время самъ по себѣ невиненъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ столько же почетнымъ для женщины, которая въ него вступитъ: она никогда не получитъ такого уваженія, какъ жена на всю жизнь. Первая идея, какая представляется на ея счетъ, бываетъ слѣдующая: «Еслибы эта женщина была не хуже другихъ, она съумѣла бы получить такія же условія, какія получаютъ себѣ другія женщины». Этотъ сомнительный договоръ есть признакъ низшаго достоинства, или по званію, или по качествамъ.

Какое же благо могло бы произойти изъ дозволенія этого рода договора? Оно состояло бы въ томъ, что законъ, запрещающій его, не подвергался бы частому нарушенію и презрѣнію. Оно состояло бы также въ томъ, что это предохраняло бы женщину, вступающую въ такой договоръ, отъ униженія, которое, уронивъ ее въ ея собственныхъ глазахъ, почти всегда доводитъ ее до послѣдней степени безпорядочности. Наконецъ, это опредѣляло бы рожденіе дѣтей и обезпечивало бы имъ отцовскія заботы.

Въ Германіи были въ общемъ употребленіи такъ-называемые браки съ лѣвой руки. Цѣлью ихъ было примирить домашнее счастье съ семейной гордостью. Женщина пріобрѣтала такимъ образомъ нѣкоторыя привилегіи жены; но она и дѣти ея не получали имени и званія мужа. Въ кодексѣ Фридриха эти браки были запрещены. Но король предоставилъ себѣ право дѣлать частныя исключенія.

Предлагая идею столько противоположную принятымъ понятіямъ, я долженъ замѣтить, что предлагаю ее не какъ благо, а какъ смягченіе существующаго зла. Тамъ, гдѣ нравы довольно просты, гдѣ достатки

довольно ровны, такъ что въ этой мѣрѣ не было бы надобности, тамъ было бы нелѣпо вводить ее. Это не діета, не образъ жизни, а лекарство.

Съ такой же оговоркой я буду говорить о болѣе важномъ безпорядкѣ, о злѣ, существующемъ въ особенности въ большихъ городахъ и происходящемъ также изъ неравенства состояній и стеченія всѣхъ причинъ, умножающихъ число холостяковъ. Это зло—проституція.

Есть страны, гдѣ законы допускаютъ ее. Есть другія страны, какъ напримѣръ Англія, гдѣ она строго запрещается. Но хотя она и запрещается, она столько же обыкновенна и здѣсь и совершается такъ публично, какъ только можно представить, потому что правительство не осмѣливается принимать строгихъ мѣръ и публика не одобрила бы такого примѣненія власти. — Проституція, хотя и запрещенная, тѣмъ не менѣе распространена такъ, какъ будто бы закона вовсе не было; но она гораздо вреднѣе.

Позоръ проституціи не есть только слѣдствіе законовъ. Это состояніе всегда будетъ сопровождаться извѣстной степенью стыда, еслибы даже политическая санкція осталась при этомъ нейтральной. Положеніе публичныхъ женщинъ есть положеніе зависимости и рабства, ихъ средства существованія невѣрны, онѣ всегда близки къ бѣдности и голоду. Самое имя ихъ соединяется съ именемъ тѣхъ золъ, которыя всего больше портятъ воображеніе. Ихъ несправедливо считаютъ самой причиной той безпорядочности, которой онѣ бываютъ жертвами. Нѣтъ надобности говорить, какого мнѣнія о себѣ онѣ могутъ ожидать отъ честныхъ женщинъ. Самыя добродѣтельныя могутъ сожалѣть о нихъ; но всѣ согласно презираютъ ихъ. Никто не пробуетъ защищать или поддерживать ихъ. Естественно поэтому, что тяжесть общественнаго мнѣнія подавляетъ ихъ. Сами эти женщины никогда не умѣли образовать общества, которое бы могло уравновѣшивать это всеобщее презрѣніе. Но если бы онѣ и захотѣли, онѣ не могли бы сдѣлать этого. Если интересъ общей защиты соединяетъ ихъ, то соперничество и нужда раздѣляютъ ихъ. Личность и имя публичной женщины есть предметъ ненависти и презрѣнія для ей подобныхъ. Это, быть можетъ, единственное положеніе, открыто презираемое лицами, публично его занимающими. Самолюбіе, съ самой рѣзкой непослѣдовательностью, стремится забыться отъ своего собственнаго несчастія: женщина какъ будто забываетъ, кто она, или дѣлаетъ исключеніе для себя, сурово относясь къ другимъ такимъ же, какъ она, женщинамъ.

Женщины, живущія на содержаніи, раздѣляютъ почти тотъ же позоръ, какъ публичныя женщины. Причина этого проста: онѣ еще не

принадлежатъ къ этому классу, но повидимому всегда готовы перейти въ него. Но чѣмъ дольше женщина жила съ однимъ мужчиной, тѣмъ больше она удаляется отъ унизительнаго положенія, тѣмъ больше она приближается къ положенію честныхъ женщинъ. Чѣмъ связь продолжительнѣе, тѣмъ кажется труднѣе разорвать ее, тѣмъ больше она даетъ надежды на постоянство.

Что же слѣдуетъ изъ этихъ замѣчаній? Что лекарство, насколько лекарство можетъ здѣсь существовать, заключается въ самой болѣзни. Чѣмъ больше это положеніе служитъ естественнымъ предметомъ презрѣнія, тѣмъ меньше необходимо прибавлять къ этому осужденіе закона. Это положеніе само влечетъ за собой свое естественное наказаніе: наказаніе, которое представляется слишкомъ тяжкимъ и безъ того, если принять во вниманіе все, что могло бы располагать къ состраданію въ пользу этого несчастнаго класса, жертвы общественнаго неравенства и всегда столько близкаго къ отчаянію. Какъ мало этихъ женщинъ вошло въ это положеніе по своему выбору и сознательно! Какъ мало ихъ осталось бы въ немъ, еслибы онѣ могли его бросить, еслибы онѣ могли выйти изъ этого круга позора и несчастія, еслибы ихъ не изгоняли со всѣхъ дорогъ жизни, на которыя бы онѣ захотѣли вступить! Сколько изъ нихъ попало въ это положеніе вслѣдствіе минутнаго заблужденія, вслѣдствіе неопытности и молодости, вслѣдствіе порочности родителей, вслѣдствіе преступленія обольстителя, вслѣдствіе неумолимой строгости къ первой ошибкѣ,—почти всѣ вслѣдствіе безпомощности и бѣдности! Если общественное мнѣніе несправедливо и жестоко, неужели законодатель долженъ усиливать эту несправедливость и служить орудіемъ этой жестокости?

Притомъ, какое дѣйствіе имѣютъ эти законы? Они увеличиваютъ испорченность, въ которой они обвиняютъ этотъ несчастный классъ женщинъ; они бросаютъ ихъ въ грязный развратъ и пьянство, гдѣ онѣ хотятъ найти минутное забвеніе своихъ бѣдствій; они дѣлаютъ ихъ нечувствительными къ стыду, отягощая несчастіе позоромъ, который бы долженъ быть оставленъ для настоящихъ преступленій. Наконецъ, они мѣшаютъ тѣмъ предосторожностямъ, которыя могли бы смягчить неудобства этой безпорядочности, еслибы она была терпима. Все это зло, которое законы расточаютъ самымъ неумѣреннымъ образомъ, есть безумная цѣна, которую они платятъ за воображаемое благо, котораго они не достигаютъ и никогда не достигнутъ.

Императрица, королева венгерская [1]), рѣшилась искоренить это зло

[1]) Императрица Марія Терезія. (Пр. пер.

и трудилась надъ этимъ съ похвальнымъ постоянствомъ принципа, достойнымъ лучшаго дѣла. Что же вышло изъ этого? Развратъ распространился въ публичной и частной жизни: супружеское ложе было осквернено; правосудіе было поколеблено. Насколько уменьшался обыкновенный развратъ, настолько увеличивалось прелюбодѣяніе. Оффиціальныя власти стали торговать своей снисходительностью. Подлогъ, нарушеніе должностныхъ обязанностей, притѣсненіе, вымогательство распространились по всей странѣ и зло, которое хотѣли уничтожить, принужденное скрываться, стало оттого еще опаснѣе.

У Грековъ эта профессія была терпима, иногда даже поощрялась: но Греки не терпѣли, чтобы родители сами торговали честью своихъ дочерей. — У Римлянъ законъ молчалъ объ этомъ безпорядкѣ, въ такъ-называемыя лучшія времена ихъ республики. Это доказываютъ слова Катона одному молодому человѣку, котораго онъ увидѣлъ выходящимъ изъ публичнаго дома. Катонъ не былъ человѣкъ, который бы сталъ поощрять нарушеніе законовъ.

Въ метрополіи католическаго міра эта профессія совершается свободно [1]. Въ этомъ безъ сомнѣнія заключается одна изъ причинъ крайней строгости протестантовъ.

Въ Венеціи, во времена республики, эта профессія была допускаема открыто.

Въ столицѣ Голландіи дома этого свойства получаютъ разрѣшеніе отъ начальства.

Ретифъ де-ла-Бретоннь издалъ остроумную книгу подъ названіемъ «le Pornographe», гдѣ предлагалъ правительству устроить учрежденіе, подчиненное извѣстнымъ правиламъ, для принятія и руководства публичныхъ женщинъ.

Терпимость къ этому злу въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезна въ большихъ городахъ. Запрещеніе не служитъ ни къ чему: оно имѣетъ даже особенныя неудобства.

Госпиталь, устроенный въ Лондонѣ для кающихся женщинъ, есть очень хорошее учрежденіе: но люди, относящіеся къ проституціи съ абсолютной строгостью, бываютъ непослѣдовательны, когда одобряютъ это

---

[1] Писано въ 1782. «Теперь (1820) это уже не такъ: надобно только знать, послужитъ ли эта строгость къ пользѣ для нравовъ»—такъ замѣчаетъ Дюмонъ. Съ тѣхъ поръ прошло довольно времени, чтобы провѣрить мнѣнія Бентама, и въ новѣйшемъ Римѣ запрещенія производятъ то же дѣйствіе, какое они производили во времена Маріи Терезіи Проституція по мѣрѣ возможности скрывается, но извѣстно, что въ Римѣ она имѣетъ весьма замѣчательные размѣры. (Прим. перев.)

благотворительное учрежденіе. Если это исправляетъ однихъ, то поощряетъ другихъ. Развѣ госпиталь Чельси не есть поощреніе для солдатъ, а Гринвичскій госпиталь для матросовъ?

Слѣдовало бы учредить ежегодные взносы (annuités), которые начинались бы съ извѣстнаго возраста: ихъ бы слѣдовало примѣнить къ этому печальному состоянію, гдѣ время жатвы по необходимости коротко, но гдѣ бываетъ иногда значительная прибыль.

Духъ экономіи образуется на слабомъ началѣ и идетъ постоянно возрастая. Сумма, которая въ началѣ была бы весьма незначительнымъ пособіемъ, чрезъ продолжительное время составила бы значительную прибыль.

Относительно тѣхъ пунктовъ морали, гдѣ есть спорные вопросы, полезно принимать въ соображеніе законы различныхъ націй. Для ума это родъ путешествія. Въ этомъ трудѣ мы освобождаемся отъ мѣстныхъ и національныхъ предразсудковъ, пересматривая обычаи другихъ народовъ.

ГЛАВА VI.

Не давать поощренія преступленіямъ.

Сказать, что правительство не должно давать поощренія преступленіямъ, что оно не должно *ослаблять нравственной санкціи или религіозной санкціи* тамъ, где она полезна,—это правило кажется слишкомъ простымъ и не требующимъ доказательствъ. Но оно часто забывается; я могъ бы привести этому поразительные примѣры, но чѣмъ они поразительнѣе, тѣмъ меньше нужно распространяться объ нихъ: лучше остановиться дольше на тѣхъ случаяхъ, гдѣ это правило нарушается менѣе явнымъ образомъ.

1. *Злостное задержаніе собственности и пр.*

Если законъ терпитъ, что человѣкъ, несправедливо удерживающій собственность другаго, получаетъ прибыль отдаляя срокъ уплаты, то законъ становится соучастникомъ этой несправедливости. Случаи, гдѣ англійскій законъ неудовлетворителенъ въ этомъ отношеніи, безчисленны. Во многихъ случаяхъ должнику стоитъ только отказываться отъ уплаты до своей смерти, чтобы избавиться отъ капитала своего долга; во многихъ другихъ случаяхъ онъ можетъ такими отсрочками избавиться отъ процентовъ; всегда онъ можетъ удержать капиталъ и сдѣлать, такъ сказать, насильственный заемъ съ обыкновеннымъ процентомъ.

Чтобы уничтожить этотъ источникъ несправедливости, достаточно было бы постановить: 1) что въ гражданской отвѣтственности по землѣ смерть той или другой стороны нисколько не мѣняетъ дѣла; 2) что проценты идутъ съ тѣхъ поръ, какъ началось обязательство; 3) что обязательство начинается не при ликвидаціи ущерба, но въ эпоху самаго ущерба; 4) что процентъ суммы этого обязательства выше легальнаго процента.—Эти средства очень просты: какъ могло случиться, что ихъ еще можно предлагать?—Тѣ, кто сдѣлаетъ этотъ вопросъ, не знаютъ, какое дѣйствіе имѣетъ привычка, лѣнь, равнодушіе къ общественному благу, лицемѣріе закона, не считая личнаго интереса и корпоративнаго духа.

2. *Незаконное разрушеніе.*

Когда человѣкъ застраховалъ свое имущество отъ какого-нибудь бѣдствія, то если цѣнность страхованія превосходитъ цѣнность самыхъ застрахованныхъ вещей, онъ въ извѣстномъ смыслѣ имѣетъ интересъ привлечь бѣдственное событіе, поджечь свой домъ, если онъ застрахованъ отъ огня, потопить свой корабль, если онъ застрахованъ отъ морскихъ опасностей.—Итакъ, законъ, позволяющій эти контракты, должно считать подающимъ мотивъ къ произведенію этихъ преступленій.—Слѣдуетъ ли изъ этого, что онъ долженъ отказывать такимъ контрактамъ въ своей санкціи? Нисколько; но слѣдуетъ только, что онъ долженъ приказывать или внушать страхователямъ предосторожности, наиболѣе способныя предупреждать эти злоупотребленія, но не столько стѣснительныя, чтобы мѣшать ихъ операціямъ; собирать предварительныя свѣдѣнія,—требовать удостовѣреній о дѣйствительной стоимости вещей, подлежащихъ страхованію,—прибѣгать въ случаѣ несчастія къ свидѣтельству какихъ-нибудь уважаемыхъ лицъ о характерѣ и честности лица, отдававшаго вещи въ страхованіе,—подвергнуть изслѣдованію самыя вещи, когда бы объ этомъ явилось сомнѣніе и т. д. Вотъ часть мѣръ, которыя надо было бы принять и проч.

3. *Предательство.*

Если позволено страховать корабли непріятеля, государство можетъ подвергнуться двумъ опасностямъ: 1) этимъ облегчается торговля враждебной націи, составляющая одинъ изъ источниковъ ея силы; 2) страхователь, чтобы избавиться отъ потери, можетъ давать непріятелю тайныя свѣдѣнія о выходѣ въ море арматоровъ или крейсеровъ своей собственной націи.—Что касается до перваго неудобства, это бываетъ вред-

но только въ томъ случаѣ, когда непріятель не могъ бы застраховать своихъ кораблей въ другомъ мѣстѣ или когда бы онъ не могъ употребить своихъ капиталовъ съ такой же пользой въ какой-нибудь другой отрасли промышленности. Что касается до втораго неудобства, оно абсолютно равно нулю, если только страхователь не имѣетъ возможности доставлять непріятелю такихъ свѣдѣній, которыхъ бы этотъ послѣдній не могъ получить другимъ образомъ за деньги, и если легкость сообщенія этихъ свѣдѣній не такъ велика, что можетъ превышать позоръ и рискъ измѣны. Таковы неудобства этой вещи.

Съ другой стороны ея выгода для націи, принимающей на себя страхъ, несомнѣнна. Найдено, что *въ этомъ родѣ промышленности балансъ прибыли бываетъ въ пользу страхователей*, т. е. что ежели сравнить потери и выручку, то они больше получаютъ въ преміяхъ, чѣмъ выдаютъ въ уплатахъ. Слѣдовательно, это составляетъ выгодную отрасль торговли и ее можно считать за подать, получаемую съ непріятеля.

4. *Расхищеніе денегъ.*

Вступая въ торгъ съ архитекторами, съ подрядчиками, имъ обыкновенно даютъ извѣстный процентъ съ цѣлой расходуемой суммы. Этотъ способъ уплаты, представляющійся довольно естественнымъ, открываетъ путь расхищенію (péculat),—расхищенію самаго разрушительнаго свойства, *гдѣ для того, чтобы спекуляторъ могъ получить небольшую прибыль, тотъ, кто поручаетъ ему дѣла, долженъ понести большую потерю*. Эта опасность бываетъ всего больше въ общественныхъ работахъ, гдѣ ни у кого нѣтъ особеннаго интереса препятствовать расточительности и гдѣ для многихъ будетъ разсчетъ быть снисходительными.

Однимъ изъ средствъ противъ этого было бы назначить сумму по сдѣланной смѣтѣ и сказать подрядчику:—До этой мѣры вы будете имѣть свой процентъ; дальше этой мѣры, вы не будете имѣть его. Если вы уменьшите издержки ниже смѣты, вы получите ту же прибыль, какъ и съ цѣлой суммы.

5. *Злоупотребленіе довѣріемъ государя.*

Если государственный человѣкъ, могущій имѣть вліяніе на миръ или на войну, занимаетъ должность, доходъ которой во время войны бываетъ больше, чѣмъ во время мира, то ему дается интересъ употреблять свое вліяніе для продолженія войны. Если этотъ доходъ увеличивается пропорціонально военнымъ издержкамъ, ему даютъ кромѣ того интересъ въ томъ, чтобы война велась какъ можно расточительнѣе.—Обратное отношеніе было бы лучше.

6. *Преступленія всякаго рода.*

Когда человѣкъ держитъ пари утвердительно за какое-нибудь будущее событіе, то онъ будетъ имѣть интересъ, пропорціональный суммѣ пари, въ совершеніи этого событія. Если событіе принадлежитъ къ числу запрещенныхъ закономъ, то у него есть интересъ совершить преступленіе. Онъ даже побуждается къ этому двойной силой, изъ которыхъ одна имѣетъ свойства награды, другая свойства наказанія: награду составляетъ то, что̀ онъ долженъ получить въ случаѣ совершенія событія; наказаніе—то, что̀ онъ долженъ заплатить въ противномъ случаѣ. Это почти тоже, какъ будто съ одной стороны его подкупали обѣщаніемъ денежной суммы, а съ другой какъ будто онъ взялъ на себя обязательство подъ условіемъ формальнаго наказанія [1]).

Итакъ, еслибы всѣ пари безъ исключенія признавались въ силѣ, то продажность всякаго рода получила бы освященіе закона, и всѣмъ была бы дана свобода набирать соучастниковъ для всевозможныхъ преступленій. — Съ другой стороны, еслибы всѣ пари безъ исключенія были признаны недѣйствительными, то не могло бы имѣть мѣста страхованіе, столь выгодное для торговли, приносящее такую помощь противъ множества бѣдствій: потому что страхованіе есть только родъ пари.

Настоящая средина состоитъ, кажется, въ слѣдующемъ. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ пари можетъ сдѣлаться средствомъ зла, не служа ни для какой пользы, запрещайте его абсолютно. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ въ страхованіи, оно можетъ быть средствомъ помощи, допустите его, но предоставивъ судьѣ дѣлать необходимыя исключенія, когда онъ найдетъ, что изъ него сдѣлали завѣсу подкупа.

7. *Преступленія рефлективныя или противъ самого себя.*

Когда человѣку даютъ выгодное мѣсто, продолжительность котораго зависитъ отъ подчиненія извѣстнымъ правиламъ поведенія, то если эти правила поведенія таковы, что они вредны ему самому, не принося никакого блага никому, тогда устройство учрежденія подобнаго свойства имѣетъ дѣйствіе закона, діаметрально противоположнаго принципу пользы; закона, который бы составленъ былъ для увеличенія суммы страданій и уменьшенія суммы удовольствій.

---

[1]) Въ «Похожденіяхъ Гинеи» составляется пари между женой одного духовнаго и женой министра, что духовный не получитъ епископства. Можно себѣ представить, которая сторона выиграла пари. Б.

Таковы монашескія учрежденія въ католическихъ странахъ; таковы еще остатки монастырскаго духа въ англійскихъ университетахъ.

На это возражаютъ, что въ эти учрежденія никто не вступаетъ иначе какъ по собственному согласію, и что поэтому зло, которое видятъ въ этомъ, есть зло воображаемое.—Этотъ отвѣтъ былъ бы удовлетворителенъ, еслибы обязательство могло кончаться вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кончается согласіе; но къ сожалѣнію согласіе есть дѣло минуты, а обязательство идетъ на всю жизнь. Правда, есть другой случай, гдѣ минутное согласіе допускается какъ обезпеченіе продолжительнаго принужденія. Это—вступленіе въ военную службу. Но этотъ случай имѣетъ свое оправданіе въ пользѣ, и даже въ необходимости вещи. Государство не можетъ существовать безъ арміи, и армія не могла бы существовать, еслибы всѣ люди, составляющіе ее, свободны были уходить изъ нея когда угодно.

ГЛАВА VII.

Увеличить отвѣтственность лицъ тѣмъ больше, чѣмъ больше они подвергаются искушенію вредить.

Это относится главнымъ образомъ къ оффиціальнымъ чиновникамъ. Чѣмъ больше они могутъ потерять относительно достатка или почести, тѣмъ больше ихъ зависимость. Ихъ жалованье есть средство отвѣтственности. Въ случаѣ нарушенія обязанности, потеря этого жалованья есть наказаніе, котораго они не могли бы избѣгнуть, еслибы даже могли избѣгнуть всѣхъ другихъ наказаній. Это средство особенно удобно при тѣхъ должностяхъ, которыя даютъ управленіе общественными суммами. Если вы не можете увѣриться иначе въ честности кассира, увеличьте его жалованье нѣсколько выше, смотря по суммѣ, которая ему ввѣряется. Этотъ излишекъ жалованья будетъ какъ бы преміей, которую вы платите, чтобы застраховать его отъ его собственной нечестности. Онъ больше потеряетъ, если сдѣлается негодяемъ, чѣмъ если останется честнымъ человѣкомъ.

Рожденіе, почести, семейныя связи, религія, каждое могутъ сдѣлаться средствами отвѣтственности, залогами хорошаго поведенія индивидуумовъ. Есть случаи, гдѣ законодатели не хотѣли довѣрять холостякамъ; жену и дѣтей они считали залогомъ, который гражданинъ далъ своему отечеству.

ГЛАВА VIII.

Уменьшить чувствительность къ искушенію.

Въ предъидущей статьѣ шелъ вопросъ о томъ, чтобы принять предосторожности противъ нечестности индивидуума. Здѣсь дѣло идетъ о средствахъ не испортить честности честнаго человѣка, подвергая его слишкомъ большому вліянію соблазняющихъ мотивовъ.

Скажемъ сначала о жалованьѣ. Деньги, смотря по ихъ употребленію, могутъ служить ядомъ или противоядіемъ.

Независимо отъ счастія индивидуумовъ, интересъ службы требуетъ, чтобы оффиціальные чиновники были обезпечены отъ нужды во всѣхъ должностяхъ, которыя даютъ имъ возможность пріобрѣтать недозволительными путями. Въ Россіи отъ недостаточности жалованья произошли величайшія злоупотребленія во всѣхъ отрасляхъ администраціи. Когда люди, побуждаемые нуждой, злоупотребляютъ своей властью, становятся корыстолюбивы, подкупны и воруютъ, то порицаніе должно раздѣлиться между ними и правительствомъ, которое разставило эту сѣть ихъ честности. Поставленные между необходимостью жить и невозможностью существовать честнымъ образомъ, они должны считать вымогательство законнымъ пособіемъ, которое молча допускается тѣми, кто ими распоряжается.

Достаточно ли будетъ для обезпеченія ихъ отъ нужды дать имъ необходимыя физическія средства? Нѣтъ. Если нѣтъ извѣстнаго соотвѣтствія между достоинствомъ, которымъ человѣкъ облеченъ, и средствами поддерживать это достоинство, человѣкъ находится въ состояніи страданія и лишенія, потому что онъ не можетъ удовлетворить тому, чего отъ него ожидаютъ, и остаться на уровнѣ того класса, который онъ долженъ посѣщать. Однимъ словомъ потребности растутъ вмѣстѣ съ почестями и относительно необходимое бываетъ разнообразно по положеніямъ людей. Поставьте человѣка въ высокое званіе, не давая ему тѣмъ поддержать его, что изъ этого выйдетъ? Его достоинство даетъ ему мотивъ дѣлать зло, и его власть даетъ ему средства къ этому.

Карлъ II, слишкомъ связанный бережливостью парламента, продался Людовику XIV, который предложилъ доставить средства для его расточительности. Надежда выйти изъ трудныхъ обстоятельствъ, въ которыя онъ попалъ, заставила его, какъ частнаго человѣка, запутаннаго въ долгахъ, прибѣгнуть къ преступнымъ средствамъ. Эта жалкая бережливость стоила Англичанамъ двухъ войнъ и болѣе, чѣмъ войны тяжелаго

міра. Правда, мудрено сказать, какой суммой можно было бы удовлетворить этого испорченнаго человѣка: но этотъ примѣръ достаточно показываетъ, что это содержаніе англійскихъ королей, которое кажется громаднымъ по обыкновеннымъ разсчетамъ, въ глазахъ политика есть мѣра общественной безопасности. Притомъ, по той внутренней связи, которая существуетъ между богатствомъ и властью, все, что увеличиваетъ блескъ извѣстнаго достоинства, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличиваетъ и его силу: и королевскую пышность, въ этомъ отношеніи, можно сравнить съ тѣми архитектурными украшеніями, которыя въ тоже время служатъ подпорой и связью для зданія.

Это великое правило,—какъ только возможно уменьшать чувствительность къ искушенію,—удивительно нарушалось въ католической церкви. Налагать на священниковъ безбрачіе, довѣряя имъ самыя деликатныя обязанности въ испытаніи совѣсти людей и въ управленіи семействами,—значило поставить ихъ въ крайне трудное положеніе—между несчастьемъ соблюдать безполезный законъ или позоромъ нарушить его.

Когда Григорій VII постановилъ на соборѣ въ Римѣ, что клерики женатые или живущіе съ наложницами не могутъ больше служить мессу, они издали крикъ негодованія, обвиняя его въ ереси, и говоря, по словамъ историковъ: «Если онъ будетъ стоять на своемъ, мы скорѣе откажемся отъ священства, чѣмъ отъ нашихъ женъ; пусть онъ ищетъ тогда ангеловъ для управленія церквами» (*Hist. de France, par l'abbé Millot, t. 1-er*). Въ наше время во Франціи хотѣли возвратить священникамъ бракъ; но между ними уже не нашлось людей,—все были только одни ангелы.

ГЛАВА IX.

Усилить впечатлѣніе наказаній на воображеніе.

Все зло совершается наказаніемъ дѣйствительнымъ, все добро производится наказаніемъ видимымъ. Поэтому изъ перваго надо извлечь всю возможную выгоду, чтобы увеличить второе. Человѣколюбіе состоитъ во внѣшней видимости жестокости.

Дѣйствуйте на глаза, если хотите тронуть сердце. Это правило старо какъ Горацій и опытъ, диктовавшій его, такъ же старъ, какъ первый человѣкъ. Каждый чувствуетъ его силу и старается обратить его себѣ въ пользу: актеръ, шарлатанъ, ораторъ... всѣ умѣютъ усиливать

себя его могуществомъ. Сдѣлайте ваши наказанія примѣрными: дайте сопровождающимъ ихъ церемоніямъ родъ печальной торжественности. Призовите на помощь всѣ подражательныя искусства, и пусть представленія этихъ важныхъ дѣйствій будутъ въ числѣ первыхъ предметовъ, поражающихъ глаза человѣка въ дѣтствѣ [1])...

Система наказаній, сопровождаемыхъ приличными эмблемами по возможности для каждаго преступленія, была бы особенно полезна. Она намекала бы на поэзію [2]), краснорѣчіе, на драматическихъ авторовъ, на обыкновенные разговоры. Идеи, взятыя изъ нихъ, были бы выражаемы тысячью предметовъ и разсѣевались бы во всѣ стороны.

Католицизмъ умѣлъ извлечь изъ этого источника величайшую помощь, усилившую впечатлѣніе его религіозныхъ мнѣній. Я помню, что видѣлъ въ Гравелинѣ поразительную выставку: священникъ показывалъ народу картину, гдѣ изображены были тысячи несчастныхъ въ пламени и одинъ изъ нихъ знаками просилъ капли воды, показывая свой высохшій языкъ. Это былъ день публичныхъ молитвъ для извлеченія душъ изъ чистилища.—Очевидно, что подобная выставка должна была внушать не столько ужасъ къ преступленію, сколько ужасъ къ бѣдности, которая не позволяетъ выкупить его. Слѣдствіемъ было то, что надо было во что бы то ни стало заплатить за мессу; потому что гдѣ все отпускается за деньги, одна бѣдность есть величайшее изъ всѣхъ преступленій, единственное, которому нельзя помочь.

Древніе были не счастливѣе новѣйшихъ въ выборѣ наказаній. Не видно никакого плана, никакого намѣренія, никакой связи между преступленіемъ и наказаніемъ: все зависитъ отъ каприза.

Я не буду долго останавливаться на предметѣ, который давно поражаетъ всѣхъ людей, способныхъ къ размышленію: англійскіе способы наказанія представляютъ совершенный контрастъ всему тому, что можетъ внушать уваженіе:—смертная казнь не имѣетъ торжественности; позорный столбъ есть или сцена шутовства, или сцена народной жестокости, азартная игра, гдѣ паціентъ преданъ капризамъ толпы и случаю дня; строгость наказанія бичемъ зависитъ отъ денегъ, данныхъ палачу и пр...

Быть можетъ, скажутъ, что во всѣхъ предметахъ есть двѣ сторо-

---

[1]) Здѣсь опять рекомендуется сценическая обстановка наказанія: эшафоты, костюмы, маски и т. д. Мы сокращаемъ это мѣсто, потому что оно только повторяетъ то, что было уже сказано прежде (см. выше, ч. III, гл. VI и VII.) (Пр. перев.).

[2]) См. у Ювенала намекъ на казнь отцеубійцъ:
Cujus supplicio non debuit una parari
Simia, non serpens unus etc.

ны, что эти дѣйствительныя представленія, эти страшныя сцены уголовнаго правосудія распространили бы въ народѣ ужасъ и производили бы опасныя впечатлѣнія.—Я не думаю этого. Если они будутъ представлять дурнымъ людямъ идею опасности, то людямъ честнымъ онѣ представили бы только идею безопасности.—Когда угрожаютъ вѣчными казнями, когда въ ужасающемъ видѣ описываютъ адское пламя, за роды преступленій неопредѣленные и неопредѣлимые, то этимъ можно воспламенить воображеніе и произвести безуміе. Здѣсь, напротивъ, мы предполагаемъ преступленіе явное, доказанное, котораго каждый въ состояніи не совершать, и потому страхъ наказанія не могъ бы дойти до опасной степени. Но во всякомъ случаѣ надо остерегаться, чтобы не произвести ложной и ненавистной ассоціаціи идей.

Въ первомъ изданіи кодекса Маріи Терезіи портретъ императрицы окруженъ былъ медальонами, изображавшими висѣлицы, колеса, эшафоты и другія принадлежности казни. Какъ безсмысленно представить изображеніе монарха съ этими отвратительными эмблемами, какъ голову Медузы, потрясающую своими змѣями! Этотъ скандалезный фронтиспписъ былъ уничтоженъ; но оставленъ былъ эстампъ, представлявшій всѣ орудія пытки. Зловѣщая картина, на которую нельзя было смотрѣть, не говоря себѣ: вотъ ужасы, которымъ я могу подвергнуться, хотя и невиненъ! Но еслибы сокращенная таблица уголовнаго кодекса была снабжена эстампами, представляющими характеристическія наказанія для всякаго преступленія,—это былъ бы сильный комментарій, живая и понятная картина закона. Каждый можетъ сказать себѣ: Вотъ что я долженъ буду вынести, если сдѣлаюсь виновнымъ. Такъ въ дѣлѣ законодательства одинъ оттѣнокъ отдѣляетъ иногда добро отъ зла.

ГЛАВА X.

Облегчить знаніе совершеннаго преступленія [1]).

Есть двѣ вещи, которыя судья въ уголовномъ дѣлѣ долженъ знать прежде, чѣмъ онъ можетъ исполнить свою обязанность: фактъ преступленія и личность преступника. Когда эти двѣ вещи извѣстны, слѣдствіе полно. Въ различныхъ случаяхъ неизвѣстность распространяется на оба пункта въ различной пропорціи: иногда она бываетъ больше относительно перваго, иногда относительно втораго. Въ слѣдующихъ статьяхъ идетъ

[1]) Corpus delicti—техническое выраженіе римскаго права,—самый фактъ преступленія.

рѣчь о фактѣ преступленія, о средствахъ, которыя могутъ облегчить его открытіе.

1. *Требовать письменныхъ документовъ.*

Только при посредствѣ письма можно имѣть постоянное и достовѣрное свидѣтельство. Словесныя сдѣлки, если только это не самыя простыя сдѣлки, могутъ подвергаться безконечнымъ спорамъ: Littera scripta manet. Самъ Магометъ рекомендовалъ своимъ послѣдователямъ наблюдать эту предосторожность. Это почти единственное мѣсто въ Коранѣ, въ которомъ есть искра здраваго смысла (глава коровы).

2. *Требовать, чтобы на документахъ выставлялись имена свидѣтелей.*

Во первыхъ, надо требовать, чтобы при совершеніи акта были свидѣтели; во вторыхъ, чтобы ихъ присутствіе было указано, удостовѣрено и записано въ началѣ акта. Третій дальнѣйшій пунктъ есть обозначеніе обстоятельствъ, по которымъ бы легко было найти этихъ свидѣтелей, еслибы въ нихъ оказалась надобность.

При засвидѣтельствованіи актовъ полезно было бы наблюдать слѣдующія предосторожности:

1) Предпочитать большее число свидѣтелей меньшему; это значитъ уменьшать опасность нарушенія служебной обязанности и дать себѣ шансъ отыскать ихъ въ случаѣ надобности. 2) Предпочитать людей женатыхъ холостякамъ, хозяевъ — слугамъ, лицъ съ общественнымъ положеніемъ—лицамъ менѣе виднымъ, людей молодыхъ и здоровыхъ—старикамъ и больнымъ, лицъ, васъ знающихъ,—лицамъ незнакомымъ. 3) Когда актъ состоитъ изъ нѣсколькихъ листовъ или нѣсколькихъ частей, каждый листъ, каждая часть должны быть подписаны свидѣтелями: если есть исправленія и помарки, надо перечислить ихъ и засвидѣтельствовать; строки должны быть сосчитаны и число ихъ указано на каждой страницѣ. 4) Пусть всякій свидѣтель прибавляетъ къ своему имени, если этого потребуютъ, свое званіе, мѣсто жительства, лѣта, обозначеніе того, женатъ онъ или холостъ. 5) Мѣсто и время совершенія акта должны быть съ точностью обозначены: время— не только днемъ, мѣсяцемъ и годомъ, но и часомъ; мѣсто—округомъ, приходомъ, даже домомъ. Это обстоятельство есть прекрасное предохранительное средство противъ поддѣлки. Человѣкъ побоится пуститься въ такое предпріятіе, когда прежде чѣмъ сочинить дату мнимаго акта надо знать столько подробностей; и если онъ однако рѣшится на это, его легче будетъ открыть. 6) Числа должны быть выставляемы прописью, особенно обозначенія времени и суммъ, кромѣ самыхъ счетовъ, гдѣ достаточно будетъ выставить прописью итогъ: опять кромѣ случаевъ, гдѣ то же число или сумма повторяются въ актѣ много разъ. Причина этой

предосторожности заключается въ томъ, что цифры, если не написаны очень старательно, могутъ быть принимаемы однѣ за другія, что притомъ ихъ легко измѣнить и малѣйшее измѣненіе можетъ повлечь большія послѣдствія. Сто легко превратить въ тысячу. 7) Формальности, которыя соблюдаются при совершеніи актовъ, должны быть напечатаны на полѣ листа бумаги или пергамена, на которыхъ пишется актъ.

Надо ли предоставить эти формальности на волю индивидуумовъ какъ средство безопасности, требуемое благоразуміемъ, или сдѣлать ихъ обязательными? Одни будутъ обязательны, другія нѣтъ; и даже относительно обязательныхъ надо предоставить судьямъ просторъ, чтобы отличать тѣ случаи, гдѣ ихъ невозможно было исполнить. Можетъ случиться, что актъ надо совершать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ предписанной бумаги, нѣтъ достаточнаго числа свидѣтелей и пр.; актъ могъ бы быть признанъ дѣйствительнымъ временно, до тѣхъ поръ, пока могутъ быть исполнены требуемыя формальности.

Въ завѣщаніяхъ надо бы оставлять больше простора, чѣмъ въ актахъ между живыми людьми. Смерть не ждетъ ни адвоката, ни свидѣтелей, и человѣкъ обыкновенно откладываетъ до тѣхъ поръ, пока у него нѣтъ уже ни времени, ни способности исправлять и пересматривать. — Съ другой стороны, этого рода акты требовали бы наиболѣе предосторожностей, потому что они даютъ случай для обмана. Въ случаѣ акта, заключаемаго между живыми, сторона, которой хотятъ приписать какое-нибудь обязательство, котораго она на себя не принимала, можетъ оказаться въ живыхъ и опровергнуть актъ: въ завѣщаніи этого шанса уже нѣтъ.

Нужно было бы много подробностей, чтобы изложить, какія надо установить условія и какія сдѣлать исключенія. Я замѣчу только, что если не оставить здѣсь большаго простора, я не нахожу ни одной формальности, даже самой простой, опущеніе которой дѣлало бы актъ абсолютно недѣйствительнымъ.

Когда бы эти наставленія были обнародованы правительствомъ, то всѣ нашли бы побужденіе соблюдать ихъ, потому что при актѣ, заключаемомъ добровольно, всякій старается имѣть всѣ возможныя обезпеченія. Опущеніе этихъ формальностей давало бы тогда сильное подозрѣніе въ подлогѣ, если только нѣтъ очевидности, что это опущеніе надо приписать или незнанію сторонъ, заключающихъ актъ, или обстоятельствамъ, дѣлавшимъ соблюденіе формальностей невозможнымъ.

3. *Установить регистры для внесенія въ нихъ документовъ.*

Почему нужно было бы заносить акты въ регистръ? Какіе акты нужно заносить въ него? Должны ли быть регистры тайными или публич-

ными? Должна ли регистрація совершаться по желанію или опущеніе ея должно подлежать наказанію?

Регистры могли бы быть полезны: 1) противъ подложныхъ актовъ фабрикованныхъ (by fabrication); 2) противъ подложныхъ актовъ поддѣланныхъ (by falsification); 3) противъ несчастныхъ случаевъ, потери или уничтоженія оригиналовъ; 4) противъ двойнаго отчужденія одного имущества разнымъ пріобрѣтателямъ.

Для первой и послѣдней цѣли достаточно было бы простой записки. Для второй нужна была бы точная копія. Для третьей достаточно было бы извлеченія; но лучше была бы копія.

Противъ подлога актовъ фабрикаціей регистрація была бы полезна только тогда, когда бы она была обязательна: недѣйствительность въ случаѣ опущенія, съ исключеніемъ для случайностей. Выгода здѣсь та, что послѣ срока, назначеннаго для регистраціи, уничтожается сама собой фабрикація акта, который, по своей мнимой датѣ, долженъ бы быть занесенъ въ регистры. Это значило бы ограничить короткимъ промежуткомъ времени совершеніе подлога этого рода съ возможностью успѣха; и въ періодъ, столько близкій къ датѣ (т. е. времени составленія) мнимаго акта, въ доказательствахъ подлога не могло бы быть недостатка.

Обязательность регистраціи, подъ страхомъ недѣйствительности акта, нужна также въ томъ случаѣ, если она предназначается для предупрежденія двойнаго отчужденія, каковы напр. отчужденія при закладахъ или при брачныхъ контрактахъ. Безъ условія обязательности регистраціи не было бы, потому что ни одна изъ сторонъ не имѣетъ въ ней интереса. Человѣкъ отчуждающій имѣетъ даже противоположный интересъ: если это человѣкъ честный, онъ можетъ не желать обнаруживать, что онъ продалъ или заложилъ свою собственность; если это негодяй, онъ долженъ желать имѣть возможность два раза воспользоваться ея цѣнностью.

Завѣщанія суть тѣ акты, которые всего больше подвержены фабрикаціи. Противъ этого подлога самое важное средство состоитъ въ томъ, чтобы требовать регистраціи акта при жизни завѣщателя, подъ страхомъ недѣйствительности. На это возражаютъ, что принять эту мѣру значило бы оставить завѣщателя на произволъ тѣхъ, кто окружаетъ его въ послѣднія минуты, потому что онъ уже не могъ бы ни награждать, ни наказывать; но это неудобство можно было бы устранить, оставивъ за нимъ право располагать десятой частью своей собственности посредствомъ дополнительнаго завѣщанія (codicille).

Какіе акты должны быть подвергнуты регистраціи?

Всѣ тѣ, гдѣ есть третье заинтересованное лицо, и тѣ, важность которыхъ достаточно велика, чтобы оправдать эту предосторожность.

Для какихъ актовъ регистрація должна быть тайной или публичной?

Акты между живыми лицами, гдѣ есть третьи заинтересованныя лица, закладныя, брачные контракты, должны быть публичными. Завѣщанія должны быть ненарушимо тайными въ теченіе жизни завѣщателя. Акты въ родѣ промессовъ, договоровъ объ ученьѣ (apprentice indentures, apprentissage), брачныхъ контрактовъ, которые не касаются поземельной собственности могутъ оставаться тайными, подъ оговоркой сообщать ихъ лицамъ, которыя могутъ заявить специальное право разсмотрѣть ихъ.

Итакъ, учрежденіе для регистраціи раздѣлялось бы на отдѣлы тайные и публичные, свободные и обязательные. Свободная регистрація происходила бы часто, еслибы цѣна была умѣренна. Сохранять копіи, изъ опасенія несчастнаго случая, есть дѣло благоразумія; а гдѣ лучше помѣстить эти копіи, какъ не въ учрежденіи этого рода?

Необходимость вносить въ регистръ акты по закладу поземельной собственности была бы нѣкоторой уздой для расточительности. Человѣкъ не могъ бы безъ нѣкотораго стыда дѣлать займовъ подъ свое имущество для того только, чтобы растратить деньги на удовольствія. — Это соображеніе, говорящее въ пользу этой мѣры, считалось возраженіемъ противъ нея и помѣшало ея установленію.

Этотъ способъ регистраціи принятъ былъ болѣе или менѣе юриспруденціей многихъ странъ. Французская юриспруденція заняла, кажется, при этомъ довольно вѣрную средину.

Въ Англіи этотъ законъ дѣйствуетъ различно. Въ Миддльсексѣ и въ графствѣ Іоркъ есть конторы регистраціи, учрежденныя въ царствованіе Анны и имѣвшія главной цѣлью предупрежденіе двойныхъ отчужденій; и результаты были такъ хороши, что въ этихъ двухъ графствахъ цѣнность земель выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. — Какимъ образомъ послѣ столькихъ лѣтъ такого рѣшительнаго опыта, законъ еще не сдѣлалъ этой мѣры общею?

Ирландія пользуется этимъ благодѣяніемъ, но регистрація предоставлена свободному выбору индивидуумовъ.—Ее установили въ Шотландіи. Завѣщанія должны здѣсь заноситься въ регистръ при жизни завѣщателя. Въ графствѣ Миддльсексъ регистрація обязательна только по смерти завѣщателя.

4. *Способъ предупрежденія подлога актовъ.*

Есть одинъ способъ, который могъ бы извѣстнымъ образомъ замѣнить регистрацію. Такъ какъ для подобныхъ актовъ нуженъ особый родъ бумаги или пергаменъ, то въ мелкой продажѣ продавцамъ должно быть запрещено продавать его не отмѣчая на немъ года и дня продажи, имени продавца и имени покупателя. Раздача этой бумаги должна бы быть

ограничена извѣстнымъ числомъ лицъ, занесенныхъ въ списокъ. Ихъ книги были бы настоящими регистрами и по смерти ихъ сдавались бы въ учрежденіе. Эта предосторожность помѣшала бы фабрикаціи актовъ всякаго рода, написанныхъ будто-бы въ отдаленное время.

Еслибы требовалось, чтобы бумага была того же времени, какъ совершаемый актъ, это было бы еще новой уздой. Время бумаги можетъ отмѣчаться на ней также, какъ отмѣчается имя фабриканта. Въ этомъ случаѣ нельзя было бы сдѣлать подложнаго акта безъ содѣйствія самого фабриканта.

5. *Учрежденія для регистраціи событій, служащихъ доказательствомъ документовъ.*

Нечего много говорить объ очевидной необходимости констатировать рожденія и погребенія. Запрещеніе хоронить мервыхъ безъ предварительнаго осмотра полицейскимъ чиновникомъ есть общая предосторожность противъ убійствъ.—Странно, что въ Англіи брачные акты, вмѣсто того чтобы записываться, такъ долго становились извѣстными только черезъ короткую церемонію. Единственнымъ объясненіемъ этому могла бы быть простота этого договора, одинаковаго для всѣхъ, исключая частныхъ условій относительно имущества.

Къ счастію въ правленіе Вильгельма III эти событія, служащія основаніемъ для столькихъ правъ, представились удобнымъ предметомъ для налога. Надобно было заносить ихъ въ регистръ: налогъ былъ уничтоженъ, а выгода осталась.

Даже и теперь права, происходящія изъ этихъ событій, не имѣютъ достаточно вѣрнаго и всеобщаго обезпеченія. Есть только одна копія. Регистры каждаго прихода должны бы переписываться въ болѣе общемъ учрежденіи. При Георгѣ II, въ актѣ брака выгоды этого правила не давались Квакерамъ и Евреямъ, или по нетерпимости, или по недостатку внимательности.

6. *Предостерегать народъ противъ различныхъ преступленій.*

1. Противъ отравы.

Давать наставленія о разныхъ веществахъ, могущихъ быть отравой, также о средствахъ открывать ихъ и о способѣ леченія. Если бы такія наставленія были распространены въ народѣ безразлично, они принесли бы больше вреда, чѣмъ пользы: это одинъ изъ частныхъ случаевъ, гдѣ знаніе больше опасно, чѣмъ полезно. Средства употреблять яды были бы вѣрнѣе, чѣмъ средства лечить отъ отравы. Удобной серединой будетъ ограничить обращеніе этихъ наставленій классомъ лицъ, которые могутъ сдѣлать изъ нихъ хорошее употребленіе, — когда ихъ званіе, характеръ и воспитаніе гарантируютъ противъ опасности злоупотребле-

нія: таковы приходскіе священники и медики. Въ этихъ видахъ наставленія должны бы быть написаны на латинскомъ языкѣ, который предполагается извѣстнымъ для нихъ.

Но что касается до тѣхъ ядовъ, которые являются безъ всякихъ поисковъ и которые человѣкъ можетъ употребить невинно, эти яды надо сдѣлать какъ можно болѣе извѣстными. Нужна была бы особенная испорченность народнаго характера, чтобы цикута, которую легко смѣшать съ петрушкой, и мѣдь, которая такъ легко разлагается въ посудѣ, гдѣ полуда стерлась,—могли употребляться не по ошибкѣ, а намѣренно. Въ этомъ случаѣ, сообщеніе свѣдѣній, какъ бы оно ни было опасно, скорѣе дастъ надежду, чѣмъ опасеніе.

2. Противъ фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ.

Наставленія относительно фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ, и относительно способовъ, которыми можетъ быть совершаемъ обманъ даже при употребленіи настоящихъ мѣръ и вѣсовъ. Здѣсь являются вѣсы съ неравными чашками, мѣры съ двойнымъ дномъ и т. п. Эти свѣдѣнія должны быть распространяемы сколько возможно больше. Каждая лавка должна бы держать на виду эти правила въ ручательство, что не хочетъ обманывать никого.

3. Противъ поддѣльной монеты.

Наставленія народу о томъ, какъ отличать настоящую монету отъ фальшивой.—Если появляется особый разрядъ фальшивой монеты, правительство должно бы тотчасъ дать ея описанію всевозможную публичность. — Въ Вѣнѣ монетное вѣдомство тотчасъ указываетъ фальшивые роды монеты, какъ только ихъ замѣтятъ; но монетное дѣло устроено такъ хорошо, что эти попытки рѣдки.

4. Противъ обмановъ въ игрѣ.

Наставленіе о поддѣльныхъ костяхъ, о способахъ фальшиво сдавать карты, дѣлать знаки своимъ соумышленникамъ, имѣть ихъ между зрителями и т. п. Эти наставленія могли бы быть вывѣшены во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и сдѣланы такъ, чтобы предостеречь молодыхъ людей и показать порокъ въ смѣшномъ и гнусномъ видѣ. Надо было бы давать награды тѣмъ, кто бы выдавалъ ухищренія шулеровъ по мѣрѣ того, какъ они изобрѣтаютъ новыя.

5. Противъ обмановъ нищихъ.

Одни притворяются больными, находясь въ полномъ здоровьѣ; другія производятъ себѣ легкую болѣзнь, чтобы дать ей видъ самой отвратительной болѣзни; третьи разсказываютъ выдуманныя исторіи о кораблекрушеніяхъ и пожарахъ; четвертые берутъ чужихъ дѣтей или воруютъ ихъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе своего ремесла. Къ этимъ

наставленіямъ надо бы прибавлять предостереженіе, чтобы знаніе такихъ обмановъ не ожесточило сердецъ и не сдѣлало ихъ равнодушными къ настоящей бѣдности. Въ странѣ съ хорошей полиціей человѣкъ, являющійся въ такомъ несчастномъ видѣ, никогда бы не долженъ быть оставляемъ безъ вниманія и предоставляемъ самому себѣ: для перваго человѣка, который бы его встрѣтилъ, должно бы быть долгомъ передать его въ руки общественной благотворительности. Наставленія этого свойства представили бы для народа болѣе занимательное поученіе, чѣмъ иныя контроверсіи.

6. Противъ воровства, мошенничества, способовъ пріобрѣтенія подъ ложными предлогами.

Наставленія, которыя бы раскрывали всѣ пріемы, употребляемые ворами и мошенниками. Объ этомъ предметѣ есть много книгъ, матеріалъ которыхъ былъ доставленъ преступниками, пришедшими въ раскаяніе или желавшими черезъ это получить свое прощеніе. Эти компиляціи очень плохи, но изъ нихъ можно сдѣлать полезное извлеченіе. Одна изъ лучшихъ книгъ этого рода — «The Discoveries and Revelations of Poulter, otherwise Baxter», которыя въ двадцать шесть лѣтъ имѣли шестнадцать изданій. Это достаточно показываетъ, какое обширное распространеніе получила бы достовѣрная книга этого рода, рекомендованная правительствомъ. Тонъ, который можно было бы дать этимъ произведеніямъ, сдѣлалъ бы изъ нихъ и прекрасный урокъ морали и занимательное чтеніе [1]).

7. Противъ обмановъ религіозныхъ.

Наставленіе о преступленіяхъ, совершаемыхъ изъ суевѣрія относительно власти и злобы духовъ. Эти преступленія слишкомъ многочисленны; но это бездѣлица въ сравненіи съ легальными преслѣдованіями, исходившими изъ тѣхъ же заблужденій. Едва ли есть какая-нибудь христіанская нація, которая бы не могла упрекнуть себя въ кровавыхъ трагедіяхъ, причиненныхъ этой вѣрой въ колдовство. Исторіи перваго разряда могли бы представить весьма назидательный сюжетъ для религіозныхъ поученій; что касается до исторій втораго разряда, то нѣтъ надобности давать имъ печальную публичность. Мнѣнія столькихъ по-

[1]) Самая старая книга этого рода, какую я знаю, есть «Clavel's Recantation», 2-е изд 1628. Она написана въ стихахъ. Клевель былъ семейный человѣкъ, сдѣлавшійся разбойникомъ на большой дорогѣ Онъ былъ помилованъ. Въ заглавіи сказано, что книга была издана по особому приказанію короля (Карла I).—Одна изъ новѣйшихъ книгъ этого рода есть: «A view of society and manners in high and low life, by Parker». Б.

чтенныхъ и честныхъ судей, которые жалкимъ образомъ поддались этимъ суевѣріямъ, скорѣе были бы способны утвердить народъ въ его заблужденіи, чѣмъ излечить его. Желательно было бы, чтобы можно было избавиться отъ Эндорской волшебницы. Я не знаю того зла, какого эта еврейская Канидія надѣлала въ Палестинѣ, но она надѣлала ужаснаго зла во всей Европѣ. Самые умные теологи дѣлали сильныя возраженія противъ этой исторіи, взятой въ ея буквальномъ и прямомъ смыслѣ [1]).

Англійскіе законы первые имѣли честь положительно выбросить изъ уголовнаго кодекса мнимое преступленіе колдовства. Въ кодексѣ Маріи Терезіи, хотя онъ былъ составленъ уже въ 1773, это преступленіе играетъ значительную роль.

7. *Публиковать цѣны товаровъ противъ вымогательства торговцевъ.*

Если требованіе чрезмѣрной цѣны не можетъ собственно быть сочтено за преступленіе и подвергнуто наказанію, то по крайней мѣрѣ его можно считать зломъ, которое полезно было бы уничтожить, если этого можно достигнуть не навлекая бо́льшаго зла. Такъ какъ прямыя наказанія здѣсь не могутъ быть допущены, то надо пользоваться средствами непрямыми. Къ счастію, это такое преступленіе, зло котораго не увеличивается, а уменьшается отъ большаго числа правонарушителей. Что можетъ сдѣлать законъ? Увеличить это число сколько возможно. Если такой-то товаръ продается очень дорого, если онъ приноситъ огромную прибыль, распространите это свѣдѣніе, продавцы явятся отовсюду и отъ одного дѣйствія конкурренціи цѣна понизится.

Подъ рубрику вымогательства въ дѣлѣ торговли можно подвести ростъ. Давать деньги взаймы значитъ продавать настоящія деньги за будущія деньги, время уплаты которыхъ можетъ быть опредѣлено или нѣтъ, можетъ зависѣть отъ извѣстныхъ событій или нѣтъ, сумма можетъ быть выплачена вдругъ или по частямъ и т. д. Запретите ростъ: дѣлая эту сдѣлку тайной, вы возвысите цѣну (или процентъ).

8. *Публиковать права вѣдомствъ.*

Почти вездѣ служба въ правительственныхъ вѣдомствахъ сообщаетъ извѣстныя права: эти права составляютъ часть жалованья чиновниковъ. Какъ ремесленникъ продаетъ свое издѣліе, такъ чиновникъ продаетъ свой трудъ сколько возможно дороже. Конкурренція, легкость (для покупателя или нанимателя) отправиться на другой рынокъ удерживаютъ эту наклонность въ должныхъ границахъ, когда дѣло идетъ объ обыкновенномъ трудѣ; но съ учрежденіемъ оффиціальнаго вѣдомства всякая конкурренція

[1]) Искусство чревовѣщанія можетъ объяснить много обмановъ, дѣйствующихъ на суевѣріе. Б.

прекращается: право продавать такой-то особенный родъ труда становится монополiей въ рукахъ чиновника. Предоставьте цѣну на волю продавца и у него не будетъ скоро другой границы кромѣ той, какая предписывается нуждами покупателя. Поэтому, права вѣдомствъ должны быть съ точностью опредѣлены закономъ. Иначе, вымогательства, которыя могутъ произойти, надо будетъ приписывать не столько алчности чиновниковъ, сколько небрежности законодателя.

9. *Публиковать счеты, въ которыхъ заинтересована нацiя.*

Когда дѣлаются отчеты въ одно опредѣленное время, передъ ограниченнымъ числомъ слушателей, и слушателей, которые, быть можетъ, выбраны тѣмъ самымъ лицомъ, которое должно быть усчитано, или находятся подъ влiянiемъ этого лица, и когда потомъ никто не призывается контролировать эти счеты, то самыя крупныя ошибки могутъ остаться незамѣченными и неисправленными. Но когда счеты публикуются, то не можетъ быть недостатка ни въ свидѣтеляхъ, ни въ комментаторахъ, ни въ судьяхъ.

Изслѣдуется каждая статья. Была ли необходима такая-то статья? Явилась ли она по неизбѣжной надобности, или ее заставили явиться, чтобы имѣть предлогъ для издержки? Не ставится ли обществу счетъ дороже, чѣмъ частнымъ лицамъ? Не было ли дано предпочтенiя какому-нибудь предпринимателю насчетъ государства? Не сдѣлано ли тайной выгоды какому-нибудь фавориту? Не дано ли ему чего-нибудь подъ ложнымъ предлогомъ? Не сдѣлано ли какой-нибудь уловки для удаленiя конкуррентовъ? Не скрыто ли чего-нибудь въ счетахъ? Можно сдѣлать сотню такихъ вопросовъ, на которые невозможно получить полнаго объясненiя, если счеты не являются передъ глазами общества. Въ частномъ комитетѣ одни могутъ не имѣть честности, другiе—знанiя дѣла: умъ, дѣйствующiй медленно, пропускаетъ то, чего не пойметъ, изъ опасенiя выказать свою неспособность; умъ живой не останавливается на мелкихъ подробностяхъ; каждый предоставляетъ трудъ изслѣдованiя другому. Но все то, чего недостаетъ немногочисленной корпорацiи, найдется въ цѣломъ обществѣ: въ этой разнородной и разнорѣчивой массѣ, самые дурные принципы такъ же поведутъ къ цѣли, какъ самые лучшiе: зависть, ненависть, озлобленiе исполнятъ дѣло общественнаго духа; и такъ какъ эти страсти дѣятельны и упорны, то онѣ даже лучше изслѣдуютъ всѣ стороны и сдѣлаютъ болѣе мелочную повѣрку.—Такимъ образомъ тѣ, кто имѣетъ предѣлъ своихъ дѣйствiй только въ людскомъ уваженiи, будутъ удержаны въ границахъ долга гордостью безкорыстiя или страхомъ стыда.

Отыскивая исключенiя изъ этого правила, я могу найти только два:

одно относительно издержекъ этой публикаціи, другое относительно свойства извѣстныхъ родовъ тратъ, которыя должны оставаться тайными.— Безполезно было бы публиковать счеты маленькаго прихода, потому что книги могутъ быть доступны всѣмъ, кто интересуется просмотрѣть ихъ,— и нечего думать о публикаціи употребленія суммъ, назначаемыхъ для тайныхъ расходовъ, потому что вы рискуете потерять всѣ свѣдѣнія, какія вы можете получить о намѣреніяхъ вашихъ враговъ.

10. *Установленіе образчиковъ количества.—Вѣсы и мѣры.*

Вѣсы указываютъ количество матеріала; мѣры—количество пространства. Польза ихъ въ томъ, что они 1) удовлетворяютъ каждаго индивидуума относительно нужнаго ему количества вещи; 2) прекращаютъ споры; 3) предупреждаютъ обманы.

Установить однообразіе мѣръ и вѣсовъ было цѣлью многихъ государей. Найти всеобщую мѣру для всѣхъ народовъ было цѣлью изысканій многихъ философовъ и, наконецъ, французскаго правительства. Трудъ по-истинѣ достойный уваженія; потому что есть ли что-нибудь болѣе рѣдкое, и высокое какъ видѣть правительство, работающее надъ одной изъ существенныхъ основъ единства человѣческаго рода? [1])

Кажется, нѣтъ надобности въ длинныхъ разсужденіяхъ, чтобы показать пользу однообразія мѣръ и вѣсовъ при одномъ правительствѣ и для народовъ, которые въ другихъ отношеніяхъ имѣютъ общій языкъ. Для того, кто не понимаетъ значенія извѣстной мѣры, эта мѣра не существуетъ. Если мѣры двухъ городовъ не одинаковы, по имени или по количеству, торговля между индивидуумами не можетъ идти не подвергая ихъ большимъ ошибкамъ и большимъ затрудненіямъ: въ этомъ отношеніи, эти два города чужды одинъ другому. Если номинальная цѣна двухъ товаровъ одна и та же, то, при различіи мѣръ, ихъ реальная цѣна различна: нужно постоянное вниманіе, и недовѣрчивость затрудняетъ ходъ дѣлъ: въ добросовѣстныя сдѣлки проскользаютъ ошибки, и за этими сомнительными названіями скрывается обманъ.

Есть два средства достигнуть однообразія: первое—сдѣлать образчики, которые бы имѣли публичный авторитетъ, разослать ихъ во всѣ округа и запретить употребленіе всякихъ другихъ; второе—сдѣлать образчики и предоставить общему удобству заботу принять ихъ въ употребленіе. Я не знаю никакого примѣра, гдѣ бы выполненъ былъ пер-

---

[1]) Извѣстно, что этотъ вопросъ о единствѣ мѣръ, вѣсовъ, и даже монетной единицы, до сихъ поръ продолжаетъ занимать европейскихъ ученыхъ и теперь больше чѣмъ когда-нибудь начинаетъ находить больше вниманія со стороны общественнаго мнѣнія. (Пр. пер.)

вый способъ, но второй съ успѣхомъ было выполненъ эрцгерцогомъ Леопольдомъ въ Тосканѣ.

Въ Англіи существуетъ не менѣе тринадцати актовъ парламента относительно этого предмета, и можно было бы сдѣлать еще тысячу такихъ актовъ и не достигнуть ничего. 1) Распоряженія о томъ, чтобы дать этимъ образчикамъ однообразіе, недостаточны. 2) Не позаботились сдѣлать и раздать самые образчики: ихъ только не много встрѣчается тамъ и сямъ, и дѣло предоставлено было случаю.

Надо было бы начать съ того, чтобы доставить легальный образчикъ въ каждую общину; къ этому можно было бы прибавить наказаніе всякому рабочему, который бы сталъ изготовлять вѣсы и мѣры, не соотвѣтствующіе этому образцу; и наконецъ можно было бы объявить недѣйствительными всѣ сдѣлки, заключенныя при посредствѣ другихъ мѣръ и вѣсовъ. Этого послѣдняго средства было бы даже не нужно: довольно было бы двухъ первыхъ.

Между различными націями недостатокъ однообразія въ этомъ отношеніи не можетъ произвести столькихъ же ошибокъ, потому что уже самое различіе языка заставляетъ каждаго быть осторожнѣе. Однакоже изъ этого происходитъ много затрудненій въ торговлѣ; и обманъ, благопріятствуемый тайной, часто можетъ воспользоваться незнаніемъ покупателей.

Менѣе обширное, но не менѣе важное неудобство чувствуется въ медицинѣ. Если вѣсы не совершенно одни и тѣ же, особенно для вещества, гдѣ самыя небольшія количества имѣютъ существенное значеніе, то фармакопея одной страны только съ трудомъ можетъ служить для другой и можетъ подвергнуть практиковъ печальнымъ ошибкамъ. Это—значительное препятствіе для свободнаго сообщенія наукъ; и то же неудобство повторяется въ другихъ искусствахъ, гдѣ успѣхъ зависитъ отъ самой тонкой разницы въ количествахъ.

11. *Установленіе образчиковъ количества.*

Нужно было бы войти въ большія подробности, еслибы мы хотѣли сказать все, чтѣ правительство должно бы сдѣлать для того, чтобы установить наиболѣе удобные критеріи для качества и цѣнности множества предметовъ, подлежащихъ различнымъ пробамъ.—Пробный камень есть недостаточная проба качества и цѣнности металлическихъ композицій, представляющихъ соединеніе золота и серебра. Гидрометръ есть проба безошибочная, такъ какъ тожество качества происходитъ изъ тожества специфической тяжести.

Поддѣлки, узнать которыя всего важнѣе, суть тѣ, которыя могутъ вредить здоровью: такова смѣсь извести и жженыхъ костей, примѣшиваемыхъ въ муку для хлѣба; свинецъ, которымъ уничтожаютъ остроту

вина, и мышьякъ, употребляемый для приданія ему вкуса. Химія даетъ средства открывать всѣ эти порчи, но для примѣненія этихъ средствъ нужно нѣкоторое знаніе.

Вмѣшательство правительства въ этомъ отношеніи можетъ ограничиваться тремя пунктами: 1) поощрять открытіе пробныхъ средствъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этихъ средствъ еще нѣтъ; 2) распространять знаніе этихъ средствъ въ народѣ; 3) предписывать употребленіе ихъ чиновникамъ при исполненіи ихъ служебныхъ обязанностей этого рода.

12. *Установить штемпели для засвидѣтельствованія количества или качества вещей, которыя должны были изготовляться по извѣстному образцу.*

Эти штемпели суть заявленія или свидѣтельства въ краткой формѣ. Въ этихъ документахъ надо было бы обратить вниманіе на пять пунктовъ: 1) ихъ цѣль; 2) лицо, свидѣтельство котораго они представляютъ; 3) объемъ и подробности заключающихся въ нихъ свѣдѣній; 4) видимость и понятность знака; 5) его прочность и неразрушимость.

Польза этихъ достовѣрныхъ засвидѣтельствованій не подлежитъ сомнѣнію.

Ихъ можно съ успѣхомъ употреблять для слѣдующихъ предметовъ:

1. Для удостовѣренія правъ собственности. Для употребленія этой предосторожности относительно вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, можно положиться на благоразуміе этихъ лицъ: но относительно публичной собственности или предметовъ, находящихся въ складахъ на храненіи (in deposit, en dépôt), штемпель надо употреблять какъ легальную вещь. Такъ въ Англіи все, принадлежащее королевскому флоту, носитъ особый знакъ, который запрещается употреблять въ торговомъ флотѣ.

Въ королевскихъ арсеналахъ на строевомъ лѣсѣ дѣлаютъ оттискъ стрѣлы и въ ткань веревокъ вводятъ нитку, которую запрещается употреблять частнымъ лицамъ.

2. Для удостовѣренія количества или качества продаваемыхъ предметовъ въ пользу покупщиковъ. Такимъ образомъ по англійскимъ законамъ есть штемпели для большаго числа предметовъ, брусьевъ дерева, кожи, хлѣба, олова, серебряныхъ издѣлій, монеты, шерстяныхъ матерій, чулокъ и другихъ ремесленныхъ издѣлій и т. д.

3. Для удостовѣренія уплаты податей. Если предметъ, подлежащій налогу, не имѣетъ этого штемпеля, это доказываетъ, что налогъ не былъ уплаченъ. Примѣровъ множество. (Шоколатъ, чай, хмѣль, письма, бумага, мыло, газеты, карты, альманахи, фіакры, иностранныя шелковыя матеріи, дѣловыя бумаги и пр.)

4. Для удостовѣренія исполненія законовъ, запрещающихъ ввозъ.

ГЛАВА XI.

Помѣшать преступленію, давая многимъ лицамъ прямой интересъ его предупреждать.

Я приведу частный примѣръ, который могъ бы быть подведенъ одинаково и подъ предъидущую рубрику и подъ эту, потому что мы предупреждаемъ преступленіе, когда увеличиваемъ трудность скрыть его, или когда даемъ многимъ лицамъ прямой интересъ предупредить его.

Почтовое управленіе въ Англіи всегда отличалось недостаткомъ быстроты и точности доставленія писемъ [1]). Курьеры останавливались для своихъ удовольствій или прибыли: содержатели гостинницъ не торопили ихъ отправляться дальше. Каждое такое замедленіе было маленькимъ преступленіемъ, т. е. нарушеніемъ установленныхъ правилъ. Чѣмъ бы могъ законодатель помочь этому? Надзоръ скоро утомляется: наказанія постепенно ослабляются, доносы, всегда ненавистные и стѣснительные, дѣлаются рѣдки, и злоупотребленіе, пріостановленное на минуту, скоро идетъ своимъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Придумано было очень простое средство, въ которомъ не было ни закона, ни наказанія, ни доноса, и которое было отъ этого еще лучше.

Это средство состояло въ томъ, чтобы соединить два учрежденія, которыя до тѣхъ поръ были раздѣлены, перевозку писемъ и дилижансы для путешественниковъ. Успѣхъ былъ полный: скорость почты удвоилась и путешественники ѣхали лучше. Это стоитъ разсмотрѣнія.

Путешественники, сопровождающіе почтоваго курьера, стали надсмотрщиками за его поведеніемъ; онъ уже не можетъ уйти отъ ихъ наблюденія: онъ въ одно и тоже время и возбуждается ихъ похвалами и свободнымъ вознагражденіемъ, котораго ждетъ отъ нихъ, и не можетъ также не знать, что еслибы онъ вздумалъ терять время, эти путешественники имѣли бы естественный интересъ жаловаться и сдѣлались бы доносчиками на него, не имѣя нужды въ платѣ и не принимая на себя ненавистныхъ свойствъ доносчика. Видите, сколько выгодъ является изъ этой маленькой комбинаціи! Являются доказательства для малѣйшихъ проступковъ; мотивъ наказанія замѣняется мотивомъ

---

[1]) Читатель опять долженъ вспомнить, что рѣчь идетъ у Бентама очевидно о давно прошедшихъ временахъ. Но примѣръ конечно можетъ служить и для другихъ случаевъ. (Пр. пер.)

награды; становятся ненужны доносы и судебная процедура; случаи наказанія дѣлаются очень рѣдки; и оба учрежденія, вслѣдствіе соединенія, дѣлаются удобнѣе, быстрѣе и экономнѣе!

Я указываю на эту счастливую мысль Пальмера какъ на опытъ въ законодательствѣ. Надобно подумать о томъ, что сдѣлано было съ успѣхомъ въ одномъ родѣ, чтобы научиться побѣждать затрудненія въ другомъ. Желая разъяснить себѣ причину этого успѣха, мы восходимъ къ общимъ правиламъ.

ГЛАВА XII.

Облегчить средства узнать и найти индивидуумовъ.

Большая часть преступленій совершаются только вслѣдствіе большой надежды преступниковъ, что они останутся неизвѣстны. Все, что увеличиваетъ легкость узнать людей и отыскать ихъ, увеличиваетъ общую безопасность.

Вотъ одна изъ причинъ, почему надо мало опасаться со стороны тѣхъ, кто имѣетъ постоянное мѣсто жительства, собственность, семью. Опасность исходитъ отъ тѣхъ, которые, по своей бѣдности или своей независимости отъ всѣхъ этихъ связей, легко могутъ скрывать отъ правосудія свои дѣйствія.

Таблицы населенія, въ которыя вносится мѣсто жительства, возрастъ, полъ, профессія, бракъ или безбрачіе индивидуумовъ, суть первые матеріалы хорошей полиціи.

Надобно, чтобы власть могла требовать у каждаго подозрительнаго лица отчета о средствахъ его существованія, и взять подъ надзоръ тѣхъ, которые не могутъ указать ни своихъ доходовъ, ни занятій.

Относительно этого предмета надо замѣтить двѣ вещи, — во первыхъ полиція не должна быть мелочна и безпокойна до того, чтобы заставлять людей впадать въ неисправности и тѣмъ подвергать ихъ притѣсненіямъ вслѣдствіе слишкомъ трудныхъ и многочисленныхъ правилъ. Предосторожности, необходимыя въ извѣстные періоды опасности и смутъ, не должны быть продолжаемы въ спокойное время, какъ діета во время болѣзни не должна продолжаться тогда, когда человѣкъ здоровъ. Второе замѣчаніе то, что надо остерегаться, чтобы не нарушать національнаго духа. Одинъ народъ не могъ бы вынести полиціи другаго. Въ столицѣ Японіи каждый обязанъ носить свое имя на платьѣ. Эта мѣра мо

жетъ показаться полезной, индифферентной или тираннической, смотря по характеру общественныхъ предразсудковъ.

Сюда относится характеристическая одежда. Одежда, отличающая полъ, есть и мягкое и полезное средство полиціи. Одежда, отличающая военныхъ, моряковъ, духовенство, имѣетъ нѣсколько цѣлей, но главная изъ нихъ есть субординація. Въ англійскихъ университетахъ воспитанники носятъ особый костюмъ, который стѣсняетъ ихъ только тогда, когда они хотятъ выйти изъ предписанныхъ правилъ. Въ благотворительныхъ школахъ учениковъ заставляютъ носить однообразное платье и даже занумерованную бляху.

Жаль, что собственныя имена индивидуумовъ устраиваются такъ неправильно. Эти различенія, изобрѣтенныя въ младенческомъ состояніи обществъ, чтобы удовлетворить потребностямъ хижины, въ большой націи служатъ своей цѣли весьма несовершенно. Съ этимъ смѣшеніемъ именъ связывается много неудобствъ. Величайшее изъ нихъ то, что указаніе, основывающееся на одномъ имени, очень неопредѣленно, подозрѣніе колеблется между множествомъ лицъ и опасность для невинности можетъ сдѣлаться пособіемъ для преступленія.

Можно было бы начать новую номенклатуру, такъ, чтобы во всей націи каждый индивидуумъ имѣлъ собственное имя, принадлежащее только ему одному. Въ настоящемъ положеніи вещей затруднительность перемѣны, быть можетъ, превзошла бы ея выгоды; но въ рождающейся колоніи было бы полезно предупредить этотъ безпорядокъ [1]).

Между англійскими моряками весьма употребителенъ обычай писать на рукѣ свое фамильное имя и имя, полученное при крещеніи, четкими и неизгладимыми буквами. Они дѣлаютъ это, чтобы быть узнанными въ случаѣ кораблекрушенія.

Еслибы возможно было, чтобы этотъ обычай сталъ общимъ, это было бы новымъ пособіемъ для нравственности, новой силой для законовъ, почти вѣрной предосторожностью противъ множества преступленій, особенно противъ всякаго рода обмана, гдѣ для успѣха нужна извѣстная степень довѣрія. Кто вы такой? Съ кѣмъ я имѣю дѣло? Отвѣтъ на этотъ важный вопросъ не могъ бы подлежать обману.

---

[1]) Вотъ идея общаго плана. Полное имя могло бы заключать слѣдующія части: 1) одно фамильное имя, существенное для тожества родовъ; 2) одно имя, данное при крещеніи, или прономинальное; 3) мѣсто и время рожденія. Это сложное имя должно бы повторяться цѣликомъ во всѣхъ легальныхъ дѣлахъ. Способъ сокращенія имени для обыкновеннаго употребленія зависитъ отъ духа языка. Б.

Это средство по самой своей энергіи было бы благопріятно для личной свободы, позволяя процедурѣ ослабить свою строгость. Заключеніе, имѣющее цѣлью только удостовѣриться въ индивидуумахъ, сдѣлалось бы рѣже, когда бы ихъ можно было держать, такъ сказать, невидимой цѣпью.

Я вижу нелишенныя основанія возраженія. Во время французской революціи сколько людей могли спастись только благодаря переодѣванью, которое при такихъ знакахъ было бы невозможно! Общественное мнѣніе въ своемъ нынѣшнемъ состояніи противопоставляетъ этому учрежденію неодолимое препятствіе, но это мнѣніе могло бы измѣниться, еслибы употребить большую ловкость и начать съ великихъ примѣровъ. Еслибы было въ обычаѣ ставить буквы на лбу у вельможъ, къ этимъ знакамъ присоединили бы идею могущества и чести. На островахъ Тихаго океана женщины подвергаются же болѣзненной операціи, чтобы начертить на своей кожѣ фигуры, съ которыми соединяется идея красоты. Отпечатокъ дѣлается множествомъ уколовъ, разрывающихъ ткань, и цвѣтнымъ порошкомъ, который вводится посредствомъ натиранія.

ГЛАВА XIII.

Увеличить для правонарушителей трудность бѣгства.

Эти средства много зависятъ отъ географическаго расположенія, отъ естественныхъ или искусственныхъ преградъ. Въ Россіи, рѣдкость населенія, суровость климата, трудность сообщеній даютъ правосудію такую силу, къ какой его нельзя бы было считать способнымъ въ такой обширной странѣ....

Сюда можетъ относиться все то, что увеличиваетъ легкость и быстроту сообщенія свѣдѣній.

Описаніе примѣтъ есть средство весьма несовершенное и весьма сомнительное: гораздо лучше были бы силуэты, которые можно приготовлять такъ легко и такъ дешево. Ихъ можно употреблять или для заключенныхъ, бѣгства которыхъ опасаются, или для солдатъ, которые могутъ дезертировать, или для всякаго подозрительнаго лица, о которомъ было бы донесено властямъ и въ которомъ хотѣли бы удостовѣриться, не доводя противъ него строгости до тюремнаго заключенія. [1])

---

[1]) Въ настоящее время Бентамъ назвалъ бы фотографію, которая и употребляется уже для этихъ цѣлей. (Пр. перев.)

ГЛАВА XIV.

Уменьшить сомнительность судопроизводства и наказаній.

Я не намѣренъ входить здѣсь въ подробности объ обширномъ предметѣ судопроизводства: это будетъ предметомъ не одной главы, а особаго сочиненія. Я ограничиваюсь двумя или тремя общими замѣчаніями.

Если совершено преступленіе, то интересъ общества требуетъ, чтобы судья, долженствующій наказать его, былъ извѣщенъ объ немъ и извѣщенъ такимъ образомъ, чтобы имѣть право наложить наказаніе. Если утверждаютъ, что преступленіе было совершено; то интересъ общества требуетъ, чтобы истинность или ложность этого утвержденія была обнаружена. Такимъ образомъ правила свидѣтельства и формы судопроизводства должны быть таковы, чтобы съ одной стороны онѣ допускали всѣ вѣрныя свѣдѣнія, и съ другой не давали мѣста никакимъ ложнымъ свѣдѣніямъ, т. е. всему тому, что представляло бы шансы скорѣе обмана, чѣмъ разъясненія дѣла.

Природа поставила передъ нами образчикъ судопроизводства. Взгляните, что происходитъ въ домашнемъ трибуналѣ; разберите способъ дѣйствій отца семейства съ дѣтьми, съ слугами, которыми онъ управляетъ: мы найдемъ здѣсь первоначальныя черты правосудія, которыхъ мы уже не узнаёмъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были искажены людьми, неспособными отличать правду или заинтересованными въ ея скрытіи. Хорошій судья есть только хорошій отецъ семейства, дѣйствующій въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Средства, которыя могутъ быть годны для отца семейства въ изысканіи истины, должны быть столько же годны и для судьи. Это первый образчикъ судопроизводства, съ котораго было начато и отъ котораго не слѣдовало бы удаляться.

Правда, что къ отцу семейства можно имѣть такое довѣріе, какого не должно имѣть къ судьѣ, потому что этотъ послѣдній не имѣетъ тѣхъ же мотивовъ привязанности и можетъ быть испорченъ личнымъ интересомъ. Но это доказываетъ только, что надо обезпечить себя отъ пристрастія или подкупности судьи предосторожностями, въ которыхъ нѣтъ надобности въ домашнемъ трибуналѣ. Это не доказываетъ, что формы судопроизводства и правила свидѣтельства должны быть иныя.

Англійская юриспруденція допустила слѣдующія правила:

1. Что никто не можетъ быть свидѣтелемъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

2. Что никто не обязывается обвинять самого себя.

3. Что не должно быть принимаемо свидѣтельство лица, заинтересованнаго въ дѣлѣ.

4. Что никогда не должно допускать слуховъ.

5. Что никто не долженъ быть судимъ два раза по одному дѣлу.

Я не буду разбирать здѣсь этихъ правилъ свидѣтельства, къ которымъ можно примѣнить penitus toto divisos orbe Britannos. Говоря о судопроизводствѣ вообще, надо будетъ разсмотрѣть, обязана ли англійская юриспруденція, во многихъ отношеніяхъ превосходящая юриспруденцію всѣхъ націй, своимъ превосходствомъ именно этимъ правиламъ, или не были ли эти правила главной причиной того ослабленія силы правосудія, откуда происходитъ въ Англіи недостаточность полиціи и многочисленность преступленій.

Я скажу здѣсь только, что всѣ предосторожности, которыя не составляютъ абсолютной необходимости для защиты невинности, составляютъ опасную защиту преступленію. Я не знаю въ судопроизводствѣ правила опаснѣе того, которое ставитъ правосудіе въ противорѣчіе самому себѣ, которое установляетъ родъ несовмѣстности между ея обязанностями: напримѣръ, когда говорятъ, что гораздо лучше выпустить сто виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго, то предполагаютъ дилемму, которой не существуетъ: безопасность невинности можетъ быть полной, не благопріятствуя безнаказанности преступленія: она даже и не можетъ быть полной иначе какъ на этомъ условіи; потому что всякій виновный, уходящій отъ правосудія, угрожаетъ общественной безопасности, и подвергать невинность опасности стать жертвой новаго преступленія вовсе не значитъ защищать ее. Освободить преступника значитъ совершить его рукой преступленія, которыхъ онъ будетъ виновникомъ.

Трудность преслѣдованія преступленій есть причина безнаказанности и ослабленія силы правосудія. Когда законъ ясенъ, когда къ судьѣ обращаются прямо послѣ предполагаемаго преступленія, обязанность обвинителя почти смѣшивается съ обязанностью свидѣтеля. Когда преступленіе совершено на глазахъ судьи, то въ драмѣ, такъ сказать, нужны только два дѣйствующія лица, судья и правонарушитель. Дѣло свидѣтеля отдѣляется отъ дѣла судьи только разстояніемъ: но можетъ случиться, что или нельзя было бы собрать всѣхъ свидѣтелей факта, или что преступленіе открывается только долго спустя послѣ совершенія, или что обвиняемый можетъ привести въ свою защиту факты, которыхъ нельзя повѣрить на самомъ мѣстѣ: все это можетъ повести къ проволочкамъ. Проволочки даютъ поводъ къ случаямъ, которые производятъ

новыя проволочки. Судопроизводство усложняется; и чтобъ выполнять всю эту цѣпь операцій безъ запутанности и безъ небрежности, надобно поставить надъ этой юридической процедурой лицо, которое бы вело ее. Отсюда является другая функція, функція обвинителя. Обвинителемъ можетъ быть или одинъ изъ свидѣтелей. или лицо, заинтересованное въ дѣлѣ, или чиновникъ, нарочно назначенный для этой цѣли.

Судебныя функціи часто были раздѣляемы, такъ что судья, получающій свидѣтельство, когда оно ново, не имѣетъ права рѣшать, а долженъ передать дѣло другому судьѣ, который найдетъ досугъ заняться имъ только тогда, когда доказательства на половину изгладятся. Съ теченьемъ времени, въ большей части государствъ установилось множество безполезныхъ формальностей, и надо было назначить чиновниковъ для исполненія этихъ формальностей. Система судопроизводства усложнилась до такой степени, что стала мудреной и темной наукой: тотъ, кто хочетъ преслѣдовать преступленіе, принужденъ отдаться въ руки прокурора, и самъ прокуроръ не могъ бы сдѣлать шагу безъ другаго законника высшаго разряда, который наставляетъ его своими совѣтами и говоритъ за него.

Къ этимъ невыгодамъ надо прибавить двѣ другія:

1) Законодатели, не подозрѣвая, что они противорѣчатъ самимъ себѣ, часто закрывали доступъ въ трибуналы тѣмъ, кому это было всего нужнѣе, подвергая судопроизводство самымъ необдуманнымъ налогамъ.

2) На всѣхъ тѣхъ, кто содѣйствуетъ законамъ въ качествѣ обвинителей, падаетъ общественное нерасположеніе: нелѣпый и вредный предразсудокъ, который законодатели часто имѣли слабость поощрять, не дѣлая ни малѣйшаго усилія побѣдить его [1]).

Какое слѣдствіе всего этого накопленія проволочекъ и помѣхъ? То, что законы остаются неисполненными. Когда бы человѣкъ могъ обра-

---

[1]) Бентамъ не разъ осуждаетъ этотъ предразсудокъ (противъ доноса), дѣйствительно существующій; но едвали справедливо огуломъ обвинять законодателей, которые «имѣли слабость поощрять» его. Предразсудокъ конечно имѣлъ свои историческія причины, въ немалой степени, въ недостаткахъ самого судебнаго законодательства, въ крайней суровости законовъ, въ недостаткахъ процедуры, остающихся отъ прежнихъ временъ и уже не соотвѣтствующихъ болѣе цивилизованнымъ и мягкимъ понятіямъ временъ позднѣйшихъ. Предразсудокъ нерѣдко могъ питаться опасеніемъ подвергнуть чрезъ-мѣру суровому наказанію виновнаго, или даже навлечь несправедливыя стѣсненія невинному,—какъ это слишкомъ часто случается при «доносѣ». «Delatores» Тиберія стали исторической пословицей; поэтому «слабость законодателей» могла быть въ иныхъ случаяхъ уступкой требованіямъ общественнаго мнѣнія или, по терминологіи Бентама, «популярной санкціи». (Пер. пер.)

щаться въ первой инстанціи къ судьѣ и сказать ему, что онъ видѣлъ. издержки, которыя ему бы пришлось сдѣлать для этого, были бы ничтожны. По мѣрѣ того, какъ ему приходится проходить черезъ длинный рядъ посредниковъ, его издержки увеличиваются. Если прибавить къ этому трату времени, скуку, сомнительность успѣха, то удивительно, какъ еще находятся люди такіе рѣшительные, что пускаются въ такое предпріятіе. Такихъ людей мало и было бы еще меньше, еслибы тѣ, кто пускается въ эту лотерею, знали такъ же хорошо, какъ законники, и сколько это стоитъ и количество противныхъ шансовъ.

Трудности исчезаютъ отъ простаго учрежденія публичнаго обвинителя, съ характеромъ оффиціальнаго чиновника, который ведетъ процессъ и беретъ на себя издержки. Люди, сообщающіе свѣдѣнія (informers, informateurs), въ случаѣ, еслибы имъ надо было платить, получали бы только небольшое жалованье; и явилось бы сто даровыхъ на одного, который бы потребовалъ платы [1]). Каждый законъ, приведенный въ силу, обнаружилъ бы свои хорошія или дурныя дѣйствія: хорошее зерно было бы сбережено, а дурное было бы брошено въ огонь. Сообщителей, одушевляемыхъ общественнымъ благомъ, отвергающихъ всякое денежное вознагражденіе, слушали бы съ должнымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Правонарушители уже не могли бы избѣгать заслуженнаго наказанія, договариваясь съ тѣми, кто началъ ихъ преслѣдованіе, чтобы они или бросили его или приняли ихъ сторону.

Правда, что въ Англіи во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ обвинителю запрещается вступать въ сдѣлку съ обвиняемымъ безъ позволенія судьи: но еслибы это запрещеніе было общее, какого дѣйствія можно было бы ожидать отъ него въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обѣ стороны имѣли бы интересъ обходить его?

---

[1]) «Я знаю по опыту,—говоритъ сэръ Джонъ Фильдингъ,—что на одно извѣщеніе, принесенное мнѣ съ желаніемъ вознагражденія, я получалъ десять, мотивомъ которыхъ было только общественное благо.»

Въ Англіи наименьшая издержка на процессъ въ обыкновенномъ судѣ есть 28 фунт. ст., сумма почти равная той, какая нужна на содержаніе семейства въ низшемъ классѣ въ теченіе года. Можно ли надѣяться, чтобы человѣкъ изъ духа общаго блага сталъ подвергать себя такой значительной жертвѣ, независимо отъ всякаго рода стѣсненій? При такой системѣ процесса было бы чудомъ, еслибы законы имѣли силу, къ какой они были бы способны, еслибы эти препятствія были устранены. Б.

ГЛАВА XV.

Запретить преступленія добавочныя, чтобы предупредить главное преступленіе.

Акты, имѣющіе связь съ вреднымъ событіемъ, какъ причина, могутъ быть разсматриваемы какъ преступленія добавочныя или приготовительныя (accessory) относительно главнаго преступленія.

Когда главное преступленіе опредѣлено, можно различать столько добавочныхъ преступленій, сколько есть актовъ, которые могутъ служить для плана преступленія, или приготовлять его, или обнаруживать. Или, чѣмъ больше будетъ указано (закономъ) и запрещено приготовительныхъ актовъ, тѣмъ больше будетъ шансовъ предупредить самое совершеніе главнаго преступленія. Если правонарушитель не остановленъ на первомъ шагѣ своего предпріятія, онъ можетъ быть остановленъ на второмъ или на третьемъ. Такимъ образомъ предусмотрительный законодатель, какъ искусный генералъ, узнаѐтъ всѣ внѣшніе посты непріятеля, чтобы остановить его предпріятіе. Во всѣхъ проходахъ, на всѣхъ поворотахъ дороги онъ ставитъ разнаго рода препятствія, различныя смотря по мѣсту, но связанныя между собою, такъ что непріятель на каждомъ шагу встрѣчаетъ новыя опасности и новыя затрудненія.

Если мы разсмотримъ законодателей въ ихъ практикѣ, мы не найдемъ ни одного, который бы систематически работалъ по этому плану, и ни одного, который бы до извѣстнаго пункта ему не слѣдовалъ [1]).

Напримѣръ, преступленія охоты были раздѣлены на нѣсколько добавочныхъ преступленій, смотря по роду дичи, по свойству сѣтей или инструментовъ нужныхъ для ловли и т. п. Такимъ же образомъ дѣйствовали противъ контрабанды, запрещая разные приготовительные акты. — Такимъ образомъ дѣйствовали противъ поддѣлки монеты.

Я приведу нѣсколько другихъ примѣровъ того, что̀ можно сдѣлать въ этомъ отдѣлѣ полиціи.

Противъ убійства и тѣлесныхъ обидъ. Запрещеніе оружія, чисто нападательнаго и легко скрываемаго. Въ Голландіи, какъ говорятъ,

---

[1]) Въ кодексѣ Маріи Терезіи, подъ каждымъ отдѣломъ преступленій, есть отдѣлъ indicia: они раздѣляются на два разряда, indicia ad capturam, indicia ad torturam, — тѣ указанія, которыхъ достаточно для арестованія, и тѣ, которыхъ достаточно для употребленія пытки,—въ то время пытка все-еще не была уничтожена. *Б.*

изготовляется родъ оружія въ формѣ иглы, бросаемой посредствомъ трубки и рана которой смертельна,—фабрикація, продажа и держаніе такихъ орудій могли бы быть запрещены, какъ принадлежность убійства.

Должны ли быть запрещены карманные пистолеты, какіе употребляются въ Англіи разбойниками на большихъ дорогахъ? Польза такого запрещенія проблематична. Изъ всѣхъ способовъ воровства, способъ воровства съ огнестрѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ есть наименѣе опасный для лица, подвергающагося нападенію. Въ такомъ случаѣ обыкновенно бываетъ достаточно одной угрозы, чтобы достичь своей цѣли. Воръ, который выпуститъ свой зарядъ съ самаго начала, не только совершитъ актъ безполезной жестокости, онъ обезоружитъ самого себя: вмѣсто того, чтобы сберечь выстрѣлъ, онъ долженъ будетъ защищаться. Тотъ, кто употребляетъ дубину, шпагу, не имѣетъ такого мотива воздерживаться отъ удара; первый ударъ, нанесенный имъ, становится даже основаніемъ нанести второй и лишить жертву возможности преслѣдовать его.

Запрещеніе продажи ядовъ требуетъ, чтобы составленъ былъ списокъ ядовитыхъ веществъ; и этой продажи нельзя даже абсолютно запретить [1]); можно только подчинить ее правиламъ и предосторожностямъ, требовать отъ продавца, чтобы онъ зналъ покупателя, чтобы онъ взялъ свидѣтелей, записывалъ продажу въ особую книгу, и надо даже оставить просторъ для непредвидѣнныхъ случаевъ. Эти правила, чтобы быть полными, потребовали бы большихъ подробностей. Вознаградила ли бы выгода тѣ затрудненія, какія бы отсюда произошли? Это зависитъ отъ нравовъ и привычекъ народа; если отравленіе есть преступленіе частое, необходимо будетъ принять эти непрямыя предосторожности. Онѣ были бы нужны въ древнемъ Римѣ.

Добавочныя преступленія можно раздѣлить на четыре разряда. Первый предполагаетъ составленное намѣреніе совершить главное преступленіе. Ихъ обозначаютъ общимъ именемъ покушеній, приготовленій [2]).

Второй не предполагаетъ, чтобы намѣреніе было дѣйствительно составлено, но ставитъ индивидуума въ такое положеніе, гдѣ надо опа-

[1]) Всякое настоящее лекарство, принятое въ извѣстномъ количествѣ, можетъ стать ядомъ. Б.

[2]) Солдатъ на смотру заряжаетъ ружье пулей; онъ открытъ раньше, чѣмъ скомандовано стрѣлять; это можно считать приготовленіемъ; — еслибы онъ выстрѣлилъ въ какого-нибудь человѣка или въ собраніе людей, это было бы покушеніемъ;—еслибы онъ убилъ кого-нибудь, онъ совершилъ бы самое преступленіе, извѣстное подъ именемъ убійства. Б.

саться, чтобы онъ не возъимѣлъ этого намѣренія въ будущемъ. Такова игра, такова расточительность, праздность, когда къ ней прибавляется бѣдность. Жестокое обращеніе съ животными есть путь къ жестокости съ людьми и пр.

Третій не предполагаетъ никакой дѣйствительной или вѣроятной преступности намѣренія, но только случайную возможность ея. Этотъ родъ преступленій предполагается тогда, когда дѣлаются полицейскія распоряженія, имѣющія цѣлью предупреждать бѣдствія — когда например̃ъ запрещается продажа извѣстныхъ ядовъ, продажа пороху. — Нарушеніе этихъ правилъ, независимо отъ всякаго преступнаго намѣренія, составляетъ преступленіе этого третьяго класса.

Четвертый составляется изъ предполагаемыхъ преступленій, т. е. изъ актовъ, которые считаются за доказательства преступленія (evidentiary offences): акты, сами по себѣ вредные или невредные, заставляющіе предполагать совершеніе преступленія. — По англійскому закону извѣстное поведеніе со стороны женщины наказывается какъ убійство, потому что предполагается, что это поведеніе есть вѣрное доказательство дѣтоубійства. — По другому закону считается уголовнымъ преступленіемъ составить собраніе вооруженныхъ и переодѣтыхъ людей, потому что предполагали, что это доказывало составленное намѣреніе совершить убійство для защиты контрабанды противъ правосудія. — По другому закону, владѣть крадеными вещами, не имѣя возможность удовлетворительно объяснить, какъ онѣ были пріобрѣтены, есть преступленіе, потому что это обстоятельство считали доказательствомъ соучастія. Наконецъ, по другому закону стирать мѣтки на предметахъ, оставшихся отъ кораблекрушенія, есть преступленіе, потому что въ этомъ видѣли намѣреніе совершить воровство.

Эти преступленія, основывающіяся на догадкѣ, предполагаютъ двѣ вещи: 1) недовѣріе къ системѣ судопроизводства; 2) недовѣріе къ благоразумію судьи. Въ Англіи, законодатель думалъ, что присяжный, слишкомъ расположенный оправдывать, не увидитъ въ этихъ догадкахъ несомнѣннаго доказательства преступленія, и потому изъ самаго акта, наводящаго на догадку, сдѣлалъ особое преступленіе, независимое отъ всякаго другаго.—Въ странахъ, гдѣ трибуналы имѣютъ полное довѣріе законодателя, эти акты могутъ быть подведены подъ тотъ разрядъ, къ которому они принадлежатъ, и считаться за догадку, а судьѣ можетъ быть предоставлено извлекать изъ нихъ выводы.

Относительно добавочныхъ преступленій, важно дать законодателю въ видѣ memento три правила:

1. При каждомъ главномъ преступленіи, которое онъ создаетъ, онъ

долженъ распространять запрещеніе на приготовительные акты, на простыя покушенія, обыкновенно съ меньшимъ наказаніемъ, чѣмъ за главное преступленіе. Это правило — общее, и исключенія должны основываться на особенныхъ причинахъ.

2. Поэтому, подъ описаніе главнаго преступленія надо поставить всѣ добавочныя, приготовительныя и содѣйствующія преступленія, которыя доступны для специфическаго и точнаго описанія.

3. При описаніи этихъ добавочныхъ преступленій надо остерегаться, чтобы не дѣлать излишнихъ стѣсненій, не ограничивать свободы индивидуумовъ, не подвергать невиннаго человѣка опасности поспѣшными заключеніями. Описаніе этого рода преступленія почти всегда было бы опасно, еслибы не заключало оговорки, которая бы предоставляла судьѣ оцѣнить степень предположенія, какое надо изъ него извлечь. Въ этомъ случаѣ создать добавочное преступленіе значитъ почти тоже, что сдѣлать судьѣ указаніе, слѣдственнымъ путемъ, въ формѣ объясняющаго обстоятельства, позволяя ему не дѣлать изъ него никакого вывода, если онъ находитъ какое-нибудь особенное основаніе считать это указаніе неидущимъ къ дѣлу.

Если наказаніе за начатое или приготовительное преступленіе будетъ равняться наказанію за преступленіе совершенное, не дѣлая никакой уступки для возможности раскаянія или оставленія дѣла по благоразумію, то правонарушитель, видя, что онъ подвергается тому же наказанію за простую попытку, увидѣлъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ, что ему можно совершить его не подвергаясь изъ-за этого большей опасности.

ГЛАВА XVI.

Воспитаніе чувства благосклонности.

Принципъ благосклонности (доброжелательности) самъ по себѣ отличается отъ любви къ репутаціи. Каждый изъ нихъ можетъ дѣйствовать отдѣльно отъ другаго. Первый можетъ быть чувствомъ инстинктивнымъ, даромъ природы, но въ значительной степени это есть плодъ культуры, результатъ воспитанія. Потому что, гдѣ мы находимъ бόльшую мѣру благосклонности, у Англичанъ или у Ирокезовъ, въ дѣтствѣ общества или въ его зрѣлости? Если чувство благосклонности способно увеличиваться, какъ въ этомъ нельзя сомнѣваться, оно увеличивается при помощи этого другаго принципа сердца человѣческаго, любви къ репутаціи. Если моралистъ изображаетъ благосклонность въ самыхъ лю-

безныхъ чертахъ, и эгоизмъ, жесткость сердца, рисуетъ самыми ненавистными красками, —что онъ дѣлаетъ этимъ? Онъ старается присоединить къ чисто-общественному принципу благосклонности на-половину личный и на-половину общественный принципъ репутаціи. Онъ старается связать ихъ, дать имъ одно общее направленіе, вооружить ихъ взаимно одинъ другимъ. Если его усилія вѣнчаются успѣхомъ, которому изъ двухъ принциповъ надо приписать честь этого успѣха? Ни тому, ни другому исключительно, но ихъ обоюдному содѣйствію, любви къ благосклонности какъ причинѣ непосредственной, и любви къ репутаціи какъ причинѣ отдаленной. Человѣкъ, который съ удовольствіемъ повинуется сладкимъ звукамъ общественнаго принципа, не знаетъ и не желаетъ знать, что первый тонъ далъ этимъ звукамъ принципъ, менѣе благородный. Такова высокомѣрная деликатность лучшаго элемента нашей природы: онъ хочетъ быть одолженнымъ только самому себѣ и стыдится всякаго посторонняго сообщества.

1) Увеличить силу чувства благосклонности; 2) установить его примѣненіе по принципу пользы, — вотъ двѣ цѣли законодателя.

1. Если онъ хочетъ внушить гражданамъ человѣколюбіе, онъ долженъ первый подать имъ примѣръ его, долженъ показывать величайшее уваженіе не только къ жизни людей, но ко всѣмъ обстоятельствамъ, оказывающимъ вліяніе на ихъ чувствительность. Кровожадные законы имѣютъ тенденцію дѣлать людей жестокими, или изъ страха или изъ подражанія, или изъ мщенія. Законы, диктованные духомъ кротости, смягчаютъ и дѣлаютъ человѣчными нравы націи, и духъ правительства повторяется въ духѣ семействъ.

Законодатель долженъ запретить все то, что может проложить дорогу къ жестокости. Варварскія зрѣлища гладіаторовъ, введенныя въ Римѣ въ послѣднія времена республики, безъ сомнѣнія содѣйствовали тому, что Римляне пріобрѣли ту жестокость, которую они обнаружили въ своихъ гражданскихъ войнахъ. Народъ, привыкшій въ этихъ играхъ презирать человѣческую жизнь, будетъ ли уважать ее въ разгарѣ страсти?

По той же причинѣ слѣдуетъ запрещать всякую жестокость съ животными, или для забавы, или для удовлетворенія гастрономическому обжорству. Сраженія пѣтуховъ и быковъ, охота на зайца, лисицу, рыбная ловля и другія развлеченія этого рода необходимо предполагаютъ или отсутствіе размышленія или запасъ безчеловѣчія, —потому что онѣ подвергаютъ чувствующія существа самымъ живымъ страданіямъ и самой медленной и болѣзненной смерти, какую только можно себѣ представить. Должно быть позволено убивать животныхъ и запрещено му-

чить ихъ. Смерть искусственная, быть можетъ, легче естественной, при посредствѣ простыхъ способовъ, которые заслуживаютъ изученія и должны бы сдѣлаться предметомъ полиціи. Почему бы законъ отказалъ въ своемъ покровительствѣ какому бы то ни было чувствующему созданію? Придетъ время, когда человѣчество раздвинетъ его покровъ на все, что дышетъ. Теперь люди начали трогаться участью рабовъ: подъ-конецъ они смягчатъ и участь животныхъ, которыя служатъ для нашихъ работъ и нашихъ нуждъ.

Я не знаю, что́ имѣли въ виду китайскіе законодатели, установляя свой мелочной церемоніалъ,—воспитывать ли благосклонность или только поддерживать миръ и субординацію. *Вѣжливость въ Китаѣ есть родъ культа или религіознаго обряда и составляетъ важный предметъ воспитанія и главную науку. Внѣшнія движенія этого громаднаго народа, всегда правильныя,* всегда предписанныя этикетомъ, почти однообразны, какъ движенія полка, исполняющаго на ученьи команду. Эта пантомима благосклонности можетъ быть лишена реальнаго смысла, какъ наружное выполненіе мелкихъ правилъ благочестія можетъ быть лишено нравственнаго достоинства. Такое стѣсненіе, кажется, мало согласуется съ человѣческимъ сердцемъ, и эти заказныя выраженія чувства ни къ чему не обязываютъ, потому что не имѣютъ внутренняго достоинства.

Существуютъ принципы антипатіи, которые иногда замѣшиваются въ политическое устройство государствъ и которыя очень трудно искоренить. *Это враждебныя религія, которые возбуждаютъ своихъ приверженцевъ ненавидѣть и преслѣдовать другъ друга;* наслѣдственная месть между могущественными фамиліями; привилегированныя положенія, ставящія неодолимую преграду между гражданами; послѣдствія завоеваній, послѣ которыхъ народъ побѣдившій никогда не могъ соединиться и слиться съ народомъ побѣжденнымъ; вражда, основанная на старыхъ несправедливостяхъ; правительства партій, которыя основываются побѣдой и падаютъ отъ пораженія. Въ такомъ несчастномъ государствѣ сердца сближаются гораздо чаще потребностью ненавидѣть, чѣмъ потребностью любить. Чтобы возвратить ихъ къ чувству благосклонности, ихъ надо избавить отъ страха и утѣсненія.

Разрушеніе предразсудковъ, дѣлающихъ людей врагами другъ друга, есть одна изъ величайшихъ услугъ, какія могутъ быть сдѣланы нравственности.

Путешествіе Мунго Парка въ Африку представило черныхъ въ самомъ интересномъ видѣ; ихъ простота, сила ихъ домашнихъ привязанностей, картина ихъ невинныхъ нравовъ увеличили общественный интересъ въ ихъ пользу.

Сатирическіе писатели ослабляютъ это чувство. Можно ли, прочитавъ Вольтера, чувствовать расположеніе къ Евреямъ? Еслибы онъ имѣлъ къ нимъ больше благосклонности, излагая униженіе, въ которомъ ихъ держатъ, онъ объяснилъ бы самыя неблагопріятныя черты ихъ характера и рядомъ съ болѣзнью указалъ бы и лекарство.

Самый большой ущербъ нанесенъ былъ благосклонности исключительными религіями,—тѣми, которыя имѣютъ характеръ совершенной отдѣльности въ обрядахъ, которыя внушаютъ нетерпимость и представляютъ людей, къ нимъ не принадлежащихъ, невѣрными и врагами Бога.

Въ *Англіи лучше* чѣмъ гдѣ-нибудь знаютъ искусство возбуждать благотворительность той публичностью, которую ей даютъ. Если хотятъ предпринять благотворительное дѣло, требующее участія многихъ людей, составляется комитетъ изъ благотворителей наиболѣе дѣятельныхъ и наиболѣе извѣстныхъ: цѣнность пожертвованій объявляется въ газетахъ; имена жертвователей отъ времени до времени публикуются. Эта публичность удовлетворяетъ многимъ цѣлямъ. Непосредственная цѣль ея—гарантировать взносы и употребленіе суммъ, но это привлекаетъ тщеславіе, и благотворительность пользуется имъ.

Въ благотворительныхъ учрежденіяхъ всѣ ежегодные жертвователи называются управляющими: ихъ власть, ихъ управленіе маленькимъ государствомъ заинтересовываютъ ихъ въ дѣлѣ: людямъ пріятно слѣдить за добромъ, которое они дѣлаютъ, пользоваться властью, которую оно даетъ; и это сближеніе благотворителей съ классомъ несчастныхъ усиливаетъ благосклонность, которая охладѣваетъ съ удаленіемъ предмета и согрѣвается его присутствіемъ.

Въ Лондонѣ такихъ благотворительныхъ обществъ больше, чѣмъ монастырей въ Парижѣ.

Многія изъ этихъ благотворительныхъ учрежденій имѣютъ свою особенную цѣль,—заботу о слѣпыхъ, сиротахъ, калѣкахъ, вдовахъ, матросахъ, дѣтяхъ, духовныхъ и т. п. Каждый индивидуумъ больше трогается однимъ родомъ несчастія, чѣмъ другимъ, и его симпатія всегда связана съ какимъ-нибудь личнымъ обстоятельствомъ: поэтому очень умно разнообразить благотворительныя учрежденія, раздѣлять ихъ на особыя отрасли, чтобы примѣнить къ нимъ всѣ роды чувствительности и не потерять ни одного изъ нихъ.

Удивительно, что при этомъ не воспользовались настроеніемъ женщинъ, у которыхъ чувство состраданія сильнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Во Франціи было два учрежденія, хорошо приноровленныя къ этой цѣли: les Filles de Charité (сестры милосердія), которыя посвящали себя слу-

женію въ госпиталяхъ, и la Société de la Charité Maternelle въ Парижѣ, составленное дамами, которыя посѣщали бѣдныхъ женщинъ во время беременности и заботились о первомъ возрастѣ дѣтей.

2. Чувства благосклонности бываютъ способны удаляться отъ принципа общей пользы: ихъ можно направить должнымъ образомъ только посредствомъ наставленій: надо не приказывать, не принуждать, но мало по малу убѣждать, научать людей различать разныя степени пользы, соразмѣрять свою благосклонность съ объемомъ ея предмета. Лучшій образецъ этого данъ Фенелономъ, въ слѣдующихъ словахъ, рисующихъ его сердце: «Я предпочитаю себѣ свое семейство, своему семейству свое отечество, и своему отечеству—*человѣческій родъ*».

Итакъ, въ этихъ *публичныхъ наставленіяхъ* надо *стараться направлять чувства гражданъ къ этой цѣли, подавлять заблужденія благосклонности*, давать людямъ понять въ общемъ интересѣ ихъ собственный интересъ. Надо заставить ихъ стыдиться этой семейной исключительности, этой исключительности корпоративной, которыя борятся противъ любви къ отечеству,—и стыдиться той несправедливой любви къ отечеству, которая превращается въ ненависть къ другимъ народамъ. Надо удерживать людей, которые изъ дурно понятаго состраданія становятся на сторону дезертировъ, контрабандистовъ и другихъ правонарушителей, согрѣшающихъ противъ государства. Надо разубѣдить ихъ въ томъ *ложномъ понятіи*, что человѣколюбиво помочь бѣгству виновнаго, *доставить безнаказанность преступленію, поощрять нищенство* въ ущербъ *промышленности. Наконецъ надо стараться дать всѣмъ* ихъ чувствамъ наиболѣе выгодную пропорцію, показывая имъ мелочность и опасность капризовъ, антипатій, минутныхъ привязанностей, которыя нарушаютъ балансъ противъ общей пользы и постоянныхъ интересовъ.

Чѣмъ больше люди просвѣщаются, тѣмъ больше они пріобрѣтаютъ духъ общей благосклонности, потому что видятъ, что интересы людей сходятся въ большемъ числѣ пунктовъ, чѣмъ расходятся. Въ торговлѣ народы невѣжественные поступали одинъ съ другимъ какъ соперники, которые могутъ возвыситься только на развалинахъ одинъ другаго. Произведеніе Адама Смита есть трактатъ о всеобщей благосклонности, потому что оно показываетъ, что торговля одинаково выгодна для различныхъ націй; что каждая изъ нихъ пользуется ею по своему, по мѣрѣ своихъ естественныхъ средствъ; что въ великомъ общественномъ предпріятіи народы суть союзники, а не соперники.

ГЛАВА XVII.

Употребленіе мотива чести, или популярной санкціи.

Увеличить силу этого принципа, направить должнымъ образомъ его примѣненіе, вотъ еще два дѣла, которыя надобно исполнить.

Сила общественнаго мнѣнія зависитъ отъ его объема и его интенсивности: его объемъ измѣряется числомъ подаваемыхъ голосовъ; его интенсивность степенью порицанія или одобренія.

Чтобы увеличить силу мнѣнія по объему, есть много средствъ: главныя изъ нихъ — свобода печати и публичность всѣхъ актовъ, интересующихъ націю: — публичность судовъ, — публичность счетовъ,— публичность государственныхъ совѣщаній, если они не требуютъ тайны по какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ. Просвѣщенная публика, хранительница законовъ и архивовъ чести, правящая нравственной санкціей, составляетъ высшій трибуналъ, который рѣшаетъ о всѣхъ дѣлахъ и всѣхъ лицахъ. Посредствомъ публичности дѣлъ, этотъ трибуналъ въ состояніи собирать доказательства и судить; посредствомъ свободы печати онъ произноситъ и приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія.

Чтобы увеличить интенсивность силы мнѣнія, также есть различныя средства: или въ наказаніяхъ, носящихъ какой-нибудь характеръ безславія, или въ наградахъ, главная цѣль которыхъ—возвысить честь тѣхъ, кто ихъ получитъ.

Есть тайное искусство управлять общественнымъ мнѣніемъ, такъ что оно, такъ сказать, не подозрѣваетъ, какъ его ведутъ. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ. Расположите вещи такъ, чтобы для совершенія акта, которому вы хотите помѣшать, надо было предварительно совершить другой, который уже осуждается обыкновенными понятіями.

Напр., если дѣло идетъ о томъ, чтобы побудить къ уплатѣ податей, то отъ человѣка, подлежащаго этой обязанности, можно требовать клятву или свидѣтельство объ уплатѣ.

Принесеніе ложной клятвы, фабрикація ложнаго свидѣтельства—такія преступленія, которыя публика уже впередъ готова покрыть позоромъ, по какому бы ни было случаю. Вотъ вѣрное средство сдѣлать позорнымъ преступленіе, которое безъ этого аксессуара не было бы такимъ.

Иногда простой перемѣны въ имени предметовъ достаточно будетъ

для того, чтобы измѣнить чувства людей. Римляне ужасались слова «rex», но они терпѣли слова «dictator» и «imperator». Кромвелю не удалось бы сѣсть на англійскомъ престолѣ; но подъ именемъ «протектора» онъ получилъ болѣе неограниченную власть, чѣмъ королевская...

Еслибы народъ разсуждалъ философски, это средство не сдѣлало бы ничего; но въ этомъ отношеніи сами философы разсуждаютъ какъ народъ. Какое разочарованіе заключается въ словахъ свобода и равенство! Какія противорѣчія между той роскошью, которую всѣ осуждаютъ, и тѣмъ благосостояніемъ государствъ, которому всѣ удивляются.

Законодатель долженъ позаботиться о томъ, чтобы не дать общественному мнѣнію оружія въ тѣхъ *случаяхъ, когда оно оказывается* противно принципу пользы. *Поэтому онъ долженъ* вычеркнуть изъ законовъ всѣ эти *слѣды мнимыхъ* преступленій ереси и колдовства, чтобы не *дать законнаго* основанія суевѣрнымъ понятіямъ. Если онъ не осмѣливается тронуть слишкомъ распространеннаго заблужденія, онъ по крайней мѣрѣ не долженъ доставлять ему новой санкціи.

Мотивъ чести очень трудно употребить для того, чтобы побудить гражданъ къ служенію законамъ противъ правонарушителей. Денежныя награды, дѣланныя за доносъ, не достигли своей цѣли. Мотивъ прибыли былъ пересиленъ мотивомъ стыда: законъ вмѣсто того, чтобы усилиться, ослабилъ себя, предлагая приманку, осуждаемую общественнымъ мнѣніемъ. Человѣкъ опасается, что его заподозрятъ, что онъ дѣйствовалъ по низкому мотиву. Дурно выбранное вознагражденіе отталкиваетъ вмѣсто того, чтобы привлекать, и отнимаетъ у закона больше даровыхъ защитниковъ, чѣмъ доставляетъ ему продажныхъ слугъ.

Самое могущественное средство, которымъ можно совершить важный переворотъ въ общественномъ мнѣніи, состоитъ въ томъ, чтобы поразить умъ народа какимъ-нибудь великимъ примѣромъ. Такъ Петръ Великій, самъ медленно прошедши весь рядъ чиновъ, научилъ свое дворянство нести иго военной субординаціи. Такъ Екатерина II побѣдила народный предразсудокъ противъ оспопрививанія, не пробуя его на преступникахъ, какъ дѣлала королева Анна, а подвергнувшись ему сама.

ГЛАВА XVIII.

Употребленіе мотива религіи.

Развитіе этого мотива имѣетъ двѣ цѣли: увеличить силу этой санкціи,—дать этой силѣ должное направленіе. Если это направленіе дурно,

то очевидно, что чѣмъ меньше силы имѣетъ эта санкція, тѣмъ меньше она производитъ вреда. Итакъ, въ этомъ дѣлѣ прежде всего надо изслѣдовать направленіе этой санкціи: изслѣдованіе средствъ, способныхъ увеличить ея силу, есть уже дѣло второстепенное.

Ея направленіе должно быть сообразно съ принципомъ пользы. Какъ санкція, она составляется изъ наказаній и наградъ. Ея наказанія должны быть прилагаемы къ актамъ, вреднымъ для общества, и только къ этимъ актамъ исключительно. Ея награды должны быть обѣщаны тѣмъ актамъ, тенденція которыхъ выгодна для общества, а не другимъ. Вотъ основное правило.

Единственное средство судить о направленіи этой санкціи, это — разсматривать ее единственно въ отношеніи блага политическаго общества. За этими предѣлами, все индифферентно; и все, что индифферентно въ религіозномъ вѣрованіи, можетъ сдѣлаться вреднымъ.

Но всякій пунктъ вѣрованій необходимо дѣлается вреднымъ, когда законодатель, чтобы содѣйствовать его принятію, употребляетъ принудительные мотивы, мотивы наказанія. Лица, на которыхъ онъ хочетъ оказать вліяніе, могутъ считаться составляющими три разряда: тѣ, которые уже держатся того же мнѣнія какъ законодатель;—тѣ, которые отвергаютъ это мнѣніе; —тѣ, которые ни принимаютъ, ни отвергаютъ его.

Для конформистовъ, принудительный законъ не нуженъ: для нонконформистовъ онъ безполезенъ по самому тому, что они уже есть,— онъ не достигаетъ своей цѣли.

Когда человѣкъ составилъ себѣ извѣстное мнѣніе, въ силахъ ли наказаніе заставить его измѣнить это мнѣніе? Самый вопросъ объ этомъ есть противорѣчіе здравому смыслу. Наказанія произвели бы скорѣе противоположное дѣйствіе: они скорѣе утвердили бы, чѣмъ поколебали человѣка въ его мнѣніи: отчасти потому, что употреблять насиліе значитъ молча признавать за собой недостатокъ въ аргументахъ; отчасти потому, что употребленіе такихъ насильственныхъ средствъ порождаетъ отвращеніе къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя хотятъ поддержать этимъ способомъ. Все, чего можно достигнуть наказаніями, это побудить людей не вѣровать, а только говорить, что они вѣруютъ.

Тѣ, кто, по убѣжденію или по чувству чести, отказываются говорить это, подвергаются злу наказанія, преслѣдованію: потому что то, что называется преслѣдованіемъ, есть зло, которое не вознаграждается никакой прибылью, зло въ чистый убытокъ; а такое зло, наносимое рукой оффиціальнаго чиновника, остается по своей природѣ совершенно такимъ же, но по степени гораздо болѣе сильнымъ, чѣмъ еслибы оно было нанесено обыкновеннымъ злодѣемъ.

*

Люди менѣе сильные и менѣе благородные уступаютъ угрозамъ и, дѣлая ложное заявленіе о своихъ мнѣніяхъ, избавляются отъ непосредственной опасности, которая ихъ давитъ; но это минутное страданіе, котораго они избѣгнутъ, обращается для нихъ въ страданія совѣсти, если у нихъ остаются сомнѣнія, и въ страданія отъ презрѣнія со стороны общества, которое обвиняетъ эти лицемѣрныя отреченія въ низости. Что же бываетъ въ этомъ порядкѣ вещей? Одна часть гражданъ должна привыкнуть презирать мнѣніе другой, чтобы оставаться въ мирѣ съ самой собою. Люди усиливаются дѣлать тонкія различенія между ложными мнѣніями (faussetés) невинными и ложными мнѣніями преступными: установляются *привилегированные роды лжи*, потому что они служатъ убѣжищемъ отъ *тиранніи: установляются обычныя клятвопреступленія, ложныя подписи* и свидѣтельства, которыя считаются *простой формальностью*. Среди этихъ тонкостей уваженіе къ истинѣ падаетъ, границы добра и зла смѣшиваются, подъ защитой одной лжи вводится родъ лжи, менѣе простительной: трибуналъ общественнаго мнѣнія раздѣляется; судьи, составляющіе его, дѣйствуютъ по разнымъ законамъ; они уже не знаютъ хорошенько, какую степень притворства они должны осудить, и какую извинить. Голоса раздѣляются и противорѣчатъ другъ другу; и нравственная санкція, не имѣя больше однообразнаго регулятора, ослабляется и портится. Такимъ образомъ законодатель, требующій заявленія вѣрованій, становится развратителемъ націи. *Онъ жертвуетъ религіи добродѣтелью, тогда какъ сама религія должна быть нераздѣльна съ добродѣтелью.*

Намъ остается изслѣдовать третій разрядъ людей, состоящій изъ тѣхъ, которые при установленіи карательнаго закона еще не составили себѣ мнѣнія за или противъ. Относительно нхъ, законъ вѣроятно можетъ имѣть вліяніе на образованіе ихъ мнѣній. Видя опасность съ одной стороны и безопасность съ другой, они естественно смотрятъ на аргументы осужденнаго мнѣнія съ извѣстной степенью страха и отвращенія, которыхъ они не будутъ чувствовать къ аргументамъ мнѣнія благопріятствуемаго. Аргументы, которые человѣку хочется находить справедливыми, производятъ болѣе живое впечатлѣніе, чѣмъ тѣ, которые ему хочется находить ложными: и такимъ способомъ человѣкъ наконецъ вѣритъ, или лучше сказать, не отвергаетъ положенія, котораго онъ бы не принялъ, еслибы наклонности его были оставлены свободными. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ зло, не столько большое какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ, все-таки остается зломъ. Можетъ случиться, но не всегда случается, что сужденіе вполнѣ уступаетъ чувствованіямъ: и даже когда это случается, т. е. когда убѣжденіе такъ твердо, какъ только

можетъ быть, если въ мотивахъ этого убѣжденія играетъ какую-нибудь роль страхъ, умъ никогда не бываетъ совершенно спокоенъ. Тому, чему вѣритъ человѣкъ сегодня, онъ боится, что не будетъ этому вѣрить завтра. Ясная истина нравственности не колеблется, но вѣрованіе въ конфессіональную догму болѣе или менѣе колеблется. Отсюда происходитъ это безпокойство противъ тѣхъ, кто нападаетъ на нее. Люди боятся изслѣдованія и критики, потому что не чувствуютъ подъ собой прочнаго основанія. Ничего не надобно колебать въ зданіи, которое недостаточно крѣпко. Пониманіе ослабляется; умъ ищетъ полнаго успокоенія только въ нѣкоторомъ слѣпомъ легковѣріи; онъ ищетъ всѣхъ заблужденій, которыя имѣютъ какое-нибудь родство съ его заблужденіемъ; онъ боится дать себѣ ясный отчетъ въ возможномъ и невозможномъ и хотѣлъ бы слить всѣ ихъ границы. Онъ любитъ все то, что̀ поддерживаетъ софизмъ, все, что̀ мѣшаетъ человѣческому разумѣнію, все то, что̀ убѣждаетъ его, что нельзя разсуждать съ полной увѣренностью. Онъ пріобрѣтаетъ расположеніе, несчастное умѣнье отвергать очевидность, придавать силу полудоказательствамъ, выслушивать только одну изъ сторонъ, пускаться въ утонченности противъ разумнаго аргумента. Однимъ словомъ, въ этой системѣ надо завязать себѣ глаза, чтобы не быть ослѣплену блескомъ дня.

Такимъ образомъ всякое карательное средство, употребляемое для увеличенія религіозной силы, дѣйствуетъ какъ непрямое средство противъ той существенной части нравственности, которая состоитъ въ уваженіи къ истинѣ и въ уваженіи къ общественному мнѣнію. Съ этимъ согласны теперь всѣ просвѣщенные друзья религіи; однакоже очень мало государствъ, которыя бы дѣйствовали по этому принципу. Ужасныя преслѣдованія прекратились: но существуютъ глухія преслѣдованія, гражданскія наказанія, лишеніе политическихъ правъ, угрожающіе законы, сомнительная терпимость: положеніе унизительное для тѣхъ классовъ людей, которые обязаны своимъ спокойствіемъ только молчаливому снисхожденію, продолжительному прощенію.

Чтобы составить себѣ ясное понятіе о той выгодѣ, которую законодатель можетъ найти въ увеличеніи силы религіозной санкціи, надобно различать три случая: 1) тотъ, гдѣ она вполнѣ подчинена ему самому; 2) тотъ, гдѣ другіе раздѣляютъ съ нимъ это вліяніе; 3) тотъ, гдѣ она зависитъ отъ посторонняго лица. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ верховная власть раздѣляется на дѣлѣ между двумя правителями, духовнымъ (какъ обыкновенно говорится) и свѣтскимъ: свѣтскій правитель будетъ постоянно находиться въ опасности, что его соперникъ отниметъ или будетъ оспаривать его власть, и все, что̀ бы онъ сдѣлалъ для усиленія

религіозной санкціи, повело бы къ уменьшенію его собственной власти. Что касается до послѣдствій этого состоянія борьбы, картину ихъ мы видимъ въ исторіи. Свѣтскій правитель повелѣваетъ подданнымъ то или другое дѣйствіе; духовный правитель запрещаетъ имъ его; на чью бы сторону они ни стали, они будутъ наказаны тѣмъ или другимъ: изгнанные или осужденные они находятся между страхомъ гражданскаго меча и страхомъ вѣчнаго огня [1]).

Въ странахъ протестантскихъ, духовенство существеннымъ образомъ подчинено политической власти: догмы не зависятъ отъ государя, но тѣ, кто толкуетъ эти догмы, зависятъ отъ него. А право толковать догмы есть почти тоже, что право дѣлать ихъ. Такимъ образомъ въ протестантскихъ странахъ религія гораздо легче устроивается по плану политической власти. Женатые священники больше бываютъ гражданами: они не составляютъ собой фаланги, которая могла бы сдѣлаться страшной: у нихъ нѣтъ ни власти исповѣди, ни власти разрѣшенія.

Но если разсматривать только факты, въ католическихъ или протестантскихъ странахъ, эта санкція, говоря по правдѣ, играла слишкомъ большую роль въ несчастіяхъ народовъ. Она, кажется, чаще была врагомъ, чѣмъ орудіемъ гражданскаго правительства. Нравственная санкція никогда не имѣетъ столько силы, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она согласна съ пользой; но разбираемая нами санкція къ сожалѣнію имѣетъ всего больше силы, кажется, тогда, когда ея направленіе всего больше противно пользѣ. Недѣйствительность религіозной санкціи, въ приложеніи къ содѣйствію общественному благу, есть постоянный предметъ декламаціи со стороны тѣхъ самыхъ людей, которые имѣютъ всего больше интереса преувеличивать ея хорошія дѣйствія... Нравственная санкція одушевляла Кодровъ, Регуловъ, Росселей, Альджерноновъ Сидни. Религіозная санкція сдѣлала Филиппа II бичемъ Нидерландовъ, Марію—бичемъ Англіи и Карла IX—палачомъ Франціи.

Обыкновенное разрѣшеніе этой трудности состоитъ въ томъ, что все благо приписывается самой санкціи, а все зло суевѣрію. Но это различеніе, въ этомъ смыслѣ, чисто номинально. Самая вещь не измѣняется оттого, что человѣкъ для характеристики одного случая употребляетъ слово религія, для другаго суевѣріе. Мотивъ, дѣйствующій на умъ, въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же. Это всегда страхъ зла и надежда блага отъ Высшаго существа, о которомъ составляются различныя понятія. Такъ, говоря о поведеніи одного и того же человѣка, въ од-

---

[1]) Здѣсь разумѣется напр. такое положеніе вещей, какое бываетъ въ странахъ католическихъ. (Пр. перев.)

номъ и томъ же случаѣ, одни приписываютъ религіи то, что другіе приписываютъ суевѣрію.

Другое столько же рутинное и слабое замѣчаніе, какъ первое,—то, что несправедливо дѣлать выводы объ употребленіи вещи по ея злоупотребленію, и что самыя лучшія орудія дѣлаютъ всего больше зла при дурномъ употребленіи. Слабость этого аргумента легко видѣть. Хорошія дѣйствія вещи—тѣ, которыя называютъ ея употребленіемъ; дурныя—тѣ, которыя называютъ злоупотребленіемъ. Сказать, что вы не должны изъ злоупотребленія заключать противъ употребленія, значитъ сказать, что дѣлая справедливую оцѣнку тенденціи извѣстной вещи, вы должны обращать вниманіе *только* на благо и вовсе не принимать въ соображеніе зло. Орудія блага, дурно употребленныя, часто могутъ дѣлаться орудіями зла: это правда; но главный характеръ совершенства орудія—тотъ, чтобы оно не допускало дурнаго употребленія. Самые дѣйствительные ингредіенты въ медицинѣ могутъ обращатся въ ядъ, я согласенъ съ этимъ; но тѣ, которые опасны, въ цѣломъ не такъ хороши, какъ тѣ, которые могли бы оказывать ту же услугу (еслибы такіе были), не подвергаясь тѣмъ же неудобствамъ. Меркурій и опіумъ весьма полезны; хлѣбъ и вода еще полезнѣе.

Я говорилъ совершенно открыто и съ полной свободой. Я объяснилъ въ другомъ мѣстѣ пользу религіозной санкціи, но не могу не замѣтить здѣсь, что она все больше и больше стремится освободиться отъ праздныхъ и вредныхъ положеній и приблизиться къ здравой нравственности и здравой политикѣ. Напротивъ, отсутствіе религіи (мнѣ непріятно произносить слово атеизмъ) обнаружилось въ наше время въ самыхъ отвратительныхъ формахъ нелѣпости, безнравственности и преслѣдованія. Этого опыта достаточно, чтобы показать всѣмъ хорошимъ умамъ, въ какомъ смыслѣ они должны направлять свои усилія. Но еслибы правительство захотѣло дѣйствовать слишкомъ открыто для покровительства этому спасительному направленію, оно не достигло бы своей цѣли. Ошибки вѣковъ невѣжества исправила свобода изслѣдованія, и она привела религіозную санкцію къ ея истиной цѣли. Свобода изслѣдованія довершитъ ея очищеніе и примиреніе съ общественной пользой.

Здѣсь не мѣсто изслѣдовать все, что можетъ сдѣлать религіозная санкція или какъ утѣшеніе въ неизбѣжныхъ бѣдствіяхъ человѣчества, или какъ нравственное обученіе, наиболѣе удобное для самаго многочисленнаго класса общества, или наконецъ какъ средство возбуждать благотворительность [1]) и производить полезные акты самоотверженія, ко-

[1]) Надобно остерегаться, чтобы не поощрять того духа вкладовъ и пожертво-

торыхъ, быть можетъ, нельзя было бы достигнуть мотивами чисто человѣческими.

Главная польза религіозной санкціи для гражданскаго и уголовнаго законодательства состоитъ въ томъ, что она даетъ новую силу клятвѣ, новое основаніе довѣрія.

Клятва заключаетъ въ себѣ два различныя обязательства, религіозное и нравственное: одно — обязательное для всѣхъ, другое — для тѣхъ, кто имѣетъ извѣстный образъ мыслей. Та же формула, которая, въ случаѣ клятвопреступленія, осуждаетъ человѣка на наказанія религіозныя, въ томъ же случаѣ осуждаетъ человѣка на наказанія легальныя и на презрѣніе людей. *Религіозное обязательство есть самая видная часть клятвы; но самая большая часть силы клятвы зависитъ отъ нравственнаго обязательства. Вліяніе перваго частное, вліяніе втораго всеобщее. Поэтому* было бы большимъ неблагоразуміемъ пользоваться однимъ и пренебрегать другимъ.

Есть случаи, гдѣ клятва имѣетъ величайшую силу: это тѣ случаи, гдѣ она дѣйствуетъ вмѣстѣ съ общественнымъ мнѣніемъ, гдѣ она имѣетъ поддержку популярной санкціи. Есть другіе случаи, гдѣ она не имѣетъ этой поддержки: это—тѣ, гдѣ общественное мнѣніе дѣйствуетъ въ противоположномъ смыслѣ, или только не помогаетъ ей. Таковы клятвы таможенныя, и тѣ, какихъ требуютъ отъ воспитанниковъ въ нѣкоторыхъ университетахъ [1]).

Законодателю столько же, какъ военному начальнику, важно знать настоящее *положеніе силъ*, находящихся въ его распоряженіи. Избѣгать смотрѣть на слабую сторону, потому что видъ этой слабой стороны доставляетъ мало удовольствія, было бы малодушіемъ. Но если въ клятвѣ открывается такимъ образомъ слабость религіознаго обязательства, въ этомъ виноваты сами учители религіи. Злоупотребленіе, которое они дѣлали изъ клятвы, пользуясь ею безъ мѣры, показало, какъ недѣйствительна она сама по себѣ, отдѣленная отъ санкціи чести.

ваній, который слишкомъ часто бываетъ результатомъ обыкновенныхъ понятій. Этимъ скорѣе еще больше размножаютъ бѣдныхъ, чѣмъ помогаютъ имъ. Въ Испаніи и Италіи монастыри и ихъ ежедневныя раздачи производятъ многочисленный классъ нищихъ, — это равнозначительно закону, который бы налагалъ пеню на трудъ въ пользу праздности. Б.

Читатель замѣтитъ конечно, что авторъ въ особенности осуждаетъ крайности и заблужденія католичества и противоположныя крайности Французской революціи. (Пр. пер.)

[1]) Бентамъ разумѣетъ здѣсь присягу въ вѣрности ортодоксальнымъ религіознымъ мнѣніямъ, какую должны давать вступающіе въ англійскіе университеты. (Пр. перев.)

Сила клятвы необходимо ослабляется, когда заставляютъ давать ее относительно вѣрованій и мнѣній. Почему? потому что невозможно узнать нарушеніе клятвы, и еще потому, что разумъ человѣческій, всегда колеблющійся, всегда подвергающійся измѣненіямъ, не можетъ обязываться за будущее. Могу ли я быть увѣренъ, что мое нынѣшнее убѣжденіе останется такимъ же черезъ десять лѣтъ? Всѣ эти клятвы суть монополія, которую даютъ людямъ мало разборчивымъ противъ тѣхъ, у кого совѣсть наиболѣе чувствительна.

Клятвы уничтожаются, когда ихъ примѣняютъ къ вещамъ ничтожнымъ, когда ихъ употребляютъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ онѣ будутъ нарушены какъ-бы по всеобщему согласію, и особенно когда ихъ требуютъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ человѣколюбіе и справедливость находятъ извиненіе и почти заслугу въ ихъ нарушеніи.

Человѣческій умъ, который всегда сопротивляется тиранніи, смутно замѣчаетъ, что Богъ, по самымъ своимъ совершенствамъ, не утвердилъ бы законовъ несправедливыхъ или легкомысленныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, налагая клятву, хотѣлъ бы воспользоваться божественной властью: человѣкъ повелѣваетъ наказаніе, и высшій Судья долженъ исполнять его. Отвергните это предположеніе, и религіозная сила клятвы исчезаетъ.

Удивительно, что въ Англіи, у націи, вообще столь благоразумной и религіозной, этотъ великій мотивъ почти разрушенъ тривіальнымъ и неприличнымъ употребленіемъ, которое изъ него дѣлалось.

Чтобы показать, до какой степени привычка можетъ извратить нравственныя мнѣнія въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, я приведу одно мѣсто изъ сочиненія о воспитаніи лорда Кэмса, судьи въ Court of Session, въ Шотландіи [1]).

«Таможенныя клятвы не будутъ теперь считаться ни во что. Не потому, что міръ дѣлается менѣе нравственнымъ, а потому что никто больше не придаетъ имъ никакой важности. Пошлина на французскія вина таже и въ Шотландіи и въ Англіи. Но такъ какъ мы недостаточно богаты, чтобы платить ее, то молча даваемое позволеніе платить за французскія вина пошлину, назначенную за испанскія вина, оказалось для доходовъ выгоднѣе, чѣмъ строгость законовъ. И однакоже надобно давать клятву, что эти французскія вина суть испанскія вина,—чтобы заплатить такую пошлину. Подобныя клятвы въ своемъ началѣ были преступны, потому что были обманомъ противъ общества, но теперь, когда клятва стала только формальностью и не предполагаетъ вѣры

[1]) Loose Hints on Education, p. 362.

ни съ той, ни съ другой стороны, это стало просто манерой говорить, какъ комплименты банальной вѣжливости: вашъ покорнѣйшій слуга и т. п. И на дѣлѣ мы видимъ купцовъ, которые живутъ этими клятвами и которымъ люди смѣло довѣряются въ самыхъ важныхъ дѣлахъ».

Кто бы подумалъ, что это говоритъ моралистъ и судья? Квакеры возвысили простое слово до степени клятвы: — правитель унижаетъ клятву до степени простой церемоніальной формулы:—клятва не предполагаетъ довѣрія ни съ той, ни съ другой стороны. Зачѣмъ же давать ее?—зачѣмъ требовать ее?—къ чему служитъ эта шутка?—Неужели религія имѣетъ такъ мало значенія, — и если ею пренебрегаютъ до такой степени, зачѣмъ тратить на нее такія деньги? Зачѣмъ давать такое богатое содержаніе духовенству, которое поучаетъ достоинству клятвы, и имѣть судей и законодателей, которые дѣлаютъ себѣ игрушку изъ его разрушенія?

ГЛАВА XIX.

Польза, какую можно извлечь изъ наставленія.

Наставленіе (instruction) не составляетъ особаго предмета, но въ немъ удобно соединить разсѣянныя идеи.

Правительство не должно дѣлать всего своей властью,—она отдаетъ въ его распоряженіе только руки,—правительство распространяетъ свое господство надъ умами своей мудростью. Когда оно повелѣваетъ, оно даетъ подданнымъ искусственный интересъ повиноваться; когда оно просвѣщаетъ, оно даетъ имъ внутренній мотивъ, который не ослабляется. Лучшій способъ наставленія — простое обнародованіе фактовъ, но иногда надо помочь обществу составить себѣ сужденіе объ этихъ самыхъ фактахъ.

Когда мы видимъ, что мѣры правительства, прекрасныя сами по себѣ, падаютъ отъ оппозиціи невѣжественнаго народа, мы чувствуемъ сначала раздраженіе противъ этой грубой толпы и у насъ пропадаетъ охота стремиться къ общественному счастію; но когда мы подумаемъ и обратимъ вниманіе на то, что эту оппозицію легко было предвидѣть и что правительство въ своей гордой привычкѣ къ авторитету не сдѣлало ничего, чтобы приготовить умы, разсѣять предразсудки, пріобрѣсти довѣріе, то недовольство должно перенестись отъ невѣжественнаго и обманутаго народа къ его высокомѣрнымъ и деспотическимъ водителямъ.

Опытъ показалъ, противъ общаго ожиданія, что газеты составляютъ одно изъ лучшихъ средствъ направлять общественное мнѣніе, утишать лихорадочныя движенія, изгонять ложь и искусственные слухи, которыми враги государства пробуютъ свои дурныя намѣренія. Въ этихъ газетахъ наставленіе можетъ нисходить отъ правительства къ народу или восходить отъ народа къ правительству: чѣмъ больше въ нихъ свободы, тѣмъ больше правительство можетъ судить о ходѣ общественнаго мнѣнія, тѣмъ вѣрнѣе оно можетъ дѣйствовать.

Чтобы почувствовать всю пользу газетъ (т. е. публичности), надо обратиться къ тѣмъ временамъ, когда этихъ газетъ (т. е. публичности) не существовало, и представить себѣ тѣ сцены обмановъ, политическихъ или религіозныхъ, которыя съ успѣхомъ совершались въ странахъ, гдѣ народъ не умѣлъ читать. Послѣдній изъ этихъ крупныхъ обманщиковъ въ царскомъ платьѣ былъ Пугачевъ. Могъ ли бы онъ разъиграть подобную роль въ наше время, во Франціи или въ Англіи? Не былъ ли бы этотъ обманъ разоблаченъ въ самую минуту своего появленія? Это—преступленія, на которыя нѣтъ даже покушеній у просвѣщенныхъ націй, и легкость провѣрить обманъ мѣшаетъ ему даже появиться.

Есть много другихъ сѣтей, отъ которыхъ правительство могло бы обезпечить народъ публичными наставленіями. Сколько обмановъ, употребительныхъ въ торговлѣ, въ искусствахъ, въ цѣнѣ или качествѣ съѣстныхъ припасовъ легко было бы прекратить—раскрывая ихъ! Сколько есть опасныхъ лекарствъ или настоящихъ ядовъ, продаваемыхъ безстыдно шарлатанами за чудесныя средства, и какъ легко было бы разувѣрить въ нихъ легковѣрные умы,—объясняя ихъ составъ! Сколько вредныхъ понятій, опасныхъ или нелѣпыхъ заблужденій можно было бы остановить при самомъ началѣ,—просвѣщая общество! Когда нелѣпая мода животнаго магнетизма, увлекши праздныя общества Парижа, начала распространяться по всей Европѣ, одинъ отчетъ Академіи наукъ, одной силой истины, поставилъ Месмера въ презрѣнную толпу шарлатановъ и не оставилъ ему другихъ учениковъ, кромѣ неизлечимыхъ глупцовъ, удивленіе которыхъ довершило паденіе его репутаціи. Если вы хотите излечить невѣжественный и суевѣрный народъ, пошлите въ города и деревни, въ качествѣ миссіонеровъ, жонглеровъ, дѣлающихъ удивительныя вещи,—они сначала изумятъ народъ, производя самыя поразительныя явленія, а подъ-конецъ просвѣтятъ его. Чѣмъ больше люди будутъ знать естественную магію, тѣмъ меньше они будутъ поддаваться магикамъ. Я желалъ бы, чтобы, съ нѣкоторыми предосторожностями, чудо св. Януарія было повторено въ Неаполѣ на всѣхъ площадяхъ и чтобы изъ него сдѣлали дѣтскую игрушку.

Главное обученіе, какое должно быть дано народу правительствомъ, есть знаніе законовъ. Какъ хотѣть, чтобы законамъ повиновались, когда они неизвѣстны? Какъ могутъ быть они извѣстны, если они не издаются въ самыхъ простыхъ формахъ, такъ чтобы каждый индивидуумъ могъ самъ найти тотъ законъ, который долженъ служить ему правиломъ для его поведенія?

Законодатель могъ бы оказывать вліяніе на общественное мнѣніе, издавъ кодексъ политической нравственности, аналогическій съ кодексомъ права, и раздѣленный такимъ же образомъ на кодексъ общій и частный. Здѣсь могли бы быть разъяснены самые деликатные вопросы, относительно каждой профессіи. Не надобно было бы ограничиваться холодными уроками; прибавляя сюда хорошо выбранныя историческія черты, изъ этого можно было бы сдѣлать занимательное руководство для всѣхъ возрастовъ.

Составить такіе нравственные кодексы значило бы, такъ сказать, диктовать сужденія, которыя должно произносить общественное мнѣніе о разныхъ вопросахъ политики и морали. Къ этимъ кодексамъ можно было бы прибавить, въ томъ же духѣ, собраніе народныхъ предразсудковъ, съ замѣчаніями, которыя должны служить имъ противоядіемъ.

Если верховная власть когда-нибудь являлась передъ людьми съ достоинствомъ, то это было конечно въ томъ Наказѣ, который изданъ былъ Екатериной II. Вникните на минуту въ этотъ единственный примѣръ, и отдѣлите его отъ воспоминаній честолюбиваго царствованія. Невозможно не удивляться этой женщинѣ, сходившей съ побѣдной колесницы, чтобы цивилизовать столько полу-варварскихъ народовъ и представить имъ лучшія правила философіи, освященныя прикосновеніемъ царскаго скипетра. Стоя выше обыкновеннаго авторскаго тщеславія, чтобы самой писать это произведеніе, она собрала то, что было лучшаго въ сочиненіяхъ мудрецовъ ея вѣка; но, прибавляя къ этому вѣсъ своего авторитета, она сдѣлала для этихъ мудрецовъ больше, чѣмъ они сдѣлали для нея. Она какъ будто говорила своимъ подданнымъ: «Вы тѣмъ больше «обязаны довѣрять мнѣ, что я призвала въ свой совѣтъ прекраснѣй«шіе умы моего времени: я не боюсь соединиться съ этими учителями «истины и добродѣтели, чтобы они могли пристыдить меня въ глазахъ «вселенной, если я рѣшусь противорѣчить имъ». Одушевленная тѣмъ же духомъ, она дѣлила съ своими придворными труды законодательства [1]); и если она часто впадала въ противорѣчія самой себѣ, какъ

[1]) Русскій читатель припомнитъ конечно коммиссію о составленіи новаго уложенія, которую Бентамъ имѣетъ здѣсь въ виду. (Пр. перев.).

Тиберій, который утомился рабствомъ сената и который наказалъ бы движеніе свободы, то эти торжественныя обязательства, принятыя передъ лицомъ цѣлаго міра, были какъ будто предѣломъ, который она сама положила своей власти и который она рѣдко рѣшалась переступать.

ГЛАВА XX.

Употребленіе, какое можно сдѣлать изъ силы воспитанія.

Воспитаніе (education) есть ни что иное какъ правленіе, производимое домашнимъ правителемъ.

Аналогіи между семействомъ и государствомъ таковы, что онѣ поражаютъ съ перваго взгляда; различія менѣе ярки, но тѣмъ не менѣе ихъ полезно указать.

1. Домашнее правленіе должно быть болѣе дѣятельно, болѣе заботливо, болѣе занято подробностями, чѣмъ правленіе гражданское. Безъ постояннаго вниманія—семьи не могли бы существовать.

Гражданской власти всего лучше положиться на благоразуміе частныхъ лицъ въ веденіи ихъ личныхъ интересовъ, которые они всегда будутъ понимать лучше чѣмъ оффиціальный чиновникъ. Но глава семейства долженъ постоянно содѣйствовать неопытности тѣхъ, кто подлежитъ его заботамъ.

Здѣсь можно употреблять цензуру,—ту политику, которую мы осудили въ гражданскомъ правленіи. Домашнее правленіе можетъ удалять отъ тѣхъ, кто ему подчиненъ, тѣ знанія, которыя могли бы быть имъ вредны: оно можетъ наблюдать за ихъ связями и за ихъ чтеніемъ; оно можетъ ускорять или замедлять ходъ ихъ образованія, смотря по обстоятельствамъ.

2. Это постоянное дѣйствіе власти, которое подвергалось бы столькимъ злоупотребленіямъ въ государствѣ, гораздо меньше подвергается имъ въ семьѣ; въ самомъ дѣлѣ, отецъ или мать имѣютъ къ своимъ дѣтямъ гораздо больше естественной привязанности, чѣмъ можетъ имѣть гражданскій правитель къ подчиненнымъ ему лицамъ. Снисходительность бываетъ у нихъ всего чаще движеніемъ природы; строгость бываетъ только слѣдствіемъ размышленія.

3. Домашнее правленіе можетъ употреблять наказанія во многихъ обстоятельствахъ, гдѣ гражданская власть не могла бы употреблять

ихъ:—потому, что глава семейства знаетъ индивидуумовъ, а законодатель знаетъ только видъ. Одинъ дѣйствуетъ на основаніяхъ несомнѣнныхъ, другой на предположеніяхъ. Такой-то астрономъ, быть можетъ, способенъ былъ бы разрѣшить проблему долготы, — можетъ ли знать это гражданскій правитель? Можетъ ли онъ велѣть астроному сдѣлать это открытіе и наказать его, если онъ не сдѣлаетъ? Но частный воспитатель будетъ знать, будетъ ли такая-то проблема элементарной геометріи по силамъ его ученику. Дурная воля ученика можетъ брать на себя маску неумѣнья, учитель не обманется этимъ; гражданскій правитель необходимо обманулся бы.

Тоже самое бываетъ и со многими пороками: общественный правитель не могъ бы подавить ихъ, *потому что для этого пришлось бы въ* каждой семьѣ основать *контору доносовъ*. Домашній правитель, имѣя у себя *на глазахъ и подъ* своей рукой тѣхъ, кого онъ обязанъ руководить, можетъ въ самомъ началѣ остановить тѣ пороки, въ которыхъ законъ могъ бы наказывать только послѣднія излишества.

4. Въ особенности эти два правленія различаются властью наградъ. Всѣ развлеченія, всѣ нужды молодыхъ воспитанниковъ могутъ получить характеръ *награды*, если доставленіе ихъ будетъ совершаться на такомъ-то условіи, послѣ такого-то труда. На островѣ Минорке содержаніе молодыхъ людей ставили въ зависимость отъ ихъ ловкости стрѣлять изъ лука; и честь переносить страданіе при публикѣ была въ Лакедемонѣ одной изъ наградъ мужества *воинственной молодежи. Правительство не должно жалѣть никакихъ денегъ на награды*; самый бѣдный отецъ можетъ имѣть неистощимый запасъ ихъ.

И въ особенности законодатель долженъ имѣть въ виду юность, эту эпоху сильныхъ и прочныхъ впечатлѣній, чтобы направлять наклонности ко вкусамъ, наиболѣе сообразнымъ съ общественнымъ интересомъ.

Въ Россіи правительство съумѣло привлечь на службу молодое дворянство весьма сильными и хорошо придуманными средствами [1]). Быть можетъ, для гражданской жизни это имѣетъ больше хорошихъ послѣдствій, чѣмъ для военнаго духа. Люди пріучаются къ порядку, къ внимательности, къ субординаціи. Ихъ заставляютъ выходить изъ тѣхъ убѣжищъ, гдѣ они имѣютъ извращающее господство надъ рабами, и являться на болѣе обширномъ поприщѣ, гдѣ они встрѣчаютъ равныхъ и высшихъ. Необходимость посѣщать другъ друга производитъ желаніе нравиться: смѣшеніе сословій уменьшаетъ ихъ взаимные предразсудки,

---

[1]) Замѣчанія Бентама опять относятся къ давно прошедшимъ временамъ,— къ обязательной службѣ дворянства и господству крѣпостнаго права. (Пр. пер.)

и гордость происхожденія должна склоняться передъ служебными чинами. Домашній неограниченный деспотизмъ, какой былъ въ Россіи, могъ только выиграть, превращаясь въ военное правительство, которое имѣетъ свои границы. Такимъ образомъ въ данныхъ обстоятельствахъ этой имперіи, трудно было найти общее средство воспитанія, которое бы соотвѣтствовало большему числу полезныхъ цѣлей.

Но, если видѣть въ воспитаніи только непрямое средство предупрежденія преступленій, въ немъ нужна существенная реформа. Самый пренебреженный классъ долженъ сдѣлаться главнымъ предметомъ его попеченій. Чѣмъ меньше отцы способны исполнять эту обязанность, тѣмъ больше необходимо, чтобы правительство заступило ихъ мѣсто. Оно должно блюсти не только за сиротами, оставшимися въ бѣдности, но и за дѣтьми, родители которыхъ не могутъ больше заслуживать довѣрія закона для этой важной обязанности, за тѣми, кто уже совершилъ какое-нибудь преступленіе или которые, будучи лишены покровителей и средствъ къ существованію, преданы всѣмъ искушеніямъ бѣдности. Эти классы, остающіеся въ большей части государствъ въ абсолютномъ пренебреженіи, становятся разсадникомъ преступленія.

Человѣкъ рѣдкой благотворительности, шевалье Поле, основалъ въ Парижѣ заведеніе больше чѣмъ для двухъ сотъ дѣтей, которыхъ онъ бралъ изъ самаго бѣднаго, нищенскаго класса. Все основывалось на четырехъ принципахъ. Доставить воспитанникамъ много предметовъ для занятій и труда и предоставить наибольшій просторъ ихъ вкусамъ;— поручать имъ взаимное обученіе, предоставляя ученику честь сдѣлаться учителемъ въ свою очередь, какъ высшую награду его успѣховъ;—довѣрить имъ все домашнее хозяйство, чтобы соединить двойную выгоду обученія ихъ и экономіи;—управлять ими черезъ посредство ихъ самихъ, и поставить каждаго подъ надзоръ старшаго, такъ чтобы сдѣлать ихъ поручителями другъ за друга. Въ этомъ заведеніи все дышало свободой и веселостью: не было другихъ наказаній кромѣ принужденнаго бездѣйствія и перемѣны платья [1]). Болѣе взрослые интересовались общимъ успѣхомъ столько же какъ самъ основатель, и все шло совершенствуясь, когда революція поглотила эту маленькую колонію въ общественномъ бѣдствіи.

Можно было бы дать бо́льшіе размѣры заведеніямъ этого рода и сдѣлать ихъ дешевле, или увеличивая въ нихъ число мастерскихъ, или

---

[1]) Два употребительныя наказанія назывались одно la petite oisiveté, другое—la grande oisivete: нѣтъ ничего остроумнѣе какъ дать наказанію имя и характеръ порока. Отсюда выходила самая спасительная ассоціація идей. Б

удерживая въ нихъ воспитанниковъ до восьмнадцати или двадцати лѣтъ, чтобы они имѣли время покрыть издержки своего воспитанія и помочь воспитанію младшихъ. Школы, устроенныя по этому плану, вмѣсто того чтобы стоить государству денегъ, могли бы сдѣлаться прибыльными предпріятіями. Но нужно было бы заинтересовать въ трудѣ самихъ воспитанниковъ, платя имъ почти какъ свободнымъ работникамъ, устроивая для нихъ сберегательный фондъ, который былъ бы выдаваемъ имъ при вступленіи въ жизнь.

ГЛАВА XXI.

Общія предосторожности противъ злоупотребленія власти.

Я перехожу къ разнымъ средствамъ, которыми правительства могутъ пользоваться для предупрежденія злоупотребленій власти со стороны тѣхъ, кому они ввѣряютъ долю своей власти.

Конституціонное право имѣетъ свое прямое и непрямое законодательство: прямое законодательство состоитъ въ установленіи вѣдомствъ, между которыми раздѣляется вся политическая власть: здѣсь объ этомъ нѣтъ рѣчи. Непрямое законодательство состоитъ въ общихъ предосторожностяхъ, которыя имѣютъ цѣлью предупреждать неправильныя дѣйствія, неспособность или прямое нарушеніе своихъ обязанностей со стороны главныхъ или подчиненныхъ администраторовъ.

Я не буду дѣлать здѣсь полнаго изчисленія этихъ непрямыхъ средствъ. Здѣсь идетъ дѣло только о томъ, чтобы обратить вниманіе на этотъ предметъ, и быть можетъ также прекратить энтузіазмъ нѣкоторыхъ политическихъ писателей, которые, завидѣвъ одно или другое изъ этихъ средствъ, воображали, что уже довершили науку, въ которой не опредѣлены даже общія черты.

1. *Раздѣлить власть на отдѣльныя отрасли.*

Всякое раздѣленіе власти есть утонченность, внушаемая опытомъ. Самый естественный планъ, представляющійся прежде всего, — тотъ, который отдаетъ все въ руки одного: приказаніе съ одной стороны, повиновеніе съ другой составляютъ родъ договора, условія котораго легко опредѣляются, когда тотъ, кто долженъ управлять, не имѣетъ товарища. У всѣхъ восточныхъ народовъ устройство правленія сохранило до сихъ поръ свои первобытныя черты. Монархическая власть нисходитъ безъ раздѣленія изъ одного этажа въ другой, отъ высшаго до низшаго, отъ великаго Могола до простаго гавильдара.

Когда Сіамскій король услыхалъ отъ голландскаго посланника объ аристократическомъ правленіи, онъ расхохотался при мысли объ этой нелѣпости.

Это главное средство здѣсь только указывается. Изслѣдовать, на сколько вѣтвей можетъ быть раздѣлена правительственная власть, и какое изъ всѣхъ возможныхъ дѣленій заслуживаетъ предпочтенія, значило бы писать трактатъ о конституціонной политикѣ. Я замѣчу только, что это дѣленіе не должно производить властей отдѣльныхъ и независимыхъ: это привело бы къ анархіи. Всегда надобно признавать власть, высшую надъ всѣми остальными, которая не получаетъ законъ, а даетъ его, и которая остается властна въ самыхъ правилахъ, какія налагаетъ на себя въ своемъ способѣ дѣйствій.

2. *Раздѣлить частныя отрасли власти, каждую между разными участниками.—Выгоды и неудобства этой политики.*

Въ областяхъ Россіи до законоположеній Екатерины II, всѣ различныя отрасли власти—военная, фискальная, судебная—принадлежали одной корпораціи, одному совѣту. Въ этомъ отношеніи, устройство этихъ подчиненныхъ управленій было довольно похоже на форму восточнаго деспотизма: но власть правителя нѣсколько ограничивалась властью совѣта и въ этомъ случаѣ форма приближалась къ аристократіи. Въ настоящее время судебная власть раздѣлена на нѣсколько вѣтвей, и каждая вѣтвь раздѣлена между нѣсколькими судьями, которые исполняютъ свои обязанности вмѣстѣ. Законъ, похожій на habeas corpus Англичанъ, былъ установленъ для защиты индивидуумовъ противъ произвольной власти, и правитель уже не имѣетъ того права вредить, какое имѣютъ правители на Ямайкѣ и Барбадосѣ.

Выгоды раздѣленія главнымъ образомъ слѣдующія:

1. Оно уменьшаетъ опасность поспѣшности.

2. Оно уменьшаетъ опасность недостатка знанія дѣла.

3. Оно уменьшаетъ опасность недостатка честности.

Впрочемъ, эта послѣдняя выгода можетъ существовать только при большомъ числѣ участниковъ, т. е. когда это число таково, что было бы трудно отдѣлить интересы большинства отъ интересовъ массы народа.

Раздѣленіе властей имѣетъ также и свои невыгоды, потому что оно производитъ проволочки и порождаетъ ссоры, которыя могутъ повлечь къ распаденію установленнаго правленія. Злу проволочекъ можно противодѣйствовать посредствомъ градаціи раздѣленія смотря по тому, насколько тѣ отправленія власти, къ которымъ оно примѣняется, допускаютъ совѣщаніе. Власть законодательная и власть военная составля-

ютъ въ этомъ отношеніи двѣ крайности,—первая допускаетъ самое обширное совѣщаніе, вторая требуетъ самой большой быстроты. — Что касается до распаденія правленія, это бываетъ зломъ только при одномъ изъ двухъ предположеній: 1) когда новое правленіе хуже прежняго; 2) когда переходъ отъ одного къ другому сопровождается бѣдствіями и гражданскими войнами.

Самая большая опасность многочисленности членовъ или въ судѣ, или въ административномъ совѣтѣ, заключается въ томъ, что она разными способами уменьшаетъ отвѣтственность. Многочисленная корпорація разсчитываетъ на извѣстное уваженіе со стороны публики и позволяетъ себѣ несправедливости, на которыя не рѣшился бы одиночный администраторъ. При соединеніи многихъ людей, одни могутъ сваливать на другихъ ненавистный характеръ извѣстной мѣры. Ее принимаютъ всѣ и не *признаетъ никто*. Если противъ нихъ возстаетъ общественное осужденіе, то чѣмъ корпорація многочисленнѣе, тѣмъ больше она укрѣпляется противъ постороннихъ мнѣній, тѣмъ больше она стремится образовать государство въ государствѣ, маленькую публику, которая имѣетъ свой особенный духъ и которая своими одобреніями защищаетъ тѣхъ изъ членовъ, на кого упало бы всеобщее неудовольствіе.

Единство (одиночность) лица бываетъ благопріятно во всѣхъ случаяхъ, гдѣ оно возможно, т. е. вездѣ, гдѣ не требуется соединенія знаній и союза воли нѣсколькихъ человѣкъ, какова напр. законодательная корпорація; оно бываетъ благопріятно потому, что кладетъ всю отвѣтственность, нравственную или легальную, на одного. Онъ ни съ кѣмъ не раздѣляетъ чести своихъ дѣйствій, и точно также одинъ несетъ тяжесть порицанія; онъ видитъ себя однимъ противъ всѣхъ, не имѣя другой опоры кромѣ чистоты своего способа дѣйствій, другой защиты кромѣ всеобщаго уваженія. Еслибы онъ не былъ честенъ по наклонности, онъ становится честенъ, такъ сказать противъ своей воли, въ силу своего положенія, гдѣ его интересъ нераздѣленъ съ его долгомъ.

Притомъ единство въ подчиненныхъ должностяхъ есть для верховной власти вѣрное средство открыть въ короткое время дѣйствительную способность индивидуумовъ. Умъ фальшивый и ограниченный можетъ долго прятаться въ многочисленномъ обществѣ: но если онъ дѣйствуетъ одинъ и на публичной сценѣ, его слабость скоро разоблачается. Люди посредственные и тупые, всегда готовые добиваться мѣстъ, гдѣ они будутъ скрываться за чужими достоинствами, станутъ бояться пускаться на опасную дорогу, гдѣ они будутъ оцѣнены по своей настоящей цѣнѣ.

Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно соединить выгоды, проистека-

ющія изъ соединенія многихъ, и выгоды, необходимо связанныя съ отвѣтственностью одного.

Въ подчиненныхъ совѣтахъ всегда есть человѣкъ предсѣдательствующій, на которомъ держится главное довѣріе. Ему даютъ товарищей съ тѣмъ, чтобы онъ могъ пользоваться ихъ мнѣніями и чтобы были свидѣтели противъ него въ случаѣ, еслибы онъ отступилъ отъ своего долга. Но для достиженія этой цѣли нѣтъ необходимости, чтобы они были равны по власти, или *даже* чтобы они имѣли право вотировать. Нужно только то, чтобы начальникъ обязанъ былъ сообщать имъ все, что онъ дѣлаетъ, и чтобы каждый изъ нихъ заявлялъ письменно на каждомъ актѣ свое одобреніе или порицаніе. Въ обыкновенныхъ случаяхъ сообщеніе актовъ *должно* дѣлаться *раньше*, чѣмъ приказаніе отдано; но тамъ, гдѣ требуется особенная скорость, достаточно, чтобы сообщеніе дѣлалось тотчасъ послѣ отдачи распоряженія. — Не могла ли бы такая мѣра вообще предотвращать опасность проволочекъ и несогласій?

3. *Отдать власть увольненія въ другія руки, чѣмъ власть назначенія.*

Эта идея заимствована изъ остроумнаго памфлета, изданнаго въ Америкѣ въ 1778 г. [1]) однимъ депутатомъ конвента, которому поручено было разсмотрѣть форму правленія, предложенную для штата *Массачузетса*.

Гордость заинтересовываетъ человѣка не осуждать своего собственнаго выбора. Независимо отъ всякой привязанности, начальникъ будетъ меньше расположенъ выслушивать жалобы противъ кого нибудь изъ его собственныхъ подчиненныхъ, чѣмъ расположенъ будетъ человѣкъ индифферентный, и начальникъ будетъ имѣть предразсудокъ самолюбія въ свою пользу. Это соображеніе объясняетъ отчасти злоупотребленія власти, столь обыкновенныя въ монархіяхъ, когда второстепенный начальникъ получаетъ большую власть, въ которой не обязанъ отдавать отчета никому кромѣ того самаго человѣка, кто далъ ему его должность.

Въ народныхъ выборахъ роль каждаго индивидуума въ назначеніи общественнаго чиновника такъ незначительна, что этого рода иллюзія почти не существуетъ.

Въ Англіи выборъ министровъ принадлежитъ королю; но парламентъ можетъ на дѣлѣ смѣнить ихъ, составляя большинство противъ нихъ. Однакоже, это есть только непрямое примѣненіе этого принципа.

---

[1]) Перепечатано въ Almon's Remembrancer, № 84, p. 223.

4. *Не допускать, чтобы областные правители долго оставались въ тѣхъ же областяхъ.*

Этотъ принципъ примѣняется въ особенности къ значительнымъ областямъ, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, и особенно въ мѣстностяхъ, отдѣленныхъ отъ главной массы государства.

Правитель, вооруженный большой властью, если ему дадутъ достаточно времени, можетъ замыслить свою независимость. Чѣмъ дольше онъ остается на мѣстѣ, тѣмъ больше онъ можетъ утвердиться, составляя себѣ партію или присоединяясь къ одной изъ партій, уже существовавшихъ до него. Отсюда угнетеніе для однихъ и пристрастіе къ другимъ. Еслибы даже партій и не было, онъ можетъ сдѣлаться виновенъ въ тысячѣ злоупотребленій власти, на которыя не захотѣли бы или не посмѣли жаловаться государю. Продолжительность его господства порождаетъ опасенія или надежды, которыя для него одинаково благопріятны. Онъ создаетъ себѣ креатуръ, которыя считаютъ его единственнымъ раздавателемъ милостей; и тѣ, кто страдаетъ, боятся пострадать еще больше, еслибы оскорбили начальника, перемѣны котораго они не надѣются на многіе годы.

Это будетъ справедливо въ особенности относительно преступленій, которыя вредятъ больше государству, чѣмъ индивидуумамъ.

Невыгода быстрыхъ перемѣнъ состоитъ въ томъ, что онѣ отрываютъ человѣка отъ его должности, когда онъ пріобрѣлъ знаніе и опытность въ дѣлахъ. Новые люди способны дѣлать ошибки по незнанію.— Этому неудобству можно помочь учрежденіемъ подчиненнаго и постояннаго совѣта, который поддерживаетъ принятый ходъ дѣлъ. Вы выигрываете этимъ то, что уменьшаете власть, которая можетъ обратиться противъ васъ: вы рискуете тѣмъ, что уменьшаете степень знанія (instruction). Между этими двумя опасностями нѣтъ сравненія, когда то зло, которое надо предвидѣть, есть возстаніе.

Чтобы не дѣлать неудовольствія индивидуумамъ, нужно, чтобы этотъ порядокъ вещей былъ постоянный. Надо пріучить умы считать эту перемѣну опредѣленной и необходимой въ извѣстныя эпохи. Еслибы она происходила только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, она могла бы способствовать къ произведенію того зла, которое она должна предотвращать.

Опасность возстанія со стороны областныхъ правителей существуетъ только въ правленіяхъ слабыхъ и дурно устроенныхъ. Въ Римской имперіи, отъ Цезаря до Августула, мы только и видимъ, что правители и полководцы поднимаютъ знамя независимости. Нельзя сказать, чтобы пренебрежено было то средство, о которомъ мы говоримъ,—перемѣны

правителей были часты; но, или потому, что этого предохранительнаго средства не умѣли употреблять, или по недостатку бдительности и твердости, или по другимъ причинамъ, тамъ никогда не умѣли предотвратить частаго повторенія возстаній.

Недостатокъ постоянной мѣры подобнаго свойства есть самая очевидная причина постоянныхъ переворотовъ, которымъ подвергается Турецкая имперія; и ничто яснѣе этого не доказываетъ тупоумія этого варварскаго двора.

Если какое-нибудь изъ европейскихъ государствъ нуждается въ этой политикѣ, это—Испанія въ своихъ Американскихъ владѣніяхъ, и Англія въ Индійскихъ.

Въ болѣе цивилизованныхъ христіанскихъ государствахъ нѣтъ ничего рѣже, какъ возстаніе областнаго правителя. Примѣръ князя Гагарина, управлявшаго Сибирью при Петрѣ I, есть кажется единственный случай, который можно привести за послѣднія два столѣтія; и притомъ въ имперіи, которая еще не потеряла тогда своего азіатскаго характера. Происходившіе въ Европѣ перевороты имѣли свой источникъ въ болѣе могущественномъ и достойномъ уваженія принципѣ, въ мнѣніяхъ общества, въ народныхъ чувствахъ, въ любви къ свободѣ.

5. *Обновлять управляющія корпораціи перемѣщеніемъ.*

Аргументы въ пользу того, чтобы не оставлять правителя въ его должности на долгое время, еще съ большей силой примѣняются къ совѣту или къ управляющей корпораціи. Сдѣлайте ихъ постоянными: тогда, если они соглашаются между собой относительно общаго характера ихъ мѣръ, можно думать, что между этими мѣрами будетъ много такихъ, цѣль которыхъ будетъ служить имъ и ихъ друзьямъ на счетъ общества, довѣрившаго имъ свои интересы. Если они несогласны и потомъ примиряются, то довольно вѣроятно, что цѣна примиренія придется опять на счетъ общества. Но, напротивъ, если вы устраните за разъ извѣстное число ихъ и если есть злоупотребленія, то вы имѣете шансъ исправить ихъ черезъ ново-назначенныхъ, которые еще не имѣли времени испортиться отъ вліянія своихъ сотоварищей. Одну часть ихъ надо оставлять всегда для того, чтобы не прерывался ходъ дѣлъ. Должна ли быть эта сохраняемая часть больше или меньше возобновленной части? Если она больше, то надо опасаться, чтобы старая испорченная система не удержалась въ силѣ; если она меньше, надо опасаться, чтобы хорошая система администраціи не была разрушена капризными нововведеніями. Какъ бы то ни было, простѣйшее право удаленія не будетъ отвѣчать цѣли, особенно если власть замѣщенія принадлежитъ са-

мой корпораціи. Это право должно быть всегда употребляемо только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Тѣ, которые будутъ устранены, будутъ ли изъяты отъ новаго избранія на извѣстное время или навсегда? Если они будутъ изъяты только на время, то непремѣнно случится, что они будутъ избираемы снова и что духъ федераціи пойдетъ въ корпораціи своимъ прежнимъ порядкомъ. Если они будутъ изъяты отъ избранія навсегда, то общество будетъ лишено талантовъ и опытности своихъ наиболѣе даровитыхъ слугъ. Вообще, это политическое средство, кажется, есть только недостаточная замѣна другихъ средствъ, о которыхъ будетъ сказано дальше, и особенно публичности всѣхъ дѣлъ и всѣхъ счетовъ.

Этотъ порядокъ круговой смѣны (*rotation*) принятъ былъ въ Англіи въ большихъ торговыхъ компаніяхъ и нѣсколько лѣтъ назадъ введенъ былъ въ управленіе Индійской компаніи.

Эта политическая цѣль есть не единственная, какая имѣется въ виду въ этой круговой смѣнѣ. Въ принятіи ея часто руководились простой цѣлью достигнуть болѣе ровнаго распредѣленія привилегій, принадлежащихъ вѣдомству.

Великое политическое произведеніе Гаррингтона («Oceana») вертится почти только на круговой смѣнѣ между членами правительства. Умный человѣкъ, который не видитъ цѣлаго объема науки, схватываетъ одну идею, развиваетъ ее, примѣняетъ ее ко всему и не видитъ за ней больше ничего. Такъ въ медицинѣ, чѣмъ меньше человѣкъ видитъ объемъ этого искусства, тѣмъ больше онъ вѣритъ въ жизненный эликсиръ, въ универсальное лекарство, въ чудесный секретъ. Классификація полезна для того, чтобы обращать послѣдовательно вниманіе на всѣ средства.

6. *Допустить тайныя освѣдомленія.*

Всякій знаетъ, что въ Венеціи допускались тайныя освѣдомленія (тайная полиція). Вокругъ дворца св. Марка поставлены были въ разныхъ мѣстахъ ящики, содержаніе которыхъ регулярно разсматривалось государственными инквизиторами. Утверждаютъ, что по этимъ безъименнымъ обвиненіямъ, извѣстныхъ лицъ хватали, заключали въ тюрьму, ссылали или даже предавали смертной казни безъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Если это правда, то нѣтъ ничего полезнѣе и разсудительнѣе первой части этого учрежденія; и нѣтъ ничего вреднѣе и отвратительнѣе второй его части. Произвольный судъ инквизиторовъ справедливо обезславилъ венеціанское правительство, которое въ другихъ отношеніяхъ было вѣроятно благоразумно, такъ какъ оно очень долго держалось въ состояніи спокойствія и процвѣтанія.

Великое несчастье, когда хорошее учрежденіе бываетъ связано съ дурнымъ: не всѣ глаза способны пользоваться призмой, которая ихъ раздѣляетъ. Какой былъ бы вредъ получать тайныя свѣдѣнія, хотя бы и безъименныя, въ первой инстанціи? Конечно по тайному извѣщенію не слѣдуетъ трогать даже одного волоса на головѣ и не слѣдуетъ производить ни малѣйшей тревоги въ индивидуумѣ; но съ этимъ ограниченіемъ, зачѣмъ лишать себя выгоды, которая можетъ отсюда произойти? Оффиціальный чиновникъ судитъ о томъ, заслуживаетъ ли предметъ доноса его вниманія. Если не заслуживаетъ, онъ не дастъ ему никакого хода. Въ противномъ случаѣ, онъ приказываетъ доносителю явиться лично. Послѣ изслѣдованія фактовъ, если доноситель ошибается, онъ отсылаетъ его, хваля его намѣреніе и сохраняя въ тайнѣ его имя; если доноситель сдѣлалъ злостное и предательское обвиненіе, его имя и его клевета должны быть сообщены обвиняемому. Но если доносъ основателенъ, то начинается юридическое преслѣдованіе и доносчикъ обязанъ явиться, чтобы представить свои показанія публично.

Спросятъ, по какому принципу можетъ быть выгодно подобное учрежденіе? Именно по тому же принципу, который заставляетъ собирать голоса въ баллотировкѣ. Нужно, чтобы въ теченіе процесса защитникъ былъ извѣщенъ о свидѣтеляхъ, которые должны дѣлать показанія противъ него; но гдѣ необходимость того, чтобы онъ зналъ это до начала процесса? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, свидѣтель, который можетъ опасаться чего-нибудь со стороны обвиняемаго, не захочетъ подвергать себя несомнѣнному неудобству для шанса принести обществу сомнительную услугу. Такимъ образомъ преступленія остаются такъ часто безнаказанными, потому что люди не хотятъ навлекать себѣ личной вражды, не имѣя увѣренности принести услугу обществу.

Я поставилъ это средство подъ рубрику злоупотребленій противъ власти, потому что оно наиболѣе дѣйствительно противъ людей должностныхъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ власть предполагаемаго правонарушителя представляетъ лишнюю тяжесть на вѣсахъ отрицательныхъ мотивовъ. Въ подобныхъ случаяхъ начальникъ, получивъ извѣстіе, заставляющее его быть внимательнымъ, могъ бы пропустить первое правонарушеніе и открыть виновнаго на второмъ.

Рѣшеніе принимать тайныя и даже безъименныя извѣщенія не годилось бы никуда, еслибы оно не было публично извѣстно; но какъ скоро оно извѣстно, то страхъ этихъ извѣщеній скоро сдѣлалъ бы случаи къ нимъ болѣе рѣдкими и уменьшилъ бы ихъ число. И на кого бы упалъ страхъ? Единственно на виновныхъ и на тѣхъ, кто предполагаетъ сдѣлаться виновнымъ: потому что при публичномъ судо-

производствѣ невинный не можетъ быть въ опасности; и злоба клеветника была бы опровергнута и наказана.

7. *Введеніе жребія для просьбъ, адресуемыхъ къ государю.*

Когда извѣщенія будутъ доходить только до министра, они будутъ имѣть свою пользу; но чтобы обезпечить вполнѣ эту пользу, нужно, чтобы они могли доходить до свѣдѣнія государя.

Великій Фридрихъ получалъ письма прямо отъ малѣйшаго изъ своихъ подданныхъ, и часто писалъ отвѣты собственноручно. Этотъ фактъ могъ бы показаться невѣроятнымъ, еслибы онъ не былъ положительно доказанъ.

Изъ этого примѣра не слѣдуетъ заключать, чтобы тоже самое было возможно во всѣхъ правительствахъ.

Въ Англіи каждый имѣетъ право представлять просьбу королю; но участь этихъ просьбъ, тотчасъ передаваемыхъ придворному джентльмену, извѣстна по фразѣ, вошедшей въ пословицу: это — папильотки для фрейлинъ. Можно себѣ представить поэтому, что эти просьбы не особенно часты, но онѣ и не очень необходимы въ странѣ, гдѣ подданный находится подъ покровительствомъ законовъ, не зависящихъ отъ государя. У частнаго человѣка есть другія средства получить правосудіе, для государя—другіе пути свѣдѣній.

Существенная важность поддерживать постоянно открытыми сообщенія между подданнымъ и монархомъ является въ абсолютныхъ монархіяхъ; это нужно для того, чтобы подданный былъ увѣренъ въ защитѣ; это нужно для того, чтобы монархъ былъ увѣренъ въ своей свободѣ.

Пусть называютъ народъ чернью, la canaille, или какъ угодно, — государь, который отказывается выслушать послѣдняго индивидуума этой черни, нисколько не увеличиваетъ этимъ своей власти, а положительно уменьшаетъ ее. Съ этой минуты онъ теряетъ способность направлять свои дѣйствія самъ, и становится орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто называютъ себя его слугами. Онъ можетъ воображать, что дѣлаетъ все, что̀ самъ хочетъ, что онъ рѣшаетъ самъ; на дѣлѣ, за него рѣшаютъ они; потому что опредѣлить всѣ причины, какія можетъ имѣть человѣкъ, чтобы дѣйствовать, значитъ опредѣлить всѣ его дѣйствія. Тотъ, кто видитъ или слышитъ только то, что̀ угодно его окружающимъ, подчиняется всѣмъ возбужденіямъ, какія они захотятъ ему дать.

Отдать неограниченное довѣріе министрамъ значитъ отдать неограниченное довѣріе тѣмъ, кто имѣетъ всего больше интереса злоупотреблять имъ и всего больше возможности дѣлать это.

Что касается до самого министра, то чѣмъ онъ честнѣе, тѣмъ мень-

ше онъ будетъ нуждаться въ этомъ довѣріи: и можно утверждать безъ парадокса, что чѣмъ больше онъ будетъ заслуживать его, тѣмъ меньше онъ будетъ желать владѣть имъ.

Монархъ, который бы не могъ читать всѣхъ этихъ просьбъ, не теряя на это драгоцѣннаго времени, можетъ употреблять разныя средства, чтобы уничтожить свою зависимость отъ тѣхъ, кому онъ ихъ довѣряетъ, и чтобы увѣриться, что отъ него не скрываютъ самыхъ важныхъ. Онъ можетъ взять нѣкоторыя изъ нихъ на удачу, велѣть распредѣлить ихъ на разные отдѣлы и представить ихъ себѣ неожиданно. Подробности такого устройства дѣла не такъ важны и не такъ трудны, чтобы нужно было особенно разъяснять ихъ. Достаточно подать объ немъ мысль.

8. *Свобода печати.*

Выслушивайте всѣ совѣты, это вамъ послужитъ только въ пользу, и вы не рискуете отъ этого никакимъ вредомъ. Вотъ что говоритъ простой здравый смыслъ. Установить свободу печати значитъ допустить совѣты всѣхъ людей. Правда, во многихъ случаяхъ общественное сужденіе выслушивается не передъ тѣмъ, какъ рѣшается извѣстная мѣра, а послѣ того, какъ она уже исполнена. Но это сужденіе всегда можетъ имѣть свою пользу, или относительно мѣръ законодательныхъ, которыя можно преобразовать, или относительно мѣръ административныхъ, которыя могутъ повториться. Самый наилучшій совѣтъ, поданный частнымъ образомъ министру, можетъ потеряться; но хорошій совѣтъ, данный обществу, если не послужитъ одному, можетъ послужить другому; если не послужитъ сегодня, можетъ служить послѣ; если онъ предложенъ не въ должной формѣ, онъ можетъ получить отъ другой руки украшенія, съ которыми онъ понравится. Наставленіе есть сѣмя, которое надо, такъ сказать, попробовать на самыхъ разнообразныхъ почвахъ, и воздѣлывать терпѣливо, потому что плоды его часто являются поздно.

Эта мѣра гораздо предпочтительнѣе петицій для доставленія полной свободы монарху.—Какова бы ни была его проницательность въ выборѣ своихъ министровъ, онъ могъ выбрать ихъ только изъ небольшаго числа кандидатовъ, которыхъ представила ему случайность рожденія или богатства. Поэтому, онъ можетъ справедливо думать, что есть другіе люди болѣе просвѣщенные, чѣмъ они; и чѣмъ больше онъ расширяетъ свою способность знать и понимать, тѣмъ больше онъ увеличиваетъ свою власть и свободу своихъ дѣйствій.

Но въ форму изложенія этихъ совѣтовъ или мнѣній можетъ замѣшаться дерзость и раздражительность: вмѣсто того, чтобы ограничиваться

разборомъ мѣръ, люди обратятъ свою критику на лица. И дѣйствительно, какую нужно имѣть ловкость, чтобы совершенно раздѣлять двѣ эти операціи? Какимъ образомъ можно осуждать мѣру, не затрогивая въ извѣстной степени умъ или честность ея автора? Вотъ подводный камень: вотъ причина, почему свобода печати такъ рѣдка, когда ея выгоды такъ очевидны! Она имѣетъ противъ себя всѣ опасенія самолюбія. Однакоже Іосифъ II, Фридрихъ II имѣли великодушіе установить ее. Она существуетъ въ Швеціи; она существуетъ въ Англіи; она можетъ существовать вездѣ съ видоизмѣненіями, которыя предупреждаютъ наибольшія ея злоупотребленія.

Еслибы, по привычкамъ правительства или по особеннымъ обстоятельствамъ, государь не могъ позволить *критики дѣйствій администраціи*, онъ долженъ бы *по крайней мѣрѣ* дозволить критику законовъ. Пусть онъ оставитъ *за собой* привилегію непогрѣшимости, онъ не имѣетъ нужды *распространять* эту привилегію на своихъ предшественниковъ. Если онъ такъ ревнивъ къ верховной власти, что хочетъ заставить уважать все, чего касался скипетръ, онъ можетъ предоставить обсужденію все, что есть только предметъ науки, принципъ права, судопроизводство, подчиненная администрація.

Если свобода печати можетъ имѣть неудобства относительно брошюръ, листковъ, которые распространяются въ публикѣ и одинаково обращаются къ невѣжественной части и къ образованной части націи, то этихъ оснований нельзя было бы примѣнить къ *произведеніямъ* серьезнымъ и обширнымъ, къ *книгамъ*, которыя могутъ имѣть только извѣстный классъ читателей и которыя, не имѣя возможности произвести никакого непосредственнаго дѣйствія, всегда оставляютъ время приготовить противоядіе.

При старой французской монархіи достаточно было, чтобы въ Парижѣ напечаталась книга по нравственной наукѣ,—она уже возбуждала неблагопріятныя подозрѣнія. «Наказъ» русской императрицы былъ запрещенъ во Франціи. Стиль и мнѣнія этого сочиненія показались слишкомъ популярными, чтобы ихъ можно было терпѣть во французской монархіи.

Правда, что во Франціи, какъ и вездѣ, небрежность и непослѣдовательность смягчали вредныя дѣйствія деспотизма. Иностранное заглавіе служило паспортомъ для генія. Строгость цензуры только перенесла книжную торговлю къ другимъ націямъ и сдѣлала болѣе суровой ту сатиру, которую она должна была подавлять.

9. *Обнародовать соображенія и факты, служащіе основаніемъ законамъ и другимъ актамъ администраціи.*

Это—необходимое звѣно въ цѣпи благородной и великодушной политики, и необходимое добавленіе къ свободѣ печати. Одно изъ этихъ учрежденій вы должны дать народу, другое вы должны сдѣлать для себя. Если правительство не удостоиваетъ извѣщать націю о своихъ мотивахъ въ важныхъ случаяхъ, оно заявляетъ этимъ, что оно хочетъ быть всѣмъ обязано силѣ и что оно ставитъ ни во что мнѣніе подданныхъ.

Защитникъ власти произвольной думаетъ не такъ. Онъ не хочетъ, чтобы народъ просвѣщался, и презираетъ народъ, потому что онъ не просвѣщенъ. Вы не способны судить, говоритъ онъ, потому что вы невѣжественны, и васъ будутъ держать въ невѣжествѣ, чтобы вы не были способны судить. Вотъ вѣчный кругъ, которымъ онъ окружаетъ себя. Какое бываетъ слѣдствіе этой ограниченной политики? Появляется всеобщее неудовольствіе, и мало по малу оно увеличивается, основываясь иногда на ложныхъ и преувеличенныхъ обвиненіяхъ, которымъ вѣрятъ за недостаткомъ обсужденія и критики. Министръ жалуется на несправедливость публики, не думая о томъ, что онъ не далъ ей средствъ быть справедливой, и что ложныя истолкованія его поведенія составляютъ необходимое послѣдствіе тайнъ, которыми оно закрыто. Есть только два способа, которыми можно дѣйствовать съ людьми, если хотятъ быть систематическими и послѣдовательными: абсолютная скрытность или полная открытость дѣйствій. Держать народъ въ совершенномъ незнаніи о дѣлахъ или дать ему сколько возможно большее знаніе, препятствовать ему составить себѣ какое-нибудь сужденіе или доставить ему возможность составить себѣ самое просвѣщенное сужденіе, поступать съ нимъ какъ съ ребенкомъ или считать его за взрослаго человѣка,—вотъ два плана дѣйствій, между которыми надо выбрать.

Первый изъ этихъ способовъ принятъ былъ жрецами въ древнемъ Египтѣ, браминами въ Индіи, іезуитами въ Парагваѣ: второй установился фактически въ Англіи; по закону, легально, онъ установился только въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Большая часть европейскихъ правительствъ безпрестанно колеблются между тѣмъ и другимъ, не имѣя мужества остановиться на которомъ-нибудь изъ двухъ исключительно, и постоянно впадаютъ въ противорѣчіе съ самими собой, то желая имѣть подданныхъ дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ, то страшась поощрить духъ обсужденія и критики.

Въ большей части отраслей администраціи было бы безполезно и могло бы быть опасно обнародовать впередъ основанія, по которымъ

извѣстныя мѣры принимаются. Надобно только различать случаи, гдѣ нужно просвѣщать общественное мнѣніе, чтобы помѣшать ему заблуждаться; но въ дѣлѣ законодательства этотъ принципъ примѣнимъ всегда. Можно принять общее правило, что никогда не слѣдуетъ дѣлать закона безъ основанія,—или указывая его положительно, или подразумѣвая его молча. Потому что, что же такое хорошій законъ, какъ не тотъ законъ, для котораго можно привести хорошія основанія? Всегда нужно бываетъ какое-нибудь, хорошее или дурное, основаніе, чтобы сдѣлать законъ, потому что нѣтъ дѣйствія безъ причины; но заставьте министра привести свои основанія и ему будетъ стыдно не имѣть хорошихъ основаній, которыя бы онъ могъ привести; ему будетъ стыдно предлагать вамъ фальшивую монету, когда надо будетъ откладывать въ сторону пробный камень, которымъ можно изслѣдовать ее.

Для государя, это есть средство царствовать даже послѣ своей смерти. Если основанія его законовъ хороши, онъ даетъ имъ опору, которой они уже не могутъ потерять. Его преемники принуждены будутъ сохранить ихъ по чувству чести. Такимъ образомъ, чѣмъ больше онъ будетъ составлять счастіе своего народа, тѣмъ больше онъ обезпечиваетъ счастіе своего потомства.

10. *Устраненіе произвола.*

«Лотаръ издалъ законъ,—говоритъ Монтескьё,—чтобы обвиняемый не могъ быть осужденъ не бывъ выслушаннымъ: что доказываетъ противоположный обычай въ какомъ-нибудь частномъ случаѣ, или у какого-нибудь варварскаго народа». Esprit des Lois, chap. XII, c. II.

Монтескье не рѣшался сказать всего. Могъ ли онъ писать эти слова, не подумавъ о lettres de cachet и полицейской администраціи, какъ она дѣйствовала въ его время? Lettre de cachet можетъ быть переведено такъ:— повелѣніе наказывать безъ всякихъ доказательствъ, за фактъ, противъ котораго нѣтъ никакого закона.

Съ величайшей силой это зло господствовало во Франціи и въ Венеціи. Эти два правительства, вообще умѣренныя, сами запятнали себя этой нелѣпостью. Они подвергли себя обвиненіямъ, иногда несправедливымъ, и реакціи террора: потому что эти же самыя предосторожности, внушая ужасъ, производятъ и опасность. — Скажутъ: ведите себя хорошо и правительство не будетъ вашимъ врагомъ. Положимъ, но какъ я могу въ этомъ увѣриться? Меня ненавидитъ министръ, или его лакей, или лакей его лакея. Если этой ненависти нѣтъ сегодня, она можетъ быть завтра, или этой ненависти подвергнется кто-нибудь другой, и меня могутъ принять за этого другаго: я завишу не отъ своего по-

веденія, но отъ того мнѣнія, какое внушаетъ мое поведеніе людямъ болѣе сильнымъ, чѣмъ я. При Людовикѣ XV lettres de cachet были предметомъ торговли. Если это могло случаться при правительствѣ, которое вообще считалось мягкимъ, то что̀ будетъ въ странахъ, гдѣ правы менѣе цивилизованы?

За отсутствіемъ справедливости и человѣколюбія, мнѣ кажется, правительствамъ, достаточно было бы гордости, чтобы уничтожить эти остатки варварства.

Въ прежнее время lettre de cachet могло имѣть силу подъ покровомъ требованій государства (raison d'état); теперь этотъ предлогъ потерялъ свое магическое значеніе. Первая мысль, которая представляется при этомъ уму, есть теперь мысль о неспособности и слабости тѣхъ, кто употребляетъ это средство. Еслибы у васъ достало смѣлости выслушать такого-то обвиняемаго, вы не закрыли бы ему ротъ; если его заставляютъ молчать, значитъ, его боятся [1]).

11. *Направлять дѣйствія власти правилами и формальностями.*

Есть другая отрасль политики, относительно подчиненныхъ вѣдомствъ, которая одинаково примѣнима и къ абсолютнымъ монархіямъ и къ смѣшаннымъ правительствамъ. Если монархъ находитъ интересъ оставаться независимымъ отъ законовъ, онъ не имѣетъ интереса сообщать такую же независимость всѣмъ своимъ агентамъ.

Законы, ограничивающіе подчиненныхъ администраторовъ въ пользованіи ихъ властью, могутъ быть раздѣлены на два класса: къ первому относятся тѣ, которые ограничиваютъ причины, гдѣ можно употреблять ту или другую власть; ко второму—тѣ, которые опредѣляютъ формальности, съ какими надо исполнять эту власть. Въ законѣ должны быть опредѣлительно исчислены всѣ эти причины и формальности: когда это сдѣлано, подданные должны быть извѣщены, что это и есть тѣ причины и единственныя причины, по которымъ можно легально нарушить ихъ безопасность, ихъ свободу, ихъ собственность, ихъ честь.— Такимъ образомъ первый законъ, которымъ долженъ начинаться великій кодексъ, долженъ быть общій законъ о свободѣ, законъ, который стѣсняетъ власть, ввѣренную исполнителямъ, и ограничиваетъ дѣйствіе этой власти такими-то частными случаями, по такимъ-то особеннымъ причинамъ.

Таковъ былъ смыслъ Великой Хартіи, и таково было бы ея дѣй-

---

[1]) Это не относится къ какимъ-нибудь обстоятельствамъ необыкновеннымъ, подобнымъ тѣмъ, когда въ Англіи останавливается дѣйствіе habeas corpus, съ извѣстными предосторожностями, какія здѣсь употребляются. *Б.*

ствіе, безъ этого несчастнаго неопредѣленнаго выраженія, lex terrae и пр.; законъ воображаемый, который произвелъ всю неопредѣленность, потому что люди, ссылаясь безпрестанно на обычай старыхъ временъ, искали примѣровъ и авторитетовъ въ тѣхъ самыхъ злоупотребленіяхъ, которыя намѣрены были предотвратить.

12. *Установить право ассоціацій, т. е. собраній гражданъ для выраженія ихъ чувствъ и желаній по поводу общественныхъ мѣропріятій правительства.*

Изъ тѣхъ правъ, которыя нація должна бы сохранять за собой, установляя правительство, это право есть главнѣйшее, какъ основа всѣхъ остальныхъ. Но здѣсь почти безполезно особенно останавливаться на немъ: народы, владѣющіе этимъ правомъ, не нуждаются въ рекомендаціи объ его сохраненіи; а тѣ, у которыхъ его нѣтъ, имѣютъ мало надежды получить его, потому что—что же бы могло побудить властителей дать имъ это право?

На первый взглядъ это право ассоціаціи можетъ показаться несовмѣстнымъ съ правительствомъ; — и я признаюсь, что было бы нелѣпостью и противорѣчіемъ считать это право средствомъ подавлять правительство; дѣло вовсе не въ этомъ. Если одинъ или многіе члены ассоціаціи или собранія совершатъ малѣйшій актъ насилія, накажите этотъ актъ такъ же, какъ еслибы онъ былъ совершенъ всякимъ другимъ индивидуумомъ. Если вы находите, что ваши силы недостаточны для его наказанія — это доказываетъ, что собраніе сдѣлало успѣхи, которыхъ не могло бы сдѣлать безъ справедливаго основанія, такъ что это вовсе не зло, или это есть зло необходимое. Я предполагаю, что вы имѣете публичную силу, власть, организованную во всѣхъ отношеніяхъ: итакъ, если собранія стали такъ сильны, что внушаютъ вамъ страхъ, среди всѣхъ вашихъ правильныхъ средствъ власти, если не образовалось собраній съ вашей стороны, со стороны людей, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи столько средствъ, чтобы получить верхъ въ этомъ отношеніи,—то не есть ли это безошибочный признакъ, что спокойное и обдуманное сужденіе націи обращается противъ ея правительства? И при этомъ какое можно найти основаніе въ пользу того, чтобы продолжать тотъ же способъ управленія и не удовлетворять желанію общества? Я не могу найти никакого основанія. Конечно, нація состоитъ изъ людей и не имѣетъ привилегіи непогрѣшимости и точно такъ же можетъ обманываться относительно своихъ настоящихъ интересовъ, какъ и ея глава; это не подлежитъ сомнѣнію: но если мы видимъ на одной сторонѣ великую націю, и на другой ея правительство, не слѣдуетъ ли предположить прежде всего, что всеобщее недовольство происходитъ изъ справедливыхъ основаній?

Не составляя вовсе причины возстанія, общества или собранія по моему мнѣнію представляютъ одно изъ могущественныхъ средствъ къ предупрежденію этого зла. Возстанія суть конвульсивныя движенія слабости, находящей силу въ минутномъ отчаяніи. Это — усилія людей, которымъ не позволяютъ выразить своего чувства или планы которыхъ не моглибы удаться, еслибы они были извѣстны. Заговоры, противные общему чувству народа, могутъ удаваться только по нечаянности и насилію. Итакъ, тѣ, кто устроиваетъ ихъ, могутъ надѣяться на успѣхъ только при посредствѣ силы. Но къ чему было бы прибѣгать къ насилію тѣмъ, кто можетъ думать, что народъ на ихъ сторонѣ, кто можетъ льстить себя надеждой на побѣду черезъ общественное мнѣніе? Къ чему было бы имъ подвергаться явной опасности безъ пользы?—Поэтому я убѣжденъ, что люди, имѣющіе полную свободу собираться въ общества и дѣлающіе это подъ покровительствомъ законовъ, никогда не прибѣгнутъ къ возстанію, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ и несчастныхъ случаевъ, гдѣ возстаніе сдѣлалось необходимымъ: будутъ ли позволять общества или запретятъ ихъ, возстанія никогда не произойдутъ раньше.

Общества, которыя открыто собирались въ Ирландіи въ 1780 году, не произвели никакого вреда и даже послужили къ поддержанію спокойствія и безопасности въ странѣ, хотя эта полудикая страна раздиралась всѣми возможными причинами гражданской войны.

Я думаю даже, что общества могли бы быть позволены и могли бы сдѣлаться однимъ изъ главныхъ средствъ правительства въ самыхъ абсолютныхъ монархіяхъ. Государства этого разряда больше бываютъ тревожимы возмущеніями и возстаніями. Все совершается внезапными движеніями. Общества предупредили бы эти безпорядки. Если бы подданные Римской имперіи имѣли привычку къ обществамъ, власть и жизнь императоровъ не продавались бы безпрестанно съ аукціона преторіанцами.

Наконецъ, я хорошо понимаю, что нельзя позволить обществъ рабамъ: имъ причиняли слишкомъ много несправедливостей, и потому можно было бы всего опасаться или отъ ихъ невѣжества или отъ ихъ раздраженія. На островахъ Америки и въ Мексикѣ нельзя позволить народу имѣть оружіе и составлять общества: но въ Европѣ есть государства, въ которыхъ можно было бы возвыситься до этой сильной и благородной политики.

Я знаю также, что есть степень невѣжества, которая сдѣлала бы общества опасными: это доказываетъ то, что невѣжество есть великое зло, а не то, что общества не составляютъ великаго блага. Притомъ, самая эта мѣра можетъ служить противоядіемъ противъ ея дурныхъ

дѣйствій: по мѣрѣ того, какъ общество увеличивается, будучи основано съ полной безопасностью, его основы подвергаются обсужденію, публика просвѣщается, правительство располагаетъ всѣми средствами распространять знанія и раскрывать заблужденія. Свобода и образованіе подаютъ другъ другу руку. Свобода облегчаетъ успѣхи просвѣщенія, и успѣхъ просвѣщенія подавляетъ неправильныя увлеченія свободы.

Я не понимаю, какимъ образомъ установленіе этого права можетъ внушать правительству безпокойство. Нѣтъ правительства, которое бы не опасалось народа, которое бы не считало нужнымъ брать въ разсчетъ его желанія, сообразоваться съ его мнѣніями: самыя деспотическія бываютъ, кажется, и самыя робкія. Какой султанъ пользуется такимъ же спокойствіемъ, столько же увѣренъ въ дѣйствіи своей власти, какъ англійскій король? Янычары и чернь заставляютъ трепетать сераль, между тѣмъ какъ сераль заставляетъ трепетать янычаръ и чернь. Въ Лондонѣ голосъ народа высказывается въ законныхъ собраніяхъ; въ Константинополѣ онъ разражается насиліями. Въ Лондонѣ народъ высказывается петиціями, въ Константинополѣ поджогами.

На это возразятъ примѣромъ старой Польши, гдѣ общества произвели столько зла; но это возраженіе ошибочно, — эти общества раждались сами изъ анархіи, а не производили ее. Притомъ, говоря объ этомъ средствѣ, умѣряющемъ правительственныя дѣйствія, я предполагалъ правительство прочно установленное: я говорилъ о лекарствѣ, а не объ ежедневной пищѣ.

Я замѣчу еще, что даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ это право существуетъ, могутъ случиться обстоятельства, когда полезно будетъ не пріостановить его вполнѣ, а подчинить извѣстнымъ правиламъ. Въ этомъ отношеніи не нужно абсолютнаго и непремѣннаго правила; мы видѣли, что въ послѣднюю войну англійскій парламентъ ограничилъ право собраній, позволялъ собранія для политической цѣли только послѣ публичнаго заявленія этой цѣли и съ разрѣшеніемъ власти, которая имѣла право закрывать эти собранія: и эти ограниченія происходили въ то самое время, когда граждане призывались составлять ополченія для защиты государства и когда правительство выказывало самое благородное довѣріе къ общественному духу націи.

Когда эти стѣсненія прекратились, все осталось по прежнему; можно было бы сказать, что ограничивающій законъ еще существуетъ. Дѣло въ томъ, что народъ, увѣренный въ своихъ правахъ, пользуется ими мирно и спокойно. Если онъ злоупотребляетъ ими, значитъ онъ сомнѣвается въ нихъ. Его увлеченія суть слѣдствія его опасеній.

ГЛАВА XXII.

Мѣры противъ дурныхъ послѣдствій уже совершеннаго преступленія.—Заключеніе книги.

Общій результатъ принциповъ, изложенныхъ нами теперь по вопросу уголовнаго законодательства, представляетъ счастливую перспективу и весьма основательныя надежды уменьшить число преступленій и смягчить наказанія. Сначала этотъ предметъ представляетъ уму одни мрачныя идеи, одни картины страданія и ужаса; но съ изученіемъ этого разряда золъ тягостныя чувства скоро уступаютъ мѣсто чувствамъ утѣшительнымъ и сладкимъ, когда мы открываемъ, что въ человѣческомъ сердцѣ нѣтъ врожденной и неизлечимой испорченности, что множество преступленій происходитъ только отъ ошибокъ законодательства, которыя легко могутъ быть исправлены, и что самое зло, происходящее отъ нихъ, можетъ быть различными способами исправляемо.

Вотъ великая задача уголовнаго законодательства: 1) свести, сколько возможно, все зло преступленій къ тому, которое можетъ быть излечено денежнымъ вознагражденіемъ; 2) сложить издержки этого излеченія на виновниковъ зла или, за ихъ отсутствіемъ, на публику. То, что возможно сдѣлать въ этомъ отношеніи, идетъ гораздо дальше, чѣмъ можно подумать съ перваго взгляда.

Я употребляю слово излеченіе, разсматривая потерпѣвшаго индивидуума или самое общество въ видѣ больнаго, который пострадалъ отъ преступленія. Это сравненіе вѣрно, и оно указываетъ наиболѣе соотвѣтственные способы, не примѣшивая сюда народныхъ страстей и антипатій, которыя идея преступленія слишкомъ легко пробуждаетъ въ самихъ законодателяхъ:

Есть три главные источника преступленій: неумѣренность, вражда, хищность.

Преступленія, происходящія отъ неумѣренности, по своей природѣ не таковы, чтобы могли излечиваться денежными вознагражденіями: это средство можетъ быть въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣнено къ обольщенію и даже къ супружеской невѣрности, но оно не излечиваетъ той части зла, которая состоитъ въ нарушеніи чести и семейнаго спокойствія.

Замѣтимъ, что преступленія неумѣренности становятся вредны только когда дѣлаются публичными, между тѣмъ какъ въ другихъ преступле-

ніяхъ, наоборотъ, вредное дѣйствіе ихъ останавливается тѣмъ, когда они обнаруживаются. И хорошій гражданинъ, который почелъ бы своимъ долгомъ публиковать актъ обмана, остерегся бы раскрывать тайную ошибку любви. Оставить обманъ неизвѣстнымъ значитъ сдѣлаться соучастникомъ его успѣшности. Выставить на видъ слабость, остававшуюся неизвѣстной, значитъ сдѣлать зло безъ вознагражденія: потому что это тяжко поражаетъ чувствительность тѣхъ, кого отдаютъ на позоръ, и не исправляетъ ничего. Въ числѣ учрежденій, дѣлающихъ честь человѣколюбію нашего вѣка, я ставлю тѣ тайныя убѣжища для родильницъ, тѣ воспитательные дома для незаконнорожденныхъ дѣтей,—которые такъ часто предупреждали мрачныя *послѣдствія отчаянія*, покрывая тайною результатъ *мимолетнаго заблужденія*. Строгость, которая востаетъ противъ *этой снисходительности*, основывается на ложномъ принципѣ.

Преступленія, происходящія отъ вражды, часто бываютъ таковы, что къ нимъ невозможно примѣнить денежное вознагражденіе. Самое вознагражденіе, если оно и можетъ имѣть мѣсто, рѣдко бываетъ полно: оно не передѣлываетъ того, что уже сдѣлано, оно не возвращаетъ потеряннаго члена, не отдаетъ отцу сына, семьѣ—отца; но оно можетъ дѣйствовать на положеніе потерпѣвшей стороны, оно доставляетъ ей долю блага во вниманіе къ долѣ зла и, сводя счеты ея благосостоянія, оно ставитъ въ нихъ прибыльную статью, чтобы уравновѣсить статью ущерба.

Существенное *замѣчаніе, какое можно сдѣлать* относительно этихъ преступленій, то, что они со дня на день уменьшаются съ успѣхами цивилизаціи. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ мало, въ большинствѣ европейскихъ государствъ, происходитъ преступленій отъ страстей гнѣвныхъ, которыя такъ свойственны человѣку и такъ необузданы въ дѣтствѣ общества. Какой предметъ соревнованія для запоздавшихъ правительствъ, которыя еще не достигли этой степени развитія и у которыхъ мечъ правосудія еще не умѣлъ побѣдить ножа мщенія!

Но неистощимый источникъ преступленій есть конечно хищность. Вотъ врагъ, вѣчно дѣятельный, вѣчно готовый схватить всѣ свои выгоды, врагъ, съ которымъ нужно вести постоянную войну: эта война требуетъ особенной тактики, принципы которой понимаемы были слишкомъ ошибочно.

Будьте снисходительны къ этой страсти, пока она *ограничивается* тѣмъ, что нападаетъ на васъ мирными средствами; въ *особенности* постарайтесь отнять у нея всю несправедливую прибыль, какую она могла сдѣлать. Становитесь къ ней строги по мѣрѣ того, какъ она

переходитъ къ открытымъ замысламъ и прибѣгаетъ къ угрозамъ и насилію. Но оставьте за собой средства дальнѣйшей строгости противъ нея, когда она предается жестокостямъ, какъ напримѣръ убійство и пожаръ. Въ хорошемъ опредѣленіи этихъ градацій и состоитъ уголовное искусство.

Не забудьте, что вся уголовная политика есть только выборъ золъ. Благоразумный распредѣлитель наказаній, — имѣй всегда вѣсы въ своихъ рукахъ, и въ своей ревности къ искорененію мелкихъ преступленій не порождай неблагоразумно преступленій бо́льшихъ. Смерть почти всегда есть лекарство или не необходимое или недѣйствительное: оно не необходимо противъ тѣхъ, кого можетъ отвратить отъ преступленія меньшее наказаніе, или кого можетъ удержать простое заключеніе: оно недѣйствительно противъ тѣхъ, кто такъ сказать бросается ему на встрѣчу, какъ къ убѣжищу, въ своемъ отчаяніи. Политика законодателя, все наказывающаго смертью, похожа на трусливое отвращеніе ребенка, —онъ раздавливаетъ насѣкомое, на которое боится взглянуть. Но если обстоятельства общества, если частое повтореніе великаго преступленія требуютъ этого страшнаго средства, тогда, не увеличивая самыхъ мученій смерти, рѣшись дать ей болѣе ужасающій видъ, чѣмъ даетъ природа: окружи ее печальной обстановкой, эмблемами преступленія и трагической торжественностью церемоній.

Но не вѣрьте слишкомъ легко въ эту необходимость смерти. Избѣгая ее въ наказаніяхъ, вы предупредите ее въ самыхъ преступленіяхъ. Если человѣкъ будетъ поставленъ между двумя преступленіями, то важно дать ему осязательный интересъ не совершать бо́льшаго изъ нихъ. Важно, однимъ словомъ, обратить убійцу въ мошенника, т. е. дать ему причину предпочесть то преступленіе, которое можетъ быть исправлено, тому, которое исправлено быть не можетъ.

Все то, что̀ можетъ быть исправлено, есть ничто. Все, что̀ можно поправить денежнымъ вознагражденіемъ, скоро становится какъ будто непроисходившимъ: потому что, если потерпѣвшій индивидуумъ всег получаетъ равнозначительное вознагражденіе, то тревога, произведенная преступленіемъ, прекращается совершенно или сводится къ своей наименьшей величинѣ.

Цѣлью, достиженіе которой нужно, было бы то, чтобы фондъ вознагражденій, должныхъ за преступленія, былъ извлекаемъ изъ массы самихъ правонарушителей, или черезъ ихъ имущество, или черезъ налагаемый на нихъ трудъ. Еслибы это было такъ, то безопасность была бы нераздѣльной подругой невинности, а горесть и страхъ были бы только удѣломъ нарушителей общественнаго порядка. Таковъ пунктъ совершен-

ства, къ которому надо стремиться, хоть бы не было надежды достигнуть его иначе какъ медленно и цѣной постоянныхъ усилій. Я указываю цѣль. Счастіе достигнуть ея будетъ наградой для постоянной и просвѣщенной администраціи.

При недостаточности этого средства надо извлекать вознагражденіе или изъ общественной казны, или изъ частнаго застрахованія.

Несовершенство нашихъ законовъ весьма чувствительно въ этомъ отношеніи. Если совершается преступленіе, то люди, пострадавшіе отъ него или лично, или по имуществу, предоставляются ихъ злой судьбѣ. Но общество, поддержанію котораго они содѣйствовали и которое должно было защищать ихъ, обязано дать имъ вознагражденіе въ томъ случаѣ, если эта защита не была дѣйствительна.

Если человѣкъ преслѣдуетъ преступника на свой счетъ, даже въ своемъ собственномъ дѣлѣ, онъ бываетъ такимъ же защитникомъ государства, какъ тотъ, кто сражается противъ иноземнаго непріятеля: потери, которыя онъ несетъ защищая общество, должны быть вознаграждены на счетъ общества.

Но если потерпѣлъ отъ ошибки судовъ человѣкъ невинный, если онъ былъ арестованъ, содержался въ заключеніи, сдѣланъ подозрительнымъ, осужденъ на всѣ безпокойства судопроизводства и долгаго заключенія, то правосудіе обязано дать ему вознагражденіе не только для него, но для себя самого. Учрежденное для исправленія несправедливостей, неужели захочетъ оно, чтобы его несправедливости были привиллегированными?

Правительства не озаботились ни однимъ изъ этихъ вознагражденій. Въ Англіи составилось нѣсколько добровольныхъ обществъ, чтобы восполнить ихъ недостатокъ. Если учрежденіе страхованія хорошо въ одномъ случаѣ, оно хорошо во всѣхъ случаяхъ, съ необходимыми предосторожностями для предотвращенія небрежности и обмана [1]).

---

[1]) Застрахованіе хорошо потому, что принимающій страхованіе приготовленъ выдержать потерю, и считаетъ полученную премію равноцѣннымъ вознагражденіемъ за опасность, которой онъ подвергается. Но само по себѣ это средство не хорошо тѣмъ, что всегда нужно платить премію, — которая составляетъ несомнѣнную потерю, — чтобы обезпечить себя отъ потери сомнительной. Съ этой точки зрѣнія было бы желательно, чтобы всѣ непредвидѣнныя потери, могущія пасть на индивидуумовъ, безъ всякой ошибки съ ихъ стороны, были покрываемы на счетъ общества. Чѣмъ больше участвующихъ во взносѣ съ подобной цѣлью, тѣмъ потеря меньше чувствительна для каждаго изъ нихъ.

Надобно замѣтить съ другой стороны, что общественный фондъ больше подвергается обману и расточенію, чѣмъ частный фондъ. Потери, падающія

Неудобство обмановъ обще всѣмъ кассамъ, публичнымъ и частнымъ. Они могутъ уменьшить пользу страхованія, не уничтожая ея. Воздѣлываютъ же люди плодовыя деревья, хотя сборъ можетъ пропадать отъ тысячи несчастныхъ случаевъ. Ссудныя кассы имѣли успѣхъ во многихъ странахъ. Учрежденіе этого рода, основанное въ Лондонѣ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, пало въ самомъ началѣ вслѣдствіе обмана директоровъ, и это воровство оставило послѣ себя предубѣжденіе, мѣшавшее всякимъ попыткамъ этого рода. Съ такой же логикой, надо было бы заключать, что корабли—плохая военная сила, потому что Royal-Georges вслѣдствіе небрежности потонулъ въ самомъ портѣ [1]).

Застрахованіе противъ преступленій могло бы имѣть двѣ цѣли: 1) составить фондъ для вознагражденія потерпѣвшихъ ущербъ въ томъ случаѣ, когда преступникъ неизвѣстенъ или несостоятеленъ; 2) покрывать, въ первой инстанціи, издержки судебнаго преслѣдованія, а для бѣдныхъ это можно было бы распространить и на дѣла чисто гражданскія.

Но способъ этихъ вознагражденій не входитъ въ нашъ настоящій предметъ: принципы его я опредѣлилъ въ другомъ мѣстѣ и здѣсь ограничусь только результатомъ, который мною выведенъ, именно: что **при хорошихъ законахъ можно почти всѣ преступленія свести къ актамъ, которые могутъ б[illegible]награждаемы простымъ денежнымъ удовлетвореніе[illegible]что въ такомъ случаѣ: зло преступленій прекращается почти вполнѣ.**

Этотъ результатъ, выставленный просто, сначала не поражаетъ воображенія: его надобно обдумать, чтобы почувствовать его важность и его серьезность. Этой почти ариѳметической формулой нельзя заинтересовать блестящее свѣтское общество: она представляется для вашего размышленія, государственные люди, и вамъ принадлежитъ обсудить ее!

Наука, основаній которой мы искали здѣсь, можетъ нравиться только душамъ возвышеннымъ, для которыхъ общественное благо есть страсть. Это — не та разрушительная и недоброжелательная политика, которая гордится тайными замыслами, которая создаетъ себѣ славу, всю состоящую изъ бѣдствій, которая видитъ процвѣтаніе націи въ униженіи другой націи и которая принимаетъ конвульсіи правительства за геніи-

---

прямо на индивидуумовъ, даютъ всю возможную силу мотивамъ осторожности и экономіи. Б.

[1]) Въ настоящее время успѣхъ ссудныхъ кассъ, страховыхъ обществъ, сберегательныхъ кассъ и разнаго рода ассоціацій, и имѣющихъ подобныя цѣли, даетъ еще болѣе цѣны и глубокаго смысла указаніямъ нашего автора. (Пр. перев.)

альныя мысли. Здѣсь рѣчь идетъ о величайшихъ интересахъ чеолвѣчества, объ искусствѣ образовать нравы и характеръ народовъ, возводить до высочайшей степени безопасность отдѣльныхъ лицъ и извлекать равно выгодные результаты изъ всѣхъ разнообразныхъ формъ правительства. Вотъ цѣль этой политической науки, цѣль открытая и благородная, которая ищетъ только свѣта, которая не хочетъ ничего исключительнаго и которая не знаетъ болѣе вѣрнаго средства сдѣлать свои благодѣянія непрестающими, какъ дать въ нихъ участіе всей великой семьѣ народовъ!

Конецъ перваго тома.

